John R.R. Tolkien

The Lord of the Rings

Джон Р.Р. Толкин

Властелин Колец

в переводе
В.А.М.

Властелин Колец
Джон Роналд Руэл Толкин

Аннотация
Джон Р. Р. Толкин. Властелин Колец
Пролог
1. О хоббитах
2. О трубочном зелье
3. Об устройстве Хоббитшира
4. О том, как было найдено Кольцо
5. Примечание о «Хоббитских Хрониках»
Содружество кольца
Летопись первая
Глава первая. Долгожданный праздник
Глава вторая. Тень прошлого
Глава третья. Четвертый лишний
Глава четвертая. Напрямик по грибы
Глава пятая. Раскрытый заговор
Глава шестая. Старый лес
Глава седьмая. В доме Тома Бомбадила
Глава восьмая. Мгла над могильниками
Глава девятая. Под вывеской «Гарцующего пони»
Глава десятая. Долгоброд
Глава одиннадцатая. Кинжал во мраке

Глава двенадцатая. В спешке к броду
Летопись вторая
Глава первая. Встреча за встречей
Глава вторая. Совет у Элронда
Глава третья. Кольцо отправляется на юг
Глава четвертая. Сквозь пещерный мрак
Глава пятая. Мост в Казад-Думе
Глава шестая. Лотлориэн
Глава седьмая. Зеркало Галадриэли
Глава восьмая. Прощание с Лориэном
Глава девятая. Великая река
Глава десятая. Отряд распадается
Две твердыни
Летопись третья
Глава первая. Прощание с Боромиром
Глава вторая. Всадники Рохана
Глава третья. Урук-хай
Глава четвертая. Древесник
Глава пятая. Белый всадник
Глава шестая. Хозяин Золотого Двора
Глава седьмая. В Хельмской теснине
Глава восьмая. Путь в Исенгард
Глава девятая. Что можно выловить после крушения
Глава десятая. Голос Сарумана
Глава одиннадцатая. Палантир

Летопись четвертая
Глава первая. Укрощение Смеагола
Глава вторая. По болотам
Глава третья. Через ворота в Мордор не пройти
Глава четвертая. О травах и тушеной кролчатине
Глава пятая. Окно на запад
Глава шестая. Запретное озеро
Глава седьмая. Перепутье
Глава восьмая. Ступени Кирит Унгол
Глава девятая. Логово Шелобы
Глава десятая. Трудный выбор Сэма Гэмджи Возвращение короля
Летопись пятая
Глава первая. Минас Тирит
Глава вторая. Серая дружина
Глава третья. Смотр войск Рубежного Края
Глава четвертая. Осада Гондора
Глава пятая. Поход рохирримов
Глава шестая. Битва на полях Пеленнора
Глава седьмая. Костер Дэнетора
Глава восьмая. Дома Целения
Глава девятая. Последний совет
Глава десятая. Черные Врата открываются
Летопись шестая

Глава первая. Башня над перевалом Кирит Унгол
Глава вторая. Страна тьмы
Глава третья. Роковая гора
Глава четвертая. Встреча на Кормалленском поле
Глава пятая. Наместник и король
Глава шестая. Расставания и прощания
Глава седьмая. Домой
Глава восьмая. Беспорядки в Хоббитшире
Глава девятая. Серая Гавань
Приложения
Приложение А
I. Хроники королей и властителей
1. Короли-нуменорцы
2. Короли-изгнанники
3. Эриадор, Арнор и наследники Исилдура
4. Гондор и преемники Анариона
5. Отрывок из истории Арагорна и Арвен
II. Род Эорла
III. Племя Дарина
Приложение Б
Годы и события (Хроника западных государств)
События конца Третьей эпохи
Дальнейшие события, касающиеся только

входивших в Отряд Кольца (годы — по календарю Хоббитшира)
Приложение В
Хоббитские родословные
Приложение Г
Календари Хоббитшира, Гондора и Бри
Приложение Д
Алфавиты и письмо
1. Произношение имен и названий
Приложение Е
Языки и народы Третьей эпохи
Словарь
От переводчика:
1. Собственные имена, названия племен и разных живущих
2. Географические названия, постройки
3. Разные слова на разных языках

Аннотация

Джон Рональд Руэл Толкин (3.01.1892 — 2.09.1973) — писатель, поэт, филолог, профессор Оксфордского университета, родоначальник современной фэнтези. В 1937 году был написан «Хоббит», а в середине 1950-х годов увидели свет три книги «Властелина колец», повествующие о Средиземье — мире, населенном представителями волшебных рас со сложной культурой, историей и мифологией.

Существует свыше десятка переводов трилогии на русский язык. В данное издание вошел перевод В. А. Маториной.

Джон Р. Р. Толкин
Властелин Колец

J. R. R. Tolkien
THE LORD OF THE RINGS

The Fellowship of the Ring © The Trustees of The J. R. R. Tolkien, 1967 Settlement, 1954, 1966

The Two Towers © The Trustees of The J. R. R. Tolkien 1967 Settlement, 1954, 1966

The Return of The King © The Trustees of The J. R. R. Tolkien 1967 Settlement, 1955, 1966

© Перевод. В. А. Маторина, наследники, 2017

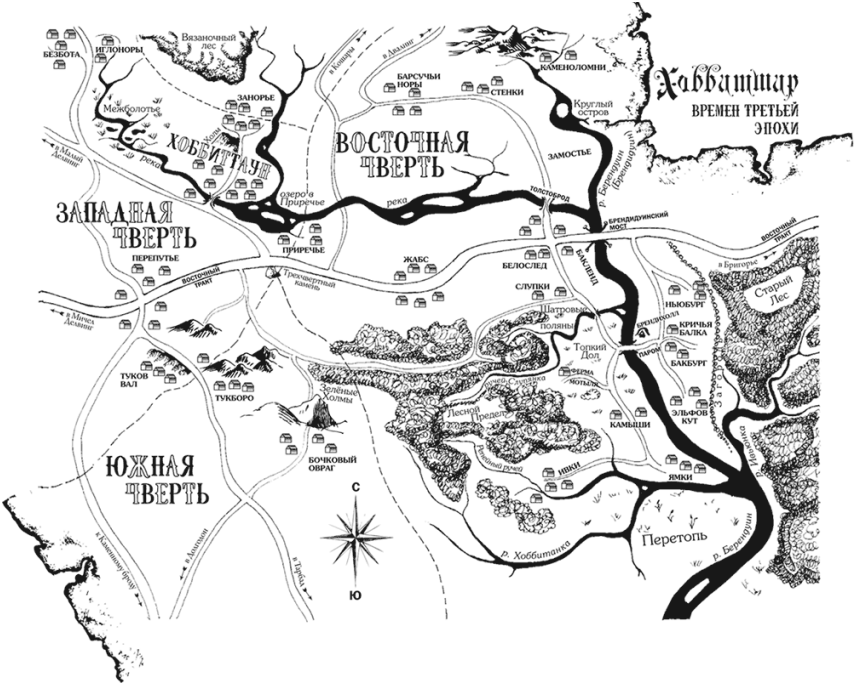
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

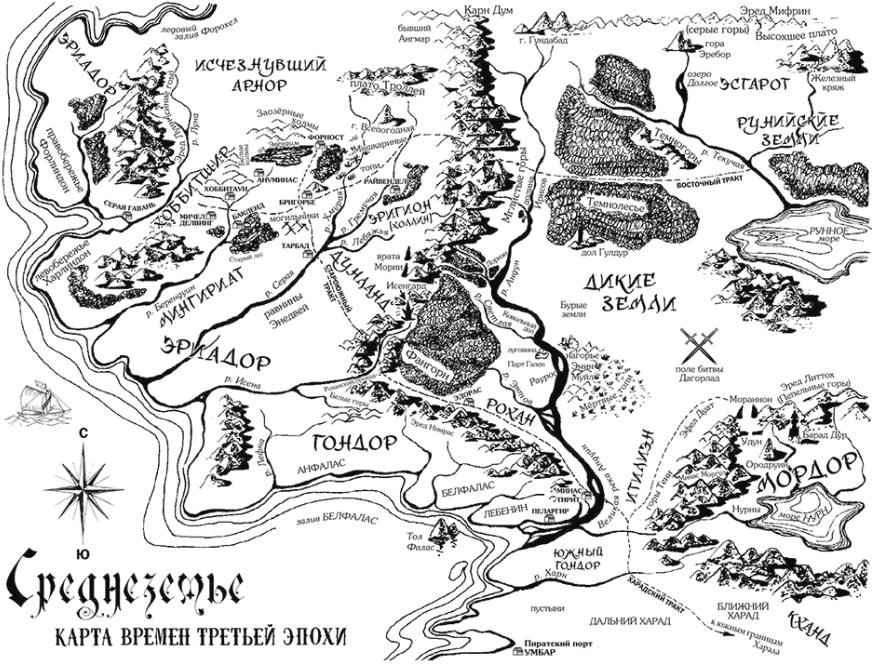
* * *

Три кольца — владыкам эльфов
Под высоким небом;
Семь — для гномьих королей
В каменных дворцах;
Девять — смертным
Обреченным
Мало жить и кануть в небыль;
И одно — для Властелина,
Чей престол — черный прах
В Мордоре, где залегает мрак.

Единое, чтоб всеми править,
Единое, чтоб все сыскать,
Единое, чтоб их собрать и в цепь сковать
В Мордоре, где залегает мрак.

* * *


Хоббитон
Хоббитания
ВРЕМЕН ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ
ВОСТОЧНАЯ ТВЕРТЬ
ЗАПАДНАЯ ТВЕРТЬ
ЮЖНАЯ ТВЕРТЬ
БЕЗБОТА
ИГЛОНОРЫ
Вязаничный лес
ЗАНОРЬЕ
Межболотье
ХОББИТАУН
Малый Приток
Река
Приток
БАРСУЧЬИ НОРЫ
в Дингли
в Кингстер
КАМЕНОЛОМНИ
СТЕНКИ
Круглый остров
ЗАМОСТЬЕ
р. Бренди-вина
Бренди-винный
озеро в Приречье
река
ПРИРЕЧЬЕ
ПЕРЕПУТЬЕ
Трехчастный камень
Восточный тракт
ЖАБС
БЕЛОСЛЕД
Толстоброд
БРЕНДИДУИНСКИЙ МОСТ
СЛУПКИ
Шатровые поляны
Торкий Дол
Ольховый Холм
Ольховый тракт
в Бригморе
Старый Лес
НЬЮБУРГ
КРИЧЬЯ БАЛКА
БАКБУРГ
ЭЛЬФОВ КУТ
КАМЫШИ
ЯМКИ
НИКИ
Перетопь
р. Хоббитонка
р. Бренди-вина
Тукова Долина
Зеленые Холмы
Лесной Предел
Черный ручей
ТУКОВ ВАЛ
ТУКБОРО
ЗЕЛЁНЫЕ ХОЛМЫ
БОЧКОВЫЙ ОВРАГ
в Хоббитоне
в Тарбаре
в Хоббитонском брасте
С
Ю


Карн Дум
бывший Ангмар
г. Гундабад
Эред Мифрин
(серые горы)
Высокое плато
гора Эребор
озеро Долгое
ЭСГАРОТ
Железный вряж
РУНИЙСКИЕ ЗЕМЛИ
Темнолесье
р. Текучая
ВОСТОЧНЫЙ ТРАКТ
Темнолесье
дол Гулдур
РУННОЕ МОРЕ
ДИКИЕ ЗЕМЛИ
Бурые земли
ледовый залив Форохел
ЭРИАДОР
ИСЧЕЗНУВШИЙ АРНОР
Заозёрные холмы
г. Вестфолд
ФОРНОСТ
Мглистые горы
ХОББИТЩИР
ХОББИТАУН
ЛИМЛИНАС
БРИГРИ
ЭРГЛИОН (ХОЛМИН)
ГАРВЕНЕЛЬ
ЛЕВЕНИН
ПЕЛАРГИР
ЭРИАДОР
ЭРЕГИОН
ЭРИНДЖАЛАД
ЭРЕБОР
ЭРЕГИОН
ЭРЕБОР
ЭРЕГИОН
ЭРЕБОР
ЭРЕГИОН

Пролог

1. О хоббитах

Немало страниц этой книги отведено *хоббитам.* Здесь и о них самих изрядно сведений, и немного об их истории.

Кое-что уже рассказывалось в избранных главах «Красной Книги Западного Приграничья», изданных ранее под названием «ХОББИТ». Начал «Красную Книгу» сам Бильбо, первый хоббит, прославившийся за пределами Хоббитшира (в широком мире). Свои записки он назвал «Туда и обратно», ибо там шла речь о его путешествии на восток и возвращении домой. После того самого Путешествия все хоббиты вдруг оказались участниками великих событий Третьей эпохи, о которых говорится здесь.

Может быть, многим захочется с самого начала побольше узнать об удивительном народце; возможно, не у всех есть предыдущая книжка. Для таких читателей нами собраны выписки из «Хоббитских Хроник» о самых важных событиях и вкратце пересказано давнее приключение хоббита Бильбо.

* * *

Хоббиты — народ безобидный и очень древний. Некогда их было много, теперь осталось гораздо меньше, но живут они по-прежнему тихо и незаметно, любят покой и хорошо ухоженную землю и всего охотнее селятся там, где можно трудиться на ней без помех. Они никогда не любили и не понимали машин сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы и прялки, хотя среди них попадались умелые ремесленники, и мелкими орудиями они пользовались ловко.

Людей они называют *огроминами* и встречаться с нами, как правило, избегают. Они и в древности нас сторонились, а сейчас совсем пугливо прячутся, и обнаружить их не так-то просто. У них прекрасный слух, зрение острое, и несмотря на склонность к полноте и нелюбовь к спешке, они умеют быть весьма проворными, если надо.

Искусством быстро и бесшумно исчезать при появлении неуклюжих огромин они владеют с древнейших времен и так наловчились, что нам это кажется колдовством. Но хоббиты никогда колдовству не обучались, они просто сроднились с землей, а способность ускользать у них наследственное свойство, доведенное упражнением

до совершенства, недоступного их большим и неловким соседям.

Хоббиты ведь маленькие, меньше гномов: встречаются почти такие же, но не такие плотные, и в плечах поуже. Ростом они неодинаковы: от двух до четырех футов по нашим меркам. Сейчас редко кто вырастает до трех футов, выродились; а раньше были выше. В Красной Книге рассказывается, что Бандобрас Тук (он же Бычеглас), сын Исенгрима Второго, был ростом четыре с половиной фута и мог сесть верхом на коня. «Хоббитские Хроники» говорят, что за всю историю только два богатыря переросли Бычегласа. Кстати, об этом интересном факте вы прочитаете в нашей книжке.

Что касается хоббитов из Хоббитшира, про которых наш рассказ, то в дни покоя и довольства это был веселый народец. Одевались они в яркие и светлые цвета, особенно любили желтое и зеленое; обувь почти не носили, потому что кожа у них на ступнях была толстая, а ноги обрастали густой волнистой шерсткой, чаще каштановой, и волосы на голове были такие же. Сапожное ремесло у них, понятно, не процветало, но длинными и ловкими пальцами хоббиты умели делать множество полезных и красивых вещей. Красав-

цами их, пожалуй, не назовешь: широколицые, ясноглазые, краснощекие, с большими ртами, которые отлично годились для того, чтобы добродушно улыбаться, громко хохотать, есть и пить. Они и смеялись, и ели, и пили с удовольствием в любое время (по шесть раз на день, если еды хватало), любили простую добрую шутку, очень любили принимать гостей, а дарить подарки обожали не меньше, чем получать!

Понятно, что несмотря на теперешнюю оторванность от людей, хоббиты нам сродни, гораздо ближе, чем эльфы и даже гномы. Некогда они говорили на языке людей, правда, переиначив его на свой лад; любили и ненавидели то же, что и мы. Но откуда взялись наши родственные связи, теперь не установишь. Хоббиты появились на свет в Давние дни, уже позабытые. Одни эльфы сохранили записи о том исчезнувшем времени, но их предания говорят только об их собственной истории, про людей там почти нет сведений, а о хоббитах и вовсе не упоминается. Хоббиты просто жили себе тихо в Средиземье долгие века, так что никто не знал об их существовании. В мире хватало странных созданий, среди которых маленькие полуростки не имели особого значения, и никто их не замечал. Но во времена Бильбо и

его наследника Фродо они вдруг, сами того не желая, стали известны и значительны и привели в волнение советы Мудрых и Великих мира.

* * *

Те дни Третьей эпохи Среднеземья прошли давным-давно, и земля с тех пор изменилась; но хоббиты, по-видимому, по сей день живут в тех же местах, где они жили тогда: на северо-западе Старого Мира, к востоку от Моря. О своей исконной родине хоббиты уже во времена Бильбо никаких сведений не сохранили.

Особой любовью к знаниям (если не считать уважение к генеалогии) они никогда не отличались. Некоторые хоббиты из старых семей изучали рукописи о своем происхождении и иногда собирали у эльфов, гномов и людей сведения о давних годах и дальних странах. Собственные их летописи начинаются с заселения Хоббитшира. О том, что происходило до Дней Странствий, редко упоминается даже в древнейших преданиях. Однако из этих преданий и отдельных сохранившихся в народе слов и обычаев становится понятно, что хоббиты, подобно многим другим народам, в далеком прошлом пришли с востока.

Древнейшие сказания позволяют предполо-

жить, что в одну из давних эпох предки хоббитов жили в верховьях Великой реки Андуин между Великим Зеленолесьем и Мглистыми горами. О причинах трудного и опасного перехода через горы в Эриадор ничего точно не известно. Хоббитские источники говорят, что тогда там стали множиться люди, сообщают и о какой-то зловещей Тени, упавшей на Лес, после чего он стал называться Темнолесьем.

Еще до перехода через горы полуростки делились на три племени, слегка отличавшиеся друг от друга: это были *мохноноги, сторы* и *светлинги*.

Смуглые мохноноги были невысоки ростом и узки в плечах, не носили ни бород, ни сапог; ладони и ступни у них были небольшие и хорошей формы, пальцы гибкие; жили они большей частью в горах и на склонах холмов.

Сторы были широкоплечие, плотные, большеногие и большерукие, а жилища себе строили на равнинах и по берегам рек.

Светлинги и кожей были светлее других, и ростом выше, и любили деревья и лес.

Мохноноги жили в дружбе с гномами у подножия гор, а затем раньше всех продвинулись на запад и расселились по всему Эриадору до самой

горы Ветров, пока остальные продолжали обитать в Диких Землях. Самые типичные хоббиты, а также самые многочисленные происходят от мохноногов. Они первыми перешли к оседлой жизни, и до сих пор их потомки не любят переезжать с места на место и сохраняют старые привычки, например, рытье глубоких нор и подземных туннелей.

Сторы долго держались на берегах Великой реки Андуин и меньше всех прятались от людей. Они перебрались на запад позже мохноногов и, найдя лучшие земли уже занятыми, спустились по реке Гремучей к югу. Там большинство из них осело надолго, заняв долины между Тарбадом и Дунландом. Потом они все же передвинулись к северу, к реке Берендуин, получившей у хоббитов название Брендидуин.

Малочисленные светлинги с самого начала жили севернее остальных. В отличие от других хоббитов, они дружили с эльфами, проявляли незаурядные способности к музыке и к языкам, но меньше занимались ремеслами, а земледелию предпочитали охоту. Они перешли горы севернее Райвендела и обосновались на берегах реки Хмурой. В Эриадоре они быстро смешались с хоббитами из других родов, а будучи храбрее и

предприимчивее своих сородичей, часто становились вожаками мохноногов и сторов. Даже во времена Бильбо можно было заметить влияние крови светлингов в самых знаменитых семьях, например, у Туков и старых Брендибаков.

В западной части Эриадора на пути от Мглистых гор к Синему хребту хоббитам встретились и эльфы, и люди. В ту пору еще жили здесь последние *дунаданы* (так эльфы называли единственное племя людей, владевшее эльфийским наречием. Отличные мореходы и могучие властители Нуменора, откуда приплыли, они были ростом выше обыкновенных людей и жили в три раза дольше). Но высокородных потомков мореходов с Заокраинного Запада становилось все меньше, их Северное королевство постепенно обращалось в руины и пустоши. Места хватало, пришельцев-хоббитов не обижали, и они скоро обжились на новых землях (большинство тех первых поселений уже во времена Бильбо сравнялось с землей, только одно уцелело — Бри или Бригорье, примерно в сорока милях от границ Хоббитшира, за Старым лесом. Раньше оно было больше и занимало Прилесье тоже).

Вероятно, в те же далекие времена хоббиты освоили буквенное письмо, переняв его у дуна-

данов, которые когда-то давным давно переняли письменность у эльфов. Научившись писать, хоббиты постепенно забыли свои прежние наречия и стали говорить на всеобщем языке, или *вестроне*, распространившемся всюду от Арнора до Гондора и на всем побережье великого Моря от залива Белфалас до реки Луна. Впрочем, отдельные древние слова хоббиты все же сохранили: названия месяцев, дней недели и, разумеется, имена собственные.

Примерно в ту же эпоху был введен счет времени. Легенды переходили в историю. История Хоббитшира началась с того, что в 1601 году Третьей эпохи два светлинга, братья Марчо и Бланко, вышли из Бри.

Получив разрешение Верховного короля в Форносте (им был тогда, если верить «Гондорским Хроникам», Аргелеб II, двадцатый король из Северной династии, которая закончилась на короле Арведе через 300 лет.), они с многочисленным отрядом хоббитов перешли бурную реку Берендуин по мосту Каменных Арок, построенному во времена расцвета Северного королевства, и заняли обширный район между рекой и Дальними Холмами. Обосновавшись там, они должны были содержать в порядке Большой Мост и другие

мосты и дороги, оказывать помощь королевским гонцам и признавать свою подчиненность Властителю.

Год перехода через Брендидуин (так хоббиты переназвали реку) стал Первым годом Хоббитширского календаря, и все дальнейшие даты стали считать от него (это означает, что для определения даты по счету времени эльфов или дунаданов надо добавлять 1600 лет к дате, приведенной в хоббитширских хрониках). Осев в западных землях, хоббиты сразу полюбили свою новую родину и уже никуда не двигались, опять оказавшись как бы вне истории людей и эльфов.

Пока существовало Северное королевство, хоббиты считались подданными короля, но только номинально, потому что правили ими собственные выбранные правители, а в события, происходившие за пределами их земель, хоббиты не вмешивались.

Во время последней битвы под Форностом против Чернокнижника, хозяина Ангмара, хоббиты будто бы послали на помощь Северному королю горстку лучников; так, во всяком случае, они сами рассказывают, — в хрониках людей об этом нет ни слова. В той войне Северное королевство пало. Земли, на которых жили хоббиты, остались

им в полное владение, и они выбрали из своих достойнейших граждан Тана, который поддерживал порядок в отсутствие короля.

Затем по меньшей мере тысячу лет хоббиты жили в неомраченном покое и мире. После Черного мора (в 37 году по Хоббитширскому календарю) наступил период достатка и довольства, население Хоббитшира увеличилось. Потом пришла трудная Долгая зима, и за ней — голод. Край почти вымер, погибло много тысяч, но в хрониках сохранилось только страшное название: Голодные годы, и даты: 1158–1160. Ко времени описываемых событий все ушло в далекое прошлое, и хоббиты успели снова привыкнуть к благополучию. Земля была жирной, климат опять стал ласковым, они взялись за дело с удвоенным старанием, привели в порядок поля и восстановили фермы (У Северных королей некогда тоже были здесь фермы, поля, виноградники и пасеки).

На сорок гонов простирались хоббитские земли от Западного Приграничья до Брендидуинского Моста, а от южных болот — на все пятьдесят. Они назвали эту территорию Хоббитширом и в своем уютном закоулке жили по своему, подчиняясь Тану, всячески поддерживая порядок и не обращая внимания на безобразия за рубежами, где

появлялись темные твари. Хоббиты совершенно искренне считали, что мир и благоденствие — закон Среднеземья, и что всякое разумное существо имеет на него право. Они забыли или намеренно не вспоминали то немногое, что им было известно о стражах-скитальцах и трудах тех, кто обеспечивал длительный мир Хоббитширу. На самом деле хоббитов оберегали, но они давно не думали об этом.

Хоббиты — народец миролюбивый, их кланы никогда не враждовали между собой. В древности им, конечно, приходилось бороться за то, чтобы выжить, и иногда они дрались с соседями. Но уже при Бильбо войны стали для хоббитов древней историей. Последнее и единственное сражение, произошедшее на территории Хоббитшира, известно только из исторических хроник. Речь идет о битве на Зеленых полях в 1147 году по хоббитширокому календарю, когда Бычеглас Тук разбил и отогнал орков. С тех пор даже климат потеплел, и про волков, которые в снежные зимы приходили с севера, только сказки рассказывали.

В Хоббитшире от давних времен оставалось, правда, немного оружия, но им украшали стены над каминами или отдавали его в музей в главном городе Мичел Делвинг. Музей так и называли

Дом Сдачи, потому что туда сдавали все, что в данный момент не было нужно, но жалко выбрасывать. Кроме этого, в хоббичьих домах были свои кучи всякой «сдачи», в том числе подарков на день рождения, частенько переходивших из рук в руки.

Удивительно, что несмотря на покой и сытость, полуростики оставались сильными и выносливыми. Не то что убить, а и запугать хоббита было трудно. Может быть, они так сильно любили земные блага именно потому, что были времена, когда приходилось обходиться без них; во всяком случае то, как хоббиты переносили войны, горести и непогоду, неизменно поражало тех, кто судил о них по внешнему виду, круглым щекам и животикам. Разозлить их было непросто, охоту ради убийства живых существ они не признавали, но при необходимости становились хорошими бойцами и неплохо владели оружием. Они отлично стреляли из луков. Звери и птицы, забиравшиеся к ним в огороды поживиться, знали, что надо поскорее удирать, если хоббит нагибается за камнем.

Первоначально все хоббиты жили в норах, во всяком случае, они сами в этом уверены и до сих пор лучше всего себя чувствуют в вырытых жили-

щах; но со временем дома у них изменились, ибо пришлось приспосабливаться к обстоятельствам. Старых обычаев во времена Бильбо придерживались только самые богатые и самые бедные хоббиты. Бедняки продолжали жить в примитивнейших норах, сущих ямах с одним окном или вовсе без окон, а зажиточные хоббиты выкапывали себе обширные жилища с разветвленной сетью переходов и множеством подземных помещений. Для строительства *смайелов* (так их называли) не везде можно было найти подходящее место, и на равнинах пришлось возводить наземные постройки.

Хоббитов становилось все больше. Постепенно даже в холмистых областях и старых городах, как, например, в Хоббиттауне, Тукборо, и в столице Хоббитшира Мичел Делвинге на Белых Холмах появилось много деревянных, кирпичных и каменных строений. Они оказались особенно удобными для мельников, кузнецов, канатчиков, каретников и прочих ремесленников; тем более, что и живя в норах, хоббиты порой строили мастерские отдельно. А на болотах и в низинах у Берендуина давно были хлева и сараи отдельно от нор; опыт этого строительства пригодился и для жилых домов.

Хоббиты, населявшие Восточную чверть, были плотного сложения, с толстыми ляжками, а в дождливую погоду носили сапоги, как гномы. В их жилах явно текла кровь сторов, об этом свидетельствовал пушок на подбородке: у мохноногов и светлингов бород не было.

Большинство хоббитов, живших на восточных болотах и в Бакленде, прибыло в Хоббитшир с далекого юга позже остальных. У них попадались особенные имена, в их речи были отдельные слова, незнакомые другим хоббитам. И они раньше начали строить дома.

Может быть, искусство строительства, как и многие другие ремесла, было перенято у дунаданов. А может быть, хоббитов научили эльфы, первые Учителя Человечества на утре мира. Ведь эльфы Высокого рода долго жили в Среднеземье в Серой Гавани и в других местах по соседству с Хоббитширом. За болотами на западе до сих пор сохранились три эльфийские башни, выстроенные в незапамятные времена; при луне их очертания словно светились. Самая высокая башня стояла отдельно на зеленом холме. Хоббиты из Западной чверти утверждали, что с нее видно Море, но никто не слыхал, чтобы хоть один хоббит на нее влез. Правда, несколько хоббитов видели

Море и даже плавали по нему, но таких, которые бы вернулись и об этом рассказали, было совсем уж раз-два и обчелся. Вообще, хоббиты с опаской относились к воде, к рекам и лодкам, мало кто умел плавать. И чем дальше, тем реже хоббиты выходили в свет. Они уже, можно сказать, не встречались и не разговаривали с эльфами, даже начинали их бояться и подозрительно смотрели на тех, кто продолжал с ними водиться: слово «море» чаще применялось в качестве пугала и было символом смерти; хоббиты стали отводить взгляд и от гор на западе…

Кто бы ни научил их строить, эльфы или люди, полуростики все делали на свой лад, дома себе строили низкие, длинные и удобные, башен не возводили никогда.

Самые старые жилые постройки были у них спланированы как норы, только не под землей, а на земле. Крылись они соломой или дерном, а стены были выпуклыми — в общем, получался наземный смайел. Впрочем, и от таких домов хоббиты давно отказались; сейчас они строят, как гномы, только округлые формы по-прежнему любят — характерной чертой хоббитской архитектуры остались круглые окна и двери.

Дома и норы в Хоббитшире обычно вместитель-

ны, и почти всегда в них собирается множество родственников (холостяки Бильбо и Фродо Торбинсы составляли исключение, как, впрочем, и во многом другом: они, например, позволяли себе дружить с эльфами). Иногда (как было у Туков в Больших Смайелах или у Брендибаков в Брендихолле) вместе жили и почти не ссорились несколько родственных семей, для родичей рыли боковые туннели или строили дополнительные помещения.

У всех хоббитов развито чувство родственной привязанности, и они прекрасно разбираются в своих сложных родословных. В каждой семье можно найти тщательно вырисованное генеалогическое дерево с запутанными ветвями. Общаясь с хоббитами, всегда не вредно помнить, кто из них кому родственник и в каком колене. В этой книге невозможно привести генеалогию, которая бы охватила все самые знаменитые семьи из описываемой нами эпохи. Несколько родословных в конце «Красной Книги» Западного Приграничья сами составляют целую книгу, но ее только хоббитам интересно читать. Все хоббиты ужасно любят точные сведения, и вообще любят находить в книжках то, что им давно известно и при этом изложено кратко, понятно и без про-

тиворечий.

2. О трубочном зелье

Если уж зашла речь о старом Хоббитшире, стоит вспомнить о странном обычае хоббитов вдыхать через глиняные или деревянные трубки дым от тлеющих листьев растения, которое так и называлось трубочным зельем или просто *зельем*, вероятно, разновидность *никотианы*.

В глубокой тайне скрыто происхождение этого обычая, или, как любили его называть хоббиты, искусства. Все, что в те времена удалось выяснить, тщательно собрал Мерриадок Брендибак (последний хозяин Брендихолла), а так как и он, и табак из Южной чверти играют определенную роль в нашем рассказе, стоит обратить внимание хотя бы на Введение в его трактат «Хоббитширское зелье».

«Мы можем с полной уверенностью утверждать, — пишет Мерриадок Брендибак, — что это искусство — наше изобретение. Когда хоббиты впервые зажгли трубки — неизвестно, потому что уже в древних легендах и семейных хрониках этот обычай упоминается; значит, он сложился в давно минувшие времена. С незапамятных времен жители Хоббитшира курили различные

травы, одни были горше, другие — слаще. Однако все сходятся на том, что первое настоящее трубочное зелье вырастил у себя в саду Тобольд Дудлинг из Долгодона в Южной чверти. Это произошло при Исенгриме Втором, около 1070 года по хоббитскому летоисчислению. До сих пор самый лучший отечественный табак поступает из тех мест, и больше всего славятся сорта „Долгодонский лист“, „Старый Тоби“ и „Звезда юга“.

Как впервые старый Тоби добыл это растение, никто не знает, потому что он умер, никого не посвятив в свою тайну. Травы он знал и изучал, но никогда не путешествовал. В молодости правда, частенько наведывался в Бри, но точно известно, что нигде больше не был. Вполне возможно, что именно в Бригорье он впервые услышал об этом зелье; говорят, что и в наше время оно хорошо растет там на южном склоне горы, и тамошние хоббиты уверяют, что это они первыми по-настоящему закурили трубки.

Правда и то, что хоббиты из Бригорья считают себя во всем первыми, принижая заслуги хоббитов из Хоббитшира, которых называют „колонистами“, но в данном случае они, похоже, правы. Не приходится отрицать, что именно у бригорян искусство курения настоящего трубоч-

ного зелья в последнем столетии переняли гномы и такие обитатели края, стражи-скитальцы и маги. Можно даже считать колыбелью и центром искусства курения старый бригорский трактир „Гарцующий пони“, которым издавна владело почтенное семейство Медоваров.

Однако сделанные мною во время путешествия в южных краях наблюдения убедили меня, что настоящая родина настоящего трубочного зелья — не наш Хоббитшир, а что привезено оно из долин в низовьях Андуина, куда его, вероятно, тоже завезли приплывшие из-за Моря люди с Заокраинного Запада. Оно хорошо прижилось в Гондоре, где обильно растет и сейчас, и там оно пышнее и выше, чем у нас на севере. У нас ведь дикого зелья не встретишь; в основном его выращивают в тихих уголках вроде Долгодона. В Гондоре это растение называют душистым пасленом и ценят только за цветы с приятным ароматом. Наверное, оттуда его завезли к нам по Зеленому тракту во времена, наступившие после Элендила.

И даже дунаданы из Гондора признают, что в качестве трубочного табака это растение все-таки первыми применили хоббиты. Эта идея даже никому из магов в голову не пришла. Правда, один маг, с которым я был лично знаком, давно

научился этому искусству и дошел в нем до великого совершенства, как, впрочем, и во всем, за что брался».

3. Об устройстве Хоббитшира

Хоббитшир делился на четыре чверти (выше это слово уже встречалось): Северную, Южную, Восточную и Западную; а в каждой чверти было по нескольку Земель, названия которых еще хранили фамильные имена старинных кланов, хотя эти кланы могли уже не жить на своих исконных землях. Почти все Туки, например, продолжали селиться возле Тукборо, а вот Торбинсы и Боффины давно оторвались от земли предков. Кроме четырех Чвертей было еще два больших края — Бакленд с центром в Бакбурге на востоке и Западное или Новое Приграничье, которое было официально присоединено к Хоббитширу в 1462 году по хоббитширскому календарю.

В те времена, о которых идет речь, в Хоббитшире, собственно, не было правительства в обычном смысле этого слова. Чаще всего семьи-кланы сами управлялись со своими делами. Почти все время хоббиты тратили на выращивание мяса и овощей-фруктов — и на съедание того, что вырастили.

Хоббиты-обыватели были, в общем, не жадными и даже щедрыми, но вместе с тем и бережли-

выми. Они привыкли удовлетворяться тем, что имели, а имели они большие и малые земельные участки, мастерские и невеликие торговые лавки, переходившие без особых изменений из поколения в поколение.

У хоббитов еще жила легенда о могущественном короле Форноста, или Северной Крепости.

От Крепости остались одни поросшие травой развалины, короля уже тысячу лет не было, но хоббиты всегда с ужасом говорили о диких и злых созданиях (например, троллях), что те, дескать, «не знают настоящих королей». Своим же давно умершим королям хоббиты приписывали «соблюдение законности», которая, впрочем, давным-давно соблюдалась по их собственной воле, ибо законы, а лучше сказать, правила, у них были справедливыми и помогали сохранять порядок без нововведений. Они так и назывались: Правила Порядка. Долгие годы в большей части Хоббитшира главенствовал род Туков. Несколько сот лет тому назад к одному из Туков перешел титул Тана (от Старобэков), и с тех пор старший в роде неизменно наследовал этот титул.

Тан был главой Великого Всехоббитского Сбора, председательствовал на судах и собраниях, проводил наборы и руководил военными сила-

ми. Суды и собрания собирались очень редко, в исключительных случаях, а военные силы применения вообще не находили, так что прошло много лет, а титул Тана оставался только почетным титулом и ничем больше.

Семья Туков наслаждалась почетом и уважением, ибо была многочисленна и богата, и все было бы замечательно, если бы в каждом ее поколении не появлялись сильные характеры, склонные к чудачествам, авантюрам и приключениям. Последние качества снисходительно прощались богачам, поэтому Туков не только терпели, но и по обычаю главу рода по-прежнему называли Старым Туком и при необходимости добавляли к его имени порядковый номер, например, Исенгрим Второй.

Но в Хоббитшире был и почти настоящий правитель — бургомистр города Мичел Делвинга. Его выбирали раз в семь лет на Свободной Ярмарке, проводившейся в Белых Холмах ежегодно в День Середины лета, который назывался лит.

Обязанности бургомистра заключались, в основном, в сидении во главе стола на банкетах по поводу бесчисленных хоббитских праздников. Заодно бургомистр считался Главным почтмейстером и Первым ширрифом, то есть должен был

руководить почтальонами и полицейскими. Это были единственные более или менее упорядоченные общественные организации в Хоббитшире, причем почтальонов было гораздо больше, чем полицейских, и дел у них было больше. Служба *посыльных*, как чаще именовали почтальонов, ценилась еще и потому, что не все хоббиты умели писать, но те, кто этим искусством овладел, неутомимо писали множеству своих друзей и отдельным родственникам, жившим на расстоянии, которое невозможно преодолеть за время послеобеденной прогулки.

Полицейских хоббиты называли *ширрифами*. Это, собственно, была не совсем настоящая полиция. Форму ширрифы не носили (хоббиты о таких вещах просто не слыхали), отличить их можно было по перу на шляпе. Были они скорее пастухами, чем полицейскими, ибо главным их делом было разыскивать и приводить домой заблудившуюся скотину, так как беспорядков среди хоббитов не случалось. Во всем Хоббитшире ширрифов было всего двенадцать, по трое в каждой чверти, — считалось, что для поддержания внутреннего порядка хватит.

Вместо армии был один отряд, он обходил границы, узнавал новости и следил, чтобы никакие

чужеземцы, будь они большие или маленькие, не мешали жить хоббитам.

В то время, которое описано в нашей повести, число *обходчиков* — так их привыкли называть — было значительно увеличено.

По Хоббитширу поползли слухи о странных чужаках. Неведомые твари появились на границах, а то и проникали в страну; это было первым признаком того, что мир вокруг уже не тот, каким был всегда. Но серьезные перемены у хоббитов до сих пор происходили только в старых легендах, поэтому очень немногие обращали внимание на подобные скверные новости, и даже Бильбо не понял смутной угрозы надвигавшихся событий.

Прошло уже шестьдесят лет после его незабываемого Путешествия, он был стар даже с точки зрения хоббитов, а они частенько доживали до ста лет; но, по-видимому, от привезенного богатства у него еще кое-что оставалось. Много или мало — никто не знал, даже его любимый племянник Фродо. А находку — Кольцо — он по-прежнему держал в секрете.

4. О том, как было найдено Кольцо

Как повествует книга «Хоббит», однажды к двери Бильбо подошел великий маг Гэндальв Серый, а за ним явились тринадцать гномов: сам гномий король-изгнанник Торин Дубощит и двенадцать его соплеменников. С ними хоббит ушел, бесконечно удивляясь самому себе, апрельским утром 1341 года по хоббитскому летоисчислению, добывать великое сокровище гномьих королей из Одинокой горы Эребор в Дейлских землях на востоке. Цель похода была достигнута, сокровище добыто, а Дракон, стерегший его, уничтожен. Хотя победа была одержана ценой гибели Торина в битве Пяти воинств и многих великих подвигов, эти события не изменили бы хода истории и в длинной летописи Третьей эпохи были бы едва упомянуты, не случись по дороге незначительное вроде бы происшествие.

Переходя Мглистые горы на пути в Дикие Земли, гномы и хоббит подверглись нападению орков, и вышло так, что гномы потеряди Бильбо в черных орчьих пещерах глубоко под горами. Он пришел в себя в полной темноте, стал шарить руками по полу и наткнулся на колечко. Он его

сунул в карман — просто как знак удачи.

В поисках выхода Бильбо спустился к корням гор и попал в тупик. Подземный ход привел его к холодному озеру, посреди которого на каменном островке жил Голлум, противный и скользкий, с белесыми светящимися глазами. Голлум плавал по озеру на лодочке, гребя плоскими лапами, ловил длинными пальцами слепую рыбу и ел ее сырой. Он всех ел, даже орков, если удавалось поймать и задушить жертву без борьбы. И была у него единственная ценность, которую он тайно берег много-много лет: золотое Кольцо, делавшее владельца невидимым. Он любил его, называя Золотцем и Сокровищем, разговаривал с ним, даже когда оставлял на острове, а надевал лишь в тех случаях, когда выслеживал орков.

Наверное, будь в тот момент Кольцо при нем, он бы тут же напал на Бильбо, но Кольца не было, а в руке у хоббита был эльфийский кинжал, который служил ему мечом. Поэтому, чтобы выиграть время, Голлум вызвал хоббита на состязание в загадках. Если Бильбо не отгадает хоть одну, значит, победа за Голлумом, он его убьет и съест, а если победит Бильбо, Голлум выполнит его просьбу — выведет его из пещер.

Бильбо согласился, потому что безнадежно

заблудился во мраке, и у него не было выхода ни вперед, ни назад. Они загадали друг другу множество загадок. В конце Бильбо выиграл, но его спасла не сообразительность, а случайная (как ему казалось) удача. Дошло до того, что он больше не мог вспомнить ни одной загадки, и наткнувшись рукой на Кольцо, о котором уже было позабыл, произнес вслух: «Что там у меня в кармане?» А Голлум решил, что это загадка, потребовал три попытки, но все равно не отгадал.

Знатоки спорят, можно ли такой заурядный вопрос считать загадкой по всем правилам игры; но все сходятся в одном: согласившись отвечать, Голлум должен был выполнить уговор. И Бильбо стал требовать, чтобы Голлум сдержал слово, потому что догадывался, что скользкая тварь может обмануть, хотя подобные условия всегда свято соблюдались, и нарушать их осмеливались только самые злостные лиходеи. Но сердце Голлума почернело за века, проведенные во мраке и одиночестве, и в нем поселилось вероломство. Он бросил Бильбо и ускользнул на свой остров, где, как он думал, лежало Кольцо. Бильбо про остров не знал. Голлум был уже зол и голоден, а Кольцо могло спасти его от страшного меча.

Кольца на острове не оказалось: оно пропа-

ло, он его потерял! Голлум завизжал так, что у Бильбо мороз по коже прошел, хотя он все еще не понимал, что случилось. А Голлум наконец догадался, но было поздно. «Что у него в кармане?!» — вопил он. Глаза его загорелись зеленым огнем, он бросился назад, чтобы немедленно растерзать хоббита и отобрать свое Сокровище. Бильбо вовремя почувствовал опасность и бросился прочь от воды в черный туннель. Ему еще раз повезло: сунув руку в карман, он снова нащупал колечко, и оно тихонько скользнуло ему на палец. Голлум пронесся мимо, не заметив его, и поспешил к выходу, чтобы «вор» не удрал. Тогда Бильбо осторожно последовал за ним. Голлум бранился и ныл, разговаривал сам с собой, бормотал о своем Золотце, и из его бормотанья Бильбо наконец все понял, и ему блеснула надежда во мраке: он нашел Волшебное Кольцо, которое поможет ему удрать и от орков, и от Голлума!

Наконец в полной темноте они остановились у прохода к Нижним Воротам пещер. Тут Голлум присел и насторожился, принюхиваясь и вслушиваясь. Бильбо чуть не поддался искушению пустить в ход меч и убить негодяя, но его удержала жалость.

В Кольце последняя надежда на спасение, он

оставит его себе, но не воспользуется им для убийства жалкой твари, оказавшейся в еще худшем положении. Некоторое время он колебался, потом вдруг набрался храбрости, в темноте перепрыгнул через Голлума и побежал по коридору, а лиходей с отчаянной ненавистью вопил ему вслед: «Вор! Торбинс вор! Навсегда ненавидим!»

* * *

Странно, что Бильбо сразу рассказал своим спутникам другую историю. Будто, если он победит, то Голлум, по уговору, отдаст ему подарок, а Голлум сплавал на свой остров и обнаружил, что сокровища там нет: пропало волшебное колечко, которое ему очень давно подарили на день рождения. Бильбо догадался, что это то самое колечко, которое он нашел, а раз он победил, так оно уже принадлежит ему по праву. Но находясь в очень тяжелом положении, он это скрыл, а Голлума заставил вместо подарка показать ему выход.

В таком виде Бильбо описал этот случай в своих мемуарах и ничего не изменил даже после Совета у Элронда. Таким он и остался в оригинале «Красной Книги» и в нескольких списках с нее. Наряду с этим существуют списки с правдивой историей, вероятно, скопированной с заметок

Фродо или Сэммиуса, которые знали правду, но, наверное, не хотели ничего вычеркивать из собственноручных записей старого хоббита.

Гэндальв же, как услышал рассказ Бильбо, так сразу и не поверил и стал еще больше интересоваться Кольцом. Без конца расспрашивая Бильбо, он постепенно узнал от него, как все было на самом деле; из-за этого у них временно получились натянутые отношения, но маг считал, что правда важнее всего. И еще очень важным и тревожным показалось ему то, что порядочный хоббит сразу соврал: это было совсем не в его привычках. Маг о своих подозрениях не сказал, а сам рассудил, что вранье было подсказано хоббиту подслушанным причитанием Голлума: тот ведь много раз назвал Кольцо своим «подарочком на день рождения». Это тоже было странно и подозрительно, но всю правду Гэндальв смог узнать лишь через много лет; об этом расскажет наша книга.

* * *

О дальнейших приключениях Бильбо здесь нечего много распространяться. С помощью Кольца он удрал от орков, карауливших ворота, нашел своих спутников и присоединился к ним. Потом он не однажды применял Кольцо:

чаще всего, чтобы помогать друзьям, но пока мог, скрывал его даже от них. Вернувшись домой, хоббит никому не сказал о Кольце, кроме Фродо. Еще Гэндальв о нем знал, а больше никто во всем Хоббитшире, во всяком случае, Бильбо так думал. Заметки о Путешествии он тоже показывал одному племяннику.

Свой меч, Жало, Бильбо повесил над камином, а чудесную кольчугу из драконьего сокровища, дар гномов, свез в музей, в Дом Сдачи в Мичел Делвинге. Старый плащ с капюшоном, в котором путешествовал, хоббит сунул в шкаф в Торбе-в-Холме, а для Кольца заказал красивую цепочку и носил его в кармане.

Домой в Торбу он вернулся 22 июня 1342 года по Хоббитскому календарю, на 52-м году жизни; после этого в Хоббитшире ничего примечательного не происходило до тех самых пор, пока господин Торбинс не начал готовиться к празднованию своего стоодиннадцатилетия (год 1401 по хоббитскому счету). С этого и начнется наша история.

5. Примечание о «Хоббитских Хрониках»

Хоббиты сыграли столь важную роль в великих событиях, которые завершились под конец Третьей эпохи включением Хоббитшира в Воссоединенное королевство, что среди них вдруг проснулся всеобщий интерес к собственной истории. В результате многие устные предания оказались записанными. Хоббиты из самых знаменитых семей, теперь связанных с делами всего королевства, изучали древние легенды. В конце 1-го века Четвертой эпохи в Хоббитшире даже появилось несколько библиотек, в которых было особенно много исторических хроник.

Самые богатые книжные собрания были Под Башнями, в Больших Смайелах и в Брендихолле. Описания событий конца Третьей эпохи, в основном, опираются на Красную Книгу Западного Приграничья. Название этой Книги происходит от рукописи, которая долго хранилась Под Башнями, в усадьбе Золотородов, попечителей этой новой области.

Сначала это были личные записки Бильбо, в

книге и на отдельных листах, которые он увез с собой в Райвендел и там дописывал. Назад в Хоббитшир их привез Фродо, и Фродо же в 1420–1421 годах (по Хоббитскому календарю) заполнял в них все пустые страницы, добавив собственный отчет о Войне. Получился целый том.

В одной красной папке с этими записками помещались еще три толстых тома, переплетенных в алую кожу: прощальный подарок от Бильбо племяннику. К четырем томам уже в Западном Приграничье был добавлен пятый, завершающий: комментарии, генеалогия и различные материалы о хоббитах из Содружества Кольца. К сожалению, оригинал «Красной Книги» пропал, но осталось много копий, причем чаще других переписывался первый том — по заказам многочисленных потомков господина Сэммиуса.

У самой подробной копии совсем интересная история. Она хранилась в Больших Смайелах, а переписана была в Гондоре, вероятно, по поручению правнука Тана Перегрина, и закончена в 1592 году по Хоббитскому счету (172 год Четвертой эпохи). Переписчик оставил в конце запись: «Финдегил, королевский писец, закончил этот труд в 172 году Четвертой эпохи. Это самая полная копия „Книги Тана“, а она была списана в Минас

Тирите по приказу короля Элессара с „Красной Книги“ перианов, подаренной королю Таном Перегрином по возвращении его в Гондор в 64 году IV эпохи».

Эта копия оказалась самой первой и действительно самой полной и содержала много сведений, позднее забытых или утраченных.

В Минас Тирите в текст были внесены многочисленные примечания и поправки, исправлены ошибки в написании имен, уточнены цитаты на языке эльфов, добавлены в сокращенном варианте те части «Повести об Арагорне и Арвен», которые не касаются истории войны. Авторам полного текста этой легенды был, вероятно, Барахир, внук наместника Фарамира, а записана она была, наверное, после смерти короля. Но самое большое значение копии Финдегила — в том, что только в ней помещены «Переводы с эльфийского наречия», сделанные Бильбо Торбинсом. Это три тома, по общему признанию, плод большой учености и таланта. За 15 лет (1403–1418) Бильбо записал в Райвенделе все, что мог, из устных и письменных источников. Но Фродо, трудившийся почти исключительно над историей Давних дней, этими книгами пользовался мало, поэтому они здесь лишь упомянуты.

Мерриадок и Перегрин стали главами больших семей и продолжали поддерживать близкие отношения с Роханом и Гондором, поэтому в библиотеках Бакбурга и Тукборо тоже собралось много материалов, не вошедших в «Красную Книгу».

В Брендихолле хранилось много трудов, касающихся Эриадора и истории Рохана. Некоторые из них составил или, во всяком случае, начал собирать сам Мерриадок, который в памяти земляков остался прежде всего автором знаменитого трактата о хоббитширском трубочном зелье и труда «Счет времени», где он распространяется о сходстве и различиях календаря, принятого в Хоббитшире и Бри, а также календарей Райвендела, Рохана и Гондора. Мерриадок еще написал небольшое исследование «Старые слова и названия в Хоббитшире», где проявился его особый интерес к поиску связей языка хоббитов с речью рохирримов.

Книгохранилище в Больших Смайелах было собранием книг не столько о Хоббитшире, сколько о мире за его пределами. Перегрин сам неважно владел пером, но, как и его потомки, собирал манускрипты, переписанные гондорскими писцами; больше всего его интересовали выписки

из исторических хроник и легенды об Элендиле и его наследниках.

Именно в Хоббитшире, таким образом, были собраны богатейшие сведения об истории Нуменора и возвышении Саурона. «Хроника Западных государств», вероятно, была составлена в Больших Смайелах по материалам, которые собрал Мерриадок. В ней иногда вызывают сомнение даты, особенно даты событий Второй эпохи, но вся «Хроника», безусловно, заслуживает внимания. Мерриадок, видимо, пользовался сведениями, которые получал в Райвенделе, частенько туда наезжая.

Элронд покинул свои земли, но его сыновья вместе с несколькими эльфами Высокого Рода остались там надолго. Говорят, что туда же после ухода Галадриэли пришел жить Келеборн; жаль, что неизвестно, когда этот последний свидетель древнейшей эпохи покинул Среднеземье, увозя из Серой Гавани последнюю живую память о Давних днях.

Содружество кольца

Летопись первая
Глава первая. Долгожданный праздник

Когда господин Бильбо Торбинс из Торбы-в-Холме объявил, что вскоре устроит великое празднество по поводу своего сто одиннадцатого дня рождения, городок Хоббиттаун заволновался и загудел.

Бильбо был очень богат и славился чудачествами, удивляя хоббитов уже шестьдесят лет — с тех пор, как внезапно исчез, а потом неожиданно возвратился. О сокровищах, привезенных им из Путешествия, рассказывали легенды, и каждый верил, — что бы там ни говорили старики, — что Холм вокруг Торбы ну просто нашпигован тайниками, а в них все сокровища! А взять его удивительную бодрость и здоровье! Время будто проходило мимо господина Торбинса. В девяносто лет он был похож на пятидесятилетнего, а с девяносто девяти его стали называть хорошо сохранившимся, но правильнее было бы сказать, что он *не изменился*. Некоторые качали головами и про себя думали: где справедливость, когда

одному достается и вечная молодость (очевидно), и неистощимое богатство (вероятно)…

— За все надо платить, — говорили они. — Это неестественно и добром не кончится!

Но пока ничто не кончалось, неприятности не начинались, а так как господин Торбинс был щедр, большинство соседей были готовы простить ему и его странности, и его удачу. С родственниками он доброжелательно обменивался положенными визитами (понятно, за исключением Сумкин-Торбинсов), а среди хоббитов из бедных и простых семей у него было много преданных поклонников. Но близких друзей долго не было, — пока не подросли племянники.

Больше всех Бильбо полюбил старшего из них, Фродо Торбинса. Когда Бильбо исполнилось 99 лет, он сделал юного Фродо своим наследником и пригласил в Торбу-в-Холме, разбив последние надежды Сумкин-Торбинсов.

Бильбо и Фродо родились в один день, 22 сентября.

— Переезжай ко мне, Фродо малыш! — сказал однажды Бильбо. — Вместе удобнее справлять дни рождения.

Фродо тогда был *двадцатиком* — так у хоббитов принято называть легкомысленный возраст

между детством, которое длится до двадцати лет, и совершеннолетием, наступающим в 33.

Прошло еще 12 лет. Веселые вечеринки в совместные дни рождения Торбинсы устраивали на Холме каждый год, но в эту осень, похоже, готовилось что-то совершенно исключительное.

Бильбо собирался отметить 111 лет — *три единицы* — число интересное и для хоббита весьма почетное (даже Старый Тук дожил всего до 130), а Фродо — тридцать три, очень важную дату: совершеннолетие.

В Хоббиттауне и Приречье заработали языки, слухи о предстоящем празднестве разнеслись по всему Хоббитширу. Господин Бильбо Торбинс со своими выходками снова стал главной темой разговоров, и пересказывая в который раз его историю, старики с удовольствием отмечали, что слушателей у них все больше и больше.

Но никого не слушали с таким вниманием, как старого Хэмфаста Гэмджи, которого чаще всего называли просто Дедом.

Дед обычно разглагольствовал в «Укромном местечке», небольшом трактире у дороги в Приречье, и говорил он со знанием дела, потому что сорок лет ухаживал за садом в Торбе-в-Холме, а до этого служил там же помощником садовника

Холмана. Сейчас Дед был уже старым, и кости у него болели, так что он передал свое место садовника младшему сыну Сэммиусу. И отец, и сын были в самых дружеских отношениях с Бильбо и Фродо. Жили они на Холме, сразу за участком Торбинсов, на Пронырной улице в третьем номере.

— Господин Бильбо всегда был очень любезным и обходительным хоббитом, я это говорил и говорить буду, — объявил Дед Гэмджи.

Это была истинная правда: Бильбо относился к нему очень вежливо, всегда называл его «господин Хэмфаст» и часто советовался с ним по огородным делам: здесь уж Дед был знатоком из знатоков, особенно по части картошки, — так считали все соседи (и он сам).

— А как вам нравится этот Фродо, что живет вместе с ним? — спросил старый Ноукс из Приречья. — Он-то носит фамилию Торбинс, но говорят, что он больше чем наполовину Брендибак. Непонятно, зачем это Торбинсу из Хоббиттауна понадобилось искать жену в Бакленде, где живут одни чокнутые.

— А там другие никогда не водились, — вмешался папаша Двупят, ближайший сосед Деда. — И тот берег Брендидуина у Старого Леса — дурной, и живут там такие же. О тех местах всякие рос-

сказни идут, — если хоть половина правда, и то жутко.

— В точку, приятель! — поддержал его Дед. — Хотя Брендибаки живут не в самом Старом лесу, но вся семья у них, правда, немного чокнутая. Возьмут лодку и давай по большой Реке туда-сюда кататься! Это что, нормально? От того-то и все беды. Но со своей стороны скажу, что господин Фродо — очень славный юный хоббит, лучшего трудно сыскать, и на господина Бильбо похож. Его отец, господин Дрого, был очень приличным и уважаемым хоббитом, из настоящих Торбинсов, и о нем-то никто не болтал. Пока он не утоп.

— Утоп?! — раздалось несколько голосов.

Конечно, все знали и саму печальную историю, и темные слухи на эту тему, но так как хоббиты обожают семейные сплетни, каждому захотелось услышать все заново.

— Ну да, — сказал Дед. — Вы ведь знаете, что господин Дрого женился на бедняжке Примуле Брендибак, двоюродной сестре нашего Бильбо Торбинса по женской линии, ее матерью была младшая дочь Старого Тука. Вот так они дважды породнились. Господин Дрого был троюродным братом господина Бильбо, а молодой господин Фродо стал ему одновременно двоюродным

племянником по матери и троюродным по отцу, — как хотите, так и считайте. Однажды господин Дрого гостил в Брендихолле у своего тестя, старика Горбадока, к которому после женитьбы частенько наведывался (Дрого, знаете ли, любил хорошо покушать, а у Горбадока стол всегда ломился от еды). Ну, после обеда он выбрал себе *лодочку*, поплыл по реке, и оба утонули, и он, и его жена, а бедняга Фродо — совсем маленький — сиротой остался.

— Я слышал, что они пошли кататься после ужина, уже луна взошла, — сказал старый Ноукс, — и что лодка пошла ко дну, потому что Дрого был очень уж тяжелым.

— А я слышал, что его жена столкнула в воду, а он ее за собой потянул, — вставил Песокс, мельник из Хоббиттауна.

— А ты не все слушай, что болтают, Песокс! — обиделся Дед, который недолюбливал мельника. — И чего выдумывать, кто кого толкал, когда и так известно, что лодка — штука коварная, даже если в ней совсем спокойно сидеть. И нечего виноватых искать! Как случилось, так и случилось, а Фродо остался сиротой и, можно сказать, заблудился между родственниками у этих ненормальных Брендибаков из Бакленда. Его

воспитывали в Брендихолле. А там толчея, как в кроличьей клетке: у старого господина Горбадока никогда меньше сотни родственников зараз не гостило. Господин Бильбо ничего лучшего и придумать не мог, — забрал мальца, тот наконец и вернулся в общество порядочных хоббитов.

Ну, разумеется, для Сумкин-Торбинсов это было куда как огорчительно. Еще когда господин Бильбо надолго уехал, и все мы думали, что он умер, те-то считали, что Торба им достанется. А он вернулся и выгнал их из дома, и стал жить да жить, жить да жить, и все выглядит таким же, как когда… пусть здоров будет! А тут вдруг наследника себе нашел и все оформил, как полагается. Так что Сумкинсам его дома не видать, как своих ушей. Во всяком случае, будем на это надеяться.

— В Торбе-в-Холме, слышно, большой клад закопан, — произнес заезжий хоббит, торговец из Мичел Делвинга, что в Западной чверти, — Мне рассказывали, что вся верхушка Холма внутри изрыта, там туннели, набитые сундуками с серебром, золотом и драгоценностями.

— Ну так вы больше моего слышали, — отвечал Дед, — а я ничего не знаю ни про какие сокровища. Господин Бильбо никогда не скупился, и не похоже было, чтоб ему денег не хватало, но ни о

каких туннелях и ходах в Холме мне не известно. Я видел, как господин Бильбо возвратился из Путешествия шестьдесят лет тому назад. Я еще тогда мальцом был. Старик Холман (он моему отцу двоюродный брат) как раз взял меня к себе учеником в Торбу-в-Холме, а в тот день меня позвали туда последить, чтобы клумбы и сад не вытоптали во время аукциона. Все ведь думали, что Бильбо не вернется. А он появился в самый разгар распродажи, так и пришел, и привел пони с большущими тюками и парой сундучков. Я не сомневаюсь, что там были сокровища, их господин Бильбо добыл в дальних странах, где, рассказывают, встречаются целые горы золота, но этих сундучков не хватило бы, чтобы туннели в Холме заваливать. Мой сынок Сэм об этих вещах, наверное, получше меня знает. Он все время крутится в Торбе. Любит слушать про давние времена, а уж из рассказов господина Бильбо ничего не пропустит. Господин Бильбо его читать выучил… Наверное, не по злому умыслу, и я думаю, что от этого ничего дурного не станет. А что до эльфов и драконов, так я всегда говорю сыну, что для меня и для тебя картошка и капуста важнее. И еще я ему говорю: «Не лезь в дела вышестоящих хоббитов, а то наживешь крупные неприятности на свою голову». И сыну

я так говорю, и всем могу повторить, — добавил Дед, посмотрев на чужака и на мельника.

Но своих слушателей Дед, по-видимому, не убедил. Легенда о богатстве Бильбо уже крепко втемяшилась в головы молодого поколения.

— Ну, наверно, господин Бильбо добавил добра к тем богатствам, которые привез, — высказал мельник общее мнение. — Он ведь часто выезжает из дому. А еще все видели, какие заграничные гости у него бывают: по ночам к нему ходили гномы, и приходил этот старый странствующий маг Гэндальв, и много всяких других. Так что ты, Дед, говори, как хочешь, а Торба-в-Холме — место чудное, и живут там странные хоббиты.

— Вы можете молоть, что вздумается, но разбираетесь вы в этом не больше, чем в лодках, господин Песокс, — ответил Дед, который в тот момент питал к мельнику еще меньше симпатии, чем обычно. — Если уж Торбинсов считать странными, то в наших местах многие по странностям их переплюнут. Не надо далеко ходить, у нас и такие есть, что кружку пива пожалеют для друзей, если сами переселятся в золотые норы. А Торбинсы не такие. И Торба-в-Холме — хозяйство хорошее. Мой Сэм говорит, что на Праздник всех до одного пригласят и каждому — понят-

но? — каждому дадут подарок. А Праздник в этом месяце будет.

* * *

Стоял сентябрь, и было тепло как никогда.

Примерно через два дня после беседы в трактирчике разнеслась весть (распространенная, без сомнения, всезнающим Сэмом), что на Празднике у господина Бильбо будет фейерверк, да такой, какого в Хоббитшире сто лет не видели, с самой смерти Старого Тука.

Проходили дни за днями, все ближе была Дата. Как-то вечером в Хоббиттаун въехал странный фургон, нагруженный товаром в необычной упаковке, и с трудом вкатился на Холм, к самой Торбе. Взбудораженные грохотом колес, хоббиты торчали в освещенных дверях и пялили глаза на чужестранцев, длиннобородых гномов в надвинутых капюшонах, которые пели незнакомые песни. Некоторые из них остались в Торбе, когда фургон уехал. В конце второй недели месяца по Приреченской дороге со стороны Брендидуинского Моста подъехала повозка, которой правил старик в синей островерхой шляпе, серебристом шарфе и сером плаще до пят. У него была длинная седая борода, и кустистые брови торчали из-под

полей шляпы. За ним и его повозкой через весь Хоббиттаун на Холм бежали хоббитята, правильно догадавшись, что старик везет ракеты для фейерверка.

У парадного входа в Торбу старик стал сгружать большие связки ракет и шутих всех сортов и размеров, и на каждой связке — большая красная метка («Г») и эльфийский рунический знак.

Метка принадлежала магу Гэндальву, а старик, конечно, был сам Гэндальв, прославившийся искусством устраивать фейерверки, зажигать огни и пускать цветные дымы. Его настоящие дела были гораздо труднее и опаснее, но хоббиты о них не знали, для них он был лишь частью предстоящего развлечения, поэтому и шумели хоббитята, для которых буква «Г» означала «Горячий», «Гэндальв» и «Гром».

— Горит-Гремит!.. — выкрикивали они, а старик улыбался.

Его узнали, хотя в Хоббиттаун он наведывался нечасто, и не только эти хоббитята, но даже их родители уже не видели знаменитых фейерверков, ставших легендарными.

Бильбо и несколько гномов помогли старому магу разгрузить повозку, и Бильбо раздал ребятишкам мелкие монеты — но ни одной ракеты,

к разочарованию окружающих, они даже не развернули.

— Теперь марш отсюда! — сказал Гэндальв. — Будут вам ракеты, и предостаточно, но всему свое время.

И он вместе с Бильбо скрылся за дверью. Дверь они за собой заперли, хоббитята еще некоторое время не сводили с нее глаз, но, поняв, что ждать нечего, разошлись, вздыхая про себя, что праздник, наверное, никогда не начнется.

* * *

А Бильбо с Гэндальвом сидели у открытого окна в маленькой комнатке и смотрели на запад через сад.

Был мирный и светлый предвечерний час. Ярко-красные и золотые цветы горели на зеленых клумбах, — Бильбо любил подсолнухи и львиный зев, — а по стене, выложенной бархатным зеленым дерном, плелись, заглядывая в окна, огненно-рыжие настурции.

— Веселенький у тебя садик! — сказал Гэндальв.

— Да, — сказал Бильбо. — Я очень люблю его и вообще весь родной Хоббитшир, но чувствую, что мне нужен отпуск.

— Все-таки стоишь на своем?

— Да. Я уже несколько месяцев назад все решил и ничего менять не собираюсь.

— Отлично. Значит, нечего и болтать. Делай, что задумал, — только учти, все до конца! — и, как мне кажется, будет лучше и тебе, и нам.

— Надеюсь. Но в любом случае в четверг я решил развлечься, готовлю одну шуточку.

— Интересно, кто над кем посмеется, — сказал Гэндальв, качая головой.

— Увидим, — сказал Бильбо.

* * *

На следующий день повозки подкатывали к Торбе одна за другой. Хоббиты начали было ворчать, что нечего заключать сделки с одними чужаками, но на той же неделе из Торбы повалили заказы на разнообразнейшие продукты и товары, даже предметы роскоши, какие только можно было найти в Хоббиттауне, Приречье и вообще во всей округе. Народ воодушевился. Хоббиты принялись зачеркивать дни в календарях и нетерпеливо выпытывали у почтальонов, где приглашения.

Вот уже посыпались и приглашения, да так, что на хоббиттаунской почте стало тесно, а в

Приреченское отделение — не войти; почтальоны набрали добровольных помощников, и они, как муравьи, целый день сновали по Холму, доставляя в Торбу сотни вежливых карточек с вариациями на тему: «Спасибо, приду непременно…»

На воротах в Торбу появилась табличка: «Вход только по делу касательно Праздника». Но туда не всегда пускали даже тех, у кого такое дело (настоящее или вымышленное) было. Бильбо был занят: писал приглашения, отмечал в списках имена тех, кто ответил, заворачивал подарки и занимался какими-то собственными приготовлениями. С тех пор как прибыл Гэндальв, его почти никто не видел.

Проснувшись однажды утром, хоббиты обнаружили, что на широком лугу с южной стороны от дверей Торбы вкопаны столбы и натягиваются веревки для шатров и навесов. В насыпи, отделявшей усадьбу от дороги, раскопали проход, сделали широкие ступени и поставили большие белые ворота. Три хоббичьи семьи, жившие рядом, на Пронырной улице, примыкавшей к лугу, вызывали всеобщую зависть тем, что все время висели на заборах. Дед Гэмджи даже и не притворялся, что работает у себя в огороде.

Поднялись шатры. Один павильон был такой большой, что захватил дерево, росшее посреди луга, и оно оказалось как раз во главе стола. Все его ветки украсили фонариками. Самым многообещающим сооружением (с хоббичьей точки зрения) была огромная летняя кухня, возведенная на северном краю луга, в стороне от шатров. Готовить угощение прибыли повара из всех трактиров и харчевен на много миль вокруг, пополнив бригаду гномов и прочих странных чужаков, собравшихся в Торбе. Возбуждение достигло высшей точки.

Тут испортилась погода. В среду, накануне Праздника, небо затянулось тучами. Хоббиты встревоженно заволновались… Наконец, наступил рассвет в четверг 22-го сентября. Встало солнце, тучи уплыли, на шестах заполоскались флажки — и началось!

Бильбо Торбинс сам назвал свой день рождения Праздником, и получилось множество разнообразных развлечений, слившихся в один счастливый День Забав. Приглашены были все, кто жил поблизости. Некоторым случайно забыли послать приглашения, но они все равно явились; съехались родственники и друзья со всех концов Хоббитшира и даже из-за границы.

Бильбо лично встречал гостей (приглашенных и неприглашенных) у новых Белых Ворот. Подарки дарились всем без исключения — даже тем, кто потихоньку выходил через задние двери и снова входил в ворота. У хоббитов принято дарить друзьям подарки в свой день рождения. Как правило, подарки бывают недорогие и раздаются не столь щедро, как тогда в Торбе, но обычай неплохой. В Хоббиттауне и Приречье каждый день отмечается чье-нибудь появление на свет, так что каждому хоббиту достается хоть один подарок в неделю. Это им пока не надоело.

А в тот раз подарки были необычайно хороши. Хоббитята пришли в такой восторг, что даже про угощение ненадолго забыли. В подарках были невиданные игрушки, одна лучше другой, а некоторые — явно волшебные. Многие игрушки заказывались за год вперед, их привезли из Дейла и Подгорного королевства, а сделали их гномы.

Когда все гости прошли в ворота и оказались на лугу, начались песни, музыка и танцы, игры — ну, и конечно, еда и питье. По распорядку все вместе садились за стол три раза — были объявлены второй завтрак, чай и обед (он же ужин). А в остальное время ели и пили, кто что хотел и где хотел, — без перерыва с одиннадцати до

полседьмого, а потом начался фейерверк.

Фейерверком занимался Гэндальв. Он не только все привез, но сам придумал и изготовил ракеты, а особо эффектные и красивые сам и запускал. Кроме этого он устроил щедрую раздачу ракетниц, шутих, хлопушек, петард, факелов, гномьих свечей, эльфийских искрометов и гоблинских грохоталок. Все были высшего качества, с годами Гэндальв становился искуснее.

В небо взлетали светящиеся птицы и пели звонкими голосами; вырастали огромные деревья со стволами из темного дыма — мгновенно распустив сверкающие зеленые кроны, они сбрасывали на хоббитов яркие цветы, которые гасли, не коснувшись поднятых лиц, оставляя в воздухе нежный аромат. Искрящиеся фонтаны рассыпались блестящими бабочками; цветные огни взвивались вверх и там превращались в орлов, корабли с парусами или стаи лебедей; были алые молнии и золотой дождь; потом раздался боевой клич, в небо взметнулся лес серебряных копий и обрушился в реку, шипя, как сотня рассерженных змей. Последний сюрприз в честь Бильбо совершенно потряс хоббитов, как, вероятно, и было задумано. Все огни погасли. Вверх поднялся мощный столб дыма, принял очертания дальней горы

со светящейся вершиной, которая разгоралась, извергая зеленое и алое пламя. Из горы вылетел красно-золотой дракон — не такой большой, как настоящий, но совершенно как живой, — с огненной пастью и горящими глазами. Он взревел и трижды облетел луг. Все пригнули головы, многие упали ничком. Дракон мчался, как курьерский поезд, потом перевернулся и взорвался над Приречьем с оглушительным грохотом.

— Это сигнал к ужину! — произнес Бильбо.

Тут же все страхи пропали; лежавшие на траве хоббиты вскочили на ноги. Всех ждал великолепный ужин, а те, кто был приглашен на особое семейное торжество, направились в большой павильон с деревом.

В избранном кругу оказалось двенадцать дюжин хоббитов (это число — 144 — называется *гросс*, хотя считать народ гроссами, пожалуй, не очень прилично); сюда попали ближние и дальние родичи Бильбо и Фродо и некоторые друзья (вроде Гэндальва). Тут же крутилось много хоббитят с разрешения родителей. Хоббиты снисходительно относятся к молодежи и позволяют детям поздно ложиться спать, особенно если удается бесплатно поужинать в гостях: воспитание хоббитенка зависит от пропитания, а это дело

серьезное и требует больших затрат.

За столом собралось множество Торбинсов и Боффинов, а также Туков и Брендибаков; были Рылсы (родня бабушки Бильбо) и Жуйлы (родичи деда со стороны Туков), были представители Закопансов, Болджеров, Тугобрюхов, Барсучинсов, Пышнингов, Дудлингов и Мохнопятов. Некоторые вряд ли смогли бы точно определить свои родственные связи с Бильбо, а некоторые вряд ли бывали раньше в Хоббиттауне, так как жили на дальних окраинах Хоббитшира. Не были забыты даже Сумкин-Торбинсы: Отто с женой Лобелией. Бильбо они ненавидели, а Фродо презирали, но, получив роскошное приглашение, написанное золотыми чернилами, не смогли отказаться. К тому же двоюродный братец Бильбо слыл отменным кулинаром с многолетним опытом.

Все сто сорок четыре гостя предвкушали славный пир, хотя несколько побаивались послеобеденной Речи хозяина (обязательного приложения к еде). Вдруг он заговорит стихами, как называл свои непонятные упражнения; а то еще, опрокинув стаканчик, начнет распространяться о нелепых приключениях в своем дурацком Путешествии.

Стол гостей не разочаровал, пир был очень

славным, в самом деле лучшее развлечение дня: еда разнообразная, одно блюдо вкусней другого, всего полно, и есть можно долго. После того неделю во всей округе никто не покупал продуктов; но из торговцев никто не был в убытке, так как для обслуживания праздника Бильбо были опустошены почти все их погреба, подвалы и склады.

Пир подходил к концу, и подошло время речи. Большинство гостей теперь пребывало в том благодушном состоянии, которое у них называлось «доливка до краешков».

Они потягивали любимые напитки, дожевывали любимые лакомства и забыли, чего опасались, готовые слушать все, что угодно, и одобрительно орать после каждой точки.

— Дорогие родственники!.. — начал Бильбо, вставая.

— Слушайте, слушайте!.. — закричали гости и принялись повторять свой призыв дружным хором, явно не спеша ему следовать.

Бильбо вышел из-за стола, прошел к Семейному Дереву и встал под ним на стул. Фонарики высветили его сияющее лицо, на вышитом шелковом жилете ярко блестели золотые пуговицы. Все видели, как он стоял, помахивая в воздухе одной рукой и держа другую в кармане штанов.

— Дорогие Торбинсы и Боффины, — начал он снова, — любезные Туки и Брендибаки, Рылсы и Жуйлы, Закопансы и Дудлинги, Болджеры, Тугобрюхи, Пышнинги, Барсучинсы и Мохнолапы!..

— Мохнопяты! — заорал из дальнего угла пожилой хоббит, с виду сущий мохнолап: ноги у него были крупные, невероятно заросшие, и он их обе вывалил на стол.

— Мохнолапы, — повторил Бильбо. — А также уважаемые Сумкин-Торбинсы, которых я рад снова видеть в Торбе-в-Холме. Сегодня мне стукнуло 111 лет: «Три Единицы».

— Ура! Урр-ра! Поздравляем! — закричали все и весело застучали кулаками по столам. Молодчина Бильбо: коротко и ясно, это всем понравилось.

— Надеюсь, что вы рады празднику не меньше чем я!

Оглушительные хлопки, крики «да!» (и «нет!»), звуки труб, горнов, дудок и флейт, а также других музыкальных инструментов. Как уже говорилось, на пиру было полно хоббитят, которым достались музыкальные хлопушки с клеймом «Дейл». Что оно означало, большинству хоббитов было непонятно, но хлопушки были изумительные. Маленькие инструменты, найденные в них, прелестно звучали, так что несколько юных Туков

и Брендибаков, решив, что дядя Бильбо кончил Речь (ведь сказал уже все, что требовалось), быстро собрали в углу оркестрик и заиграли веселый танец. Молодой Эверард Тук с юной Мелилотой Брендибак влезли на стол и принялись плясать *кольцепрыгу* с колокольчиками — довольно мило, но, пожалуй, чересчур энергично.

А Бильбо не кончил. Он выхватил у какого-то юнца рожок и трижды громко протрубил. Стало тихо.

— Я вас не задержу! — крикнул он. Все захлопали. — Я вас всех не просто так собрал! У меня была Цель!

Что-то в его голосе произвело впечатление на собравшихся, они почти унялись, и пара Туков даже навострила уши.

— Точнее, три цели! Во-первых, сказать вам, что я вас всех весьма уважаю, и 111 лет среди столь замечательных и превосходных хоббитов — очень краткий срок, и для меня пролетел слишком быстро! (Взрыв аплодисментов.) Половину из вас я знаю вполовину хуже, чем мне хотелось бы, и почти половину уважаю вполовину меньше, чем вы того заслуживаете.

Это было неожиданно и не совсем понятно. Раздались жидкие хлопки, но большинство недо-

уменно пыталось сообразить, можно ли считать сказанное комплиментом.

— Во-вторых, отпраздновать мой День Рождения! (Снова возгласы одобрения.) Следовало бы сказать: наш день рождения. Ибо это также день рождения моего племянника и наследника Фродо. Сегодня он стал совершеннолетним и вступает в права наследования.

Небрежные хлопки отдельных взрослых перекрыли громкие крики молодежи:

— Фродо! Фродо! Старина Фродо!..

Сумкин-Торбинсы помрачнели и стали думать, что означает «вступает в права».

— Нам с ним вместе исполнилось 144 года, и вас я сюда пригласил ровно столько же, замечательное число, с вашего позволения, гросс!

Никакого одобрения. Это что, насмешка? Многие гости, особенно Сумкинсы, обиделись, решив, что, значит, ими заполнили павильон для счета, как коробку с товаром в лавке: «В самом деле, гросс! Как грубо!»

— Кроме того, если вы разрешите мне вспомнить историю, сегодня годовщина моего приплытия на бочке в Эсгарот на Долгом Озере, хотя тогда я про свой день рождения совсем забыл. Мне был всего 51 год, а молодежь обращает на дни рож-

дения меньше внимания. Пир, однако, устроили замечательный, хотя я тогда сильно простудился и мог сказать только «Пребдого бдагодаред». Это же я хочу повторить сейчас, уже правильно и с выражением: премного благодарен вам за то, что пришли ко мне на день рождения!

Упорное молчание. Все боялись, что сейчас будет песня или стихи, а они уже устали слушать. Почему он не закругляется, чтобы они выпили за его здоровье? Но Бильбо не запел и стихи читать не стал, а вместо этого сделал небольшую паузу.

— В-третьих и в-последних, — продолжал он после паузы, — я хочу сделать *объявление*. — Последнее слово он произнес так неожиданно громко, что все, кто смог выпрямиться, подняли головы. — Весьма сожалею, но должен вам объяснить, что, как я уже сказал, 111 лет среди вас — очень короткий срок, и он кончился. *Я ухожу*. И ухожу сейчас. Прощайте!

Он шагнул со стула и исчез. Ослепительная вспышка заставила всех зажмуриться, а когда они открыли глаза, Бильбо нигде не было. Сто сорок четыре ошеломленных хоббита потеряли дар речи. Старый Одо Мохнопят спустил ноги со стола и затопал. Потом наступила тишина, а потом, очнувшись и глотнув воздуха, все Торбин-

сы, Боффины, Туки, Брендибаки, Рылсы, Жуйлы, Закопансы, Болджеры, Тугобрюхи, Барсучинсы, Пышнинги, Дудлинги и Мохнопяты разом заговорили.

Все соглашались, что шутка получилась неприличная, и чтобы опомниться от такого удара, надо было заесть и запить досаду.

— Да он сумасшедший. Я всегда это знал, — повторяли они, будто сговорившись. Даже Туки (правда, за некоторым исключением) сочли поведение Бильбо нелепым. В тот момент, правда, большинство думало, что его исчезновение было просто вздорной проказой.

Так не думал только старый Рори Брендибак. Ясность мысли у него не пропала ни от возраста, ни от обильной еды, и он сказал свое невестке Эсмеральде:

— Очень это подозрительно, милочка! Кажется, ненормальный Торбинс опять сбежал. Старый дурень. Ну, а нам-то что? Он же еду с собой не взял! — и он громко окликнул Фродо, прося еще вина.

Один Фродо ничего не произнес. Он долго молча сидел рядом с пустым стулом Бильбо, словно не слыша криков и не отвечая на вопросы. Он заранее знал про шутку и одобрял ее. Он с тру-

дом удержался от смеха, глядя на удивленных и негодующих гостей. И одновременно глубоко взволновался и понял, что очень любит старого хоббита.

Большинство гостей продолжало есть, пить и обсуждать прежние и нынешние чудачества Бильбо Торбинса, одни Сумкинсы в гневе ушли. Фродо почувствовал, что устал от праздника и больше не хочет никого видеть.

Он приказал принести гостям еще вина, встал, молча выпил свой бокал за здоровье Бильбо и незаметно вышел из павильона.

* * *

Что же касается Бильбо Торбинса, то, произнося Речь, он трогал пальцами колечко в кармане: Волшебное Кольцо, которое столько лет от всех прятал. А когда шагнул со стула, то сунул в Кольцо палец, и больше в Хоббиттауне ни один хоббит его не видел.

Он быстро пошел к себе в нору, постоял немного на пороге, с улыбкой прислушиваясь к шуму в павильоне и к праздничному галдежу на лугу, а потом ступил внутрь и закрыл за собой дверь.

Праздничный костюм он снял, вышитый шелковый жилет аккуратно сложил и завернул в

бумажную салфетку, быстро надел старое потрепанное платье и затянул потертый кожаный пояс. К поясу прицепил короткий меч в бывших когда-то черными кожаных ножнах. Открыл ключом ящик комода (оттуда сильно запахло нафталином) и вытащил старый плащ с капюшоном, которые, по-видимому, хранил, как большую ценность. И плащ, и капюшон были в пятнах и настолько выцвели, что остались лишь намеки на первоначальный темно-зеленый цвет. И они были ему великоваты. Потом он прошел в кабинет, достал из сейфа плотный сверток в старой тряпке и рукопись в кожаном переплете, и еще большой толстый конверт. Сверток и рукопись он засунул в объемистый заплечный мешок, который был почти полон, а конверт раскрыл, опустил туда Кольцо на цепочке, закрыл, заклеил и адресовал Фродо. Сначала он положил его на камин, но потом вдруг снова взял и затолкал в карман. В этот момент открылась дверь и быстро вошел Гэндальв.

— Привет! — сказал Бильбо. — Я как раз думал, появишься ты или нет.

— Хорошо, что ты появился, — ответил маг, садясь в кресло. — Я хотел сказать тебе пару слов. Ты, наверное, думаешь, что все прошло прекрас-

но и по плану?

— Конечно, — сказал Бильбо. — Только вспышка неожиданная. Я даже испугался, а остальные и подавно. Это ты добавил, да?

— Я. Ты столько лет благоразумно держал Кольцо в секрете, что, по-моему, твоим гостям надо было дать отвлекающий намек, чтобы они не догадались, как ты исчез на самом деле.

— И испортить мне шутку. Вечно ты суешься не в свои дела, — засмеялся Бильбо. — Но, наверное, тебе видней.

— Безусловно, — ответил маг. — Когда хоть что-то видно, то видней. Я еще не все понял, но не очень-то мне нравится твоя шутка. Это уже крайность. Ты пошутил, а народ испугался и обиделся, и будет болтать о тебе девять или девяносто девять дней. На этом остановишься или дальше пойдешь?

— Пойду. Отпуск нужен. Я же тебе говорил, что мне нужен долгий отпуск. Может быть, бессрочный. Я, наверное, не вернусь. Собственно, я не собираюсь возвращаться, и все к этому подготовил. Я старею, Гэндальв. По мне не видно, но я нутром чувствую, что старый стал. А они говорят: «сохранился»! — он фыркнул. — Мне кажется, что я стал худой, словно меня на все эти годы *растя-*

нули, как маленький кусочек масла намазывают на большой ломоть хлеба. Тут что-то неладно. Надо менять жизнь или что-то делать.

Гэндальв смотрел на него со странным любопытством.

— Да, похоже, тут в самом деле неладно, — задумчиво произнес он. — Но ты, наверное, все правильно решил.

— Во всяком случае, решил. Хочу снова повидать горы, Гэндальв. Горы. А потом найти место, где можно отдохнуть. Спокойно и мирно, чтобы рядом не было кучи любопытных родственников и на звонке не висели бесконечные посетители, будь они неладны! Может быть, найду такое место, где смогу кончить мою книгу. Я придумал для нее хорошую концовку: «… и с тех пор он жил счастливо до конца дней».

Гэндальв засмеялся.

— Надеюсь, что у него именно так и получится. Только книгу читать никто не будет, как бы она ни кончалась.

— Со временем, может быть, будут. Фродо уже прочитал все, что написано. Ты за Фродо присмотришь одним глазком, хорошо?

— Обоими, как только дела позволят.

— Если бы я его позвал, он бы, конечно, со мной

пошел. Он ведь однажды просился, перед Праздником. Но он еще не по-настоящему захотел. Я хочу увидеть Дикие Земли и горы, пока жив, а он влюблен в Хоббитшир, его леса, луга да речки. Ему здесь хорошо, пусть остается. Я ему все оставляю, кроме некоторых мелочей. Надеюсь, он будет счастлив, когда привыкнет жить один…как хозяин.

— Все ли? — спросил Гэндальв. — И Кольцо? Ты же согласился, помнишь?

— Ну, да… к-конечно, — промямлил Бильбо.

— Где оно?

— В конверте, если хочешь знать! — воскликнул Бильбо с раздражением. — Там, на камине. Хотя нет! Тут, в кармане… — он замялся. — Странно… — и тихо сказал сам себе: — Ну, а почему бы нет? Нельзя, что ли?

Гэндальв устремил на Бильбо тяжелый взгляд, и глаза его сверкнули.

— Бильбо, — проговорил он негромко, — лучше оставь его здесь. Или ты передумал?

— Ну да. То есть, нет. Как доходит до дела, так я чувствую, что не хочу с ним расставаться. И не совсем понимаю, зачем это нужно. А зачем тебе надо, чтобы я его бросил? — спросил он, и голос у него странно изменился, стал резким и

раздраженно-подозрительным. — Ты все время ко мне из-за него пристаешь! А до остального, что я привез, тебе дела нет.

— Конечно, нет, — сказал Гэндальв. — А приставать приходится. Мне надо было знать правду. Это очень важно. Магические Кольца — они, видишь ли, волшебные. Редкие и любопытные. У меня к твоему Колечку, так сказать, профессиональный интерес — был и остался. Если ты опять уходишь, мне надо знать, где оно. И мне кажется, что ты им слишком долго владел. Вряд ли я ошибаюсь, говоря, что тебе пора с ним расстаться.

Бильбо залился краской, в его глазах блеснули злые огоньки, а лицо стало лицом скупердяя.

— А зачем? — вскрикнул он. — Тебе-то какое дело? Моя вещь, моя! Я его нашел. Оно само ко мне попало.

— Да-да, — сказал Гэндальв. — Но тебе незачем злиться.

— С тобой разозлишься, — сказал Бильбо. — Говорю же тебе, что оно мое. Собственное. Мое, мое Золотце!

Лицо Гэндальва оставалось суровым и спокойно-внимательным, только неожиданно блеснувшие глаза выдали тревогу.

— Его так уже называли, — сказал он. — Это не

твои слова.

— А теперь их говорю я. Почему бы нет? Раньше Голлум так говорил, оно было его, а теперь мое. И я его не отдам, вот!

Гэндальв встал и заговорил строго и твердо.

— Не делай глупостей, Бильбо, — сказал он, — ты сейчас каждым словом подтверждаешь, что тебе нельзя брать Кольцо. Оно уже овладевает тобой. Брось его, а сам уходи — и освободишься.

— Что хочу, то и сделаю, как захочу, так и пойду, — упрямо возразил Бильбо.

— Ну-ну, не петушись! — сказал Гэндальв. — Всю долгую жизнь ты был мне другом и кое-чем мне обязан. Давай, делай, как обещал, — оставь Кольцо!

— Если сам его хочешь, так сразу и скажи! — закричал Бильбо. — Но ты его не получишь! Не отдам мое Сокровище, слышишь? — и он потянулся рукой к рукояти меча.

Глаза Гэндальва вспыхнули.

— Я скоро рассержусь, — сказал он. — Еще раз такое скажешь, будет плохо. Тогда увидишь Гэндальва Серого без плаща!

Маг шагнул к хоббиту и будто вырос и стал грозным. Его тень заполнила всю комнату. Бильбо, тяжело дыша, отступил к стене, а его рука словно

прикипела к карману. Некоторое время они, не двигаясь, стояли друг против друга, и было так тихо, что в ушах звенело. Гэндальв не отводил взгляда. Потом руки хоббита разжались, он весь обмяк и задрожал.

— Что ты, что ты, Гэндальв, — проговорил он. — Ты никогда таким не был. Из-за чего? Разве оно не мое? Я его нашел, а если бы не оставил себе, Голлум меня убил бы. Я не вор, что бы он ни говорил.

— Я никогда не называл тебя вором, — ответил Гэндальв. — Я тоже не вор. И не собираюсь грабить тебя, а хочу тебе помочь. Хочу, чтобы ты мне верил как раньше.

Маг отвернулся, тень растаяла. Перед хоббитом опять стоял седой ссутуленный старик с тревожным взглядом. Бильбо прикрыл глаза рукой.

— Прости меня, — сказал он. — На меня что-то нашло. Наверное, без него вправду будет легче. Оно в последнее время меня давило. Иногда казалось, что оно смотрит на меня, как глаз. И все чаще хотелось надеть его и исчезнуть, понимаешь? Я все боялся, что оно потеряется, вытаскивал, проверял, на месте ли оно. Пытался в ящик запирать, но не мог спокойно жить, если оно не в кармане. Не знаю, почему. Никак не

решу, что делать.

— Тогда доверься мне, — сказал Гэндальв. — Я теперь точно решил. Сам уходи, а его оставь. Освободись от него. Отдай его Фродо, а я за ним присмотрю.

Бильбо напряженно замер, все еще не решаясь. Потом вздохнул.

— Хорошо, — сказал он с усилием. — Отдам. — И тут пожал плечами и грустно улыбнулся. — В конце концов я для этого весь праздник затеял: раздать кучу подарков, чтобы легче было и его отдать. Легче не получилось, но жаль будет, если все зря. Сам себе испорчу шутку.

— Да, в этом был ее единственный смысл: все может пойти насмарку, — сказал Гэндальв.

— Ладно, — сказал Бильбо. — Пусть оно переходит к Фродо со всем остальным. — Он глубоко вздохнул. — А теперь в самом деле пора уходить, пока меня не заметили. Я уже со всеми простился, еще раз прощаться тяжело будет, я этого не вынесу, — хоббит вскинул мешок на плечо и направился к двери.

— Кольцо-то у тебя в кармане, — сказал маг.

— Да-да! — вскричал Бильбо. — И завещание, и другие бумаги. Лучше ты все это возьми и передай от моего имени. Так надежнее.

— Нет, Кольцо ты мне не давай, — сказал Гэндальв. — Оставь на камине, ничего с ним не случится, пока Фродо не придет. Я его подожду.

Бильбо вынул конверт и собирался положить возле часов, но рука его дрогнула, и пакет упал на пол. Не успел он подобрать его, как Гэндальв нагнулся, быстро схватил и положил на место. Лицо хоббита зло передернулось, но почти сразу на нем появилось выражение облегчения и улыбка.

— Вот и все, — сказал он. — Вот я и ухожу!

Они вместе вышли в коридор. Бильбо взял с подставки любимую трость и присвистнул. Тут же из разных дверей появились три гнома.

— Все готово? — спросил Бильбо. — Все упаковали, все подписали?

— Все! — ответили они.

— Тогда вперед! — и он перешагнул через порог.

Ночь была ясная, на черном небе мерцали точки звезд. Бильбо втянул воздух и посмотрел вверх.

— Как чудесно! Как здорово снова выйти в Путь, и с гномами! Оказывается, именно об этом я и мечтал все годы! Прощай! — оглянулся он на свой старый дом и поклонился двери. — Прощай, Гэндальв!

— Пока еще до свидания, Бильбо! Береги себя. Ты уже стар, но ума тебе хватит.

— Береги, береги! Чего беречь-то? Да ты обо мне не тревожься, я счастлив, как никогда, а это значит — очень. Но мне пора. Наконец-то меня вынесло на Дорогу! — добавил он и тихонько, только для себя, запел в темноте:

Убегает дорога вперед и вперед,
Уходя от родного порога;
И уйду я по ней далеко на восход,
А оттуда — подальше немного.
Разбегаются тропы в широкий простор,
То совсем расходясь, то сливаясь...
И куда я пойду — не о том разговор,
А о том, почему отправляюсь...

Потом он еще постоял, молча повернулся — и уже без единого слова пошел прочь от огней и голосов мимо луга, в сад, на пологий спуск с Холма. Три гнома шли за ним. Перепрыгнув через живую изгородь в низком месте, он прошел по густой траве, словно по ней прошуршал ветерок, и скрылся в ночи.

Гэндальв стоял и смотрел ему вслед.

— До свидания, друг Бильбо! До встречи! — тихо произнес он и вернулся в дом.

* * *

Скоро пришел Фродо и застал Гэндальва в глубокой задумчивости. Маг даже света не зажег.

— Ушел? — спросил хоббит.

— Да, — ответил маг. — Ушел, наконец.

— Я бы хотел… вернее, я до самого сегодняшнего вечера надеялся, что это будет только шутка, — сказал Фродо. — Но сердцем чувствовал, что он правда решил уходить. Он всегда шутил, когда дело касалось серьезных вещей. Обидно, что я опоздал, надо было мне раньше прийти и его проводить.

— Мне кажется, он хотел уйти именно так: тихо и незаметно, — сказал Гэндальв. — Не волнуйся. С ним все хорошо — пока. А тебе он оставил пакет. Вон там.

Фродо взял с камина пакет, скользнул по нему взглядом, но не открыл.

— В нем, наверное, завещание и разные бумаги, — сказал маг. — Ты теперь хозяин Торбы-в-Холме. И еще там должно быть золотое кольцо.

— Кольцо! — воскликнул Фродо. — Он мне его оставил? Интересно, почему? Но, может быть,

пригодится.

— Может быть, — сказал Гэндальв. — А может быть, и нет. На твоем месте я бы им не пользовался. Храни его в секрете и береги, чтоб не пропало. Я пойду посплю.

* * *

Фродо в роли хозяина дома приступил к неприятной обязанности провожать гостей. По всему лугу молниеносно разнеслась весть о странных событиях, хотя сам Фродо не произнес ничего, кроме многократно повторенного «утро вечера мудреней».

Около полуночи за самыми важными гостями заехали повозки и одна за другой увезли с Холма сытых, но очень недовольных хоббитов. За теми не очень именитыми гостями, которые не по своей вине задержались и не смогли уйти до полуночи, пришли нанятые специально для этого садовники с тачками.

Ночь в конце концов прошла. Солнце встало раньше хоббитов. Днем пришли (тоже по уговору) помощники, чтобы навести порядок.

Надо было убрать беседки, навесы, столы, кресла, ложки, ножи, бутылки, тарелки, фонарики, вазы с букетами, собрать крошки и бумажки от

конфет, забытые сумочки, перчатки, носовые платки, а также остатки трапезы (этих было совсем мало). Потом пришли еще хоббиты (без уговора): Торбинсы, Боффины, Болджеры, Туки и всякие более или менее близкие соседи. К полудню все уже были на ногах, и в Торбе опять собралась толпа гостей — несмотря на то что Бильбо на этот день уже никого не приглашал. Фродо стоял на пороге, улыбаясь усталой и вымученной улыбкой. Он всех вежливо приветствовал, но никто ничего нового от него не узнал. На все вопросы он просто отвечал:

— Господин Бильбо Торбинс уехал. И, насколько мне известно, навсегда.

Некоторых Фродо пригласил в дом, потому что Бильбо «оставил для них словцо». В коридоре громоздились пакеты и пакетики разных размеров, а также мелкие предметы из мебели. К каждому пакету и к каждому предмету была прикреплена карточка. Надписи на карточках звучали примерно так: на зонтике: «Аделярду Туку, чтобы у него был, наконец, собственный зонт, — от Бильбо» (это потому, что Аделярд, не имея зонта, частенько уносил чей-нибудь непомеченный зонтик);

«Дорогой Доре Торбинс в память о долгой переписке — от любящего Бильбо» — на огромной

корзине для бумаг (Дора была старшей из живущих родственниц Бильбо и Фродо, ей стукнуло 99 лет, и за последние полвека она исписала горы бумаги полезными советами мелким почерком);

«Милу Закопансу — в надежде, что ему это пригодится, — от Б.Т.» — на ручке с золотым пером и флаконе чернил (Мил никогда не отвечал на письма);

«Лично для Анжелики — от дяди Бильбо» — на круглом вогнутом зеркале (юная Анжелика была истинной представительницей Торбинсов и считала себя непревзойденной красавицей);

«Для библиотеки Гуга Тугобрюха — от одного из жертвователей» — на пустой книжной полке (Гуг часто брал у друзей книжки почитать, а отдавал гораздо реже);

«Лобелии Сумкин-Торбинс — чтобы помнила» — на коробке с серебряными ложками. Бильбо подозревал, что большинство серебряных ложек, исчезнувших из дома за время Путешествия, перекочевало к Лобелии (Лобелия, пришедшая позже всех, прекрасно поняла, о чем ей следовало помнить, но ложки взяла).

Мы привели надписи лишь на нескольких подарках из множества им подобных. За долгую жизнь Бильбо в его норе скопилось много раз-

ных вещей. Хоббичьи норы часто оказываются загромождeнными со временем, что можно объяснить распространенным обычаем вручения взаимных подарков. Это не значит, что хоббиты всегда лезут из кожи, чтобы непременно подарить что-нибудь новое. Среди подарков бывали вещи из куч сдачи, неизвестного назначения, которые уже не первый раз циркулировали по всей округе. Но Бильбо обычно дарил друзьям предметы, специально купленные для этой цели, а все, что получал в подарок, хранил. В тот день старая его нора явно освобождалась от хлама.

На каждом прощальном подарке имелась карточка, собственноручно подписанная Бильбо, и на многих карточках были остроумные шутки с намеками. В большинстве случаев вещи были все-таки полезные, а надписи приятные.

Очень хорошие подарки от Бильбо получили бедняки, особенно сеседи с Пронырной. Деду Гэмджи, например, досталось два мешка картошки, новая лопата, шерстяной жилет и бутылка растирки для больных суставов.

Седовласый Рори Брендибак в благодарность за свое всегдашнее радушие получил дюжину бутылок благороднейшего напитка: крепкого красного вина с винокурен Южной чверти, ста-

ринного и выдержанного, которое делал еще отец Бильбо. Осушив первую бутылку, Рори все простил Бильбо и с тех пор не уставал повторять, что Бильбо Торбинс — замечательный хоббит.

Фродо получил в наследство много добра: книги, картины, мебель, дорогую утварь… Но никаких признаков денег и сокровищ. Среди вещей, оставленных Бильбо, не было ни единой монеты и ни одной драгоценности, даже ни одной стеклянной бусинки.

* * *

К концу дня Фродо пришлось несладко. С быстротой пожара по округе разошлись слухи, что в Торбе раздают имущество Бильбо, и туда повалил народ; хоббиты толклись в норе без толку, но спровадить их было почти невозможно. Беспорядок они устроили изрядный. Подарки оказались перепутаны, наклейки с них содраны; вспыхивали ссоры. То один, то другой в прихожей пробовал меняться и торговать, а находились и такие, которые пытались стащить предназначенную не для них мелочь или просто хватали то, чем, казалось, пренебрегали другие, или что лежало сбоку без присмотра.

Дорогу от двери до ворот запрудили тележки

и тачки.

В самый разгар сутолоки прибыли Сумкин-Торбинсы. Фродо как раз решил передохнуть и оставил своего друга Мерри Брендибака присмотреть за всем. Когда Отто громко потребовал свидания с Фродо, Мерри вежливо поклонился и ответил:

— Он сейчас не расположен никого видеть. Он отдыхает.

— Лучше скажи, прячется, — сказала Лобелия. — Но мы хотим с ним говорить и именно для этого пришли. Иди и доложи, что мы здесь.

Мерри ушел, надолго оставив их в прихожей, и они успели за это время обнаружить в прощальных подарках коробку с ложками для Лобелии. Настроение у них от этого не улучшилось. Наконец их проводили в кабинет.

Фродо сидел за столом, перед ним была куча бумаг. Было ясно, что он в самом деле не расположен никого видеть, а Сумкинсов и подавно. Он встал, держа руку в кармане, но обратился к вошедшим вполне учтиво.

Сумкинсы перешли в наступление и начали с того, что стали предлагать позорно низкие цены (ради дружбы) за дорогие вещи; на которых не было этикеток. Когда Фродо объяснил, что раз-

дает только то, что Бильбо специально отобрал, они заявили, что все это им кажется подозрительным.

— Мне ясно одно, — сказал Отто. — Ты себе из всего этого нагреб, что хотел. Требую показать завещание!

Отто был бы наследником Бильбо, если бы тот не усыновил племянника. Поэтому он внимательно прочитал завещание — и возмущенно фыркнул. К полному его разочарованию, документ был составлен предельно ясно и правильно (по хоббичьему обычаю, в конце красовались подписи семи свидетелей красными чернилами).

— Нас опять надули! — повернулся Отто к жене. — Зря прождать шестьдесят лет! Серебряные ложки? Фу, ерунда!

Он щелкнул пальцами под носом у Фродо и затопал к выходу. Но от Лобелии было не так-то просто отделаться. Через некоторое время Фродо вышел посмотреть, что творится в остальных помещениях, и увидел, как она расхаживает по норе, исследуя закоулки и простукивая полы. Он твердой рукой вывел ее из своих владений, избавив от нескольких мелких, но довольно ценных предметов, непонятно как попавших к ней в зонтик. По ее лицу было похоже, что она собиралась

на прощание произнести что-то убийственное, но, обернувшись уже на пороге, она проговорила только:

— Ты об этом всю жизнь жалеть будешь, молокосос! Почему ты с ним не ушел? Тебе здесь не место, ты не Торбинс, ты… ты Брендибак!

— Слышишь, Мерри? Меня оскорбили! — сказал Фродо, запирая дверь.

— Тебе сказали комплимент, — произнес в ответ Мерри. — Значит, это неправда.

Потом они вместе прошлись по норе и выпроводили трех хоббитят (двух Боффинов и одного Болджера), которые пробивали дырки в стенах одного из чуланов. А потом Фродо подрался с юным Санчо Мохнопятом (внуком старого Одо), начавшим копать в большой кладовой, где ему послышалось эхо из-под пола. Сказка о золоте Бильбо будила любопытство и надежды, ибо всякий знает, что сказочное золото, добытое таинственным, а то и нечестным путем, принадлежит тому, кто его найдет и сумеет им завладеть.

Одолев Санчо и вытолкав его из норы, Фродо без сил опустился на стул у двери.

— Пора закрывать лавочку, Мерри, — сказал он. — Запри дверь и, кто бы ни пришел, не открывай, даже если с тараном явятся.

После этого новый хозяин Торбы решил восстановить силы запоздалой чашкой чая. Не успел он сесть за чай, как раздался негромкий стук в наружную дверь. «Наверняка снова Лобелия, — подумал он. — Придумала новую гадость и вернулась, чтобы поскорее выложить. Подождет».

И он продолжал чаепитие. В дверь еще раз постучали, уже громче, но он сделал вид, что не слышит. Вдруг в окне появилась седая голова мага.

— Если ты меня не пустишь, Фродо, я тебе так дверь высажу, что она всю нору и Холм насквозь пролетит! — сказал он.

— Гэндальв, дорогой! Минуточку! — вскричал Фродо и бегом помчался к двери. — Входи, входи! Я думал, что это Лобелия.

— Тогда прощаю. Я ее недавно видел, ехала в сторону Приречья на бричке с таким выражением, от которого молоко скисает.

— Я тут сам чуть не скис. Честно, хотелось Кольцо Бильбо надеть и исчезнуть.

— Вот этого не делай, — сказал Гэндальв, садясь. — С Кольцом будь осторожен, Фродо! Я ведь заехал попрощаться с тобой отчасти потому, что оно и мне покоя не дает.

— В чем дело-то?

— Что тебе о нем известно?

— Только то, что Бильбо рассказал. Он ведь мне рассказывал всю историю: как он его нашел, и как оно его выручало в Путешествии.

— Интересно, что за история, — сказал Гэндальв.

— Да уж не та, которую он рассказывал гномам и записал в Книге, — ответил Фродо. — Как только я сюда переехал, он мне правду рассказал. И как ты надоедал ему до тех пор, пока все не вытянул, так что лучше будет, если и я все буду знать. «Между нами не должно быть секретов, Фродо, — сказал он. — Только из дому не выноси. Мое оно, и все тут».

— Интересно, — сказал Гэндальв. — Ну и что ты об этом думаешь?

— Если ты насчет «подарочка», ну… думаю, что правдивая история более вероятна. И не вижу смысла в том, что Бильбо столько всем врал. На него это совсем не похоже; мне странным показалось.

— И мне тоже. Но странности появляются у тех, к кому попадают такие сокровища, — особенно, если они ими пользуются. Считай это предупреждением и будь предельно осторожен. А вдруг

Кольцо может не только делать тебя невидимым, когда захочешь?

— Не понял, — сказал Фродо.

— И я пока не понял, — ответил маг. — Я только начал интересоваться Кольцом, а всерьез — со вчерашнего вечера. Беспокоиться пока нечего. Но советую пореже его надевать, а лучше совсем не трогать. И очень прошу тебя, ни в коем случае не пользуйся им, если есть риск вызвать пересуды и подозрения. Еще раз говорю: спрячь и держи в секрете!

— Ты говоришь загадками. Чего ты боишься?

— Я пока ни в чем не уверен, так что больше ничего не скажу. Может быть, смогу кое-что сказать, когда вернусь. А сейчас ухожу немедленно, так что до свидания! — он встал.

— Немедленно! — вскричал Фродо. — А я думал, ты хоть недельку погостишь. Надеялся, что ты мне поможешь.

— Я так и собирался. Но планы меняются. Меня, возможно, долго не будет. Как только смогу, я к тебе вернусь. Готовься, что появлюсь неожиданно. Мне теперь нельзя открыто разгуливать по Хоббитширу, так что проскользну незаметно. Кажется, меня здесь перестали уважать. Говорят, что я нарушитель спокойствия. Некоторые обви-

няют в том, что я сбил с пути Бильбо или сделал с ним что-нибудь похуже. Если хочешь знать, мы с тобой вступили в заговор, чтобы завладеть его богатством.

— Знаю я этих некоторых! — воскликнул Фродо. — Небось, Отто с Лобелией. Гадость какая! Я бы им отдал Торбу и все, что в ней, если бы мог вернуть Бильбо или пойти бродить по свету вместе с ним. Я очень люблю Хоббитшир. Но иногда думаю, что лучше бы я с ним ушел. Хотел бы я знать, увижу ли его когда-нибудь?

— И я хотел бы, — сказал Гэндальв. — Я еще много чего хотел бы знать. Но пока прощай! Береги себя! И жди меня, особенно жди в самое неподходящее время, до свидания!

Фродо проводил его до двери. Гэндальв махнул рукой на прощание и пошел прочь неожиданно быстрым шагом. Но Фродо показалось, что старый маг сильно сутулится, словно несет тяжелую ношу. Был уже вечер, и его фигура в сером плаще скоро скрылась в сумерках. После этого Фродо долго его не видел.

Глава вторая. Тень прошлого

Пересуды не стихли ни за девять, ни за девяносто девять дней. Второе исчезновение господина Бильбо Торбинса обсуждалось в Хоббиттауне и во всем Хоббитшире целый год, а помнили его еще дольше. История о нем в конце концов стала вечерней сказкой для хоббитят: сумасшедший Торбинс, который исчезает с громом и молнией, а возвращается с мешками золота и драгоценностей, превратился в любимого сказочного героя и оставался им много лет после того, как настоящие события забылись.

Но тогда все соседи пришли к единодушному выводу, что Бильбо всегда был чокнутым, а теперь окончательно сошел с ума и взлетел в небо, наверняка свалившись потом в реку или пруд, тут ему и конец пришел. Беда, конечно, но, пожалуй что, и вовремя. А виноват во всем Гэндальв.

— Если этот маг, чтоб он провалился, оставит в покое юного Фродо, он, глядишь, остепенится и станет толковым хоббитом, — говорили они.

Похоже было, что маг оставил-таки Фродо в покое, и Фродо немного остепенился, но толковым хоббитом становиться не спешил. Наоборот, к

нему сразу приклеилась репутация чудака, оставшаяся от Бильбо. Он отказался носить траур, а на следующий год устроил вечеринку, отмечая сто двенадцатый день рождения Бильбо, и назвал ее «полновесным праздником». Праздник не совсем таким получился, но было 20 приглашенных, горы еды и реки питья. Кое-кто возмущался, но Фродо завел традицию ежегодно отмечать день рождения Бильбо, и в конце концов к этому все привыкли. Он заявлял, что Бильбо жив, а на вопрос «тогда где же он?» пожимал плечами. Как и Бильбо, он жил холостяком, но у него была масса приятелей, особенно среди молодых хоббитов, больше всего — из рода Старого Тука. Эти ребята, как и он, с детства любили дядю Бильбо и без конца бегали к нему в Торбу. Среди них были Фолко Боффин и Фредегар Болджер, а ближайшими друзьями Фродо стали Перегрин Тук (обычно именуемый Пипином) и Мерри Брендибак (чье полное имя — Мерриадок — редко кто вспоминал). С ними Фродо любил бродить по Хоббитширу. Но он часто гулял и без них; иногда, к удивлению почтенных соседей, бродил один по холмам и лесам далеко от дома, даже ночью под звездами. Мерри с Пипином подозревали, что он ходит к эльфам, как Бильбо.

Со временем народ стал замечать, что Фродо тоже «хорошо сохраняется»: он жил, жил, а все казался крепким и энергичным молодым хоббитом, только что отметившим совершеннолетие.

— Везет же некоторым, — поговаривали в округе, но особого значения этому не придавали, пока ему не стукнуло пятьдесят: возраст серьезный, а он никак не угомонится, — очень странно.

Сам Фродо, пережив первое потрясение, обнаружил, что быть самостоятельным хоббитом, *господином* Торбинсом из Торбы-в-Холме, весьма приятно. Несколько лет он был просто счастлив и о будущем не думал. Но потом, незаметно для себя, пришел к мысли, что зря он не пошел с Бильбо, и мысль эта в нем все укреплялась. Он стал задумываться о дальних странах, а иногда, особенно осенью, ему снились невиданные горы. Временами он мысленно говорил сам себе: «Вот возьму и уйду за Реку», но кто-то другой, сидевший в нем, отвечал: «Еще не пора».

Так он жил-поживал до пятидесяти. Он сам чувствовал, что пятьдесят — число очень важное, может быть, даже роковое: в этом возрасте на Бильбо свалилось Приключение. И Фродо потерял покой. Старые тропы стали казаться ему слишком истоптанными. Он рассматривал

карты и думал о том, что лежит за их рамками, — на картах, изготовленных в Хоббитшире, его окружали сплошные белые пятна. Он стал чаще выходить на прогулки без спутников и заходил все дальше и дальше. Мерри и остальные друзья встревоженно за ним наблюдали. А он вдобавок стал заговаривать с чужестранцами, которые начали проникать в Хоббитшир.

* * *

В Хоббиттаун доходили слухи о странных событиях в мире, а так как Гэндальв уже несколько лет не появлялся и не давал о себе знать, Фродо старался не пропустить ни одной новости.

Через Хоббитшир вдруг пролегли пути-дорожки эльфов — раньше они редко здесь показывались, а сейчас вечерами шли и шли на запад через лес, уходили и не возвращались. Они покидали Среднеземье, им стали безразличны беды этого края. Они лишь качали головами и пели свои грустные песни.

Но главным источником сведений для хоббитов всегда были гномы, хотя они немногословны, а хоббиты — не охотники расспрашивать про чужие дела. Гномы издавна пользовались Большим Трактом, проходившим через Брендидуинский

Мост, и теперь шли во множестве, Фродо встречал совсем чужедальних из незнакомых племен, искавших на западе убежища. Эти беспокойно оглядывались, и некоторые шепотом говорили про Врага и страну Мордор.

Это название было хоббитам известно только из легенд Незапамятных времен, оно лежало на дне памяти черной тенью, звучало зловеще и тревожно. Может быть, злые силы, изгнанные из Темнолесья Белым Советом Мудрых, опять собрались и умножились в старых твердынях Мордора? Говорили, что Черная Крепость отстроена. Вражье воинство неумолимо расползается оттуда, и теперь далеко на юге и на востоке гремят войны. В горах множатся орки. На свет вышли тролли — они уже не тупые, а хитрые, и у них какое-то страшное оружие. Намекали на тварей еще похуже, но тех даже называть боялись.

* * *

Простые хоббиты во всем этом, конечно, мало что смыслили. Но и самые глухие домоседы догадывались, что происходит что-то странное. А те, кто бывал у границ, видели непонятные вещи. Беседа за кружкой пива в «Зеленом драконе» в Приречье, происходившая одним весенним

вечером в год пятидесятилетия Фродо, показала, что тревожные слухи проникли в самые тихие закоулки Хоббитшира, хотя многие хоббиты пока еще подтрунивали над ними.

В углу у камина сидел Сэм Гэмджи, а напротив него — сын мельника Тед Песокс. Вокруг, заинтересованно прислушиваясь, собрались хоббиты из ближайших деревень.

— Странные слухи ходят, это точно, — говорил Сэм.

— Да ну, — сказал Тед. — Охота тебе верить. Я и дома могу сказок наслушаться, если захочу.

— Все могут, — оскорбился Сэм. — И в этих сказках бывает больше правды, чем ты думаешь. Сказки-то кто придумывает? Возьми, к примеру, драконов.

— Нет уж, спасибо, не возьму, — сказал Тед. — Я про них наслушался, когда был мальцом, а сейчас зачем мне в них верить? В Приречье только один «Дракон», да и тот зеленый, — сострил он, вызвав общий смех.

— Хорошо сказано, — засмеялся Сэм вместе со всеми. — А что ты скажешь про Древесных Великанов? Говорят, одного недавно видели за Северными Болотами — он был выше дерева!

— Кто говорит?

— К примеру, Хэл, мой двоюродный брат. Он работает в Занорье у господина Боффина и часто ходит на охоту в Северную чверть. Он сам одного видел.

— Это он говорит, что видел. Твой Хэл всегда говорит, что видел то, что другие не видели. Может, там ничего и не было.

— Да был же. Громадный, как вяз, и шагал: как шагнет, сразу семь ярдов!

— Спорим, что никаких не семь. Хэл, наверное, вяз и видел, а что шагает — соврал.

— Как раз этот шагал. А вязы за Северными Болотами не растут.

— Значит, Хэл даже и вяза не видел, — сказал Тед.

Кругом засмеялись, а некоторые захлопали. Похоже, слушатели решили, что Тед выиграл очко.

— Ну ладно, — сказал Сэм. — Но ты же не станешь отрицать, что и без Хэла многие видели странных чужаков, проходящих через Хоббитшир? Причем, замечают только тех, кто проходит. А кого через границу не пропустили — тех гораздо больше. Обходчики сейчас почти не отдыхают. Говорят, что эльфы идут на запад. Я слышал, они в Гавань уходят, за Белые Башни.

Сэм неопределенно махнул рукой. Как и все

остальные здесь, он понятия не имел, как далеко до Моря, все это было за пределами. Но все знали старую легенду о том, что где-то далеко, за старыми Башнями, есть Серая Гавань, из которой уходят эльфийские корабли и не возвращаются.

— Они плывут и плывут через Море на запад, и нас навсегда покидают, — добавил Сэм нараспев, с печальной важностью качая головой.

Но Тед только рассмеялся.

— Нашел новость для любителей старых сказок! Нам-то с тобой что до них? Пусть плывут. Я только голову наотрез даю, что ты их не видел. И никто в Хоббитшире не видел.

— Не знаю, — задумчиво протянул Сэм. Он однажды кого-то заметил в лесу и был уверен, что встретил эльфа. Ему хотелось встретить еще хоть одного. Из всех сказок, которые ему рассказывали в детстве, его сильнее других волновали обрывочные легенды и полузабытые правдивые рассказы про эльфов.

— Даже в наших местах некоторые водятся с Дивным Народом и узнают у эльфов новости, — продолжал он. — Вот мой хозяин, господин Торбинс. Это он сказал мне, что они уплывают, а уж ему про эльфов кое-что известно! Старый господин Бильбо еще больше знал и мне много

рассказывал, когда я был маленьким.

— Да оба они чокнутые, — сказал Тед. — Во всяком случае, старый Бильбо явно свихнулся, а теперь и Фродо туда же катится. Если все твои сведения от них, то у тебя в голове, наверное, тоже затмение. Ладно, приятели, я домой пошел. Ваше здоровье!

Он осушил кружку и громко хлопнул дверью.

Сэм больше ничего не произнес. Он сидел молча и думал, а подумать ему было о чем. Во-первых, в саду Торбинса полно работы, и если завтра распогодится, придется попотеть. Трава очень быстро растет. Но Сэма заботили не только садовые дела. Наконец, он вздохнул, встал и вышел из трактира.

Было начало апреля, небо расчищалось после проливного дождя. Солнце село, прохладный светлый вечер тихо угасал, близилась ночь. Сэм шел через Хоббиттаун на Холм под ранними звездами, тихонько и задумчиво насвистывая.

* * *

Как раз тогда после долгого отсутствия снова появился Гэндальв. После Праздника он исчез на три года, потом нанес Фродо краткий визит, во время которого не сводил с него глаз, и ушел.

В следующие два года он наведывался довольно часто, неожиданно являясь в сумерки и так же неожиданно уходя перед рассветом. Говорить о своих делах и путешествиях он отказывался, но неизменно интересовался здоровьем Фродо и его занятиями.

Вдруг его визиты прекратились. Он пропал надолго, больше девяти лет Фродо его не видел и ничего о нем не слышал, и стал уже думать, что маг потерял всякий интерес к хоббитам и никогда не вернется. Но в тот вечер, когда Сэм в сумерки шел домой из «Зеленого дракона», знакомая рука постучала в окно кабинета.

Фродо удивился, очень обрадовался и тепло приветствовал старого приятеля. Оба долго смотрели друг на друга.

— Все хорошо? — сказал Гэндальв. — А ты совсем не изменился, Фродо!

— Ты тоже не изменился, — ответил Фродо, но про себя подумал, что Гэндальв постарел. Он пристал к магу с расспросами о широком мире, и скоро они уже увлеченно беседовали и не заметили, как засиделись за полночь.

* * *

Утром после позднего завтрака маг и Фродо сидели в кабинете у открытого окна. Теплое солнце светило в комнату, ветер дул с юга, в камине горел яркий огонь. Было свежо, и все выглядело свежим, весенняя зелень пробивалась в полях и начинала курчавиться в тонких пальчиках веток.

Гэндальву вспомнилась весна почти 80 лет назад, когда Бильбо выбежал из Торбы-в-Холме даже без носового платка. Сейчас голова мага еще больше побелела, борода и брови стали, пожалуй, длиннее, а мудрых морщин прибавилось; но глаза были ясными, как всегда, и колечки дыма он пускал с таким же озорным удовольствием.

Сейчас, однако, он курил молча, потому что Фродо, глубоко задумавшись, ни о чем не спрашивал. Даже в свете утра хоббит чувствовал, как темная тень протягивается от вестей Гэндальва.

Наконец, Фродо прервал молчание.

— Вчера вечером ты что-то странное произнес про мое Кольцо, Гэндальв, — сказал он. — Начал говорить, потом оборвал на полуслове, сказал, что о таких делах лучше при свете. Может, договоришь сейчас? Ты считаешь, что Кольцо очень

опасное, опаснее, чем мне кажется? В чем это проявляется?

— Во многом, — ответил маг. — Оно гораздо могущественнее, чем я смел думать. Сила у него такая, что сломит любого смертного, завладевшего им. Само овладеет хозяином. В старину в Эрегионе изготовили много таких «волшебных», как теперь говорят, магических колец, и были они разные — одни сильнее, другие слабее. Те, что послабее, были для эльфийских кузнецов забавой, упражнениями, когда мастерство еще не дошло до совершенства, хотя я думаю, что простому смертному и таким кольцом владеть было бы небезопасно. А уж Великие Кольца, Кольца Власти, обладают гибельной силой. Смертный, владеющий одним из Великих Колец, не умирает, но и не получает от жизни новой силы с возрастом. Он просто продолжает существовать до тех пор, пока каждая минута не станет безнадежно утомительной. А если он часто надевает Кольцо, чтобы стать невидимым, то словно обесцвечивается — и в конце концов становится совершенно невидимым навсегда. Переселяется в странный туман, где за ним неусыпно следит Глаз Черного Властелина Колец. Да-да, рано или поздно темная сила его поглотит, — если он добр и силен, то

дольше продержится, но так или иначе, конец один.

— Какой ужас! — сказал Фродо.

Снова наступила тишина, лишь из сада доносилось звяканье ножниц Сэма Гэмджи.

* * *

— Как давно ты это узнал? — спросил после долгой паузы Фродо. — И что знал Бильбо?

— Я уверен, что Бильбо знал не больше, чем сказал тебе, — ответил Гэндальв. — Он бы не оставил тебе ничего опасного, даже будучи уверен, что я о тебе позабочусь. Он считал Колечко очень красивым и весьма полезным в некоторых случаях и думал, что к его собственным странностям оно не имеет отношения. Говорил, что привыкает к Кольцу все сильнее, так что ему уже трудно с ним расстаться, и это его тревожило, но он не подозревал, что в этом само Кольцо виновато. Он только заметил, что за Кольцом надо присматривать: оно меняло вес и размер, то странно растягивалось, то сжималось, могло вдруг соскользнуть с пальца, хотя только что сидело туго.

— Да, он меня в прощальном письме об этом предупредил, — сказал Фродо, — так что я его не снимаю с цепочки.

— Очень толково, — сказал Гэндальв. — Но свое долгожительство Бильбо никогда Кольцу не приписывал. Он считал его собственным природным даром и весьма этим гордился. Хотя в последнее время забеспокоился. Он говорил, что его словно «растянули на годы», и что он чувствует, как становится тонким. Значит, Кольцо начинало подчинять его себе.

— Но как давно ты это знаешь? — снова спросил Фродо.

— Знаю что? — сказал Гэндальв. — Я, Фродо, знаю много всего, что только Мудрым известно. Если ты имел в виду про это Кольцо, то тут я, пожалуй, ничего еще не *знаю*. Надо проверить. Но у меня есть догадка, и я не сомневаюсь, что она верна. Когда я впервые догадался?.. — Маг задумался, вспоминая. — Постой… Бильбо нашел Кольцо как раз в тот год, когда Мудрые из Белого Совета выгнали черные силы из Темнолесья, перед Битвой Пяти Воинств. Тогда мне на сердце пала тень страха, но я не понимал, чего боюсь. Голлум каким-то образом завладел магическим Кольцом. В том, что оно магическое, сомнений не было, но как оно к нему попало? Бильбо рассказал историю о том, как он «выиграл» Кольцо; я ему не поверил. Когда удалось, наконец, вытянуть

из него правду, мне стало ясно, что он пытается доказать свое право на сокровище, точно как Голлум с «подарочком на день рождения». Они врали так похоже, что я не мог не встревожиться. Было ясно, что Кольцо сразу же начинает оказывать зловредное влияние на того, в чьи руки попадает. Это было первое предупреждение о том, что не все в порядке. Я часто говорил Бильбо, что такие Кольца лучше не надевать, но он обиделся и рассердился. Больше я ничего сделать не мог. Не отбирать же у него Кольцо — нет у меня такого права, да и от этого могли произойти худшие беды. Оставалось только ждать и наблюдать. Я, конечно, мог бы спросить совета у Сарумана Белого, но что-то меня каждый раз удерживало.

— Это кто такой? — спросил Фродо. — Я о нем ни разу не слышал.

— Ты вряд ли мог о нем слышать, — ответил Гэндальв. — Хоббитами он до сих пор не интересовался. Среди Мудрых он один из великих: глава всех магов и глава Совета. Вместе с ученостью возросла его гордыня, он ни с кем не делится знанием и не любит, когда ему мешают. Он долго изучал все об эльфийских Кольцах, великих и малых, и преуспел в этом.

Он искал секрет их изготовления. То, что он рас-

сказал Совету, когда там зашла речь о Кольцах, рассеяло мои страхи и усыпило мои подозрения. Однако тайная тревога осталась. Я ничего не предпринял, но ждал и продолжал наблюдать.

Казалось, с Бильбо было все в порядке. Так прошли годы. Да, годы проходили, а его будто не трогали. Он не старел. Тень снова прокралась ко мне в сердце. Однако я сказал себе: «Он ведь из семьи долгожителей по линии матери. Еще не так много времени прошло. Жди!» И я ждал. До того самого вечера, когда он ушел из дому. Тогда его речь и поступки испугали меня так, что никакие слова Сарумана уже не успокоили бы. Я, наконец, точно узнал, что здесь замешаны гибельные темные силы. И потратил все эти годы на разгадывание тайны.

— Но ведь пока не произошло ничего непоправимого? — в волнении спросил Фродо. — Он со временем станет самим собой? Я хотел сказать, успокоится и отдохнет?

— Ему сразу стало лучше, — сказал Гэндальв. — Но в мире есть лишь один Властелин, который все знает про Кольца и про то, как они действуют; и насколько я знаю, нет никого, кому было бы известно все про хоббитов. Я — единственный из Мудрых, кто занимался вами. Наука о хоббитах

весьма несовершенна, все время преподносит сюрпризы. То вы мягче масла, то тверже старых древесных корней. Похоже, что некоторые из вас могут дольше противиться Кольцам, чем предполагают Мудрые. По-моему, тебе нечего беспокоиться о Бильбо.

Он, конечно, много лет не только владел Кольцом, но и надевал его, так что пройдет немало времени, пока влияние Кольца сотрется. Но если он больше его не увидит, то сможет жить долго и счастливо: Кольцо перестало действовать с того момента, как Бильбо от него избавился. Ибо он расстался с ним по своей воле — это очень важно. Раз он сумел так сделать, я за него больше не волнуюсь. Теперь я в ответе за тебя. С тех пор как Бильбо ушел, я очень тревожусь о тебе и обо всех вас, милые, бестолковые, беспомощные хоббиты! Мир получит тяжелый удар, если Черный Властелин покорит Хоббитшир; если все ваши добрые, веселые, глупые Болджеры, Дудлинги, Боффины, Тугобрюхи и прочие, не говоря уже о чудаках Торбинсах, станут рабами.

Фродо содрогнулся.

— Но почему мы? — спросил он. — Зачем ему такие рабы?

— Правду говоря, — ответил Гэндальв, — мне

кажется, что пока — *пока*, учти! — ему было совершенно безразлично, существуют хоббиты или нет. Хоть за это скажите спасибо. Но бестревожное время миновало. Ему нужны не вы — у него много более полезных слуг, — просто он о вас уже не забудет. А жалкие рабы-хоббиты ему более угодны, чем хоббиты свободные и счастливые. Есть ведь еще злоба и месть!

— Месть? — спросил Фродо. — За что нам мстить? Я так и не понял, какое отношение это все имеет к нам с Бильбо и к нашему Кольцу?

— Самое прямое, — сказал Гэндальв. — Ты еще не знаешь, в чем главная опасность. Сейчас узнаешь. Когда я здесь был в последний раз, я сам не был уверен. Теперь могу сказать определенно. Время пришло. Дай-ка мне на минуту Кольцо.

Фродо вынул его из кармана штанов, снял с цепочки и медленно протянул магу. Кольцо вдруг показалось очень тяжелым, будто ни оно, ни сам Фродо не хотели, чтобы к нему прикасался Гэндальв.

Гэндальв поднял Кольцо к глазам: гладкое, из чистого золота.

— Ты видел на нем какие-нибудь знаки? — спросил маг.

— Нет, — ответил Фродо. — Оно совершенно

гладкое, на нем даже царапин не появляется.

— Тогда смотри! — И, к удивлению и огорчению Фродо, маг неожиданно швырнул Кольцо в самый жар горящего камина.

Фродо вскрикнул и рванулся к каминным щипцам, но Гэндальв удержал его руку.

— Подожди! — сказал он тоном приказа, сверкнув на хоббита глазами из-под торчащих бровей.

Кольцо внешне не менялось. Через некоторое время Гэндальв встал, прикрыл ставни и задернул занавески. В комнате стало темно и тихо, только за окном продолжали слабо щелкать ножницы Сэма, по-видимому, работавшего теперь ближе.

С минуту маг смотрел в огонь, потом нагнулся, сдвинул Кольцо щипцами на край решетки и взял пальцами. Фродо раскрыл рот от изумления.

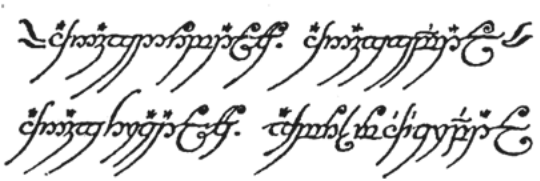
— Оно совсем не горячее, — сказал Гэндальв. — Возьми!

Фродо принял Кольцо в дрогнувшую ладонь: казалось, что оно стало толще и тяжелее.

— Выше подними! — сказал Гэндальв. — И вглядись!

Фродо вгляделся и увидел огненные линии: тоньше, чем можно нанести наитончайшим пером, они бежали легкой вязью по Кольцу, внутри

и снаружи, складываясь в слова. Буквы были пронзительно яркими и одновременно далекими, словно надпись выступала из недосягаемой глубины и виделась сквозь поверхность Кольца.



— Я не могу прочитать эти огненные знаки, — сказал Фродо с дрожью в голосе.

— Ты не можешь, зато я могу, — сказал Гэндальв. — Буквы эльфийские, очень древние, а язык мордорский. Я не хочу, чтобы он здесь звучал. Но вот как это почти точно будет на всеобщем языке:

«Единое, чтоб всеми править, единое, чтоб все сыскать,

Единое, чтоб их собрать и в цепь сковать…»

Это две строки из стихотворного заклинания, давно известного эльфам из легенд:

Три Кольца — Владыкам эльфов под высоким небом;

Семь — для гномьих королей в каменных дворцах;

Девять — смертным, обреченным мало жить и кануть в небыль;

И Одно — для Властелина, чей престол — черный прах

В Мордоре, где залегает Мрак.

Единое, чтоб всеми править;

Единое, чтоб все сыскать;

Единое, чтоб их собрать и в цепь сковать

В Мордоре, где залегает Мрак.

Маг выдержал паузу, потом медленно, понизив голос, произнес:

— Это — Кольцо Всевластья. Одно над всеми остальными. То самое Единое, которое Враг утратил много веков назад, от чего сильно поколебалась его власть. Он жаждет завладеть им снова — но он не должен его получить.

Фродо молчал и не шевелился. Страх протянул к нему огромную руку, словно темная туча, поднявшись на востоке, надвигалась, чтобы поглотить его.

— Единое К-кольцо! — запинаясь, произнес он

наконец. — Как же оно в наши края попало, как?

— А! — сказал Гэндальв. — Это длинный рассказ.

* * *

— Все началось давным-давно, в Черные Годы, о которых сейчас помнят только Мудрые. Если бы я стал рассказывать всю историю от начала до конца, мы бы просидели здесь до зимы.

Но я уже говорил тебе вчера о Черном Властелине, Сауроне Великом. Слухи, дошедшие до тебя, не лгут: он действительно возродился, покинул замок в Темнолесье и вернулся в свою древнюю твердыню — Черную Крепость в Мордоре. Это название слышали даже хоббиты, оно, словно тень, стоит за краем многих древних летописей. Каждый раз после разгрома Врага Тень залегает, и наступает передышка, а потом она принимает новое обличье и снова вырастает.

— Хоть бы все это было не при мне! — сказал Фродо.

— Я бы тоже этого хотел, — сказал Гэндальв. — И все, кто живет в подобные времена, хотят того же. Но не нам решать. Мы можем лишь хуже или лучше распорядиться тем временем, которое нам отпущено. А наше с тобой время, Фродо, уже

омрачено. Враг с каждым днем набирает силу. Его планы, по-видимому, еще не созрели, но вот-вот у него все будет готово, и нам придется плохо. Нам очень плохо придется, независимо от Кольца. А Кольца Врагу не хватает — ему только его и не хватает, чтобы получить такую силу и знания, которые сокрушат любую защиту, сломают всякое сопротивление и второй раз закроют всю землю Тьмой.

Три Кольца, прекраснейшие из всех, эльфийские Властители скрыли от Врага; его рука не коснулась их и не осквернила. Семь Колец принадлежали гномьим королям, но тремя из них Саурон завладел, а остальные уничтожены драконами. Девять Враг раздал смертным людям, великим и гордым, этим обольстил их, и они покорились Единому, став Кольценосными призраками, тенями Великой Тени, самыми страшными слугами Зла. Давно это было. Прошло много лет с тех пор, как видели на земле Девятерых. Но кто знает? Мрак разрастается, они могут снова появиться. Не дрожи! Мы не будем говорить о них в Хоббитшире даже в такое яркое утро.

Значит, так. Девять Колец у Врага, и Семь — тоже, вернее, те, которые уцелели из Семи. Три пока скрыты, но это его не волнует. Ему нужно лишь

одно — Единое, которое он сделал сам. Это его Кольцо, в нем большая часть его прежней силы. С его помощью он сможет управлять остальными. Если он его получит, он будет ими снова управлять, где бы они ни были, даже спрятанными Тремя, и все, что с их помощью сделано, откроется ему и окажется беззащитным, а он станет сильнее, чем когда-либо.

Это было бы ужасно, Фродо. До сих пор он верил, что Единое погибло; думал, что эльфы его уничтожили, как должны были сделать. А теперь он знает, что оно не погибло, что оно вернулось в мир. И сам его ищет, ищет, направив на поиски всю силу мысли. В этом Едином Кольце великая надежда Саурона и наш великий страх.

— Но почему, почему его не уничтожили? — вскричал Фродо. — И если Враг так силен, а оно ему так дорого, как же он его потерял?

Хоббит сжал Кольцо в руке, будто уже видел, как к нему тянутся черные пальцы, готовые схватить.

— У него его отняли, — сказал Гэндальв. — Было время, когда эльфы могли выставить против Саурона большую силу, и не все люди чурались эльфов, как сейчас. Люди Заокраинного Запада пришли им на помощь. Не мешало бы вспомнить

эту главу истории древних времен, ибо тогда тоже была печаль и собиралась Тьма, но была великая доблесть и совершались великие подвиги, и герои погибали не зря. Может быть, когда-нибудь я расскажу тебе всю историю, или ты услышишь ее от того, кто знает ее лучше меня.

Но сейчас прежде всего тебе надо узнать, как эта вещь попала сюда, а это уже достаточно длинный рассказ. Слушай.

Однажды Саурон потерпел поражение. Его победили король эльфов Гил-Гэлад и Элендил с Заокраинного Запада, хотя за победу оба заплатили жизнью. Исилдур, сын Элендила, отсек с руки Саурона палец с Кольцом и взял Кольцо себе. Дух убитого Саурона улетел и долго скрывался, пока через много лет не нашел новую оболочку в Темнолесье. Но Кольцо все равно пропало. Утонуло в Великой реке Андуин — и с тех пор его не видели. Исилдур шел на север по восточному берегу Андуина и неподалеку от Долины Ирисов попал в засаду горных орков, которые уничтожили почти всех его людей. Исилдур спасался вплавь, но в воде Кольцо соскользнуло с его пальца. Тогда орки его увидели и стрелами из луков убили.

Гэндальв вздохнул, помолчал и продолжил:

— Кольцо исчезло в темных глубинах Реки близ

Долины Ирисов и с тех пор пропало из памяти и легенд. Даже те отрывки сведений о нем, что я тебе рассказываю, мало кому известны, а больше даже Совет Мудрых не смог узнать. Но я теперь знаю, что случилось потом.

Через много лет после этого, хотя и очень давно, на краю Диких Земель, на берегу Великого Андуина поселился незаметный народец с искусными руками. Наверное, они были сродни хоббитам, какая-нибудь дальняя ветвь первых сторов, ибо они любили Реку и плавали по ней в тростниковых лодочках. Среди них была одна семья, которую очень уважали, потому что она была самая большая и богатая. Главой семьи считалась Бабушка, суровая и строго соблюдавшая обычаи племени. Самого любопытного и проказливого в этой семье звали Смеагол. Он докапывался до корней, чтобы узнать, откуда что растет; нырял в глубокие омуты, рылся под зелеными холмами и в конце концов перестал поднимать взгляд к верхушкам холмов, ветвям деревьев и цветам, свисавшим с них. Он привык опускать глаза и голову.

Был у него друг по имени Деагол, тоже глазастый, но не такой расторопный и сильный. Однажды они вместе взяли лодку и поплыли к Долине Ирисов, в заросли цветущих трав. Там

Смеагол вылез из лодки и пошел обследовать берег, а Деагол остался на Реке удить рыбу. Вдруг приманку схватила большая рыба, и не успел он понять, что происходит, как она стащила его с лодки в воду, на дно. Там он бросил леску, так как увидел что-то блестящее; задержав дыхание, он схватил это вместе с илом в кулак и, отплевываясь, поплыл к берегу. Когда он смыл грязь, у него в руке — вот диво! — оказалось красивое золотое кольцо: оно светилось и сверкало на солнце, радуя глаз. Но Смеагол наблюдал за ним из-за дерева, и пока Деагол восхищенно любовался находкой, Смеагол бесшумно подошел сзади.

«Отдай нам это, Деагол, голубчик», — сказал Смеагол через плечо приятеля.

«Почему?» — сказал Деагол.

«Потому что сегодня у нас день рождения, голубчик, и нам оно нужно», — сказал Смеагол.

«А мне какое дело, — сказал Деагол. — Я уже вручил тебе подарок, даже не по средствам. А это я нашел и отдавать не собираюсь».

«В самом деле, голубчик, неужели?» — сказал Смеагол и, вцепившись Деаголу в горло, задушил его, потому что золото казалось таким красивым и ярким. Потом он надел Кольцо себе на палец.

Никто так и не узнал, что стало с Деаголом: он

был убит далеко от дома, и его тело было ловко спрятано. А Смеагол вернулся один и обнаружил, что когда Кольцо у него на пальце, его никто не видит. Он очень обрадовался такому открытию и о своей тайне никому не сказал. С помощью Кольца он теперь узнавал чужие секреты и использовал это знание, чтобы вредить другим. У него обострился нюх на пакости и улучшилось зрение, чтобы замечать все дурное. Кольцо дало ему власть по мерке, по способностям. Неудивительно, что родственники избегали его и гнали (когда он был видим). Его пинали, а он кусал их за ноги. Он стал воровать и разговаривать сам с собой, и в горле у него булькало: «Голм, голл-м…» За это его и прозвали Голлумом. Его проклинали и требовали, чтобы он убрался подальше, а Бабушка, желая сохранить мир в семье, запретила ему появляться в норе.

Он бродил в одиночестве, хныча и жалуясь на несправедливость, и однажды в верхнем течении Реки набрел на ручей, который стекал в нее с гор, и пошел по этому ручью. Невидимыми пальцами он хватал из воды рыбу и ел ее сырой. А в один из особо жарких дней, наклонившись над прохладным омутом, вдруг почувствовал, как горит у него спина и шея, и как жжет мокрые

глаза слепящий солнечный свет, отражаясь от поверхности воды. Сначала он удивился, потому что почти забыл про солнце. А потом в последний раз поднял взгляд и погрозил ему кулаком.

Снова опуская глаза, он увидел вершины Мглистых гор, с которых стекал ручей, и вдруг подумал: «Наверное, там, под горами, темно и прохладно. Солнце меня там не выследит. У Гор должны быть мощные корни, под ними, наверное, скрыты тайны, которые никто не узнал с начала мира».

И вот ночью он поднялся в горы, нашел пещерку, откуда вытекал темный поток, прополз словно червь в сердце гор, и больше его никто не видел. Кольцо вместе с ним кануло во мрак, так что даже тот, кто его сделал и чья сила снова росла, ничего не мог о нем узнать.

* * *

— Голлум! — воскликнул Фродо. — Значит, Голлум? Ты хочешь сказать, что это та самая тварь, которую встретил Бильбо? Как противно!

— Мне кажется, что это печальная история, — сказал маг. — Это ведь могло случиться и с кем-нибудь другим, например, с моими знакомыми хоббитами.

— Не верю, что Голлум сродни хоббитам, даже

отдаленно! — запальчиво сказал Фродо. — Он мерзкий!

— И все-таки это правда, — ответил Гэндальв. — Уж о вашем происхождении я знаю больше, чем сами хоббиты. Даже рассказ Бильбо подтверждает родство. В глубине сознания и памяти у них явно нашлось что-то общее. Они удивительно хорошо поняли друг друга, гораздо лучше, чем хоббит может понять, например, гнома, орка или даже эльфа. Вспомни загадки — они ведь знали одни и те же загадки.

— Да, — сказал Фродо. — Но ведь не только хоббиты любят загадывать загадки; почти одинаковые загадки есть у многих. И хоббиты не жульничают, а Голлум все время норовил сжульничать. Он пытался отвлечь беднягу Бильбо и застать его врасплох. Я бы сказал, что игра для него была средством без хлопот добыть жертву и потешить свою зловредность, а при проигрыше он ничего не терял.

— Боюсь, что ты прав, — сказал Гэндальв. — Но во всем этом было еще кое-что, чего ты пока не видишь. Даже Голлум не безнадежно испорчен. Он оказался крепким орешком, как хоббит, — даже Мудрые не могли бы предположить в нем такой силы. Где-то в сознании у него остался уго-

лок прежнего «я», и свет из прошлого проходил сквозь него, как сквозь щелку в темноте. Ему, несомненно, было приятно слышать добрый живой голос, пробуждавший в нем память о тихом ветре и деревьях, о солнце и подобных забытых вещах.

Но от этого, конечно, второе, злобное «я» в нем только сильнее пришло в ярость. Так и будет, если позволять злобе брать верх. Если не вылечить ее, — Гэндальв вздохнул. — Увы! Голлум почти безнадежен. Но не совсем. Слабая надежда остается, несмотря на то что он владел Кольцом так долго, что не помнит ничего, что было до Кольца. Остается, потому что он в течение многих лет очень редко надевал его: в черной тьме оно почти не было ему нужно. Вот Голлум и не «выцвел» окончательно. Он стал худым, но остался жилистым. Кольцо разъело его разум и принесло ему невыносимые мучения.

Все «глубокие тайны», скрытые под корнями гор, оказались пустой чернотой; там нечего было выискивать, незачем стараться что-то делать. Оставалось украдкой добывать пропитание и жить памятью о прошлых обидах. Он стал жалок. Он ненавидел мрак, но еще больше ненавидел свет; он все ненавидел, а больше всего — Кольцо.

— Что ты говоришь? — сказал Фродо. — Ведь Кольцо было его сокровищем, он больше ничего не любил! А если он его ненавидел, то почему он не избавился от него, не бросил и не ушел?

— После всего, что ты услышал, Фродо, ты мог бы уже и понять, — сказал Гэндальв. — Он его любил и ненавидел, как любил и ненавидел самого себя. Он не мог с ним расстаться. У него на это воли не хватило бы.

Кольцо Всевластья само о себе заботится, Фродо. Оно само может предательски соскользнуть с руки, но тот, кто им завладел, никогда его не бросит. Он может поиграть с мыслью о передаче его кому-нибудь на хранение — не больше, да и то вначале, когда хватка Кольца еще слаба. Насколько я знаю, дальше пошел во всей этой истории один Бильбо. Он сумел отдать его на самом деле. И я крепко ему в этом помог. Без меня, может быть, не отдал бы. А выбросить, вышвырнуть не смог бы даже он. Не Голлум его потерял, а само Кольцо решило свою судьбу. Кольцо его *бросило*.

— Что, как раз вовремя, чтобы встретить Бильбо? — спросил Фродо. — Не лучше ли было достаться какому-нибудь орку?

— Не надо острить, — сказал Гэндальв. — Тебе это сейчас не пристало. Пока это самый удиви-

тельный факт в истории Кольца: Бильбо появился как раз вовремя, чтобы вслепую, в полной темноте наложить на него руку.

Тут сработало несколько сил, Фродо. Кольцо пыталось вернуться к настоящему хозяину. Сначала оно соскользнуло с руки Исилдура и предало его; потом случайно подловило несчастного Деагола, и Деагол был тут же убит. После этого оно вцепилось в Голлума и разрушило его, источило. Голлум ему больше не нужен: он слишком мал и жалок, и пока Кольцо оставалось бы при нем, Голлум оставался бы на своем озере в недрах горы. Но вот настоящий хозяин Кольца снова возрождается и шлет из Темнолесья черные мысли: и Кольцо бросает Голлума. Бросает, чтобы попасть в руки самого невероятного владельца — Бильбо из Хоббитшира!

За этим стоит нечто более могущественное, чем воля и расчет Изготовившего Кольцо. Я могу сказать только, что Бильбо было *назначено* найти Кольцо, но назначено не Черным Властелином. Из этого следует, что и тебе *предназначено* быть хранителем Кольца. Это ли не обнадеживающая мысль?

— Отнюдь нет, — сказал Фродо. — Хоть я и не уверен, что все правильно понял. Но как ты все

это узнал про Кольцо и про Голлума? Ты в самом деле знаешь или продолжаешь строить догадки?

Гэндальв посмотрел на Фродо, его глаза сверкнули.

— Я много знал раньше и много узнал недавно, — ответил он. — Я не собираюсь давать тебе отчет о своих делах! История Элендила, Исилдура и Единого Кольца известна Мудрым. Огненная надпись, не говоря уже о других доказательствах, подтверждает, что твое Кольцо является тем Единым…

— А когда ты это обнаружил? — прервал его Фродо.

— Только что здесь при тебе, — резко ответил маг. — Но я этого ожидал. Я вернулся из мрачных блужданий и долгих поисков, чтобы проделать последнее испытание, и получил последнее доказательство — теперь все ясно. Пришлось поломать голову над ролью Голлума и заполнить пробел в истории. Я мог догадаться, но я уже не строю догадок. Я знаю. Я его видел.

— Ты видел Голлума? — воскликнул в изумлении Фродо.

— Да. Его непременно надо было найти и расспросить. Я давно пытался это сделать; наконец, удалось.

— Что же произошло после того, как Бильбо от него удрал? Ты это выяснил?

— Не все. То, что я тебе рассказал, мне рассказал Голлум. Не так, конечно, как я. Голлум врет, его слова надо просеивать. Например, Кольцо он как назвал «подарочком в день рождения», так от этого и не отступился. Он сказал, что оно досталось ему от Бабушки, у которой было «много таких красивеньких вещиц». Нелепость. Я не сомневаюсь, что Бабушка Смеагола была особа властная и значительная, но не могли у нее во множестве водиться эльфийские кольца, и тем более не могла она их раздавать. Это была ложь, но и во лжи заключалось зернышко правды.

Убийство Деагола лежало на совести у Голлума, и он придумал самооправдание, повторяя своему Сокровищу одно и то же, когда грыз кости в темноте. В конце концов он сам себе почти поверил. У него *был* день рождения. Деагол должен был отдать ему Кольцо. Оно явно появилось для того, чтобы стать *подарком*. Оно было ему подарком на день рождения, и так далее, и так далее.

Я терпел его, сколько мог, но правда была крайне необходима, и в конце концов мне пришлось обойтись с ним грубо. Я внушил ему страх перед огнем, и слово за словом выудил из него

правдивую историю. Он путался, сопел, пускал слюни. Он считал, что его не понимают и обижают. И когда он все-таки рассказал мне свою историю до конца игры в загадки и до побега Бильбо, то замолчал и дальше отделывался мрачными намеками. Кто-то напугал его сильнее, чем я. Он бубнил, что еще свое получит. Кое-кто узнает, можно ли его пинать, загонять в подземелье и грабить. Теперь у Голлума есть друзья, хорошие друзья, очень сильные. Они помогут. Торбинс за все заплатит. Это он, в основном, и повторял. Он ненавидел Бильбо и проклинал его имя. Но хуже было то, что он знал, откуда взялся хоббит.

— Как же он узнал? — спросил Фродо.

— Ну, Бильбо сразу сделал большую глупость, назвав Голлуму свое имя. А страну Голлум определил без труда, как только покинул горы. Да, он вылез на свет. Тоска по Кольцу оказалась сильнее, чем страх перед орками и даже светобоязнь. Он выполз из пещер через год или два. Видишь ли, жажда вновь заполучить Кольцо была в нем велика, но Кольцо перестало его разъедать. Он понемногу ожил. Он чувствовал, как страшно постарел, но при этом стал храбрее. И он был смертельно голоден. Света — солнечного и лунного — он боялся по-прежнему и ненавидел его.

Я думаю, что от этого он не избавится, пока жив. Но он хитер. Он сообразил, что от света, как днем, так и ночью, можно спрятаться, а передвигаться в самые глухие часы ночи, быстро и бесшумно. Холодными белесыми глазами он высматривал мелких неосторожных зверьков и на новой пище, на свежем воздухе окреп и осмелел. Как и следовало ожидать, он нашел дорогу в Темнолесье.

— Ты его там и нашел? — спросил Фродо.

— Я его там видел, — ответил Гэндальв. — Но перед этим он успел по следу Бильбо добраться гораздо дальше. От него про это трудно было что-нибудь узнать наверняка, потому что его речь все время прерывалась проклятиями и угрозами. «Что там у него в карманах? — повторял он. — Он не сказал, Золотце мое. Обманщик. Нечччеес-сстный вопрос. Он первый смошенничал, да. Он нарушил правила. Надо было его задушить, да, наше Золотце! И мы его задуш-шим, мое Сокровище!»

Вот тебе образчик его речи. Надеюсь, хватит? Мне он жутко надоел за много дней. Но по намекам, пробившимся сквозь эту путаницу, я понял, что он сумел дошлепать до Эсгарота и даже до Дейла, ходил там по улицам, тишком подслушивал и высматривал. Вести о великих событиях

разнеслись по всему Дикому Краю, там многие слышали имя Бильбо и знали, откуда он родом. Мы не делали тайны из обратного пути к нему домой на запад. Тонкий слух Голлума быстро уловил все, что ему было надо.

— Но почему он не пошел за Бильбо? — спросил Фродо. — Почему не пришел в Хоббитшир?

— Ага, — сказал Гэндальв. — Вот тут-то и загвоздка. Мне кажется, что у Голлума такие намерения были. Он пошел на запад и добрался до Великой Реки. А потом свернул. Расстояние его не пугало, в этом я уверен. Ему помешало что-то другое. Так думают мои друзья, которые за ним охотились по моей просьбе.

Сначала его выследили Лесные эльфы, это было нетрудно, след тогда был свежим. Они прошли по нему через все Темнолесье и обратно, но никого не поймали. Лес был полон жутких слухов, даже звери и птицы рассказывали страшные истории. Дровосеки говорили, что по лесу бродит призрак-кровопийца, который взбирается на деревья и разоряет гнезда, крадет детенышей из нор и проникает через окна ночами, тогда дети пропадают из колыбелей. Но на западном краю Темнолесья след сворачивал на юг и терялся за пределами эльфийских владений.

И вот тут я сделал большую ошибку, Фродо, причем не первую, и боюсь, что она приведет к наихудшим последствиям. Я оставил все, как есть. Дал ему уйти. Произошло это потому, что тогда мне пришлось думать о многом другом, и потому что я продолжал верить ученым доводам Сарумана.

С того времени прошли годы. Я заплатил за ошибку долгими днями черных раздумий и больших опасностей. Когда после ухода Бильбо из Хоббитшира я снова вышел на след, он давно остыл. Мои поиски оказались бы напрасными, если бы не помощь друга Арагорна, величайшего путешественника и охотника нашего века.

Сначала мы вместе искали Голлума по всем Диким Землям без надежды и без успеха. Но в конце концов, когда я отказался от преследования призрака и ушел в другие края, Голлума нашли. Мой друг вернулся из опаснейшего похода с пойманной тварью. Где он был и что делал, Голлум так и не сказал.

Он хныкал, называя нас жестокими, в горле у него без конца булькало: «Голм, голл-м, голлм», — а когда мы его прижали, он заскулил и съежился, принялся тереть руки и лизать пальцы, словно они болели от воспоминаний о давней

пытке. Боюсь, что сомнений быть не может: он медленно, шаг за шагом, миля за милей крался на юг, в Мордор — и прокрался.

* * *

В комнате наступила тяжелая тишина. Фродо слышал стук собственного сердца. Ему показалось, что и снаружи все стихло, и ножницы Сэма замолчали.

— Да, именно туда, — сказал Гэндальв. — Увы! Мордор притягивает подлецов и лиходеев, и Черный Властелин старается собрать их там. Вражье Кольцо оставило на Голлуме свой след, открыло его почерневшую душу Вражьему зову. И вокруг все говорили о новой Тени на юге, о темных силах, ненавидящих Запад. Он надеялся найти там хороших новых друзей, которые помогли бы ему отомстить.

Жалкий безумец! В той стране он, вероятно, узнал такое, чему сам был не рад. Наверное, шатался у границ, вынюхивал, подсматривал и попался, и его допрашивали. Боюсь, что было именно так. Когда его ловил Арагорн, он успел побывать в Мордоре и шел назад. По заданию или по собственному зловредному умыслу — уже не имеет значения. Худшее зло было сделано.

Увы, да! От него Враг узнал, что нашлось Кольцо Всевластья. Ему известно, где погиб Исилдур. Он узнал, где Голлум нашел Кольцо, и убежден, что оно — одно из Великих, ибо дает долгую жизнь. Он знает, что это не одно из Трех, потому что Три никогда не терялись и не служили Злу. Знает, что оно не из Семи или Девяти, которые он не упускал из виду. Он понял, что это — Единое. И, наконец, услышал про хоббитов и Хоббитшир.

Хоббитшир он, наверное, разыскивает, если уже не нашел. Да, Фродо, я подозреваю, что ваше долго никого не интересовавшее родовое имя — Торбинсы — он тоже отметил и запомнил.

— Но это ужасно! — воскликнул Фродо. — Страшней страшного, куда хуже, чем можно было предположить по твоим намекам. О Гэндальв, лучший из друзей, что же мне делать? Вот сейчас я боюсь, так боюсь!.. Что делать? Как все-таки жаль, что Бильбо не проткнул кинжалом подлую тварь, когда подворачивался случай!

— Жаль? Но ведь именно Жалость удержала его руку. Жалость и Милосердие. Он пощадил, ибо у него не было необходимости убивать. И он был вознагражден за это, Фродо. Зло лишь коснулось его, но не принесло большого вреда, а в конце он сумел уйти, потому что владеть Кольцом начал

именно так. С жалости.

— Очень жаль, — сказал Фродо. — Но я ужасно боюсь, и Голлума мне совсем не жалко…

— Ты его не видел, — вставил Гэндальв.

— Не видел и не хочу, — сказал Фродо. — Не пойму я тебя. Ты говоришь, что и ты, и эльфы оставили его в живых после страшных преступлений. Так он же не лучше орка, такой же враг. Он заслуживает смерти.

— Вне всякого сомнения, заслуживает! Смерти заслуживают многие из живущих. А разве не умирают те, кто должен был бы жить? Ты можешь подарить им жизнь? Тогда не спеши никого осуждать на смерть во имя справедливости. Ибо даже Мудрейшие не могут всего предвидеть. Я считаю, что на исправление Голлума в тот срок, который ему отпущено прожить, надежды почти нет. Но есть малый проблеск. И его жизнь связана с судьбой Кольца. Сердце мне подсказывает, что он еще доиграет свою роль прежде, чем все кончится. На беду или на благо, я не знаю, но когда дойдет до этого, милосердие Бильбо решит судьбы многих — и твою в том числе. Во всяком случае, мы его не убили: он очень стар и несчастен! Лесные эльфы держат его в плену, но обращаются с ним настолько мягко, насколько им позволяет душев-

ная мудрость.

— Все равно, — сказал Фродо. — Если Бильбо не смог убить Голлума, лучше бы он себе Кольцо не оставлял! Лучше бы он вообще не находил его, чтобы оно мне не досталось! Почему ты не запретил мне держать его у себя? Почему не заставил меня его выбросить или уничтожить?

— Я тебе не запретил?! Я тебя не заставил?! — воскликнул маг. — Разве ты не слышал, что я говорил. Думай прежде, чем рот раскрывать! Выбрасывать его глупо и неправильно. Такие Кольца всегда снова находятся. Попадет в плохие руки, и будет от него большое зло. Еще хуже, если оно достанется Врагу, а так непременно произойдет, ибо это Единое Кольцо, и Враг напрягает все силы, чтобы его обнаружить или притянуть к себе.

Конечно, милый Фродо, ты с ним в опасности — это меня очень тревожит. Но от этого столько всего зависит, что я вынужден был рискнуть. Впрочем, даже когда я был далеко, ни дня не было, чтобы за Хоббитширом не наблюдали бдительные глаза друзей. Поскольку ты не носил это Кольцо, я не думаю, чтобы оно уже могло повлиять на тебя и изменить в плохую сторону и надолго. Потом вспомни, что девять лет назад,

когда я видел тебя в последний раз, я еще почти ничего не знал наверняка.

— Но почему не уничтожить его: ты ведь сказал, что это надо было давным-давно сделать? — снова вскричал Фродо. — Если бы ты предупредил меня или прислал письмо, я бы с ним разделался.

— Да ну? А как? Ты что, пробовал?

— Нет. Но его, наверное, можно разбить молотом или расплавить.

— Попробуй! — сказал Гэндальв. — Пробуй скорее!

Фродо снова вытащил Кольцо из кармана и посмотрел на него: гладкое, без видимых отметин, без рисунка. Золото было светлым и чистым, и Фродо залюбовался красивым богатым цветом, безупречной округлостью и подумал о том, какая это красивая и ценная вещь. Вынимая, он еще намерен был швырнуть его в самое жаркое пламя, а теперь понял, что не может этого сделать, что перебороть себя очень трудно. Он взвешивал Кольцо на руке, колебался, вспоминал все, что говорил Гэндальв… потом с огромным усилием занес руку, будто сейчас бросит его в огонь, — и сам обнаружил, что засовывает назад в карман.

Гэндальв мрачно усмехнулся.

— Ну что? Вот и тебе, Фродо, уже нелегко с ним

расстаться или причинить ему вред. Заставить тебя я не смог бы — только силой, которая сокрушила бы твой разум. А Кольцо силой сокрушить нельзя, даже под тяжелым молотом на нем ни царапины не останется. Ни твоей, ни моей рукой его не сломаешь. В твоем каминчике не расплавится даже обычное золото. Кольцо вышло из его огня неопаленным. Оно даже не нагрелось. Нет в Хоббитшире кузницы, в которой можно было бы перековать его. Даже в гномьих печах под их молотами оно не изменится. Есть предание, что драконов огонь плавит и пожирает Кольца Власти, но вряд ли в наше время найдутся драконы с достаточно жарким огнем; и не рождался пока Дракон, который мог бы расплавить Единое Кольцо, Кольцо Всевластья, выкованное самим Сауроном. Даже Анкалагон Черный с ним бы не справился.

Есть лишь один путь — найти Роковые Расселины в недрах Огненной горы Ородруин и бросить туда Кольцо. Только так можно его уничтожить, только тогда оно станет навеки недоступно Врагу. Ты действительно этого хочешь?

— Я действительно хочу его уничтожить! — воскликнул Фродо. — Ну, не я, а чтобы его уничтожили. Я не гожусь для таких страшных поисков.

Лучше бы я никогда не видел этого Кольца! Ну почему оно ко мне попало? Почему из всех выбран я?

— На эти вопросы нет ответа, — сказал Гэндальв. — Но будь уверен, что ты избран не за достоинства, которых у других нет, а у тебя есть. Во всяком случае, не за силу и не за мудрость. Однако, ты избран, значит, должен приложить всю возможную силу, ум и характер.

— Но у меня этого всего почти нет! Это ты мудр и силен. Возьми Кольцо, пожалуйста!

— Нет! — вскричал Гэндальв, вскакивая. — Оно даст мне слишком большую и страшную власть. И надо мной возымеет власть, смертельно могущественную! — Глаза его сверкали, а лицо словно озарилось огнем изнутри. — Не искушай меня. Ибо я не хочу уподобиться Черному Властелину. Кольцо найдет дорогу к моему сердцу через милосердие, жалость к слабым и желание применить силу на благо. Не соблазняй меня! Я не смею его взять, я не имею права даже хранить его, ибо желание им воспользоваться сломит меня. Оно будет мне слишком нужно. Впереди великие беды.

Он подошел к окну, отдернул занавески и открыл ставни. Солнце снова залило комнату.

Мимо окна по дорожке, насвистывая, шел Сэм.

— А теперь, — сказал маг, обернувшись к Фродо, — решай. Но я тебе всегда помогу. — Он положил руку хоббиту на плечо. — Я помогу тебе вынести это бремя, пока ты его несешь. Но пора начинать действовать. Враг зашевелился.

* * *

Тишина длилась долго. Гэндальв снова сел и, закурив, сделал вид, что задумался. Попыхивала трубка, глаза маг прикрыл, но из-под век напряженно следил за Фродо. Фродо смотрел, не отрываясь, на красные угли в камине, пока не перестал видеть все, кроме них, и ему стало казаться, что он смотрит в бездонный огненный колодец. Он думал о Роковых Расселинах из легенды и об ужасах Огненной горы.

— Ну что? — сказал, наконец. Гэндальв. — О чем задумался? Решил, что будешь делать?

— Нет! — ответил Фродо, приходя в себя, словно возвращаясь из темноты и с удивлением обнаруживая, что в комнате светло, а в окне виден залитый солнцем сад. — Или, может быть, да. Насколько я понял то, что ты сказал, мне, наверное, придется хранить и стеречь Кольцо по крайней мере в ближайшее время, что бы оно со

мной ни сделало.

— Что бы оно с тобой ни сделало, быстро оно тебе причинить зло не сможет, если ты будешь его только хранить, — сказал Гэндальв. — Для этого много времени надо.

— Надеюсь, — сказал Фродо. — И надеюсь, что ты скоро найдешь хранителя получше. Но пока все остается, как есть, я, похоже, в большой опасности, и все, кто рядом со мной живет, тоже. Мне нельзя оставаться здесь с Кольцом. Мне надо уйти из Торбы, уйти из Хоббитшира, все-все покинуть! — он вздохнул. — Я бы хотел спасти Хоббитшир, если смогу. Пусть я иногда думал, что его обитатели такие глупые и бестолковые, что слова на них не подействуют, и чтобы их проучить, нужно землетрясение или нашествие драконов, теперь я так не думаю. Я чувствую, что мне легче будет идти, зная, что за мной останется покойный и уютный Хоббитшир. Так я легче перенесу трудности: буду знать, что где-то есть твердая почва под хоббичьими ногами, даже если самому больше не придется ступать на эту почву.

Конечно, я уже иногда думал о том, как бы уйти, но я воображал себе что-то вроде отпуска, Приключение, как у Бильбо, или еще занятнее, с

мирным концом. А ведь это будет как изгнание, побег из опасности в опасность, куда я, туда и она. И, наверное, идти придется одному, если мне надо все совершить и спасти Хоббитшир. Но я уже чувствую себя таким маленьким и бездомным, и — и я не надеюсь на успех. Враг так силен и ужасен.

Он не сказал Гэндальву, что пока он все это произносил, в сердце у него загорелось отчаянное желание последовать за Бильбо. Пойти за ним и, может быть, разыскать. Желание было так сильно, что превозмогло страх: он был почти готов сорваться и бежать из дому вниз по дороге без шляпы, как много лет назад в такое же утро побежал Бильбо.

— Фродо, дорогой ты мой! — воскликнул Гэндальв. — Хоббиты в самом деле удивительные создания, я не зря это говорил. Можно за месяц изучить все их особенности, а они через сто лет удивят всех, поступив в трудную минуту самым неожиданным образом. Такого ответа я даже от тебя не ожидал. Не ошибся Бильбо в выборе наследника, хотя вряд ли думал, что это окажется так важно! Боюсь, что ты прав, Кольцо скоро нельзя будет удержать в тайне в Хоббитшире. Чтобы спастись самому и спасти других, тебе придется

уйти и даже имя Торбинса оставить дома. За пределами Хоббитшира и в Диких Землях такое имя носить опасно. Давай, я тебе придумаю дорожное имя. Когда пойдешь, назовись Подхолмсом.

Только мне кажется, не надо тебе идти одному. Возьми кого-нибудь еще. Есть у тебя верный друг, который бы согласился идти с тобой, и с которым ты бы охотно разделил неведомые опасности и тяготы пути? Только выбирай осторожнее. И следи за тем, что говоришь: даже ближайшим друзьям не болтай лишнего. У Врага много шпионов и много способов подслушать.

Вдруг маг замолчал и прислушался. А Фродо сразу ощутил, как тихо кругом — и в комнате, и в саду. Гэндальв подкрался сбоку к окну, потом одним прыжком подскочил к подоконнику, протянул вниз руку — раздался визг, и над подоконником возникла курчавая голова Сэма Гэмджи, поднятая за ухо.

— Ну и ну, клянусь бородой! — сказал Гэндальв. — Сэм Гэмджи, не так ли? И чем же ты тут занимался?

— Честное слово, ничем, господин Гэндальв! Ничем не занимался, только траву подстригал под окошком, вот, не верите? — Он поднял с земли ножницы и предъявил их как доказательство.

— Не верю, — хмуро сказал Гэндальв. — Твоих ножниц я уже давно не слышу. Долго ты подслушивал?

— Подпушивал? Не понимаю, вы уж простите. Здесь подпушивать нечего, трава и так растет.

— Не паясничай! Что ты слышал и зачем подслушивал? — Брови Гэндальва встопорщились, а глаза метали молнии.

— Господин Фродо, хозяин! — закричал Сэм и затрясся от страха. — Спасите меня от него! Пусть он меня ни во что не превращает! Мой Старик меня тогда не признает! Я ничего плохого не хотел, право слово, хозяин!

— Да ничего он тебе не сделает! — сказал Фродо, еле удерживаясь от смеха, хотя сам удивился и несколько растерялся. — Он, как и я, прекрасно знает, что ты не замышлял ничего плохого. Ты лучше встань, как полагается, и отвечай на его вопросы, только не ври!

— Хорошо, хозяин, — сказал Сэм, все еще вздрагивая. — Слышал я много, но толком не понял, про Врага и про Кольца, и про господина Бильбо, и драконов, и огневую гору, и — и про эльфов тоже. Я слушал, потому что было интересно, ну просто не мог удержаться, чтобы не подслушать, ну неужели непонятно? Чтоб мне пропасть, гос-

подин Фродо, я очень люблю такие сказки! И я в них верю, что бы там Тед ни говорил. Эльфы! Я бы так хотел их увидеть! Возьмите меня с собой, когда пойдете, на эльфов посмотреть, а, хозяин?

Тут Гэндальв, неожиданно расхохотавшись, громко крикнул:

— А ну, иди сюда!

Он двумя руками поднял через подоконник изумленного Сэма вместе с ножницами и пучком настриженной травы и поставил на пол.

— Взять тебя на эльфов посмотреть, а? — Маг вперил в Сэма пристальный взгляд, но при этом улыбался уголками губ. — Значит, ты услышал, что господин Фродо собирается уходить?

— Услышал, господин. Поэтому я и поперхнулся, а вы, видать, тогда меня услышали. Я старался не дышать, а оно из меня вырвалось: очень я расстроился.

— Ничего не поделаешь, Сэм, — печально произнес Фродо. Он вдруг понял, что бежать из Хоббитшира — это значит распрощаться не только с уютной Торбой, и что прощаться больно. — Мне придется уйти. Но если ты в самом деле меня любишь, — тут он пристально посмотрел на Сэма, — то будь нем, как могила, понял? Если проболтаешься, если прошепчешь хоть одно

слово из того, что здесь услышал, пусть Гэндальв превратит тебя в пятнистую жабу, а в огород ужей напустит.

Сэм, дрожа, упал на колени.

— Вставай, Сэм! — сказал Гэндальв. — Я придумал кое-что получше, чтобы закрыть тебе рот и как следует наказать за подслушивание. Ты уйдешь с господином Фродо!

— Я?! — воскликнул Сэм, прыгая, как пес, которого позвали на прогулку. — Я пойду с хозяином, увижу эльфов и все такое? Ур-ра-а! — закричал он и разрыдался.

Глава третья. Четвертый лишний

— Уходить тебе надо незаметно и поскорее, — сказал Гэндальв.

Прошло уже две или три недели, а Фродо, похоже, еще не был готов идти.

— Да, я знаю. Но мне и то, и другое трудно, — возразил он. — Если я исчезну, как Бильбо, весь Хоббитшир тут же болтать начнет.

— Исчезать ни в коем случае нельзя! — сказал Гэндальв. — Этот номер не пройдет! Я сказал «поскорее», но не «сию минуту». Если ты придумаешь, как убраться из Хоббитшира, чтобы не все

сразу узнали, можно немножко и задержаться. Только не задерживайся слишком надолго.

— А что если осенью, в Наш День Рождения или после? — сказал Фродо. — Я, кажется, смогу к тому времени подготовиться.

Сказать правду, когда дошло до дела, выходить из дому ему совсем расхотелось. Торба стала казаться уютной, как никогда, и он не смог отказать себе в удовольствии полностью насладиться последним летом в Хоббитшире. Он знал, что когда придет осень, ему легче будет решиться, ибо осенью к мысли о путешествии относишься терпимее. Про себя он уже решил уйти в день своего пятидесятилетия, Бильбо же исполнится 128 лет. Этот день стал ему казаться самым подходящим, чтобы последовать за стариком. Мысль о том, что он именно следует за Бильбо, была теперь главной и помогала легче относиться к предстоящему пути. Он старался не вспоминать о Кольце и о том, куда оно может его привести. Но с Гэндальвом он своими мыслями не делился. О чем маг догадывался, о чем нет — сказать было трудно.

Гэндальв посмотрел на Фродо и улыбнулся.

— Очень хорошо, — сказал он. — Можно и так, только не позже. Я уже волнуюсь. Тем временем

будь предельно осторожен, никому никаких намеков на то, куда пойдешь! И последи, чтобы Сэм Гэмджи не болтал. Если проговорится, я его в самом деле в жабу превращу!

— Что касается того, *куда* я пойду, — сказал Фродо, — то проболтаться трудно: я ведь сам еще не решил, куда.

— Не мели вздор! — сказал Гэндальв. — Я предупреждаю тебя не о том, чтобы ты не оставлял адреса на почте! Ты покидаешь Хоббитшир — вот об этом знать никому не надо, пока не уйдешь подальше. Ты должен уйти, или хоть выйти на север, запад, юг или восток, — естественно, надо скрыть от всех направление.

— Я так удручен тем, что придется бросить Торбу и прощаться со всеми… даже не думал о направлении, — сказал Фродо. — Куда мне идти? Что укажет путь? Что я должен буду сделать? Бильбо ходил за сокровищем, нашел и вернулся; а мне, значит, надо его потерять и не возвращаться, как я вижу.

— Ты пока не очень далеко видишь, — сказал Гэндальв. — Да и я тоже. Может быть, найти Роковые Расселины суждено тебе, а может быть, кому-то другому: я этого не знаю. И ты пока не готов идти до конца.

— Конечно, не готов! — сказал Фродо. — Но пока еще «пока», куда мне идти?

— Навстречу опасности. Только осторожно, на рожон не лезь, — ответил маг. — Если хочешь послушаться моего совета, ступай в Райвендел. Дорога туда не так опасна, хотя может оказаться труднее, чем была до сих пор, а в конце года будет еще хуже.

— В Райвендел! — повторил Фродо. — Отлично. Пойду на восток и в Райвендел. Возьму Сэма к эльфам, он в восторге будет.

Фродо говорил почти шутливо, но в сердце у него вдруг проснулось настоящее желание увидеть Дом Элронда-полуэльфа и вдохнуть воздух таинственной долины, где тогда еще мирно жили потомки дивного народа.

* * *

Однажды летним вечером до «Укромного местечка» и «Зеленого дракона» дошла потрясающая новость. Великанов и прочие чудеса на границах Хоббитшира затмило более важное событие: господин Фродо продает Торбу, даже уже продал — Сумкин-Торбинсам!

— За кругленькую сумму, — произносили одни.

— За бесценок, — говорили другие. — Это больше похоже на правду, когда покупает Лобелия (Отто умер несколько лет назад, разочаровавшись в жизни в зрелом возрасте ста двух лет от роду).

0 том, почему господин Торбинс продает свою прекрасную нору, спорили еще больше, чем о цене. Некоторые, ссылаясь на намеки самого господина Торбинса, говорили, что у него деньги кончаются: он-де собирается уехать из Хоббиттауна в Бакленд и тихо жить на капитал, вырученный от продажи, среди родичей Брендибаков.

— Подальше от Сумкин-Торбинсов, — добавляли они.

Но вера в неистощимые богатства Торбинсов из Торбы-в-Холме была настолько крепка, что поверить в эту версию хоббитам было очень трудно, гораздо труднее, чем в любые другие домыслы или бессмыслицы, на которые было способно их воображение. Большинство предполагало мрачную тайну — нераскрытый заговор с участием Гэндальва. Держался он незаметно и днем не выходил, но всем было известно, что он «скрывается в Торбе». Как в злодейские планы мага вписывался переезд, было непонятно, но факт был налицо:

Фродо Торбинс возвращался в Бакленд.

— Да, осенью и перееду, — сказал он сам. — Мерри Брендибак подыщет там для меня уютную норку или, может быть, домик.

На самом деле с помощью Мерри он уже подыскал и купил маленький домик в Кричьей Балке, за Бакбургом. Всем, кроме Сэма, он сообщил, что переезжает туда навсегда. Эту мысль ему подсказал выбор пути: раз он пойдет на восток, значит, лучше уходить из Бакленда, который лежит у восточных границ Хоббитшира, тем более, что там прошло его детство, и история возвращения прозвучит правдоподобно.

* * *

Гэндальв прожил в Хоббитшире больше двух месяцев. Но вдруг однажды вечером в конце июня, вскоре после того, как план Фродо был окончательно составлен, маг заявил, что на следующее утро уходит.

— Надеюсь, что ненадолго, — сказал он. — Но мне надо собрать кое-какие новости за южными границами. Я и так дольше бездействовал, чем полагалось.

Произнес он это все небрежно, но Фродо показалось, что он чем-то обеспокоен.

— Что-нибудь случилось? — спросил хоббит.

— Ничего особенного. Просто появились новости, в которых надо разобраться. Если обнаружу, что тебе надо уходить немедленно, я тотчас же вернусь или пришлю тебе словцо. Пока действуй по плану, но будь осторожен, как никогда, особенно с Кольцом. Настаивал и настаиваю: не надевай его!

Ушел Гэндальв на рассвете и на прощанье сказал:

— Я могу вернуться, когда угодно, но самое позднее — в твой день рождения: думаю, моя помощь тебе понадобится в Пути.

Сначала Фродо сильно расстроился и стал думать, какие это новости могли дойти до Гэндальва; но постепенно беспокойство улеглось, а погода была чудесная, так что он ненадолго забыл свои тревоги. В Хоббитшире давно не было такого прекрасного лета и такой щедрой осени: ветви деревьев тяжелели от яблок, соты переполнялись медом, высокие хлеба налились полным колосом.

Когда Фродо снова забеспокоился о Гэндальве, наступила осень. Полсентября прошло, а от него никаких вестей!

Подходил день рождения, за ним переезд, а Гэн-

дальва все не было, и писем он не слал. В Торбе начались хлопоты. Приехали помогать упаковываться приятели Фродо: Фредегар Болджер, Фолко Боффин и, разумеется, ближайшие друзья Пипин Тук и Мерри Брендибак. Общими усилиями они всю Торбу перевернули вверх дном.

Двадцатого сентября от Торбы отъехали две крытые повозки, груженные непроданными вещами и мебелью, и направились к Брендидуинскому Мосту. На следующий день Фродо заволновался не на шутку и все выглядывал, не идет ли маг.

В четверг, в день рождения, утро было такое же ясное и безоблачное, как давным-давно в День Стоодиннадцатилетия Бильбо. А Гэндальва все не было. Вечером Фродо дал прощальный пир: собственно, это был всего лишь обед на пятерых, но ему даже этого не хотелось, настроение было нерадостным. На сердце лежала тяжесть предстоящего расставания с молодыми друзьями, да еще надо было исхитриться и как-то объясниться с ними.

Четверо молодых хоббитов, однако, были очень веселы, и на обеде, несмотря на отсутствие Гэндальва, скоро почувствовалось настроение праздника. Столовая была пуста, из нее все вынес-

ли, оставив лишь стол и кресла, но угощение они себе организовали отменное и вина поставили самые лучшие, потому что винный погреб в список имущества, проданного Сумкин-Торбинсам, Фродо не включил.

— Не знаю, что будет со всем остальным, когда здесь появится новая хозяйка, но для вина найдется лучшее место, — заметил Фродо, осушая стакан драгоценного напитка, последнего со Старой винокурни.

Перепев массу песен и припомнив все свои совместные проделки, они выпили за день рождения Бильбо и за день рождения Фродо, и за здоровье их обоих, как заведено. Потом вышли подышать воздухом и посмотреть на звезды, потом отправились спать. День рождения кончился. Гэндальв не пришел.

* * *

На следующее утро они все занялись погрузкой остатков мебели в третью повозку. С ней отправился Мерри, взяв с собой Мякуша (то есть Фредегара Болджера).

— Кто-то должен добраться туда первым и протопить печку к твоему приезду, — сказал Мерри. — Не горюй, скоро увидимся — послезавтра,

если вы не собираетесь спать в дороге.

Фолко ушел домой сразу после второго завтрака, а Пипин остался. Фродо очень волновался, напрасно прислушиваясь, не идет ли Гэндальв. Он решил подождать до темноты. А там, если маг срочно захочет его видеть, пусть отправляется в Кричью Балку, может быть, даже раньше доберется. Ибо Фродо решил идти пешком. По плану, он хотел пройти от Хоббиттауна до Баклендской паромной переправы, чтобы напоследок налюбоваться Хоббитширом и облегчить таким образом расставание.

— И потренироваться, — сказал он, глядя в пыльное зеркало в полупустом коридоре. Он давно прекратил дальние прогулки, и собственное отражение показалось ему несколько расплывшимся.

Примерно в полдень к великому неудовольствию Фродо явились Сумкинсы: Лобелия и ее белобрысый сын Лотто.

— Наконец-то все наше! — сказала Лобелия, переступая через порог.

Это было невежливо и нечестно: во владение Торбой покупатель вступал с полуночи. Но Лобелию можно было понять: исполнения давних надежд ей пришлось ждать на семьдесят семь

лет дольше, а ей-то стукнуло уже сто! И как бы там ни было, она пришла проследить, чтобы все, за что заплачено, осталось на месте. Ублажать ее пришлось долго: она принесла с собой полную опись купленного и по ней все сверила. Наконец, она ушла вместе с Лотто и запасным ключом, заручившись обещанием, что второй ключ ей оставят у Гэмджи на Пронырной улице. В ответ она фыркнула и всем своим видом показала, что считает Гэмджи способным влезть в дом ночью. Фродо даже не предложил ей чаю.

За ужин Фродо сел в компании Пипина и Сэма, прямо на кухне. Официально было объявлено, что Сэм тоже едет, прислуживать господину Фродо и заниматься его садиком. Эту идею Дед Гэмджи поддержал, но ничто не могло его утешить в другом: теперь придется соседствовать с Сумкинсами.

— Последняя наша трапеза в Торбе-в-Холме, — сказал Фродо, отодвигая стул.

Мыть посуду они не стали — пусть моет Лобелия. Сэм с Пипином затянули ремнями три мешка и выставили их у порога. Пипин в последний раз вышел погулять в сад. Сэм пропал неизвестно куда.

* * *

Солнце садилось. Торба выглядела печальной и разоренной. Фродо обошел знакомые комнаты, посмотрел, как гаснут на стенах отсветы заката и из углов выползают тени. Нора погружалась во мрак. Он вышел и направился к нижней калитке, а оттуда прошел на дорогу с Холма. Он все еще надеялся увидеть подходящего в сумерках Гэндальва.

Небо было ясным, звезды светили ярко.

— Ночь будет хороша, — сказал он вслух. — Повезло с самого начала. С удовольствием пройдусь пешком. Не могу больше здесь оставаться. Пойду, и пусть Гэндальв догоняет.

Он повернул было назад и вдруг остановился, потому что услышал голоса совсем рядом, за углом, в конце Пронырной. Один принадлежал Деду Гэмджи, другой был незнакомый и очень противный. Фродо не расслышал, что он произнес, но ответы Деда на повышенных тонах разобрал. Дед, похоже, недоумевал.

— Нет, уехал господин Торбинс. Сегодня утром уехал, вместе с моим Сэмом. Все вещи вывезли. Да, все продали и уехали. Почему? Почем я знаю, да и вам какое дело? Куда? А это не секрет. В Бак-

бург или куда-то в ту сторону. Ну да, эта самая дорога — прямо. А я там не был, там, в Бакленде, дурной народ. Нет, никаких поручений передать не смогу. Доброй ночи!

Потом Фродо услышал шаги, кто-то сходил с Холма. Хоббит слегка удивился сам себе: он вроде почувствовал облегчение, что этот «кто-то» сошел вниз, а не поднялся. «Мне, пожалуй, уже изрядно надоели вопросы любопытных, — подумал он. — Как они любят всюду нос совать!» Он чуть было не пошел спросить у Деда, кто к нему приставал, но, не решив, стоит или не стоит так делать, повернулся и быстро вернулся к Торбе.

Пипин сидел на мешке у порога. Сэма не было. Фродо шагнул в темный коридор.

— Сэм! — позвал он. — Сэм! Пора идти!

— Иду, хозяин! — послышался ответ из глубины, и вскоре появился Сэм собственной персоной, вытирая губы. Он прощался с пивной бочкой в подвале.

— Заправился, Сэм? — сказал Фродо.

* * *

— Да, хозяин. Теперь живем!

Фродо запер круглую дверь и протянул Сэму ключ.

— Беги домой, отдай отцу! — сказал он. — А потом быстрей по Пронырной, встретимся у калитки за лугом. Через поселок сегодня не пойдем. Там сплошные глаза и уши.

Сэм убежал так быстро, как только мог. Фродо с Пипином подняли мешки на плечи, взяли палки и пошли за угол мимо темных окон.

— Ну вот, наконец-то в Путь! — произнес Фродо, и добавил: — До свиданья!

Потом махнул рукой, повернулся и (точно как Бильбо, только не зная об этом) поспешил за Перегрином по дорожке через сад. Они перепрыгнули живую изгородь в низком месте и направились в поля, растворившись в темноте, только трава прошелестела.

Под Холмом с западной его стороны в изгороди открывалась калитка на узкую тропу. Здесь они остановились, подтянули ремни на мешках — и тут появился Сэм, пыхтя и спеша. Тяжелый мешок торчал у него намного выше плеч, а на голове был бесформенный фетровый колпак, который он называл шляпой. В сумерках он был очень похож на гнома.

— Мне, конечно, дали самый тяжелый груз, — сказал Фродо. — Бедняги улитки и все, кто таскает свой дом на спине!

— Я могу еще что-нибудь взять, хозяин! У меня мешок легкий, — соврал Сэм решительным голосом.

— Ничего, Сэм! — сказал Пипин. — Ему полезно. У него ничего лишнего нет, только — что сам выбрал. Он в последнее время обленился, сбросит лишний вес — и мешок покажется легче.

— Сжальтесь над бедным старым хоббитом, — засмеялся Фродо. — Я стану как тростиночка, пока дойду до Бакленда! Но я мелю чепуху. Ты, наверное, больше чем надо, себе взял, Сэм, я этим на первом привале займусь: остановимся и перепакуем. — Он поднял с земли палку. — Ну вот, гулять по ночам мы все любим, милю-другую перед сном пройдем запросто!

Сначала они двигались по тропе на запад, потом взяли влево и пошли друг за дружкой по полям, вдоль мелких посадок и кустарников. Темная ночь сомкнулась над ними, и в темных плащах они словно стали невидимками, будто у всех были волшебные кольца. Они ведь были хоббитами и старались не шуметь, а когда хоббиты так идут, то даже сами себя не слышат. Звери в лесах и полях тоже почти не замечали их.

Через некоторое время друзья перебрались через Реку по деревянному мостику чуть западнее

Хоббиттауна. Река здесь была узкой и темной, как черная лента; над водой нависли ольховые ветви. Потом дорога свернула на юг, а через пару миль хоббиты уже подходили к большому Тракту, который вел на Брендидуинский Мост. Тракт они перебежали, за ним были земли Туков, а к юго-востоку — Зеленое Нагорье. Туда и направились, а взобравшись на первый холм, оглянулись — далеко позади в уютной долине у Реки мерцали огоньки Хоббиттауна. Городок вскоре скрылся за холмами, вот уже почти не виден и серый Приреченский Пруд. Когда между деревьями последний раз мелькнул фонарь крайней усадьбы, Фродо помахал ему рукой.

— Хотелось бы знать, увижу ли я когда-нибудь снова эту долину, — тихо проговорил он.

Через три часа хоббиты решили отдохнуть. Ночь была светлая, холодная, звездная. От Реки смутными полосами поднимался туман и полз к холмам. На фоне бледного неба резко вырисовывались деревья. Ветер раскачивал полуобнаженные березы с темной сетью ветвей. Путники съели легкий (для хоббитов) ужин и пошли дальше, туда, где от дороги отходила тропа, исчезая в сером сумраке: путь к Шатровым Полянам, оттуда — к Баклендскому парому. До-

рога шла вдоль Тракта по речной долине, а тропа — прямо в холмы Нагорья и дальше, в Лесной Предел, самое дикое место Восточной чверти.

Вскоре они вошли под деревья, таинственно шелестевшие осенней листвой. Их обняла темнота. Сначала для храбрости пытались разговаривать и что-то напевать, потом замолчали, хотя вряд ли здесь могли их услышать. Потом Пипин стал отставать, и в конце-концов, перед очередным крутым подъемом, остановился.

— Спать хочу, — сказал он, зевая. — Скоро на дорогу упаду. Вы что, решили не ложиться? Ведь почти полночь.

— Я-то думал, ты любишь ночные прогулки, — произнес Фродо. — Ну ладно, спешить пока некуда. Мерри нас послезавтра ждет. У нас почти два дня в запасе. Сейчас найдем подходящее местечко и сделаем привал.

— Ветер с запада, — заметил Сэм. — Давайте перевалим через холм, там будет тише. Если память мне не изменяет, там сухой ельник.

В пределах двадцати миль вокруг Хоббиттауна Сэм знал каждый кустик, на этом его география кончалась.

Сразу за верхушкой холма действительно был ельник. Они вошли в ароматную смолистую

темень, набрали сухих веток и шишек, развели костер. Веселое пламя затрещало у подножия старой ели, а они сидели вокруг костра, пока не начали клевать носами. Потом пристроились между корнями, завернулись в плащи и одеяла и вскоре уже крепко спали. Часового решили не выставлять: здесь, в сердце Хоббитшира, даже Фродо ничего не боялся. Когда костер погас, посмотреть на спящих прибежало несколько зверьков. Через лес по своим делам пробегал лис, остановился на пару минут и принюхался.

«Хоббиты! — подумал он. — Что же дальше будет? Ходят слухи о странных делах в этой стране, но редко приходится слышать, чтобы хоббит спал в лесу под деревом. А тут их трое! Чудно!» Он был совершенно прав, но так никогда и не дознался, в чем дело.

* * *

Утро вставало бледное и мглистое. Первым проснулся Фродо и чуть не заорал, что от корня у него в спине дырка, а шея не сгибается. «Приятная прогулка, как бы не так! — думал он, как обычно в начале любого путешествия. — И почему я не поехал на повозке! Где мои перины и подушки, зачем я только продал их Сумкинсам!

Сейчас бы как раз пригодились». Потянувшись, он закричал:

— Вставайте, хоббиты! Чудесное утро!

— Чего в нем чудесного? — Пипин открыл один глаз. — Сэм! Подашь завтрак в полдесятого! Воду для ванны нагрел?

— Ой, нет! — вскочил заспанный Сэм.

Фродо стянул с Пипина одеяло и перекатил его на другой бок, а потом вышел на край леса. Далеко на восходе из густого тумана выплывало красное солнце. Деревья будто тоже плавали в тумане, их стволов видно не было, а кроны отливали кармином и золотом. Немного левей из леса выбегала тропинка, круто спускалась вниз и пропадала в том же тумане.

Налюбовавшись, Фродо вернулся к друзьям, когда Пипин с Сэмом уже разожгли костер.

— Давай воду! — крикнул Пипин. — Где вода?

— Я ее в карманах не ношу, — ответил Фродо.

— Мы думали, ты пошел искать родник, — сказал Пипин, раскрывая мешок с припасами и вынимая кружки. — Не ходил, так сходи хоть сейчас.

— Идем со мной, — попросил Фродо. — И все фляги возьми.

Ручеек у подножия холма сбегал водопадиком с

серого камня. Вода была холодна, как лед. Хоббиты наполнили фляги, поплескались и умылись, фыркая от удовольствия.

Пока они позавтракали и собрались в дальнейший путь, было уже десять часов. Стало совсем светло и потеплело. Они сошли с холма, перешли через ручеек, поднялись на следующий холм, потом опять пошли вниз, потом опять вверх, опять вниз, опять на холм… Плащи, одеяла, вода, провиант и все остальное снова стало казаться им невыносимо тяжелым, дорога — ужасно длинной, а день — слишком жарким.

Однако через несколько миль дорога перестала прыгать с горки на горку. Она последний раз зигзагами взбежала на крутой холм, как на стену, и оттуда должна была в последний раз спустить их вниз. С холма открылся вид на широкую долину. В ней плавал туман, вдали над ним бурой полосой обозначились деревья — начало Лесного Предела, а дорога, как струна, уходила далеко-далеко в молоко тумана.

— Эта дорога бесконечна, — сказал Пипин, — а я бесконечно идти не могу. Давно пора за второй завтрак садиться.

И он уселся тут же на обочину. Впереди на востоке за туманом тек Брендидуин и кончался

Хоббитшир. Пипин взгрустнул. Сэм подошел к нему, широко открытыми глазами вглядываясь в новый горизонт, за которым лежали неведомые страны.

— А в тех лесах эльфы живут? — спросил он.

— Насколько мне известно, нет, — буркнул Пипин.

Фродо молчал. Он тоже смотрел на восток и на дорогу, будто видел ее впервые. И неожиданно для себя медленно продекламировал:

Убегает Дорога вперед и вперед,
Уходя от родного порога.
И уйду я по ней далеко на восход,
А оттуда — подальше немного.
Расширяется мир, разветвляется путь,
Я шагаю, шаги убыстряя.
Где придется на этом пути отдохнуть,
И куда он ведет — я не знаю…

— Это, вроде, стихи дяди Бильбо, — сказал Пипин. — Или ты ему подражал? Не очень-то вдохновляющие слова.

— Не знаю, — ответил Фродо. — Мне сейчас

показалось, что я сам придумал, а может быть, слышал, только давно. Но я вспомнил Бильбо. В последние годы перед уходом он часто говорил, что есть только одна Дорога, и она начинается у любой двери, а полнится тропинками. «Опасно выходить за порог; попадешь на свою Дорогу, и если не удержишь ноги, неизвестно, куда они тебя заведут. Ты понимаешь, что вот это — начало дороги, которая поведет тебя в Темнолесье, а то еще дальше, до Одинокой горы, или еще подальше, в нехорошие места?..» — говорил он так обычно уже у порога Торбы после дальней прогулки.

— Ну, меня дорога никуда не заведет отсюда раньше, чем через час, — откликнулся Пипин и снял мешок с плеч.

Друзья последовали его примеру, сложили мешки у бровки и сели, вытянув ноги на дорогу. А передохнув, спокойно съели плотный второй завтрак и еще немного отдохнули. Когда они снова тронулись в путь, солнце уже катилось к горизонту. До сих пор они не встречали ни души — по этим тропам мало кто ходил, а в Лесной Предел никто не ездил, да повозка там и не прошла бы. Еще час или больше они топали вперед. Местность пока была почти ровная, с отдельными деревьями и высокой травой вдоль дороги. Вдруг

Сэм остановился и прислушался.

— Вроде позади нас скачет лошадь или пони, — сказал он.

Все посмотрели назад, но поворот дороги мешал далеко видеть.

— Интересно, не Гэндальв ли нас догоняет? — сказал Фродо. Но, еще открывая рот, почувствовал, что это не так, и его вдруг охватило сильное желание спрятаться от неизвестного всадника.

— Может, в этом и нет особого смысла, — продолжал он, словно извиняясь, — но лучше, чтобы нас не видели на дороге — чтоб никто не видел. Мне уже надоело, что все обращают на нас внимание и болтают. А если это Гэндальв, сделаем ему сюрприз, — добавил он. — Отплатим за опоздание. Прячемся!

Его спутники быстро отбежали влево, нашли мелкий овражек и залегли там. Фродо секунду помедлил: любопытство или какое-то иное чувство боролось в нем с желанием спрятаться. Звук копыт приближался. В последний момент хоббит бросился плашмя в густую траву за деревом, ветки которого нависали над дорогой, потом осторожно поднял голову и выглянул из-за толстого корня.

Из-за поворота появился черный конь, огром-

ный по сравнению с хоббитскими пони; на нем сидел, пригнувшись в седле, высокий всадник в длинном и широком черном плаще с капюшоном, так что видны были только сапоги в стременах. Лица всадника под надвинутым капюшоном было не разглядеть.

Когда он доскакал до дерева и поравнялся с Фродо, его конь встал. Всадник замер в седле, наклонив голову, словно прислушивался. Из-под капюшона послышалось сопение; похоже, Черный нюхал воздух, стараясь уловить какой-то запах. Вот он медленно повернул голову в капюшоне.

Внезапно Фродо охватил неудержимый страх быть обнаруженным, и одновременно он подумал о Кольце. Он боялся дышать, но желание вынуть Кольцо из кармана было настолько сильным, что рука медленно сама потянулась. Совет Гэндальва показался нелепым: Бильбо ведь надевал его. «И я еще в Хоббитшире», — подумал он, дотрагиваясь до цепочки. В этот момент Всадник выпрямился в седле, встряхнул поводьями — и его конь двинулся вперед, сначала осторожным шагом, потом мелкой рысью.

Фродо подполз к краю дороги и смотрел вслед всаднику, пока тот не скрылся вдали. Он не был

уверен, что это ему не показалось, но похоже было, что Всадник там, далеко, свернул с дороги вправо и углубился в лес.

«Я бы сказал, что это очень странно и меня весьма беспокоит», — говорил Фродо сам себе, направляясь к товарищам. Пипин с Сэмом ничком лежали в траве и ничего не видели, так что Фродо описал им всадника и его странное поведение.

— Не знаю, почему, но я знал, что он меня ищет и вынюхивает; и еще я почувствовал, что не хочу, чтобы он меня нашел. Я раньше в Хоббитшире никогда так себя не чувствовал и такого не видел.

— Но что за дело огроминам до нас? — сказал Пипин. — И что этому надо в наших краях?

— Люди уже тут крутятся, — сказал Фродо. — Мне говорили, что в Южной чверти доходило до ссор с ними. Но о таких всадниках, как этот, я в жизни не слыхал. Интересно, откуда он взялся?

— Прошу прощения, — вдруг вставил Сэм. — Я знаю, откуда он *сейчас* взялся. Этот Черный прискакал из Хоббиттауна, если, конечно, он один такой. Еще я знаю, куда он направляется.

— Что ты сказал? — резко произнес Фродо, удивленно воззрившись на него. — Почему ты раньше молчал?

— Да я только сейчас вспомнил, хозяин. Это

вот как было: когда я бегал вчера вечером к себе в норку отдать ключи, мой Старик сказал мне: «Привет, Сэм! Я думал, ты утром ушел с господином Фродо. Тут странный чужак спрашивал господина Торбинса из Торбы-в-Холме, вот только сейчас ушел. Я его в Бакбург послал. Совсем он мне не понравился. Он, кажись, здорово расстроился, когда я сказал, что господин Торбинс навсегда уехал из дому. Он на меня прямо зашипел. Меня аж дрожь пробрала». «А что это был за тип?» — спрашиваю я. «Не знаю, — говорит он, — но не хоббит. Он высокий и черный; когда говорил, нагнулся. Наверное, огромина из-за границы. Выговор у него странный». Я не мог задерживаться, хозяин, вы же ждали, и особо не придал этому значения. Старик мой с возрастом подслеповат стал, и темно, наверное, было, когда этот Черный въехал на Холм и наткнулся на него. Он ничего такого не сказал, от этого хуже не вышло, правда, хозяин? Я тоже беды не хотел.

— Деда, конечно, винить не в чем, — согласился Фродо. — Сказать правду, я слышал, как он говорил с чужаком, который, вроде, меня спрашивал. Я чуть не подошел к нему узнать, кто там был. Жаль, что не подошел, и жаль, что ты мне раньше всего не рассказал. Я был бы тогда осторожнее

на дороге.

— Может, это разные всадники — чужак Деда и твой Черный? — сказал Пипин. — Мы ушли из Хоббиттауна в полном секрете, непонятно, как бы он нас догнал.

— А вынюхал, — сказал Сэм. — И черный, как мой Старик говорил.

— Почему я Гэндальва не дождался? — пробормотал Фродо. — А может быть, если б ждал, хуже было бы.

— Значит, ты что-то знаешь про этого всадника? — спросил Пипин, услышав его слова. — Или догадался?

— Не знаю, но про такое лучше не догадываться, — сказал Фродо.

— Ладно, братец Фродо! Хочешь секретничать, молчи пока. А нам что делать? Я бы хотел перекусить и чего-нибудь хлебнуть, но мне почему-то кажется, что отсюда надо уносить ноги. Расстроили меня ваши разговоры про нюхающих всадников с невидимыми носами.

— Да, пожалуй, стоит идти дальше. Не останавливаясь, — сказал Фродо. — Но не по дороге, а то вдруг этот всадник вернется или другой проедет. Надо сегодня подальше уйти. До Бакленда еще много миль.

* * *

Темные длинные тени лежали на траве, когда они сворачивали с дороги влево, стараясь все-таки не отходить далеко от Тракта, но выдерживать расстояние, чтобы никто их с дороги не мог увидеть. Трава здесь росла густая и так сплелась, что они с трудом продирали через нее ноги. Земля стала неровной, кусты и деревья — чаще.

Где-то позади зашло за холмы красное солнце, наступил вечер когда они наконец вернулись на дорогу в том месте, где она сворачивала влево, направляясь по низине к Слупкам. Вправо отходила дорога поуже, вилась между деревьями в старой дубовой роще и бежала к Шатровым полянам.

— Нам туда, — сказал Фродо.

Недалеко от развилки торчал огромный пень и лежал поваленный дуб. Он был жив, и на веточках, выросших из давно упавшего остова, еще не завяли листья. Но дуб был с дуплом, в которое можно было залезть через большую трещину. Входа в дупло с дороги не было видно. Друзья с трудом туда протиснулись, посидели на подстилке из трухи и вялых листьев, слегка даже поужинали и вполголоса поговорили, не забывая время от времени прислушиваться.

Когда они снова подкрались к дороге, уже смеркалось. Западный ветер вздыхал в деревьях, тревожно шептались листья, все постепенно окутывал плотный сумрак. Над темным востоком за лесом взошла первая звезда. Хоббиты шли в ряд, плечо к плечу и в ногу, но все равно им было страшновато. Страх прошел лишь через некоторое время, когда звезд стало много и они ярче заблестели в небе. Хоббиты перестали прислушиваться, тихонько запели.

Хоббиты любят петь по дороге, особенно когда приходится возвращаться домой позже обычного. Большинство хоббитов в таких случаях, правда, поют про ужин или мягкую постель, но наши три приятеля запели Дорожную песню (разумеется, не забыв упомянуть в ней и про ужин, и про постель). Песенку сочинил Бильбо, вернее, сочинил только слова, а мелодию использовал старую как горы. Фродо выучил ее, когда они вместе гуляли по долине под Холмом, и Бильбо рассказывал ему о своем Путешествии.

Пляшет пламя в теплой печке,
На камине тает свечка
И постелена кровать,
Ну, а там за поворотом,

Ждет всегда кого-то что-то,
Что из дома не видать!
Трава, деревья, лист, цветок —
Наш путь далек, наш путь далек!
Лес, небо, озеро, восход —
Шагай вперед! Шагай вперед!
Нынче можем мы случайно
Миновать ворота в тайну,
Завтра можем в них войти,
Тропы новые заметить,
Где луна и солнце светят
На угаданном пути!
Орехи, яблоки, репей —
Ног не жалей, ног не жалей!
Валун, песок, долина, пруд —
Прощайте, все: пути зовут!
Дом за нами, мир — пред нами,
Все дороги под ногами,
Мы пройдем сквозь ночи тьму —
Сгинет мрак, зажгутся звезды:
С миром в дом прийти не поздно
Никогда и никому!

Дожди, ветра, туманы — прочь!
Вернемся мы, забыв про ночь.
Дом, лампа, мясо, хлеб, кровать —
И быстро спать! Пора нам спать!

Песня кончилась.

— Пора нам спать! Сейчас же спать! — добавил Пипин в полный голос.

— Тихо! — сказал Фродо. — Кажется, опять копыта стучат.

Они сразу остановились и замерли, прислушиваясь. На дороге редко и мерно стучали копыта. Они были еще далеко позади, звук доносил ветер. Хоббиты быстро скользнули на обочину и побежали в густую тень под дубами.

— Далеко не заходите! — сказал Фродо. — Я не хочу, чтобы нас увидели, но хочу посмотреть, не Черный ли это всадник.

— Ладно, — сказал Пипин. — Только помни, что он нюхает!

Стук копыт приближался. Лучшего места, чтоб спрятаться, чем темнота, искать было некогда. Сэм с Пипином скорчились за толстым стволом, а Фродо подполз на несколько ярдов ближе к дороге. Она казалась светло-серым лучом, прорезавшим лес. Над ней в туманном небе густо

лепились звезды, но луны не было.

Стук копыт смолк. Фродо присмотрелся и увидел, как что-то темное мелькнуло в просвете между деревьями и остановилось. Одна тень была меньше, словно кто-то вел лошадь. Дойдя до места, где хоббиты сошли с дороги, меньшая тень закачалась, и Фродо почудилось сопение. Потом тень согнулась до земли и медленно двинулась в его сторону.

Хоббита снова охватило желание надеть Кольцо. На этот раз оно было настолько сильным, что рука его оказалась в кармане раньше, чем он сообразил, что делает. И вдруг откуда-то донеслись песни и смех. Чистые голоса взмыли под звезды и рассыпались в воздухе. Черная тень распрямилась, попятилась, взобралась на тень лошади и растворилась в сумраке за деревьями. Фродо перевел дыхание.

— Эльфы! — хриплым шепотом проговорил Сэм. — Эльфы, хозяин!

Он вскочил и рванулся на голоса, но его удержали.

— Да, это эльфы, — сказал Фродо. — Они в Лесном Пределе иногда появляются. В Хоббитшире они не живут, но весной и осенью проходят куда-то из своей земли к Башням и дальше. Какое

счастье для нас! Вы не видели, а Черный Всадник остановился как раз здесь и полз к нам, а тут они запели. Он услышал голоса и убрался.

— Ну, а эльфы, эльфы? — сказал Сэм, от волнения начисто забыв про Всадника. — Можно пойти на них посмотреть?

— Слышишь? Они сами сюда идут, — сказал Фродо. — Подождать надо.

Песня приближалась. Один звонкий голос взвился над остальными. Он пел на красивом эльфийском языке, который Фродо разбирал с трудом, а остальные совсем не знали. Но звуки голосов, сплетаясь с мелодией, складывались в их сознании в странные слова, которые они почти поняли. Вот как услышал эту песню Фродо:

Белее белой чистоты, Владычица светла

У заокраинной черты, где не бывает зла.

Бродя в лесах, живя вдали,

Мы помним свет родной земли!

Гилтониэль! А Элберет! Сиянье чистых глаз!

Поем тебе, надежды свет, пролившийся на нас!

Ты звезды сеяла в ночи в полях Семи ветров, —

Взгляните, как горят лучи сверкающих цветов!

Сквозь ветви леса нам видны

Лучи утраченной страны.

А Элберет! Гилтониэль! Когда здесь солнца нет,

Из заокраинных земель доходит ясный свет!

Песня отзвучала.

— Это эльфы Высокого рода. Они пели об Элберет! — изумленно воскликнул Фродо. — А я не знал, что это прекраснейшее племя заходит в Хоббитшир. Мало их осталось в Среднеземье. Странно и удивительно.

Хоббиты присели в тени у дороги. Вскоре по ней подошли эльфы. Они не спешили, и хоббиты ясно видели мерцание звездного света в их волосах и глазах. Шли они без фонарей, но казалось, что с ними вместе передвигалось тихое сияние, и луч невидимой луны тонкой тропкой ложился им под ноги. Последний эльф обернулся, взглянул на хоббитов и засмеялся.

— Привет, Фродо! — воскликнул он. — Поздно

ты гуляешь! Ты не заблудился?

Он окликнул остальных, и эльфы остановились и собрались в круг.

— В самом деле, удивительно! — говорили они. — Три хоббита ночью в лесу! Такого не было с тех пор, как Бильбо ушел. Что это значит?

— А это значит, дивный народ, что мы, кажется, идем в одну сторону, — ответил Фродо. — Я люблю гулять под звездами и с удовольствием пойду с вами вместе.

— Но нам незачем идти вместе с тобой; вы, хоббиты, такие зануды! — рассмеялись эльфы. — И почему ты решил, что мы идем в одну сторону, если не знаешь, куда мы идем?

— А ты откуда знаешь, как меня зовут? — спросил Фродо.

— Мы много знаем, — сказали они. — Мы тебя часто видели с Бильбо, хотя ты, наверное, не видел нас.

— Кто же вы, и кто вас ведет? — спросил Фродо.

— Я Гилдор, — ответил их предводитель, эльф, первым окликнувший его. — Гилдор Инглорион из Дома Финрода. Мы изгнанники, большинство из нас давно уплыло, а мы задержались здесь, но потом тоже вернемся на родину через Море. Не-

которые из нас мирно живут пока в Райвенделе. Ну, Фродо, рассказывай, как дела. На тебе тень страха, мы ее видим.

— О мудрый народ! — вмешался нетерпеливый Пипин. — Расскажите нам сначала про Черных всадников!

— Черные всадники? — эльфы заговорили тише. — Почему вы спрашиваете про Черных Всадников?

— Потому что нас сегодня догоняли двое… или один два раза, — сказал Пипин. — Вот только что, когда вы подходили, он убрался.

Эльфы не сразу ответили. Они тихо посовещались на своем языке. Наконец, к хоббитам обратился Гилдор.

— Не будем здесь о них говорить, — сказал он. — Похоже, вам действительно лучше пойти с нами. Это не в нашем обычае, но мы проведем вас по своей тропе и, если захотите, можете с нами переночевать.

— О дивный народ! Я о таком и не мечтал! — произнес Пипин.

Сэм потерял дар речи.

— Благодарю тебя, о Гилдор из рода Финрода, — сказал Фродо, поклонился и добавил на древнеэльфийском языке: — *Элен сила люм-*

энн омэнтиэльмо! (Звезда осветила час нашей встречи).

— Осторожней, друзья! — воскликнул, смеясь, Гилдор. — Не говорите лишнего! Тут знаток древнего наречия. Бильбо был хорошим наставником. Привет тебе, Друг эльфов! — добавил он, поклонившись Фродо. — Присоединяйся к нам вместе с друзьями! Идите посредине, чтобы не отстать. Дорога длинная, вы устанете.

— Почему устанем? Вы куда идете? — спросил Фродо.

— Сегодня — в Лесной Чертог на холмах. Туда несколько миль, но там вы отдохнете, а ваш завтрашний путь сократится.

Дальше они пошли молча, скользя, словно тени, в слабом мерцании звездных огней, ибо эльфы еще лучше хоббитов умеют двигаться бесшумно, если хотят. Пипина скоро начало клонить в сон, и пару раз он споткнулся, но каждый раз высокий эльф, шедший с ним рядом, подхватывал его и не давал упасть. Сэм шел рядом с Фродо будто во сне, со смешанным выражением страха, удивления и радости на лице.

* * *

По обе стороны тропы лес стал гуще. Молодые деревья росли все теснее. Потом дорога сбежала в лощину между холмами; их склоны с обеих сторон заросли орешником. Наконец, эльфы сошли с дороги. Справа сквозь деревья теперь еле различался зеленый гребень холма, как высокий вал, и они долго шли вдоль него, а потом поднялись вверх и вышли из-под деревьев, на широкую поляну, заросшую травой. Ночью под звездами она казалась серой. С трех сторон вокруг поляны стоял лес, а с востока холм резко обрывался, и верхушки деревьев, росших внизу, темнели у самых ног. А дальше была долина, плоская и сумрачная, в ней лежал туман и мерцало несколько огоньков: они попали на Шатровые поляны, а там, еще дальше — деревенька Шатры.

Эльфы сели на траву и завели тихую беседу; казалось, они перестали замечать хоббитов. Фродо и его спутники завернулись в плащи и одеяла и задремали. Пипин заснул совсем крепко, головой на зеленой кочке.

Ночь охватила мир тишиной, погасли огни в деревне, звезды стали ярче. Высоко в небе качалась Звездная Сеть Реммират, и над туманом

медленно выплыл, загоревшись огненным рубином, Боргиль. Потом ветер, сменив направление, подхватил слой тумана, сдвинул его и унес, и из-за края мира встал Небесный Меченосец Менельвагор с сияющим поясом. Эльфы все разом запели. Вдруг под деревьями алым пламенем вспыхнул костер.

— Идите к нам! — позвали эльфы хоббитов. — Сюда! Пришло время беседы и веселья!

Пипин сел, протер глаза, поежился от холода.

— В Лесном Чертоге горит огонь, и еда готова для голодных путников! — произнес эльф, стоявший над ним.

С южной стороны в зеленой стене леса был просвет. Туда убегала тропка, за деревьями она упиралась в поляну, здесь был настоящий Лесной Зал с крышей из ветвей. В центре горел костер. Мощные стволы служили колоннами, в них были воткнуты, как светильники, шесты с золотыми и серебряными огоньками на концах. Огоньки горели светло и ровно.

Эльфы сидели вокруг костра на траве или на круглых чурбаках. Несколько эльфов разносили чаши и разливали питье, а другие подавали блюда и миски с яствами.

— Сегодня еды мало, — сказали они хобби-

там. — Мы на зеленой стоянке далеко от дома. Если когда-нибудь придете к нам в гости, мы вас лучше примем.

— По-моему, это и так, как на дне рождения, — сказал Фродо.

Пипин потом почти забыл, что ел и пил, он был очарован дивным светом красивых лиц и звуками таких разных и таких прекрасных голосов; ему все казалось, что это сон. Он помнил только необыкновенно вкусный хлеб, как бывает, когда голодному протягивают булку; потом фрукты, душистее, чем лесные ягоды, и сочнее, чем садовые плоды; чашу прозрачного питья, прохладного, как родниковая вода, и золотистого, как летний полдень.

Сэм не мог бы описать словами, и так и не смог повторить в своем воображении, что он чувствовал и думал в ту ночь, хотя в памяти у него осталась радость и мысль о том, что это было одно из самых важных событий в его жизни. Самое вразумительное, что он мог по этому поводу сказать потом, было: «Ах, хозяин, если бы я вырастил такие яблоки, я бы смог назваться настоящим садовником. А уж песни их прямо в душу проливались, ну, вы меня понимаете!»

Фродо ел, пил и слушал, слушал… Эльфийские

язык он немножко знал и изо всех сил старался понять. Время от времени он сам заговаривал с теми, кто передавал ему еду, и благодарил на их языке. Они улыбались в ответ и со смехом восклицали: «Вот так хоббит — сокровище!»

Потом Пипин опять заснул, его подняли и унесли с пира на удобное ложе под деревьями. Там он доспал до утра. Сэм решил не отходить от хозяина. Когда Пипина уложили, он подсел к Фродо, устроился у его ног и в конце концов тоже закрыл глаза.

Фродо долго не спал, беседуя с Гилдором.

* * *

О многих старых и новых событиях говорили они, и Фродо долго расспрашивал эльфа о том, что происходит в широком мире за пределами Хоббитшира. Новости были невеселые и зловещие: наползают тени, воюют люди, бегством спасаются эльфы. Наконец, хоббит спросил о самом дорогом:

— Скажи, Гилдор, ты не встречал Бильбо с тех пор, как он от нас ушел?

— Встречал, — улыбнулся в ответ Гилдор. — Два раза. Он прощался с нами на этом самом месте. А еще раз я видел его далеко отсюда.

Больше он о Бильбо ничего не сказал, а Фродо не спросил.

— Ты молчишь о том, что тебя самого касается, Фродо, — сказал Гилдор. — И о себе не рассказываешь. Но мне уже кое-что известно, и по твоему лицу я о многом догадался; некоторые вопросы ты недаром задал. Ты уходишь из Хоббитшира, не будучи уверен, найдешь ли то, что ищешь, не зная, выполнишь ли свои намерения и вернешься ли назад. Я не ошибся?

— Нет, — сказал Фродо. — А я думал, что мой поход — тайна для всех, кроме Гэндальва и моего верного Сэма. — Он взглянул на Сэма, но тот лишь тихонько сопел.

— Мы эту тайну Врагу не выдадим, — сказал Гилдор.

— Врагу? — сказал Фродо. — Значит, ты знаешь, почему я ухожу из Хоббитшира?

— Я не знаю, почему Враг тебя преследует, — ответил Гилдор, — но я понял, что он гонится за тобою по пятам, хотя мне это кажется странным. И я предупреждаю тебя, Фродо: гибель позади тебя, опасность впереди — и со всех сторон.

— Ты говоришь о Всадниках? Я боялся, что они служат Врагу. Кто они на самом деле?

— Разве Гэндальв ничего тебе не сказал?

— О них ничего.

— Значит, и мне не следует говорить больше, а то страх помешает тебе продолжать путь. Мне кажется, ты вышел в последний момент, больше медлить нельзя. Может быть, уже поздно. Теперь спеши, не останавливаясь и не оглядываясь. В Хоббитшире тебе уже нет спасения.

— Что может быть страшнее таких намеков и предупреждений! — воскликнул Фродо. — Я, конечно, знал, что впереди опасности, но не ожидал встретить их прямо возле дома. Неужели хоббит не может уже спокойно через Приречье пройти в собственном Хоббитшире?

— Хоббитшир не твой собственный, — сказал Гилдор. — До хоббитов в нем другие жили, и после хоббитов другие будут жить. Тебя окружает огромные мир — можно построить вокруг себя забор, но нельзя перечеркнуть мир этим забором: он все равно существует.

— Знаю, но дома все всегда казалось таким привычным и безопасным. Что мне теперь делать? Я собирался тайно уйти из Хоббитшира и добраться до Райвендела, а меня выследили, не успел до Бакленда дойти.

— По-моему, тебе надо и дальше действовать по плану, — сказал Гилдор. — Такому храбрецу,

как ты, дорога должна оказаться под силу. А за советом обратись к Гэндальву. Я не знаю причины твоего бегства, поэтому не знаю, какими способами Враг будет тебя преследовать. Гэндальву это должно быть известно. Надеюсь, ты с ним встретишься, прежде чем покинешь Хоббитшир?

— Надеюсь. Но поэтому и тревожусь. Я ждал Гэндальва много дней. Он должен был явиться в Хоббиттаун самое позднее позапрошлой ночью, но не пришел. Теперь я ломаю голову, что могло случиться. Ты считаешь, что мне его надо подождать?

Гилдор минуту молчал.

— Это плохая весть, — сказал он наконец. — Опоздание Гэндальва ничего хорошего не сулит. Но говорят же*: «Не вмешивайся в дела магов, каждый маг хитер и на расправу скор».* Так что выбирай сам, идти или ждать.

— Говорят и другое, — отвечал Фродо. — *«Эльф не даст тебе совет, ему равно, что „Да“, что „Нет“».*

— Неужели? — рассмеялся Гилдор. — Эльфы не дают опрометчивых советов, ибо совет — опасный дар даже мудрому от мудрых. Ведь любой путь может обернуться бедой. А ты чего хочешь? О себе ты не все сказал, разве я могу выбирать

дорогу за тебя? Однако если настаиваешь, то ради дружбы вот что я скажу: иди сейчас же, куда идешь, не медли. Если Гэндальв не появится в Хоббитшире, то скажу больше: не ходи один. Возьми с собой надежных друзей, которые согласятся тебя сопровождать. Теперь скажи спасибо, ибо я неохотно даю тебе этот совет. У эльфов свои труды и горести, нам мало дела до хоббитов и прочих живущих. Наши дороги редко пересекаются даже случайно. Но в сегодняшней встрече я вижу больше, чем случай. Только смысл случившегося мне еще неясен. И я боюсь произнести больше, чем надо.

— Я тебе глубоко благодарен, — сказал Фродо. — Но хотел бы, чтобы ты мне все-таки объяснил, кто такие Черные Всадники? Ведь если я последую твоему совету, может получиться, что я долго не увижу Гэндальва, поэтому сам должен знать, чем они опасны.

— Тебе мало знать, что они — слуги Врага? — ответил Гилдор. — Беги от них! Не заговаривай с ними! Они — смерть! И больше не спрашивай меня. Сердце подсказывает мне, что еще до того, как все кончится, ты, Фродо сын Дрого, узнаешь об этих исчадиях зла больше, чем знает Гилдор Инглорион. Да охранит тебя Элберет!

— Но где мне взять смелость? — спросил Фродо. — Именно она мне нужнее всего.

— Смелость берется там, где не ожидаешь, — сказал Гилдор. — Не теряй надежду! А сейчас спи. Утром мы уйдем. Но мы пошлем вести во все концы. Стражи-скитальцы узнают про твой поход, и добрые силы встанут на защиту. Я называю тебя Другом Эльфов. Пусть звезды осветят конец твоего пути! Редко нам приносит радость общение с чужестранцами, и приятно услышать слова древнего наречия из уст других странников.

Еще раньше, чем Гилдор кончил говорить, Фродо почувствовал, что засыпает.

— Сейчас я засну, — сказал он, и эльф отвел его под деревья к Пипину.

Фродо повалился на ложе из травы и тут же заснул. Спал он без снов.

Глава четвертая. Напрямик по грибы

Утром Фродо проснулся отдохнувшим. Он лежал в беседке из живых ветвей, протянувшихся до земли; постель была из трав и папоротника, очень мягкая и удивительно ароматная. Солнце светило сквозь трепещущие листья деревьев, не успевшие пожелтеть. Хоббит вскочил на ноги и

вышел на поляну.

Сэм сидел на траве под крайними деревьями. Пипин стоял на открытом месте, глядя в небо, и прикидывал, какая будет погода. Эльфов и след простыл.

— Они нам оставили фрукты, питье и хлеб, — сказал Пипин. — Иди ешь. Хлеб на вкус почти такой же, как вчера. Я тебе не хотел ничего оставлять, но Сэм заставил.

Фродо присел рядом с Сэмом и принялся за еду.

— Какой план на сегодня? — поинтересовался Пипин.

— Поскорей дойти до Бакленда, — ответил Фродо, не отрываясь от завтрака.

— Как ты думаешь, мы сегодня этих Всадников встретим? — весело спросил Пипин. При утреннем свете возможная встреча даже с целым их отрядом не казалась ему такой уж страшной.

— Весьма вероятно, — сказал Фродо, кому такое напоминание не понравилось. — Но я надеюсь оказаться за Рекой раньше, чем они нас увидят.

— Ты о них что-нибудь узнал у Гилдора?

— Очень мало — одни намеки и загадки, — уклончиво ответил Фродо.

— Ты спросил, почему они нюхают?

— Мы об этом не говорили, — промямлил Фродо

с набитым ртом.

— Зря. Я уверен, что это очень важно.

— Но Гилдор, наверное, не стал бы это объяснять, — резко ответил Фродо. — А теперь оставь меня в покое хоть ненадолго. Не хочу отвечать на бесконечные вопросы за едой: дайте спокойно подумать.

— За едой?! — возмутился Пипин и отошел к краю поляны.

Но у Фродо, несмотря на яркое утро («Предательски яркое», — подумал он), страх перед преследователями остался, и слова Гилдора не выходили из головы. Потом до него дошел веселый голос Пипина, который с песней носился по траве.

— Нет, не смогу, — сказал Фродо сам себе. — Брать юных друзей на прогулку, чтобы, устав и проголодавшись, вместе вкусно поесть и лечь в мягкую постель, — это одно; а звать их в изгнание, где будет настоящий голод и усталость, — совсем другое. Даже если захотят, не возьму. Это наследство мне одному досталось. Наверное, даже Сэма брать не следовало бы... — он взглянул на Сэма Гэмджи и увидел, что тот за ним наблюдает.

— Ну, Сэм, — сказал он. — Что скажешь? Я уйду из Хоббитшира, как только смогу. Дело в том,

что я решил в Кричьей Балке ни дня не задерживаться.

— Отлично, хозяин!

— Ты не раздумал идти со мной?

— Нет, конечно.

— Но это, наверное, будет очень опасно, Сэм. Это уже опасно. Похоже на то, что мы оба не вернемся.

— Если вы не вернетесь, хозяин, так и я не вернусь, а как же иначе? — сказал Сэм. — «Не бросай его!» — сказали они мне. «Как это бросить? — сказал я. — Я бросать не собирался. Пойду за ним, даже если он полезет на луну. А если эти Черные Всадники попробуют ему помешать, им придется иметь дело с Сэмом Гэмджи», — сказал я. А они смеялись.

— Кто они, и что ты болтаешь?

— Да эльфы, хозяин. Мы прошлой ночью разговаривали. Похоже, они знают, что вы уходите, так что я не отрицал. Удивительное племя — эльфы, хозяин! Удивительное!

— Да, — сказал Фродо. — Тебе они по-прежнему нравятся?

— Про них, вроде, не скажешь «нравятся — не нравятся», — не сразу ответил Сэм. — Они как бы выше этого. Что я про них думаю, им все равно.

Они совсем не такие, как я ожидал: старые и молодые, веселые и грустные, — вот так.

Фродо несколько удивленно посмотрел на Сэма, словно ожидая в нем внешних признаков произошедшей перемены. Говорил не тот Сэм Гэмджи, которого, как ему казалось, он хорошо знал. Но увидел он того самого, только необычайно задумчивого.

— Ты все равно считаешь, что тебе надо уходить из Хоббитшира после того, как сбылась твоя мечта их повидать? — спросил он.

— Да, хозяин. Не знаю, как вам сказать, но после этой ночи я стал какой-то не такой. Будто вперед вижу, что ли. Знаю, что дорога перед нами очень длинная, в темноту; и знаю, что мне нельзя сворачивать. Я уже не эльфов хочу увидеть и не драконов, и не горы — точно не знаю, чего хочу, но что-то я должен сделать, и не здесь, не в Хоббитшире. Я должен *все пройти*, хозяин, вы меня поняли?

— Совсем не понял. Понял только, что Гэндальв нашел мне хорошего спутника. Я согласен. Пойдем вместе.

Молча кончив есть, Фродо встал, посмотрел на раскинувшуюся внизу долину и окликнул Пипина.

— Идти все готовы? — спросил он, когда Пипин подбежал. — Пора трогаться. Мы долго спали, а впереди немало миль.

— Это ты спал долго, — уточнил Пипин. — Я давным-давно встал, а теперь мы ждем, когда ты кончишь есть и думать.

— Уже кончил. И намерен как можно скорей добраться до Баклендского парома. Возвращаться на дорогу, с которой мы свернули вчера ночью, я не собираюсь. Отсюда пойдем напрямик.

— Тогда придется полететь, — сказал Пипин. — В этих местах напрямик нигде не пройдешь.

— Все равно, можно найти путь прямее, чем по той дороге, — сказал Фродо. — Паром — к юго-востоку от Шатровых Полян, а дорога отсюда сворачивает влево — вон видите, петля и поворот на север. Она обходит болота, потом упирается в дамбу между Мостом и Слупками. Для нас это несколько миль в сторону. Мы могли бы срезать путь на четверть, если идти по прямой, через Топкий Дол.

— *Больше срежешь, дольше выйдет*, — возразил Пипин. — Я эти места знаю, тут и топи, и кочки… А если ты беспокоишься из-за Черных Всадников, то, по-моему, встретить их в поле или в лесу так же опасно, как и на дороге.

— В лесу или в поле им нас найти будет труднее, — ответил Фродо. — И если кого-то ждут на дороге, то на дороге и будут искать, а мы с нее сойдем.

— Убедил! — согласился Пипин. — Пойду за тобой в любое болото и через все канавы. Но будет трудно! А я собирался до заката успеть в «Золотого окунька» в Слупках. Там лучшее пиво в Восточной чверти, во всяком случае, было: давно я его не пробовал.

— Вот поэтому и пойдем болотом! — сказал Фродо. — Путь напрямик может оказаться долгим, но трактиры задерживают еще дольше. Надо любой ценой провести тебя подальше от «Золотого окунька» и до ночи добраться в Бакленд. Что скажешь, Сэм?

— Я с вами, господин Фродо, — сказал Сэм, борясь с собственными предчувствиями (и сожалея о лучшем пиве в Восточной чверти).

— Ну так скорее по кочкам! — сказал Пипин.

* * *

Было почти так же жарко, как в предыдущий день, но с запада набегали облака. Похоже было, собирался дождь. Хоббиты с трудом слезли с холма по крутому травянистому склону и углубились

в густые заросли деревьев. Они решили пойти правее, оставив Шатры слева, наискось пересечь рощу на восточном склоне холма, выйти на равнину, а потом идти по открытой местности к реке. Там, правда, будут канавы и изгороди… Фродо подсчитал, что получится восемнадцать миль по прямой. Но когда они двинулись, оказалось, что роща была очень густой, ветви переплетались, корни мешали идти. Пробирались они наобум, без тропы и очень медленно. Продравшись, наконец, сквозь чащу, оказались у ручья. Его крутые глинистые берега поросли вьющимся кустарником, и через него нельзя было перепрыгнуть, вообще нельзя было перебраться, не поцарапавшись, не измазавшись и не вымокнув. Пришлось остановиться.

— Первое препятствие! — невесело усмехнулся Пипин.

Сэм Гэмджи оглянулся. Через просвет в деревьях виднелся зеленый гребень холма, с которого они спустились.

— Смотрите! — сказал он, хватая Фродо за руку. Они все подняли головы и увидели над собой на гребне силуэт коня на фоне неба и рядом — черную фигуру, нагнувшуюся над обрывом.

О возвращении речи быть не могло. Фродо пер-

вым быстро нырнул в густой кустарник у ручья.

— Фью! — присвистнул он, обращаясь к Пипину. — Мы оба правы. Путь напрямик уже горбатым оказался. Еле успели спрятаться. У тебя чуткие уши, Сэм, ты ничего не слышишь?

Они стояли тихо-тихо, затаив дыхание и прислушиваясь, но погони, похоже, не было.

— Не верится, чтобы ему удалось свести коня по такой крутизне, — сказал Сэм. — Но он, наверное, догадался, что мы тут спускались. Лучше пойти дальше.

Пойти дальше оказалось совсем не просто. У них были мешки, а кустарник не пускал их. Холм позади защищал долину от ветра, было тихо и душно. В конце-концов они выбрались на открытое место, но устали, взмокли, исцарапались, а самое плохое — потеряли ориентир и никак не могли понять, куда идти дальше. На равнине берега ручья стали ниже, он мельчал, но разливался, направляясь к болотам и к реке.

— Это же ручей Слупянка! — сказал Пипин. — Надо его опять перейти и свернуть вправо, если мы не хотим заблудиться.

Ручей они перешли снова вброд, почти бегом пересекли открытый луг, вошли в рощу. Деревья здесь росли большие, в основном, дубы, но попа-

дались и ясени, и вязы. Земля оказалась ровной, подлеска почти не было, но деревья стояли так близко друг к другу, что за ними все равно ничего не было видно. Поднялся ветер и внезапным порывом взмел опавшие листья. С затянувшегося тучами неба упали первые капли, ветер стих и полил ливень. Хоббиты спешили вперед по островкам намокшей травы и кучам старых листьев. Они не разговаривали, но все время оглядывались. Через полчаса Пипин сказал:

— Надеюсь, мы не слишком круто взяли к югу. Мы же топаем вдоль леса. Он здесь растет полосой не шире мили, — пора бы нам из него выйти.

— Если начнем петлять, ничего хорошего не выйдет, — сказал Фродо. — Идем уж в одном направлении. Может, нам и не стоит выходить на открытое место.

Они прошли еще пару миль. Солнце снова выглянуло из рваных туч, и дождь унялся. Перевалило за полдень, давно пора второму завтраку. Они сделали привал под вязом: листья дерева пожелтели, но не осыпались, и под ним было сухо. Эльфы наполнили их фляги светло-золотистым питьем, которое пахло цветочным медом и удивительно бодрило. Скоро они уже смеялись и прищелкивали пальцами, презирая дождь и

Черных Всадников. Сверху не капало, и казалось, последние несколько миль скоро тоже будут позади.

Фродо прислонился спиной к дереву и прикрыл глаза. Сэм с Пипином рядом с ним вполголоса запели:

У фляги пробку отверну,
Глоток побольше отхлебну —
Мне сердце надо облегчить,
А горе — утопить!
Пусть дождь сечет и ветер злой
Метет дорогу предо мной, —
А я под деревом сижу,
За тучами слежу!

— У фляги пробку отверну!.. — пропели они громче. И вдруг осеклись.

Фродо вскочил на ноги. Ветер донес протяжный вой, чей-то зловещий крик, в котором было вместе с тем безнадежное одиночество. Он нарастал, потом стал стихать и внезапно оборвался на высокой пронзительной ноте.

Они оцепенели, кто сидя, кто стоя, а первому крику уже отвечал второй, такой же жуткий и леденящий, но слабее и издалека. Потом наступи-

ла тишина, которую нарушал только шум ветра в листьях.

— Ты думаешь, кто это? — спросил, наконец, Пипин, стараясь говорить бодрее, но еще вздрагивая. — Если даже птица, я таких в Хоббитшире ни разу не слышал.

— Не птица и не зверь, — сказал Фродо. — Это зов или сигнал — в крике слова были, хотя я их не понял. У хоббитов таких голосов не бывает.

Все замолчали. Все думали о Всадниках, но языки у них присохли. Было одинаково страшно и оставаться на месте и двигаться дальше; однако рано или поздно надо было идти к парому по открытой местности, и им показалось, что лучше все-таки скорей, пока светло. Не медля больше, они взвалили на плечи мешки и зашагали вперед.

Лес внезапно кончился. Перед ними раскинулись широкие луга. Теперь они поняли, что и вправду взяли слишком круто к югу; вдали слева за равниной угадывались очертания Бакбургского холма за рекой. С опаской выйдя из-за деревьев, хоббиты почти бегом поспешили через луг.

Вначале боялись: ведь из-под деревьев они вышли, а в поле не спрячешься. Холм, где завтракали, был уже далеко позади. Фродо посмотрел

туда, со страхом подумав, что сейчас увидит темный силуэт всадника на фоне неба, но там никого не было. Солнце вырвалось из облаков и катилось к горизонту. Страх прошел, осталось беспокойство. Но уже показались неподалеку обработанные поля, покосы, ухоженные огороды, изгороди, канавы для поливки… Пейзаж был спокойным и мирным, обычный уголок Хоббитшира. С каждым шагом путники веселели. Лента реки придвигалась все ближе, а Черные теперь казались призраками, оставшимися позади вместе с лесом. Хоббиты прошли краем большого поля, где росла репа, и подошли к забору с крепкими воротами. Дорога за забором — две глубоких колеи — вела к деревьям.

— А я знаю, чье это поле и ворота! — сказал Пипин. — Мы на земле старого Мотыля. Там в деревьях его усадьба.

— Час от часу не легче! — произнес Фродо, вдруг испугавшись так, словно Пипин объявил, что дорога ведет в логово дракона.

Друзья удивленно воззрились на него.

— Чем тебе старина Мотыль не нравится? — спросил Пипин. — Он друг всем Брендибакам. Гоняет тех, кто вторгается в его владения, держит злющих псов, — но тут весь народ такой, граница

близко, приходится быть начеку.

— Знаю, — сказал Фродо. — Но все равно, — добавил он со смущенным смешком, — я его боюсь, и его собак тоже. Много лет обходил его усадьбу дальней дорогой. Я ведь рос в Брендихолле и несколько раз попадался, когда лазил к нему за грибами. В последний раз он меня отколотил, а потом показал собакам. «Смотрите, ребята, — сказал он им, — если этот шалопай еще раз сунется на мой участок, можете его съесть. А сейчас — проводите». И они за мной гнались до самого Парома. Мне до сих пор страшно, хотя, я вам скажу, звери свое дело знали и кусаться по-настоящему не стали бы.

Пипин рассмеялся.

— Ну вот, самое время все уладить. Особенно, если ты собираешься снова жить в Бакленде. Старый Мотыль надежный малый — если не трогать его грибы. Идем по дороге, чтобы не подумал, что мы покушаемся на его собственность. Когда встретим его, говорить буду я. Мерри с ним в дружбе, я частенько с ним здесь бывал.

* * *

Они довольно долго шли по дороге, потом увидели за деревьями соломенные крыши большого

дома и приусадебных строений. Мотыль, как и Глиноступ из Слупков и почти все здесь в Топком Доле, жил не в норе. Дом у него был кирпичный, а вокруг высокая ограда, как стена. В этой стене открывались еще одни деревянные ворота.

Как только они подошли ближе, раздалось рычание и заливистый лай, потом громкий голос окликнул псов:

— Тяп! Клык! Волк! К воротам!

Фродо и Сэм замерли на месте, а Пипин прошел еще несколько шагов. Ворота открылись, три огромных пса вырвались на дорогу и с яростью бросились к путникам. На Пипина они не обратили внимания; Сэм прижался к стене, и две собаки, похожие на волков, подозрительно его обнюхали, а когда он попытался шевельнуться, показали зубы; самый крупный и злющий с виду пес встал перед Фродо и зарычал, вздыбив шерсть на загривке.

Из ворот появился широкоплечий коренастый хоббит с круглыми красными щеками.

— Привет, привет! Кто вы и зачем сюда пожаловали? — спросил он.

— Добрый день, господин Мотыль! — сказал Пипин.

Фермер внимательно посмотрел на него.

— Кого я вижу! Малыш Пипин — я хотел сказать, господин Перегрин Тук! — воскликнул он, и нахмуренное его лицо расплылось в улыбке. — Давно я вас не видел, и ваше счастье, что мы знакомы. Я ведь собирался натравить собак на чужака, кем бы он ни был. Нынче странные дела творятся. Мы, конечно, разных бродяг навидались. У самой реки живем, — продолжал он, качая головой, — но этот был совсем из диковинных краев, я таких никогда не встречал. И больше он на мою землю не ступит: помру, а не пущу!

— О ком вы говорите? — спросил Пипин.

— А вы что, не видели? — сказал фермер. — Он совсем недавно поехал отсюда по дороге на дамбу. Очень странный посетитель и вопросы задавал странные. Но может, вы войдете в дом, обменяемся новостями в более удобной обстановке. У меня капелька свежего пива есть, если вы с друзьями не против, господин Тук.

Было ясно, что фермеру хотелось рассказать им больше, но в свое время и так, как ему удобно. Поэтому они приняли приглашение.

— Но собаки?.. — со страхом спросил Фродо.

Фермер засмеялся.

— А они вас не тронут — если я им не прикажу. Сюда, Тяп! Клык! К ноге! — окликнул он. — К

ноге, Волк!

Псы отошли к хозяину, а Фродо и Сэм с облегчением вздохнули, получив свободу. Пипин представил их обоих фермеру.

— Господин Фродо Торбинс, — сказал он. — Вероятно, вы его не помните, но он когда-то жил в Брендихолле.

При имени «Торбинс» фермер вздрогнул и бросил проницательный взгляд на Фродо. На секунду Фродо подумал, что его имя пробудило воспоминание о краденых грибах, и что сейчас собакам прикажут его выпроводить. Но Мотыль взял его за руку.

— Это уже совсем странно! — воскликнул он. — Неужели господин Торбинс? Входите, входите! Надо поговорить.

Они прошли в кухню и уселись у большого камина. Госпожа Мотылиха принесла большой кувшин пива и наполнила четыре объемистые кружки. Пиво было сварено отлично, и Пипин почувствовал себя вознагражденным за то, что не попал в «Золотого окунька». Сэм цедил пиво недоверчиво. Он не очень верил обитателям другой чверти и не собирался с ходу заводить дружбу с тем, кто отколотил его хозяина, пусть даже давным-давно.

После обмена замечаниями о погоде и видах на урожай (обещает быть не хуже предыдущих) Мотыль отставил кружку и оглядел всех гостей по очереди.

— Вот теперь, господин Перегрин, выкладывайте, откуда вы и куда? Не ко мне ли в гости собирались? Тогда как же вы прошли к воротам, что я вас не заметил?

— Правду сказать, нет, — ответил Пипин. — Как вы догадываетесь, мы с другой стороны на вашу дорогу вышли: через поле… Но это все получилось случайно. Мы сбились с пути в лесу, возле Шатровых Полян, хотели сократить дорогу к парому.

— Если вы спешили, то лучше шли бы по дороге, — сказал фермер. — Но это ваше дело. Ходите по моей земле, куда хотите, господин Перегрин, и вы тоже, господин Торбинс, — хотя… вы по-прежнему грибы любите? — Он засмеялся. — Да, да, я вас по имени узнал. Помнится, юный Фродо Торбинс был одним из самых отъявленных шалопаев во всем Бакленде. Но я не о грибах хотел сказать. Имя Торбинса я услышал как раз перед вашим приходом. Думаете, о чем меня спрашивал странный чужак?

Фермер помедлил, явно получая удовольствие от того, как они его слушали, потом продолжил:

— Ну так вот, подъехал он на большой черной лошади к воротам, которые как раз были открыты, и — прямо к дверям. Сам весь черный, в плаще, капюшон надвинут, словно не хотел, чтоб его узнали. «Чего ему надо в Хоббитшире?» — подумал я. Огромины изредка переходят границу. Но о таких, как этот, я никогда не слыхал. «День добрый! — говорю, подходя к нему. — Дорога здесь кончается, дальше пути нет, так что куда бы вы ни направлялись, лучше возвращайтесь обратно». Не понравился он мне. А когда Тяп подбежал и разок понюхал, то взвыл, как ужаленный, хвост поджал и попятился. Черный сидел тихо-тихо, потом сказал странным голосом: «Я оттуда, — и показал на мои поля. — Ты Торбинса видел?» Тут он ко мне наклонился. Лица не видно, капюшон опущен очень низко. У меня мурашки по спине поползли. Но все равно я подумал: какого лиха он ездит по моей земле без разрешения! «Убирайся! — сказал я, — нет здесь никаких Торбинсов. Ты не в той чверти. Езжай-ка назад на запад в Хоббиттаун — и по дороге».

«Торбинс оттуда уехал, — ответил он шепотом. — Он сюда направился. Он уже недалеко. Я хочу его найти. Если он здесь проедет, скажешь? Я привезу золота».

«Не привезешь, — ответил я. — Ты уедешь туда, откуда приехал, только вдвое быстрее. Даю минуту — и зову собак».

Он зашипел, вроде засмеялся. Потом пришпорил коня, чуть на меня не наехал; я успел отскочить, позвал собак, а он тогда развернулся и как молния умчался к дамбе. Ну, что вы на это скажете?

Фродо молчал, глядя на огонь, но думал лишь об одном: смогут ли они теперь пробраться к Парому?

— Не знаю, что и думать, — произнес он наконец.

— Ну, тогда я скажу, что вам думать, — сказал Мотыль. — Нечего вам было путаться с Хоббиттаунской родней, господин Фродо. Народ там дурной. (Тут Сэм заерзал на табурете и недружелюбно взглянул на Мотыля.) Но вы всегда поступали опрометчиво! Когда я услышал, что вы оторвались от Брендибаков и поехали к старому господину Бильбо, я так и сказал, что нарветесь на неприятности. Помяните мое слово, это все из-за странных дел господина Бильбо. Говорят, что деньги он в чужих краях добыл непонятно как. Может быть, кто-то теперь интересуется, что стало с золотом и драгоценностями, которые, как

я слыхал, он в Хоббиттауне зарыл?

Фродо ничего не сказал: проницательный Мотыль угадал довольно точно, это его смутило.

— Ну так вот, господин Фродо, — продолжал Мотыль, — я рад, что у вас хватило здравого смысла вернуться в Бакленд. И мой совет: оставайтесь здесь! И не путайтесь с разными чужаками! Друзей здесь найдете. Если кто-нибудь из Черных снова за вами явится, я с ним разделаюсь. Скажу, что вы померли или уехали из Хоббитшира, или что сами захотите. И это почти правда будет: они наверняка не про вас хотят узнать, а про старого господина Бильбо.

— Наверное, вы правы, — сказал Фродо, избегая смотреть фермеру в глаза и поэтому уставившись на огонь.

Мотыль задумчиво окинул его взглядом.

— Да, я вижу, у вас свои соображения есть, — сказал он. — яснее ясного, что вы тут не случайно оказались в одно время с этим всадником. Мои новости для вас, поди, и не удивление. Если желаете оставить то, что вам известно, при себе, спрашивать не буду. Но сдается мне, вы в затруднении. Наверное, думаете, что теперь будет нелегко добраться до парома и не попасть к этому Черному в лапы?

— Да, я думал как раз об этом, — сказал Фродо. — Но придется все равно идти: сидеть и думать бесполезно. Боюсь, что нам пора прощаться. Большое спасибо за вашу доброту! Я ведь вас и ваших собак больше тридцати лет боялся, господин Мотыль, хотите — смейтесь. Жаль, что мы с вами раньше не подружились. А сейчас расставаться жаль. Но я, может быть, еще вернусь. Когда-нибудь, если удастся.

— Возвращайтесь — гостем будете, — сказал Мотыль. — А пока у меня есть предложение. Скоро солнце сядет, мы ужинать собираемся, потому что ложимся сразу после заката. Будем рады, если вы с господином Перегрином и всей компанией перекусите с нами!

— Мы тоже были бы рады, — сказал Фродо. — Но боюсь, что нам надо спешить. Мы и так до темноты к Парому не дойдем.

— Да погодите вы! Я не договорил. После ужина я повозочку возьму и довезу вас до парома. И ноги бить вам не придется и другого беспокойства можно будет избежать.

Фродо с благодарностью принял приглашение — к большой радости Пипина и Сэма. Солнце уже скрывалось за холмами, темнело. Подошли два сына и три дочери Мотыля, на большом столе по-

явился обильный ужин. В кухню принесли свечи, подбросили дров в очаг. Мотылиха захлопотала у стола. Пришло еще несколько хоббитов — работники Мотыля. Когда все уселись, за столом оказалось четырнадцать едоков. Пива было много, пища простая и сытная, в том числе громадное блюдо грибов с ветчиной. Собаки под печкой грызли хрящи и кости.

После ужина фермер взял фонарь и пошел с сыновьями запрягать повозку. Гости вышли во двор в полной темноте. Забросив мешки, они вскарабкались в повозку под тент. Фермер сел за кучера и хлестнул двух крепких пони. Его жена стояла в дверях.

— Ты там поосторожнее, Мотыль! — крикнула она. — Не ввязывайся в разговоры с чужаками, и сразу домой!

— Ладно! — сказал он и выехал за ворота.

Ветер улегся, в прохладной темноте было совершенно тихо — ни звука, ни шелеста. Ехали без фонарей и очень медленно. Через пару миль проселок сбежал в глубокий ров, вылез из него на крутую насыпь, уперся в дамбу и кончился. На дамбе Мотыль сошел с повозки, попробовал вглядеться в темень на севере и на юге, но ничего не увидел. Было по-прежнему очень тихо. Тонкие

полосы тумана еле различались над рекой и ползли вдоль канав по полям.

— Темная будет ночь, — сказал Мотыль. — Но фонари я зажигать не стану, пока домой не поверну. Если кто нагонять нас будет, мы его издалека услышим, а он нас не увидит.

* * *

До парома от усадьбы Мотыля было миль пять. Хоббиты завернулись в плащи, только уши навострили, чутко ловя всякий звук, непохожий на скрип колес и мерный стук копыт пони. Фродо казалось, что повозка движется медленней улитки. Пипин рядом с ним клевал носом, Сэм вглядывался в туман. Вот уже подход к парому — впереди справа два белых столба. Они словно выросли вдруг из темноты, и фермер Мотыль резко натянул поводья. Повозка заскрипела и остановилась. Хоббиты собирались было вылезти, как вдруг услыхали то, чего все боялись: стук копыт на дороге впереди. Звук приближался.

Мотыль спрыгнул на дорогу, обхватил лошадиные морды и вгляделся в темноту. К ним подъезжал всадник: клик-клак-клок. Клацанье копыт громко разносилось в сыром воздухе.

— Спрячьтесь лучше, господин Фродо, — встре-

воженно сказал Сэм. — Лягте и накройтесь одеялами, а мы этого всадника пошлем, куда надо!

Сэм вылез из повозки и встал рядом с Мотылем. Теперь всадники подъедут к повозке только через его труп. Клик-клак, клак-клок… совсем близко.

— Эй, там! — крикнул фермер. Клацанье копыт прекратилось. В тумане всего в нескольких локтях от них показались очертания всадника в плаще.

— А ну, стой! — окликнул его фермер, бросая поводья Сэму и выходя вперед. — Ни шагу дальше! Что тебе надо и куда едешь?

— Мне нужен господин Торбинс. Вы его не видели? — раздался приглушенный голос, очень похожий на голос Мерри Брендибака. Подъехавший открыл фонарь, его луч упал на удивленное лицо фермера.

— Господин Мерри! — воскликнул он.

— Ну конечно! А вы думали, кто? — сказал, приближаясь, Мерри.

Выехав из тумана, страшный всадник вдруг уменьшился до обычных хоббичьих размеров. Ехал он верхом на пони, а шею до самого носа замотал шарфом, спасаясь от сырости. Фродо выпрыгнул из повозки ему навстречу.

— Так вот вы, наконец! — сказал Мерри. — Я

начал бояться, что вы сегодня не появитесь, и уже собирался вернуться и поужинать, но тут туман упал, и я поехал наперерез, к Слупкам, посмотреть, не упали ли вы где-нибудь в канаву. Чтоб я пропал, понять не могу, откуда вы появились. Где вы их подобрали, господин Мотыль? У себя в утином пруду выловили?

— Нет, я их поймал, когда они в мою усадьбу без спросу забрались, — сказал фермер. — Хотел собаками травить. Но они вам, конечно, все сами расскажут. А вы меня извините, господин Мерри, господин Фродо и все остальные, я уж теперь домой поеду. Как еще стемнеет, моя Мотылиха будет волноваться. Он развернул повозку на дороге.

— Доброй ночи вам всем, — сказал он. — Чудной сегодня день был, это уж точно. Но все хорошо, что хорошо кончается, хотя это мы с вами скажем, когда до своих дверей доберемся. Не стану отрицать, я буду рад поскорее дома оказаться. — Он зажег фонари и встал в повозке во весь рост. Но вдруг нагнулся и достал из-под сиденья большую корзину. — Госпожа Мотылиха собрала это для господина Торбинса и велела передать ему большой привет!

Вручив им корзину, Мотыль отъехал под дружный хор благодарностей и пожеланий доброй

ночи.

Они посмотрели, как растворяются в туманной ночи бледные круги света вокруг его фонарей. Вдруг Фродо засмеялся: он унюхал запах грибов из закрытой корзины.

Глава пятая. Раскрытый заговор

— Теперь нам лучше бы поскорее под крышей оказаться, — сказал Мерри. — Я понимаю, Фродо, это все забавно, но сейчас некогда, дома разберемся.

Они свернули на дорогу к парому, прямую, ровную, обложенную крупными белеными камнями. Примерно через сотню ярдов она привела их на берег реки, к широкому деревянному причалу. Возле него стоял большой бревенчатый паром. Белели причальные тумбы у края воды в свете двух фонарей на высоких столбах. Позади на полях туман накрывал даже загородки, но над темной водой плыли лишь тонкие завитки пара, запутываясь в прибрежных камышах; за рекой, казалось, туман редел.

Мерри провел пони по сходням на паром, остальные пошли за ним. Потом Мерри, не спеша, оттолкнулся длинным шестом от берега, и

медленный широкий Брендидуин принял их.

Противоположный берег был крут, сразу от причала вверх вела извилистая тропинка. А дальше желтыми и красными огоньками светилось множество круглых окон — это поднималась Брендигорка, а в ней — Брендихолл, старинный смайел Брендибаков.

Много лет назад Горхендад Старобэк, глава рода Старобэков, одного из древнейших в болотной части Хоббитшира, а может быть, и во всех четырех чвертях, переправился со своим семейством через реку, которая стала восточной границей, вырыл и выстроил Брендихолл, сменил родовое имя на Брендибак и остался здесь почти полновластным хозяином целого округа. Семья его благополучно множилась при нем и продолжала множиться, когда его не стало, и Брендихолл тоже рос, пока не занял весь нижний ярус холма; в нем было три главных входа, много боковых дверей и около сотни окон. Многочисленные Брендибаки постепенно перекопали, а потом застроили и все вокруг.

Так появился Бакленд, густозаселенная полоса земли между рекой и Старым Лесом, что-то вроде хоббитской колонии. Главным поселением стал Бакбург, прилепившийся к высокому берегу

Брендидуина и холмам за Брендигоркой.

Народ, живший на Болотах, которые стали называть Топким Долом, сохранил с Брендибаками дружеские отношения, и авторитет Хозяина Брендихолла до сих пор признается от Слупок до Ямок. Жители четырех чвертей Хоббитшира, однако, считают Брендибаков чудаками и почти чужаками. Вообще-то, они от остальных хоббитов не отличались ничем, кроме одной привычки: любили воду и лодки, а некоторые из них даже умели плавать.

С востока их земли были вначале ничем не защищены, но однажды они посадили там живую изгородь, назвав ее Загородью. Сменилось много поколений, Загородь постоянно подновляли, теперь она разрослась в ширину и в высоту. Шла она от самого Брендидуинского Моста, изгибалась большой дугой к востоку и упиралась в Перетопь, (где выбегала из Леса и впадала в Брендидуин речка Ивьюнка). Всего в ней было больше двадцати миль. Но, конечно, защита была неполной. Во многих местах Лес вплотную подступал к Загороди и норовил ее подвинуть. Поэтому с наступлением темноты в Бакленде запирались все двери, что в Хоббитшире было тоже не принято.

* * *

Паром медленно пересекал реку. Все ближе был берег Бакленда. Единственный из всей компании, кто ни разу не бывал за рекой, Сэм испытывал странное чувство — будто спокойные темные волны, тихо журчащие у борта, разделили его жизнь — позади в тумане осталось его прошлое, впереди были мрачные приключения. Он почесал голову, на мгновение появилась мысль, что хорошо бы господину Фродо оставаться тихо-мирно в Торбе, и тут же пропала.

Четверо хоббитов сошли с парома.

Мерри еще крепил причальный конец, а Пипин уже вел пони вверх по тропинке, когда Сэм обернулся, решив последний раз на прощанье посмотреть на Хоббитшир, и сдавленным шепотом произнес:

— Оглянитесь, хозяин! Вам что-нибудь видно?

На дальнем причале под смутными фонарями они различили неясную фигуру: словно черный мешок. Вот он качнулся, двинулся в одну сторону, потом в другую, наклонился, будто рассматривая землю; потом присел и пополз или пошел, согнувшись, назад в туман, за фонари.

— Что за чудо хоббитширское? — воскликнул

Мерри.

— Это то, что за нами гонится, — сказал Фродо. — Ничего больше не спрашивай! Скорее отсюда!

Они поспешили по тропе на подъем, а когда оглянулись еще раз, дальнего берега уже не было видно, только туман.

— Какое счастье, что вы не держите лодок на западном берегу! — сказал Фродо. — Лошадь может через реку переправиться?

— В двадцати милях к северу отсюда, по Брендидуинскому Мосту, иначе только вплавь, — ответил Мерри. — Хотя я никогда не слышал, чтобы лошади переплывали Брендидуин. Но при чем здесь лошади?

— Потом скажу. Скорее в дом, там поговорим.

— Ладно! Вы с Пипином дорогу знаете. Так что я быстро поскачу вперед и скажу Мякушу Болджеру, что вы едете. Мы вам ужин приготовим и все такое…

— Нас сегодня ранним ужином Мотыль накормил, — сказал Фродо. — Но можно второй раз.

— Будет вам второй раз! Давай сюда корзину! — сказал Мерри и ускакал в темноту.

* * *

До нового дома Фродо в Кричьей Балке от Брендидуина было не так уж и близко. Они миновали Брендигорку с Брендихоллом, оставив их слева, и почти пройдя Бакбург, вышли на главный тракт Бакленда, который вел от Моста на юг. Пройдя по нему полмили к северу, свернули вправо на проселок и топали еще пару миль вверх-вниз по холмам.

Наконец, дорога привела их к узкой калитке в плотной живой изгороди. Дома в темноте совсем не было видно — он стоял в глубине, на зеленой площадке, окруженной кольцом низкорослых деревьев, как второй оградой. Фродо выбрал его за то, что он находился в отдалении от поселка и рядом никто не жил. Сюда можно было незаметно прийти и так же незаметно уйти отсюда.

Дом был построен Брендибаками очень давно и предназначался для гостей или тех членов семейства, которым хотелось иногда отдохнуть от вечной суеты и толчеи в Брендихолле. Он строился по старинке и очень напоминал хоббичью нору — длинный, приземистый, без надстроек, с дерновой крышей, круглыми окнами и большой круглой дверью. От калитки к дому по зеленой

дорожке они подошли в полной темноте. Из-за ставен не пробивалось ни лучика. Фродо постучал в дверь. Мякуш Болджер отворил, — изнутри полился приветливый свет. Быстро проскользнув в дом, они захлопнули дверь, сразу отделившую их и свет от ночи.

— Ну, как тебе здесь? — спросил Мерри, встречая их в длинном коридоре. — Мы изо всех сил старались, чтобы сделать все как дома, хоть времени было мало. Ведь мы с Мякушем только вчера с последним багажом приехали.

Фродо осмотрелся. Было вправду, как дома. Много его любимых вещей — и любимых вещей Бильбо — нашли свои места, как в Торбе, и сразу напомнили ему про старика, так что стало почти больно. Здесь было уютно и спокойно, захотелось в самом деле поселиться в этом тихом уголке навсегда. Казалось нечестным вовлекать друзей в свои неприятности, и он снова подумал, как он скажет им, что должен скоро уходить. И понял, что придется все сказать после ужина перед сном.

— Как мило! — произнес он с усилием. — Будто я вообще не переезжал.

* * *

Путешественники сбросили мешки на пол и повесили плащи. Мерри провел их в дальний конец коридора и распахнул дверь. Они увидели яркий огонь и клубы пара.

— Банька! — закричал Пипин. — Благодетель Мерриадок!

— В каком порядке купаемся? — осведомился Фродо. — Сначала старший или самый расторопный? В любом случае вы последний, господин Перегрин.

— Позвольте мне распорядиться получше! — сказал Мерри. — Нельзя начинать новую жизнь в Кричьей Балке со ссоры из-за тазиков. В той комнате *три* ванных кадушки и полный котел кипятка. И полотенца есть, коврики и мыло. Быстро все туда!

Мякуш и Мерри занялись последними приготовлениями к позднему ужину в кухне, расположенной по другую сторону коридора. Из баньки доносился плеск воды, шлепанье, смех и три перебивающие друг друга песни. Вдруг голос Пипина взлетел над остальными, и Мерри с Мякушом услышали любимые банные куплеты Бильбо:

Мы вечерком в пару с дымком
Про баньку теплую споем,
А кто не хочет с нами петь,
Тому не будем воду греть!

Полезен дождик проливной,
Но только банною водой
Усталость можно смыть вполне,
Мочалкой шлепнув по спине!

В жару приятно воду пить,
Приятней пиво в глотку лить,
Но наслажденье от мытья
Милее всякого питья!

Журчат холодные ключи,
Поют фонтаны и ручьи,
Но музыкальней в десять раз
Фонтан воды из ванны в таз!

Тут раздался жуткий плеск и возмущенный крик Фродо: «Тише ты!» — по-видимому, вода из ванны Пипина фонтаном выплеснулась на потолок и разлилась по полу.

Мерри подошел к двери баньки.

— Как насчет ужина и кружки пивка? — крик-

нул он.

Фродо вышел в коридор, приглаживая волосы.

— Здесь даже в воздухе так мокро, что я пошел вытираться в кухню, — сказал он.

— Уфф! — сказал Мерри, заглядывая в дверь. На полу все плавало. — Придется тебе это вытереть, а уж потом получишь ужин, Перегрин! Поторопись, ждать не будем!

* * *

Ужинали они в кухне, подвинув стол к огню.

— Грибов вы, наверное, больше не хотите? — спросил Мякуш без особой надежды.

— Хотим! — закричал Пипин.

— Они мои! — заявил Фродо. — Госпожа Мотылиха, королева среди хозяек, дала их мне! Уберите лапы, я сам вам положу, жадюги!

Хоббиты обожают грибы, превосходя в этом самых отъявленных лакомок-огромин. Этим и объяснялись длинные вылазки юного Фродо в известную усадьбу в Топком Доле и справедливый гнев обиженного Мотыля. Но сейчас грибов хватило на всех, даже по хоббичьим аппетитам. Всего другого тоже хватало, так что когда они кончили, даже Мякуш вздохнул удовлетворенно. Они отодвинули стол на место и расселись в

креслах у очага.

— Уборкой потом займемся, — сказал Мерри. — Теперь рассказывайте! У вас, наверное, были приключения без меня, даже нечестно. Давайте полный отчет. Больше всего меня интересует, что случилось со стариной Мотылем, почему он так со мной разговаривал. Если бы это было возможно, я бы подумал, что он боится!

— Мы все боялись, — произнес после паузы Пипин, потому что Фродо уставился в огонь и говорить не желал. — Ты бы тоже испугался, если бы за тобой двое суток гнались Черные Всадники.

— Кто они такие?

— Черные, на черных лошадях, — ответил Пипин. — Если Фродо хочет молчать, так я вам все расскажу с самого начала.

И он дал полный отчет об их путешествии с момента выхода из Хоббиттауна. Сэм подбадривал его кивками и восклицаниями. Фродо молчал.

— Я бы подумал, что ты все выдумал, — сказал Мерри. — Если бы сам не видел ту черную тень на причале и не слышал, как странно говорил Мотыль. Что ты об этом скажешь, Фродо?

— Братец Фродо очень скрытным стал, — сказал Пипин. — Пора бы ему открыться. Нам пока

известны только догадки Мотыля, что дело тут в сокровищах старика Бильбо.

— Это всего лишь догадки! — быстро вставил Фродо. — Мотыль ничего не *знает*.

— Старина Мотыль хитер, — сказал Мерри. — Лицо у него простодушное, а говорит он не все, что держит в уме. Я слыхал, что он раньше в Старый лес ходил и вообще много чего знает. Ты хоть можешь нам сказать, Фродо, верно он догадывается или нет?

— Я думаю, — помедлив, ответил Фродо, — что в определенном смысле верно. Во всем этом есть связь со старым Приключением Бильбо, и Всадники высматривают, а точнее, *разыскивают* его или меня. Если хотите знать, так я боюсь, что это совсем не шутка, и мне грозит опасность даже здесь. — Он взглянул на окна и стены так, словно боялся, что они вот-вот развалятся.

Друзья смотрели на него молча, но между собой обменялись многозначительными взглядами.

— Вот оно! Сейчас скажет, — прошептал Пипин, обращаясь к Мерри. Мерри кивнул.

— Ну, ладно! — сказал, наконец, Фродо, решительно выпрямляясь в кресле. — Не могу больше темнить. Я должен вам кое-что сказать. Только с чего начать — не знаю.

— Давай, я тебе помогу, — тихо произнес Мерри. — Скажу кое-что за тебя.

— Как так? — удивился Фродо.

— А вот так, старина Фродо: ты, бедняга, не знаешь, как сказать «до свидания»! Ты ведь собрался уходить из Хоббитшира. Но опасность надвинулась на тебя раньше, чем ты ожидал, и теперь ты намерен удрать, не мешкая. А сам не хочешь. И нам тебя очень жалко.

Фродо открыл рот, потом закрыл. Он так комично удивлялся, что они расхохотались.

— Фродо, старина! — сказал Пипин. — Неужели ты в самом деле думал, что всех нас надул? Да тебе на это ни терпенья, ни ума не хватило! Ты с самого апреля собираешься уходить и прощаешься со своими любимыми местами! Мы то и дело слышали: «Увижу ли я когда-нибудь снова эту долину?» и так далее. Притворился, что у тебя деньги кончаются, а любимую Торбу продал этим Сумкинсам! А твои секретные разговоры с Гэндальвом!

— Силы небесные! — воскликнул Фродо. — Я-то думал, что действую умно и осторожно. Что теперь скажет Гэндальв? Значит, весь Хоббитшир судачит про мое отъезд?

— Да нет, что ты! — сказал Мерри. — Об этом не

беспокойся. Тайна, конечно, скоро откроется; но пока, мне кажется, о ней знаем одни мы, *заговорщики*. В конце концов вспомни, что мы тебя знаем как облупленного и часто бываем с тобой рядом. Мы научились догадываться, о чем ты думаешь. Я ведь и Бильбо хорошо знал. Сказать правду, я за тобой наблюдать начал, когда он ушел. Я тогда подумал, что рано или поздно ты тоже уйдешь. Я даже ожидал, что ты удерешь раньше, а под конец мы все переволновались. Было бы ужасно, если бы ты вдруг улизнул от нас один, как когда-то он. С весны мы с тебя глаз не спускали и свои планы строили. Тебе от нас так просто не удрать!

— Но я должен уйти, — сказал Фродо. — Изменить ничего нельзя, дорогие мои друзья. Это ужасно для всех нас, но не пытайтесь меня удержать. Раз уж вы о многом догадались, помогите мне вместо этого!

— Ты ничего не понял! — сказал Пипин. — Ты должен идти — значит, и мы должны. Мы с Мерри пойдем с тобой. Сэм — замечательный малый, ради тебя он прыгнет дракону в глотку, если не споткнется по дороге, но в таком походе тебе мало будет одного спутника.

— Дорогие мои любимые хоббиты! — растрогался Фродо. — Я не могу этого допустить. Я давно все

решил. Вы говорите об опасности, но всего вы не понимаете. Это не поход за сокровищами «Туда и Обратно». Я ведь бегу от одной смертельной опасности навстречу другим, не менее страшным.

— Все мы понимаем, — твердо сказал Мерри. — Поэтому и решили идти с тобой. Мы знаем, что Кольцо — дело нешуточное, и собираемся, как можем, помочь тебе в борьбе с Врагом.

— Кольцо! — выдохнул Фродо, вконец изумившись.

— Ну да, Кольцо, — сказал Мерри. — Глупый хоббит, ты думаешь, что твои друзья ничего не разведали? Я про Кольцо узнал давным-давно, еще до ухода Бильбо. Он его прятал, и я этот секрет никому не выдавал, пока мы не составили Заговор. Я не был знаком с Бильбо так близко, как с тобой, я был слишком молод, а он очень осторожен, — но и он допустил просчет. Хочешь, скажу, как я узнал?

— Выкладывай, — еле слышно произнес Фродо.

— Он себя выдал из-за Сумкинсов, как и следовало ожидать. Однажды, за год до Праздника, я шел по дороге и увидел Бильбо. Вдруг на той же дороге появились С. — Торбинсы и направились к нам. Бильбо замедлил шаг и вдруг — оп-ля! — исчез. Я так удивился, что сам еле успел спрятаться,

разумеется, обычным способом: пролез сквозь изгородь в соседнее поле. Оттуда я увидел, как прошли С.-Торбинсы, и потом вдруг прямо передо мной снова появился Бильбо. Он что-то положил в карман штанов, и я заметил блеск золота. А потом уж я не зевал. Признаюсь, что стал за ним шпионить. Но ты пойми, как было интересно, — я тогда мальцом был. И, наверное, единственным во всем Хоббитшире, кроме тебя, Фродо, кто видел его секретную Книгу.

— Ты читал его Книгу? — вскричал Фродо. — Силы небесные! Ничего не скроешь!

— Признаюсь, это было небезопасно, — сказал Мерри. — И я только разочек быстро ее просмотрел, еле удалось. Он всегда прятал Книгу. Интересно, что с ней случилось. Я бы хотел еще взглянуть. Она у тебя, Фродо?

— Нет. Он ее в Торбе не оставил. Наверное, с собой взял.

— Ну вот, как я уже сказал, — продолжал Мерри, — я держал при себе все, что знал, до нынешней весны, пока не развернулись серьезные события. Тогда мы и составили Заговор. А так как мы тоже не шутили и действовали всерьез, то и в средствах не стеснялись. Ты крепкий орешек, а Гэндальва еще труднее расколоть. Но если

хочешь познакомиться с нашим главным добытчиком сведений, я его покажу.

— Где он? — сказал Фродо, озираясь, словно ожидая, что сейчас из буфета появится зловещая фигура в маске.

— Шаг вперед, Сэм! — сказал Мерри, и Сэм встал, покраснев до ушей. — Вот наш источник! И он, скажу тебе, выдал порядочно, пока его не поймали. А вот после этого он, видимо, считает, что его отпустили под честное слово, и иссяк.

— Сэм! — воскликнул Фродо, чувствуя, что больше уже ничему не сможет удивиться, и совершенно не в состоянии разобраться, сам-то он зол, обрадован, доволен или одурачен?

— Да, хозяин, я! — сказал Сэм. — Простите, хозяин! Но я ничего плохого не хотел сделать ни вам, господин Фродо, ни господину Гэндальву. Уж он-то соображает, заметьте, а когда вы сказали «идти мне надо одному», он что сказал? «Нет! Возьми с собой друга, которому доверяешь».

— Но, похоже, что мне некому теперь доверять, — сказал Фродо.

Сэм посмотрел на него с несчастным видом.

— Все зависит от того, что тебе от нас надо, — вставил Мерри. — Можешь доверять нам в том смысле, что мы пойдем с тобой в огонь и в воду

— до конца. Можешь доверить нам любую свою тайну — сохраним лучше тебя самого. Но не верь, что мы тебя отпустим одного навстречу опасностям и что разрешим тебе удрать, не прощаясь. Мы твои друзья, Фродо. В общем, так. Нам известно почти все, что тебе рассказал Гэндальв. Мы много знаем про Кольцо. Мы страшно боимся — но мы пойдем с тобой, а не возьмешь — пойдем по следу, как собаки.

— В конце-концов, хозяин, — добавил Сэм, — надо и эльфов послушаться. Гилдор сказал: «Возьми тех, которые согласятся», не станете же вы отрицать?

— Не стану, — сказал Фродо, поглядев на Сэма, который теперь гордо ухмылялся. — Это я отрицать не стану, но теперь если ты даже храпеть будешь, не поверю, что ты спишь по-настоящему. Как дам ногой! Чтобы точнее проверить. А вы, негодяи!.. — повернулся он к остальным. — Но да хранит вас судьба! — рассмеялся он вдруг. — Сдаюсь! Принимаю совет Гилдора. Если бы опасность не была такой страшной, я бы заплясал от радости. Но все равно, я счастлив, как давно не был. А я так боялся сегодняшнего вечера!

— Браво! Значит, решено! Ура командиру Фродо и его отряду! — закричали они и пустились в

пляс вокруг него.

Мерри и Пипин отплясали круг и запели песню, явно сочиненную заранее для этого случая. Песня была на мотив той, которую пели гномы, отправляясь в Путешествие с Бильбо давным-давно. Слова тоже были похожи:

Мы скажем «прощай» очагам и домам,
Отправимся в путь, чтоб никто не заметил,
Пусть бесится ветер, уйдем на рассвете
За Лес и за Горы, сквозь мглу и туман!

Леса и болота мы смело пройдем,
Дойдем в Райвендел через горы и долы,
Где эльфы живут на полянах веселых, —
Но сами не знаем, что будет потом!

За нами смыкается страшная мгла,
Враги впереди, где никто из нас не был.
Дойдем до конца, отдыхая под небом,
Вернемся, когда завершим все дела!

Пусть бесится ветер, уйдем на рассве-

те,

В дорогу, вперед — и была ни была!

— Отлично! — сказал Фродо. — Но в таком случае у нас еще куча дел перед тем, как лечь спать, в последнюю ночь у очага и в доме.

— Но это же были стихи! — сказал Пипин. — Ты что, вправду решил выйти на рассвете?

— Еще не знаю, — ответил Фродо. — Я боюсь этих Черных Всадников. Они знают, что я сюда шел, значит, мне опасно здесь быть. Гилдор тоже советовал не ждать. Как бы я хотел увидеть Гэндальва! Даже Гилдор забеспокоился, когда я сказал, что Гэндальв не пришел. Сейчас все упирается в два вопроса: сколько времени надо Всадникам, чтобы добраться до Бакбурга, и сколько нам надо времени на сборы, то-есть как скоро мы сможем выйти?

— На второй вопрос отвечаю сразу, — сказал Мерри. — Выйти мы можем через час. Я тут все приготовил. В конюшне за лугом ждут шесть пони, провиант и вещи упакованы, осталось положить немного одежды и скоропортящиеся продукты.

— Да, заговор у вас продуманный, — сказал Фродо. — А что скажете о Всадниках? Можем мы

еще денек Гэндальва ждать или опасно?

— Все зависит от того, что эти Всадники с тобой сделают, если застанут, — ответил Мерри. — Они вполне могли уже добраться до нас, если бы не Загородь. Наверное, их остановили у Северных Ворот, где Загородь доходит до самой воды. Мост они перешли, а через Ворота сторожа их ночью не пустили: силой они почему-то не прорвались. Я думаю, их и днем постараются не пропускать без приказа хозяина Брендихолла. Они наверняка вызовут страх и подозрение. Конечно, если они нападут, здешние долго не выдержат. А может быть, утром им откроют, хоть они и Черные, ведь будут спрашивать господина Торбинса. Все уже прекрасно знают, что ты возвращаешься в Кричью Балку, чтобы здесь жить.

* * *

Некоторое время Фродо сидел задумавшись.

— Вот что я решил, — сказал он наконец. — Выйду завтра, как только светать начнет. Но не по дороге: это еще опаснее, чем здесь оставаться. Если выеду через Северные Ворота, о моем уходе из Бакленда узнают тотчас же, а надо бы это хоть на несколько дней сохранить в тайне. За Мостом и Большим трактом наверное, будут следить,

независимо от того, проберутся Черные в Бакленд или нет. Мы не знаем, сколько Всадников. Может, два, а может, больше. У нас один выход: уйти в совершенно неожиданном направлении.

— Но это значит только через Старый лес! — ужаснулся Фредегар. — Как ты мог об этом подумать! Он такой же страшный, как эти Черные всадники.

— Не совсем так, — сказал Мерри. — Звучит безнадежно, но Фродо, наверное, прав. Это единственный способ исчезнуть без погони. А если повезет, то мы сразу далеко уйдем.

— В Старом лесу вам не повезет, — возразил Мякуш. — Там никому никогда не везло. Вы заблудитесь. Туда никто не ходит.

— Ходят, ходят, — сказал Мерри. — Брендибаки ходят — иногда, если они в ударе. У нас есть туда своя тропа. Фродо по ней один раз ходил, правда, давно. А я — несколько раз: разумеется, днем, когда деревья спят и все спокойно.

— Поступай, как знаешь! — сказал Фредегар. — Я Старого Леса больше всего на свете боюсь. О нем кошмарные истории рассказывают. Но меня не слушают, я же с вами не иду. Иногда я даже очень рад, что остаюсь: когда Гэндальв появится, я скажу ему, что вы наделали; а я уверен, он скоро

придет.

Как ни любил Мякуш Фродо, но не хотелось ему ни бросать Хоббитшир, ни смотреть, что находится за его границами. Он был родом из Восточной чверти, его семья жила возле Толстоброда в Замостье, но сам Мякуш ни разу в жизни не переходил Брендидуинский Мост.

По замыслу заговорщиков, он оставался на месте и должен был отваживать любопытствующих, чтобы они как можно дольше пребывали в уверенности, что господин Торбинс продолжает жить в Кричьей Балке. Он даже привез сюда кое-какую старую одеждуы Фродо, чтобы лучше сыграть свою роль. Они не подумали, что эта роль может оказаться самой опасной.

— Отлично! — сказал Фродо, поняв планы друзей. — Записку Гэндальву все равно не оставишь. Не знаю, умеют ли эти Всадники читать, но я не рискнул бы оставлять ничего написанного, а вдруг они ворвутся в дом и обыщут его? Но если Мякуш по собственной воле остается в обороне, это все решает. Гэндальв знает дорогу и, конечно, придет сюда за нами вдогонку. Значит, я могу прямо с утра идти в Старый Лес!

— И дело с концом! — сказал Пипин. — Но я бы не согласился быть на месте Мякуша — сидеть и

ждать, пока придут Черные Всадники.

— Смотри, как бы ты в Лесу чего-нибудь не дождался, — заметил Мякуш. — Завтра еще до вечера пожалеешь, что не остался со мной.

— Нечего спорить, — сказал Мерри. — Нам еще надо все прибрать, завязать последние узлы и спать лечь. Я вас всех до рассвета разбужу.

* * *

Когда Фродо наконец лег, заснул он не сразу. Ноги у него болели. Он был рад, что утром поедет верхом. Сон все-таки его сморил, и ему приснилось, что он смотрит из высокого окна на темное море деревьев, плотно спутавших ветви. Далеко внизу между корнями ползали неведомые твари, он их слышал и знал, что они его вынюхивают и рано или поздно обнаружат.

Потом издалека донесся непонятный шум; сначала ему почудилось, будто ветер шумит в листьях огромного Леса; потом он понял, что это не листья, а волны далекого Моря. Он никогда не слышал шум моря в жизни — но во сне этот звук часто тревожил его. Вдруг он оказался один на просторе — не было ни деревьев, ни окна — ничего. Он стоял на плоскогорье, заросшем темным вереском, и в воздухе был незнакомый

соленый запах. Подняв глаза, он увидел перед собой стройную белую башню, одиноко стоявшую на высоком скальном гребне. Его охватило желание взобраться туда и увидеть Море. Он полез по скале к башне, но вдруг в небе вспыхнул яркий свет и загремел гром.

Глава шестая. Старый лес

Фродо проснулся внезапно. В комнате еще было темно. Рядом стоял Мерри, в одной руке держал свечу, а другой барабанил по двери.

— Ну, будет тебе! Что случилось? — спросил Фродо, ничего не понимая и вздрагивая со сна.

— Что случилось! — воскликнул Мерри. — Вставать пора. Уже полпятого, туман такой, что ничего не видно. Поднимайся! Сэм готовит завтрак, даже Пипин встал. Я пойду пони седлать и вьючного сюда приведу. Буди лежебоку Мякуша! Он должен нас хотя бы проводить, пусть встает.

В шесть часов пятеро хоббитов были готовы. Мякуш еще зевал. Тихо, почти крадучись, они вышли из дома. Впереди Мерри вел в поводу навьюченного пони. Мокрые листья на деревьях блестели, с каждой ветки капало. Вынырнув из-под деревьев за домом, дорожка пошла полями.

Трава поседела от холодной росы. Было совсем тихо, и дальние звуки слышались очень отчетливо: гомон домашней птицы, стук чьей-то калитки.

Пони стояли в сарае на лугу: небольшие, упитанные и крепенькие, каких любят хоббиты; на них нельзя быстро скакать, но они прекрасно выполняют тяжелую работу от зари до зари. Усевшись верхом, путешественники въехали в туман, который потревоженно раздвигался перед ними и зловеще смыкался сзади. Ехали медленно и молча. Примерно через час перед ними выросла Загородь. Она была высокая, и с нее свисала паутина в серебряных каплях.

— Как же вы через нее проедете? — спросил Мякуш.

— За мной! — сказал Мерри. — Увидишь.

Он свернул вдоль Загороди влево, и вскоре они подъехали к широкой яме. Загородь обходила ее, изгибаясь внутрь, а из ямы в землю полого уходил желоб с кирпичной кладкой по бокам. Кладка постепенно становилась выше, желоб превращался в туннель, нырял под Загородь и выходил в овраг с противоположной стороны.

Мякуш придержал пони.

— До свиданья, Фродо! — сказал он. — Лучше бы ты в Лес не ходил. Надеюсь, что вас не придется

спасать раньше, чем день кончится. Но желаю вам удачи — сегодня и потом!

— Если на моем пути самым страшным окажется Старый лес, я буду считать, что мне очень повезло, — сказал Фродо. — Скажи Гэндальву, чтобы спешил на Восточный тракт: мы скоро на него выйдем и поскачем так быстро, как только сумеем. Прощай!

Остальные тоже закричали «Прощай!», спустились в желоб и скрылись в туннеле. В нем было темно и сыро. В дальнем конце оказались решетчатые ворота из толстых железных брусьев. Мерри слез с пони и отпер их, а когда они все прошли, толкнул двумя руками. Ворота захлопнулись, щелкнул запор. Звук получился зловещим.

— Все! — сказал Мерри. — Вы уже не в Хоббитшире, а на краю Старого леса.

— А то, что про него рассказывают, правда? — спросил Пипин.

— Не знаю, что тебе рассказывали, — ответил Мерри. — Если старые сказки, которыми Мякуша няньки пугали, про гоблинов, волков и всякое такое, то неправда. В них я, конечно, не верю. Но Лес этот странный. Все здесь вроде живое, понимает, что вокруг делается, не так, как в Хоббитшире. И деревья здесь не любят пришельцев. Они следят.

Обычно они только следят, ничего особенного не делают, во всяком случае, днем, при свете. Иногда какое-нибудь совсем неприветливое ветку сбросит, или корень выставит, или петлю из плюща на тебя закинет. А ночью вещи пострашнее происходят, мне рассказывали. Я здесь после захода солнца был всего раз или два, да и то возле самой Загороди. Мне показалось, что все деревья перешептываются, сообщают друг другу новости на непонятном языке; и ветви качались и трогали друг друга без всякого ветра. Говорят, что эти деревья ходят, могут окружить чужака и придавить. Однажды давным-давно они в самом деле напали на Загородь: подошли к ней, вросли в землю рядом, перегибались через нее, спускали ветки наружу. Но хоббиты пришли, порубили сотни деревьев, разложили большой костер и выжгли в Лесу длинную полосу восточнее Загороди, недалеко отсюда. Лес больше не нападал, но стал еще враждебнее. Там, где был костер, до сих пор просека осталась. На ней ничего не растет.

— Тут только деревья опасные? — спросил Пипин.

— Говорят, что в глубине Леса странные твари живут, — сказал Мерри, — не здесь, а подальше. Я их не видел. Но тропы кто-то прокладывает. Когда

в Лес входишь, обычно встречаешь тропинки. Но они время от времени передвигаются и странно переплетаются. Тут близко начинается довольно широкая тропа к Паленой Просеке, примерно в том направлении, куда нам надо, на восток и чуть-чуть к северу. Она старая и недавно еще была. Попробую разыскать.

* * *

Хоббиты ехали по оврагу, оставив позади ворота туннеля. Начавшаяся в дальнем конце оврага еле заметная тропинка вывела их на уровень Леса, локтей на сто выше Загороди, и, заведя под деревья, пропала. Темная полоса Загороди осталась за спиной. Впереди были только деревья, стволы всех размеров без числа: прямые и кривые, толстые и тонкие, гладкие и обросшие ветками, серые или зеленоватые от мха; на многих рос отвратительный скользкий лишайник.

Один Мерри из всех бодрился.

— Ты лучше ищи свою тропу! — сказал ему Фродо. — А вы все не разбредайтесь и старайтесь не забывать, в какой стороне была Загородь.

Они пробирались между деревьями, пони осторожно трусили за ними, переступая через корни и стараясь за них не цепляться. Подлеска в этом

Лесу не было. Земля полого поднималась. Чем дальше, тем выше, темнее и толще становились деревья. Было тихо, лишь иногда с замерших листьев падали тяжелые капли. Вдруг все ветви зашевелились и словно зашептались, но тут же опять замерли, а путники почувствовали, что за ними неодобрительно следят. Это чувство не ослабевало, а наоборот, становилось острее, — их окружало не просто недоверие, а враждебность. Они стали ловить себя на том, что сами то и дело оглядываются и косятся через плечо, словно ожидая внезапного удара.

Никакой тропы по-прежнему не было. Деревья словно загораживали путь. Вдруг Пипин не выдержал и закричал:

— Ой-ой-ой! Я вам ничего не сделаю! Пропустите, пустите меня!

Остальные замерли на месте; но крик затих, будто отрезанный плотным занавесом. Лес даже эхом не ответил, только еще сдвинулся и как будто стал внимательнее.

— На твоем месте я бы не орал, — сказал Мерри. — От этого больше вреда, чем пользы.

Фродо уже не верил, что они найдут дорогу, и начал сомневаться, имел ли он право вести друзей в этот гнусный Лес. Мерри растерянно

оглядывался по сторонам, похоже, потеряв направление. Это заметил Пипин.

— Тебе не очень много времени потребовалось, чтобы нас завести! — сказал он.

Но в этот момент Мерри облегченно присвистнул и показал вперед.

— Ага! — сказал он. — Деревья-то и вправду передвигаются. Впереди Паленая Просека — во всяком случае, я так думаю, — а тропа совсем в сторону ушла!

* * *

Под деревьями становилось светлее. Вдруг они расступились, выпустив путешественников на большую круглую поляну. Над ними оказалось ярко-синее небо, и они удивились, потому что под крышей Леса не заметили ни рассвета, ни того, как поднялся туман. Солнце стояло еще недостаточно высоко, чтобы осветить всю Просеку, и только обливало первыми лучами верхушки деревьев. По краям поляны листья на них росли гуще и были зеленее, чем в глубине Леса, так что Просека была словно обнесена стеной. На ней деревья не росли, только жесткие травы с торчащими стеблями сухого болиголова, лесной петрушки, кипрея, уже рассыпавшего семена,

густой крапивы и чертополоха. Но после сумрачной чащи хоббитам показалось, что они попали в радостный сад.

Приободрившись, они с надеждой поглядели на светлое небо. За просекой в стене деревьев открывался проход, достаточно широкий и, похоже, не очень мрачный, хотя местами над ним нависали темные ветви. По нему они снова въехали в Лес. Все еще продолжая подыматься в гору, двигались они теперь быстрее и чувствовали себя несколько бодрей, надеясь, что Лес все-таки сжалился над ними и теперь пропустит беспрепятственно.

Но вскоре им стало жарко и душно. Деревья с обеих сторон все теснее подходили к тропе, и впереди почти ничего нельзя было разглядеть. Путники почувствовали, как Злая Воля Леса с новой силой давит их. Лошадки осторожно ступали по прошлогодним листьям, изредка спотыкаясь, натыкаясь на скрытые корни, но каждый шорох и стук копыт в мертвой тишине отдавался в ушах оглушительно громко.

Фродо попробовал запеть, чтобы поднять настроение товарищей, но выдавил из горла лишь сиплый шепот, мало похожий на песню:

О путник, в сумрачной тени

В душе надежду сохрани!
Засилью темному лесов
Придет конец в конце концов.

Увидишь солнца путь дневной,
Закат, восход над головой —
Начнутся дни и дни пройдут,
Леса погибнут и падут…

Последнее слово растворилось в тишине. Воздух был тяжелый, слова в нем не склеивались друг с другом. Большая ветка с треском отвалилась от дерева и упала на тропу позади них. Перед ними Лес будто сдвинулся, преграждая дорогу.

— Не нравится им твоя песня про конец и гибель. Кончай петь. Давайте доберемся до края, выйдем из этого Леса, а потом обернемся и пропоем все это хором! — сказал Мерри.

Он старался говорить веселее, чтобы даже если кто-то прислушивается, не выдать страха. Остальные подавленно молчали. Фродо чувствовал на сердце огромную тяжесть и с каждым шагом все больше укорял себя за то, что повел их в этот зловещий Лес. Он уже собирался остановиться и предложить им вернуться, если еще не поздно, как вдруг события приняли другой оборот. Тропа

перестала подниматься, пошла почти ровно. Темные деревья расступились, впереди обозначился прямой проход. Перед ними в некотором отдалении виднелась зеленая верхушка холма, выступавшая из Леса, словно лысая голова. Похоже, что тропа вела прямо туда.

* * *

Хоббиты заспешили, обрадованные, что скоро смогут подняться над Лесом и хоть так ненадолго выберутся из него. Тропа нырнула вниз, потом стала подниматься, действительно привела к холму, вышла из-под деревьев и затерялась в траве. Лес, росший вокруг холма, был похож на буйную шевелюру вокруг бритой макушки.

Хоббиты повели пони вверх, кругами вокруг холма. На верхушке огляделись. Был уже день, влажный воздух искрился под солнцем и дымка мешала далеко видеть. Вокруг них туман почти рассеялся, а внизу лежал еще лохмотьями и полосами и на юге поднимался, как белый пар, из глубокой ложбины, рассекавшей Лес.

— Вон полоска Ивьюнки, — показал рукой Мерри, — Она течет с Могильников на юго-запад, через самую чащу, а потом впадает в Брендидуин за концом Загороди. Туда нам совсем не надо!

Говорят, что долина Ивьюнки — самое коварное место во всем Лесу, оттуда все его колдовство исходит.

Друзья посмотрели в ту сторону, но ничего не увидели, кроме тумана над влажной низиной, за которым пропала южная часть Леса.

Солнце припекало. Наверное, было уже около одиннадцати. Осенняя дымка по-прежнему застилала горизонт со всех сторон. На западе они не могли различить ни Загороди, ни долины Брендидуина за ней. На севере, как ни вглядывались, не видели ничего похожего на полосу Большого восточного тракта, к которому стремились. Юго-восточный склон холма круто уходил вниз, в деревья, словно был берегом острова и поднимался над зеленым морем. Они сели «на берегу», отдохнули и перекусили.

Когда солнце поднялось в зенит, туман ненадолго прорвался, и на востоке за Лесом на горизонте стали различимы круглые серо-зеленые головы Могильников. Это их немного обрадовало, потому что приятно было увидеть своими глазами, что Старый Лес где-то, пусть и далеко, но кончается. Однако идти в ту сторону они совсем не собирались, ибо Могильники в хоббичьих преданиях окружала такая же недобрая слава, как и Лес.

* * *

Наконец, они собрались с духом и тронулись в дальнейший путь. Тропа, которая привела их на холм, на вершине прервалась, потом началась снова с северной стороны. Не успели они далеко по ней пройти, как поняли, что она явно заворачивает вправо. Потом начался крутой спуск, и они догадались, что идут теперь к долине Ивьюнки, совсем не туда, куда хотели. Хоббиты остановились, посовещались и решили сойти с неверной тропы и пойти прямо через Лес на север, потому что, хотя дороги сейчас не было видно, она там все равно была, и не очень далеко. Земля в том направлении казалась суше, а деревья — реже, и вместо дубов, ясеней и каких-то странных неведомых пород там росли, в основном, знакомые сосны и ели.

Сначала они, похоже, шли в правильную сторону и довольно быстро, хотя, когда им удавалось увидеть сквозь листву солнце, они чувствовали, что все-таки отклоняются к востоку. Вскоре деревья снова зажали тропу, причем именно там, где издали казались реже. Земля вдруг пошла складками, похожими на вмятины от великанских повозок или следы древних дорог. Колеи

и рытвины почему-то шли не вдоль их пути, а постоянно пересекали его, так что путникам то и дело приходилось спускаться, продираться сквозь репейники и снова подниматься, что было очень утомительно и трудно для лошадок. Спускаясь в очередной овраг, они каждый раз обнаруживали, что самые густые заросли репьев, терновника и других колючек оказываются слева, и выбраться можно, лишь взяв правее и пройдя некоторое время по дну. А выбираясь, замечали, что деревья смыкаются все гуще, в Лесу становится все темнее, искать дорогу на север трудней и трудней, словно их нарочно вынуждают идти вправо и вниз.

Через пару часов хоббиты совершенно потеряли направление, знали только, что давно идут не к северу. Их кто-то вел, и они шли: на восток, на юг, не из Леса, а в самое его сердце.

День уже подходил к концу, когда они с трудом спустились в особенно глубокий и широкий овраг. Его склоны заросли колючками и были настолько круты, что вылезти из него вместе с пони не было никакой возможности. Осталось одно: идти по дну вдоль, вниз. Почва скоро стала мягкой, кое-где из-под ног выбивались родники. Потом рядом с ними заструился ручей, местами

прячась в напоенной им же траве. Овраг становился все глубже, ручей шире и сильнее. Вот он уже с громким шумом покатился совсем круто вниз, а высоко над ним ветви деревьев плотно сомкнулись. Путники оказались как бы в темной трубе.

Вдруг им в глаза ударил свет — словно Лес открыл ворота. Оказывается, они вышли из него по крутому оврагу, словно трещине в горе. Теперь позади была эта гора, а впереди — широкая полоса камышей и трав, дремлющих в теплом свете послеполуденного солнца. За камышами текла темная ленивая река с довольно крутыми берегами. Вода в реке была бурой, а вокруг росли ивы: старые ивы стояли по берегам, поваленные ивовые стволы лежали наполовину в воде, местами перегораживая поток, над водой протягивались друг к другу ивовые ветки, по воде плыли тысячи желтеющих ивовых листьев. Увядшие листья сыпались с ветвей, ветер носил их над долиной, ивовые ветки скрипели, а снизу, отвечая им, шелестели камыши.

— Ну вот, я, кажется, понял, где мы! — сказал Мерри. — Мы пришли в противоположную сторону. Это — река Ивьюнка! Схожу на разведку.

Он выбежал из оврага в солнечный свет и

скрылся в высокой траве. Через некоторое время он вернулся и доложил, что между обрывом и рекой земля твердая.

— Больше того, — сказал он. — Там вдоль реки есть что-то вроде тропы. Если мы сейчас пойдем по ней влево, то в конце концов должны будем выйти из Леса где-то на востоке.

— Может быть, — сказал Пипин. — А если эта дорожка не ведет дальше, а попросту обрывается в трясине? Откуда ты знаешь, кто ее вытоптал и для чего? Думаешь, специально из вежливости для нас? Не верю я ни этому Лесу, ни тому, кто тут живет, и мне начинает казаться, что все, что о нем рассказывают, — правда. Ты хоть приблизительно догадываешься, как долго мы прошагаем на восток?

— Нет, — ответил Мерри. — Понятия не имею. Не знаю, сколько отсюда до устья, не знаю, кто тут может ходить так часто, что получилась дорожка, но другой дороги не вижу, и похоже, что ее нет.

Делать было нечего, один за другим хоббиты поехали за Мерри на тропу. Трава здесь росла так буйно, что некоторые стебли торчали выше голов полуростиков, но тропа оказалась достаточно широкой и удобной, ибо вилась по сухому грунту, петляла и юлила, огибая топи. Время от времени

ее пересекали ручейки, сбегавшие в Ивьюнку с лесных холмов, но через них были аккуратно проложены бревна или вязанки хвороста.

* * *

Становилось очень жарко. Хоббитов донимали бесчисленные рои мух и мошек, назойливо жужжавших в уши. Солнце жгло спины. Наконец, они вошли в зыбкую тень: над тропой протянулись толстые серые ветки. Путникам уже давно каждый шаг давался с трудом. Словно из земли выползала дремотная лень, обволакивала их, склеивала веки, связывала ноги.

* * *

У Фродо голова падала на грудь, он остановился. Идущий впереди Пипин упал на колени. Фродо услышал голос Мерри:

— Ну и что? Никуда не пойду, пока не отдохну. Надо поспать… Под ивами у воды свежее, там мух меньше…

Фродо охватило нехорошее предчувствие.

— Очнитесь! — воскликнул он. — Сейчас нельзя спать. Сначала надо отойти от Леса!..

Но остальные засыпали на ходу, и им было уже

все равно. Сэм бессмысленно хлопал глазами и зевал.

Вдруг Фродо сам почувствовал, что не может больше сопротивляться. В голове у него помутилось, он словно поплыл куда-то. Мухи перестали жужжать. Только нежный шорох, еле улавливаемый ухом, слабое трепыхание листьев, песня шепотом, полуголос-полушелест в ветвях. Хоббит с трудом поднял тяжелые веки и увидел над собой огромную старую иву, седую от паутины. Она была чудовищно велика. Длинные перепутанные ветви, словно серые руки с длинными пальцами, тянулись вниз. Неровный бугристый ствол в глубоких трещинах таинственно поскрипывал при движении веток. Дрожание листьев на фоне неба слепило солнечной рябью. Фродо опрокинулся на траву и остался лежать под деревом, где упал.

Мерри с Пипином дотащились до ивы и тоже опустились под ней, прислонившись к стволу возле призывно скрипящих трещин. Они последний раз подняли глаза к желто-зеленой листве, шевелящейся и шуршащей в паутине света, и закрыли их под тихую песню-шепот, в которой даже слова были — что-то про прохладу воды и про сон. И они уснули, убаюканные колыханием ветвей, у ног громадного серого дерева.

Фродо некоторое время лежал, борясь со сном, потом с усилием поднялся на ноги. Его охватило неодолимое желание подойти к прохладной воде.

— Подожди меня, Сэм, — пробормотал он. — Надо ноги… окунуть, минуту…

В полудреме он поплелся к берегу, туда, где из воды высовывались толстые, скользкие, шишковатые корни ивы, словно одеревеневшие драконы, подлетевшие к воде напиться и уменьшенные непонятным колдовством. Хоббит сел на один из них, опустил ноги в прохладную бурую воду — и сразу заснул, опершись спиной о ствол.

* * *

Сэм сел, почесал в затылке и зевнул, чуть не разорвав рот. Смутная тревога не давала ему спать. Полдень давно прошел, а они не просыпаются. Ему стало страшно.

— Они не только от солнца и жары, — сказал он себе. — Не нравится мне это дерево, не верю я ему. В ясный день распелось про воду и про сон! Так не пойдет!

Он с трудом встал и пошел посмотреть, что делают пони. Увидел, что два из них далеко ушли, догнал, вернул к остальным и вдруг услышал два

странных звука: один громкий, другой слабый, но отчетливый. Один — будто что-то тяжелое шлепнулось в воду, другой — как щелчок замка, когда дверь закрывают осторожно и быстро.

Сэм помчался к реке и увидел Фродо уже в воде у самого берега. Большой корень обхватил его и будто пригибал все ниже, а он не сопротивлялся. Сэм схватил его за куртку и вытащил из-под корня, а потом с большим трудом выволок на дорожку подальше от воды. Здесь Фродо почти сразу проснулся, очнулся и закашлялся, отплевываясь.

— Знаешь, Сэм, — произнес он наконец, — противное дерево *столкнуло* меня в воду! Я это почувствовал. Большой корень меня обхватил и пригнул.

— Вам, наверное, все приснилось, господин Фродо, — сказал Сэм. — Не надо было на корень садиться, если уж спать хотелось.

— А где остальные? — спросил Фродо. — Интересно, что им снится.

Они обошли дерево кругом, и тут Сэм понял, какой щелчок он слышал! Пипин пропал. Трещина, у которой он лег, сомкнулась, так что и щелочки не осталось, а Мерри был зажат в другой трещине: голова и полтуловища в стволе, ноги наружу.

Сначала Фродо с Сэмом принялись лупить кула-

ками по стволу в том месте, где был Пипин. Потом в отчаянии попытались раздвинуть трещину, в которой был зажат бедняга Мерри. Бесполезно.

— Какой ужас! — вне себя закричал Фродо. — Зачем мы только пошли в этот жуткий Лес? Лучше б остались в Кричьей Балке!

Он стал колотить по дереву ногами, не жалея пяток. Еле заметная дрожь прошла по стволу, ветви встрепенулись, и листья вновь зашелестели, на этот раз с тихим злорадством, будто усмехались.

— У нас в багаже случайно топора нет, хозяин? — спросил Сэм.

— Я взял небольшой топорик щепки рубить, — сказал Фродо. — Но что толку?

— Постойте! — воскликнул Сэм, которого слово «щепки» натолкнуло на новую мысль. — Можно попробовать огнем!

— Можно, — с сомнением сказал Фродо. — Но так можно Пипина внутри живьем зажарить.

— Надо хоть бы напугать это дерево или сделать ему больно для начала, — зло сказал Сэм. — Если оно их не выпустит, я его все равно повалю, даже если зубами грызть придется! — и побежал за топориком и трутницами.

Вдвоем они быстро набрали сухой травы, ли-

стьев, кусочков коры, веточек, накололи щепок и сложили это все под ивой с противоположной стороны от пленников. Как только Сэм высек искру, сухая трава вспыхнула, и дымное пламя взметнулось вверх. Затрещал сушняк в костре. Огненные язычки лизнули сморщенную кору древнего дерева и обожгли его. Вся ива задрожала. Листья над головами хоббитов от боли и злости зашипели, точно змеи. Мерри громко закричал, а из глубины дерева послышался приглушенный вопль Пипина.

— Погасите! Погасите! — кричал Мерри. — Если не погасите, она меня пополам раздавит! Она так сказала!

— Кто? Что? — закричал Фродо, бросаясь к другой стороне ивы.

— Погасите! Погасите! — умолял Мерри.

Ветки ивы стали яростно раскачиваться. Раздался шумящий свист, от ивы поднялся ветер и всколыхнул ветви всех растущих рядом деревьев, словно хоббиты бросили камень в тихую дрему речной долины, и теперь гнев кругами расходился по ней, захватывая Лес. Сэм ногами разбросал костерок и вытоптал искры. А Фродо, не соображая, почему он так делает и на что надеется, побежал по тропе с криком:

— На помощь! На помощь!

Он почти не слышал себя. Тонкий пронзительный голосок уносил поднятый ивой ветер, заглушал ропот листвы. Слова гасли, не успев сорваться с губ. Ему стало отчаянно страшно: он терял рассудок.

И вдруг он остановился. Ему показалось, что на крик ответили. Ответ послышался сзади, из глубины Леса. Он повернулся, прислушался и понял, что не ошибся: там кто-то пел. Громкий радостный голос с бархатными нотками беспечно распевал какую-то чепуху:

Хей-дол! Динга-дон! День-радень долог!

Прыг-скок, дилин-дон, ив-трав долы!

Дон-дон, Том-Бом, Бомбадил веселый!..

Наполовину с надеждой, наполовину со страхом перед неизвестностью, Фродо и Сэм замерли. Вдруг длинная цепочка кажущейся несусветицы превратилась в песню со словами. Голос стал громче и яснее.

Эй-гей, веселый дол, дорогой да вечный!

Ветерки, как перышки, и скворушка беспечный!

Вниз, вниз, да на холм — а там у по-

рога

В солнце вся, ждет звезд, смотрит на дорогу

Золотая Дочь Реки, Ягодка-Икринка,

Чистая, как родничок, светлая росинка!

Старый Том Бомбадил — к ней домой вприпрыжку

Пук кувшинок несет. Как поет — слышишь?

Хей-дол! Динга-дон! Дол да лес за долом!

Золотая Ягодка, вечерок веселый!

Ива, старая карга, великан патлатый,

Ну-ка, корни подбери, день идет к закату!

Том с кувшинками спешит — хоп-ля-ля! — вприпрыжку,

Хей-дол! Динга-дон! Как поет — слышишь?

Фродо и Сэм стояли и слушали, как завороженные. Ветер иссяк. Листья снова молча обвисли на оцепеневших ветвях. Раздался новый взрыв песни, потом вдруг, подпрыгивая, словно при-

танцовывая, над камышами появилась старая мятая шляпа с высокой тульей и длинным синим пером за лентой. Шляпа еще разок подпрыгнула, и появился, как им показалось, человек. Он был гораздо выше и крупнее хоббита, хотя чуть меньше огромины, но шума от него было столько же. Он оглушительно топал толстыми ногами в больших желтых башмаках, приминая траву, как бык по дороге на водопой. На нем был голубой кафтан, половину которого закрывала длинная темно-каштановая борода. Глаза были светло-голубые, лицо красное, как спелое яблоко, все в веселых морщинках. В руках он держал большой лист, на котором, как на подносе, лежал пук белых водяных лилий и кувшинок.

— Помогите! — закричали Фродо и Сэм, подбегая к нему и протягивая руки.

— Ну-ну! Спокойней! — воскликнул бородач, поднимая руку, и они замерли на месте. — Вы куда, малыши, для чего кричать-то? Разбежались, ишь вы, пыхтите, словно чайники! Вы меня знаете? Я Том Бомбадил. Выкладывайте, что за беда. Том спешит. Не ломайте мои лилии!

— Моих друзей схватила ива! — в отчаянии воскликнул Фродо.

— Господин Мерри там в трещине. Она его за-

жала! — закричал Сэм.

— Что? — вскричал, подпрыгивая, Том Бомбадил. — Старуха Ива? И все? Это поправимо. Есть у меня для нее песенка. Ах, эта Старая! Да я ей сердцевину заморожу! Не будет вести себя, как подобает, корни отпою, чтоб поотваливались. Такой ветер подниму, что ветки вместе с листьями облетят! Ах, она Старая!

Он бережно опустил свои лилии на траву и подбежал к дереву. Оттуда еще торчали ноги Мерри — только ноги, дерево уже затащило его глубже. Том прижал губы к трещине и тихо что-то пропел. Слов его они не поняли, но Мерри явно оживился и дрыгнул ногами. Том отскочил, отломил свисавшую ветку и ударил иву по стволу, приговаривая:

— Выпускай-ка их, Старуха, слушай Бомбадила! Воду пей, землю ешь, набирайся силы, просыпаться нечего, старая карга! Спать давно пора!

Потом он схватил за ноги Мерри и вытащил его из внезапно раздавшейся трещины. С громким скрипом и треском раскрылась вторая трещина, и из нее выскочил Пипин, словно ему дали пинка. Потом обе трещины, громко хлопнув, закрылись. По дереву от корней до макушки пробежала дрожь, и стало тихо.

— Спасибо! — сказали хоббиты по очереди.

Том Бомбадил расхохотался.

— Ладно, малыши! — сказал он, наклоняясь и заглядывая каждому в лицо. — Пойдете ко мне домой! На столе уже, наверное, стоят сливки с медом, белый хлеб и масло. И Золотая Ягодка ждет. На вопросы я вам за ужином отвечу, а сейчас — скорей за мной! Наступает вечер!

Он подхватил с земли свои лилии, махнул рукой, приглашая следовать за ним, и, пританцовывая и подпрыгивая, помчался по тропе к востоку, громко распевая что-то совершенно нелепое.

Удивленные до бесконечности и несказанно обрадованные, хоббиты без единого слова побежали за ним. Но куда им было с ним тягаться! Том вскоре исчез, песня его слышалась все тише и дальше. Но вдруг его голос снова приблизился, раздалось громогласное «Эй-гей!» и продолжение песни:

Прыг, прыг, малыши, вдоль Ивьюнки-речки!

Том отправится вперед и засветит свечки.

Солнце скатится на запад, пойдете

наощупь;

Дверь откроется, когда лягут тени Ночи;

Желтый свет из двери во тьме замерцает —

Шелест черной Ольхи пусть вас не пугает,

Ивы больше вы не бойтесь, ни корней, ни веток —

Хей-дол, там Том будет ждать со светом!

Больше хоббиты ничего не услышали. Почти сразу же солнце скатилось за деревья. Они представили, как оно сейчас бросает косые лучи на реку Брендидуин, как одно за другим освещаются окна Бакбурга. А здесь перед ними ложились длинные тени, над тропой нависали темные ветки, по сторонам встали грозные стволы. Белый туман колебался над рекой, запутываясь в корнях прибрежных деревьев. Прямо от земли у них под ногами поднимался пар. Сумерки сгущались.

Они с трудом угадывали тропу и очень устали. Ноги словно свинцом налились. Непонятные вкрадчивые звуки слышались из кустов и камышей со всех сторон. А когда они поднимали глаза

вверх, к бледному вечернему небу, то видели странные рожи, которые кривились в темных ветках и усмехались им с крайних деревьев мрачного Леса. Им начинало казаться, что все вокруг ненастоящее и они, спотыкаясь, бредут в зловещем сне, после которого не наступит пробуждение.

Ноги почти перестали их слушаться, когда они заметили, что земля под ними потихоньку поднимается. Река замурлыкала, зажурчала по камням, и они различили в темноте белую пену маленького водопадика. Деревья внезапно кончились, туман прорвался. Они вышли из леса на широкий луг. Речка здесь превратилась в веселый тонкий ручеек, который поблескивал под звездами, уже высыпавшими на небосвод.

Трава под ногами стала мягкой и короткой, словно ее подстригали. Позади деревья и кусты на окраине Леса стояли очень ровно, как подрезанные ножницами. Дорожка была уже гладкой, ровной, обложенной камнями по сторонам. Она вилась улиткой на горку. Там на серебристой под звездным сиянием траве стоял дом с освещенными окнами. Тропка еще раз нырнула вниз, потом весело побежала вверх по склону, где им навстречу уже открывалась дверь, выпуская в ночь

приветливый свет. Это был дом Тома Бомбадила.

За ним серым гребнем вставала невысокая обнаженная вершина, а дальше — темные силуэты Могильников на фоне ночного неба на востоке.

Все поспешили вперед, хоббиты и пони. Половина усталости прошла, половины страхов как не бывало. Из дома выкатилась песня:

Хей-дол! Динга-дон!..

Эгей, веселей, прыг да скок, ребятки!

Пони, хоббиты, сюда! В гости к нам идите!

Будем вместе песни петь, будем веселиться!

А потом прозвенел другой голос, чистый, юный и вечный, как весна, как радостно поющая вода в горах, сбежавшая в ночь из яркого утра, серебром им навстречу:

Будем вместе песни петь! Начинайте песню

О луне, тумане, звездах, солнце в поднебесье!

О дождях и светлых тучах, росах на листочках

Пойте с Томом Бомбадилом и Речною

Дочкой!

Ветер склоны овевает, вереск на вершинах,

Камыши в речных затонах, лилии в долинах!..

Под эту песню хоббиты встали на пороге, и золотой свет облил их.

Глава седьмая. В доме Тома Бомбадила

Четыре хоббита перешагнули широкий каменный порог и остановились, хлопая глазами, — они попали в залитую светом длинную комнату. Несколько ламп свисало с потолочных балок, а на темном полированном столе горело множество высоких желтых свечей.

В дальнем конце комнаты лицом к двери в кресле сидела женщина. Длинные золотистые волосы струились по плечам; платье на ней было зеленое-зеленое с серебристыми искрами, как молодой тростник в росе, а пояс золотой, в форме цепочки из шпажника с незабудками. В широких глиняных сосудах, зеленых и коричневых, у ее ног плавали белые водяные лилии и кувшинки, так что, казалось, она сидит на троне посреди

пруда.

— Входите, добрые гости! — сказала она, и хоббиты сразу узнали только что слышанный серебряный голос.

Они сделали несколько робких шагов вперед и принялись низко кланяться, чувствуя странную неловкость, словно постучались в сельский дом попросить напиться, а дверь им открыла юная и прекрасная эльфийская королева. Но прежде чем они успели сказать хоть слово, она легко вскочила и, смеясь, устремилась к ним, пробежав, кажется, прямо по кувшинкам. Легким ветерком в цветущих прибрежных травах прошуршало ее платье.

— Будьте, как дома, милые гости! — обратилась она к ним, беря Фродо за руку. — Смейтесь и веселитесь! Я Золотинка, Дочь Реки!

Потом она легким шагом прошла мимо них, закрыла дверь, встала к ней спиной, раскинув белые руки.

— Не пустим Ночь! — сказала она. — Вы, наверное, еще боитесь темных теней, глубоких вод, тумана и неукрощенных лесных жителей. Не бойтесь! Нынешнюю ночь вы проведете под кровом Тома Бомбадила.

Хоббиты восхищенно смотрели на нее; она как

бы в ответ одарила улыбкой каждого.

— Прекрасная госпожа Золотинка! — произнес, наконец, Фродо, чувствуя непонятную приподнятость. Он стоял, очарованный ее голосом почти так, как раньше, когда слушал песни эльфов. Но не совсем так: радость была не такой острой, и не такой длительной, и не столь возвышенной, однако, глубже и понятнее смертному сердцу. Голос был удивительный и незнакомый, но не чужой.

— Милая госпожа! — повторил Фродо. — Так вот откуда радость в песнях, которые мы слышали! Теперь мне понятно:

Золотинка, Дочь Реки, тонкая лозинка!

Чистая, как родничок, светлая росинка!

Ты весна, и лето ты, и весна снова,

Ветерок над водопадом, смех листвы веселый.

Фродо вдруг замолчал, запнувшись, сам себе удивляясь, что заговорил такими словами, но красавица радостно рассмеялась.

— Добро пожаловать! — сказала она. — Я не знала, что в Хоббитшире живут такие речистые хоббиты. Но вижу, что ты — Друг Эльфов. Об этом говорит свет в твоих глазах и звук твоего голоса.

Я рада веселой встрече. Усаживайтесь теперь и ждите хозяина дома! Он сейчас придет. Он с вашими лошадками, они тоже устали.

Хоббиты с облегчением сели на низкие плетеные стулья, а Золотинка захлопотала у стола. Они не сводили с нее глаз, потому что вид стройной легкой фигурки и ловких движений наполнял их тихим весельем. Где-то за стенами дома звучала песня. Среди всяких припевок вроде «Динга-дон», «Том-бом» и «Хей-дол» время от времени повторялось:

Старый Том Бомбадил — песни да смешинки! —

Голубой на нем кафтан и желтые ботинки!..

— Прекрасная госпожа, — робко открыл рот Фродо. — Не сочти глупой мою просьбу, скажи, кто на самом деле Том Бомбадил?

— Том Бомбадил — это он и есть, — произнесла Золотинка, на мгновенье остановившись.

Фродо вопросительно смотрел на нее.

— Он тот, кем ты его видишь, — ответила Золотинка на его взгляд. — Хозяин Леса, Вод и Холмов.

— Значит, ему принадлежит весь этот удиви-

тельный край?

— О нет, — ответила Золотинка, и ее улыбка пропала. — Это было бы слишком тяжелое бремя, — добавила она тихо, только для себя. И продолжила: — Деревья, трава, все, что растет и живет на этой земле, принадлежит само себе. Том Бомбадил здесь просто Хозяин. Никто не догнал Тома, никто не помешал ему ходить по лесу, плавать по воде, прыгать по горам, днем и ночью он свободен. Он здесь Хозяин. Страх ему неведом.

Растворилась дверь, и вошел Том Бомбадил. Шляпу он снял, на его густых каштановых волосах красовался венок из осенних листьев. Смеясь, подошел он к Золотинке и взял ее за руку.

— Вот моя красивая хозяюшка! — сказал он, обратившись с поклоном к хоббитам. — Вот моя Золотая Ягодка в серебристой зелени и в цветах! Стол накрыт? Ух, здесь желтые сливки и медвяные соты, белый хлеб с маслом, сыр, молоко, свежая зелень, спелые ягоды! Всем хватит? Ужин готов?

— Ужин готов, — сказала Золотинка. — Но, кажется, гости не готовы?

Том прихлопнул в ладоши и воскликнул:

— Том, Том! Гости устали, как же ты забыл? Идемте, мои веселенькие, освежитесь у Тома!

Снимете пыльные плащи, смоете грязь и усталость, расчешете спутанные волосы!

Он открыл небольшую дверь и повел их по короткому коридору за угол, в низкую комнату с покатым потолком (видимо, пристройку к северной части дома). Стен из гладкого камня почти не было видно за желтыми шторами и зелеными ковриками. Плиточный пол был устлан свежим тростником. Под одной стеной лежало четыре толстых тюфяка, а на них — снежно-белые одеяла. Под другой стеной на длинной лавке стояли глиняные миски и кувшины с холодной и горячей водой — на выбор. Возле каждой постели были приготовлены мягкие зеленые домашние туфли.

Вскоре, умытые и свежие, хоббиты уже сидели за столом, по двое с каждой стороны, а Золотинка и хозяин дома — по концам. Ужин был веселый и долгий.

Четверо хоббитов ели так, как могут есть только голодные хоббиты, и удивительно, что еды всем хватило. Напиток, налитый в кубки, напоминал чистую холодную воду, но разогревал душу, как вино, и выпускал голос на волю, словно птицу. Гости даже не заметили, как начали петь, и пение им казалось таким же естественным, как обычный разговор.

Наконец, Том с Золотинкой встали и быстро убрали со стола. Гостям велели сидеть тихо, и они остались в уютных креслах, положив усталые ноги на подставленные скамеечки. В большой печи пылал огонь, распространяя приятный запах, будто в него бросили ветки яблони. Когда все было прибрано, свет погашен, кроме одной лампы и двух свечей на полке по бокам от очага, Золотинка со свечой встала перед ними и пожелала каждому доброй ночи и крепкого сна.

— Отдыхайте спокойно до утра! — сказала она. — Не бойтесь ночных шумов! Ничто не проникнет сквозь двери и окна, только лунный и звездный свет и ветер с гор! Доброй ночи!

Она вышла из комнаты, лишь платье ее замерцало, прошуршав, и шаги прозвучали, как журчанье тихого ручья, скатившегося с холма по прохладным камням в ночной тишине.

Том еще немного посидел с гостями молча, но хотя у каждого на языке было множество вопросов, никто не осмелился раскрыть рот. Сон уже смыкал им веки. В конце концов Фродо решился:

— Господин, ты услышал наш призыв о помощи или тебя в нужный момент привел к нам случай?

Том вздрогнул, будто его разбудили.

— Что? — спросил он. — Слышал ваш призыв? Нет, не слышал. Я был занят песней. Случай привел меня к вам, если вы это зовете случаем. Я не собирался туда идти, хотя я вас ждал. Мы слышали о том, что вы пройдете, и узнали, что вы заблудились. Мы догадались, что вы скоро спуститесь к воде, ведь все дороги ведут вниз, к Ивьюнке. Старуха-Ива сладко поет, малышам трудно вырваться из ее пут. У Тома там было дело, безотлагательное поручение.

Том склонил голову, будто опять начал засыпать, потом тихо-тихо запел-замурлыкал с полузакрытыми глазами:

У меня заданье было — собирать кувшинки.

Листья с лилиями любит Ягодка-Икринка.

Их всегда она спасает от морозов снежных,

Чтоб цвели до весны у ног ее нежных.

Каждый год я отправляюсь за последним цветом

К темной заводи Ивьюнки на закате лета.

Дольше всех они цветут в этой тайной

заводи…

Там впервые Дочь Реки Тому показалась:

Золотая Ягодка в камышах сидела,

Сердце билось у нее, и слаще птички пела…

Тут он приоткрыл глаза и неожиданно сверкнул ими на хоббитов, как двумя ярко-синими озерами:

Ну, а вам повезло: больше Том не будет

По болотам бродить — пусть зима их студит!

Возле Ивы до весны не увидишь Тома.

Старый год кончается, новый — встретим дома.

А веселой весной тропки обновятся —

Моя Ягодка-Икринка побежит купаться.

Том замолчал. Но у Фродо был готов еще один вопрос, который он просто не мог не задать.

— Расскажи нам про Старую Иву, господин, — попросил он. — Что это за дерево? Я никогда ничего подобного не видел и не слышал.

— Нет! — закричали одновременно Мерри и Пипин, вскакивая. — Только не сейчас! Не перед сном!

— Правильно, — сказал Старый Том. — Есть вещи, о которых в темноте говорить вредно. Ночью надо отдыхать, а не сказки слушать, их оставьте до утра, а сами — на подушки. Чтоб ни Ивы не боялись, ни ночного шума, я со свечкой прямо в спальню сам провожу вас.

С этими словами он погасил лампу, взял свечи в обе руки и отвел хоббитов к постелям. Тюфяки и подушки были мягкие, как пух, одеяла — из белой шерсти. Не успели полуростики натянуть их на себя, как уже все крепко спали.

* * *

Сначала в глухой ночи Фродо спал, словно лежал в черной бездне без света. Потом в его сне встал молодой месяц. В слабом свете перед ним возникла черная стена скал, и в ней — темная арка, как большие ворота. Потом его будто подняло и понесло над стеной, и он увидел, что горы, образующие ее, окружают плоскую равнину, в середине которой каменной иглой стоит башня, не похожая на рукотворную. На верхушке башни он увидел фигуру, напоминавшую человека. Месяц,

поднимаясь еще выше, казалось, завис ненадолго у человека над головой и осветил седые волосы, их шевелил ветер. С темной равнины взвились жуткие крики и злобный вой множества волков. Вдруг месяц прикрыла тень больших крыльев. Старец поднял руки, и от посоха в его руке брызнул свет. Огромный орел подхватил и унес его с башни, твари внизу завопили, волки взвыли громче. Потом зашумел сильный ветер, донесся гром копыт: погоня, погоня, с востока, с востока… «Черные Всадники!» — подумал Фродо, просыпаясь, и продолжая почти наяву слышать стук копыт. И усомнился в том, что ему хватит храбрости уйти из этих надежных стен. Он долго лежал, не двигаясь и вслушиваясь в ночь: но все было тихо, и наконец, он повернулся на бок и снова заснул; но проблуждав до утра среди незначащих сновидений, не запомнил ни одного из них.

Рядом с ним спал Пипин, и сны у него были сначала легкие и приятные, но вдруг что-то в них переменилось, и он почти проснулся и вскрикнул, а может быть, ему только показалось, что он кричал, и показалось, что он слышал звук, который нарушил предыдущий сон: «Скр-р-рип», — будто ветки на ветру скрипят и скребутся в дом, их пальцы ощупывают стены и стучат в

окна: «Скр-р-рип, тук-тук, скр-р-рип…» Он попробовал вспомнить, не растут ли ивы возле дома, а потом ему показалось, что это вовсе не дом, а дупло старого дерева, и он там один, и слышит жуткий, сухой, скрипучий смех, это Ива над ним смеется. Он даже сел в постели, но тюфяк мягко пружинил, подушка была теплой, и в ушах у него зазвучали слова: «…а сами — на подушки! Чтоб ни Ивы не боялись, ни ночного шума…» Он откинулся назад на подушку и заснул до утра.

Мерри посреди мирного сна вдруг услышал плеск воды: сначала вода текла спокойно, потом неудержимым потоком, потом окружила весь дом темным безбрежным озером, бурлила под окнами, всплескивалась волнами, поднималась все выше… «Я утону, — думал Мерри. — Сейчас утону. Вода попадет внутрь, и я утону». Ему показалось, что он уже лежит в мягкой скользкой тине, и он вскинулся так резко, что спрыгнул с постели и оказался ногами на прохладном каменном полу. Тут он вспомнил, где находится, и лег назад в постель, причем в ушах его, — а может, лишь в памяти, — зазвенели слова Золотинки: «Ничто не проникнет сквозь двери и окна, только лунный и звездный свет и ветер с гор». Нежный ветерок шевельнул занавеску у форточки. Мерри глубоко

вздохнул, лег и уснул снова.

Сэм проспал всю ночь как бревно, в блаженном покое (если бревно способно чувствовать блаженство).

* * *

Проснулись они все четверо сразу, в ярком утреннем свете. Том, свистя, как скворец, ходил по комнате. Услышав, что они шевелятся, он хлопнул в ладоши и закричал:

— Хей! Дол-динга-дон! Вставайте, малыши-крепыши!

Потом отдернул желтые занавески, и оказалось, что за ними были окна: одно на восток, другое на запад. Хоббиты бодро вскочили, Фродо подбежал к восточному окну и увидел огород, седой от росы. Он думал, что увидит густые травы со следами конских копыт, а перед ним были жерди, оплетенные фасолью. Только далеко за изгородью, на горизонте, на фоне утренней зари торчал серый купол холма. Утро было неяркое, плавал туман. Желтое Светило с трудом пробивалось на востоке сквозь набухшие влагой облака, валявшиеся по всему небу, словно клочья нечесаной серой шерсти с багровым отсветом по краям. Небо предвещало дождь, но день начинался не

очень хмуро, а красные огоньки фасолевых цветов блестели в зеленой влажной листве.

Пипин выглянул из западного окна. Там тучи были плотнее и сверху казались покатой серой крышей. Лес под ней почти пропал. Длинной полосой светлого пара, в которой плавали перья облаков, проглядывала долина реки Ивьюнки. Под стеной дома слева с горы сбегал ручеек, от него вправо начиналась живая изгородь в серебристых паутинках, а за ней торчала низкая трава, посеребренная росой. Внутри изгороди были цветочные клумбы. Ивы нигде поблизости не росли.

— Доброе утро, веселые друзья! — кричал Том, широко распахивая восточное окно. В комнату ворвался прохладный воздух с запахом дождя. — Солнца сегодня будет немного, если я не ошибаюсь. Я с утра на ногах, много обошел, прыгал по холмам с рассвета, нюхал воздух, трогал мокрую траву под мокрым небом. Песней под окном я разбудил Золотую Ягодку; но вас, хоббитов, рано ничем не разбудишь. Ночью в темноте малыши просыпаются, а после рассвета спят! Динга-дон-дилло! Вставайте радоваться, крепыши! Забудьте про ночные шумы, динга-дон, дерри-дол-динго! Если быстро встанете, найдете завтрак на столе, а проспите — ешьте травку с дождевой водой!

Конечно, не надо сомневаться в том, что хотя в угрозах Тома не слышалось серьезных нот, хоббиты поторопились, а потом, усевшись за стол, не встали, пока пустых мисок на нем не стало больше, чем полных. Ни Том, ни Золотинка за стол с ними не сели. Было слышно, как Том носится по дому, гремит посудой в кухне, топает вверх-вниз по лестницам, поет то в доме, то во дворе. Открытое окно столовой выходило на запад, в туманную долину. С соломенной кровли капало. Еще до того, как они кончили завтрак, облака и туманы слились в одну сплошную крышу, и вдруг ровные седые струи дождя спокойно потекли на землю, шелковым пологом занавесив Лес.

Хоббиты выглянули в окно и услышали, как в шум ливня вплетается песня Золотинки, словно тоже льется прямо с неба. Они слышали чистый голос, отдельные слова — и поняли, что она поет песню долгожданного дождя, нежно ласкающего сухие холмы, рассказывает сказку Реки, рождающейся из горного источника и бегущей в далекое Море. Хоббиты радостно слушали, Фродо веселел сердцем, благословляя добрую погоду за то, что она их задерживает. Мысль об уходе давила его с самого пробуждения, но сегодня можно было остаться здесь.

* * *

Западный ветер усиливался, тучи сгущались, все чаще дождевые потоки обливали лысые вершинки холмов. Из окон ничего не было видно за стеной дождя. Фродо стоял в открытых дверях и смотрел, как белая меловая дорожка становится молочной речкой и с бульканьем течет в долину.

Из-за угла дома рысью выбежал Том Бомбадил, размахивая руками, словно раздвигая дождь, — и в самом деле, когда он перепрыгнул порог, то оказался почти сухим, одни башмаки мокрые. Он их снял и поставил на печку в уголок. Потом сел в самое большое кресло и подозвал хоббитов.

— Сегодня у Золотинки большая уборка, — сказал он, — и осенняя стирка. Для хоббитов мокровато — отдыхайте, пока можете. Лучшее время для беседы, для длинных историй, вопросов и ответов. Том начнет рассказывать — слушайте!

И рассказал он им много замечательных историй, то будто разговаривая сам с собой, то вдруг взглядывая на них светло-голубыми глазами из-под густых бровей, то переходя на песню, а иногда вскакивая с кресла и приплясывая по комнате. Он рассказал им о пчелах и цветах, о повадках

деревьев, о странных лесных тварях, о созданиях добрых и злых, дружественных и враждебных, жестоких и ласковых, о тайнах густых чащоб.

Они слушали и начинали понимать жизнь Леса, отдельную, ни на что не похожую, где все было на своем месте, а они вторглись незваными чужаками. В рассказ Тома то и дело входила Старая Ива, Фродо теперь узнал о ней все, что хотел знать, и даже больше, но это знание не успокаивало и не радовало. Слова Тома обнажали сердца деревьев и их мысли, чаще всего темные и странные, исполненные ненависти ко всему, что может свободно ходить по земле, ползать, летать, грызть, ломать, рубить, жечь: деревья мстили разрушителям и захватчикам.

Этот Лес недаром звался Старым; он таким и был, последний бастион некогда огромных лесов. В нем еще жили, старея медленно, как горы, праотцы деревьев, помнящие времена, когда они были здесь полными хозяевами. За бесчисленные годы в них выросла гордыня, укоренилась злобная мудрость. Но не было дерева опаснее Старой Ивы; сердцевина ее сгнила, но вместе с зеленью она каждый год наливалась силой; она была коварна и повелевала ветрами; ее песни и ее мысли проникали в самые глухие углы Леса по обеим

сторонам реки; серый алчный дух, зарываясь в землю сетью тонких и длинных корней, тянул из нее новую силу и питал ею бесчисленные руки ветвей, жадными пальцами хватающие даже воздух. Ей покорились почти все деревья Леса, от Загороди до Могильников.

Вдруг Том оставил Лес в покое, и его рассказ поскакал вверх по течению молодого ручья, через водопадики, по пене и пузырям веселой воды, катящейся по старым камням с трещинами, заросшими влажным мхом, по лужайкам с мелкими цветами, до самых Могильников.

Они услышали о Великих Могильниках, зеленых холмах, увенчанных каменными кольцами, глубоких пустотах под курганами. Блеяли отары овец. Воздвигались зеленые валы и белые стены. На высотах вырастали крепости. Сражались между собой короли малых государств, и огонь юного солнца отражался в багровых клинках нововыкованных жадных мечей. Победы сменялись поражениями; рушились башни, пылали крепости, и пламя поднималось до небес. Золото копилось в усыпальницах королей и королев, закрывались каменные двери, и над всем этим вырастала трава. Овцы паслись на курганах и щипали траву, а потом снова ничего не было,

кроме пустой земли.

Из дальнего Мрака явилась Черная Тень, и кости зашевелились в могилах. Умерлия бродили в пустотах под холмами, звеня кольцами на холодных пальцах и золотыми цепями в ночном ветре. Каменные кольца на вершинах, давно вросшие в землю, оскаливались в лунном свете, как выщербленные зубы.

Хоббитам стало страшно. В Хоббитшир доходили легенды об умерлиях из Могильников далеко за Лесом. Но хоббиты не любили их слушать даже возле уютного камина. И вдруг эти четверо сразу подумали о том, что заслоняла от них радость дружественного очага: дом Бомбадила стоит совсем рядом с ужасными Могильниками. Они потеряли нить рассказа и зашевелились, с тревогой взглядывая друг на друга.

Когда они снова стали слушать. Том уже блуждал в неведомых им землях и Незапамятных временах; тогда мир был шире и Море омывало западные берега; а он уходил все дальше, глубже во Время, и пел о древних звездах, под которыми проснулись первые эльфийские властители.

Вдруг он замолчал и головой качнул, словно засыпая. Хоббиты завороженно сидели на своих местах, и им казалось, что под чарами слов затих

ветер, высохли дождевые облака, сгинул день и Тьма простерлась от востока до запада, и было лишь темное небо и свет мириад белых звезд.

Прошло ли утро и настал вечер того же дня, или миновало много дней, Фродо не мог сказать. Он не чувствовал ни голода, ни усталости, только изумлялся. Его окружало молчание неба, и звезды светили в окно. Вдруг он испугался огромной тишины и сквозь изумление и страх проговорил:

— Кто ты, Господин?

— А? Что? — сказал Том, встрепенувшись и блеснув глазами в полутьме. — Ты же знаешь, как меня зовут, — вот и ответ... Скажи, кто ты, один, сам по себе и безымянный?.. Но ты молод, а я стар. Старейший я, вот кто. Запомните, друзья: Том был здесь раньше реки и деревьев; Том помнит первые капли дождя и первый желудь. Он протаптывал здесь тропы раньше огромин и видел, как пришли полуростики. Он был здесь раньше королей и их могил, и умерлий. Когда эльфы проходили на запад, Том уже был здесь, он был здесь до того, как моря изменили берега. Он знал Тьму под звездами, когда в ней не было страха, — до того, как из-за Пределов Мира пришел Черный Властелин.

Словно тень пронеслась за окнами, и взгляды

хоббитов потянулись туда. Когда они обернулись к двери, там стояла Золотинка в ореоле света. Она держала свечу, заслоняя ее рукой от сквозняка, и свет проходил сквозь руку, как луч солнца сквозь белую раковину.

— Дождь кончился, — сказала она. — Обновленные воды бегут с холма под звездами. Давайте смеяться и радоваться!

— Давайте поедим и выпьем! — воскликнул Том. — Долгие рассказы вызывают жажду. И легко проголодаться, если долго слушать, — все утро, день и вечер!

С этими словами он вскочил с кресла, в одном прыжке схватил свечу с камина, зажег ее от свечи Золотинки, протанцевал вокруг стола и вдруг пропрыгал через дверь в коридор и скрылся. Так же быстро вернувшись, он принес большой поднос со снедью и вместе с Золотинкой быстро накрыл стол. А хоббитам было удивительно весело: так хороша и грациозна была Золотая Ягодка и так забавно приплясывал Том.

И вместе с тем казалось, что они плетут узор одного танца — не мешая друг другу, из комнаты в комнату и вокруг стола. На столе молниеносно появились блюда и тарелки, еда, питье и свет. Желтые и белые свечи отражались в темной

столешнице. Том поклонился гостям.

— Ужин готов, — сказала хозяйка, и тут хоббиты увидели, что платье на ней серебряное, с белым поясом, а туфли словно из рыбьей чешуи. Том был весь в голубом, цвета омытых дождем незабудок, и в зеленых носках.

* * *

Ужин был еще лучше, чем предыдущий. Зачарованные рассказами Тома, хоббиты забыли о еде, пропустив, быть может, не одну трапезу, но теперь, когда перед ними был накрытый стол, им показалось, что они неделю не ели. Направив все внимание на важное дело, они довольно долго не пели и даже не разговаривали. Но когда животы у них наполнились, настроение поднялось, их голоса и смех радостно зазвенели.

После ужина Золотинка спела вместе с ними много песен, которые весело начинались на вершинах холмов и мягко скатывались в тишину и молчание, и в молчании они мысленно видели бездонные озера и огромные реки; в них отражалось небо, и звезды в глубине сияли ярко, как алмазы. Потом она, как и вчера, пожелала каждому из них доброй ночи и ушла, оставив их у очага. Но Том, видно, спать не собирался и

засыпал их вопросами.

Оказалось, что он многое знает о них и об их семьях, и почти обо всех событиях в Хоббитшире с таких времен, о которых хоббиты сами почти не помнят. Это их уже не удивило; но он не скрыл, что многое узнал от фермера Мотыля, которого, по-видимому, считал более значительной фигурой, чем они думали.

— Он ходит по земле и чувствует ее пальцами, — сказал Том. — Большой толк в нем есть, и глядит он в оба!

Ясно было, что и с эльфами Том знается, и оказалось, что каким-то образом, наверное, через Гилдора, до него дошла весть о побеге Фродо. Том так много знал и так хитроумно выспрашивал, что Фродо не заметил, как рассказал ему про Бильбо, свои надежды и страхи больше, чем даже Гэндальву. Том кивал головой, а когда услышал про Всадников, сверкнул глазами.

— Покажи-ка мне драгоценное Кольцо! — вдруг произнес он в середине разговора, и Фродо, удивляясь самому себе, вытянул из кармана цепочку, отцепил Кольцо и тут же протянул Тому.

Оно, казалось, расплылось в его большой смуглой руке. Потом он вдруг приложил его к глазу и рассмеялся. Вид был забавный и почему-то тре-

вожный: блестящий голубой глаз в ярко-золотом ободке. Потом Том надел Кольцо на мизинец и поднес к свече. Сначала хоббиты не заметили ничего странного, потом ахнули: Том не собирался исчезать! Он снова засмеялся, винтом подбросил Кольцо вверх — оно блеснуло и пропало. Фродо вскрикнул, а Том перегнулся через стол и с улыбкой протянул ему его.

Фродо внимательно и с подозрением осмотрел Кольцо (словно оно побывало в руках у фокусника).

Кольцо было то же самое, во всяком случае, на вид и на вес: ибо оно всегда казалось Фродо очень тяжелым, когда он брал его в руку. Но почему-то захотелось проверить. Наверное, хоббит был несколько раздосадован тем, что Том так легкомысленно отнесся к вещи, которую даже Гэндальв считал страшно значительной.

Фродо подождал подходящего момента, и когда разговор возобновился и Том рассказывал смешные истории о нелепых повадках барсуков, он незаметно сунул палец в Кольцо. Мерри повернулся в его сторону, раскрыл рот, чтобы что-то сказать, вздрогнул и подавил восклицание. Фродо по-своему обрадовался: Кольцо его собственное, потому что Мерри таращит глаза на его стул, а

его, значит, не видит. Он встал и тихо направился от печки к наружной двери.

— Эй, ты! — воскликнул Том, устремляя на него явно видящий взгляд блестящих глаз. — Эй, Фродо, куда пошел? Старый Бомбадил еще не ослеп. Снимай Кольцо, без него твоя рука честнее! Вернись, кончай игру и сядь рядом со мной. Поговорим еще немножко и подумаем о завтрашнем утре. Том расскажет, где дорога, чтобы вам не плутать!

Фродо засмеялся (стараясь не расстраиваться), снял Кольцо и сел на место. Том предсказал им назавтра солнечный день и веселое утро и пожелал надеяться на удачу. Но посоветовал выйти пораньше, потому что погоду в здешних местах даже Том не мог узнать заранее, она иногда менялась чаще, чем он успевал сменить куртку.

— Я не хозяин Погоды, — сказал он. — Ни одному двуногому она не подчиняется.

По его совету они решили направиться из его дома почти прямо к северу, по западному краю Могильных Холмов, — местность там ровнее, и можно было надеяться за день добраться до Большого восточного тракта, не подходя к самым страшным Могильникам. Том убеждал их не бояться, но при этом не совать нос, куда не следует.

— Идите по зеленой траве, не шутите со старыми камнями, не заходите в жилища холодных умерлий. Это позволено лишь сильным, у кого сердце не дрогнет!

Это он повторил несколько раз. Посоветовал обходить Могильники с запада, если уж придется идти мимо них. И заставил выучить песню-призыв на случай, если уж им не повезет и они попадут в беду или неприятности:

Гей, Том, друг Том, Том Бомбадил!

Мы в беде, нас услышь, поспеши, приди!

Камышом, ивняком, лесом, полем, водой,

Сквозь огонь, в ясный день и в туман под луной!

Когда они пропели ее всю вслед за ним, он, смеясь, похлопал каждого по плечу, взял свечи и отвел их в спальню.

Глава восьмая. Мгла над могильниками

В эту ночь не было никакого шума. Но под утро, то ли во сне, то ли при пробуждении, он и сам не

мог сказать, Фродо послышался нежный напев, словно неяркий свет из-за серой завесы дождя; напев зазвучал громче — завеса стала вдруг стеклянно-серебряной, отодвинулась, — и перед ним открылась зеленая земля под лучами встающего солнца.

Видение растаяло, Фродо проснулся. Том уже был здесь, свистел, словно целое дерево, полное птиц, косые лучи солнца падали на холм и в открытое окно. Снаружи все было зеленым и светло-золотистым.

После завтрака, за который они снова сели без хозяев, они приготовились прощаться. На сердце легла тень, хотя трудно было печалиться в такое утро: прохладное, ясное, чистое под светло-голубым осенним небом. Легкий ветерок нес свежесть с северо-запада. Обычно медлительные хоббичьи пони резво взбрыкивали, фыркали и всем видом выражали нетерпение. Том вышел из дому, взмахнул шляпой и вот уже приплясывал у порога, желая хоббитам поскорее садиться в седла и побыстрее ехать.

Они отъехали по тропке, начинавшейся за домом и шедшей наискось к северному краю гребня холма. Перед последним крутым участком они спешились и повели пони в поводу, и тут Фродо

вдруг остановился.

— Золотая Ягодка! — воскликнул он. — Красавица в зеленом и серебряном! Мы с ней не простились, мы ее даже не видели с вечера!

Он так расстроился, что повернул назад, но в это мгновение сверху звонким ручейком скатилась песня.

Там она стояла, на самом гребне, и жестом звала их.

Ее волосы развевались на ветру, блестели под лучами солнца. На росистой траве у нее под ногами играли солнечные блики, и она танцевала, будто плескалась в зеленом ручье.

Хоббиты быстро преодолели последний подъем и, запыхавшись, встали рядом с ней, а когда отдышались, принялись кланяться. Золотинка остановила их и сделала знак рукой, чтобы они подняли глаза и осмотрелись вокруг. Они стояли на вершине холма и смотрели на широкий мир в блеске утра. Воздух был чист настолько же, насколько он был туманен, когда они так же стояли на лысом холме в Лесу. Сейчас они видели и его между темными деревьями на западе. Земля там вздыбилась множеством поросших лесом холмистых гребней, зеленых, бурых и желтых под осенним солнцем. Долина Брендидуина

пропадала за ними. На юге, за Ивьюнкой, далеко-далеко, словно бледное стекло, поблескивал он, делая большую петлю в болотистой пойме и унося свои воды в неведомые хоббитам земли. На севере за холмами, где местность постепенно снижалась, лежала серо-буро-зеленая равнина, уходя вдаль, словно постепенно растворяясь. На востоке торчали Могильники, конца им не было видно, а совсем далеко на горизонте в небе еле намечались белые зубцы, напомнившие хоббитам забытые сказки про дальние высокие горы.

Хоббиты глубоко вдохнули свежий воздух, и им показалось, что сейчас они смогут дойти куда захотят, стоит лишь несколько раз шагнуть в нужную сторону. Казалось малодушием долго трястись на пони по краю Могильных Холмов к тракту, когда можно было прыгнуть прямо через них, как Том.

Золотинка заговорила и вернула их к действительности.

— Теперь спешите, добрые гости! — сказала она. — Не отклоняйтесь от цели! На север, с ветром в левый висок, и пусть легкими будут ваши шаги! Торопитесь, пока светит солнце!

А Фродо она сказала:

— Прощай, Друг эльфов! Это была веселая

встреча!

Фродо не нашелся, что ответить. Он низко поклонился, сел на пони и медленно затрусил по пологому склону. Его друзья последовали за ним. Дом Тома Бомбадила, речная долина и Старый Лес остались позади за гребнем.

В ложбинах между холмами было тепло и сыро; сильно и сладко пахли травы. Под первым холмом путники оглянулись и увидели Золотинку, маленькую и тонкую на фоне неба, как цветок на стебельке, освещенный солнцем. Стояла она неподвижно, протягивая к ним руки, а потом что-то крикнула, подняла руку, повернулась — и скрылась за гребнем.

Ехали они извилистыми тропами по ложбинам меж холмами, огибая одно зеленое подножие за другим, объезжая длинные отроги больших холмов и поднимаясь на гладкие бока маленьких, чтобы тут же спуститься в новую ложбину. Они не видели ни деревьев, ни ручьев: это было царство трав и короткого пружинистого мха; стояла тишина, только ветер, слабея, негромко шептался с травой и вверху раздавались одинокие крики незнакомых птиц. Солнце постепенно поднималось, становилось жарко. Ветра они уже почти не чувствовали, даже въезжая на холмы.

Когда с одного из них ненадолго открылся вид на запад, им показалось, что дальний лес дымится, будто вчерашний дождь поднимается паром от земли, травы и листьев. Вокруг них теперь плотной тенью стоял густой туман, горизонта видно не было, а небо было тяжелым, как горячая синяя крышка.

Примерно в полдень они въехали на холм с широкой плоской вершиной, похожей на мелкое блюдце с зелеными краями. Воздух здесь был недвижим, а небо, казалось, висело совсем низко. Они пересекли «блюдце» и посмотрели на север. Настроение у них поднялось, потому что они поняли, что проехали больше, чем ожидали. В колеблющемся душном воздухе расстояние определить было, конечно, трудно, но в том, что Могильники скоро кончатся, сомнений не было. Перед ними на север тянулась длинная ложбина, кончавшаяся просветом между двумя крутыми холмами. За ними, похоже, начиналась равнина. И прямо на севере была еле заметная темная полоса.

— Это деревья вдоль дороги, — сказал Мерри. — От самого Моста тянутся на много гонов. Говорят, их в Незапамятные времена посадили.

— Замечательно! — сказал Фродо. — Если мы за

вторые полдня пройдем столько же, сколько за утро, то до заката выберемся из Могильников и успеем найти место для ночлега.

Но еще не кончив говорить, он бросил взгляд на восток и увидел, что холмы с той стороны выше и словно смотрят на них сверху вниз; все их верхушки кончались зелеными куполами, а на некоторых торчали камни, как сломанные зубы из зеленых челюстей.

Зрелище это почему-то вселяло тревогу, так что они отвернулись от него и вернулись в середину «блюдца». Там торчал одинокий камень, он был высок, но тени не отбрасывал, ибо солнце стояло как раз над ним. Был он бесформенным и одновременно казался значительным — не то краеугольный камень, не то указатель, не то предупреждающий знак. Полдневный час беды не обещал, а хоббиты проголодались, так что сели под этим камнем, прислонившись к нему спинами с восточной стороны. Как ни палило солнце, у него не хватало силы согреть камень, он приятно холодил спины. Они вытащили из мешков еду и питье и устроили полдник под открытым небом. Лучше быть не могло. Еда была «с Холма»: Том снабдил их, как следует, чтобы на целый день хватило. Расседланные пони бродили

неподалеку по траве.

* * *

Езда по неровной местности, сытная еда, теплое солнце, запах трав, более долгий, чем надо, отдых, лежа на спине, вытянув ноги и уткнув носы в небо, — из-за этого, пожалуй, все и случилось. Короче, они проснулись внезапно и с нехорошим чувством, сразу вспомнив, что спать не собирались. Лежать было неудобно, камень совсем остыл и отбрасывал длинную бледную тень через их головы на восток. Водянисто-желтое расплывчатое солнце пробивалось сквозь туман над западным краем «блюдца», в котором они лежали. С севера, с юга, с востока курган был обложен сплошной холодной белой мглой. Воздух застыл, промозглый и тяжелый. Пони стояли, прижавшись друг к другу и опустив головы.

Хоббиты вскочили в испуге, побежали к западному краю верхушки и поняли, что оказались на острове в белом море тумана. Солнце на их глазах опустилось в это море, а на востоке поднялась холодная серая мгла. Туман склубился над холмом, поднялся выше, и вот они уже словно в сером зале, мглистый потолок которого лежит на камне-колонне. Будто вокруг них сомкнулась

ловушка.

Но они пока сохраняли присутствие духа. Они еще помнили, в какой стороне видели обнадеживающую полосу далекого тракта. В любом случае всем им настолько претила мысль о том, чтобы остаться в этом жутком месте, что они решили тотчас же уходить. Они упаковались, как смогли, завязали мешки застывшими пальцами и вскоре уже вели пони друг за другом вниз по пологому северному склону холма, в море мглы. Чем ниже, тем холоднее становился туман, сильнее сырость, волосы у них липли ко лбу. Внизу стало так холодно, что пришлось приостановиться и достать плащи с капюшонами, которые сразу же намокли и покрылись серыми каплями. Они сели на пони и медленно поехали дальше, ориентируясь по подъемам и спускам. Направление взяли, как им казалось, на северный проход в конце длинной лощины, который видели утром сверху. Если удастся выйти из лощины, останется только ехать по прямой, пока не упрешься в Тракт. Больше мыслей у них не было. Была слабая надежда на то, что за Могильниками туман кончится.

Двигались очень медленно. Чтобы не оторваться от спутников и не потеряться, ехали цепочкой друг за другом. Фродо впереди, Сэм — за Фродо, за

ним — Пипин, потом Мерри. Ложбина казалась бесконечной. Вдруг Фродо заметил обнадеживающий знак: с обеих сторон из тумана надвигалось что-то темное, и он решил, что они, наконец, приближаются к выходу из ложбины, северным воротам Могильных Холмов. Только бы пройти, а дальше воля.

— Вперед! За мной! — окликнул он через плечо своих спутников и сам поспешил вперед.

Но надежда тут же сменилась тревогой. Темные тени вблизи стали еще темнее, но уменьшились в размерах. И вдруг он увидел перед собой два огромных камня, слегка наклоненных друг к другу, словно косяки чудовищных ворот. Ничего подобного он вроде бы не видел, когда смотрел с холма. Он проехал между ними прежде, чем успел что-нибудь сообразить, и темнота будто бы обрушилась на него. Пони заржал, встал на дыбы и сбросил его. Встав и оглянувшись, он обнаружил, что остался один: остальные за ним не поехали.

— Сэм! — закричал он. — Пипин! Мерри! Сюда! Почему отстали?

Ответа не было. Его охватил страх, и он побежал назад в каменные ворота, отчаянно крича:

— Сэм! Сэ-эм! Мерри! Перегри-ин!

Пони рванулся и пропал в густом тумане. Фродо стоял под большими камнями, изо всех сил напрягая зрение, ничего не видел, но ему показалось, что издалека донесся слабый крик: «Эй, Фродо, эй!..» Как будто кричали слева от него, с востока. Со всех ног бросившись туда, он оказался на крутом подъеме.

Карабкаясь вверх, он продолжал громко звать друзей, но сначала ответа не было, а потом он расслышал сверху из тумана совсем слабый и совсем далекий отзыв тонкими голосами:

«Фродо, эй!..», потом крики: «Помогите! Помогите!..» несколько раз, и долгий вопль, которые не стих, а внезапно оборвался.

Фродо из последних сил полез дальше, не разбирая дороги, вверх, туда, где кричали, но в сплошной темноте не знал даже, выдерживает ли хоть это направление. Подъем казался бесконечным.

Потом вдруг камни под ногами выровнялись, и он понял, что влез на гребень или вершину холма. Он устал, вспотел и теперь дрожал от холода. Вокруг сплошная темень.

— Где вы? — жалобно крикнул он.

Никто не ответил. Хоббит постоял, прислушиваясь. Понял, что страшно замерз, и ощутил

ледяной ветер: погода менялась. Мимо него клочьями и полосами поплыл туман. Дыхание превращалось в пар, а темнота была уже не беспросветной. Подняв голову, он с удивлением увидел в небе звезды, пробивающиеся в разрывах туч и тумана. Ветер завыл и засвистел в траве.

Вдруг ему послышался новый сдавленный крик, и он опять заспешил: мгла расходилась, туман словно откатывался от него в стороны, вверху открылось звездное небо. Фродо понял, что находится на вершине круглого кургана. Вероятно, он влез на него с севера и теперь смотрел на юг. С востока дул режущий ветер. Справа под звездами черной тенью стоял огромный Могильник.

— Вы где? — закричал он снова, сердясь и боясь одновременно.

— Здесь! — ответил ему из-под земли глухой и холодный голос. — Я жду тебя!

— Нет!.. — выдавил из себя Фродо, но убежать не смог. Колени его подломились, и он упал. Ничего не произошло, было тихо… Дрожа, хоббит поднял глаза и увидел высокую темную тень, заслонявшую звезды. Тень нагнулась над ним. Ему показалось, что он видит два глаза, очень холодных, светящихся мертвенным светом, идущим откуда-то издалека. Кто-то сдавил его железной

хваткой, ледяной холод пронизал до костей, и он лишился чувств.

* * *

Когда он пришел в себя, первым чувством был ужас. Потом он вдруг понял, что безнадежно попался, что находится в плену, в Могильнике. Его схватило умерлие, и он, наверное, во власти страшных чар, о которых рассказывали шепотом. Он не смел пошевелиться и остался лежать на спине на холодном камне, с руками, сложенными на груди.

Страх его был так велик, что казался частью окружавшей его огромной Темноты, но он вдруг осознал, что думает о Бильбо Торбинсе и его Книге, вспоминает, как они вместе ездили трусцой по тропинкам Хоббитшира и беседовали о дальних дорогах и приключениях. В сердце каждого хоббита, даже самого толстого и самого робкого (правда, обычно очень глубоко) лежит зернышко отчаянной храбрости, которое прорастает в минуту последней опасности. Фродо был совсем не толстый и не робкий; Бильбо и Гэндальв даже считали его лучшим хоббитом в Хоббитшире, хоть он этого и не знал. Он подумал, что это конец его путешествия, ужасный конец, но мысль о

нем его укрепила. Он весь напрягся, словно приготовился к прыжку, — и перестал быть слабой беспомощной жертвой.

Продолжая лежать, но постепенно овладевая собой, он заметил, что темнота отступает, пропуская откуда-то бледный зеленоватый свет. Он еще не мог увидеть, где лежит, ибо свет, казалось, шел из него самого и из пола вокруг него и пока не доставал до стен и потолка. Он повернулся и в холодном сиянии увидел рядом Сэма, Пипина и Мерри. Они были смертельно бледны и лежали навзничь, завернутые в белое. Вокруг них громоздились сокровища, наверное, много золота, но в мертвом свете все казалось холодным и омерзительным. На головах у них были венцы, вместо поясов золотые цепи, на руках кольца. Рядом — мечи, в ногах — щиты. И поперек через три горла — один длинный обнаженный меч.

Вдруг раздалось пение: холодный тоскливый голос, то громче, то тише. Голос шел из невероятной дали и был невыносимо унылый; то словно очень высокий и тонкий плач с неба, то глухой стон из-под земли. Бесформенный поток тоскливых и жутких звуков сложился в слова: жалобные, холодные, жестокие и страшные. Это сама ночь изнывала в жалобе по отнятому утру,

и холод проклинал недостижимое тепло. Фродо оцепенел. Когда пение стало явственнее, он подсознанием понял, что это заклятие:

Холодей, рука, сердце, цепеней.

Под холодным камнем хладен сон костей.

На холодном золоте не прервете сна,

Пока в черном ветре не умрет Луна!

Будете лежать до тех пор, пока

Не поднимет вас Черная Рука

Властелина Тьмы под Солнцем остывшим,

В мире умершем, над Морем иссохшим!..

У его изголовья раздался скрип и скребущий звук. Он приподнялся на локте и в бледном свете увидел, что они лежат как бы в проходе, который возле них сворачивает, а из-за угла к ним тянется, перебирая пальцами по полу, длинная рука, сейчас доберется до рукояти меча у шеи Сэма, который лежит с краю.

Сначала Фродо не мог двинуться, словно заклятие в самом деле превратило его в камень. Потом ему дико захотелось бежать. Он подумал, что если

надеть Кольцо, то, может быть, умерлие его не заметит, и он сможет найти выход. Он представил, как бежит по траве, живой и свободный, и плачет по Мерри, Сэму и Пипину. Гэндальв согласится, что больше ему ничего не оставалось делать.

Но храбрость, проснувшаяся в нем, успела окрепнуть: не мог он так просто бросить друзей. Он нерешительно потянулся к карману, потом попытался переубедить себя… тем временем рука подползла ближе. Внезапно он решился, схватил короткий меч, лежавший рядом, поднялся на колени, нагнулся над телами друзей и изо всей силы рубанул по подползавшей руке у запястья. Кисть руки отвалилась, меч расщепился до рукояти. Раздался пронзительный вопль, свет погас, в темноте прокатилось рычание.

Фродо упал на Мерри. Лицо друга было ледяным. И вдруг к хоббиту вернулась память обо всем, что в ней стерла первая волна тумана, — дом на склоне холма и поющий Том. Он вспомнил призывную песенку, которой Том учил их, и тонким отчаянным голоском начал: «Гей, Том, друг Том!..» Но стоило ему произнести это имя, как голос его окреп, стал живым и громким, по подземелью пошло эхо, словно зазвучали трубы и барабаны:

Гей, Том, друг Том, Том Бомбадил!

Мы в беде, нас услышь, поспеши, приди!

Камышом, ивняком, лесом, полем, водой,

Сквозь огонь, ясным днем и в туман под луной!

Наступила полная тишина. Фродо услышал стук собственного сердца. Тишина длилась долго, а потом издалека, как сквозь землю или через толстую стену, прозвучал ответ:

Старый Том Бомбадил — песни да смешинки, —

Голубой на нем кафтан и желтые ботинки.

Не боится никого, сам себе Хозяин,

Перепеть нельзя его и догнать нельзя его!

Что-то грохнуло, с рокотом покатились камни, в подземелье вдруг ворвался свет — настоящий дневной. В конце прохода, куда Фродо лежал ногами, открылся пролом, и в нем появилась голова Тома (и перо, и шляпа) в обрамлении красных лучей закатного солнца. Свет упал на пол и на лица трех лежащих хоббитов. Они остались недвижи-

мы, но трупный оттенок с их лиц пропал. Теперь казалось, что они крепко заснули. Том нагнулся, снял шляпу и с песней вошел в подземелье:

Уходи, умерлие! Сгинь под небом синим!

Тай в тумане, вой за ветром, пропади в пустыне!

За горами, за холмами скройся темной тенью,

Без тебя Могильник древний пускай опустеет!

За семью замками будь во тьме забыто,

Пока мир несовершенен, пока зло не вскрыто!

Раздался крик, и часть подземелья с грохотом обвалилась. Потом прозвучал режущий уши вопль, взлетел, продлился и угас в невероятной дали, и стало снова тихо.

— Вставай, друг Фродо! — сказал Том. — Пошли на зеленую травку. Помоги мне их вынести.

Они вместе вынесли Мерри, Пипина и Сэма. Когда Фродо в последний раз выходил из Могильника, ему показалось, что он снова видит

обрубленную руку, которая, как раненый паук, зарывалась в кучу обвалившейся земли. Том вернулся в подземелье, до хоббита донеслись удары и топот. Когда Том вышел, у него в руках была куча сокровищ: золотые, серебряные, бронзовые, медные вещи, много бус, цепей, ожерелий, украшений с камнями. Он взобрался на зеленый купол Могильника, разложил их на освещенной солнцем верхушке, постоял рядом, держа шляпу в руке. Ветер играл его волосами, а он смотрел сверху на хоббитов, лежащих на спинах на травянистом западном склоне. Потом поднял правую руку и ясным голосом скомандовал:

Просыпайся, ребятня! Слушай Бомбадила!

Согревайте руки-ноги, Камень повалил я!

Распахнулся черный лаз, вон рука врага лежит!

Тьма за ночью улетела, путь для вас опять открыт!

К великой радости Фродо хоббиты зашевелились, протянули руки, протерли глаза и вдруг вскочили, изумленно оглядываясь сначала на Фродо, потом на Тома, стоявшего над ними на

кургане во весь рост, потом друг на друга. На них все еще были тонкие белые лохмотья, тускло-золотые венцы, цепи и звенящие украшения.

— Что за шутки?.. — начал было Мерри и тронул золотой обруч, сползший ему на один глаз. Тут же он осекся, тень пробежала по его лицу, и он закрыл глаза. — Да, я помню! — сказал он. — Люди из замка Карн-Дум напали на нас ночью и разбили нас. Копье ударило меня в сердце! — он схватился за грудь и вдруг воскликнул, открывая глаза: — Нет! Что я говорю? Это был сон. Куда ты девался, Фродо?

— Я думал, что сбился с пути и пропал, — сказал Фродо. — Но не хочу и вспоминать. Подумаем, что делать дальше. Пора двигаться.

— В таком виде, хозяин? — сказал Сэм. — Где моя одёжа?

Он сбросил венец и кольца на траву и растерянно оглядывался, будто надеясь увидеть где-то рядом плащ, куртку, штаны и прочие хоббичьи вещи.

— Да не найдете вы свою одежду, — сказал Том, спрыгивая с Могильника, смеясь и пританцовывая вокруг них под солнышком.

Глядя на него и его веселые глаза, можно было подумать, что ничего ужасного не случилось, и

действительно, страх у них совсем прошел.

— Что ты говоришь? — спросил Пипин смущенно, но уже весело. — Почему?

Том покачал головой.

— Вы сами нашлись, вернулись из страшной глубины, — что жалеть о малых потерях, радуйтесь, что не утонули! Пусть теперь солнце вас покрепче прогреет, сбрасывайте холодные лохмотья и живей ложитесь на травку! А Том сходит на охоту!

Подпрыгивая, с присвистом и призывными возгласами Том сбежал с кургана. Фродо проводил его взглядом и заметил, что он направился на юг, вдоль зеленой ложбины, отделяющей их Могильник от следующего, и потом услышал, как он внятно пропел между посвистами:

Гей-гой, где вы все, пора торопиться!

Гей, куда вы забрели по буграм да кочкам?

Длинноух, Носатик, Хвостик. Белое Копытце,

Топотун! Все ко мне! Приведи их, Пончик!

Он пел, на ходу подбрасывая шляпу и ловя ее, потом скрылся из виду, а ветер, который теперь

переменился и дул с юга, донес его «Гей-гой» из-за курганов.

* * *

Солнце уже снова крепко пригревало. Хоббиты, послушав совет Тома, немного побегали по траве, потом разлеглись на солнышке, радуясь, словно вдруг попали из холодной зимы в теплое лето, или как выздоравливающие больные, которые после долгого лежания в постели почувствовали себя хорошо и встречали новый день.

К тому времени, как Том вернулся, они успели ожить полностью (и насмерть проголодаться). Том появлялся постепенно: сначала шляпа за бугром, потом улыбающееся лицо, потом сам Том с пятью нагруженными пони. Позади рысил шестой, крупнее, толще, крепче (и старше) других. Это и был, вероятно, Пончик.

Мерри, который был хозяином пятерых пони, никак их не называл, но с того дня, как они попали к Тому и Том придумал им клички, они всегда прибегали, стоило позвать по имени. Сейчас по команде Тома они друг за дружкой поднялись на холм и встали в ряд, а Том весело поклонился хоббитам.

— Ну вот вам и пони! — сказал он. — Они кое в

чем оказались умнее путешествующих хоббитов. Носы у них умные — вовремя почуяли опасность, а вы прямо на нее пошли. Они бежали, чтоб спастись, значит, правильно бежали. Вы уж их простите. Хоть сердца у них верные, для встреч с умерлиями они не годятся. Вот они опять все вместе, и поклажа не пропала!

Мерри, Сэм и Пипин вынули из мешков запасную одежду, и в ней им сразу стало жарко — потому что в запасе были более теплые вещи для зимы.

— А откуда шестой, этот Пончик? — спросил Фродо.

— Он мой, — сказал Том, — четвероногий дружок. Хотя я редко на нем езжу, он гуляет, где сам хочет, на свободе, пасется на холмах. Ваши, пока у меня были, с ним познакомились, а ночью учуяли его и быстренько к нему побежали. Он за ними присмотрит, скажет им мудрое слово — и они совсем бояться перестанут. Ну, Пончик милый, старый Том сейчас тебя оседлает. Хей-хо! Придется вывести вас на дорогу, для этого нужен пони — а то очень неудобно разговаривать, когда хоббиты едут верхом, а ты на своих двоих бежишь за ними рысцой.

Хоббиты пришли в восторг от таких слов и

принялись благодарить Тома; но он засмеялся и сказал, что они очень здорово умеют теряться, и раз он их нашел, то должен благополучно вывести за пределы своей земли, чтобы опять не потерялись.

— У меня ведь много дел, — сказал он. — Мне надо работать и петь, гулять и беседовать, и наблюдать за всем, что делается вокруг. Не может Том все время быть с вами рядом и взламывать двери и ивовые стволы. У Тома свой дом есть, и Золотая Ягодка ждет.

* * *

Судя по солнцу, было еще довольно рано, что-то между девятью и десятью, и хоббиты сосредоточили все помыслы на еде. Последний раз они ели вчера у камня, и то был даже не обед, а второй завтрак. Сейчас они доели все, что оставалось от него на ужин, и съели то, что подвез Том. Завтрак получился скромный (если учесть, что они были хоббитами в исключительных обстоятельствах), но после него они почувствовали себя гораздо лучше. Пока они жевали, Том поднялся на курган и рассмотрел сокровища. Большую часть он отшвырнул на траву, где они легли сверкающей грудой, с пожеланием: «*Пусть возьмет, кто*

найдет, будь то птица или зверь, человек или эльф, вообще любой, только чтобы не злой», — ибо лишь так чары Могильника развеются, и умерлие больше не сможет вернуться. Себе он выбрал брошь с голубыми камнями, переливчатыми, словно цветы льна или крылья бабочек. Том долго смотрел на нее, качая головой, видно, вспоминая что-то давнее, наконец, произнес:

— Это игрушка для Тома и его подружки! Несказанно хороша была та, что носила ее на плече. Давно это было. Золотая Ягодка наденет ее теперь в память о прежней хозяйке.

Всем хоббитам он подобрал длинные кинжалы в форме узкого листа, очень острые, удивительной работы, с красно-золотой змейчатой насечкой. Ножны к ним были черные, из незнакомого легкого и прочного металла, украшенные огненными камнями. То ли в ножнах была тайная сила, то ли действовало заклятие Могильника, но вынутые на свет клинки сверкнули на солнце, как новые, на них не было ни следа ржавчины.

— Старинные ножи послужат полуростикам мечами, — сказал Том. — Острый клинок в таком пути не помешает, куда бы вы ни забрели: на юг, на восток, или совсем далеко в черную неизвестность!

Потом он рассказал хоббитам, что эти клинки были выкованы много-много лет назад людьми с Заокраинного Запада, нуменорцами. Они были противниками Черного Властелина, но их победил Король-Чернокнижник из крепости Карн Дум в Ангмаре.

— Немногие помнят их, — тихо закончил Том, — но они еще странствуют; сыновья забытых королей одиноко бродят по земле, охраняя беспечных от лиходейства…

Хоббиты не поняли слов, но пока он говорил, перед их внутренним взором возникло видение: годы без числа протянулись позади них бескрайней сумрачной равниной, а по ней брели тени людей, высоких и суровых, со светлыми мечами, а у последнего — звезда во лбу. Потом видение исчезло, и они снова оказались в солнечном мире. Пора было идти. Они собрались, упаковали багаж, навьючили пони. Новое оружие повесили на пояса под куртки, это было очень неудобно, и они в первый раз подумали, неужели им мечи понадобятся, ведь на Приключения с Дракой до сих пор никто из них не рассчитывал.

* * *

И вот они снова в пути. Сначала свели пони с холма, там вскочили в седла и быстро поехали по долине. Когда оглянулись назад, увидели древний Могильник, а на его верхушке желтым пламенем — ослепительный блеск солнечного луча, ударившего в груду золота. Вскоре они свернули за другой холм, и Могильник со сверкающей вершиной исчез из виду.

Фродо внимательно оглядывался по сторонам, но не заметил ни следа каменных столбов и стен и ничего похожего на ворота. Доехав по ложбине до северного прохода, они оказались на открытой местности, переходящей в низину. Весело было ехать в компании Тома Бомбадила, который на своем толстеньком пони часто их опережал, потому что Пончик двигался гораздо быстрее, чем можно было предположить, глядя на него. Том каждый раз возвращался, без конца напевал, большей частью бессмыслицу, а может, хоббиты просто не понимали странного древнего языка, состоявшего, в основном, из возгласов удивления и радости.

Ехали они, не сворачивая и не останавливаясь, но вскоре поняли, что тракт гораздо дальше, чем

им казалось. Даже если бы вчера не было тумана, и они бы только подремали днем, они не успели бы добраться до него засветло.

Темная полоса, которую они заметили с холма, была не деревьями, а зарослями кустарника на краю глубокого рва, с другой стороны которого был крутой вал со стеной. Том сказал, что стена — былая граница королевства, но, по-видимому, вспомнил что-то печальное и рассказывать подробно не стал.

Они спустились в ров, поднялись на вал, нашли проход в стене, а потом Том направился прямо на север, потому что они уже успели взять западнее, чем надо.

Местность была открытая и довольно ровная, можно было ускорить движение, но солнце стояло низко, а они уже все устали, поэтому шли довольно долго, пока не увидели перед собой ряд высоких деревьев и поняли, что наконец, после всех непредвиденных злоключений, подошли к тракту. Последний отрезок пути до тракта даже проскакали галопом от радости.

Остановились в тени под деревьями на краю довольно высокой насыпи. Тракт под ней шел почти прямо с юго-запада на северо-восток, но вскоре сворачивал вправо и терялся в широкой

ложбине. Глубокие колеи на нем после недавнего дождя превратились в лужи, и все выбоины тоже заполнились водой. Путники еще раз огляделись — вдали заходящее солнце, начинает темнеть, и нигде никого — пусто.

— Добрались, наконец! — сказал Фродо. — Надеюсь, что моим «путем напрямик» через Лес мы потеряли не больше двух дней. Может быть, это к лучшему, — может быть, мы их так со следа сбили.

Остальные взглянули на него молча.

Тень страха перед Черными всадниками вдруг снова прикрыла их крылом. С тех пор, как они въехали в Старый лес, все думали лишь о том, как бы поскорее добраться до Тракта. А теперь, когда он был под ногами, снова вспомнилась главная опасность, которая может где-то впереди подстеречь их прямо на нем. Они с опаской посмотрели вдоль Тракта назад, туда, где садилось солнце, но никого не увидели, лишь бурую полосу пустой дороги.

— Как ты думаешь, — с сомнением сказал Пипин, — здесь за нами сегодня никто не погонится?

— Сегодня, надеюсь, не погонятся, — ответил Том Бомбадил. — И завтра вряд ли. Но я так дога-

дываюсь, а точно не знаю. Дальше на восток мои мысли не проникают. Том не командует Всадниками из далекой Черной страны.

Несмотря на это, хоббитам все равно очень хотелось, чтобы он пошел с ними. Если хоть кто-то знал, как избавиться от Черных, то это, наверное, Том. Скоро они пойдут в совершенно чужие страны, о которых в Хоббитшире ходили туманные легенды, и вокруг темнело, а в сумерки всегда хочется домой. Они чувствовали себя одинокими и потерянными, стояли молча, не спеша прощаться, и даже не сразу поняли, что Том уже прощается, желает им доброго пути и советует не бояться, но и не останавливаться до самого вечера, до полной темноты.

— Пока день не кончился, примите от Тома добрый совет, а там уж пусть вас выручает везенье и собственный здравый смысл! В четырех милях отсюда — Бри, вы пойдете к западным воротам поселка Бригорье. Найдите там старый трактир под вывеской «Гарцующий пони». Его хозяин Баттерс Медовар — человек достойный. У него переночуете, а утром поскорей — в дальнейший путь. Действуйте смело, но осмотрительно. И с весельем в сердце — навстречу судьбе!

Они просили его хотя бы зайти с ними в трак-

тир и выпить прощальную кружку — но он рассмеялся и проговорил:

— Здесь кончается земля Тома Бомбадила. Том границ не переходит, он теперь назад пойдет. Дома дел всегда по горло, да и Золотинка ждет.

Он повернул пони, подбросил шляпу, вскочил Пончику на спину, что-то запел, переехал насыпь и поскакал прочь.

Хоббиты стояли на насыпи, глядя ему вслед, пока он не скрылся из виду.

— Жаль, что мы дальше без господина Бомбадила, — промолвил Сэм. — Никогда не знаешь, что он сделает, но молодчина! Наверное, можно долго проехать и не встретить другого такого чуда. Но я хочу посмотреть, что это за «Гарцующий пони», о котором он говорил. Надеюсь, не хуже «Зеленого дракона» у нас дома. Что за народ в Бригорье живет?

— В Бригорье есть хоббиты, — сказал Мерри, — и огромины. Похоже, что вроде как дома. У «Пони» хорошая репутация. Брендибаки туда иногда ездят.

— Может быть, там замечательно, — сказал Фродо, — но это уже не Хоббитшир. Не увлекайтесь и не ведите себя «как дома». Помните — вы все, — что имя «Торбинс» упоминать нельзя. Если

надо будет меня называть, я — Подхолмс.

Сев на пони, они поехали молча. Наступил вечер. Темно стало сразу, и уже в темноте они медленно преодолевали холмистую местность: вверх — вниз, пока не увидели впереди огни большого поселка.

Это было Бригорье. Большая темная гора Бри встала у них на пути. Над ней неяркие звезды, под западным склоном — дома. К ним они поспешили, мечтая об одном, — поскорее оказаться у очага, и чтобы прочная дверь отгородила их от ночи.

Глава девятая. Под вывеской «Гарцующего пони»

Бригорье было самым крупным селением в этих местах. Три соседние деревушки тоже лепились к горе: Долинка на противоположном склоне, Намостье в глубоком распадке, а у края леса — Криволесье. На несколько миль вокруг лежали поля, шумели рощи, чистые и ухоженные. Дальше — холмы, пустоши, болота, так что обжитой район казался островом в сплошном безлюдье.

Местные жители, темноволосые и коренастые

сильные люди, славились характером спокойным и независимым. Никому не подчинялись, охотно встречались, болтали и даже дружили и с хоббитами, и с гномами, и с эльфами. Словом, вели себя не совсем так, как люди обычно. Они говорили, что их деды когда-то первыми из людей добрались до западных окраин Среднеземья, а сами они — первыми пришли сюда, в Бри.

Множество людских поселений разметала бурная и жестокая Предначальная эпоха, но когда потомки первых королей вернулись из-за Великого Моря, Бригорье стояло целехонько. Вот уж и память о тех королях сгинула, — а Бригорье стоит себе да стоит.

В те времена, о которых идет речь, ни одно другое племя людское не оседало в такой близи от Хоббитшира — всего в сотне гонов.

На пустошах за Бригорьем встречались таинственные путешественники. Бригоряне не знали, откуда появлялись высокие и смуглые пришельцы, и называли их: стражи-скитальцы; эти скитальцы обладали необыкновенно острым зрением и удивительно чутким слухом. Поговаривали даже, что они понимают язык птиц и зверей. Впрочем, встречались они нечасто и, судя по всему, старались не попадаться на глаза.

Если они все же объявлялись, то приносили вести издалека, с юга или с самых Мглистых гор, а то еще рассказывали странные истории о забытых временах. Их охотно слушали, но связь бригорян со скитальцами только этим и ограничивалась.

Кроме людей, в Бригорье жило немало хоббичьих семей, которые утверждали, что их род — самый древний хоббитский род в мире, и что их предки поселились здесь задолго до перехода через Брендидуин и основания Хоббитшира.

Больше всего хоббитов жило в Намостье, но их хватало и в самом Бригорье, особенно на склонах горы, повыше, где люди себе жилищ уже не строили. Огромины и полуростики — так они друг друга называли — жили в дружбе; и те, и другие занимались своими делами, придерживались своих обычаев и считали, что Бригорье без хоббитов или, наоборот, Бригорье без людей, — уже не Бригорье: примечательное (и превосходное) сосуществование.

Бригоряне — как огромины, так и полуростики, — путешествовали мало. Их интересы чаще всего ограничивались четырьмя поселениями. Время от времени какой-нибудь Бригорский хоббит добирался до Бакленда или до Восточной чверти. Но хоббиты из Хоббитшира очень редко

наносили им ответные визиты, хотя Бригорье было расположено всего в одном-двух днях езды от Брендидуинского Моста. Иногда какой-нибудь юный Брендибак или жаждущий приключений Тук задерживался на ночь или две в здешнем трактире, но и это случалось все реже. Хоббиты из Хоббитшира называли своих Бригорских и прочих сородичей чужаками и мало ими интересовались, считая их тупицами и простаками вдобавок. К слову сказать, в западном мире тогда жило гораздо больше «чужаков», чем могли вообразить жители Хоббитшира. Среди них были бродяги, готовые выкопать какую придется норку в любом попавшемся склоне и жить в ней, пока не надоест, а потом двигаться дальше. А в Бригорье жили хоббиты степенные, воспитанные не хуже, чем их дальние родственники в Хоббитшире. Они хранили память о тех временах, когда движение между Хоббитширом и Бри было более оживленным. Можно добавить, что в жилах Брендибаков, без сомнения, текла некоторая доля крови бригорских хоббитов.

Люди построили в Бригорье около сотни каменных домов — в основном, вдоль тракта, с окнами на запад. Тракт полукольцом обходил гору по дамбе, вдоль него шел ров с густой жи-

вой изгородью вместо внутренней стены. Дамба начиналась и кончалась крепкими воротами. Их с наступлением ночи запирали, но в сторожках всегда дежурили привратники.

В том месте, где Тракт, огибая гору, сворачивал вправо, стоял старый трактир. Его построили давным-давно, когда было больше путешественников и переселенцев, ибо Бригорье находилось на перекрестке старых дорог. На западе за воротами Тракт пересекала другая дорога, по которой в Предначальную эпоху путешествовало много людей и разных других прохожих. В Восточной чверти Хоббитшира недаром бытовало присловье: *«Чудной, как Бригорские новости»,* — это выражение вошло в обиход в стародавние времена, когда в трактире можно было услышать последние новости с севера, юга и востока, и когда хоббиты из Хоббитшира чаще сюда наведывались, чтобы их послушать. Но уже давно обезлюдели северные земли, Арнорский тракт зарос травой так, что его окрестили Зеленым трактом.

Трактир, однако, не захирел, хотя и стоял на отшибе; и трактирщик был по-прежнему важной персоной. Его дом был местом встречи всех бездельников, болтунов, всех любопытных

из молодых и старых обитателей четырех поселков-соседей; тут же задерживались иногда скитальцы; сюда же наведывались иноземные путешественники (чаще всего гномы), проходившие на запад или с запада через горы по Большому восточному тракту.

Было уже темно и горели белые звезды, когда Фродо со спутниками наконец проехал Зеленое Перепутье и подъехал к поселку. Западные ворота были заперты, но на пороге сторожки за ними сидел человек. Он вскочил, вынес фонарь и удивленно воззрился на путников, перевесившись через ворота.

— Что вам надо и откуда вы? — неприветливо спросил он.

— Направляемся к вам в трактир, — ответил Фродо. — Едем на восток, а ночью дальше не поедем.

— Хоббиты! Четыре хоббита! Больше того, по разговору похоже, что из Хоббитшира, — пробормотал привратник себе под нос, хмуро разглядывая путников, потом, не торопясь, отпер ворота и впустил их.

— Нечасто увидишь на тракте хоббита из Хоббитшира ночью в седле, — продолжал он, когда они замешкались в воротах. — Простите мое

любопытство, но что вам понадобилось-то на востоке? И позвольте узнать ваши имена?

— Что нам понадобилось, это наше дело, а имена вам ни к чему, и разговаривать здесь не место, — сказал Фродо, которому не понравился вид привратника и наглый тон.

— Дело, конечно, ваше, но мое дело — спросить, кто проходит ночью, — сказал привратник.

— Мы хоббиты из Бакленда, просто путешествуем, хотим у вас в трактире остановиться, — вставил Мерри. — Я господин Брендибак. Этого довольно? А говорили, что бригоряне привечают гостей!

— Ладно, ладно! — сказал человек. — Я не хотел вас обидеть. Но вас еще расспросят не так, как старый Гарри у ворот. Тут сейчас всякие бродят. Пойдете в «Пони», увидите, сколько там народу!

Он пожелал им доброй ночи, и больше они не разговаривали, но при свете фонаря Фродо обратил внимание, что человек провожает их странным взглядом. Хоббит порадовался, что ворота за ними крепко заперли, и удивился, почему это привратник с такой подозрительностью их расспрашивал. Может быть, кто-нибудь уже наводил справки о путешествующих хоббитах? А вдруг Гэндальв? Он ведь мог появиться здесь, по-

ка они задерживались в лесу да в Могильниках. Но что-то в голосе и облике привратника все-таки настораживало.

Человек с минуту провожал хоббитов глазами, потом вернулся к себе в сторожку. Как только он отвернулся от ворот, темная тень быстро перемахнула через них и растаяла на ночной улице.

* * *

Хоббиты поднялись немного по склону горы, миновали несколько особняков и подъехали к трактиру. Большие дома были им в диковинку. Сэм смотрел на многооконный трехэтажный трактир, и у него сердце уходило в пятки. Он представлял себе, что в путешествии встретит великанов выше деревьев или чудищ пострашнее и был к этому готов; но огромины с их огромными домами, ночью, после такого трудного дня — это было уж слишком. Воображение рисовало ему черных оседланных коней во дворе трактира и Черных Всадников, скрывающихся за темными окнами верхних этажей.

— Неужели мы здесь ночевать будем, хозяин? — воскликнул он. — Если тут хоббиты живут, давайте лучше поищем таких, которые согласятся пустить нас к себе! Будет уютнее.

— Чем тебе не нравится трактир? — сказал Фродо. — Его рекомендовал Том Бомбадил. Наверное, внутри достаточно уютно.

Для привычного глаза трактир в самом деле даже снаружи был удобен. Фасадом он выходил на Тракт, а два крыла с задней стороны строились частично на горе, так что окна второго этажа, обращенные во двор, были вровень с землей. Двор был между крыльями, вход в него — через арку с воротами. Слева от арки несколько широких ступеней вели на крыльцо, из открытой входной двери вырывался сноп света. Над аркой висел фонарь, а под ним раскачивалась большая вывеска с нарисованным упитанным белым пони, вставшим на дыбы. На двери белыми буквами было написано: «ГАРЦУЮЩИЙ ПОНИ. Владелец Баттерс Медовар». Многие окна нижнего этажа светились из-за плотных занавесок.

Пока они медлили перед дверью, изнутри донеслась развеселая песня. Кто-то один начал, ему подпел целый хор. Хоббиты немножко послушали ободряющие звуки, потом слезли с лошадок. Песня кончилась, внутри раздался взрыв смеха и сразу же — хлопки.

Они завели пони во двор и, оставив их там, взошли по ступенькам в дом. Фродо входил первым

и чуть не столкнулся с невысоким лысым краснолицым толстяком в белом переднике. Толстяк пробегал из одной двери в другую, неся поднос с полными пивными кружками.

— Можно нам… — начал Фродо.

— Минуточку, я сейчас! — бросил человек через плечо и умчался в галдеж и табачный дым.

Через минуту он уже был опять в коридоре и вытирал руки о передник.

— Добрый вечер, господин полуростик! — произнес он, кланяясь. — Что вам угодно?

— Четыре постели и стойла для пять пони, если можно. Вы — господин Медовар?

— Точно! Зовут Баттерс. Баттерс Медовар к вашим услугам! Вы ведь из Хоббитшира? — сказал он и вдруг хлопнул себя по лбу, словно пытаясь что-то вспомнить. — Хоббиты! — воскликнул он. — Что вы мне напомнили?.. Дозвольте узнать, как вас зовут?

— Господин Тук, господин Брендибак, — представил Фродо. — А это Сэм Гэмджи. Меня зовут Подхолмс.

— Ну вот! — произнес господин Медовар, прищелкнув пальцами. — Опять забыл. Но я обязательно вспомню, как только найду время подумать. Просто с ног валюсь. Но для вас поста-

раюсь устроить все, что смогу. В последнее время у нас нечасто бывают гости из Хоббитшира, я себе не прощу, если не устрою вас, как подобает. Но сегодня трактир забит, как давно не был. Говорят же в Бри: *«Где дождь, там и ливень!»* Эй! Ноб! — закричал он. — Ты где, тихоход шерстолапый? Ноб!

— Иду, иду, хозяин! — из какой-то двери выскочил шустрый хоббит, заметил пришельцев, удивленно остановился и уставился на них с большим интересом.

— Где Боб? — спросил хозяин. — Что, не знаешь? Иди ищи! Мигом! У меня не шесть ног и не шесть глаз! Скажи Бобу, чтобы устроил в конюшне пять пони! Пусть найдет место!

Ноб подмигнул, ухмыльнулся и умчался.

— Что же я хотел сказать? — сказал господин Медовар, стуча себе по лбу пальцем. — Одно захлестывает за другое… Я сегодня так занят, что голова кругом идет. Вчера вечером с юга по Зеленому тракту пришла странная компания. Уже то, что они оттуда пришли, странно. Сегодня вечером явились гномы по дороге на запад. Теперь вы. Не будь вы хоббитами, для вас даже места не нашлось бы, яблоку негде упасть! Но в северном крыле у нас есть пара комнат специально для

хоббитов. Их так и строили. Вы ведь любите на первом этаже. Круглые окна и все такое прочее. Надеюсь, вам будет удобно. Без сомнения, вам надо поужинать. Сию минуту, со всей скоростью! Пожалуйте сюда!

Он провел их по коридору и открыл дверь.

— Здесь вам будет гостиная! — сказал он. — Надеюсь, подойдет? Прошу прощения, бегу. Я так занят, так занят! Совершенно некогда разговаривать. Все бегом. Такая нагрузка на две ноги, но вот почему-то не худею. Я еще загляну попозже. Если что понадобится, вот звонок, звоните. Ноб придет. А не придет, звоните и кричите громче!

Наконец, он действительно убежал, и они с облегчением вздохнули. Говорить он мог без остановки, как бы ни был занят.

Хоббиты остались в маленькой уютной комнатке. В камине ярко горел огонь, а перед камином стояли низкие удобные кресла. На круглом столе, застеленном свежей скатертью, красовался большой колокольчик. Но хоббит Ноб, здешний слуга, прибежал раньше, чем они надумали позвонить. Он принес свечи и поднос с тарелками.

— Что господа будут пить? — осведомился он. — Идемте, пока готовится ваш ужин, я вам спальни покажу!

Едва хоббиты успели умыться и выпить по полкружки пива, опять явился Ноб, а вслед за ним — Медовар.

Стол был накрыт в мгновение ока. Им подали горячий суп, холодные закуски, ежевичный пирог, свежий хлеб, бруски масла и полголовы сыра: простая добрая еда, какую любят в Хоббитшире. Вдобавок, было настолько по-домашнему уютно, что последние опасения Сэма пропали (прекрасное пиво, впрочем, сразу сильно их поколебало). Хозяин покрутился возле них, потом откланялся.

— Не знаю, захотите ли вы присоединиться к обществу после ужина, — сказал он, задержавшись в дверях. — Может быть, вы сразу спать отправитесь. Но общество будет радо вас видеть, если вы пройдете в залу. У нас не так часто бывают чужа… простите, гости из Хоббитшира! И мы с удовольствием послушаем новости, или историю, или песню, если вы будете столь любезны… Но поступайте, как знаете, вам видней. Звоните, если что-нибудь понадобится!

К концу ужина (три четверти часа за столом и никто не мешал!) хоббиты настолько ожили и приободрились, что Фродо, Пипин и Сэм решили пойти «к обществу». Мерри сказал, что там, наверное, дышать нечем.

— Я посижу у камина, а потом, может быть, выйду на свежий воздух. Ведите себя пристойно и помните, что путешествуете тайно! Здесь тракт, и от Хоббитшира мы недалеко ушли.

— Ладно, — сказали они. — Сам веди себя пристойно! Не заблудись и помни, что в доме безопаснее.

* * *

Общество собралось в большом зале трактира. Народу было много, кого тут только не было! Фродо некоторых рассмотрел, когда глаза его привыкли к полумраку. Свет в зал попадал, в основном, из громадного камина, в котором жарко горел огонь. Три лампы под потолочными балками еле светили, вдобавок, их обволакивал густой табачный дым. Баттерс Медовар стоял у камина, беседуя с парой гномов и двумя людьми странного вида. На лавках расселась самая разнообразная публика: бригоряне-люди и местные хоббиты, державшиеся вместе, несколько гномов, какие-то пришлые огромины — всех даже трудно было увидеть в затененных углах.

Как только вошли гости из Хоббитшира, раздался дружный хор приветствий. Усердствовали бригоряне. Чужаки, особенно те, кто пришел

по Зеленому тракту, удивленно уставились на вошедших. Хозяин представил новоприбывших местным жителям и проделал это так быстро, что наши хоббиты хотя и запомнили порядочно имен, но так и не поняли, кто есть кто. Фамилии бригорян-огромин были, в основном, растительные (что жителям Хоббитшира всегда казалось странным): Тростяник, Козолист, Верескун, Репейникс, Яблочко, Хвощ. У местных хоббитов тоже встречались подобные имена, и самыми многочисленными, по-видимому, были Полынники, но большинство носило обычные хоббичьи прозвища: Навальник, Барсучинс, Длиннонор, Пескорылс, Туннельник… Нашлось несколько Подхолмсов из Намостья. Эти сразу решили, что одинаковые фамилии без родственных связей носить никто бы не стал, и принялись выражать особое расположение Фродо как вновь обретенному многоюродному брату.

Бригорские хоббиты, как вскоре определил Фродо, были весьма дружелюбны и весьма любопытны, так что пришлось давать им объяснения касательно собственных занятий. Он объявил, что занимается историей и географией (тут они загалдели и дружно закивали головами, хотя сами редко употребляли такие слова), и что хочет

написать книгу (тут наступило недоуменное молчание). Потом он добавил, что вместе с друзьями собирает сведения о хоббитах, живущих не в Хоббитшире, а, главным образом, на востоке. Тут все заговорили сразу.

Если бы Фродо вправду хотел писать книгу, и если бы у него была не одна пара ушей, он бы за считанные минуты набрал сведений на несколько глав. Вдобавок, ему дали целый список лиц, начиная «хоть со старины Медовара», к которым можно обратиться за недостающими подробностями. Однако через некоторое время, поскольку Фродо не выказал охоты писать книгу тут же при всех, местные хоббиты вернулись к расспросам о делах в Хоббитшире, а так как Фродо оказался не очень общительным, то скоро от него отстали, и он тихо сел в углу наблюдать и слушать.

Люди и гномы разговаривали больше о событиях в дальних странах и обменивались новостями, которые уже не так удивляли, как раньше. На юге было неспокойно, и люди, приходившие по Зеленому тракту, по-видимому, искали место, где бы мирно поселиться. Бригоряне им сочувствовали, но явно не собирались принимать на поселение в своей небольшой местности столько нового народу. Один из чужестранцев, неприятный

парень с раскосыми глазами, предсказывал, что в ближайшем будущем люди начнут толпами приходить на север.

— А если им не найдется места, они его сами найдут. Они имеют право жить не хуже остальных, — громко сказал он.

Местным жителям это не понравилось.

Хоббиты в такие разговоры не вмешивались; похоже, их это пока не касалось. Огромины вряд ли попросятся в хоббичьи норы. И они окружили Сэма и Пипина, которые теперь чувствовали себя совершенно как дома и весело болтали обо всем, что происходило в Хоббитшире. Особенно громкий смех вызвал рассказ Пипина о том, как в Мичел Делвинге завалилась крыша ратуши, и самый толстый хоббит во всей Западной чверти Вилли Белоног вылез весь в известке, похожий на пончик в сахарной пудре. Однако, задавались и неприятные для Фродо вопросы. Один из местных хоббитов, который, видно, часто бывал в восточных провинциях, все допытывался, как и где живут Подхолмсы и какая родословная у их семьи.

Вдруг Фродо заметил, что к хоббичьей болтовне с пристальным вниманием прислушивается сидящий в тени у стены высокий человек

необычного вида с обветренным лицом. Перед ним стояла высокая кружка с пивом, в зубах — длинная резная трубка странной формы. Человек устало вытянул ноги в высоких сапогах из мягкой кожи, отлично сидящих, но видавших виды и заляпанных грязью, а сам запахнулся в выцветший темно-зеленый плащ из плотной ткани, хотя в зале было жарко. На лицо он надвинул капюшон, только глаза иногда блестели.

— Кто это? — улучив момент, спросил Фродо у господина Медовара. — Кажется, вы его не представили?

— Этот? — шепотом сказал в ответ хозяин, скосив в ту сторону глаза, но не повернув головы. — Да я толком его не знаю. Один из тех бродяг, кого мы зовем скитальцами. В разговор обычно не вступает. Но если захочет, может рассказать редкую историю. Исчезнет на месяц или на год — потом снова появится. Этой весной он то и дело через Бри проходил, а в последнее время пропал надолго. Как его на самом деле зовут, понятия не имею. Здесь его знают под кличкой Долгоброд. Ноги у него длинные, он быстро отмахивает любые расстояния, точно спешит, но никому не говорит, куда и зачем. *Нам что запад, что восток одинаково далек*, как здесь говорят, что скитальцы, что

Хоббитшир, простите за вольность. Странно, что вы про него спрашиваете.

Тут Баттерса попросили принести еще пива, и последнее его замечание осталось без разъяснений. Фродо заметил, что Долгоброд уже смотрит на него, словно догадался, о чем речь. Тут же кивком головы и сдержанным жестом руки он пригласил Фродо подойти и сесть рядом с ним. Когда хоббит приблизился, он откинул капюшон, и Фродо увидел густую гриву тронутых сединой темных волос и бледное суровое лицо с пронзительными серыми глазами.

— Меня называют Долгобродом, — сказал он тихо. — Очень рад вас видеть, господин… Подхолмс, если старина Баттерс не ошибся.

— Он не ошибся, — нехотя произнес Фродо, почувствовав себя очень неловко под его пристальным взглядом.

— Так вот, господин Подхолмс, — сказал Долгоброд, — будь я на вашем месте, я бы не разрешил вашим юным друзьям столько болтать. Веселый очаг, пиво, случайные встречи — конечно, приятно, но, как бы сказать, — это вам не Хоббитшир. Разная публика здесь собирается. Хотя, как вы, вероятно, подумали, не мне об этом говорить, — добавил он, поймав взгляд Фродо и криво

улыбнувшись. — В последнее время странные чужаки проходят через Бри, — продолжал он, глядя хоббиту в глаза.

Фродо вместо ответа тоже на него посмотрел. Долгоброд вдруг переключил внимание на Перегрина. К ужасу своему, Фродо понял, что легкомысленный юный Тук, воодушевленный впечатлением, которое произвел анекдот про толстого бургомистра Мичел Делвинга, острит по поводу прощального Праздника Бильбо. Он уже изобразил в лицах Речь и подходил к Потрясающему Исчезновению.

Фродо забеспокоился. Местным хоббитам эта история покажется, без сомнения, безобидной: просто чудной случай из жизни чудаков за Рекой; но некоторые (например, старина Медовар) знали больше, и вероятно, слышали прежние разговоры об исчезновении Бильбо. Они вспомнят фамилию Торбинс, а о Торбинсе в Бригорье могли уже спрашивать.

Фродо завертелся, пробуя сообразить, что делать. Пипин явно наслаждался вниманием публики и совсем забыл об опасности.

Фродо вдруг испугался, как бы он, увлекшись, не упомянул про Кольцо: тогда всем крышка!

— Быстро принимай меры! — шепнул ему в ухо

Долгоброд.

Фродо вспрыгнул на стол и заговорил сам. Внимание слушателей Пипина разделилось.

Некоторые хоббиты посмотрели на Фродо, засмеялись и захлопали в ладоши, решив, что господин Подхолмс наконец выпил свою норму пива.

Фродо вдруг почувствовал себя в глупейшем положении и обнаружил, что перебирает мелочи в кармане (как обычно, когда говорил Речи). Нащупав Кольцо на цепочке, он вдруг ощутил желание надеть его и таким образом выйти из положения. Правда, ему показалось, что это желание не его собственное, а наведенное кем-то или чем-то, находящимся тут же в зале. Он преодолел первое искушение, зажал Кольцо в кулаке, словно стараясь, чтобы оно не сбежало и не натворило бед. Оно его совершенно не вдохновляло. Он произнес несколько «подходящих слов», как сказали бы в Хоббитшире:

— Мы все весьма благодарны вам за гостеприимство, и смею надеяться, что мой краткий визит будет способствовать возрождению старинных дружественных связей между Хоббитширом и Бри!..

После этого он запнулся и кашлянул. Теперь он

стал центром внимания всего зала.

— Песню! — закричал один из хоббитов.

— Песню, песню! — закричали все остальные. — Давайте, господин гость, спойте нам что-нибудь такое, чего мы еще не слышали!

Фродо в растерянности разинул рот и тут же с отчаяния затянул нелепую песню, которую любил Бильбо (и которой гордился, потому что сам и сочинил). Песня была про трактир, наверное, потому Фродо ее и вспомнил. Вот она вся, а то в наше время из нее знают только отдельные строчки:

Трактир под старой горкой был,
Все это было встарь.
Там раз трактирщик начудил:
Такого пива наварил,
Что слез с Луны Лунарь.

А Кот хмельной в трактире том
На скрипке заиграл.
Уж так он струны драл смычком,
Мяукал и вертел хвостом,
Что мертвый бы плясал!

В трактире был веселый Пес,

Без смеха жить не мог,
И если шутку гость принес,
Пес этот хохотал до слез,
Ну прямо падал с ног!

Была корова там одна —
Держись, коль в пляс пойдет!
Любила музыку она
И враз пьянела без вина,
Когда играл ей Кот!

Посуда вся из серебра
Веселого была.
В воскресный день не жаль добра —
Ее начистили с утра,
Такие вот дела!

Лунарь за кружкой кружку пьет,
За часом час летит —
Хохочет Пес, играет Кот,
Корова на рога встает,
А серебро звенит!

Лунарь еще глоток хлебнул,
А небо — все светлей,

Лунарь зевнул и сам под стул
Скатился вдруг и там заснул,
А Солнце — у дверей!

Тогда трактирщик поглядел
На лунных лошадей:
Они стояли не у дел,
А их хозяин все храпел,
А Солнце — у дверей!

Погромче джигу грянул Кот.
Корова — ну плясать!
Звенит посуда, Пес поет,
Трактирщик Лунаря трясет,
А тот не может встать!

Пришлось катить им всей гурьбой
На горку Лунаря.
Скакали кони за толпой,
Корова топала ногой,
А Кот играл, что зря!

До неба музыка неслась —
Вот так-то было встарь!
Гора от топота тряслась,

Под конский пляс заброшен враз
К себе домой Лунарь!

Взлетела вслед одним прыжком
Корова на Луну!
И Пес смеялся над Котом,
Который рвал своим смычком
Последнюю струну!

Луна за горку убралась,
И на небе опять
Бродяга-Солнце пялит глаз,
Весьма дивясь, что в этот час
Тут лишь ложатся спать!

Ему громко и долго хлопали. У Фродо был хороший голос, а песня пощекотала воображение.

— Где старина Медовар? — раздались голоса. — Пусть послушает. Надо, чтобы Боб научил его кота играть на скрипке, а мы попляшем!

Они заказали еще пива и стали кричать:

— Еще раз, господин полуростик! Давай! Еще разок!

И они все-таки заставили Фродо хлебнуть из кружки и начать песню сначала, а сами стали подпевать: мотив был всем известен, а слова

они подхватывали быстро. Настала очередь Фродо упиваться успехом. Он скакал по столу, а когда второй раз пропел: «Взлетела вслед одним прыжком...», то подпрыгнул высоко вверх — и — трах! — переусердствовал. Попав ногой в поднос с пивными кружками, он поскользнулся — бум! — грохнулся со стола — бах-тарабах! — все открыли рты, чтоб расхохотаться, да так и замерли: певца не стало, он просто пропал, как сквозь пол провалился, и дырки не оставил!

Местные хоббиты вытаращили глаза, повскакивали на ноги и стали громко звать Медовара. Вся компания отшатнулась от Пипина и Сэма, они остались в углу одни, чувствуя на себе мрачные и неприязненные взгляды. Ясно, что многие стали их считать сообщниками бродячего колдуна, а кто его знает, какие у него цели и возможности! Один только смуглый бригорянин смотрел на них так нахально и понимающе, что им стало не по себе. Но вскоре он выскользнул за дверь с косоглазым южанином: он весь вечер с ним шептался. Привратник Гарри вышел вслед за ними.

Фродо чувствовал себя идиотом. Не зная, как спасти положение, он ползком пробрался под столами в темный угол к Долгобороду. Тот сидел неподвижно и бесстрастно, ничем не выдавая

свои мысли. Фродо прислонился спиной к стене и снял Кольцо. Как оно попало к нему на палец, он понятия не имел. Он лишь предполагал, что оно само как-то наделось, когда он резко выдернул руку из кармана, пытаясь удержаться при падении. На мгновение он заподозрил, что само Кольцо сыграло с ним эту шутку. Может быть, оно пыталось себя обнаружить по чьему-то желанию или приказу, уловив его в этом зале? Ему совсем не понравились только что вышедшие люди.

— Ну? — сказал Долгоброд, когда Фродо опять «возник». — Зачем ты так? Наделал куда больше вреда, чем твои друзья словами. Сам влез в неприятности — или, лучше сказать, пальцем попал?

— Не понимаю, вы о чем? — сказал Фродо с досадой и испугом.

— Понимаешь, — ответил Долгоброд. — Но давай подождем, пока переполох кончится. А тогда, господин *Торбинс*, с вашего позволения, я бы хотел сказать вам пару слов с глазу на глаз.

— О чем? — спросил Фродо, не обращая внимания на то, что прозвучало его настоящее имя.

— О довольно важных делах — для нас обоих, — ответил Долгоброд, глядя ему в глаза. — Может быть, ты узнаешь кое-что для пользы дела.

— Хорошо, — сказал Фродо как бы между про-

чим. — Я с вами позже побеседую.

* * *

Тем временем у камина разгорались страсти. Подбежал рысцой господин Медовар и пытался одновременно выслушать несколько разных мнении о случившемся.

— Я его видел, господин Медовар, — говорил один хоббит. — Вернее, я его не видел. Он растворился, и я видел, как его не видно.

— Неужели, господин Полынник? — недоверчиво произнес трактирщик.

— Точно! — отвечал Полынник. — Я от своих слов не отказываюсь.

— Произошла какая-то ошибка, — сказал Медовар, покачав головой. — Трудно поверить, что такой плотненький господин растворился в воздухе! Тем более что воздух здесь тоже достаточно плотный.

— Тогда где он? — закричало несколько голосов.

— Почем я знаю? Пусть гуляет, где хочет, лишь бы утром заплатил. Вон господин Тук здесь, совсем не растворился.

— Ну, а я видел, как его не было видно, — упрямо твердил Полынник.

— А я говорю вам, что это ошибка, — повторил Медовар, поднимая поднос и собирая на него осколки посуды.

— Разумеется, ошибка! — произнес Фродо. — Я не растворился. Я здесь! Сижу себе в углу, беседую с Долгобродом.

Он встал и вышел на освещенное место, но народ расступился в еще большем смятении. Объяснение, что он тихо уполз под стол, как только упал, никого не удовлетворило. Большинство хоббитов и огромин из Бригорья рассерженно удалились, не желая больше никаких развлечений. Один или двое уничтожающе посмотрели на Фродо и вышли, переговариваясь. Гномы и два или три чужеземца ненадолго задержались, потом, собравшись уходить, стали прощаться с хозяином, словно не замечая Фродо и его друзей. Вскоре остался один Долгоброд, незаметно сидевший у стены.

Господин Медовар, по-видимому, не очень расстроился. Наверное, прикинул, что народ будет толпиться в его трактире еще много вечеров, обсуждая таинственное происшествие, пока спорить не надоест.

— Что же вы делаете, господин Подхолмс? — спросил он. — Напугали посетителей и своими

акробатическими номерами посуду мне перебили!

— Приношу извинения, — сказал Фродо. — Я совсем не хотел причинить вам хлопоты, это вышло нечаянно, уверяю вас. К несчастью, это несчастный случай!

— Ну хорошо, хорошо, господин Подхолмс! Но если вы еще собираетесь кувыркаться, фокусы показывать или что вы там делали, то лучше заранее предупредить народ, — а главное, *меня*. Мы тут не доверяем необычным штукам — страшновато, знаете ли. И неожиданностей не любим.

— Обещаю, господин Медовар, что больше ничего такого делать не буду. А сейчас, с вашего позволения, спать пойду. Нам рано выходить. Вы сможете распорядиться, чтобы наши пони были готовы к восьми?

— Не сомневайтесь! Но прежде, чем вы ляжете, господин Подхолмс, я бы с вами с глазу на глаз перемолвиться хотел. Я кое о чем вспомнил и должен вам сказать. Сейчас отдам пару распоряжений по хозяйству — и к вам в комнату, если позволите.

— Разумеется, — сказал Фродо, но сердце у него упало.

Интересно, сколько еще бесед с глазу на глаз

ему предстоит? И что в них откроется? Уж не сговорились ли они? Вдруг и толстый Медовар за своим радушием скрывает черные замыслы?

Глава десятая. Долгоброд

Фродо и Пипин с Сэмом вернулись в свою гостиную. Там было темно. Мерри ушел, огонь в камине почти погас. Только раздув угли в пламя и подкинув дров, они обнаружили, что скиталец пришел с ними и спокойно сидит в кресле у двери!

— Привет! — сказал Пипин. — Вы кто, и чего вам надо?

— Меня зовут Долгобродом, — ответил тот. — Ваш друг обещал мне разговор с глазу на глаз, если не забыл.

— Вы говорили, что я узнаю кое-что для пользы дела, — сказал Фродо. — Выкладывайте свою пару слов.

— Даже не пару, — ответил Долгоброд. — Но я потребую свою цену.

— Вы о чем? — резко спросил Фродо.

— Не пугайся! Я расскажу все, что знаю, и дам тебе добрый совет — а ты мне отплатишь.

— Чем же, скажите на милость? — спросил

Фродо. Теперь он заподозрил, что связался с мошенником, и с досадой подумал, что взял мало денег. Негодяй не удовлетворится даже всей наличностью, а отдавать нельзя, еще пригодится.

— Тем, что тебе по средствам, — скиталец невесело улыбнулся, будто прочитал мысли Фродо. — А именно: я пойду с тобой до тех пор, пока сам не захочу тебя покинуть.

— Да ну? — ответил Фродо, удивившись, но не успокоившись. — Если бы мне даже нужен был еще один спутник, я бы не согласился вас взять, пока не узнал побольше о том, кто вы и чем занимаетесь.

— Прекрасно! — воскликнул Долгоброд, кладя ногу на ногу и поудобнее откидываясь в кресле. — Похоже, ты приходишь в себя, а это уже неплохо. До сих пор ты вел себя слишком беспечно. Ладно, я расскажу все, что знаю, а ты думай о том, как отплатишь. Может быть, когда меня выслушаешь, сам станешь щедрее.

— Тогда выкладывайте, — сказал Фродо. — Что вам известно?

— Слишком много. Слишком много страшных дел, — мрачно ответил Долгоброд. — Что же до твоего дела… — Он встал, подошел к двери, быстро распахнул ее, выглянул и медленно закрыл.

Потом снова сел. — У меня тонкий слух, — продолжал он, понижая голос, — и хотя исчезать я не умею, мне приходилось выслеживать очень диких и осторожных тварей, и если я хочу, то могу сделать так, чтобы меня не заметили. Ну так вот, сегодня вечером я был в засаде у Тракта к западу от Бригорья, и видел, как со стороны Могильных Холмов к нему подъехали четверо хоббитов. Не стоит повторять все, что они говорили старому Бомбадилу и друг другу, но одна фраза меня заинтересовала: «Помните, что имя Торбинс упоминать нельзя. Если надо будет меня называть, я — Подхолмс». Тут мне стало так интересно, что я последовал за ними сюда. Перелез через ворота, как только они прошли. Может быть, у господина Торбинса есть веская причина скрывать свое имя, но если так, я тем более посоветовал бы ему и его друзьям быть осторожнее.

— Не вижу, какой интерес бригорянам до моего имени, — сердито сказал Фродо. — А почему оно интересует вас, придется еще узнать. У господина Долгоброда может быть веская причина шпионить и подслушивать, но если так, я посоветовал бы ему объясниться.

— Отлично сказано! — сказал, смеясь, Долгоброд. — Объяснение простейшее: я искал хоббита

по имени Фродо Торбинс. Хотел поскорее его найти. Я узнал, что из Хоббитшира он вынес… гм… тайну, которая касается меня и моих друзей.

— Ну, ну, не пойми меня превратно! — воскликнул он, так как Фродо встал с кресла, и Сэм тоже вскочил с сердитым видом. — Я сохраню эту тайну не хуже вас. А хранить надо! — Он подался вперед и, посмотрев на них, тихо добавил: — Следите за каждой тенью! Черные Всадники проскакали через Бри. Один появился с севера по Зеленому Тракту в понедельник, а другой вслед за ним, по тому же тракту, но с юга.

Стало тихо. Наконец, Фродо обратился к Пипину и Сэму.

— Я мог бы об этом догадаться по тому, как нас встретил привратник, — сказал он, — и трактирщик, похоже, что-то слышал. Почему он настаивал, чтобы мы пошли в Залу? И почему мы так глупо вели себя, а не остались здесь сидеть тихо?

— Да, было бы лучше, — сказал Долгоброд. — Я бы не пустил вас в общую Залу, если бы смог, но Медовар не пустил меня к вам, а поручение передать отказался.

— Ты думаешь, он… — начал Фродо.

— Нет, про старину Медовара я ничего плохого

не думаю. Он просто недолюбливает непонятных бродяг вроде меня. — Фродо удивленно посмотрел на него. — Похож я на бандита, а? — Долгоброд скривил рот со странным блеском в глазах. — Но, надеюсь, скоро мы лучше узнаем друг друга, и тогда ты объяснишь мне, что случилось, когда ты кончил петь. Ибо эта выходка…

— Это было нечаянно! — перебил Фродо.

— Разве? — усомнился Долгоброд. — Так уж и нечаянно? От этой нечаянности твое положение стало опасным.

— Не более, чем до нее, — сказал Фродо. — Я знал, что эти Всадники гонятся за мной, но теперь-то они, похоже, меня прозевали и ушли.

— На это не рассчитывай! — резко произнес Долгоброд. — Они вернутся. И остальные подъедут. Есть ведь и остальные. Я знаю, сколько их. Я знаю этих Всадников. — Он замолчал, и взгляд его стал жестким. — В Бригорье не всем можно доверять. Например, Билл Хвощ: у него плохая слава. Странные личности бывают у него в доме. Ты, наверное, его заметил в обществе — темнолицый с наглой ухмылкой. Он весь вечер не отходил от одного из южан, и сразу после твоей «нечаянности» они вместе выскользнули за дверь. Не все эти южане пришли с добрыми намерениями, а

Хвощ продаст кого угодно и гадость может сделать для собственного удовольствия.

— Кого он собрался продавать, и при чем тут моя нечаянность? — сказал Фродо, все еще не желая понимать намеки Долгоброда.

— Сведения о тебе, неужели не ясно? — ответил Долгоброд. — Кое-кого очень заинтересует рассказ о твоем представлении. После этого твое настоящее имя даже не спросят. Не удивлюсь, если они его услышат еще до конца нынешней ночи. Этого хватит? Отплатишь мне за разговор, как хочешь: можешь брать меня в проводники, можешь не брать. Но, уверяю тебя, я знаю все земли от Хоббитшира до Мглистых гор, ибо много лет ходил по ним. Я старше, чем кажусь. Могу пригодиться. После сегодняшнего вечера тебе придется избегать открытых дорог: Всадники будут следить за ними днем и ночью. Из Бригорья ты, может быть, сможешь уйти, и пока светит солнце, поедешь вперед, но далеко не доскачешь. Они нападут на тебя в пустоши, в темном месте, где никто не придет на помощь. Неужели ты хочешь попасть к ним в руки? Они ужасны.

Хоббиты взглянули на него и с удивлением увидели, что его лицо исказилось, как от боли, а пальцы впились в подлокотники. В комнате ста-

ло очень тихо и, кажется, потемнело. Некоторое время Долгоброд сидел, глядя куда-то невидящими глазами, словно блуждал по дорогам памяти или прислушивался к звукам далекой ночи.

— Ну вот! — воскликнул он, наконец, проводя рукой по лбу. — Я, наверное, больше знаю о твоих преследователях, чем ты. Ты их боишься, но в тебе еще мало страха. Завтра тебе придется от них бежать, а сумеешь ли ты? Скиталец может провести тебя нехоженными тропами. Берешь его?

Наступило тягостное молчание. Фродо не отвечал, борясь с сомнениями и страхом. Сэм морщил лоб и не сводил глаз с хозяина. И вдруг выпалил:

— С вашего разрешения, господин Фродо, я отвечу: *нет*! Этот Долгоброд вас предупреждает и говорит, чтобы вы были осторожнее. Тут я согласен, давайте с него и начнем. Он из Диких Земель, а я о тамошнем народе ничего хорошего не слышал. Он что-то знает, это ясно, но знает он больше, чем следует, и это не причина брать его с собой! Заведет нас куда подальше, — и поминай, как звали!

Пипин вертелся на месте, словно ему было неудобно сидеть. Долгоброд не ответил Сэму, но когда тот замолчал, перевел проницательный взгляд на Фродо. Фродо поймал его взгляд и отвел

глаза.

— Нет, я так не думаю, — медленно произнес он. — Я думаю, что ты не такой, каким кажешься. Ты начал говорить со мной, как бригорянин, а потом у тебя голос стал другим. Все же в одном Сэм, наверное, прав: тебе не кажется странным, что ты сам предупреждаешь нас об осторожности, а просишь поверить тебе на слово? Кто ты? Что ты на самом деле знаешь о моем… о моем деле, и как ты о нем узнал?

— Да, ты отлично усвоил урок осторожности, — сказал Долгоброд, хмуро усмехнувшись. — Но осторожность — это одно, а неуверенность — другое. Теперь тебе одному до Райвендела не добраться, и единственный шанс — довериться мне. Решайся. На некоторые вопросы я отвечу, если тебе это поможет принять решение. Но как ты поверишь в то, что я скажу, если ты до сих пор мне не поверил? Однако есть…

* * *

В этот момент в дверь постучали. Господин Медовар принес свечи, а за ним показался Ноб, таща бидоны с горячей водой. Долгоброд отступил в темный угол.

— Пришел пожелать вам спокойной ночи, —

сказал трактирщик, ставя свечи на стол. — Ноб! Воду неси в спальни! — он посмотрел Нобу вслед, вошел в комнату и закрыл дверь.

— Значит, вот что, — начал он нерешительно и озабоченно. — Если я вам этим навредил, то и сам очень сожалею. Но одно помнишь, другое забываешь, сами знаете; а я ведь так занят. То одно, то другое, — вся неделя в хлопотах, все из головы вышибло, как говорится. Очень надеюсь, что еще не поздно. Видите ли, меня просили не прозевать хоббитов из Хоббитшира, а особенно одного по имени Фродо Торбинс…

— Но при чем тут я? — спросил Фродо.

— А вам лучше знать, — сказал трактирщик понимающе. — Я вас не выдам. Мне сказали, что этот Торбинс путешествует под именем Подхолмс, и неплохо его описали, с вашего позволения.

— Да ну? Опишите, раз так! — перебил его Фродо, не подумав, что этим себя выдает.

— «Упитанный краснощекий полуростик», — сказал господин Медовар. Пипин фыркнул, Сэм возмутился. — «Это тебе не очень поможет, Баттерс, большинство хоббитов такие, — сказал он мне, — но он повыше остальных, светлее и с раздвоенным подбородком. Бойкий такой, глаза

блестящие». Простите, но это не я, это он сказал.

— Он? Кто он? — нетерпеливо спросил Фродо.

— Ах, он! Гэндальв, если вы его знаете. Говорят, он маг, но он мой хороший друг, как бы там ни было. А теперь не знаю, что он мне скажет и сделает, если появится; не удивлюсь, если все мое пиво сквасит или меня в колоду превратит, он несколько вспыльчив. Да что уж теперь, что сделано, то сделано.

— Да что сделано? — сказал Фродо, начиная терять терпение от замедленного хода мыслей Медовара.

— На чем я остановился? — сказал трактирщик, сделав паузу и щелкнув пальцами. — Ах да, старина Гэндальв. Три месяца назад входит он ко мне в комнату без стука. «Батти, — говорит он, — утром я ухожу. Сможешь оказать мне услугу?» «Все, что в моих силах!» — отвечаю я. — «Так вот, я спешу, — говорит он, — и мне самому некогда, а надо передать вести в Хоббитшир. Можешь найти кого-нибудь понадежнее и послать туда?» «Найду, конечно, — говорю я. — Завтра найду или послезавтра». «Надо завтра», — говорит он и протягивает мне письмо. Адрес на нем яснее ясного, — сказал господин Медовар, вынимая письмо из кармана, и с важным видом (он гордил-

ся репутацией человека грамотного) прочитал: «*Господину Фродо Торбинсу. Торба-в-Холме. Хоббиттаун. Хоббитшир*».

— Мне письмо от Гэндальва! — закричал Фродо.

— А, так вы, значит, Торбинс? — сказал Медовар.

— Ну да, — сказал Фродо. — И чем скорее вы мне отдадите письмо, и объясните, почему не послали, тем лучше для вас. Это вы и хотели мне сказать с глазу на глаз? Долго объяснялись, однако.

Бедняга Медовар совсем расстроился.

— Вы правы, господин гость, — сказал он. — Примите мои извинения. Я ужасно боюсь. Если из этого вышли неприятности, что скажет Гэндальв? Но я не нарочно. Я его отложил в надежное место, на следующий день поспрашивал — никто в Хоббитшир не собирался; из своих людей я сразу послать никого не мог. А потом одни хлопоты другие захлестывают, вылетело оно у меня из головы. Я же человек занятой. Я все сделаю, что смогу, если смогу теперь положение исправить, только скажите, помогу всем, что в моих силах! Я это тоже Гэндальву обещал, независимо от письма. «Батти, — сказал он мне, — этот мой друг

из Хоббитшира может скоро сюда прийти, и не один. Назовется Подхолмсом. Имей в виду! И вопросов не задавай. Если меня с ним не будет, а у него будут неприятности и понадобится помощь, окажи любую, сделай все, что можешь, а я тебя отблагодарю», — сказал он. Вот теперь вы пришли, и неприятности, похоже, рядом.

— Что вы имеете в виду? — спросил Фродо.

— Этих Черных, — сказал трактирщик, понизив голос. — Они ищут *Торбинса*, и будь я хоббитом, если у них добрые намерения! Заявились в понедельник, все собаки выли и гуси переполошились. Жутко, я вам скажу. Ноб ко мне прибежал, волосы дыбом, сказал, что два черных человека у двери спрашивали хоббита по имени Торбинс. Я этих Черных послал подальше и дверью хлопнул, но они всю дорогу до Криволесья всех расспрашивали. И вот тоже скиталец, Долгоброд, спрашивал. Рвался к вам еще до ужина, отдыхать мешал.

— Еще как! — вдруг произнес Долгоброд, выходя на свет. — Я избавил бы их от большой неприятности, если бы ты меня пустил, Баттерс.

Трактирщик подпрыгнул от удивления.

— Ты! — воскликнул он. — Вечно возникаешь ниоткуда! Теперь-то чего тебе надо?

— Теперь с моего разрешения, — сказал Фродо. — Пришел предложить помощь.

— Ну, вам, наверное, виднее, — сказал господин Медовар, с подозрением оглядываясь на Долгоброда. — Но в вашем положении я не стал бы связываться с каким-то скитальцем.

— А с кем ты стал бы связываться? — спросил Долгоброд. — Жирный кабатчик, свое-то имя помнящий лишь потому, что его целый день выкрикивают. Им нельзя навсегда остаться в «Пони» и домой нельзя. Перед ними дальняя дорога. Ты что, пойдешь с ними и отгонишь Черных?

— Я? Из Бри? Да ни за какие коврижки! — господин Медовар испугался по-настоящему. — Но почему вам нельзя остаться здесь и тихо переждать, господин Подхолмс? И вообще, все это так подозрительно. Что надо этим Черным, и откуда они, хотел бы я знать?

— Сожалею, но не все могу объяснить, — ответил Фродо. — Я устал, и мне очень неспокойно, а это длинная история. Если вы намерены мне помочь, должен вас предупредить, что пока я нахожусь в вашем доме, вы тоже в опасности. А Черные Всадники… Я не уверен, но боюсь, что они из…

— Они из Мордора, — глухо сказал Долгоброд. —

Из Мордора, Баттерс, понял?

— Ой, спасите! — бледнея от страха, воскликнул господин Медовар. Очевидно, он это название знал. — За всю мою жизнь в Бригорье не приходили худшие вести!

— Да, это так, — сказал Фродо. — Вы все еще согласны мне помогать?

— Разумеется, — сказал Медовар. — Охотнее, чем раньше. Хотя не знаю, что такой, как я, может сделать против… против…

— Против Тени с востока, — тихо докончил Долгоброд. — Немного, Медовар, но каждая малость пригодится. Ты можешь оставить у себя на ночь господина Подхолмса и забыть фамилию Торбинс до тех пор, пока он не окажется далеко отсюда.

— Это я сделаю, — сказал Медовар. — Но боюсь, что они без моей помощи все узнают. Как обидно, что господин Торбинс сегодня вечером привлек к себе внимание, если не сказать больше! Как господин Бильбо из Хоббитшира уходил, мы здесь, в Бри, не вчера услышали… Даже Ноб-тугодум кой о чем догадался; а у нас есть такие, что соображают быстрее.

— Осталось надеяться, что всадники не сразу вернутся, — сказал Фродо.

— Надо надеяться, конечно, — сказал медо-

вар. — Но призраки они или нет, так просто в «Пони» они не прорвутся, до утра не беспокойтесь. Ноб никому ничего не скажет. Пока я держусь на ногах, ни один Черный в мои двери не войдет. Я со своими людьми сегодня покараулю. А вы лучше поспите, если сможете.

— В любом случае, нас надо будить на рассвете, — сказал Фродо. — Мы уйдем пораньше. Завтрак, пожалуйста, в пол-седьмого.

— Хорошо! Сам распоряжусь и прослежу, — сказал трактирщик. — Спокойной ночи, господин Торбинс… ой, надо говорить Подхолмс! Спокойной ночи… а — да что же это? Где господин Брендибак?

— Не знаю, — вдруг заволновался Фродо. Они совсем забыли про Мерри, и было уже поздно. — Кажется, вышел погулять. Он что-то говорил про свежий воздух.

— Да за вами в оба смотреть надо! Вы словно на пикник пошли, — сказал Медовар. — Пойду проверю, все ли двери заперты, и распоряжусь, чтобы вашего друга пустили в дом, когда он вернется. Нет, лучше Ноба пошлю его поискать. Всем спокойной ночи!

И господин Медовар, наконец, ушел, напоследок с сомнением взглянув на Долгоброда и

покачав головой. Удаляющийся звук его шагов затих в коридоре.

* * *

— Ну? — сказал Долгоброд. — Ты собираешься распечатывать письмо?

Фродо внимательно осмотрел печать и вскрыл конверт. Письмо, похоже, было в самом деле от Гэндальва. Внутри уверенным и изящным почерком мага было написано:

«Гарцующий пони», Бригорье.
День Середины лета, 1418 г.

Дорогой Фродо!

До меня сюда дошли плохие вести. Уезжаю немедленно. Постарайся поскорее уйти из Торбы и покинуть Хоббитшир не позднее конца июля. Постараюсь вернуться, как только смогу, а если случится, что ты уже уйдешь, последую за тобой. Если пойдешь через Бригорье, оставь там для меня весть. Трактирщику (Медовару) верь. Может быть, по дороге ты встретишь моего друга: он — человек, высокий, худой, темноволосый, некоторые зовут

его Долгобродом. Он знает о нашем Деле и поможет. Иди в Райвендел. Надеюсь, там мы встретимся. Если я не вернусь, совет тебе даст Элронд.

В спешке твой —

Гэндальв.

P. S. Ни в коем случае, ни за что не надевай его! Передвигайся при свете, ночью на дорогу не выходи! — .

P. P. S. Удостоверься, что Долгоброд тот самый. На дорогах много чужаков. Его истинное имя — Арагорн. — .

Не всякое золото ярко блестит.

Скитальцы не все пропадают.

Глубокие корни мороз не сразит,

Сила старая не увядает!

Проснется из пепла былой огонь,

Будет сломанный меч откован,

Свет вспыхнет из мрака, и сно-

ва

Лишенный короны взойдет на трон!

P. P. P. S. Надеюсь, Медовар не замедлит переслать это письмо. Он человек достойный, только память у него — как старая кладовка: нужная вещь всегда завалена хламом. Если забудет — жаркое из него сделаю!

Счастливого пути! —

Фродо прочитал письмо про себя и передал Пипину с Сэмом.

— Да, заварил кашу старина Медовар! — сказал он. — Вполне заслуживает, чтобы его поджарили! Если бы я сразу это получил, мы бы уже спокойно сидели в Райвенделе. Но что могло произойти с Гэндальвом? Он пишет, будто пошел навстречу большой опасности.

— Он много лет только это и делает, — сказал Долгоброд.

Фродо повернулся к нему и задумался над второй припиской мага.

— Почему ты мне сразу не сказал, что ты друг Гэндальва? — спросил он. — Мы бы меньше вре-

мени зря потратили.

— Неужели? Так бы ты мне сразу и поверил? — сказал Долгоброд. — О письме я ничего не знал. Знал только, что должен уговорить тебя поверить мне без доказательств. Во всяком случае, сразу все о себе выкладывать не собирался. Надо было сначала *тебя* узнать и тебе поверить. Мне Враг и раньше расставлял сети. Когда я разобрался, то был готов сказать тебе все, что спросишь. Но должен признаться, — добавил он со странным смешком, — я надеялся, что мне просто поверят. Тот, кого преследуют, иногда устает от недоверия и ищет дружбы. Но, наверное, мой вид к этому не располагает.

— Да уж — во всяком случае, с первого взгляда не очень, — засмеялся Пипин. Он уже прочитал письмо Гэндальва и успокоился. — Но мы в Хоббитшире говорим: *«О красоте суди не по словам, а по делам»*. Мы, наверное, не лучше будем, если неделю проведем в колючках да в канавах!

— Чтобы стать похожими на Долгоброда, пришлось бы скитаться по Диким Землям не неделю, и даже не месяцы, а годы, — ответил он. — А чтобы при этом выжить, надо быть сделанными из крепкой глины; по вашему виду этого не скажешь.

Пипин сдался, но Сэма сбить было трудно, и он продолжал коситься на скитальца с подозрением.

— А как мы узнаем, что ты тот самый Долгоброд, о котором говорит Гэндальв? — с вызовом спросил он. — Ты Гэндальва не называл, пока не появилось письмо. Может, ты переодетый шпион, пытаешься нас сманить за собой? Может, ты настоящего Долгоброда укокошил и взял его плащ. Что скажешь?

— Скажу, что ты крепкий орешек, — ответил скиталец. — Но боюсь, Сэм Гэмджи, что могу добавить в ответ лишь одно: если я убил настоящего Долгоброда, то тебя и подавно смог бы убить. И уже убил бы без лишних слов. Если бы мне нужно было Кольцо, я бы его просто взял — вот так!

Он встал и словно вырос. Глаза его властно сверкнули, пронизывая хоббитов насквозь. Он откинул плащ и положил руку на рукоять меча, которого они раньше не замечали. Хоббиты остолбенели. Сэм широко разинул рот.

— Но, к счастью, я *тот самый* Долгоброд, — сказал он, глядя на них сверху вниз, и его лицо смягчила неожиданная улыбка. — Я Арагорн сын Араторна, и если смогу спасти вас, то спасу даже ценой собственной жизни.

* * *

Наступило долгое молчание. Наконец, Фродо нерешительно заговорил:

— В то, что ты друг, я поверил еще до письма, — сказал он. — Вернее, очень хотел поверить. Ты меня несколько раз за вечер напугал, но не так, как мог бы враг. Мне кажется, его шпионы не могли бы — ну, прятать благородство даже за привлекательной внешностью.

— Понимаю, — Долгоброд рассмеялся. — Я, значит, прячу благородство за непривлекательной внешностью. Как это:

Не всякое золото ярко блестит,
Скитальцы не все пропадают…

— Значит, эти стихи про тебя? — спросил Фродо. — А я не мог понять, зачем они. Но как ты узнал, что они написаны в письме, если ты его не видел?

— Ничего я не знал, — ответил он. — Но я Арагорн, а эти стихи — об Арагорне.

Он вынул меч, и они увидели, что клинок в самом деле сломан в локте от рукояти.

— Не очень годится для боя, правда, Сэм? — сказал Долгоброд. — Но подходит срок быть ему

перекованным.

Сэм ничего не ответил.

— Ладно, — продолжал Долгоброд. — С позволения Сэма считаем дело решенным. Вашим проводником буду я. Завтра предстоит трудный путь. Даже если нас не задержат на выходе из Бригорья, уйти незамеченными у нас уже надежды нет. Я только постараюсь, чтобы нас поскорее потеряли из виду. Кроме главного Тракта, я знаю отсюда пару малоизвестных троп. А если избавимся от преследования, попробую вывести вас к горе Ветров.

— Ветров? — повторил Сэм. — А что это?

— Гора к северу от Тракта, примерно на полпути до Райвендела. С нее далеко видно во все стороны. Мы там осмотримся. Если Гэндальв пойдет за нами, он обязательно туда направится. После горы Ветров дорога станет сложней и опасностей будет больше.

— Когда ты в последний раз видел Гэндальва? — спросил Фродо. — Ты знаешь, где он и чем занят?

— Нет, не знаю, — помрачнел Долгоброд. — Я вместе с ним вернулся весной на запад. Все эти годы мне нередко приходилось стеречь границы Хоббитшира, пока он занимался другими делами. Он не хотел оставлять ваши земли без охраны.

Прошлый раз мы виделись первого мая — у Каменного брода в среднем течении Берендуина. Он сказал мне, что с тобой все в порядке и ты пойдешь в Райвендел в последнюю неделю сентября. Раз он не терял тебя из виду, я отправился по своим делам. И вышла неудача: до него дошли какие-то вести, наверное, нужна была помощь, а меня рядом не было.

Это меня очень тревожит. За все время нашей дружбы я ни разу так не беспокоился. Если он не пришел сам, то должен был нас известить. Я вернулся давно, новости были неутешительные. По Среднеземью разнеслись слухи, что Гэндальв пропал. Видели Черных всадников. Мне об этом сказали эльфы Гилдора. И еще сказали, что ты ушел из дому. Но никто не видел, чтобы ты покидал Бакленд. Я с нетерпением ждал тебя на Большом восточном тракте.

— Ты думаешь, что отсутствие Гэндальва связано с появлением Черных Всадников? — спросил Фродо.

— Кроме них, я не знаю никого, кто мог бы его задержать, разве что Черный Властелин, — сказал Долгоброд. — Но не теряй надежды! Гэндальв сильнее, чем вы, хоббиты, думаете. Вы видите только его шутки да игрушки. Наше Дело будет

его великим подвигом!

Пипин зевнул.

— Простите меня, — сказал он, — но я смертельно устал. Тревоги — тревогами, а мне надо лечь, не то засну сидя. Где этот болван Мерри? Если еще придется идти искать его в темноте, мое терпение лопнет!

* * *

В этот момент они услышали, как хлопнула дверь, в коридоре затопали. В комнату вбежал Мерри, за ним Ноб. Мерри поспешно захлопнул дверь, привалился к ней спиной и перевел дух. Все обернулись к нему, а он выдохнул:

— Я их видел, Фродо! Я их видел! Черные!

— Черные всадники?! — вскричал Фродо. — Где?

— Здесь. В поселке. Я здесь отдыхал, вас целый час не было, я пошел погулять. Потом вернулся, вот тут, у самой двери, стоял под фонарем, смотрел на звезды. Вдруг меня дрожь пробрала, и я почувствовал, как ко мне что-то кошмарное подкрадывается: словно тень была темнее возле дороги, прямо черная дырка, как раз где фонарный свет кончался. И сразу же ускользнуло в темень, без единого звука. Лошади не было.

— Куда оно двинулось? — спросил Долгоброд внезапно и резко.

Мерри вздрогнул, заметив незнакомца.

— Продолжай? — сказал Фродо. — Это друг Гэндальва. Потом объясню.

— Кажется, на восток, по Тракту, — продолжал Мерри. — Я попробовал следом пойти. Оно, конечно, сразу исчезло, а я завернул за угол и почти до последнего дома дошел.

Скиталец удивленно взглянул на Мерри.

— У тебя храброе сердце, — сказал он. — Но это была глупость.

— Не знаю, — сказал Мерри. — По-моему, не храбрость и не глупость. Я иначе не мог. Будто меня тянули. В общем, я пошел и вдруг из-за забора слышу голоса. Один бормочет, а другой не то шипит, не то свистит. Я ни слова не разобрал. Ближе не стал подходить, на меня колотун напал. Я испугался жутко и повернул, собрался дать деру сюда. Что-то сзади надвинулось, и я… я упал.

— Я его нашел, господа гости, — вмешался Ноб. — Господин Медовар выслал меня с фонарем. Я сходил к западным воротам, а оттуда шел к южным. И как раз возле дома Билла Хвоща увидел тени на дороге. Точно не скажу, но мне показалось, что там двое что-то поднимают. Я

закричал, а когда подбежал ближе, тех двоих нет, один господин Брендибак на обочине лежит. Я сначала думал, он спит, и стал его трясти, а он говорит: «Я, — говорит, — будто в глубокий омут упал, на самое дно». Такой странный. А как только я его поднял, он сюда бежать припустился, точно заяц.

— Боюсь, что это чистая правда, — сказал Мерри. — Только я не помню, что говорил. Я видел отвратительный сон, но и его не помню. Словно меня не стало. Не знаю, что это такое.

— Я знаю, — сказал скиталец. — *черное помрачение*. Всадники, наверное, оставили коней за воротами и тайно вернулись в поселок. Теперь они знают все новости, так как побывали у Билла Хвоща; вероятно, тот южанин — тоже шпион. Значит, беда может случиться ночью, раньше, чем мы уедем из Бригорья.

— Что может случиться? — спросил Мерри. — Они на трактир нападут?

— Не думаю, — сказал Долгоброд. — Они пока не все собрались. Во всяком случае, это у них не в обычае. Сильнее всего они в темноте и в глуши — открыто напасть на освещенный дом, где столько народу, могут лишь в крайнем отчаянии. Но не сейчас. Зачем им нападать сейчас и здесь, если

они знают, что у нас впереди — долгий путь через Эриадор… Их сила — в страхе, кое-кто в Бригорье уже попался в его клещи. На злое дело толкают они этих несчастных: Хвоща, пару чужеземцев, может быть, и привратника. В понедельник они говорили с Гарри у западных ворот. Я наблюдал. Когда они с ним распрощались, он был совсем белый и его трясло.

— Похоже, кругом враги, — сказал Фродо. — Что же делать?

— Сейчас оставаться здесь, не расходиться по спальням! Они наверняка выведали, где чья комната. Во всех хоббичьих спальнях окна у самой земли и выходят за север. Останемся все здесь, подопрем дверь и ставни изнутри. Только сначала мы с Нобом сходим за вашими вещами.

Скиталец вышел. Фродо коротко рассказал Мерри обо всем, что произошло после ужина. Мерри еще перечитывал письмо Гэндальва и размышлял над ним, когда Долгоброд с Нобом вернулись.

— Ну, господа гости, — сказал Ноб, — я все покрывала разворошил, и в каждую постель положил по валику, а коричневый коврик свернул, получилась ваша голова, господин Тор… Подхолмс! — добавил он, ухмыляясь.

Пипин засмеялся.

— И в жизни, как валик! — сказал он. — Но что будет, если они откроют обман?

— Увидим, — сказал Долгоброд. — Попробуем до утра продержаться.

— Спокойной ночи! — сказал Ноб и пошел на свой пост к дверям трактира.

Мешки и одежду они свалили в кучу на полу. К двери пододвинули кресло, окно закрыли. Выглянув в последний раз, Фродо заметил, что ночь светлая, и над горой качается яркий Ковш. Тяжелые внутренние ставни они заложили брусом и плотно задернули занавески. Долгоброд подложил побольше дров в камин и задул все свечи. Потом он сел в кресло у двери, а хоббиты улеглись на одеяла ногами к огню и немножко поболтали, отвечая на расспросы Мерриадока.

— Корова на луну!.. — хихикнул Мерри, заворачиваясь, наконец, в одеяло. — Смех с тобой, Фродо, да и только! Хотел бы я это видеть. Почтенные бригоряне сто лет языки чесать будут.

— Не сомневаюсь, — сказал Долгоброд.

После этого все замолчали, и хоббиты один за другим погрузились в сон.

Глава одиннадцатая. Кинжал во мраке

Пока наши путники готовились ко сну в Бригорье, мрак окутал Бакленд. Туман залег в оврагах и по берегу Реки. Затих дом в Кричьей Балке. Мякуш Болджер осторожно растворил дверь и выглянул. Ощущение страха не покидало его весь день и к вечеру усилилось. Ни отдыхать, ни лечь спать он не смог: недвижный воздух таил угрозу. Вглядываясь в сумрак, Мякуш увидел, как под деревьями передвинулась черная тень. Ворота сами по себе отворились, а потом совершенно беззвучно закрылись. Ему стало ужасно страшно. Он отпрянул от двери, минуту постоял, весь дрожа, в прихожей, потом закрыл и запер парадную дверь.

Темнота сгущалась. На дороге к дому послышался приглушенный стук копыт. Кто-то осторожно вел лошадей. У ворот лошади остановились, и три тени проникли во двор: три черных пятна, сгустки ночи. Одна тень прокралась к двери, две другие встали по углам дома. Дом и деревья замерли в немом ожидании.

Потом листья чуть шевельнулись, где-то далеко пропел петух. Холодный предрассветный

час кончался. Тот, темный, у двери пошевелился. В безлунной беззвездной тьме блеснул клинок, будто из ножен скользнул луч холодного света. Послышался глухой тяжелый удар, дверь дрогнула.

— Открыть именем Мордора! — произнес странно высокий и злобный голос.

От второго удара косяк лопнул, засов переломился, дверь подалась и провалилась внутрь. Черные быстро скрылись в доме.

Вдруг совсем близко в деревьях раскатился голос рога, разрывая ночь, словно вспышка на вершине горы:

ВСТАВАЙ, БЕДА! ПОЖАР! ВРАГИ! ВСТАВАЙ!

Мякуш времени не терял. Увидев, как черные тени ползут через огород, он понял, что от гибели его спасут только ноги. И он пустил их в ход со всей скоростью, на какую был способен: через черный ход, полями и огородами. Пробежав больше мили до ближайшего дома, он мешком повалился на крыльцо с воплем: «Нет! Нет! Не я!! У меня нету!..» Что он потом лепетал, сначала вообще не поняли. Потом решили, что в Бакленде враги, непонятная напасть из Старого леса. И

сразу начали действовать.

БЕДА! ПОЖАР! ВСТАВАЙ!

Брендибаки трубили Баклендскую Побудку, которая последний раз звучала сто лет назад, когда в Долгую зиму замерз Брендидуин и по нему пришли белые волки.

БЕДА! ВСТАВАЙ!

Тревога распространялась. Издалека слышались ответные звуки рогов.

Черные тени бежали из дома в ночь. На порог упал хоббичий плащ. На дороге застучали копыта, и невидимые во мраке кони перешли в галоп, потом гром копыт стих. Во всей Кричьей Балке гудели рога и рожки, звенели крики, топали ноги. Но Черные Всадники, как буря, помчались к Северным Воротам. Пусть малявки трубят! Саурон с ними потом расправится. А у них новое задание: они узнали, что дом пуст и Кольцо ушло. Черные стоптали охранников у ворот и исчезли из Хоббитшира.

* * *

В ранний час ночи Фродо внезапно вырвался из глубокого сна, словно его потревожило чье-то присутствие или неожиданный звук. Он увидел, что Долгоброд в кресле насторожился; глаза скитальца отражали пламя ярко горевшего камина, но сидел он молча и неподвижно.

Фродо вскоре опять заснул. Но к нему в сон снова ворвались шумы: свист ветра и гром копыт. Ветер словно закручивался у трактира и тряс его, а в дальней дали неистово гудел рог. Фродо открыл глаза и услышал бодрый крик петуха во дворе. Долгоброд раздвинул занавески и лязгнул задвижкой, отпирая ставни. Первый серый свет утра вместе с холодным воздухом хлынул в комнату через открытое окно.

Как только Долгоброд всех поднял, они пошли вслед за ним в свои спальни и, увидев, что там делается, возблагодарили судьбу за то, что послушались его совета. Выломанные оконные рамы болтались на петлях, хлопали занавески. Постели были разбросаны, валики искромсаны, коричневый коврик разодран в клочья.

Долгоброд немедленно привел трактирщика. Заспанный и перепуганный бедняга Медовар

клялся, что не смыкал глаз почти всю ночь и не слышал ни одного звука.

— За всю мою жизнь ничего подобного не случалось! — восклицал он, в ужасе всплескивая руками. — Чтобы гости не могли спать в своих постелях, чтобы пропадали такие хорошие валики! К чему мы идем?

— К мрачным временам, — сказал Долгоброд. — Но ты еще немного поживешь в мире, когда от нас избавишься. Мы немедленно уходим. Не беспокойся о завтраке: подай чего-нибудь перекусить и запить на ходу. Через несколько минут мы будем готовы.

Господин Медовар поспешил присмотреть за тем, как готовят лошадей, и принести «что-нибудь перекусить», но почти сразу вернулся в отчаянии: пони пропали! Двери конюшни оказались взломаны, в ней не было не только лошадок Мерриадока, но вообще ни одной лошади.

Фродо был совершенно подавлен. Разве не глупо надеяться дойти до Райвендела пешком, когда за ним гонятся конные враги? С таким же успехом можно отправиться на луну. Долгоброд молчал, глядя на хоббитов, словно оценивая их силу и храбрость.

— Пони не спасли бы нас от конников, — сказал

он задумчиво, будто догадываясь, о чем думает Фродо. — Верхом на пони мы передвигались бы ненамного быстрее, чем пешком, во всяком случае, по тем дорогам, какими я вас поведу. Себе я не собирался брать коня. Но меня беспокоит провизия. Отсюда до самого Райвендела мы можем расчитывать лишь на то, что возьмем с собой, и надо брать с запасом, ибо в дороге могут быть задержки, обходы. Сколько вы унесете на спинах?

— Сколько надо, столько и унесем, — сказал Пипин, стараясь показать, что он на самом деле крепче, чем выглядит (и чем себя чувствует).

— Я за двоих понесу, — самоуверенно заявил Сэм.

— Вы ничем не могли бы нам помочь, господин Медовар? — спросил Фродо. — Нельзя ли достать в поселке пару пони или хотя бы одного вьючного? Нанять мы, пожалуй, не вправе, но, может быть, купим, — добавил он без уверенности, что на это хватит средств.

— Вряд ли, — уныло сказал трактирщик. — В Бригорье всего-то два-три верховых пони, они стояли у меня в конюшне и пропали. А вьючных животных бригоряне не продадут, самим нужны. И тех почти ни у кого нет. Я попробую. Сейчас подниму Боба и пошлю поспрашивать.

— Да, — неохотно произнес Долгоброд. — Надо послать, пожалуй. Боюсь, что придется нам взять хоть одного. Но тогда нечего надеяться уйти рано и незамеченными. Это все равно, что в рог трубить, возвещая о походе. Сомнений нет, все подстроено с расчетом.

— Есть капелька утешения, — сказал Мерри. — Надеюсь, даже больше капельки: можно сесть и нормально позавтракать. Пошли, Ноба отловим!

* * *

Задержались больше, чем на три часа. Ноб вернулся с докладом, что ни пони, ни лошади бригоряне ни за что не продадут, есть только одна скотинка у Билла Хвоща, которую он, может быть, согласится уступить.

— Старое изможденное животное, — сказал Боб, — но он воспользуется вашим положением и запросит втридорога — или я не знаю Хвоща.

— Билл Хвощ? — переспросил Фродо. — Нет ли тут подвоха? Мы этого пони нагрузим, а он со всей поклажей убежит к нему во двор, или поможет нас выследить, или еще что-нибудь.

— Вполне возможно, — сказал Долгоброд. — Я только не поверю, чтобы животное, избавившись от такого хозяина, побежало к нему назад. По-мо-

ему, любезный господин Хвощ просто пытается нажиться на чужом несчастье. Главная опасность тут, наверное, в том, что бедная скотина сдохнет по дороге. Но выбора нет. Сколько он просит?

Билл Хвощ потребовал двенадцать серебряных монет — действительно втрое больше, чем в этих местах мог стоить пони. Животное оказалось костлявым, изголодавшимся и унылым, но как будто подыхать пока не собиралось. Баттерс Медовар сам заплатил за него и предложил Мерри за пропавших лошадок еще восемнадцать монет. Человек он был честный и по бригорским понятиям состоятельный, но потеря тридцати серебряных монет была для него тяжким ударом, и труднее всего он перенес то, что его надул именно Билл Хвощ.

Все же потом он оказался в выигрыше. Увели на самом деле только одного коня. Остальных разогнали, или они сами в ужасе разбежались, а потом их нашли в разных уголках Бри. Лошадки Мерриадока убежали все вместе и в конце концов (молодцы, сообразили!) направились за Могильники искать Пончика. Там о них хорошо позаботился Том Бомбадил. Когда до Тома дошли слухи о событиях в Бри, он отослал их господину Медовару, который, таким образом, получил пять

прекрасных животных практически бесплатно. В Бригорье им, конечно, пришлось работать, но Боб с ними хорошо обращался, и можно сказать, что им повезло: они избежали трудного и опасного путешествия, хотя и не попали в Райвендел.

А поначалу, конечно, господин Медовар не знал всего, что случилось, и считал свои денежки безнадежно потерянными. И у него были другие хлопоты. Проснулись оставшиеся постояльцы и узнали о нападении на трактир — началась паника. Путешественники с юга, у которые пропали лошади, громко обвиняли хозяина, пока не выяснилось, что один из их компании тоже пропал в ту ночь — не кто иной, как косоглазый сообщник Билла Хвоща. Подозрение сразу пало на него.

— Если вы якшаетесь с конокрадом и привели его ко мне в дом, — возмущенно говорил Баттерс, — то платите из своего кармана за весь ущерб, и нечего на меня кричать. Идите к Биллу Хвощу и спрашивайте, где ваш красавчик-приятель!

Но оказалось, что ничей он не приятель, и даже никто не мог вспомнить, когда он затесался в компанию.

* * *

После завтрака хоббитам пришлось все перепаковать и сложить отдельно запасной провиант, так как они уже не надеялись на короткий путь. Когда же, наконец, вышли, было почти десять часов. К этому времени все Бригорье гудело от волнения. Фокус с исчезновением Фродо, появление Черных Всадников, ограбление конюшен и, наконец, последняя, но не менее удивительная новость: скиталец Долгоброд присоединился к загадочным хоббитам, — такой сказки хватит на много последующих лет.

Большинство жителей Бригорья и Намостья и даже многие из Криволесья и Долинки столпились вдоль дороги поглазеть, как уедут путешественники. Постояльцы трактира торчали в дверях и выглядывали из окон. Долгоброд передумал и решил уходить из Бри по главному Тракту. Любая попытка пойти сразу по бездорожью привела бы теперь к плачевным результатам: за ними пошла бы половина бригорян, посмотреть, что они замышляют и не лезут ли в чужие огороды.

Они попрощались с Бобом и Нобом и, рассыпаясь в благодарностях, расстались с толстым

Баттерсом.

— Надеюсь, мы еще встретимся в более веселые времена, — сказал Фродо. — Я бы очень хотел погостить у вас спокойно, без всяких волнений.

И они тронулись в путь с тревогой и тяжестью в сердце, под пристальными взглядами толпы. Много было недружелюбных лиц и неприязненных выкриков. Но Долгоброда бригоряне, похоже, побаивались, и те, на кого он обращал суровый взгляд, тут же замолкали и сникали. Он шел впереди рядом с Фродо, за ними — Мерри с Пипином, а замыкающим — Сэм, который вел в поводу пони: на того навалили столько груза, сколько позволила жалость к несчастному животному, но вид у пони был уже не такой удрученный, он явно радовался перемене в судьбе.

Сэм задумчиво грыз яблоко, у него их был полный карман — прощальный подарок Ноба и Боба.

— Сидеть хорошо с трубочкой, а идти — с яблочком, — говорил он. — Но, кажется, скоро не будет ни того, ни другого.

Любопытные высовывались из дверей и окон и пялились через заборы. Хоббиты их не замечали. Но уже недалеко от ворот Фродо обратил внимание на последний дом в поселке — ободранный

темный дом за неухоженной изгородью. В одном из его окошек мелькнуло желтоватое лицо с узкими раскосыми глазами — и тут же исчезло. «Так вот где прячется тот южанин! — подумал хоббит. — Полугоблин какой-то».

За оградой торчал другой человек, с презрением глядел на них из-под густых бровей и нахально ухмылялся, не выпуская изо рта короткую черную трубку. Когда они подошли, он перестал курить и плюнул.

— Привет, Долгоногий! — сказал он. — Что так рано? Ишь ты наконец, друзей нашел!

Долгоброд кивнул головой, но не ответил.

— Доброе утро, мелкота! — крикнул черноволосый хоббитам. — Вы, надеюсь, знаете, с кем связались? Это же Долгоброд Ни-кола-ни-двора! У него и почище прозвища есть, я слыхал. Ночью будьте начеку! А ты, Сэмчик, не обижай моего старенького пони! Тьфу! — Он снова сплюнул.

Сэм быстро обернулся.

— А ты, Хвощик, убери с моих глаз свою противную рожу, а то больно будет, — сказал он, и недоеденное яблоко, с быстротой молнии пущенное его рукой, угодило Биллу точно в нос. Тот не успел вовремя пригнуться и теперь из-за изгороди бранился, на чем свет стоит.

— Жаль хорошего яблока, — с прискорбием произнес Сэм и зашагал дальше.

Наконец, поселок остался позади. Детвора и бездельники, увязавшиеся за ними, устали и отстали сразу же за Южными воротами. Путники еще несколько миль прошли по тракту, который повернул к востоку, огибая подножие горы. Впереди был лес, слева на пологих юго-восточных склонах рассыпались дамба и хоббичьи норки деревни Намостье; севернее виднелась глубокая котловина, и над ней поднимались дымки — наверное, Долинка. Криволесье пряталось в деревьях дальше и выше.

Когда все это исчезло из виду, путники оглянулись на бурую глыбу горы и свернули на узкую тропинку, ведущую прямо на север.

— Отсюда пойдем скрытно, — объявил Долгоброд.

— Надеюсь не «напрямик покороче», — сказал Пипин, — а то мы раз пошли напрямик через лес, так чуть не пропали.

— Меня с вами не было, — засмеялся Долгоброд. — Если я иду напрямик, то *длинна ли, коротка, моя тропа — наверняка*!

Он внимательно осмотрел Тракт — никого не было, — и быстро повел хоббитов за собой в

заросшую деревьями долину. Не зная местности, хоббиты все же догадались, что их проводник сделав вид, что направлялся в Криволесье, теперь собирается обойти его с востока и скорей попасть в пустошь, а там — к горе Ветров. Таким образом, можно было сократить дорогу, потому что Тракт широкой петлей обходил с юга Мошкариные Топи. Правда, часть пути придется на эти самые Топи, а они, судя по описанию скитальца, малоприятны…

Ну, а пока дорога была вполне сносной. И даже невзирая на вчерашние ночные переживания, можно было считать этот этап самым удачным из пройденных. Солнце светило ясно, но не палило. Леса еще не сбросили листву, и долина переливалась яркими осенними красками, выглядела мирно и безопасно. Долгоброд прекрасно знал путь, вел уверенно, и хоббиты с благодарностью думали, что без него они бы опять заблудились. Временами он намеренно петлял, чтобы замести следы.

— Билл Хвощ наверняка выследит, где мы свернули с Тракта, — сказал он. — Хотя сам за нами, по-моему, не пойдет. Местность он знает неплохо, но также знает, что в лесу ему со мной тягаться нечего. Боюсь только, он выдаст нас. А те, кому

он о нас скажет, где-то поблизости. Пусть думают, что мы пошли в Криволесье.

* * *

То ли благодаря опыту скитальца, то ли по другой причине, но за весь день они не видели, не слышали и не встретили ни двуногих (если не считать птиц), ни четвероногих, кроме лисицы и нескольких белок. На следующий день они взяли курс прямо на восток, и все вокруг по-прежнему было тихо и мирно. На третий день после выхода из Бригорья они вышли из леса — и назад не вошли. Местность здесь окончательно понизилась и выровнялась, но идти стало труднее. Бри осталось далеко позади, началось дикое бездорожье и пошли Мошкариные Топи.

Почва была сырой, полосами росли болотные травы, между ними то и дело встречались лужи и болотца, в камышах верещали мелкие пичуги. Идти приходилось осторожно, искать сухие участки, стараясь не промочить ноги и не сбиться с курса. Сначала они шли бодро и сразу покрыли довольно большое расстояние, но постепенно их передвижение стало медленным и даже опасным. Болота были коварны и изменчивы, даже скитальцы не знали здесь постоянных троп. Пут-

ников замучила мошкара: она тучами носилась в воздухе, лезла в волосы, забиралась под штанины и в рукава.

— Меня живьем едят! — восклицал Пипин. — В этих Мошкариных Топях комарья больше, чем воды!

— Интересно, чем они питаются, когда не могут добыть хоббита? — спросил Сэм, расчесывая шею.

Первый день в этом отвратительном безлюдном месте дался им очень тяжело. Место для ночлега было сырым, холодным и неудобным, а ненасытные насекомые не давали спать. Вдобавок, в камышах и в осоке во множестве водились какие-то неприятные твари сродни сверчку и, по-видимому, зловредные. Всю ночь они беспрестанно зудели: «З-заедим-з-закусим!» От этого помешаться можно было, хоббиты еле выдержали.

Следующий, четвертый день пути был ненамного легче, и ночь ненамного спокойнее. «Зазуды», как их прозвал Сэм, отстали, но тучи мошкары висели над ними по-прежнему.

Когда Фродо лежал ночью на траве, усталый до того, что не мог закрыть глаза и заснуть, ему показалось, что далеко-далеко на востоке мельк-

нула вспышка, потом еще и еще — много раз. Это не мог быть рассвет, до которого оставалось еще несколько часов.

— Что там за свет? — спросил он Долгоброда, который встал и вглядывался в ночь.

— Не знаю, — ответил тот. — Очень далеко, не разберу. Как будто молния отскакивает от верхушек холмов.

Фродо снова лег, но ему еще долго виделись белые вспышки и на их фоне — высокий темный силуэт скитальца, молча вглядывавшегося во тьму. Потом он заснул неспокойным сном.

* * *

На пятый день, пройдя совсем немного, они оставили позади последние болотца и заросли камыша. Начался подъем. Вдали на востоке прорисовались крутые холмы. Самый высокий стоял отдельно от остальных. Верхушка у него была словно срезанная.

— Это гора Ветров, — объяснил Долгоброд. — Древний тракт, который мы оставили далеко справа, обходит ее с юга, почти у самого подножья. Мы туда должны дойти завтра к полудню, если никуда не свернем. Надо постараться.

— Почему? — спросил Фродо.

— Да потому что неизвестно, что мы найдем, когда доберемся туда. Там Тракт близко.

— Но мы ведь надеялись встретить там Гэндальва?

— Надеялись, но надежды совсем мало. Если он вообще пройдет здесь, он может миновать Бри и не знать, что мы тут. Встретиться мы можем, только если случайно подойдем одновременно; долго ждать друг друга и ему, и нам одинаково опасно. Раз Всадники не нашли нас в пустоши, значит, вернее всего, тоже пойдут к горе Ветров. С нее далеко видно. В этих землях полно птиц и зверей, которые тоже могут нас заметить издалека, хотя бы сейчас, когда мы так открыто стоим. Не всем птицам можно верить, а есть шпионы и похуже их.

Хоббиты с опаской покосились на дальние холмы. Сэм поднял глаза в блеклое небо, словно думал, что над ними уже летают враждебные ястребы или орлы.

— Ну, ты умеешь нагнать страху, Долгоброд! — сказал он.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Фродо.

— Наверное, вот что, — медленно и словно неуверенно ответил скиталец. — Лучше всего нам пойти отсюда на восток как можно прямее,

и выйти не к самой горе Ветров, а к цепи холмов. Там я разыщу тропу, которая подводит к горе с севера и при этом прячется за камнями. Ну и — будь, что будет!

Целый день, пока не наступил ранний холодный вечер, они шли и шли. Под ногами стало суше, растительность постепенно исчезала. На болотах позади залег плотный туман. Изредка в воздухе разносились жалобные крики незнакомых птиц. Когда круглое красное солнце скатилось в плотный сумрак на западном горизонте и наступила мертвая тишина, хоббиты подумали о том, как весело светили им когда-то в закатных лучах окна Торбы.

В конце дня им попался ручей, который сбегал с холмов и пропадал в болотистой низине. Они пошли вдоль него и, только когда стемнело, сделали привал на его берегу в чахлом ольховнике. На фоне ночного неба перед ними уже вырисовывались хмурые безлесные спины холмов.

В эту ночь они выставили часового, а скиталец, похоже, так и не ложился. Луна прибывала и всю первую половину ночи обливала землю холодным сероватым светом.

Утром с восходом вышли в дальнейший путь; было свежо, даже морозно, небо светилось блед-

ной голубизной. Хоббиты чувствовали себя бодро. Они уже втянулись в ходьбу и могли долго пробыть на ногах на скудном рационе — в Хоббитшире они сказали бы, что так можно ноги протянуть. Пипин вдруг заявил, что Фродо стал вдвое толще того хоббита, которого все знали раньше.

— Чепуха, — сказал Фродо, затягивая пояс. — От меня на самом доле намного меньше осталось. Если процесс похудения не прекратится, я стану призраком.

— Кончайте болтать об этих вещах! — неожиданно рассердился Долгоброд.

* * *

Холмы приближались, — неровная гряда высотой почти в тысячу локтей, в гребне которой были провалы и проходы, ведущие на восток; хоббиты видели заросшие развалины старинных укреплений, обомшелые остатки стен и рвов, древней каменной кладки.

К ночи они добрались до западных склонов, где разбили лагерь. Была ночь 5-го октября, прошло 6 дней от выхода из Бригорья.

Утром они обнаружили первую хорошую тропу после Криволесья. Повернув по ней вправо,

пошли к югу. Тропа хитро петляла, словно сама старалась, чтобы ее не было видно ни сверху, ни из долины. Она ныряла в провалы и овраги, прижималась к крутым склонам под карнизами, а там, где шла по ровному и более или менее открытому месту, была с обеих сторон обложена рядами крупных валунов и обтесанных камней, они скрывали путников, как хорошие заборы.

— Интересно, кто прокладывал такую тропу и зачем? — спросил Мерри, когда они пробирались по одному из таких проходов, между особенно крупными и тесно составленными камнями. — Мне это место не нравится. Какой-то могильный вид. Кстати, на этой горе есть Могильник?

— Нет. Могильников нет ни на горе Ветров, ни на соседних холмах, — ответил Долгоброд. — Нуменорцы здесь не жили. В последние годы существования их государства они защищали холмы от нападений Чернокнижника из Ангмара, но недолго. Тропу проложили, чтобы подходить к укреплениям, она шла вдоль стен. А совсем давно, когда было основано Северное Королевство, на этой горе построили большую дозорную башню и назвали ее Башней Ветров, Амон Сул. Она была разрушена и сожжена, от нее только неровное каменное кольцо осталось,

как корона на макушке старой горы. Когда-то она была высокая и красивая. Говорят, что на ней Элендил ожидал прихода Гил-Гэлада с запада. Это было в дни Последнего Союза.

Хоббиты уставились на Долгоброда. Оказывается, он знал не только тропы Дикого Края, а и древние легенды.

— Кто был Гил-Гэлад? — спросил Мерри.

Скиталец задумался и не ответил. Вдруг кто-то вполголоса проговорил:

Гил-Гэлад был эльфом и королем
Последней свободной страны.
От гор до моря арфы о нем
Поют, печали полны.

Меч разил, и копье было всех острей,
Шлем высокий ярко сверкал,
И бессчетные звезды небесных полей
Серебряный щит отражал.

Поскакал он в поход в былые года,
И не стало о нем вестей,
Потому что скатилась его звезда
В черный Мордор, страну теней.

Все с изумлением обернулись к Сэму, так как

декламировал именно он.

— Давай дальше! — сказал Мерри.

— Я дальше не знаю, — сказал Сэм, краснея. — Я это выучил у господина Бильбо, когда мальцом был. Он мне разные такие сказки рассказывал, знал, что я про эльфов слушать не устану. Он меня читать выучил. А сам каким грамотеем был! И умел сочинять *стихи*. Это тоже он сочинил.

— Он этого не сочинял, — сказал Долгоброд. — Это часть запева старинной баллады о гибели Гил-Гэлада. Она на древнеэльфийском языке; Бильбо, как видно, ее перевел. А я не знал.

— Там много было, — сказал Сэм. — Все про Мордор. Я дальше не учил, меня аж дрожь пробирала, так страшно. Никогда не думал, что самому придется туда идти!

— Идти в Мордор! — воскликнул Пипин. — Хоть бы до этого не дошло!

— Не произносите громко это название! — сказал Долгоброд.

* * *

Солнце было уже высоко, когда они, наконец, добрались до южного конца тропы и в бледном прозрачном свете увидели серо-зеленый вал, словно мост, переброшенный на северный склон

горы. Решили засветло взойти на вершину, потому что на открытом месте не спрячешься, оставалось надеяться, что ни враги, ни их шпионы за ними не наблюдают. Никакого движения на холме не замечалось. Если даже Гэндальв был где-то неподалеку, он не подавал признаков жизни.

За западным отрогом горы Ветров была небольшая котловинка, похожая на чашу с травянистыми краями. Туда даже ветер не залетал. Решили оставить там Пипина и Сэма с пони и всей поклажей, а Долгоброд, Фродо и Мерри пошли в гору. Через полчаса их проводник уже вскарабкался на самую вершину, еще через некоторое время к нему присоединились измученные и задыхающиеся Фродо и Мерри — последний участок подъема оказался крутым и каменистым.

На вершине, как и говорил Долгоброд, они увидели большое кольцо древней каменной кладки, местами разрушенное, местами заросшее жесткой травой. Но в центре были грудой навалены битые камни со следами недавнего огня — черные от копоти. Трава вокруг них выгорела до корней, а по всей площадке сморщилась, почернела и местами обгорела, будто пламя лизало всю вершину. Никаких следов живого существа

не было.

Отсюда открылся широкий вид на почти голую равнину, в которой только на юге виднелось пятно леса, а за ним блеск, будто там была вода, но очень далеко. Лента старого тракта вилась у южного подножия гор. Тракт перебегал с холма на холм, выбегал в долину и исчезал в темнеющей дали на востоке. Тракт был пуст. Предгорья казались отсюда темнобурыми, за ними поднимались серые громады, над которыми клубился туман, а из тумана и облаков, словно частокол, торчали вверх белые вершины, с трудом различимые в такой дали и высоте.

— Ну и тоска! — сказал Мерри. — Как тут неприветливо! Ни воды, ни укрытия. И ни следа Гэндальва. По-моему, он не виноват, что не дождался, — если даже приходил.

— Интересно, — задумчиво сказал Долгоброд, оглядываясь. — Если он попал в Бри через день или два после нас, то сюда он пришел бы раньше, ибо когда надо, он может ехать очень быстро. Вдруг он наклонился и посмотрел на верхний камень в груде; он был плоский и светлее остальных, без копоти. Долгоброд поднял его и стал внимательно разглядывать, вертя в пальцах.

— Его положили совсем недавно, — сказал

он. — Что ты скажешь об этих знаках?

На плоской нижней стороне камня Фродо увидел царапины:.

— Вроде, штрих, точка и еще три штриха, — сказал он.

— Левый штрих может быть руническим «Г», — предположил Долгоброд. — Видишь справа две тонкие черточки? Такой знак мог оставить Гэндальв, хотя точно сказать нельзя. Царапины тонкие и наверняка свежие. Может быть, они означают что-то совсем другое и к нам не имеют отношения. Рунами пользуются скитальцы, они иногда сюда заходят.

— А если их Гэндальв оставил, что они могут означать? — спросил Мерри.

— Я бы сказал, что написано «Г-три», — ответил Долгоброд, — и означает это, что Гэндальв был здесь третьего октября. Прошло уже три дня. Еще это может означать, что он спешил и был в опасности: написать длиннее и понятнее не успевал или побоялся. Если так, то и нам надо быть настороже.

— Хочется думать, что эти знаки нацарапал он, что бы они ни означали, — сказал Фродо. — Просто спокойнее знать, что он с нами на одной дороге, пусть впереди, пусть сзади.

— Может быть, и так, — сказал Долгоброд. — Я верю, что он здесь побывал, и думаю, что не ошибаюсь насчет опасности. Здесь бушевало пламя, — я вспоминаю огни, которые мы видели три ночи назад над восточным горизонтом. Догадываюсь, что на этой вершине на него напали, но чем кончилось, не знаю. Его здесь нет, а нам теперь надо самим поостеречься и поскорее пробираться в Райвендел.

— Как далеко до Райвендела? — спросил Мерри, уныло оглядываясь по сторонам. С верхушки горы мир казался огромным и пустынным.

— Насколько мне известно, дальше «Покинутой корчмы», что в дне пути от Бригорья, никто дорогу на восток не мерял, — отозвался скиталец. — Кто говорит, далеко, кто — близко. Странная это дорога, и каждый, кто на ней оказывается, мечтает поскорей дойти до цели, неважно, мало или много времени у него в запасе. Если бы я шел один в хорошую погоду и без помех, то мне хватило бы двенадцати дней до Брода через Гремучую, что течет мимо Райвендела, пересекая Тракт. А вместе мы будем добираться не менее двух недель, если учесть и то, что не всегда сможем идти по дороге.

— Две недели! — воскликнул Фродо. — За это

время многое может случиться.

— Может, — подтвердил Долгоброд.

Они молча постояли на вершине, у ее южного края. В этом пустынном месте Фродо впервые осознал свою безнадежную бесприютность и огромную опасность. Ну почему судьба не оставила его в мирном родном Хоббитшире! Он смотрел на проклятый Тракт, который мог ведь вести на запад, домой. И вдруг заметил на нем черные точки. Две медленно двигались с востока на запад, и еще три — им навстречу с запада на восток. Он вскрикнул и схватил скитальца за руку.

— Смотри! — сказал он, показывая вниз.

Долгоброд молниеносно бросился на землю за разбитыми камнями, увлекая за собой Фродо. Мерри шлепнулся рядом.

— Что это? — прошептал он.

— Не знаю, но боюсь, что самое худшее, — ответил скиталец.

Они медленно подползли опять к самому краю каменного кольца и стали вглядываться вдаль сквозь щели между двумя неровными камнями.

Было уже не так светло, как утром, ибо тучи, надвигавшиеся с востока, скрыли солнце, а оно и без того клонилось к закату. Они все видели черные точки, но ни Фродо, ни Мерри не могли

точно определить их форму, лишь подсознательно чувствовали, что там, внизу, по дороге к подножию горы скачут Черные Всадники.

— Да, — сказал Долгоброд, чье острое зрение исключало ошибку. — Это враги!

И они поспешно спустились по северному склону горы к друзьям.

* * *

Сэм и Пипин времени не теряли. Они осмотрели котловинку и склоны поблизости, нашли овражек с родником и около него следы не более, чем двухдневной давности. В самой котловинке были остатки костра и приметы чьей-то недолгой стоянки, а за скатившимися со склона камнями Сэм обнаружил небольшой запас аккуратно сложенного топлива.

— Интересно, не Гэндальв ли сюда приходил, — сказал он Пипину. — Тот, кто оставил дрова, наверное, собирался вернуться.

Долгоброд их открытиями очень заинтересовался.

— Надо было мне не спешить и осмотреть здесь все, — сказал он, тотчас же направляясь к роднику.

— Этого я и боялся, — сказал он, вернувшись. —

Сэм с Пипином затоптали все вокруг, земля мягкая, теперь следов не разберешь. Здесь недавно были стражи-скитальцы, дрова заготовили они. Но есть свежие следы, оставленные день или два назад тяжелыми сапогами. Следы одной пары я разглядел точно, но похоже, что их здесь было больше. И это не скитальцы.

Он замолчал и озабоченно задумался. Все хоббиты вдруг мысленно представили себе Всадников в плащах и сапогах. Если они нашли эту котловинку, то чем скорее Долгоброд уведет хоббитов отсюда, тем лучше. Сэм, услышав, что враги скачут по дороге и находятся всего в нескольких милях отсюда, недовольно оглядывался.

— Может, лучше побыстрее отсюда смыться, господин Долгоброд? — с нетерпением спросил он. — Уже поздно, и эта яма мне совсем не нравится: как-то здесь жутко.

— Да, надо немедленно что-то решить, — ответил Долгоброд, вглядываясь в небо и оценивая время и погоду. — Мне это место тоже не нравится. Но знаешь, Сэм, — проговорил он, подумав, — ничего лучшего для ночлега поблизости нет. До ночи нам нет смысла двигаться. Сейчас нас не видно, а двинемся — могут сразу заметить. Уйти отсюда можно только в сторону от наше-

го направления, отступить на север, — но там местность такая же. Чтобы укрыться в зарослях к югу отсюда, придется пересекать тракт, а за ним следят. На севере же на много миль тянется голая пустошь.

— А всадники *видят*? — спросил Мерри. — Мне показалось, что они вместо глаз пользуются носом — вынюхивают при дневном свете, что ли? А когда ты их внизу увидел, то заставил нас сразу лечь, и теперь говоришь, что если мы двинемся, нас увидят.

— На вершине я потерял осторожность, — сказал Долгоброд. — Увлекся поисками следов Гэндальва. Стоять вот так втроем наверху было ошибкой. Ибо черные кони — зрячие, и у всадников за соглядатаев могут быть разные твари и люди, как подтвердилось в Бри. Всадникам не виден светлый мир, как нам, в их сознании мы представляемся тенями и очертаниями, которые разрушает только полуденное солнце; в темноте они воспринимают формы и признаки, нам неведомые, — тогда их больше всего надо бояться. И они все время чуют живую кровь, жаждут ее и ненавидят. Кроме зрения и обоняния, у них есть иные чувства. Мы же чувствуем их присутствие, — когда мы пришли сюда, нам стало

тревожно еще до того, как мы их заметили, — а они нас чувствуют острее. Кроме того, — он понизил голос до шепота, — их притягивает Кольцо!

— Значит, спасенья нет? — сказал Фродо, испуганно озираясь. — Если я двинусь, меня увидят и догонят! Если останусь — сам их притяну!

Долгоброд положил руку ему на плечо.

— Не отчаивайся, — сказал он. — Ты не один. Будем считать приготовленное топливо хорошим знаком. Здесь не ахти какое укрытие, но огонь послужит нам и заслоном, и защитой. Саурон использует огонь в своих злонамеренных целях, как и все остальное, но эти Всадники огня не любят и боятся тех, кому он послушен. В безлюдной пустоши огонь — наш друг.

— Может быть, — пробормотал Сэм, — но зажечь огонь — это все равно, что сказать: «Мы здесь», даже кричать не надо!

* * *

В самом глубоком и укромном уголке котловинки они разожгли костер и приготовили еду. С наступлением темноты стало холодно. Хоббиты вдруг сообразили, что им ужасно хочется есть, потому что у них с самого завтрака ни крошки во рту не было; но устраивать настоящий ужин

они побоялись. Они ведь вошли в пустынные места, где обитали одни птицы и звери, негостеприимный край, покинутый всеми племенами. Стражи-скитальцы иногда сюда заходили, но их было немного, и они приходили ненадолго. Другие путники в этой местности попадались совсем редко, и чаще это были существа, с которыми лучше не встречаться. Иногда тут шатались тролли с северных отрогов Мглистого хребта. Даже по тракту почти никто не передвигался, кроме гномов, но гномы сами старались пройти тайно, не любили соваться в чужие дела, были скупы на слова и не спешили помогать незнакомым.

— Не представляю, как мы сможем растянуть запасы еды до конца, — сказал Фродо. — Последние дни мы питались скудно, и сегодняшний ужин на пир не похож; но мы съели больше, чем могли себе позволить, если впереди еще две недели пути. А вдруг и за две не дойдем?

— Еда вокруг найдется, — сказал Долгоброд. — Ягоды, коренья, травы; если понадобится, я и поохотиться сумею. До зимы не бойтесь погибнуть от голода. Плохо лишь, что собирательство и охота отнимают много времени, а нам надо спешить. Поэтому затяните пояса и утешайтесь надеждой на трапезы в Доме Элронда!

Стало еще темней и холодней.

Выглядывая из-за края котловинки, хоббиты ничего не видели: унылый серый пейзаж тонул в тенях. На небо, слегка посветлевшее, понемногу выплывали звезды. Фродо и его друзья жались к костру, закутавшись во все теплое, что у них имелось, и укрывшись одеялами. Скиталец довольствовался одним своим плащом и сидел несколько поодаль, задумчиво потягивая трубку. Наступила ночь, костер разыгрался живым огнем, и Долгоброд стал рассказывать хоббитам разные истории, чтобы отвлечь их от мыслей об опасностях. Он знал массу старинных преданий и легенд об эльфах и людях, о благородных и подлых деяниях Предначальной эпохи. Слушая его, хоббиты удивлялись и гадали, сколько ему может быть лет и откуда он все это знает.

— Расскажи нам про Гил-Гэлада, — неожиданно попросил Мерри, когда Арагорн закончил повесть о древних эльфийских королевствах. — Ты знаешь конец той старой баллады, которую переводил Бильбо?

— Конечно, знаю, — ответил Долгоброд. — И Фродо ее тоже знает, потому что эта история связана с нашим общим делом.

Мерри и Пипин посмотрели на Фродо, уставив-

шегося в огонь.

— Я знаю лишь то, что мне рассказал Гэндальв, — сказал Фродо, подумав. — Гил-Гэлад был последним великим королем эльфов в Средиземье. Гил-Гэлад на их языке означает «Звездное сияние». Вместе с Элендилом, Другом эльфов, он отправился в страну…

— Нет! — прервал его Долгоброд. — Об этом нельзя говорить сегодня ночью, когда рядом бродят слуги Врага. Если нам удастся добраться до Дома Элронда, услышите там всю историю без сокращений.

— Тогда расскажи нам что-нибудь другое о давних делах, — попросил Сэм. — Расскажи об эльфах до заката их государства. Мне бы очень-очень хотелось послушать сейчас еще об эльфах, а то темнота со всех сторон давит!

— Хорошо, я расскажу вам о Тинувьель, — сказал Долгоброд. — Расскажу коротко, потому что история эта длинная, и конца ее никто не знает. Кроме Элронда, сейчас никто не помнит, как рассказывалась она в древности. Это красивая история, хотя и печальная, как все легенды Средиземья, но может быть, она вас развлечет и подбодрит.

Он минуту помолчал, а затем, вместо того, что-

бы начать говорить, негромко запел:

Зеленые листья и стрелы трав,
Высокий болиголов...
Звездное время — час забав
Эльфов гор и лесов.
Там Тинувьель ведет хоровод —
Слышишь — флейта запела близко?
На волосах ее отблеск звезд,
И в платье — звездные искры.

Иззябший Берен спустился с гор —
Под ногами шуршали листья,
Он дошел до синих эльфийских озер,
Удивленный, остановился.
Он пришел из зимы — здесь царила весна,
В хороводе увидел деву.
Танцевала она, и волос волна
За плащом ее в танце летела.

Всю усталость сняла колдовская ночь,
Он рванулся вперед оленем —
Ветви спутались, эльфы умчались прочь,

Лунный луч заплясал над тенью.
Деву светлую в чащу унес хоровод,
И музыки смолк зов.
Берен один бесцельно бредет
Среди молчащих лесов…

И с этих пор в лесах Нельдорет
Покоя он не находит.
Не может забыть волшебный свет
И девушек в хороводе.
То блеск ему чудится вдали,
То слышится шорох шагов,
То песня доносится из-под земли,
Где вянет болиголов…

Из лесов не ушел он, а долго искал
В звездном свете и блеске светил…
Но кого — не знал, почему — не знал,
И поэтому не находил.
А однажды, когда из глухих чащ
Ветер снег выметал в апрель,
Показалось ему, что он видит плащ
Танцующей Тинувьель.

Прошла зима, и Тинувьель
Песней будит леса.
В ней Эсгальдуны журчащая трель
И птичьи голоса.
Услышал песню ее человек,
Сорвал цветок Эланор —
И узнал, что бессмертную любит навек
Рыцарь суровых гор.

Он убегающую догнал
По зову судьбы своей,
Эльфийское имя ее назвал,
Что значило «соловей».
Из самого сердца вырвался крик:
«Я у леса тебя отниму!»
И словно открылся любви родник —
Вернулась, припала к нему.

Поймала в сеть шелковистых кудрей,
В кольцо серебристых рук,
И смотрел он в бездонную глубь очей,
Словно в звезды встреч и разлук.
Им далекий путь указала судьба,

И прошли они этот путь
Через горы и долы, леса и хлеба,
По пещерам, где мрак и жуть.

Их разделяли просторы морей,
Разлучала холодная мгла, —
Ибо смертному дочь эльфийских царей
Свою красоту отдала.
Они встретились после разлук и бед,
Умерев и воскреснув вместе,
И ушли в вечный свет из лесов Нельдорет
Под листвы беспечальную песню…

Долгоброд вздохнул, опять помолчал, а потом стал рассказывать:

— Эта песня сложена по образцу эльфийских *Анн-теннат*, ее очень трудно перевести на всеобщий язык, так что вы слышали лишь неумелое эхо настоящей песни. Она рассказывает о встрече Берена сына Барахира с Лютиэнь Тинувьель. Берен был смертным человеком, а Лютиэнь — дочерью Тингола, короля эльфов Среднеземья. Это было в те дни, когда мир был молод. Ни раньше, ни позже мир не произвел на свет девушки

красивее, чем Лютиэнь. Ее красота сияла, как звезда над туманными странами севера, а лицо светилось. В те времена на севере, в Ангбанде, жил Великий Враг. Саурон из Мордора был всего лишь его слугой. Западные эльфы вернулись в Среднеземье, объявили злым силам войну, они хотели отвоевать украденные Сильмарилы. Отцы людей в Давние дни помогали эльфам. Но Враг победил, Барахир пал в бою, а Берен, избежав гибели, пробрался через Горы Ужаса в сокровенное королевство Тингола в лесах Нельдорет. И здесь увидел Лютиэнь, когда она танцевала и пела на поляне у заколдованной реки Эсгальдуны. Он назвал девушку Тинувьель, что на древнем языке означало «соловей». Потом им выпало много испытаний, и долго длилась разлука двух влюбленных, и Берен был схвачен Врагом. Тинувьель спасла его из подземелий Саурона, они вместе одолели множество опасностей и даже свалили с трона Великого Врага и вынули из его Железной Короны один из трех Сильмарилов, камень, который светился ярче двух других. Они хотели вручить его в дар королю Тинголу от дочери в день ее свадьбы. Но случилось так, что волк, прибежавший от стен Ангбанда, убил Берена. Берен умер в объятиях своей Тинувьель.

Тогда она добровольно выбрала удел смертных, согласилась умереть для мира, чтобы пойти вслед за любимым. В песне поется, что они снова встретились за Морями Разлуки и ненадолго вернулись живыми в зеленые леса, а потом вместе ушли из земных пределов в иные. Так случилось, что из всех эльфов лишь одна Лютиэнь Тинувьель умерла и покинула мир, а эльфы потеряли ту, которую любили больше всех. Но ее потомство дало начало роду властителей-полуэльфов. До сих пор живы правнуки Лютиэнь, и сказано, что ее род никогда не угаснет. Элронд из Райвенделла принадлежит к этому роду. От союза Берена и Лютиэнь родился Диор, наследник Тингола. Дочь Диора, Эльвинга Белоснежная, стала женой Эарендила. А он отчалил из земных туманов в небесные моря с камнем Сильмарилом во лбу. От Эарендила пошли властители Нуменора или Заокраинного Запада…

Долгоброд-Арагорн рассказывал, а хоббиты не сводили глаз с его необычно вдруг ожившего, освещенного красноватым отблеском огня лица. Его глаза блестели, голос звучал красиво и значительно. Над его головой сверкало звездами черное небо.

Вдруг над горой Ветров появилось свечение,

из-за горы медленно выплыла прибывающая луна, озарив все, что раньше было в тени, и звезды над вершиной и над головой Арагорна померкли. Скиталец кончил повесть.

Хоббиты зашевелились, разминая кости и потягиваясь.

— Смотрите, — сказал Мерри. — Луна высоко: наверное, поздно уже.

Все посмотрели вверх, и в ту же минуту увидели на вершине горы маленький черный силуэт на фоне луны. Может быть, просто крупный камень или скальный выступ в обманчивом мерцании ночного света? Сэм и Мерри встали и пошли прочь от огня. Фродо и Пипин остались сидеть. Оба молчали. Долгоброд всматривался в лунный свет над вершиной. Все казалось тихо и спокойно, но теперь, когда Арагорн тоже молчал, сердце Фродо сжалось от леденящего страха. Он съежился и подвинулся к огню. Тут от края котловинки прибежал Сэм.

— Я не знаю, что там, — сказал он, — но мне вдруг страшно стало. Ни за что отсюда не вылезу. Мне почудилось, что там по склону что-то ползет.

— Ты что-нибудь видел? — спросил Фродо, вскакивая на ноги.

— Нет, хозяин, ничего не видел, но я же не останавливался.

— Я что-то видел, — сказал Мерри. — Но, может быть, померещилось. Там, западнее, где тень от холмов, а за ней лунный свет. Я подумал, что там две или три черные фигуры, и что они движутся сюда.

— Все спиной к костру, ближе к огню! — закричал Долгоброд. — Взять из костра ветки подлиннее!

Они сидели, не шевелясь и не дыша, спинами к костру, настороженно всматриваясь в окружающую темноту. Ничего не происходило. В немой ночи, кажется, ничто не двигалось. Вдруг Фродо захотелось громко закричать, чтобы прервать невыносимую тишину. Он шевельнулся.

— Тс-с-с, — прошептал Долгоброд.

— Что это? — одновременно выдохнул Пипин.

И тут они скорее почувствовали, чем увидели, над краем котловинки в стороне, противоположной горе, тень, а за ней еще одну… несколько. Они изо всех сил напрягли зрение — тени словно вырастали. Вскоре сомнений не осталось: там, над склоном, стояли три или четыре высокие фигуры. Похоже, тени смотрели на хоббитов сверху. Они были так черны, что даже в густой темноте

казались черными дырами. Фродо почудилось, что он слышит шипящее ядовитое дыхание, и его пронизал холод. А тени стали медленно приближаться.

Ужасный страх объял Пипина и Мерри, и они упали ничком на землю. Сэм съежился и прижался к Фродо. Фродо был напуган не меньше своих спутников. Он дрожал, как от холода, но его страх утонул в необоримом желании надеть Кольцо. Это желание охватило его всего, он думать больше ни о чем не мог. Он не забыл ни Могильника, ни указаний Гэндальва, но что-то заставляло его пренебречь предупреждениями. Ему хотелось покориться. Это не было ни желанием спастись, ни стремлением действовать во имя добра или зла. Просто он чувствовал, что должен взять Кольцо и надеть на палец. Он онемел. Знал, что Сэм смотрит на него, будто понимает, что его хозяин в большой опасности, но повернуться к Сэму не мог. Он закрыл глаза и попробовал побороть себя, но наткнулся на неимоверное сопротивление и, наконец, медленно вытянул цепочку и надел Кольцо на указательный палец левой руки.

Тут же черные тени стали пронзительно ясными, а все остальное отступило во мглу. Теперь он увидел врагов сквозь черные балахоны. Их было

пятеро: пять высоких воинов. Двое стояли на краю котловины, трое приближались. На бледных лицах беспощадной яростью горели глаза; под плащами у них были длинные серые одежды, на сединах — серебряные шлемы; в костлявых руках — стальные мечи. Впившись в него взглядами, словно пронзая, они устремились к нему. В отчаянии он выхватил меч, и ему показалось, что он засветился красным светом, будто горящая головня. Два врага остановились. Третий был выше остальных, на его длинных, странно мерцающих волосах был шлем, увенчанный короной. В одной руке он держал длинный меч, в другой — кинжал. Клинки меча и кинжала светились бледным светом. Он прыгнул вперед и бросился на Фродо сверху.

А Фродо бросился наземь и словно со стороны услышал, как сам крикнул:

— А Элберет! Гилтониэль! — и ткнул врага кинжалом в ногу.

Пронзительный вопль вспорол темноту, и хоббит почувствовал, как его левое плечо протыкает ледяное острие. Теряя сознание от боли, он в клубящемся тумане увидел, как из темноты выскочил Долгоброд с двумя горящими ветками. Последним усилием, роняя меч, Фродо все-таки

сдернул Кольцо с пальца и крепко зажал его в правом кулаке.

Глава двенадцатая. В спешке к броду

Когда Фродо очнулся, то продолжал отчаянно сжимать Кольцо в кулаке. Он лежал у огня, высокий костер горел ярко. Трое спутников склонились над ним.

— Что произошло? Где бледный король? — спросил он испуганно.

Они так обрадовались, услышав его голос, что не сразу ответили, тем более что не поняли вопроса. Наконец ему удалось вытянуть из Сэма, что они ничего не видели, кроме надвигавшихся смутных теней. Потом на глазах Сэма его хозяин исчез, совсем рядом промчалась тень, Сэма охватил ужас, и он упал. Он слышал голос Фродо, но голос доносился из страшной дали, как из-под земли, и выкрикивал непонятные слова. Больше никто ничего не видел до тех пор, пока они не споткнулись о тело Фродо; он лежал на траве, как мертвый, лицом вниз. Долгоброд приказал им поднять его, положить у огня, а сам пропал. Времени прошло уже порядочно.

Ясно было, что Сэм опять в сомнениях насчет

скитальца; но пока они все это рассказывали, тот вернулся, внезапно вынырнул из темноты. Все вздрогнули. Сэм выхватил меч из ножен и встал над Фродо. Но Долгоброд быстро опустился рядом с ним на колени.

— Я не Черный всадник, Сэм, — мягко сказал он. — И с ними не в сговоре. Я пытался узнать, куда они делись, но ничего не обнаружил. Поблизости их присутствия не чувствуется. Не могу понять, почему они ушли, а не нападают снова.

Выслушав рассказ Фродо о том, что с ним произошло, скиталец обеспокоенно вздохнул и покачал головой. Потом велел Мерри и Пипину нагреть побольше воды и промывать рану.

— Поддерживайте огонь пожарче и грейте Фродо! — сказал он. — Потом встал, отошел и подозвал Сэма.

— Кажется, я кое-что понял, — сказал он тихо. — Похоже, врагов было всего пятеро. Почему не все оказались здесь, я не знаю, но уверен, что они не рассчитывали на сопротивление. Пока они отступили, только вряд ли далеко. Если мы не сможем бежать отсюда, завтра ночью они снова придут. Они выжидают, потому что уверены, что почти сделали свое дело, и что Кольцо теперь от них не уйдет. Я боюсь, Сэм, что они считают рану

твоего хозяина смертельной и надеются, что она подчинит его их воле. Но мы еще посмотрим!

Сэма душили слезы.

— Не отчаивайся! — сказал Долгоброд. — Верь мне. Твой Фродо сделан из крепкой глины. Я считал его слабее, хотя Гэндальв на что-то намекал. Он не убит и, наверное, будет дольше сопротивляться злым чарам раны, чем думают враги. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ему и подлечить. Охраняй его, пока меня нет!

И он быстро скрылся в темноте.

* * *

Фродо задремал, хотя рана болела все сильней и от плеча по руке и боку распространялся смертельный холод. Друзья не отходили от него, старались согреть и промывали рану. Ночь тянулась бесконечно долго. Когда серый рассвет осветил котловинку, вернулся Долгоброд.

— Взгляните! — воскликнул он, нагибаясь и поднимая с земли черный плащ, который они не заметили в темноте. В нем была резаная дыра в локте от подола.

— Это удар меча Фродо, — сказал скиталец. — Боюсь, что это единственный урон, нанесенный врагу. Меч ведь не исчез, а клинок, коснувшийся

исчадия Тьмы, обычно перестает существовать. Сильнее меча подействовало страшное для него слово «Элберет». А для Фродо самым страшным оказалось вот что!

Он нагнулся еще раз и взял с земли длинный тонкий кинжал, блеснувший холодным лучом. Они успели заметить зазубрину на лезвии и обломанный конец клинка. Но едва Долгоброд повернул клинок к свету, они с изумлением увидели, как он тает и, дымясь, исчезает в воздухе, одна рукоять осталась.

— Увы! — воскликнул скиталец. — Рану нанесли этим проклятым кинжалом. В наше время редко кто может залечить такую рану. Но я сделаю что смогу.

Он сел на землю, положил рукоять вражьего кинжала на колени и пропел над ней протяжную заклинательную песню на непонятном языке. Потом отложил рукоять, повернулся к Фродо и тихо произнес несколько слов. Из поясной сумки он вынул длинные листья какого-то растения.

— Далековато пришлось ходить за ними, — сказал он. — Это растение не встречается на каменистых холмах, я нашел его к югу от Тракта, в темной чаще, по запаху. — Он растер один лист пальцами, и в воздухе разнесся резкий, но прият-

ный аромат. — Мне повезло, что удалось найти. В Среднеземье его завезли люди с Заокраинного Запада. Они называли его *афелас*. Сейчас это большая редкость. Растет лишь в местах, где нуменорцы жили или останавливались. На севере его знают лишь те, кому приходится блуждать по безлюдным пустошам. Большая сила в нем, но полностью залечить такую рану он вряд ли сможет.

Он бросил несколько листьев в кипяток и промыл плечо Фродо. Воздух, напоенный целебным ароматом, подействовал освежающе на всех. Путники успокоились, и мысли у них прояснились. На рану отвар явно повлиял благотворно. Боль в боку Фродо ослабла, холод отступил, но рука оставалась безжизненной, и он не мог ни поднять ее, ни пошевелить ею. Он горько корил себя за глупость и слабоволие, ибо теперь понял, что, надев Кольцо, подчинился не собственному желанию, а велению воли врагов. Он испугался, что останется калекой на всю жизнь, и что теперь из-за него отряд не сможет продолжать путь. Он ведь даже встать не в силах, ослаб.

Остальные обсуждали именно это. Для начала сразу решили уйти подальше от горы Ветров.

— Теперь я думаю, что враги несколько дней

следили за этим местом, — сказал Долгоброд. — Если Гэндальв сюда приходил, то его вынудили уйти, и он, наверное, больше не вернется. После ночного нападения ясно, что опаснее всего нам оставаться здесь на ночь. Куда бы мы ни пошли, опасность будет меньше.

Как только рассвело, они наспех позавтракали и упаковали вещи. Фродо идти не мог, так что основной груз они поделили на четверых, а его самого усадили на пони. За последние несколько дней пони заметно потолстел, приободрился и явно привязался к новым хозяевам, особенно к Сэму. Наверное, Билл Хвощ ужасно с ним обращался, если даже поход через пустошь казался животному приятней домашней жизни.

Двигались они теперь на юг. Значит, в конце концов надо будет пересечь тракт, чтобы скрыться под деревьями и зажечь костер: Долгоброд все время повторял, что Фродо необходимо тепло, особенно ночью, кроме того, ночью костер мог стать защитой им всем.

Лесными тропами Долгоброд также намеревался сократить путь, срезав большую петлю тракта, который на востоке от горы Ветров сильно отклонялся к северу.

Они медленно и осторожно обошли гору с

юго-запада и ступили на Тракт. Убедившись, что Всадников не видно, быстро перебежали его, и тут же издалека до них донеслись два крика: будто один холодный голос звал, а другой откликался. Задрожав, они рванулись вперед и спрятались в зарослях. Места были глухие, троп не было, кусты и чахлые деревья росли плотными группами, оставляя открытыми большие участки. Жалкая трава была серой, колючей и жесткой, листья на кустах увяли и частично осыпались. В унылой монотонности пути даже разговаривать не хотелось. Продвигались медленно. У Фродо, ехавшего верхом на пони, душа болела при виде друзей, согнувшихся под тяжестью мешков. Они шли рядом с ним, опустив головы. Даже Долгоброд казался усталым и печальным.

Еще не закончился первый этап пути по бездорожью, а плечо у Фродо опять стало сильно болеть. Он терпел и никому не жаловался.

Еще четыре дня картина не менялась, только гора Ветров позади медленно опускалась за горизонт, а горы впереди стали чуть ближе.

После того далекого крика они больше не слышали и не видели никаких признаков погони или присутствия Черных. Больше всего путники боялись глубокой ночной темноты и ночами ка-

раулили по двое, каждый раз ожидая появления черных теней в серой мгле, озаренной туманной луной. Лишь ветер вздыхал в сухих листьях и траве, и не было ничего похожего на то ощущение близости Зла, которое охватило их там, у горы Ветров. Но надеяться, что Всадники окончательно потеряют их след, было бы неразумно. Может быть, враги выжидают и в узком месте устроят засаду?

В конце пятого дня дорога пошла на подъем и постепенно вывела их из плоской равнины. Скиталец взял курс на северо-восток, и на шестой день они уже поднялись на гребень невысокой гряды, с которой видны были горы, поросшие лесом, и вьющийся под ними Тракт. Справа неярко поблескивали серые воды реки. Где-то вдали в каменистой долине посверкивала еще одна река, полускрытая туманом.

— Боюсь, что нам ненадолго придется вернуться на Тракт, сказал Долгоброд. — Мы дошли до реки Хмурой или Серой, эльфы называют ее Митейтель. Она стекает с Эттенмура, плато троллей севернее Райвендела, а южнее впадает в Гремучую. В нижнем течении это большая река. Через нее можно перейти только по Последнему Мосту, там Тракт.

— А там дальше что за река? — спросил Мерри.

— Это и есть Гремучая, она течет через Райвендел, — ответил Долгоброд. — Ее еще зовут Бруинен. Тракт много миль идет по ее берегу, до самого Бруиненского брода. Но я пока не представляю, как мы сможем переправиться. Река за рекой! Нам очень повезет, если Мост не окажется в руках врагов.

* * *

Ранним утром следующего дня они снова спустились к тракту. Долгоброд с Сэмом вышли на него первыми, но не обнаружили никаких следов. Недавно прошел дождь, и следы могло смыть, но после дождя Всадники явно не проезжали. Долгоброд определил, что дождь шел два дня назад.

Путники поспешили вперед и через пару миль увидели впереди Последний Мост. К нему вел короткий крутой спуск. Они боялись, что вот-вот покажутся из засады черные тени, но никого не было. Долгоброд все-таки велел всем спрятаться в кустах у Тракта, а сам пошел на разведку. Вернулся он быстро.

— Никаких следов врага. Мне это кажется странным. И вот непонятный знак.

Он протянул руку — на ладони у него лежал

бледно-зеленый камень без оправы.

— Я его нашел в грязи посреди Моста, — сказал он. — Это берилл, эльфийский камень. Положили его здесь или случайно уронили, не знаю, но мне в нем блеснул луч надежды. Я принимаю его как знак, что можно идти через Мост. Но дальше открыто по Тракту идти не решусь, пока не получу другого, более определенного знака.

* * *

Они тут же вышли на Мост и спокойно перешли его. Было тихо, только под тремя громадными арками журчала вода. Потом прошли милю по Тракту и увидели слева узкое ущелье с крутыми склонами, идущее к северу. Здесь Долгоброд свернул, и вскоре путники затерялись под темными деревьями.

Хоббиты были рады, что безлесная равнина и опасный тракт остались позади; но местность, в которую они попали, встретила их неприветливо, почти враждебно. Ущелье извивалось между гор и вскоре пошло на подъем. На горных выступах и гребнях они то и дело видели сквозь деревья зловещие руины древних каменных стен и башен. У Фродо, ехавшего верхом, было время смотреть по сторонам и думать. Он вспомнил, как Бильбо

рассказывал о своем Путешествии, о мрачных развалинах башен в горах к северу от тракта, за лесом троллей, где с ним случилось первое серьезное приключение. Фродо догадывался, что они находятся в тех самых землях и, может быть, даже пройдут мимо того самого места.

— Кто живет в этих краях? — спросил он. — Кто строил башни? Это страна троллей?

— Нет! — сказал Долгоброд. — Это строили не тролли, они не умеют. Сейчас здесь никто не живет. Много веков назад жили люди, но из них никого не осталось. Есть легенды, что они предались злу, покорились Тени Ангмара и все были уничтожены в войне, в которой погибло Северное королевство нуменорцев. Но это было так давно, что даже горы их забыли, хотя Тень на этой земле осталась.

— Как ты узнал эти легенды, если земля опустела и все забыла? — спросил Перегрин. — Птицы и звери таких историй не рассказывают.

— Наследники Элендила не забывают прошедшего, — сказал Долгоброд. — И в Райвенделе помнят гораздо больше, чем я мог бы рассказать.

— Ты часто бываешь в Райвенделе? — спросил Фродо.

— Бываю, — ответил скиталец. — Я там жил

раньше, и всегда возвращаюсь, если удается. Сердце мое там, но судьба не велит мне тешиться покоем в чудном Доме Элронда.

* * *

Горы сдвигались вокруг путников. Тракт здесь еще раз сворачивал к югу, к реке, но ни его, ни реки им еще не было видно. Хоббиты вошли в ущелье, мрачное и тихое. Старые хвойные деревья взбирались вверх по крутизне, свешивая кривые корни. Хоббитов давила усталость. Они двигались медленно, потому что с трудом нащупывали дорогу среди поваленных стволов и каменных осыпей.

Старались, пока могли, не забираться высоко: во-первых, ради Фродо, а во-вторых, потому что и дорогу-то вверх найти было почти невозможно. После двух дней пути по ущелью погода сменилась. Ветер дул все время с запада, неся с дальнего моря влагу, которая выливалась на темные головы гор обильным дождем.

Под вечер путешественники промокли до нитки, а на привале отдохнуть не удалось, потому что не смогли разжечь огня. Утром горы вокруг них поднялись еще выше, и им пришлось свернуть-таки к северу от выбранного курса.

Проводник их беспокоился: прошло десять дней от спуска с горы Ветров, и запасы провианта подходили к концу. Все время лил дождь. Ночью они устроили привал на уступе под скалой, в которой нашлась небольшая выемка.

Фродо не мог заснуть. От холода и сырости рана разболелась, от шума дождя сон совсем пропал. Хоббит ворочался с боку на бок, с тревогой прислушивался к ночным звукам: ветер свистел в распадках, стучали капли дождя, гремели падающие камни.

Один раз ему показалось, что совсем не камни шуршат, а черные тени ползут к нему, чтобы украдкой его задушить. Он поднял голову, но не увидел ничего, кроме спины Долгоброда, который не спал, а сидя посасывал трубку. Фродо откинулся навзничь и заставил себя заснуть. Ему приснилось, что он идет по траве в своем саду в Торбе-в-Холме, но сад поник, заплыл туманом, деревья почти не видны, а из-за расплывчатой изгороди на него смотрят резкие черные тени.

Утром Фродо проснулся и увидел, что дождь прекратился. Небо было еще в тучах, но между ними уже появились бледные голубые полосы. Ветер сменил направление. В этот день они не стали выходить на рассвете. После завтрака,

который съели холодным и без удовольствия, Долгоброд сначала сам пошел на разведку, а хоббитам приказал ждать его под скалой. Он хотел, если удастся, взобраться на вершину и оттуда посмотреть, где дорога и что делается вокруг.

Вернувшись, он принес не слишком обнадеживающие новости.

— Мы зашли слишком далеко на север, — сказал он. — Надо искать тропу, которая сворачивает на юг. Если идти в том же направлении, мы окажемся на Плато троллей, а не в Райвенделе. Тот край мне почти не ведом. Может, нам и удалось бы, сделав круг, вернуться оттуда в Райвендел, но это в любом случае означало бы большую задержку, потому что я не знаю дороги и нам не хватило бы провизии. Так или иначе, надо искать путь к Бруиненскому броду.

Весь день они с трудом пробирались по скалам. Нашли проход между двумя горами, вышли в ложбинку, которая шла к юго-востоку, то-есть куда надо. Вечером им снова преградили путь горы: черная стена со множеством зубцов на фоне неба, похожая на пилу. Надо было поворачивать, или взбираться на гребень.

Они выбрали подъем, но это оказалось неимоверно трудно. Вскоре Фродо пришлось спешиться,

и он еле плелся, ноги его держали плохо. Много раз хоббиты теряли надежду на то, что сумеют провести пони и вообще найти тропу. Мешки давили плечи. До вершины они добрались, когда было уже почти темно. Они взошли на узкую седловину между двумя зубцами горы, перед ними был крутой спуск.

Фродо опустился на камни, его била дрожь. Левая рука не двигалась, а в плечо словно впились ледяные когти. Деревья и камни вокруг него расплывались в тумане.

— Дальше идти нельзя, — сказал Долгоброду Мерри. — Фродо это не под силу. Я ужасно за него боюсь. Что нам с ним делать? Ты думаешь, в Райвенделе, если мы туда доберемся, его смогут вылечить?

— Там посмотрим, — ответил Долгоброд. — Здесь, в дикой глуши, я больше ничего сделать не могу. Именно из-за его раны я заставляю вас спешить. Но ты прав, сегодня дальше идти нельзя.

— Что с хозяином? — спросил Сэм вполголоса, умоляюще глядя на Долгоброда. — Рана у него была маленькая и уже затянулась. На плече ничего нет, кроме белой отметины. Она холодная.

— Фродо коснулось оружие врага, — объяснил скиталец. — И сейчас на него действует яд или

колдовство, против них я бессилен. Но ты надейся, Сэм, не сдавайся!

* * *

Ночь на этой высоте была холодной. Путешественники разожгли костерок в яме под узловатыми корнями вывороченной сосны: место было похоже на старый карьер. Пронизывающий ветер дул из-за перевала. Снизу доносились скрипы и вздохи деревьев. Хоббиты тесно прижались друг к другу. Фродо лежал в полудреме: ему казалось, что над ним плещут черные крылья, на которых летят преследователи, разыскивая только его одного среди бесконечных гор.

Утро наступило ясное, воздух был чист и прозрачен, бледный свет разливался по умытому небу. Хоббиты приободрились, но им не терпелось поскорее дождаться настоящего солнца, чтобы прогреть иззябшие косточки.

На рассвете Долгоброд взял с собой Мерри и пошел разведать восточный спуск с перевала. Когда они вернулись, солнце встало. Оно светило ярко, и новости были утешительные. Оказалось, что направление они выбрали почти правильно: если сойти с перевала в долину, горы останутся слева. Долгоброд заметил вдалеке блеск реки

Гремучей и сказал, что остался последний бросок к Броду, которого отсюда не видно, потому что это все за гребнем.

— Но придется вернутся на тракт, — объявил он. — Вряд ли мы найдем тропу через горы. Как бы ни было опасно, тракт для нас — последняя надежда дойти до брода вовремя.

После завтрака двинулись. Медленный спуск по южному склону оказался легче, чем ожидали, потому что склон был не таким уж крутым. А внизу Фродо снова смог сесть на пони. Бедный пони Билла Хвоща оказался большим мастером по части отыскивания дороги и по мере возможности старался поменьше трясти седока. Настроение всего отряда улучшилось, даже Фродо слегка повеселел, хотя время от времени глаза его застилал туман, и тогда он их прикрывал здоровой рукой. Пипин шел впереди. Вдруг он обернулся и крикнул:

— Есть тропа!

Он не ошибся. Тропа вилась меж камней и деревьев, выводя через лес на противоположный склон. Местами она заросла и как будто стерлась, местами ее прикрывали осыпи, но она все-таки была. Ее проложили крепкие руки и утоптали сильные ноги. Иногда попадались давно сруб-

ленные деревья и большие камни, убранные с дороги.

Идти по тропе было, конечно, легче, но заодно и страшновато, особенно когда она нырнула в лес. Однако в лесу она стала ровнее и шире. Потом резко свернула влево, выбежала из елок, сбежала вниз и, обогнув большой валун, пошла вдоль скалы-стены, почти скрытой деревьями. В одном месте «стены» косо болталась на одной ржавой петле старая дверь. Путники остановились. За дверью, похоже, была пещера, но сколько они ни смотрели в щель, разглядеть ничего не могли. Тогда Долгоброд, Сэм и Мерри общими усилиями слегка отодвинули дверь и вошли внутрь. Почти у входа они наткнулись на кучу костей, рядом валялись огромные пустые жбаны и побитые горшки. Далеко пещера не шла, видно, это был только грот.

— Дураком буду, если это не логово троллей! — закричал Пипин. — Пошли скорей отсюда. Теперь ясно, кто тропу топтал; чем скорее мы с нее уйдем, тем лучше!

— Не спеши, — ответил Долгоброд, выходя из грота. — Это, конечно, логово троллей, но они здесь давным-давно не живут, так что бояться нечего. Пошли дальше, будьте внимательней, са-

ми убедитесь, — и повел их на спуск, в деревья.

Пипин, не желая показывать Долгоброду, что боится, пошел вперед с Мерри; Долгоброд и Сэм шли следом, ведя пони с Фродо, потому что тропа настолько расширилась, что по ней могли уже идти четверо, а то и пятеро хоббитов в шеренгу.

Вдруг Пипин и Мерри, перегоняя друг друга, бегом выскочили назад из-за поворота. Оба, по-видимому, перепугались.

— Там... тролли!.. — задыхаясь, прошептал Пипин. — Близко... внизу, на лесной поляне, три великана. Мы их из-за деревьев видели!

— Пойдем, взглянем поближе, — сказал их проводник, поднимая с земли палку.

Фродо молчал, а вид у Сэма был тоже испуганный.

* * *

Солнце стояло в зените и сквозь полуобнаженные ветки бросало на поляну яркие пятна света. Путешественники остановились за деревьями и, затаив дыхание, выглянули из-за стволов. В пляске света и тени на поляне они действительно увидели трех троллей-великанов: один из них наклонился, два стояли, глядя на него.

Долгоброд, как ни в чем не бывало, пошел

вперед.

— А ну, выпрямляйся, старый валун! — сказал он и сломал палку о спину нагнувшегося тролля.

И — ничего не произошло. Только хоббиты поперхнулись от изумления, а потом Фродо засмеялся.

— Вот как! — сказал он. — Забыли вы наше семейное предание? Это, наверное, те самые три великана, которые Гэндальв подловил, когда они спорили, как лучше приготовить ужин из тринадцати гномов и одного хоббита!

— Я не думал, что мы можем оказаться на том самом месте, — оправдывался Пипин.

Он хорошо знал эту историю. Бильбо и Фродо не раз ее рассказывали, но он, правду сказать, не очень-то в нее тогда поверил. Да и сейчас продолжал оглядываться на каменных троллей, не уверенный в том, что они вдруг не оживут от какого-нибудь колдовства.

— Ты не только семейные предания забыл, но и вообще все, что про троллей известно, — произнес Долгоброд. — Оглянись: белый день, солнце светит, а ты в панике бежишь и пугаешь остальных байкой о трех живых троллях, которые нас ждут посреди поляны! Мог бы хоть заметить, что у одного из них за ухом птицы гнездо сви-

ли, а это для живого тролля не совсем обычное украшение!

Все дружно смеялись, Фродо ожил. Его вдохновило воспоминание о том, что первое Приключение Бильбо тоже сначала было очень опасно, а потом закончилось благополучно. Да и солнце грело хорошо, а от этого туман больше не стоял в глазах.

Они отдохнули тут же на поляне и пообедали в тени самого большого тролля.

— Может, кто-нибудь споет, пока солнце высоко? — предложил Мерри, дожевав свою порцию. — Мы уже давно не слышали ни песен, ни рассказов.

— С той самой ночи под горой Ветров, — сказал Фродо. Друзья посмотрели на него.

— Мне сегодня лучше, — добавил он. — Только петь не хочется пока. Может, Сэм пороется в памяти и найдет что-нибудь подходящее?

— Ну же, Сэм! — сказал Мерри. — У тебя в голове клады, а ты скупишься!

— Ничего подобного, — ответил Сэм. — Но попробую поискать что-нибудь на ваш вкус. Есть одна песенка. Стихами это, пожалуй, не назовешь, так — шутка. Мне ее напомнили эти каменные болваны.

Он встал, заложил руки за спину, как примерный ученик в школе, и запел на известный мотив:

На камне старый тролль сидел,
Пустую кость глодал.
Уж много лет ее он ел, —
А мяса не достал,
И жил он в логове худом,
И все ворчал он со стыдом,
Что мяса не достал.

Раз мимо в новых башмаках
Том из трактира шел:
— Эй, Тролль, что у тебя в руках,
Откуда взял мосол?
И вдруг узнал, что тролль глодал
Кость дяди Тима, что лежал
Давно в гробу сыром!

— Пришлось мне кость без спросу взять,
Ее украл я, но
Чего ей век в земле лежать,
Твой дядька сгнил давно.

Другой бы вежливее был
И сам мне ногу подарил,
Ведь дядьке все равно!

В обиде Том, на тролля зол,
И в гневе он кричит:
— Ты наглый вор, отдай мосол,
Он нам принадлежит!
Пусть дядька трупом стал давно,
Но мне совсем не все равно,
Как он в гробу лежит!

Смеется тролль ему в ответ:
— Благодари, дурак,
Что кость грызу, раз мяса нет,
И что не твой мослак!
Твой дядька мне уж надоел,
А ты как раз сюда поспел —
Придешься в самый смак!

Тролль к Тому тянется, а Том,
От злости сам не свой,
Как даст по заду башмаком,
Потом как крикнет: «Ой!»

Зад оказался, как гранит,
Башмак разбит и палец сбит —
Не шевельнуть ногой!

Уж Том и охал, и кряхтел,
А троллю — нипочем.
Сидит на камне, как сидел,
Клык точит мослаком.
— Наверно, от такой еды
Твердеют тролльские зады, —
Решил бедняга Том.

Хромая, Том спустился с гор,
Едва дополз домой...
А тролль один с тех самых пор
Сидит в глуши лесной...
Так прежде, чем поднять кулак,
Ты вспомни Тома и башмак —
И думай головой!

— Ну, это для нас всех предостережение, — расхохотался Мерри. — Хорошо, Долгоброд, что ты его палкой, а не кулаком.

— Откуда ты знаешь эту песенку, Сэм? — спросил Пипин. — Я что-то ни разу ничего похожего

не слышал.

Сэм пробормотал нечто невразумительное.

— Это, наверное, его собственное произведение! — изрек Фродо. — Уже не первый раз я узнаю новенькое про Сэма Гэмджи. Сначала он оказался заговорщиком, теперь — остряком и сочинителем. Не удивлюсь, если кончишь ты колдуном или, может, воином?

— Надеюсь, что нет, — ответил Сэм. — Не хочу я становиться ни колдуном, ни воином.

К полудню они вышли на тот путь, по которому много лет назад шли Гэндальв, Бильбо и гномы. Через несколько миль Долгоброд вывел их на высокий откос над трактом.

Тракт в этом месте уходил от реки Хмурой и прижимался к горам, извиваясь в кустарнике и вересковых зарослях в узкой долине, ведущей в сторону Брода. Спускаясь по откосу, скиталец показал хоббитам камень в траве. На нем еще можно было разобрать следы рун и полустертые тайные знаки, вытесанные гномами.

— Уж не этот ли камень обозначал, где закопано золото троллей? — спросил Мерри. — Интересно, из добычи Бильбо что-нибудь осталось? Скажи, Фродо!

Фродо смотрел на камень и жалел, что Биль-

бо привез из Путешествия не только обычный безвредный клад, а и гибельное сокровище, расстаться с которым гораздо труднее.

— Ничего не осталось, — ответил он другу. — Бильбо все раздал. Сказал мне, что не может считать своим золото, которым владели грабители.

* * *

Тракт тихо дремал в вечерних тенях. Кажется, они были на нем одни. Но в любом случае выбирать не приходилось, и они спустились по откосу на дорогу, пошли по ней влево со всей возможной скоростью. Вот и солнце скрылось за высокой скалой. С гор задул холодный встречный ветер.

Они уже собирались подыскать в стороне от дороги подходящее местечко для ночлега, как вдруг услышали звук, от которого все страхи сразу вернулись: позади кто-то скакал верхом.

Они оглянулись, но ничего не увидели, потому что Тракт в этом месте несколько раз сворачивал. Поспешно сойдя с него, путники быстро вскарабкались вверх по склону, заросшему вереском и черникой, добрались до густого орешника и спрятались в нем. Тракт теперь серел в сумерках локтей на тридцать ниже.

Стук копыт приближался быстро, невидимый конь легко касался земли: цок-цок… Потом до них донесся еле слышный серебристый перезвон, его обрывал ветер.

— Кони Черных Всадников так не скачут, — сказал Фродо, прислушиваясь.

Остальные хоббиты облеченно вздохнули и согласились, но смотрели на тракт недоверчиво. Они так долго жили в страхе преследования, что любой звук казался им враждебным и зловещим. А скиталец подался вперед, нагнулся к дороге, приложив ладонь к уху, и лицо его радостно просветлело.

В наступившей полутьме негромко шелестели листья на кустах. Звон сбруи и цокот копыт слышались все явственнее. Вдруг на дороге показался скачущий рысью белый конь. Его шерсть блестела в тени светлым пятном, уздечка, украшенная живыми звездами самоцветов, переливалась и мерцала. Плащ всадника развевался за плечами, капюшон был откинут, золотые волосы шевелил ветер, и Фродо показалось, что от всей фигуры и одежды всадника исходит сияние, словно пробивается изнутри.

Долгоброд выскочил из укрытия и прыжками помчался вниз по вереску к тракту. Не успел он

добежать и крикнуть, как всадник повернул голову и натянул поводья, сдерживая коня. Заметив Долгоброда, он спрыгнул на землю и побежал ему навстречу, восклицая:

— *Аи на вэдуи, Дунадан! Маэ гованнэн!*

Его слова и чистый звонкий голос прогнали последние страхи: всадник был эльфом. Ничьи голоса так дивно не звучат. Но в возгласе слышалась тревожная нота, и с Долгобродом эльф заговорил поспешно и озабоченно.

Вскоре скиталец жестом подозвал хоббитов, они выбрались из кустов и сбежали на тракт.

— Это Глорфиндэл, он живет в Доме Элронда! — сказал Долгоброд.

— Привет тебе, рад встрече! Наконец-то! — произнес высокородный эльф, обращаясь к Фродо. — Я был послан из Райвендела искать тебя. Мы боялись, что ты попадешь в беду по дороге.

— Значит, Гэндальв уже в Райвенделе? — радостно воскликнул Фродо.

— Нет. Когда я выезжал, его не было. Но прошло десять дней, — ответил Глорфиндэл. — Элронд встревожен. Мои родичи, путешествуя по вашим землям за Берендуином, узнали, что у тебя не все ладно, и как только смогли, прислали вести. Они сообщили, что Девятеро вышли в мир,

что ты несешь великую ношу, не зная, куда, и блуждаешь без проводника, ибо Гэндальв не вернулся. Тех, кто может открыто выступить против Девятерых, даже в Райвенделе мало; но раз так случилось, Элронд выслал гонцов на север, юг и запад. Мы думали, что ты мог свернуть к пустоши, уходя от погони, заблудиться и затеряться там. Мне достался тракт. Примерно семь дней назад я перешел Мост через Митейтиль и оставил там знак. На Мосту оказалось трое слуг Саурона. Я прогнал их, они отступили к западу, и я их некоторое время преследовал. Потом встретил еще двоих, но те свернули к югу. Я стал искать твой след. Два дня назад обнаружил его у Моста. А сегодня заметил, где вы спускались с гор. Но скорее! Времени на обмен новостями у нас нет. Раз ты уже здесь, придется рискнуть и пойти по тракту. За нами пятеро. Почуяв твой след, они помчатся за нами, как ураган. Это не все. Я не знаю, где еще четверо. Боюсь, у брода нас ждет засада.

Пока Глорфиндэл говорил, вечерние тени сгущались. Фродо почувствовал, что страшно устал. Как только солнце покатилось за горы, у него перед глазами снова поплыл туман, а сейчас словно Тень пала между ним и его друзьями, он с трудом различал их лица. Снова навалилась боль, начал-

ся озноб. Его качнуло, он схватился за руку Сэма.

— Моему хозяину плохо, он ранен, — сердито сказал Сэм. — Ему нельзя ехать ночью, ему нужен отдых.

Глорфиндэл успел подхватить Фродо, заботливо взял его на руки и тревожно посмотрел ему в лицо.

Долгоброд коротко рассказал о нападении на их стоянку у горы Ветров и о смертоносном кинжале, вынул сохраненную им рукоять и протянул эльфу. Тот вздрогнул, беря ее в руки, но рассмотрел внимательно.

— На этой рукояти злодейские письмена, — сказал он. — Обычному глазу они не видны. Сохрани ее, Арагорн, до Дома Элронда. Но будь осторожен, пореже прикасайся к ней руками! Увы! Чтобы излечить рану, нанесенную таким оружием, моего искусства не хватит. Я сделаю все, что смогу, но тем более настаиваю, что сейчас некогда отдыхать.

Он ощупал плечо Фродо вокруг раны и помрачнел, словно обнаружил нечто очень тревожное. Но Фродо при этом почти согрелся, рука стала не такой ледяной, боль уменьшилась. Туман вокруг него посветлел, словно туча уплыла, он яснее увидел друзей и почувствовал, что к нему

возвращаются силы, а вместе с ними — надежда.

— Ты сядешь на моего коня, — сказал Глорфиндэл. — Я подтяну стремена к самому седлу, а ты держись крепче и не бойся: мой конь не сбросит седока, которого я прикажу ему везти. Он скачет легко и плавно, а если нагрянет опасность, он унесет тебя так быстро, что даже черные кони врагов не догонят.

— Нет, — сказал Фродо. — Никуда он меня не унесет, потому что я сам не поеду ни в Райвендел, ни в другое место, если при этом придется оставить друзей в опасности.

Глорфиндэл ответил ему улыбкой.

— Сомневаюсь, чтобы твои друзья оказались в опасности, если ты их оставишь! По-моему, преследователи оставят нас в покое, устремившись за тобой. Опасность нам грозит из-за тебя, Фродо, и твоей ноши.

Возразить было нечего, и Фродо согласился оседлать белого коня Глорфиндэла. На пони вместо него навьючили большую часть ноши остальных.

Всем стало легче идти, и они двинулись в путь довольно быстро. Но вскоре хоббитам стало трудно успевать за неутомимым эльфом, который уверенно вел их в сумерках, потом в сплошной

темноте. Не было ни звезд, ни луны. Остановиться он разрешил только на рассвете. К этому времени Пипин, Мерри и Сэм, спотыкаясь, засыпали на ходу, и даже Долгоброд устал, судя по тому, как он опустил плечи. Фродо, сидя на коне, погрузился в темную дрему.

Они упали в вереск, чуть отойдя от дороги, и заснули мгновенно. Глорфиндэл остался в дозоре, а когда он их разбудил, им показалось, что они не спали, только закрыли глаза — и уже вставать. Но солнце было высоко, ночь прошла, туман растаял.

— Выпейте! — сказал им Глорфиндэл, наливая каждому немного жидкости из кожаной фляги, отделанной серебром. Жидкость была прозрачна, как родниковая вода, и без всякого вкуса, ни теплая, ни холодная. Но, выпив, они сразу почувствовали, как по телу разливается сила и бодрость. Кусок черного хлеба и сушеные фрукты (все, что у них осталось) после такого питья утолили голод лучше, чем сытный завтрак в Хоббитшире.

* * *

Но отдыхали они, оказывается, меньше пяти часов, и вот уже снова вышли на Тракт. Глорфин-

дэл подгонял их по-прежнему, позволил лишь два коротких привала в течение дня. Так они успели до наступления темноты пройти около двадцати миль и подойти к тому месту, где тракт сворачивал вправо и по дну ущелья вел прямо к Бруиненскому броду.

До сих пор хоббиты не видели и не слышали никаких признаков погони, но Глорфиндэл часто останавливался, поджидая их, и в такие моменты прислушивался, и на лице его появлялось тревожное выражение. Раз или два он обращался к Долгоброду по-эльфийски.

Но как бы ни тревожились их проводники, а к вечеру стало ясно, что ночью хоббиты не смогут продолжать путь. Их шатало от усталости, они спотыкались и были не в состоянии думать ни о чем, кроме того, что у них болят ноги. Рана Фродо болела вдвое сильнее, чем вчера, и в белый день все вокруг казалось ему призрачно серым и расплывчатым. Он почти с нетерпением ждал темноты, чтобы не видеть пустого выцветшего мира.

* * *

На следующее утро они тронулись в путь рано: до брода было еще немало миль, и хоббиты ста-

рались ковылять как можно быстрее, чувствуя страшную усталость, которая с каждым днем накапливалась.

— У реки ждет самая большая опасность, — сказал Глорфиндэл. — Сердцем чую, что погоня близко, а перед Бродом, наверное, засада.

Дорога продолжала спускаться вниз, на обочинах местами росла густая трава, и хоббиты старались, где можно было, идти по ней, чтобы отдыхали ступни. После полудня, ближе к вечеру, они подошли к месту, где тракт внезапно нырял в густую сень высоких сосен, а затем втискивался в глубокую теснину с влажными боками из красного камня. Здесь так гулко раздавалось эхо от их шагов, что казалось, идет множество ног, обгоняя друг друга. Внезапно, словно из темных ворот, тракт вырвался на свет. Перед ними был крутой спуск, дальше около мили — ровное место перед Бруиненским бродом. За рекой подымался крутой бурый берег, по нему вилась дорога; а еще дальше громоздились на фоне гаснущего неба высокие горы, отрог за отрогом, плечо к плечу, пик за пиком.

Из ущелья еще катилось эхо, словно их догоняли собственные шаги, и шум, похожий на свист ветра в соснах. Глорфиндэл обернулся, прислу-

шался и, громко вскрикнув, бросился вперед, к Фродо.

— Лети! — крикнул он. — Спасайся! Враги догоняют!

Белый конь рванулся вперед. Хоббиты побежали вниз по Тракту. Глорфиндэл с Долгобродом прикрывали их. Не успели они преодолеть половины спуска, как услышали отчетливый стук копыт. Из теснины позади них галопом вынесся Черный всадник. Он натянул поводья, приостановил коня и качнулся в седле. За ним показался еще один, потом еще и наконец, двое.

— Скачи вперед! Скачи! — кричал Глорфиндэл Фродо.

Хоббит не слушал и медлил. Странное оцепенение овладело им. Он перевел коня на шаг и обернулся. Всадники на крупных жеребцах стояли на горе, как темные статуи, грозные и четкие, а лес, и дол, и горы вокруг него словно расплылись в тумане. Вдруг хоббит нутром понял, что это они молча приказывают ему ждать.

И тут в нем проснулся страх и одновременно гнев. Он бросил поводья, выхватил из ножен меч, сверкнувший алой молнией.

— Скачи! Скачи вперед! — кричал Глорфиндэл, потом громко и отчетливо приказал коню по-эль-

фийски: — *Норо лим, норо лим, Асфалот!*

Белый конь вихрем помчался по тракту к броду. Тут же с горы сорвались в страшной погоне черные кони. Всадники взвыли, их жуткий крик напомнил Фродо первый настоящий страх в далеком лесу Восточной чверти. На крик ответили, и к ужасу Фродо и его друзей, из-за деревьев и камней слева от тракта вылетело еще четверо Всадников. Двое помчались к Фродо, двое — бешеным галопом к Броду, ему наперерез. Ему казалось, что враги мчатся, как ветер, и одновременно вырастают и темнеют, оказываясь на той же дороге, что и он. Фродо оглянулся через плечо, но друзей не увидел. Погоня приотстала: даже их огромные жеребцы не выдержали скорости белого эльфийского скакуна. Но хоббит посмотрел вперед — и понял, что надежды нет. Он не успеет доскакать до брода — те, кто ждал в засаде, отрежут ему путь. Теперь он ясно видел их: черные капюшоны и плащи исчезли; на них были серые и белые одежды; в бледных руках — обнаженные мечи, на головах — шлемы; глаза горели холодным огнем, и они звали его жуткими голосами.

Страх проник в мозг Фродо и заполнил его всего. Он забыл про свой меч. Он даже не мог кричать, только закрыл глаза и пригнулся к конской

шее. Ветер свистел у него в ушах, серебряные колокольцы на сбруе бренчали резко и странно. Мертвящий холод пронзил его ледяным копьем, а эльфийский конь в последнем рывке белой молнией пролетел перед самой мордой черного коня. Фродо услышал, как заплескалась вода под копытами, и увидел белую пену. Потом его словно подняло — его конь вышел из реки и начал подниматься по камням на берег. Берег был крут. Брод был пройден.

Но преследователи настигали его. Поднявшись на Холм, Асфалот остановился и гневно заржал, обернувшись назад. Внизу на противоположном берегу стояли все девять Всадников, глядя на Фродо снизу вверх. От угрозы, исходившей от них, Фродо затрепетал. Больше им ничто не мешает, Брод — не преграда, они его перейдут так же легко, как и он; отсюда до Райвендела — долгий неведомый путь, пытаться уйти бесполезно, и они приказывают ему стоять, он чувствует. Ненавидя их всем существом, он не мог шевельнуться: сил не было.

Вдруг первый всадник пришпорил коня. Тронув воду копытом, конь встал на дыбы. С огромным усилием Фродо выпрямился в седле и замахнулся маленьким мечом.

— Прочь! — закричал он. — Назад в свой Мордор, оставьте меня!

Его голос был тонок, как струна, и резко отдался в собственных ушах.

Всадники на мгновенье остановились, но Фродо не обладал могуществом Бомбадила. В ответ ему раздался леденящий смех.

— Назад, к нам! — закричали они. — Мы возьмем тебя в свой Мордор!

— Уходите… — прошептал он.

— Кольцо! Кольцо! — закричали они жуткими неумолимыми голосами, и тут же их предводитель погнал коня в реку.

За ним двинулись еще два Всадника.

— Именем Элберет и прекрасной Лютиэнь! — произнес Фродо, собрав последние силы и подняв меч повыше. — Не будет вам ни меня, ни Кольца!

Предводитель Черных в середине брода грозно встал в стременах и поднял руку. Фродо замер. Язык его присох к гортани, сердце бешено заколотилось. Мечик вдруг сломался и выпал из дрожащих пальцев. Асфалот взвился на дыбы и захрапел, а первый черный конь уже занес копыто над берегом.

И тут раздался рев и грохот — оглушительный

шум потока, катящего крупные камни. Словно в тумане Фродо увидел, как река внизу вздулась, пенной конницей вздыбив волны. Ему почудилось, что там не гребни волн, а шлемы в белых перьях, белые всадники над буйными гривами белых коней. Трое Черных, не успев выйти на сушу, были сметены, исчезли в сердито грохочущей пене; оставшиеся растерянно попятились.

Теряя сознание и проваливаясь в серую мглу, Фродо услышал крики, и ему показалось, что за всадниками на том берегу он видит Белого Воина, от которого исходит свет, а за ним — маленькие неясные фигурки с красными факелами.

Черные кони ошалели, рванули и унесли седоков в поток. Душераздирающие крики потонули в грохоте реки.

Фродо понял, что падает, успел подумать, что грохочущая стихия сейчас обрушится на него и поглотит его вместе с врагами, — и больше ничего не слышал и не видел.

Летопись вторая
Глава первая. Встреча за встречей

Фродо открыл глаза — и понял, что лежит в кровати. Сначала он подумал, что проспал, и долгий неприятный сон еще держит его на границе памяти и яви. Может быть, он болел? Очень странный был над ним потолок: плоский с темными резными балками. Вставать совсем не хотелось. Фродо еще полежал, разглядывая солнечные блики на стенах и прислушиваясь: где-то рядом плескался водопад.

— Где я и который час? — спросил он, глядя в потолок и ни к кому не обращаясь.

И тут же услышал ответ:

— В Доме Элронда; сейчас утро, десять часов. Утро двадцать четвертого октября, если тебя и это интересует.

— Гэндальв! — закричал Фродо и сел в постели.

Старый маг в самом деле был рядом, в кресле у открытого окна.

— Да, это я, — сказал он. — Я здесь, и ты, к счастью, тоже, хотя с тех пор, как вышел из дому,

натворил столько нелепостей, что мог бы и не добраться.

Фродо снова откинулся на подушки. Когда так удобно и покойно, спорить не хочется, да Гэндальва и не переспоришь. Он уже совсем проснулся, и к нему постепенно возвращалась память обо всем, что случилось с ним в пути: опасный переход «напрямик» через Старый лес; «нечаянность» в трактире «Гарцующий пони»; безумие в овраге под горой Ветров, когда он надел Кольцо. Пока он обо всем этом думал и тщетно пытался вспомнить, как оказался в Райвенделе, Гэндальв молчал, только трубка его попыхивала, посылая белые колечки дыма за окно.

— Где Сэм? — после паузы спросил Фродо. — А с остальными ничего не случилось?

— Все у них в порядке, не волнуйся, — ответил Гэндальв. — Сэм все время был с тобой, я его только полчаса назад услал отдыхать.

— Что же у брода произошло? — спросил Фродо. — Там все было, как в тумане. Да и сейчас я пытаюсь вспомнить, а в глазах туман.

— Так и должно быть. Ты сам в том тумане чуть не растаял. Мог от такой раны превратиться в тень. Еще несколько часов — и мы бы тебя не спасли. Но ты силен, дорогой мой хоббит! И ге-

ройски держался в Могильнике. Ты там был на волоске от гибели. Может, то был самый опасный момент из всех. Вот если бы ты у горы Ветров выдержал и не поддался!

— А ты, оказывается, много знаешь, — сказал Фродо. — Я ведь остальным про Могильник не говорил. Сначала было слишком страшно, потом не до этого… Как ты все узнал?

— Ты много бредил, пока спал, Фродо, — мягко сказал Гэндальв. — Я без труда читал твои мысли и проник в твою память. Не волнуйся; хоть я и произнес «нелепости», я тебя не виню. Вы все молодцы, и ты, и остальные. Пронести Кольцо в такую даль через такие опасности — уже подвиг.

— Без Долгоброда мы бы не справились, — сказал Фродо. — И тебя нам очень не хватало. Я без тебя просто не знал, что делать.

— Меня задержали, — сказал Гэндальв. — Из-за этого чуть было все не погибло. Хотя, может быть, как раз наоборот: если бы меня не задержали, могло быть хуже.

— Ты мне расскажешь, что с тобой случилось?

— Всему свое время! Сегодня надо слушать Элронда: не болтать и не волноваться.

— Да ведь за разговором я от мыслей отвлекусь. Думать утомительнее, — возразил Фродо. — Я

уже совсем проснулся и помню много такого, что объяснить не могу. Почему тебя задержали? Хоть про это расскажи!

— Скоро узнаешь все, что тебя интересует, — сказал Гэндальв. — Как только поправишься, мы устроим Совет. А пока скажу только, что меня держали в плену.

— Тебя?! — воскликнул Фродо.

— Да, меня, Гэндальва Серого, — хмуро произнес маг. — В мире много сил, как добрых, так и злых. С некоторыми мне не совладать. С некоторыми я не мерялся. Но подходит мой час! Князь Моргула вывел Черных всадников через Андуин. Готовится война!

— Выходит, ты знал про Всадников — раньше, чем я их встретил!

— Конечно, знал. Даже один раз тебе о них говорил — ведь Черные всадники и есть Кольценосные призраки. Девять слуг Властелина Колец. Я только не знал, что они снова появились в нашем мире, — а то бы сам с тобой вместе тотчас бежал из Хоббитшира. Мне о них сказали в июне, когда мы расстались… Впрочем, и об этом потом. Пока мы спасены — благодаря Арагорну.

— Да, — сказал Фродо. — Нас спас Долгоброд. Я ведь сначала его боялся. И Сэм ему не доверял

— до встречи с Глорфиндэлом.

Гэндальв улыбнулся.

— Про Сэма я знаю, — сказал он. — Теперь Сэм ему крепко верит.

— Я рад, — сказал Фродо. — Потому что Долгоброд мне очень нравится. Хотя «нравится» — не то слово. Он стал мне дорог… Он, конечно, странный человек, а временами бывает угрюм и беспощаден; вообще мне кажется, что он чем-то на тебя похож. Я не знал, что огромины такими бывают. Я думал, что они — ну, просто большие и туповатые; добрые и глупые, как Медовар, или тупые и подлые, как Билл Хвощ. Правда, у нас в Хоббитшире люди почти не появляются, мы только с бригорянами немножко знакомы.

— Если ты думаешь, что старина Медовар глуп, то вы и бригорян не знаете, — сказал Гэндальв. — Для своих дел ему ума хватает. Мозги у него, конечно, поворачиваются медленнее, чем язык, но, как говорят в Бри, этот *через стену разглядит все, что выгоду сулит*. В одном ты прав: в Средиземье мало осталось людей, подобных Арагорну сыну Араторна. Род королей с Заокраинного Запада почти иссяк. Может быть, в великой Войне за Кольцо они совершат последний подвиг, и их не останется совсем.

— Так ты наверняка знаешь, что Долгоброд — из старинного рода королей? — удивился Фродо. — Я думал, они все давным-давно погибли. А его считал просто скитальцем…

— Просто скитальцем! — вскричал Гэндальв. — Милый мой, ведь стражи-скитальцы и есть дунаданы — последние северные потомки великого западного племени. Они мне помогали раньше; их помощь снова будет нужна, и очень скоро: пока мы добрались до Райвендела, но Кольцу предстоит дальнейший путь.

— Я так и думал, — сказал Фродо. — Но пока старался только сюда добраться. Надеюсь, дальше уже не я пойду. Как приятно просто отдыхать! Месяц в чужих краях и в Приключениях — этого мне уже по горло хватит.

Фродо замолчал и закрыл глаза. Потом снова заговорил:

— Я считал-считал, и у меня никак не получается двадцать четвертое октября. Сегодня должно быть двадцать первое, потому что мы вышли к броду двадцатого.

— Ты уже наговорил и навспоминал больше, чем тебе полезно, — сказал Гэндальв. — Как твой бок и плечо?

— Никак, — ответил Фродо. — Я их вообще не

чувствую, значит, лучше. — Он попробовал шевельнуться. — И рука немного двигается. Да, она оживает и уже не холодная, — добавил он, трогая левую руку правой.

— Отлично! — сказал Гэндальв. — Быстро заживает. Скоро будешь здоров. Элронд тебя исцелил: лечил днем и ночью, изо дня в день, с тех пор как тебя принесли.

— Изо дня в день? — спросил Фродо.

— Да, если быть точным, четыре ночи и три дня. Эльфы принесли тебя от Брода в ночь на двадцать первое, тогда ты и потерял счет времени. Мы ужасно за тебя боялись; Сэм от тебя сутками не отходил, отлучался только по поручениям Элронда. Элронд — мастер врачевания, но оружие Врага гибельно. Признаюсь, у меня почти не было надежды. Я подозревал, что в твоей ране оставался осколок клинка, хотя она и затянулась. До вчерашнего вечера его не могли обнаружить. Элронд его удалил, когда он уже успел далеко проникнуть и дело шло к концу.

Фродо бросило в дрожь от воспоминания о том, как кинжал с зазубренным лезвием таял в руках Долгоброда.

— Не пугайся! — сказал Гэндальв. — Его уже нет. Он истаял. А хоббиты, оказывается, не так-то

быстро тают. Многие сильные воины из огромин, кого я знал, скоро поддались бы чарам клинка, а ты носил его обломок в плече целых семнадцать дней!

— А что бы они со мной сделали? — спросил Фродо. — Что им надо, этим Черным всадникам?

— Пронзить тебе сердце обломком Моргульского оружия, оставшимся в ране. Если бы им это удалось, ты уподобился бы им, но был бы слабее и им подчинился. Превратился бы в тень в стране, где правит Черный Властелин; он бы мучил тебя за то, что ты хотел оставить себе его Кольцо. И самой страшной мукой было бы, лишившись Кольца, вечно видеть его на Черной Руке.

— Какое счастье, что я не понимал всего этого ужаса! — еле слышно произнес Фродо. — Я, конечно, до смерти испугался, но знай я больше, я бы шевельнуться не посмел. Выходит, я чудом спасся.

— Да, тебя спасло чудо… или судьба, — сказал Гэндальв. — И твоя храбрость. Клинок сразу попал не в сердце, а только в плечо, потому что ты сопротивлялся до последнего. Но ты был на волосок от гибели. Самое страшное случилось, когда ты надел Кольцо и вступил в Призрачный Мир. Ты как бы сам стал наполовину призраком, и они

могли тебя схватить. Ты видел их, а они — тебя.

— Это я знаю, — сказал Фродо. — На них смотреть было очень страшно. А почему их кони всем видны?

— Потому что они настоящие. И черные плащи настоящие: Всадники прикрывают ими свою бесплотную призрачность, когда имеют дело с живыми.

— Но почему живые кони терпят таких седоков? Все другие животные приходят в ужас, оказываясь рядом. Черных даже эльфийский конь Глорфиндэла боялся. Собаки воют, а гуси на них шипят.

— Эти кони родились в Мордоре, и их воспитывали для службы у Черного Властелина. Не все его слуги и рабы бесплотны. Среди них есть орки и тролли, волки-ворги и оборотни; в Мордоре жили и сейчас живут люди — воины и короли, они живые, но покорно выполняют злую волю. И их число все время увеличивается.

— А как же эльфы и Райвендел? Райвенделу ничто не грозит?

— Пока нет. Враг доберется до него, только когда покорит всех остальных. Эльфы боятся Черного Властелина и могут отступить перед ним, но никогда больше не станут его слушать

и ему служить. А здесь в Райвенделе еще живут его главные враги — Мудрые из древнего племени эльдар, эльфы Высокого рода из-за дальних морей. Им Кольценосные призраки не страшны, ибо выходцы из Благословенной Земли живут одновременно и в обычном, и в призрачном мире и могут побеждать как зримых, так и незримых противников.

— Мне показалось, что я видел сияющего белого воина; все остальное расплылось в тумане, а он — нет. Это был Глорфиндэл?

— Да, в то мгновение ты увидел его в том мире, в образе, не видимом живым. Он — один из Перворожденных, эльф Высокого рода королевской крови, могучий вождь. В Райвенделе, как видишь, найдутся силы, чтобы какое-то время противостоять Мордору, и в других местах подобные силы еще есть. Хоббитшир тоже сумеет сопротивляться, хотя и по-своему. Но эти силы окажутся отделенными друг от друга, как острова, если так пойдет дальше. Черный Властелин скоро пустит в ход всю свою мощь… и все же, — произнес он, вдруг вставая и задирая бороду так, что она встопорщилась, как проволочный веник, — нельзя терять мужества. Скоро ты поправишься, если я тебя не заговорю до смерти. Ты в Райвенделе и

можешь пока ни о чем не беспокоиться.

— Мужества у меня нет, так что нечего терять, — сказал Фродо. — И ни о чем я сейчас не беспокоюсь; расскажи мне только о друзьях и чем кончились события у брода. Я же тебя спрашиваю, ответь, наконец, и на сегодня хватит! Потом я еще посплю, но если ты мне все про них не расскажешь, я глаз не сомкну.

Гэндальв подвинул кресло к постели Фродо и внимательно на него посмотрел. Лицо хоббита разрумянилось, как прежде, глаза были ясны, он не выглядел ни сонным, ни больным, улыбался, казалось, с ним все в порядке. Но маг заметил, что он все-таки изменился. В нем появился некий намек на прозрачность, особенно в левой руке, лежавшей поверх одеяла.

«Этого надо было ожидать, — мысленно сказал сам себе Гэндальв. — Еще и полпути не одолел, а что с ним будет в конце, даже Элронд не предскажет. Все же я думаю, что ко Злу он не придет. Может быть, наполнится чистым светом, и те, кто умеет видеть, увидят в нем этот свет, как сквозь стенку стеклянного сосуда…»

— А ты прекрасно выглядишь, — сказал он вслух. — Я, пожалуй, рискну рассказать тебе кое-что вкратце, не спрашивая Элронда. Совсем

немножко, потом будешь спать. Как я понял, случилось вот что. Всадники помчались прямо за тобой, как только ты погнал коня вперед. Они уже не зависели от зрения коней: они видели тебя, ведь ты вступил на порог их мира. И Кольцо их притягивало. Друзья твои бросились в стороны, прочь с дороги, иначе их бы растоптали. Они знали, что если белый конь не вынесет, тебя ничто не спасет. Догнать Всадников они не могли, да и числом уступали, так что не справились бы. Без коней даже Глорфиндэл с Арагорном не одолеют отряд Девятерых.

Когда Кольценосные призраки промчались, твои друзья побежали следом за ними к реке. За дорогой возле Брода есть неглубокая ложбинка, ее прикрывают низкорослые деревья. Там они быстро разожгли костер; ибо Глорфиндэл знал, что если Всадники попытаются перейти реку, она превратится в бурный поток, и ему придется иметь дело с теми, кто останется на берегу. Когда накатила первая волна разлива, он бросился вперед, за ним Арагорн и остальные с горящими головнями. Оказавшись между огнем и водой и увидев эльфийского вождя в яростном гневе, враги растерялись, а их кони ошалели. Троих смела первая волна; остальных кони тоже понесли в

реку, и она их поглотила.

— Значит, Черным всадникам конец? — спросил Фродо.

— Нет, — ответил Гэндальв. — Лошади, наверное, погибли, это их парализовало. Но самих Кольценосцев просто так уничтожить нельзя. Правда, какое-то время их можно не бояться. Твои друзья перешли реку, когда она успокоилась. Тебя нашли на высоком берегу, ты лежал лицом вниз, под тобой был твой сломанный меч. Рядом, как часовой, стоял конь. Ты был бледен и холоден, они испугались, что ты убит или еще того хуже. Когда навстречу подошли посланцы Элронда, тебя уже бережно несли в Райвендел.

— А кто разбудил реку? — спросил Фродо.

— Элронд, — ответил Гэндальв. — Река в этой долине подчиняется ему, и если ему надо закрыть брод, она в гневе вздувается. Лишь только главарь Кольценосцев вступил в воду, река взъярилась. Ну, а я, можно сказать, добавил кое-что от себя: ты заметил, что отдельные волны вздыбились, как огромные белые кони с всадниками в сверкающих латах? И между ними катились и гремели валуны? Я даже на мгновение сам испугался, что водяное войско всех вас смоет, и подумал, не слишком ли грозную силу мы выпустили.

Вода с ледников Мглистых гор обладает великой мощью.

— Да, теперь я вспомнил, — сказал Фродо, — грохот был жуткий. Я подумал, что утону, и все остальные утонут — и враги, и друзья. Но мы все целы!

Гэндальв бросил быстрый взгляд на Фродо, но тот прикрыл глаза.

— Да, пока ты уцелел, — произнес маг. — Скоро будет пир по случаю победы у Бруиненского брода, и вас всех усадят на почетные места.

— Как чудесно! — воскликнул Фродо. — Я все время удивляюсь, что такие великие властители, Глорфиндэл и Элронд, не говоря уже о Долгоброде, столько для нас делают и так заботятся обо мне.

— Ну, на это есть причины, — сказал, улыбаясь, Гэндальв. — Одна причина — это я. Вторая причина — Кольцо: пока оно доверено тебе. Кроме того, ты наследник Бильбо, Нашедшего Кольцо.

— Любимый дядя Бильбо! Интересно, где он? — произнес Фродо сонным голосом. — Я бы хотел, чтобы он оказался здесь и все это узнал. Вот бы посмеялся! Корова на Луну… Лунарь… Бедный старый тролль… — На этих словах Фродо окончательно заснул.

* * *

Вот так Фродо оказался в безопасности в Последнем Убежище к востоку от Моря. Это Убежище было, как любил повторять Бильбо, «прекрасным местом, где можно хорошо поесть и поспать, послушать или рассказать интересную историю, попеть песни или просто посидеть и подумать, или с приятностью заниматься всем сразу». Просто быть в Доме Элронда означало избавиться от усталости, страхов и тоски.

Ближе к вечеру Фродо снова проснулся и обнаружил, что ему не хочется больше ни спать, ни лежать, зато очень хочется есть и, может быть, даже петь песни и беседовать с друзьями. Он вылез из постели. Рука двигалась и была почти такая же, как раньше. Рядом лежала чистая зеленая одежда, сшитая точно по мерке. Глянув на себя в зеркало, он поразился тому, как похудел. На него смотрел почти тот самый юнец, который любил бродить с дядей Бильбо по Хоббитширу. Но взгляд был задумчив и серьезен.

— Да, ты многое повидал с тех пор, как последний раз выглядывал из зеркала, — сказал Фродо своему отражению. — А теперь пойдем к друзьям. Веселей! — Он взмахнул руками и засвистел ка-

кую-то мелодию.

В это время в дверь постучали и появился Сэм. Он подбежал к Фродо, застенчиво остановился и, неловко взяв левую руку хозяина в свои две, покраснел. Потом погладил руку и отступил, отводя взгляд.

— Привет, Сэм! — сказал Фродо.

— Она теплая, — сказал Сэм. — Это я про вашу руку, господин Фродо. Все эти долгие ночи такая холодная была! Значит, победа! Здорово! — воскликнул он вдруг, крутнувшись на одной ноге и пританцовывая с сияющими глазами. — Ой, как хорошо видеть вас снова здоровым, хозяин! Гэндальв просил узнать, готовы ли вы сойти вниз… Я еще думал, что он шутит.

— Я готов, — сказал Фродо. — Пойдем разыщем остальных.

— Я вас к ним отведу, хозяин, — сказал Сэм. — Дом тут большой и удивительный. Все время находишь что-то новое, никогда не знаешь, что встретишь за углом. А уж эльфы! И тут эльфы, и там эльфы, везде они! Некоторые — как короли, такие великолепные, что ужас! А есть веселые, как дети. И музыка, музыка и песни везде. Времени у меня тут, конечно, не было, и настроение не то, чтобы песни слушать. Но кое-что про порядки

в этом Доме я узнал и закоулки разведал.

— Я знаю, чем ты здесь был занят, Сэм, — сказал Фродо и взял его за руку. — Но сегодня ты повеселишься и песен наслушаешься. Идем, веди меня по своим закоулкам.

Сэм провел его по коридорам, потом вниз по большой лестнице и в сад на крутом берегу реки. Друзей Фродо нашел на веранде с восточной стороны Дома. На долину за рекой легли вечерние тени, но высокие вершины гор были еще освещены. Было тепло. Громко и звонко плескали волны, шумел водопад, тонкий запах трав, цветов и деревьев был разлит в теплом воздухе, будто в саду Элронда лето задержалось.

— Ура! — закричал Пипин, вскакивая. — Идет наш благородный братец! Дорогу Фродо Торбинсу, Властелину Кольца!

— Помолчи! — отозвался из тенистой глубины веранды Гэндальв. — Зло обходит эту долину, но все равно нельзя его называть вслух. Властелин Кольца — не Фродо, а хозяин Черного Мордорского замка. Он снова простирает над миром свою тень. Мы сейчас — в крепости, но снаружи темнеет.

— Гэндальв много чего такого рассказывает, одно веселее другого, — сказал Пипин. — Он думает,

что меня надо все время одергивать. Но здесь просто невозможно быть хмурым и унылым. Я бы все время пел, если бы знал подходящие песни.

— Мне самому уже петь хочется, — засмеялся Фродо. — Хотя именно сейчас я бы лучше поел и чего-нибудь выпил!

— Скоро все получишь, — сказал Пипин. — Ты, как всегда, ухитрился встать точно к обеду.

— Будет не просто обед, а целый пир! — сказал Мерри. — Как только Гэндальв сообщил, что ты поправился, начались приготовления…

Он не успел договорить, ибо зазвенело множество колокольчиков, приглашая к столу.

* * *

Зал пиров в Доме Элронда был полон гостей: среди эльфов были и чужеземцы. Сам Элронд, по обычаю, сидел в большом кресле на возвышении во главе длинного стола. По одну сторону от него сел Глорфиндэл, по другую — Гэндальв.

Фродо смотрел и удивлялся. Элронда, о ком ходили легенды, он видел впервые. Но вот те, кто справа и слева от него… Фродо думал, что хорошо знает Гэндальва, а сейчас видел непобедимого и мудрого властителя, такого же, как Глорфиндэл.

Гэндальв был ниже ростом, чем остальные двое,

но длинные седые волосы, густая серебристая борода и широкие плечи делали его похожим на великого короля из старинной легенды. Темные глаза под белоснежными кустистыми бровями мерцали, как угли, готовые вдруг вспыхнуть.

Глорфиндэл был высок и статен. Отливающие золотом волосы обрамляли красивое лицо, голос его звучал, как музыка, проницательные глаза светились умом и отвагой: чувствовалось, что он молод, силен и весел.

Лицо Элронда было ни молодым, ни старым: лицо без возраста, лишь память радостных и печальных событий наложила на него свою печать. Темно-пепельные волосы, словно тени в сумерках, были схвачены серебряным обручем, в серых глазах мерцал свет — как звезды в ясный вечер. Он был и достойным Королем, прожившим много зим, и могучим испытанным воином в полной силе. Хозяин Райвендела, повелитель эльфов и людей…

В середине стола у стены, затянутой тканями, в кресле под балдахином сидела красавица, настолько похожая на Элронда, что Фродо угадал между ними близкое родство. Она была молода, но трудно было назвать ее юной. Шелковые пряди темных волос не тронул иней, лицо было ясным

и свежим, руки — белыми, кожа — гладкой, звездный свет излучали ясные глаза, светло-серые, как безоблачный вечер. При этом она покоряла всех истинно королевской осанкой, в ее взгляде были мудрость и знание, которые приносят только годы. В шапочке из серебряных шнурков посверкивали белые алмазы, но единственным украшением серого платья из мягкой ткани служили чеканные листья на тонком серебряном пояске.

Так Фродо оказался одним из немногих смертных, увидевших дочь Элронда Арвен, о которой говорили, что в ее образе вернулась на землю Лютиэнь. Ее прозвали Ундомиэль, ибо она была Вечерней Звездой своего народа. Она долго жила на родине матери, в Лориэне за Мглистыми горами, лишь недавно возвратилась в дом отца, в Райвендел. А ее братья, Элладан и Элрохир, были в походе — они часто уходили далеко на север со стражами-скитальцами, потому что поклялись мстить оркам за муки матери, попавшей однажды в плен в их пещеры.

Фродо никогда в жизни не видал красоты, подобной Арвен, и вообразить не мог. Он был смущен и ошеломлен тем, что его посадили за один стол с Элрондом и столь высокими гостями.

Ему приготовили удобное сиденье с несколькими подушками, чтобы быть выше, но он сразу почувствовал себя ничтожно маленьким и не на своем месте. Правда, довольно быстро он освоился. На пиру было весело, а еда оказалась необыкновенно вкусной, и голодный хоббит увлекся ею так, что не скоро снова оглянулся и обратил внимание на сотрапезников. Сначала он отыскал взглядом друзей. Сэм очень просил разрешения прислуживать хозяину, но ему сказали, что на этот раз он почетный гость. Фродо видел, как он сидел вместе с Пипином и Мерри во главе одного из боковых столов недалеко от возвышения. Но Долгоброда на пиру не было.

Соседом Фродо справа был важный и богато одетый гном с очень длинной белой бородой, двумя клиньями лежавшей на совершенно белоснежном одеянии. На нем был серебряный пояс, а в серебряную цепь-ожерелье были вправлены алмазы. Фродо перестал есть, чтобы рассмотреть его получше.

— Приветствую тебя, рад встрече! — сказал гном, поворачиваясь к нему. Потом встал, отвесил поклон, произнес: — Гном Глоин. Готов служить! — и поклонился еще ниже.

— Фродо Торбинс. Тоже к твоим услугам и к

услугам твоих родичей, — ответил Фродо, как и следовало отвечать, с удивлением поднимаясь и разбрасывая при этом подушки. — Я не ошибся, ты — *тот самый* Глоин, один из двенадцати спутников знаменитого Торина Дубощита?

— Именно так, — ответил гном, собирая упавшие подушки и учтиво помогая Фродо снова сесть. — Я о тебе не спрашиваю, потому что мне уже сказали, что ты родич и приемный наследник нашего достославного друга Бильбо. Прими мои поздравления с выздоровлением!

— Большое спасибо, — ответил Фродо.

— Я слышал, что ты попал в весьма странные Приключения, — сказал Глоин. — Интересно, что заставило *четверых* хоббитов пойти в такой дальний путь? С тех пор как Бильбо ходил с нами, ничего подобного не случалось! Но, может быть, я не имею права столь подробно расспрашивать? Похоже, что Элронд и Гэндальв предпочитают об этом не разговаривать.

— Я думаю, что и нам не следует, во всяком случае, пока, — вежливо ответил Фродо. Он догадался, что даже в Доме Элронда не стоит распространяться о Кольце, и ему самому хотелось на время забыть о своих невзгодах. — Признаюсь, что и мне, — добавил он, — интересно было бы

знать, зачем столь почтенный гном пустился в такое дальнее путешествие из Одинокой горы?

Глоин взглянул на него.

— Если тебе еще ничего не сказали, то давай пока помолчим об этих делах. Достойный Элронд скоро нас всех созовет, и тогда мы все услышим и все узнаем. Можно побеседовать о другом.

И они беседовали до конца пира, но Фродо больше слушал, потому что Хоббитшир и все в нем, что не касалось Кольца, казалось ему теперь далеким и незначительным, а Глоину было что рассказать о событиях на севере Дикого Края. Фродо узнал, что землями между Мглистыми горами и Темнолесьем правит теперь Гримбеорн Старый, сын Беорна, повелитель большого сильного племени, и в его владения ни орки, ни волки не осмеливаются заходить.

— В самом деле, — рассказывал Глоин, — если бы не племя Беорна, по дороге из Дейла в Райвендел уже давно нельзя было бы ходить. Они храбрые воины, благодаря им свободен перевал и брод у скалы Стоянки. Пошлины у них, правда, высокие, — добавил он, качая головой, — и, как некогда старина Беорн, гномов они недолюбливают. Но им можно верить, а это уже много в наши дни. Лучше всех к нам относятся люди из Дейла.

Бардинги — достойный народ. Там правит король Бранд сын Бейна сына Барда Лучника. Он крепко сидит на троне, и в его королевство теперь входит Эсгарот на Долгом Озере и земли далеко на юг и восток от него.

— А как живет твой народ? — спросил Фродо.

— О нас можно много порассказать и хорошего, и плохого, — сказал Глоин. — Хорошего, однако, больше: пока нам везет, хотя Тень и до нас дотягивается. Если ты в самом деле хочешь знать о нас, я с радостью все тебе расскажу. Только, когда устанешь слушать, прерви меня. Говорят же, что *гнома в работе не догонишь, а в разговоре о своих делах не остановишь*.

И Глоин стал рассказывать о гномьем королевстве долго и подробно. Он был счастлив, что его с таким вниманием слушают, ибо Фродо не уставал выказывать свою заинтересованность и не пытался сменить тему разговора, хотя довольно скоро потерял основную нить из-за сыпавшихся на него незнакомых имен и странных названий. Ему, правда, было очень интересно узнать, что Подгорным гномьим королевством по-прежнему правит Даин, который сильно постарел (ему исполнилось двести пятьдесят лет), но еще силен и сказочно богат. Из десяти участников Похода

Торина, оставшихся в живых после битвы Пяти воинств, семеро живут с ним в Эреборе: Двалин, Глоин, Дори, Нори, Бифур, Бофур и Бомбур. Бомбур так растолстел, что сам не может дойти от дивана до стола, — и чтобы сдвинуть и поднять его, приходится звать шестерых молодых гномов.

— А что случилось с Балином, Оином и Ори? — спросил Фродо.

— Неизвестно, — лицо Глоина потемнело. — Именно из-за Балина я здесь. Я пришел в Райвендел за советом. Но давай сегодня говорить о более веселых вещах.

Глоин заговорил об искусных гномах-ремесленниках и поведал Фродо об их великих трудах в Эреборе и Дейле.

— Мы хорошо потрудились, — сказал он. — В работах по металлу, однако, гномы уже не такие искусники, какими были их отцы. Многие секреты утеряны. Мы делаем отличные доспехи и острые мечи, но наши кольчуги уже не столь прочны, а клинки не так остры, как те, что ковались до прихода Дракона. Старину мы превзошли лишь в строительстве и горном деле. Увидел бы ты водопровод в Дейле, Фродо! А пруды, а башни на Горе! Если бы ты прошел по мощеным цветными камнями дорогам и заглянул в пещерные

улицы, переходы и подземные залы с арками в виде каменных деревьев, постоял бы под башнями на террасах! Ты бы убедился, что мы даром времени не теряли!

— Постараюсь увидеть и убедиться, если смогу приехать, — сказал Фродо. — Вот бы радовался и удивлялся этим переменам дядя Бильбо! Он ведь знал ваш край, опустошенный Драконом.

Глоин посмотрел на Фродо и улыбнулся.

— Ты его любил, правда? — спросил он.

— Да, — ответил Фродо. — Я бы не стал смотреть ни на какие дворцы, если бы вместо этого мог его увидеть!

* * *

Между тем пир подошел к концу. Элронд и Арвен, встав из-за стола, направились к выходу из зала, а гости последовали за ними. Через распахнутые двери они прошли в широкий коридор, а затем в следующий зал, где не было столов, но ярко горел большой камин, обрамленный резными колоннами.

Фродо оказался рядом с Гэндальвом.

— Это Каминный зал, — сказал маг. — Здесь поют песни и рассказывают разные истории. Ты услышишь их, если не заснешь. В камине

круглый год поддерживается огонь, другого освещения здесь почти нет. В обычные, не торжественные дни зал бывает пуст — сюда приходят лишь те, кто хочет в покое посидеть и подумать.

Когда Элронд прошел к приготовленному для него сиденью, эльфы-менестрели заиграли, зал наполнился нежной музыкой. Постепенно сходились гости, и Фродо радостно разглядывал удивительно красивые и веселые лица, оживленные ясные глаза, золотистые отсветы каминного огня на волосах. Вдруг он заметил за камином у колонны маленькую темную фигурку: кто-то сидел на табурете, опершись о колонну и опустив голову на грудь. Его лицо прикрывала складка плаща, а рядом на полу стояла чашечка с питьем и лежал недоеденный ломтик хлеба. Фродо подумал, что бедняга, наверное, болен и не смог пойти на пир, — но неужели в Райвенделе болеют?

Элронд сделал несколько шагов вперед и остановился перед сидящим.

— Проснись, маленький друг! — ласково сказал он. Потом, обернулся к Фродо, жестом подозвал его. — Вот, наконец, пришел твой долгожданный час, Фродо. Это тот, по ком ты давно скучаешь.

Тот, кто сидел у камина, поднял голову и открыл лицо.

— Дядя Бильбо! — вскричал, узнав родича, Фродо и бросился к нему.

— Привет, Фродо-малыш, — сказал Бильбо. — Наконец-то ты здесь. Я верил, что тебе это удастся. Ну-ну! Мне говорили, что весь этот праздник в твою честь. Надеюсь, тебе понравилось?

— Но почему тебя там не было? — воскликнул Фродо. — И почему мне не разрешили встретиться с тобой раньше?

— Ты ведь спал. А я на тебя смотрел, и подолгу. Каждый день сидел возле тебя вместе с Сэмом. А пир… так я теперь почти не хожу на пиры. И в этот раз были другие дела.

— Какие?

— Посидеть, подумать. Я сейчас много сижу и думаю, в этом зале лучше всего получается… А ты говоришь «проснись»! — сказал он, скосив глаза на Элронда. Фродо заметил в его взгляде веселую искорку и не увидел никаких признаков сонливости. — «Проснись!» Я не спал, почтенный Элронд. Если хочешь знать, вы все ввалились сюда после пира слишком рано и помешали мне, — я застрял на середине песни. У меня почему-то не складывается пара строчек, я про них думал. Теперь вряд ли что-нибудь выйдет. Здесь сегодня так запоют, что я все на свете забуду. Придется просить Дуна-

дана помочь. Где он?

Элронд рассмеялся.

— Он найдется, и вы с ним отыщете укромный уголок, чтобы завершить твою песню, — сказал он. — Потом ты споешь ее нам еще до конца веселья, а мы оценим.

На поиски друга Бильбо, которого никто не видел за столом, побежали посыльные.

Тем временем Фродо подсел к Бильбо, подошел Сэм и устроился рядом. Они так увлеклись разговором, что перестали замечать веселый шум и музыку в зале. У Бильбо новостей было немного. Когда он ушел из Хоббиттауна, ясной цели у него не было, он побродил туда-сюда, но почему-то все время сворачивал к Райвенделу и в конце концов оказался здесь.

— Сюда я добрался, можно сказать, без приключений, — говорил он. — Отдохнул, потом пошел с гномами в Дейл: это было мое последнее путешествие, больше я никуда не пойду. Старина Балин оттуда ушел. Я вернулся и живу здесь. Кое-что успел сделать. Книгу понемножку заканчиваю. Песни сочиняю. Эльфы иногда их поют, — по-моему, чтобы меня не огорчать, потому что мои сочинения, конечно, недостаточно хороши для Райвендела. А я слушаю эльфов и думаю. Здесь

время будто не течет — и все не Было и Будет, а просто Есть. Удивительный Дом.

Мне все новости рассказывают; вести приносят из-за гор и с юга, только про Хоббитшир почти ничего не слышно. Про Кольцо я, конечно, знаю. Гэндальв часто сюда приходит. Он особо не распространялся, вообще в последние годы стал очень скрытным. Дунадан рассказал мне больше. Только подумаю, сколько хлопот причинило всем мое Колечко! Жаль, что Гэндальв не разгадал его раньше… Я мог бы сам принести его сюда давным-давно, никто бы так не волновался. Я даже пару раз думал, не вернуться ли за ним в Хоббиттаун, но я постарел, и Элронд с Гэндальвом меня не пустили. Они, кажется, уверены, что Враг именно меня разыскивает на земле и под землей, и что если я объявлюсь, от меня мокрое место останется. А Гэндальв мне сказал: «Кольцо от тебя уже ушло, Бильбо. Если опять ввяжешься в это дело, всем будет плохо». Странное замечание, как раз в духе Гэндальва. Но он сказал, что присматривает за тобой, так что я не стал вмешиваться. Ужасно рад видеть тебя живым и здоровым… — Бильбо вдруг сделал паузу и с сомнением поглядел на Фродо. — Оно у тебя здесь? — спросил он шепотом. — Я столько всего про него слышал, что мне

опять интересно. Хоть бы одним глазком еще раз на него посмотреть!

— Да, оно у меня, — ответил Фродо так неохотно, что сам себе удивился. — Оно совсем не изменилось.

— Я бы только одним глазком, — повторил Бильбо.

Когда Фродо одевался, он обнаружил Кольцо у себя на груди на легкой, но очень прочной новой цепочке. Теперь он медленно его вытащил. Бильбо протянул руку. Но Фродо быстро отпрянул и отдернул руку с Кольцом.

Между хоббитами словно опустилась прозрачная завеса, и сквозь нее на потрясенного Фродо смотрел не Бильбо, а сморщенный карлик с алчным взглядом и трясущимися костлявыми руками. Фродо захотелось ударить его. Музыка и песни вокруг них вдруг смолкли, все заглохло. Бильбо бросил быстрый взгляд на лицо Фродо и провел рукой по глазам.

— Теперь я понимаю, — сказал он. — Спрячь его! А меня прости. Прости за то, что тебе досталась такая ноша. Мне очень жаль, что все так вышло. Неужели все Приключения бесконечны? Наверное. Всегда кому-то надо продолжать. С этим ничего не поделаешь. Хотел бы я знать,

стоит ли вообще кончать мою книгу?.. Но давай пока забудем об этом. Теперь я хочу услышать самые настоящие новости: расскажи мне все-все про наш Хоббитшир!

* * *

Фродо спрятал Кольцо, и Тень исчезла, почти не затронув память. Их снова окружали свет и музыка Райвендела. Фродо рассказывал, Сэм то и дело вмешивался и уточнял, Бильбо завороженно слушал и счастливо улыбался: любая весть из Хоббитшира, будь то срубленное деревце или шалость малыша, была ему необыкновенно интересна. Увлеченно обсуждая все, что происходило в каждой чверти Хоббитшира, хоббиты не заметили, как к ним подошел рослый человек в темно-зеленом плаще и довольно долго стоял рядом, наблюдая за ними и улыбаясь.

Но вот Бильбо поднял голову.

— Наконец ты здесь, Дунадан! — воскликнул он.

— Долгоброд! — удивленно ахнул Фродо. — Оказывается, у тебя много имен?

— Долгоброд? — сказал Бильбо. — Этого я еще не слышал. Почему Долгоброд?

— Так меня в Бри зовут, — смеясь, ответил Ара-

горн. — И так меня ему представили.

— А почему ты его зовешь Дунадан? — спросил Фродо.

— Потому что он — дунадан, — ответил Бильбо. — Его здесь так обычно называют. А я-то думал, ты хорошо знаешь эльфийский! Дун-адан, человек с Запада, нуменорец. Ладно, сейчас не до уроков. — Бильбо повернулся к Долгоброду. — Где ты пропадал, друг? Почему не был на пиру? Там была госпожа Арвен.

— Я знаю, — Долгоброд хмуро взглянул на Бильбо. — Но мне часто приходится отказываться от удовольствий. Элладан с Элрохиром неожиданно вернулись из Диких Земель, принесли вести, которые я хотел немедленно услышать.

— Но, дорогой друг, — сказал Бильбо, — теперь ты все услышал, удели мне минутку! Мне срочно нужна твоя помощь. Элронд просит закончить песню до конца праздника, а я застрял. Отойдем в уголок и доведем ее до конца!

— Пошли! — улыбнулся Долгоброд. — Послушаем, что ты напридумывал.

* * *

Бильбо с Долгобродом ушли, а Фродо был предоставлен самому себе, потому как Сэм заснул.

Вокруг было много народу, но хоббиту стало одиноко. Все молча слушали музыку и песни менестрелей и ничего вокруг, казалось, не замечали. Фродо тоже стал слушать.

Красота мелодий и вплетенных в них слов эльфийского языка заворожили его сразу, как только он к ним прислушался, хотя смысла он почти не улавливал. Просто ему казалось, что музыка и слова обретают очертания живых существ и видений чужедальних земель и невообразимо прекрасных вещей. Освещенный каминным пламенем зал словно наполнился золотистым туманом, и за этим туманом у края мира вздыхало пенное Море; завороженность переходила в сон, и вот уже Фродо окунулся в бесконечную сновиденную реку, текущую золотом и серебром и такими сокровищами, что их даже вообразить было трудно; река слилась с разлитой в воздухе музыкой, Фродо весь наполнился ею и утонул в этой музыке и в дивных видениях.

Он долго бродил по стране снов под чарующие мелодии, но музыка вдруг превратилась в журчание воды, а потом зазвучала словами. Кажется, это был голос Бильбо. Сначала ухо Фродо не улавливало слов, потом они стали громче и яснее. Вот что пел Бильбо.

Моряк в Арверниэне жил,
Эарендил отважный,
И в необычный путь решил
Отправиться однажды.
Ладью-красавицу себе
Построил в Нимбретиле
И вверил паруса судьбе —
Серебряные крылья.

Герой в доспехи был одет
Из крепкого металла,
Был тайный знак в его щите,
Чтоб отводить удары;
Был стрел эбеновых колчан,
Лук из рогов дракона;
Из пышных перьев был султан,
Что делал шлем — короной.
Алмаз во лбу его горел,
А изумруд — в кольчуге…
Кораблик лебедем летел
В свой трудный путь и чудный.

Он далеко и долго плыл

Безвестными путями,
Где только месяц свет свой лил
Над черными волнами;
Во льдах у северных твердынь
Едва избегнув смерти,
Поплыл на юг, где жар пустынь
Шлет в море злые смерчи…
Плыл мимо черных берегов
В беззвездном Море темном,
И заблудился меж валов
Во мраке том огромном.

Волна корабль перевернуть
Грозилась то и дело,
Уж, обезумев, повернуть
К родной земле хотел он.
Порвать не в силах злую тьму,
Ладья, как лебедь, билась…
Эльвинга с облаков к нему
Свечой в ночи спустилась
И, Сильмарилом увенчав,
На Запад указала.
Отныне, страхи отогнав,

Он не бросал штурвала.

Иного мира грозный шквал,
На утре Тарменела
Взревел и паруса порвал —
Вновь буря загремела.

Ладья стонала, ветер выл,
Но луч от Сильмарила
Все ярче через мрак светил
В пути Эарендилу.

Сквозь тьму корабль его прошел
Над страшною пучиной,
Где в пенных гребнях черных волн
Прадавний берег сгинул.
Он избежал враждебных чар,
И Море переплыл он.
Зеленый дивный Эльдамар
Судьба пред ним открыла.
Он к Белой Гавани пристал,
Где вечно светит лето,
И чудный берег просиял,
Как россыпь самоцветов.

Жемчужный с золотом песок
Волна перебирала.
Был остров зелен и высок,
На нем Гора стояла:
В недосягаемую высь
Вершина возносилась.
Был воздух Ильмарина чист,
И озеро светилось.
Огнями башен озарен,
В преддверьи Валинора
Стоял эльфийский Тирион,
Вечновечерний город.

Был встречен Мудрыми герой,
Что знанье сохранили.
Играть на арфе золотой
Они его учили.
Там в тайны был он посвящен,
Неведомые смертным,
И вечный Калакирион
Прошел тропой заветной.
Ему светили семь огней,
Он шел в одежде белой

И короля из королей
Узрел на троне древнем.
Он услыхал беззвучных слов
Таинственное пенье
И увидал иных миров
Запретные виденья.
Сверкнув, за годом падал год
В недвижимое Время.
Узнал он все про свой народ,
Людей и эльфов племя…

Ладью построили ему
Из чистого мифрила.
Ей весла были ни к чему —
Без парусов ходила.
Но Элберет ей два крыла
Дала, чтоб в небе реять,
И вместо знамени зажгла
Живой огонь на рее.
Был фонарем ей Сильмарил —
И смело встав к штурвалу,
Моряк заклятье повторил,
Что Элберет сказала:

«За Солнце и за Лунный свет
Лететь быстрее ветра,
Туда, где нет ни дней, ни лет,
Ни берегов, ни света!»

До края мира он летел,
Горя, как факел звездный;
Когда ж вернуться захотел,
Увы! Уж было поздно.
Ладью он дерзко повернул
И стал герольдом света.
Звездой над Норландом блеснул
Задолго до рассвета.
Свой дом увидеть захотев,
Летел все вдаль и выше,
Но только плач эльфийских дев
Из давних лет услышал.

Заклятья сила жестока:
«По поднебесным весям
Лететь до той поры, пока
Не побледнеет Месяц,
Не знать ни гавани родной,

Ни отдыха, ни срока,
И между Солнцем и землей,
Горя, лететь высоко!»

Песня смолкла. Фродо открыл глаза и увидел Бильбо на табурете в кругу слушателей, которые улыбались и хлопали в ладоши.

— А теперь еще раз сначала! — сказал один из эльфов.

Бильбо встал и поклонился.

— Мне льстит твое пожелание, Линдир, — сказал он, — но всю песню повторять будет скучно.

— Только не тебе, — смеясь, ответил эльф. — Тебе же читать свои стихи никогда не надоедает. Но, правду сказать, об авторстве с одного раза судить трудно.

— Что? — воскликнул Бильбо. — Ты не можешь отличить мои куплеты от сочиненных Дунаданом?

— Нам трудно определить разницу между двумя смертными, — сказал эльф.

— Чепуху говоришь, Линдир, — сказал Бильбо. — Если ты не можешь отличить человека от хоббита, где же твой прославленный ум? Они ведь так же не похожи, как бобы и яблоки!

— Может быть, — рассмеялся Линдир. — Овца

овцу в отаре отличает, и пастух их всех знает. Но мы не занимались изучением смертных. У нас другие дела.

— Не буду спорить, — ответил Бильбо. — От такого количества музыки и песен меня уже в сон клонит. Сам отгадывай, если хочешь.

Бильбо еще раз встал и подошел к Фродо.

— Ну вот, я кончил, — шепнул он. — Прошло гораздо лучше, чем я ожидал. Не так уж часто меня просят повторить песню. А ты что скажешь?

— Не берусь судить, — улыбнулся Фродо.

— И не надо, — сказал Бильбо. — Правду говоря, я всю эту песню сам придумал. Арагорн только настоял, чтобы добавить про изумруд. Ему кажется, что это очень важно, но я не знаю, почему. Он сразу еще сказал, что я взялся за трудную задачу, и если осмелюсь петь про Эарендила в Доме Элронда, то сам за это буду отвечать. Наверное, он прав.

— Не знаю, — ответил Фродо. — Мне твоя песня кажется очень подходящей, хотя не могу сказать, в чем тут секрет. Когда ты начал, я еще не совсем проснулся, и мне казалось, что сон продолжается. Я не сразу понял, что это ты поешь, только в конце.

— Да, чтобы не заснуть под здешние песни,

надо привыкнуть, — согласился Бильбо. — Но, пожалуй, хоббиты не могут так, как эльфы, полюбить музыку, стихи и легенды. Эльфам песни нужны, как еда, или даже больше. Здесь сегодня еще долго будет музыка. Как ты смотришь на то, чтобы улизнуть отсюда в тихое место и поболтать без помех?

— А можно? — спросил Фродо.

— Конечно. Это же не работа, а праздник. Уходи и приходи, когда хочешь, только не шуми.

* * *

Хоббиты встали и тихонько направились к выходу. Сэм мирно спал и улыбался во сне, его решили не трогать. Фродо очень хотелось побыть наедине с Бильбо, но все же, выходя из Каминного зала, он почувствовал сожаление. Когда они переступили порог, звонкий голос взвился над остальными, начав новую песню:

А Элберет! Гилтониэль!
Силиврен пэнна мириэль,
О менел аглар эленат!
На-кэард палан дириэль
О галадреммин эннорат,

Фануилос, ле линнатон,
Нэф эар, си нэф эарон!..

Фродо задержался на пороге и оглянулся. Элронд сидел в кресле, и отблески огня играли на его лице, словно летнее солнце в кроне мощного дерева. Рядом с ним сидела Арвен. Фродо с удивлением увидел, что возле нее стоит Арагорн. Он откинул темный плащ, под ним оказалась эльфийская кольчуга, и на груди, как звезда, сверкал камень. Он был занят разговором с Арвен, и вдруг хоббиту показалось, что Арвен оборачивается к нему и издалека посылает луч ясного взгляда прямо в его сердце.

Он замер, очарованный, а нежные слова эльфийской песни звенели, будто сверкающие алмазы скатывались в ручей.

— Это песня об Элберет, — сказал Бильбо. Они споют о ней, а потом будут петь о Благословенной Земле еще много раз и долго-долго. Идем!

Бильбо привел Фродо в свою комнатку. Ее окно выходило на юг — в сад и на речку Бруинен. Хоббиты сидели у открытого окна, глядя на яркие звезды над дальним лесом и горами, и разговаривали… Не о далеком Хоббитшире, и не о зловещей Тени, и не о подстерегающих их опасностях, а обо

всем прекрасном, что видели в мире: об эльфах, о звездах и деревьях, о ласковой осени, тихо входящей в лес…

* * *

В дверь постучали.

— Прошу прощения, — сказал Сэм, всовывая голову в комнату. — Я хотел узнать, не нужно ли вам чего?

— По-моему, я должен просить прощения, Сэм Гэмджи, — ответил Бильбо. — Вероятно, ты хотел нам напомнить, что твоему хозяину пора спать?

— Да, потому что я слышал, что завтра с самого утра Совет, а он сегодня первый день на ногах.

— Правильно, Сэм, — улыбнулся Бильбо. — Топай к Гэндальву и скажи, что Фродо пошел спать. Доброй ночи, Фродо! Ах, как здорово, что мы встретились! По-моему, никто на свете не умеет так занимательно поддерживать беседу, как хоббиты из Хоббитшира. Но я старею и начинаю бояться, что не увижу, как ты будешь вписывать в нашу Книгу главы о своем Путешествии. Спокойной ночи! Я еще погуляю по саду — хочу полюбоваться созвездием Элберет. Спи, отдыхай!

Глава вторая. Совет у Элронда

На следующий день Фродо проснулся рано, чувствуя себя совершенно здоровым и бодрым, и пошел гулять на высокий берег шумного Бруинена. Он смотрел, как прохладное бледное солнце поднималось из-за дальнего горного хребта, пронизывая косыми лучами тонкие пряди серебристого тумана; на желтых листьях поблескивала роса, мерцали ее капельки на осенних паутинках, украшавших каждый куст. Сэм шел следом за Фродо, вдыхал утренний воздух, молчал и удивленно рассматривал высоченные вершины на востоке, на которых лежал белых снег.

За поворотом дорожки хоббиты увидели каменную скамейку. На ней, увлеченно беседуя, сидели Гэндальв и Бильбо.

— Доброе утро и привет! — сказал Бильбо. — Ну как, ты готов к Большому Совету, малыш?

— Я ко всему готов, — ответил Фродо. — Но сегодня мне хотелось бы погулять по долине. Вон туда бы сходить, в сосняк! — Он показал на север, на дальний край Райвендела.

— Погуляешь после Совета, если удастся, — сказал Гэндальв. — Строить планы пока не надо.

Сегодня нам нужно многое выслушать и обсудить.

Вдруг до них донесся звонкий удар колокола.

— Колокол — сигнал к началу Совета у Элронда! — воскликнул Гэндальв. — Идемте! Вас с Бильбо обоих ждут.

Бильбо и Фродо поспешили за Гэндальвом по извилистой дорожке к Дому. Про Сэма временно забыли, и он потопал за ними без приглашения.

* * *

Гэндальв привел их на ту же веранду, где Фродо вчера вечером нашел друзей. Светлое осеннее утро над долиной незаметно переходило в день. Журчала и пенилась в каменистом ложе река, пели птицы, ничто не нарушало мирного покоя земли. Полное опасностей бегство и слухи о растущей в мире Тьме уже казались Фродо воспоминанием из тревожного сна; но лица участников Совета, повернувшиеся к нему, как только они вошли, были суровы и мрачны.

Элронд уже был там, рядом с ним молча сидели несколько приглашенных. Фродо заметил Глорфиндэла и Глоина; Долгоброд устроился отдельно от всех, в углу, снова одетый в старое походное платье.

Элронд подозвал Фродо, посадил его возле себя и представил остальным.

— Это хоббит Фродо сын Дрого, друзья! — сказал он. — Немногие приходили в Райвендел со столь неотложным делом, преодолев на пути столь страшные опасности.

Потом он представил Фродо гостей. Молодой гном, сидевший рядом с Глоином, оказался его сыном Гимли. Глорфиндэла окружали эльфы-советники из Дома Элронда. Старший из них, Эрестор, беседовал с Гальдором, эльфом из Серой Гавани, прибывшим по поручению Кирдана-Корабела. Незнакомый эльф в зеленом и коричневом был сыном и посланцем короля эльфов северного Темнолесья Трандуила, его звали Леголас. Чуть поодаль сидел высокий человек с красивым и благородным лицом и темными волосами до плеч, серые глаза смотрели гордо и упрямо. На нем был дорожный плащ и сапоги для верховой езды, но богатая одежда, отороченная мехом, запылилась и залоснилась от долгого пути. На шее у него было серебряное ожерелье с единственным белым самоцветом, через плечо — перевязь с большим рогом. На Фродо и Бильбо он взглянул удивленно.

— Это Боромир, — представил его Элронд, обо-

рачиваясь к Гэндальву, — посланец людей с юга. Он прибыл сегодня на рассвете и просит совета. Я пригласил его сюда, ибо здесь он получит ответ на свои вопросы.

* * *

Не все, о чем говорили и спорили на Совете, стоит здесь повторять. Немало там было сказано про окраинные южные земли и восточные страны за горами, о которых Фродо уже много слышал. Но то, что рассказал гном Глоин, было хоббиту совершенно неизвестно и очень его заинтересовало. Оказывается, гномы Подгорного королевства по-прежнему славятся работой своих рук, но сердца их охвачены тревогой.

— Уже много лет, — говорил Глоин, — нас одолевает беспокойство. Когда мой народ впервые почувствовал его, трудно сказать. Мы сами этого не заметили. Но стали раздаваться шепотки по секрету, — дескать, в Эреборе уже тесно, пора выходить в мир, искать больших богатств и славы. Некоторые вспомнили о Мории — это огромные подземные копи наших предков, на гномьем языке Казад Дум. Говорилось, что теперь нас много и мы достаточно сильны, чтобы возвратиться туда и вернуть себе древние владения.

Глоин вздохнул.

— Мория! Мория! Чудо северного мира! Наши предки слишком глубоко вгрызлись в горные недра и выпустили из глубин безымянный Ужас. Дети Дарина бежали из Мории, и долго пустовали огромные подземные дворцы. Но теперь мы вновь вспомнили о них с тайной надеждой и большим страхом: ведь ни один гном за много поколений не решился переступить порог Казад Дума, кроме Трора, а Трор погиб. Наконец, Балин поверил в слухи и решил туда пойти. Даин не хотел добром отпускать его, но Балин взял с собой Ори, Оина и многих других, и они ушли.

Почти тридцать лет назад это было. Сначала от Балина приходили вести, все было хорошо: гонцы сообщали, что гномы вошли в Морию и начали большие работы. Но на том вести прекратились, и с тех пор никто больше не приходил оттуда.

Примерно год назад к Даину прибыл еще один гонец, но не из Мории, а из Мордора; ночью прискакал он и вызвал Даина к воротам.

«Саурон Великий, — сказал он, — хочет твоей дружбы. За дружбу он дает Кольца, как давал раньше. И он просит немедленно рассказать ему о *хоббитах*, — каковы они и где живут. Ибо Саурону ведомо, — добавил гонец, — что одного

из них ты некогда знал».

Это очень встревожило нас. Мы не ответили. Гонец заговорил тише, и его голос показался бы ласковым, если бы не был мерзок. И он сказал:

«Яви малый знак дружбы — найди этого вора по просьбе Саурона. И отними у него или возьми по доброй воле кольцо, простое колечко, которое он однажды украл. Саурон просит о ничтожной услуге, только о знаке верности. Найди хоббита, и навсегда вернутся к тебе три Кольца, которыми в древности владели гномы, и твоим станет Морийское государство. Узнай хотя бы, где вор, если он жив, — получишь щедрую награду, и Властелин одарит тебя вечной дружбой. А откажешь — будет хуже. Ты отказываешься?»

Тут он совсем змеей зашипел, и все, кто стоял рядом, задрожали, но Даин сказал:

«Сразу я не могу ответить тебе ни „Да“, ни „Нет“. Я должен все обдумать, чтобы понять, что кроется за красивыми словами».

«Думай, да покороче», — сказал гонец.

«Пока я еще хозяин своего времени», — ответил Даин.

«Пока еще», — сказал гонец и ускакал в темноту.

С той ночи тяжесть легла на наши сердца. Даже

не будь голос посланца Саурона столь мерзок, мы бы поняли, что слова его таят угрозу и вероломство, ибо уже знали, что в Мордоре прежняя власть, а Мордор не раз нас предавал. Дважды гонец возвращался и не получал ответа. В третий и последний, как он сказал, раз он явится в конце этого года. Это уже скоро.

И вот, наконец, Даин послал меня предупредить Бильбо о том, что его ищет Враг, и узнать, если удастся, почему он хочет получить Кольцо, или, как выразился гонец, «простое колечко». Нам нужен совет Элронда. Тень разрастается и наступает. Мы узнали, что гонцы Врага побывали в Дейле у короля Бранда, и что Бранд боится. А мы боимся, что Бранд не выдержит. Война на его восточных границах вот-вот начнется. Если мы не дадим Саурону ответ, он заставит покорных ему людей напасть и на короля Бранда, и на короля Даина.

— Ты хорошо сделал, что пришел, — сказал ему Элронд. — Сегодня ты все услышишь и поймешь цели Врага. Единственное, что вы сможете сделать, — это сопротивляться до последнего, пока есть надежда, и даже если ее не станет. Но вы не одни. Ваша беда — лишь часть общей беды всего западного мира. Кольцо! Что нам делать с

Кольцом, с «колечком», которое понадобилось Саурону? Вот это мы должны решить. От этого зависит судьба. Ради этого вы сюда призваны. Я говорю «призваны», хотя не звал вас в Райвендел, чужеземцы из далеких стран. Вы пришли и встретились здесь именно сейчас вроде бы случайно, но это не случайность. Видно, нам и только нам определено позаботиться о спасении мира. Поэтому здесь откроется то, что до сих пор было для многих тайной. Но прежде, чтобы все поняли, насколько страшна опасность, вам будет рассказана история Кольца с самого начала до сегодняшнего дня. Я начну, другие закончат.

* * *

И Элронд ясным и звучным голосом поведал о Сауроне и Кольцах Власти, о том, как они были выкованы давным-давно, во Второй эпохе. Некоторые из присутствовавших знали часть этой истории, но полностью ее не знал никто, и многие, устремив глаза на Элронда, замирали то от страха, то от изумления, когда он говорил об эльфах-кузнецах Эрегиона, их дружбе с гномами из Мории, о жажде знаний, из-за которой они попались в сети Саурона. Тогда он еще не был гнусен на вид, и они приняли от него помощь и

стали великими искусниками в ремеслах, а он овладел всеми секретами их искусства и предал их, и тайно выковал на вершине Огненной горы Единое Кольцо, чтобы править всеми. Но Келебримбор проследил за ним и скрыл Три Кольца, которые выковал сам. И была война, разоренные земли опустели, врата Мории закрылись.

Затем Элронд проследил путь Кольца за многие последующие годы. Но эту часть истории знает каждый, сам Элронд записал ее, и мы ее здесь не приводим. Это долгий рассказ о множестве великих и страшных событий, и как ни старался Элронд говорить короче, солнце поднялось высоко, и утро давно превратилось в день, а он еще не закончил.

Элронд рассказал о Нуменоре, о его расцвете и гибели, и о том, как властители людей вернулись в Среднеземье, спасенные бурей из морских пучин, о короле Элендиле Высоком, о его могучих сыновьях Исилдуре и Анарионе, основавших два королевства — Арнор на севере и Гондор на юге, в Устье Андуина. Но Саурон из Мордора напал на них, и был заключен Последний Союз людей и эльфов, и в Арноре собрались дружины Гил-Гэлада и Элендила.

Элронд вздохнул и помолчал, потом продол-

жил:

— Я хорошо помню, как развевались их гордые знамена. Я тогда думал о славе древнейшей — Первой — эпохи и великой дружине эльфов Белерианда, ибо в Арнор сошлось много великих властителей, князей и полководцев. Однако их все же было меньше, чем когда пал Тангородрим и эльфы слишком рано подумали, что навсегда покончили со злом…

— Ты помнишь? — Фродо от удивления забылся и заговорил на весь зал. — А я думал… — запнулся он, смутившись, ибо Элронд посмотрел в его сторону. — Я думал, что Гил-Гэлад погиб много веков назад!

— Так и было, — хмуро отозвался Элронд. — Но я помню Незапамятные времена. Эарендил был моим родителем, а он родился в Гондолине до его падения. Матерью мне была Эльвинга дочь Диора сына Лютиэнь из Дориата. Три эпохи западного мира видел я, был свидетелем многих поражений и многих бесплодных побед.

Я был герольдом Гил-Гэлада, ходил в поход в его войске. Я сражался в Дагорладской битве у Черных Врат Мордора, в которой мы победили, — ибо копье Гил-Гэлада, Айглос, и меч Элендила, Нарсил, были непобедимы. Я видел последнее

сражение на склонах Ородруина, где погиб Гил-Гэлад и пал Элендил, сломав при падении меч Нарсил, но и Черный Властелин был повержен, а Исилдур обломком отцовского меча отсек вместе с его пальцем Единое Кольцо и завладел им.

При этих словах не выдержал чужестранец Боромир.

— Так вот что случилось с Кольцом! — вскричал он. — Может быть, раньше у нас на юге об этом рассказывали, но те предания давным-давно забылись. Я слышал о Великом Кольце Того, чье имя у нас не произносят. Но мы думали, что оно погибло, когда рушилась его держава. Значит, им завладел Исилдур: это большая новость.

— Завладел, увы! — сказал Элронд. — Исилдур взял его, хотя не должен был. Надо было тогда же бросить Кольцо в пламя Ородруина, из которого оно вышло. Но немногие видели, что сделал Исилдур. Он один встал рядом с отцом в последнем бою, а рядом с Гил-Гэладом оказались только мы с Кирданом. Нашему совету Исилдур не внял. «Я возьму его как виру за гибель отца и брата», — сказал он, не слушая нас. Он взял Кольцо как сокровище, но оно скоро предало его, став причиной его гибели. С тех пор на севере это Кольцо называют Погибелью Исилдура. Может

быть, смерть — лучшее, что могло с ним случиться из-за Кольца.

Только северяне знали обо всем этом, да и то немногие. Неудивительно, что ты не слышал об этом, Боромир. После поражения в долине Ирисов, где погиб Исилдур, остались в живых и вернулись домой долгим путем через горы всего трое. Один из них, оруженосец Исилдура Охтар, сберег обломки меча Элендила и принес их наследнику Исилдура Валандилу, который с детства воспитывался в Райвенделе. Но Нарсил, после того как был сломан, перестал светиться. Пока он еще не перекован.

Победу Последнего Союза я назвал «бесплодной». Это не совсем так. Она не была окончательной. Саурон был покорен, но не уничтожен. Его Кольцо пропало, но тоже уничтожено не было. Черный Замок был разрушен, но основание его уцелело, он до сих пор стоит, ибо был заложен с помощью Кольца. Пока оно существует, его дела живут. В войне погибло много эльфов и много могучих людей, и много их друзей и союзников. Убит Анарион, убит Исилдур, пали Элендил и Гил-Гэлад… Такого Союза эльфов и людей больше не будет. Люди множатся. Перворожденных становится все меньше. Два племени отдаляются

друг от друга. С того самого дня слабеет племя нуменорцев, срок их жизни уже сократился.

После войны и резни в Долине Ирисов северное королевство Арнор обезлюдело, город Ануминас у Вечернего озера Эвендим превратился в развалины. Наследники Валандила ушли в Форност на Северных Холмах, но и тот город давно опустел. Люди зовут место, где он стоял, Валом Мертвецов и боятся подходить близко. Арнорцы рассеяны, их владычевство миновало, остались одни Могильники на травянистых всхолмьях.

Южное королевство Гондор уцелело; какое-то время оно даже крепло и возвышалось, пробуждая воспоминание о Нуменоре. Люди строили высокие башни, сильные крепости и крупные порты; Крылатая Корона Королей держала в благоговейном страхе разноязычные племена. Главным городом был Осгилиат, Звездная Цитадель, построенная на обоих берегах Андуина. На востоке от нее, на плече одной из Гор Тени вознеслась Крепость Восходящей Луны, Минас Итиль, а на западе, у подножия Белых гор, была выстроена Крепость Заходящего Солнца, Минас Анор. Там в королевском саду росло Белое Древо из семени деревца, что Исилдур привез из-за дальних морей. А еще раньше такое дерево выросло в Эрессее,

завезенное туда с Заокраинного Запада в первый день из Первых, когда мир был молод.

Быстротечные годы плыли над Среднеземьем.

Оборвалась линия Менельдила сына Анариона, высохло Белое Древо, кровь нуменорцев смешивалась с кровью менее достойных народов. Однажды заснули стражники на стенах Мордора, и на Горгорот вновь пробрались темные враждебные существа. Они захватили Минас Итиль, поселились в ней, превратили ее в гнездо Зла. Теперь она называется Минас Моргул, что значит Крепость Темных Чар. А Минас Анор с тех пор стали называть Минас Тирит, то есть Сторожевая Крепость. Эти две твердыни постоянно воюют друг с другом, а оказавшийся между двух огней Осгилиат теперь разрушен, и по его развалинам бродят тени.

Много поколений сменилось. Но правители Минас Тирита продолжают вести нескончаемую войну, отгоняя врагов, охраняя водный путь по Великой реке от Аргонатов до самого Моря.

На этом я остановлюсь, ибо при жизни Исилдура о Кольце Всевластья слышали в последний раз. С тех пор оно пропало, и Три Эльфийских Кольца получили свободу. Но в последнее время они опять под угрозой, ибо, к нашему великому

горю, Единое Кольцо найдено. Но об этом вам поведают другие — я почти не участвовал в последних событиях.

Он замолчал, и тут же поднялся Боромир, высокий и прямой.

— Разреши мне, досточтимый Элронд, сначала сказать еще несколько слов о Гондоре, ибо из Гондорского королевства я пришел. О том, что там делается, не мешает знать всем. Я думаю, немногие знают о наших подвигах и могут представить себе, какая опасность будет им грозить, если Гондор падет.

Не верьте, что в Гондоре не осталось нуменорской крови, что забыта слава великого государства. Наши храбрые воины сдерживают диких востокан и отбиваются от Моргульского ужаса. Мы еще охраняем мир и свободу как последний оплот и заслон западных земель. Страшно подумать, что будет, если враги захватят Реку!

А ведь это может скоро случиться. Враг, имя которого у нас не произносят, опять восстал. Над Ородруином, который мы называем Роковой горой, снова стоит облако дыма. Сила Черного Властелина растет. Враг подступает к нашим землям. Когда он вернулся в Мордор, наши люди были изгнаны с прекрасных земель Итилиэна на

восточном берегу Великой реки, хотя мы держали там укрепленный пост и стражу. В июне этого года Мордор двинул на нас военные отряды, и мы отступили. Враг побеждает числом, ибо заключил союзы с востоканами и жестокими харадцами. Но дело не только в числе, — у Врага есть сила, о которой мы раньше не знали.

Говорят, что иногда можно увидеть Тень огромного Черного всадника, заслоняющую Луну. Если она появляется, наши противники воодушевляются, а наши храбрецы цепенеют от ужаса или бегут, не в силах сдержать коней. Так было в последней битве, когда из всей нашей восточной армии вернулась лишь горстка воинов.

Я был в отряде, сражавшемся за последний мост в развалинах Осгилиата. Мы разрушили его за собой, но не отдали Врагу. Всего четверо спаслись вплавь, два солдата и мы с братом. Теперь мы воюем из последних сил, пытаясь удержать западный берег Андуина. Те, кого мы заслоняем, возносят нам хвалу, но не шлют подкрепления. На наш призыв откликаются только всадники Рохана.

Вот в какое страшное время я был послан к Элронду и, чтобы добраться сюда, преодолел много гонов по опасным дорогам: десять и сто дней

шел один. Но не союзников в войне я ищу.

Говорят, что сила Элронда — в его мудрости, а не в оружии. Я пришел за советом и за разгадкой грозных слов. Ибо накануне последнего внезапного нападения Врага моему брату в тревожном сне явилось странное видение. Потом он видел тот же сон еще несколько раз, и однажды его увидел я.

Мне снилось, что небо на востоке потемнело, и раздался гром, сначала издали, потом все громче. А на западе разлился неяркий свет, и из него зазвучал далекий отчетливый голос:

Сломанный меч ищи — этот путь в Имладрис ведет.

Моргула чары сильны, но сильнее совет.

Знак будет дан — и час роковой пробьет!

Ибо Погибель Исилдура выйдет на свет

И полуросток придет.

Мы с братом мало что поняли из этих слов и обратились к отцу своему Дэнетору, правителю Минас Тирита, — он владеет древним знанием и посвящен в тайные книги. Он сказал только, что Имладрис — старинное эльфийское название

далекой северной долины, где живет легендарно мудрый Элронд-полуэльф. И вот мой брат, чувствуя, что наше положение становится отчаянным, решил, что сон наш вещий, и собрался идти в Имладрис. Но неведомая дорога опасна, и я взял это бремя на себя. Отец не хотел отпускать меня. Долго блуждал я забытыми дорогами, разыскивая Дом Элронда. Многие слыхали о нем, но мало кто знал, где он находится.

* * *

— Здесь, в Доме Элронда, тебе многое станет ясным.

С этими словами встал Арагорн, вынул меч и положил его на стол перед Элрондом. Клинок был сломан пополам.

— Вот Сломанный Меч!

— Но кто ты, и что тебе за дело до Минас Тирита? — спросил Боромир, с удивлением рассматривая худое лицо и выцветший плащ скитальца.

— Он Арагорн сын Араторна, — сказал Элронд. — Отдаленный, но единственный прямой потомок Исилдура сына Элендила из крепости Итиль, вождь северных дунаданов, которых, увы! — осталось мало.

— Значит, оно совсем не мое, а твое! — вос-

кликнул изумленный Фродо и вскочил на ноги, словно решив, что у него тут же будут требовать Кольцо.

— Не мое и не твое, — ответил Арагорн, — но ты пока определен судьбой его хранить.

— Вынь Кольцо, Фродо! — торжественно произнес Гэндальв. — Час настал. Подними его повыше, и Боромир поймет последние слова Предсказания.

* * *

По залу прошел ропот, и воцарилась тишина. Все глаза смотрели на Фродо, а он, растерянный, испуганный и странно пристыженный, стал вытаскивать Кольцо, причем очень неохотно, словно рука отказывалась его трогать, и вообще ему хотелось убежать подальше. Когда он поднял руку с Кольцом, она дрожала, а Кольцо сверкало так, что его сразу увидели все.

— Вот Погибель Исилдура! — сказал Элронд.

— Полуросток! — пробормотал Боромир, и глаза его блеснули. — Значит, пришел роковой час Минас Тирита! Почему же надо было искать Сломанный Меч?

— Сказано «час пробьет», а не «час Минас Тирита», — произнес Арагорн. — Воистину, близится

роковой час и наступает время великих подвигов. Это — меч Элендила, он сломался, когда Элендил пал, и был сохранен его потомками, которые не сохранили ничего другого, ибо было древнее пророчество о том, что он будет перекован, когда найдется Кольцо, Погибель Исилдура. Вот ты видишь Меч, который искал. Что скажешь теперь? Хочешь ли ты, чтобы наследник Элендила вернулся в Гондор?

— Я шел не просить, а найти разгадку Пророчества, — гордо ответил Боромир. — Но мы в очень тяжелом положении, и Меч Элендила может оказаться великой подмогой, на которую мы надеяться не смели… если такое, правда, возможно, и он вернется в бой из теней давно прошедших лет.

Гондорец снова окинул Арагорна взглядом, в котором читалось недоверие. Фродо почувствовал, как рядом с ним заерзал Бильбо. Старый хоббит явно оскорбился за друга, неожиданно встал во весь рост и выпалил:

Не всякое золото ярко блестит,
Скитальцы не все пропадают.
Глубокие корни мороз не сразит,
Сила старая не увядает!

Проснется из пепла былой огонь,
Будет Сломанный Меч откован,
Свет вспыхнет из мрака, и снова
Лишенный короны взойдет на трон!

— Это, может быть не самые хорошие стихи, но зато правильные, раз тебе мало слов Элронда! — добавил хоббит. — Если ты шел сюда десять и сто дней, чтобы что-то услышать, так лучше слушай! — И он снова сел, возмущенный.

— Эти стихи я сам сочинил для Дунадана, — шепнул он на ухо Фродо. — Давно, когда он мне впервые рассказал свою историю. Даже обидно, что время моих Приключений прошло, и я не могу с ним пойти, когда всходит его заря!

Арагорн взглянул на Бильбо с улыбкой, потом опять повернулся к Боромиру.

— Со своей стороны я понимаю и прощаю твои сомнения, — сказал он. — Конечно, я мало похож на величественные изваяния Элендила и Исилдура во дворце Дэнетора. Я всего лишь наследник Исилдура, а не сам Исилдур. Но я уже много пережил. Сотни гонов, отделяющих эту долину от Гондора, — лишь малая часть дорог, пройденных мною. Я взбирался на многие горы и переправлялся через многие реки, и пересекал

многие равнины. Я видел земли за Рунным морем и Дальний Харад, где светят чужие звезды…

Мой дом сейчас на севере. Ибо здесь жили наследники Валандила, и род его не пресекался долгие года и многие поколения. На нас опустилась завеса Тьмы, и нас сейчас мало. Но Меч переходил у нас от отца к сыну. А тебе, Боромир, вот что я скажу, прежде чем кончить речь. Мы одинокие скитальцы, охотники и следопыты Диких Земель, — но на прислужников Врага мы охотимся везде, ибо их много не только в Мордоре.

Если Гондор, как ты сказал, Боромир, — оплот и крепкий заслон, то у нас другая роль. Есть много враждебных сил и тварей, против которых крепкие стены и светлые мечи — не защита. Ты мало знаешь о землях за пределами своей страны. Говоришь, «мир и свободу»? Север не знал бы ни того, ни другого, если бы не мы. Все уничтожил бы страх. Когда из темных чащоб выходят жуткие твари и с пустынных холмов сползают прислужники Мрака, мы, стражи пограничных пустошей, их прогоняем. Кто чувствовал бы себя спокойно на дорогах, о каком мире можно было бы говорить, о какой безопасности под крышами в домах, если бы дунаданы спали или лежали

в могилах? А слов благодарности мы получаем меньше, чем вы. Путники с подозрением косятся на нас, сельские жители презрительно называют «бродягами»… Для толстяка, живущего по соседству с такими существами, что, услышав о них, он бы умер от страха, я — Долгоброд. Он не знает, что если бы его не охраняли, его поселок лежал бы в развалинах. Но нам не нужна его благодарность. Пока простые люди живут беззаботно и мирно, они остаются простыми людьми, а мы должны скрываться, чтобы так было всегда. Вот что Скитальцы считали своим главным делом, пока проходили годы. Тем временем выросла новая трава. Мир снова начинает меняться, скоро пробьет час. Нашлась Погибель Исилдура. Грядет война. Меч будет перекован. Я приду в Минас Тирит.

— Ты говоришь, что нашлась Погибель Исилдура… — повторил Боромир слова Арагорна. — Я видел блестящее колечко в руке полуростка. Но ведь Исилдур, как говорят, погиб до начала нашей эпохи. Откуда Мудрые узнали, что это — его Кольцо? Какой Путь оно прошло за все эти годы, пока его не доставил сюда столь странный посланец?

— Об этом будет рассказано, — вставил свое

слово Элронд.

— Ой, только не сейчас, господин, очень тебя прошу! — взмолился Бильбо. — Солнце уже подбирается к полудню, и мне просто необходимо подкрепиться.

— Я еще не говорил, что об этом расскажешь ты, — произнес с улыбкой Элронд. — Но теперь прошу тебя. Поведай нам свою историю. Если ты не успел переложить ее в стихи, говори обычными словами. Чем короче получится, тем быстрее сумеешь подкрепиться.

— Хорошо, — согласился Бильбо. — Я уступаю твоей просьбе. Но сегодня я расскажу Правдивую Историю, и если кто-нибудь из присутствующих слышал ее по-другому, — Бильбо скосил глаз на Глоина, — я прошу их забыть то, другое, и простить меня. Тогда я просто хотел, чтобы Сокровище было моим, и чтобы ко мне не пристала кличка «вор». Сейчас я, кажется, стал лучше понимать. Короче, произошло вот что.

* * *

Для некоторых рассказ Бильбо был совершенно нов, и они с изумлением слушали, как старый хоббит, не скрывая удовольствия от того, что ему дали поговорить, пересказывал во всех подробно-

стях свою встречу с Голлумом. Он не пропустил ни одной загадки. Он бы дал полный отчет о Празднике и своем уходе из Хоббитшира, но тут Элронд поднял руку.

— Отлично рассказано, друг, — произнес он, — но пока хватит. Нам достаточно знать, что Кольцо перешло к твоему наследнику Фродо. Пусть теперь говорит он.

Не так охотно, как Бильбо, но достаточно подробно Фродо рассказал о Кольце все, что мог, начав с того момента, когда оно попало к нему в руки. Присутствующих интересовал каждый его шаг от самого Хоббиттауна до Бруиненского брода. Гости беспрестанно перебивали Фродо, обсуждали мельчайшие подробности, засыпали его вопросами, особенно про Черных всадников. Наконец, он снова сел на место.

— Неплохо, малыш, — сказал ему Бильбо. — Получился бы хороший рассказ, если бы тебя все время не перебивали. Я пытался делать заметки, но чтобы записать все это в Книгу, мы к этому еще вернемся и ты все мне повторишь. Ведь только сюда добрался, а уже на несколько глав хватит!

— Да, длинновато, — ответил Фродо. — И мне все равно еще не все ясно. Я хотел бы многое узнать, особенно про Гэндальва.

* * *

Его услышал сидевший рядом Гальдор из Серой Гавани.

— Ты подумал то же, что и я! — воскликнул он и обратился к Элронду. — Мудрым, может быть, и ясно, что находка полуростика — действительно Великое Кольцо, за которое долго ломались копья, но тем, кто знает меньше, пока не все понятно. Нам нужны доказательства. И я хочу еще спросить, где Саруман? Он тщательно изучал все о Кольце, но здесь его нет. Что бы он посоветовал, ведь ему, наверное, известно то же, что и нам?

— Все твои вопросы, Гальдор, тесно переплетаются, — сказал Элронд. — Я их предвидел, и ты получишь ответ. Но об этом расскажет Гэндальв. Предоставляю ему честь говорить последним и завершить Повесть о Кольце, ибо в этом деле он играет самую важную роль.

— Видишь ли, Гальдор, — начал Гэндальв, — рассказ Глоина и преследование Фродо служат уже достаточным доказательством того, что находка полуростика имеет большую ценность для Врага. Хоббит нашел «колечко». Что дальше? Девять магических Колец — у назгулов. Семь гномьих — захвачены Врагом или уничтожены

(Глоин при этих словах заволновался, но ничего не произнес). Судьба Трех Эльфийских нам известна тоже. Какое же Кольцо так сильно желает получить Враг?

От Реки до Горы, то есть от потери до находки Кольца — большой разрыв во времени. Мудрые постепенно выяснили, что же за это время произошло. Но мы действовали слишком медленно. Ибо Враг шел по тому же следу и был к истине ближе, чем я подозревал. К счастью, он узнал ее лишь сейчас, летом этого года.

Некоторые из присутствующих помнят, как много лет назад я рискнул переступить порог замка Дол Гулдур, тайно проследил за Чародеем и узнал, что наши страхи не напрасны: это был не кто иной, как Саурон, наш старый враг, нашедший, наконец, новый облик и собиравшийся с силами. Некоторые, вероятно, вспомнят, как Саруман уговаривал нас не предпринимать открытых действий, и очень долго мы только следили за ним. Когда его Тень выросла до зловещих размеров, даже Саруман согласился применить военную силу, и войско Белого Совета выгнало Врага из Темнолесья — как раз в тот год, когда нашлось Кольцо. Странное совпадение. А совпадение ли?

Как и предвидел Элронд, Мудрые опоздали. Саурон тоже не упускал нас из виду и долго готовился отразить наш удар, управляя Мордором издалека, используя для этого Минас Моргул, где обитали его Девять пособников. Когда все было готово, он применил обманный маневр, — будто бы бежал от нас, а сам сумел быстро прорваться в Черный Замок и открыто провозгласил себя Властелином. Тогда был созван последний Совет Мудрых, ибо мы узнали, что он неустанно ищет Единое Кольцо, и опасались, что он добыл сведения, которых у нас еще нет. Но Саруман сказал: «Силой — нет», и повторил то, что говорил раньше: Единое Кольцо для Среднеземья погибло.

«Самое большее, что может знать Враг, — сказал он, — это то, что у нас пока Кольца нет. Оно считается потерянным. Он думает, что потерянное может найтись. Не бойтесь! Он обманывается. Я ли не изучал все, что об этом известно? В Андуин Великий упало оно, и давным-давно, пока Саурон спал, Река укатила его в Море. Пусть оно там и лежит до конца мира».

* * *

Гэндальв замолчал и некоторое время смотрел в восточное окно на дальние пики Мглистых гор,

у мощных корней которых так долго скрывалась гибель мира. Потом вздохнул и сказал:

— Это моя вина. Меня усыпили речи Сарумана Мудрого. Если бы я раньше стал искать истину, мы бы сейчас подвергались меньшей опасности.

— Вина наша общая, — сказал Элронд. — Если бы не твоя бдительность, Тьма, может быть, уже поглотила бы нас. Но продолжай.

— Я обманулся с самого начала, вопреки всем доводам разума, — сказал Гэндальв. — И первым делом решил узнать, как эта вещь попала к Голлуму и как долго он ею владел. Я стал следить за ним, рассудив, что он, наверное, выползет на свет в поисках своего Сокровища. Он выполз, но от меня ускользнул, я не поймал его. А после этого — увы! — я бездействовал, только ждал и наблюдал, как мы и до этого часто себе позволяли.

Время шло, забот прибавлялось, но однажды во мне снова проснулись сомнения, и мне вдруг стало страшно. Откуда все-таки взялось Кольцо, которое нашел хоббит? И что с ним делать, если мои худшие опасения подтвердятся? Вот что надо было решать. Но я никому не говорил о том, чего боюсь, знал, как может подвести преждевременное слово, пусть произнесенное шепотом. Во всех долгих войнах с Черной Башней самой страшной

бедой всегда была измена.

Колечко Бильбо заинтересовало меня примерно семнадцать лет назад. Вскоре после этого я уже знал, что вокруг Хоббитшира собираются соглядатаи, шпионят даже отдельные звери и птицы. Их становилось все больше, и мои страхи росли. Я призвал на помощь дунаданов, они удвоили бдительность, и тогда же я открыл все, что знал, Арагорну наследнику Исилдура.

— А я согласился с Гэндальвом, что надо обязательно найти и изловить Голлума, пока не поздно, — вставил Арагорн. — Мне казалось, что именно я, наследник Исилдура, должен исправить его роковую ошибку, и мы с Гэндальвом начали поиски, которые казались безнадежными и оказались очень долгими.

И Гэндальв рассказал, как они с Арагорном прочесали Дикие Земли до самых сумрачных гор Тени, ограды Мордора.

— Там до нас дошли слухи о нем: по-видимому, он долго скрывался в темных горах, но обнаружить его нам не удалось, и я совсем отчаялся. В отчаянии чувства и мысли обостряются, я подумал, что ведь можно проверить Кольцо без Голлума. Оно само скажет, является ли тем Единым. Я вспомнил одну фразу, произнесенную на

Совете. Говорил Саруман, и тогда я не отнесся к его словам с должным вниманием, а теперь они ясно зазвучали у меня в душе: «Девять, Семь и Три отличаются друг от друга камнями. Единое — без камня. Оно гладкое, будто самое простое и обыкновенное. Но в него врезаны знаки, которые посвященный, вероятно, сможет обнаружить и прочитать». Что это за знаки, Саруман не сказал. Кто мог знать о них? Тот, кто создал Кольцо. А Саруман? Как ни велики были его знания, он их где-то почерпнул. Чья рука, кроме Черной Руки Саурона, касалась Кольца перед тем, как оно пропало? Только рука Исилдура.

Рассуждая так, я прекратил преследование Голлума и быстро направился в Гондор. Было время, когда нас, магов, там хорошо принимали, особенно Сарумана. Он часто и подолгу гостил у правителей города. Мне наместник Дэнетор оказал гораздо более прохладный прием, чем раньше, и очень неохотно разрешил доступ в хранилище старинных свитков и книг.

«Если тебе в самом деле нужны только древние записи о первых годах Гондора, читай! — сказал он. — Для меня прошедшее ясней будущего и поэтому меньше заботит. Моя боль — грядущее. Думаю, будь ты даже мудрей Сарумана, который

долго все изучал, и то не найдешь здесь ничего, что не было бы известно мне, знатоку здешних преданий».

Так говорил Дэнетор. Но у него в хранилище лежит немало рукописей, которые даже не всякий мудрец сможет прочитать, ибо их языки и знаки, которыми они написаны, давно забыты. Знай, Боромир, в Минас Тирите есть свиток, по-видимому, не читанный никем со времен последних Королей, кроме меня и Сарумана. Свиток написан Исилдуром собственноручно, ибо Исилдур после победы над Врагом вернулся в Гондорское Королевство, а не ушел сразу, чтобы где-то бесследно исчезнуть, как говорят некоторые.

— Может быть, так говорят на севере, — сказал Боромир, — но в Гондоре все знают, что Исилдур действительно приходил в Минас Анор, чтобы передать Южное королевство своему племяннику Менельдилу и дать ему совет. Тогда он и посадил последний росток Белого Древа в память об убитом брате.

— И тогда же сделал запись на свитке, — сказал Гэндальв. — Только в Гондоре, похоже, об этом не помнят. В свитке говорится о Кольце. Вот что написал Исилдур:

«Отныне Великое Кольцо будет наследным достоянием Северных королей, но запись о нем пусть сберегается в Гондоре, где тоже живут наследники Элендила, дабы сохранилась память о великих событиях, когда время сотрет многое».

Далее Исилдур описывает Кольцо:

«Когда я взял его, оно было горячим, как уголь, и ожгло мне руку, и я думал, что боль от ожога не пройдет никогда. Сейчас, когда я пишу, оно остыло и уменьшилось на вид, но не потеряло ни красоты, ни формы. И были на нем знаки яркие, начертанные алым пламенем, и потускнели они, стали еле видны. Эти знаки — руны эльфов Эрегиона, ибо в Мордоре нет письма для столь тонкой работы, но язык неизвестен мне, полагаю, что это черная речь, ибо неблагозвучно и безобразно сие при чтении. Какое зло вещает надпись, я не знаю, но срисовываю ее здесь, пока не исчезла она совсем. Вероятно, Кольцу не хватает жара руки Саурона, которая была черна и при сем жгла, как огонь. И ею Гил-Гэлад был убит. Быть может, если на-

калить это золото в огне, вновь проступят письмена, но я не рискну причинить вред этой вещи, единственной прекрасной из всех творений Саурона. Она дорога мне, хотя слишком дорого я заплатил за нее».

Прочитав эти слова, я больше ничего не искал. Ибо надпись, как догадался Исилдур, была действительно на языке Мордора и слуг Черной Башни. И содержание ее известно. Когда Саурон выковал Единое и впервые надел его, эльф Келебримбор, создатель Трех, издали видел его и слышал, как он произносил магические слова, так что тайные помыслы стали явными.

Я тут же покинул Дэнетора, но не успел вернуться на север, как получил известие из Лориэна от заходившего туда Арагорна. Оказывается, он изловил существо, назвавшееся Голлумом. Так что я поспешил на встречу с Арагорном, чтобы все услышать самому. В каких гибельных местах он был совершенно один и с какими опасностями встречался, страшно было подумать.

— Нечего о них рассказывать, — сказал Арагорн. — Тот, кто бродит в одиночку у Черных Врат или попадает в долину Моргул с мертвящими дурман-цветами, неизбежно встречает опасно-

сти. Сначала, не найдя Голлума, я тоже отчаялся и решил возвращаться домой, но вдруг мне повезло, и я увидел то, что искал: следы босых ног на глине возле грязной лужи. Они были свежие и вели не в Мордор, а из Мордора. Тот, кто их оставил, спешил. Я пошел за ним по краю Мертвых Топей и настиг его. Он торчал у гнилого болотца, вглядываясь в воду, хотя был уже темный вечер. Тут я схватил этого Голлума. Он весь был в зеленой тине. Боюсь, что он меня крепко невзлюбил, потому что стал кусаться, а я в ответ не нежничал, и след его зубов оказался единственным, чего мне удалось от него добиться. Самой трудной частью моего путешествия была дорога домой. Я следил за ним день и ночь, гнал перед собой на веревке, с кляпом во рту, и укрощал лишь тем, что временами не давал ни есть, ни пить. Так я его доставил наконец в Темнолесье и отдал под стражу эльфам, об этом мы с ними заранее договорились. Я был рад от него избавиться, ибо он еще жутко вонял. Надеюсь, больше я его не увижу. Один Гэндальв выдерживал долгие беседы с ним.

— Долгие и утомительные, — подтвердил Гэндальв. — Зато с пользой. Во-первых, рассказ Голлума о том, как он потерял Кольцо, совпал с тем, что Бильбо нам сегодня впервые выложил

открыто. Хотя для меня было важно не это, об этом я уже догадывался; важно то, что Кольцо Голлума было выловлено из Великой реки у долины Ирисов. И еще я узнал, что он владел им очень долго. Он смертен и должен был давно умереть, но прожил во много раз дольше, чем отпускается таким маленьким существам. Кольцо продлило ему жизнь; но такой властью обладают лишь Великие Кольца. Если тебе мало этого доказательства, Гальдор, есть еще одна возможность проверить.

Вы все видели круглое и гладкое колечко, но знаки, которые срисовал Исилдур, еще можно прочитать, если подержать его в огне, — хотя не у всех хватит на это воли. Я проделал так, и вот что я прочитал:

Аш назг дурбатулук; Аш назг гымбатул;

Аш назг тхракатулук, агх бурзум ишш крымпатул!

Голос мага изменился. Он вдруг стал зловещим, мощным, грубым, как неотесанный камень, — и потемнело в зале, будто подернулось тенью яркое солнце… Все вздрогнули, эльфы заткнули уши.

— Никогда и никто не осмеливался произно-

сить слова на этом языке в Имладрисе, Гэндальв Серый! — проговорил Элронд, когда тень прошла и все перевели дыхание.

— И надеюсь, никто больше не осмелится, — ответил Гэндальв. — Однако, прощения я у тебя не прошу, досточтимый Элронд, ибо если вы все не хотите, чтобы этот язык проник вскоре во все уголки западного мира, — пока не поздно, отбросьте сомнения и поверьте, что Кольцо полуростиков — именно то, которое Мудрые назвали Сокровищем тайной мощи Врага. В нем заложена большая часть его древней силы. В Черные Годы эльфы-кузнецы Эрегиона впервые услышали страшные слова и поняли, что их предали:

Единое, чтоб всеми править; Единое, чтоб все сыскать;

Единое, чтоб их собрать и в цепь сковать!

Знайте, друзья, что от Голлума я узнал и многое другое. Он не хотел говорить, бормотал отрывочно и невнятно, но он, без сомнения, побывал в Мордоре, и там из него вытянули все, что он знал. Так что теперь Врагу известно, что Единое найдено, что оно долго находилось в Хоббитшире. Его слуги проследили путь Кольца почти до наших

дверей, и он очень скоро узнает, — если уже не узнал, — что оно здесь у нас.

* * *

Наступила тишина, потом молчание прервал Боромир.

— Ты говоришь, этот Голлум — мелочь? Маленький, но несет большую подлость? Что с ним стало? Какой приговор вы ему вынесли?

— Он всего лишь задержан и сидит под стражей, — ответил Арагорн. — Он и так много вытерпел. Его, без сомнения, сильно пытали, его сердце почернело от страха перед Сауроном. Но я доволен, что он сейчас под надежной охраной у эльфов Темнолесья. Его зловредность велика и придает ему силы, которые трудно даже представить, ведь на вид он худ и жалок. Если его отпустить, он много зла натворит. Я уверен, что из Мордора его выпустили не иначе как с лиходейским поручением.

— Увы! Увы! — вскричал Леголас, и красивое лицо эльфа исказилось от отчаяния. — Я должен немедленно все сказать. Я нес сюда плохие вести, но лишь сейчас понял, какими бедами для нас чревато случившееся. Смеагол, называемый Голлумом, бежал!

— Бежал?! — воскликнул Арагорн. — Очень плохая новость. Боюсь, что все мы об этом горько пожалеем. Как же эльфы Трандуила его упустили?

— Не по недостатку бдительности, а пожалуй, от избытка добросердечия, — сказал Леголас — И мы подозреваем, что пленник получил помощь извне, а значит, о наших действиях Врагу известно больше, чем нам хотелось бы. По просьбе Гэндальва мы днем и ночью стерегли эту тварь, хотя нам было очень противно; но сам Гэндальв говорил, что можно все же надеяться на его исправление, и нам было жаль все время держать его в пещерных подвалах, где им снова овладевали собственные черные мысли.

— Со мной вы так не нежничали, — сказал Глоин, и глаза его сверкнули. Он вспомнил, как сам сидел в плену у короля эльфов в этих самых глубоких подвалах.

— Ну, ну, не перебивай! — вмешался Гэндальв. — То был результат досадного непонимания, добрый Глоин, и все давно улажено. Если эльфы и гномы начнут здесь вспоминать все свои ссоры и обиды, придется отменить Совет.

Глоин встал и поклонился, а Леголас продолжал:

— В хорошую погоду мы выводили Голлума через лес на поляну, где стояло высокое дерево отдельно от других, он любил на него залезать. Мы разрешали ему взбираться на самые верхние ветки, чтобы почувствовать свежий ветер, а сами ставили стражу внизу у ствола… В тот день он отказался слезать, когда его позвали, а стражники не захотели лезть за ним, — он научился приклеиваться к веткам, вцепившись в них руками и ногами, так что не отдерешь, и они решили остаться под деревом до ночи.

Летняя ночь выдалась безлунная и беззвездная, и на нас внезапно напали злобные орки. Мы довольно скоро прогнали злодеев, их было много, но они пришли с гор, и в лесу чувствовали себя неуверенно. После боя обнаружилось, что Голлума нет, а его охранники убиты или уведены в плен. Нам стало ясно, что орки напали с целью его выручить, и что он об этом заранее знал. Как ему сообщили — неведомо. Он хитрый, а шпионов у Врага хватает. Зловредные твари, которых прогнали из нашего Леса в тот год, когда был убит Дракон, снова сползаются во множестве; только наше поселение от них свободно, а остальное Темнолесье опять пользуется дурной славой. Голлума так и не поймали. Его следы смешались с

орчьими и сначала шли в глубь леса, на юг. Потом мы их потеряли и на этом прекратили погоню. Уже близко был Дол Гулдур, то место плохое, мы туда не ходим.

— Ну что ж, бежал так бежал, — сказал Гэндальв. — У нас больше нет времени за ним гоняться. Значит, будет творить, что хочет. И пока ни он, ни Властелин Мордора не знают, какую роль ему еще суждено сыграть… А теперь я отвечу на оставшиеся вопросы Гальдора, — продолжал маг. — Где Саруман и что бы он посоветовал? Об этом я должен рассказать подробно, ибо говорил пока лишь Элронду, да и то не все. А то, что вы узнаете, повлияет на ваше решение. Итак, переходим к последней на сегодняшний день главе Повести о Кольце.

* * *

— В конце июня я был в Хоббитшире, но тревога не покидала меня, и я направился к южным границам этой маленькой страны. Я предчувствовал опасность, знал, что она приближается, но что именно — не знал. Там до меня дошли вести о боях и поражениях в Гондоре, а когда я услышал о Черной Тени, сердце мое сжалось, как от холода. Однако встретил я лишь отдельных беженцев с

юга. Мне показалось, что они боятся, но не хотят об этом говорить. Я свернул на северо-восток и поехал по Зеленому Тракту. Недалеко от Бригорья на обочине дороги отдыхал путник. Его конь пасся рядом. Я узнал Радагаста Бурого, который одно время жил в Розгобеле, на границе с Темнолесьем. Он тоже маг, как и я, но я его много лет не видел.

«Гэндальв! — закричал он. — Я тебя искал. Но я здешних мест не знаю. Мне только сказали, что тебя надо искать в дикой стране с нелепым названием *Хоббитшир*».

«Правильно сказали. Только не говори о нем так, если встретишь местных жителей, — ты уже у его границ. Зачем я тебе понадобился? Есть важные новости? Ты никогда не срывался с места без крайней необходимости».

«У меня срочное поручение, — сказал он. — Вести скверные, — тут он оглянулся, будто бы у кустов могли быть уши, и зашептал: — Назгулы. Девятеро снова появились. Тайно перешли Великую реку и движутся к западу. В облике Черных всадников».

Тут я понял, почему ощущал смутный страх.

«У Врага какой-то тайный замысел, — сказал Радагаст. — Но я не могу догадаться, зачем ему

понадобились эти дальние и малонаселенные земли».

«О чем ты?» — спросил я.

«Мне сказали, что Всадники везде спрашивают про какой-то Шир».

«Хоббитшир — не какой-то», — сказал я, но сердце у меня упало. Даже Мудрые страшатся встретить Девятерых, когда они собираются в боевой отряд под рукой короля-Чернокнижника. В прошлом колдун и великий вождь, сейчас он может убить одним страхом.

«Кто же тебе все это сказал и кто поручил найти меня?» — спросил я.

«Саруман Белый, — ответил Радагаст. — Он прислал меня сказать, что если тебе нужна помощь, он поможет. Но отправляйся к нему за помощью сейчас же, а то будет поздно».

Сообщение Радагаста принесло мне надежду. Ведь Саруман Белый — величайший из магов. Радагаст, конечно, достойный коллега, мастер форм и оттенков, знаток трав, животных и птиц; птицы особенно дружелюбно к нему относятся. Но Саруман долго изучал пути и повадки Врага, благодаря ему мы часто могли предотвратить угрозу или вовремя подготовиться. Именно Саруман придумал, как прогнать Саурона из Дол

Гулдура. Может быть, он нашел средство, как прогнать Девятерых назад за Андуин.

И я сказал, что поеду к Саруману.

«Тогда отправляйся *немедленно*, — посоветовал Радагаст. — Я много времени потратил, пока тебя искал, а дни бегут быстро. Саруман просил найти тебя до Середины лета, а она как раз сейчас. Даже если ты поедешь прямо сегодня, ты можешь не успеть добраться до него раньше, чем назгулы доберутся до Хоббитшира. Я сам тотчас же отправлюсь домой».

Он вскочил на коня и собрался отъехать.

«Задержись на мгновенье! — попросил его я. — Нам понадобится твоя помощь и вообще всяческая помощь. Оповести всех зверей и птиц, которые тебе верны. Пусть пока собирают все сведения об этом деле и сообщают в Ортханк Саруману и Гэндальву».

«Будет сделано», — сказал он и ускакал так быстро, будто его уже преследовали назгулы.

* * *

Я не мог за ним угнаться. В тот день я очень много проехал, мой конь устал не меньше моего, и надо было все обдумать. Я заехал на ночь в Бригорье, раскинул мозгами и решил, что попасть в

Хоббитшир не успею… Никогда я не делал большей ошибки.

Фродо я написал письмо, поручил трактирщику — он мой друг — отослать его в Хоббиттаун, а сам на рассвете тронулся в путь. До Исенгарда, где живет Саруман, я добирался довольно долго. Это далеко на юге в конце Мглистого хребта, ближе к Роханскому Проходу. Боромир подтвердит, что там большая долина между его родными Белыми горами Гондора, Эред Нимрас по-нуменорски, и самыми южными отрогами Мглистых гор. В северной части долины, в неприступной горной котловине с отвесными скалами-стенами стоит каменная башня Ортханк. Эту башню Саруман не строил. Она вообще не похожа на рукотворную. Ее возвели в давние времена нуменорцы: очень высокая, со множеством секретов и тайных помещений, она имеет только один вход, а попасть в котловину можно через единственный туннель с крепкими воротами, пробитый в скалах.

Поздно вечером подъехал я к массивной арке этих ворот. Возле них стояла многочисленная стража; обо мне, по-видимому, знали, ибо мне было сказано, что Саруман ждет. Я въехал под арку, ворота бесшумно захлопнулись позади, и вдруг меня охватил страх, но я не понял почему.

Я подъехал к башне Ортханк и поднялся по ступеням крыльца. Саруман встретил меня у входа и проводил к себе в верхний покой. На пальце у него я заметил кольцо.

«Значит, ты пришел, Гэндальв», — сказал он хмуро, но мне показалось, что в глубине его глаз сверкнул белый луч холодной насмешки.

«Да, пришел, — ответил я. — Я пришел к тебе за помощью, Саруман Белый!»

Этот титул, похоже, разозлил его.

«Неужели, Гэндальв *Серый?* — спросил он с издевкой. — За помощью? Редко приходится слышать, что Гэндальв Серый просит помощи, — такой хитрый и умный, такой вездесущий, который лезет во все дела, даже если они его не касаются!»

Я смотрел на него и удивлялся.

«Но если я не ошибаюсь, — сказал я, — сейчас надвигаются события, которые потребуют объединения всех наших усилий?»

«Может быть, и так, — ответил Саруман, — но ты поздно об этом подумал. Сколько времени, хотел бы я знать, ты скрывал от меня, главы Совета, дело огромной важности? И почему вдруг бросил свое тайное убежище в Хоббитшире и явился сюда?»

«Девятеро снова явились, — ответил я. — Переправились через Великую реку. Радагаст сказал мне об этом».

«Радагаст Бурый! — расхохотался Саруман, больше не скрывая презрительной издевки. — Радагаст Укротитель Птичек! Радагаст Простак! Дурень Радагаст! У него хватило ума лишь на то, чтобы сыграть роль, которую я ему определил. Ты здесь, а это было единственной целью моего поручения. И ты останешься здесь, Гэндальв Серый, пора тебе отдохнуть от странствий. Ибо так решил я, Саруман Мудрый, Саруман Делатель Колец, Саруман Многоцветный!»

Тогда я увидел, что показавшееся вначале белым, его одеяние было совсем не белым, а сотканным из многих цветов, которые переливались и меняли оттенки при движении так, что рябило в глазах.

«Мне больше нравился Белый», — сказал я.

«Белый! — фыркнул он. — Он годится только для начала. Белую ткань можно выкрасить. Белую бумагу — исписать. Белый цвет дробится на семь цветов».

«И перестает быть белым, — упорствовал я. — А тот, кто дробит, чтобы узнать суть, разрушив, сходит с тропы Мудрых».

«Зря ты со мной говоришь, как с теми дурнями, которых набрал в друзья, — сказал Саруман. — Я вызвал тебя сюда не для того, чтобы ты мне морали читал. Я готов предложить тебе выбор».

Он выпрямился и произнес речь, по-видимому, приготовленную заранее:

«Древняя эпоха прошла. Средняя проходит. Наступают Новые Дни. Время эльфов кончилось. Начинается наше время. Мир будет принадлежать людям, а мы должны управлять ими. Но нам нужна власть, чтобы делать то, что мы хотим, потому что лишь Мудрые видят, в чем истинное благо».

«Слушай, Гэндальв, старый друг и помощник, — продолжал он, подходя ближе ко мне и понижая голос, — я сказал „мы“, потому что если ты присоединишься ко мне, нас будет двое. Рождается *новая Сила*. В борьбе с ней старая тактика и старые союзы не помогут. Эльфы и вымирающие нуменорцы обречены. У тебя, у нас фактически нет выбора. Мы можем присоединиться к новой Силе, и это будет мудро, Гэндальв. В ней надежда. Она вот-вот победит. Тех, кто ее поддержит, ждет великая награда. Эта Сила крепнет, Гэндальв, и возвышает преданных ей друзей. Имея терпение, мы, Мудрые, сможем научиться направлять ее и

управлять ею. Мы дождемся своего часа, замкнем до времени свои сердца и души, может быть, втайне пожалеем о неизбежных проявлениях Зла, но примем и одобрим высокие конечные цели: *Знание, Закон, Порядок*. Мы всегда стремились к ним, но наши усилия были напрасны, ибо слабые и праздные друзья скорее мешали нам, чем помогали. Цели наши не изменились и не изменятся, меняются средства».

«Саруман, — сказал я, — я уже слышал такие речи. Их произносят посланцы Мордора, обманывая несведущих. У меня в голове не укладывается, что ты мог вызвать меня в такую даль для того только, чтобы у меня устали уши?»

Он бросил на меня косой взгляд и промолчал. Потом сказал:

«Вижу, что не смог растолковать тебе, что такое путь истинно мудрых. До тебя еще не доходит? Я же предлагаю лучший путь!»

Он подошел совсем близко, коснулся моей руки длинными пальцами и прошептал:

«Но, Гэндальв, почему? А Кольцо Всевластья? Если мы завладеем им, Сила и Власть перейдут к нам. Поэтому я тебя пригласил. У меня на службе много глаз, я догадываюсь, что ты узнал, где Сокровище. Разве не так? А иначе зачем Девятерым

Хоббитшир? И почему ты там околачиваешься?»

Тут я увидел в глазах Сарумана алчность, которую он не сумел скрыть.

«Саруман, — сказал я, отступая, — Единое Кольцо можно надеть только на одну руку, ты это отлично знаешь, поэтому не трудись говорить „мы“. Но я его тебе не отдам. Больше того, узнав твои намерения, я тебе про него ничего не скажу. Ты был главой Совета, но наконец сбросил маску. Предложение твое, как я понял, означает выбор между тобой и Сауроном. Не подчинюсь ни ему, ни тебе. Что еще предложишь?»

Теперь в его взгляде была холодная угроза.

«Да, — сказал он, — я не ждал, что ты проявишь мудрость, даже для своей выгоды. Но я предложил тебе добровольно содействовать мне, не растрачивая силы зря. Ты отказался. Остается третье: ты остаешься здесь до конца!»

«До какого конца?»

«Пока не кончишь упрямиться и не откроешь мне, где находится Единое. Может быть, я найду средство переубедить тебя. Или пока оно не найдется само, без твоего участия. Тогда у его Всевластного обладателя хватит времени на заботы полегче: к примеру, достойным образом наградить Гэндальва Серого за то, что он мешал

и упорствовал».

«Это, пожалуй, окажется не так-то легко», — ответил я.

Он засмеялся мне в лицо, ибо знал, что мои слова — всего лишь слова.

* * *

Меня схватили и отвели на шпиль Ортханка, на площадку, с которой Саруман наблюдал за звездами. Спуститься оттуда можно только по узкой лестнице в несколько тысяч ступеней. Долина внизу казалась такой далекой! Я смотрел и видел, что там, где раньше росла зеленая трава, теперь были провалы шахт и крыши кузниц. В Исенгарде держали волков и орков, ибо Саруман собирал большое войско, пытаясь соперничать с Сауроном. Значит, он пока ему не подчинился. Темный дым висел над котловиной и окутывал стены Ортханка. Я словно стоял один на острове в тучах. Отсюда нельзя убежать, мне предстояли горькие дни. Меня пронизывал холод, а места было мало даже для того, чтобы согреться, шагая от одного края площадки к другому. Я думал о Всадниках, мчащихся к северу.

В том, что это — Девятеро, я не сомневался. Я уже не верил Саруману, но про назгулов он ска-

зал правду. Еще по дороге, задолго до прибытия в Исенгард, я получил достоверные известия. Я очень боялся за друзей в Хоббитшире, и все же у меня были кое-какие надежды: я предполагал, что Фродо получил мое письмо и сразу вышел в Райвендел. Он мог добраться туда раньше, чем за ним начнется смертоносная погоня. Но я ошибался и в опасениях, и в надежде. Понадеялся на толстого бригорянина и боялся мудрости Саурона. Но толстяки, торгующие пивом, в суете легко забывают поручения; а Девятеро оказались не всемогущими. У страха глаза велики. Тогда я был один, в ловушке, и просто не мог представить, что те, перед кем все трепещут, не справятся с полуростиками в далеком Хоббитшире.

— А я тебя видел! — воскликнул Фродо. — Ты шагал взад — вперед. Луна освещала твои волосы!

Гэндальв замолчал и окинул его удивленным взглядом.

— Это было во сне, — сказал Фродо. — Я его забыл, а теперь вдруг вспомнил. Он мне снился давно, почти сразу после ухода из Хоббитшира.

— Этот сон к тебе, как видишь, опоздал, — сказал Гэндальв. — Я оказался в жутком положении. Те, кто меня знает, согласятся, что я редко попа-

даю в подобные переделки и плохо их переношу. Поймать Гэндальва Серого, как муху, в предательскую паучью сеть! Но в самой хитроумной паутине может найтись слабая нить.

Сначала я чуть не подумал, что Радагаст Бурый стал предателем, — наверное, Саруман рассчитывал, что я в это поверю. Но при нашей встрече я не слышал в его голосе ни одной фальшивой ноты, и взгляд его был ясен. Если бы я почувствовал неладное, я бы не отправился в Исенгард или принял меры предосторожности. Саруман подумал об этом. Он обманул Радагаста, потому что склонить его к предательству он бы не смог. Радагаст честен и верен. Но поэтому и не удался до конца план Сарумана.

У Радагаста не было причин не выполнить обещание, данное мне. Мы расстались, он поскакал в Темнолесье, где у него много друзей. Горные орлы летают далеко и много видят. Они заметили, как собираются в стаи волки, видели банды орков, слышали о побеге Голлума и заметили Черных Всадников, скачущих по северным долинам. И орлы послали ко мне гонца.

Лунной ночью в конце лета быстрейший из больших горных Орлов Гвайр-Вихребор тайно подлетел к Ортханку и увидел меня на башенной

площадке. Я заговорил с ним, и он унес меня с Башни раньше, чем Саруман спохватился. Я был уже далеко от Исенгарда, когда орки на волках выехали из ворот за мной в погоню.

«Как далеко отсюда ты сможешь меня унести?» — спросил я Гвайра.

«За много гонов, — сказал он. — Но конечно, не на край света. Меня послали доставить новости, а не возить грузы».

«Тогда мне нужен конь, чтобы скакать по земле, — сказал я, — причем сверхбыстрый, ибо я никогда так не спешил».

«Значит, я отнесу тебя в Эдорас, где в Золотом Доме сидит повелитель Рохана, — сказал он. — Это недалеко отсюда».

О лучшем я и мечтать не мог, ибо в том Рубежном Крае живут рохирримы-коневоды, и нет в мире коней, которые сравнились бы с быстроногими скакунами, выращенными в степях между Мглистыми и Белыми горами.

«Как ты думаешь, рохирримам можно доверять, как прежде?» — спросил я Гвайра, ибо после предательства Сарумана стал еще меньше верить окружающим.

«Они платят дань лошадьми, — ответил он. — Говорят, что отсылают коней в Мордор. Но они

никому не служат. Если, как ты говоришь, Саруман предался Злу, между двух огней они долго не продержатся!»

* * *

Вихребор опустил меня на землю Рубежного Края еще до рассвета. Но я затянул свой рассказ. Об остальном поведаю кратко.

В Рохане уже ощущалось Зло: действовала ложь Сарумана. Король не желал слушать моих предупреждений. Он разрешил мне выбрать коня — и попросил тотчас же удалиться. Я выбрал жеребца, который мне очень понравился, но это очень не понравилось королю: я взял лучшего коня из его табунов, подобного ему мне до сих пор не приходилось видеть.

— Значит, это в самом деле благородное животное, — сказал Арагорн. — Но больше остальных новостей меня огорчает то, что Саурон вымогает дань лошадьми. Когда я последний раз был в Рохане, такого не было.

— Могу поклясться, что и сейчас нет! — вмешался Боромир. — Все это ложь, которую распространяет Враг. Я знаю рохирримов: они наши союзники, живут на землях, от нас полученных в давние времена. Это честный и бесстрашный

народ.

— Тень Мордора легла на дальние земли, — проговорил Арагорн. — Саруман пал под ее влиянием. Рохан окружен врагами. Кто знает, что ты там найдешь, если сам сможешь вернуться?

— Только не это! — воскликнул Боромир. — Они не станут покупать себе жизнь, продавая коней Врагу. Они любят лошадей почти как самих себя. Это и понятно. Кони рохирримов пришли вместе со своими хозяевами с севера, и подобно им, ведут род от благородных предков, живших в древности в свободных землях, не затронутых Тенью…

— Это правда, — сказал Гэндальв. — И среди них есть один, который мог родиться на утре мира. Кони назгулов ему уступают. Он неутомим и быстр, как ветер. Роханцы дали ему имя Серосвет. Днем его шерсть отливает серебром, а ночью на скаку он невидим, как серая тень. Шаг его удивительно легок! До меня никто не мог его оседлать, но я укротил его, и он помчал меня на север так быстро, что я пересек границу Хоббитшира как раз тогда, когда Фродо добрался до Могильников, хотя выехал из Рохана примерно тогда же, когда он ушел из Хоббиттауна.

Но по дороге беспокойство мое росло. Я всюду слышал о Черных Всадниках, и хотя изо всех

сил старался их догнать и почти настиг, они все равно были впереди меня. Потом я узнал, что они разделились: часть их осталась у восточной границы Хоббитшира, недалеко от Зеленого Тракта, остальные въехали в Хоббитшир с юга. Когда я добрался до Хоббиттауна, Фродо там уже не было, я только расспросил садовника Гэмджи. Расспрашивал долго, а узнал мало, ибо он все сводил разговор на недостатки новых хозяев Торбы.

«Я не выношу перемен, — говорил он. — Я старый и плохо переношу перемены к худшему. Это перемена к худшему», — повторял он снова и снова.

«Худшее еще не настало, — сказал я. — Надеюсь, что при твоей жизни не настанет».

Но из его болтовни я наконец понял, что с тех пор как Фродо уехал из Хоббиттауна, еще неделя не прошла, а вечером того дня, когда уезжал, он чуть не встретился с Черным всадником на своем Холме! Дальше я ехал в страхе. Добрался до Бакленда, он был охвачен волнением, как муравейник, в который ткнули палкой. Дом в Кричьей Балке был пуст, двери взломаны, на пороге валялся плащ Фродо. Я потерял надежду и не стал тратить время на расспросы окрестных жителей, а сразу поскакал за Всадниками. Зря, конечно;

если бы я собрал новости, был бы спокойнее. В следах Всадников оказалось трудно разбираться, ибо они шли в разных направлениях, и я даже растерялся. Потом определил, что один или двое направились в Бри, и сам поехал туда, перебирая в уме все, что скажу трактирщику.

«Его зовут Медовар, — думал я по дороге. — Если он виноват в том, что Фродо задержался, я его самого выварю. Или лучше поджарю старого болвана на медленном огне!»

Он, наверное, меньшего не ждал, потому что при виде меня упал на землю и завертелся, будто уже попал на сковородку.

— Что ты с ним сделал? — испуганно закричал Фродо. — Он нас принял как родных и очень старался помочь.

Гэндальв засмеялся.

— Не бойся за него! — сказал он. — Я его не укусил и даже облаять не успел, и был несказанно рад тому, что услышал, когда он перестал трястись, и тут же его обнял. Как это случилось, у меня в голове не укладывалось, но я узнал, что ты всего днем раньше был в Бригорье и утром ушел с Долгобродом.

«С Долгобродом?!» — громко закричал я от радости.

«Да, господин, кажется, так, — сказал Медовар, вероятно, не поняв меня и думая, что я сильнее рассердился. — Он к ним пристал, хотя я делал все, что мог, и они сговорились. Они очень странно вели себя все время, пока были здесь: можно сказать, своевольно…»

«Осел! Дурень! Дражайший и трижды достойнейший Медовар! — не в силах сдерживаться, орал я. — Это лучшие новости, которые я слышал с самой Середины лета! Да за них золотой дать можно! Я заговорю твое пиво высшим сортом на семь лет! Я сегодня ночью спокойно высплюсь — в первый раз не помню с каких пор!»

* * *

Так я остался ночевать в трактире, размышляя, что могло случиться с Всадниками. В Бригорье, похоже, знали только о двоих. Но той же ночью новостей прибавилось. С запада подскакали пятеро или шестеро Черных, повалили ворота и с воем, словно буря, пронеслись через поселок; бригоряне до сих пор дрожат и ожидают конца света. Я встал до рассвета и поскакал за Всадниками. Точно не знаю, но мне кажется, произошло вот что.

Предводитель Девятерых засел в засаде где-то

южнее Бри, послал туда сначала двоих, а четверо пробрались в Хоббитшир. Потом, когда их перехитрили в Кричьей Балке и в Бригорье, они возвратились к своему вождю с докладом, оставив тракт на какое-то время без охраны, — их шпионы, конечно, по нему ходили. После этого предводитель послал нескольких Всадников прямо на восток по бездорожью, а сам с остальными помчался по Большому Восточному Тракту в страшном гневе.

Ну, а я вихрем поскакал к горе Ветров, и на второй день перед закатом уже был там. Они меня опередили, но при моем появлении отступили, почувствовав, как во мне кипит ярость, и боясь действовать при свете. Я поднялся на гору Ветров. Однако с наступлением темноты они подошли близко, и я оказался в осаде в кольце старых развалин Амон Сул на вершине. Тут я хорошо поработал; думаю, что столько огня и света над этой горой не видали со времен древних сигнальных костров!

На рассвете я ускользнул от них, но пришлось идти в обход на север. Искать тебя в пустоши, Фродо, было бесполезно, да и глупо, когда за мной по пятам шли все Девятеро. Оставалось положиться на Арагорна. Я решил только отвлечь

нескольких назгулов, а вас опередить, добраться до Райвендела и выслать вам навстречу помощь. Всадники действительно поскакали за мной, но вскоре повернули и, кажется, направились к Броду. Таким образом, я все-таки немножко вам помог: на ваш лагерь под горой Ветров напало лишь пятеро врагов, а не все Девять.

Сюда я добирался по длинной и трудной дороге, вверх по реке Хмурой и через плато Эттенмур, так что явился с севера. Ехал и шел от горы Ветров до Райвендела почти четырнадцать дней, потому что отослал Серосвета: конь не мог быстро скакать по каменистым россыпям. Он направился к своему прежнему хозяину, но теперь он мне верный друг, и если понадобится, прискачет по первому зову.

Так вышло, что я оказался в Райвенделе за три дня до Кольца, когда здесь уже знали об опасностях, грозивших ему в пути. Все кончилось хорошо.

На этом я закончу свой рассказ, да простят мне Элронд и остальные, что он получился таким длинным. Но до сих пор не случалось, чтобы Гэндальв не приходил на назначенную встречу и нарушал обещание. Я считаю, что Хранителю Кольца обязательно надо было доложить, почему

так произошло.

Ну вот, теперь вы знаете все с начала до конца, — заключил маг. — Вот мы, а вот Кольцо. Пока мы топчемся на месте, и ничего не решено. Что будем с ним делать?

* * *

Гости долго сидели молча. Наконец, заговорил Элронд.

— Прискорбны и ужасны вести о Сарумане, — сказал он. — Ибо мы ему верили, и он посвящен во все наши планы. Слишком глубоко проникать в дела и замыслы Врага опасно и может оказаться гибельно, даже если поначалу преследовалась благородная цель. Увы! Подобные падения и измены случались и раньше. Но больше всего меня сегодня удивил рассказ полуростика Фродо. Из хоббитов я до сих пор знал очень немногих, кроме Бильбо. Значит, он не исключение, как я думал раньше. С тех пор, как я последний раз проходил по западным дорогам, мир сильно изменился.

Умерлий у нас называют по-разному, и много легенд рассказывают о Старом лесе; то, что от него осталось, — это всего лишь край бывшей северной полосы лесов. Было время, когда белка, прыгая с дерева на дерево, могла добраться из

нынешнего Хоббитшира в Дунланд, который находился западнее Исенгарда. Я бывал в тех землях и видел там много странного, удивительного и дикого.

О Бомбадиле я забыл. Если это тот самый Хозяин, что бродил по лесам и холмам давным-давно, то он и тогда был старше всех старейших. И звали его по-другому. Мы называли его Иарвеном Бен-Адаром, Безотчим. С тех пор он получил много других имен. Гномы зовут его Форном, а нуменорцы-северяне — Оральдом. Это странное существо. Быть может, стоило пригласить его на Совет?

— Он бы не пришел, — сказал Гэндальв.

— Может, еще не поздно отправить к нему гонца и попросить помощи? — спросил Эрестор. — Похоже, ему подвластно даже Кольцо.

— Я бы не так выразился, — сказал Гэндальв. — Лучше сказать, что он Кольцу не подвластен. Он сам себе Хозяин. Но он не может изменить Кольцо и не может лишить Кольцо власти над другими. Сейчас он уединился в маленьком уголке, в границах, которые сам определил; никто другой их даже не заметит, а он не переступит. Может быть, он ждет, когда мир переменится?

— Но, по-видимому, в этих границах его никто и ничто не тревожит? — спросил Эрестор. — Не

возьмет ли он Кольцо на сохранение, раз оно ему не опасно?

— Нет, — ответил Гэндальв. — Не захочет. Может, конечно, взять по просьбе Свободного Народа, но не захочет даже понять, насколько это важно! Если дать ему Кольцо, он скоро о нем забудет или вообще выбросит. Такие вещи его не заботят. Хранитель из него получится самый ненадежный. Одного этого достаточно, чтобы отклонить твое предложение.

— В любом случае, — сказал Глорфиндэл, — послав к нему Кольцо, мы бы лишь отсрочили страшное бедствие. Он далеко. Мы не сможем отнести ему Кольцо, оставшись незамеченными: всюду шпионы. А если сможем, рано или поздно Властелин Колец найдет его убежище и направит на него всю свою силу. Сможет ли Бомбадил выстоять в одиночку? Не думаю. Мне кажется, что если все вокруг будет уничтожено, Бомбадил падет. Он был когда-то первым, будет последним. И наступит Ночь.

— Иарвена я не знаю, — сказал Гальдор. — Я только слыхал его имя. Но мне кажется, Глорфиндэл прав. Силы, которая могла бы дать отпор Врагу, в нем нет. Может быть, она есть в самой земле? Не знаю. Пока Враг, как мы видим, терзает

и разрушает даже горы. Только у нас еще осталось немного силы — здесь в Имладрисе, у Кирдана в Серой Гавани и в Лориэне. Но хватит ли этой силы — этих сил, — чтобы противостоять Саурону в последний час, когда все остальное погибнет?

— У меня — нет, — сказал Элронд. — И у них не хватит.

— Тогда, если мы не сможем удержать Кольцо силой, чтобы Враг никогда его не получил, — сказал Глорфиндэл, — нам остается последний выбор: переслать его за Море или уничтожить.

— Но Гэндальв объяснил, что его нельзя уничтожить теми средствами, которые у нас есть, — сказал Элронд. — А за Морем его не возьмут: во Зло или на Благо, оно — часть нашего мира. Пока мы живем в Среднеземье, это наша забота.

— Значит, надо бросить Кольцо в бездну Моря, — сказал Глорфиндэл. — Сделаем так, чтобы ложь Сарумана стала правдой. Теперь ясно, что он лгал Совету: он тогда уже ступил на скользкий путь, зная, что Кольцо не пропало навечно. Он хотел, чтобы мы думали, что его нет, ибо сам возжелал его. Во лжи часто кроется доля правды — Море надежно укроет Кольцо.

— Надежно, но, к сожалению, не навечно, — сказал Гэндальв. — В морских глубинах живут

разные твари, и море и земля могут измениться. Мы не имеем права думать лишь о каком-то ограниченном времени, нескольких людских поколениях или быстро проходящей эпохе. Мы должны покончить со страшной угрозой навсегда, а если не сможем, то надо хотя бы попытаться.

— По дороге к Морю угроза только возрастет, — вставил Гальдор. — Если считать опасной обратную дорогу к Иарвену, то путь к Морю чреват гибельными опасностями. Сердце говорит мне, что когда Саурон обо всем узнает, он вероятнее всего решит, что мы пойдем на запад. Это произойдет очень скоро. Девятеро остались без коней, но это лишь передышка, пока они не получат новых, еще более быстрых скакунов. Его военному походу на север вдоль всех побережий мешает пока один слабеющий Гондор. А если Саурон нападет на Белые Башни и Серую Гавань, эльфам некуда будет уйти от Тени, разрастающейся над Среднеземьем.

— О его военном походе на север пока речи быть не может, — перебил Гальдора Боромир. — Ты сказал, что Гондор слабеет. Но Гондор пока стоит и, хотя борется из последних сил, стоит крепко.

— Однако при всей бдительности гондорцев

Девятеро прорвались, и удержать их никто не смог, — сказал Гальдор. — Могут найтись и другие, обходные пути, которые гондорские воины не охраняют.

— Но все равно выходит, — заключил Эрестор, — что у нас, как сказал Глорфиндэл, два пути: навсегда скрыть Кольцо либо уничтожить его. Ни того, ни другого мы сделать не можем. Вот задача, которую надо решить!

— Ее здесь никто не может решить, — хмуро сказал Элронд. — Никто не предскажет, что может случиться, если мы выберем ту или иную дорогу. Но мне становится ясно, какую из них мы должны выбрать. Путь на запад легче. По нему часто ходят эльфы. Именно поэтому там идти нельзя. Его будут стеречь. Значит, надо выбирать трудную дорогу, на которой нас не ждут. В этом последняя надежда. Надо идти навстречу гибели — в Мордор, предать Кольцо огню.

* * *

В Зале Совета снова наступила тишина. Они сидели в мирном и красивом Доме, Фродо через окно видел освещенную солнцем долину, полнившуюся шумом веселой речки, но чувствовал, как к нему подбирается непроглядная Тьма. Бо-

ромир слегка пошевелился, и Фродо оглянулся на него. Гондорец сжимал пальцами большой рог и хмурил брови. Потом заговорил:

— Я вас не понимаю. Саруман предатель, но в мудрости ему не откажешь. Почему вы говорите только о сокрытии или уничтожении Кольца? Почему никто не подумал, что Великое Кольцо могло попасть в наши руки, чтобы послужить нам в беде? Обладая им, свободные властители свободного мира могут победить наверняка. Похоже, Враг больше всего этого боится.

Гондорцы храбры, они никогда не покорятся: но их можно разбить превосходящей силой. Отважному для победы нужна сила, а к силе нужно оружие. Если Кольцо обладает такой силой, как вы говорите, пусть оно станет вашим оружием. Берите его и побеждайте!

— Увы! — возразил Элронд. — Мы не можем использовать Кольцо Всевластья и теперь слишком хорошо об этом знаем. Черный Властелин делал его сам. Это Его Кольцо, в нем изначально заложено Зло. Им не может владеть любой, кто захочет. Его сила так велика, Боромир, что повелевать им дано лишь тому, кто сам обладает великой силой, а для таких Кольцо еще опаснее. Само желание владеть им разъедает сердца, как ржав-

чина. Вспомни Сарумана. Если Мудрый сбросит Властелина Мордора его собственным оружием, с помощью Кольца, он сам воссядет на Черный Трон, и появится новый Черный Властелин. Вот еще почему надо обязательно уничтожить Кольцо: пока оно находится в обитаемом мире, оно представляет опасность даже для Мудрых. Ибо никто не рождается совершенно черным и злым. Даже Саурон таковым не был. Я побоюсь брать Кольцо на сохранение. Я не хочу владеть им.

— И я не хочу, — сказал Гэндальв.

Боромир недоверчиво взглянул на них и опустил голову.

— Пусть будет так, — сказал он. — Придется нам в Гондоре надеяться на то оружие, которое у нас есть. Во всяком случае, пока Мудрые хранят Кольцо, мы будем сражаться. Быть может, Сломанный Меч преградит путь Врагу… если рука, владеющая им, унаследовала от предков королей не только меч, но и крепкие жилы.

— Как знать! — сказал Арагорн. — Будет день, когда мы это проверим.

— Скорей бы настал этот день! — сказал Боромир. — Хотя я не прошу помощи, нам она нужна. То, что другие тоже будут бороться с Врагом, отдавая борьбе все силы, очень нас поддержит.

— В этом не сомневайся, — сказал Элронд. — Ибо есть страны и силы, о которых ты не знаешь, от вас они скрыты. Андуин Великий течет мимо многих земель, прежде чем достигает Аргонатов, Врат Гондора.

— Но было бы лучше для всех, — произнес гном Глоин, — если бы эти силы объединились в общей борьбе. Должны же быть другие Кольца, менее коварные, которые можно применить в несчастье. Семь Гномьих пропали… разве что Балин нашел Кольцо Трора. Оно было последним. После гибели Трора в Мории о нем никто не слышал. Сейчас я могу сказать, что Балин ушел в Морию отчасти и потому, что надеялся его найти.

— Балин в Мории Кольца не найдет, — сказал Гэндальв. — Трор передал его своему сыну Трайну, а Трайн Торину ничего не передал. У Трайна его отняли под пытками в застенках Дол Гулдура. Я попал туда слишком поздно.

— Горе нам! — воскликнул Глоин. — Когда же придет день отмщения? Но есть еще три магических Кольца. Ведь Тремя Эльфийскими Враг не завладел? Известно, что это могущественные Кольца. Их тоже когда-то сделал Саурон, почему же владыки эльфов не страшатся держать их у себя? Они бездействуют? Здесь присутствуют

эльфийские вожди, пусть расскажут.

Эльфы молчали.

— Разве ты не слышал, что я говорил, гном Глоин? — спросил Элронд. — Саурон не ковал Эльфийские Кольца. Он к ним не прикасался. Но говорить о них не разрешено. Сегодня, в час сомнений, я могу сказать лишь вот что. Они не бездействуют. Но они делались не для войн и сражений. В них заложено другое. Те, кто их ковал, не хотели кровопролитий, власти силы, накопления богатств. Они хотели понимать друг друга и мир вокруг себя, творить, целить, сохранять чистоту во всем. Эльфы Среднеземья в какой-то мере всего этого добились, но к ним пришла печаль. Ибо все, что сделано с помощью Трех Колец, будет уничтожено, разрушено и обратится во зло, если Саурон вновь получит Единое Кольцо. Тогда сердца наши откроются ему, и он узнает наши помыслы, и будет так, что лучше бы этих Трех никогда не было. Вот чего он хочет.

— Ну, а если Кольцо Всевластья будет уничтожено, что будет тогда? — спросил Глоин.

— Мы не знаем наверняка, — ответил Элронд, и в его голосе прозвучала печаль. — Некоторые из нас надеются, что избежав прикосновения Саурона, Три Кольца тогда высвободятся, и их

носители смогут залечить раны, которые он нанес Среднеземью. Но когда Единого Кольца не станет, может пропасть и сила остальных, и много прекрасного, потускнев, канет в прошлое и забудется. Я думаю, что будет так.

— Однако, эльфы готовы рискнуть, — сказал Глорфиндэл, — и пожертвовать всем, если при этом будет сломлена мощь Саурона и навсегда уничтожен страх оказаться в его власти.

— Мы опять пришли к тому, что Кольцо надо уничтожить, — заключил Эрестор, — то есть снова топчемся на месте. Какими силами мы располагаем, чтобы идти искать Огонь, в котором оно было выковано? Это путь без надежды. Если бы меня не сдерживала вера в мудрость Элронда, я бы сказал, что это отчаянное безрассудство!

— Отчаяние или безрассудство? — сказал Гэндальв. — Это не отчаяние, ибо отчаиваются те, кто видит поражение и неизбежный конец. Мы его пока не видим. Понимание неизбежности риска, когда рассмотрены все возможные пути, — есть проявление мудрости. Безрассудством это может показаться тем, кто тешит себя ложными надеждами. Так пусть безрассудство будет нашим плащом, пеленой, которая застелет глаза Врагу. Он мудр, он умеет все точно взвешивать, но на

лиходейских весах, и мерой оценки ему служит собственная жажда власти. В его сердце не проникнет подозрение, что кто-то может отказаться от Кольца и тем более уничтожить его. Пытаясь это сделать, мы собьем его с толку.

— Пусть даже ненадолго, — сказал Элронд. — Дорога должна быть пройдена, она будет очень нелегка. Ни сила, ни мудрость нас на ней не выручат. Слабый может выполнить Дело не хуже сильного. Часто ведь так и вертятся колеса мира: слабые руки свершают великие дела, выполняя свой долг, а сильные протягиваются не туда, куда надо.

* * *

— Ладно, ладно, досточтимый Элронд! — вдруг произнес Бильбо. — Не продолжай! Ясно, к чему ты ведешь. Глупый хоббит Бильбо все это начал, пусть лучше он и покончит с этим всем и с собой. Мне было так уютно здесь жить, и Книга продвигается. Если хочешь знать, я уже придумываю, чем бы ее закончить. Я решил кончить так: «...и с тех пор он жил счастливо до конца дней». Хороший конец, который не становится хуже от того, что его много раз использовали. Теперь, вероятно, придется его изменить. Похо-

же, что такая концовка не будет соответствовать действительности; в любом случае, к Книге теперь добавится несколько глав, если я, конечно, доживу, чтобы их дописать. Ужасно досадно. Так когда мне идти?

Боромир удивленно посмотрел на Бильбо, но усмешка на его губах замерла, когда он увидел, что все остальные слушают старого хоббита с уважением и даже как-то торжественно. Один Глоин слегка улыбнулся, но улыбка его была доброй, — он вспомнил давнее совместное Приключение.

— Конечно, друг мой Бильбо, — произнес Гэндальв, — если бы ты действительно все это *начал*, тебе надо было бы и кончить. Но ты же сам хорошо знаешь, что Начало — очень большое дело, одному не поднять: герой может играть лишь маленькую роль в великих событиях. Не кланяйся! Не стоит благодарности. Мы не сомневаемся, что за твоей шуткой стоит смелое предложение. Но ты же не справишься, Бильбо. Ты не сможешь отнести Кольцо! И оно уже передано другому. Если хочешь послушать мой совет, оставайся летописцем и завершай Книгу, не меняя концовки! На такой финал есть надежда. Но готовься писать продолжение, когда Они вернутся.

Бильбо засмеялся.

— Ты мне еще ни разу не давал приятных советов, — сказал он. — Поскольку все твои неприятные советы приводили к хорошим последствиям, я боюсь, не привел бы сегодняшний приятный к плохим... Конечно, сил мне уже не хватит, чтобы отправиться с Кольцом, и удача может изменить. Сила Кольца выросла, а моя-то нет. Но скажи, кто это — Они?

— Те, кого пошлют с Кольцом.

— Это я понял. Но кто именно? Кажется, только это надо сегодня решить на Совете и больше ничего. И потом: эльфы, может быть, могут питаться одними речами, а гномы вообще очень выносливы, но я-то всего лишь старый хоббит, и без обеда мне плохо. Вы можете кого-нибудь назвать сейчас? Или отложим это на после обеда?

* * *

Ему не ответили. Прозвонил колокол. В Зале по-прежнему было очень тихо.

Фродо посмотрел на гостей, но ответного взгляда не встретил: все молчали, опустив глаза в пол, будто глубоко задумались. Ему стало очень страшно — словно он ждет объявления приговора, который давно предвидел и напрасно надеялся, что его отменят. Вдруг всем своим суще-

ством он почувствовал, как устал, как ему хочется отдохнуть и остаться с Бильбо в мирном уютном Райвенделе… А потом он с усилием открыл рот, и будто не он, а кто-то другой его голосом, проговорил очень тихо:

— Я отнесу Кольцо. Только я не знаю дороги.

* * *

Элронд поднял глаза и посмотрел на него. Фродо почувствовал, что этот взгляд проник в его сердце.

— Если я правильно понял то, что сегодня слышал, — сказал Элронд, — сделать это предназначено тебе, Фродо, и если ты не найдешь дорогу, ее никто не найдет. Пришел Час Хоббитшира. Полуростики отрываются от мирных полей, потрясают могучие крепости и смущают Советы Великих. Кто из Мудрых мог это предвидеть? Разве могли даже Знающие узнать об этом, пока не пробил Час?

Но эта ноша тяжела, Фродо. Настолько тяжела, что никому не дано переложить ее на другие плечи. Я не возлагаю это бремя на тебя. Но раз ты берешь его добровольно, скажу, что твой выбор правилен. И если бы собрались здесь все могучие Друзья эльфов давних времен — Хадор, и Хурин,

и Турин, и сам Берен, — ты занял бы достойное место среди них!

— Но ведь вы не пошлете его одного, правда, господин Элронд?! — вскричал Сэм, у которого не хватило терпения больше сдерживаться. Он выскочил из угла, где до сих пор тихо и незаметно сидел на полу.

— Нет, конечно, — ответил Элронд, с улыбкой поворачиваясь к нему. — Уж ты-то наверняка с ним пойдешь. Разве тебя от него оторвешь, если ты осмелился пойти за ним без приглашения даже на тайный Совет?

Сэм сел, покраснел до ушей, пробормотал:

— Ну и влипли мы с вами, господин Фродо! — и горестно покачал головой.

Глава третья. Кольцо отправляется на юг

В тот же день вечером хоббиты собрались на свой совет в комнатке Бильбо. Мерри с Пипином возмутились, узнав, как Сэм пробрался в Зал Совета Мудрых и был избран спутником Фродо.

— Это нечестно, — говорил Пипин. — Вместо того чтобы вышвырнуть его вон и заковать в цепи, Элронд взял и наградил его за наглость!

— Наградил! — грустно сказал Фродо. — Да хуже наказания не бывает! Думай, прежде чем рот открыть. Приговорил идти в безнадежный поход, вот так награда! А мне вчера снилось, что я выполнил задание и могу здесь долго отдыхать, может быть, даже остаться насовсем…

— Ничего удивительного, — сказал Мерри. — Я бы желал тебе того же. Но мы Сэму завидуем, а не тебе. Раз уж ты не можешь не идти, нам нет хуже наказания, чем остаться, пусть даже в Райвенделе. Мы уже много прошли вместе и в серьезные переделки попадали. Хотим идти с тобой дальше.

— Так и я об этом говорю, — сказал Пипин. — Мы, хоббиты, должны держаться вместе, иначе нельзя. Я все равно пойду, если только меня на цепь не посадят. Надо же, чтобы рядом с тобой шел хоть один разумный спутник!

— Тогда тебя наверняка не выберут, Перегрин Тук! — произнес Гэндальв, заглядывая в комнату через окно. — Не суетитесь зря, ничего еще не решено.

— Как ничего не решено! — воскликнул Пипин. — А чем вы все занимались столько часов за закрытыми дверями?

— Говорили, — объяснил Бильбо. — Там много

говорили, и каждый, даже старина Гэндальв, узнавал такое, от чего глаза на лоб лезли. Я думаю, то, что рассказал Леголас про Голлума, было для Гэндальва здорово неожиданно, только он не подал виду.

— Ошибаешься, — возразил Гэндальв. — Ты невнимателен. Я уже все это слышал от Гвайра. Если хочешь знать, по-настоящему вытаращивали глаза только вы с Фродо, а я как раз был единственным, кто не удивлялся.

— Ну ладно, — сказал Бильбо. — Но все равно ничего не решили, только выбрали Фродо и Сэма. Бедняги, я все время боялся, что именно так и выйдет, если меня вычеркнут из игры. Но насколько я понял, Элронд пошлет их не одних, а с целым отрядом — как только разведчики вернутся. Они уже ушли, Гэндальв?

— Да, — ответил маг. — Одни ушли, а другие уйдут утром. Элронд посылает эльфов. Они свяжутся со стражами-северянами и, может быть, с племенем Трандуила из Темнолесья. Арагорн ушел с сыновьями Элронда. Надо прочесать все на много гонов вокруг, прежде чем трогаться в путь. Так что, не горюй, Фродо! Ты, наверное, еще долго здесь погостишь.

— Вот-вот, как раз зимы дождемся! — хмуро

пробурчал Сэм.

— Тут уж ничего не поделаешь, — заметил Бильбо. — Тут ты отчасти сам виноват, Фродо-малыш; зачем ждал моего дня рождения? Да и отпраздновал довольно-таки странно. Я бы не стал пускать С.-Торбинсов на Холм именно в этот день! Вон ведь как выходит: ждать весны уже нельзя, а уходить до получения вестей от разведчиков еще нельзя.

Когда мороз кусаться начнет,
И камни ночами станут трещать,
Вода почернеет, листва опадет, —
По Диким Землям страшно блуждать…

Боюсь, что у вас так и получится.

— И я боюсь, что так и выйдет, — сказал Гэндальв. — Но надо выяснить, где сейчас Всадники, и только тогда идти.

— Я думал, они все погибли в разливе, — сказал Мерри.

— Кольценосцы просто так не погибают, — ответил Гэндальв. — В них сила их Властелина. Мы надеемся, что они остались без лошадей и одежд, придававших им облик, так они менее опасны; но в этом надо убедиться. Тем временем попытайся

забыть свои страхи, Фродо. Не знаю, смогу ли я тебе чем-нибудь помочь, но шепну по секрету вот что. Здесь кое-кто намекал, что тебе понадобится разумный спутник. Он совершенно прав. Думаю, что я пойду с тобой.

Фродо так обрадовался его словам, что довольный Гэндальв слез с подоконника, на котором успел устроиться, и с поклоном снял шляпу.

— Я сказал только, что *думаю*, что пойду. Ты пока на меня окончательно не рассчитывай. В этом деле главное слово скажут Элронд и твой друг Долгоброд. Кстати, я вспомнил, что надо поговорить с Элрондом. Я пошел.

— Как ты думаешь, сколько я еще тут пробуду? — спросил Фродо у Бильбо, когда маг ушел.

— Понятия не имею, — ответил Бильбо. — Я в Райвенделе дни считать не могу. Наверное, долго. Наговориться успеем. Ты бы помог мне закончить Книгу и, кстати, начать свою Историю? Про ее концовку ты еще не думал?

— Думал, и не один раз, — ответил Фродо. — Ничего хорошего, мрак и неприятности.

— Совсем не годится! — воскликнул Бильбо. — Книги должны хорошо кончаться. Что ты скажешь, например, про такой конец: «… и с тех пор они больше никуда не ездили и жили счаст-

ливо до конца дней»?

— Очень подходящая концовка, если получится, — сказал Фродо.

— Ах! — воскликнул Сэм. — А где они жили счастливо? Я вот об этом думаю.

* * *

Хоббиты еще некоторое время поболтали о путешествии, вспоминая дорогу в Райвендел и пытаясь представить, что ждет их впереди, но таково было благотворное влияние здешних мест, что вскоре все их страхи и тревоги развеялись. О будущем они не забывали, но оно перестало омрачать настоящее. Хоббиты отъелись, набрались сил, радовались погожим дням, веселым трапезам и красивым песням. В такой обстановке и надежды крепли.

Дни шли за днями. По утрам теперь было ясно и свежо, вечера становились прохладными. На смену осени подходила зима. Золотая листва постепенно выцветала в бледное серебро и падала с деревьев. С Мглистых гор на востоке задували холодные ветры. Белесая Охотничья Луна прогнала с неба все звезды поменьше, только на юге с каждой ночью все ярче разгоралась одна багровая звезда. Фродо видел ее из окна — словно

следящий красный глаз над верхушками деревьев в темной глубине неба.

* * *

Хоббиты провели в Доме Элронда почти два месяца. Прошел ноябрь и была уже середина декабря, когда стали возвращаться разведчики. Одни ходили на север, к истокам реки Хмурой и на плато Троллей Эттенмур, другие были на западе и вместе с Арагорном и стражами-скитальцами обследовали земли вниз по реке Серой до Тарбада, где Старо-южный тракт пересекал реку возле разрушенного города. Большие отряды были посланы на юг и на восток: некоторые сразу перевалили Мглистые горы и направились в Темнолесье, а другие прошли через перевал у истоков ручья Ирис, в долину Ирисов и затем — в долину реки Андуин. Они побывали в старом Розгобеле, где жил Радагаст. Радагаста дома не было. Разведчики вернулись в Райвендел через высокогорный перевал, который зовется Ступенями Димрилла. Сыновья Элронда, Элладан и Элрохир, пришли последними. Они совершили большой поход, спустились по Серебринке к Андуину, побывали в какой-то необыкновенной стране, но о своем походе рассказали лишь отцу.

Разведчики нигде не встретили следов Черных Всадников или других прислужников Врага. Даже большие орлы с Мглистых гор ничего нового о них рассказать не могли. О Голлуме никто не слышал, он словно сквозь землю провалился. Но на севере собирались стаи диких волков и нападали на поселения в верховьях Великой реки. У Бруиненского брода нашли сразу три конских трупа. Еще пять утонувших черных коней разведчики обнаружили ниже Брода, на перекатах. Там же, прибитый течением к утесу, мок длинный рваный черный плащ. Больше от Всадников следов не осталось. Похоже, что с севера они ушли.

— Это восемь из девяти, — сказал Гэндальв. — Делать выводы рановато, но надеюсь, Кольценосцы оказались рассеянными, и им пришлось вернуться в Мордор ни с чем. Понадобится время, чтобы они смогли снова выйти на охоту. У Врага, конечно, есть другие слуги, но чтобы напасть на наш след, им придется идти до самого Райвендела. А мы будем осторожны и постараемся скрыть следы. Однако задерживаться больше нельзя.

* * *

Элронд призвал хоббитов к себе.

— Пора, — произнес он, сурово глядя на Фро-

до. — Кольцу пора в путь, и чем скорее, тем лучше. Но те, кто пойдет с ним, должны знать, что вооруженной помощи им от нас не будет. Нести Кольцо придется в земли Врага. Ты по-прежнему считаешь, что должен идти с Кольцом, Фродо? Твое слово окончательно?

— Да, я пойду, — сказал Фродо. — С Сэмом.

— Даже советом не могу я тебе помочь, — сказал Элронд. — Я почти не вижу твою дорогу. Как будет выполнена твоя задача, не знаю. Тень уже подползла к Мглистым горам, а с юга подбирается к реке Серой. В Затененные земли мой взор не проникает. Ты встретишь в пути много явных и тайных врагов; может быть, встретишь друзей там, где меньше всего ожидаешь. Я разошлю о тебе вести всем, кого знаю в дальних странах, но сейчас в мире столько опасностей, что вести могут не дойти или опоздать. И я подберу тебе спутников из тех, кто сможет и захочет пойти. Их должно быть немного, ибо твоя надежда — скорость и скрытность. Если я отправлю с тобой эльфийский отряд в добром древнем вооружении, это лишь заставит Врага собрать в Мордоре новые силы.

В Отряд Кольца войдут девять участников — девять пеших странников против Девяти Черных

Всадников. Кроме тебя и твоего верного слуги, пойдет Гэндальв. Может быть, это Дело станет его великим подвигом, завершением больших трудов.

Остальные спутники будут представителями свободных народов свободного мира — эльфов, гномов и людей. Леголас пойдет от эльфов, Гимли сын Глоина — от гномов. Они вызвались идти до горных перевалов и, может быть, пойдут дальше. От людей с вами будет Арагорн сын Араторна, ибо Кольцо Исилдура ближе всего касается его.

— Долгоброд! — воскликнул Фродо.

— Именно, — улыбнулся Арагорн. — Я снова прошусь идти с тобой, Фродо.

— Это я должен был просить тебя пойти, — сказал Фродо. — Но я думал, ты уходишь с Боромиром в Минас Тирит.

— Ухожу, — сказал Арагорн. — И Сломанный Меч будет перекован для войны. Но наши дороги совпадут на много сотен миль. Поэтому и Боромир будет в нашем Отряде. Он отважный воин.

— Остается подыскать еще двоих, — сказал Элронд. — Я подумаю и подберу кого-нибудь из своих домочадцев.

— Но тогда нас не возьмут! — огорченно воскликнул Пипин. — Мы не хотим оставаться! Мы

пойдем с Фродо!

— Вы не понимаете, что вас ждет, — сказал Элронд. — Даже представить не можете.

— Так и Фродо не может, — сказал Гэндальв, неожиданно поддерживая Пипина. — И никто из нас ничего ясно себе не представляет. Если бы эти хоббиты понимали всю опасность, они бы побоялись выходить из дому. Но, наверное, все равно хотели бы идти и хотели бы не бояться, и им было бы стыдно и жалко себя. Я думаю, Элронд, в таком деле лучше понадеяться на их дружбу, чем на силу и мудрость. Даже великий эльфийский воин Глорфиндэл не сможет в одиночку взять Черную Крепость или силой пробиться к Ородруину.

— Ты говоришь убедительно, — сказал Элронд. — Но я в сомнении. Я предвижу, что Хоббитшир может скоро оказаться в опасности, и хотел послать этих двоих туда, чтобы они предупредили свой народ и сделали все, что смогут. В любом случае, я считаю, что Перегрина Тука, как самого младшего, следует оставить. Не могу я его послать в такой поход, сердце противится.

— Тогда, господин Элронд, посади меня в тюрьму или свяжи и отправь домой в мешке, иначе я все равно убегу за Отрядом, — сказал Пипин.

— Будь по-твоему, ты пойдешь, — сказал

Элронд. — Итак, с Отрядом ясно. Через семь дней — в Поход!

* * *

Эльфы-кузнецы перековали меч Элендила и нанесли на его клинок герб — семь звезд между убывающим месяцем и лучистым солнцем, — а над ним заклинательные руны, ибо пришло время Арагорну сыну Араторна идти на войну к границам Мордора. Светло сверкал Перекованный Меч, отражая днем горячее солнце, а ночью холодный свет луны. И Арагорн дал ему новое имя — Андрил, Пламя Запада.

В эти последние дни Арагорн с Гэндальвом часто бродили по парку или сидели вдвоем, обсуждая предстоящий Поход, дорогу и возможные препятствия и опасности; они подолгу склонялись над картами и летописями, хранившимися в Доме Элронда. Фродо иногда присоединялся к ним, но поскольку целиком полагался на их мудрость и опыт, старался провести побольше времени с Бильбо.

Вечерами хоббиты приходили в Каминный зал, где эльфы рассказали им много разных легенд, и среди них — всю историю Берена, прекрасной Лютиэнь и великого сокровища — Сильмарила.

Днем Мерри с Пипином обычно ходили гулять, а Фродо и Сэм сидели в маленькой комнатке у Бильбо. Бильбо читал им главы из своей Книги (которая никак не хотела заканчиваться), стихи, или записывал с их слов приключения Фродо.

Утром в последний день Фродо один пришел к Бильбо, и старый хоббит вдруг полез под кровать, выдвинул оттуда деревянный сундучок и стал в нем рыться.

— Твой меч сломался, — сказал он. — Я его взял, хотел попросить эльфов-кузнецов перековать, да забыл. Теперь уже не успеют. Может быть, возьмешь мой? Вот он, помнишь?

Бильбо вытащил из сундука короткий меч в потертых кожаных ножнах, вынул его, и хорошо отполированный клинок сверкнул холодным ясным блеском.

— Это Жало. Если хочешь, бери! Мне, наверное, оружие больше не понадобится.

И Бильбо почти без усилия вогнал меч глубоко в деревянную доску.

Фродо благодарно принял подарок.

— А вот еще! — сказал Бильбо, доставая небольшой, но увесистый сверток в тряпке. Тряпку он развернул и вынул кольчужку из мелких колец, — переливаясь серебром, тонкая, гибкая, как

полотно, холодная как лед, и крепкая, прочнее стали, она была украшена белыми самоцветами, а на поясе матово светились жемчужины и искрился горный хрусталь.

— Правда, красавица? — сказал Бильбо, поднося кольчугу к свету. — Она мне когда-то очень пригодилась. Это гномья кольчуга, подарок Торина. Я ее перед уходом из Хоббитшира забрал из Музея в Мичел Делвинге и упаковал с собой в дорогу. Я все взял, что оставалось на память о том Путешествии, кроме Кольца. Надевать я ее больше не собирался, да и не нужна она мне… Так, только посмотреть иногда. Она легкая, надень — и не почувствуешь.

— Да я в ней… вид у меня будет нелепый, — сказал Фродо.

— Вот-вот, когда-то и я сказал то же самое, — произнес Бильбо. — Но разве дело в том, как выглядеть? Ее можно носить под верхней одеждой. Надень-ка! Это будет наша тайна, никому не говори! А мне будет спокойнее знать, что она на тебе. Я сам думаю, что ее даже кинжалом Черного Всадника не пробьешь, — закончил он, понизив голос.

— Хорошо, возьму, — сказал Фродо.

Бильбо помог ему надеть кольчугу и прикре-

пить к блестящему поясу Жало, а сверху Фродо натянул видавшие виды старые штаны, рубаху и куртку.

— Ну вот, ты обыкновенный хоббит, — заметил Бильбо. — По виду не догадаешься, каков ты внутри! Теперь в добрый путь!.. — Он отвернулся, посмотрел в окно и попытался запеть.

— Я тебе так благодарен за это, и за все, что ты раньше для меня сделал, — сказал Фродо. — Просто не знаю, что сказать.

— И не говори, — сказал старый хоббит, поворачиваясь и хлопая его по плечу. — Ой, тебя теперь не прошибешь, чуть руку не отбил! Но вот что: хоббиты должны держаться вместе и помогать друг другу, особенно Торбинсы. Обещай мне хорошо себя вести, не лезть на рожон и запоминать все новости, все старые песни и предания, которые услышишь. К твоему возвращению я постараюсь закончить свою Книгу, но хотелось бы еще одну написать, если доживу…

Он оборвал речь, отошел к окну и не то запел, не то заговорил сам с собой:

Я вот сижу у теплого огня
И думаю про все, что видел дома:
Про бабочек и прочих насекомых,

Что над цветами весело звенят;

Про паутину, желтую листву,
Про утренний туман, былую осень...
Про то, что ветер носит и уносит,
Про солнце и про неба синеву.

Сижу опять у теплого огня
И думаю, что в нашем мире будет,
Когда прийдет зима и все остудит,
Когда весны не будет для меня.

Что много видел я, сказать нельзя.
Ведь в мире очень много есть такого,
Что с каждым летом зацветает снова
И новым цветом радует глаза.

А я сижу у теплого огня
И думаю о будущем и прошлом,
О том, что мир, наверно, был хорошим
И будет лучше, но не для меня.

И все сижу и думаю опять
О времени, которое проходит,
О тех, кто уходил и кто уходит,
О тех, кого из странствий буду ждать.

Наступил холодный и хмурый день в конце декабря. Порывистый восточный ветер гнул голые ветки деревьев и свистел в темных соснах на склонах холмов. Низкие рваные тучи быстро плыли над головой. Когда ранним вечером на землю легли унылые серые тени, Отряд приготовился выступать. Они должны были выйти в сумерки, ибо Элронд советовал им идти большей частью под покровом ночи, особенно первое время, пока они не окажутся подальше от Райвендела.

— У слуг Саурона много глаз, — говорил он. — Я уверен, что до него уже дошли вести о неудаче Всадников, и он в ярости. Скоро в северных землях появятся новые соглядатаи — двуногие, четвероногие и крылатые. Не доверяйте даже открытому небу.

* * *

Оружие в дорогу взяли легкое, лишь для защиты, ибо больше надеялись на скрытность. У Арагорна — только Андрил на поясе. Долгоброд шел в выцветшей коричнево-зеленой одежде стража-скитальца. У Боромира — длинный меч, похожий на Андрил, но не такой именитый, и кроме того, щит и боевой рог.

— В долинах между гор он звучит чисто и

громко, — сказал воин. — Да рассеются враги Гондора!

Он поднес рог к губам, протрубил, и эхо раскатилось над долиной Райвендела, а все, кто его слышал, вскочили на ноги.

— Не спеши снова дуть в него, Боромир, — сказал Элронд. — Затрубишь теперь у границ твоей земли в минуту большой опасности, не раньше.

— Может быть, — ответил Боромир. — Но я всегда трубил в него, выходя в поход. Пусть потом мы пойдем в тени, тайно, но начинать поход, как вор в ночи, я не привык.

Один гном Гимли открыто шел в короткой стальной кольчуге, по привычке не считая ее за тяжесть, и с заткнутым за пояс боевым топором с широким лезвием. У Леголаса был лук с колчаном и длинный кинжал в белых ножнах. Молодые хоббиты взяли мечи из Могильника, а Фродо — Жало и кольчугу, которую он, по желанию Бильбо, скрыл под одеждой. Гэндальв шел с посохом, но у его бедра был эльфийский меч Гламдринг, двойник Оркриста, спящего на груди Торина в Одинокой горе.

Элронд приказал дать им всем теплую одежду, куртки и плащи, подбитые мехом. Запасную одежду, провизию и одеяла навьючили на пони

— того самого беднягу, которого привели из Бригорья. Пребывание в Райвенделе поразительно изменило его: он словно помолодел, и шерсть у него лоснилась. На том, чтобы его взять, настоял Сэм, заявив, что Билл (так он теперь его звал) зачахнет, если не пойдет.

— Он ведь только говорить не умеет, — расхваливал скотинку Сэм. — И заговорил бы, если бы еще здесь пожил. Он на меня посмотрел, будто произнес, как господин Пипин: «Если не возьмешь меня, Сэм, я сам побегу следом». Как же не взять?

Итак, Билла взяли нести вьюки, но даже тяжело нагруженный, он был с виду самым жизнерадостным участником похода. У остальных настроение было подавленное.

* * *

Все прощальные слова были сказаны в Каминном зале, и теперь в отряде ждали только Гэндальва, который еще не вышел из Дома. Из открытых дверей вырывался колеблющийся свет от большого камина, мягко светились многочисленные окна. Бильбо молча стоял на пороге рядом с Фродо и кутался в плащ. Арагорн сидел на ступенях, опустив голову в колени, — лишь

Элронд знал, что значит для Долгоброда этот час. Остальные казались серыми тенями в сумерках.

Сэм стоял возле пони, втягивая воздух сквозь губы и уставившись во мглу, где внизу перекатывала камни река. Жажды приключений в нем не чувствовалось.

— Билл, приятель, не надо было тебе с нами связываться, — приговаривал он. — Жил бы тут, жевал лучшее сено, пока свежая трава вырастет…

Билл молча помахивал хвостом.

Сэм встряхнул мешок на плечах и стал деловито перебирать в памяти, что он в него положил и не забыл ли чего. Главная ценность — котелки — на месте; там же коробок с солью, который он всегда носил с собой, пополняя при случае; запасец трубочного зелья (эх, маловато!), трут, огниво; шерстяные чулки, белье, разные мелочи, забытые Фродо, а им аккуратно собранные, чтобы торжественно вручить, если понадобятся… Вроде, все взял.

— Веревка! — пробормотал вдруг он. — Веревки-то нет. Я же вчера вечером сам себе говорил: «Сэм, если забудешь веревку, она тебе наверняка понадобится». Вот и забыл. Ну где я ее сейчас найду?

* * *

Как раз в этот момент вышли Элронд с Гэндальвом. Элронд обратился к Отряду:

— Слушайте мое последнее слово, — сказал он негромко. — Несущий Кольцо отправляется в Поход к Роковой горе. Он один несет тяжкое бремя и связан им. Он не должен выбрасывать Кольцо или отдавать слугам Врага. Передавать Кольцо нельзя никому, кроме членов Отряда или членов Совета, да и то лишь при крайней необходимости. Остальные свободны в своих действиях, идут для того, чтобы помогать в пути. Вы можете задержаться, вернуться, свернуть на другую дорогу — как подскажет случай. Чем дальше, тем труднее будет отстать от Отряда; но никто из вас не связан клятвой и не обязан идти дальше, чем хочет и может. Вы не знаете еще силы своих сердец, и невозможно предсказать, что каждому из вас встретится в пути.

— Предатель тот, кто оставляет спутников на темной дороге, — сказал Гимли.

— Может быть, — сказал Элронд. — Но *пусть тот, кто не видел ночи, не клянется, что пройдет сквозь мрак*.

— Клятва может укрепить робкого, — сказал

Гимли.

— Или сломить, — сказал Элронд. — Не загадывайте далеко! Идите с легким сердцем. Прощайте, и да хранят вас добрые пожелания эльфов, людей и всех свободных народов! Пусть звезды осветят вам лица!

— Счастливо… Счастливого пути! — воскликнул Бильбо, дрожа от холода. — Вряд ли тебе удастся вести дневник, Фродо-малыш, но когда вернешься, ты мне дашь полный отчет обо всем. Не задерживайся. Прощай!

* * *

Многие обитатели Дома Элронда вышли проводить Отряд в дорогу, и теперь из сумерек негромкими голосами желали им доброго пути. Но не было ни песен, ни музыки, ни смеха. Наконец, уходящие повернулись и молча растворились в темноте.

Они перешли мостик через Бруинен и медленно поднялись по крутым тропам из раздвоенной долины на высокое плоскогорье, где ветер свистел в вереске. Окинув прощальным взглядом Райвендел и мерцающий огнями Последний Приют, они ушли в ночь.

* * *

Перейдя Бруиненский Брод, они сошли с тракта и, круто свернув к югу, пошли узкими тропами по холмистой равнине. Горы были далеко слева. Этого направления теперь надо было придерживаться много гонов и много дней. Местность была безлесная и гораздо более неровная, чем зеленые берега Великой Реки по ту сторону хребта. Идти приходилось медленно. Зато они надеялись избежать недружелюбных глаз. В этих пустынных краях реже бывали шпионы Саурона, а тропы, кроме обитателей Райвендела, мало кто знал.

Гэндальв шел впереди, вместе с Арагорном, который отлично изучил эти земли и находил дорогу даже в темноте. Остальные следовали друг за другом, замыкал Отряд Леголас: у него было самое острое зрение. Начало Похода было изнуряюще унылым, Фродо его почти не запомнил. У него в памяти остался только промозглый ветер, от которого никакая одежда не спасала. Ветер дул с востока, с Мглистых гор, под его холодными пальцами путники не могли по-настоящему согреться ни при движении, ни на отдыхе. Спали мало. Днем находили подходящий овраг или прятались под спутанными ветвями терновника,

местами росшего довольно густо. Под вечер их будил очередной часовой, и они садились за основную трапезу — ужин, холодный и невеселый, ибо костры жечь опасались. К ночи продолжали путь, стараясь не сворачивать с южного направления.

Сначала хоббитам казалось, что хотя они шагают до изнеможения, они на самом деле не идут, а ползут, как улитки, на одном месте. Окружающая равнина почти не менялась, только горы постепенно приближались. Они поднимались все выше и сворачивали к западу. А у подножия хребта толпились унылые холмы, рассеченные глубокими долинами, в которых бурлили холодные речки. Тропы были редки и извилисты и приводили их то к краю крутого обрыва, то к спуску в обманчивое болото.

* * *

Они уже две недели были в пути, когда изменилась погода. Ветер внезапно утих, а потом сменил курс и задул с юга. После изнурительного ночного перехода путники увидели холодный рассвет. Облака посветлели, поднялись выше и растаяли, открыв ясное бледное солнце. Они дошли до невысокого гребня, поросшего остроли-

стом. Серо-зеленые стволы казались каменными, листья были блестящие, а плоды — ярко красные в свете утренней зари.

Далеко на юге Фродо видел туманные очертания высоченных гор, которые, казалось, начинают сходиться, чтобы не пропустить Отряд. Несколько левее их маршрута вздымались три пика: самый высокий и самый близкий торчал, как большой зуб, сверкая вечным снегом; голая северная стена была в тени, но там, где на него попадало солнце, пик отсвечивал красным.

Гэндальв, стоя рядом с Фродо, смотрел на горы из-под руки.

— Мы много прошли, — сказал маг. — Дошли до бывших границ страны, которую люди называют Холлином, Краем Остролистов. Когда-то здесь жили эльфы, в то счастливое время она называлась Эрегион. Сорок и пять гонов птичьего полета мы преодолели, ногами получилось намного больше. Здесь земля мягче и климат теплей, но из-за этого может быть опаснее.

— Опасно или не опасно, а настоящий рассвет — это здорово! — воскликнул Фродо, откидывая капюшон и подставляя щеки утреннему солнцу.

— Горы-то уже перед нами, — сказал Пипин. — Мы, наверное, ночью повернули к востоку.

— Нет, — сказал Гэндальв. — Просто в ясный день дальше видно. За этими пиками хребет сворачивает к юго-западу. В Доме Элронда много карт, ты что, ни в одну не заглядывал?

— Заглядывал, — сказал Пипин. — Иногда. Но я их не запоминаю. Это для Фродо, у него голова лучше устроена.

— Мне здесь карты не нужны, — сказал Гимли, подходя к хоббитам вместе с Леголасом и смотря на далекие горы странно загоревшимися глазами. — Там страна, где в древности трудились наши предки, очертания этих гор много раз повторяются в наших изделиях из дерева и металла, о них сложено много стихов и легенд. Вершины гномьих снов — Бараз, Зирак и Шатхур!

Только раз в жизни я видел их издали, но я их узнал и знаю их имена, потому что под ними находятся Гномьи Копи, Казад-Дум, на эльфийском языке Мория, на всеобщем — Черная Бездна. Вон стоит Баразинбар, Багровый Рог, злой Карадрас; за ним — пики Серебряный и Тусклый: белоснежный Келебдил и серый Фануидхол, по-гномьи Зирак-зигил и Бундушатхур. Там Мглистые горы раздвигаются, и между длинных отрогов лежит в ущелье долина, которую никогда не забудет ни один гном: Азанулбизар, или Долина Димрилла.

Эльфы называют ее Нандурион.

— Мы как раз идем в долину Димрилла, — сказал Гэндальв. — Если пройдем перевал, прозванный Багровыми Воротами, то на той стороне Карадраса спустимся по Ступеням Димрилла в гномью долину. Там озеро Зеркальное и ключевые истоки реки Серебрянки.

— Холодны ключи Кибиль-Налы, и темна вода Келед Зарама, — сказал Гимли. — У меня сердце замирает при мысли, что я скоро его увижу!

— Надеюсь, что увидишь и порадуешься, мой добрый гном, — сказал Гэндальв. — Но мы не сможем там задержаться. Из той долины мы пойдем вниз по Серебринке в Сокровенные Леса, оттуда — к Великой реке, а потом… — маг сделал паузу.

— А потом куда? — спросил Мерри.

— К концу Похода, в конце концов! — сказал Гэндальв. — Нечего далеко заглядывать. Порадуемся, что первый этап благополучно пройден. Давайте отдохнем здесь не только днем, а и ночь прихватим. В Холлине воздух целебный. Чтобы земля, на которой однажды жили эльфы, совсем их забыла, она должна пройти через большое зло.

— Это правда, — подтвердил Леголас. — Но эльфы этих мест были чуждым народом для нас,

лесных жителей. Деревья и травы их не помнят. Одни камни их еще оплакивают. Я слышу: «Они нас добыли, они нас гранили, в постройках своих возносили… но они ушли». Да, их давно нет. Давно ушли в Гавань.

* * *

В то утро путники устроились в глубоком овраге, скрытом зарослями остролиста. Разожгли костер, и ужин-завтрак у них получился веселее, чем в предыдущие дни. Укладываться спать никто не спешил, потому что впереди была целая ночь: двигаться дальше они собирались не раньше вечера следующего дня. Только Арагорн был молчалив и озабочен. Посидев немного у костра вместе с остальными, он встал, поднялся по краю оврага, потом на ближайший каменистый гребень. Там он довольно долго стоял под деревом, вглядываясь в даль то в южном направлении, то в западном, и прислушиваясь. Потом вернулся к оврагу и сурово посмотрел сверху на развеселившихся друзей.

— Что случилось, Долгоброд? — окликнул его Мерри. — Что ты высматриваешь? Тебе не достает восточного ветра?

— Нет, — ответил их проводник. — Однако кой-

чего в самом деле недостает. В Холлине я бывал во все времена года. Здесь давно нет двуногих обитателей, но остальные, особенно птицы, всегда жили. А сейчас полное молчание. Одни вы шумите, больше ничьих голосов не слышно на много миль вокруг, а от ваших — эхо слишком гулкое. Не пойму, что это значит.

Гэндальв поднял глаза, вдруг тоже заинтересовавшись.

— И что ты думаешь по этому поводу? — спросил он. — Может быть, все разбежались от удивления, увидев четырех хоббитов и всю нашу компанию там, где редко встречаются двуногие?

— Будем надеяться, что так, — сказал Арагорн. — Но мне неспокойно и тревожно, как давно не было.

— Значит, придется быть осторожнее, — сказал Гэндальв. — Путешествуя со стражем-скитальцем, надо считаться с его соображениями, особенно если это — Арагорн. Кончайте беседу, отдыхайте молча. И надо выставить часового над оврагом.

Первая стража в тот день досталась Сэму. Арагорн присоединился к нему. Все остальные уснули. Наступила такая тишина, что даже Сэму стало не по себе. Дыхание спящих казалось громким, а

когда пони взмахивал хвостом или переставлял ногу, звук получался почти оглушительный. Если Сэм шевелился, то слышал, как у него хрустят суставы. Мертвая тишина была под огромным чистым небом, по которому с востока беззвучно катилось солнце. Вдруг далеко на юге появилось темное пятно и стало расти, постепенно направляясь к северу, как клуб дыма, гонимый ветром.

— Что это, Долгоброд? На тучу не похоже, — прошептал Сэм, обращаясь к Арагорну.

Скиталец промолчал. Он, не отрываясь, смотрел в небо. Вскоре и Сэм понял, что это такое. Стаи птиц летели очень быстро, большими кругами и зигзагами, словно что-то искали на земле, все ближе и ближе.

— Ляг и замри! — свистящим шепотом вдруг сказал Арагорн, увлекая Сэма под куст, потому что от основной птичьей армии отделился целый полк и полетел прямо к оврагу, низко-низко над землей. Сэму эти птицы показались похожими на огромных ворон: они подлетали настолько плотной стаей, что за ними по земле катилась темная тень, а когда оказались над оврагом, раздался один громкий хриплый карк. Только после того, как птицы разделились и двумя клиньями унеслись на север и на запад, скрывшись из виду,

Арагорн поднялся. Потом почти бегом спустился в овраг и разбудил Гэндальва.

— Полки черных ворон носятся над землей от гор до реки Серой, — сказал он. — Сейчас одна стая пролетела над Холлином. Это не местные птицы, а *кребаны*, выродки из Фангорна и Дунланда. Я не знаю, что им надо: может быть, что-то случилось на юге, откуда они летят, но мне кажется, они осматривают землю, шпионят. А совсем высоко в небе я заметил ястребов. По-моему, надо уходить отсюда сегодня же вечером. За Холлином кто-то следит, его воздух теперь для нас вреден.

— В таком случае, и Багровые Ворота опасны, — сказал Гэндальв. — Как туда пробраться, да еще горы перейти незаметно, ума не приложу. Ладно, потом подумаем на месте. Во всяком случае, ты прав, отсюда уходить надо немедленно, как только стемнеет.

— Наше счастье, что костер не дымит и почти потух к тому времени, когда летели кребаны, — сказал Арагорн. — Его надо совсем загасить — и больше никаких костров!

* * *

— Вот беда-то, вот досада! — сказал Пипин, проснувшись под вечер и узнав новости про от-

мену костра и ночной марш. — И все из-за стаи ворон! А я мечтал о горячем ужине.

— Ну и мечтай, — сказал Гэндальв. — Тебе предстоит множество неожиданных пиров. Я вот тоже хотел бы спокойно покурить и согреть ноги, но утешиться могу только тем, что на юге наверняка будет теплее.

— Как бы там слишком жарко не стало, — проворчал Сэм, обращаясь к Фродо. — По-моему, уже пора увидеть эту самую Огненную гору и, так сказать, конец пути. Я сначала думал, что вот этот Багровый Рог и есть Роковая гора, пока Гимли не произнес все его названия… от этого гномьего наречия можно челюсть сломать!

Карты Сэму ничего не говорили, а открывшиеся в Походе расстояния казались такими огромными, что он не мог их осмыслить.

Весь день путники просидели в овраге. Несколько раз над ними снова пролетали птицы, но когда покрасневшее солнце скрылось на западе, стаи улетели на юг. В сумерках Отряд выступил на юго-восток, прямо к Карадрасу, который еще отсвечивал красным в последних лучах заката; белые звезды одна за другой выходили на гаснущее небо.

Арагорн нашел для Отряда хорошую тропу.

Фродо понял, что они идут по заброшенной древней дороге, некогда широкой и ровной, ведущей из Холлина к перевалу. Над горами поднялась полная луна и осветила бледным светом придорожные камни, от которых пролегли глубокие черные тени. Многие из этих камней, по-видимому, некогда были обтесаны, а сейчас валялись, как попало, разрушаясь и зарастая жесткой травой…

Наступил холодный предрассветный час, луна скатывалась к горизонту. Фродо взглянул на небо. Вдруг он увидел, нет, скорее почувствовал, как странная тень на мгновение прикрыла звезды. Их белые искры погасли и тотчас же вновь замерцали, а хоббита пробрала дрожь.

— Ты что-нибудь видел? — шепотом спросил он шедшего впереди Гэндальва.

— Нет, но почувствовал, — ответил маг. — Может быть, облако.

— Для облака оно слишком быстро прошло, — пробормотал Арагорн. — И ветра нет.

* * *

В ту ночь больше ничего не произошло. Утро наступило ясное, еще светлее, чем вчера, но прохладное. Ветер опять изменился и дул с запада. Еще две ночи они шли, постепенно поднимаясь

в гору и от этого замедляя шаг. Все ближе были вершины. На третье утро перед ними во всем величии встал Карадрас, мощный пик с серебряной от снега вершиной и кроваво-красными отвесными боками. Небо потемнело, солнце вскоре скрылось. Ветер рванул с северо-востока. Гэндальв потянул носом воздух и огляделся.

— Зима идет за нами по пятам, — тихо сказал он Арагорну. — Северные вершины совсем побелели, снег их до плеч присыпал. Сегодня еще поднимемся. Ближе к Багровым Воротам на узкой тропе нас будет далеко видно, возможна любая беда. Погода может стать самым грозным врагом. Что ты теперь скажешь о выбранном пути, Арагорн?

Фродо невольно подслушал эти слова и понял, что Гэндальв и Арагорн продолжают ранее начатый спор. Хоббит навострил уши.

— Скажу, что ничего утешительного в нем не было с самого начала, а чем дальше, тем больше будет неизвестных и неожиданных опасностей, — ответил скиталец. — Ты это знаешь не хуже меня. Но надо двигаться вперед, переход через горы откладывать нельзя. Дальше на юг до самого Роханского Разлома горы непроходимы. А дороге через Разлом я не доверяю с тех пор,

как услышал от тебя о Сарумане. Кто знает, кому служат сейчас полководцы Рубежного Края?

— Действительно, кто знает, — сказал Гэндальв. — Но есть еще один путь, не через Карадрас: путь темный и тайный, о котором мы с тобой говорили.

— Не будем больше о нем говорить! Сейчас не будем. И прошу тебя, ничего не говори остальным, пока есть хоть одна другая дорога.

— Надо сначала решить, потом двигаться, — ответил Арагорну маг.

— Значит, давай думать, пока другие спят и отдыхают, — сказал Арагорн.

* * *

Под вечер, пока их спутники заканчивали завтрак, Гэндальв и Арагорн отошли в сторону и вперили глаза в Карадрас. Его крутые склоны были темны и угрюмы, а вершину окутывала серая туча. Фродо наблюдал за беседующими вожаками, пытаясь угадать, чем кончится их разговор. Когда они вернулись к Отряду и Гэндальв объявил, что решено, несмотря на погоду, попытаться одолеть перевал, у Фродо с души отлегло. Он не знал, о каком темном и тайном пути говорилось, но раз Арагорн его боялся, то

хоббит и подавно.

— По всему, что мы заметили в последние дни, похоже, что Багровые Ворота стерегут, — сказал Гэндальв. — Погода мне тоже не нравится. Нас догоняет зима, может начаться снегопад. Надо идти как можно быстрее. До седловины перевала в любом случае не меньше двух ночных переходов. Сегодня вечером стемнеет рано. Как только соберемся, сразу выступаем.

— Позвольте поделиться собственным опытом, — сказал Боромир. — Я родился в тени Белых гор и кое-что знаю о переходах на большой высоте. Там нас ждет сильный, может быть, очень сильный холод. Что толку идти скрытно и при этом замерзнуть насмерть? Пока вокруг еще попадаются деревья и кусты, надо, чтобы каждый собрал и взял с собой по вязанке дров, кто сколько унесет.

— А Билл возьмет немножко больше, правда, дружок? — сказал Сэм. Пони ответил ему печальным взглядом.

— Отлично, — сказал Гэндальв. — Но жечь эти дрова мы будем, только когда окажемся перед выбором — согреться или погибнуть.

* * *

Отряд снова двинулся, поначалу быстро, но постепенно тропа становилась все круче, и идти по ней было все трудней. Местами приходилось уже не идти, а лезть, и чем дальше, тем больше тропу загромождали камни. Ночь под плотными тучами была совершенно черной. Режущий ветер со свистом кружил между скалами. К полуночи путники оказались уже высоко в горах. Слева от тропы была гладкая отвесная стена, за которой вздымался почти невидимый в тумане громадный хмурый Карадрас, а справа — пропасть.

С трудом преодолев очередной крутой подъем, они остановились. Фродо почувствовал щекой прикосновение снежинок, потом различил белые хлопья у себя на рукаве.

Отряд пошел дальше. Но снег вскоре повалил очень густо и залепил Фродо глаза так, что он почти перестал видеть согнутые фигуры Арагорна и Гэндальва, которые шли всего на шаг или два впереди.

— Мне это все совсем не нравится, — пыхтел Сэм у хозяина за спиной. — Снег хорош утром, когда он себе идет за окном, а ты лежишь в кровати. Вот если бы эти тучи в Хоббиттаун ушли и там

высыпались! Хоббиты бы обрадовались.

В Хоббитшире снег — редкость, настоящие метели бывают только в Северной чверти, а когда в Хоббиттауне выпадает много снега, это целое событие и повод для веселья. Никто из живущих хоббитов, кроме Бильбо, не видел свирепой Долгой зимы 1311 года, когда белые волки перешли замерзший Брендидуим и напали на Хоббитшир.

Гэндальв остановился. Он стоял по щиколотку в снегу, снег толстым слоем лежал на его плечах и капюшоне.

— Вот чего я боялся, — сказал маг. — Что теперь скажешь, Арагорн?

— Что тоже боялся, но этого боялся меньше, чем другого. Я знал, что в горах возможен снегопад, хотя так далеко на юге он обычно бывает только на вершинах. Мы не так уж высоко поднялись, здесь тропы, как правило, всю зиму открыты.

— Не иначе вражьи козни, — сказал Боромир. — В моих краях говорят, что Враг может повелевать ветрами и насылать бури в горах Тени на границе Мордора. У него неведомые силы и много союзников.

— Тогда у него выросли длинные руки, — сказал Гимли, — Неужели он вправду может перегонять метели с севера на юг за триста гонов от своих

границ только для того, чтобы нам навредить?

— Руки-то у него длинные… — сказал Гэндальв.

* * *

Стоило им остановиться, как ветер стал утихать, а вскоре почти прекратился и снегопад. Они пошли дальше, но не успели пройти фарлонга, как снова замело. Ветер взревел, и снег повалил так, что почти ничего не было видно. Скоро даже Боромиру пришлось нелегко. Хоббиты, согнувшись пополам, еле тащились за людьми, и стало ясно, что если метель не прекратится, они никуда не дойдут. У Фродо ноги словно свинцом налились. Пипин начал отставать. Даже Гимли, выносливый, как всякий гном, шел с трудом и ворчал.

Вдруг все, словно сговорившись, разом остановились. Вокруг во тьме слышались жуткие звуки. Может, это ветер выл в трещинах между скал, но уж очень его вой был похож на вопли, резкие вскрики, дикий хохот… Сверху начали падать камни. Отскакивая от скалистой стены, камни со свистом пролетали над головами путников, сыпались на тропу позади них, с глухим рокотом исчезали в невидимой пропасти.

— Сегодня мы дальше не пройдем, — сказал

Боромир. — Говорите, что хотите, но это не ветер. Это злые голоса. А камни целят в нас.

— Я все-таки скажу, что это ветер, — заметил Арагорн. — Но ты так или иначе прав. В мире много злых сил, враждебных нам, двуногим. Они не подчиняются Саурону, но у них свои цели. Некоторые жили на земле задолго до того, как появился Черный Властелин.

— Карадрас называли Злой горой, когда в этих землях про Саурона еще не слышали. У него плохая слава, — пробурчал Гимли.

— Не все ли равно, кто враг, если он сильнее нас, — сказал Гэндальв. — Мы не можем отбить его нападение.

— А что мы можем сделать? — жалобно воскликнул Пипин. Он весь дрожал, втиснувшись между Фродо и Мерри.

— Оставаться на месте или вернуться, — сказал Гэндальв. — Продолжать подъем смысла нет. Чуть выше, как мне помнится, тропа отойдет от скалы и потянется по длинному каменному желобу, он совершенно открыт, там нет защиты ни от снега, ни от камнепада, ни от худших бедствий.

— Возвращаться, пока идет снег, тоже бессмысленно, — сказал Арагорн. — Нам по дороге не попадалось ни одного укрытия лучше, чем этот

утес.

— Ничего себе укрытие… — пробормотал Сэм. — Дом из одной стены без крыши.

* * *

Путники встали лицом к югу, прижавшись спинами к скальной стене. В одном месте она слегка выдавалась над тропой, образуя нечто вроде карниза. Они надеялись, что он хоть немного прикроет их от северного ветра и падающих камней. Но взбесившиеся вихри захлестывали сбоку и снизу, снег сыпал все гуще. Пони Билл терпеливо стоял перед хоббитами, с удрученным видом опустив голову, и немного заслонял их от разбушевавшейся стихии, но и он был уже по колено в снегу, и снежный сугроб продолжал расти. Если бы не рослые спутники, хоббитов скоро совсем засыпало бы.

На Фродо напала сонливость. Он словно погружался в теплый смутный сон. Ему казалось, что он греет ноги у каминного пламени, а потом в тени за камином возник Бильбо, и его голос произнес: «*Дневник — не самое главное. Снежная буря двенадцатого января — и ты вернулся, чтобы записать только это? Не стоило!*» — «*Мне хотелось отдохнуть и поспать, дядя Бильбо*», —

с усилием проговорил Фродо, но тут его стали трясти и будить, и он с трудом очнулся. Боромир поднял его и вытащил из снежной норы.

— Полуростки здесь погибнут, Гэндальв, — сказал гондорец. — Нельзя сидеть и ждать, пока снег нас завалит с головой. Надо что-то делать для спасения.

— Вот дай им хлебнуть, — сказал Гэндальв, вытащив из своего мешка кожаную флягу. — Каждому по глотку. Это драгоценный напиток, *мирувор*, живительный бальзам из Имладриса. Мне Элронд дал флягу при расставании. Пусти ее по кругу!

Отхлебнув прозрачной тепловатой жидкости, Фродо сразу оживился и почувствовал, как согреваются и начинают двигаться застывшие конечности. В остальных с глотком чудесного питья тоже влились новые силы и надежды. Но метель не прекращалась, ветер завыл громче, а снег повалил совсем густо.

— Что теперь скажешь про костер, Гэндальв? — вдруг спросил Боромир. — По-моему, уже можно выбирать: согреться или погибнуть. Снег, конечно, укроет нас от всех враждебных глаз, но это будет не спасение, а конец.

— Разжечь сможешь? Тогда давай, — согла-

сился Гэндальв. — Если те, кто следил за нами, выдержали эту метель, они нас на снегу так или иначе видят.

Хотя по совету Боромира путешественники взяли не только дрова, но и хворост для растопки, никто из них, даже искусники по части костров гном с эльфом, не сумели в такой вьюге сохранить высеченную искорку, чтоб от нее загорелось сырое дерево. Наконец, очень неохотно за дело взялся Гэндальв. Он высоко поднял посох-жезл, а потом быстро ткнул его концом в хворост, скомандовав:

— *Наур ан эдрайт аммэн!*

Из хвороста вырвался длинный язык сине-зеленого пламени, костер вспыхнул и весело затрещал.

— Если хоть кто-нибудь за нами следит, то мне уже нечего прятаться, — сказал маг. — Я написал «Гэндальв здесь» так ясно, что любой прочитает от Райвендела до устья Андуина.

Но остальные и думать забыли о вражьих шпионах. Огонь плясал и отражался в счастливых глазах. С шипением таял под костром снег, лужи подползали к ногам, а они радостно грели руки, собравшись в круг. Лица путников раскраснелись в отсветах пламени. Но ночь по-прежнему

окружала их черной стеной, снег продолжал сыпаться, а дрова сгорали быстро.

* * *

Костер почти погас, в него бросили последний прутик.

— Ночь на исходе, — сказал Арагорн. — Рассвет вот-вот начнется.

— Начнется, если сумеет пробить эти тучи, — проворчал Гимли.

Боромир отошел от костра и попытался вглядеться в темень.

— Метель утихает, — сказал он. — И ветер тише стал.

Фродо устало смотрел, как из темноты в круг света влетают снежинки, розовеют и тают над умирающим костром. Сначала ему казалось, что снег сыплется так же, как и раньше, и он снова начал засыпать, но вдруг внезапно отрезвел и понял, что ветер в самом деле утих, а снежинки становятся крупнее и реже. Небо медленно светлело, и снегопад вскоре кончился.

Когда совсем рассвело, глазам путников предстала унылая картина укрытого снежным саваном молчащего мира. Тропа, по которой они поднимались, совершенно скрылась в бесфор-

менных сугробах и завалах, а вершины прятались в свинцовых тучах, готовых разразиться новой метелью.

Гимли посмотрел вверх и покачал головой.

— Карадрас нас не простил, — сказал он. — У него еще хватит снега засыпать нас, если мы посмеем идти вперед. Чем скорее спустимся, тем будет лучше.

С этим согласились все, но осталась ли у них возможность отступить, никто не знал. В нескольких шагах от погасшего костра начинался многофутовый сугроб, хоббиты провалились бы в него с головой. Тропу местами совершенно перегораживал снег, нанесенный ветром под стену.

— Гэндальв мог бы пойти вперед и растопить для вас снег ярким пламенем, чтобы тропа получилась, — сказал Леголас. Он как будто не обращал внимания на снегопад и один из всего Отряда был спокоен и весел.

— Леголас с таким же успехом мог бы полететь над горами и привести Солнце, чтобы оно его растопило, — ответил Гэндальв. — Я могу зажечь лишь то, что горит. Снег не горит.

— Ладно, — сказал Боромир. — В моих краях говорят: растерялась голова — выручайте, руки-ноги! *Если умный не сумеет, значит, сильный*

одолеет. Попробуем нащупать путь. Смотрите! Хоть все замело, но снегопад начался, когда мы были вон за тем утесом, где тропа поворачивает. До него не больше фарлонга. А там, наверное, будет легче.

— Пошли вдвоем! — сказал Арагорн.

Арагорн в Отряде был выше всех, но Боромир — массивнее и шире в плечах. Он пошел вперед. Арагорн — за ним. Двигаться им было трудно. Местами снег был им по грудь, и Боромир раздвигал его большими руками, словно не шел, а плыл.

Леголас некоторое время смотрел на них и улыбался, потом повернулся к остальным:

— Говорите, сильный одолеет? Ну, а я скажу: *пахарь пусть пашет, а выдра плывет, эльф по траве и по снегу пройдет!* — и легко пошел-побежал по насту, стройный и гибкий. Фродо, хоть и раньше об этом знал, но будто в первый раз заметил, что на ногах у эльфа не было сапог, а его легкие туфли не оставляли следов на снегу.

— Прощай! — шутливо прокричал эльф магу. — Пойду поищу Солнце!

Он промчался мимо с трудом идущих людей, помахал им рукой и убежал за утес.

* * *

Остальные ждали, молча прислонившись друг к другу, пока головы Боромира и Арагорна не превратились в две темные точки на белом снегу. Потом и их не стало видно. Время тянулось медленно Тучи снова снизились и выплюнули несколько редких снежинок.

Прошел, наверное, час, хотя им показалось, что гораздо больше, когда, наконец, они снова увидели Леголаса. Почти в то же самое время из-за поворота показались Арагорн и Боромир.

— Ну вот, — воскликнул Леголас, подбегая. — Солнце я не привел! Солнце разгулялось по голубым небесным полям юга, и венок из тучек над этой горкой, которую зовут Багровый Рог, нисколько его не волнует. Но для тех, кто ходит по земле ногами, я принес лучик надежды. Там, как раз за поворотом, навалило большущий сугроб, наши Сильные в нем чуть не зарылись. Они уже пришли было в отчаяние, но я им сказал, что этот сугроб — как снежная стенка, толщиной всего в несколько шагов, а с другой стороны снега совсем мало, даже хоббичьи пятки примут его только за прохладный коврик.

— Я же говорил, что это не обычный буран, —

пробурчал гном Гимли. — Это злая воля Баразинбара. Он не любит ни гномов, ни эльфов, и навалил сугроб, чтобы отрезать нам путь к отступлению!

— Но, к счастью, твой Баразинбар забыл, что в Отряде есть люди, — сказал, подходя, Боромир. — И могу сказать, не слабаки… Хотя с лопатами было бы легче. Мы проторили в завале тропу, — кто не умеет бегать по снегу, как эльф, говорите спасибо!

— А как же нам добраться до тропы? — спросил Пипин.

— Не отчаивайся, — сказал Боромир. — Я устал, но на вас мне силы хватит, и Арагорну тоже. Полуростков мы туда отнесем. Остальные пройдут. Иди сюда, уважаемый Перегрин! С тебя начнем.

Он легко поднял хоббита.

— Садись мне на спину и держись! Руки у меня должны быть свободными, — сказал он и пошел первым. Арагорн с Мерриадоком на плечах — за ним.

Пипин ехал и восхищался силой гондорца, сумевшего без орудий проделать проход в снегу. Даже теперь, с ним на плечах, Боромир руками продолжал расширять дорогу для тех, кто шел позади, приминал и разбрасывал снег.

И вот перед ними встал большой сугроб, вдвое выше Боромира. Он действительно стоял, как стена, поперек ущелья, внизу плотный, сверху острый, словно срезанный ножом. В самой его середине был протоптан проход, вроде горбатого мостика. За сугробом Мерри и Пипина опустили на дорогу, и они остались ждать остальных.

Вскоре Боромир принес Сэма. За ним по узкому проходу прошел Гэндальв, ведя в поводу Билла: на пони поверх багажа сидел Гимли. Последним появился Арагорн с Фродо. Но не успел скиталец поставить Фродо на снег, как сверху, теперь уже позади них, с глухим рокотом посыпались камни, и длинным языком сползла небольшая лавинка, запорошив путникам глаза снежной пылью. Когда белая пыль осела, они увидели, что прохода больше нет, путь наверх окончательно завален.

— Хватит, хватит! — закричал Гимли. — Мы уже уходим, мы не задержимся!

И действительно, у Горы будто кончился запас зловредности. Карадрас успокоился, как бы удовлетворенный тем, что прогнал пришельцев и они не осмелятся вновь его тревожить. Снегопада, похоже, больше не ожидалось; туча в нескольких местах прорвалась, и посветлело.

Как и говорил Леголас, чем дальше, тем тоньше

становился слой снега под ногами, так что даже хоббиты пошли самостоятельно. Скоро они все уже снова стояли на площадке перед крутым спуском, где вчера вечером на них посыпались первые снежинки.

Утро переходило в день. Путники смотрели с высоты на запад, где простиралась широкая неровная долина. Почти под ними был овраг, место их последнего привала перед подъемом.

У Фродо болели ноги; он промерз до костей и был голоден. При мысли о длинном и трудном спуске у него закружилась голова, а перед глазами поплыли черные точки. Он протер глаза, но рябь осталась. Внизу под Горой на некотором расстоянии от нее, но довольно высоко, в воздухе действительно носились черные точки.

— Снова эти птицы! — воскликнул Арагорн, показывая вниз.

— Тут уж ничего не сделаешь, — сказал Гэндальв. — Добрые они, злые, или им до нас дела нет, а надо немедленно спускаться: следующая ночь не должна застигнуть нас даже у подножия Карадраса!

Холодный ветер хлестал им в спины, когда они, отвернувшись от Багровых Ворот, устало спотыкаясь, начали спускаться. Карадрас победил.

Глава четвертая. Сквозь пещерный мрак

Наступил вечер, и серые сумерки быстро сгущались, когда Отряд остановился, наконец, на ночлег. Громада гор окуталась сумраком, ветер был очень холодным. Гэндальв снова дал каждому глотнуть из фляги с мирувором, и лишь после этого неимоверно усталые путники смогли поужинать, а затем Гэндальв объявил Совет.

— Сегодня ночью мы, разумеется, дальше идти не сможем, — сказал маг, — потому что Карадрас отнял у нас последние силы. Будем отдыхать.

— А потом куда? — спросил Фродо.

— В путь, — сказал Гэндальв. — Наш Поход только начат, и цель остается прежней. У нас два пути: вперед, к Огненной горе, или назад, в Райвендел.

При слове «Райвендел» Пипин просиял, а Мерри и Сэм с надеждой подняли глаза. Арагорн и Боромир не шевельнулись. Фродо забеспокоился.

— Я бы хотел вернуться, — сказал он, — но стыдно возвращаться сейчас. Вернуться можно, когда уже совсем не будет выхода, и мы признаем

окончательное поражение.

— Ты прав, Фродо, — сказал Гэндальв. — Вернуться — значит признать поражение, а оно приведет к гораздо худшему и гибельному поражению для всех. Если мы вернемся, Кольцо останется в Райвенделе, ибо второй раз мы уже оттуда не выйдем. Рано или поздно Враг придет туда, Райвендел окажется в осаде и падет. Девятеро Кольценосцев страшны, но пока в них только тень той ужасной силы, которую они получат, если Кольцо Всевластья вновь окажется на руке их Хозяина.

— Значит, надо идти, пока есть хоть какая-то дорога, — со вздохом произнес Фродо. Сэм помрачнел.

— Одну дорогу я знаю, — сказал Гэндальв. — Можно попытаться там пройти, но это невеселая дорога: я думал о ней с самого начала, только не говорил, ибо Арагорн был против и надеялся одолеть перевал.

— Если твоя дорога хуже той, которая ведет к перевалу, то она, наверное, совсем страшная, — сказал Мерри. — Лучше скажи сразу, чтобы знать самое худшее.

— Дорога, о которой идет речь, — это путь через Морийские Копи, — сказал Гэндальв.

При этих словах один Гимли поднял голову, и глаза его загорелись жестоким огнем. Остальных при слове «Мория» охватил ужас — страшные легенды о Мории слышали даже хоббиты.

— Дорогу к Мории найти можно, — угрюмо заметил Арагорн, — но никто не знает, можно ли пройти через Морию. На что ты надеешься?

— У этого названия мрачная слава, — сказал Боромир. — Я пока не вижу необходимости идти туда. Раз мы не смогли перейти через горы, давайте пойдем к Роханскому Разлому на юг. Рохирримы — друзья моего народа, тем путем я шел к вам. А можно обходным путем через Исену выйти в Гондор с юга, от Моря, через Анфалас, Амрот и Лебенин.

— С тех пор как ты шел на север, многое уже изменилось, Боромир. — ответил Гэндальв. — Разве ты не слышал, что я говорил про Сарумана? С ним я, может быть, сведу счеты еще до того, как все кончится, это мое дело. Но ни в коем случае нельзя приближаться к Исенгарду с Кольцом! Пока мы сопровождаем Фродо, Роханский Проход для нас закрыт.

Теперь о самом дальнем пути: у нас нет на него времени. Мы можем на нем потерять целый год, придется идти по незаселенным землям, такой

путь очень опасен. За теми землями наблюдают и шпионы Сарумана, и соглядатаи Саурона. Когда ты шел на север, Боромир, ты был для Врага случайным путешественником, тем более южанином, он не обратил на тебя внимания: он был занят поисками Кольца. Но на обратном пути ты стал членом Отряда, и пока ты с нами, тебе грозит та же опасность, что и нам. С каждым гоном, пройденным на юг под открытым небом, опасность увеличивается. Боюсь, что после открытой попытки штурмовать перевал наше положение почти безнадежно. Единственный выход я вижу в том, чтобы поскорее скрыться от всех, замести следы. Поэтому предлагаю не переходить через горы и не обходить их, а пройти под ними. Во всяком случае, такого шага Враг меньше всего от нас ждет.

— Мы не знаем, чего он от нас ждет, — сказал Боромир. — Он наверняка следит за всеми дорогами. Тогда Ворота Мории окажутся для нас ловушкой, можно с таким же успехом постучаться в ворота Черного Замка. Морию тоже часто называют Черной.

— Нечего сравнивать Морию с твердыней Саурона, — сказал Гэндальв. — Надо знать, о чем говоришь. Из всех нас только я был в подземельях

Черного Властелина, да и то в его старой и самой скромной крепости Дол Гулдур. Кто хоть раз прошел через ворота Барад Дура, оттуда не вернется. Разве я повел бы вас в Морию, если бы у меня не было надежды выйти из нее? Конечно, если там орки, это очень опасно. Будем верить, что такого не случится: большинство орков из Мглистых гор перебиты или рассеяны в битве Пяти воинств. Орлы сообщают, что орки снова собираются… Но в Морию они вряд ли успели проникнуть. Зато, возможно, мы встретим гномов. Вдруг в глубокой пещере своих предков жив Балин сын Фундина? По-моему, что бы ни было, надо рискнуть и пойти единственным оставшимся путем, раз других нет!

— Я пойду с тобой этим путем, Гэндальв, — сказал Гимли. — Пойду и увижу дворец Дарина, чего бы это ни стоило! А ты сможешь найти Ворота, которые давно закрылись?

— Отлично, Гимли! — сказал Гэндальв. — Ты меня вдохновляешь. Мы вместе найдем тайные Ворота и войдем в них. В руинах гномьего государства гномью голову не так легко будет сбить с пути, как эльфийскую, человечью или хоббичью. Я был однажды в Мории, долго искал там Трайна сына Трора. Я всю ее тогда прошел и

вышел живым!

— Я тоже входил однажды в Морию, — сказал Арагорн. — Через Ворота Димрилла. И тоже вышел живым. Но там зло, я второй раз не хочу туда идти.

— Я даже первый раз не хочу, — сказал Пипин.

— И я не хочу, — пробормотал Сэм.

— Понятно, — сказал Гэндальв. — Да кто ж хочет? Вопрос не в этом. Я спрашиваю, кто пойдет, если я вас туда поведу?

— Я! — с готовностью сказал Гимли.

— Я, — хмуро произнес Арагорн. — Ты пошел за мной на перевал, где мы чуть не погибли в снегу, и ни словом не упрекнул меня за выбор пути. Я пойду с тобой, — но ты получил последнее предупреждение. Думаю я сейчас не о Кольце и не о нас, а о тебе, Гэндальв. Берегись переступать порог Мории!

— Я идти *не хочу*, — сказал Боромир. — Пойду только, если *все* решат идти. Что скажут Леголас и полуростки? Наверное, надо выслушать Несущего Кольцо?

— Я не хочу идти в Морию, — сказал Леголас.

Хоббиты молчали. Сэм смотрел на Фродо. Наконец, Фродо заговорил:

— Идти в Морию я не хочу, — сказал он. — Но

не хочу и отклонять совет Гэндальва. Прошу вас ничего не решать до утра. Утро вечера мудренее. При свете легче думать, чем в этой холодной темноте. Как воет ветер!

Путники оборвали разговоры и притихли. Ветер свистел в скалах и стучал сучьями, будто кто-то живой выл и плакался вокруг них в пустой ночной тьме.

* * *

Вдруг Арагорн вскочил на ноги.

— Ветер воет? — воскликнул он. — Да он воет волчьими голосами! Ворги перешли через горы на запад!

— Разве можно теперь ждать до утра? — сказал Гэндальв. — Все, как я думал! За нами охотятся! Если доживем до рассвета, кто из вас согласится идти ночами, зная, что волки идут по пятам?

— Как далеко отсюда до Мории? — спросил Боромир.

— Ворота были на юго-западе от Карадраса, отсюда миль пятнадцать по прямой для ворона, миль двадцать по камням для волка, — хмуро ответил Гэндальв.

— Тогда давайте тронемся с рассветом, — сказал Боромир. — Ибо *волки за плечами хуже орков*

за горами.

— Согласен! — сказал Арагорн и проверил меч в ножнах. — Но *если воют ворги, значит, рядом орки!*

— Лучше бы я послушался Элронда, — шепотом сказал Пипин Сэму. — Все равно от меня никакого толку. Мало мне досталось от Бандобраса-Бычегласа: от этого воя вся кровь стынет. В жизни так страшно не было.

— У меня давно сердце в пятках, господин Перегрин! — прошептал Сэм. — Но ведь нас еще не съели, и тут рядом народ бывалый и покрепче нас. Не знаю, что там уготовано старине Гэндальву, но волкам он уж точно не по зубам!

* * *

Чтобы иметь хоть какое-то прикрытие ночью, путники поднялись на верхушку небольшого холма, под которым до сих пор сидели. Там, в неровном кольце валунов, переплелись ветвями несколько старых кривых деревьев. Внутри каменного кольца разожгли костер, ибо от волков темнота и тишина все равно не спасли бы.

Они сидели вокруг костра, пытаясь заснуть, но удалось лишь тревожно подремать совсем недолго. Часовые не сомкнули глаз. Бедный пони Билл

дрожал и весь взмок. Волки теперь выли со всех сторон, то ближе, то дальше. В самый глухой час ночи холм окружили горящие глаза. Отдельные звери подошли к самым валунам. Там, где кольцо камней прерывалось, вдруг выросла огромная волчья тень. Волк остановился, злобно уставился на них и коротко взвыл, словно был вожаком и призывал стаю напасть.

Гэндальв встал и сделал шаг вперед, высоко подняв посох-жезл.

— Слушай, пес Саурона! — закричал он. — Здесь я, Гэндальв! Если хочешь сохранить свою паршивую шкуру, удирай, а шагнешь за камни, станешь жареным от носа до хвоста!

Волк оскалил зубы и прыгнул на них. Зазвенела тетива, спущенная Леголасом. Волк в прыжке хрипло взвыл и рухнул: эльфийская стрела торчала у него из горла. Тут же все глаза вдруг погасли. Гэндальв и Арагорн выскочили на валуны, но холм был пуст: стая ушла. Тьма, окружавшая их, молчала, даже ветер утих.

* * *

Ночь подходила к концу; на западе скатывалась к горизонту убывающая луна, временами прячась за рваные облака. Фродо уже начал подремывать,

но вдруг очнулся от дикого воя: по-видимому, большая стая воргов молча окружила холм, а теперь, завывая и рыча, собиралась напасть сразу со всех сторон.

— Бросайте сучья в огонь! — крикнул Гэндальв. — Мечи к бою! Встать спиной к спине!

Новое топливо полетело в костер, пламя взвилось длинными языками, и Фродо в его свете увидел множество серых теней, перемахивающих через валуны, а за ними еще и еще. Арагорн метким выпадом проткнул мечом горло крупного вожака. Боромир широко размахнулся и снес голову другому зверю. Рядом с рыцарями, широко расставив крепкие ноги, стоял Гимли, работая топором. Лук Леголаса пел боевую песню.

Гэндальв словно вырос в колеблющихся отсветах костра и напомнил хоббиту грозную каменную статую древнего короля на вершине холма. Вот он нагнулся, поднял горящую ветку и сделал шаг навстречу волкам. Звери с воем отступили. Гэндальв высоко взмахнул веткой, как жезлом, она полыхнула белой молнией, и голос мага прогремел громом:

— Наур ан эдрайт аммэн! Наур дан и нгаурхот!

С треском и гулом ближайшее к магу дерево

вспыхнуло ослепительным огненным цветком. Пламя переметнулось на остальные деревья. Над холмом заполыхала огненная корона. Мечи и кинжалы разбрызгивали искры и светились. Последняя стрела Леголаса загорелась в воздухе, но успела поразить в сердце огромного волка, явно предводителя. Стая обратилась в бегство.

Деревья медленно догорали, пока не превратились в пепел, по которому местами пробегали искры. Над холмом склубилось облако горького дыма и темной тенью унеслось прочь в первом проблеске рассвета. Волки не возвращались.

— Что я вам говорил, господин Пипин? — сказал Сэм, засовывая в ножны мечик. — Не на того эти волки напали, он им не по зубам. Ну и чудо устроил! Чуть мне все волосы не спалил!

* * *

Когда полностью рассвело, от волков не осталось и следа: ни на холме, ни вокруг него не осталось ни одного трупа. Кроме углей и разбросанных стрел ничто не напоминало о ночной битве. Леголас подобрал и рассмотрел стрелы: все были целы, кроме одной обгоревшей, от которой уцелел один наконечник.

— Как я и боялся, — сказал Гэндальв. — Это

не простые волки, рыщущие в поисках добычи. Давайте быстро поедим — и сразу в путь.

В тот день погода снова изменилась, словно по приказу неизвестной силы, которой буран был уже ни к чему, потому что они отступили от перевала. Теперь этой силе нужен был свет, чтобы издали заметить любое передвижение в пустоши. Ветер за ночь изменил направление, подул с северо-запада, погнал тучи на юг, а теперь утих. Небо расчистилось, стало высоким и синим. Первые лучи бледного солнца над горами они увидели, когда стояли на холме, готовые к дальнейшему пути.

— У Ворот Мории нам надо оказаться до заката, а то мы можем вообще до них не добраться, — сказал Гэндальв. — Это недалеко, но прямой дороги Арагорн не знает, ибо он редко бывал в Холлине, а я лишь однажды подходил к западной Морийской Стене, причем очень давно. Ворота где-то там, — продолжал маг, показывая на юго-восток, где горы обрывались к равнине отвесной стеной, отбрасывая черную тень.

Они с трудом различили вдали туманные очертания голых утесов, а между ними, как бы в середине и выше их — большую серую стену.

— Когда мы спускались с перевала, я повел вас

не туда, откуда мы начали подъем, а, как вы могли заметить, к югу. Таким образом, расстояние мы на несколько миль сократили, но все равно надо спешить — идемте!

— Кто знает, что лучше, — мрачно заметил Боромир. — Найдешь, что ищешь, или Ворота исчезли бесследно, — похоже, все против нас. Вероятнее всего, мы окажемся между глухой стеной и волчьей стаей. Веди, Гэндальв!

* * *

Гном Гимли шел теперь рядом с магом, сгорая от нетерпения поскорее увидеть Морию. Они вместе повели Отряд в горы, пытаясь выйти на единственную старую дорогу, которая туда была проложена вдоль реки Сираноны, или Приворотной, начинавшейся из родника около Ворот. Но то ли Гэндальв ошибся, то ли местность за последние годы изменилась; он надеялся найти речку всего в нескольких милях южнее того места, где они провели ночь; они прошли гораздо больше, а речки не было.

Время подходило к полудню, а Отряд еще блуждал по неровному плоскогорью, усеянному красными камнями, напрасно надеясь увидеть блеск воды или услышать ее журчанье. Везде

было сухо и уныло. Путники тоже приуныли. В безрадостной пустоши не было ничего живого — ни птиц, ни зверей, ни растений, и путники боялись думать о том, что с ними будет, если их здесь застигнет ночь.

Вдруг Гимли, ушедший вперед, позвал их. Он влез на валун и показывал куда-то вправо. Все бросились к нему и увидели узкое и глубокое пересохшее русло. По бурым, красным и серым камням еле сочилась жалкая струйка грязной воды, а по ближнему берегу вилась дорога, местами разбитая, местами едва заметная и, по-видимому, давно забытая.

— Наконец-то! — воскликнул Гэндальв. — Вот она где, Сиранона! Интересно, куда девалась вода? Тут же был быстрый и шумный поток. Но идемте скорей! Надо спешить.

* * *

Путешественники устали и сбили ноги, однако упрямо шагали по извилистой неровной дороге. Солнце начало клониться к западу. Пройдя еще несколько миль, путники наспех поели, слегка передохнули и пошли дальше. Перед ними хмурились Мглистые горы, но дорога теперь проходила по глубокой ложбине, и видны были

лишь самые высокие гребни и дальние снежные вершины.

Наконец, дорога резко свернула. До сих пор она вела почти прямо на юг, вдоль гор, а теперь направилась к востоку. Сразу после поворота встала впереди невысокая скала, ярдов десять, с неровным, словно растрескавшимся верхом. С нее по широкому, вероятно, искусственно вырубленному желобу скатывалась, почти капала тонкая струйка воды. Раньше тут, похоже, был водопад.

— Да, все здесь изменилось, — сказал Гэндальв. — Но это то самое место. То, что осталось от Ступенчатого Водопада. Если я не ошибаюсь, рядом с ним в скале были ступени, а главная дорога делает несколько поворотов и выходит наверх севернее. Там долина. Она плоская и тянется до Морийской Стены, Сиранона ее пересекала; и вдоль речки от Ворот до водопада тоже была дорога. Посмотрим, что там сейчас делается!

Каменные ступени легко нашлись, и Гимли взбежал по ним первым. Следом поднялись Гэндальв и Фродо. Дальше пути не было. И стало понятно, почему пересохла речка. Солнце заходило, западный край неба горел золотом, а перед ними стояло безмолвное черное озеро, не отражавшее ни неба, ни солнца, ни заката. Си-

раноне, по-видимому, что-то преградило путь, и она разлилась, затопив долину. За мертвой водой высились огромные отвесные утесы. Никаких ворот в них не было, Фродо не увидел даже трещин. Гладкая стена еще отсвечивала в закатном свете.

— Это Морийская Стена, — сказал Гэндальв, показывая через воду. — Некогда в ней открывались Ворота, которые назывались Эльфийскими, ибо к ним вела та самая дорога из Холлина, по которой мы пришли. Но здесь пути нет. Переплывать под вечер это мрачное озеро, наверное, никто не захочет. Выглядит оно отвратительно!

— Надо идти в обход с севера, — предложил Гимли. — Поднимемся по главной дороге и посмотрим, куда ведет она. Даже если бы озера не было, мы все равно не поднимем Билла с поклажей по этой лестнице.

— Беднягу Билла так или иначе в Морию брать нельзя, — сказал Гэндальв. — Подгорные дороги темны, и на них попадаются узкие места, где ему не протиснуться.

— Несчастный Билл! — воскликнул Фродо. — Я об этом раньше не подумал. А Сэму-горемыке каково? Что он скажет?

— И мне жалко, — сказал Гэндальв. — Бедный Билл был отличным товарищем, у меня сердце

разрывается от мысли, что мы его вынуждены бросить. Лучше бы мы сами все несли и вообще не брали животного, а тем более этого, кого так любит Сэм. Но решал не я — я лишь подозревал, что так может случиться.

День кончился, и высоко в небе над закатом появились холодные звезды, когда Отряд, напрягая последние силы, вышел наверх по склону и оказался у озера. В самой широкой части оно было не шире трех фарлонгов. От того места, где они стояли, до его северного края было около полумили, а сколько оно тянулось на юг, видно не было. Но между водой и скалами, окружавшими долину, они заметили узкую полоску суши. Где-то там, милях в двух от них, должны были находиться Ворота. Туда показывал Гэндальв, туда они и поспешили, но Ворота надо было еще найти.

В северном углу у стены путь им преградил узкий ручей или заливчик, мокрой лапой протянувшийся к скалам. Вода в нем была зеленая и затхлая. Гимли никто не успел задержать — он шагнул вперед, оказалось мелко, едва по щиколотку. За гномом цепочкой пошли все остальные. Идти было скользко, неровное дно заросло водорослями и покрылось илом. Входя в темную воду, Фродо вздрогнул от омерзения.

Когда шедший последним Сэм вывел пони из заливчика на камни, в озере раздался негромкий булькающий звук и всплеск, словно из воды выпрыгнула рыба. Быстро обернувшись, друзья увидели, как по воде расходятся большие круги и какая-то рябь; потом в центре кругов, довольно далеко от берега, снова булькнуло, и все стихло. Сумерки сгустились, последние проблески заката скрыли плотные облака.

Гэндальв шел быстро, подгоняя остальных, которые еле за ним поспевали. Они уже дошли до узкой полоски суши между озером и скалами — шириной менее дюжины ярдов, она была вдобавок загромождена валунами и острыми осколками. Путники пробирались почти под самой стеной, даже иногда хватались за нее руками, стараясь держаться подальше от черной воды. Пройдя так около мили в южном направлении, они неожиданно увидели деревья. В воде гнили стволы и ветки, остатки давней рощи, а может быть, этими деревьями когда-то была обсажена дорога через долину. Но под самой стеной стояли, словно на страже, два остролиста-великана, такие высокие и древние, каких Фродо до сих пор не видел и даже вообразить не мог. Они еще жили, их могучие корни протягивались от стены

к воде. Издали, со ступеней, на фоне громадной стены они казались кустиками, а здесь высились над головами, как темные молчащие башни с густыми тенями у подножий.

— Ну вот, мы пришли! — воскликнул Гэндальв. — Здесь эльфийская дорога из Холлина кончается. Остролист был символом у жителей этих мест, и они посадили деревья, чтобы отметить границу своих владений; а западные Ворота Мории были вырублены, чтобы поддерживать торговые связи с владыками Мории. То было счастливое время крепкой дружбы народов Средиземья. Даже гномы и эльфы дружили.

— Эта дружба прервалась не по вине гномов, — сказал Гимли.

— Я что-то не слышал, чтобы эльфы были виноваты, — сказал Леголас.

— А я слышал и то, и другое, — сказал Гэндальв, — и сейчас не буду с вами разбираться, только попрошу вас двоих остаться друзьями и мне помочь. Слышите, эльф и гном? Ворота надо еще найти и открыть, и чем скорее, тем лучше, а то совсем стемнеет! — Потом маг повернулся к остальным и добавил: — Я займусь поисками Ворот, а вы, пожалуйста, приготовьтесь идти в пещеры. Боюсь, что придется здесь распрощаться

с нашим славным вьючным пони. Разгрузите его, отложите в сторону теплые вещи — внутри они нам не понадобятся, а оттуда я надеюсь вывести вас на юг, где они тем более не нужны. Распределите между собой все остальное, что нес пони, главным образом провизию и бурдюки с водой.

— Но нельзя же оставлять бедного Билла одного в этом проклятом месте! — воскликнул Сэм, обидевшись и разозлившись. — Господин Гэндальв, я этого не потерплю и точка! Он с нами такой путь прошел, а мы его бросим?!

— Прости, Сэм, — сказал маг. — И пойми. Когда Ворота откроются, ты его в темноту не затащишь, он сам не пойдет. Так что выбирай — или Билл, или твой хозяин!

— Да он со мной за господином Фродо пойдет и в логово дракона! — возразил Сэм. — Это же убийство — оставлять его здесь, где волков полно!

— Надеюсь, что эти волки его не тронут, — сказал Гэндальв ласково кладя руку Биллу на лоб, и негромко проговорил, обращаясь к пони: — Ты умница, Билл, и в Райвенделе многому научился! Иди, да хранит тебя мое слово. Чутье подскажет тебе дорогу. Ищи места, где есть трава. Постарайся добраться до Дома Элронда или куда сам захочешь.

— Не горюй, Сэм! — добавил маг. — У Билла не меньше шансов на спасение, чем у нас. Может быть, он убежит от волков и доберется домой.

Сэм не ответил. Он грустно стоял возле пони, а Билл, будто понимая, что происходит, вдруг потерся об него мордой и ткнулся губами в ухо. Сэм разрыдался и дрожащими пальцами принялся отвязывать вьюки и швырять их на землю. Остальные разбирали вещи, откладывая в сторону ненужное и деля между собой то, что могло пригодиться.

Когда все было сделано, все стали наблюдать за Гэндальвом, пытаясь понять, чем он занят. Он, похоже, ничего не делал: стоял у стены между двумя остролистами, вперив глаза в гладкую поверхность камня, будто надеясь просверлить ее взглядом. Гимли ходил взад-вперед вдоль стены, время от времени постукивая по ней топором. Леголас прижался к камню, словно прислушиваясь.

— Ну вот, мы все готовы, — сказал Мерри. — А где дверь? Тут даже признаков ее не видно.

— Закрытые гномьи двери не должны быть видны, — сказал Гимли. — Их даже хозяева не откроют, если забыли секрет.

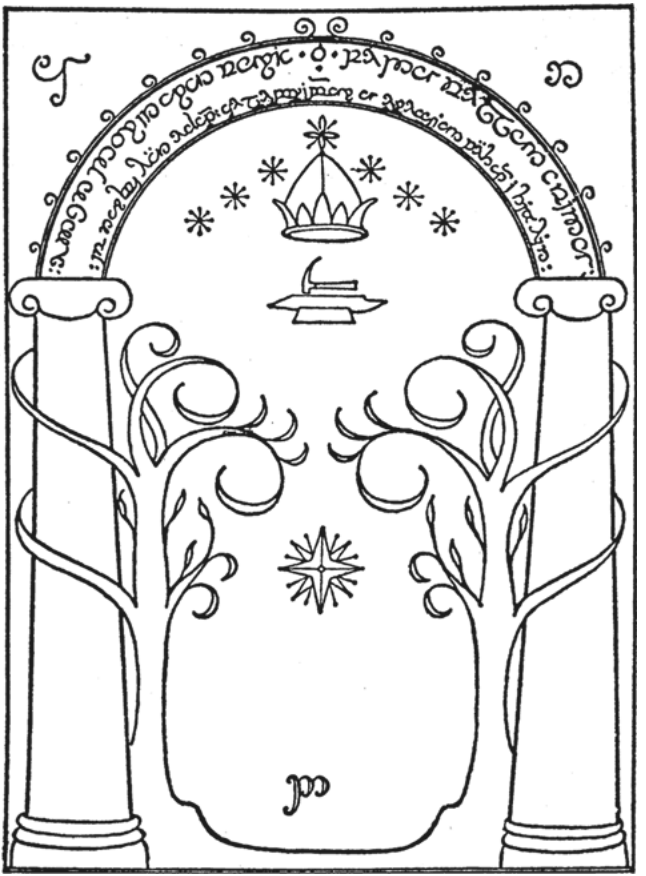
— Да, но секрет этих Ворот предназначался

не только для гномов, — вдруг оживился Гэндальв. — Значит, если все осталось, как было, глаза, знающие, что искать, должны найти указания, как их открыть.

Гэндальв подошел к стене вплотную. Самое гладкое место на ней было между остролистами, и маг стал водить ладонями по камню, беззвучно шевеля губами. Потом отступил и обратился к спутникам.

— Смотрите! — сказал он. — Что-нибудь видите?

Взошедшая луна осветила серую стену; первые мгновения они ничего не видели. Затем там, где прошлись пальцы мага, на стене появились тонкие, как серебряные паутинки, прожилки. Сначала они лишь поблескивали под луной, потом превратились в отчетливый рисунок.



Вверху, там, куда Гэндальв едва дотягивался

пальцами, выгнулась арка с прихотливыми эльфийскими рунами.

Ниже, где линии местами потрескались, можно было различить молот над наковальней и корону с семью звездами. Арочная надпись опиралась на два дерева, ветви которых кончались полумесяцами. Яснее всего выделялась звезда со множеством лучей в центре рисунка.

— Знаки Дарина! — воскликнул Гимли.

— Дерево — символ эльфов Высокого рода, — сказал Леголас.

— И Звезда Феанора, — сказал Гэндальв. — Рисунок выполнен *итильдином*[1], проступающим только при лунном или звездном свете под пальцами того, кто знает древний язык, давно забытый народами Среднеземья. Я сам слышал его так давно, что не сразу вспомнил.

— Что здесь написано? — спросил Фродо, безуспешно пытаясь понять руны на арке. — Я думал, что знаю эльфийские буквы, а эти прочитать не могу.

— Это древнеэльфийский язык, квенья, — ответил Гэндальв. На нем говорили в западном Среднеземье в Незапамятные времена. Знаки

---

[1] Сноски: 1

Итильдин — на древнем языке квенья означает «Лунное молчание». Способ нанесения мифрилом знаков на камне.

феанорские, так писали в Белерианде: *«Эннин Дарин Аран Мориа. Педо мэллон а минно».* Ничего важного в этой надписи нет: «Ворота Дарина Владыки Мории. Говори друг войди». А внизу мелкими буквами: *«Им Нарви хаин экхант. Келебримбор о Эрегион тэитхант и тиу хин»,* что значит «Я, Нарви, сработал их. Келебримбор из Холлина написал руны».

— Что значит: «Говори, друг, войди»? — спросил Мерри.

— Яснее ясного, — ответил Гимли. — «Если ты друг, говори заклинание, двери откроются, и войди».

— Ясно только то, что эти двери, похоже, открывает заклинание, — сказал Гэндальв. — Гномы делают разные секреты: одни двери открываются в определенное время и пропускают только избранных; у других есть замки и ключи, которые срабатывают после заклинания. Здесь замка с ключом нет. Во времена Дарина Ворота Мории не были тайными. Они обычно бывали распахнуты, в них сидели привратники. А когда их закрывали, достаточно было сказать *слово* — и они открывались. Во всяком случае, так записано в летописях, правда, Гимли?

— Правда, — ответил гном. — Но слово забы-

лось. Нарви давно нет на земле, род его угас, искусство ушло с ним.

— Разве тебе неизвестно это слово, Гэндальв? — удивленно воскликнул Боромир.

— Нет, — ответил маг.

Все огорчились. Только Арагорн, который хорошо знал Гэндальва, остался спокойным, но молчал.

— Зачем же ты привел нас в это проклятое место? — вскричал Боромир, с содроганием оглядываясь на темную воду. — Ты сказал, что однажды прошел через Гномьи Копи. И не знаешь, как войти?

— На твой первый вопрос, Боромир, я отвечу, что не знаю заклинательного слова — пока! — ответил маг. — Но его мы скоро узнаем. Ты можешь еще спросить, зачем я зря стараюсь и занимаюсь бесполезными делами? — добавил он, сверкнув недобрым взглядом из-под встопорщенных бровей. — А я спрошу тебя: ты что, не веришь мне, Боромир? Или перестал соображать? Я не входил в Морию этим путем. В тот раз я пришел в нее с востока. Если хочешь знать больше, могу сказать, что эти ворота открываются наружу, изнутри их можно просто толкнуть рукой. Стоя здесь, надо произнести заклинание, иначе они не шевель-

нутся. Силой нельзя.

— А что ты собрался делать? — спросил Пипин, будто не замечая его сердитых глаз.

— Постучать в Ворота твоей башкой, Перегрин Тук! — ответил Гэндальв. — А если это не поможет и мне дадут отдохнуть от дурацких вопросов, постараюсь найти заветные слова. Когда-то я знал все открывающие заклинания на всех языках Среднеземья, даже на черной речи орков. Да я и сейчас помню не меньше сотни. Думаю, что не так уж много их придется пробовать, и не надо звать Гимли, чтобы он произносил свои гномьи слова, которые никому, кроме гномов не известны. Надпись сделана по-эльфийски, значит, и заклинание должно быть эльфийским.

Маг снова приблизился к стене и легко тронул посохом серебряную звезду в середине над наковальней:

— Аннон эдхеллен, эдро хи аммэн!

Фэннас ноготрим, ласто бет ламмэн!

* * *

Это было произнесено тоном приказа, серебряные линии потускнели, но гладкий серый камень даже не дрогнул.

Много раз маг повторял эти слова, меняя их по-

рядок. Пробовал вставлять другие. Перепробовал одно за другим множество разных заклинаний, говорил то быстрее и громче, то тише и медленнее. Потом стал произносить отдельные эльфийские слова. Ничего не происходило. Немая скала в ночи казалась огромной, в небе загорались звезды, дул холодный ветер, а Ворота оставались закрытыми.

Маг снова подошел к стене совсем близко, поднял посох-жезл и уже гневно скомандовал:

— *Эдро! Эдро!* — и ударил по камню Жезлом.

Он кричал это слово — «Откройся!» — на всех языках, когда-либо звучавших в Среднеземье. Никакого результата. Тогда он швырнул Жезл под ноги и молча сел на камень.

* * *

В то же мгновение ветер принес издалека волчий вой. Все замерли. Пони задрожал от страха, но Сэм подскочил к нему, что-то зашептал, и Билл притих.

— Не отпускай его пока… — сказал Боромир. — Кажется, он нам еще будет нужен… если нас не найдут волки. Паршивая лужа, все здесь мерзко! — Он нагнулся, подобрал большой камень и швырнул подальше в озеро.

Камень шлепнул по воде и исчез, и тотчас же там что-то всплеснулось и булькнуло. Оттуда, где упал камень, разошлись большие круги, дойдя до берега.

— Зачем ты это сделал, Боромир? — воскликнул Фродо. — Здесь и так плохо, я боюсь. Волки, темнота, — это, конечно, тоже страшно, но тут другое. Я пруда боюсь. Не баламуть его!

— Убежать бы отсюда! — сказал Мерри.

— Почему Гэндальв не поторопится? — сказал Пипин.

Гэндальв не обращал на них внимания. Он сидел, опустив голову, то ли в отчаянии, то ли в глубоком раздумье. Снова послышался волчий вой. Круги в озере не пропадали, а росли, вода лизнула берег.

Вдруг маг вскочил на ноги так стремительно, что они испугались. А он хохотал!

— Догадался! — закричал он. — Так и есть! Предельно просто, просто до абсурда, как любая разгаданная загадка!

Он поднял Жезл, встал перед стеной и уверенно и четко произнес:

— *Мэллон*!

Звезда на стене ярко вспыхнула и погасла. А на том месте, где до сих пор не было ни трещинки,

обозначились большие Ворота, медленно разделились посредине и открылись наружу, дюйм за дюймом, так что створки, описав полукруг, прилегли к стене. В темном проеме была смутно видна лестница вверх. Но за первыми крутыми ее ступенями начиналась темнота чернее ночи. Все замерли с широко открытыми от удивления глазами.

— Я в самом деле ошибся, — сказал Гэндальв. — И Гимли тоже. Из всех вас один Мерри чуть не навел меня на правильный путь. Заклинательное слово написано на Воротах — оно все время там было! Вот как надо было прочитать: «Говори „друг“ — и войди». Следовало произнести слово «друг» по-эльфийски. Так просто. Слишком просто для ученого в наши дни, когда все запуталось. Раньше было понятнее и счастливее. Идемте внутрь!

* * *

Маг вошел в Ворота первым и поставил ногу на нижнюю ступеньку лестницы, — но тут произошло сразу несколько событий. Что-то схватило Фродо за лодыжку, он закричал и упал. Пони Билл дико заржал от страха, рванулся и ускакал вдоль озера в ночную темноту. Сэм кинулся бы-

ло за ним, но услышав крик Фродо, с плачем и проклятиями вернулся его выручать. Остальные оглянулись и увидели, что вода в озере кипит, словно с южной стороны к берегу подплывает множество змей.

На камни из воды протянулось длинное извивающееся бледно-зеленое щупальце, покрытое светящейся слизью. На конце его были пальцы, ими оно и схватило Фродо за ногу, а теперь тащило в воду. Сэм упал на колени, выхватил мечик и рубил им щупальце.

Щупальце отпустило Фродо, и Сэм стал тянуть хозяина от воды, громко зовя на помощь. Двадцать новых щупалец уже ползли на берег, с них стекала темная вода. Озеро бурлило, в воздухе распространилось ужасное зловоние.

— Все в Ворота! На лестницу! Быстро! — закричал Гэндальв, одним прыжком возвращаясь к входу. У всех остальных (кроме Сэма) ноги словно приросли к земле от ужаса, и магу пришлось буквально втаскивать и вталкивать их на лестницу.

Они едва успели. Сэм с Фродо поднялись всего на несколько ступенек, и Гэндальв снова поставил ногу на нижнюю, когда жадные щупальца дотянулись через узкую полоску суши до Ворот и начали ощупывать каменную стену и створки.

Одно, изгибаясь, поползло через порог, оставляя следы блестящей слизи. Гэндальв задержался на последней ступеньке. Может быть, он думал о том, каким заклинанием закрыть Ворота изнутри, но в этом уже не было необходимости. Скользкие пальцы со страшной силой вцепились в створки, рванули, и Ворота захлопнулись. Раскатилось гулкое эхо, наступила полная темнота. Снаружи глухо доносились хлесткие удары по мощному камню. Сэм, цепляясь за Фродо, без сил опустился на ступени.

— Бедный мой Билл! — сдавленно проговорил он. — Несчастная лошадка! И волки там, и змеи! Это для него уже слишком. А мне пришлось выбирать, господин Фродо. Я должен идти с вами, хозяин.

Они услышали, как Гэндальв отошел от лестницы к Воротам и ударил по ним посохом. Лестница задрожала. Ворота загудели, но остались закрытыми.

* * *

— Вот так, — сказал Гэндальв. — Назад дороги нет. Выйти отсюда теперь можно только сквозь горы. Боюсь, что эти твари, судя по грохоту, навалили там камней, вырвали деревья и швырнули

поперек Ворот. Жаль. Деревья были красивы и простояли тут не один век.

— Я почувствовал, что здесь Ужас, когда вступил в воду, — сказал Фродо. — Кто это был? Он один или их много?

— Не знаю, — ответил Гэндальв. — Но этими руками явно управляла одна воля. Кто-то выполз — или был выгнан — из неизведанных горных глубин. Там, в черных водах у корней мира, живут существа гораздо древней и отвратительней, чем орки.

Маг не произнес вслух, что тот, кто обитал в озере, из всего Отряда выбрал и схватил именно Фродо.

— У корней мира! — пробормотал почти одними губами Боромир, но эхо усилило его голос до хриплого шепота, так что все услышали. — Как раз туда мы идем, а я был против. Кто нас поведет в такой темноте?

— Я! — сказал Гэндальв. — И рядом со мной пойдет Гимли. Следите за Жезлом!

* * *

Поднимаясь впереди всех по большой лестнице, маг высоко держал Жезл, конец которого светился слабой звездочкой. Лестница была

совершенно целой, с гладкими широкими ступенями.

Они насчитали двести ступеней, после чего попали в сводчатый коридор с ровным полом.

— Давайте здесь сядем, отдохнем и поедим! — сказал Фродо. Он начал понемногу отходить от пережитого ужаса и вдруг почувствовал, что страшно голоден. — Вряд ли мы найдем внутри столовую, а на ступеньках удобно.

Предложение всем понравилось, и они сели на верхние ступени, почти не видя друг друга в темноте. После еды Гэндальв в третий раз дал каждому отхлебнуть райвендельского питья.

— Боюсь, что мирувора надолго не хватит, но сейчас нам всем надо прийти в себя после пережитого страха, — сказал маг. — Наверное, мы его весь выпьем еще до того, как выберемся отсюда. Но, может быть, нам повезет. Особенно берегите воду. В Мории много родников и колодцев, но лучше их не трогать. Может быть, бурдюки и фляги не удастся пополнить до самой долины Димрилла.

— А долго мы будем туда добираться? — сбросил Фродо.

— Не знаю, — ответил маг. — Точно сказать не могу. Это зависит от многого. Если мы не собьемся

с пути и нигде не задержимся, то на все понадобится три или четыре перехода. По прямой от Западных до Восточных Ворот миль сорок. Но прямых дорог тут нет.

* * *

Отдыхали совсем недолго. Потом двинулись дальше. Всем хотелось пройти Морию как можно скорее, и они решили, что будут идти, пока могут, еще несколько часов, хотя очень устали. Гэндальв по-прежнему шел впереди, держа в левой руке мерцающий Жезл, слабо освещавший коридор на шаг вперед, а в правой — меч Гламдринг. За магом шел Гимли, сверкая в темноте глазами каждый раз, как поворачивал голову, а за гномом — Фродо с обнаженным Жалом. Клинки Жала и Гламдринга не светились, и это было некоторым утешением, ибо мечи, выкованные эльфами-кузнецами в Давние Дни, загорались холодным светом, когда близко были орки.

За Фродо шел Сэм, за ним — Леголас, юные хоббиты и Боромир. Позади всех, хмуро и сосредоточенно, молча шагал Арагорн.

Коридор несколько раз повернул, потом начал понижаться. Шли вниз они довольно долго. Потом пол под ногами выровнялся, и их стали

донимать жара и духота, но воздух в пещерах был чистым, а временами они чувствовали на щеках движение более прохладного воздуха: по-видимому, в стенах были отдушины, попадались они довольно часто. В слабом свете Жезла мага Фродо замечал арки, боковые переходы, лестницы, ведущие то вверх, то вниз. Поворотов и развилок было столько, что хоббит не мог понять, как в них можно не заблудиться.

Гимли мало чем помогал Гэндальву — разве что упрямой уверенностью. Во всяком случае, темнота сама по себе не давила его, как остальных. Маг часто советовался с ним у сомнительных развилок, но окончательное направление всегда выбирал сам. Пещеры Мории были настолько велики и запутанны, что удержать их план в голове было не под силу даже Гимли сыну Глоина из племени Подгорных гномов. Гэндальву давние воспоминания о единственном переходе по ним мало помогали, но он знал, куда идет, и безошибочное чутье выводило его из запутанных переходов. Впереди была цель, и пока к ней был путь, он шел по нему и вел других.

* * *

— Не бойтесь! — произнес Арагорн, когда Гэндальв и Гимли на одном из поворотов дольше обычного стояли, перешептываясь, а остальные сгрудились позади в беспокойном ожидании. — Не надо бояться! Я не раз путешествовал с ним вместе, правда, ни разу не было так темно; а в Райвенделе рассказывали о его подвигах, подобных которым мне не доводилось видеть. Пока есть хоть какая-то тропа, он не заблудится. Сюда он нас привел через все ужасы, и отсюда выведет, чего бы ему это ни стоило. В темноте он находит дорогу домой лучше, чем коты королевы Берутиэль.

С проводником Отряду, безусловно, повезло. Им даже не из чего было сделать факелы; в отчаянном бегстве через Ворота многое, в том числе топливо, было оставлено снаружи, — а совсем без света им бы очень скоро плохо пришлось. В подземельях переходы все время разветвлялись, но кроме этого часто попадались провалы, шахты и глубокие колодцы с гулким эхом; в стенах и полах было много трещин, через самую широкую из них, локтей семь в ширину, Пипин никак не хотел прыгать. Из ее глубины вдобавок доноси-

лись шум и плеск, словно там поворачивалось большое мельничное колесо.

— Веревка! — пробормотал тогда Сэм. — Я же знал, что если я ее забуду, она обязательно понадобится!

* * *

Опасные участки встречались все чаще и сильно замедляли их продвижение. Казалось, бесконечный коридор ведет их к корням гор. Они уже чуть не падали от усталости, но боялись даже подумать об остановке на отдых. У Фродо после спасения от страшилища, а особенно после еды и глотка эльфийского напитка сначала поднялось настроение, но теперь его снова одолело глубокое беспокойство, переходящее в страх. Рану, нанесенную страшным кинжалом, ему в Райвенделе залечили, но она оставила след в его душе. Его чувства обострились, и он стал замечать то, что другие не видели. Первое, что он заметил, была новая способность лучше различать предметы в темноте (в этом он теперь уступал, пожалуй, только Гэндальву) и предчувствовать опасности. Кроме того, он нес Кольцо, которое висело на цепочке у него за пазухой и временами казалось очень тяжелым. Фродо ощущал присутствие

злой силы впереди и сзади, но ничего никому не говорил, а только крепче сжимал рукоять Жала и покорно передвигал ноги, чтобы не отставать.

Друзья, шедшие позади него, тоже почти все время молчали, лишь изредка перебрасывались парой слов прерывистым шепотом. В тишине раздавались только шаги: глухой стук тяжелых сапог Гимли и Боромира; легкие, почти бесшумные шаги Леголаса; тихий шорох хоббичьих подошв и твердая размеренная поступь Арагорна. Больше они в черном безмолвии ничего не слышали, разве что иногда отдаленное журчание воды. Но Фродо различал еще один непонятный шум. Может быть, ему это только казалось, но уже не в первый раз — словно осторожные шаги босых ног. Они не становились ни громче, ни тише, ни ясней — Фродо слышал их, когда они шли, но это не было эхо: когда Отряд останавливался, странные «шаги» какое-то время продолжали звучать сами по себе, потом замирали, и наступала полнейшая тишина.

* * *

В Морийские Копи Отряд вошел поздно вечером. Несколько часов Гэндальв вел их почти без остановок. И вот первое серьезное препятствие:

темная арка, которая открывала сразу три коридора. Все три вели в одном направлении, на восток; но левый шел вниз, правый — вверх, а средний — горизонтально, при этом он был ровным и гладким, но очень узким.

— Этого места я совсем не помню! — произнес Гэндальв, неуверенно останавливаясь у арки.

Он поднял Жезл в надежде найти какие-нибудь знаки или надпись, которые помогли бы выбрать правильное направление, но ничего не обнаружил.

— Сейчас я слишком устал, чтобы решить, — сказал он, покачав головой. — Да и вы, я думаю, утомлены не меньше меня, а может, и больше. Давайте проведем здесь остаток ночи. Что, непонятно? Тут всегда мрак и ночь; но там, наверху, луна сейчас пробирается к западу, и полночь миновала.

— Бедняга Билл! — вздохнул Сэм. — Где он теперь? Так хочется верить, что волки его не растерзали.

Левее большой арки они заметили каменную дверь, закрытую лишь наполовину. Гэндальв легко толкнул ее рукой, дверь отворилась. За ней, похоже, было обширное помещение, выдолбленное в скале.

— Стоять! — крикнул Гэндальв, ибо Мерри с Пипином чуть не кинулись туда, обрадованные, что нашли место, где можно отдохнуть спокойнее, чем в открытом коридоре. — Стоять! Вы же не знаете, что там. Первым войду я.

Маг осторожно пошел вперед, остальные за ним.

— Смотрите! — сказал он, показывая Жезлом на большую круглую дыру, черневшую посредине. Рядом валялись ржавые разорванные цепи, концы которых были опущены в дыру, и куски разбитой каменной плиты.

— Один из вас уже летел бы вниз и удивлялся, долго ли еще до дна! — повернулся Арагорн к Мерри. — Если есть опытный проводник, первым всегда идет он.

— Похоже, что здесь была караульня, чтобы наблюдать за теми тремя коридорами, — сказал Гимли. — А это колодец, из него караульные брали воду. Он закрывался каменной крышкой. Теперь она разбита. Надо быть осторожней в темноте.

Пипина колодец странно притягивал. Пока остальные разворачивали одеяла и стелили постели под стеной, как можно дальше от колодца, он подполз к его краю и заглянул внутрь. Его

словно ударила в лицо струя холодного воздуха из невидимой глубины. Потом, будто кто-то его подталкивал, он нашарил на полу камень, подержал над колодцем и разжал руку. Тихо. Он стал считать удары собственного сердца и потерял им счет, пока услышал далекий отчетливый всплеск, усиленный и повторенный в гулком колодце.

— Что это? — встревоженно воскликнул Гэндальв. Признание хоббита его немного успокоило, но Пипин почувствовал, что маг зол, и видел, как его глаза в темноте метали молнии.

— Бестолковый Тук! — возмущался он. — Ты не на хоббичьем пикнике, а в серьезном походе! В следующий раз прыгай сам в колодец, чтобы не быть помехой остальным! А сейчас сиди тихо!

Несколько минут ничего не было слышно; но потом из глубины донесся слабый стук: *том-там, там-том.* Стук оборвался, эхо смолкло, и снова началось: *там-там-там*. Словно сигналы. Все встревожились. Но это продолжалось недолго. Стуки прекратились, все опять стихло.

— Стучали молотки, или я в этом ничего не понимаю, — произнес Гимли.

— Да, похоже, — сказал Гэндальв. — И мне это совсем не нравится. Может быть, дурацкий камешек Перегрина не имеет к этому никакого

отношения, а может быть, что вполне вероятно, он растревожил то, чему лучше молчать. Пожалуйста, больше ничего подобного не делайте! Будем надеяться, что еще сможем спокойно отдохнуть. Выставим часового. Твоя первая стража, Пипин. В награду за глупость, — проворчал маг, заворачиваясь в одеяло.

Несчастный Пипин в кромешной темноте уселся под дверью. Ему ничего не было видно, но он все время оглядывался, боясь, что из колодца что-нибудь выползет. Ему очень хотелось закрыть дыру, хоть бы одеялом, но он боялся двигаться и боялся подходить к ней снова, хотя Гэндальв, кажется, заснул…

Но Гэндальв не спал. Он лежал очень тихо, уйдя в свои мысли, и изо всех сил напрягал память, пытаясь восстановить все вехи своего давнего путешествия по Мории и сообразить, куда теперь идти. Один неверный поворот мог оказаться гибельным. Через час он встал и подошел к Пипину.

— Иди в уголок и поспи, малыш, — сказал он вдруг ласково. — Ты, наверное, хочешь спать. Я никак не засну, так что могу и покараулить. Кажется, я понял, что со мной, — пробормотал он, усаживаясь у двери. — Надо покурить. Я не

вынимал трубку с того самого утра перед снежной бурей.

Последнее, что видел Пипин, засыпая, — маг сидел ссутулившись заслоняя ладонями огниво, — огонек трубки на мгновение осветил узловатые пальцы, острый нос и облачко дыма.

* * *

Утром Гэндальв их разбудил. Он один просидел в карауле около шести часов и дал отдохнуть всем остальным.

— Сидя на часах, я принял решение, — сказал маг. — Средний коридор мне не нравится по виду. В левом коридоре мне не нравится запах — там внизу плохой воздух или я плохой проводник. Пойдем в правый коридор. Нам уже пора снова подыматься вверх.

Восемь часов в темноте лишь с двумя короткими привалами Отряд шел вперед. Они не встретили ничего опасного и ничего не услышали. Слабый светляк магического Жезла, словно блуждающий огонек, все время был впереди. Насколько можно было судить, коридор шел вверх широкими дугами и сам становился все выше и шире. Пол в нем был ровный, без ям и трещин, не было в нем ни боковых отверстий, ни переходов.

Очевидно, они попали на главную дорогу и двигались теперь значительно быстрее, чем вчера.

Так они прошли миль пятнадцать по прямой, а ногами перемеряли, наверное, все двадцать или даже больше. По мере того как поднимался вверх коридор, у Фродо слегка поднималось настроение; но подавленность еще оставалась, и он по-прежнему изредка слышал — или думал, что слышит, — позади Отряда, не в такт с шагами друзей, осторожные шаги босых ног: звук, который не был эхом.

* * *

Друзья шли до тех пор, пока могли идти хоббиты. Потом стали думать, где бы остановиться на ночлег, — и вдруг стена коридора словно исчезла. По-видимому, они вошли в большое пустое помещение, не заметив входной арки. В спину им из коридора веяло теплом, а темнота впереди дохнула холодом. Они остановились и собрались вокруг мага. Похоже, что Гэндальв был доволен.

— Значит, я правильно выбрал дорогу, — сказал он. — Наконец мы подходим к жилым пещерам, и если я не ошибаюсь, мы сейчас уже недалеко от Восточных Ворот и Ступеней Димрилла, только значительно выше их. Судя по тому, какой здесь

воздух, зал должен быть велик. Попробую рискнуть и зажечь настоящий свет.

Он поднял Жезл, и на мгновение яркая вспышка, как молния, прогнала черные тени. Путники успели рассмотреть высокий потолок, опирающийся на мощные каменные колонны. Зал был огромен. Его черные полированные стены, отразившие вспышку, блестели как стеклянные. Из зала было еще три выхода под темными арками: один прямо на восток (напротив того, откуда они вошли), два других — на юг и север. Их едва успели разглядеть: Жезл погас.

— Это все, что я пока могу себе позволить, — сказал Гэндальв. — В восточном склоне горы были когда-то прорублены большие отдушины, из них свет попадал в жилые пещеры по прямым глубоким каналам. Кажется, мы как раз до них дошли, но сейчас ночь, до утра мы ничего не увидим. Если я прав, то завтра утром нам не придется вставать в темноте. А пока лучше здесь отдохнуть, если удастся. До сих пор нам везло, большая часть темной дороги уже преодолена… Но Морию мы еще не прошли, до Восточных Ворот в мир осталось порядочно.

* * *

Ночь путники провели, тесно прижавшись друг к другу, в углу пещерного зала, где было чуть теплее, чем посредине, но все равно холодно: из восточной арки в зал врывались пронизывающие сквозняки. Вокруг них была темнота и пустота, их угнетала громадность высеченного в горе лабиринта, им было одиноко, и казалось, что бесконечные черные коридоры и лестницы никогда не кончатся. Самые мрачные слухи, попав в хоббичье воображение, не вызвали бы в нем более удивительной и ужасной картины Мории, чем она сама.

— Здесь, должно быть, когда-то работала уйма гномов, — сказал Сэм. — Трудились, как пчелы, полтыщи лет, пока все это сделали, — и в такой скале! Зачем? Неужели они жили в этих темных норах?

— Это не норы, — оскорбился гном. — Это великое государство, Гномьи Копи, город Мория! Здесь не было тьмы и страха: свет и роскошь, великолепие подземных залов Мории были известны во всем Среднеземье. Такой она осталась в наших песнях.

Гимли вскочил и не то заговорил, не то запел в

темноте гортанным голосом, а гулкое пещерное эхо вторило ему:

Луна была еще без пятен,
Был молод мир зеленых скал,
И не было простых понятий,
Таких, как «камень» и «металл»,
Когда в прадавнем юном мире
Гном Дарин встал и шел один,
И с каждым шагом мир все шире
Распахивался перед ним.

Он называл пещеры, камни,
Пил из неназванных ручьев
И видел в озере Зеркальном
Отображение свое.
Кольцом вокруг чела сияла
Корона отраженных звезд,
И удивился гном сначала,
Но все, что Озеро сказало,
Потом пророчески сбылось.

Он Королем воссел на троне —
Могучий горный властелин,

Один из тех, на чьей короне
Держался древний Гондолин.
Еще задолго до паденья
Земных великих королей
Гном Дарин расширял владенья
В горах, у самых их корней.
Сидел он, как поют сказанья,
В величественном и большом
Многоколонном тронном зале,
Где свет алмазы рассыпали
Под золоченым потолком.

Не зная, что такое праздность,
Его народ руду копал,
Искал бериллы и алмазы,
Опал и жемчуг добывал;
Плелись кольчуги, гнулись луки,
По наковальне молот бил,
Резец писал, топор рубил, —
Творили чудо гномьи руки.
На арфах так могли играть,
Что разговаривали струны,
А на изделиях писать

Умели колдовские руны.

Но ныне музыка молчит.
Мир посерел, остыли горны,
Стареют горы, и лежит
Глухая Тень в стране подгорной.
В пещерах Казад-Дума мрак,
Под тяжким камнем Дарин спит там,
И Копи Мории закрыты,
Но стережет их тайный знак,
А в черной глади Келед-Зарам
Корона из алмазных звезд
Ждет часа, чтоб проснулся Дарин
И снова гномий род вознес!

— Вот это мне нравится! — сказал Сэм. — Я бы с удовольствием такое выучил... «В пещерах Казад-Дума мрак!..» Если подумать про все эти лампы, здешняя темень кажется еще темней. А кучи золота и алмазов здесь до сих пор лежат?

Гимли не ответил. Спев балладу, он больше говорить не желал.

— Кучи драгоценностей? — сказал Гэндальв. — Нет. Орки часто грабили Морию. В верхних залах вообще ничего не осталось. И с тех пор, как гно-

мы ушли, никто не отваживается спускаться в нижние шахты, в сокровищницы и кладовые: часть их затоплена водой, а другие окутаны тенью страха…

— Тогда зачем гномы хотят вернуться в Морию? — спросил Сэм.

— За *мифрилом*, — ответил Гэндальв. — Золото и алмазы были любимыми игрушками гномов, железо — их рабочим материалом. Все это здесь добывалось, особенно железо; но ради этого не стоило вести такие гигантские работы — легче было бы доставлять из других мест. А вот истинное серебро, по-эльфийски мифрил, можно было найти только в Мории. Поэтому его иногда зовут Морийским серебром. Гномы называют его по-своему, но никому не говорят как. Мифрил и прежде стоил в десять раз дороже золота, а сейчас ему цены нет, ибо на земле Среднеземья его почти не осталось. Копать здесь все боятся, даже орки. Рудные жилы истинного серебра идут к северу, в сторону Карадраса и залегают на огромной глубине. Гномы не разглашают своих тайн, но известно, что для них мифрил был источником величайшего богатства и величайших бед. Они пожадничали и проникли слишком глубоко в гору, потревожив Ужас, от которого

бежали, Погибель Дарина. Потом орки захватили почти весь мифрил, добытый гномами из недр, и заплатили им дань Саурону, который жадно за ним охотится.

Мифрил!.. Предмет вожделения всех народов Среднеземья! Его можно чеканить, как медь, полировать до стеклянного блеска; гномы выплавляли из него металл легкий и удивительно твердый, как закаленная сталь. По красоте он напоминает серебро, но не тускнеет и не покрывается патиной. Эльфы всегда любили мифрил. Итильдин, которым сделана надпись на Воротах, чудесно врезан в камень также Морийским серебром — мифрилом. У Бильбо, кстати, была мифриловая кольчуга — дар Торина. Интересно, куда она девалась? Наверное, собирает пыль в Доме Сдачи в Мичел Делвинге…

— Что?! — воскликнул молчавший до сих пор Гимли. — Кольчуга из Морийского серебра? Это королевский подарок!

— Да, — сказал Гэндальв. — Я не говорил ему, но она стоит дороже, чем его Хоббитшир со всем, что в нем есть.

Фродо ничего не сказал, но просунул руку под куртку и потрогал кольчужные колечки. Он был ошеломлен. Носить под курткой ценность стои-

мостью целого Хоббитшира! Знал ли Бильбо, что подарил? Несомненно. Да, это был королевский подарок. Фродо мысленно покинул темные Копи и перенесся в Райвендел к Бильбо и в Торбу-в-Холме в те дни, когда Бильбо еще жил там. И так ему захотелось вернуться, подстригать газоны и бродить по полям среди цветов, чтобы никогда не знать про Морию, про мифрил, — и главное, про Кольцо!

* * *

Разговоры умолкли. Тишина была полной. Один за другим все уснули, и Фродо остался часовым. В невидимые во мраке двери из темных глубин, словно чье-то зловредное дыхание, проникал страх и сжимал его сердце. Руки у хоббита похолодели, на лбу выступил холодный пот. Он весь превратился в слух и два часа тщетно прислушивался, не в состоянии делать ничего другого. Но ничего не услышал — даже эха, даже шагов босых ног.

Его стража кончалась, когда ему вдруг показалось, что там, где был западный коридор, засветились два слабых огонька, как глаза. Он вздрогнул, потряс головой, всмотрелся — ничего. «Наверное, я начал засыпать в карауле, — поду-

мал он. — Чуть-чуть сон не увидел». Он встал, принялся тереть глаза и опять смотреть в темноту. Так его и застал подошедший на смену Леголас.

Фродо пошел под стену, лег и почти сразу в самом деле заснул, но во сне ему казалось, что этот сон он уже видел, а сейчас смотрит продолжение — кто-то шепчется, и два бледных огонька медленно приближаются, все ближе… Он проснулся: из отдушины над восточной аркой прямо ему на лицо падал неяркий свет, северная арка тоже слабо освещалась, а рядом с ним тихо разговаривали друзья. Фродо приподнялся и сел.

— Доброе утро! — сказал Гэндальв. — Ибо наконец-то в самом деле утро. Как видите, я был прав. Мы уже в восточной части Мории. До конца дня надо найти Главные Ворота, выйти в долину Димрилла и увидеть Зеркальное озеро.

— Вот когда я порадуюсь, — сказал Гимли. — Теперь я видел великую Морию, но она стала темна и страшна, и мы не обнаружили следов моих соплеменников. Будто бы Балин не приходил сюда.

* * *

После завтрака Гэндальв решил немедленно продолжать путь.

— Мы все устали, — говорил он. — Но лучше отдохнем, когда выйдем отсюда. Наверное, никому не хочется оставаться в Мории еще на одну ночь.

— Конечно, нет! — сказал Боромир. — Куда пойдем? Вон в ту восточную арку?

— Возможно, — ответил Гэндальв. — Но я еще не могу сказать точно, где мы. Догадываюсь, что если мы шли в нужную сторону, значит, находимся выше и севернее Главных Ворот. Однако, найти к ним прямую дорогу может оказаться труднее, чем нам хочется. Может быть, надо идти именно в восточную арку, — давайте сначала осмотримся. Идемте к свету, посмотрим, откуда он проникает в северные двери, — если за ними есть окно, оно нам поможет. Хотя, возможно, там только световая отдушина.

Пройдя за магом под северную арку, они попали в широкий коридор. Чем дальше, тем света становилось больше. Вскоре они поняли, что он проникает в коридор из двери в его правой стене. Каменная дверь была полуоткрыта, перед ней было что-то вроде высокого тамбура с плоским потолком.

Под нажимом дверь повернулась на петлях — за ней оказался большой квадратный зал. Он был освещен довольно слабо, но путникам, долго

пробывшим в полной темноте, показалось, что в нем ослепительно светло, и они зажмурились, войдя.

Пол покрывал толстый слой слежавшейся пыли, они приподнимали его подошвами, спотыкаясь о какие-то предметы и наступая на осколки. Свет шел из широкой отдушины в восточной стене напротив входа. Отдушина была пробита в камне слегка наискось, и через нее даже виднелся лоскутик голубого неба. Луч света падал прямо на белую плиту в середине зала, лежавшую на прямоугольном камне около двух локтей высотой.

— Похоже на гробницу, — тихо проговорил Фродо и склонился над плитой, чтобы лучше ее рассмотреть.

Им овладело странное нехорошее предчувствие. Гэндальв быстро подошел к плите и тоже нагнулся. На ней были четко вырезаны руны:

— Это руны Даэрона, ими пользовались в древней Мории, — сказал Гэндальв. — Надпись сделана на языке гномов и людей:

Балин сын Фундина
Повелитель Мории.

— Значит, он умер, — сказал Фродо. — Я боялся, что так и было.

Гимли закрыл лицо капюшоном.

Глава пятая. Мост в Казад-Думе

Весь Отряд в полном молчании встал у моги-

лы Балина. Фродо думал про Бильбо, его долгую дружбу с гномом и приезд Балина в Хоббитшир. Здесь, в пыльном подземном зале, казалось, что все это было тысячу лет назад в другом мире…

Наконец, они словно очнулись, подняли взгляд от плиты и разошлись по залу, пытаясь найти хоть что-нибудь, что говорило о судьбе Балина и его спутников. В конце зала под отдушиной была еще одна дверь, поменьше. Теперь они разглядели, что около обеих дверей в пыли валялись кости, сломанные мечи и топоры, разбитые щиты и шлемы. Рядом с прямыми мечами лежали кривые орчьи ятаганы с воронеными клинками. А в стенах зала было вырублено множество ниш, в которых стояли деревянные сундуки, окованные железом. Все было разорено, сундуки разбиты. Но возле сбитой крышки одного из них лежала полуистлевшая книга, разорванная и частью обгоревшая, истыканная стрелами, порубленная мечами и настолько запятнанная грязью и кровью, что вряд ли ее можно было читать. Как ни осторожно поднял ее маг, она в его руках распалась на отдельные ломкие листы. Гэндальв бережно сложил их на надгробье Балина и некоторое время молча разглядывал. Фродо и Гимли смотрели, как он с трепетом перекладывает

страницы, жадно вникая в остатки записей, сделанных разными почерками и, по-видимому, в разное время. В основном, тут были руны Мории и Дейла, но попадалась и эльфийская вязь.

Наконец, Гэндальв поднял голову.

— Похоже, здесь записана судьба дружины Балина, — сказал он. — Это летопись его Похода. Я понял, что записи были начаты тридцать лет назад, когда гномы пришли в долину Димрилла. Страницы пронумерованы. По-моему, тут обозначены годы от начала Похода. На верхней странице стоит «1/3», то есть «год первый страница третья», а двух первых листов не хватает. Послушайте!

«*Мы отогнали орков от главных ворот и из кара…*» — слово стерлось, край обгорел, должно быть «*караульни*». «*Мы убили многих при свете…*» наверное, «*дня*». «*Флои был убит стрелой. Он убил велико…*» дальше неразборчиво, а потом: «*…Флои в траве у Зеркального озера*». Следующие две строчки я не могу понять. Дальше: «*…отбили двадцать первый зал в северном крыле. В нем можно жить. Здесь…*» снова неясно, потом слово «*отдушина*». И, наконец, «*…Балин сел в зале Мазарбул*».

— Это значит, «в Летописном зале», — сказал

Гимли. — Наверное, в том самом, где мы сейчас стоим.

— Дальше листы, которые прочитать совсем нельзя, — продолжал Гэндальв. — Только отдельные слова: «*...золото...*», «*топор Дарина...*» и «*...шлем*». И еще: «*Балин теперь повелитель Мории*». Наверное, это конец главы. Потом нарисованы звездочки, начинается следующая повесть. Можно разобрать: «*...мы нашли истинное серебро*». Потом вижу «*... хорошо выковано...*», дальше что-то еще... понял! «*Мифрил*»! и в предпоследней строке: «*...Оин... искать верхнюю оружейню на третьем нижнем ярусе...*» опять пятно крови... «*...идти на запад...*» и после дыры: «*... к Воротам Холлина*».

* * *

Гэндальв замолчал и перевернул несколько страниц.

— Эти листы очень неразборчиво написаны, наверное, в спешке, и сильно попорчены: при таком свете не прочтешь, — сказал он. — А потом многих листов не хватает, потому что пошли обозначения с цифрой «5» — «пятый год пребывания в Мории», вероятно. Постойте... Нет, ничего не разберу. Слишком много пятен. Может быть,

когда выйдем на солнце… Ага, вот уже что-то: крупный четкий почерк, и буквы эльфийские.

— Должно быть, Ори писал, — сказал Гимли, глядя в книгу из-под руки Гэндальва. — Он очень быстро и красиво писал и часто пользовался эльфийскими рунами.

— Боюсь, что невеселые записи сделал он своим красивым почерком, — сказал маг. — Первое ясное слово здесь «*скорбь*», конец строки не читается, за исключением обрывка *«… чера»*. Наверное, «*вчера*», ибо за этим следует: *«десятого ноября владыка Мории Балин пал в долине Димрилла. Он пошел один к озеру Зеркальному. Орк застрелил его из-за камня. Мы убили того орка, много врагов… с востока по Серебринке…»* Дальше настолько выцвело, что я почти ничего не понимаю. Кажется, написано: *«… мы заперли Ворота…»* и *«…удержали бы долго, если…»*, потом *«ужасный»* и *«выдержать»*. Несчастный Балин! Его владычество длилось неполных пять лет. Хотелось бы знать, что произошло потом. Но нам не хватит времени разбирать все записи. Посмотрим самый конец.

Маг сделал паузу, вздохнул и продолжал:

— Печальная летопись. Боюсь, что все они погибли страшной смертью. Слушайте! «…*Мы не*

можем выйти из пещер. Мы не можем выйти. Они захватили мост и второй зал. Там пали Лони, Фрар и Нали». Четыре строчки совсем расплылись, потом: «*...ушли пять дней назад*». Последние строки: «*Вода подступает к западным воротам. Сторож Вод схватил Оина. Мы не можем выбраться. Скоро конец...*» и еще: «*... барабаны... барабаны из бездны*». Этого я не понимаю. Самые последние слова нацарапаны эльфийской скорописью: «*Они приближаются*». Больше ничего нет.

Маг замолчал и задумался.

Вдруг каждый из них с ужасом понял, что находится в страшном месте.

— «Мы не можем выбраться», — прошептал Гимли. — Нам еще повезло, что вода в пруду немного отступила от стены, и что Сторож Вод спал в южном затоне.

Гэндальв поднял голову и огляделся.

— Наверное, они вели последний бой у обоих выходов, — сказал он. — Но к тому времени их оставалось совсем мало, и они погибли. Так закончилась попытка овладеть Морией. Героическое безрассудство! Время для этого еще не пришло. А нам теперь придется проститься с Балином сыном Фундина. Пусть лежит в пещерах

своих предков. Книгу из Мазарбула мы возьмем с собой, потом прочитаем. Возьми ее, Гимли, и если сможешь, передашь Даину. Она заинтересует его, хотя очень опечалит. Идемте. Утро кончилось.

— Куда теперь пойдем? — спросил Боромир.

— Сначала назад в Большой зал, — ответил Гэндальв. — Но мы не зря здесь побывали. Теперь я знаю, где мы: в Зале Мазарбул, как подтвердил Гимли; а Большой зал — это тот самый двадцать первый в северном крыле. Значит, идти отсюда надо коридором, который начинается под восточной аркой — вправо, на юг и вниз. Двадцать первый зал находится на седьмом уровне над Воротами. Возвращаемся в него!

* * *

Не успел маг проговорить последнее слово, как они услышали раскатистый удар в чреве горы: *Бум-м!..* Грохот прокатился глубоко под ними, и каменный пол под ногами задрожал. Друзья в тревоге бросились к дверям. *Дум-думм!* — загремело снова, будто чьи-то великанские руки превратили гулкие пещеры в огромный барабан. Потом воздух словно лопнул, и по Мории эхом рассыпался голос большого рога. Рог звучал совсем близко, в соседнем зале, и ему уже отвечали

другие рога, слышались хриплые крики и топот множества ног по коридорам.

— «Они приближаются!» — закричал Леголас.

— «Мы не можем выбраться!» — сказал Гимли.

— Западня! — воскликнул Гэндальв. — Зачем я тянул время? Мы попались, как они. Но тогда меня с ними не было. Посмотрим, что…

— *Дум-думм-дум-м!* — загремели барабаны так, что гора затряслась.

— Попробуйте закрыть и заклинить двери! — крикнул Арагорн — Но не бросайте мешки. Может быть, еще прорвемся!

— Нет! — сказал Гэндальв. — Закрываться наглухо нельзя. Восточная дверь должна остаться распахнутой, ибо только через нее мы выйдем, если выйдем вообще.

Еще раз пронзительно взвыл рог; шум, топот и резкие крики приближались. Все схватились за оружие, зазвенел металл. Гламдринг светился бледным светом, мерцал клинок Жала. Боромир подпер плечом западную дверь.

— Подожди! Не закрывай пока! — сказал Гэндальв, одним прыжком подлетая к Боромиру и вставая рядом с ним во весь рост.

— Кто посмел нарушить покой Балина Повелителя Мории?! — громко крикнул он.

Раздался взрыв грубого хохота, словно камни посыпались в колодец, а один громкий хриплый голос поднялся над общим гамом, выкрикивая слова команды.

— *Дум-м — дум — дум-м-м!* — продолжало греметь из бездны.

Гэндальв быстро шагнул к двери в коридор и резким движением выбросил вперед руку с Жезлом. Коридор и зал осветились ярким светом. Маг заглянул в коридор и тут же отскочил назад. Оттуда засвистели стрелы.

— Там орки, их много, — сказал он спутникам. — И обычные, и особо злобные черные урук-хай из Мордора. Они пока попятились, но за ними был еще кто-то, покрупнее. Похоже, пещерный тролль; может быть, не один. Этим коридором нам не пройти.

— А если они проберутся в другой, то вообще надежды на спасение не останется, — сказал Боромир.

— Отсюда пока ничего не слышно, — произнес Арагорн. Он уже стоял у восточной двери и прислушивался. — От этой двери сразу идет лестница вниз, так что похоже, что эти коридоры не сообщаются. Но бежать неизвестно куда — большой риск. Они за нами погонятся, эту дверь

не запрешь — ключа нет, замок сломан, и она открывается внутрь. Надо задержать врагов, да так, чтобы они надолго запомнили Зал Мазарбул! — И Арагорн, нахмурившись, тронул лезвие своего меча Андрила…

* * *

Коридор гудел от тяжелых шагов. Боромир быстро налег на дверь плечом и закрыл ее, а потом заклинил обломками мечей и досок. Остальные отбежали к противоположной стене, но уходить было еще рано. Снаружи по двери ударили так, что она вздрогнула и начала медленно открываться. Часть клиньев вылетела. В образовавшуюся щель просунулось мощное плечо и огромная рука с зеленоватой чешуей на темной коже. За рукой последовала такая же великанская нога с плоской беспалой ступней. За дверью стало тихо. Боромир сделал выпад и изо всей силы обрушил меч на руку, но меч зазвенел, отскочил и вырвался из руки гондорца. На нем осталась зазубрина.

А Фродо, не успев сам себе удивиться, вдруг почувствовал прилив неистовой ярости и звонко закричал: «В бой, Хоббитшир!» Он выскочил из-за Боромира, нагнулся и всадил Жало в уродливую

ступню. Раздался дикий вой, нога отдернулась, чуть не утащив за дверь Жало. Несколько черных капель стекли с клинка и задымились на полу. Боромир снова налег на дверь всей тяжестью, дверь закрылась.

— Почин за Хоббитширом! — воскликнул Арагорн. — Хоббиты, оказывается, больно кусаются! У тебя отличный клинок, Фродо сын Дрого!

На дверь снова посыпались удары. Враги били молотами и дубинками. Дверь дрогнула под ударами, резко распахнулась, и в воздухе засвистели стрелы. К счастью, они тыкались в противоположную стену и падали на пол, никого не задевая. Опять затрубил рог, затопали сапоги, и в зал один за другим полезли орки.

Не счесть, сколько их было. Атака была яростной, но враги получили достойный отпор. Леголас сразу убил двоих, стреляя из лука в горло; Гимли обрубил ноги орку, посмевшему прыгнуть на надгробие Балина; нескольких положили Боромир и Арагорн. Когда упал тринадцатый орк, остальные с визгом попятились к двери и отступили, никому не причинив вреда, если не считать царапины на голове у Сэма, который успел быстро пригнуться и тут же прикончить своего орка, проткнув его мечом из Могильника. Карие глаза Сэма горели

боевым огнем; если бы его сейчас увидел Тед Песокс, то, наверное, отступил бы с почтением.

— Теперь пора! — вскричал Гэндальв. — Пошли, пока тролль не вернулся!

Однако, отступить они не успели. Пипин и Мерри только шагнули на лестницу, когда в зал ворвался громадный, ростом почти с Долгоброда, вожак орков в черной кольчуге до колен, смуглый, плосколицый, с красным высунутым языком. За ним в дверях толпились орки поменьше. Сверкая горящими, как угли, глазами, вожак размахивал тяжелым копьем. Удар меча Боромира пришелся на его кожаный щит, и сам Боромир оказался отброшенным на пол. Со скоростью жалящей змеи орк нырнул под меч Арагорна, врезался в Отряд и с размаху метнул копье прямо в Несущего Кольцо. Фродо почувствовал сильный удар в правый бок, копье отбросило его к стене и пригвоздило к ней. Сэм с криком бросился к хозяину и обрубил древко копья. Орк выхватил кривой ятаган и направился к жертве, но не успел сделать шага, как Андрил белой молнией обрушился на его шлем и разрубил его вместе с головой. Вожак упал, остальные орки взвыли и бежали; Боромир с Арагорном бросились было за ними, но тут в горе снова грохнуло.

— *Дум-м, дум-м-м!* — тяжко били барабаны в глубине.

— Пора! — кричал Гэндальв. — Последний шанс! Бегом, спасайтесь!

* * *

Арагорн подбежал к упавшему Фродо, взял его на руки, подтолкнул Мерри с Пипином и устремился на лестницу, остальные — за ним. Один Гимли медлил у могилы Балина, опустив голову, но Леголас схватил его за плечо и потащил. Боромир, прежде чем уходить, осмотрел восточную дверь — на ней с обеих сторон висели большие железные кольца, но запереть ее было нечем.

— Я… цел, — задыхаясь, но внятно вдруг произнес Фродо. — Могу идти… сам. Пусти меня!

Арагорн от удивления чуть не уронил хоббита на пол.

— Я думал, что ты убит! — воскликнул он.

— Выходит, что нет, — сказал Гэндальв. — Но нам сейчас некогда удивляться. Все вниз, быстрей, и ждите меня там. Если меня долго не будет, уходите и не жалейте ног. Выбирайте переходы, которые ведут вправо и вниз. Ну!

— Мы не оставим тебя здесь одного! — сказал Арагорн.

— Выполняй, что я сказал! — властно приказал маг. — Мечи здесь уже бесполезны. Марш!

* * *

Отдушин на лестнице не было, и они шли наощупь в кромешной тьме. Лестница была длинной. В конце они оглянулись, но ничего не увидели, кроме слабого мерцания Жезла далеко вверху. Наверное, маг еще стоял на страже у прикрытой двери.

Фродо тяжело дышал и опирался на Сэма, который обнял его обеими руками. Оба напряженно смотрели в темноту. Фродо показалось, что он слышит, как кричит Гэндальв, но слова заглушает расстояние и искажает эхо. Снова задрожали стены и громыхнули барабаны:

— *Дум-думм!*

Внезапно в дальнем конце лестницы зажглась ослепительная белая звезда, раздался глухой гул, потом тяжелый удар и бешеный барабанный бой. Потом снова стало тихо. По лестнице слетел Гэндальв и упал у ног друзей.

— Кончено! — сказал он, вставая. — Я сделал все, что мог, но встретил такого противника, который чуть меня не одолел. Скорей отсюда! Придется пока обойтись без света, у меня совсем

сил нет. Пошли! Где Гимли? Иди со мной рядом и веди! А вы не отставайте. Вперед!

* * *

Мало что поняв, друзья, спотыкаясь, побежали за магом.

— *Дум-м, дум-м! Дум-мм!* — бесновались барабаны где-то далеко, но звук их стал глуше, хотя, похоже, катился за ними. Других звуков, говоривших бы о преследовании, они не слышали — ни топота, ни голосов. Гэндальв никуда не сворачивал, ни влево, ни вправо. Похоже, что коридор шел в нужном направлении. Время от времени пол под ними понижался или приходилось спускаться на следующий уровень по лестницам — ступеней по пятьдесят и больше. Лестницы теперь представляли наибольшую опасность, ибо в темноте о них можно было догадаться только, когда нога попадала в пустоту. Гэндальв ощупывал пол Жезлом, как слепой — палкой.

За час они прошли милю или чуть больше, преодолев несколько лестниц. Погони не было. Они уже начали надеяться на то, что удастся уйти. Спустившись по седьмой лестнице, Гэндальв приостановился.

— Становится жарко! — задыхаясь, проговорил

он. — Наверное, мы уже на уровне Ворот. Скоро должен быть левый поворот на восток. Надеюсь, до него осталось мало. Я очень устал, мне нужно отдохнуть хоть немного, даже если все орчье племя за нами гонится.

Поддерживая мага под локоть, Гимли помог ему сесть на ступеньку.

— Что там случилось у двери? — спросил гном. — Ты встретился с тем, кто бил в барабаны?

— Не знаю, — ответил Гэндальв. — Мне впервые встретилось нечто неведомое. Я не мог ничего придумать. Удалось лишь наложить на дверь сковывающее заклятие. Я их много знаю, но все они требуют времени, и даже если получаются, подвинуть заговоренный предмет не удастся, но можно сломать.

Я слышал голоса орков за дверью и ждал, что вот-вот они начнут ее ломать. Что они говорили, я не понял, — у них идиотский язык, и слышно было плохо. Но одно слово было ясно: *«гхаш»*, что значит «огонь». А потом в зале оказался еще кто-то: я ощутил его присутствие за дверью, и орки, похоже, сами испугались и замерли. А он, наверное, схватился за кольцо в двери и почувствовал мое заклятие и мое присутствие. Я не

догадался, кто это был, но он угрожал мне, как никто раньше не угрожал. Встречное заклятие было неимоверно сильным, — мое еле устояло. На мгновение дверь даже чуть приоткрылась! Пришлось произнести Формулу Власти. Дверь не выдержала и рассыпалась на куски. Что-то темное, как туча, закрыло с той стороны весь свет, и меня отшвырнуло на лестницу. Тут рухнула вся стена, и потолок, кажется, тоже обвалился.

Балин теперь очень глубоко погребен, возможно, что и мой противник тоже… но в этом я не уверен. Зато проход надежно завален. А я совсем без сил. Начинаю приходить в себя… Кстати, что с тобой, Фродо? Мне некогда было тебе об этом сказать, но меня еще в жизни ничей голос так не радовал! Я ведь боялся, что Арагорн несет храброго, но мертвого хоббита.

— Я живой и, по-моему, целый, — сказал Фродо. — На боку, наверное, синяки, все болит, но терпеть можно.

— Ну и ну! — сказал Арагорн. — Я еще не встречал никого, кто был бы сделан из такого крепкого материала, как хоббиты! Знал бы раньше, может, вежливее разговаривал бы с тобой в Бригорском трактире! Таким ударом копья можно проткнуть насквозь дикого кабана.

— Меня не проткнули, чему я очень рад, — сказал Фродо. — Я будто попал между молотом и наковальней.

Тут он замолчал. Ему было трудно дышать.

— Ты, как Бильбо, — сказал Гэндальв. — Я ему когда-то говорил, что у него всегда найдется в запасе то, о чем никто не догадывается.

Фродо так и не смог понять, был ли в словах мага скрытый смысл.

* * *

Путники пошли дальше. Вскоре Гимли, который неплохо видел в темноте, обратил их внимание на какое-то свечение впереди.

— Похоже, там свет, — сказал он. — Но не дневной, красный. Отчего бы?

— Гхаш, — прошептал маг. — Не об этом ли они говорили? Пожар в нижних ярусах?.. Все равно, надо туда идти.

Вскоре сомнений не осталось, свет внизу увидели все. Багровые отблески играли на стенах перед ними. Теперь они видели дорогу: коридор понижался и кончался низкой аркой; оттуда шел свет. Воздух был уже горячим.

Перед аркой Гэндальв дал знак подождать, а сам вошел под нее, сделал шаг и остановился; на

его лицо легли красные блики. Потом он быстро шагнул назад.

— Там что-то новое, — сказал он. — Очередное лиходейство, горячий прием. Зато ясно, где мы. Это восточная арка второго зала Старой Мории, первый ярус, одним уровнем ниже Ворот, и Ворота совсем близко, не больше четверти мили влево. Надо идти через Мост, вверх по широкой лестнице, затем большой коридор, первый зал и — выход. А сейчас — смотрите сами!

Они заглянули в зал. Он был выше и гораздо длиннее того, в котором они спали. Дальний, западный его конец терялся во мраке. Посредине двумя рядами стояли большие колонны из резного камня в форме могучих деревьев, на чьи ветви опирался потолок. На гладких черных стволах плясали красные отсветы. Зал рассекала вдоль широкая трещина, в которой буйно полыхало пламя. Его красные языки лизали край трещины и обвивались вокруг близко стоящих колонн. В горячем воздухе плавали клочья темного дыма.

— Пойди мы по главной галерее из верхних залов, мы бы уперлись в эту трещину и оказались в западне, — сказал Гэндальв. — Будем надеяться, что сейчас огонь отдалит нас от погони. Но поспешим! У нас нет времени.

Не успел маг договорить, как они снова услышали барабанный бой: *дум, думм-м*... А из затененного западного конца зала до них дошли крики и звуки рогов.

— *Думм-мм-думм!*.. — кажется, от грохота дрожали колонны и каменные плиты пола.

— Последний рывок! — сказал Гэндальв. — Если снаружи солнце, мы еще можем спастись. За мной!

Он повернул влево и помчался по гладкому полу. Расстояние оказалось больше, чем они думали. На бегу они услышали топот множества ног. Эхо разносило его по залу.

Враги радостно взвыли. Значит, заметили. Зазвенело оружие. Над головой Фродо просвистела стрела.

Боромир расхохотался.

— Этого они не ждали! — прокричал он. — Мы на другой стороне. Через огонь не пройдут!

— Осторожней! — окликнул его Гэндальв. — Мост уже рядом, он узок, там опасно!

Вдруг Фродо увидел перед собой бездонный черный провал и узкую арку каменного моста без перил длиной примерно пятьдесят локтей. Мост был стар. Его построили гномы, чтобы защититься от врагов, если они прорвутся в наружные

коридоры и первый зал. Другого пути в Морийские Копи не было, а по Мосту можно было идти только друг за другом. У Моста Гэндальв остановился. Остальные, подбежав, сгрудились за ним.

— Веди, Гимли! — приказал маг. — Пипин и Мерри идут за гномом. Вперед и на лестницу за дверью!

На них посыпались стрелы. Одна ткнула Фродо и отскочила. Другая прошила шляпу Гэндальва и застряла в ней, словно черное перо. Фродо оглянулся. За огнем толпились черные фигуры — наверное, там собралось несколько сотен орков, не меньше. Они размахивали копьями и ятаганами, которые казались окровавленными в отсветах пламени. А барабаны все били, все громче:

— Дум, думм! Думм-м!

Леголас вложил стрелу в лук и повернулся, готовый выстрелить, хотя расстояние для его маленького лука было велико. Но натянуть тетиву до конца не успел. Его рука опустилась, стрела упала на каменные плиты. Он издал крик страха и отчаяния. Между орками появились два огромных тролля с большими каменными плитами и перекинули их через расселину, как сходни. Но не тролли устрашили эльфа. Орки сами расступи-

лись и сгрудились, словно испугавшись, а из-за них к расселине приближалось нечто, напоминавшее большую тень или тучу, окутывавшую кого-то темного, в ком была мощь и власть, и от кого исходил Ужас.

Чудовище подошло к краю расселины и наклонилось. Пламя опало. А Оно с шипением и свистом перемахнуло через преграду, и багровые языки снова взвились, словно приветствуя его; огненная бездна загудела, выбрасывая вместе с пламенем клубы черного дыма. Тот, кто был в туче, приобрел более ясные очертания. По нему стекали струи багровых искр. Его дымная грива разделилась надвое и простерлась за спиной. В правой руке у него оказался ятаган, похожий на огненное жало, в левой — многохвостая огненная плеть.

— А-а! — отчаянно закричал Леголас. — Это балрог! Вышел балрог!

Гимли широко раскрыл глаза.

— Погибель Дарина! — воскликнул он, уронил топор и закрыл лицо руками.

— Балрог, — пробормотал Гэндальв. — Теперь я понял. Это беда. — Маг пошатнулся и тяжело оперся о посох. — А я так устал.

* * *

Темной тучей со струйками огня балрог быстро надвигался на них. Орки с воем толпой ринулись на каменные сходни. И тут Боромир поднял рог и затрубил. Боевой клич, многократно отраженный от стен и сводчатого потолка, звенел и гудел, словно ему отвечало множество голосов. На мгновение не только орки замерли, но даже огненная тень остановилась.

Отзвук рога оборвался внезапно; так гаснет факел, задутый черным ветром; и враги снова двинулись вперед.

— Быстро через Мост! — приказал Гэндальв, сумев собраться с силами. — Бегите! Этот противник не для вас. На Мосту его встречу я. Бегите!

Арагорн и Боромир, словно не слыша приказа, вернулись на Мост и встали рядом позади мага, готовые драться. Остальные добежали до выхода из зала, остановились и оглянулись, не в силах оставить своего вожака один на один с врагом.

Балрог подошел к Мосту. Гэндальв встал на середине Моста, левой рукой опираясь на Жезл, правой подняв обнаженный меч. Гламдринг горел холодным белым огнем.

Балрог еще раз остановился; туча, окутывавшая

его, распростерлась в стороны, как два гигантских крыла. Он поднял плеть, со свистом рассыпая трескучие искры. Из ноздрей чудовища вырывалось пламя. Гэндальв не двинулся с места.

— Ты не пройдешь, — твердо сказал он.

Орки замерли и замолчали. Стало совсем тихо.

— Я служитель тайного огня. Я повелеваю светлым пламенем Анора. Ты не пройдешь. Пропади, огонь Удуна! Темный жар тебе не поможет, возвращайся во мрак! Ты не пройдешь.

Балрог не ответил. Огонь в нем приугас, весь он налился зловещей тьмой. Он медленно шагнул на Мост и неожиданно вырос до гигантских размеров, а его крылья растянулись от стены до стены. Но закрыть ими Гэндальва Враг не смог. Седой маг казался маленьким и одиноким, но стоял твердо, опустив плечи, как дерево перед бурей, и был светел в окружавшей его тьме.

Из тьмы взвился и вспыхнул огненный ятаган балрога. Белой молнией блеснул в ответ Гламдринг. Раздался звон клинков, посыпались ослепительные искры. Балрог отступил, его меч разлетелся на оплавленные куски. Маг на Мосту покачнулся, на шаг отступил, но устоял.

— Ты не пройдешь, — сказал он еще раз.

Балрог одним прыжком оказался на Мосту. Его

плеть с шипением извивалась, как клубок змей.

— Он один не выстоит! — воскликнул Арагорн и побежал по Мосту к магу. — Элендил! — громко закричал он. — Я с тобой, Гэндальв!

— Гондор! — крикнул Боромир и взбежал на Мост за ним.

В этот момент Гэндальв тоже что-то громко закричал, поднял Жезл и ударил им по Мосту перед собой. Жезл сломался и выпал из его руки. Взметнулось слепящее белое пламя. Мост затрещал. Он обломился как раз под балрогом, и камень, на котором стояло чудовище, провалился в бездну, а черный обломок Моста, как высунутый из пасти язык, остался торчать из пола над пустотой.

С ужасным рыком балрог полетел вниз вместе с камнем, но падал он вперед и, падая, успел взмахнуть плетью, которая обвила ноги мага и потянула его к краю провала. Гэндальв покачнулся, попытался ухватиться руками за камни, но, не удержавшись, соскользнул в пропасть.

— Бегите, дурни! — крикнул он и исчез.

* * *

Все огни погасли. Зал погрузился в темноту. Друзья, оцепенев от ужаса, смотрели в черный провал. Едва Арагорн с Боромиром успели сбе-

жать с Моста, как последние его остатки с треском рухнули в бездну. Крик Арагорна привел в чувство остальных.

— Уходим! — звал он их. — Выполним его последнюю волю. Отряд поведу я.

За дверью была лестница вверх. Спотыкаясь на высоких ступенях, друзья помчались по ней: Арагорн впереди, Боромир замыкающим. В широкой и гулкой верхней галерее Сэм расплакался и бежал рядом с Фродо, всхлипывая. Фродо понял, что он сам тоже плачет.

— *Думм! Дум! Думм!..* — рокотали барабаны все дальше и глуше, пока их звук не стал торжественным и печальным:

— *Дум-мм!..*

Свет впереди стал ярче. Они все бежали, ускоряя шаг, и вскоре попали в зал, который освещался дневным светом через высокие окна. Пробежав через зал, миновали разбитую дверь и буквально влетели под высокую каменную арку. За ней ослепительно сиял день. Это были Главные Ворота — это был выход.

Собственно, от давно разрушенных Ворот сохранились одни столбы-косяки. В их тени с обеих сторон сидели орки-часовые. Арагорн одним ударом сшиб с дороги вскочившего первым

начальника стражи, остальные орки в ужасе побежали в пещеры. Друзья, не замечая их, помчались по стертым каменным ступеням вниз, к свободе.

Вот так они оказались на восточном пороге Мории после того, как уже теряли надежду на спасение. Они видели небо, и ветер овевал им лица.

Но остановились они только на недосягаемом для стрел расстоянии от Ворот. Перед ними раскинулась долина Димрилла. Ее прикрывала тень Мглистых гор, но на востоке она приветливо золотилась. Был примерно час после полудня, светило солнце, высоко в небе плыли белые облака.

Друзья оглянулись. В тени скалы под аркой зияла черная пропасть Гномьих Копей. Слабо донесся затихающий барабанный бой: *Дум-м-м…* Откуда-то вырвалась струйка черного дыма. И все. В Долине никого не было. *Думм…* Вот тут они поддались горю и не стали сдерживать слез: кто рыдал, повалившись на землю, кто беззвучно плакал стоя… *Думм…дум*. Подземные барабаны ударили последний раз и замолчали.

Глава шестая. Лотлориэн

— Увы! Здесь задерживаться нельзя, — сказал Арагорн. Он оглянулся на горы, поднял меч и воскликнул: — Прощай, Гэндальв! Говорил я тебе: «Берегись переступать порог Мории». Горе нам, я был прав. А без тебя наш Поход почти безнадежен!

Скиталец повернулся к Отряду:

— Пойдем без надежды. По крайней мере мы еще можем отомстить. Крепитесь, друзья, не плачьте. Перед нами еще долгая дорога и много трудов.

Все встали и осмотрелись. На севере долина кончалась глубоким ущельем между двумя большими горными отрогами. Над ним высились три белоснежных пика — Келебдил, Фануидхол и Карадрас, Гномьи горы. Ущелье было темным и узким, по нему стремительно мчал белопенный поток. Он начинался далеко, у самых гор, где над истоком в воздухе висело облако искрящихся брызг, а потом сбегал в Долину веселым водопадом по множеству каменных уступов.

— Это Ступени Димрилла, — сказал Арагорн, показывая на водопад. — Там, рядом с водопадом,

есть ступенчатая дорога, и мы пришли бы в долину по ней, если бы судьба оказалась добрее.

— Или Карадрас не такой злой, — сказал Гимли. — Вон он, весь в солнце, ухмыляется! — Гном показал кулак самому дальнему пику и отвернулся.

Отроги хребта к востоку резко обрывались. Там разлеглись равнины, пропадая в тумане, а хребет тянулся на юг, сколько хватало взгляда. Примерно в миле от места, где стоял Отряд, но немного ниже, было темное озеро, длинное, похожее по форме на закругленный наконечник копья, направленный в северное ущелье. Южная часть озера освещалась солнцем, но и там его вода казалась темно-синей, как вечернее небо, если смотреть на него из освещенной комнаты. Поверхность озера была совершенно гладкой, без единой рябинки. Яркая зелень обрамляла его ступенчатой террасой.

— Бездонный Келед-Зарам, Зеркальное озеро! — печально сказал Гимли. — Помните, как он говорил: «Надеюсь, ты его увидишь и порадуешься; но мы не сможем там задерживаться». Долго мне теперь идти до радости. Мне нельзя задерживаться, а он остается здесь!

* * *

Отряд спускался в долину по единственной дороге от Ворот. Она была заброшена и разбита, местами извивалась тропкой в зарослях вереска и утесника, облепивших растрескавшиеся камни. Но все же было видно, что некогда в гномье королевство вел широкий и большой тракт. Кое-где у дороги стояли или лежали разбитые каменные статуи, поднимались зеленые курганы, на которых росли березы или елки, шелестевшие на ветру. Когда дорога вдруг резко свернула на восток к Зеркальному озеру, они увидели недалеко от берега одинокую колонну со сбитой верхушкой.

— Это Столп Дарина! — воскликнул Гимли. — Я не могу пройти мимо, не рассмотрев ближе чудо этой долины!

— Только быстро! — сказал Арагорн, оглядываясь назад, туда, где были Ворота. — Солнце заходит рано. Орки, наверное, до сумерек из пещер не выйдут, но все же надо подальше уйти, пока не настала ночь. Сегодня она будет темной, серп луны совсем тонкий.

— Пойдем со мной, Фродо! — сбегая с дороги, позвал гном. — Я считаю, ты должен увидеть

Келед-Зарам!

Он побежал по траве вниз, Фродо — за ним. Притяжение тихой синей воды оказалось сильнее усталости. Сэм последовал за хозяином. У колонны Гимли приостановился и поднял голову. Столп растрескался от времени. Полустертые руны на нем уже нельзя было прочитать.

— Столп поставлен в том месте, откуда Дарин впервые заглянул в Зеркальное озеро, — сказал гном. — Давайте заглянем в него и мы!

Они наклонились к темной воде. Сначала в ней ничего не было видно. Потом в глубокой сини постепенно проступили очертания окружающих гор, в озере их снежные пики были похожи на белые костры, и яркие звезды сверкали в воде, как утонувшие алмазы, — хотя в настоящем небе светило солнце.

Нагнувшихся над ним путников озеро почему-то не отразило.

— О прекрасный и удивительный Келед-Зарам! — воскликнул Гимли. — Здесь лежит Корона Дарина в ожидании его пробуждения. Прощай! — Он поклонился озеру и поспешил по траве назад на дорогу.

— Что ты увидел? — спросил Пипин Сэма уже на дороге. Но Сэм, погрузившись в свои мысли,

не ответил.

* * *

Вскоре дорога свернула к югу и сбежала вниз в долину. Немного ниже озера путешественники подошли к глубокому родниковому колодцу с кристально чистой водой. Через отверстие в камне вытекал тонкий ручеек и, сверкая, скатывался в крутое каменное ложе.

— С этого родника начинается Келебрант, — сказал Гимли. — Не пейте здесь, вода очень холодная. Как лед.

— Келебрант, или Серебринка, питается из многих других горных потоков и скоро становится сильной быстрой рекой, — рассказывал на ходу Арагорн. — Мы много миль будем идти по ее берегу, ибо я поведу вас по пути, который наметил для Отряда Гэндальв. Сначала мы отправимся к слиянию Келебранта с Великой Рекой, это вон в том направлении через лес.

Все посмотрели в ту сторону, куда указал Арагорн, и увидели, как поток скатывается на дно ущелья, а потом весело бежит дальше и пропадает в золотистой мгле.

— Там леса Лотлориэна, — сказал Леголас, — прекраснейшего из всех эльфийских поселений!

Таких деревьев нигде больше нет. В Лотлориэне у них листья осенью не опадают, а становятся золотыми. Осыпаются они только весной, когда появляется свежая зелень и на ветвях распускаются желтые цветы; золото под ногами, золото над головой и гладкие серые стволы, как серебряные колонны… Так поется в песнях Темнолесья. Если бы я мог попасть туда весной, как бы радовалось мое сердце!

— Мое там и зимой радуется, — сказал Арагорн. — Но до Лориэна много миль. Поспешим!

* * *

Еще некоторое время Фродо и Сэм пытались идти наравне с остальными, но Арагорн вел их очень быстро, не меняя широкого шага, и они начали отставать. Они ничего не ели с раннего утра. Рана Сэма горела огнем, у него кружилась голова. Несмотря на яркое солнце, его знобило на прохладном ветру после жаркой Морийской тьмы. Он весь дрожал. А Фродо было все труднее передвигать ноги, не хватало воздуха.

Наконец, Леголас оглянулся и, увидев их далеко позади, что-то сказал Арагорну. Все остановились, а Арагорн бегом вернулся к отставшим хоббитам, позвав за собой Боромира.

— Прости, Фродо! — воскликнул он огорченно. — Сегодня так много всего произошло, и надо было спешить, я забыл, что ты ранен. Да и про Сэма тоже. Что же вы сами молчали? Надо было хоть чем-то вам сразу помочь, но орки… Потерпите еще самую малость — совсем близко есть место, где можно отдохнуть. Там я постараюсь сделать все, что смогу. Давай, Боромир, возьмем их на руки!

Скоро они подошли к новому ручью, который, журча, впадал в Серебринку с запада. Уже вместе они водопадиком перекатывались через замшелый камень, и веселая речка пенным потоком текла по оврагу, на крутых склонах которого из зарослей черники и папоротника торчали невысокие кривые елки. Внизу у воды были узкие зеленые поляны. Здесь, возле речки, катившейся по блестящим камешкам, они сделали привал. Было примерно три часа пополудни, солнце клонилось к западу, а они прошли всего несколько миль от Ворот.

Пока Гимли и два младших хоббита собирали сухую траву и еловые ветки, разжигали костер и ходили за водой, Арагорн занялся ранами Фродо и Сэма. Рана Сэма была неглубокой, но еще кровоточила, и Арагорн, осматривая ее, снача-

ла нахмурился, но через минуту с облегчением вздохнул.

— Везучий ты, Сэм! — сказал он. — Первый убитый орк многим обходился гораздо дороже. Орчьи ятаганы очень часто бывают отравлены, а в твою царапину яд, похоже, не попал. Я ее немножко полечу, и она скоро заживет. Когда Гимли вскипятит воду, промой ее вот этим, — Арагорн открыл сумку и достал связку сухих листьев. — Листья высохли и потеряли часть целебных свойств, — сказал он. — Но это афелас, который я собрал неподалеку от горы Ветров. Раскроши один листок, брось в кипящую воду, потом промой рану этим отваром, и я тебя перевяжу. Теперь твоя очередь, Фродо!

— А со мной все в порядке, — сказал хоббит, не разрешая Арагорну расстегивать на нем куртку. — Поем, посплю, и совсем пройдет.

— Ну нет, — сказал Арагорн. — Сам сказал, что попал между молотом и наковальней. Надо посмотреть, чем это кончилось. Чудо, что ты вообще живой.

Он осторожно снял с Фродо старую куртку и поношенную рубашку… ахнул от изумления и тут же рассмеялся. Серебряная кольчуга заискрилась на свету, как морская рябь под солнцем. Арагорн

бережно снял ее с хоббита, поднял повыше, так что камни в ней засверкали, как звезды, а колечки зазвенели, словно дождинки, когда они сыплются в пруд.

— Взгляните, друзья! — воскликнул скиталец. — Славная хоббичья шкурка годится, чтоб облачить эльфийского принца! Все охотники Среднеземья поскакали бы в Хоббитшир, если бы узнали, что у хоббитов есть такие шкурки!

— И стрелы всех охотников мира летали бы зря! — сказал Гимли, пораженный увиденным. — Ее не пробьешь, это же мифриловая кольчужка! Из мифрила! Такой красивой я в жизни не видел и не представлял, что такое можно сделать. Так Гэндальв о ней говорил? Тогда он ее недооценил. Но подарена, кому надо, и удивительно во-время!

— А я-то думал, чем вы с Бильбо занимаетесь, запершись в его каморке, — сказал Мерри. — Молодчина старик, пусть живет долго! Я его теперь еще больше люблю. Надеюсь, нам представится случай рассказать ему, как она помогла.

На правом боку и на груди Фродо темнел огромный кровоподтек. Под кольчугой была рубаха из мягкой кожи, в одном месте она прорвалась, и мифриловые кольца глубоко вдавились в тело. На левом бедре осталась ссадина в том месте,

которым хоббит ударился о стену. Неприятно, но ничего опасного.

Пока остальные готовили еду, Арагорн сам заварил афелас и промыл царапины Сэма и синяки Фродо. Острый, но приятный запах разнесся по оврагу, и, вдыхая целебный пар, путники почувствовали, как он снимает усталость. У Фродо бок уже почти не болел, и стало легче дышать, хотя синяк потом долго не проходил и трогать его было больно. Арагорн сделал ему мягкую повязку.

— Кольчуга у тебя удивительно легкая, — сказал он хоббиту, — поэтому надень ее опять, если сможешь натянуть. Я очень рад, что она у тебя есть. Носи ее, не снимая, и спи в ней, пока не придешь в такое место, где будешь в полной безопасности. Но пока ты в походе, такие случаи будут нечасты.

* * *

Когда все поели, Отряд снова собрался в путь. Костер загасили и постарались скрыть все следы своей стоянки. Потом вышли из оврага на дорогу. Солнце вскоре закатилось за горы на западе, и подножия гор оказались в глубокой тени. Из долин и ущелий поднимался туман. На востоке неяркий вечерний свет еще ложился на дальнюю

равнину и лес. Сэм и Фродо после привала оживились и чувствовали себя достаточно бодро, чтобы идти быстрым шагом, так что друзья прошли за Арагорном еще почти три часа всего с одной короткой остановкой.

Потом совсем стемнело. Наступила ночь. В небе было много звезд, но тонкий месяц в это время года всходил поздно. Фродо шел последним, вместе с Гимли, стараясь ступать как можно неслышнее и ловя каждый звук в ночи. Они шли молча. Первым заговорил Гимли.

— Ни звука вокруг, только ветер шумит, — сказал он. — Гоблинов рядом нет, или у меня уши дубовые. Будем надеяться, что, выгнав нас из Мории, орки успокоились. Может, они только этого и хотели, а до нас, — я имею в виду, до Кольца, — им дела нет, они про это ничего не знают? Хотя орки часто преследуют врагов по многу гонов, а мы убили их предводителя…

Фродо не ответил. Он взглянул на Жало, клинок не светился. Но рядом кто-то был. Хоббит слышал — или ему показалось, что слышал, — быстрые легкие шаги. Первый раз, когда стемнело, и вот сейчас опять. Он быстро обернулся и заметил — или ему снова показалось, — два бледных огонька. Они будто метнулись в сторону и про-

пали.

— Что там? — спросил его Гимли.

— Не знаю, — ответил Фродо. — Мне показалось, что сзади шаги, потом показалось, что огоньки — или глаза. И в Мории мне что-то похожее часто чудилось.

Гимли остановился и нагнул голову.

— Ничего не слышу, — слазал он. — Только травы с камнями разговаривают. Пойдем быстрее! А то наших уже не видно.

* * *

Ночной ветер в долине был холодным и дул путникам в лицо. Потом впереди них встала стена густой серой тени, и они услышали новый шум, это шелестели и хлопали листья на ветру.

— Лотлориэн! — воскликнул Леголас. — Лотлориэн! Мы дошли до окраины Золотого Леса. Как жаль, что сейчас зима!

В темноте высокие деревья казались еще выше, их ветки нависали над дорогой, которая, как и ручей, вбежала в лес. В слабом свете звезд стволы были серыми, а вздрагивающие от ветра листья искрились темным золотом.

— Лотлориэн! — сказал Арагорн. — Какой радостный ветер в листве! Мы прошли всего пять

гонов от Ворот Мории, но дальше можем не спешить. Будем надеяться, что доблесть эльфов охранит нас здесь от опасности.

— Если эльфы еще живут здесь… — сказал Гимли. — Этот мир уже омрачен.

— Эльфы Темнолесья давно не возвращались в земли, откуда ушли много веков назад, — сказал Леголас. — Но мы слышали, что в Лориэне жизнь не угасла. Здесь есть какое-то доброе волшебство, тайная сила, которая не пропускает в Лес Зло. Сами обитатели Леса редко показываются. Может быть, переселились вглубь, подальше от своей северной границы.

— Да, они действительно живут в глубине Леса, — сказал Арагорн, вздохнув, словно о чем-то вспомнил. — Надо рассчитывать на свои силы, во всяком случае, в эту ночь. Мы зайдем поглубже в деревья, потом свернем с дороги и найдем место для ночлега.

И он сделал шаг вперед, однако Боромир неуверенно медлил.

— А другой дороги нет? — спросил он.

— Какую дорогу лучше этой ты бы хотел? — спросил Арагорн.

— Простую прямую дорогу, пусть даже через лес мечей, — ответил Боромир. — По чужим и

странным тропам идет пока Отряд, и все время нас преследуют неудачи. Я не хотел идти в Тень Мории, и мы понесли там тяжелую утрату. Теперь ты говоришь, что мы должны идти в Золотой лес. В Гондоре я слышал об этом месте, как о гибельном крае, из которого мало кто возвращается, и почти никто не возвращается самим собой.

— Правильнее сказать, что никто не выходит из Лориэна, не изменившись, — возразил Арагорн. — Ты же хотел сказать «без урона»? Мудрость гондорцев поколебалась, Боромир, если в вашей столице стали плохо говорить о Лотлориэне. Но думай, что хочешь, а у нас нет другого пути. Не согласен — иди назад к Воротам Мории, лезь без дороги через горы или добирайся до Реки и плыви в одиночку.

— Согласен, веди! — произнес Боромир. — Но Лес опасен.

— Опасен, — сказал Арагорн. — Он справедлив и поэтому опасен. Но только для Зла и для тех, кто приносит зло с собой. За мной, вперед!

* * *

Путники прошли по лесной дороге немногим больше мили и увидали новый поток, шумно скатывающийся с поросших деревьями склонов

с запада на восток. Справа от них он плескался водопадом, перед ними пересекал дорогу и вливался в Серебринку где-то за деревьями.

— Это Нимродэль! — сказал Леголас. — Лесные эльфы сложили о ней немало песен, и мы их поем у себя на севере, не в силах забыть радугу над ее водопадами и золотые цветы в ее пенных волнах. Сейчас они темны и вокруг темно. Мост разрушен… Я омочу ноги в воде, ибо говорят, что вода этой речки снимает усталость. — Эльф сбежал по крутому берегу к воде и ступил в нее.

— Идите сюда! — крикнул он спутникам. — Тут мелко! Перейдем вброд, а на другом берегу можно отдохнуть. Под плеск водопада мы заснем и забудем печали.

Путники друг за другом пошли за Леголасом через речку. Войдя в воду, Фродо у самого берега ненадолго остановился. Прохладная вода словно ласково гладила натруженные ноги, смывая пыль, в середине брода она дошла ему до колен, ощущать ее было приятно, и он почувствовал, как вся дорожная усталость и грустные мысли уплывают с белой пеной.

* * *

Друзья перешли речку, сели на поляне, приготовили еду и спокойно поели, а Леголас стал им рассказывать легенды о Лотлориэне, сохранившиеся в памяти эльфов Темнолесья, и о том, как солнечный и звездный свет играл на лугах у Великой реки, когда над миром не было Тени.

Вот он умолк, и в полутьме осталась только музыка водопада. Постепенно Фродо стало казаться, что он различает в песне вод нежный девичий голос…

— Слышите голос Нимродэли? — спросил Леголас. — Я спою вам о девушке, которую звали Нимродэль, как и речку. Она жила здесь много лет назад. Это очень красивая песня на нашем лесном языке. В Райвенделе ее поют на вестроне, вот так, — и тихим-тихим голосом, чуть громче, чем шелест листьев, Леголас начал:

В легком плаще с золотой каймой,
В сапожках серебристых,
Эльфийка юная — словно весной
Звездочка в небе чистом.

Кудри светящиеся волной,

И узкий обруч в кудрях —
Так в буках Лотлориэна золотой
Луч солнца играет в ветвях.

Улыбка нежная, ясный взгляд,
Руки белые, как молоко;
А ходит так, словно листья летят, —
Плавно и легко.

Песни ее серебристая трель
Весельем звучала всегда,
Ибо весел был водопад Нимродэль,
Белопенная звон-вода…

Нимродэль было имя ее тогда,
Теперь это — только река,
Чья светло-серебряная вода
Плещется среди скал…

…В серой бухте корабль ее долго ждал
Под защитой седой скалы,
А Море катило за валом вал
На берег из дальней мглы.

Вот к ночи ветер страшно завыл,
И, оборвав канат,

Корабль в открытое Море уплыл,
Чтоб не вернуться назад.

Заря окрасила в розовый цвет
Пену седых волн,
И Амрот увидел, что берега нет,
И проклял коварный челн.

Он ждал, когда придет Нимродэль,
На судне провел ночь,
А теперь его волны в морскую купель
Несли от любимой прочь.

Был Амрот эльфийским королем —
Ах, где же, где он теперь?
В Лотлориэне, в лесу Золотом
Простилась с ним Нимродэль.

Но встречи с любимой рок ему,
Наверное, не судил.
В бурное Море, в туманную мглу
Корабль его уносил.

Он бросился в Море, как стрела
Срывается с тетивы…
Он к берегу плыл, но морская мгла

Сомкнулась над ним, увы!

Корона пены на волосах
У того, кто был королем,
И руки, как крыла лебединого взмах…
Так кончаются песни о нем.

Эльфы об Амроте ничего
Не слыхали с тех пор…
И Нимродэль не дошла до него,
Пропала средь диких гор…

Голос Леголаса задрожал, песня оборвалась.

— Не могу больше петь, — сказал эльф. — Это только отрывки, остальное я забыл. Песня очень длинная и очень печальная, ибо она рассказывает о бедах, пришедших в Лориэн Цветущий, когда гномы разбудили Зло в горах…

— Гномы никакого зла не делали! — сказал Гимли.

— Я не говорил «делали», я сказал «разбудили», — печально возразил Леголас. — Зло пришло. Тогда много эльфов, родичей Нимродэли, покинули свои жилища и ушли из Лотлориэна… А она пропала далеко на юге, в Белых горах: не пришла на корабль, где напрасно ждал ее любимый Амрот. Но до сих пор весной, когда ветер

поет в молодых листьях, можно услышать эхо ее голоса над водопадом, названным ее именем. А южный ветер доносит с океана голос Амрота. Поток Нимродэль впадает в Серебринку, которую эльфы называют Келебрантом, Келебрант — в Великий Андуин, а Андуин — в залив Белфалас, откуда отплывали корабли эльфов Лориэна. Ни Амрот, ни Нимродэль к нам не вернулись.

Говорят, что она жила в ветвях большого дерева у водопада; в Лориэне у эльфов был обычай строить дома на деревьях, может быть, они и сейчас так живут. Поэтому их назвали древесным племенем, галадримами. В их Лесу растут гигантские деревья. Жители лесного края не копали себе таких жилищ, как гномы, и не строили каменных твердынь, пока не надвинулась Черная Тень.

— Наверное, и в наши дни здесь на деревьях спокойнее и безопаснее, чем внизу на земле, — произнес Гимли, оглядываясь через речку на дорогу в долину Димрилла, а потом посмотрел вверх, на ветки.

— В твоих словах заключен хороший совет, Гимли, — сказал Арагорн. — Дом построить мы не можем, но давайте сегодня попробуем провести ночь на дереве, как галадримы, если сумеем забраться повыше. Давайте не терять времени, а

то мы уже дольше просидели у дороги, чем было бы разумно.

* * *

Отряд свернул с дороги и углубился, наконец, в Лес, идя по берегу ручья на запад от Серебринки. Недалеко от водопада Нимродэль несколько больших деревьев росли рядом, протягивая ветви через поток. Стволы у них были мощные, но о высоте судить было трудно.

— Я влезу на дерево, — сказал Леголас. — Деревья — моя стихия, от корней до самых тонких веток, но таких я не видел. Наверное, это те самые *мэллорны*, о которых песни поют, — у них желтые цветы. Я никогда на такие не лазал. Хочу посмотреть, как они растут.

— Как бы они ни росли, — отозвался Пипин, — было бы удивительно, если бы на них можно было отдохнуть. Я не умею спать на ветке, как птица на насесте!

— Тогда рой нору, как у вас принято, — сказал Леголас. — Но рой быстрее и поглубже, если хочешь спастись от орков.

Эльф легко подпрыгнул и ухватился за ветку над головой. Но не успел раскачаться на ней, как вдруг из лиственного сумрака раздался повели-

тельный голос.

— *Даро!* — приказал голос, и Леголас, удивившись и слегка испугавшись, спрыгнул на землю и прижался к стволу.

— Не двигайтесь, — прошептал он остальным, — стойте на месте и молчите.

Наверху кто-то тихо засмеялся, потом другой ясный голос заговорил по-эльфийски. Фродо мало понял из сказанного, ибо речь лесных эльфов за горами отличалась от языка их западных собратьев. Леголас поднял голову и что-то ответил говорившим на их языке.

— Кто они и что говорят? — спросил Мерри.

— Да эльфы же! — сказал Сэм. — Не слышишь, что ли, какие голоса?

— Да, они эльфы, — сказал Леголас. — И говорят, что ты так громко сопишь, что тебя и в темноте легко подстрелить.

Сэм поспешно прикрыл рот рукой, а Леголас продолжал:

— Еще они говорят, что вам нечего бояться. Они за нами уже долго наблюдают. Слышали мой голос из-за речки и догадались, что я — их северный соплеменник, поэтому не задержали нас при переходе через Нимродэль. Потом слышали, как я пел. Они просят меня вместе с Фродо к ним

подняться; оказывается, им кое-что известно о нашем Походе. Остальных просят немножко подождать и покараулить под деревом, пока решат, что делать дальше.

* * *

Сверху из темноты появилась лестница. Сплетенная из серебристо-серой веревки, она чуть мерцала и казалась очень тонкой, но выдерживала при этом сразу многих. Леголас легко взбежал по ней, за ним медленно поднялся Фродо; верный Сэм полез за хозяином, стараясь не сопеть и дышать потише. Ветви гигантского мэллорна отходили от ствола почти горизонтально, а потом, как свечи, шли вверх. Но под верхушкой ствол весь разветвлялся, образуя нечто вроде большой чаши, и в ней была построена деревянная платформа — на всеобщем языке *флет*, а по-эльфийски *тэлан*. Забраться туда можно было через круглое отверстие в центре, из которого спускалась лестница.

Когда Фродо вылез, наконец, на флет, он увидел, что Леголас уже давно сидит в компании трех других эльфов, одетых во все серое, так что их трудно было заметить, пока они не двигались. Эльфы встали, один из них открыл спрятанный

до сих пор фонарик и направил тонкий серебристый луч на лица Фродо и Сэма. Потом он убрал свет и произнес по-эльфийски слова приветствия. Фродо, как мог, запинаясь, ответил.

— Привет тебе! — снова произнес эльф, но уже на медленном вестроне. — Мы редко говорим на чужих языках, ибо живем в сердце Леса и неохотно общаемся с иноземцами. Мы ведь отрезаны даже от своих северных соплеменников. Только разведчики иногда выходят из Леса наблюдать за передвижением врагов и узнавать новости, а для этого приходится знать чужие языки. Я разведчик. Меня зовут Халдир. Мои братья, Орофин и Румил, почти не говорят на вестроне… О вас мы знаем, ибо посланцы Элронда, проходившие Ступенями Димрилла по дороге домой, побывали у нас. Мы много лет не слышали про полуростиков, или, как вы себя называете, хоббитов, и не знали, что вы еще живете в Среднеземье. Вы не похожи на злодеев, и с вами наш сородич, поэтому мы, по просьбе Элронда, охотно предложим вам дружбу, хотя пускать в Лес чужеземцев — не в обычае нашего племени. Сегодня останетесь на ночь здесь. Сколько вас?

— Восемь, — сказал Леголас. — Я, четыре хоббита, два человека… Один из них — Арагорн, Друг

эльфов, его род — с Заокраинного Запада.

— Имя Арагорна сына Араторна в Лориэне знают, — сказал Халдир. — Наша Владычица к нему благоволит. Это все хорошо. Но ты перечислил лишь семерых.

— Восьмой — гном, — сказал Леголас.

— Гном! — сказал Халдир. — Совсем плохо. Мы с гномами не ладим с тех пор, как поссорились в Черные годы. Я не могу пропустить его через Лориэн. Гномы не должны ступать на нашу землю.

— Но он — гном из Одинокой горы, верноподданный Даина и друг Элронда, — сказал Фродо. — Элронд сам выбрал его нам в товарищи, он храбр и надежен.

Эльфы тихо посовещались, расспросили на своем языке Леголаса.

— Хорошо, — сказал, наконец, Халдир. — Мы вас всех пустим, хотя это и не положено. Если Арагорн и Леголас последят за гномом и будут отвечать за него, он пройдет через Лотлориэн, но только с завязанными глазами. А теперь разговоры пора кончать. Вашим спутникам нельзя больше оставаться на земле. Мы следили за реками и видели большую банду орков. Она шла вдоль гор с юга, по-видимому, в Морию, это было уже много дней назад. По окраинам Леса воют

волки. Если вы вправду вышли из Мории, погоня должна следовать за вами по пятам. Завтра рано утром отправитесь дальше. Четверо хоббитов останутся здесь с нами — мы их не боимся! На следующем дереве тоже есть тэлан. Там могут спрятаться остальные. Ты за них будешь отвечать, Леголас! Если что случится, зови нас. И получше приглядывай за гномом!

* * *

Леголас немедленно спустился с дерева передать друзьям приглашение Халдира. Вскоре Мерри с Пипином уже взбирались на флет, — оба запыхались и, по-видимому, трусили.

— Вот! — сказал Мерри, отдышавшись. — Мы прихватили ваши одеяла и свои взяли. Все остальное Долгоброд спрятал в куче листьев.

— Они вам не понадобятся, — сказал Халдир. — Зимой на верхушках деревьев холодно, хоть сегодня ветер дует с юга; но еды и питья у нас столько, что мы сами согреемся и вас согреем, и есть запасные шкуры и плащи.

Хоббиты с радостью приняли приглашение к ужину (для них он был уже второй, и надо сказать, гораздо вкуснее первого), потом потеплее укутались в эльфийские меховые плащи, а сверху еще

и в собственные одеяла, и попытались заснуть, но несмотря на усталость, легко это получилось только у Сэма. Хоббиты не любят высоты и никогда не спят наверху, даже когда у них в жилищах появляется этот «верх». Тэлан, по их понятиям, никак не годился для спальни. У него не только не было стен, но не было и перил — лишь с одной стороны стоял легкий переносной плетень — заслон от ветра.

— Надеюсь, что я не свалюсь на землю, если засну в этой голубятне, — бормотал Пипин, который никак не мог успокоиться.

— А если я завалюсь спать, то и буду спать, даже если свалюсь, — сказал Сэм. — И если меньше болтать, то свалюсь, вернее, завалюсь скорее. В общем, ты меня понял.

* * *

Фродо некоторое время лежал и смотрел на звезды, поблескивавшие в ветвях между бледными листьями. Сэм похрапывал рядом. В полутьме еле различались серые контуры фигур двух эльфов, которые сидели совершенно неподвижно, обняв руками колени, и разговаривали шепотом. Третий спустился на нижние ветки караулить. Наконец, убаюканный шелестом ветра в ветвях

и ласковым плеском Нимродэли, Фродо заснул, вспоминая песню Леголаса.

Поздно ночью он вдруг проснулся. Остальные хоббиты спали. Эльфы ушли. Серп луны просвечивал сквозь листья. Ветер утих совсем. Внизу на дороге слышался грубый смех и топот множества ног. Звенел металл. Шум постепенно затихал, удаляясь на юг, в лес.

Вдруг в отверстии тэлана появилась голова. Фродо в страхе вскочил, но то был эльф в сером капюшоне. Он посмотрел на хоббитов.

— Что там? — спросил Фродо.

— *Ирчи*, — шепотом ответил эльф и бросил на флет свернутую веревочную лестницу.

— Орки! — сказал Фродо. — Что им надо?

Но эльф уже ушел. Больше Фродо ничего не услышал. Даже листья замолчали, и водопад притих.

Фродо сел, дрожа под одеялом. Он был благодарен судьбе, что орки не застали их на земле, но чувствовал, что деревья — лишь временное укрытие, а не защита. Орки обладали нюхом не хуже собачьего и лазать умели. Хоббит вытащил Жало из ножен; мечик вспыхнул голубым светом, потом постепенно погас и посерел. Но несмотря на то, что он перестал светиться, ощущение близкой

опасности не покинуло Фродо, а наоборот, усилилось. Он встал, подполз к отверстию и заглянул в темень. Он был почти уверен, что слышал внизу под деревом какие-то осторожные звуки.

Это не могли быть эльфы, потому что эльфы передвигаются совершенно бесшумно. Там кто-то чуть слышно сопел, потом словно стал царапать ствол. Фродо всматривался в темноту, затаив дыхание… Да, кто-то медленно лез на дерево, тихо шипя сквозь зубы. Вскоре хоббит увидел поднимающиеся вдоль ствола глаза. Вот они остановились и, не мигая, стали смотреть вверх. Потом внезапно отвернулись, смутная тень соскользнула со ствола и пропала в темноте. Тотчас же на тэлан по веткам влез Халдир.

— Тут кто-то был, но такого я никогда раньше не видел, — сказал он. — Он не орк, а удрал, стоило мне только взяться за ствол. Я бы подумал, что это еще один странный хоббит, если бы он не был так чуток и ловок. Он отлично лазает по деревьям. Я не стрелял, чтобы не поднимать шума. Нам сейчас нельзя ввязываться в драку, здесь только что прошла большая банда орков. Они перешли Нимродэль (будь прокляты их поганые лапы, осквернившие речку!) и направились по старой дороге вдоль берега. Похоже, нюхом почуяли след

и долго топтались на месте вашего привала. Нас всего трое, нам не справиться с сотней, поэтому мы забежали вперед и, изменив голоса, заманили их в Лес. Орофин побежал в наше поселение с вестями. Из Лориэна ни один орк живым не уйдет! А завтра еще до ночи у наших северных границ будет в засаде большой отряд эльфов. Ты же, как только рассветет, пойдешь отсюда на юг.

* * *

Бледный день начинался на востоке. Первые лучи рассвета пронизали золотистую листву мэллорна, и хоббитам показалось, что уже светит солнце. Меж качающихся ветвей просвечивало бледно-голубое небо. С южной стороны толстые ветки над тэланом расходились, и была видна вся долина Серебринки, усыпанная опавшими листьями, которые слегка шевелил ветер, словно чешуйки волн в золотом море. Было совсем рано и холодно, когда Отряд тронулся в путь. Впереди шли Халдир и его брат Румил.

— Прощай, милая Нимродэль! — воскликнул Леголас.

Фродо обернулся, взглянул из-за стволов на пенный перекат и тоже сказал «прощай», подумав, что, наверное, никогда больше не увидит

эту дивно красивую речку с нежным и звонким голосом поющей воды.

Они снова вышли на дорогу вдоль западного берега Серебринки и некоторое время шли по ней на юг. Тропа была истоптана орками. Потом Халдир свернул в деревья, подвел Отряд к воде и остановился.

— Там за рекой один из моих воинов, — сказал он. — Вам его, наверное, не видно.

Халдир свистнул по-птичьи, и на том берегу из кустов вышел эльф в сером. Его капюшон был откинут, и волосы отливали золотом на солнце. Халдир ловко бросил через воду моток серой веревки, оставив в руках один конец, а эльф с той стороны поймал его и привязал другой конец к дереву у самой воды.

— Здесь Келебрант становится сильным потоком, — сказал Халдир. — Это быстрая, глубокая и очень холодная река, переходить ее вброд мы не рискуем. Но в такое тревожное время, как сейчас, мосты мы тоже не строим. Смотрите, как мы переправляемся, — следите за мной!

Халдир крепко привязал свой конец веревки к дереву на ближнем берегу, а потом легко перебежал по ней над рекой туда и обратно, как по дороге.

— Я так тоже могу, — сказал Леголас. — Но остальные не умеют. Им что, плыть придется?

— Нет! — сказал Халдир. — У нас еще две веревки есть. Мы привяжем одну над другой, на уровне пояса и на высоте плеч, и чужестранцы сумеют перейти.

Когда был навешен такой легкий мостик, друзья перешли через реку — кто осторожно и медленно, кто смелее и быстрей. Из хоббитов ловчее всех оказался Пипин — он придерживался за веревку лишь одной рукой и шел довольно быстро, правда, вниз не смотрел, а вперил взгляд в одну точку на противоположном берегу. Сэм, хотя тоже был босиком, крепко вцепился в перила и шел очень медленно, боясь отрывать ступни от веревки и поглядывая на светлую быструю воду так, словно под ним была бездонная пропасть.

Ступив, наконец, на твердую землю, он вздохнул с облегчением.

— Век живи, век учись, как говаривал мой Старик. Он, конечно, имел в виду огородничество, а не птичьи ночевки в гнездах и не паучье ползанье по веревкам, — такой трюк даже мой дядя Энди не показывал!

Когда весь Отряд собрался на противоположном берегу Серебринки, эльфы сразу отвязали

веревки и свернули их. Румил, оставшийся на том берегу, не стал переходить реку. Он вытянул назад одну веревку, смотал, повесил на плечо и, махнув рукой на прощанье, ушел назад к Нимродэли на свой пост.

— Ну вот, друзья, вы вошли в Наит, — сказал Халдир. — Его еще называют Лориэнский Клин, потому что эта земля имеет форму наконечника стрелы между Келебрантом и Великим Андуином. Тайны Наита не положено открывать чужестранцам. Немногие были удостоены позволения ступить на этот берег… А теперь, как мы договаривались, я завяжу глаза гному Гимли. Остальные могут идти свободно до самого Игладила у слияния рек, где живет наше племя.

Гимли это предложение совсем не понравилось.

— Вы договаривались без меня, — сказал он. — Я не пойду с завязанными глазами, как пленник. Вслепую пусть ходят нищие обманщики! Мое племя не имело никаких дел со слугами Врага. Мы ничего плохого не сделали эльфам. Я такой же шпион, как Леголас или любой другой из нашего Отряда.

— Я в тебе не сомневаюсь, — ответил Халдир. — Но таков наш закон, я его не устанавливал, и не

мне его нарушать. Я и так много сделал, позволив тебе перейти Келебрант.

Гимли был упрям. Он расставил ноги и положил руку на топорище.

— Я пойду вперед с открытыми глазами, — сказал он, — или вернусь, и пусть меня убьют по дороге в родные края, где все знают мою честность и верность слову!

— Ты не можешь вернуться, — сурово сказал Халдир. — Раз уж ты дошел сюда, я должен доставить тебя Владыкам, они решат, отпустить тебя или задержать. Ты не перейдешь реку, здесь расставлены часовые, тебя пристрелят прежде, чем ты их увидишь.

Гимли выхватил топор из-за пояса. Халдир с братом натянули луки.

— Гром разрази этих твердолобых гномов! — сказал Леголас.

— Успокойся! — сказал Арагорн. — Пока Отряд веду я, и ты сделаешь то, что я скажу. — Потом он повернулся к Халдиру. — Несправедливо так выделять одного гнома из всех нас. Завяжи глаза всем, даже Леголасу. Так будет лучше, хотя затруднит и замедлит передвижение.

Гимли разразился хохотом.

— Ох, и веселая компания шутов получится!

Может, Халдир еще поведет нас на веревке, как нищих слепцов, когда их много, а собака одна? Но мне в напарники с завязанными глазами хватило бы одного Леголаса!

— Я же эльф! — возмутился Леголас, разозлившись в свой черед. — И я среди своих!

— Ну, тогда покричим: «Гром разрази этих твердолобых эльфов!» — сказал Арагорн. — Надо поступать со всеми одинаково. Завязывай нам глаза, Халдир!

— Если будешь плохо нас вести, я потребую возмещения за каждый синяк и сбитый палец! — буркнул Гимли, когда ему надевали повязку.

— Требовать ничего не придется, — сказал Халдир. — Я сам вас поведу, а тропы у нас гладкие и прямые.

— Как это все нелепо! — сказал Леголас. — Мы все враги одного Врага, веселое солнце играет в золотых листьях, а я должен идти по Лесу, как слепец!

— Это может казаться нелепым, — сказал Халдир. — В самом деле, злая воля Черного Властелина ни в чем так ясно не проявляется, как в его умении разделить нас и посеять недоверие среди тех, кто с ним борется. В мире почти не осталось верности и чести. Мало кому можно

доверять за пределами Лотлориэна, разве что жителям Райвендела. Поэтому мы не имеем права рисковать покоем своей земли, поверив на слово. Наша земля стала островом в море бед, и мы чаще натягиваем тетиву луков, чем струны арф.

Нас долго защищали реки. Но теперь и на них надеяться нельзя. Тень доползла сюда и, окружив нас, продолжает двигаться к северу. Некоторые из нас заговорили об уходе, но, кажется, уже поздно. В горах к западу отсюда хозяйничает Зло; на востоке — незаселенные земли, по которым рыщут прислужники Саурона. Поговаривают, что уже нельзя свободно пройти на юг через Рохан, и что Враг стережет Устье Андуина. Даже если бы мы смогли добраться до Моря, там больше нет для нас убежища. Говорят, что далеко на северо-западе за страной полуростиков остались гавани эльфов Высокого рода. Наши властители знают, где это, а я — нет.

— Ну вот, нас ты уже увидел, — сказал Мерри. — Теперь додумывай остальное. На запад от моей страны, Хоббитшира, в самом деле есть эльфийская Гавань.

— Счастливый народ хоббиты! — воскликнул Халдир. — Живете так близко от Моря! Никто из моих соплеменников давным-давно там не бы-

вал, память об этой Гавани сохраняется в песнях. Расскажи мне о ней по дороге!

— Да я ее сам не видел, — сказал Мерри. — Ни разу. Я впервые ушел из дому путешествовать, и если бы знал, на что похож окружающий мир, наверное, не решился бы на это.

— Даже ради того, чтобы увидеть дивный Лотлориэн? — спросил Халдир. — Мир полон опасностей, есть в нем мрачные места, но есть и прекрасное, и хотя во всех краях любовь теперь смешивается с горем, она от этого становится сильней.

Некоторые из нас поют, что Тень отступит и снова настанет мир. Но я не верю, что мир вокруг нас останется таким же, как был, и солнце будет светить, как раньше. Боюсь, что для нас, эльфов, наступивший мир окажется лишь краткой передышкой, во время которой мы сможем беспрепятственно пробраться к Морю и покинуть Среднеземье навеки. А я так люблю Лотлориэн! Как жить в стране, где не растут мэллорны? Хотелось бы верить, что за Великим Морем они есть, но ни в одной песне об этом не поется.

Пока он так говорил, Отряд медленно шел по тропе. Халдир вел, второй эльф шел сзади. Земля под их ногами была ровной и мягкой. Привык-

нув, они пошли уверенней, не боясь споткнуться или упасть. Из-за того, что глаза ему закрыли, Фродо заметил, как у него обострился слух и другие чувства. Он чувствовал запах деревьев и примятой травы, различал мелодии поющих листьев, слышал доносящееся справа воркотанье реки, перекличку птичьих голосов в небе. Когда они проходили по открытому месту, он ощутил на руках и на лице солнечное тепло.

Еще когда он ступил на другой берег Серебринки, Фродо охватило новое чувство, которое становилось сильнее и отчетливее по мере того, как он шел в глубь Клина. Будто он прошел по мосту, перекинутому во времени, и теперь оказался в прадавнем несуществующем мире. В Райвенделе сохранялась память о прошлом, в Лориэне это прошлое само было живо. Здесь видели и знали Зло, здесь поселилась печаль, эльфы боялись окружающего мира и не верили ему; волки выли у окраин Золотого Леса, — но над самим Лориэном Тени не было.

* * *

Весь день Отряд шел, не останавливаясь. Наступил прохладный вечер, и они услышали шепот ветра в листьях, возвестивший, что ночь близко.

Тогда они спокойно отдохнули и выспались прямо на земле, ничего не боясь. Их проводники не разрешили снимать повязки, поэтому на дерево они влезть не могли. Утром снова продолжали путь, шли без всякой спешки, в полдень остановились на отдых, и Фродо понял, что они вышли из-под деревьев. Он с удовольствием грелся на солнце, как вдруг услышал голоса со всех сторон. Большой отряд эльфов спешил к северным границам, чтобы в случае нападения орков из Мории дать им отпор. Эльфы подошли совершенно бесшумно, а теперь сообщали Халдиру новости. Часть их Халдир пересказал спутникам. Орков-мародеров, гнавшихся за Отрядом, эльфы уже подстерегли и почти всех уничтожили. Оставшиеся в живых удрали на запад, в горы. Эльфы встретили странное существо, которое бежало, согнувшись и помогая себе руками; оно было похоже на зверя, но не зверь. Его не поймали, а стрелять не захотели, не зная, вредный он или безобидный, и он удрал на юг вдоль реки.

— Но главная новость для вас, — сказал Халдир, — это приказ владык Лориэна разрешить всем — даже гному Гимли — идти свободно. Похоже, что владычица всех вас знает. Может быть, поступили новые вести из Райвендела.

Гимли он снял повязку первому и, низко поклонившись, сказал:

— Не гневайся на меня! Смотри на нас отныне глазами друга и гордись, ибо ты — первый гном, увидевший деревья Наита со времен Дарина!

Когда повязка упала с глаз Фродо, и он смог оглядеться, у него дух захватило от увиденной красоты. Они стояли на открытом месте. Большой холм слева покрывала такая невероятно зеленая трава, словно была весна Незапамятных времен. А на его верхушке двойной короной росли деревья: наружное кольцо короны образовывали деревья без листьев, но с белоснежными стволами, очень красивые в своей наготе; внутреннее кольцо было из мощных и высоких мэллорнов, еще одетых бледно-золотой листвой.

В верхних ветках центрального дерева, возвысившегося над остальными, словно башня, виднелся белый-белый тэлан. Трава у корней дерева и по склонам холма была усыпана золотыми цветами, похожими на звездочки на тонких стеблях; были еще белые и бледно-зеленые цветочки, искрившиеся в траве, словно серебряная роса; а над всем этим было синее небо с послеполуденным солнцем, в лучах которого трава казалась шелковой, а деревья отбрасывали длинные зе-

леные тени.

— Смотрите! Перед вами — Керин Амрот, — сказал Халдир, — сердце древнего эльфийского государства. Курган Амрота, на котором в счастливые дни был построен его высокий дом. Здесь даже зимой всегда цветут цветы в неувядающей траве: золотые *элланоры* и бледные *нифредилы*. Мы здесь немного отдохнем, а ближе к вечеру пойдем в город галадримов.

* * *

Путники легли отдыхать на душистую траву, а Фродо продолжал стоять, ошеломленно озираясь по сторонам. Ему казалось, что он переступил волшебный порог в давно исчезнувший мир. Свет здесь был такой… такой, что в хоббичьем языке для него не нашлось подходящего слова. Все было яркое и резко очерченное, словно только что родилось и никем не было увидено до него, и вместе с тем древнее и вечное. Он видел одни знакомые цвета, но такие свежие и яркие, словно они ему впервые явились, а он, глядя на них, только что придумал им новые и удивительные названия: Желтый, Белый, Синий, Зеленый… Зимой тут нельзя было печалиться о лете или мечтать о весне. Ни в чем нельзя было найти изъяна — все

растущее было здоровым и свежим. На земле Лориэна не было болезней и боли.

Фродо обернулся и увидел, что стоящий рядом Сэм так же ошеломленно оглядывается и трет глаза, будто не верит, что все это ему видится наяву.

— Вот тебе и солнце, и ясный день, все как есть, — говорил он. — Я думал, что эльфы — это всегда луна и звезды, а тут день еще больше эльфийский, чем все, что им приписывают. Вроде я попал в песню, *внутрь* песни, если можно так выразиться.

Халдир посмотрел на них так, будто понял их мысли, а не только слова, и, улыбнувшись, сказал им:

— Вы ощутили власть владычицы Лориэна. Не хотите ли взойти вместе со мной на Курган Амрота?

Он легким шагом стал подниматься по зеленому склону, хоббиты — за ним. Фродо шел, дышал, ощущал на щеках тот же ветер, который покачивал вокруг него цветы и шевелил живые листья, и одновременно чувствовал, что находится в краю, над которым не властно время, который не вянет, не меняется и не забывает. А когда он сам отсюда уйдет, вернется в обычную жизнь, то все равно он, Фродо Торбинс, путник из Хоббитшира, будет

по-прежнему идти по траве дивного Лотлориэна, где цветут эланоры и нифредилы.

Они вошли в кольцо белых деревьев. И тотчас же на курган подул южный ветер и вздохнул в ветвях. Фродо остановился и услышал, как волны далекого Моря плещут в берега, смытые стихией в Незапамятные времена, и как кричат морские птицы, которые давным-давно перевелись в Среднеземье.

Халдир обогнал их и уже взбирался на флет. Фродо собрался последовать за ним и оперся одной рукой о ствол, берясь другой за лестницу: никогда еще он так не чувствовал ладонью живую кожу дерева, ее мягкость и упругость. Ему было приятно ее трогать, но не как лесничему или столяру, а как живому существу, радующемуся жизни другого существа.

Когда он, наконец, вступил на высокий флет, Халдир взял его за плечо и повернул к югу.

— Сначала взгляни туда! — сказал он.

Фродо посмотрел и увидел в некотором отдалении еще холм или невысокую плоскую гору; там росли могучие деревья, целый город из зеленых башен. Деревья ли казались башнями, или то правда были постройки, хоббит не мог сказать, но ему казалось, что оттуда исходит свет и какая-то

властная сила, которой подчинена вся эта земля, и вдруг захотелось птицей полететь в зеленый город. Потом он посмотрел на восток и увидел весь Лориэн до самого Андуина, который угадывался по дальнему блеску воды. Он перевел взгляд за Великую реку, еще дальше. Там свет пропадал, и хоббит снова видел привычный мир. Земля за рекой была пустынной и плоской, бесформенной и туманной, а совсем на горизонте словно вставала мрачная стена. Солнце, светившее на Лотлориэн, не в силах было рассеять тень от тех дальних гор.

— Там бастионы южного Темнолесья, — сказал Халдир. — Чащобы, где темные елки вытесняют и душат друг друга, и у них гниют и отсыхают ветки. В глубине леса на каменистом холме там стоит крепость Дол Гулдур. В ней долго тайно отсиживался Враг, а сейчас мы боимся, что она опять обитаема. Она в семь раз лучше укреплена, чем раньше, и в последнее время над ней часто висит черная туча. Отсюда сверху видно, что в мире противоборствуют две силы, сражаются мысли, но несмотря на то, что Свет проникает в самое сердце Мрака, его собственные тайны Врагу неведомы. Пока не ведомы.

Халдир повернулся и быстро спустился с тэла-

на, потом с кургана. Фродо и Сэм последовали за ним.

У подножия кургана Фродо нашел Арагорна, стоявшего молча и неподвижно, как ясень. Но в руке он держал золотой эланор, а глаза излучали свет. Он словно был не здесь, а в счастливом воспоминании. Фродо посмотрел на него и понял, что скиталец видит что-то, запечатленное в памяти этого места. Ибо суровый опыт многих лет словно стерся с лица Арагорна, он стал моложе и красивее, и Фродо показалось, что перед ним — высокий юный властитель, одетый в белое.

Обращаясь к кому-то, кого хоббит не видел, он произнес несколько слов по-эльфийски:

— *Арвен ванимельда намариэ!*..

Затем вздохнул, словно вернулся издалека, увидел Фродо и улыбнулся ему.

— Здесь сердце эльфийских владений на земле, — сказал он, — и здесь навеки останется мое сердце, если в конце мрачного пути, который нам с тобой еще предстоит, не воссияет Свет! Идем со мной!

Арагорн взял хоббита за руку, вместе с ним сошел с кургана Керин Амрот и больше никогда не приходил сюда в земной жизни.

Глава седьмая. Зеркало Галадриэли

Солнце уже скрывалось за горами, и тени под деревьями сгущались, когда Отряд двинулся дальше. Тропы, по которым они шли, пролегали в густом лесу, где уже было почти темно. Когда к ним из-за деревьев подкралась ночь, эльфы достали серебряные светильники.

Вдруг путникам открылась большая поляна, и они вышли под бледное ночное небо с точками ранних звезд. Широкий луг впереди, похоже, кольцом окружал высокую зеленую стену с глубоким рвом, утонувшим в ночной тени, лишь зеленая трава возле рва была такая яркая, словно хранила память лучей закатившегося солнца. За рвом и стеной на холме росли высоченные мэллорны, таких они в этой земле еще не встречали. Об их высоте даже трудно было судить, деревья стояли, как живые зеленые башни. Сквозь подвижную листву многоярусных ветвей светили многочисленные огоньки — зеленые, золотые и серебряные. Халдир повернулся к Отряду.

— Добро пожаловать в Карс Галадон! — сказал он. — Перед вами город галадримов, где живут повелитель Келеборн и владычица Лориэна Га-

ладриэль. Но отсюда в него войти нельзя, ибо мы подошли с севера, а ворота находятся с южной стороны. Надо обойти стену, и путь неблизок, ибо город велик.

* * *

Вдоль наружного края рва шла дорога, выложенная белым камнем. Они пошли по ней сначала на запад, оставляя город все время слева, — как зеленое облако, искрившееся множеством огоньков: чем темнее становилась ночь, тем больше их появлялось, словно звезды, загораясь, осыпали холм. Наконец они пришли к белому мосту, который упирался в стену города с юго-запада. Концы стены заходили в этом месте один за другой, скрывая высокие ворота, увешанные фонариками.

Халдир постучал, что-то произнес, ворота без звука открылись, но стражников Фродо не увидел. Путники вошли, и ворота так же бесшумно затворились за ними.

Еще немного пройдя по дорожке между стенами, они оказались в Городе Деревьев. Жителей видно не было, и ничьих шагов не было слышно, только в воздухе разносились голоса, множество голосов, а с холма к ним сбегала песенка, лег-

кая и веселая, словно легкий звон дождика по листьям.

Потом они шли по вьющимся тропинкам и подымались по лестницам, которых было много, и наконец увидели широкую поляну, освещенную серебряными фонариками, свисавшими с ветвей окружающих деревьев. В середине поляны мерцающим фонтаном бил ключ. Он стекал в серебряный бассейн и бежал из него дальше белым ручьем. В южной части поляны рос необыкновенно могучий ясень — великан среди деревьев.

Мощный ствол с гладкой и блестящей, как серый шелк, корой был совершенно прям. Первые ветки отходили от него высоко над землей, и к стволу была приставлена большая белая лестница, ее верхний конец пропадал в темно-золотистом облаке листьев. Внизу сидели три эльфа. Когда путники приблизились, все трое вскочили, оказавшись очень высокими; на них были серебристые кольчуги, а с плеч спадали длинные белые плащи.

— Здесь живут Келеборн и Галадриэль, — сказал Халдир. — Они пожелали видеть вас наверху и говорить с вами.

Один из эльфов-часовых звонко протрубил в рожок. Сверху трижды ответили.

— Я пойду первым, — сказал Халдир. — Пусть Фродо с Леголасом идут за мной. Остальные могут следовать, кто за кем хочет. К Владыкам надо высоко подниматься, но непривычные к лестницам смогут отдыхать по дороге.

* * *

Много этажей-флетов насчитал Фродо, одолевая высокую лестницу. Флеты располагались с разных сторон ствола так, что лестница шла от одного к другому. На большой высоте был белый тэлан, огромный, как палуба корабля: на нем стоял большой дом, такой, что и на земле у огромин был бы дворцом.

Халдир ввел хоббита в овальный зал, освещенный мягким светом. Ствол мэллорна, словно мощная колонна, сужающаяся к вершине, оказался в центре. Стены были зеленые с серебром, а потолок золотой. В зале собралось много эльфов. На двух тронах у ствола, под пологом живых ветвей сидели рядом Келеборн и Галадриэль. Оба встали, увидев входящих: так у эльфов, даже самых властительных, было заведено приветствовать гостей. Оба были очень высокого роста, Галадриэль не ниже Келеборна. На них были ослепительно белые одежды. Волосы Владычицы

напоминали темное золото, а у Келеборна были, как светлое серебро. Их лица, очень красивые и торжественно-печальные, казались бы молодыми, если бы не глубокие глаза, словно колодцы памяти, с взглядом острым, как звездные лучи.

Халдир подвел к ним Фродо, и Келеборн произнес приветствие на его языке. Галадриэль ничего не сказала, только долгим взглядом посмотрела ему в лицо.

— Сядь со мной рядом, Фродо из Хоббитшира! — сказал Келеборн. — Мы поговорим, когда подойдут все остальные.

Каждого входящего Келеборн, приветствуя, учтиво называл по имени.

— Привет тебе, Арагорн сын Араторна! — сказал он. — Последний раз ты был у нас восемь и тридцать лет назад по счету земного мира, и эти годы тяжело легли на тебя. Но скоро — к добру ли, к худу — все это кончится. Пока ты здесь, отложи на время свои заботы!

— Здравствуй, сын и посланник Трандуила! Очень редко добираются к нам соплеменники с севера!

— Добро пожаловать, Гимли сын Глоина! Воистину много времени прошло с тех пор, как я последний раз видел в Карс Галадоне гнома из

племени Дарина! Сегодня мы нарушили древний закон. Да будет это в потемневшем мире знаком приближения лучших дней и да поможет возобновить дружбу наших народов!

Гимли низко поклонился.

Когда все гости собрались и сели перед владыками, Келеборн обвел их взглядом.

— Вас здесь восемь, — сказал он. — В путь должно было выйти девять, так гласило послание. Может быть, Совет решил что-нибудь изменить, а мы об этом не слышали? Элронд далеко, вокруг нас стягивается Тьма, в этом году тени удлинились.

— Нет, намерения Совета не изменились, — заговорила Владычица. Ее голос был чистым и музыкальным, глубоким и неожиданно низким для женщины. — Вместе с Отрядом вышел Гэндальв Серый, но он не переходил наших границ. Скажите, где он, ибо я очень хочу говорить с ним. За пределами Лотлориэна он мне не виден. Он далеко, его окружает серый туман, и пути его ног и мыслей от меня скрыты…

— Увы! Гэндальв Серый пал во Тьму! — произнес Арагорн. — Он остался в Мории, откуда не сумел выбраться.

При этих словах все присутствующие эльфы

горестно ахнули.

— Это страшная весть, — сказал Келеборн. — Самая зловещая за все годы печальных событий. — Он повернулся к Халдиру и спросил по-эльфийски: — Почему мне ничего об этом не сказали?

— Мы ничего не говорили Халдиру о нашем Походе, — ответил вместо него Леголас. — Сначала нам было не до рассказов от усталости, и опасность шла за нами по пятам, а потом мы на время почти забыли свое горе, идя в радостном покое по дорогам Лориэна.

— Горе наше велико, — сказал Фродо. — Наша потеря невосполнима и никогда не забудется. Гэндальв был нашим вожатым, он провел нас через Морию, а когда мы уже теряли надежду, он нас спас и сам погиб.

— Расскажите нам все, — сказал Келеборн.

Тогда Арагорн рассказал все, что случилось на пути к Перевалу на Карадрасе и в последующие дни. Он поведал о Балине и найденной Книге, о сражении в Зале Мазарбул, об огне, описал узкий Мост и появление Ужаса.

— Великое Зло древнего мира это было, — сказал Арагорн. — Я такого никогда не видел: Огонь и Тень одновременно, сила и ужас.

— Балрог это был, слуга Моргота, — сказал Леголас. — Самый страшный после Того, кто засел в Черной Башне.

— Я увидел на Мосту глубинный ужас самых черных снов, Погибель Дарина, — сказал Гимли чуть слышно, и страх был в его глазах.

— Увы! — сказал Келеборн. — Мы давно догадывались, что под Карадрасом залег Ужас. Если бы я узнал, что гномы в Мории опять его разбудили, я бы запретил тебе и всем твоим спутникам переходить наши северные границы. А Гэндальва можно было бы назвать безумцем, ибо из мудрого безумным должен был стать тот, кто без необходимости пошел в Морийскую западню…

— Кто так рассудит, поступит опрометчиво, — строго произнесла Галадриэль. — Гэндальв ничего в жизни не совершал без необходимости. Те, кто шел за ним, не знали всех его замыслов. Их нельзя винить в том, что сделал их вожатый, что бы с ним самим ни случилось. Не жалей, что приветил гнома. Если бы наш народ был далеко и надолго изгнан из Лотлориэна, скажи, кто из галадримов, включая Келеборна Мудрого, оказавшись вдруг рядом, прошел бы мимо старинных жилищ, даже если бы здесь поселились драконы? «Холодны ключи Кибиль-Налы и темна вода

Келед-Зарама. Прекрасны были многоколонные чертоги Казад Дума в незапамятные дни, пока не погибли Великие в подкаменных глубинах…»

Владычица посмотрела на хмурого и печального Гимли и улыбнулась. А гном, услышав легендарные названия на своем древнем языке, посмотрел ей в глаза, и ему показалось, что он собирался проникнуть в сердце врага, а встретил в нем любовь и понимание. Лицо его выразило сначала удивление, а потом он сам улыбнулся в ответ.

Он неловко встал, поклонился по-гномьи и сказал:

— Живая земля Лориэна еще прекрасней, а Владычица Галадиэль превосходит красотой все сокровища подземного государства!

Стало тихо. Наконец, опять заговорил Келеборн.

— Я не знал, что вам пришлось так трудно в пути. Пусть Гимли забудет мои необдуманные слова: я говорил в волнении сердца, и сделаю все, что смогу, чтобы помочь вам, каждому по мере его нужд и желаний, и особо полуростику, на кого возложена великая ноша.

— Нам ведома цель вашего Похода, — сказала Галадриэль, взглянув на Фродо. — Но говорить

об этом открыто мы будем не здесь. Может быть, не напрасно вы пришли в нашу землю за помощью. Сам Гэндальв ясно хотел этого. Ибо Владыку галадримов считают мудрейшим из эльфов Средиземья, и никакие короли не могут давать такие дары, как он. Он жил на Западе, когда только всходила заря мира, и я жила с ним бесчисленные годы; когда пал Нарготронд, а потом Гондолин, я перешла через горы, и уже многие века мы не сдаемся, хотя вынуждены были отступить. Это я собрала первый Совет Мудрых, — если бы мои замыслы исполнились, его возглавил бы Гэндальв Серый, и все, вероятно, пошло бы иначе. Но даже сейчас мы еще надеемся. Я не стану давать вам прямых советов: делайте так или по-другому. Ибо помочь вам я могу не делом, не решением и не выбором, а лишь знанием прошлого и настоящего и частично того, что будет. Но я скажу вам, что ваш Поход — это путь по лезвию меча над бездной! Если вы оступитесь — всё погибнет. Всё. Пока Отряд крепок верностью, есть надежда.

С этими словами она устремила на них приковывающий взгляд и в полном молчании, словно изучая, пронизала глазами каждого. Никто, кроме Леголаса и Арагорна, не смог спокойно выдержать этот взгляд. Сэм покраснел до корней

волос и опустил голову.

Наконец, Владычица Галадриэль отвела взгляд, словно отпуская их, и улыбнулась.

— Не смущайтесь сердцем! — сказала она. — Сегодня спите в мире.

Друзья облегченно вздохнули и почувствовали, что страшно устали, словно их долго допрашивали, хотя пока Галадриэль смотрела на них, не было произнесено ни слова.

— Теперь идите! — сказал Келеборн. — Вы устали от горя и трудов. Ваш Поход напрямую не касается наших дел, но вы останетесь у нас в городе, пока полностью не исцелитесь и не отдохнете. Сейчас не будем говорить о продолжении пути.

* * *

На ночь к большому удовольствию хоббитов, Отряд расположился на земле. Эльфы поставили для гостей шатер между деревьями у фонтана, приготовили мягкие ложа, мелодичными эльфийскими голосами произнесли пожелания покоя и отдыха и ушли. Некоторое время перед сном друзья поговорили — о том, как провели ту ночь на деревьях, как шли после нее, вспомнили Владык Лориэна, но того, что было перед этим, не коснулись — не смогли.

— Сэм, а ты почему покраснел? — спросил Пипин. — Быстро ты раскололся: можно было подумать, что у тебя совесть нечиста. Надеюсь, ты не замышляешь ничего похуже, чем стащить с меня одеяло?

— И в мыслях у меня ничего такого не было, — ответил Сэм, не расположенный шутить. — Если хотите знать, я перед ней будто голый стоял, и она мне смотрела прямо в душу. И спрашивала: что бы я сделал, если бы она предложила мне перелететь прямо в Хоббитшир в уютную норку с садиком… собственным!

— Ну и шутки! — сказал Мерри. — И я себя почти точно так же чувствовал, только мне… не стоит об этом рассказывать, — запнувшись, закончил он.

По-видимому, со всеми происходило то же самое: под взглядом Владычицы каждый почувствовал, что ему предлагают выбор между страхом и Тьмой, стерегущей их впереди, и тем, что им сильнее всего хотелось. Предмет желаний ясно представился внутреннему взору, и чтобы достичь его, надо было всего лишь сойти с дороги, переложить на плечи остальных свое Дело и борьбу с Сауроном.

— Я тоже так считаю. То, что мне открылось,

должно остаться моей тайной, — сказал Гимли.

— А мне это все показалось странным, — сказал Боромир. — Может быть, это было испытание, она хотела прочитать наши мысли, задумав что-то свое; я бы сказал, что она нас искушала, предлагая то, что якобы могла бы дать. Стоит ли говорить, что я просто не стал ее слушать. Люди из Минас Тирита не нарушают обещаний.

Но чем искушала Владычица его самого, он не открыл.

Фродо вообще говорить не хотел, хотя Боромир его упорно расспрашивал.

— Она дольше всех смотрела на тебя, полуростик! — говорил он.

— Да, — сказал Фродо. — Но то, что мне при этом открылось, останется во мне.

— Берегись! — сказал Боромир. — Не верю я этой эльфийке и не пойму ее замыслов.

— Не смей плохо отзываться о госпоже Галадриэли! — сурово произнес Арагорн. — Ты не знаешь, что говоришь! Ни в ней, ни в этой земле нет Зла: сюда его человек может принести только в себе. Тогда пусть он побережется! Сегодня я впервые буду спать спокойно с тех пор, как ушел из Райвендела. И я хочу заснуть крепко, совсем крепко, чтобы хоть на время забыть свои горести! Устал я

душой и телом… — Он вытянулся на своем ложе и мгновенно заснул.

Вскоре спали и все остальные, спали крепко, ничего не слыша, не видя даже снов. Проснувшись, они увидели, что уже светлый день, солнце греет лужайку перед их шатром, и фонтан сверкает в его лучах, поднимаясь и опадая.

* * *

Несколько дней они провели в Лотлориэне, хотя сколько — сказать потом не сумели бы. Погода почти все время была солнечной, только иногда на деревья проливался мелкий дождик, после которого все становилось еще чище и свежее. Воздух дышал прохладой, словно ранней весной, но все-таки была зима, и они ощущали ее глубокий и задумчивый покой. Им казалось, что они только едят, пьют, спят и гуляют под деревьями — и больше ничего не хотят.

Владыки не призывали их, а с эльфами они почти не могли объясниться, не зная языка; Халдир попрощался с ними и опять ушел к северной границе, где держали крепкую стражу, с тех пор как Отряд принес недобрые вести из Мории. Леголас почти все время проводил с галадримами, лишь первую ночь проспав со всеми вместе в шатре,

хотя иногда приходил поесть и поболтать. На прогулки, ко всеобщему изумлению, он часто брал с собой Гимли.

Теперь и на прогулках, и во время бесед друзья все чаще говорили о Гэндальве. Каждый вспоминал все, что знал о маге и чему был свидетелем.

По мере того как они излечивались телом от усталости, боль утраты в сердце становилась острее. Они часто слышали, как эльфы упоминают имя мага в нежных и грустных песнях, и знали, что эльфы оплакивают его, хотя слов песен, конечно, не понимали.

— *А Мифрандир, Мифрандир!* О Серый Странник! — пели эльфы, ибо так им нравилось называть Гэндальва. Но если рядом был Леголас, он отказывался переводить друзьям их песни, говоря, что не сумеет, что горе еще слишком свежо, и от таких слов хочется не петь, а плакать.

Фродо первым, как умел, попробовал выразить свою печаль неуклюжими словами. На него очень редко нападала охота складывать песни или стихи. Даже в Райвенделе он предпочитал не петь, а слушать, хотя в его памяти накопилось уже много стихов, сложенных другими в разное время. Но сейчас, когда он сидел у фонтана в Лориэне и слушал голоса эльфов, его мысли

невольно сложились в песню, и она даже показалась ему красивой. Однако, попытавшись спеть ее Сэму, он не нашел в ней ничего, кроме клочьев воспоминаний, поблекших, как осенние листья. Вот эта песня:

Он вечерами приходил,
По склонам шел во мгле вечерней,
А на рассвете уходил —
В седую дымку Странник Серый.

Он шел с заката на восход,
Из Райвендела в Темнолесье,
Всегда без устали, вперед,
Один по городам и весям.

Язык людей и птиц он знал,
Нес вести хоббитам и эльфам,
Наверно, тайно понимал,
О чем шумит трава под ветром.

Владел мечом, умел целить,
Сгибал под тяжким грузом спину,
Мог громом и огнем разить,
А мог быть просто Пилигримом.

И был он мудр, и ласков был,
И страшным в гневе всем казался,
Когда Жезлом своим светил,
А не на палку опирался.

В последний раз на Мост позвал
Огонь и Мрак на поединок —
Сломался Жезл, и ум устал:
Мрак Казад-Дума поглотил их…

— Еще немножко, господин Фродо, и вы перещеголяете своего дядюшку! — восхитился Сэм.

— Сомневаюсь, — ответил Фродо. — Это пока лучшее, что у меня получилось.

— Знаете что, хозяин, — попросил Сэм, — если вам еще захочется когда-нибудь этим заняться, не забудьте про фейерверки, пожалуйста! Вот, например, в таком роде:

В небо бьют фонтаны звезд,
Как букеты пестрых роз,
И ярким золотым дождем
На землю падают потом!

Вообще-то, фейерверки заслуживают стихов получше…

— Нет, Сэмми, оставь эту тему себе. Или пусть

ею займется Бильбо. Хотя... нет, я и произнести этого еще не могу... Мне нестерпимо думать, что надо будет такую весть принести старику!

* * *

Однажды Фродо и Сэм гуляли по лесу в тихих прохладных сумерках, но оба почему-то не были спокойны: Фродо вдруг показалось, что их прикрыла тень разлуки. Он понял, что близится время покидать Лотлориэн.

— Ну, что ты теперь скажешь об эльфах, Сэм? — спросил он. — Я уже тебя об этом спрашивал давным-давно. С тех пор ты ближе их узнал.

— Конечно, узнал! — ответил Сэм. — И понял, что эльфы бывают разные. Они все, конечно, эльфы, но друг от друга отличаются. Вот здешние — совсем не бездомные, а вроде нас. Они, по-моему, сильнее приросли к своей земле, чем хоббиты к Хоббитширу. То ли они создали эту землю, то ли эта земля их создала — ну, вы меня понимаете, хозяин. Здесь так удивительно спокойно, будто ничего не происходит, и похоже, никому не хочется, чтобы что-нибудь случалось. Если в этом есть какое-то волшебство, то оно так далеко запрятано, что до него не дотянешься. Ну, это я так думаю.

— Как же не дотянешься, если оно здесь везде и во всем? — сказал Фродо.

— Везде-то везде, а не видно, чтобы кто-нибудь колдовал, — сказал Сэм. — Помните, какие фейерверки Гэндальв показывал? Такого ничего здесь не увидишь. Интересно, почему нас владыки не зовут? Мне кажется, что Она может удивительные чудеса делать, если захочет. Вот бы поглядеть на эльфийское колдовство, господин Фродо!

— А я не хочу, — сказал Фродо. — Мне и без него неплохо. И не хватает мне не фейерверков Гэндальва, а его самого, с его бровями и вспышками гнева. Я бы его голос услышать хотел!

— Тут вы правы, хозяин, — сказал Сэм. — Но вы не думайте, что я здешних в чем-то виню. Мне и раньше часто хотелось посмотреть настоящее волшебство, как в сказках рассказывают. А так, лучшей земли, чем эта, наверное, не найти. Здесь сразу будто и дома живешь, и на праздник приехал… Я понятно выражаюсь? Уходить отсюда я совсем не хочу — и вместе с тем начинаю соображать, что если нам надо уходить, то чем скорее, тем лучше. Потому что, как говорил мой Старик, *если дела не начинать, то его и не кончишь*… И я понимаю, что здешний народ не очень нам поможет со всем своим волшебством! Когда мы

отсюда уйдем, нам еще больше будет не хватать Гэндальва.

— Боюсь, что ты прав, Сэм, — сказал Фродо. — И все же очень надеюсь, что Владычицу эльфов мы обязательно увидим до того, как уйдем.

Не успел он закончить, как словно в ответ, появилась владычица Галадриэль. Высокая и красивая, вся в белом и сама светлая, она подходила к ним из-за деревьев, но ничего не сказала, только знаком поманила их за собой и, повернувшись, повела к южному склону холма Карс Галадон.

Пройдя сквозь высокую зеленую изгородь, они очутились в садике на замкнутой площадке. Деревьев на ней не было. На открывшемся небе белым огнем горела над западным лесом вечерняя звезда. Вниз по длинной лестнице спустились они за владычицей в глубокий зеленый овраг, по которому протекал говорливый ручей, по-видимому, тот, что начинался от фонтана. Около ручья на дне оврага на низком каменном постаменте в форме ветвистого дерева стояла большая, но неглубокая чаша, а рядом с ней — серебряный кувшин.

Галадриэль наполнила чашу до краев водой из ручья, потом легко дохнула на воду, а когда поверхность воды успокоилась и застыла, про-

изнесла:

— Это Зеркало Галадриэли. Я привела вас сюда посмотреть в него, если захотите.

В овраге было темно и совсем тихо. Лесная Владычица, стоявшая рядом, казалась очень высокой и очень светлой.

— Зачем нам смотреть, и что мы увидим? — с трепетом спросил Фродо.

— Я могу приказать Зеркалу показать многое, — ответила она. — Могу показать тебе то, что ты хочешь. Но само Зеркало иногда показывает странные и неожиданные вещи без всякой просьбы, — и это может оказаться полезнее, чем то, что мы хотим видеть. Что покажет Зеркало, если дать ему свободу, мне неизвестно. Оно может явить прошлое, настоящее и будущее. Причем даже мудрейшие не всегда скажут, было это или будет. Хочешь посмотреть?

Фродо промолчал.

— А ты? — повернулась она к Сэму. — Мне кажется, это как раз то, что у вас называют колдовством, хотя я не совсем понимаю это слово, тем более, что вы называете им и козни Врага. Но пусть будет колдовство, если хочешь. Колдовство Галадриэли. Ты же сам говорил, что хочешь увидеть эльфийские чудеса?

— Говорил, — отозвался Сэм, слегка дрожа от страха и любопытства. — Если позволите, я загляну в него, Госпожа. Мне бы увидеть, что дома делается, — добавил он, обращаясь к Фродо. — Мы уже страх как давно оттуда ушли!.. Но здесь, может быть, опять одни звезды покажут или такое, что я и не пойму.

— Может быть, — тихо засмеялась Галадриэль. — Но все же иди, посмотри, что сможешь увидеть. Воду руками не трогай!

Сэм влез на постамент и нагнулся над чашей. Темная вода казалась твердой, и в ней отражались звезды.

— Так я и думал, опять звезды, — сказал он. И вдруг ахнул.

Звезды в чаше пропали. С нее словно сняли темную пелену, Зеркало посерело, потом прояснилось. Теперь в нем светило солнце и веял ветер, раскачивая ветки деревьев. Но прежде, чем Сэм разобрался в том, что увидел, в Зеркале снова стало темно, и ему показалось, что он видит Фродо, крепко спящего под большим темным утесом, и лицо у него бледное-бледное. Потом он увидел самого себя в темном коридоре на длинной лестнице и понял, что очень спешит и что-то ищет, но что — не мог догадаться.

Видение исчезло и, как бывает во сне, вернулась первая картина. Сэм снова увидел деревья. Только теперь они были дальше, и он понял, что они не раскачиваются от ветра, а падают: деревья рубят, и они валятся на землю.

— Да что же это? — возмущенно вскричал Сэм. — Кто дозволил Теду Песоксу деревья валить, где нельзя?! Это же дорога за Мельницей к Приречью, их посадили, чтобы тень была! Эх, попадись он мне сейчас, уж я бы его самого свалил!

Но тут Сэм заметил, что старой Мельницы больше нет, а вместо нее строится большой дом из красного кирпича. На стройке работает много народу, уже торчит кирпичная труба, и черный дым от нее заволакивает поверхность Зеркала.

— Худо в Хоббитшире, — сказал Сэм. — Элронд знал, что говорил, когда собирался господина Мерриадока домой отправить. — И вдруг горестно вскрикнул и отпрянул от Зеркала: — Не могу больше! Домой надо. Они перекопали всю Пронырную, там мой бедный Старик уходит с Холма с тачкой, все свое барахло везет. Я должен вернуться!

— Ты не можешь пойти туда один, — сказала Владычица. — Перед этим ты сам решил, что без хозяина домой не вернешься. Тогда ты еще не

смотрел в Зеркало, но допускал, что в Хоббитшире может случиться беда. Помни, что Зеркало показывает разные события, и не все из них уже произошли или происходят. Некоторые не сбываются. Их удается предотвратить, если тот, кто понял предупреждение, не свернет с верного пути. Зеркало — опасный советчик!

Сэм опустился на землю и закрыл лицо руками.

— Не надо было мне сюда идти, и не хочу я больше никакого колдовства! — сказал он. Потом замолчал, и когда заговорил снова, в его голосе слышались слезы. — Да, я пойду домой по длинной дороге вместе с господином Фродо и не иначе. Только бы когда-нибудь вернуться в Хоббитшир! Если все будет так, как мне показали, кое-кто за это крепко получит!

* * *

— Ты и теперь не хочешь заглянуть в Зеркало, Фродо? — спросила Владычица Галадриэль. — Хотя ты говорил, что не хочешь смотреть на волшебство, тебе и без него неплохо.

— Ты советуешь мне посмотреть? — спросил Фродо вместо ответа.

— Нет, — сказала Галадриэль. — Я ничего не со-

ветую. Я не советник. Может быть, ты что-нибудь узнаешь. Там можно увидеть и плохое, и хорошее; и то, и другое может оказаться полезным, а может и нет. Видеть — само по себе и хорошо, и опасно… Но я думаю, Фродо, что тебе хватит ума и смелости рискнуть, иначе я не привела бы тебя сюда. Поступай, как знаешь.

— Я посмотрю, — сказал Фродо, взобрался на постамент и нагнулся над темной водой.

Зеркало сразу же прояснилось — и он увидел сумрачный пейзаж. На фоне бледного неба грозно поднимались темные горы. Длинная серая дорога исчезала за горизонтом. По дороге медленно двигалась маленькая фигурка, увеличиваясь по мере приближения. Вдруг она напомнила хоббиту Гэндальва, и он чуть не закричал от радости, собираясь позвать мага по имени, — потом увидел, что на идущем не серый, а белый плащ, и в руке у него белый посох. От плаща словно исходило сияние. Лица странника Фродо не разглядел — он ушел за поворот, так и не подняв головы, и в душе хоббита зашевелилось сомнение: кого он видал? Гэндальва в его давних странствиях или Сарумана?

В Зеркале появилось новое видение, очень ясное. По своей маленькой комнатке взвол-

нованно ходил взад-вперед Бильбо. Стол был беспорядочно завален листами бумаги; в окна барабанил дождь. Видение было кратким, почти мгновенным, и некоторое время Зеркало ничего не показывало.

Затем перед Фродо быстро замелькали короткие картины, и он понял, что видит отдельные события великой Истории, в которую попал. Сначала был туман. Туман разошелся, и невиданное зрелище открылось ему, но он сразу узнал — это Море. На него опустилась Тьма. Море взъярилось, и грянула великая Буря. Потом в кроваво-красном свете заходящего в тучи солнца с запада выплыл большой корабль с рваными парусами. Возникла широкая река, текущая через многолюдный город. Потом — семибашенная белая крепость. А потом — другой корабль, с черными парусами, но в ярком свете утра; и вода сверкала под солнцем, и на флаге корабля было изображено сверкающее белое дерево. Вспыхнул огонь и заклубился дым, это было сражение, и кроваво-красное солнце закатилось, сменившись серым туманом, а потом маленький кораблик, мигая огоньками, появился, уплыл вдаль и пропал.

Фродо, вздохнув, собирался уйти от Зеркала, но оно вдруг почернело, словно открылась черная

дыра, и Фродо уже смотрел в пустую Тьму, а в ней появился Глаз. Он приближался из глубины, рос, пока не заполнил почти всю поверхность Зеркала. Фродо стало так страшно, что он прирос к месту, не в силах даже крикнуть. Глаз был обрамлен пламенем, а сам был желтый, как у кота, блестящий, напряженно-живой и следящий, со зрачком пустым, как окно в ничто.

Затем Глаз стал поворачиваться, словно кого-то разыскивал, и Фродо с ужасом понял, что ищут именно его. И еще понял, что Глаз пока не может его увидеть, — увидит только, если Фродо сам захочет открыться Врагу. Кольцо, висевшее на цепочке у него на груди, стало страшно тяжелым, будто огромный камень, и тянуло его голову вниз, пригибая шею. Зеркало словно нагрелось, и от воды поднялись струи пара. Фродо поскользнулся, клонясь вперед…

— Осторожно, — тихо сказала Галадриэль. — Не тронь воду.

Страшное видение исчезло, и Фродо обнаружил, что смотрит на прохладную серебряную чашу, а в ней мерцают отражения вечерних звезд. Он, дрожа, отшатнулся от Зеркала и посмотрел на Владычицу.

— Я знаю, что тебе открылось в последнем ви-

дении, — сказала она, — ибо это и меня тяготит. Но не бойся! Не думай, что землю Лотлориэна охраняют и оберегают от Врага лишь песни под деревьями и тонкие стрелы эльфийских лучников. Я открою тебе, Фродо, что даже сейчас, говоря с тобой, я вижу Черного Властелина и знаю, о чем он думает; вернее, знаю все, что касается эльфов в его мыслях. А он тянется к моим мыслям и хочет увидеть меня — но эта дверь закрыта!

Владычица подняла белые руки и протянула их на восток, как бы отстраняясь. Любимая вечерняя звезда эльфов, Эарендил, светила с высоты настолько ярко, что от фигуры Владычицы на землю падала легкая тень. Луч эльфийской звезды скользнул по кольцу на ее пальце — и белый камень в нем засверкал, словно в блестящий золотой ободок, облитый серебряным светом, упала сама Звезда. Фродо с восхищением смотрел на это кольцо, потому что вдруг ему показалось, что он понял.

— Да, — сказала Галадриэль, отвечая на непроизнесенный вопрос. — Эту тайну нельзя выдавать, и поэтому Элронд не мог тебе сказать о нем. Но нельзя его и скрыть от Несущего Кольцо, тем более, что ты видел Глаз. Да, в стране Лориэн на пальце Галадриэли хранится одно из Трех. Нэнья,

что значит Алмаз, доверен мне. Враг подозревает, но не знает — еще не знает.

Теперь тебе понятно, что в твоем приходе к нам — перст Судьбы? Если ты потерпишь неудачу, ты этим откроешь нас Врагу. Мы станем беззащитны. Если победишь — наша власть ослабнет, Лотлориэн угаснет, и всемогущее Время сметет его. Нам придется уйти на Запад или забиться в пещеры и щели, огрубеть и со временем забыть о том, кем мы были. И о нас забудут.

Фродо склонил голову, помолчал, потом спросил:

— А чего ты сама хочешь?

— Хочу, чтоб сбылось то, что должно сбыться, — ответила она. — Любовь эльфов к родной земле и к тому, что ими сделано, глубже морских глубин. Их печаль бессмертна, и от нее нет утешения. Но они откажутся от всего, только чтобы не подчиниться Саурону, ибо теперь они его знают. За судьбу Лотлориэна ты не в ответе. От тебя зависит лишь выполнение твоего Дела. А если бы от моего желания что-нибудь изменилось, я пожелала бы, чтобы Единое никогда не было выковано или навсегда осталось бы пропавшим.

— Ты мудра, бесстрашна и справедлива, Владычица, — сказал Фродо. — Если ты попросишь,

я отдам тебе Единое Кольцо. Я слишком мал для такого великого Дела.

Галадриэль вдруг засмеялась, но звонкий ее смех прозвучал странно.

— Может быть, и мудра, — сказала она, — но вот по учтивости встретила равного партнера! Считай, что ты вежливо отомстил мне за попытку заглянуть к тебе в душу при первой встрече. Ты становишься прозорливым. Не стану отрицать, мое сердце желало того, что ты предлагаешь. Многие годы я думала о том, что могла бы сделать, если бы Великое Кольцо попало мне в руки, — и наконец, вот оно! Я могу его взять! Зло, пришедшее в мир в Незапамятные времена, действует разными путями и будет долго вредить, независимо от того, выстоит Саурон или падет. Может быть, правильно было бы отнять Кольцо у гостя силой или угрозами? Такой поступок был бы оправдан сутью самого Кольца.

Оно здесь. Ты мне сам отдаешь его. Вместо Черного Властелина ты поставишь королеву. А я не буду черной, я буду прекрасной и грозной, как Утро и Ночь! Справедливой, как Море и Солнце, и Снег на вершинах! Ужасной, как Буря и Молния! Стану сильнее, чем корни земли. Вокруг меня будет всеобщая любовь и отчаяние!

Она высоко подняла руку, и Кольцо, которое было на этой руке, вдруг загорелось, осветив ее одну, оставляя все остальное в тени. Она стояла перед Фродо недостижимо высокая и невообразимо красивая, грозная и достойная поклонения.

Но ее рука опустилась, свет померк. И вдруг она рассмеялась и сразу стала меньше: хоббит увидел стройную эльфийскую красавицу в простом белом платье, и нежный ее голос был тих и печален.

— Я прошла испытание, — сказала она. — Я откажусь от власти, уйду на Запад и останусь Галадриэлью.

* * *

Они долго стояли молча, потом Владычица снова заговорила:

— Вернемся к друзьям! — сказала она. — Завтра ты должен будешь уйти, ибо выбор нами сделан, и волны судьбы не остановишь.

— Но перед тем как мне уйти отсюда, ответь еще на один вопрос, — сказал Фродо. — Я все собирался спросить у Гэндальва в Райвенделе, но не успел. Мне разрешили нести Единое Кольцо; почему я не вижу остальных Колец и не читаю мысли тех, кто их носит?

— Ты ведь не пробовал, — сказала она. — С тех пор как ты узнал, чем обладаешь, ты только трижды надевал Кольцо на палец. И не пробуй! Это тебя погубит. Разве Гэндальв не сказал тебе, что Кольца наделяют своих владельцев той мерой власти, которая им доступна? Прежде чем использовать власть Единого, самому надо стать намного сильнее и научить свою волю подчинять себе других. Но даже сейчас, хотя ты лишь Несущий Кольцо, просто надевал его на палец и издали заглянул в сокрытое, ты уже видишь дальше и острее. Ты понял мои мысли лучше, чем многие, которых считают мудрыми. Ты увидел Глаз того, кому принадлежат Девять и Семь. Разве ты не увидел и не узнал Кольцо у меня на руке? Скажи, ты видел мое Кольцо? — обернулась она к Сэму.

— Нет, госпожа, — ответил Сэм. — Сказать правду, я не понял, о чем вы говорили. Ты подняла руку, и я увидел Звезду сквозь твои пальцы. Но если ты милостиво разрешишь мне высказаться, то я думаю, что мой хозяин прав. Я бы тоже хотел, чтобы ты взяла Кольцо. Ты бы навела порядок. Ты бы не дала им перекапывать усадьбу моего Старика и выгонять его из дому! Ты бы разделалась с ними за грязные дела!

— Да, я бы с ними разделалась, — сказала она. — С этого бы началось. Но этим бы не кончилось, увы!.. Довольно об этом. Идемте отсюда.

Глава восьмая. Прощание с Лориэном

Вечером того же дня всех снова призвал Келеборн. Владыки приветствовали их ласковыми словами, потом Келеборн заговорил о продолжении их Похода.

— Пришло время, — сказал он, — когда те, кто решил продолжать Поход, должны укрепить свои сердца и расстаться с нашим краем. Те, кто не хочет идти дальше, могут остаться здесь. Но ни тем, кто уходит, ни тем, кто останется, покоя не будет. Скоро пробьет роковой час. Кто решит ждать этого часа здесь, пробудет у нас до того дня, когда перед ним снова широко распахнется мир или его позовут на последний бой за наш край. И только тогда он вернется домой или уйдет в новую отчизну, в дом павших в бою.

Стало очень тихо.

— Они все намерены идти дальше, — сказала Галадриэль, глядя им в глаза.

— Мой путь домой — путь вперед, а не назад, — сказал Боромир.

— Это так, — сказал Келеборн. — Но разве весь Отряд идет с тобой в Минас Тирит?

— Мы пока не решили, куда направимся, — сказал Арагорн. — Я не знаю, куда Гэндальв собирался вести нас после Лотлориэна. Похоже, у него самого не было ясных планов.

— Может, и не было, — сказал Келеборн. — Но когда вы выйдете из нашего Леса, вам не миновать Великой реки. От Лотлориэна до Гондора через Андуин нет переправ, путникам с грузом нужны лодки. А в Осгилиате мосты разрушены и все причалы в руках Врага. Какой дорогой вы пойдете? Путь в Минас Тирит лежит по западному берегу, а прямая дорога к цели вашего Похода — по восточному, по затененным землям. Какой берег выберете вы?

— Я бы советовал идти по западному берегу и идти в Минас Тирит, — сказал Боромир. — Но Отрядом командую не я.

Все промолчали. Арагорн был хмур и озабочен.

— Вижу, вы еще не решили, что делать, — сказал Келеборн. — Не мне решать за вас, но я помогу, чем смогу. Кое-кто из вас умеет обращаться с лодками: Леголас, чей народ живет у быстрой Лесной реки, Боромир-гондорец, Арагорн-скиталец…

— И один хоббит! — воскликнул Мерри. — Не

все в Хоббитшире считают, что лодки опаснее диких кобылиц. Моя семья живет на берегу Брендидуина.

— Отлично! — сказал Келеборн. — Тогда возьмете лодки. Их сделают маленькими и легкими, потому что плыть вам далеко, будут места, где придется волочить их по берегу. Вы встретите Каменные Кости, пороги Сарн Гебир; может быть, вам удастся дойти до грохочущего Рауроса, где Река срывается с большой высоты, вытекая из озера Нэн Итоэль. Могут встретиться и другие препятствия. Лодки на какое-то время облегчат ваш путь, но в конце их придется бросить и уйти от Реки — на запад или на восток.

Арагорн долго благодарил Келеборна. Он был очень рад подарку, ибо теперь у него появилась возможность еще на несколько дней отложить окончательный выбор пути. И у остальных путешественников надежд прибавилось. Какие бы опасности ни поджидали их впереди, навстречу им лучше плыть на широкой спине Андуина, чем тащиться по его берегу и гнуть под поклажей собственные спины. Один Сэм сомневался: он по-прежнему считал лодки опаснее диких кобылиц, и никакие доводы, никакие пережитые опасности не изменили бы его мнения.

— Все будет готово, и снаряжение доставят на причал завтра до полудня, — сказал Келеборн. — Утром мои подданные придут вам помочь. А пока — доброй ночи и спокойного сна!

— Доброй ночи, друзья! — сказала Галадриэль. — Спите в мире! Сегодня не утомляйтесь думами о завтрашнем дне. Может быть, перед каждым уже намечен его единственный путь, только вы пока не видите своих дорог. Доброй ночи!

* * *

Друзья простились с владыками и вернулись к себе в шатер. Леголас пошел вместе со всеми; была их последняя ночь в Лотлориэне, и они, несмотря на слова владычицы, устроили совет.

Они долго спорили над решением трудной задачи, которую им задало Кольцо, но к единому выводу не пришли. Большинство явно склонялось к тому, что сначала надо идти в Минас Тирит, чтобы еще ненадолго оттянуть ужас встречи с Врагом. Они бы согласились идти за Реку и в Тень Мордора по слову вожака, но Фродо не произносил ни слова, и Арагорн все еще колебался.

Когда с Отрядом шел Гэндальв, Арагорн собирался присоединиться к Боромиру, чтобы помочь

Гондору мечом, ибо он верил, что сон братьев был пророческим и что пора наконец наследнику Элендила объявиться и померяться силами с Сауроном в борьбе за власть. Но после гибели Гэндальва в Мории на плечи Арагорна легла забота об Отряде. Он понимал, что теперь не сможет оставить Несущего Кольцо одного, если Фродо не захочет идти с Боромиром. И вместе с тем он, как любой другой из Отряда, мог помочь Фродо лишь тем, что слепо пойдет за ним во Мрак. Что это даст?

— Я пойду в Минас Тирит, — повторил Боромир. — Пойду один, если придется, ибо это мой долг.

Потом он довольно долго молчал, вперив взгляд в лицо Фродо, будто стараясь прочитать его мысли, а когда снова заговорил, то тихо, словно споря с самим собой.

— Если ты хочешь уничтожить Кольцо и не думаешь ни о чем другом, — произнес он, — тогда люди из Минас Тирита тебе не помогут, ибо не войной и оружием это можно сделать. Но если ты хочешь уничтожить военную мощь Черного Властелина, то глупо идти в его владения безоружным и глупо бросаться… — Он вдруг замолчал, сообразив, что думает вслух. — …жиз-

нями. Я считаю, — закончил он громко, — что мы стоим перед выбором: защитить последнюю твердыню или шагнуть в пасть смерти. Во всяком случае, я понял так.

Фродо уловил что-то новое и незнакомое во взгляде гондорца и пристально посмотрел на него. Ясно, что Боромир сказал не то, что думал. «Глупо бросаться…» Чем? Кольцом Всевластья? Он что-то вроде этого говорил на Совете у Элронда, но Элронд ему тогда все объяснил, и он согласился. Фродо глянул на Арагорна, но тот, уйдя в собственные мысли, ничем не показал, что слышал слова Боромира.

На этом споры прекратились. Мерри и Пипин успели незаметно заснуть. Сэм зевал, и голова у него падала. Ночь кончалась.

* * *

Поутру, когда они укладывали свой скудный багаж, пришли эльфы, умевшие говорить на всеобщем языке, и принесли щедрые дары: провизию, одежду и снаряжение для дальнейшего пути. В мешках с провизией главное место занимали очень тонкие лепешки, запеченные снаружи до светло-коричневой корочки, а внутри кремовые. Гимли подержал одну, посмотрел на

нее с сомнением и процедил:

— *Сухарник…*

Но стоило ему отломить краешек и сунуть в рот, как он тут же с удовольствием уничтожил всю лепешку.

— Хватит, хватит! — смеясь, закричали эльфы. — Ты уже съел дневную порцию, рассчитанную на долгий переход!

— Я думал, что это сухарник, такой, как в Дейле пекут в дорогу, когда отправляются в Дикие Земли, — сказал гном.

— Это примерно то же самое, — ответили ему, — но у нас эти лепешки называются *лембасы*, или дорожный хлеб. Они питательнее любой человеческой пищи и при этом действительно вкуснее сухарника.

— Поистине так, — произнес Гимли. — Они даже вкуснее медовых коврижек Беорна, а уж в его племени — лучшие пекари, хотя в последнее время они неохотно делятся с прохожими. Вы гораздо гостеприимнее!

— Но все-таки мы просим вас быть бережливее с провизией, — сказали эльфы. — Ешьте поменьше и только когда по-настоящему проголодаетесь. Мы даем вам запас на тот случай, когда других источников пропитания не будет. Если не станете

ломать лепешки и оставите их в листьях, как мы уложим, вам хватит надолго — они ведь почти не портятся. И учтите, что любому путнику — даже крупному гондорцу — достаточно съесть один лембас в сутки, чтобы целый день продержаться на ногах.

Потом эльфы развернули и вручили каждому одежду — плащи с капюшонами, сделанные точно по мерке из легкой и теплой шелковистой ткани, какую ткут галадримы. Трудно было определить их цвет: в тени под деревьями они казались серыми, а в другом месте и при другом освещении меняли оттенки и становились то зелеными, как листва, то бурыми, как осеннее поле вечером, то серебристыми, как мерцающая под звездами речная вода. Ворот скреплялся у шеи застежкой, похожей на зеленый лист с серебряными прожилками.

— Они волшебные? — спросил Пипин, с удивлением разглядывая плащи.

— Не понимаю, что ты хочешь этим сказать, — ответил старший эльф. — Они добротные, ткань хорошая, ибо ткали ее в нашем краю. Если ты хотел сказать «эльфийские», то это действительно так. Они вобрали в себя красоту всего, что мы любим, о чем думаем в светлых лориэнских

сумерках: в них листья и ветки, вода и камень; наши мастера все это вкладывают в свои изделия. Но это всего лишь одежда, а не доспехи: они не отразят удар меча и не отведут копье. Вам они хорошо послужат: они легкие, в холод в них будет тепло, а в жару — прохладно; в лесу и в горах они хорошо скроют вас от вражьих глаз. Владычица поистине благоволит к вам! Ибо она сама со своими девушками ткала эту ткань, и до сих пор мы не одевали чужеземцев в лориэнские одежды.

* * *

После завтрака Отряд простился с гостеприимной поляной у фонтана. Путники уходили с грустью, потому что покидали дивный край, на время заменивший им дом, хотя не могли сосчитать, сколько дней и ночей они в нем провели. Они еще стояли и смотрели на белый ручей, сверкавший в солнечных лучах, когда по траве через поляну к ним подошел Халдир. Фродо радостно его приветствовал.

— Я вернулся от северных границ, — сказал эльф, — ибо меня опять определили к вам в проводники. Долина Димрилла вся в пару и дыме, горы содрогаются, из глубин доносится гул. Если бы вы захотели вернуться домой на север, вы бы

там не прошли. Но вам надо идти к югу. Там пока спокойно. Идемте!

На зеленых тропах Карс Галадона они никого не встретили, но со всех деревьев слышались голоса — песни и смех. Сами они молчали. Халдир вывел их на южный склон холма, они еще раз прошли через большие ворота и по белому мосту, и город эльфов остался позади. Затем они свернули с мощеной дороги и пошли по тропе в чащу мэллорнов и дальше, по заросшим лесом холмам, в серебристой тени, к юго-востоку, туда, где вдали текла Великая река.

Миль через десять, почти в полдень, они подошли к сплошной стене деревьев, прошли через лес и оказались на длинном лугу, который узкой косой тянулся с севера на юг. Блестели в ярко-зеленой траве эланоры. Луг был словно обрамлен двумя живыми лентами — справа, на западе, искрилась Серебринка; слева, на востоке, катил спокойные воды глубокий темный Андуин; дальше на юг, сколько доставал взгляд, по его берегам тянулись леса, хмурые и унылые. Листья там уже облетели. Золотые мэллорны Лориэна не протягивали ветви за его границы.

Недалеко от слияния Келебранта с Андуином был сделан причал из белого камня и белого де-

рева. У причала качались на воде лодки и баржи. Некоторые из них сверкали зеленой краской, золотом и серебром, но больше всего было белых и серых.

Эльфы укладывали вещи путников в три маленькие серые лодочки. Кроме мешков, они в каждую лодку положили по три мотка веревки: тонкой, но, по-видимому, крепкой, по цвету похожей на плащи.

— А это что? — спросил Сэм, поднимая с зеленого дерна шелковистый моток.

— Веревка, конечно! — ответил эльф из ближайшей лодки. — Отправляясь в путь, никогда не забывай веревку. Лучше всего такая, как эта, — длинная и прочная. Она вам не раз пригодится.

— Можешь не объяснять! — сказал Сэм. — Я как пошел в этот раз без веревки, так всю дорогу жалел… Но я хотел узнать, из чего вы их вьете? Мне интересно, потому что в нашей семье это ремесло знают.

— Мы их делаем из *хифлена*, — ответил эльф. — Но тебе сейчас не время учиться канатному ремеслу. Если бы мы раньше заметили, что ты хочешь перенять наше искусство, мы бы охотно все тебе показали. Сейчас поздно — пользуйся дареным. Пусть наш подарок тебе верно послужит!

— Пора! — сказал Халдир. — Все готово. Садитесь в лодки! Только поначалу будьте осторожны.

— Не пренебрегайте советом! — сказали другие эльфы. — Наши лодки легкие, но верткие, не такие, как у других. Они не утонут, даже если вы их перегрузите, но они своенравны, к ним надо привыкнуть. Научитесь входить в них и сходить на берег вот тут, на мелком месте, а потом уж плывите.

* * *

Путники заняли места в лодках: в одной — Арагорн, Фродо и Сэм, в другой — Боромир с Мерри и Пипином, а в третьей — Леголас и Гимли, которые стали друзьями — водой не разольешь. В их лодку уложили больше всего мешков. К лодкам полагались короткие весла с широкими лопастями в форме листьев. Когда все расселись, Арагорн повел свою лодку сначала вверх по Серебринке, остальные — за ним. Сэм сидел на носу, вцепившись в борта, и с тоской смотрел на берег. Солнечная рябь слепила ему глаза. Лодки медленно проплыли вдоль зеленой косы, борясь с течением, затем к берегу подступили деревья, с которых слетали золотые листья, журчащий

поток нес их в Андуин. Ярко светило солнце. Где-то вдали звенели жаворонки, других голосов не было слышно. После одного из крутых поворотов реки они увидели, что навстречу им по течению гордо плывет огромный лебедь, изогнув длинную шею. Две волны расходились в стороны из-под приподнятых белоснежных крыльев, блестящий клюв отливал золотом, сверкали янтарные глаза с гагатовыми зрачками. Птица приблизилась, послышалась музыка, и вдруг они поняли, что это ладья, которую эльфы сделали похожей на лебедя, искусно вырезали и украсили. Два эльфа в белом гребли черными веслами.

В ладье сидел Келеборн, рядом с ним стояла стройная Галадриэль в белом платье и венке из золотых цветов. В руках у нее была арфа, и грустно и сладко звучал ее голос в свежем чистом воздухе:

Я пела о листьях золотых, и они золотыми росли.

Я пела о ветре, и он прилетал расчесывать ветви деревьев.

А там, за Солнцем и за Луной, за пеной морской вдали,

На берегах Ильмарина росло и цвело

Золотое Древо.

Длинными стали листья его в Эльдамаре зеленом

В сиянии вечновечерних звезд, за стенами Тириона.

Длинными стали ветви лет над Разлучающим Морем,

Где слезы эльфов и воды рек сливаются в горе.

О Лориэн! Подходит зима, День обнаженных ветвей.

Тихо падают листья в поток, Река их уносит с собой.

О Лориэн! Слишком долго жила я на этой стороне,

Вплетая золотой эланор в венок увядающий свой…

Но если бы мне пришлось запеть про серые корабли,

Какой из них приплыл бы за мной, увез меня с этой земли

На родину, в вечновечерний свет, что светит в дальней дали?..

Арагорн придержал лодку, когда она поравнялась с лебедем. Допев песню, Владычица обратилась к Отряду.

— Мы здесь, чтобы проститься с вами, — сказала она, — и пожелать удачи, дабы вы уехали с благословением нашего края!

— Вы были нашими гостями, — сказал Келеборн. — Но мы так и не сели за общую трапезу. Посему мы приглашаем вас на прощальный пир меж берегов двух рек, пока одна из них не унесла вас далеко от Лориэна.

Ладья-лебедь торжественно поплыла к причалу, и Отряд повернул лодки туда же. Так на зеленой траве у границ Игладила друзья сели за прощальную трапезу с галадримами.

Фродо мало ел и почти не пил. Он только любовался красотой Владычицы эльфов и слушал ее дивный голос. Она больше не казалась грозной и втайне наделенной гибельной властью. Но видя ее совсем рядом, Фродо вместе с тем чувствовал, что она далеко (так представлялись эльфы людям в более поздние времена, если им удавалось встретиться; так они представляются нам и сейчас). Она была живым видением того, что осталось на покинутом берегу неумолимого потока Времени.

* * *

Когда все поели и отдыхали на траве, Келеборн заговорил о предстоящем пути и, подняв руку, указал на дальние леса за рекой.

— Вы поплывете вниз по течению, — сказал он, — и скоро увидите, как леса кончаются, сменяясь безжизненной каменистой равниной; потом Андуин прорезает бесплодное взгорье и через много миль разбивается на два потока, омывая Тол Брандир, по вашему Рог-остров, и низвергается со страшным шумом и брызгами с утесов в низины Ниндальф, которые вы называете Хляби. Это и есть водопад Раурос. А Ниндальф — обширная топкая низина, река в ней петляет и делится на множество рукавов.

С запада из лесов Фангорна в Андуин течет река Энтов, устье которой тоже очень разветвлено. Она протекает по землям Рохана, в правобережье Великой реки. А на востоке за Андуином дальше тянется безлесное нагорье Эмин Муйл. Всегда воет в нем восточный ветер, потому что еще дальше лежат только Мертвые Топи и безлюдные степи до самых Черных Врат Мордора в горном проходе Кирит Горгор.

Боромиру и тем из вас, которые присоединятся

к нему и пойдут в Минас Тирит, лучше отойти от Великой реки до водопада Раурос и переправиться через Реку Энтов выше болот. Но не следует уходить далеко в верховья той реки. Также бойтесь заблудиться и пропасть в лесах Фангорна. Это чуждый край, малоизвестный и сейчас. Но наверное, такие воины, как Боромир и Арагорн, в моих предостережениях не нуждаются.

— Мы в Минас Тирите много слышали о Фангорне, — сказал Боромир. — Но я считал, что это сказки, которыми старые няньки пугают детей. Все, что находится к северу от Рохана, сейчас так далеко от нас, что есть где разгуляться воображению. Когда-то Фангорн примыкал к нашей границе, но уже много поколений выросло с тех пор, и никто из наших не ходил туда, чтобы подтвердить или опровергнуть давние легенды. Мне приходилось бывать в Рохане, но я никогда не добирался до его северных пределов. Когда меня послали в Райвендел, я выбрал дорогу через Роханский Проход между Белыми и Мглистыми горами, перешел через Исену и равнины за ней, пошел на север по реке Серой. Это было дальнее и трудное путешествие, я думаю, не меньше четырехсот гонов; я добирался несколько месяцев. В Тарбаде, у переправы через Серую, я потерял

коня. Но после такого путешествия и того, что мы прошли вместе с Отрядом, я не сомневаюсь, что мы найдем путь через Рохан, а если понадобится, то и через Фангорн.

— Тогда мне больше нечего добавить, — сказал Келеборн. — Однако не советую пренебрегать легендами, даже очень давними; ибо часто оказывается, что память старых нянек хранит сведения, которые пригодились бы даже Мудрым.

* * *

Галадриэль поднялась с мягкой травы, взяла из рук прислужницы чашу, наполнила ее белым медом и протянула Келеборну.

— Настал час выпить прощальную чашу, — сказала она. — Пей первым, владыка галадримов! Пусть не печалится твое сердце, хотя ночь всегда наступает после дня, и наш закат близок.

Потом она прошла с чашей по кругу, прося отпить и желая каждому счастливого пути. А когда все выпили, попросила их снова сесть на траву. Для нее самой и для Келеборна прислужницы принесли кресла и молча встали за ее спиной. Некоторое время она смотрела на гостей, затем заговорила снова.

— Мы выпили прощальную чашу, — сказала

она, — и между нами уже пала тень. Но прежде, чем вы уйдете, я хочу, чтобы вы приняли дары Владык галадримов в память о Лотлориэне. Я привезла их с собой.

И она обратилась к каждому по очереди.

— Вот дар Келеборна и Галадриэли предводителю Отряда Кольца, — сказала она Арагорну и протянула ему ножны, сделанные эльфами для его меча. Их украшал узор из золотых цветов и серебряных листьев, в который драгоценными камнями была вплетена надпись эльфийскими рунами: имя меча «Андрил» и его история.

— Клинок, вынимаемый из этих ножен, не заржавеет и не сломается, даже если его хозяин потерпит поражение, — сказала она. — Но не хочешь ли ты попросить меня еще о чем-нибудь, перед тем, как уйдешь? Ибо Тьма разделит нас, и мы можем больше не встретиться, или встретимся слишком далеко на дороге, с которой нет возврата.

И Арагорн ответил:

— Владычица, ты знаешь все мои желания. Ты сама долго берегла единственное сокровище, которое мне нужно. Это сокровище не принадлежит тебе, и даже если бы ты захотела, мою мечту ты мне отдать не сможешь. Путь к ней лежит

через Мрак.

— Тогда, может быть, вот это утешит твое сердце, — сказала Галадриэль. — Мне оставили его, чтобы передать тебе, если ты пройдешь через наш край. — Она взяла с колен и протянула ему большой зеленый камень чистейшей воды, вправленный в серебряную брошь в виде орла с распростертыми крыльями. Камень сверкнул, словно солнечный луч ударил в свежий весенний лист.

— Когда-то я сама дала этот камень своей дочери Келебриане, а она отдала его своей дочери. Теперь он переходит к тебе как символ надежды. Прими в этот час также имя, предсказанное тебе, Элессар, Камень Эльфов из Дома Элендила!

Арагорн взял камень и приколол брошь на грудь, и все, кто видел его в эту минуту, поразились: раньше они не замечали, как он высок и по-королевски величествен. Словно спал с его плеч многолетний груз тяжелых трудов.

— Благодарю тебя за дары, о Владычица Лориэна! — сказал он. — Ты дала жизнь Келебриане и Арвен, Вечерней Звезде, и это высшая похвала, лучшего я сказать не могу.

Владычица наклонила голову и обратилась к Боромиру. Ему она подарила золотой пояс; Мерри

и Пипин получили узкие серебряные пояса с золотыми пряжками в форме цветка; Леголасу достался лук, какими пользуются галадримы: больше и крепче лихолесских луков, с тетивой, сплетенной из волос эльфов. К нему был колчан, полный стрел.

— А для тебя, маленький садовник, любящий деревья, — сказала Галадриэль Сэму, — у меня совсем маленький подарок.

Она вложила ему в руку гладкую шкатулочку из серого дерева, украшенную единственной серебряной руной на крышке:

— Это «Г» — первая руна моего имени, — сказала она. — На твоем языке с нее начинается слово «Сад». В шкатулке — щепотка земли из моего сада с благословением, которое Галадриэль пока еще может дать. Она не поможет тебе идти, не защитит от опасности; но если ты сохранишь ее и когда-нибудь вернешься домой, может быть, она вознаградит тебя. Если вокруг все окажется разорено и заброшено, — разбросай там эту землю, и твой сад расцветет, как немногие сады в Среднеземье. И тогда пусть тебе вспомнится Галадриэль и далекий Лориэн, который ты видел в дни нашей зимы. Ибо наша весна и наше лето давно прошли, их цвет теперь — лишь память, а

земля этого больше не увидит.

Сэм залился краской, забормотал что-то невнятное, крепко сжал шкатулочку и поклонился Владычице, как умел.

— А что попросил бы у эльфов гном? — спросила Галадриэль, поворачиваясь к Гимли.

— Ничего, Владычица — ответил Гимли. — С меня довольно, что я видел Повелительницу галадримов и слышал ее ласковые речи.

— Эльфы, слушайте все! — воскликнула Галадриэль, обращаясь к окружающим. — Больше не говорите, что гномы жадны и неблагодарны! Но, Гимли сын Глоина, — продолжала она, — у тебя ведь, наверное, есть желание, которое я могла бы исполнить? Прошу тебя, назови его! Ты не можешь уйти отсюда единственным гостем без подарка!

— Мне ничего не надо, госпожа Галадриэль! — сказал Гимли, кланяясь. И, запинаясь, добавил: — Ничего, разве что… если ты разрешаешь попросить… я хотел сказать… прядь твоих волос! Они настолько красивее всякого земного золота, насколько звезды прекраснее выкопанных алмазов! Я недостоин такого дара и не прошу, я только назвал желание… как ты повелела…

Эльфы недоуменно зашептались. Келеборн

смотрел на гнома, не скрывая удивления, но Владычица улыбнулась и сказала:

— Говорят, что у гномов более искусны руки, чем языки. Но к гному Гимли это, наверное, не относится. Никто еще не обращался ко мне со столь дерзкой просьбой и при этом так учтиво. Как я могу ему отказать, если сама просила быть искренним? Но сначала скажи, что ты сделаешь с моим даром?

— Буду хранить как сокровище, Госпожа, — ответил он. — В память о словах, с которыми ты обратилась ко мне при первой нашей встрече. А если когда-нибудь вернусь в родные кузницы, заключу их в прозрачный кристалл, и будет это наследием моего дома и залогом вечного союза между народами гор и лесов.

И Владычица расплела одну из длинных кос, отрезала три золотых волоса и вложила их в руку гнома.

— Прими от меня также следующие слова. Это не предсказание, ибо любые предсказания сейчас бесполезны: с одной стороны на нас надвигается Тьма, а с другой — мы вооружены только надеждой. Но если надежде суждено сбыться, то я говорю тебе, Гимли сын Глоина, что руки твои будут утопать в золоте, но над тобой не будет

его власти.

— А к тебе, Несущий Кольцо, — сказала она, повернувшись к Фродо, — я обращаюсь после всех, хотя ты далеко не последний в моих мыслях. Вот что я приготовила для тебя.

Владычица высоко подняла маленький прозрачный флакончик. Он засверкал в ее руке, из него разошлись лучи белого света.

— В этом флаконе, — сказала она, — капля воды из эльфийского фонтана, в которой пойман луч вечерней звезды Эарендила. Чем темнее будет ночь вокруг тебя, тем ярче он засветится. Пусть он осветит тебе дорогу в темноте, когда погаснут все остальные огни! Помни Галадриэль и ее Зеркало!

Фродо взял флакон, и Владычица в его свете на мгновение показалась ему снова по-королевски величественной и необыкновенно прекрасной, но не грозной. Он поклонился, но не нашел слов для ответа.

* * *

Владычица поднялась, чтобы уйти, а Келеборн проводил их к причалу. Желтые лучи полдневного солнца золотили траву, серебрилась вода в реке. Наконец все было готово. Путешественники

заняли свои места в лодках. Лориэнские эльфы, крича слова прощания, длинными шестами оттолкнули их от берега, и журчащие волны плавно понесли их. Они сидели молча и не двигались. На зеленом берегу на самом конце косы так же молча и неподвижно стояла Владычица Галадриэль. Течение пронесло лодки мимо нее, друзья повернули головы и долго смотрели, как она отплывает, ибо так им казалось: не они уходят, а Лориэн удаляется, словно светлый корабль с мачтами из зачарованных деревьев плывет под золотыми парусами к забытым берегам, а они беспомощно качаются в серых лодках у границы серого безлистного мира.

Они еще смотрели назад, когда воды Серебринки растворились в Великой реке, и уже Андуин подхватил их лодки и понес к югу. Белая фигурка Галадриэли стала маленькой черточкой, и вдруг сверкнула, как окно на дальнем холме, когда в него ударяет луч заходящего солнца, или как светлое озерцо, если смотреть на него с высокой горы, и оно кажется алмазом в зелени. Тогда Фродо показалось, что она подняла руку в последнем прощании, и попутный ветер донес песню — очень далекую, но отчетливую.

Галадриэль пела на древнем языке заморских

эльфов, слов хоббит не понимал, а мелодия таила глубокую безнадежность, хотя была красива необыкновенно. И такая сила чар была в той песне, что она врезалась в память Фродо, и через много лет он даже перевел ее, как умел. Говорили, что получилось на манер эльфийских песен, то есть песен о вещах, мало понятных жителям Среднеземья.

Аи, лауриэ ланта ласси суринен!
Йени унотимэ вэ рамар альдарон!
Йени вэ линтэ йулдар ваниэр
Ми оромарди лиссэ-мируворэва
Андунэ пелла Вардо теллумар
Ну луини йассен тинтилар и элени
Омарьо аиретари-лиринэн.

Си ман и йулма нин энквантува?

Аи си Тинталле Варда Ойолоссэо
Вэ ваньяр марьят Элентари ортанэ,
Ар илиэ тиэр ундулавэ люмбулэ;
Ар синданориэлло каита морниэ
И фальмалиннар имбэ мет, ар хисиэ
Унтупа Калакирио мири оиалэ.

Си ванва на, Ромелло ванва, Валимар!

Намариэ! Наи хирувалиэ Валимар.
Наи элиэ хирува. Намариэ!

«Ах, как сыплется золото — ветер листья срывает. Невозможно года сосчитать: так бесчисленны крылья деревьев. Год за годом плывет: так стекает нектар; белый мед так течет под шатром небосвода, где на западе звезды дрожат в поющем голосе Варды[2] — чистый голос звенит, а года уплывают.

Кто мне чашу наполнит опять?

Варда, звезд королева, подняла свои руки белым облаком с Вечноснежной Горы. Все дороги покрылись туманом, а из серой земли поднимается Тьма, не видна Калакирия, и сокрыт блеск ее самоцветов!

О утрачен, утрачен навек Валимар для оставшихся здесь на востоке! Прощай!

Может быть, ты найдешь Валимар для себя, может быть, ты найдешь… О прощай!..»

Река неожиданно изогнулась, берега с обеих сторон поднялись, и свет Лориэна скрылся из глаз. Фродо больше никогда не видел эту дивную

---

[2] Сноски: 2
Варда — древнее имя той, кого эльфы-изгнанники называют Элберет.

землю.

Теперь лица путешественников были обращены вперед, навстречу солнцу, оно слепило глаза, и без того застланные слезами. Гимли плакал, не стесняясь.

— Я никогда больше не увижу ничего прекраснее, — говорил он своему спутнику Леголасу. — И ничто больше не назову прекрасным… только ее Дар. — Он положил руку на грудь. — Зачем я пошел в этот Поход, Леголас? Знал, что будет трудно, но не знал, где главная погибель! Правду говорил Элронд, нельзя предугадать, что встретится в пути!

Я боялся мучений во Тьме, но это меня не остановило. Если бы я знал, как опасны свет и радость, я бы никуда не пошел! При последнем прощании я получил такую глубокую рану, какую мне даже сам Черный Властелин нанести не сможет, если завтра придется идти в его логово. Горе Гимли сыну Глоина!

— Ты не то говоришь, — сказал Леголас. — Горе нам! Горе всем, кто топчет землю в дни, наступившие после счастья! Так устроен мир: каждый, чью лодку несет живой поток, обречен находить и терять. Но я не считаю тебя несчастным, Гимли сын Глоина. Ты благословен, ибо страдаешь по

своей воле. Ты потерял, но ведь сам сделал выбор, не бросил друзей, и в награду за это незапятнанная память о Лотлориэне останется в твоем сердце вечно яркой и чистой.

— Может быть, и останется, — сказал Гимли. — Я благодарен тебе за хорошие слова; ты, без сомнения, говоришь искренне, но не греет меня такое утешение! Сердцу нужна не память; она — лишь зеркало, даже если она чиста, как Келед-Зарам. Так говорит сердце гнома Гимли. Эльфы, наверное, по-другому видят мир. Я слыхал, что память у них больше похожа на живую жизнь, чем на сон. А у гномов не так.

Но хватит об этом! Посмотри на лодку: она очень низко сидит из-за перегруза, а течение в Андуине быстрое. Я совсем не хочу топить свое горе в холодной воде!

Он взял весло и направил лодку к западному берегу вслед за лодкой Арагорна, которая уже вырвалась из стремнины в более спокойный поток.

* * *

Так продолжал Отряд свой долгий путь, вниз по широкой Реке, все дальше на юг. По обоим берегам словно шагали голые деревья осыпавшихся лесов, заслоняя собой приречные земли.

Ветер стих, река текла беззвучно. Даже птиц не было слышно. К концу дня солнце потускнело, затянулось туманом и в бледном небе стало казаться большой белой жемчужиной. Потом оно скатилось к западу, наступили ранние сумерки, за ними — беззвездная ночь. Еще много тихих темных часов они провели на плаву, стараясь держаться ближе к западному берегу под нависающими ветками. Большие деревья проносились мимо них, как призраки, протягивали жадные корни из тумана к воде. Было холодно.

Мелкие волны шлепали, запутываясь в корнях и плавнях. Фродо сидел, прислушиваясь к слабым всплескам и бормотанью Реки, потом голова его опустилась на грудь, и он заснул неспокойным сном.

Глава девятая. Великая река

Разбудил хозяина Сэм. Фродо с удивлением обнаружил, что лежит, тепло укрытый, под высокими деревьями с серой корой в тихом лесу на западном берегу Великого Андуина. Очевидно, он проспал всю ночь: за обнаженными ветвями начинало светлеть хмурое небо. Неподалеку возился с костерком Гимли.

В дальнейший путь Отряд выступил рано утром, но без спешки. Успокаивала мысль, что окончательное решение о выборе пути можно отложить еще на несколько дней, сначала надо доплыть до острова Тол Брандир и водопада Раурос. И они вверили лодки Реке, не желая торопиться навстречу опасностям, которые ждали везде, куда ни сверни.

Арагорн согласился, что лучше поберечь силы, не уставать прежде времени, но настоял, чтобы вставать пораньше и плыть целый день до позднего вечера, ибо сердцем чувствовал, что время не ждет, и боялся, что Черный Властелин уже начал действовать, пока они отдыхали в Лориэне.

Однако Враг пока ничем не давал о себе знать. Два серых дня прошли спокойно.

Окружающий пейзаж понемногу менялся. На третий день леса поредели, потом совсем пропали. На левом, восточном, берегу до самого горизонта поднялись пологие холмы: бесформенные, бурые, иссохшие, словно опаленные огнем. В неприветливой пустыне не было ни одной зеленой травинки, ни одного даже сломанного дерева, ни одного крупного камня, который бы хоть как-то оживил ее.

Так они доплыли до Бурых Земель, простер-

шихся между южным Темнолесьем и хмурым нагорьем Эмин Муйл. Какое бедствие, война или вражье злое дело превратило эту местность в пустыню, даже Арагорн не знал.

На правом, западном, берегу деревья тоже не росли, но он был плоским и во многих местах зеленым от травы. Часто берег сплошной стеной заслоняли высокие густые камыши, тогда маленькие лодочки оказывались полностью в их шелестящей тени. Темные метелки тихо и печально качались на холодном ветру. Когда серо-зеленая стена прерывалась, Фродо видел долины, за ними — холмы, освещенные закатным солнцем, еще дальше — смутные контуры южных вершин Мглистого хребта.

Вокруг не было ни души, только мелкие птахи звонко свистели и щебетали в камышах. Их здесь было множество, но показывались они редко.

Пару раз путники слышали плеск лебединых крыльев и однажды, подняв головы, увидели вверху большую стаю.

— Лебеди! — воскликнул Сэм. — Большущие!

— Да, — подтвердил Арагорн. — Только черные.

— Вся эта земля такая большая, пустая и унылая, — сказал Фродо. — Я думал, что чем дальше

на юг, тем теплее и веселее, и надеялся, что зима скоро останется позади.

— Но мы еще не добрались до юга, — сказал Арагорн. — Здесь зима, и море далеко. Весна наступит внезапно, а пока еще снег может выпасть. В низовьях Андуина и на Взморье у залива Белфалас, наверное, уже тепло и весело, если Враг туда не добрался. А мы тут всего гонах в шестидесяти от южных границ твоего Хоббитшира, до настоящего юга сотни долгих миль. Там, куда ты сейчас смотришь, на юго-западе, находятся знаменитые равнины Рубежного Края, страны рохирримов-коневодов. Скоро мы доплывем до устья реки Светлой, северной границы Рохана, которая начинается в Фангорне и вливается в Андуин. Раньше все земли от Светлой реки до Белых гор принадлежали рохирримам. Эти земли плодородны, здесь прекрасные пастбища, равных им нигде больше нет. Но в наше страшное время все жители ушли с Великой Реки и редко приближаются к ее берегам. Андуин широк, но орчьи стрелы перелетают через него, а в последнее время, говорят, орки переплывают реку и угоняют у рохирримов стада и табуны.

Сэм беспокойно переводил взгляд с одного берега на другой. Когда к воде подступали деревья, он

боялся, что они скрывают вражьих соглядатаев и полны опасностей, а теперь он затосковал по ним. Ему казалось, что в открытых лодках на открытой воде Реки, ставшей границей войны, Отряд совсем беззащитен.

Еще пару дней они плыли прямо на юг, и ощущение опасности нарастало. Тревога охватила всех, и теперь они уже целый день налегали на весла. Берега скользили мимо. Вскоре Река расширилась. Слева потянулись длинные каменистые пляжи, стали попадаться мели, приходилось вести лодки осторожнее. Бурые Равнины на востоке превратились в суровое нагорье, над которым свистели холодные ветры, а правый берег стал холмистой равниной с высохшей травой и кочковатыми болотами.

Фродо дрожал от холода и вспоминал Лотлориэн, его поляны и родники, фонтан, ясное солнце и светлые ласковые дожди. В лодках беседы прекратились, давно не было слышно смеха. Каждый задумывался о своем.

Леголас летел мыслями на север, в березовую рощу под летними звездами; Гимли мысленно перебирал золото и драгоценности и прикидывал, из чего можно сделать оправу для дара Галадриэли; Мерри и Пипину передавалось беспокойство

Боромира, который то что-то бормотал, то грыз ногти, будто его мучили сомнения, то налегал на весла и подгребал к лодке Арагорна. Тогда Пипин, сидевший на носу, замечал, что он как-то странно смотрит на Фродо. Сэм думал о том, что лодки, конечно, не так опасны, как говорили в Хоббитшире, но зато ужасно неудобны, и в них можно помереть от безделья. Он сидел, скорчившись, с разнесчастным видом, глядел на ползущий мимо серый пейзаж и серую воду, окружавшую его со всех сторон, и скучал — весел ему не доверяли.

Под конец четвертого дня он, как обычно, изнывал от безделья, глядя на воду за кормой поверх голов Фродо и Арагорна, пригнувшихся на веслах. Его клонило в сон, и он мечтал почувствовать под пятками твердую землю. Вдруг что-то привлекло его внимание, безразличный до сих пор взгляд оживился. Но, по-видимому, то, что он заметил, ему показалось, потому что он начал тереть глаза, но больше ничего не увидел.

* * *

На ночь они причалили к маленькому островку возле западного берега. Сэм лег рядом с Фродо, завернулся в одеяло, но, похоже, спать не хотел.

— Мне сегодня смешной сон приснился, гос-

подин Фродо, — сказал он. — Часа за два до остановки. А может быть, и не сон. Смешно.

— Ну, и что тебе приснилось? — сказал Фродо, зная, что Сэм не успокоится, пока не выложит все до конца. — Выкладывай, а то я с самого Лотлориэна ни разу еще не смеялся.

— Так оно не в том смысле смешно, хозяин! Оно странно и в жизни не бывает. Но и не сон. Вот послушайте. Я видел бревно с глазами!

— Бревно так бревно, — сказал Фродо. — Их в Реке много. А про глаза не ври.

— Но я же видел! — сказал Сэм. — Эти глаза меня и удивили. Я из-за них и проснулся, если спал. Сначала это было бревно, плыло за лодкой Гимли в сумерках, я на него внимания не обращал; а потом оно будто за нами погналось. Это уже было странно, бревно — а догоняет, и тут я увидел глаза на бугорке у ближнего конца. Они светились. И вообще это было не бревно, потому что у него были лапы, как у лебедя, только большие, и оно их в воду то опустит, то вытащит, то опустит, то вытащит. Вот тогда я и стал тереть глаза, хотел точно убедиться, а потом закричать, если оно не исчезнет. И оно уже быстро плыло и почти до Гимли добралось. Но то ли оно своими фонарями заметило, как я пошевелился и на него смотрю, то

ли я в самом деле спал, а тут проснулся, но когда посмотрел опять — его уже не было. А потом мне показалось, что тень промелькнула у берега, но глаз я уже не видел. «Опять спишь, Сэм Гэмджи?» — сказал я себе, а потом поразмыслил, и теперь уже ни в чем не уверен. Что вы-то скажете, господин Фродо?

— Если бы я сам раньше не видел этих глаз, я бы сказал, что это было бревно и туман, а ты спал, Сэмми, — ответил Фродо. — Но эти глаза появляются не в первый раз. Я видел их давно, когда мы шли в Лориэн. В ту ночь кто-то с такими глазами лез на дерево, я заметил его с тэлана. Халдир его тоже видел. А помнишь, что говорили эльфы, которые разбили орчью банду?

— А, — сказал Сэм. — Вспомнил, я даже больше помню. Я не очень хорошо умею думать, но если сложить все это вместе и прибавить рассказы господина Бильбо, то я, пожалуй, соображу, как эту тварь зовут. Имя очень противное. Голлум, ага?

— Вот этого я последнее время сам боюсь, — сказал Фродо. — С той самой ночи на флете. Наверное, он околачивался в Мории и там напал на наш след. Я надеялся, что пока мы будем в Лориэне, он нас потеряет из виду; а эта жалкая тварь, видно, таилась в лесу у Серебринки, пока

не дождалась нашего отплытия!

— Похоже, так и было, — сказал Сэм. — Теперь надо быть настороже. А то в одну прекрасную ночь кто-нибудь почувствует его мерзкие лапы у себя на горле, если вообще успеет проснуться и почувствовать. Вот к этому я вел. Будить Долгоброда и остальных ночью сегодня уже незачем. Я посторожу. А высплюсь завтра, я ведь в лодке всего лишь багаж, можно сказать.

— Вполне можно, — сказал Фродо. — Я бы сказал, «багаж с глазами». Сторожи. Только обещай разбудить меня на смену, когда полночи отсидишь, если, конечно, раньше ничего не случится.

* * *

В самый темный час ночи Фродо вынырнул из глубокого сна.

— Мне очень стыдно вас будить, — сказал Сэм, тряся хозяина, — но вы сами сказали. Ничего тревожного не случилось. Вернее, я не заметил. Был какой-то всплеск, и вроде кто-то вздыхал перед тем, как я вас начал будить, но ночью возле воды всякие звуки бывают.

Сэм улегся, а Фродо завернулся в одеяло и сел, борясь со сном. Медленно проходили минуты,

складывались в часы, но ничего не происходило. Фродо чуть не поддался искушению снова лечь и заснуть, как вдруг к одной из зачаленных лодок подплыла темная, еле различимая тень. Из воды протянулась белесоватая рука и ухватилась за планшир. Два бледных глаза холодно засветились над водой, вперились в лодку, потом поднялись выше и уставились на островок, как раз на Фродо. Они были в нескольких локтях от него, и хоббит слышал, как темная тварь дышит, с присвистом втягивая воздух. Он встал, вытаскивая Жало из ножен, и ответил взглядом на взгляд. Глаза тут же погасли. Раздалось тихое шипение, всплеск — и кто-то темный, в воде действительно похожий на бревно, отплыл от берега в ночь. Арагорн зашевелился во сне, повернулся на бок, сел.

— Что случилось? — прошептал он, молниеносно оказываясь рядом с Фродо. — Мне во сне почудилось движение. Зачем ты вынул меч?

— Голлум, — ответил Фродо. — По-моему, он.

— А! — сказал Арагорн. — Значит, ты об этом мелком вредителе знаешь? Он шлепал за нами по всей Мории, и потом — до Нимродэли. Мы сели в лодки, а он улегся на бревно и греб за нами всеми четырьмя. Я пару раз ночью пробовал его схватить, но он хитрый, как лис, и скользкий, как

рыба. Я надеялся, что в большой реке он устанет, а он оказался прекрасным пловцом. Попробуем завтра грести быстрее, чтоб отстал. Ложись, спи, я посторожу до утра. Хотел бы я его поймать, он мог бы нам пригодиться. Но если не поймаем, лучше оторваться от него. Он очень опасен. И сам может кого-нибудь придушить в темноте, и врагов может навести на след.

* * *

В остаток ночи Голлум только раз или два мелькнул смутной тенью. После этого Отряд постоянно был настороже, но больше Голлума никто не видел. Если он и продолжал преследование, то был чрезвычайно осторожен. По настоянию Арагорна, всерьез налегли, наконец, на весла, и теперь подолгу гребли. Берега быстро проносились мимо, но по сторонам путники не смотрели, так как плыли, в основном, по ночам и в сумерках, а днем отдыхали, каждый раз с трудом находя укрытие на голом берегу.

Так, без особых происшествий, прошла неделя. Наступил седьмой день плавания.

Погода была по-прежнему серой, небо в сплошных тучах, но к ночи западная часть неба немного расчистилась, и в облаках прорезались озерца

желтоватого и зеленоватого света, в которых проплывал бледно мерцающий молодой месяц. Сэм поглядывал на него и морщил лоб.

На следующий день приречный пейзаж начал резко меняться. Оба берега поднялись и стали каменистыми. Пошли скалы с крутыми склонами, заросшими терновником и дикой сливой, в путанице сухих стеблей ползучих растений. За ними поднимались невысокие серые утесы с раскрошенными вершинами, а под утесами — обветренные гребни с вцепившимися в них кривыми елками. Это начиналось мрачное нагорье Эмин Муйл, южный пограничный бастион Дикого Края.

Над скалами на фоне бледного неба весь день кружились стаи черных птиц. На привале Арагорн с особым вниманием наблюдал за их полетом, прикидывая, какую пакость мог сделать Голлум, и не успели ли вести об их передвижении разнестись по этим пустынным местам. Вечером, когда на закате путники сворачивали лагерь и готовились плыть дальше, он вдруг заметил на большой высоте крупную птицу, она парила кругами, медленно направляясь с севера на юг.

— Что там, Леголас? — спросил он, показывая в небо. — Я не ошибся, это орел?

— Да, — сказал Леголас. — Орел на охоте. Интересно, к чему бы это? Далеко залетел он от своих гор.

— Пока совсем не стемнеет, дальше не поплывем, — сказал Арагорн.

* * *

Восьмая ночь пути была тихой, серый восточный ветер унялся. Тонкий месяц рано закатился вслед за солнцем, небо почти очистилось, на западе загорались звезды, и только на юге висели темные тучи с отсвечивающими краями.

— Пора! — сказал Арагорн. — За ночь сделаем еще один рывок. Мы подходим к неизвестному мне участку Реки. Отсюда до порогов Сарн Гебир я не плавал. Если не ошибаюсь, до них еще несколько миль, но опасные места могут начаться раньше — скалы, островки, перекаты..... Надо грести медленнее и плыть поосторожнее, чтобы ни на что не напороться.

Сэма, который все время находился на носу передней лодки, назначили впередсмотрящим. Он лежал на банке, уставившись в ночь. Звезды светили необыкновенно ярко, и поверхность Реки будто искрилась. Приближалась полночь, течение было быстрым, веслами они почти не

пользовались. Вдруг Сэм громко закричал. Впереди, всего в нескольких ярдах, выросла темная тень.

Судя по шуму, вода там бурлила. Течение понесло их влево, к восточному берегу, на открытую воду. Когда лодки пролетели мимо неожиданного препятствия, они увидели чуть не под бортом белую пену и острые камни, словно ряд зубов, в которые они чудом не врезались. На стремнине лодки сбились в кучу.

— Эй, Арагорн, это же сумасшествие! — крикнул Боромир, столкнувшись бортом с ведущей лодкой. — Ночью мы эти пороги не пройдем. А уж Каменные Кости ни одна лодка и днем не проскочит!

— Назад! — закричал Арагорн. — Поворачивайте! Выгребайте к берегу, пока можно! — И сам налег на весло, пытаясь удержать и повернуть лодку. — Я ошибся при подсчете расстояния, — сказал он Фродо. — Решил, что до порогов еще далеко. Андуин течет быстро, быстрее, чем я думал. Сарн Гебир уже рядом.

* * *

Путники с большим трудом удерживали лодки, медленно разворачивая их. Им удалось, наконец,

выгрести против течения, но Река все время прижимала лодки к восточному берегу, который поднимался в темноте сплошной черной громадой.

— Гребите! Изо всех сил гребите! — закричал Боромир. — Все на весла! А то налетим на отмель!

Он еще кричал, а Фродо уже почувствовал, что его лодка трется днищем о камень. В этот момент где-то близко зазвенела спущенная тетива, и над ними засвистели стрелы — некоторые попали в лодки. Одна ткнула Фродо между лопаток, и он, потеряв равновесие, упал вперед, выпустив весло, но кольчуга спружинила, и стрела отскочила. Другая проткнула капюшон Арагорна, третья вонзилась в планширь второй лодки, чуть не задев руку Мерри. Сэму показалось, что он видит черные тени, мечущиеся взад-вперед вдоль воды под утесами левого берега. Враги были совсем близко.

— Ирчи! — воскликнул Леголас на своем родном языке.

— Орки! — вскричал Гимли.

— Голлум подстроил, чтоб я пропал! — сказал Сэм Фродо. — И хорошенькое место! Андуин нас, кажется, прямо к ним в лапы притащил.

Они изо всех сил старались выгрести вперед, да-

же Сэм помогал, как умел, пригибаясь и каждую секунду ожидая, что его вот-вот ужалит черноперая стрела. Много их еще пролетело над головами и упало рядом в воду, но попаданий больше не было. Было темно, однако, не настолько, чтобы орки не могли прицелиться. Они отлично видят в темноте, да и звездный свет на Реку падал; не иначе, серые лориэнские плащи и серое дерево эльфийских лодок на этот раз спасли друзей от Мордорских лучников.

Медленно, гребок за гребком, они все-таки двигались. В темноте они, правда, даже в этом не были уверены, но хватка стремнины постепенно слабела, а тень восточного берега, отдаляясь, сливалась с темнотой. Наконец, они выгребли на середину и некоторое время плыли по самому глубокому месту, где камни не торчали из-под воды. Потом из последних сил сделали резкий рывок к западному берегу. И там, под нависавшим над водой кустарником, остановились перевести дух.

Леголас положил весло и взял лук. Потом выпрыгнул из лодки на берег, взобрался на скалу, натянул тетиву и стал всматриваться в темноту за Рекой. Оттуда неслись резкие крики, но ничего не было видно.

Фродо смотрел на высокий силуэт эльфа, стоявшего над ним на камне. Вокруг его головы, как венец, блестели яркие белые звезды в черном озере неба. С юга наплывали большие тучи, высылая вперед, как разведчиков, облака помельче, и звезды под ними тускнели. Внезапно все, как один, ощутили страх.

— *А Элберет! Гилтониэль!* — выдохнул Леголас, поднимая взгляд.

Не успел он это произнести, как из черноты, с юга, в небе появился сгусток тени, похожий на облако, но не облако, потому что он двигался гораздо быстрее. Вскоре они разглядели огромное крылатое существо, черное, как черная дыра. Там, где оно пролетало, звезды гасли. Орки на там берегу яростными воплями приветствовали того, кто летит.

Фродо пронизал мертвящий холод, сдавил сердце, как тогда, когда он упал с вражьим клинком в плече. Он скорчился на земле, словно хотел спрятаться.

Коротко пропела тетива лориэнского лука, со свистом посылая в небо эльфийскую стрелу. Фродо поднял глаза. Крылатая тень над ним дернулась, свернула, издала резкий каркающий крик и пропала за рекой, словно выпала из неба.

На восточном берегу поднялся многоголосый вой, потом крики и проклятия стали удаляться и стихли.

Больше они не слышали ни голосов, ни свиста стрел.

* * *

Арагорн переждал некоторое время и снова вывел лодки в Андуин. Они поплыли против течения возле самого берега, почти наощупь, пока не нашли узкий мелкий заливчик. У самой воды росло несколько деревьев, рядом поднимались почти отвесные скалы. Здесь Арагорн решил остаться ждать рассвета: двигаться дальше ночью было бессмысленно. Лагеря они не разбивали и костра не жгли, а отдыхать легли, съежившись на дне зачаленных борт к борту лодок.

— Хвала луку Галадриэли, твердой руке и верному глазу Леголаса! — сказал Гимли, жуя кусок лембаса. — Сильнейший выстрел в темноте, друг!

— Кто-нибудь понял, во что я попал? — спросил Леголас.

— Я не понял, — сказал Гимли. — Но очень рад, что тень до нас не долетела. Мне стало не по себе. Оно мне напомнило Морийскую Тень… — он

перешел на шепот: — Балрога.

— Это не балрог, — сказал Фродо, продолжая дрожать от холода, пронизавшего его до костей. — Это холоднее. Я думаю, это… — и он вдруг замолчал.

— Что ты думаешь? — быстро спросил Боромир, перегибаясь через борт лодки и пытаясь заглянуть Фродо в лицо.

— Я думаю… Нет, не скажу, — ответил Фродо — Что бы это ни было, когда он упал, наши враги испугались.

— Похоже на то, — сказал Арагорн. — Но мы все равно не знаем ни сколько их, ни где они, ни что замышляют. В эту ночь нам спать нельзя. Сейчас нас скрывает темнота. Но неизвестно, что будет завтра, когда рассветет. Держите оружие наготове.

* * *

Сэм сидел, глядя в небо, шевелил губами и что-то высчитывал, отбивая пальцами счет на рукояти меча.

— Странно! — негромко сказал он наконец. — Месяц ведь один и тот же над Хоббитширом и здесь. Но он или заблудился, или мне всю арифметику спутал. Помните, хозяин, когда мы спали

на флете на том дереве, месяц убывал? По моим подсчетам, тогда как раз пошла вторая неделя после полнолуния. Вчера вечером закончилась неделя нашего плавания по реке, а он — смотрите, пожалуйста! — снова встает тоненький, как обрезанный ноготь, будто мы у эльфов ни дня не пробыли! Но уж три-то ночлега в Лориэне я точно помню; мне даже кажется, их было больше, хотя могу поклясться, что целого месяца не было. Конечно, мы у них гостили меньше месяца. Там что, время не движется?

— Может быть, и вправду так, — произнес Фродо. — Может, в том краю мы попали в такое время, которое в других местах в мире давно прошло. И только когда Серебринка понесла нас в Андуин, мы оказались в потоке времени, плывущем через земли смертных к Великому Морю. Я не помню ни молодого, ни старого месяца над Карс Галадоном, я просто видел ночью звезды, а днем солнце.

Леголас пошевелился в лодке.

— Нет, время нигде не замедляет бега, — сказал он. — Перемены происходят по-разному. Просто там все растет и меняется не так, как здесь. Для эльфов мир тоже движется, одновременно очень быстро и очень медленно. Быстро, потому что

сами эльфы меняются мало, а все вокруг пролетает быстро, и от этого эльфы грустят. Медленно, потому что эльфы не считают проходящих лет, во всяком случае, не считают годы своей жизни. Наступающие друг за другом времена года для них не больше, чем вечное повторение волн в бесконечно длинном потоке. Но ведь все под солнцем когда-нибудь должно избыть себя и кончиться…

— В Лориэне все-таки перемены происходят очень медленно, — сказал Фродо. — Над этой страной властвует Галадриэль. В Карс Галадоне каждый час богат, хотя кажется кратким, — время наполняет смыслом владелица эльфийского Кольца…

— Об этом вне Лориэна нельзя говорить даже со мной! — сказал Арагорн. — Помни и молчи! Ну, а ты, Сэм, в той стране потерял счет времени. Время там быстро проплывало мимо нас, как оно проплывает мимо эльфов. Старый месяц съежился, новый вырос и в свой черед уменьшился, пока мы там отсиживались. Вчера вечером снова народился новый месяц. Зима кончается. Время идет к весне, и эта весна несет мало надежд.

* * *

Медленно тянулась ночь. Было тихо. Голосов из-за Реки больше не было слышно. Путники в лодках чувствовали, как меняется погода. Воздух теплел. Тяжелые тучи приползли с дальних южных морей. В безветренной тишине гул порогов и удары волн о камни казались громче и ближе. Когда лодки проплывали под ветками растущих у воды деревьев, с них скатывались крупные капли.

Начинался рассвет, туманный и печальный. Медленно пробилось сквозь мглу бледное утро, потом сменилось неясным днем без теней. На Реке лежал туман, его белые полосы висели над берегом, которого с воды не было видно.

— Терпеть не могу туман, — сказал Сэм. — Но этот нам на руку. Мы, наверное, теперь сможем пробраться так, что проклятые гоблины нас не заметят.

— Может быть, — сказал Арагорн. — Но если он не поднимется, нам будет очень трудно найти тропу. А без тропы мы не обойдем Сарн Гебир и не выйдем к нагорью Эмин Муйл.

— Не вижу необходимости проходить Каменные Кости, — сказал Боромир. — И от Андуина

уже можно отойти. Если впереди Эмин Муйл, пора бросить эти утлые скорлупки и пойти на юго-запад, к реке Энтов, там переправиться — и в мою страну!

— Это если мы направимся в Минас Тирит, — сказал Арагорн. — Но мы еще не пришли к согласию. И путь туда может оказаться опаснее, чем мы думаем. Долина реки Энтов заболочена, троп там мало, туман может стать гибельным для пешеходов с тяжелой поклажей. Я бы не бросал лодки без крайней нужды. Во всяком случае, Великая река — это путь, с которого не собьешься.

— Но восточный берег в руках Врага, — возразил Боромир. — Если даже ты пройдешь Врата Королей и благополучно доберешься до Рог-Острова, что дальше? Спрыгнешь с водопада прямо в болота?

— Нет! — ответил Арагорн. — Есть старинный волок к подножию водопада, а потом можно снова пойти по воде. Ты разве не знаешь, Боромир, или решил нарочно забыть Северные Ступени и Трон Королей на Амон Хене, вырубленный нуменорцами? Я по крайней мере хочу еще раз постоять на том высоком месте, прежде чем решать, что делать дальше. Может быть, мы там увидим знак, который подскажет решение.

Боромир долго протестовал, но когда стало ясно, что Фродо собирается следовать за Арагорном, куда бы тот ни пошел, гондорец сдался.

— Люди из Минас Тирита не бросают друзей, когда им нужна помощь, — сказал он. — А если вы пойдете к Рог-острову, вам понадобится моя сила. Но дальше Тол Брандира я не сделаю ни шагу. Поверну домой — один, если своей помощью не заслужил вашей дружбы.

* * *

В середине дня, как только туман немного поднялся, было решено послать вперед по берегу Арагорна с Леголасом. Остальные ждали их у лодок. Арагорн надеялся найти путь, по которому можно было бы перенести лодки и груз до более спокойных вод за порогами.

— Может быть, лодки эльфов и непотопляемые, — сказал он, — но это не значит, что мы в них переберемся через Сарн Гебир и останемся живы. Это еще никому не удавалось. Гондорцы здесь дорог не строили, потому что в самые лучшие времена их владения доходили только до нагорья Эмин Муйл. Где-то на западном берегу должен быть волок, но я точно не знаю, где. Не может быть, чтобы тропа полностью исчезла,

потому что всего несколько лет тому назад, пока орки из Мордора не начали множиться, через эти места шел путь из Темнолесья в Осгилиат, и северяне проходили его на легких лодках.

— Я почти не помню, чтобы лодки приплывали к нам с севера. А по восточному берегу рыщут орки, — сказал Боромир. — Если мы продолжим путь, опасность будет возрастать с каждой милей, тропа от нее не спасет.

— Опасность велика на всех южных дорогах, — ответил Арагорн. — Ждите нас ровно сутки. Если за это время мы не вернемся, значит, случилась беда. Тогда выбирайте нового вожака и подчиняйтесь ему во всем.

С тяжелым сердцем Фродо смотрел, как Арагорн и Леголас взбираются на крутой берег и исчезают в тумане. Но опасался он напрасно. Прошло всего два или три часа и настал полдень, когда из тумана выступили знакомые силуэты разведчиков.

— Все хорошо, — сказал Арагорн, спустившись к Отряду. — Волок есть, ведет к причалу, который еще неплохо сохранился. Пройти предстоит немного: с полмили до порогов и чуть больше мили вдоль них. А там Река успокаивается, хотя течет по-прежнему быстро. Но придется доставить лодки и багаж к началу старого волока. Мы

его нашли под горой, около фарлонга отсюда, в стороне от воды, а новый северный причал мы, наверное, вчера вечером проскочили, и возвращаться к нему в тумане смысла нет. Поспешим к старому. Трудно будет.

— Даже будь мы все людьми, пришлось бы нелегко, — сказал Боромир.

— Уж какие есть. Надо, — значит, понесем! — сказал Арагорн.

— Конечно, понесем, — сказал Гимли. — У вас, огромин, ноги устанут на такой дороге, где гном легко потащит груз вдвое тяжелее, чем он сам. Так-то, достойный Боромир!

* * *

Задача оказалась в самом деле трудной, но в конце концов они с ней справились. Груз вынули из лодок и отнесли на ровную площадку на высоком берегу. Потом подняли туда же лодки. Они оказались гораздо легче, чем можно было подумать. Какое дерево послужило эльфам материалом для них, даже Леголас не знал, но древесина была твердой и удивительно легкой. По ровному месту такую лодку могли бы нести вдвоем Мерри с Пипином, но через камни на подъеме даже силы двух человек едва хватило.

Почти сразу от Реки началась крутизна, беспорядочное нагромождение серых известняков с родниками и трещинами, скрытыми под кустарником и стеблями ползучих растений.

Арагорн и Боромир перетащили к волоку одну за другой все три лодки, остальные с трудом доставили туда же весь багаж. По волоку лодки толкали и тащили все вместе. Мелкие препятствия, камни и кусты, правда, иногда задерживали, но их удавалось убрать или обойти. Туман еще висел лохмотьями возле скал и местами прикрывал Реку. Они слышали, как она пенится и грохочет слева от них, обтачивая Каменные Кости, но сверху порогов не видели. Волок им пришлось пройти дважды, и вот уже все в целости доставлено к воде. Южный причал представлял собой всего лишь пологий спуск в мелкую бухточку, вымытую Рекой под скалами. Дальше по берегу пути не было, скалы поднимались отвесно.

Из-за тумана день показался короче; когда путники, наконец, сели у воды, начинались сумерки. Рев порогов был слышен, но стал глуше. Все устали, на сердце лежала тяжесть, и настроение было не светлее, чем умирающий серый день.

— Ну вот, сюда мы добрались, — сказал Боромир. — Здесь переночуем. Всем надо выспаться.

Даже если бы Арагорн отважился проходить Ворота Аргонатов ночью, у нас на это уже жил не хватит, за исключением, разве что, силача-гнома, а, Гимли?

Гимли не ответил, потому что сидя спал.

— Надо использовать каждую минуту отдыха, — сказал Арагорн. — Завтра плыть придется днем. Если погода не изменится и нас не подведет, мы, возможно, сумеем проскочить так, чтобы с того берега не заметили. А ночью давайте сторожить по двое: час на посту, три часа спать.

* * *

Ночью никаких неприятностей не было, если не считать небольшого дождя за час до рассвета. Как только совсем рассвело, поплыли дальше. Туман редел. Путники старались держаться поближе к западному берегу, где над водой все выше поднималась темная стена скал.

К середине дня серый полог туч опустился совсем низко, и пошел сильный дождь. Чтобы лодки не залило, путники натянули на них кожаные фартуки и продолжали плыть. Сквозь серую завесу дождя и тумана ничего не было видно.

Дождь, однако, скоро кончился. Небо постепенно посветлело, и вдруг тучи прорвались, и ветер

быстро унес их рваные лохмотья на север. Туман тоже развеялся.

Река текла в широком ущелье с почти отвесными стенами, на карнизах которых цеплялись за жизнь редкие кривые деревья, вероятно, проросшие из занесенных ветром семян. Ущелье становилось все уже, а течение быстрее. Вот уже скалы так стеснили Реку, что при любой попытке повернуть, причалить к берегу, можно было только разбиться. Над ними было бледное небо, вокруг — темная вода, по бокам — почти черные скалы Эмин Муйл без единого просвета.

Фродо сидел, не шевелясь, смотрел вперед.

Вскоре там показались две могучие скалы, два огромных столба на страже потока. Между ними открылась узкая щель, в которую с ревом устремлялась Река.

— Смотрите вперед! — закричал Арагорн. — Это Аргонаты, Врата Королей! Мы их пройдем! Держать лодки на расстоянии, но в одну линию! Плыть точно посредине!

Когда Река проносила Фродо мимо каменных колоссов, он сначала увидел огромные грозные скалы. Потом рассмотрел, что камни сохранили следы обработки и форму, приданную им древними мастерами. Серые и угрожающе-вели-

чественные, на мощных основаниях, в которые били тяжелые волны, стояли Каменные Короли в растрескавшихся шлемах-коронах и хмуро смотрели на север стертыми временем глазницами. Солнце, дожди и ветра бесчисленных лет не сумели уничтожить в них древнего величия и, вероятно, похожести. Их левые руки были предостерегающе подняты, правые — держали боевые топоры.

Великую силу и власть излучали они, безмолвные стражи давно сгинувшего королевства.

Фродо стало жутко, он сполз с банки и закрыл глаза, страшась смотреть, как приближаются, заслоняя небо, Аргонаты. Даже Боромир наклонил голову, когда хрупкие лодчонки, словно сорванные листочки, проносило в мрачной тени нуменорских часовых.

Так они оказались в Воротах.

В немыслимую высоту уходили мрачные утесы. Дневной свет почти не достигал их подножий. Черная вода ревела и грохотала, ветер свистел в ушах. Фродо, стоя на коленях в лодке, слышал, как рядом стонет и причитает Сэм:

— Страх какой! Жуткое место!.. Никогда… ни за что не сяду больше в лодку!.. И к реке не подойду… только бы выбраться… Ой!

— Не бойтесь! — вдруг прозвучал над ними голос, который они сразу не узнали.

Фродо повернулся и увидел Долгоброда. Но это был уже не Долгоброд. Вместо потрепанного бурями жизни скитальца на корме гордо и прямо сидел Арагорн сын Араторна и ловкими ударами весла уверенно вел лодку к цели. Его капюшон был откинут, темные волосы развевал ветер, глаза сияли: это был король, возвращавшийся из изгнания в свою страну.

— Не бойтесь! — повторил он, и его голос не заглушила Река. — Я долго мечтал увидеть изваяния своих предков — Исилдура и Анариона. Под их защитой нечего бояться Камню Эльфов Элессару сыну Араторна из дома Валандила сына Исилдура наследника Элендила!

Но блеск в его глазах погас, когда он тихо добавил, обращаясь только к себе:

— Если бы здесь был Гэндальв! Сердце мое рвется в Минас Анор, к стенам моей столицы! А куда я теперь пойду?

Скалы еще сдвинулись, стало совсем темно, свист ветра, грохот воды и эхо в скалах слились в один оглушительный рев. Длинное ущелье слегка изгибалось, поворачивая к западу, так что Фродо сначала видел перед собой только мрак. Но

вот впереди появился свет, скалы расступились — и вырвавшийся из заточения поток вынес лодки на широкую воду в ясный день.

* * *

Низкое предвечернее солнце, скользя по ветреному небу, освещало большое и спокойное овальное озеро Нэн Итоэль. На его суровых скалистых берегах росли деревья, но листья с них сорвали зимние ветра, и голая кора холодно блестела на солнце. В дальней, южной части озера из воды поднимались три горы. Средняя стояла отдельно, как бы выдвинувшись вперед, и Река обнимала ее двумя светлыми рукавами. Поверхность воды искрилась и отражала небо. Издалека доносился приглушенный расстоянием гром и рокот.

— Смотрите! Это Рог-остров, Тол Брандир! — сказал Арагорн указывая на самую высокую гору. — Слева от него Амон Лоух, а справа — Амон-Хен, или Гора-Ухо и Гора-Глаз. В дни великих королей там стояли сторожевые кресла и была постоянная стража. Но говорят, что камней Тол Брандира не касалась ничья нога, ни человека, ни зверя. Мы подплывем к ним, когда начнет темнеть. Дальше — водопад Раурос. Это его голос.

Пока медленное течение сносило лодки к середине озера, путники немного отдохнули и поели. Затем снова налегли на весла и поспешили вперед. Тем временем скалы западного берега стали почти черными, а солнце над горизонтом побагровело. Небо проткнули несколько бледных звездочек. Все громче ревел водопад Раурос. Когда путники, наконец, приплыли к трем горам, на озеро спустилась ночь.

Так закончился десятый день пути по Реке. Дикий Край остался позади. Дальше прямого пути не было, предстоял выбор — свернуть на запад или на восток. Приближался последний этап Похода.

Глава десятая. Отряд распадается

Арагорн повел лодки в правую протоку, и Тол Брандир остался слева. По правому западному берегу от самой воды до подножия Горы-Глаза зеленел луг. За ним полого поднимался поросший деревьями склон, и отдельные деревья словно шагали вдоль берега в некотором отдалении. С горы сбегал ручеек.

— Переночуем здесь, — сказал Арагорн. — Это луговина Парт Гален. Летом она изумительно

красива. Место хорошее, будем надеяться, что Зло сюда еще не проникло.

Они вытащили лодки на зеленый берег и разбили лагерь. Выставили часового, но враги не появлялись, и ничто не нарушало покоя. Если Голлум ухитрился продолжать преследование, то не иначе, как став невидимкой. Но чем ближе к утру, тем беспокойнее спал Арагорн. Перед рассветом он совсем проснулся, встал и подошел к Фродо, чья стража еще не кончилась.

— Ты почему так рано? — спросил Фродо. — Еще не твой черед.

— Не знаю, — ответил Арагорн. — Я во сне видел Тень, почувствовал угрозу, она росла. Вынь-ка свой меч!

— Зачем? — спросил Фродо. — Разве враги рядом?

— Посмотрим, что покажет Жало, — ответил Арагорн.

Фродо вынул эльфийский меч из ножен. К его великому огорчению, клинок слегка светился по краям.

— Орки! — проговорил он. — Не очень близко, но, кажется, и не далеко.

— Этого я боялся, — сказал Арагорн. — Впрочем, они могут быть на другом берегу. Меч светится

слабо, это может означать, что шпионы пробрались на склон Амон Лоуха, и только. До сих пор я не слышал, чтобы они забирались на Амон Хен. Но кто знает, что может случиться сейчас, в черные дни, когда Минас Тирит перестал быть хозяином Андуина. Завтра придется идти осторожнее.

* * *

Утренняя заря охватила пожаром полнеба. На востоке над самой землей полосами дыма лежали тяжелые черные тучи, подсвеченные тускло-багровым пламенем солнца. Потом солнце поднялось в чистое небо и позолотило верхушку Тол Брандира. Фродо с удивлением смотрел на высоченный каменный остров за протокой, отвесной стеной поднявшийся из воды. Там, где стена переходила в крутые ступени, на большой высоте друг над другом росли редкие деревья, словно взбирались вверх, а недоступный каменный шпиль на самом верху был совершенно гладким и бесплодным. Вокруг него кружило множество птиц, но никаких признаков других обитателей не было.

После завтрака Арагорн собрал Отряд.

— Вот и пришел день, — сказал он, — когда

больше нельзя откладывать выбор пути. Мы долго шли вместе — пора решать дальнейшую судьбу Отряда. Пойдем ли мы к западу с Боромиром воевать за Гондор, или на восток — навстречу страху и Тьме, или разойдемся, и каждый выберет свой путь? Что бы мы ни решили, это надо делать немедленно. Здесь не следует долго стоять. Мы знаем, что враги на восточном берегу, но я боюсь, что орки могут уже быть и на западном.

Все молчали в ответ. Никто не двигался.

— Ну что же, Фродо, — произнес, наконец, Арагорн. — По-видимому, это бремя ляжет на тебя. Совет назначил тебя Носителем Кольца, и свой путь ты должен выбрать сам. В этом деле у меня нет права давать тебе советы. Я не Гэндальв, и хотя старался его заменить, увы! — не знаю, каковы были его дальнейшие планы, если они вообще были. Вероятнее всего, сейчас он тоже предоставил бы выбор тебе, это твой долг и твоя судьба.

Фродо ответил не сразу и заговорил медленно.

— Я понимаю, что время не ждет, но не могу сделать выбор. Ноша слишком тяжела. Дай мне еще час, и тогда я скажу. Мне надо побыть одному.

Арагорн посмотрел на него сочувственно.

— Хорошо, Фродо сын Дрого, — сказал он. — Я даю тебе час, побудь один. Мы пока останемся

здесь. Далеко не отходи, чтобы можно было тебя позвать!

Фродо немного помедлил, опустив голову. Сэм, следивший за ним с большой тревогой, покачал головой и пробормотал:

— Все тут ясно, как белый день, только Сэму Гэмджи в такие дела нечего соваться!

Наконец, Фродо встал и ушел, а Сэм заметил, что все нарочно отвернулись, чтобы не встречаться взглядом с его хозяином, и только Боромир пристально смотрел ему вслед, пока хоббит не скрылся за деревьями у подножия Амон Хена.

* * *

Сначала Фродо бродил по лесу без всякой цели, потом вдруг заметил, что ноги несут его к горе. Он оказался на давно заброшенной тропе. На крутых участках были каменные ступени, но они стерлись и во многих местах раскололись, сквозь них даже деревья проросли. Некоторое время Фродо шел по тропе вверх, не отдавая себе отчета, куда идет, пока не оказался на заросшей травой площадке с рябинами по краям. В середине площадки лежал большой плоский валун. У восточного края рябины расступались, и площадку заливал свет утреннего солнца. Фродо

остановился и посмотрел на Реку, которая текла далеко внизу, на неприступный остров Тол Брандир и птиц, носящихся между ним и островом. Был отчетливо слышен грохот и рев водопада.

Хоббит сел на камень и подпер подбородок ладонями. Он продолжал смотреть на восток, но глазами почти ничего не видел. А перед его внутренним взором одно за другим являлись события, происходившие после ухода Бильбо из Хоббитшира, и он пытался вспомнить все, что говорил Гэндальв. Время шло, а решение не приходило…

Вдруг он очнулся от мыслей, почувствовав неприязненный взгляд в спину. Чувство было для хоббита новым и странным. Рядом чужой. Фродо вскочил и, оглянувшись, с изумлением увидел Боромира. Гондорец улыбался, улыбка была приветливой.

— Я за тебя боялся, Фродо, — сказал он, подходя. — Если Арагорн прав и орки близко, то одному в лес уходить опасно, а тебе особенно: от тебя так много зависит. У меня на сердце тоже тяжело. Можно мне побыть с тобой, раз уж мы встретились? Поговорим, мне станет спокойнее. Когда нас слишком много, любая речь рождает спор. Вдвоем мы можем прийти к мудрому решению.

— Ты очень добр, Боромир, — ответил Фро-

до. — Но мне, наверное, ничьи слова не помогут. Потому что я знаю, что мне делать, — и боюсь, Боромир. Мне страшно.

Боромир стоял молча. Грохотал Раурос, в ветвях шумел ветер. Фродо вдруг задрожал. Боромир подошел к нему ближе и сел рядом.

— Ты уверен, что твои мучения не напрасны? — спросил он. — Я хочу тебе помочь. В таком трудном деле нужна помощь. Не отвергай моего совета, Фродо!

— Я, кажется, угадал твой совет, Боромир, — сказал Фродо. — Он, вроде бы, мудрый, но сердце меня предупреждает…

— Предупреждает? О чем? — резко спросил Боромир.

— О том, что нельзя медлить. О том, что самый легкий путь — не самый правильный. О том, что я не могу бросить свою ношу. И еще… — ладно, скажу все! — о том, что нельзя слепо верить в силу и надежность людей.

— Но эта сила долго охраняла тебя и твою маленькую страну издали, а ты об этом даже не знал!

— Я не сомневаюсь, что твой народ храбр. Но мир меняется. Стены Минас Тирита, наверное, крепки, но они могут не выдержать. Что будет,

если они падут?

— Мы погибнем в бою героями. Но пока еще есть надежда на то, что они выстоят!

— Нет такой надежды, пока Кольцо не уничтожено, — сказал Фродо.

— А! Кольцо! — воскликнул Боромир, и глаза его загорелись. — Кольцо. Не странно ли, что мы столько мучаемся и боимся, и сомневаемся из-за пустяка? Из-за маленького колечка? А я его даже рассмотреть не успел в Доме Элронда. Можно еще раз взглянуть?

Фродо поднял голову и вдруг почувствовал холод в сердце. Глаза Боромира странно сверкнули, хотя лицо оставалось добрым и дружелюбным.

— Лучше его не вынимать, — ответил хоббит.

— Как хочешь, — сказал Боромир. — Обойдусь. Но говорить о нем можно? Ты, верно, думаешь только о его страшной силе в руках Врага: об использовании его во зло, а не на благо. Говоришь, мир меняется. Минас Тирит падет, если Кольцо не уничтожить. Но почему? Конечно, если Кольцом завладеет Враг, так случится. А если оно будет у нас, почему тогда?

— Разве ты не был на Совете? — сказал Фродо. — Потому что нам Кольцо использовать нельзя, потому что все, что сделано с его помощью, обо-

рачивается злодейством.

Боромир встал и зашагал по площадке.

— Значит, ты пойдешь дальше! — вскричал он. — Это они тебя научили: Гэндальв, Элронд и все остальные. Со своей стороны, может быть, они правы. Все эти эльфы, полуэльфы, маги, наверное, в самом деле плохо кончат. Хотя я начинаю сомневаться в их мудрости, — может быть, они просто робкие?.. Но каждый судит по себе. Истинно надежного не совратишь. Мы, люди из Минас Тирита, закалились за долгие годы испытаний. Нам не нужны магия и власть магов. Только сила нам нужна для защиты, сила в справедливом деле. И вот чудо — когда у нас беда, случай выносит на свет Кольцо Всевластья. Это же Дар! Дар судьбы противникам Мордора. Безумие — не использовать его, не поразить Врага его же оружием. Победы добьется лишь бесстрашный и беспощадный. Представь, что мог бы сделать в такой час настоящий воин, великий вождь! Что мог бы сделать Арагорн! А если он откажется, почему не Боромир?.. Кольцо дало бы мне великую силу повелевать! Как я гнал бы Мордорские армии! Как стекались бы люди под мои знамена!..

Боромир шагал и говорил все громче. Казалось,

он забыл про Фродо, разглагольствуя о стенах, об оружии и смотрах войск; строил планы крепких союзов и великих будущих побед. Он уже сразил Мордор, стал могущественным Королем, великодушным и мудрым…

Вдруг он остановился и взмахнул рукой.

— А они собираются выбросить Кольцо! — воскликнул он. — Я сказал не «уничтожить», а именно «выбросить». Уничтожить было бы хорошо, если бы на это оставалась хоть искра надежды. Здравый рассудок ее не видит. Единственный план — послать в Мордор полуростка — вслепую — и пусть Враг спокойно берет Его себе. Это ли не безрассудство? Ты ведь все понимаешь, друг? — сказал он, внезапно обращаясь снова к Фродо. — Говоришь, что тебе страшно. В твоем положении храбрейший тебя простит. Но, может быть, в тебе заговорил здравый смысл?

— Нет, я именно боюсь, — сказал Фродо. — Просто боюсь. Но я рад, что услышал все, что ты думаешь. Ты помог мне прогнать последние сомнения.

— Ты пойдешь в Минас Тирит?! — воскликнул Боромир, просияв.

— Ты меня не понял, — сказал Фродо.

— Но ты зайдешь туда хоть ненадолго? — на-

стаивал Боромир. — Мой город совсем рядом, и оттуда до Мордора немногим дальше, чем от этого острова. Мы долго шли по безлюдью. Не мешало бы узнать последние новости про Врага, прежде чем делать следующий шаг. Идем со мной, Фродо, — продолжал он, дружеским жестом кладя руку на плечо хоббита. — Тебе надо отдохнуть перед опасным предприятием, раз уж ты считаешь, что должен идти.

Фродо почувствовал, как рука гондорца дрожит от скрытого возбуждения, быстро отступил и тревожно посмотрел на высокого человека. Боромир был почти вдвое выше хоббита и во много раз сильнее.

— Почему ты мне не доверяешь? — спросил Боромир. — Я человек честный, не вор и не бандит. Мне необходимо твое Кольцо, теперь ты знаешь. Но даю тебе слово, что не оставлю его у себя. Дай мне его на пробу, у меня тоже есть план. Потом верну.

— Нет, нет! — воскликнул Фродо. — Совет возложил это бремя на одного меня!

— Теперь из-за нашей глупости мы все погибнем! — закричал Боромир. — Гнев душит меня. Безумец! Упрямый дурак! По собственной воле идти на смерть и сгубить общее дело! Если кто-

то из смертных имеет право владеть Кольцом, то это мы, нуменорцы, а не вы, полуростки! По несчастной случайности оно попало в твои руки, а ведь могло достаться мне! Оно должно стать моим. Отдай мне его!

Фродо не ответил, только отступал все дальше, пока между ними не оказался большой камень.

— Ну, успокойся, друг! — смягчая голос, продолжал гондорец. — Почему бы тебе не избавиться от него и не освободиться от сомнений и страха? Обвини меня, если хочешь. Скажи, что я сильнее и отнял его силой. Ибо я сильнее тебя, полуросток!

Боромир одним прыжком перемахнул через камень и бросился на Фродо. Его красивое лицо исказилось до неузнаваемости, в глазах вспыхнула алчность.

Фродо увернулся и отскочил в сторону, так что камень снова оказался между ними. Теперь ему оставалось лишь одно: дрожащей рукой он выдернул Кольцо за цепочку из-за пазухи и быстро сунул в него палец, как раз когда Боромир прыгнул на него снова. Гондорец ахнул, замер от изумления, а потом заметался по площадке между камнями и деревьями.

— Жалкий хитрец! — орал он. — Попадись мне только! Я теперь знаю, что ты задумал! Ты

отнесешь Кольцо Саурону и предашь всех нас. Ты ждал случая, чтобы бросить нас в беде! Будь проклят со всем своим племенем, да поглотит вас Тьма и смерть!..

Тут, споткнувшись о камень, он растянулся на земле и некоторое время молча лежал лицом вниз, словно его сразило собственное проклятие. И вдруг разрыдался.

Потом встал, проводя рукой по глазам, вместе со слезами смахивая застилавшую их пелену.

— Что я наговорил?! — воскликнул он. — Что я наделал?! Фродо! Фродо! Вернись. Я обезумел, но все уже прошло. Вернись!

* * *

Ответа не было. Фродо даже не слышал, что кричал гондорец. Ничего не видя перед собой, он со всех ног бежал по тропе вверх, был уже далеко и весь дрожал от горечи и страха, представляя безумное лицо и горящие глаза Боромира.

Остановился он и перевел дух только на вершине Амон-Хена. Словно в тумане, увидел круглую площадку, выложенную мощными плитами и окруженную частично осыпавшимся парапетом. В середине на четырех резных столбах было высокое сиденье, к нему вела многоступенчатая

лестница. Хоббит взобрался по лестнице и сел в древнее каменное кресло, чувствуя себя заблудившимся мальчишкой, который забрался на трон горного короля.

Сначала он не видел почти ничего, словно оказался в туманном мире теней: он ведь не снял Кольца. Потом туман местами отодвинулся, и перед ним возникли отдельные картины. Видения были маленькие и четкие, словно перед ним на столе, и одновременно очень далекие. Звуков не было, только яркие образы. Будто мир сжался и замолчал.

Фродо сидел на каменном троне на сторожевом посту Амон-Хена, который древние нуменорцы звали Гора-Глаз. Посмотрел на восток — и увидел огромные неизведанные земли, равнины без названий и леса без дорог. Посмотрел на север — там серебристой лентой пролегал Великий Андуин, а за ним стояли Мглистые горы, словно неровные белые зубы. Посмотрел на запад — там раскинулись пастбища Рохана, и маленькой черной иглой казалась башня Ортханк — твердыня Исенгарда. Посмотрел на юг — прямо у него под ногами Река изгибалась, напоминая контуром опрокинутую волну, и низвергалась водопадом Раурос в пенную котловину. Над водопадом

играла радуга. И Этир Андуин он увидел, Устье Великой реки, и мириады морских птиц, кружащих белыми пылинками на солнце, и серебристо-зеленое Море за ними, в мелкой ряби волн.

Но куда бы он ни посмотрел — везде была война. Из Мглистых гор, как из муравейника, выползали бесчисленные орды орков. Под ветвями Темнолесских чащ эльфы и люди не на жизнь, а на смерть сражались со свирепыми тварями. Край Беорнингов полыхал пожарами. Туча висела над Морией; дым расползался вдоль границ Лориэна.

Скакали всадники, приминая степные травы Рохана; из Исенгарда им навстречу мчались стаи волков. Из Харадских гаваней выходили в море боевые корабли, с востока двигались бесчисленные войска: меченосцы, копейщики, конные лучники, легкие колесницы полководцев, тяжело груженные повозки…

Вся военная мощь Черного Властелина пришла в движение. Фродо опять перевел взгляд на юг и увидел Минас Тирит. Он был очень далек и очень красив: белокаменный многобашенный гордый город на отрогах гор, окруженный мощными стенами. Зубцы стен сверкали металлом, на башнях развевались флаги. В сердце хоббита блеснула

надежда. Но как раз напротив Минас Тирита, за горами на востоке высилась другая твердыня, намного больше его и сильнее. И туда против воли потянулся его взгляд.

Он словно прошел по разрушенным мостам Осгилиата, через оскалившиеся ворота Минас Моргула, поднялся в горы над долиной Призраков и теперь смотрел на плато Горгорот, землю ужаса в стране Мордор. Там под солнцем залегала Тьма. Сквозь дым пробивался огонь. Роковая гора изрыгала пламя и багровый пар. И тут взгляд хоббита остановился, словно его кто-то задержал. Он увидел Барад Дур, твердыню Саурона: стена за стеной, уступ за уступом, зубец за зубцом — невероятно мощная гора железа со стальными воротами, черная и абсолютно неприступная, с огромной Черной Башней. И надежда покинула его.

И он вдруг ощутил Глаз. В Черной Башне был неспящий Глаз, который узнал, что на него смотрят. В нем была злая сила и яростная воля. Вражий взгляд словно прыгнул в сторону хоббита, он цепко шарил совсем рядом, сейчас пригвоздит, узнает, где… Вот он дотронулся до Амон Лоуха, вот скользнул к Тол Брандиру… Фродо сполз со Сторожевого трона, упал, скорчился под ним, натянул на голову серый капюшон, закричал:

— Нет! Не отдам! Не дамся!.. (А может быть, «Я тут! Отдам! Сдамся!..» — он сам не знал, что кричит.)

А потом словно некая иная сила пробила его мозг новой ясной мыслью: *«Сними его! Сними! Дурень, сними Кольцо! Кольцо сними!»*

Две силы боролись в нем. В какой-то миг их клинки, пронзив его, столкнулись остриями, его свела мучительная судорога, и он перестал существовать, а потом вдруг ощутил себя: вот он, Фродо, нет ни Голоса, ни Глаза, он свободен в выборе, и ему дано мгновение, чтобы действовать. В это последнее мгновение он снял Кольцо и понял, что стоит на коленях перед высоким каменным троном в ярком свете солнца. Черная Тень, как длинная рука, качнулась над ним, не задев Амон-Хен, схватила пустой воздух и оттянулась на восток, пропала. И небо расчистилось, стало очень синим, а внизу над каждым деревом звонко пели птицы.

Фродо встал на ноги. Он страшно устал, но воля его окрепла, и на сердце стало легче. И он заговорил вслух сам с собой.

— Теперь надо выполнить долг. По крайней мере ясно, что злые чары уже действуют на некоторых из нас, и надо уносить Кольцо, пока оно не

наделало больших бед. Пойду один. Я уже не всем доверяю, а те, кому верю, мне слишком дороги: бедняга Сэм, и Мерри с Пипином, и Долгоброд тоже. Он рвется в Минас Тирит, и он там будет нужен — особенно теперь, когда Боромир поддался Злу. Да, пойду один. Не медля.

Он быстро сошел по тропе вниз, дошел до площадки, на которой встретился с Боромиром, остановился и прислушался. Ему показалось, что кто-то кричит и зовет в лесу у берега.

— Они же станут меня искать, — произнес он. — Интересно, как долго я отсутствовал? Надо думать, не один час. — Он заколебался. — Что же делать? — и сам себе ответил: — Уходить. Сейчас или никогда. Больше случая не будет. Ужасно уходить от них вот так, без объяснений. Но они поймут. Сэм поймет. А что я могу сделать?

И Фродо медленно вытащил Кольцо, еще раз надел его на палец. Качнулась трава — исчезнувший хоббит спустился вниз, словно легкий ветерок прошуршал по склону.

* * *

Остальные пробыли у Реки довольно долго. Сначала они молча ходили взад-вперед. Потом, собравшись в круг, заговорили. Они старались

разговаривать о чем-нибудь постороннем: о своих приключениях в долгой дороге, о разных странах; расспрашивали Арагорна о Гондоре и его истории, о древних развалинах по соседству с Эмин Муйл, о Каменных Королях и сторожевых постах на Амон-Лоухе и Амон-Хене, и о ступенях у водопада Раурос. Но хотя каждый из них дал слово спокойно ждать, разговор постоянно возвращался к Фродо и Кольцу. Что решит Несущий Кольцо? Почему он медлит?

— Я думаю, что он из двух безнадежных путей выбирает наиболее безнадежный, — сказал Арагорн. — Наверное, так и будет. Идти на восток всем Отрядом, тем более теперь, когда нас выследил Голлум и, может быть, уже предал, — это смерть. А Минас Тирит нас не приблизит к Огненной горе и конечной цели — уничтожению Кольца. Мы можем там задержаться и храбро сразиться с Врагом; но вряд ли наместник Дэнетор и все его воины смогут совершить то, что не под силу Элронду: скрыть страшную тайну или противостоять Врагу, когда он явится за Кольцом со всей своей мощью. Что сделал бы каждый из нас на месте Фродо? Не знаю. Вот когда нам больше всего не хватает Гэндальва.

— Тяжела наша утрата, — сказал Леголас. — Но

значит, придется решать без него. Неужели мы сами не сможем помочь Фродо? Давайте позовем его и проголосуем, куда идти. Я подал бы голос за Минас Тирит.

— Я тоже, — сказал Гимли. — Нас послали только помочь Несущему Кольцо в дороге и идти не дальше, чем мы сами того пожелаем; никто из нас не связан ни клятвой, ни приказом идти к Роковой горе. Мне было больно расставаться с Лотлориэном. Но я дошел сюда и скажу так: настал час последнего выбора, и мне ясно, что я не смогу бросить Фродо. Я бы сам выбрал Минас Тирит, но если он туда не пойдет, я пойду за ним.

— Да и я тоже пойду, — сказал Леголас. — Уйти от него сейчас означает предать.

— Если мы все его бросим, это действительно будет предательством, — сказал Арагорн. — Но если он пойдет на восток, всем нам незачем сопровождать его, и не надо. Это отчаянное предприятие, одинаково безнадежное как для восьмерых, так для двоих или одного. Если вы предоставите выбор мне, я бы назначил ему троих спутников: Сэма, который хозяина ни за что не бросит, Гимли и себя. Боромир вернется в родной город, где он нужен своему отцу и своему народу, с ним пойдут остальные, во всяком случае, оба

хоббита, Мерриадок и Перегрин, если Леголас не захочет расставаться с нами…

— Ну, это не пройдет! — воскликнул Мерри. — Мы Фродо не бросим! Мы с Пипином не собирались отступать от своего решения идти за ним, куда бы он ни пошел, и не отступим. Мы только раньше не понимали, чем это может кончиться. Там, в далеком Хоббитшире и в Райвенделе, все казалось не так страшно. Это жестоко — отпускать Фродо в Мордор. Это же безумие! Почему мы его не остановим?

— Его надо остановить, — сказал Пипин. — Я уверен, что его вот что беспокоит: он понимает, что мы не захотим пускать его на восток. И сам, бедняга, не хочет никого звать за собой. Одному в Мордор… — Пипин вздрогнул. — Но, хоббит бестолковый, мог бы сообразить, что нас и спрашивать не надо! Неужели не понятно, что если мы не сумеем его удержать, то и не бросим!

— Вы меня, конечно, простите, — сказал Сэм, — но, по-моему, вы совсем не знаете моего хозяина. Он уже все решил и прекрасно знает, куда ему идти! Какой ему толк от Минас Тирита? Вы уж простите, господин Боромир… — добавил он, поворачиваясь. И тут они заметили, что Боромир, который недавно молча сидел за кругом, исчез.

— Куда же он девался? — воскликнул Сэм, забеспокоившись. — Он вообще последнее время какой-то странный. Но у него, понятно, свои дела. Он все время говорит, что домой хочет, за это не упрекнешь. А господин Фродо — тот знает, что должен найти эти Роковые Расселины. Но не знает как, и боится. Вот в чем дело-то: страшно ему. Конечно, он кой-чему в Походе научился, да и мы все уже не те, которые выходили из дому; а то бы он давно бросил со страху Кольцо в Реку и сам удрал. Но сделать первый шаг он очень боится. Про то, пойдем мы с ним или нет, он не переживает — знает, что пойдем. Вот это его тоже беспокоит. Если он решится, то захочет идти один, запомните мои слова! Мы его не переспорим, когда он вернется, потому что он сейчас с духом собирается, иначе не был бы Торбинсом.

— Пожалуй, ты сказал умнее нас всех, Сэм, — произнес Арагорн. — Что же делать, если ты прав?

— Удержать его! Не пускать! — воскликнул Пипин.

— Как же ты это сделаешь? — сказал Арагорн. — Ведь судьба Кольца доверена ему. Мы не имеем права выбирать дорогу за него. Я думаю, что нам это и не удастся, даже если захотим: есть силы, с

которыми нам не справиться.

— Тогда пусть Фродо скорее «собирается с духом» и возвращается, чтобы кончить со всем этим! — сказал Пипин. — С ума можно сойти! Наверное, час уже прошел?

— Да, — сказал Арагорн. — Час давно прошел. Утро кончается. Надо его позвать.

* * *

В этот момент появился Боромир. Он вышел из-за деревьев и молча направился к Отряду. Лицо его было печальным и угрюмым. Он приостановился, обвел всех взглядом, словно пересчитал, и сел в стороне, опустив глаза в землю.

— Где ты был, Боромир? — спросил Арагорн. — Фродо видел?

Боромир чуть задумался.

— И да, и нет, — ответил он медленно. — Да, мы встретились на горе, в начале подъема. Я говорил с ним. Звал идти в Минас Тирит, а не на восток. Я погорячился, и он от меня ушел. Он пропал. Я о таких вещах слыхал, но никогда раньше не видел. Такое бывает в сказках. Наверное, он надел Кольцо. Я не мог его найти. Я думал, что он вернется сюда.

— Это все, что ты можешь сказать? — спро-

сил Арагорн, устремляя на Боромира суровый и недобрый взгляд.

— Да, — ответил Боромир. — Пока все.

— Это очень плохо! — воскликнул, вскакивая, Сэм. — Чего этот человек хотел от хозяина? Зачем господин Фродо надел Кольцо? Его нельзя было трогать! А если он его надел, кто знает, что еще могло произойти?

— Но он не будет его долго носить, — сказал Мерри. — Он его, наверное, уже снял, как Бильбо, когда избавлялся от незваных посетителей.

— А куда он пошел? Где он? — вскричал Пипин. — Его уже целую вечность нет!

— Давно ты его в последний раз видел, Боромир? — спросил Арагорн.

— Наверное, с полчаса назад… — ответил тот. — Может быть, час. Я еще бродил по лесу. Не знаю! Не знаю!.. — Боромир схватился за голову и с горестным видом отвернулся.

— Целый час, как он исчез! — закричал Сэм. — Его надо немедленно найти! Идемте!

— Постой! — крикнул Арагорн. — Надо разделиться по двое и условиться… Эй, вы, куда?! Стойте!

Но было поздно. Они его не слушали. Сэм умчался первым. Мерри и Пипин побежали сразу за

ним и уже почти скрылись в деревьях, крича: «Фродо! Фродо!» тоненькими звонкими хоббичьими голосками. Леголас и Гимли тоже куда-то бежали. Словно весь Отряд охватило внезапное безумие.

— Так мы все потеряемся! — почти простонал Арагорн. — Боромир! Не знаю, какую роль ты сыграл в этой беде, но сейчас помоги! Беги за младшими хоббитами и охраняй их, если не сможешь найти Фродо. А если найдешь хоть какой-то след, возвращайся сюда, я скоро вернусь.

* * *

Арагорн крупными прыжками сорвался с места и побежал догонять Сэма. Он настиг его у площадки под рябинами. Сэм, запыхавшись, лез наверх и звал Фродо.

— Пойдем со мной, Сэм! — сказал скиталец. — Нам нельзя отрываться друг от друга. Здесь неспокойно, я чувствую, что беда близко, я поднимусь на самый верх и со Сторожевого трона Горы-Глаз увижу все, что можно увидеть. Смотри! Чутье меня не обмануло, Фродо здесь проходил. Иди за мной и смотри в оба! — И Арагорн поспешил вверх по тропе.

Как ни старался Сэм, но тягаться с Долгобродом

ему было не под силу, и он вскоре отстал. Арагорн скрылся из виду. Сэм остановился, пыхтя и отдуваясь. Потом хлопнул себя по лбу.

— Стой, Сэм Гэмджи! Ноги у тебя куцые, значит, работай головой! Раскинем мозгами. Боромир не врет, это не в его привычках; но он не все сказал. Господина Фродо что-то сильно напугало. И он сразу осмелел. И наконец решился. Уходить решил. Куда? — На восток. Без Сэма? — Значит, даже без Сэма. Это же несправедливо! И жестоко!..

Сэм смахнул рукой брызнувшие слезы.

— Спокойно, Сэм Гэмджи! — сказал он себе. — Думай, если соображаешь! Он не умеет летать через реки и перепрыгивать водопады. Плыть можно только на чем-то. Значит, он должен был вернуться к лодкам. Вернуться к лодкам… Быстро к лодкам, Сэм, как молния! Надо успеть!

Сэм развернулся и скатился вниз по тропе. По дороге упал, ободрал коленку, вскочил и помчался дальше. Вот он уже у берега на краю луговины Парт Гален, где стояли вытащенные из воды лодки. Вокруг никого. Из леса вроде бы неслись крики, но он не обратил на них внимания. И вдруг раскрыл рот и замер: одна лодка сама по себе сползала с берега. Сэм вскрикнул и побежал к ней по траве. Лодка сползла в реку и закачалась

на волне.

— Я с вами, господин Фродо! Иду! — закричал Сэм и бросился в воду, стараясь ухватиться за борт отплывающей лодки, но промахнулся, заорал и плюхнулся в Андуин. Его закрутило, накрыло волной, и его кудрявая голова тотчас же скрылась в воде.

Из пустой лодки раздалось тревожное восклицание. Зашлепало по воде весло, лодка развернулась, Фродо едва успел схватить Сэма за волосы, когда, пуская пузыри, тот на мгновение вынырнул, испуганно тараща круглые карие глаза.

— Лезь сюда, Сэм дружок! — сказал Фродо. — Держи руку!

— Спасите, хозяин! — захлебываясь простонал Сэм. — Я тону, я не вижу руку!

— Да вот она! Держись полегче, больно же! Не брошу я тебя. Ногами работай, да не барахтайся так, лодку перевернешь! Перехватись за борт, а то мне грести надо.

Несколькими ударами весла Фродо подгреб к берегу, и Сэм выполз на сушу, как мокрая крыса. Фродо снял Кольцо и вышел из лодки.

— Мучение с тобой, Сэм, вечно суешься, куда не надо! — сказал он.

— Вы несправедливы, господин Фродо! — отве-

тил дрожащий Сэм. — Уходить совсем без меня — это несправедливо и жестоко. Если бы я не догадался, что бы вы теперь делали?

— Спокойно двигался бы дальше.

— Спокойно! — возмутился Сэм. — Совсем один и без моей помощи? Я этого не вынесу. Если вы без меня уйдете, я погибну.

— Со мной ты скорее погибнешь, — сказал Фродо. — И тогда я этого не вынесу.

— Но если останусь, я точно пропаду, — сказал Сэм.

— Но я же иду в Мордор!

— Знаю, знаю, господин Фродо. Конечно, в Мордор. И я с вами.

— Слушай, Сэм, — сказал Фродо. — Не задерживай меня! В любую минуту они все могут вернуться, и если застанут меня здесь, надо будет спорить и объяснять, и я не смогу вырваться. Случая больше не будет, понимаешь? Мне надо сейчас уходить. Это единственный выход!

— Конечно, единственный, — согласился Сэм. — Только один вы не пойдете. Я пойду с вами или мы оба останемся. Я сейчас все лодки продырявлю.

Фродо засмеялся от охватившего его теплого и радостного чувства.

— Одну оставь! — сказал он. — Она нам понадобится. Но ты же не пойдешь прямо так, без вещей, без еды…

— Сейчас принесу, подождите минутку! — воскликнул Сэм. — У меня все готово. Я знал, что сегодня все равно надо будет уходить.

Он молниеносно сбегал к месту привала, вытащил свой мешок из кучи общих вещей, куда Фродо свалил его, освобождая лодку, схватил еще одно одеяло и немного еды про запас и бегом вернулся к хозяину.

— Ну вот, мой план уже нарушен! — сказал Фродо. — От тебя не отвяжешься. Но я рад, Сэм! Не могу передать тебе, как я рад! Значит, нам суждено идти вместе, и мы с тобой пойдем! Остальным пожелаем найти безопасную дорогу! Долгоброд о них позаботится. А мы вряд ли их снова встретим.

— А вдруг встретим, хозяин? — сказал Сэм. — Может быть, еще увидимся.

* * *

Так Фродо и Сэм вместе начали последний этап Похода. Фродо выгреб на глубину, и Андуин быстро понес их вниз по западной протоке мимо хмурых утесов Тол Брандира. Грохот большого

водопада становился все слышней. Даже с помощью Сэма, который старался изо всех сил, Фродо еле вывел лодку из стремнины уже у южной оконечности острова и направил ее к дальнему восточному берегу.

В конце концов они высадились на твердую землю под южным склоном Амон-Лоуха. Найдя подходящее место, вытянули лодку из воды, затащили ее довольно высоко под скалу и спрятали, как сумели, за большим валуном. А потом, взвалив мешки на плечи, пошли искать тропу, которая вывела бы их через серое нагорье Эмин Муйл в Страну Тьмы.

Две твердыни

Летопись третья
Глава первая. Прощание с Боромиром

Арагорн, спеша, взбирался на гору. То и дело он наклонялся, рассматривая почву. У хоббитов походка легкая, и даже следопытам бывает трудно идти по их следам, но почти у самой вершины через тропу перебегал ручеек, и на влажной земле Арагорн нашел то, что искал.

— Значит, следы я разобрал правильно, — сказал он себе, — Фродо поднимался на вершину. Интересно, что он оттуда увидел? И спустился он этой же дорогой.

Арагорн заколебался. Ему хотелось самому подняться туда в надежде увидеть нечто, что разрешит его сомнения и облегчит выбор пути, а времени было в обрез. Все же он рванулся вперед, молниеносно преодолел последний подъем на вершину, в несколько прыжков пересек огромные плиты, взлетел по ступеням и, сев на каменный трон, обвел взглядом землю. Сверху она показалась ему очень далекой, а солнце словно потускнело. Над долиной кружила, медленно снижаясь, огромная птица, похожая на орла.

Потом слух Арагорна уловил дальний гул множества голосов снизу, со стороны леса на западном берегу Реки. Арагорн напрягся, вслушиваясь, и вскоре разобрал отдельные крики, а среди них — о ужас! — хриплые и резкие голоса орков. Вдруг прозвучал глубокий и сильный зов рога, ударил о гору, забился в камнях и, многократно усиленный эхом, на мгновение перекрыл шум водопада.

— Рог Боромира! Зовет на помощь! — Вскрикнул Арагорн, сорвался с вершины и большими прыжками помчался вниз. — Это беда! Сегодня меня преследует злой рок. Что ни сделаю — все плохо. Где Сэм?

Чем ниже он спускался, тем громче слышал крики, а рог звучал все отчаяннее и слабее. Потом вопли орков раздались с удвоенной силой, а рог смолк. Когда Арагорн спустился с горы, стало почти тихо. Обогнув гору слева, он убедился, что голоса быстро удаляются, будто орки уходят, и вот уже нельзя их разобрать.

Выхватив светлый меч, с криком: «Элендил! Элендил!» — воин бросился в погоню, ломая ветки.

* * *

Немного не добежав до озера, примерно в миле от луговины Парт Гален, он увидел Боромира. Гондорец сидел, опираясь спиной о ствол огромного дерева и, казалось, отдыхал. Но в его груди торчало несколько стрел с черным оперением. Боромир крепко сжимал в руке меч, но меч был сломан у рукояти, а расколотый надвое рог лежал рядом. Вокруг валялось множество убитых орков.

Арагорн опустился на колени. Боромир открыл глаза и с усилием прошептал:

— Я пытался отобрать у Фродо Кольцо… каюсь… расплата… — Он перевел взгляд на поверженных врагов: их от его руки пало не меньше двадцати. — Полуростков забрали… орки в плен. Думаю, что живы… связанные… — Он замолчал, опустив тяжелые веки. Но все-таки смог добавить еще: — Прощай, Арагорн. Иди в Минас Тирит, спаси мой народ. Я… Мое… поражение.

— Нет! — горячо сказал Арагорн, беря его за руку и целуя в лоб. — Нет, Боромир, это твоя победа. Большая победа. Мало кто смог бы так. Будь спокоен, Минас Тирит не погибнет.

Боромир слабо улыбнулся.

— Куда они ушли? Фродо с ними? — спросил Арагорн, но Боромир больше ничего не сказал.

— Горе! — воскликнул Арагорн. — Погиб наследник Дэнетора, правителя Сторожевой Крепости! Какой скорбный конец. Наш Отряд разбит. Это мое поражение. Я не оправдал доверие Гэндальва. Что теперь делать? Боромир завещал мне идти в Минас Тирит, сердце мое рвется туда, но где Кольцо и тот, кому оно доверено? Где его искать, как спасти наше общее дело?

Он стоял на коленях, опустив голову, держа за руку Боромира, и не вытирал слез. Так его застали Леголас и Гимли. Они тихо подошли, спустившись с западного склона горы, как на охоте, прячась за деревьями. Гимли держал наготове топор, Леголас — длинный кинжал, так как стрелы у него кончились. Оказавшись на поляне, оба замерли, потом склонили головы, поняв, что здесь произошло.

— Горе нам! — проговорил Леголас, подходя к Арагорну. — Мы в лесу охотились за орками, многих убили, но, оказывается, были нужнее здесь. Мы пришли на голос рога, но поздно! Если ты ранен — это гибель.

— Боромир умер, — сказал Арагорн. — Я невредим, потому что тоже опоздал. Он пал, защищая

хоббитов. Я был на горе.

— Хоббитов? — воскликнул Гимли. — Где они? Где Фродо?

— Не знаю, — устало ответил Арагорн. — Я послал Боромира за Мерри и Пипином. Перед смертью Боромир сказал, что их схватили орки. Он сказал, что они были живы. Когда я спросил его про Сэма и Фродо, он уже не ответил. Сегодня меня преследуют неудачи. Что делать?

— Сначала достойно похоронить павшего, — сказал Леголас. — Нельзя его оставлять среди этой падали.

— И надо спешить, — заметил Гимли. — Боромир не разрешил бы нам медлить. Надо догнать орков, если есть надежда, что наши друзья живы, пусть даже в плену.

— Но мы не знаем, с ними ли Несущий Кольцо, — возразил Арагорн. — Разве мы имеем право бросить его на произвол судьбы? Может быть, надо сначала его найти, но где? Страшный выбор приходится делать.

— Давайте сначала выполним неотложный долг, — сказал Леголас. — У нас нет ни времени, ни орудий, чтобы выкопать ему достойную могилу и насыпать курган. Можно сложить тур из камней.

— Это долго и нас мало, — сказал Гимли. — Камни придется носить от реки.

— Мы положим его в лодку вместе с оружием, — сказал Арагорн. — Сложим рядом оружие убитых им врагов и направим лодку в водопад Раурос. Предадим Боромира Андуину. Река, питающая Гондор, не даст злодеям осквернить его прах.

* * *

Все трое пошли по поляне, собирая в одно место треснутые шлемы, сабли, щиты…

— Смотрите! — воскликнул вдруг Арагорн. — У нас есть доказательства. — Он вытащил из груды оружия два ножа с клинками в форме длинных листьев, на которых вились красные с золотом надписи, потом нашел к ним черные ножны, усаженные мелкими красными камнями. — Это не орчье оружие! — сказал он. — Его носили хоббиты. Наверное, орки отобрали у них кинжалы, но присвоить побоялись: узнали работу нуменорцев; на лезвиях заклятия, сулящие им гибель. Значит, наши друзья безоружны и в плену, если живы. Я возьму кинжалы, хотя на то, что их удастся вернуть хозяевам, надежды почти нет.

— А я, — сказал Леголас, — соберу побольше стрел, потому что у меня колчан пустой.

Он быстро набрал в куче уже собранного оружия и вокруг нее полный колчан целых стрел, выбирая подлиннее, и с удивлением их рассматривал. Они не были похожи на обычные стрелы орков.

Тем временем Арагорн, глядя на убитых врагов, произнес:

— Среди убитых многие не из Мордора. Я знаю орчьи породы. Вот эти — с севера, с Мглистых гор. Но здесь есть совсем не известные мне. И одеты, и вооружены они не так, как обычные орки.

Среди убитых действительно лежали четыре крупных смуглых гоблина с раскосыми глазами, с мускулистыми икрами, большерукие… У них были короткие широкие мечи, а не кривые сабли, и луки из тиса, по форме и длине такие, как у людей. На их щитах был необычный герб: маленькая белая ладонь на черном поле, а на железных шлемах спереди — рунический знак, выкованный из белого металла.

— Таких я не встречал, — сказал Арагорн. — Что бы это могло значить?

— «С» — наверное, означает «Саурон», — произнес Гимли. — Это просто.

— Нет! — ответил Леголас. — Саурон не пользуется эльфийскими рунами.

— Он, кроме того, не употребляет своего настоящего имени и не разрешает его ни писать, ни произносить, — добавил Арагорн. — И белый — не его цвет. Герб орков, находящихся на службе в крепости Барад Дур, — Красный Глаз.

Арагорн некоторое время молчал, потом медленно произнес:

— По-моему, «С» означает «Саруман». Что-то худое творится в Исенгарде; в западных краях стало неспокойно. Похоже, что сбываются опасения Гэндальва: изменник Саруман как-то прознал о нашем Походе. Может быть, он узнал и о несчастье, постигшем Гэндальва. Враги из Мории, которые гонятся за нами, могли обмануть зорких лориэнских эльфов или обойти их край и пройти в Исенгард другой дорогой. Орки быстро ходят. И у Сарумана много способов добычи сведений. Помните тех птиц?

— Сейчас некогда разгадывать загадки, — сказал Гимли. — Давайте унесем отсюда Боромира.

— Нам потом все равно придется разгадывать загадки, если мы хотим выбрать верную дорогу, — ответил Арагорн.

— Может, и выбора нет, — буркнул гном.

* * *

Топором Гимли срубил несколько больших веток. Их связали тетивами от луков и сверху положили свои плащи. На этих самодельных носилках донесли до Реки Боромира и трофеи с поля его последней битвы. Нести было хоть и близко, но тяжело: Боромир был высок и плечист.

На берегу Арагорн остался у тела, а Леголас и Гимли побежали за лодками. До луговины Парт Гален была миля с лишним, и друзья довольно долго отсутствовали. Появились они в двух лодках, быстро работая веслами.

— У нас странная новость, — сказал Леголас. — Осталось всего две лодки. Третьей след простыл.

— Там что, орки побывали? — спросил Арагорн.

— Их следов нет, — ответил Гимли. — И они, наверное, уничтожили бы или забрали все три лодки и все наши вещи.

— Потом вернемся, я все сам осмотрю, — сказал Арагорн.

Друзья бережно уложили Боромира в лодку. Под голову ему положили свернутый эльфийский плащ с капюшоном, рядом — шлем, в колени — разбитый рог и сломанный меч, в ногах — оружие

поверженных врагов. Гладко причесанные черные волосы рыцаря растеклись по плечам. Ярко блестел золотой пояс — дар Владычицы Лориэна.

Связав лодки, они в печали поплыли по течению на юг. Сначала гребли вдоль берега, затем вышли на быстрину, и вскоре зеленая луговина Парт Гален осталась далеко позади. Солнце катилось вниз, в его лучах крутые бока Тол Брандира словно горели. Впереди в радужной дымке шумел водопад Раурос. Вот уже перед ними заискрилось золотистое облако брызг над водопадом, и воздух задрожал от его гула и грохота.

Они отвязали ладью скорби, и она проплыла мимо них. Последнее, что им запомнилось, — спокойное лицо Боромира, который лежал, словно убаюканный живой водой Великой реки.

Течение подхватило лодку, понесло, им пришлось грести изо всех сил, чтобы самим удержаться и добраться до берега. Лодка с Боромиром удалялась, превращаясь в темную точку, потом исчезла в золотом блеске. Ревел водопад. Река взяла Боромира сына Дэнетора, и никто в Минас Тирите больше не увидит его рано утром на Белой Башне. Только в Гондоре потом много лет рассказывали об эльфийской ладье, которая переплыла водопад и пенящееся озеро под ним и унесла

останки рыцаря мимо Осгилиата и дальше, через Устье Андуина в далекое Море, под небо, усыпанное большими звездами.

* * *

Три друга долго не могли отвести взглядов от золотой воды. Молчание прервал Арагорн.

— С Белой Башни будут смотреть вдаль, ожидая Боромира, — а он уже не вернется ни с гор, ни с Моря.

И Арагорн тихо и протяжно запел:

Над простором роханских степей веет Западный Ветер,

Шепчет с бурой травой, гладит влажные спины камней…

Ветер-странник, поведай, в дороге своей ты не встретил

Боромира Высокого в свете звездных лучей?

«Он скакал через семь рек,

По пустынной земле шагал.

Вел на север его след,

Больше я его не видал.

Может, Северный Ветер в горах
Его рог слыхал?»

О Боромир, Боромир!
Я на запад смотрел с высоты,
Но пустая земля
Не открыла, где ты!

Сменив Арагорна, в свой черед пропел Леголас:

Ветер Южный летит от великого дальнего Моря,
Стоны чаек и шелест песка донося до ворот…
Ветер Вздохов, печали развей и утешь меня в горе:
Расскажи, Боромира Красивого кто мне вернет?

«Много белых костей в песке
Прячет Море под темной водой —
Ветер Северный их по Реке
Присылает на вечный покой.
Ты спроси его, может быть,
Знает он, где герой?»

О Боромир, Боромир!

Не совладать нам с печалью.

Не вернут тебя в мир

Крики серых чаек!

Потом снова запел Арагорн:

От Ворот Королей вдоль Реки дунул Северный Ветер,

Голос дальнего рога до каменных башен домчал.

Ветер-воин, несешь ли ты нам долгожданные вести?

Боромира Отважного ты по пути не встречал?

«Звонкий рог его я слыхал

За крутым Амон-Хеном.

Положил он много врагов

В бою у Реки.

Там пробит его щит,

И расколот рог его верный,

Сломан меч, но его рукоять

Он не выпустил из руки».

О Боромир, Боромир!

Твою силу, красу и храбрость
Минас Тирит поет!
О Боромир! Унес тебя Раурос
В гремящее золото вод!

Так они кончили прощальную песнь. Потом повернули лодку против течения и поплыли к луговине Парт Гален, налегая на весла.

— Мне, наверное, оставили про Восточный Ветер, — сказал Гимли, — а я про него петь не буду.

— И не надо, — ответил Арагорн. — Люди в Минас Тирите терпят ветер с востока, но никогда ни о чем его не спрашивают. А сейчас, когда Боромир ушел в свой последний путь, нам надо поспешить с выбором своего.

Скиталец вышел из лодки на берег и наклонился, стараясь получше рассмотреть следы.

— Не было здесь орков, — сказал он. — Об остальном судить трудно. Все наши следы пересекаются и расходятся в разные стороны. Не могу сказать, кто когда возвращался к лодкам. Вот здесь, где родник вливается в реку, несколько хоббичьих следов у самой воды, но непонятно, кто тут был раньше, кто позже.

— А сам ты что об этом думаешь? — спросил Гимли.

Арагорн ответил не сразу, а лишь после того, как осмотрел вещи:

— Не хватает двух мешков. Нет самого большого и тяжелого из хоббичьих, его нес Сэм. Это может означать, что Фродо уплыл в лодке со своим верным оруженосцем. Наверное, Фродо вернулся, когда нас тут не было. Сэма я последний раз видел под горой и предложил ему следовать за мной, но он, как видно, этого не сделал. Он угадал намерения своего хозяина, успел догнать его на берегу, и Фродо убедился, что от Сэма не так просто отделаться.

— Но почему он не попрощался? — спросил Гимли. — Очень странно он поступил.

— И очень храбро, — сказал Арагорн. — Сэм верно сказал: Фродо не хотел никого из друзей вести за собой на смерть в Мордор. Он знал, что сам должен туда идти. Когда он с нами расстался, он пережил что-то, что победило в нем страх и последние сомнения.

— Может быть, встретил свирепых орков и удрал от них? — предположил Леголас.

— Он именно удрал, — ответил Арагорн, — но не думаю, что от орков.

Арагорн ничем не выдал своих соображений о настоящей причине внезапного решения Фродо.

Последнее признание Боромира он долго хранил в тайне.

— Во всяком случае, хоть что-то стало ясно, — сказал Леголас. — Фродо здесь нет: только он мог взять лодку. Сэм, конечно, с ним: только он сам мог взять свой мешок.

— Значит, у нас два пути на выбор, — сказал Гимли: — сесть в последнюю лодку и догонять Фродо или пешком гнаться за орками. В обоих случаях надежды мало: потеряно много бесценных часов.

— Дайте подумать, — сказал Арагорн. — Может быть, я все-таки смогу сделать правильный выбор и покончить с сегодняшними неудачами.

Он некоторое время стоял молча, затем объявил:

— Надо идти за орками. Я собирался показать Фродо путь в Мордор и быть с ним до конца. Но искать его сейчас, неизвестно где, означало бы предать попавших в неволю хоббитов, обречь их на муки и на смерть. Сердце внятно говорит мне, что повлиять на судьбу Несущего Кольцо уже не в моей власти. Отряд выполнил свое предназначение. Но нам, спасшимся, нельзя бросать друзей в неволе, надо постараться их выручить, пока у нас самих силы есть. Значит, скорее в путь. Возьмем

только самое необходимое. Будем идти по следу днем и ночью.

* * *

Они вытащили на берег лодку и спрятали ее в зарослях, а под ней сложили все, что не смогли взять с собой. Потом ушли с луговины Парт Гален. Когда они проходили поляну, где погиб Боромир, спускались сумерки. Но следы орков были хорошо видны, идти по ним оказалось несложно.

— Ни одно племя так не топчет землю, — заметил Леголас. — Оркам будто доставляет удовольствие вытаптывать и уничтожать живые растения на своем пути.

— Но ходят они очень быстро, — сказал Арагорн. — И совершают большие переходы без отдыха. А нам, может быть, придется еще искать тропы в бездорожье, в камнях.

— Ничего, догоним! — сказал Гимли. — Гномы тоже умеют быстро ходить и долго не отдыхать. Вот только орки успели далеко уйти за это время.

— Ну что ж, — ответил Арагорн. — Сейчас нам всем понадобится гномья выносливость. В путь! С надеждой или без нее пойдем по вражеским следам. Горе им, если догоним! Эта погоня про-

славит три племени — эльфов, гномов и людей. Вперед! Трое вышли на охоту!

И он первым, как олень, бросился вперед. Бежали они сначала между деревьями; Арагорн, поборов сомнения, мчался как ветер, не зная усталости. Скоро лес над озером остался далеко позади, и они уже поднимались по длинному пологому склону на темный, резко выделяющийся на фоне неба крайний гребень Нагорья. Последний раз закат обагрил зубцы гор — и наступила темнота. Три серые тени растворились меж камней.

Глава вторая. Всадники Рохана

Темнота сгущалась. В долине за ними под деревьями лежал туман, расползался по берегам Андуина, но небо было чистое. Зажглись звезды. Растущий месяц выплывал с запада, под камнями залегли черные тени. Путники добрались до подножья скалистых гор и теперь продвигались медленнее: искать следы на камнях стало трудней. С севера на юг неровным двойным валом громоздились хребты нагорья Эмин Муйл. Западные его склоны были крутыми и почти неприступными; восточные, изрезанные мно-

жеством ущелий и распадков, казались более пологими.

Всю ночь три друга перебирались по этим костям земли через первый хребет, поднялись на крутой перевал, потом спустились с него в глубокую долину между хребтами, темную и извилистую.

В холодный предутренний час сделали короткий привал. Месяца давно не стало видно, на небе посвечивали звезды, рассвет нового дня еще не пробился из-за гор. Арагорн опять заколебался: следы орков привели их в это ущелье, но здесь терялись.

— Как думаешь, куда они могли отсюда пойти? — спросил Леголас. — Может быть, кратчайшей дорогой на север в Исенгард через Фангорн, если ты не ошибся и это их цель? Или на юг, к реке Энтов?

— Куда бы они ни шли, к реке они точно не пойдут, — ответил Арагорн. — Они, наверное, пойдут через Роханские степи, где путь свободен, если в Рохане ничто не изменилось, а то ведь могущество Сарумана сильно выросло. Давайте и мы двинемся к северу!

* * *

Долина врезалась в неровное, словно ободранное взгорье каменным желобом, по дну которого меж валунов змеился ручей. Справа вздымалась хмурая скальная стена. Слева склон был более пологий, но тоже невеселый, серый в ночных тенях. Путники молча прошли милю или больше в северном направлении.

Арагорн шел, нагнувшись, внимательно рассматривая почву у западной стены, где она была мягче и где попадались ямы и обрывы. Леголас на несколько шагов опередил друзей. Вдруг эльф вскрикнул, и они подбежали к нему.

— Смотрите! — сказал он. — Мы уже нескольких догнали, — и показал на то, что они в полутьме сначала приняли за камни.

Под стеной валялось пять мертвых орков. С ними кто-то жестоко расправился, у двух были отрублены головы, вокруг разлилась темная кровь.

— Новая загадка, — произнес Гимли. — Ночью ее не разгадать, а до утра мы ждать не можем.

— Что бы ни произошло, для нас это добрый знак, — сказал Леголас. — Он вселяет надежду. Враги орков могут оказаться нашими друзьями. Разве эти горы обитаемы?

— Нет, — ответил Арагорн. — Рохирримы редко сюда заходят, а до Минас Тирита слишком далеко. Разве что тут были охотники, но я так не думаю.

— А как ты думаешь? — спросил Гимли.

— Думаю, что наши враги привели сюда своих врагов, — сказал Арагорн. — Эти убитые — орки с дальнего севера. Среди них нет ни одного гоблина-гиганта с Белой Ладонью и руной «С» на гербе. Похоже, что они дрались, они ведь все равно что звери. Могли не согласиться в выборе дороги.

— А могли поссориться из-за добычи, — произнес Гимли. — Будем надеяться, что наши друзья еще живы…

Арагорн осмотрел почву далеко вокруг этого места, но больше никаких следов не нашел. Друзья снова двинулись вперед. Небо на востоке бледнело, звезды постепенно гасли, а над горизонтом вставал серый рассвет. Пройдя немного на север, Отряд попал в овраг. В его каменистом дне пробивал себе путь быстрый ручеек; вдоль него росла пучками трава и попадались мелкие кусты.

— Наконец-то! — воскликнул Арагорн. — Вот они, следы: здесь вдоль ручья тропа. Враги шли по ней после побоища.

Друзья повернули на тропу и ускорили шаг, перепрыгивая с камня на камень так легко, будто

хорошо выспались ночью. Тропа вывела их на край плато, где сильный ветер сразу растрепал им волосы и стал рвать полы плащей. Рассвет дохнул холодом в лицо.

Путники огляделись и увидели далеко позади Великую реку, берега которой окрасились первыми лучами рассвета. Начинался день. Из-за темных гор показался красный край солнца. А на западе все еще было тихо и серо. Туда уползали тени, и постепенно пробуждающаяся земля только начинала расцвечиваться. Широкие луга Рохана стали буро-зелеными, белые туманы поплыли над речной долиной, а где-то почти за горизонтом, далеко-далеко слева, может, в тридцати гонах отсюда, а может, еще дальше сверкнули синью и пурпуром вершины Белых гор, отражая вечными снегами рассветные лучи.

— О Гондор, Гондор! — вскричал Арагорн. — Как бы я хотел увидеть тебя в более счастливый час! Но еще не указан мне путь на юг, к твоим чистым рекам!

Гондор! Гондор, от гор до Моря!

Дул в нем западный ветер, раскачивал Белое Древо,

Серебристым дождем рассыпал искры

света в садах королевских…

Гондор, гордые стены! Белоснежная Башня!

Гондор, трон золотой и величье Крылатой Короны!

Снова люди увидят ли Белое Древо?

Полетит ли Западный Ветер свободно от гор до Моря?..

— Идем! — очнулся он от своих мыслей, переводя взгляд с юга на северо-запад, куда надо было идти.

* * *

Обрыв круто уходил из-под ног. Ниже, в нескольких десятках шагов, скальный карниз обрывался совсем отвесной стеной, это место так и называлось: Восточная Роханская Стена. Здесь кончалось нагорье Эмин Муйл, и впереди, насколько охватывал взгляд, разлеглись широкие равнины Рубежного Края.

— Смотрите! — воскликнул Леголас, указывая на бледное небо над головами. — Опять орел. Очень высоко. Улетает на север. Быстро, как стрела, видите?

— Нет, в такой дали даже я ничего не вижу, друг, — ответил Арагорн. — Наверное, он летит слишком высоко. Интересно, зачем его послали, если это та же самая птица? Но лучше взгляни на равнину, там тоже что-то движется.

— И правда, — сказал Леголас. — Там большой отряд на марше. Но что за племя — отсюда не разберешь. До них не меньше двенадцати гонов, хотя местность плоская, расстояние определить трудно.

— А нам, похоже, больше не придется выискивать следы, чтоб с тропы не сбиться, — сказал Гимли. — Надо найти спуск в долину, и чем короче, тем лучше.

— Сомневаюсь, что есть спуск короче, чем тот, по которому шли орки, — заметил Арагорн.

Теперь Отряд гнался за врагами при полном свете дня. Все указывало на то, что орки очень спешили: время от времени друзья натыкались на брошенные или потерянные предметы — мешки от провизии, корки и огрызки твердого серого хлеба, рваный черный плащ, тяжелый кованый сапог, сбитый от ходьбы по камням… Тропа вела к северу по краю обрыва и кончилась внезапно у глубокой расселины, по которой вниз с шумом срывался поток. По самому краю расселины уз-

кая, выбитая лесенкой в скале тропа выводила в долину.

Спустившись, друзья сразу оказались на сочном пастбище, которое неожиданно начиналось у самой стены. Серо-зеленым морем колыхалось оно под ветром. Поток скрылся в густых травах, лишь приглушенный плеск выдавал его направление. Он тек к далекой влажной дельте реки Энтов.

Путникам показалось, что зиму они оставили за горами. Здесь было теплее, веял ласковый ветер, пахло зеленью, как в начале весны. Леголас глубоко вдыхал ароматный воздух, будто пил живую воду после перехода по пустыне.

— Ах, какой зеленый запах! — произнес он с чувством. — Вдохнуть такого воздуха — и спать не надо. Ну и побежим мы теперь!

— Да, здесь можно быстро бежать, — сказал Арагорн. — Быстрее, чем орки в кованых сапогах. Попробуем сократить разрыв.

* * *

Они бежали друг за другом, как гончие псы по свежему следу, с горящими от возбуждения глазами. Орки протоптали довольно широкую дорогу почти прямо на запад; там, где они прошли, сладкие травы роханских полей были примяты,

почернели, завяли. Вдруг Арагорн, бежавший первым, крикнул: «Стойте!» и сам резко остановился.

— Не идите пока за мной, — сказал он остальным и подался вправо от дороги по едва заметным мелким следам босых ног. Что-то вроде тропинки отходило от основной дороги, эта тропинка затем перекрещивалась с другой, загибалась и возвращалась, мелкие следы здесь перекрывались крупными орчьими. Там, где следы были дальше всего от дороги, Арагорн нагнулся и что-то поднял, потом вернулся к друзьям.

— Так я и думал, — сказал он. — Яснее ясного, следы хоббичьи. Ножки маленькие, наверное, Пипин, он меньше Мерри. Глядите!

На его ладони блестел полураскрытый березовый листик, очень красивый, будто настоящий, и странно было видеть его в степи, где не росло ни одного дерева.

— Застежка от эльфийского плаща! — одновременно воскликнули Леголас и Гимли.

— Листья с Лориэнских берез зря не падают, — сказал Арагорн. — Это не потерянная застежка, ее нарочно бросили, чтобы дать знак тем, кто будет идти следом. Думаю, что Пипин именно за этим отбежал в сторону.

— И теперь мы по крайней мере знаем, что он жив и что у него голова цела и ноги тоже, — обрадовался Гимли. — Хорошая весть, что бы там ни было. Не зря мы за злодеями гонимся.

— Хочется думать, что Пипину не пришлось дорого платить за эту смелость, — сказал Леголас. — Вперед! У меня сердце горит от мысли, что наших веселых полуростиков гонят как баранов.

* * *

Солнце поднялось в зенит, потом медленно покатилось к западу. С дальнего Моря, с юга через горы приплыли легкие облака, и их гонял по небу ветер. Степь по-прежнему оставалась ровной, теплой, спокойной.

Трое бежали до самого вечера. Наконец солнце село. Тени сначала удлинились, затем слились в сплошную тьму. После гибели Боромира прошло больше суток, а враги были по-прежнему далеко впереди, их даже не было видно.

Когда стало совсем темно, Арагорн остановил Отряд. В течение дня путники раза два отдыхали, но совсем понемногу, и теперь находились не меньше чем в двенадцати гонах от Стены, с которой спускались на рассвете.

— Давайте решим, — сказал Арагорн, — оста-

новимся на ночлег или продолжим охоту, пока воля есть и сил хватит? Предупреждаю: выбор нелегкий.

— Если мы будем спать, а враги не будут, они очень далеко уйдут, — задумчиво сказал эльф.

— Орки тоже без отдыха идти не могут, — буркнул гном.

— Орки редко ходят днем по открытой местности, — сказал Леголас, — а эти пошли. Ночью они тем более не остановятся.

— Но ночью нам следов не видно, — сказал Гимли.

— Пока было видно, следы никуда не сворачивали, — сказал Леголас.

— Если мне даже удастся в темноте не сбиться с направления, — произнес Арагорн, — я не поручусь, что орки никуда не свернут за ночь, а тогда мы потратим очень много времени на поиск следов.

— И потом, — добавил Гимли, — отдельные следы мы ночью никак не увидим. Если кому-то из пленников удастся сбежать или вражий отряд разделится и одного из наших потащат к реке и на восток в Мордор, мы этого в темноте не заметим и ни о чем не догадаемся.

— Конечно, — сказал Арагорн. — Но если до

сих пор я правильно читал их следы, во вражьей банде взяли верх орки с гербом Белой Ладони, и они все вместе направляются в Исенгард. Тропа ведет в ту сторону.

— Ну, а вдруг они изменят планы? — сказал Гимли. — Вдруг пленники все-таки убегут? Разве в потемках мы заметили бы ту тропку, на которой ты застежку нашел?

— После отлучки Пипина, даже такой короткой, орки наверняка удвоили бдительность, а пленники должны устать сильнее их, — возразил Леголас. — Они не будут пытаться бежать, разве что потом с нашей помощью. Я пока не представляю, чем мы сможем им помочь, но надо во что бы то ни стало догнать банду.

— Я не из слабых в своем племени, и к походам привык, но при всей выносливости не смогу без отдыха бежать до самого Исенгарда, — сказал Гимли. — У меня тоже сердце болит за друзей, и если бы я мог, я бы не останавливался. Отдыхать нужно, чтобы потом бежать быстрее. И отдыхать лучше всего ночью.

— Я сразу сказал, что выбор будет трудным, — сказал Арагорн. — На чем же мы остановимся?

— Ты наш вожак, — сказал Гимли. — Ты опытный следопыт и охотник. Решай сам.

— Мое сердце рвется вперед, — сказал Леголас. — Но нам надо быть вместе. Я подчинюсь тому, что ты решишь.

— Плохого советчика вы выбрали, — проговорил Арагорн. — С тех пор как мы проплыли через Врата Королей, я делаю ошибку за ошибкой.

Он замолчал и долго всматривался в темноту на северо-западе, откуда шла ночь.

— Нет, ночью не пойдем, — сказал он наконец. — Из двух зол большим мне представляется не заметить какой-нибудь след или важный знак. Будь луна ярче, можно было бы воспользоваться ее светом, но сейчас как раз молодой месяц.

— И облака его то и дело заслоняют, — добавил Гимли. — Жаль, что Владычица Лориэна не дала нам светильника, как нашему Фродо.

— Тому, кто этот дар получил, он нужнее, — ответил Арагорн. — В его руках судьба всего Дела. В великих деяниях эпохи наша охота сейчас — событие незначительное. Может быть, она с самого начала обречена на провал, тогда от меня ничего не зависит. Но надо решать — я решил: давайте получше используем время отдыха!

Арагорн бросился на землю и мгновенно заснул, ибо с ночи, проведенной в тени Тол Брандира, еще не смыкал глаз. Проснулся он перед рассветом

и сразу встал. Гимли еще крепко спал, а Леголас стоял, напряженно всматриваясь в темень, как замершее молодое деревце в безветренную ночь.

— Они уже очень-очень далеко, — грустно молвил Леголас, обращаясь к Арагорну. — Я их чувствую, я знаю, что ночью они не останавливались. Сейчас только орел мог бы их догнать.

— Все-таки мы будем идти за ними, сколько сможем, — сказал Арагорн и, нагнувшись, тронул гнома за плечо: — Вставай, Гимли, пора идти. След стынет.

— Еще темно, — заворчал гном. — Пока солнце не взойдет, даже Леголас и даже с горы их не увидит.

— Боюсь, что их уже никто не увидит, ни при солнце, ни при луне, ни с горы, ни с дороги, так они далеко, — произнес Леголас.

— Когда подводят глаза, земля может многое рассказать ушам, — сказал Арагорн. — Она наверняка стонет под их проклятыми сапогами.

Скиталец лег на траву, вытянулся, прижался ухом к земле. Он так долго не двигался, что Гимли подумал, уж не заснул ли он. Тем временем небо на востоке посерело, тусклый рассвет медленно раздвигал мрак. Когда Арагорн наконец поднялся, друзья увидели, что лицо у него бледное, глаза

ввалились и смотрят озабоченно.

— Земля дрожит от непонятных отзвуков, — сказал он. — На много миль вокруг по ней никто не идет. Топот наших врагов еле доносится из невероятной дали. Но раздается стук конских копыт. Мне кажется, что я уже слышал его, когда мы спали на земле, эти кони скакали в моих снах. Они мчатся на северо-запад, сейчас они бешеным галопом удаляются от нас. Хотел бы я знать, что творится в этих краях?

— Идем скорее, — торопил Леголас.

Так начался третий день Погони. Они опять побежали, и потом бежали или шли быстрым шагом до самого вечера, под палящим солнцем или в тени набегающих облаков, ибо их гнал вперед жар сердец, который сильнее усталости.

Между собой они почти не разговаривали. Двигались по открытой местности, но эльфийские плащи настолько сливались с серо-зеленым степным покровом, что даже под полуденным солнцем издали их мог бы заметить только эльф с острым зрением. Много раз они мысленно благодарили Владычицу Лориэна еще и за лембасы, которые грызли прямо на бегу, чувствуя каждый раз прилив новых сил.

Тропа, по которой они бежали, за целый день

никуда не свернула и не прерывалась, а шла прямо на северо-запад. Когда наступил вечер, они оказались на большом пологом подъеме, тоже без единого деревца. Степь медленными волнами уходила к далеким округлым буграм. Следы орков вели туда, слегка отклоняясь к северу, и были здесь хуже заметны, потому что почва стала тверже, а трава короче и жестче. Вдали слева серебряной лентой в траве посверкивала река Энтов.

Равнина казалась необитаемой. Арагорн дивился, что до сих пор они не встретили следов человека или зверя. Правда, рохирримы жили гораздо южнее, в лесистых предгорьях Белых гор Эред Нимрас, скрытых сейчас за туманами и облаками. Но владельцы огромных табунов издавна пасли их в степях Восточного Эмнета, окраинной провинции своего государства, и пастухи оставались здесь даже на зиму, укрываясь в шалашах и временных постройках. Сейчас обширная земля пустовала, и объявшая ее тишина не была ни благостной, ни спокойной.

* * *

Когда стемнело, друзья остановились. Они уже дважды по двенадцать гонов прошли по степи,

и стена нагорья Эмин Муйл скрылась из глаз. На небе еле пробивался сквозь облака узкий рожок молодого месяца, звезд почти не было видно.

— Мне с каждым разом все обидней тратить драгоценные часы на отдых, — жаловался Леголас. — Орки мчатся, будто сам Саурон их бичом лупит. Боюсь, что они уже дошли до лесистых склонов и как раз сейчас входят под тень деревьев.

Гимли скрипнул зубами:

— Конец всех надежд и трудов!

— Конец надежд — может быть, но не трудов, — произнес Арагорн. — С дороги мы не свернем. Хотя я тоже устал. — Он оглянулся, всматриваясь в густеющий мрак на востоке, потом добавил: — Не пойму я этой тишины. Не верю ей. Даже бледному месяцу не верю. Звезды светят сквозь облака, а меня охватывает тоска, которой воину на боевой тропе знать не положено. Чья-то мощная воля придает в пути силы нашим врагам, а нам чинит преграды, опутывает усталостью сердце сильнее, чем ноги.

— Верно говоришь, — сказал Леголас. — Я это почувствовал, как только мы сошли со стены нагорья. Ибо эта враждебная воля не сзади нас, а впереди.

Эльф показал рукой на запад, за поля Рохана, где тонкий серп луны опускался в темень.

— Саруман! — вполголоса произнес Арагорн. — Но он не заставит нас повернуть назад! Сейчас надо остановиться: видите, даже месяц в тучи лег. А как только рассветет, пойдем на север, там пролегает наш путь, за буграми!

* * *

Утром, как и в предыдущие дни, Леголас первым оказался на ногах. Похоже, он совсем не спал.

— Вставайте, вставайте! — восклицал он. — Сегодня красный рассвет. В лесной тени нас ждет неведомое, — не знаю, добро или зло, но нас туда зовут. Вставайте!

Арагорн и Гимли вскочили и, не тратя времени, почти сразу зашагали вперед. С каждым шагом они приближались к буграм и за час до полудня уже стояли под зелеными склонами. Ровная цепочка округлых лысых куполов тянулась на север. Земля здесь была сухой, трава низкой, а между холмами и рекой, пробивающейся через густые заросли тростника и камышей, протянулась широкая, миль в десять, долина с сочной травой. У самого ближнего бугра в этой траве

выделялся широкий темный круг, вытоптанный множеством ног. Следы орков отсюда заворачивали круто на север и шли под самыми холмами. Арагорн остановился и внимательно осмотрел почву.

— Здесь они недолго отдыхали, — сказал он, — но все следы уже старые. Сердце тебя не обмануло, Леголас; с тех пор как они тут побывали, прошло трижды по двенадцать часов, мы сильно отстали. Если они не замедляли хода, то должны были достичь Фангорна еще вчера на закате.

— Сколько ни смотрю на север и на запад, здесь кругом — одна трава, — сказал Гимли. — Хоть с холмов мы лес увидим?

— До леса еще далеко, — объяснил Арагорн. — Если память мне не изменяет, цепь этих бугров тянется на восемь гонов, а за ними до истоков реки Энтов еще по равнине гонов пятнадцать.

— Ну, тогда пошли! — сказал гном. — Нечего считать гоны, стоя на месте. Будь на сердце полегче, ногам бы, конечно, веселей шагалось…

До последнего бугра в цепи путники дошли, когда солнце уже садилось. Оттого ли, что шли они уже много часов, они теперь продвигались заметно медленнее. Гимли даже слегка горбился от усталости. Гномы вообще в работе и в дороге

выносливы, ибо крепки, как камни; но эта бесконечная погоня утомила Гимли еще и потому, что надежда в его сердце почти погасла. Арагорн шел за ним в мрачном молчании, время от времени нагибался, пытаясь найти какой-нибудь знак на тропе. Лишь Леголас ступал легко, как всегда, почти не касаясь ступнями травы и не оставляя следов; одной эльфийской лепешки ему хватало на целый день, а спать он умел на ходу, днем с открытыми глазами: эльфы отдыхают духом, бродя мыслью по волшебным тропам мечты, хотя люди не назвали бы это сном.

— Пошли вон на тот зеленый холм! — позвал он за собой друзей и первым взбежал на вершину бугра, в то время как они оба с трудом взобрались вверх по склону.

Вершина оказалась ровной и гладкой. Холм был последним в цепи и стоял немного поодаль от остальных. Пока они на него поднимались, солнце зашло. Трое путников оказались одни в бесформенных сумерках над плоской равниной; вокруг все было одинаково серо. Только далеко на северо-западе между небом и землей проходила темная полоса — там начинались Мглистые горы, и лес был у их подножия.

— Ничего отсюда не видно, ни следов, ни до-

рог, — сказал Гимли. — Но надо думать о ночлеге, очень холодно становится.

— Ветер с севера, — объяснил Арагорн, — а там снега.

— Утром он изменится и подует с востока, — произнес Леголас. — Если вы устали, давайте отдыхать. И не теряйте надежды. Говорят же: *хочешь совета — дождись рассвета*. Может быть, восход солнца принесет что-нибудь новое.

— Это солнце уже трижды всходило, не принося ничего нового, — буркнул Гимли.

* * *

Ночь была холодной. Арагорн и Гимли спали неспокойно, а когда кто-нибудь из них просыпался, то каждый раз видел, как Леголас стоит над ними, оберегая их сон, или ходит вокруг, напевая на своем родном языке, а если эльф так поет, на черном небосводе вспыхивают белые звезды.

Когда все трое были уже на ногах, звезды погасли, небо осветилось, и вскоре выплыло бледное солнце. Восточный ветер сметал клубы тумана. Степь хмуро молчала.

На востоке простиралась обдуваемая ветрами Пустошь — плоскогорные пастбища. На северо-западе темнел Фангорнский лес, но до него

оставалось не меньше десятка гонов, а за лесом в расплывчатом синеватом контуре Мглистых гор торчал белый зубец пика Метедрас, последнего в южном конце хребта. Из Фангорна текла им навстречу река Энтов, быстрая, извилистая, с крутыми берегами. Тропа орков вела к реке, а затем вдоль нее — к лесу.

Обводя взглядом тропу, реку и степь, зоркий Арагорн вдруг заметил вдали быстро движущееся пятно. Он припал к земле и стал вслушиваться. Леголас вытянулся в струнку, приложил ко лбу длинную ладонь козырьком и всмотрелся в даль. Он увидел отряд всадников, маленькие фигурки людей на конях и искры рассветных лучей на их боевом вооружении, как мелкие звездочки, недоступные взгляду простого смертного на таком расстоянии. А еще дальше Леголас заметил тонкий столб черного дыма, поднимавшийся к небу.

Но в степи рядом с ними было так тихо, что Гимли слышал шелест каждой травки.

— Всадники! — вскочил с земли Арагорн. — Много всадников на быстрых конях, и они скачут сюда.

— Да, — добавил Леголас. — Их сто и еще пять, у них светлые волосы и копья сверкают. Предводитель у них высокий.

Арагорн улыбнулся:

— Ну и глаза у вас, эльфов!

— Ничего особенного, — ответил Леголас. — Эти всадники не дальше, чем в пяти гонах отсюда.

— В пяти или в одном, — проворчал Гимли, — в любом случае нам с ними на этой равнине не разминуться. Будем ждать или пойдем своей дорогой?

— Ждать будем, — сказал Арагорн. — Я устал. Враги ушли далеко, все равно не догнать. А может быть, их уже без нас догнали? Ведь этот отряд скачет по орчьей дороге, только в обратную сторону. Может быть, у них для нас есть новости?

— У них для нас есть острые копья, — сказал Гимли.

— На трех конях седла пустые, — сказал Леголас. — И хоббитов среди этих людей нет.

— Я не сказал, что новости обязательно будут хорошими, — произнес Арагорн. — Но нам важны любые.

Друзья медленно спустились по северному склону с вершины бугра, где их было издалека видно, и присели в жухлую траву на склоне, завернувшись в плащи. Время тянулось медленно. Ветер дул порывами и все время менял направление. Гимли не мог сидеть спокойно.

— Ты что-нибудь знаешь об этих всадниках, Арагорн? — спросил он. — Может, мы здесь смерти ждем?

— Я бывал в этих местах, — ответил Арагорн. — Рохирримы горды и упрямы, но сердцем щедры и поступают благородно; они храбры, но не безжалостны; необразованны, но умны; книг не пишут, зато поют песни, как дети людского племени в Давние дни. Но я не знаю, что здесь происходит сейчас, — ведь их земля оказалась между владениями Сарумана и Саурона. С гондорцами они издавна дружили, хотя в их жилах нет родственной крови. Они с севера, ближе всего к ним племя Барда из Дейла и Беорна из Дикого Края. Там и сейчас можно встретить высоких светловолосых людей, похожих на рохирримов. А сюда их привел Эорл Юный. И во всяком случае, орков они не любят.

— Но Гэндальв рассказывал, будто Рохан, по слухам, платит дань Мордору, — вспомнил Гимли.

— Боромир этому не верил, и я не верю, — отрезал Арагорн.

— Скоро узнаем, — сказал Леголас. — Они близко.

* * *

Уже и Гимли услышал топот конских копыт. Всадники скакали галопом по тропе орков, которая сворачивала от реки к буграм. Они неслись быстрее ветра. Их зычные крики разрывали степную тишину.

Вдруг они отпустили поводья, и кони понеслись так, что земля загудела. Подлетев к холмам, первый всадник закружился на коне, потом стал объезжать бугор, ведя за собой остальных. Ряд за рядом скакали конные бойцы, высокие, ловкие, в блестящем вооружении. Зрелище было одновременно грозным и красивым.

Ровно скакали рослые кони, сильные и породистые, шерсть на них лоснилась, длинные хвосты развевались по ветру, гривы были заплетены на гордых шеях. Всадники были под стать коням. Из-под легких шлемов на плечи падали светлые, как лен, волосы; смуглые суровые лица дышали отвагой; глаза смотрели ясно и открыто. В руках всадники держали длинные копья с древками из ясеня, за плечами висели раскрашенные щиты, сбоку — мечи; сверкающие кольчуги доставали до колен. Проносились они галопом, по два в ряд, но хотя время от времени то один, то другой из

них приподнимался в стременах, озирая местность, троих путников, молча сидящих на склоне в эльфийских плащах, они, похоже, не замечали.

Отряд уже почти миновал бугор, когда Арагорн вдруг встал и громко крикнул:

— Что слышно в северных землях, воины Рохана?

* * *

Всадники молниеносно осадили коней, развернулись и широким полукругом въехали на бугор. В один миг друзья оказались в кольце воинственных рохирримов. Кольцо сжималось. Арагорн стоял молча, два его товарища, сидя, замерли, напряженно ожидая, какой оборот примет эта встреча.

Всадники, сомкнув круг, без всякой команды остановились, ощетинившись копьями, направленными на троих путников. Некоторые натянули луки. Предводитель, выделявшийся ростом над остальными, в шлеме с султаном из белого конского хвоста, подъехал так близко, что почти коснулся копьем груди Арагорна. Арагорн не дрогнул.

— Кто вы и зачем пришли сюда? — спросил всадник. Он говорил на всеобщем языке, выгово-

ром и манерой речи напомнив друзьям гондорца Боромира.

— Меня называют Долгобродом, — ответил Арагорн. — Я прибыл с севера. Охочусь на орков.

Всадник соскочил с коня, отдал копье одному из подчиненных, который подъехал и тоже спешился, затем обнажил меч и встал перед Арагорном, внимательно и не без удивления его разглядывая.

— В первую минуту я подумал, что вы сами из орков, — сказал он. — Сейчас вижу, что ошибся. Плохо ты знаешь орков, если так на них охотишься. Банда была большая, и эти хищники вооружены до зубов. Если бы ты их догнал, охотились бы они, а ты с товарищами стал бы добычей. Но в тебе что-то есть, Долгоброд. Имя, которым ты назвался, не подходит такому, как ты, — рохиррим быстро оглядел Арагорна с головы до ног. — Одет ты странно. Ты нездешний? Ты выскочил прямо из травы? Как мы могли вас не заметить? Вы не из эльфов?

— Нет, — ответил Арагорн. — Только один из нас — эльф. Это Леголас из далекого Темнолесья. Но по пути мы заходили в Лориэн, у нас дары Владычицы этого края, и с нами ее добрые пожелания.

Рохиррим посмотрел на троих друзей с новым удивлением, но в его глазах появился холодный блеск.

— Значит, правда, что в Золотом лесу живет Владычица, о которой рассказывают сказки! — воскликнул он. — Я слышал, что мало кто вырывается из ее сетей. Удивительно и неправдоподобно! Если вы попали к ней в милость, значит, вы тоже плетете сети и творите чары. — Он строго взглянул на Леголаса и Гимли. — Почему не отзываетесь, молчуны?

Гимли встал, широко расставил ноги и крепко сжал рукоять боевого топора. Его черные глаза гневно сверкнули.

— Назови свое имя, всадник, тогда ты услышишь мое и много другого вдобавок, — с вызовом произнес он.

— Обычай требует, чтобы чужестранец представился первым, — ответил всадник, глядя на гнома сверху вниз, — но знай, что я — Эомер сын Эомунда, а мое звание — Третий полководец Рубежного Края.

— Тогда, Эомер сын Эомунда, Третий Полководец Рубежного Края, поостерегись гнома Гимли сына Глоина и не говори необдуманных слов. Ты очерняешь ту, чьи добродетели даже представить

себе не можешь. Только недомыслием можно это объяснить.

Глаза Эомера засверкали, а его приближенные еще теснее сдвинулись вокруг чужеземцев и опять наставили на них копья.

— Я бы отсек тебе голову вместе с бородой, дерзкий гном, если бы она торчала немного повыше над землей! — воскликнул Эомер.

— Гимли здесь не один! — закричал Леголас, в мгновение ока натянув лук со стрелой. — Ты погибнешь раньше, чем опустишь меч!

Эомер все же поднял меч, и стычка эта закончилась бы кровопролитием, если бы между противниками не встал Арагорн с поднятой рукой.

— Прости их, Эомер! — крикнул он. — Ты поймешь гнев моих друзей, когда узнаешь о нас больше. У нас нет враждебных намерений, мы не хотим обидеть Рохан и рохирримов, ни людей, ни коней. Согласись сначала выслушать нас, затем берись за оружие.

— Согласен, — ответил Эомер и опустил меч. — Но учти, что путники, пришедшие в наше смутное время на поля Рохана, должны вести себя скромнее. И скажи мне свое настоящее имя.

— Прежде всего скажи мне, кому ты слу-

жишь, — попросил Арагорн. — Друг или враг тебе Саурон, мрачный повелитель Мордора?

— У меня один повелитель, король Рубежного Края Феоден сын Тенгла, — ответил Эомер. — Черный Властелин далеко, мы ему не подчиняемся, но и не ведем с ним открытой войны. Если ты бежишь от черных сил, лучше покинь эти земли. На всех наших границах неспокойно, и мы постоянно находимся под угрозой; а мы хотим сохранить свободу и жить, как жили, служа только своим королям и не подчиняясь чужеземным властелинам, ни добрым, ни злым. В лучшие дни мы дружелюбнее и учтивее встречали чужестранцев, но в это смутное время непрошеные гости должны быть готовы к суровому приему. Говори! Кто *ты* на самом деле и *кому* служишь? Зачем охотишься на орков в наших степях?

— Я никому не служу, — ответил Арагорн. — Но слуг Саурона буду преследовать во всех землях. Орков я знаю, как мало кто из смертных, и если сейчас охочусь за ними так, как ты видишь, то потому лишь, что у меня нет другого выбора. Орки, за которыми мы гонимся, похитили двоих наших друзей. В таких случаях человек идет пешком, если нет коня, разрешения не спрашивает, а головы врагов считает лезвием меча. Я не безоружен.

Арагорн сбросил плащ. Выкованные эльфами ножны заблестели, а когда он выхватил из них меч, клинок Андрила сверкнул белым пламенем.

— Элендил! — издал воин боевой клич. — Я Арагорн сын Араторна, и еще меня зовут Элессар, Камень Эльфов, Дунадан, наследник Исилдура Гондорского, сына Элендила. Вот сломанный и перекованный меч. Роковой час близок. Ты мне поможешь или преградишь путь? Выбирай!

Гимли и Леголас удивленно смотрели на своего спутника, потому что еще не видели его таким, как в эту минуту. Словно Арагорн вдруг вырос, а Эомер стал ниже ростом. Лицо Арагорна выражало силу и власть, он сейчас стал похож на великих Каменных Королей. На мгновение Леголасу показалось, что на челе Арагорна белым пламенем зажегся королевский венец.

Эомер отступил на шаг, в его лице появилось почтительное выражение. Он опустил гордый взгляд к земле.

— Странные времена пришли, — задумчиво произнес он. — Живые легенды или сны вырастают из травы… Поведай мне, высокородный чужестранец, — сказал он громко, обращаясь к Арагорну, — что тебя к нам привело? Уже давно Боромир сын Дэнетора поскакал за разгадкой

непонятных слов, но конь, которого мы ему дали, вернулся без седока. О каком роковом часе ты говоришь?

— Настал час выбора, — ответил Арагорн. — Повтори мои слова Феодену сыну Тенгла: его ждет открытая война либо в войске Саурона, либо против него. Никто больше не сможет жить так, как жил до сих пор, и мало кому удастся сохранить то, что он считал своим. Но об этих важных делах мы еще поговорим после. Если мне ничто не помешает, я сам явлюсь к твоему королю. Сейчас же я прошу помощи или хотя бы известий. Как ты уже слышал, мы гонимся за орками, которые похитили наших друзей. Что ты можешь мне сказать об этих бандитах?

— Прекращай погоню, — ответил Эомер. — Их банда уже разбита.

— А наши друзья?

— Мы не видели там никого, кроме орков.

— Странно, очень странно, — сказал Арагорн. — А вы рассмотрели убитых? Там не было тел, не похожих на орчьи? Наши друзья маленького роста, их можно было принять за детей: они босые, в серых плащах.

— Не было там ни детей, ни гномов, — сказал Эомер. — Мы пересчитали убитых, забрали их

оружие и добычу, потом свалили трупы в кучу и сожгли по обычаю. Пепел еще дымится.

— Речь идет не о гномах, и не о детях, — вставил слово Гимли. — Наши друзья — хоббиты.

— Хоббиты? — удивился Эомер. — Кто они? Первый раз слышу такое странное название.

— Странное название странного племени, ты прав, — сказал гном. — Но эти двое нам очень дороги. Похоже, что ты слышал о предсказании, которое встревожило правителя Минас Тирита? В нем идет речь о полуростках. Они и есть хоббиты.

— Полуростки! — засмеялся воин, стоявший рядом с Эомером. — Ах, полуростки! Но ведь эти создания существуют только в старых северных сказках. Мы сами попали в сказку или все-таки ходим по зеленой земле в свете дня?

— Можно одновременно жить и там, и здесь, — произнес Арагорн. — Ибо не мы, а те, кто придет после нас, создадут легенды о нас и нашем времени. Зеленая земля, говоришь? В ней много легенд, хотя ты ее топчешь при свете дня.

— Нам сейчас каждая минута дорога, командир! — проговорил воин, не обращая внимания на Арагорна. — Надо спешить на юг. Оставим этих чудаков с их выдумками или свяжем их и

отвезем к королю.

— Спокойно, Эофен, — сказал Эомер на языке Рохана. — Я сам хочу с ними говорить. Собери *эоред* на дороге и приготовьтесь к маршу. Поскачем через реку Энтов.

* * *

Бурча что-то себе под нос, Эофен отошел к отряду и передал приказ. Эомер остался наедине с пришельцами.

— То, что ты мне сказал, Арагорн, очень странно, — произнес он, — но я не сомневаюсь в правдивости твоих слов. Рохирримы сами не лгут и не терпят обмана. Однако всей правды ты мне не сказал. Поведай мне о настоящей цели вашего похода, чтобы я мог судить о том, что следует делать.

— Я вышел из Имладриса, как назван тот край в Предсказании, много недель назад, — ответил Арагорн. — Со мной был Боромир, воин из Минас Тирита. Я собирался идти вместе с сыном Дэнетора на его родину и помочь его народу в войне с Сауроном. У остальных участников нашего Похода было другое задание, о нем я еще не имею права рассказывать. Нашим вожатым был Гэндальв Серый.

— Гэндальв! — воскликнул Эомер. — Гэндальва Серого в Рубежном Крае знают. Но я должен предостеречь тебя: сейчас это имя не откроет тебе двери к сердцу короля. Гэндальв много раз бывал в нашей стране, приходил, когда хотел, то по два раза на год, то намного реже. Каждый раз он был провозвестником необычных событий. Некоторые утверждают, что он приносит несчастье.

В самом деле, после того как он побывал здесь в последний раз, на нас посыпались беды. Начались неприятности со стороны Сарумана. Раньше мы считали его другом Рохана, но пришел Гэндальв и предостерег нас, что в Исенгарде идут военные приготовления. Гэндальв сказал, что его самого заточили в башне, и ему с трудом удалось спастись. Маг просил помощи, но Феоден не хотел об этом слышать, и Гэндальв ушел от нас ни с чем. Не вздумай произнести его имя в присутствии Феодена. Король разгневается, он зол на него, ибо маг взял из дворцового табуна жеребца по имени Серосвет, жемчужину королевских конюшен, из породы *мирасов;* никто не смеет садиться на них, кроме владык Рубежного Края. Серосвет происходит от прославленного коня Эорла, который знал человеческую речь. Семь ночей назад Серосвет вернулся, но король гневается по-прежнему, ибо

конь одичал и никого к себе не подпускает.

— Значит, Серосвет сам нашел дорогу с далекого севера, — сказал Арагорн. — Ибо именно там Гэндальв расстался со скакуном. Увы! Гэндальв больше никогда на него не сядет. Он низвергся в черную бездну Морийских Копей, и с тех пор на белом свете его не видали.

— Это печальная новость, — сказал Эомер, — грустная для меня и для многих из нас, но не для всех, в чем ты сможешь убедиться, посетив королевский двор.

— В вашей стране никто не сможет понять до конца всей горечи этой потери, хотя ее последствия каждый из вас ощутит, не пройдет и года, — произнес Арагорн. — Но когда гибнут великие, малые вынуждены возглавлять походы. Мне пришлось вести Отряд от самой Мории. Мы шли через Лориэн, — прежде, чем опять говорить о том крае, постарайся узнать о нем больше, — а потом мы доплыли по Великой реке до водопада Раурос. Там погиб Боромир от рук тех самых орков, которых вы только что разбили!

— Только плохие вести ты несешь нам, Арагорн! — в отчаянии воскликнул Эомер. — Смерть Боромира — большая потеря для Минас Тирита и для всех нас. Это был мужественный воин,

достойный и прославленный Он редко бывал в Рохане, потому что много воевал на восточных границах Гондора, но я с ним встречался. Он был больше похож на буйных сынов Эорла, чем на строгих и суровых гондорцев, но, наверное, стал бы великим вождем своего народа, если бы дождался своего часа. Непонятно, почему из Гондора к нам до сих пор не пришла весть об этом несчастье. Как давно это случилось?

— Кончается четвертый день, — ответил Арагорн. — Вечером того самого дня мы выступили от скалистого острова Тол Брандир.

— Пешком? — ахнул Эомер.

— Да, как видишь.

Эомер от удивления широко раскрыл глаза.

— Долгоброд для тебя слишком скромное прозвание, Арагорн сын Араторна, — сказал он. — Я бы назвал тебя Крылоногом. Об этом Походе Трех Друзей барды должны петь песни на пирах. За неполных четверо суток преодолеть пешком расстояние в сорок и пять гонов! Силен род Элендила!

Но скажи мне, Арагорн, чего ты хочешь от меня? Я должен немедленно вернуться к Феодену. В присутствии подчиненных мне приходится быть осторожным. Мы не ведем открытую войну с чер-

ными силами, но при дворе появились трусливые и подлые советчики; а война, ты прав, висит в воздухе. Мы не порвали старых договоров с гондорцами, и если наши союзники позовут, придем им на помощь. Так говорю я, и так поступят все, кто со мной. Как Третий полководец я охраняю пастбища Восточного Эмнета. Я приказал пастухам перегнать стада и табуны за реку Энтов; здесь остались только разведчики и охрана.

— Значит, вы не платите дань Саурону? — спросил Гимли.

— Нет. И никогда не платили! — сверкнув глазами, ответил Эомер. — До моих ушей уже доходило, что кто-то распускает эти лживые слухи по свету. Несколько лет назад Черный Властелин хотел купить у нас коней и предлагал за них большую цену, но мы отказали, потому что не можем отдавать животных на службу Злу. Теперь он засылает сюда банды орков, которые хватают, что им под руку попадет, и стараются красть вороных коней, так что у нас их все меньше остается. Это основная причина нашей теперешней ненависти к оркам.

— Но сейчас наша главная забота — Саруман, — продолжал Эомер. — Он пытается завладеть всем этим краем, и мы уже много месяцев воюем с

ним. Ему служат орки, ворги и злодеи из людей, он закрыл для нас Роханский Проход, так что мы сейчас зажаты в тиски — враги на западе и на востоке. Трудно воевать с подобным противником. Саруман — маг, он хитер и искусен в своем деле, умеет принимать разные обличья. Говорят, что он появляется то здесь то там, в виде старика в плаще с капюшоном; говорят, что так он очень похож на Гэндальва. Его шпионы ухитряются проникать через наши заслоны; он постоянно посылает зловредных птиц летать над нашими землями. Не знаю, чем это кончится, но в душе у меня зреет нехорошее предчувствие. Мне кажется, что не только в Исенгарде есть служители и союзники Сарумана. Когда побываешь у нас при дворе, сам увидишь. Но попадешь ли ты туда? Может быть, я обманываюсь, думая, что ты послан сюда для спасения в трудную минуту?

— Я приду к Феодену, как только смогу, — сказал Арагорн.

— Иди, не медля, — попросил Эомер. — Наследник Элендила может оказать большую помощь сынам Эорла в столь грозное время. На полях Западного Эмнета сейчас происходит битва, которую, я боюсь, мы проиграем. Признаюсь тебе, что я двинулся на север, не испросив разрешения

короля, и в столице осталась лишь малочисленная стража. Но разведчики доложили мне, что три ночи назад банда орков спустилась в наши степи с Восточной Стены, и часть из них — с белым гербом Сарумана. Подозревая, что произошло то, чего я больше всего опасался, а именно, что Ортханк заключил союз с Черной Башней, я возглавил эоред из моих родичей и вассалов. Два дня назад в сумерках мы перехватили орков у Фангорнского леса. Там мы их окружили и вчера на рассвете дали бой. Я потерял пятнадцать человек и двенадцать коней, увы! Банда оказалась многочисленней, чем мы думали. По-видимому, с востока пришло подкрепление, что подтверждает новый след немного севернее. И на помощь оркам из лесу подошел еще отряд, тоже с белым гербом Исенгарда, — гоблины-гиганты, а это самое страшное и дикое племя. Мы сумели разбить их всех. Однако мы тут слишком задержались. Мы нужны на юге и на западе. Присоединяйся к нам. Как видишь, у нас есть свободные кони. Твой меч не останется без дела. Пригодятся и топор Гимли, и лук Леголаса, если твои друзья простят мне необдуманные слова о лесной владычице. Но я лишь повторил то, что говорят в наших краях, и охотно сменю свое мнение, если узнаю, что

ошибался.

— Спасибо за благородные слова, — ответил Арагорн, — от всего сердца говорю в ответ, что хотел бы ехать с тобой, но не могу бросить друзей, пока остается хотя бы тень надежды.

— Надежды нет, — произнес Эомер. — На северной границе ты своих друзей не найдешь.

— Но ведь на дороге их нет. Недалеко от Восточной Стены мы нашли бесспорное доказательство того, что по крайней мере один из них был жив и прошел там. Между нагорьем и этими буграми мы не видели ни одного следа, который бы отходил от пути банды, разве что я разучился читать следы.

— Что же могло с ними случиться?

— Не знаю. Они могли погибнуть в пылу сражения, тогда их тела сгорели бы вместе с орчьими. Но ты говоришь, что это невозможно, и я рад. Могу предположить, что их затащили в лес перед сражением, и уже потом твой отряд окружил банду. Ты поклянешься, что никто не проскользнул через твой заслон?

— Клянусь, что ни один орк не ускользнул от нас с момента, когда мы заметили банду! — воскликнул Эомер. — Мы подошли к лесу раньше их, а чтобы пройти через кольцо моих всадников,

надо уметь колдовать!

— Наши друзья в таких же плащах, как мы, — сказал Арагорн. — А нас вы средь белого дня не заметили.

— Да, об этом я забыл, — признался Эомер. — Чудеса за чудесами, ни за что поручиться нельзя. Непонятные дела творятся на свете: эльф в компании с гномом ходят средь бела дня по нашим полям; люди говорят с лесной владычицей и остаются целы и невредимы; меч, сломанный много веков назад, когда отцы наших отцов пришли в Рубежный Край, снова готов для битвы… Как в такое время решить, что делать человеку?

— В такое время, как и в любое другое, человек должен знать, что делать, — сказал Арагорн. — Добро и зло во все времена неизменны и одинаковы для людей, гномов и эльфов. Человек должен просто выбрать между добром и злом, как в своем доме, так и в Золотом эльфийском лесу.

— Ты прав, — подтвердил Эомер. — Но я сомневаюсь не в тебе и не в выборе своего сердца. Я не волен поступать так, как сам хочу. Наш закон запрещает иноземцам бродить по стране без разрешения на то короля. В такое трудное время он соблюдается строже, чем когда-либо. Я просил тебя добровольно присоединиться к нам, но ты

отказываешься. По закону я должен бросить на вас троих свою сотню, но даже мысль об этом противна мне.

— По-моему, ваш закон нас не касается, — ответил Арагорн. — Я здесь не совсем чужой. Я не раз бывал в вашей стране, сражался в рядах рохирримов, только в другой одежде и под другим именем. С тобой мы не встречались, ибо ты молод, но я знал твоего отца Эомунда, и мне доводилось беседовать с Феоденом сыном Тенгла. Не могло за это время все так измениться, чтобы благородный полководец Рохана намеренно помешал мне идти своим путем. Моя цель ясна, я не отступлю. А ты, сын Эомунда, должен выбрать. Либо помоги нам или хотя бы отпусти нас с миром, либо поступи по закону. Но предупреждаю: если ты так сделаешь, к твоему королю вернется намного меньше воинов.

Эомер ненадолго задумался, потом произнес:

— Мы оба спешим. Мой эоред застоялся и ждет команды, а твоя надежда с каждым часом тает. Считай, что я выбрал. Иди с миром. Больше того, я даю тебе коней. Об одном только прошу: когда выполнишь свое дело или убедишься, что дальнейшие поиски бесполезны, сам приведи коней в Медуселд, так называется Золотой Двор в Эдорасе,

где сидит король Феоден. Так ты подтвердишь ему, что я не ошибся в выборе. От твоего слова теперь зависит мое доброе имя, а может быть, даже жизнь. Не подведи.

— Не подведу, — сказал Арагорн.

* * *

Воины Эомера очень удивились, получив приказ отдать свободных коней иноземцам. Некоторые бросали на путников косые взгляды исподлобья, но один Эофен осмелился возразить:

— Можно отдать скакуна достойному вождю из рода властителей Гондора, если он тот, за кого себя выдает, — сказал он, — но никто еще не слышал, чтобы роханского коня оседлал гном!

— Никто не слышал, никто и не услышит, будь спокоен! — ответил Гимли. — Я лучше пешком пойду, чем трястись на хребте такого большого зверя.

— Придется тебе, однако, согласиться, иначе опоздаем, — сказал Арагорн.

— Не волнуйся, друг Гимли, — успокоил его Леголас. — Сядешь позади меня. Так будет лучше. Рохирримы дадут коня не тебе, и не ты будешь за него в ответе.

Арагорну подвели крупного темно-серого кра-

савца.

— Его зовут Хасуфел, — сказал Эомер. — Пусть он служит тебе верно, и пусть тебе на нем повезет больше, чем его прежнему хозяину Гарульфу.

Конь, предложенный Леголасу, был меньше и казался норовистым и нервным. Его звали Эрод. Леголас попросил рохирримов снять седло и уздечку.

— Мне это не нужно, — сказал он и легко вскочил на коня. Ко всеобщему удивлению, Эрод не только позволил Леголасу оседлать себя, но покорно выполнял все, что эльф ему нашептывал. Благородные животные слушаются эльфов. Когда рядом с Леголасом на коня подсадили Гимли, гном крепко прижался к другу чувствуя себя, наверное, так же неуверенно, как недавно Сэм Гэмджи в лодке.

— Счастливого пути, да найдете вы, что ищете! — пожелал Эомер. — Поскорее возвращайтесь, и пусть наши мечи засверкают в едином строю!

— Я вернусь! — ответил Арагорн.

— Я тоже, — пообещал Гимли. — Мы с тобой не кончили разговор о Владычице Галадриэли. Я должен вернуться, чтобы научить тебя учтивости.

— Посмотрим, кто кого научит, — сказал

Эомер. — Ты — еще одно чудо, но я уже не удивляюсь, что гном хочет любящим топором вбить мне в голову почтение к красавице! Будь здоров и возвращайся!

Так они расстались. Быстрыми, как ветер, были кони из роханских табунов.

Когда через некоторое время Гимли оглянулся, эоред Эомера был уже едва заметен на горизонте. Арагорн не оглядывался. Он не спускал глаз с дороги, пытаясь найти какие-нибудь знаки на земле, и ехал, почти положив голову на шею Хасуфела. Вскоре они уже мчались по берегу реки Энтов и увидели другую вытоптанную полосу, шедшую со стороны Нагорной Пустоши. По-видимому, именно о ней говорил Эомер.

Арагорн сошел с коня, внимательно рассмотрел тропу, потом снова вскочил в седло и отъехал чуть в сторону на восток, стараясь не затоптать следы. Там он еще раз соскочил на землю, еще раз внимательно осмотрел тропу и несколько шагов прошел по ней.

— Немного я узнал, — обратился он к друзьям. — На главной дороге следы орков затоптаны конскими копытами. Отсюда банда двигалась вдоль реки. Следы на восточной тропе сохранились лучше. Но нет ни одного следа назад, к

Андуину. Надо ехать медленнее, чтобы точно убедиться, что нигде нет следов, отходящих в сторону. Когда орки подошли сюда, они, наверное, уже заметили погоню, и могли отделаться от пленных или спрятать их так, чтобы противник не увидел.

Тем временем погода начала портиться. К Пустоши сползлись низкие серые тучи, затянули небо и закрыли клонившееся к закату солнце. Лесистые склоны Фангорна приближались и становились темнее.

Никаких следов, ведущих в сторону от дороги, путники не видели, только наткнулись на несколько отдельных трупов орков, которых смерть настигла при попытке убежать, — у каждого из спины или из горла торчала стрела с серым оперением.

Наконец, уже перед вечером, друзья доехали до края Леса и на открытой поляне между первыми деревьями увидели большое кострище — пепел был еще горячий и дымился. Поодаль в кучу были свалены шлемы, побитые щиты, сломанные мечи, копья, луки, стрелы, дротики и прочее оружие и доспехи, превратившиеся в хлам. Посреди поляны торчала вздетая на кол голова огромного гоблина; на треснутом шлеме еще можно было

различить белый герб. В некотором отдалении, там, где река выходила из лесу, поднимался свежий курган, обложенный дерном. В него были воткнуты пятнадцать копий.

Пока совсем не стемнело, Арагорн и его друзья прошлись по всей поляне и вокруг нее, но наступила ночь, а они не обнаружили никаких следов Мерри и Пипина.

— Ничего не удалось ни узнать, ни сделать, — хмуро бурчал Гимли. — От самого Тол Брандира одни загадки, но эта труднее всех предыдущих. Я думаю, что сожженные кости хоббитов смешались с пеплом орков. Горькой вестью это будет для Фродо, если он сам доживет до того времени, когда сможет об этом узнать. Больно будет и старому хоббиту, который ждет в Райвенделе. Элронд так не хотел, чтобы мы брали в Поход этих ребят!

— Но Гэндальв был за то, чтобы их взять, — возразил Леголас.

— Гэндальв сам пошел, а погиб первым, — ответил Гимли. — Дар предвидения его подвел.

— Гэндальв не искал безопасности ни для себя, ни для остальных, — сказал Арагорн. — Есть дела, от которых нельзя уклоняться, важно начать, даже если конец неведом. И нам отсюда пока ухо-

дить не следует, тем более что все равно придется ждать рассвета.

На ночлег они расположились подальше от места, где был бой, под раскидистым деревом, напоминавшим каштан. На нем еще сохранились высохшие прошлогодние листья, крупные, бурые, похожие на сморщенные ладони с длинными растопыренными пальцами. Листья тоскливо шелестели от ночного ветра.

Гимли дрожал от холода, ибо они взяли с собой только по одному одеялу.

— Давайте костер разожжем, — предложил он. — Опасности, похоже, нет, а орки пусть ползут на свет, мы их встретим.

— Если бедные хоббиты заблудились в Лесу, огонь мог бы их сюда привлечь, — поддержал друга Леголас.

— Кроме орков и хоббитов, он может привлечь любых тварей на наши головы, — возразил Арагорн. — Недалеко отсюда — горные владения изменника Сарумана. Кроме того, мы находимся на краю Фангорна. Говорят, в этом лесу даже трогать деревья опасно.

— Рохирримы вчера жгли огромный костер, — произнес Гимли, — и, как видишь, много деревьев порубили. Однако спокойно провели здесь ночь

после боя.

— Их было много, — сказал Арагорн, — и им нечего бояться гнева Фангорна, они сюда редко подходят, а в чащу леса между деревьями не заходят никогда. Нас же наша дорога может завести в самое сердце леса. Лучше будем осторожнее. Живые деревья трогать не надо.

— Конечно, не надо, — продолжал Гимли. — Рохирримы оставили достаточно поленьев и хворосту, и на земле полно сухих веток.

Он тут же начал собирать сушняк, а потом завозился с разжиганием костра. Арагорн тем временем сел под деревом, прислонившись к огромному стволу спиной, и ушел в свои мысли, а Леголас отошел на открытое место, вытянулся и стал вслушиваться и вглядываться в темную глубину леса.

Когда гном выбил искру и небольшой костерок загорелся ясным пламенем, все трое сели у огня и как бы прикрыли, заслонили его плащами и капюшонами от ночной тьмы. Леголас поднял голову к раскидистой кроне дерева:

— Смотрите! Дереву нравится тепло!

Может быть, их обманули танцующие тени, но всем троим показалось, что дерево пригибает ветки, и они тянутся к огню; бурые листья терлись

друг о друга, как шершавые ладони, когда хотят согреться. А рядом в Лесу было тихо, и путники замолчали, ибо почувствовали в этой тишине и темноте присутствие чего-то огромного, с медленными мыслями и мощной волей, чьи тайные цели неведомы.

Первым подал голос опять Леголас:

— Келеборн предостерегал нас, что нельзя заходить в глубь Фангорнского леса. Ты не знаешь, почему, Арагорн? Какие легенды об этих лесах знал Боромир?

— В Гондоре и других землях я слыхал много легенд, — ответил Арагорн. — Если бы я не верил предостережениям Келеборна, я бы считал их выдумками, которые часто распространяются среди людей, утративших настоящую мудрость. Я у тебя хотел спросить, что в них правда, а что ложь. Раз даже лесной эльф этого не знает, откуда знать человеку?

— Ты больше путешествовал, чем я, — сказал Леголас. — На моей родине о Фангорне не говорят, только поют несколько песен о здешних жителях, онодримах, которых люди называют энтами. Фангорн — очень древний лес, даже по эльфийским понятиям.

— Да, он ровесник Старого леса за Могильника-

ми, только он гораздо больше. Элронд говорил, что между ними существует какая-то родственная связь; оба они — последние бастионы древнего владычества лесов. В них в Незапамятные времена бродили Перворожденные эльфы, когда людское племя еще спало. Но у Фангорна есть своя тайна, которую я не знаю.

— А я и знать не хочу! — выпалил Гимли. — Кто бы тут ни жил, я никого беспокоить не собираюсь.

Друзья бросили жребий, кому когда стоять на часах. Первая стража выпала Гимли. Арагорн и Леголас сразу легли, только Арагорн, засыпая, напомнил:

— Не забудь, Гимли, что самое опасное — ломать живые ветки с деревьев Фангорна. И не заходи далеко в лес за хворостом, пусть лучше огонь погаснет; если что случится, буди меня.

Спал Арагорн крепко и, похоже, спокойно. Леголас лежал, не шевелясь, сложив красивые руки на груди, но с открытыми глазами: эльфы даже в самом крепком сне остаются настороже, сливаясь с ночью и всеми ее проявлениями. Гимли присел у костра и задумчиво водил пальцами по лезвию топора. Шелестели листья. Больше ничто не нарушало тишину.

Вдруг что-то заставило гнома поднять взгляд. Там, где кончался свет от костра и начинался лесной мрак, стоял, опираясь на палку, старик в широком плаще; низко надвинутая широкополая шляпа закрывала ему глаза. Гимли вскочил. В первый момент он от изумления потерял голос, хотя в голове мелькнула мысль, что их выследил Саруман. От резкого движения гнома проснулись Леголас и Арагорн. Они сели и устремили взгляды в ту же сторону, что и гном.

— Что тебе надо, отец? — спросил Арагорн, вставая. — Может быть, ты замерз, подходи к нам, погрейся у огня.

Он сам шагнул навстречу пришельцу, но старик исчез, будто его и не было. Далеко отходить друзья побоялись. Месяц скрылся, и ночь была черной, как смола.

Вдруг раздался крик Леголаса:

— Кони! Кони!

Коней не было. Они вырвали из земли колья, к которым были привязаны, и ускакали. Ошеломленные новым несчастьем, друзья молча стояли у костра на краю Фангорна. Многие гоны отделяли их от поселений рохирримов, единственных друзей в землях, полных тайн и опасностей. На мгновение им показалось, что издалека, из чер-

ного мрака, доносится фырканье и ржанье коней, но потом все стихло, лишь холодный ветер шелестел листьями.

* * *

— Значит, кони пропали, — произнес наконец Арагорн. — И мы их ни найти, ни догнать не сможем. Если они сами не вернутся, придется обойтись без них. Мы же вышли в путь пешком, а ноги, к счастью, у нас пока целы.

— Ноги? — переспросил Гимли. — Ноги, может быть, нас понесут, но уж наверняка не накормят.

Он подкинул пару веток в костер и сел возле него, сгорбившись.

— Несколько часов назад ты отказывался сесть на роханского скакуна, — невесело засмеялся Леголас. — А из тебя, наверное, еще получится всадник.

— Теперь вряд ли, — ответил Гимли и, немного помолчав, добавил: — Хотите знать, что я думаю? Мне кажется, что это был Саруман. Помните, Эомер говорил, что он бродит по стране *в виде старика в плаще с капюшоном?* Все сходится. Забрал у нас лошадей или спугнул их и скрылся. А теперь что? Запомните мои слова: этим дело не кончится!

— Твои слова я, конечно, запомню, — сказал Арагорн. — Но я запомнил и другое: этот старик был не в капюшоне, а в шляпе. Я не сомневаюсь, что ты угадал про опасность: она грозит нам здесь днем и ночью. Но сейчас мы не придумаем ничего лучшего, чем выспаться, пока можно. Иди спать, Гимли, все равно скоро моя очередь сторожить, а я еще подумать хочу, сон пропал.

Ночь тянулась медленно. После Арагорна часовым был Леголас, потом опять Гимли, и так до утра. Ничего нового не случилось, старик больше не появлялся, кони не вернулись.

Глава третья. Урук-хай

Пипину снился мрачный сон с кошмарами. Ему казалось, что он кричит, и его голосок слабым эхом отдается в темном подземелье: «Фродо! Фродо!» Но вместо Фродо к нему со всех сторон протягивают страшные лапы сотни оскаленных орков. Где Мерри?

Он проснулся. Холодный ветер дул ему в лицо. Он лежал на спине. Наступал вечер, и небо темнело. Хоббит повернул голову и убедился, что действительность не намного лучше кошмарного сна. Руки и ноги у него были связаны веревкой,

причем ноги дважды: у колен и у щиколоток. Рядом лежал бледный Мерри с головой, обмотанной грязной тряпкой. Вокруг сидели и стояли орки, целая банда.

Обрывки воспоминаний в голове Пипина медленно связались воедино. Голова болела, но постепенно хоббит стал разбираться, где сон, а где явь. Как же все случилось? Сначала он вместе с Мерри побежал в лес. Что их туда гнало? Почему они не послушались предостережений Долгоброда? Они бежали и кричали, пока не налетели на орков. Орки к чему-то прислушивались и их, конечно, не ждали; может, и не заметили бы, если бы хоббиты не попали прямо к ним в лапы. Полуростики схватились за мечи, но орки явно не хотели их убивать, а старались взять живыми, хотя Мерри шутить не собирался, махал мечом по-настоящему, даже отсек несколько уродливых рук и ног. Бедный храбрый Мерри!

Потом из-за деревьев выскочил Боромир! Отвлек орков на себя. Многих убил, остальные разбежались. Хоббиты бросились было назад, к Реке, но тут подоспели еще орки, целая туча, не меньше сотни, среди них было несколько очень крупных. На Боромира посыпался дождь стрел, он затрубил в свой рог так, что лес загудел.

Сначала орки испугались и отступили, но на зов Боромира никто не вышел, и они напали на него с удвоенной яростью. Больше Пипин почти ничего не помнил. Смутно видел, как Боромир, лежа у дерева, вытаскивал из груди стрелу. Потом наступила темнота.

«Наверное, меня тогда ударили по голове, — думал хоббит. — Тяжело ли ранен Мерри? Что с Боромиром? Почему орки нас не убили? Где мы? Куда нас тащат?»

Ответить на эти вопросы Пипин не мог. Ему было холодно и плохо.

«Жаль, что Гэндальв переубедил Элронда, когда он не пускал нас в Поход, — размышлял он. — Какой от меня прок? Только мешал. Пассажиром был, даже хуже — багажом, обузой. А сейчас меня похитили и вовсе волокут, как мешок. Эх, если бы Долгоброд или кто-нибудь другой нас нашел и отбил! Но разве можно на такое надеяться? Это нарушит планы Отряда. Вот если бы удалось чудом освободиться!»

* * *

Пипин попробовал подняться, но безуспешно. Один из сидевших рядом орков расхохотался и что-то забубнил на своем наречии, повернув-

шись к соседу.

— Лежи тихо, пока тебя не трогают, — сказал он потом Пипину на всеобщем языке, который в его устах звучал так же грубо и неприятно, как клекот орчьей речи. — Тихо и спокойно, дурак! Скоро дадим твоим ногам похромать! Не успеешь дойти до места, пожалеешь, что они у тебя были!

— Эх, дали бы мне с тобой позабавиться, ты бы пожалел, что вообще родился, — добавил второй орк. — Запищал бы у меня в лапах, крысенок. — Он наклонился над Перегрином и зашипел, ощерив желтые клыки. В руке у него появился длинный зазубренный черный нож. — Лежи тихо, не то я тебя пощекочу этой цацкой. И советую не напоминать о себе, а то ведь я могу и позабыть про приказ. Чтоб они пропали, эти исенгардцы! *Углук у багронк ша пушдуг Саруман-глоб бубхош скайй…* — начал он на своем языке длинный монолог, закончив его яростным хрипом.

Напуганный Пипин лежал очень тихо, хотя руки и ноги все сильнее болели, а камни, на которые его швырнули, впивались в спину. Чтобы отвлечься от своих несчастий, он стал прислушиваться к окружающим звукам.

От гула множества голосов гудело в ушах. Язык орков злобен и груб, даже когда они ведут обыч-

ный разговор, но сейчас Пипин понял, что орки всерьез злятся и, похоже, ссорятся, чем дальше, тем горячей. К своему изумлению, Пипин заметил, что многое понимает, потому что часть орков говорила на всеобщем языке. Видно, в банде собрались гоблины из разных мест, и не все понимали друг друга, когда орали на своих наречиях. Спор шел о том, какой дорогой идти и как быть с пленниками.

— Нет у нас времени, чтоб убить их как подобает, — произнес кто-то. — В этом походе не до забав.

— Но прикончить-то их без затей — раз-два! — можно? — сказал другой. — Возни с ними много, а надо спешить, уже вечер.

— Приказ, — отозвался кто-то ворчливым басом. — «*Убивать всех, кроме полуростков. Этих доставить живьем и поскорее*». Таков приказ, выполняйте.

— Кому они нужны? — спросило сразу несколько голосов. — Почему живьем? Эти уроды кого-то развлекут?

— Нет! У одного из них есть что-то, очень нужное на войне, какой-то эльфийский секрет. Значит, их обоих пытать будут.

— А больше ты ничего не знаешь? Может, мы

сами обыщем их, найдем этот секрет и употребим для себя?

— Интересно говоришь, — ехидно заметил голос потише, но противнее. — Может, на тебя донести кому следует? Запомни: пленников *нельзя* обыскивать и нельзя у них ничего забирать. Таков *приказ*.

— Мой приказ такой же, — отозвался опять бас. — Сказано: *«живьем»*. Только захватить, и *чтоб все было цело*.

— А у нас не было никакого приказа, — настаивал спорщик. — Мы от самых Копей шли, чтобы убить и отомстить за своих. Я хочу убить — и домой, на север!

— Хотеть можешь, сколько хочешь, — ответил бас. — Но будет так, как сказал я, Углук. Мы возвращаемся в Исенгард кратчайшим путем.

— Кто главнее, Саруман или Большой Глаз? — спросил тот, что тоже говорил о приказе. — Надо было идти в Лугбурз!

— Можно было бы, если бы не Река, — ответил другой голос. — Нас мало, на мосты и соваться нечего.

— Я же переправился, — опять заговорил противный. — Крылатый назгул ждет к северу отсюда на восточном берегу.

— Ну да, конечно! Ты полетишь туда с нашими пленниками, сгребешь в Лугбурзе все награды, а нас оставишь топать пешком через конские земли. Нет уж! Надо держаться вместе. Здесь опасно, полно бунтовщиков.

— Да-да, надо держаться вместе, — хрипло произнес Углук. — Я вам не верю, свиньи вы, только в своем хлеву храбрые. Не будь нас, вы бы все поудирали. Мы — урук-хай, боевые орки — убили большого воина. Мы взяли пленных. Мы, слуги Сарумана Мудрого, Белой Руки, которая кормит нас человечьим мясом, вышли из Исенгарда, довели вас сюда и поведем назад тем путем, который выберу я, Углук! Это я говорю!

— Ты много говоришь, Углук, — не унимался противный голос. — Смотри, это может не понравиться в Лугбурзе. А вдруг там захотят снять с твоих плеч слишком большую голову? Могут поинтересоваться тем, откуда в нее пришли такие мысли. Их тебе не Саруман нашептал? Кем он *себя* считает, тыча всем в глаза свое паршивое белое клеймо? В Лугбурзе больше поверят мне, доверенному посланнику Грышнаку, когда я скажу, что Саруман — глупец, и даже хуже — подлый изменник. Но Большой Глаз следит за Саруманом. *Свиньи*, говоришь? Слыхали, ребята? Мусорщики

плюгавого чародея обзывают нас свиньями! Не человечьим, а орчьим мясом кормит вас Белая Рука, которую вы лижете…

В ответ на это раздались громкие крики и брань на языке орков и зазвенело вытаскиваемое из ножен оружие. Пипин осторожно повернулся на бок, надеясь рассмотреть, что происходит. Охранники отошли от пленных и включились в общую свалку. Привыкнув к сумеркам, хоббит разглядел громадного черного орка и решил, что это и есть Углук, а тот, что стоит против него, приземистый, безобразный, кривоногий, с длинными свисающими почти до земли руками, — Грышнак. Вокруг них толпились гоблины помельче. Пипин понял, что за Грышнаком стоят северные орки. Они уже повытаскивали сабли и ножи, но еще не смели напасть на Углука.

Углук что-то крикнул. Несколько рослых гоблинов, почти таких же высоких, как их вожак, подбежали к нему. Внезапно Углук прыгнул вперед, молниеносно рубанул саблей раз, потом второй. Две головы скатились на землю. Грышнак отскочил и исчез в тенях. Остальные расступились. Один попятился, споткнулся о лежавшего без чувств Мерриадока, выругался и упал. Это, вероятно, спасло ему жизнь, потому

что солдаты Углука перепрыгнули через него и срубили голову другому. В откатившейся голове Пипин узнал охранника, который пугал его желтыми клыками, но убить так и не успел. Тело упало на Перегрина, нож-пила остался зажатым в мертвой руке.

— Оружие в ножны! — заорал Углук. — Хватит глупостей! Идем до спуска со Стены, потом на запад, к буграм. Потом вдоль реки в лес. Днем и ночью. Понятно?

«Сейчас или никогда! — подумал Пипин. — Пока этот урод наведет порядок в своей банде, пройдет время, и можно попытать счастья». В душе его блеснула искорка надежды. Острие ножа царапнуло ему руку и скользнуло к запястью. Он почувствовал стекающие по руке капли крови и холодное прикосновение стали.

Орки собирались в путь. Некоторые северяне еще упирались. Двоих тут же зарубили, остальные сдались и согласились выполнять приказы Углука. Несколько минут все орали, никто не обращал внимания на пленников. Ноги у Пипина были крепко связаны, а руки — только у кистей, и он мог ими слегка шевелить перед собой, правда, при этом веревки впивались в тело. Он всем корпусом толкнул мертвого орка вбок и, затаив

дыхание, стал водить узлом веревки по клинку. Зазубренный нож был хорошо наточен, и орк, даже мертвый, держал его крепко. Наконец веревка ослабла. Пипин быстро ухватил ее конец пальцами, сделал свободную двойную петлю, всунул туда кисти рук. Потом опять замер неподвижно.

* * *

— Подымите пленных! — потребовал Углук. — Только без глупостей! Если они не дойдут живыми, кто-то из вас головой заплатит!

Один из орков схватил Пипина, сунул голову ему под руки, поднял на спину, как мешок, и понес. Другой таким же способом потащил Мерри. Пипин упирался лицом в загривок своего носильщика, лапы орка железными клещами держали его за руки, когти больно впивались в тело. Хоббит закрыл глаза и впал в забытье.

Вдруг он почувствовал, как его опять брякнули о землю. Ночь едва начиналась, но узкий серп месяца уже скатывался к западу. Они были на краю обрыва, внизу плавал бледный туман. Откуда-то доносился плеск воды.

— Разведчики вернулись, — услышал Пипин.

— Говори, что видели? — прохрипел Углук.

— Одного всадника, который ехал на запад.

Больше никого, дорога свободна.

— Сейчас. А потом что будет? Идиоты, его надо было убить. Он поднимет тревогу. К утру проклятые лошадники о нас узнают. Придется топать вдвое быстрее.

Над Пипином нависла большая тень. Это был сам Углук.

— Сядь! — приказал он. — Мои ребята устали тащить вас, как баранов. По ступенькам вниз пойдешь сам. Хромай быстро и молчи. Не вздумай удрать, и голоса не подавай, а то я тебя навсегда отучу от шуток, причем так, что ценности для нашего повелителя ты не потеряешь.

Углук перерезал Перегрину путы на ногах, поднял его за волосы и поставил стоймя. Пипин упал. Углук снова поднял его за волосы. Несколько орков захохотали. Углук раздвинул хоббиту зубы и влил в рот что-то из фляги. Жидкость обожгла горло и разлилась жаром по телу, но боль в стопах и лодыжках прошла, и хоббит удержался на ногах.

— Ну, двигай! — сказал Углук. — Где второй?

Пипин увидел, как огромный орк подошел к Мерри и пнул его ногой. Мерри застонал. Углук грубо посадил его, содрал с головы повязку. Затем намазал рану чем-то темным из деревянной банки. Мерри ойкнул и задергался.

Орки хлопали в ладоши и верещали от удовольствия.

— Лекарства боится! — выкрикивали они. — Не понимает, что это для его же пользы. Ну и позабавит он нас потом!

Однако Углуку, видно, было не до забав. Он спешил, и надо было привести в форму невольных участников марша. Он лечил пленников по-своему, грубо, но эффективно. Когда он насильно влил в горло второго пленника пару глотков питья из своей фляги и разрезал путы на ногах, Мерри тоже встал, очень бледный, с ввалившимися глазами, но в полном сознании. Он даже не чувствовал боли от раны на лбу, хотя багровый шрам остался у него на всю жизнь.

— Привет, Пипин! — сказал он. — Ты тоже в этом пикнике участвуешь? А где будем ночевать и завтракать?

— Хватит! — оборвал его Углук. — Держи язык за зубами. Не дури. Нечего вам друг с другом болтать. О каждом вашем выбрыке узнает тот, кто вас дожидается, а уж Он-то за все отплатит. Получите и постель, и завтрак, только вам его угощение боком вылезет.

* * *

Бандиты начали спускаться по тесному желобу в долину, в туман. Мерри и Пипин, отделенные друг от друга парой десятков орков, шли вместе со всеми, а когда почувствовали траву под ногами, то почему-то заволновались и даже обрадовались.

— Теперь вперед! — приказал Углук. — На запад, и немного взять к северу. Поведет Лугдуш.

— Что будем делать, когда солнце взойдет? — забеспокоился один из орков-северян.

— Идти дальше, — ответил Углук. — А ты что думал? Сядем на травке и подождем, пока соломенные лбы придут к нам на пикник?

— Но мы не можем идти днем!

— Когда я пойду сзади, то сможете! — оборвал жалобы Углук — А теперь бегом! Иначе не увидите родных пещер! За Белой Рукой! Кто придумал брать в поход пещерных червей, не обученных военному делу? Бегом, гады! Бегом, пока темно!

И вся банда понеслась бегом, длинными прыжками, как обычно бегают орки. Порядка в строю при этом не было никакого, кто-то отставал, кто-то рвался вперед, орки ругались, толкались, но надо признаться, передвигались быстро. За

каждым хоббитом следили трое гоблинов, один с бичом. Пипин бежал почти в самом конце и со страхом думал о том, долго ли выдержит этот бешеный темп, — он с самого утра ничего не ел. Но он ощущал внутри жар от орчьего питья, и мысль его лихорадочно работала. Он думал о друзьях.

Ему представлялся Долгоброд, который идет, наклонясь над дорогой, вот он отыскал темный след, а вот уже бежит, бежит… Но разве Долгоброд сумеет разглядеть что-нибудь на перетоптанной множеством орков тропе? Мелкие хоббичьи следы исчезали под следами подкованных сапог гоблинов, замыкающих строй.

Когда бандиты пробежали около мили, земля начала полого понижаться, здесь стало сыро, трава была мягкой. На земле лежал плотный туман, полуосвещенные убывающей луной силуэты орков расплывались в нем.

— Эй, впереди, замедлить шаг! — закричал Углук, замыкавший неровный строй.

В мозгу у Пипина блеснула дерзкая мысль. Он отпрыгнул в сторону, вывернулся из-под руки своего охранника и сломя голову кинулся бежать в туман, почти распластываясь в траве.

— Стой! — заорал Углук.

Орки заволновались и зашумели. Пипин упал,

встал, побежал дальше. За ним погнались, он слышал топот сзади и сбоку, и вдруг увидел орков прямо перед собой.

«Удрать не удастся, — подумал Пипин, — но я хоть оставлю следы на мокрой земле, они их не затопчут».

Связанными руками он нащупал на шее застежку и отцепил ее. Длинные лапы орков уже тянулись к нему, но он успел уронить застежку на землю. «И будешь ты тут лежать до скончания века, — подумал он. — Сам не знаю, для чего я это сделал. Наши-то, наверное, все ушли с Фродо, если уцелели».

Бич опоясал его. Пипин еле сдержал крик.

— Хватит! — подбежал Углук. — Этот мерзавец должен еще долго бежать. Пусть оба бегут. Кнут только чтобы гнать. Но ты не думай, что тебе это даром пройдет, — повернулся он к хоббиту. — Тебе все припомнится! Расплата откладывается, но ты свое получишь. Топай!

* * *

Пипин и Мерри почти ничего не запомнили из того пути. От страшных снов они переходили к страшному пробуждению, они будто пробирались по черному туннелю страданий. Искорка

надежды тлела все слабее. Хоббиты бежали, бежали, стараясь не отстать от орков, бичи обжигали их, а если они теряли сознание и падали, то орки хватали их и волокли, не нарушая общего темпа, пока они снова полусознательно не начинали двигать ногами.

Тепло от орчьего питья улетучилось. Пипин дрожал от холода и слабости. Наконец он окончательно потерял сознание и упал ничком. Тут же когтистые лапы отодрали его от земли, кто-то взвалил его на плечи и понес. Хоббит уже не чувствовал впившихся в него когтей, он провалился в ночь. Была ли это на самом деле ночь, или тьма застилала ему глаза, он не знал.

Потом словно издали до него донеслись голоса. Кажется, орки требовали отдыха. Углук орал на них. Пипина швырнули на землю. Он как упал, так и лежал, от удара снова потеряв сознание, но ненадолго. Безжалостные лапы снова схватили его и поволокли. И опять начались толчки, и пинки, и удары, и страх… и тьма… Тьма поредела. Пипин очнулся и открыл глаза: было утро. Хоббит услышал громкие приказы и снова упал, сброшенный с хребта какого-то орка на землю.

Он лежал довольно долго, борясь с отчаянием. Голова у него кружилась, по жару в горле он

понял, что его опять поили горячащим зельем. Один из орков нагнулся над ним и швырнул ему ломоть хлеба и кусок жесткого сушеного мяса. Хоббит жадно проглотил пахнущий плесенью серый хлеб, но к мясу не притронулся. Он был голоден, но не настолько, чтобы взять мясо у орка, еще помнил, чьим это мясо могло быть.

Потом он сел и огляделся. Мерри лежал недалеко от него. Они были на берегу узкой быстрой речки. Впереди маячили горы, их острые вершины уже ловили первые лучи солнца. На ближних склонах чернел лес. Лагерь гудел от криков и споров. Казалось, что вот-вот вспыхнет дикая свара между северянами и орками из Исенгарда. Одни показывали на юг, откуда пришли, другие — на восток.

— Значит, так, — сказал Углук. — Оставьте их мне. Убивать нельзя, я вам уже сказал. Если хотите бросить добычу, за которой так далеко ходили, бросайте. Я ими сам займусь. Бойцы из племени урук-хай всегда выполняют задание до конца. Кто боится соломенных лбов, удирайте! Бегите. Вон там лес, надеетесь в нем шкуры спасти? Ну, берите ноги в руки! И поскорей, а то я еще пару голов сшибу, чтобы остальных уму-разуму научить!

Еще какое-то время слышались проклятия и

бурчание, затем большинство северян — около сотни, а может, больше, — сорвались с места и пустились бежать по берегу реки к горам. Хоббиты остались с исенгардцами. Было их десятков восемь, крупные, смуглые, косоглазые, с большими луками и короткими мечами в широких ножнах. Горстка самых рослых и наименее трусливых представителей северного племени тоже осталась с Углуком.

— Сейчас расправимся с Грышнаком, — произнес Углук, глядя на восток.

Но некоторые его соплеменники беспокойно смотрели на юг и даже показывали туда пальцами.

— Знаю, чего боитесь, — пробурчал Углук. — Проклятые лошадники нас учуяли. Ты виноват, Снага. Уши обрежу и тебе, и твоим разведчикам. Но мы — боевое племя урук-хай! Скоро поедим свежей конины или чего-нибудь получше.

Тут только Пипин понял, почему орк смотрел на восток. Оттуда послышались хриплые возгласы и появился Грышнак, а с ним несколько десятков орков его племени, кривоногих, с длинными, почти до земли, руками. На их щитах был нарисован Красный Глаз. Углук сделал шаг им навстречу.

— Чего вернулись? — спросил он. — Передумали?

— Вернулись, чтобы проследить за выполнением приказа и сохранностью пленных, — ответил Грышнак.

— Да ну? — фыркнул Углук. — Зря стараетесь. Тут командую я, и приказы выполняются. А может, вернулись еще за чем-нибудь? Вы нас бросили в такой спешке, что, может, забыли что-то ценное?

— Дурака забыли, — сердито отпарировал Грышнак. — Но с ним храбрые орки, которых жаль губить. Нам известно, что ты ведешь их на смерть. Я вернулся их спасти.

— Прекрасно! — расхохотался Углук. — Но если ты не рвешься в бой, то перепутал дорогу. Шел бы, как шел, в Лугбурз. Соломенные лбы на подходе. Где твой бесценный назгул? Опять под ним коня отстрелили? Что ж ты его с собой сюда не привел? Он мог бы пригодиться, если этих самых назгулов не перехваливают.

— Назгул, назгул! — повторил Грышнак, вздрогнув, и губы облизал, будто избавляясь от неприятного вкуса этого слова. — Ты говоришь о делах, которые не можешь постичь своим паршивым умишком, Углук! Перехвалить *назгула*! Ты еще

пожалеешь об этих словах, обезьяна! Не знаешь, что ли: они — любимцы Большого Глаза? Но сейчас еще не пришло время крылатых назгулов, пока нет! Властелин не хочет, чтобы их видели на этом берегу Великой реки, пока не пробьет час. Они — для большой войны и для тайных дел.

— Кажется, ты слишком много знаешь, — произнес Углук. — А это, как известно, не всегда полезно. В Лугбурзе могут поинтересоваться, откуда у тебя столько сведений и зачем ты их собираешь. Именно так, а тем временем урукхай из Исенгарда, как всегда, выполняют самую трудную работу. Не торчи ты тут зря, собирай свое отребье и драпай к лесу за теми свиньями. Советую поспешить, а то не доберетесь живыми до Великой реки, — и добавил, обратившись к своим: — Ну, вы! Вперед бегом! Только попробуйте свернуть, я сзади!

* * *

Два исенгардца опять подхватили Мерриадока и Перегрина на спины. Банда двинулась дальше. Орки успели отдохнуть и бежали быстро. Проходили часы, а остановок не делалось, только несшие пленников иногда приостанавливались, чтобы перевалить их на следующих

носильщиков. То ли исенгардцы были сильнее и выносливее, то ли Грышнак намеренно отставал, но постепенно соплеменники Углука опередили мордорскую пехтуру, и она оказалась вся позади. Сокращалось также расстояние между исенгардцами и северянами, которые первыми побежали вперед. Темный лес приближался.

Пипин был весь в синяках и ссадинах, голова у него болела, лицом он все время терся о грязную щеку и волосатое ухо тащившего его орка, а перед собой видел лишь согнутые плечи и сильные ноги, будто сделанные не из мяса и костей, а из проволоки и рога, равномерно отбивающие счет кошмарным секундам бесконечно долгого дня.

После полудня отряд Углука нагнал северных орков. Те ослабли, осоловели от солнца, которое, несмотря на позднюю пору года, довольно ярко светило в бледном небе. Головы у них клонились на грудь, языки вываливались.

— Уроды! — зашипели исенгардцы. — Черви вареные. Соломенные лбы вас сцапают и сожрут. Они уже близко.

В этот момент Грышнак издал предостерегающий крик: злая шутка оказалась правдой. Отставшие первыми заметили бешено скачущих всадников. Рохирримы были еще далеко, но

двигались быстрее орков, и с каждой минутой приближались, как грозная волна прилива, которая гонит по песку обреченных, вязнущих в нем.

К удивлению Пипина, исенгардцы смогли удвоить скорость, несмотря на усталость после целого дня. Хоббит заметил, что солнце заходит, скрывается за Мглистыми горами. Тени в степи удлинялись. Мордорцы тоже подняли головы и убыстрили шаги. Темная стена леса была совсем близко. Орки уже пробегали мимо отдельных деревьев, стоявших перед массивом, как лесные форпосты. Земля медленно поднималась, но это орков не задержало. Углук и Грышнак окриками понукали бандитов к последнему рывку.

* * *

«Они еще могут оторваться от погони. Они удерут!» — со страхом думал Пипин. А потом ему удалось один раз повернуть голову назад и одним глазом взглянуть через плечо. На востоке он увидел всадников. Они скакали галопом по степи и уже почти поравнялись с орками, бегущими по дороге. Заходящее солнце золотило их волосы и шлемы, его последние лучи поблескивали на копьях. Они явно догоняли и окружали орков, не давая им разбегаться и вынуждая всю банду

держаться у реки.

Пипин очень хотел бы знать, что это за люди. Он жалел, что в Райвенделе не расспросил больше о широком мире и не рассмотрел карты. Он тогда просто успокоился, что план Похода знают те, кто умнее его. Ему в голову не приходило, что судьба может разлучить его с Гэндальвом и Долгобродом, и даже с Фродо. О Рохане он запомнил только, что благородный конь Гэндальва, Серосвет, был родом оттуда. Хоть это пока обнадеживало.

«А как они узнают, что мы — не орки? — начал вдруг бояться Перегрин. — Здесь ведь о хоббитах ничего не слышали. Буду надеяться, что проклятым оркам грозит гибель, но удастся ли нам при этом спастись?»

Пока все говорило о том, что не удастся. Похоже было, что пленники погибнут вместе с орками, прежде чем рохирримы смогут заметить двух полуростиков.

Среди всадников уже были видны лучники, искусные в стрельбе с коня на полном скаку. Выезжая из общего строя, они посылали стрелы в отстающих бандитов, и те падали, а лучники вновь скрывались среди своих, чтобы их самих вражеские стрелы не достали. Этот маневр они

повторили несколько раз, их стрелы уже стали попадать в исенгардцев. Орк, бежавший перед Пипином, вдруг пошатнулся, упал и не встал больше.

* * *

Но этим действия рохирримов пока ограничились. Наступала ночь, и всадники не начинали открытого боя. Много орков полегло от их стрел, но еще сотни две оставалось. В сумерках банда дотянулась до предгорья. До края леса оставалось не больше трех фарлонгов, но орки вперед уже не могли продвинуться. Кольцо всадников вокруг них замкнулось. Нарушив приказ Углука, небольшой отряд бандитов попытался пробиться к лесу, но их не пропустили — только трое уцелевших вернулись назад.

— Вот и попались! — оскалившись, съязвил Грышнак. — Спасибо вожаку. Может, знаменитый Углук теперь нас еще куда-нибудь поведет?

— Полуростков свалить на землю! — приказал Углук, не обращая внимания на Грышнака. — Ты, Лугдуш, возьми двоих, и стерегите их. Не убивать, разве что подлые белоголовые прорвутся. Понятно? Пока я жив, оба малявки мне нужны. Не давайте им кричать и не допускайте, чтобы

их отбили. Спутайте им ноги.

Приказ был исполнен безоговорочно. В первый раз за всю дорогу Пипин оказался рядом с Мерри. Орки громко орали, оружие лязгало, и в общем гаме друзья смогли шепотом обменяться парой слов.

— Надеяться не на что, — сказал Мерри. — Все кончено. Ослаб я и вряд ли смогу далеко дойти, даже если мы освободимся.

— *Лембасы*! — прошептал Пипин. — Лембасы. У меня два осталось. А у тебя? Эти негодяи вроде ничего не отбирали, кроме мечей.

— Пакетик в кармане был, — ответил Мерри. — Наверное, в кашу превратились. Но я до кармана не достану!

— И не надо. Я…

В этот момент грубый пинок уведомил Пипина, что шум в лагере утих, и что за ними опять крепко следят.

* * *

Ночь настала холодная и тихая. Вокруг пригорка, на котором собрались бандиты, со всех сторон посвечивали маленькие красновато-золотистые костерки: получался замкнутый круг. Рохирримы были на расстоянии полета стрелы, но за светом

костров орки не видели ни одного бойца. Они стреляли наугад, целясь за огни; наконец Углук запретил им бессмысленное разбрасывание стрел. От костров не доносилось ни малейшего шума. Позднее, когда вышел месяц, можно было в его беловатом свете заметить отдельные передвигающиеся фигуры — это по кругу ходили патрули.

— Восхода ждут, проклятые! — буркнул один из орков, приставленных к хоббитам. — Почему мы не пытаемся все вместе пробиться? Что себе думает этот Углук, хотел бы я знать!

— Ишь ты, хотел бы! — рявкнул Углук из-за его плеча. — Может, тебе кажется, что я вообще не думаю? Мерзавец! Ты не лучше остальных голодранцев, всех этих недоделанных северных червей и обезьян из Лугбурза. Разве с таким отребьем можно пытаться сейчас лезть в драку? Эти трусы сразу взвоют и поразбегаются, а на равнине белоголовые лошадники разнесут нас в пух и прах. Их много. Одно только и есть у этих северных недотеп — они в темноте видят, как коты. Но я слышал, что соломенные лбы тоже видят лучше остальных людей, и не забывай о конях! Эти четырехногие чуют движение воздуха. Но не всё они чуют, не всё. В лесу сидит Мавхур с

отрядом и вот-вот придет к нам на помощь.

Слова Углука придали сил исенгардцам, но орки из других племен были недовольны и подавлены. Они выставили посты, но часовые почти все улеглись на землю и принялись отдыхать в своей любимой темноте. А ночь была черная как смола, месяц спрятался за тучи, и Пипин в двух шагах от себя уже ничего не видел. Свет костров сюда не доходил, весь холм потонул во мраке.

Спать спокойно рохирримы оркам, однако, не дали. Дикий крик с восточной стороны напугал осажденных среди ночи. Несколько людей подъехали к холму, оставили коней внизу, прокрались наверх, положили трупами десяток гоблинов и безнаказанно ушли. Углук бросился туда наводить порядок.

Пипин и Мерри приподнялись с земли. Исенгардцы, которые их стерегли, побежали за Углуком. У хоббитов блеснула надежда на спасение — и тут же угасла. Длинные косматые лапы схватили их обоих за шеи, сдавили и оттащили в сторону. В темноте между ними возникла отвратительная голова Грышнака. Смрадным дыханием пахнуло им в лица, холодные, твердые пальцы стали ощупывать с ног до головы. У Пипина мороз пошел по коже.

— Ну, малявки, — почти ласково шептал Грышнак. — Как вам спалось? Приятные сны смотрели? Не слишком ли вам тут хорошо? Между саблями, кнутами и темным лесом? И еще копья и стрелы! Малявкам нечего вмешиваться в большие дела.

Приговаривая так, он продолжал шарить по ним пальцами, и в глубине его глаз словно горело бледное и страшное пламя.

Вдруг у Пипина мелькнула мысль, словно прочитанная в голове орка: «Грышнак знает о Кольце! Он ищет его, пока Углук отошел. Сам хочет им завладеть». Хоббит замер от страха, но соображения не потерял и стал думать, как бы использовать этого орка для своей выгоды.

— Так ты вряд ли что-нибудь найдешь, — зашептал хоббит. — Не очень это просто.

— Что-нибудь *найду*? — переспросил Грышнак. Его пальцы остановились и крепко сжали плечо хоббита. — А что? О чем ты заговорил, малявка?

Мгновение Пипин молчал. Потом вдруг в темноте булькнул горлом «голм-голм» и добавил:

— Ничего такого, Золотце мое.

И тут же почувствовал, как пальцы Грышнака задрожали.

— Ага, — засипел он. — Ты об этом думаешь! Опасные мысли, очень опасные, малявка!

— Может быть, — отозвался Мерри, который уже понял замысел Перегрина. — Может быть, опасные, и не только для нас. Ты сам хорошо это знаешь. Так ты его хочешь? А что нам дашь взамен?

— Я хочу? Чего хочу? — фальшиво удивился Грышнак, но руки у него продолжали трястись. — Что я дам за что? Как это понимать?

— А так, — ответил Пипин, осторожно подбирая слова, — что на ощупь в темноте ты немногого добьешься. Мы могли бы сберечь тебе силы и время. Сначала развяжи нам ноги, иначе мы ничего не сделаем и ничего не скажем.

— Глупые малявки, — зашипел Грышнак. — Мы из вас выдавим все, что вы знаете, и все, что имеете, когда время придет. Вы еще пожалеете, что мало знали. Скоро убедитесь, и я не буду торопить следствие, нет, не буду! Вы думаете, почему вас берегут? Уж не по доброте, милые мои. Даже у тупицы Углука такого недостатка нет.

— В этом мы не сомневаемся, — сказал Мерри. — Но добыча еще не у тебя в руках. И вообще не похоже, чтобы она тебе досталась. Если нас отведут в Исенгард, шиш ты получишь. Все загребет Саруман. Если хочешь что-то иметь, сейчас твой последний шанс договориться с нами.

Грышнак начал терять терпение. Имя Сарумана привело его в ярость. Время шло, шум в лагере утихал. Сейчас вернется Углук со своими исенгардцами.

— Оно у вас? У кого? — спросил Грышнак.

— Голм-голм, — ответил Пипин.

— Развяжи ноги, — сказал Мерри.

Руки орка тряслись, как в лихорадке.

— Подлые гаденыши, — хрипел он. — Развязать вам ноги? Я бы у вас все жилы развязал и вытянул. Уж я вас обыщу до самых косточек, а что останется — на мелкие куски порублю! Уберемся отсюда без ваших ног, заберу себе обоих, и никому вы больше не достанетесь!

Вдруг он снова цепко схватил их, зажав под мышками, заткнул лапами рты. Сила в его руках была страшенная. Потом он побежал. Тихо и быстро добежал до края холма. Увидел брешь между часовыми, согнулся пополам и нырнул в темноту, как привидение, вниз с пригорка, потом на запад, к реке. Со стороны реки в ночи светил только один костерок, похоже, что там можно было проскользнуть.

Через несколько десятков шагов он приостановился, осмотрелся, прислушался. Ничего не увидел и не услышал. Пригнувшись, пошел

дальше. Опять остановился, припал к земле, прислушался. Потом вдруг резко встал, словно собирался бежать в открытую. И тут перед ним вырос силуэт всадника. Конь поднялся на дыбы, человек вскрикнул.

Грышнак бросился на землю, распластался, прикрывая хоббитов телом. Потом вытащил саблю. Заколебался, убивать пленников сразу или подождать еще. По-видимому, решил убивать. Сабля блеснула в воздухе, отразив лезвием отблеск дальнего костра. Но опуститься не успела. В темноте запела стрела — то ли лучник сумел хорошо прицелиться, то ли сама судьба водила его рукой, но стрела пробила орку правую руку. Он взвыл и выпустил саблю. В темноте застучали копыта. Грышнак бросился бежать, но тут же упал, пригвожденный к земле копьем. Жуткий крик с хрипом вырвался из его горла, и все стихло.

Хоббиты остались лежать там, где их бросил орк. Еще один всадник быстро подъехал к товарищу; его конь легко переступил через лежащих полуростиков. То ли он их увидел, то ли почуял. Всадники, похоже, не заметили маленьких фигурок в эльфийских плащах, которые боялись шевельнутся и долго еще лежали, как мертвые, после того как ускакали рохирримы.

Наконец Мерри тихим шепотом сказал:

— Пока все сложилось удачно, но как сделать, чтобы в общей драке *нас* не подняли на копья?

Вместо ответа с холма донесся сильный шум. Предсмертный крик Грышнака всполошил орков. По возгласам и ругани, доносящимся из лагеря, хоббиты поняли, что орки узнали об их исчезновении. Углук, наверное, снимал головы с плеч своих подчиненных. Тут же издалека, со стороны леса, раздались новые орчьи крики, верно, Мавхур подходил на помощь Углуку. Степь сразу загудела от конского топота. Всадники Рохана сжимали кольцо вокруг холма, бесстрашно бросались навстречу орчьим стрелам, не давая ни одному врагу бежать из западни. Часть отряда тем временем поскакала навстречу Мавхуру.

И вдруг Мерри с Пипином поняли, что волей судьбы они уже вне кольца осады, и никто не мешает им бежать в любую сторону.

— Можно было бы сейчас убежать, — всхлипнул Мерри, — если бы руки-ноги у нас не были связаны. А так я даже перегрызть веревки не смогу и до узлов не дотянусь, чтобы распутаться.

— Не старайся, — ответил ему Пипин. — Я тебе хотел сказать, да не успел, что руки у меня давно свободны. Я оставил веревки только для виду,

чтобы не заметили. Вот, пожуй лембас!

Пипин вытянул руку из свободной петли и вытащил из кармана пакетик с лепешками. Они сильно раскрошились, но были хорошо завернуты в листья, и крошки не рассыпались. Друзья решили съесть сразу по два. Вкус лембасов напомнил им красивые лица, улыбки, хорошую еду в далекие мирные дни. Несколько минут они расслабленно сидели, забыв обо всем, и жевали раскрошенные лепешки, не замечая даже шума битвы, происходившей совсем рядом. Пипин очнулся первым и вернул к действительности товарища.

— Удирать отсюда надо, — сказал он. — Подожди, я сейчас.

Рядом лежала сабля Грышнака, но она была очень тяжелой и неудобной, так что пришлось подползти к трупу и снять с него нож. Острым лезвием Пипин перерезал все веревки.

— Давай двигаться, — сказал он. — Главное начать, хоть ползком, потом ноги разогреются, встанем и пойдем. Поползли!

Так они и двинулись. Сначала ноги совсем отказывались слушаться, пришлось-таки ползти, но земля была мягкая, передвигаться было нетрудно. Последний костер роханских часовых

они обошли уже почти на ногах, потом оказались на берегу реки, сели и осмотрелись.

Шум битвы затихал. Очевидно, отряд Мавхура был разгромлен или обратился в бегство. Рохирримы вернулись и теперь в почти полной тишине сжимали кольцо вокруг орчьего лагеря на холме. Начинало светать. Небо на востоке бледнело; настанет утро, и, наверное, все кончится очень скоро.

— Надо прятаться, — сказал Пипин. — Если нас заметят, нам ничто не поможет. Эти храбрые воины поймут, что мы не орки, только после того, как нас зарубят. — Он встал, попробовал притопнуть. — Веревки как проволока, все ноги в ранах. Но уже согрелись, двигаются. А ты как себя чувствуешь, Мерри?

Мерри встал.

— Пожалуй, могу идти. Удивительно питательные эти лембасы. И силы придают больше, чем орчье питье. Интересно, из чего они его делают? А может, лучше и не знать. Давай воды напьемся, надо рот после всего прополоскать.

— Только не здесь, — сказал Пипин. — Здесь берег высоковат. Пошли лучше отсюда.

И они пошли вдоль реки, держась за руки и чувствуя, наконец, что свободны! Небо на востоке

за их спинами с каждым мгновением светлело. Пипин и Мерри ускорили шаг, насколько могли, поддерживая друг друга разговором, как истинные хоббиты дома на прогулке. Они даже пытались шутить. Если бы кто-нибудь их в эту минуту слышал, то, наверное, не догадался бы, что они только что жестоко страдали, шли на муки и смерть без надежды спастись, и что даже сейчас у них было не очень-то много шансов найти друзей и оказаться в безопасности.

— Вы себя показали с лучшей стороны, господин Тук-младший, — говорил Мерри. — По-моему, ты заслуживаешь отдельной главы в Книге старика Бильбо, если у меня будет возможность доложить ему о твоих подвигах. Как мы вырвались! Мне больше всего понравилось, как ты разгадал, что было на уме у этого лохматого гада, и как ты сумел его надуть. А еще мне интересно, нашел ли кто-нибудь наш след и подобрал ли твою застежку. Я не хотел бы свою потерять, а твоей мы уже, наверное, не увидим. Слушай, за тобой не угнаться, постой, я ножки причешу! А вот отсюда первым пойдет братец Брендибак. Теперь мой черед. Ты, по-моему, понятия не имеешь, где мы. Я более толково проводил время в Райвенделе, чем ты. Так вот, мы с тобой — на

берегу реки Энтов. Впереди — конец Мглистого хребта и Фангорнский лес.

И, как будто подтверждая его слова, перед ними выросла темная стена леса. Казалось, ночь прячется под его громадными деревьями, отступая от утреннего света.

— Что ж, ведите вперед, господин Брендибак! — сказал Пипин. — Или назад! Нас предупреждали, что в Фангорне опасно. Конечно, хоббит, который проглотил столько знаний, не забыл об этом предупреждении.

— Не забыл, — ответил Мерри. — Но сейчас лучше в лес, чем назад на поле, где дерутся.

И он потянул друга под деревья.

* * *

Деревья казались старыми как мир. С них свисали длинные спутанные бороды мхов и старых лишайников, покачиваясь от движения воздуха. Из-под деревьев хоббиты еще раз оглянулись на степь. Две маленькие фигурки, почти скрытые полумраком, — наверное, эльфийские ребятишки в Давние дни вот так выглядывали из девственных чащ, встречая свой первый восход…

Солнце вставало далеко за раскинувшимися на много миль пастбищами Восточного Эмнета, за

Великой рекой и Бурыми Землями, красное как пламя. Приветствуя его, звонко затрубили охотничьи рога. Рохирримы мгновенно оживились, и долина огласилась перекличкой рогов и рожков. Мерри с Пипином услышали ржание боевых коней. Воины грянули песню. Вот уже край солнца огненным луком поднялся над горизонтом. И тогда с громкими криками всадники понеслись в атаку с востока. Красные отблески играли на доспехах и оружии.

Орки тоже проснулись, взвыли, и рой стрел из всех луков, которые у них были, встретил всадников. Хоббиты видели, как некоторые упали с коней, но строй при этом не нарушился; всадники широким полукольцом хлынули на холм и смяли остатки банды. Часть орков бросилась врассыпную, одного за другим их догоняли и убивали. В общей суматохе выделился черный клин и стал пробиваться к лесу. Казалось, что вот-вот этим оркам удастся вырваться из окружения. Три всадника упали, порубленные саблями.

— Хватит смотреть на эту жуть, — сказал Мерри. — Вон Углук! Не хочу его больше видеть!

Оба хоббита повернулись и побежали в темную глубь Фангорна.

Так получилось, что последнего натиска рохир-

римов они уже не увидели. Не видели, как упал Углук, пораженный роханским мечом уже у самого леса: его прикончил Эомер. Третий полководец Рубежного Края соскочил с коня и в единоборстве расправился с последним исенгардцем. В то же время его конные воины догоняли в степи последних мордорцев и пригвождали их копьями к земле.

После этой кровавой работы рохирримы собрали своих убитых, насыпали над ними курган и спели похоронную песнь. Затем на громадном костре сожгли трупы орков и разбросали их пепел по земле.

Так погибла лучшая банда урук-хай. Ни один свидетель не ушел, так что некому было нести плохие вести в Мордор и Исенгард. Только дым от костра поднялся высоко в небо, где его могли увидеть многие внимательные глаза.

Глава четвертая. Древесник

Два хоббита шли на запад по берегу речки, все ближе к горам, все глубже в лес, настолько быстро, насколько позволяла густая чаща. Чем дальше они уходили от орков, тем скорее освобождались от страхов и тем медленнее двигались. Лес Фан-

горн был темен, в нем было душно, будто воздух плохо проникал под деревья.

Наконец Мерри остановился.

— Не могу идти дальше, — сказал он. — Надо воздуха глотнуть.

— Давай хоть воды напьемся, — сказал Пипин. — У меня в горле пересохло.

Он забрался на толстый корень, который опускался в ручей крутой петлей, зачерпнул сложенными ладонями немного воды и напился. Вода была чистая и холодная. Пипин глотнул еще и еще много раз. Мерри последовал его примеру. Вода их немного освежила и придала бодрости. Через минуту они уже оба сидели на берегу, опустив ноги в речку по колено и чувствуя, как отходит боль из ступней. Стали оглядываться — деревья окружали их молчащим полукольцом, бесконечные ряды стволов тянулись во все стороны и уходили в сизый полумрак.

— Надеюсь, ты еще не заблудился, проводник? — проговорил Пипин, опираясь спиной о толстый ствол. — Во всяком случае, мы можем держаться у берега реки; ее здесь, кажется, называют река Энтов? Если что, вернемся туда, откуда пришли.

— Конечно. Если ноги нас нести захотят и воз-

духу хватит, — ответил Мерри.

— Да, очень тут темно и душно, — заметил Пипин. — Я почему-то вспомнил сейчас один зал в наших Больших Смайелах в Тукборо. В том зале из поколения в поколение никто ничего не менял, даже мебель не переставляли. Там, говорят, много лет жил сам Старый Тук, зал старел и ветшал с ним вместе, и после его смерти зал не трогали. Старый Геронтук был моим пра-пра-прадедом, стало быть, это уже история давно минувших дней. Он сто лет назад умер. А этому лесу, наверное, сто лет — вообще не срок. Посмотри на усы и бороды из мхов, какие они длинные и пышные! На многих деревьях сухие, изодранные листья, непонятно, почему они давным-давно не опали. Грязно тут. Трудно представить, какая в этом лесу бывает весна, если она вообще сюда приходит. Еще труднее представить себе весеннюю уборку в этой чаще…

— Но солнце все-таки должно сюда иногда заглядывать, — сказал Мерри. — Здесь совсем не так, как в Темнолесье, если ты помнишь рассказы дяди Бильбо. Тот лес — черный, мрачный, в нем гнездятся хмурые гадкие твари, а этот — только тенистый, древний, и какой-то очень *древесный*. Вряд ли тут вообще живут звери. Они долго не

выдержат.

— Хоббиты тут тоже не живут, — добавил Пипин. — Вообще, мне не улыбается мысль о путешествии через этот лес. В нем можно сто миль пройти и не найти ничего, что можно на зуб положить. Какие у нас запасы?

— Почти никаких, — ответил Мерри. — У нас с собой ничего не было, кроме нескольких лембасов. Все осталось у Великой реки.

Друзья еще раз проверили остатки запасов, которыми их снабдили эльфы: огрызков могло хватить на пять очень постных дней.

— И ни одеял, ни теплых вещей, — добавил Мерри. — В какую сторону ни пойдем, ночами будем мерзнуть.

— Но все-таки надо решить, в какую сторону пойдем, — сказал Пипин. — Наверное, уже утро кончилось.

В этот самый момент они заметили в глубине леса золотистые столбики света: солнечные лучи все-таки пробили зеленые кроны.

— Ого! — сказал Мерри. — Наверное, пока мы шли под деревьями, солнце пряталось за тучами, а сейчас вылезло или просто поднялось повыше и заглядывает в лес, где деревья пореже. Идем, погреемся, просвет, кажется, недалеко.

* * *

Оказалось дальше, чем они думали. Почва круто пошла вверх и становилась каменистой. Света было все больше, наконец, деревья расступились, и перед ними выросла каменная стена: то ли крутой склон отрога горы, то ли отдельная скала, они не поняли. На камне деревья не росли, и солнце светило скале прямо в лоб. Последние деревья перед этой скалой будто сами протягивали к ней ветки, чтобы погреться, и стояли тихо и почтительно, а весь лес, который перед этим казался им таким серым и обтрепанным, здесь блестел сочной, словно полированной, темно-серой и коричневой кожей стволов и веток. На пнях мягко отсвечивала бархатная зелень. Словно весна или мимолетный привет от нее.

В скальной стене они увидели что-то вроде ступеней, по-видимому, вырубленных самой природой при помощи воды и ветра в старых камнях. Ступени были крупные, неровные и неудобные. Довольно высоко, примерно вровень с верхушками деревьев, на скале был неширокий гладкий карниз, по самому краю его росло несколько пучков старой травы. Там еще торчал ствол дерева с двумя пригнутыми вниз ветками, странно похо-

жий на старика с узловатыми руками, который стоит и жмурится в ярком солнечном свете.

— Пойдем наверх! — радостно предложил Мерри. — Мы там воздухом надышимся и попробуем осмотреться.

Друзья с трудом полезли по каменным ступеням, которые по величине явно не подходили для хоббичьих ног. Поглощенные подъемом, они старательно лезли по скале, даже не задавая себе вопроса, каким это удивительным образом у них так быстро позаживали раны и синяки, и откуда появилось столько сил. Наконец оба оказались у края карниза, почти там, где стоял старый ствол. Кое-как вскарабкавшись на сам карниз, они встали во весь рост спиной к скале, глубоко вздохнули и посмотрели на восток. Убедились, что в лес они зашли всего на какие-нибудь три-четыре мили, не больше; перед ними верхушки деревьев шли вниз, до равнины, а на самом ее краю в небо поднимались столбы и завитки черного дыма, ветер их гнул в сторону Фангорна.

— Ветер меняется, — сказал Мерри. — Снова дует с востока. Здесь на горе холодновато.

— Да, — отозвался Пипин. — Боюсь, что хорошая погода снова кончится и станет пасмурно. А жаль! Этот старый косматый лес совсем по-друго-

му выглядит, когда светит солнце. Мне кажется, я уже начинаю его любить.

* * *

— Он начинает его любить! Ну и ну! Очень приятно слышать, — произнес сверху странный медленный голос. — Ну-ка, повернитесь, покажите ваши рожицы! Мне вот кажется, что я вас еще не полюбил, но не хочу судить слишком поспешно. Поворачивайтесь, ох-хо!..

* * *

Огромные ладони с узловатыми пальцами легли на плечи хоббитам и мягко, но решительно повернули их на месте, потом две большие сильные руки подняли их в воздух.

И хоббиты увидели перед собой необычное, удивительное лицо, принадлежавшее не то человеку, не то троллю, громадному, локтей в пятнадцать ростом, с продолговатой головой, сидевшей почти без шеи на крепком туловище. Трудно сказать, была ли на нем одежда из какой-то серовато-зеленой, похожей на древесную кору ткани, или то была его собственная кожа-кора. Руки от плеч были гладкими и темно-коричне-

выми. На ногах — по семь пальцев. Нижняя часть лица заросла густой косматой бородой. Борода была седая, волосы в ней были жесткими, как прутья, и волнистыми, а по краям пушились, как мох. Больше всего хоббитов поразили глаза великана, которые рассматривали их неспешно, серьезно и проницательно. Карие, с каким-то бронзовым оттенком, с прозеленью, они были глубокими, как колодцы. Пипин потом не раз пытался описать, какое впечатление они на него сразу произвели, и вот что у него получилось:

«Я чувствовал, что за ними — бездонный колодец, полный извечных воспоминаний и длинных медленных мыслей; на поверхности искрилось отражение настоящего, как отблеск солнца на листьях громадного дерева или на глади очень глубокого озера, когда сверху слегка рябит вода. Я не могу правильно выразить всего, но мне казалось, что вдруг проснулось что-то, что вырастает из земли, что до сих пор спало и ощущало только себя от корней до прожилок в листьях между недрами земли и небом; проснулось и смотрит на меня с той же неспешной сосредоточенностью, с которой с незапамятных лет занималось своими внутренними делами».

Но это потом, а пока…

— Ох-хо… — басовитым шепотом прогудел низкий трубный голос. — Странно, очень странно. Не хочу судить поспешно, это мне не свойственно. Если бы я вас только увидел, не слыша ваших голосов… Голоса ваши мне понравились, приятные у вас голосочки; что-то мне напоминают, не припомню, что… Так вот, если бы я вместо того, чтобы вас услышать, сначала увидел, то, наверное, затоптал бы, принял бы за орчат, а потом заметил бы ошибку. Странные вы создания, очень странные корешки и веточки.

Ошеломленный Пипин перестал бояться. Под взглядом этих глаз было интересно, но совсем не страшно.

— Пожалуйста, очень прошу, — сказал он, — скажи, кто ты и что здесь делаешь?

Странные глаза-колодцы погасли, прикрыв свои глубины чем-то прозрачно-невидимым, но непроницаемым.

— Охо-хо… — прогудел бас. — Я *энт*, так меня называют. Энт, вот кто я. Энт над энтами, как можно сказать по-вашему. Некоторые называют меня Фангорном. Еще зовут *Древесником*. Можете так меня звать: Древесник.

— Энт? — переспросил Мерри. — А что это означает? Как ты сам себя называешь? Какое у тебя

настоящее имя?

— Гу-у!.. — ответил Древесник. — Ох-хо! Долго придется говорить. Не спешите. Это я должен задавать вопросы, а вам надо отвечать. Вы ко мне пришли. Кто *вы* такие? Я не могу причислить вас ни к одному племени. Нет вас в старом Длинном Списке, который я учил, когда был молод. Почему нет? Но то было давно, очень давно…Может быть, с тех пор составили новый Список. Подумаем, припомним… Как там?..

Запоминай, кто живет на свете.
Сначала четыре свободных рода:
Старше всех эльфы, они и мудрее;
После них — гномы из подземелий;
Энты, что вышли из недр, как горы;
Смертные люди, что правят конями…

Гм-гм… дальше…

Строитель бобер, козел винторогий,
Медведь — разоритель пчелиных ульев,
Пес вечно голодный, кабан-вояка,
Заяц трусливый…

Гм-гм… охо-хо…

Орел на скале и волы в долине,

Олень благородный и быстрый сокол,
Белейший лебедь, тончайшая змейка…

Охо-хо… гм… как там дальше? Та-рам, та-та-рам-та, та-рам-та-рарам-та… Очень длинный Список. Вы ни в одно племя не входите.

— Непонятно, почему, но нас всегда пропускают и в старых списках, и в старых легендах, — сказал Мерри. — Хотя мы на этой земле довольно давно живем. *Хоббиты* мы.

— Почему бы нас не дописать? — предложил Пипин. — Вставить новый стих в старый Список: «Хоббиты, норные полуростики…» Допиши нас после первых четырех племен, после огромин, то есть, людей, и все будет в порядке.

— Гм, неплохая мысль, в общем, неплохая, — сказал Древесник. — Это подойдет. Значит, вы живете в норах? Подходяще. А кто вас назвал хоббитами? По-моему, это не из языка эльфов. Все старые слова происходят от эльфов, ибо эльфы первые их выдумали.

— Никто нас не называл, мы сами хоббитами назвались, — сказал Пипин.

— Ох-хо… Медленнее, не спешите. *Сами* назвались? Так нельзя сразу говорить каждому встречному. Если будете такими неосторожны-

ми, выдадите свои настоящие имена.

— А мы их не скрываем, — сказал Мерри. — Охотно представимся. Я — Брендибак, Мерриадок Брендибак, но все называют меня просто Мерри.

— А я — Тук, Перегрин Тук, но меня называют обычно Пипин.

— Гм-гм… видите, как вы спешите, — произнес Древесник. — Я, конечно, польщен вашим доверием, но нельзя так открываться незнакомым. Энты ведь тоже бывают разные. И другие творения есть, похожие на энтов, но совсем не энты. Разрешаете мне — значит, буду вас называть Мерри и Пипином. Хорошие имена. Но *своего* настоящего имени я вам не скажу, во всяком случае, сейчас я его вам не открою. — Странный зеленый огонек блеснул в его глазах, которые он прищурил не то добродушно, не то шутливо. — Во-первых, это займет много времени, ибо оно, как и я, очень долго живет, оно выросло до размеров целой истории. На моем языке, на старинном языке энтов, настоящее имя всегда рассказывает историю того, кто его носит. Это прекраснейший язык, но надо иметь много времени, чтобы на нем беседовать, потому что мы на нем говорим лишь о том, о чем можно очень долго рассказывать и что стоит очень долго слушать.

— А сейчас, — сказал он и вонзил в них пронзительный взгляд вдруг посветлевших и ставших маленькими глаз, — что делается? Чем вы занимаетесь в том, что происходит? Я ведь вижу, слышу, носом чую, кожей чувствую многое из этого… этого *а-лалла-лалла-румба-каманда-линдор-бурумэ*… Простите, это только часть названия, которое можно приложить к этим делам на моем языке. Понятия не имею, как это называется на других… Вы меня поняли? Это то, о чем я думаю, когда в погожее утро стою на солнце и смотрю на степь за лесом, на коней, на облака, на весь широкий мир. Что делается? Что задумал Гэндальв? А эти, *бурарум*… — в горле у него брезгливо захрипело, будто кто-то взял неверный аккорд на огромном органе, — эти орки и юный Саруман в своем каменном городе? Я люблю знать, что делается. Только говорите помедленнее.

— Делается очень многое, — ответил Мерри. — Даже если мы будем говорить быстро, эта история займет много времени. Надо ли так вот сразу выкладывать тебе все, что знаем? Ты же сам советуешь нам не спешить. Ты не обидишься, если мы сначала спросим, что ты собираешься с нами делать и на чьей ты стороне? Ты знаешь Гэндальва?

— Да, знаю, знаю его; это единственный из всех магов, кто на самом деле заботится о деревьях, — ответил Древесник. — А вы его знаете?

— Знали, — грустно ответил Пипин. — Он был нашим близким другом и проводником.

— Тогда отвечу на оставшийся вопрос, — сказал Древесник. — Ничего не собираюсь с вами делать, во всяком случае, ничего без вашего согласия. *Вместе* мы сможем много сделать. На чьей я *стороне*? Я ни про какие стороны не знаю. Иду своей дорогой, может быть, на какое-то время ваша дорога совпадет с моей. Но почему вы говорите про уважаемого Гэндальва так, будто он попал в историю, которая уже закончилась?

— Мы так говорим, потому что хотя история, похоже, продолжается, Гэндальв из нее выпал, — сказал Пипин.

— Ох-хо… Хм… — загудел Древесник. — Хм-хм… Ох-хо-хо… — потом замолчал и некоторое время разглядывал хоббитов. — Гу-у… Сам не знаю, что сказать. Молчу.

— Если хочешь услышать об этом больше, — сказал Мерри, — мы тебе расскажем. Но история эта длинная. Поставь нас, пожалуйста, на землю! Мы бы могли где-нибудь сесть втроем, греться на солнышке и рассказывать. Ты, наверное, тоже

устал держать нас в руках?

— Я *устал*?.. Нет. Уставать я не привык. И сесть не могу. Я не… как это сказать?.. не гибкий. А солнце прячется. Давайте спустимся с… постойте, сейчас… как вы называете это место?

— С горы? — подсказал Пипин.

— С карниза? Со стены по ступенькам? — предложил Мерри.

— С горы? — задумчиво повторил Древесник. — Пусть будет *с горы*. Но вы слишком поспешно назвали то, что тут стоит с тех пор, как появилась эта часть мира. Ну, пусть по-вашему. Идемте.

— Куда? — спросил Мерри.

— Ко мне домой, в один из моих домов, — ответил Древесник.

— Это далеко?

— Как знать? Для вас, может быть, далеко. Какое это имеет значение?

— Видишь ли, у нас все пропало, — ответил Мерри. — У нас еды почти не осталось на дорогу.

— Ага… Ну, гм… об этом не беспокойтесь, — сказал Древесник. — Я дам вам питье, от которого долго-долго будете расти и кудрявиться. А если решите со мной расстаться, я вас отнесу на границу моей земли туда, куда попросите. Идемте!

* * *

Ласково, но крепко держа хоббитов в руках, Древесник сначала поднял одну ногу, поставил, поднял и поставил другую, подвигаясь к краю карниза. Потом, цепляясь, как корнями, пальцами ног за камни, медленно и уверенно пошел по ступеням вниз.

Когда он оказался внизу между деревьями, то сразу зашагал большими размеренными шагами в глубь леса, не отходя далеко от ручья и все время слегка поднимаясь в гору. Многие деревья, казалось, спали: они совершенно не обращали на него внимания, как, впрочем, ни на что другое, а некоторые вздрагивали или поднимали ветки у него над головой, когда он к ним приближался. Он же все время что-то бормотал, и из его горла лился поток мелодичных звуков.

Хоббиты сначала молчали. Неизвестно почему, они чувствовали себя спокойно и в безопасности, им было о чем думать и было чему удивляться. Пипин первым отважился заговорить:

— Прости, пожалуйста, — произнес он. — Можно тебя спросить, Древесник? Почему Келеборн предостерегал нас, говоря о Фангорне? Говорил, чтобы мы не ходили в твой лес, где можно заблу-

диться и пропасть.

— Хм… Так и говорил? — повторил Древесник. — А если бы вы шли отсюда туда, я бы вас, наверное, предостерег, чтобы вы не заблудились в его краях. Бойтесь пропасть в лесах *Лаурелиндоренан*! Так их раньше эльфы называли, хотя сейчас сократили название и говорят *Лотлориэн.* Может, и правильно, может, те леса уже не растут, а увядают. Раньше, давным-давно, то была долина Поющего Золота. Теперь — Цвет Мечты. Да-да… Те леса — таинственное место, где не всякий может бродить безнаказанно. Дивно, что вы вышли оттуда в целости, а еще удивительнее, что вы смогли туда войти. Уже много лет чужаков туда не пускают. Таинственные леса…

Да, вот оно как. Народ пришел туда горевать. Да, да, печалиться. *Лаурелиндоренан линделорендор малинорнелион орнемалин…* — с распевом негромко загудел он. — Они там совсем отгородились от мира, — сказал он, — но сейчас ни этот лес, ни Золотой, ни любой другой лес уже не такие, какими были, когда Келеборн был молод. Хотя — *таурелиломеа-тумбалеморна тумбалетауре ломеанор,* — как раньше говорили эльфы. Мир изменился, но кое-кто остался верным.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Пи-

пин. — Кто остался верным?

— Деревья и энты, — ответил Древесник. — Я сам не все понимаю из того, что делается, так что не могу вам это объяснить. Некоторые из нас до сих пор остаются настоящими энтами и, — как бы это сказать? — в них много жизни; но многих клонит сон, и они начинают *деревенеть*... Много деревьев — просто деревья, но есть и наполовину пробужденные. А некоторые хорошо проснулись и становятся почти энтами. И эти перемены все время происходят.

Верите, у некоторых деревьев бывает *плохое* сердце! Я не говорю о трухлявой сердцевине, нет. Это другое. Я знал несколько благородных старых ив над рекой Энтов — увы! Их уже давно нет. Они сгнили до самой сердцевины, рассыпались в прах, но до конца оставались спокойными и нежными, как свежераспустившиеся листочки. А есть в долинах под горами деревья здоровые, крепкие, сильные и насквозь испорченные. Эта болезнь все шире расходится по лесам. Окраины у нас всегда были опасными. И очень темные места до сих пор есть.

— Это как в Старом лесу на севере? — спросил Мерри.

— Да, да, похоже немного, только здесь хуже.

Там на севере осталась только тень от Великой Тьмы, и местами живут злые воспоминания. Здесь у нас есть глубокие ущелья, где Тьма залегла навеки, а там живы деревья старше меня. Но мы делаем все, что можем. Не пускаем чужаков и легкомысленных. Воспитываем, учим, делаем обходы и выпалываем сорняки.

Ведь мы, старые энты, — пастухи деревьев. Мало нас осталось. Говорят, что с годами овцы становятся похожими на пастухов, а пастухи на овец. Только перемена эта происходит медленно, а овцы и пастухи живут недолго. У деревьев и энтов подобие наступает быстрее, а живут они бок о бок веками. Энты во многом похожи на эльфов: они меньше, чем люди, занимаются собой, зато лучше понимают, что делается внутри у других. И на людей энты похожи, потому что быстрее, чем эльфы, меняют внешние формы и краски, когда что-то меняется вокруг них. Может быть, мы лучше и тех, и других, потому что более постоянны. Если уж чем-нибудь занимаемся, то подолгу.

Некоторые мои соплеменники стали почти совсем как деревья, и нелегко найти повод, чтобы сдвинуть их с места. Они и говорят только шепотом. А у некоторых моих деревьев ветки гибкие, как руки, и многие из них умеют и любят со мной

разговаривать, Конечно, всему этому положили начало эльфы. Это они будили деревья, учили их своему языку и сами узнавали лесные наречия. Эльфы всегда пытались понять мир и заговаривали со всеми живущими в нем. Но наступила Великая Тьма, эльфы уплыли за Море или бежали в дальние края, скрылись в укромных уголках, где до сих пор поют песни о Давних днях. Те дни не вернутся. Никогда.

Да-да, когда-то лес тянулся до самых Синих гор, а здесь был всего лишь его восточный край. Вольные были времена! Я мог тогда целыми днями бродить и петь и не слышать ничего, кроме эха своего голоса, отраженного горами. Наш лес был похож на Лотлориэн, только он был моложе, сильнее, с буйной зеленью. А как тут пахло! Я иногда неделями ничего не делал, только дышал…

Древесник смолк. Он все шел вперед, на удивление бесшумно переставляя огромные ноги. Затем он что-то зашептал себе под нос, потом шепот стал громче и напевнее, хоббиты начали прислушиваться и вдруг поняли, что лесной великан поет для них!

Под вербами в лугах Тасаринана бродил весной.

Как пахла и цвела весна в Нантасарионе!

И я сказал, что это хорошо.

Под вязами стоял в Оссирианде летом.

О свет и музыка, которую несли семь рек Оссира!

Подумал я, что лучше не бывает.

Под буки в Нельдорет пришел под осень.

О вздохи листьев золотых и красных

В осенних Таур-на-Нельдорских полянах!

То было больше, чем я мог желать.

В горах Дорфониона встретил зиму.

На Ород-на-Тоне она белела снегом,

Гудела в соснах вьюжными ветрами, —

Я с ними вместе пел под чистым звонким небом.

Сейчас все эти страны скрыло Море,

А я брожу в земле отцов, Фангорне.

Здесь Амбарона, Тауреморна, Алдаломэ...

Здесь корни глубоко душа пустила,

И лет упало больше, чем осенних листьев

В Тауреморналомэ…

Древесник закончил петь и шел дальше молча, а во всем большом лесу залегла такая тишина, что ни один листик не шелестел.

* * *

День угасал. Под деревья заползали тени. Наконец хоббиты увидели перед собой крутой и темный горный склон — они оказались у подножия гор, у зеленых корней высоченного Метедраса. Из родника под горой начиналась река Энтов: молодой ручей с шумными всплесками тек по камням навстречу путникам. Справа от ручья серел в вечернем свете пологий травянистый склон. Деревья на нем не росли, и ничто не заслоняло неба, по которому в чистых озерах синевы меж облаков уже плавали звезды.

Древесник пошел прямо в гору, не замедляя шага. Вдруг хоббиты увидели перед собой что-то вроде широких ворот. Два огромных дерева стояли по обе стороны, как живые столбы, а вместо дверей между ними переплелись ветки.

Когда старый энт подошел, ветки поднялись и раздвинулись, темные блестящие листья на них задрожали и зашелестели. По-видимому, эти листья не опадали вообще. За «воротами» открывалась широкая площадка, как пол большого зала, высеченного в склоне горы. «Стены» зала косо поднимались вверх, достигая в конце высоты локтей в пятьдесят, а вдоль каждой тянулся ряд деревьев — чем глубже, тем выше.

Противоположная входу стена была гладкой, в ней темнела неглубокая ниша, над которой нависал карниз — единственная «крыша», если не считать переплетенных ветвей, где смыкались кроны деревьев, прикрывавших зал с боков. Посредине оставалась широкая открытая дорожка. Горные источники собирались в небольшой водопадик, и он звенящими жемчужными брызгами падал с карниза, образовывая нечто вроде тонкой серебристой завесы у получившегося таким образом грота. Вода стекала в большую каменную чашу под деревьями, затем выливалась из нее в желобок вдоль центральной дорожки и бежала в начинающуюся речку, чтобы вместе с ней пробираться по лесу.

* * *

— Ох-хо-хм… Вот мы и дома, — сказал Древесник. — Мы прошли примерно семьдесят тысяч шагов энта. Сколько это по вашим меркам, понятия не имею. Во всяком случае, мы подошли к корням Последней горы. Часть названия этого места в переводе на ваш язык будет звучать как Родниковый грот. Я его люблю. Здесь заночуем.

Древесник опустил хоббитов в траву между боковыми деревьями, и они дальше пошли за ним в конец зала. Только теперь они увидели, как Древесник ходит: почти не сгибая колен и при этом делая великанские шаги. В каждом шаге он сначала касался земли большими пальцами — очень широкими и сильными, — а затем уже опирался о землю всей ступней.

Древесник минуту постоял под брызгами водопадика, глубоко вздохнул, охнул от удовольствия и вошел под карниз. Там был огромный каменный стол, лавок они не увидели. В углах затаилась темнота. Древесник поднял с земли две большие чаши и поставил на стол. В них, как показалось хоббитам, была чистая вода, но когда энт протянул над ними руки, жидкость вдруг заискрилась, в одной чаше — золотистым, в другой — изумруд-

ным светом, грот осветился, будто солнце залило его сквозь весенние листья. Хоббиты оглянулись и увидели, что деревья вдоль стен тоже светятся, сначала слабо, потом все ярче, пока каждый лист не оказался словно в сияющем ободке, горя своим огнем: бледно-зеленым, золотистым, ярко-золотым, медно-красным, — а стволы стали похожи на бронзовые и малахитовые колонны.

— Ну вот, теперь можно и побеседовать, — сказал Древесник. — Но вы, наверное, притомились и пить хотите. Попробуйте нашего питья.

Он пошел в глубину грота, где, как оказалось, стояли высокие каменные жбаны, поднял тяжелую крышку одного из них, опустил туда большой черпак и наполнил три кубка — один громадный и два поменьше.

— Это дом энта, — сказал он. — Лавок мы не делаем. Но вам можно сесть на стол.

Он поднял хоббитов и посадил их на каменную плиту. Так они и сидели, на высоте шести локтей над полом, болтая ногами в воздухе и маленькими глотками отхлебывая из кубков.

Напиток по виду и вкусу напомнил им воду, которую они на краю леса пили прямо из реки, но в нем был еще какой-то привкус, хоббитам незнакомый, и запах, напоминающий ночной

аромат цветущего леса, принесенный издалека легким ветром, — описать его было невозможно.

Сначала они почувствовали, как из всего тела, начиная от пальцев ног, уходит усталость, как оно наливается силой и свежестью. Им даже показалось, что волосы их зашевелились, начали расти и крепче завиваться. Тем временем Древесник ополоснул ноги в круглом углублении между деревьями, а потом осушил свой кубок одним духом. Делал он это так медленно, что, казалось, кубок успел прирасти к губам.

— Ах-хха-а!.. — выдохнул он, отставив, наконец, пустой кубок. — Теперь будет легче говорить. Вы сядете пониже, а я лягу, чтобы питье не ударило мне в голову. Лежа я не засну.

* * *

Под правой стеной грота стояло огромное ложе на низких каменных ножках, всего на пару футов выше пола, застеленное сеном и папоротником. Древесник начал медленно и с трудом на него клониться, почти не сгибаясь, и вдруг лег, подложив руки под голову и уставив глаза под навес, по которому, как солнечные зайчики, пробегали зеленые и желтые искры. Мерри с Пипином пристроились рядом на сене, как на подушках.

— Ну, рассказывайте свою историю, — попросил Древесник. — Только помедленнее.

Начали хоббиты с того, как вышли из Хоббитауна. Они старались рассказывать обо всем подробно, но не придерживались точной последовательности, потому что по очереди вставляли свои замечания, и Древесник часто просил их остановиться и вернуться к какому-нибудь событию или пропустить что-нибудь маловажное, чтобы понять общий ход дела. Про Кольцо они ничего не сказали и не объяснили ни причины, ни цели своего похода. Древесник об этом не спрашивал.

Все, о чем они говорили, его живо интересовало: Черные всадники и Элронд в Райвенделе, Старый лес и встреча с Бомбадилом, Морийские Копи и отдых в Лотлориэне у Галадриэли. Древесник снова и снова просил описать Хоббитшир и его окрестности. Один раз он прервал их и задал неожиданный вопрос:

— А в тех местах вы нигде не встречали — гм-гм… энтов? Я хотел сказать, *жен энтов*?

— *Жен* энтов? — спросил удивленно Перегрин. — А на что они похожи? Они такие, как ты?

— Ох-ххо… Не совсем… Но я и сам теперь не

знаю, — задумчиво ответил Древесник. — Мне пришло в голову, что, может быть, они там, потому что ваши края им, наверное, понравились бы.

Он очень подробно расспрашивал обо всем, что касалось Гэндальва, и о делах Сарумана. Хоббиты пожалели, что очень мало об этом знали, только то, что Сэм слышал на Совете у Элронда и через пятое на десятое им рассказал. И еще обратили внимание на то, что Углук с отрядом шел из Исенгарда и говорил о Сарумане как о своем хозяине.

— Ах-ха… — пробормотал Древесник, когда рассказ хоббитов сделал петлю и вернулся к битве банды орков с всадниками Рохана. — Ну-ну. Немало новостей вы принесли. А еще не все говорите, нет, вы о многом умолчали. Но я не удивляюсь, вы поступаете так, как посоветовал бы Гэндальв. И я вижу, что в мире происходят большие события, а что именно происходит, в свой час узнаю. Этот час, добрый или злой, для меня наступит. Удивительно, корешки и веточки! Дивно! Вдруг откуда-то вылез народец, о котором нет ни слова в старых Списках, и вот снова появляются Девятеро Забытых и охотятся на них, Гэндальв берет их в великий Поход, Галадриэль принимает их как гостей в Карс Галадоне, и орки гоняются за ними по всему Дикому Краю. Захватила их в свой

вихрь большая буря. Будем надеяться, что они ее выдержат.

— А что будет с тобой? — спросил Мерри.

— Ох-хо-хо… Меня пока великие войны не касаются. Это дела эльфов и людей, и еще магов, они всегда пекутся о будущем. Я не люблю думать о будущем. Я не стою ни на чьей *стороне*, потому что никто не стоит на моей; понятно, о чем я хочу сказать? Уже никто так не заботится о лесе, как я, даже нынешние эльфы. Но племя эльфов мне приятнее, чем все остальные племена. Ведь это эльфы в Давние дни вывели нас из немоты, а речь — великий дар, и этого я не забуду, хоть наши дороги потом разошлись. Есть на свете твари, с которыми никогда не примирюсь и не подружусь, и уж на чьей стороне *никогда* не буду. Это эти… *бурарум*… — Древесник забормотал брезгливым басом. — Орки и их хозяева. Я встревожился, когда Тень пала на Темнолесье, но когда она отступила в Мордор, какое-то время жил спокойно. Мордор отсюда далеко. Сейчас, похоже, ветер собирается на востоке, и кто знает, может, близок конец всех лесов! Старый энт не может остановить бурю. Я должен ее встретить грудью и выдержать или погибнуть. Но есть еще Саруман! А Саруман — наш сосед. Этого забывать

нельзя. Надо что-то делать с Саруманом. Вот я и думаю, что делать с Саруманом. В последнее время я часто об этом думаю.

— Кто такой Саруман? — спросил Пипин. — Ты знаешь его историю?

— Саруман — маг, — ответил Древесник. — Больше ничего не могу про него рассказать. Я не знаю истории магов. Они впервые появились, когда из-за Моря приплыли Большие Корабли, но прибыли они на этих кораблях или еще откуда-то пришли, мне неведомо. Как я слышал, Саруман пользовался среди них большим почетом. Но с какого-то времени, по вашему отсчету, наверное, с очень давнего, он перестал странствовать и перестал печься о делах эльфов и людей. Осел в Каменном Городе, Исенгарде, как его называют здешние Хозяева Коней. Сначала он сидел тихо, а слава о нем шла по свету. Его выбрали главой Белого Совета, только ничего хорошего из этого не получилось. Может быть, он давно замышлял темные дела? Соседям он не мешал. Я не раз с ним разговаривал. Было время, когда он часто ходил по моему лесу. Всегда учтиво просил разрешения войти, если меня встречал. Внимательно слушал рассказы о том, о чем сам никогда бы не узнал. Сам искренним и открытым не был, нет! Я ни

разу не слышал, чтобы он о чем-нибудь рассказывал. Со временем он стал совсем нелюдимым. Я помню его лицо, хотя уже много лет его не видел. Оно как окно в каменной стене, закрытое ставнями изнутри.

Мне кажется, теперь я понимаю, чего хочет Саруман. Он пытается стать Всесильным. Занимается металлами и колесами, о живых существах совсем не беспокоится, только использует их время от времени. Сейчас уже ясно как день, что он — черный изменник. Сдружился с самым подлым племенем — с орками. Бр-р… Гм… еще хуже: он сумел с ними что-то сделать, они стали похожи на людей, только очень мерзких. Все зловредные твари, которые служат Великой Тьме и ее черным силам, рано или поздно перестают выносить солнце, так их можно узнать. А орки Сарумана терпят солнце, хотя и не любят. Как ему это удалось? Может, исенгардцы — люди, заклятием уподобленные оркам? Может быть, он смешал орков с людьми? Тогда страшна подлость Сарумана!

Древесник долго бормотал одними губами что-то, что показалось хоббитам проклятием на языке энтов.

— Я давно дивился, как смело ходят орки через

мой лес, — продолжал старый энт. — Теперь я понял, что это дела Сарумана, который за много лет изучил тропы и добрался до моих тайн. Этот негодяй и его слуги портят лес. Рубят деревья по краям, хорошие, здоровые деревья. Оставляют поваленные стволы гнить на месте, просто из подлости. Или забирают с собой, потом жгут в Ортханке. Над Исенгардом теперь всегда столб дыма.

Будь он проклят от сучков до корней! Многие из этих деревьев были моими друзьями, я их знал с орешка, с желудя, с семечка. У них были свои голоса, которые теперь молчат. Вырубки зарастают колючками, и пни торчат там, где были поющие рощи. Я долго не вмешивался. Допускал зло. Пора положить ему конец.

Древесник встал и тяжелой рукой ударил по столу. Чаши со светом задрожали, из них вырвались столбики огня. Зеленые искры сверкали в глазах великана, а борода взъерошилась, как метла.

— Положить конец! — еще раз сказал он сердитым басом. — Вы пойдете со мной. Вы мне поможете. И своим друзьям поможете, потому что если никто не сдержит Сарумана, у Рохана и Гондора враги будут и спереди, и сзади. Наши

дороги пошли в одну сторону — на Исенгард.

— Мы пойдем с тобой, — сказал Мерри, — и сделаем все, что сможем.

— Да! — воскликнул Пипин. — Я бы хотел увидеть, как отрубят Белую Руку. Хотел бы хоть присутствовать при этом, даже если помочь ничем не смогу. Никогда мне не забыть Углука и дороги через степь!

— Хорошо, хорошо, ладно, — сказал Древесник. — Только не спешите. Надо все делать обдуманно. А то и я разгорячился, говорил поспешно. Надо остыть и поразмыслить. Сказать «стой» всегда легче, чем остановиться.

Он неспешно пошел к выходу и встал под водопадом. Постояв так немного, засмеялся и отряхнулся, а капли с его бороды разлетелись во все стороны красными и зелеными искрами. Потом великан снова лег на свое ложе и замолчал.

* * *

Через некоторое время хоббиты опять услышали его шепот. Им показалось, что он считает на пальцах.

— Фангорн, Финглас, Фладриф… Да-да, беда, что нас так мало осталось, — вздохнул он и снова обратился к хоббитам. — Всего трое из первых

энтов, которые ходили по лесам до Великой Тьмы. Это я, Фангорн, и еще Финглас и Фладриф, такие у них эльфийские имена. На вашем языке их, наверное, звали бы Листвяник и Тонкокор. Трое нас, но Листвяник с Тонкокором для такого дела не подходят. Листвяник так разоспался в последнее время, что почти одеревенел. Все лето простоял полусонный в траве по колено. Весь зарос листьями. Раньше на зиму просыпался, а теперь, наверное, и зимой далеко не уйдет. Тонкокор жил на горных склонах, ближе к Исенгарду. Там было больше всего порубок. Он сам был тяжело ранен орчьими топорами, а многие его родичи и подданные, деревья и их пастухи, были порублены и сожжены. Тонкокор поднялся в горы, спрятался в березняке (он любит березы) и не хочет оттуда спускаться. Я попробую собрать дружину из родичей помоложе. Если, конечно, смогу их сдвинуть, а то наш род очень медлительный. Жаль, жаль, что нас мало.

— Почему же вас так мало, если вы населяете этот край с незапамятных времен? — спросил Пипин. — Вас много умерло?

— Ох-хо, нет! — ответил Древесник. — Сам по себе никто не умер. Некоторые погибли от несчастного случая — ведь времени прошло

очень много. Многие одеревенели. Нас никогда не было много, и наше племя не растет. Нет потомства, нет энтят, много веков никто не рождается. Надо вам объяснить: мы потеряли жен.

— Это же большое горе! — посочувствовал Пипин. — Они все умерли?

— Умереть не умерли, — ответил Древесник. — Я не говорил, что они *умерли*. Я сказал, что мы их потеряли. Наши жены *пропали*, и мы нигде не можем их найти. — Великан вздохнул. — Я думал, что все другие племена об этом знают. Эльфы и люди от Темнолесья до Гондора пели песни про энтов, которые ищут пропавших жен. Неужели они успели их забыть?

— Увы, мы про это ничего не слышали. Наверное, к нам на запад в Хоббитшир эти песни не дошли, — сочувственно сказал Мерри. — Расскажи нам или спой!

— Охотно, охотно, — сказал Древесник, явно обрадованно. — Но я не могу рассказать со всеми подробностями, только в общих чертах. Надо кончать беседу, потому что завтра придется идти на Сход и делать большую работу, и кто знает, — может быть, сразу выступить в путь…

* * *

— Ну, так вот. Дивная это история и очень грустная, — Древесник опять минуту молчал. — В давние-давние времена, когда мир был молод, а леса — раскидистые и дикие, энты жили в них и бродили по земле вместе со своими женами. Были у энтов и девы.

Ах, какой красавицей была Фимбретиль, по-вашему ее звали бы Веточка… Какая она была легконогая, когда мы были молоды… Мы вместе жили и вместе гуляли. Но сердца и мысли наши росли по-разному. Энты думали обо всем, что видели в мире, а жены — о том, чем владели. Энты любили большие деревья, дикие чащи, склоны высоких гор; пили воду из горных потоков, ели только то, что деревья сбрасывали им под ноги на лесные тропы, а когда эльфы научили нас говорить, говорили с деревьями. Жены энтов больше любили малые деревья, ровные полянки и солнечные луга, гуляли по краям лесов, собирали ежевику в кустах, весной рвали цвет диких яблонь и вишен, летом плели венки из душистых цветов над ручьями, осенью — из колосьев, роняющих семена. Они с ними не разговаривали, они хотели только, чтобы их слушались и

выполняли их волю. Жены энтов приказывали растениям расти там, где они их сажали, носить листья, которые им нравятся, и давать плоды по заказу. Они любили порядок, изобилие и покой. По их словам, это означало, что все вещи должны оставаться там, где они им найдут место. Жены завели сады и огороды и жили в них. А мы, энты, продолжали бродить по лесам и лишь иногда возвращались в сады.

Потом, когда Великая Тьма накрыла страны севера, жены энтов переправились через Великую реку и заложили на другом ее берегу новые сады и огороды, возделали новые поля. Мы все реже с ними виделись. Когда Тьма отступила, буйно расцвела земля наших жен, пышно зашумели на ней поля. Люди учились у жен энтов их искусству, уважали и почитали их, а о нас, наверное, даже не знали. Мы стали легендой, частью тайны, скрытой в сердце леса. Но мы живем до сих пор, а сады наших жен стали черным паром, потом заросли травами. Люди теперь называют их Бурыми Землями.

Помню, много лет назад — во время войны Саурона с людьми с Моря — меня охватило желание снова увидеть Фимбретиль. В нашу последнюю встречу она мне показалась очень красивой, хотя

уже не похожей на энтийскую деву незапамятных времен. От тяжелой работы она ссутулилась, как и ее подруги, кожа у нее огрубела и потемнела, волосы выгорели на солнце и приобрели цвет спелой пшеницы, а щеки стали красными, как яблоки. Только глаза остались нашими… Так вот, переправились мы через Андуин и пошли к нашим женам. И увидели пустыни, пожарища… голую землю, по которой прошла война. Наших жен там не было. Долго мы их искали, долго звали. Каждого встречного спрашивали, куда они ушли. Одни говорили, что не видели, другие показывали на восток, третьи — на запад, четвертые — на юг. Искали мы напрасно.

Велико было наше горе, но лес нас призывал — и мы вернулись в лес. За многие годы мы не раз выходили из леса, снова искали, снова спрашивали, заходили очень далеко в разные стороны, называли встречным красивые имена пропавших. Проходило время, все реже выбирались мы из леса, а если выходили, то уже не далеко. О женах у нас остались лишь воспоминания; наши длинные бороды поседели. Эльфы сложили много песен об энтах, разыскивающих своих жен, и некоторые из этих песен на своем языке пели люди. У нас таких песен нет. Когда мы думаем о

своих женах, мы просто поем их красивые имена. Мы верим, что когда-нибудь снова с ними встретимся, может быть, даже найдем такой край, где сможем жить вместе, где будет хорошо и им, и нам.

Но, по древнему предсказанию, это произойдет, когда мы с ними утратим все, что всегда было нашим. Кто знает, может быть, это время уже близко. Саурон давно опустошил сады наших жен, а сейчас Враг грозит уничтожить леса. Эльфы сложили одну песню именно об этом, если я правильно ее понял. Ее поют на берегах Великой реки. Но эта песня никогда не была песней энтов. На нашем языке она была бы во много раз длиннее. Мы ее знаем, иногда вспоминаем и поем. На вашем языке она прозвучит примерно так:

ЭНТ:

Когда весной распускается лист
И сок по буковым веткам течет,
Лесной поток срывается вниз
И, по камням сбегая, поет,
Когда я иду, удлиняя шаг,
Веет ветер, нас друг к другу маня, —

Вернись ко мне и скажи мне, как

Прекрасна земля моя!

ЖЕНА ЭНТА:
Когда весна приходит в поля,
Осыпая, как снегом, цветами сады,
Когда радуется семенам земля
И дождь облегчает ее труды,
Когда все ароматом и солнцем полно,
Когда ручьи огороды поят,

Я останусь здесь, потому что всего
Прекрасней земля моя!

ЭНТ:
Когда лето жаром охватит поля,
В полдень в лесной тени
Под древесным навесом постой у ручья
И на мягкой траве отдохни.
Ночью листья закроют лунный свет,
Убаюкает соловей...

Вернись ко мне и скажи, что нет
Земли, прекрасней моей!

ЖЕНА ЭНТА:
Когда лето жаром румянит плоды

И наливает колосья,
Нам спелые фрукты дарят сады,
И мы их в амбары сносим.
Тугие яблоки, сладкий мед,
Золотой урожай полей…

Я останусь здесь, потому что нет
Земли, прекрасней моей!

ЭНТ:
Когда придет зима, и мороз
Сразит холмы и леса,
Когда ветки застонут в ночи без звезд
На разные голоса,
Когда с востока примется дуть
Ветер холодный и злой,

Я тебя разыщу, позову тебя в путь,
Я снова встречусь с тобой!

ЖЕНА ЭНТА:
Когда зима с морозом придет
И песни птиц отзвучат,
На землю холодная тьма упадет,
Сучья голые застучат,

Тебя я высматривать буду и ждать,
Пока не встретимся мы,

Чтобы вместе пойти дорогу искать
Под злыми дождями зимы.

ОБА ВМЕСТЕ:
Мы вместе дорогой дорог пойдем
На запад, в чужие края,
И счастливую землю там найдем,
Чтобы стала твоя и моя!

Древесник кончил петь и ненадолго замолчал.

* * *

— Вот так ее поют, — сказал он чуть погодя. — Конечно, песня эльфийская, быстрая, легкомысленная и сразу кончается. Но песня честная. Энты, конечно, больше бы сказали, если бы времени хватило. Ну, а сейчас мне пора постоять, поспать немного. Вы где встанете?

— Мы ведь лежа спим, — сказал Мерри. — Мы останемся тут, где есть.

— Лежа спите? — удивился древесник. — Ах-ха, да-да, конечно. Забыл я, хм. Песня унесла меня в незапамятные времена, мне чуть не показалось,

что я говорю с энтятами. Ну ладно, ладно, ложитесь. Я постою под дождиком. Спокойной ночи.

Мерри с Пипином разлеглись на сене и укрылись мягким папоротником. Постель была свежая, душистая и теплая. Свет потускнел, деревья перестали сиять и искриться. У входа в грот хоббиты видели силуэт старого энта: он стоял прямо, подняв руки над головой. На небо вышли яркие звезды, в их свете капли воды серебристыми жемчужинами сыпались Древеснику на руки и бороду, весело прыгали у ног. Убаюканные шелестом водяных брызг, хоббиты заснули.

* * *

Когда они проснулись, прохладное солнце уже освещало поляну и заглядывало в грот. Холодный ветер с востока гнал по небу лохмотья облаков. Древесника не было, и, только уже умывшись в углублении перед гротом, они услышали его воркочущую песенку, а вскоре он и сам появился на дорожке между деревьями.

— Ах-ха! Хо-о! Доброе утро, Мерри, день добрый, Пипин! — приветствовал он хоббитов. — Долго вы спите! Я за утро успел пройти много сотен шагов. Сейчас попьем, а потом пойдем на Сход.

Он наполнил для хоббитов два кубка, черпая

из каменного жбана, на этот раз из другого. Вкус питья тоже был другим, более земным, и оно казалось сытным, как еда. Когда хоббиты, сидя на краю ложа, выпили и закусили крошками лембасов — скорее по привычке, потому что есть им не хотелось, — Древесник уже снова пел-гудел на непонятном языке энтов, а может быть, эльфов, и поглядывал на небо.

— А где этот Сход? — набравшись храбрости, спросил Пипин.

— Что? Сход? — обернулся к нему Древесник. — Да нет. Сход — это не место, а собрание энтов, хотя сейчас такие собрания очень редки. Но я многих обошел, и почти все обещали явиться. Встретимся мы там, где всегда собирались, в Заколдованном овраге, как его прозвали люди. Пойдем отсюда на юг; на месте надо быть раньше, чем солнце дойдет до половины неба.

Вскоре они отправились в путь. Древесник, как и вчера, взял полуростиков на руки. От ворот Родникового грота он сразу повернул вправо, перешагнул через ручей и зашагал на юг, вдоль подножия крутых неровных склонов, поросших редкими деревьями. Повыше на них виднелись растущие группами березы и рябины, а совсем вверху цеплялись за камни сосны. Через неко-

торое время Древесник завернул в густой лес — столько недосягаемо высоких и раскидистых деревьев в одном месте хоббиты, пожалуй, даже в Лориэне не видали.

Когда они вошли под сень этих гигантов, их сразу охватила духота, как тогда, когда они впервые вступили в Фангорнский лес, но на этот раз она быстро прошла. Древесник ничего им не говорил. Он почти все время бормотал себе под нос что-то вроде *«Бум-бум, рум-бум, бурар-бум-бум, дарар-бум-бум, дарар-бум»*, и так далее, все время одно и то же, лишь меняя ритм и тон. Время от времени им казалось, что они слышат из глубины леса ответное бормотание, какие-то вибрирующие звуки, доносящиеся не то из-под земли, не то из густых крон над головами, а может, из стволов. Древесник не останавливался и не оглядывался, даже головы не повернул ни разу.

* * *

Он шел так довольно долго. Пипин пробовал было считать шаги энта, но дойдя до трех тысяч, сбился. Наконец энт вдруг остановился, опустил хоббитов в траву, поднес к губам сложенные ладони, и зазвучал странный призыв: «Гу-у, гу-у… гу-у…» — как басистый звук большого рога. Гул

разнесся по лесу, эхом рассыпался между деревьями, и тут же со всех сторон на разные голоса зазвучали ответные отклики.

Тогда Древесник посадил хоббитов на плечи и пошел дальше, но теперь уже то и дело приостанавливаясь и посылая то в одну, то в другую сторону гудящий призыв. При каждом его шаге ответные голоса звучали ближе. И вот перед ними словно выросла плотная и, казалось, непроницаемая стена зелени. Таких деревьев хоббиты тоже никогда не видели: они были явно вечнозелеными, начинали ветвиться от самых корней, а листьев на них было столько, что они торчали, крепко прижатые друг к другу. В темной блестящей зелени выделялись свечки соцветий с крупными оливковыми бутонами.

Древесник сделал несколько шагов влево вдоль этой гигантской изгороди. Там в ней был просвет. Утоптанная тропа входила в него и круто спускалась затем по ступенчатому откосу. Древесник нес их на дно большого оврага, вернее, круглой котловины, очень широкой и глубокой, а темно-зеленая живая изгородь с торчащими листьями окружала ее со всех сторон. Дно котловины заросло нежной травой, а посредине стояли три березы, красивые и высокие, с серебристыми

стволами. Тропа, по которой они шли, была не единственной, в котловину вели еще две: одна с востока, другая с запада.

На месте Схода уже собирались энты. Теперь хоббиты могли их разглядывать вблизи. Они думали, что увидят толпу двойников Древесника, похожих друг на друга, как хоббит на хоббита, — во всяком случае, в глазах чужестранца, — и необычайно удивились, что все оказалось совсем по-другому. Энты отличались друг от друга, как разные деревья: некоторые были довольно похожи, словно одной породы, только росшие в разные местах и пережившие разные судьбы; другие были совсем разных пород и отличались, как например, береза от бука или дуб от елочки. Несколько седобородых энтов напоминали очень старые деревья, корявые, но еще крепкие, и было видно, что они все же моложе Древесника. Самые молодые были высокими, сильными, с гладкой кожей-корой, и явно взрослыми. Не то что энтят, даже юных энтов хоббиты так и не увидели.

Когда они с Древесником пришли сюда, энтов в зеленом овраге было уже не меньше двух десятков, и еще столько же спускалось по трем дорожкам, и подходили все новые.

В первую минуту Мерри и Пипина ошеломила

разнородность лесного племени, разные цвета кожи, несходство силуэтов, всевозможные формы и пропорции, разнообразие роста, толщины, числа пальцев на руках и ногах (от трех до девяти). На Древесника были похожи немногие. Эти напоминали буки или дубы. Были энты, напоминавшие каштаны, — бурые, на коротких толстых ногах, с широко растопыренными пальцами; были похожие на ясени — высокие, с сединой, с множеством пальцев на руках и длинных ногах; были высоченные с небольшой головой, как елки; были похожие на березы, на рябины, на липы…

Но когда все энты собрались вокруг Древесника и, слегка наклонив головы, зашептались спокойными гудящими голосами, внимательно вглядываясь в двух странных маленьких незнакомцев, хоббиты заметили, что все они имеют какое-то внутреннее родственное сходство, глаза у них были похожие — правда, не такие глубокие и мудрые, как у Древесника, но тоже задумчивые, внимательные и с зеленоватыми искрами.

Как только на дне оврага получился широкий круг, началась странная, непонятная хоббитам беседа. Все энты начинали очень тихо: кто-нибудь один подавал голос, будто бы про себя, потом начинал говорить чуть громче, так что

его слышали остальные, кто-то вторил, другие постепенно присоединялись, сливаясь в хор, чей медленный речитатив-распев то взвивался высокими нотами, то стихал, то явственнее звучал в одной стороне, то в другой, то опять там, где начали.

Пипин не мог ни понять речь, ни даже различить отдельных слов, он лишь догадывался, что говорят на языке энтов, который сначала показался ему приятным, но вскоре стал восприниматься как монотонный шум, и хоббит отвлекся. Время шло, разговор-песня тянулся бесконечно, и Пипин начал подозревать, что энты на своем медленном наречии, наверное, еще только приветствуют друг друга, а к делам не приступали. Потом ему пришло в голову, что если Древесник захочет сделать перекличку, то ему придется одни имена произносить несколько дней.

«Интересно, как на их языке звучит „да“ и „нет“», — подумал полуросток и зевнул.

Древесник это тут же заметил.

— Ох-хо, Пипин, дружок, — сказал он, а энты тут же прекратили петь. — Я забыл, что вы очень расторопный народец. Да и любому надоест слушать речи, ничего в них не понимая. Можете пойти погулять. Я назвал энтам ваши имена, они на вас

посмотрели, убедились, что вы не орки, и согласились, что в Список Живущих надо добавить новую строчку. Дальше мы пока не продвинулись, но и то хорошо, сегодня Сход энтов очень быстро проходит. Побродите по оврагу. Найдите источник на северном откосе, там вода чистая, попейте, освежитесь. Нам надо еще прослушать пару вступительных слов, потом приступим к делу. В конце я вас разыщу и расскажу, что решили.

Великан опустил хоббитов на землю. Прежде чем отойти, Мерри и Пипин низко поклонились собранию. Это очень понравилось энтам, насколько можно было судить по веселому гудению и яркому блеску глаз. Но больше они ничего себе не позволили; Сход продолжался.

Хоббиты поднялись по западной тропе к живой изгороди и выглянули наружу. Перед ними поднимался заросший деревьями склон, а вдали, намного выше последних темных елей и острых скал, белоснежной иглой вонзался в небо крайний пик хребта Мглистых гор. На юге хоббиты видели только море деревьев, медленными волнами плывущее за низкий горизонт. Совсем далеко в туманной дали зелень светлела, и Мерри предположил, что, может быть, это кончается лес

и начинаются степи Рохана.

* * *

— Интересно, где Исенгард? — спросил Пипин.

— Я точно не знаю, где мы сейчас находимся, — ответил Мерри. — Этот пик, наверное, — Метедрас, а тогда, если мне память не изменяет, как раз где-то за ним, с той стороны, от него вилкой отходят два отрога и полукольцом охватывают крепость. Отсюда, конечно, не видно. Тебе не кажется, что вон там слева за вершиной плывет что-то вроде пара или дыма?

— А какой он, Исенгард? — опять спросил Пипин. — Ты веришь, что энты сумеют вообще что-нибудь с ним сделать?

— Понятия не имею и сам удивляюсь, — сказал Мерри. — Этот Исенгард, насколько мне известно, выстроен на ровном месте в кольце горных отрогов, а посредине стоит скала или башня, как скала, она называется Ортханк, и в ней живет Саруман. В кольце есть ворота или пролом, через который течет река. Она начинается от источника в горах и идет куда-то в сторону Роханского Прохода. Не могу представить, как энты со всем этим справятся. Но в энтах что-то есть, какая-то тайна. Иногда мне кажется, что они вовсе

не такие спокойные и терпеливые, как можно подумать. Они вроде медлительные и немного потешные, и одновременно грустные, что ли; но я верю, что их *можно расшевелить*. А если они сдвинутся с места, я бы не хотел оказаться среди их врагов.

— Да, — согласился Пипин. — Я тебя понял. Разница, наверное, такая же, как между старой коровой, которая задумчиво жует жвачку на лужайке, и разъяренным быком. И такое превращение может произойти во мгновение ока. Интересно, сумеет ли Древесник расшевелить их. Он наверняка именно это задумал. Но они неохотно возбуждаются. Вот вчера Древесник сам рассердился вечером, но сразу как-то одеревенел.

Хоббиты походили-походили и вернулись в котловину. Голоса энтов по-прежнему не то гудели, не то шептали, то громче, то тише. Сход продолжался. Солнце стояло высоко над живой изгородью и освещало верхушки трех берез, заливая северный откос прохладным золотистым светом. Там в траве полуростики увидели блестящую искорку. Они пошли к ней по краю откоса под самой изгородью — так приятно было чувствовать ступнями шелковистую травку, — и

скоро оказались у чистого ключика. Напившись холодной освежающей воды, друзья присели на замшелый камень и стали смотреть, как тени от облаков бегут по котловине. Энты продолжали совещаться. Весь этот Сход, даже весь этот лес вдруг показался хоббитам чужим, непонятным, ни на что не похожим и очень далеким от их мира. Их охватила острая тоска по друзьям и их голосам, им очень захотелось увидеть и услышать Сэма, Фродо и Долгоброда.

Наконец энты замолчали. Хоббиты подняли головы и увидели Древесника, который направлялся к ним с каким-то другим энтом.

— Ах-ха… Вот и я, — сказал Древесник. — Заскучали. Ждать надоело, хм, ага? Еще немного потерпите. Первая часть собрания закончилась. Сейчас начнется самый важный совет. Надо подробно все объяснить тем, кто живет далеко отсюда и далеко от Исенгарда, а также тем, кого я не смог сам обойти сегодня утром, перед Сходом. Потом решим. Что поделаешь, энты — народ медлительный. Решать быстрее, чем обсуждать. Однако обсуждать тоже надо. Не скрою, совет продлится еще долго. Может быть, не один день. Я вам привел товарища. Зовут Брегалад. Это по-эльфийски. Он близко живет. Говорит, что все решил

и может уйти с обсуждения. Гм-гм… Он довольно расторопен для энта. Вы с ним договоритесь. До свиданья!

Древесник повернулся и отошел.

Брегалад несколько минут стоял молча, разглядывая хоббитов, а хоббиты, в свою очередь, разглядывали его, ожидая, когда же он проявит свою «расторопность». Роста он был довольно высокого, казался еще молодым, кожа на руках и ногах у него была гладкая, губы яркие, а волосы серо-зеленые. Он гнулся и покачивался, как стройное дерево на ветру. Наконец заговорил, голосом звучным и не таким басовитым, как у Древесника.

— Ага. Ну, друзья, давайте погуляем по лесу? — предложил он. — Меня зовут Брегалад, на вашем языке Скороствол. Это, конечно, только прозвище. Меня им наградили, когда я однажды ответил «да!», не дослушав до конца вопрос старшего энта. Я и пью быстрее, чем мои соплеменники. Они еще мочат бороды в кубках, а я уже свой ставлю и ухожу. Идемте со мной!

Он протянул хоббитам гибкие руки, и они, взявшись за его длинные пальцы, целый день ходили по лесу, пели и смеялись, потому что Скороствол любил смеяться. Он смеялся, когда солнце выгля-

дывало из-за облаков, смеялся, когда по дороге им попадался ручей или источник, — каждый раз нагибался и с хохотом обливал водой голову и ноги; улыбался, слыша шепот и шум деревьев. Когда им встречались рябины, он останавливался, разводил руки в стороны и начинал петь, слегка при этом покачиваясь.

К вечеру он привел хоббитов к себе домой. Правда, это был всего лишь огромный плоский замшелый валун в траве на зеленом склоне. Вокруг него кольцом росли рябины и журчала вода (как в любом жилище энта); на этот раз был ручей, сбегавший по склону. Они долго беседовали, пока совсем не стемнело. Овраг был недалеко, из него доносились голоса энтов, звучали они живее, чем утром. Иногда один голос выбивался из общего хора на высокой ноте и звенел почти пронзительно. Тогда остальные затихали. А рядом был Брегалад и говорил с хоббитами ласковым шепотом на их языке.

Он рассказал, что принадлежит к роду Тонкокора и что местность, где он раньше жил, была разорена и вырублена. Им сразу стало понятно, почему Скороствол такой «расторопный», когда речь идет об орках.

— В моем доме росли рябины, — тихо и грустно

шептал Брегалад. — Эти деревья пустили корни, когда я был энтенком, много-много лет назад, в тихие дни мира. Самые старые были там посажены энтами для своих жен, только те рассмеялись и сказали, что знают место, где цветы лучше и плоды вкуснее. Но для меня во всем племени роз нет деревьев красивее, чем рябины. Они росли так пышно, что под каждою был зеленый дом, а осенью ветки сгибались от красных ягод, и это было прекрасно и удивительно. К ним прилетали птицы. Я люблю птиц, даже шумливых, а у рябин хватало плодов на всех. Только птицы потом стали жадными и вредными, они ощипывали ветки, сбрасывали ягоды на землю, не ели, а хулиганили. Потом пришли орки с топорами и срубили мои деревья. Я звал их по именам, они лежали мертвые, ни один листик не затрепетал, они меня не слышали.

Орофарна, Лассемиста, Карнемирия!

Рябина моя красивая, с белоцветущими ветками,

Рябина моя зеленая, с нежно-прохладным голосом,

Чьи легкие листья, как волосы,

Светились под солнцем летним,

А осенью обагренные,

Горели злато-алой короною!..

...Рябина моя погибшая, с посеревшими ветками,

Корона твоя рассыпалась, твой голос умолк навеки.

Орофарна, Лассемиста, Карнемирия!..

Хоббитов сморил сон, и, засыпая, они еще слышали, как пел Брегалад, оплакивая на разных языках смерть деревьев, которые он любил.

* * *

Следующий день они тоже провели в компании Скороствола, но уже не уходили далеко от его дома. Много часов они просто просидели молча под горой. Дул холодный ветер; низкие тучи потемнели и почти сомкнулись. Солнце лишь изредка пробивалось сквозь них, а из оврага по-прежнему доносились голоса энтов, то тише, то громче, то в медленном, то в убыстряющемся ритме. Иногда они звучали торжественно, будто пелась траурная песнь, иногда жалобно.

Наступила вторая ночь, а энты все совещались. Ветер гнал тучи, сквозь них иногда прорывались

редкие звезды.

Утро третьего дня было совсем холодным и ветренным. На рассвете со Схода донесся громкий общий гул, потом голоса почему-то стали затихать, и ветер унялся. В воздухе повисло тревожное ожидание.

Хоббиты заметили, что Брегалад внимательно и напряженно вслушивается, но им показалось, что слушать стало почти нечего.

В полдень тучи местами прорвались, и солнце, клонясь к западу, протянуло в образовавшиеся трещины и щели длинные желтые лучи. Наступила такая тишина, что даже шепота деревьев не было слышно. Лес замер в молчаливом ожидании. Брегалад весь вытянулся, уставившись в сторону Заколдованного оврага. Да, голоса энтов на Сборе смолкли. Что бы это значило? И вдруг тишину расколол мощный гул, раскатившийся звоном:

— Р-ра-рум-рра-а!

Деревья задрожали и пригнулись, как от ветра. Снова на мгновение стало тихо, а потом прозвучали торжественные барабанные звуки в ритме марша, и над ними взвился хор сильных голосов:

Идем, идем, под барабанный гром,

Торонда, ронда-ронда-ром!

Это двинулись энты. Их песня приближалась:

Вперед, вперед, нам рог поет,
Бьет барабан,
Та-ранда-ран, та-ранда-ран!

Брегалад поднял хоббитов на руки и вышел с ними из дома.

* * *

Скоро хоббиты увидели странный отряд на марше: энты крупными шагами спускались с горы в долину. Во главе шагал Древесник, за ним примерно полсотни его соплеменников, по два в ряд, в ногу, хлопая руками по бокам в такт шагам, выдерживая ритм. В глазах у них то гасли, то вспыхивали зеленые искры.

— Ого-го, гм! Вышли дружно, вышли, наконец! — восклицал Древесник, видя хоббитов и Брегалада. — К нам, к нам, присоединяйтесь! Мы выступаем. Идем на Исенгард!

— На Исенгард! — откликнулись многочисленные голоса. — На Исенгард!

На Исенгард! На Исенгард!

На замок подлого врага!
Пусть горд и тверд, пусть укреплен
И гол, как кость, со всех сторон, —
Идем, идем, на бой идем,
Ворота вражьи разобьем!

В его печах стволы горят —
Идем на бой на Исенгард!
В твердыню смерти смерть несем,
Под барабан идем, идем,
Под барабан на Исенгард:
Убить врага, убить врага!

С этой песней энты шли на юг.

* * *

Брегалад с загоревшимися глазами встал в строй рядом с Древесником. Старый энт взял у него хоббитов и посадил к себе на плечо. Гордые полуростики оказались во главе похода, сердца у них забились. Им казалось, что должно произойти что-то необыкновенное. Хоббиты дивились преображению энтов. Как будто открылись шлюзы и вырвался могучий поток.

— Энты быстро решились, правда? — осмелил-

ся спросить Пипин, когда боевая песня затихла и лишь топот ног и хлопанье рук по бокам раздавались в тишине.

— Быстро? — повторил Древесник. — Хм… Еще бы! Быстрее, чем я думал. Много веков я не видел их в таком состоянии. Мы, энты, не любим волноваться. Никогда не бунтуем, пока не знаем точно, что нашим деревьям и нам самим грозит смертельная опасность. Ничего подобного в нашем лесу не было со времен войны Саурона с пришельцами из-за Моря. Во всем виноваты орки, которые уничтожали лес по злобе… *Ррарум!*.. Они не могут оправдаться тем, что им нужны дрова для поддержания огня в очаге. Это нас сильнее всего разгневало, и еще измена соседа, который должен был нас поддержать. От мага ждут большего, чем от остальных; он должен поступать так, как ему подобает. Его измене не найдешь ни названия, ни достаточно сильного проклятия ни на языке энтов, ни на языке эльфов или людей! Долой Сарумана!

— Вы вправду сможете разбить ворота Исенгарда? — спросил Мерри.

— Гм, гм… Может быть, может быть. Ты, вероятно, не представляешь нашу силу. Слышал про троллей? Они сильные. Но их творил Враг по на-

шему подобию, так же, как он творил гоблинов по подобию эльфов, изуродовав их образ до неузнаваемости. Мы сильнее троллей, мы — кость от кости земли. Как корни деревьев, мы умеем раскалывать камни, но делаем это быстрее, чем они, гораздо быстрее, когда впадаем в гнев. Если нас не порубят топорами, не сожгут огнем и не заколдуют, мы разобьем Исенгард вдребезги, его стены разлетятся в щебень.

— Но Саруман постарается вас сдержать?

— Ох-хо, наверное. Я об этом не забываю. Долго думал об этом. Но видите, здесь много молодых энтов, моложе меня на много поколений. Сейчас они пробудились и взбунтовались. У них на уме одно: разгромить Исенгард. Скоро они приостынут; подойдет время вечернего кубка, и нас будет мучить жажда. А сейчас пусть шагают и поют. Дорога далека, времени на раздумье хватит. Главное, что они сдвинулись с места.

Некоторое время Древесник шагал и пел вместе со всеми, потом его голос перешел в шепот, потом он совсем перестал петь. Пипин видел, что седой энт нахмурился, и морщины у него прорезались глубже. Когда он взглянул на хоббита, полуросток заметил у него в глазах печаль. Печаль, но не отчаяние. Зеленые искорки ушли с поверхности

в глубину, в темный колодец раздумий.

— Очень может быть, друзья, — проговорил он, — очень может быть, что в твердыне смерти мы найдем *свою* смерть; и что это последний поход энтов. Но если бы мы остались дома и сидели, сложа руки, гибель нашла бы нас и там, рано или поздно. Эта мысль уже жила в нас, поэтому мы и выступили. В нашем решении не было поспешности. Если это — последний марш энтов, пусть он будет достоин песни. Да-да, — вздохнул великан, — может быть, мы хоть другим племенам пригодимся, а не просто так исчезнем. По своей дороге я хотел бы идти до тех пор, пока не сбудется песня про наших жен. Ах, как бы я радовался, увидев Фимбретиль! Но что я могу сделать? Песни, как и деревья, дают плоды лишь тогда, когда настает их пора, и каждый раз по-своему, а бывает, что и вянут раньше времени.

* * *

Энты шли и шли гигантскими шагами. Они спустились по длинному южному склону и начали взбираться на западный гребень хребта. Лес оставался внизу. Все реже попадались деревья, в основном это были растущие группами березы, немного выше — тощие сосенки, потом отряд

вступил на совершенно безлесные каменистые склоны. Солнце скрывалось впереди за горами.

В наступающих сумерках Пипин оглянулся назад. Энтов стало больше… Еще что-то произошло? Они только что шли по голым камням, а теперь вместо серого камня сзади был лес с прогалинами. И он двигался! Неужели проснулись деревья Фангорна и тоже пошли на войну через горы? Пипин протер глаза, думая, что это мираж или обман зрения. Но огромные сереющие силуэты продолжали подниматься в гору. Раздавался невнятный шум, будто ветер шептал в ветвях.

Энты подходили к гребню скал. Никто из них больше не пел. Становилось темно, и было бы тихо, если бы земля не гудела под тяжелыми шагами и не был слышен шелест, как шорох опадающих листьев. Наконец энты взошли на гребень и остановились. У их ног глубоко внизу черной пропастью зияла котловина Нэн Курунир, Долина Сарумана.

— Ночь легла на Исенгард, — сказал Древесник.

Глава пятая. Белый всадник

— Я промерз до костей, — сообщил друзьям Гимли, хлопая себя по бокам и притопывая.

Наконец рассвело. Путешественники пожевали скудный завтрак и решили еще раз при свете дня осмотреть все вокруг, поискать следы хоббитов.

— Не выходит у меня из головы тот старик, — сказал Гимли. — Я бы успокоился, если бы мне показали его след на земле.

— Это почему ты бы успокоился? — спросил Леголас.

— Потому что тогда он оказался бы тем, чем показался, — ответил Гимли. — Стариком, чьи ноги оставляют следы.

— Может, и так, — отвечал эльф, — но трава тут густая и упругая, так что и от тяжелых сапог следа не остается.

— Глаза следопыта не подведут, — сказал Гимли. — Арагорн по пригнутому стебельку может правду узнать. Только тут все перемешалось. Мало надежды что-нибудь найти. Ночью точно было явление Сарумана, это злая сила. А вдруг он и сейчас за нами следит из Фангорна?

— Похоже на правду, — произнес Арагорн. — Но

уверенности у меня нет. Я думаю о конях. Ты, Гимли, говоришь, что их ночью кто-то спугнул. А по-моему, было не так. Ты слышал, как они ржали, Леголас? Разве это было похоже на бегство со страху?

— Нет, — ответил эльф. — Я хорошо слышал. Если бы не ночь и не наш собственный страх, я бы сказал, что животные обрадовались. Такими голосами лошади встречают друга, которого давно не видели.

— Вот и мне так показалось, — сказал Арагорн. — Но если кони не вернутся, мы ничего не узнаем. Утро уже яркое, давайте еще раз осмотрим опушку, гадать будем потом. Начнем вот отсюда, с места, где мы отдыхали, а потом обшарим все вокруг, поднимемся к лесу. Сколько бы мы ни рассуждали про ночного гостя, главная задача у нас — найти хоббитов. Если им повезло и удалось бежать, они наверняка спрячутся в деревьях, чтобы их не увидели. Если отсюда до леса ничего не обнаружим, пойдем на место боя и последний раз пороемся в пепле. Хотя там немного найдешь, рохирримы хорошо потрудились.

* * *

Некоторое время все трое ползали по земле, ощупывая каждый камешек. Дерево над ними угрюмо шелестело обвисшей листвой под холодным восточным ветром. Арагорн постепенно отходил дальше, дошел до сторожевого кострища, потом поднялся на бугор, где была битва, направился с него в сторону реки. Вдруг он остановился и нагнулся так низко, что лицом почти уткнулся в землю. Потом громко позвал друзей, и они стремглав кинулись к нему.

— Наконец хоть что-то! — воскликнул скиталец, поднимая с земли кусок подсохшего золотистого листа, побуревшего от времени. — Это лист лориэнского мэллорна, а на нем крошки. И несколько крошек в траве. А там вон — перерезанная веревка!

— И нож, которым ее перерезали, — добавил Гимли, поднимая короткий зазубренный кинжал, вдавленный в землю каблуком. Ножны валялись неподалеку. — Оружие орка, — сказал гном, с отвращением рассматривая рукоять, конец которой был вырезан в форме косматой головы с косыми глазами и злобным оскалом.

— Вот это загадка! — произнес Леголас. — Свя-

занный пленник скрывается и от орков, и от окружающих их всадников. Потом он сидит в открытом поле и перерезает веревку орчьим кинжалом. Как ему это удалось? Если у него были связаны ноги, то как он сюда дошел? А если руки, то как смог перерезать веревку? Если он был свободен, зачем вообще ее резать? Потом он тут сидел, довольный, и грыз лембасы. Даже не будь листика мэллорна, ясно, что это хоббит. А потом ему удалось сменить руки на крылья и с песенкой полететь под деревья! Теперь найти его легче легкого: надо лишь обзавестись крылышками!

— Здесь не обошлось без колдовства, — сказал Гимли. — Что надо было старику? Что ты об этом думаешь, Арагорн? Может, ты объяснишь все лучше Леголаса?

— Может быть, — ответил Арагорн, улыбаясь. — Тут есть еще следы, на которые он не обратил внимания. Я согласен, что это был точно хоббит и что у него либо руки, либо ноги должны были быть свободны до того, как он тут оказался. Предполагаю, что свободны были руки, потому что так отгадка упрощается, а по следам думаю, что его сюда *принесли*. В нескольких шагах отсюда — лужа орчьей крови. Потом тут глубокие оттиски копыт и явные следы того, что кого-то та-

щили волоком. Наверное, всадники убили этого орка, а его труп бросили в общий костер. Хоббита они не заметили. Ночью это, наверное, было, и плащ на нем эльфийский. Был он измученный, голодный, неудивительно, что когда перерезал веревки ножом убитого орка, остался передохнуть на этом месте и поел, чтобы восстановить силы, а потом уж пошел. Как хорошо, что у него в кармане оставались лембасы! Кстати, такая предусмотрительность тоже характерна для хоббита. Я говорю «хоббита», однако надеюсь, что их было двое, что Пипин и Мерри оба живы. Но доказательств пока нет.

— Как же ему удалось руки развязать? — спросил Гимли.

— Этого не знаю, — сказал Арагорн. — И не знаю, зачем орк унес хоббита из лагеря. Наверняка не для того, чтобы помочь пленнику бежать; хотя я, кажется, начинаю понимать, почему, убив Боромира, орки не покушались на жизнь хоббитов, а только взяли их в плен. Они больше ничего не искали, не напали на наш лагерь у реки, а поспешили назад в Исенгард. Думали ли они, что захватили Несущего Кольцо и его верного спутника? Вряд ли. Их хозяева побоялись бы объяснять все это оркам, даже если бы сами

знали. Бандитам доверять нельзя, так что о Кольце наверняка открыто не говорилось. Думаю, что орки получили приказ хватать *каждого хоббита* живым любой ценой. Может быть, перед битвой один из орков пытался удрать от своих соплеменников с ценной добычей? Измена у этих подлецов — не редкость. Кто-то сильный и самоуверенный решил похитить пленников ради собственной корысти. Вот так я читаю следы. Хотя могу и ошибаться. Но ясно, что один из наших друзей уцелел. Его надо найти и ему надо помочь, а потом вернемся к рохирримам. Негоже нам отступать перед грозным Фангорном, если судьба толкнула хоббита в его темную глушь.

— Не знаю даже, чего я больше боюсь: Фангорнского леса или голодного пешего перехода назад роханскими степями, — произнес Гимли.

— Раз не знаешь, пошли в лес! — заключил скиталец.

* * *

Но еще не дойдя до леса, Арагорн увидел новые следы. У речки сохранились неясные отпечатки хоббичьих ног, а чуть дальше под огромным деревом — еще несколько таких же следов. На сухой земле они были еле видны.

— Вот тут точно стоял хоббит и смотрел на степь, а потом повернулся и в лес пошел, — сказал Арагорн.

— Значит, и мы пойдем в лес, — сказал Гимли. — Только, ох, не нравится мне этот Фангорн. Помните, как нас предупреждали? И почему следы не ведут в другую сторону?

— Что бы нам про него ни говорили, — сказал Леголас, — в этом лесу зла не чувствуется. — Эльф встал на краю тропы, настороженно вытянулся, вслушиваясь и вглядываясь в чащу широко открытыми глазами. — Нет, этот лес не злой. Я почти не слышу дыхания зла. Если в нем есть что-то недоброе, то очень далеко отсюда, в темных закоулках, где у деревьев почернели сердцевины. Рядом с нами подлости нет, есть только бдительность и гнев.

— На меня не за что гневаться, — сказал Гимли. — Я этому лесу ничего плохого не сделал.

— Тем лучше для тебя, — ответил Леголас. — Но этот лес страдал. В нем что-то происходит или вот-вот произойдет. Чувствуете напряжение? Мне даже дышать трудно.

— А мне совсем нечем, — сказал гном. — Этот лес светлее Темнолесья, но какой-то затхлый и обветшалый.

— Он стар, очень стар, — ответил эльф. — В нем я чувствую себя совсем молодым, впервые за все путешествие с вами, молокососами: лес стар и полон воспоминаний. В доброе время в нем можно быть счастливым.

— Конечно, ты мог бы в нем быть счастливым! — буркнул Гимли. — Ты все-таки лесной эльф, все эльфы немного странные; но ты меня подбодрил. Куда ты пойдешь, я тоже пойду. На всякий случай приготовь лук, а я выну топорик из-за пояса. Не для деревьев, нет! — быстро добавил он, оглядываясь на дерево, под которым стоял. — На случай, если опять встретится тот старик. Ну, пошли!

* * *

И, кончив на этом разговоры, три охотника вступили в Фангорнский лес. Леголас и Гимли предоставили выбор дороги Арагорну. Но скиталец мало что мог понять в этом лесу, потому что земля была сухая, а на ней лежал слой старых листьев. Предполагая, что хоббиты постараются держаться возле воды, Арагорн часто подходил к ручью. И в конце концов набрел на то место, где Мерри и Пипин утоляли жажду и полоскали ноги. Здесь уж их следы — одни побольше, другие

поменьше, — были хорошо видны всем.

— Вот это добрая весть! — воскликнул Арагорн. — Но они здесь были два дня назад, и, по-видимому, отсюда пошли в глубь леса.

— А нам что делать? — спросил Гимли. — Не гоняться же за ними по всему дикому лесу. Если мы их в ближайшее время не найдем, то помочь уже ничем не сможем, разве что по дружбе сядем рядом умирать голодной смертью.

— Если больше ничего не останется, так и сделаем, — сказал Арагорн. — В путь!

Они шли, шли и шли, пока не оказались перед тем самым карнизом, на котором Древесник любил греться на солнышке. Ступени они увидели сразу. Солнце пробивало лучами летящие облака, лес казался в его свете веселее.

— Давайте поднимемся на карниз и оттуда посмотрим, куда лучше идти, — предложил Леголас. — Мне все еще трудно дышать, хочу глотнуть свежего воздуха.

Они вылезли на карниз. Арагорн поднимался последним и разглядывал ступени.

— Я почти уверен, что хоббиты тоже сюда поднимались, — сказал он. — Да, вот тут есть их следы. Но есть и еще чьи-то, большие и совсем особенные: я таких никогда не видел. Интересно,

сумеем ли мы, глядя отсюда, догадаться, в какую сторону они пошли?

Он выпрямился и стал осматриваться.

Карниз был развернут на юго-восток, но широкий вид открывался только в восточную сторону, и там они увидели море деревьев и далеко-далеко равнину, с которой пришли. Больше ничего.

— Вон какой круг мы сделали, — сказал Леголас, — а могли бы тут быть все вместе и в безопасности два дня назад, если бы сразу повернули от Великой реки на запад. Мало кто может сказать, куда заведет дорога, пока не дойдет до конца.

— Мы в Фангорн совсем не собирались, — сказал Гимли.

— Все равно попали… И, кажется, в западню попали! — сказал Леголас. — Смотрите!

— Куда смотреть? — спросил Гимли.

— Вон туда, между деревьями!

— Куда? Не у всех глаза, как у эльфа.

— Тс-с-с! Тише говори! Смотри! — шепнул Леголас, показывая вниз пальцем. — Там, откуда мы пришли. Это он. Неужели не видишь? Ходит от дерева к дереву.

— Вижу, вижу, — тоже шепотом ответил Гимли. — Смотри, Арагорн! Я же говорил! Опять тот

старик! На нем серые лохмотья, вот я сразу его и не заметил.

Арагорн присмотрелся и тоже увидел медленно переходящую от дерева к дереву ссутуленную фигуру. Как будто старый нищий ковылял, тяжело опираясь на палку. Голову он опустил и в их сторону не смотрел. Если бы такой старик им встретился в другом месте, они бы, наверное, приветили его добрым словом, а тут все молчали и напряженно ждали: к ним приближался чужак, в нем ощущалась скрытая сила — или угроза.

Старик подходил все ближе, а Гимли все шире открывал глаза. Наконец, не в силах больше сдерживаться, гном взорвался полушепотом:

— К оружию, Леголас! Готовь лук! К бою! Саруман это. Не жди, пока он на нас чары наведет. Первым стреляй!

Леголас поднял лук. Стал медленно натягивать тетиву, будто его руку держала чья-то чужая сила. Стрелу взял, но не вложил. Арагорн стоял молча. Лицо его выражало сосредоточенное внимание.

— Чего ты ждешь? Что случилось? — спросил Гимли свистящим шепотом.

— Правильно делает, что не спешит, — спокойно сказал Арагорн. — Нельзя из одного только страха неожиданно, без предупреждения и без

повода убивать старика. Подождем, посмотрим, что он будет делать.

* * *

Тут старик ускорил шаги, неожиданно быстро подбежал к ступеням и резко поднял голову. Трое замерли на карнизе, впившись в него глазами. Стало тихо-тихо.

Лица его друзья не видели, капюшон был надвинут низко, а поверх него еще была широкополая шляпа, из-под которой выглядывали лишь кончик носа и седая борода. Арагорну показалось, что под капюшоном ярко сверкнули глаза, но он не был в этом уверен.

Старик немного помолчал, потом произнес:

— Очень удачная встреча, друзья! Мне хотелось бы с вами побеседовать. Сами сойдете вниз или мне к вам подняться? — И, не ожидая ответа, стал подниматься по ступеням.

— Ну же! — крикнул Гимли. — Леголас, останови его!

— Я ведь сказал, что хочу с вами беседовать, — заметил старик. — Брось лук, эльф!

Лук и стрела выскользнули из рук Леголаса, руки его бессильно повисли.

— А ты, уважаемый гном, пожалуйста, убери

руку с топорища, пока я поднимаюсь. Обойдемся менее сильными доводами.

Гимли вздрогнул и замер, уставясь на старика, а тот зашагал вверх по каменным ступеням легко, как горный козел.

Когда он уже оказался на карнизе, его серый плащ распахнулся и на мгновение под ним блеснуло что-то ослепительно белое. Но лишь на мгновение, так что могло и показаться.

Гимли со свистом втянул воздух.

* * *

— Очень удачная встреча, как я уже сказал, — повторил старик, подходя ближе. Он остановился в двух шагах от друзей, оперся на палку, ссутулился, вытянул шею вперед и стал смотреть на них из-под капюшона.

— Что вы делаете в этих местах? Странная компания: эльф, человек и гном, и все в эльфийских плащах! Наверное, за этим кроется интересная история. Что ж, я с удовольствием ее послушаю. Нечасто бывают тут подобные гости.

— Ты говоришь так, будто хорошо знаешь Фангорнский лес, — заметил Арагорн.

— Хорошо не знаю, — ответил старик, — потому что для этого понадобилось бы прожить тут

несколько веков, иначе всех тайн не разгадать. Но я в нем не впервые.

— Может быть, ты назовешь нам свое имя, а потом скажешь то, что хотел сказать? — произнес Арагорн. — Утро проходит, а у нас дело, которое не может ждать.

— То, что я хотел, я уже сказал, — проговорил старик. — Я сказал, что хочу с вами беседовать, спросил, что вы здесь делаете, и попросил рассказать вашу историю. Что же до моего имени… — Он оборвал фразу на полуслове и тихо засмеялся.

Этот смех заставил Арагорна вздрогнуть, но не от страха или тревоги, а будто резкий свежий ветер или холодный дождь будил его от беспокойного сна.

— Мое имя!.. — повторил старик. — Вы еще не догадались? А ведь слыхали. Да, да, слыхали. Но, может быть, все-таки расскажете свою историю?

Друзья стояли неподвижно и молчали.

— Кто-нибудь другой на моем месте мог бы подумать, что вы пришли сюда с подозрительной целью, — сказал старик. — К счастью, я о вас кое-что знаю. Вы, как мне показалось, идете по следам двух юных хоббитов. Да, именно хоббитов. Не надо таращить глаза, будто впервые слышите это слово. Вы его хорошо знаете, как и я. Так вот,

хоббиты были на этом месте позавчера и очень неожиданно кого-то встретили. Вы утешены? А теперь хотите узнать, куда их увели. Ну, ну, кажется, я могу вам кое-что об этом сообщить. Но почему мы стоим? Ваше дело, как видите, уже не такое срочное, как вам казалось. Давайте присядем и спокойно поговорим.

Старик повернулся и отошел по карнизу на несколько шагов туда, где валялись обломки камней и пара валунов. Друзья вздохнули свободно, будто с них сняли чары, и зашевелились. Гимли снова потянулся за топориком, Арагорн выхватил меч, Леголас вскинул лук.

Не обращая на них внимания, старик сел на низкий плоский камень. Серый плащ распахнулся, и все ясно увидели, что под ним — снежно-белые одежды.

— Саруман! — крикнул Гимли и бросился к старику с топором в руке. — Говори! Куда ты дел наших друзей? Что с ними сделал? Отвечай, или я тебе топором так шапку отделаю, что никакие чары не помогут!

* * *

Но старик опередил Гимли. Он вспрыгнул на камень и одним движением сбросил плащ. Вы-

прямился в ослепительно белом одеянии, стал как будто выше, поднял палку — и топор со звоном выпал из руки гнома на камень. Меч в руке Арагорна застыл и засветился. Леголас успел выпустить стрелу, но она взлетела прямо вверх и рассыпалась там огненными искрами.

— Мифрандир! — закричал эльф. — Мифрандир!

— Я же говорил, Леголас, что это удачная встреча, — откликнулся старик.

Вот тут все еще шире распахнули глаза. Старик стоял прямо, его волосы под солнцем были белы, как снег, белая одежда сияла. Глаза из-под густых бровей под высоким лбом светились ясно и проникновенно. Рука, обладающая чародейской силой, постепенно опускалась. От удивления, радости и тревоги друзья онемели. Первым пришел в себя Арагорн.

— Гэндальв! — ахнул он. — Мы ведь надежду уже потеряли, а ты возвращаешься в час испытаний! Какая пелена застлала мне глаза? Гэндальв!

Гимли ничего не сказал, лишь упал на колени и закрыл рукой глаза.

— Гэндальв… — повторил старик, словно вынимая из памяти давно не слышанное слово. — Да-да, было такое имя. Я был Гэндальв.

Он сошел с камня и снова завернулся в поношенный серый плащ. Друзьям показалось, что солнце, сверкнув, зашло в тучу.

— Можете по-прежнему называть меня Гэндальвом, — произнес он голосом их старого друга и проводника. — Встань, честный Гимли. Ты не виноват и мне не повредил. Ни у кого из вас, мои дорогие, нет оружия, которое могло бы меня ранить. Радуйтесь, что мы снова вместе, на переломе событий. Подходит страшная буря, но ветер сменился.

Маг положил руку на голову гнома, а Гимли поднял глаза и широко улыбнулся.

— Гэндальв, — спросил он, — ты почему ходишь в белом?

— Сейчас мне надо быть белым, — ответил Гэндальв. — Я теперь, можно сказать, Саруман, но такой Саруман, каким он должен быть. Сначала все же расскажите мне о себе. С тех пор как мы расстались, я прошел огонь и воду. Забыл многое из того, что, как мне казалось, знал, узнал заново многое из ранее забытого. Вижу многое в отдалении, не все ведаю, что вблизи. Расскажите о себе!

* * *

— Что ты хочешь услышать? — спросил Арагорн. — Обо всех наших приключениях после расставания с тобой придется долго рассказывать. Может быть, ты сначала скажешь, что случилось с хоббитами? Ты их нашел? Они в безопасности?

— Нет, не нашел, — ответил Гэндальв. — Долины у Эмин Муйл накрыла тьма, я не знал об их пленении, пока орел не принес мне весть об этом.

— Орел! — воскликнул Леголас. — Три дня назад я видел орла очень высоко в небе как раз над нагорьем.

— Да, ты не ошибся, — сказал Гэндальв. — Это был Гвайр-Вихребор, тот самый, что вызволил меня из Ортханка. Я послал его полетать над Великой рекой, собрать новости. У него острое зрение, но он не видит того, что делается под деревьями и под скалами. Кое-что он высмотрел, остальное я выследил. Кольцо оказалось от меня недостижимо далеко, и никто из Отряда, вышедшего вместе с Фродо из Райвендела, уже не может его охранять и спасать. Его чуть было не увидел Глаз Врага, но пока оно уцелело. Я как раз тогда был высоко и смог помочь, дать отпор

Черному Замку. Тень отступила. А я тогда устал, кошмарно устал и ослабел. Долго блуждал в краю черных мыслей.

— Значит, ты знаешь, что с Фродо? — спросил Гимли. — Как он там?

— На это я вам ответить ничего не могу. Он избежал великой опасности, но на его пути много бед. Он решил идти в Мордор, и он туда пошел. Это все, что я знаю.

— Насколько нам известно, Сэм тоже отправился с ним, — сказал Леголас. — Он не один.

— Правда? — вскричал Гэндальв. Глаза его заблестели, он радостно засмеялся. — Неужели правда? Вот так новость! Хотя этого, наверное, следовало ожидать. Ах, как хорошо! У меня камень с души свалился. Повторите-ка! И сядьте, наконец, расскажите про все ваше путешествие.

* * *

Друзья расселись у ног мага, и Арагорн начал рассказ. Гэндальв не прерывал его ни единым словом, не задавал вопросов, сидел, положив руки на колени и прикрыв глаза. Когда, наконец, Арагорн дошел до гибели Боромира и описал его последний путь по Великой реке, старик вздохнул.

— Арагорн, друг мой, ты сказал не все, что знаешь об этом, — тихо промолвил он. — Бедный Боромир! А меня не было, и я не мог увидеть, что с ним происходит. Трудное это испытание для воина и повелителя над людьми. Галадриэль говорила мне, что он в опасности, но в конце концов он ушел благородно. Это утешает. Не зря мы взяли с собой юных хоббитов, благодаря им Боромир победил себя. А ведь эти двое не только ему пригодились. Их занесло в Фангорн, и это расшевелило лес так, как два маленьких камешка иногда пробуждают грозную лавину в горах. Даже сейчас, когда мы с вами беседуем, вдали раздаются первые раскаты грома. Саруману повезет, если он окажется недалеко от дома, когда рухнет дамба!

— В одном ты точно не изменился, старый друг, — заметил Арагорн. — Говоришь загадками!

— Что? Загадки? — ответил Гэндальв. — Нет! Просто я вслух разговариваю сам с собой: старинный обычай обращаться к мудрейшему среди окружающих, ибо весьма утомительно объяснять молодежи, что к чему.

Он рассмеялся, и смех его был добрым и теплым, как солнечный луч.

— Я уже не молод, даже по отсчету нашего рода долгожителей, — заметил Арагорн. — Не выразишь ли ты свои мысли немного яснее?

— Что же вам сказать? — произнес Гэндальв задумчиво. — Попробую изложить покороче и попонятней, в каком состоянии, на мой взгляд, находится все дело. Очевидно, Враг давно прознал, что Кольцо — в пути и что его несет хоббит. Теперь он также знает, сколько нас вышло из Райвендела и из каких мы племен и родов. Но он пока не разгадал всех наших намерений. Он предполагает, что мы все стремимся в Минас Тирит, потому что так он сам поступил бы на нашем месте. Он понимает, что оттуда может ждать тяжкого удара. Он боится, ибо не знает, кто из могучих может появиться с Кольцом и угрожать ему войной, стараясь свергнуть его и занять его место. Ему не приходит в голову мысль, что мы задумали его свергнуть, но при этом *никого* не собираемся ставить на его место. И даже в самых страшных снах к нему пока не закрадывалось подозрение, что мы намерены уничтожить Кольцо. В этом, как нетрудно понять, и есть наш единственный шанс на успех и вся наша надежда. Воображая, что ему грозит война, он сам развязал ее, убежденный, что время не ждет. Ибо на войне

всегда тот, кто наносит удар первым, надеется, что этот удар будет и последним. Поэтому Враг двинул вперед давно подготовленные силы. Он сделал это раньше, чем задумывал. Перемудрил и совершил глупость! Если бы он использовал все силы для обороны Мордора и закрыл таким образом доступ в свою страну, если бы он все свое злодейское искусство использовал для охоты за Кольцом, у нас не осталось бы никаких надежд. И Кольцо, и Несущий Его быстро попали бы к нему в лапы. Но вместо того, чтобы стеречь свой край, он смотрит на чужие земли, прежде всего на Минас Тирит. В любой день на крепость может напасть огромное войско.

Он уже знает, что его посланцы, которые должны были завлечь Отряд в засаду, потерпели поражение. Кольца они не добыли. Ни одного хоббита в качестве заложника не доставили. Если бы им это удалось, мы понесли бы тяжелейшую потерю, может быть, гибельную для всего дела. Не говоря уже об испытаниях, которые перенесла бы в Черном Замке нежная дружба хоббитов, если бы они попали в неволю. Вот так пока Врагу не удается осуществить свои планы. Из-за Сарумана.

— Так что, выходит, Саруман — не изменник? —

спросил Гимли.

— Изменник, причем дважды, — ответил Гэндальв. — Вот ведь как странно выходит. Из всех противодействий, на которые мы в последнее время натыкались, измена Исенгарда — самое большое злодейство. Если оценивать Сарумана как вождя и властителя, то надо признать, что он собрал большую силу. Он угрожает Рохану и не дает рохирримам прийти на помощь Минас Тириту, которому Враг готовит главный удар с востока. Но оружие измены всегда обоюдоострое. Саруман тайно мечтает о Кольце и о том, чтобы завладеть им для себя, потому и решился похитить хоббитов из-под носа у Барад Дура. Получилось так, что усилиями обоих наших врагов Мерри с Пипином в необыкновенно короткий срок оказались в Фангорне, куда иначе ни за что бы не попали! Теперь враги в сомнениях, их планы срываются. Всадники Рохана постарались, чтобы ни один свидетель побоища не вернулся ни в Мордор, ни в Исенгард. А Черному Властелину известно, что в нагорье Эмин Муйл были схвачены два хоббита и отправлены в сторону Исенгарда вопреки воле его слуг. Значит, опасность грозит ему не только со стороны Минас Тирита, но и от Исенгарда. Если Враг сумеет побить гондорцев, то наверняка

займется Саруманом, и тому придется плохо.

— Жаль только, что между этими двумя силами оказались наши друзья, — вставил Гимли. — Если бы между Исенгардом и Мордором не было других стран, пусть бы себе воевали между собой. Мы бы могли спокойно наблюдать за ними и ждать.

— И дождались бы того, что победитель после такой войны стал бы сильнее, чем когда-либо, и его планы были бы абсолютно ясны, — отвечал гному Гэндальв. — Но Исенгард не может себе позволить объявить войну Мордору, пока у него нет Кольца. Теперь Саруман его никогда не получит. Но он еще этого не знает. И не знает, что ему грозит. О многом не догадывается. Он так спешил наложить лапу на добычу, что вместо того, чтобы дома ждать, вышел навстречу своим посланцам, хотел проследить, точно ли они выполняют его приказ. Он опоздал, битва уже закончилась, и спасать стало некого. Оставался он тут недолго. Я читаю в его мыслях и знаю его сомнения. В лесу Саруман чувствует себя плохо. Он предполагает, что рохирримы убили и сожгли всех, не оставив никого и ничего. Но он не знает, были ли здесь пленники. Не знает о ссоре своих гоблинов с орками из Мордора. И не знает о Крылатом посланце.

— Крылатый посланец! — закричал Леголас. —

Я в него пустил стрелу из лука Галадриэли у порогов Сарн Гебир, и он выпал из неба. Он нас очень испугал. Что это за новое чудище?

— Стрелы ему не опасны, — ответил Гэндальв. — Ты подстрелил только его скакуна. Это прекрасно, но он уже получил нового. Ибо то был назгул, один из Девятерых, которые теперь скачут на крылатых тварях. Скоро тень крыльев ужаса падет на последние армии наших друзей и закроет от них солнце. Пока Крылатым не разрешено залетать за Великую реку, так что Саруман не знает, какой новый облик приняли Кольценосные призраки, служащие Черной Силе. Все его мысли вертятся вокруг Единого Кольца. Было ли оно на месте последней резни? Найдено ли оно? Что будет, если оно случайно попадет к Феодену, правителю Рубежного Края? Этого он больше всего боится, поэтому сейчас спешит в Исенгард, чтобы удвоить или утроить войско, которое готовит для удара по Рохану. Тем временем ему самому грозит опасность. Он ее не видит, увлеченный своими планами. Он забыл о Древеснике.

— Ты опять сам с собой заговорил, — улыбаясь, пожурил мага Арагорн. — Я не знаю никакого Древесника. Начинаю понимать двойную измену Сарумана, но никак не пойму, что может произой-

ти от прихода в лес двух хоббитов, кроме того, что их придется долго и безрезультатно искать.

— Постой! — крикнул Гимли. — Позволь мне задать тебе другой вопрос: тебя или Сарумана мы видели в лесу вчера вечером?

— Меня вы никак не могли видеть, — ответил Гэндальв. — Значит, надо думать, это был Саруман. Мы, оказывается, так похожи, что я тебе прощаю покушение на мою шляпу.

— Не вспоминай об этом, пожалуйста! — попросил Гимли. — Я рад, что тогда был не ты.

— Отлично, мой храбрый гном! — снова засмеялся Гэндальв. — Очень приятно убедиться, что, кроме ошибок, были и правильные выводы. Как мне это понятно! Поверь, я ни капельки не обиделся на тебя за такое приветствие. Как я мог сердиться, если сам столько раз повторял друзьям, чтобы даже себе не доверяли, когда приходится иметь дело с таким врагом! Успокойся, Гимли сын Глоина! Может быть, ты еще увидишь нас рядом и сможешь сравнить.

— Но что же все-таки с хоббитами? — вмешался Леголас. — Мы полсвета обежали за ними. Если ты знаешь, где Пипин и Мерри, скажи нам скорее!

— Они у энтов, с Древесником, — ответил Гэн-

дальв.

— У энтов?! — воскликнул Арагорн. — Значит, правду говорят старые сказки о великанах, пастухах деревьев, живущих в глубине леса? И они до сих пор топчут землю? Я думал, что это воспоминание о незапамятных временах или просто роханская легенда.

— Роханская, как же! — возмутился Леголас. — Да каждый эльф в Темнолесье знает песни про старых онодримов и вечное их несчастье. Но и для эльфов это уже воспоминания. Я бы подумал, что ко мне возвращается детство, если бы встретил лесного пастуха, шагающего по земле. Древесник — это и есть Фангорн на всеобщем языке, а ты, Гэндальв, говоришь о нем, как о живом существе. Кто это?

— Много хочешь знать, — сказал Гэндальв. — Мне известно о нем очень мало, но даже то, что я знаю, придется долго рассказывать, у нас времени не хватит. Древесник, он же Фангорн, — опекун этого леса, старейший не только среди энтов, но и среди всех обитателей этой части Среднеземья. Надеюсь, что ты, Леголас, с ним встретишься. Пипину и Мерри очень повезло, что они на него наткнулись два дня назад. Отсюда, где мы сейчас сидим, Древесник забрал их к себе домой; живет

он довольно далеко, у корней гор, но сюда часто приходит, особенно когда его что-нибудь тревожит или когда ему хочется получить вести из остального мира. Я видел его четыре дня назад, он гулял между деревьев. Думаю, что он меня тоже заметил, потому что приостановился; но я с ним не заговорил, слишком тяжело мне тогда было от собственных мыслей, и я очень устал от борьбы с Красным Глазом из Мордора. Он же меня не подозвал.

— Может быть, он тоже принял тебя за Сарумана, — сказал Гимли. — Ты говоришь о нем как о друге, а я думал, что Фангорн грозен и внушает ужас.

— Грозен! — повторил Гэндальв. — Я тоже грозен, и даже очень. Могу внушать ужас. Страшнее меня никого нет, разве что Черный Властелин. Арагорн грозен, и Леголас грозен. Тебя окружают опасные личности, Гимли сын Глоина, и сам ты тоже грозен по-своему. Фангорнский лес, конечно, опасен, особенно для тех, кто тут слишком рьяно размахивает топором. Древесник грозен, но вместе с тем он мудр и добр. Последние дни он кипит от гнева, который накапливался многие годы, а сейчас залил весь лес и переливается через край. Появление хоббитов оказалось каплей,

переполнившей чашу, и волна этого гнева теперь потечет, как река. Но она направлена против Сарумана и топоров Исенгарда. Произойдет нечто неслыханное в Средиземье: энты пробудятся и обнаружат, что они еще сильны.

— Что они смогут сделать? — удивленно спросил Леголас.

— Не знаю, — ответил Гэндальв. — Думаю, что они сами этого не знают. Хотел бы узнать.

Маг замолчал и, задумавшись, опустил голову.

* * *

Друзья смотрели, как, проскользнув сквозь облака, луч солнца играет у него в ладонях: маг положил руки на колени ладонями вверх, и они казались чашей, полной света. Гэндальв поднял голову и посмотрел прямо на солнце.

— Скоро утро кончится, — сказал он. — Пора идти.

— Искать хоббитов и Древесника? — спросил Арагорн.

— Нет, — ответил маг. — Ваша дорога ведет в другую сторону. Я лишь сказал слова надежды, а надежда — еще не победа. Над нами и всеми нашими друзьями нависает ужас такой войны, в которой верную победу можно одержать только с

помощью Великого Кольца. Страшно мне: многое будет уничтожено, многое придется потерять. Я — Гэндальв; сейчас я Гэндальв Белый, но Черный Властелин пока еще сильнее меня…

Гэндальв встал и устремил из-под руки взгляд на восток, будто видел там вдали то, что его друзья видеть не могли. Потом качнул головой и тихо добавил:

— Нет. Оно уже от нас ушло. Надо радоваться. Мы избавлены от искушения употребить Кольцо во зло. Придется грудью встречать опасность, и, хотя она велика, будем счастливы, что избежали еще большей.

Он повернулся к товарищам:

— Не жалей о выборе, который ты сделал в ущельях Эмин Муйл, Арагорн сын Араторна! — сказал он. — Не говори, что напрасно преследовал гоблинов. Ты выбрал правильный путь, на нем мы встретились, причем встретились вовремя, а ведь могло быть поздно. Твой долг перед хоббитами выполнен. Ты дал слово Эомеру, что придешь. Это определяет твой дальнейший путь. Иди в Эдорас, иди к Феодену, на его Золотой Двор. Ты там нужен. Андрилу пора засверкать в битве, которой он давно ждет. В Рохане война и нечто хуже войны: беда с Феоденом.

— Значит, мы больше не увидим наших веселых юных хоббитов? — спросил Леголас.

— Я этого не сказал, — ответил Гэндальв. — Кто может знать? Имейте терпение. Идите, куда вас призывает долг, и не теряйте надежды. В Эдорас! Кстати, я тоже туда направляюсь.

— Пешему туда быстро не добраться. Эта дорога далека и трудна одинаково для юнцов и стариков, — сказал Арагорн. — Боюсь, что пока я буду в пути, битва кончится.

— Посмотрим, — сказал Гэндальв. — Хочешь присоединиться ко мне?

— Да, — сказал Арагорн, вставая. — Но ты ведь все равно меня обгонишь, если захочешь.

Он долгим взглядом посмотрел на мага, а тот на него. Леголас и Гимли молча дивились, глядя на них обоих.

Арагорн сын Араторна, высокий, сильный, твердый, как скала, в серебристом эльфийском плаще, рука на рукояти меча, казался властителем, пришедшим из-за Моря на последний берег к людскому племени. Но старец в белоснежных одеждах, согнувший плечи под бременем лет, седой и исхудавший, но мудрый и уверенный, светящийся внутренним светом, явно обладал большей силой, чем любые короли.

— Ну, не говорил ли я, что ты, куда хочешь, доберешься раньше всех, Гэндалъв? — произнес наконец Арагорн. — И вот еще что скажу: будь снова нашим проводником и вожатым. У Черного Властелина есть Девятеро, у нас будет Один, Белый Всадник, который сильнее их всех. Ты прошел огненную бездну, и они должны бояться тебя. Мы пойдем за тобой.

— Все пойдем, — сказал Леголас. — Но, Гэндальв, сними еще один камень с души — поведай, что случилось с тобой в Мории. Может быть, ты не хочешь говорить об этом даже друзьям? Но хоть скажи, как ты оттуда выбрался.

— Мы и так очень много времени здесь потратили, — ответил Гэндальв. — Надо спешить. Чтобы все рассказать, года не хватит.

— Расскажи лишь то, на что хватит и что считаешь нужным, — попросил Гимли. — Пожалуйста, Гэндальв, расскажи, как ты расправился с балрогом?

— Не называй его при мне! — воскликнул маг, и на мгновение его лицо исказила тень боли. Он побледнел и замолчал, и показался им старым, как смерть.

— Мы очень долго падали вниз, — произнес он наконец, медленно и с усилием. — Долго падали,

он падал вместе со мной. Его огонь жег меня. Но упали мы в воду, и окружила нас темнота. Вода была смертельно холодна, у меня сердце чуть не превратилось в лед.

— Глубока бездна под Мостом Дарина, и никто ее не измерил, — торжественно произнес Гимли.

— Но и у этой бездны есть дно, куда не доходит ни свет, ни знание, — сказал Гэндальв. — Там мы оба оказались, у каменного основания земли, где останавливается время, далеко от живой жизни. Его огонь погас, он стал скользким, но был силен, как удав. Не знаю, сколько мы боролись, он меня душил, я пытался зарубить его мечом. Наконец он удрал от меня в темный туннель, и я погнался за ним. Знай, Гимли сын Глоина, что есть ходы, которых не строило племя Дарина.

Глубоко-глубоко под самыми глубокими пещерами землю грызут безымянные твари. Даже Саурону они неведомы. Они старше, чем он. Туда я и попал, но я не хотел бы вызывать их мерзкие тени в дневной свет. Мой враг полз впереди, и я боялся потерять его след. В конце концов он вывел меня опять к тайным переходам Казад Дума, которые хорошо знал. Мы стали подниматься вверх и дошли до Бесконечных Ступеней.

— Их след пропал давным-давно, — вставил

гном. — Многие говорят, что они вообще существуют лишь в легендах, некоторые считают, что они уничтожены.

— Они существовали, и они не были уничтожены, — ответил Гэндальв. — Они поднимались из глубочайших подвалов до невообразимой высоты; змеей извивались, нигде не прерываясь, многие тысячи ступеней. Вели они к Башне Дарина, вырубленной под вершиной пика Зирак Зигил среди снежных высот Гномьих Гор. Там в скальной стене было окно, а перед ним карниз, как орлиное гнездо над туманами мира, ибо высок Келебдил-Зирак. Облака закрывают там землю, слепящее солнце освещает вершину. Он выскочил в окно, я за ним, и тут он снова стал огненным. Если бы кто-нибудь мог видеть эту битву на Вершине, о ней бы веками пелись песни. — Гэндальв вдруг расхохотался. — Хотя — о чем бы в них пелось? Кто увидел бы нас издалека, подумал бы, что над вершиной Келебдила гроза. Он услышал бы гром, увидел бы молнии, бьющие в скалы. Нас окружили клубы дыма, языки пламени, облака горячего пара. Лед дробился и падал дождем. Я сбросил противника. Падая, он разрушил горный склон и сам разбился. Но и меня от последнего усилия охватил мрак, мысли меня

покинули, и я блуждал вне времени и мыслей дорогами, о которых не буду говорить.

Нагим меня вернули назад — ненадолго, чтобы я смог выполнить свое предназначение, — и я оказался на головокружительной высоте Келебдила, лежал на камне, всеми забытый. С вершины мира не было пути вниз. Башня вместе с окном разлетелась на мелкие куски. Ступени засыпал обвал. Я смотрел вниз, видел, как катятся звезды, а снизу из-под облаков доходил смешанный шум жизни и смерти, песни и плач, вечный стон камня. Я был наг, вокруг меня не было ни воды, ни жизни. Каждый день казался веком. Гвайр-Вихребор нашел меня и снял со скалы, чтобы унести в мир.

«Видно, мне суждено быть твоим бременем, друг Орел, мой спаситель в беде!» — сказал я ему.

«В первый раз ты был бременем, — ответил он. — Сейчас нет. Ты легок, словно я несу в когтях лебединое перо. Сквозь тебя просвечивает солнце. Мне кажется, я тебе вовсе не нужен: если тебя бросить, ты сам полетишь по ветру».

«Лучше все-таки не бросай меня, — попросил я его, потому что в меня начала понемногу входить жизнь. — Неси меня в Лотлориэн».

«Мне так и приказала Владычица Галадриэль;

она меня послала тебя искать», — сказал Орел.

Вот так мы прибыли в Карс Галадон. Вы оттуда уже ушли. Меня одели в белое, и я остался в той земле, где нет увядания, где время врачует раны и течет незаметно. Там я давал советы и слушал советы. Потом тайными тропами добрался сюда. Некоторым из вас несу вести. Арагорну сказаны такие слова:

«Дунаданы где, о Элессар?
Почему твой род в пути разбросан?
Близок час пропавшему явиться.
Скачет с севера Серая Дружина,
Но темна твоя дорога к морю,
Мертвые ее стерегут!»

А Леголасу повелела Владычица сказать так:

«Хорошо ты жил в лесу, Леголас!
Радость знал. Страшись теперь Моря!
Как над берегом услышишь крики чаек —
Сердце больше в лесу не отдохнет».

Гэндальв замолчал и полузакрыл глаза.

— А мне она ничего не сказала? — проговорил Гимли и опустил голову.

— Ее слова загадочны и темны, — сказал Леголас. — Даже тем, кому они предназначены, их понять трудно.

— Нашел, чем утешить, — сказал Гимли.

— А чем еще? — сказал Леголас. — Ты бы хотел, чтобы она тебе открыто сказала о твоей смерти?

— Да, если ей больше нечего сказать.

— О чем вы? — отозвался Гэндальв, открывая глаза. — Мне кажется, я догадываюсь, в чем смысл ее слов. Прости меня, Гимли, для тебя тоже есть слова, причем не загадочные и не темные. Вот: «Гимли сыну Глоина от меня привет. Где бы ни был ты, у кого мой локон, мои мысли бегут тебе вслед. Но не забывай присмотреться к дереву прежде, чем замахиваться топором».

— В счастливый час ты вернулся, Гэндальв! — закричал гном, вскочил и, что-то напевая на странном гномьем языке, заплясал, размахивая топориком. — Вперед, вперед! Раз у Гэндальва голова светлая и неприкасаемая, поищем другую, которую можно расколоть!

— Долго искать не придется, — сказал, вставая, Гэндальв. — Пора в путь. Время, отпущенное на встречу друзей, истекло. Поспешим.

* * *

Маг запахнул рваный серый плащ и пошел первым. За ним быстро спустились с карниза три друга, и все двинулись по склону вниз, через лес, к берегам реки Энтов. Шли молча, пока не дошли до края Фангорна. Коней не было, и следов их не было.

— Не вернулись! — вздохнул Леголас. — Трудно будет идти.

— Пешком я не пойду. Времени нет, — произнес Гэндальв.

Он поднял голову и протяжно свистнул таким молодецким чистым и звонким свистом, что друзья переглянулись, удивляясь, как такой свист мог вырваться из уст седобородого старца. Подождав немного, маг свистнул второй раз, третий. И вдруг восточный ветер еле слышно донес из степи конское ржание, а потом все почувствовали легкое дрожание земли. Сначала звук шел так издалека, что, наверное, один Арагорн, приложив ухо к земле, мог бы распознать в нем конский топот, но вскоре топот раздался явственно, и сомнений не осталось.

— Но там не один конь, — сказал Арагорн.

— Конечно, не один, — ответил Гэндальв. —

Один нас всех не унесет.

— Три! — воскликнул Леголас, всмотревшись в степь. — Вон там вихрем несется Хасуфел, а за ним мой друг Эрод. И впереди еще один конь, огромный, я такого в жизни не видел.

— И не увидишь. Другого такого нет, — сказал Гэндальв. — Это Серосвет, вожак *мирасов*, благороднейших скакунов. Даже у Феодена, короля Рохана, не было второго такого жеребца. Его шерсть блестит, как серебро, а скачет он ровно, будто ручей бежит. Он спешит ко мне, это конь Белого Всадника. С ним я отправлюсь на войну.

Старый маг не успел закончить речь, как огромного коня увидели все. Его гладкая шерсть действительно казалась серебряной, грива развевалась по ветру. Еще два коня скакали следом. Завидев Гэндальва, Серосвет громко заржал. Легко подскакав к магу, он изогнул гибкую шею и положил морду ему на плечо. Гэндальв погладил коня.

— Путь далек от Райвендела, друг! — сказал он. — Но ты мудро сделал, что поспешил. Теперь уж мы не расстанемся в этом мире!

Два других коня, подбежав, остановились, словно ожидая приказаний.

— Сначала мы поспешим в Медуселд ко двору

вашего хозяина Феодена, — учтиво обратился к ним Гэндальв. Кони мотнули головами. — У нас мало времени. Если вы не устали, друзья, двинемся сразу. Хасуфел понесет Арагорна, Эрод — Леголаса. Гимли я посажу к себе. Серосвет, ты ведь согласишься нести двоих? Только сначала напьемся воды.

— Я начинаю понимать, что случилось вчера ночью, — сказал Леголас, легко вспрыгивая на спину Эроду. — Не знаю, с испуга ли убежали наши кони, но заржали они от радости, приветствуя своего вождя Серосвета. Ты знал, что он где-то близко, Гэндальв?

— Знал, — ответил маг. — Я его мысленно звал и просил поспешить. Вчера он был еще далеко на юге. Пусть теперь несет меня прямо туда!

Гэндальв что-то прошептал на ухо коню, и Серосвет взял с места в галоп, стараясь не отрываться очень далеко от своих товарищей. В одном месте он резко свернул с тропы и, выбрав берег пониже, перешел вброд реку, потом повел кавалькаду на юг по ровной открытой степи. Вокруг волнами колыхалась буровато-серая трава. Ни один след не указывал дорогу, но Серосвет уверенно вел вперед.

— Он держит путь прямо ко двору Феодена у

подножия Белых гор! — прокричал Гэндальв. — Так мы быстрее всего туда доберемся. В Восточном Эмнете почва тверже, там реку пересекает главный северный тракт, но Серосвет знает дорогу через болота.

Они мчались много часов по лугам и берегам мелких речек. Во многих сырых местах трава росла так пышно, что достигала всадникам до колен, и им казалось, что они плывут по серо-зеленому морю. Иногда среди зелени попадались озера, иногда шумящие камыши указывали на близость коварных болот, но Серосвет находил безопасные тропы, а два других коня шли за ним след в след. Солнце постепенно клонилось к западу. Всадники уже видели красный, как пламя, шар, скатывающийся в траву. И тут над горами поднялся дым. Далеко-далеко на горизонте дым закрыл солнце и превратил его в кровавую луну, которая, казалось, подожгла траву, а черные столбы дыма поднимались все выше.

— Там Роханский Разлом, — сказал Гэндальв. — Он прямо на западе отсюда, а вправо, севернее, за горами — Исенгард.

— Что может означать этот дым? — спросил Леголас.

— Войну! — ответил маг. — Вперед!

Глава шестая. Хозяин Золотого Двора

Отгорел закат, сгустились сумерки, а они еще мчались; потом наступила темнота и пришла ночь. Когда они, наконец, остановились и соскочили с коней, даже у Арагорна тело онемело, и он почувствовал, как устал. Но Гэндальв позволил им отдыхать всего несколько часов. Гимли и Леголас заснули, Арагорн лежал, вытянувшись на спине, Гэндальв стоял, опершись на палку, и всматривался в темноту, поворачивая голову то на восток, то на запад. Вокруг была тишина, они никого не встретили и никого не видели. Когда маг поднял путников, по небу длинными полосами потянулись темные тучи, холодный ветер дул резкими порывами. В стылом свете месяца путники поскакали дальше так же быстро, как при свете дня.

Проходили часы, а четверо на трех конях продолжали скакать вперед. Гимли вздремнул и чуть не упал с коня, но Гэндальв вовремя его подхватил и встряхнул. Эрод и Хасуфел, хотя и устали, но гордо следовали за своим вожаком, который, казалось, был так же свеж, как и в начале пути, и несся впереди легкой серебристой тенью.

* * *

Месяц укатился на запад, скрылся в тучах, и дохнуло пронизывающим холодом. Потом слева на востоке мрак раздвинулся. Из-за черной стены дальнего нагорья красными стрелами выстрелили первые рассветные лучи. День начинался ясный, ветер дул ровно, травы шелестели и гнулись. Вдруг Серосвет остановился и заржал. Гэндальв протянул руку вперед.

— Смотрите! — сказал он.

Путники подняли усталые глаза. Перед ними высились снежные вершины над крутыми склонами с черными полосами ущелий. Это были южные Белые горы. Зеленые луга поднимались к предгорьям, где делились на множество долин, еще темных и мрачных, не тронутых светом дня. Долины узкими языками врезались в горы. Путешественники увидели, что самая широкая из них кончается далеко впереди беспорядочным нагромождением скал, над которыми вздымается один высокий пик. А в начале этой долины, как часовой, стоит одинокий холм, и у его подножия вьется серебристая нить бегущей с гор реки. Рассветный луч ударил в верхушку холма, и путники уловили блеск золота.

— Тебе слово, Леголас, — произнес Гэндальв. — Вглядись и скажи, что видишь впереди.

Леголас заслонил глаза от боковых лучей зари.

— Вижу белый поток, льющийся со снежных гор, — сказал он. — Там, где он вытекает из долины, стоит зеленый холм. Его окружают ров, мощная стена и колючая живая изгородь. Из-за нее видны внутри кровли домов, а посредине на зеленой террасе — высокий богатый дом людей. Если глаза меня не обманывают, он крыт золотом, во всяком случае, он блестит, как золотой. Столбы у его ворот тоже золотые. Там несколько вооруженных воинов в блестящих доспехах; остальные, наверное, спят.

— Эдорасом зовется поселение вокруг этого дворца, — пояснил Гэндальв. — А Золотой Дом — это Медуселд, в нем сидит Феоден сын Тенгла, король Рубежного Края. Мы прибыли на рассвете. Дорога перед нами прямая и хорошо видна, но передвигаться надо осторожно, потому что в этих краях идет война, а рохирримы, коневоды и всадники, не спят на посту. Советую никому из вас не вынимать оружия и не говорить дерзких слов, пока мы не предстанем перед троном Феодена.

* * *

Позднее утро было ясным, и птицы пели, когда всадники подъехали к быстрой речке. Она широкой петлей огибала холмы и шла на восток, где, вероятно, питала болота, разливалась и впадала в реку Энтов. Пока она преградила путь нашим путешественникам. Земля вокруг была зеленая, у берегов речки густо росли ивы. Здесь, на юге, концы их веточек уже были красноватыми в предчувствии близкой весны. Через поток был брод, где на низких берегах отпечаталось множество следов конских копыт. Всадники перешли речку и оказались на большой дороге с глубокими колеями, ведущей к холму.

У подножия холма дорога проходила между куполообразными зелеными буграми, густо, как снегом, покрытыми мелкими белыми звездочками цветов.

— Смотрите, — сказал Гэндальв. — Как хороши ясные глазки этих цветов на зелени. Их называют памятки, на языке людей, или симбельмины, потому что они круглый год цветут там, где кого-то достойного положили на вечный покой. Мы сейчас едем вдоль курганов, в которых спят предки Феодена.

— Семь курганов слева и девять справа, — произнес Арагорн — много долгих человеческих жизней прошло со времени постройки Золотого Двора.

— Пятьсот раз опадали с тех пор красные листья в моем родном Темнолесье, — сказал Леголас. — Но нам кажется, это совсем немного.

— А для рохирримов это так долго, — сказал Арагорн, — что о постройке дворца только песни поют, и память о тех годах уходит в туман забвения. Жители этого края давно называют его родиной, землей отцов, и язык их уже сильно отличается от языка их северных соплеменников.

И он негромко запел на языке, которого не поняли ни эльф, ни гном. Слушать красивую мелодию было приятно, песня трогала сердце.

— Догадываюсь, что это язык рохирримов, — сказал Леголас. — Он гибкий и буйный, как травы этой страны, и одновременно суровый и твердый, как горы. Но в твоей песне много горечи, а я не могу догадаться, что так печалит смертных.

— Хорошо, попробую перевести ее для вас на всеобщий язык, — сказал Арагорн:

Где теперь всадник и конь,
Где рог, что звал нас в поле?

Где кольчуга и шлем,
И крыло волос на ветру?

Где жарких костров огонь
И ловкость сильных ладоней,
Где звонкие струны арф
И веселых танцоров круг?

Где та весна и жнива?
Где золото урожая?
Все прошло, словно дождь в горах,
Все развеял ветер полей!

На запад, за Мглистые горы
Дни уходят, как умирают.
А пепел кто соберет
Меж обгорелых пней?

Кто помнит, как падал лес?
Кто слышал, как улетают
Годы, прилетевшие из-за морей?..

— Эту песню сложил в давние времена забытый ныне роханский менестрель, вспоминая, как строен и красив был Эорл Юный, который привел народ с севера. У его скакуна на ногах

были крылья, и его звали Фелар, отец коней. До сих пор о них люди поют.

Арагорн рассказывал, а тем временем они проехали молчаливые курганы, вступили на извилистую дорогу, ведущую на холм, и скоро оказались у широких, встречающих степной ветер ворот Эдораса.

Их сразу же окружили люди в блестящих доспехах и копьями загородили въезд.

— Стойте, чужеземцы! — закричали они на своем языке.

Затем стали спрашивать имена путников и цель путешествия. В их глазах читалось удивление, смешанное с неприязнью. На Гэндальва смотрели совсем подозрительно.

— Я понимаю ваш язык, — ответил по-рохански Гэндальв. — Но мало кто из чужеземцев им владеет. Если хотите получить ответ, почему не говорите на общепринятом вестроне?

— Приказ короля Феодена — не открывать ворота никому, кто не знает нашего языка и не является нашим другом, — ответил один из часовых. — Сейчас время военное, и мы неохотно принимаем иноплеменных гостей. Исключение составляют только гондорцы из Мундбурга. Кто вы такие, что так беспечно ездите по степи на

конях, похожих на наших? Мы давно стоим в карауле и издалека вас заметили. На вас странные одежды. Здесь никогда не видели столь необычных всадников, и конь, на котором ты сидишь, не обыкновенный. Если глазам верить, он из породы мирасов. Может, ты одурманил нас чарами? Может быть, ты колдун, шпион Сарумана, и вы все — призраки, насланные им? Говори!

— Мы не призраки, — вмешался в разговор Арагорн. — Глаза вас не обманывают. Это кони из ваших конюшен, ты их узнал и еще зачем-то спрашиваешь! Злодеи не вернулись бы с конями к конюшням хозяев. Вот это — Хасуфел и Эрод, скакуны, которых одолжил нам два дня назад Эомер, Третий полководец Рубежного Края. Мы их привели, как обещали. Разве Эомер не вернулся и не предупредил о нашем прибытии?

Часовой явно смутился.

— Об Эомере я вам ничего сказать не могу, — ответил он. — Если ты говоришь правду, то Король наверняка что-то об этом знает. Может быть, вас и ждут. Но два дня назад под вечер сюда приходил Причмок и объявил, что по распоряжению Феодена ни один чужеземец отныне не должен пройти в ворота.

— Ах, Причмок! — сказал Гэндальв, пристально

глядя на стражника. — Можешь больше ничего не говорить. У нас дело не к нему, а к повелителю Рубежного Края. И дело неотложное! Ты пойдешь сам или кого-нибудь пошлешь доложить о нас Королю?

Глаза Гэндальва при этом как-то странно сверкнули. Он еще раз всмотрелся в рохиррима.

— Сам пойду, — ответил тот, подумав. — Какие имена назвать Королю? И что сказать о тебе? Ты кажешься старым и усталым, а вместе с тем ты грозен и суров.

— Ты уже кое-что правильно понял, — сказал маг. — Ибо я Гэндальв. Я вернулся. Видишь: я тоже привел коня. Это сам Серосвет, который одного меня признает хозяином. Со мной Арагорн сын Араторна, наследник великих королей. Остальные — эльф Леголас и гном Гимли — наши друзья. Иди и скажи своему королю, что мы стоим у его ворот и будем с ним говорить, если он пустит нас ко двору.

— Странные у вас имена! Но я попробую их назвать своему повелителю. Посмотрим, что решит Король! — сказал стражник. — Ждите, я принесу вам его ответ. Не очень надейтесь, однако. Время сейчас суровое.

И он ушел, оставив мага и его спутников у ворот

под охраной своих соплеменников. Вернулся он довольно скоро.

— Идите за мной, — сказал он. — Король Феоден разрешил вас впустить, но все оружие, даже палку, придется оставить на пороге. Привратники сохранят.

* * *

Ворота, наконец, открылись; путешественники друг за другом вошли в них, следуя за стражником, и оказались на широкой улице, мощенной тесаным камнем и шедшей в гору где извилисто, где ступенями. Прошли мимо множества деревянных домов с темными дверями. Вдоль улицы плескался в каменном желобе искрящийся поток.

Улица доходила до вершины холма. Там на зеленой террасе был большой дом на высоком помосте, перед которым из камня, вытесанного в форме конской головы, бил источник. Вода весело стекала из него в большой фонтан, а оттуда — в речку. К помосту вели широкие и высокие ступени. На последней ступени с двух сторон на каменных скамьях сидели стражники с обнаженными мечами на коленях. Их золотистые волосы были заплетены в косы. Солнце отражалось в

зеленых щитах и играло на полированных латах. Стражи встали со скамей, и путники увидели, что они очень высокого роста.

* * *

— Вход перед вами, — сказал приведший их стражник. — Мне надо вернуться к воротам. Прощайте! Милость короля Рубежного Края да будет с вами!

Он повернулся и быстро зашагал назад, а путешественники пошли по большим ступеням под зорким оком часовых. Гвардейцы короля молча смотрели на них сверху вниз до тех пор, пока Гэндальв не оказался на верхней ступеньке. Как только он занес ногу, чтобы поставить ее на каменный помост, гвардейцы неожиданно звонким хором приветствовали прибывших на своем родном языке:

— Привет вам, путники из дальних стран!

При этом они повернули мечи рукоятями к гостям в знак мирных намерений. Зеленые камни в эфесах заблестели на солнце. Потом один из гвардейцев выступил из шеренги и произнес на всеобщем языке:

— Я привратник Феодена. Мое имя — Гама. Моя просьба — сложите все оружие, прежде чем

войдете во дворец.

Леголас первым отдал ему в руки кинжал с серебряной рукоятью, колчан и лук.

— Получше стереги мое оружие, — сказал он. — Оно из Золотого леса и досталось мне в дар от владычицы Галадриэли.

Привратник удивленно заморгал и поспешно сложил оружие эльфа под стеной, будто опасаясь до него дотрагиваться.

— Обещаю, что никто из людей его не тронет, — сказал он.

Арагорн заколебался.

— Моя воля не велит мне снимать меч и передавать Андрил в другие руки.

— Но такова воля Феодена, — сказал Гама.

— Я не уверен, что воля Феодена сына Тенгла, который правит Рубежным Краем, должна преобладать над волей Арагорна сына Араторна, наследника Элендила Гондорского.

— Ты стоишь перед домом Феодена, а не Арагорна, даже стань он королем Гондора и сядь на место Дэнетора, — ответил Гама, быстро вставая в дверях и повернув меч острием к гостям.

— Бессмысленный спор, — вмешался Гэндальв. — Требования Феодена излишни, но возражать бесполезно. Слово короля в его дворце

— закон, будь оно хоть мудро, хоть глупо.

— Все так, — сказал Арагорн. — Я охотно выполнил бы пожелание хозяина, будь это шалаш, а не дворец, если бы носил у пояса другой меч. Но это Андрил.

— Как бы твой меч ни назывался, клади его сюда, — сказал Гама, — если не хочешь сражаться в одиночку со всеми воинами Эдораса.

— В одиночку он бы не сражался, — отозвался Гимли, проводя пальцем по лезвию топорика и грозно глядя на привратника, будто тот был молодым деревцем, которое надо срубить. — Один бы не сражался.

— Тихо, тихо! — сказал Гэндальв. — Мы все тут друзья. Во всяком случае, должны быть друзьями. Ссорой мы ничего не добьемся, только в Мордоре порадуются. Наше дело не ждет. Я отдаю свой меч. Стереги его, почтенный Гама, как можно лучше, ибо это Гламдринг, выкованный эльфами в незапамятные времена. И пропусти меня. Ну, теперь ты, Арагорн!

Арагорн неохотно отстегнул пояс и сам поставил свой меч у стены.

— Оставляю Андрил здесь, — сказал он, — но не вздумай, Гама, тронуть его и никому не разрешай к нему прикасаться. В ножнах, изготовленных

эльфами, скрыт клинок, который был сломан, а потом выкован заново. Первым его ковал Телкар в незапамятные времена, Меч Элендила дается лишь наследникам Элендила. Любой чужой, кто до него дотронется, падет, сраженный им.

— Будто все вы прилетели из незапамятных времен или вышли из легенды, — сказал привратник, отступив на шаг и с удивлением смотря на Арагорна. — Как ты пожелаешь, так и будет, господин.

— Ну, в компании с Андрилом моему топорику не стыдно будет полежать, — пробормотал Гимли и положил свое оружие под стену. — Мы все сделали, как ты хотел. Теперь веди к своему королю.

Но привратник еще колебался.

— Будь добр, — обратился он к Гэндальву, — оставь здесь и свой посох.

— Ну, это уж слишком! — ответил Гэндальв. — То была предосторожность, а это — неучтивость. Я стар. Если не разрешишь мне войти, опираясь на палку, то я сяду тут и подожду, пока Феоден сам не приковыляет ко мне.

Арагорн засмеялся.

— У каждого есть свое сокровище. Неужели вы лишите старика последней опоры? Позволь нам

пройти, наконец!

— Посох в руках мага может оказаться чем-то большим, нежели просто опорой в старости, — ответил Гама. Он внимательно посмотрел на ясеневую палку, на которую спокойно опирался Гэндальв. — В некоторых случаях, однако, можно принять особое решение. Я верю, что вы пришли как друзья и достойны уважения; у таких гостей не должно быть худых намерений. Проходите!

* * *

Гвардейцы отодвинули тяжелые засовы, распахнули двери, которые медленно раздвинулись внутрь на скрипучих петлях. Гости вошли во дворец. Внутри было полутемно и показалось душно после утренней свежести на холме. Парадный зал был длинным, с мощными столбами, подпирающими высокий потолок. Из восточных окон под самым потолком падали пучки света и ложились на пол теплым узором. Через отверстие в крыше к бледно-голубому небу поднимались струи пара. Когда вошедшие привыкли к полумраку, то увидели, что пол выложен цветными камнями и под ногами у них вьются рунические надписи и переплетаются странные фигуры. Столбы оказались украшены богатой резьбой, и

на них сохранились остатки старинной росписи с позолотой. Огромные тканые картины на стенах изображали героев старинных легенд. Но стены тонули в тени, а ткани поблекли. Правда, одна картина висела так, что на нее падал солнечный свет. Гости увидели молодого воина на белом коне. Юноша трубил в огромный рог, его золотистые волосы развевались на ветру. Конь поднял голову, раздувая розовые ноздри в предчувствии битвы. Зеленые волны с белой пеной достигали коню до колен.

— Смотрите! Это Эорл Юный, — объяснил Арагорн. — Таким он был, когда выступил с севера на битву при Келебранте.

* * *

Друзья пошли дальше и оказались в большом помещении с длинным каменным очагом посредине, в котором горел огонь. У южной стены, противоположной входу, три широкие ступени вели на возвышение. На нем в большом позолоченном кресле сидел старик, согбенный под бременем лет, казавшийся почти карликом. Две длинные толстые седые косы свисали из-под узкого золотого обруча, сжимавшего виски. Надо лбом в обруче сверкал один белый алмаз. Белая,

как снег, борода лежала на коленях. Только в глазах был живой блеск, когда он посмотрел на вошедших. За троном стояла женщина в белом платье. У ног властителя на ступенях сидел худой человек с бледным хитрым лицом и припухшими веками. Было тихо.

Старик сидел неподвижно. Наконец Гэндальв произнес:

— Привет тебе, Феоден сын Тенгла! Я вернулся, ибо грядет буря, и друзья должны держаться вместе, чтобы не погибнуть поодиночке.

Старик медленно выпрямился, тяжело опираясь на короткий черный жезл с набалдашником из белой кости. Те, кто видел его впервые, с удивлением обнаружили, что он был сутул, но очень высок, а в молодости, вероятно, удивлял всех благородной осанкой.

— Привет и тебе, — сказал он сухо. — Надеюсь, ты не ждешь, что я с радостью тебя встречу. Если говорить откровенно, твое появление в моем доме — совсем не радость, почтенный Гэндальв. Ты всегда возвещаешь о несчастьях. Беды слетаются за тобой, как воронье, и с каждым твоим приездом их все больше. Не буду лгать: когда я услышал, что Серосвет прискакал без седока, я радовался возвращению жеребца, но еще больше

— отсутствию всадника. А когда Эомер сообщил, что ты, Гэндальв, наконец ушел в самый долгий путь, я не оплакивал тебя. Но вести издалека часто искажаются. Ты снова здесь и, как следовало ожидать, принес еще худшие вести, чем раньше. Как же мне радоваться при виде тебя, Гэндальв, Провозвестник Бури?

И король снова медленно опустился на трон.

— Справедливы твои слова, господин мой! — отозвался бледный придворный, сидевший на ступеньках у ног короля. — Пяти дней не прошло со времени горестного известия о том, что на полях Западного Эмнета пал твой сын Феодред, правая рука короля и Второй полководец Рубежного Края. Нельзя доверять Эомеру. Если бы он тут распоряжался, немного бы воинов осталось охранять твою столицу. Сейчас из Гондора дошло до нас предупреждение: Черный Властелин готовит нападение с востока. И в такой час этот бродяга снова здесь! Разве можно встречать его добром? Не гостем, а *Зловестником* надо его звать! *Плохие вести — плохой гость!* — Придворный ядовито засмеялся и, на мгновение приподняв припухшие веки, сверкнул на чужеземцев черными глазами.

— Ты здесь считаешься мудрецом, Причмок, и

наверняка король думает, что ты ему — большая поддержка, — тихо произнес Гэндальв. — Но плохие вести можно приносить по-разному. Можно быть их виновником, и можно быть другом, который в счастье уходит, а в несчастье оказывается рядом и предлагает помощь.

— Бывает еще и третий случай, — отозвался Причмок. — Бывают гости, которые приходят рыться в объедках и лезут в чужие дела; хищники, отъедающиеся на войнах. Чем ты нам помог, Ворон? С чем пришел? В прошлый раз ты сам просил помощи. Король позволил тебе выбрать коня, чтобы ты смог уехать. Все возмутились, когда ты посмел выбрать Серосвета. Мой король глубоко огорчился. Но многие из нас согласились, что стоит заплатить любую цену, чтобы от тебя отделаться. Я уверен, что и сейчас ты опять попросишь у нас помощи, вместо того, чтобы попытаться нам ее оказать. Почему ты не привел воинов? Где твои кони, мечи, копья? Вот это была бы помощь, и это мы бы взяли. А кто пришел с тобой? Три оборванца в серых лохмотьях, да и сам ты стал еще больше похож на нищего.

— Я вижу, Феоден сын Тенгла, что в последнее время негостеприимным стал твой двор, — сказал маг. — Разве стражник, которого я послал к

тебе от ворот, не назвал имен моих друзей? Владыки Рохана не часто принимали в своем доме таких именитых гостей. Оружие, оставленное нами на пороге, достойно, чтобы его носили самые могущественные смертные. На моих друзьях серые плащи, ибо так их одели эльфы. Через великие опасности добирались они до твоего дома.

— Значит, Эомер не лгал, что вы — союзники колдуньи из Золотого леса? — воскликнул Причмок. — Меня это не удивляет, в Двимордене всегда плелись сети измены.

Гимли сделал шаг вперед, но рука Гэндальва легла ему на плечо, и он замер на месте, как камень, а Гэндальв негромко запел:

В Двимордене, в Лориэне
Ты людской не встретишь тени,
Свет эльфийских долгих дней
От обычных скрыт людей.

Чистоты заветный хмель
Для смертных ты, Галадриэль!

Светла вода в твоей реке,
Бела звезда в твоей руке,
Колодец твой глубок и чист,

Свеж и нетронут каждый лист…

Тот край прекраснее мечты,
Нет в нем ни зла, ни суеты!

Песня прозвучала выразительно. Кончив петь, Гэндальв вдруг преобразился. Он сбросил старый плащ, выпрямился, перестал опираться на палку и произнес звучным холодным голосом:

— Мудрый говорит лишь о том, что хорошо знает, Грима сын Галмода, по прозванию Причмок! Ты шипишь, как бестолковая змея. Лучше молчи, держи за зубами ядовитый язык! Не за тем я прошел огонь и смерть, чтобы пререкаться с лживым слугой, когда приближается буря!

Маг воздел посох. Все услышали глухой раскат грома. Солнце в восточных окнах погасло, и зал погрузился во тьму. Огонь в очаге потускнел, дрова подернулись пеплом. Во мраке был виден лишь Гэндальв в белом, стройный и светлый.

Голос Причмока зашипел в темноте:

— Разве не говорил я тебе, о король, чтобы его не впускали сюда с палкой? Дурень Гама предал тебя, нарушив приказ!

В темноте снова блеснуло. Потом наступила тишина. Причмок упал ничком.

* * *

— Теперь выслушай меня, Феоден сын Тенгла! — сказал Гэндальв. — Тебе нужна помощь? — Он поднял посох и указал на отверстие в крыше. На небе темнота немного рассеялась, и высоко вверху прорвалось озерцо ясной синевы. — Мрак не весь мир застилает. Воспрянь духом и наберись мужества, повелитель Рубежного Края, и это будет самая лучшая помощь. У меня нет советов для отчаявшихся, кто не верит в спасение. Но тебе я могу дать совет, и я несу тебе слова утешения. Хочешь их услышать? Они — не для всяких ушей. Прошу тебя, выйди со мной на порог и посмотри на свой край. Слишком долго ты просидел в темноте, слушая лживых доносчиков и изменников-шептунов!

Феоден медленно сдвинулся с места. В зале стало немного светлее. Женщина в белом платье поспешила к королю и взяла его под руку. Старец неверным шагом сошел с возвышения и направился к дверям. Причмок по-прежнему лежал ничком на полу. Когда они подошли к выходу, Гэндальв застучал в дверь.

— Отворите! — крикнул он. — Король идет!

Двери распахнулись, и прохладный ветер со

свистом влетел в зал. На холме было свежо.

— Прикажи, Повелитель, чтобы твоя стража сошла на нижнюю ступеньку, — попросил Гэндальв. — И ты, госпожа, можешь сейчас оставить нас. Обещаю тебе позаботиться о Короле.

— Ступай, Эовина, дочь сестры моей! — сказал король. — Час тревоги прошел.

Женщина легким шагом вернулась во дворец. У порога она оглянулась, со спокойной нежностью и жалостью посмотрев на короля большими выразительными глазами. Она была молода и очень красива, волосы золотым ручьем струились по плечам. В белом платье, подпоясанном серебряным обручем, она казалась гибкой и хрупкой, но одновременно была сильна и горда, как подобает дочери королей. Вот так Арагорн в белом свете дня увидел Эовину, королевну Рохана, нежную и холодную, как свежее весеннее утро, не расцветшую еще полным цветом женской красоты. В эту минуту и она увидела Арагорна, наследника великого рода, умудренного опытом многих прожитых лет. И хотя свое величие Арагорн скрывал под серым плащом, Эовина его угадала. На мгновение она замерла, но тут же очнулась, повернулась и быстро ушла.

— Вот теперь, повелитель, — сказал Гэн-

дальв, — посмотри на свою страну! Вдохни свежего воздуха!

С высокой террасы на холме открывался широкий вид на зеленые степи за рекой, уходящие в серую даль. На западе полнеба закрывали темные тучи; косые полосы дождей, подгоняемые ветром, соединяли небо и землю. Где-то за невидимыми вершинами сверкали молнии. Но ветер изменился, дул уже с севера, а буря, наступавшая с востока, откатывалась на юг, к Морю. Сквозь разорванные облака вдруг пробился солнечный луч. Дождь заискрился серебром, река вдали показалась парчовой лентой.

— Здесь уже не так темно, — сказал Феоден.

— Не так темно, — согласился Гэндальв. — И возраст еще не выпил всю силу из твоих рук, как многим хотелось бы думать. Отбрось палку.

Черный жезл со стуком выпал из руки короля на камни. Феоден выпрямлялся медленно, как человек, долго несший тяжкий груз. Он вновь становился стройным и высоким, а когда еще раз посмотрел в открытое небо, его глаза поголубели.

— Грустный сон мне все время снился, — сказал он. — Сейчас я будто просыпаюсь. Жаль, что ты не приходил раньше, Гэндальв. Я боюсь, что уже

поздно; ты увидишь закат моего рода. Недолго теперь стоять Двору, который построил Брего сын Эорла. Огонь уничтожит наше горное гнездо. Что можно сделать?

— Очень многое, — ответил Гэндальв. — Но сначала призови Эомера. Я, наверное, правильно догадался, что ты заключил его под стражу по навету Гримы, которого все, кроме тебя, зовут Причмоком?

— Да, — ответил Феоден. — Эомер не подчинился моему приказанию и в моем доме грозился убить Гриму.

— Но ведь можно любить тебя — и не любить Причмока, не доверять его советам, — сказал Гэндальв.

— Может быть, ты прав. Я сделаю, что ты хочешь. Позови Гаму. Оказавшись ненадежным привратником, он может оказаться хорошим гонцом. Виноватый приведет на суд другого виноватого, — произнес Феоден суровым тоном и улыбнулся Гэндальву. Сетка грустных морщин на его лице разгладилась.

* * *

Когда Гама с удовольствием побежал выполнять поручение, Гэндальв отвел Феодена на

каменную скамью, а сам сел перед ним на верхнюю ступеньку. Арагорн и его друзья встали поодаль.

— Мне не хватит времени, чтобы сейчас рассказать тебе все, что ты должен услышать, — сказал Гэндальв. — Если меня не обманывает надежда, скоро мы с тобой сможем побеседовать подольше. Знай, о король, что тебе грозит опасность пострашнее тех кошмаров, которыми отравлял твои сны Причмок. Но сейчас ты не спишь. Ты жив! Две страны — Гондор и Рохан — не одиноки в борьбе. Враг очень силен, но нам светит надежда, о которой он не знает.

Гэндальв заговорил быстро и тихо, так что кроме короля никто его слов не услышал. Но по мере того как Гэндальв говорил, глаза Феодена загорались живым блеском, и наконец он встал во весь свой огромный рост, маг встал рядом с ним, и они вместе смотрели на восток.

— Вот так, — сказал Гэндальв обычным своим громким и звучным голосом. — Теперь в той стране, где таится самая страшная угроза, свила гнездо надежда. Наша судьба висит на тонкой ниточке. Но надежда пока жива и не погаснет, если хоть какое-то время мы поддержим ее тем, что сами выстоим.

Все тоже посмотрели на восток. Над открытыми широкими полями, туда, куда не достигал взгляд, за черные горы в страну мрака летели их мысли с тревогой и надеждой. Где сейчас Несущий Кольцо? Как тонка ниточка, на которой держится судьба!

Леголас напряженно вглядывался в даль зоркими эльфийскими глазами, и ему показалось, что он видит светлый блик солнца на шпиле Сторожевой Башни, а еще дальше, за Крепостью Последней Надежды, в совсем немыслимой дали — поднимающийся тусклой угрозой язык пламени.

Феоден тяжело сел, будто его старость и усталость еще боролись с железной волей Гэндальва. Посмотрел на свой пышный дворец.

— Жаль, — промолвил он, — что в моей жизни настали лихие дни, и как раз тогда, когда я стал стар и жду заслуженного покоя. Жаль мужественного Боромира! Горе, когда молодые гибнут раньше стариков, — и он уперся морщинистыми руками в колени.

— Твои пальцы вспомнят прежнюю силу, когда сожмут рукоять меча, — сказал Гэндальв.

Феоден встал и тронул рукой бок, но у пояса меча не было.

— Куда это Грима дел мой меч? — негромко спросил он.

— Возьми мой, о любимый Повелитель! — послышался звонкий голос. — Он всегда служил только тебе!

Два воина взбежали на террасу и встали на второй ступеньке лестницы. Один из них был Эомер, без лат и шлема, но с обнаженным мечом в руке. Он преклонил колени и протянул меч королю рукоятью вперед.

— Как это понимать? — сурово спросил Феоден.

Он обращался к подошедшим, а остальные с удивлением смотрели на него, не узнавая, таким он стал высоким, прямым и гордым. Куда девался согбенный старец, которого совсем недавно видели только в кресле или тяжело опиравшимся на палку?

— Это я виноват, — ответил, дрожа, Гама. — Я понял, что Эомер прощен и свободен. Я совершил ошибку от радости, решив, что раз он полководец, то надо вернуть ему меч, о чем он и сам просил.

— Просил, чтобы положить его к твоим ногам, мой Король! — сказал Эомер.

Некоторое время стояла тишина. Феоден смотрел сверху вниз на коленопреклоненного воина.

Никто не двигался.

— Возьми меч, король! — сказал Гэндальв.

Феоден медленно протянул руку. Когда его пальцы коснулись рукояти, окружающим показалось, что они видят, как новой силой наливаются узловатые руки. Вдруг король поднял меч над головой и стал его быстро вращать, так что гул пошел. Громко крикнул зычным голосом, и над холмом разнесся призыв:

В бой, конница Феодена!
Ждут кровавые подвиги, —
Тьма на востоке!

Седлайте коней,
Пусть звучат рога!

Вперед, племя Эорла!

Гвардейцы, решив, что король их зовет, подскочили к нему, с удивлением посмотрели на него, и все, как один, вынув из ножен мечи, опустили их остриями к его ногам.

— Веди нас! — раздался их дружный крик.

— *Весту Феоден хал!* — воскликнул Эомер. — Какая радость видеть тебя снова в полной силе, Повелитель! Теперь никто не скажет, что Гэндальв приносит одни несчастья!

— Возьми свой меч, Эомер, сын сестры моей! — сказал король. — А ты, Гама, найди мой. Я дал его на сохранение Гриме. Приведи его сюда. Гэндальв, ты обещал мне совет, если я захочу его принять. Какой совет ты мне дашь?

— Ты его уже принял, — ответил Гэндальв, — раз по-прежнему доверяешь Эомеру, а не тому презренному лжецу. Ты отбросил печаль и страх. Ты решил действовать. Отправь немедленно на запад всех мужей, умеющих сидеть на коне, как советовал тебе Эомер. Пока не поздно, надо предотвратить угрозу со стороны Сарумана. Если этого не сделать, мы погибнем. Если это удастся, займемся следующим делом. Всех, кто останется: женщин, детей и стариков — поскорее отправь в укрепленные горные убежища. Не для этого ли злого часа их готовили? Пусть беженцы не берут с собой ничего лишнего, дело идет не о богатстве, а о жизни и смерти.

— Совет хорош, — сказал Феоден. — Огласите мой приказ: пусть люди собираются в путь… А вы, мои гости… Правду говоришь, Гэндальв, негостеприимен стал мой двор. Вы ехали всю ночь, а сейчас уже полдень. Вы устали, вы голодны. Пусть гостям немедленно приготовят покои, им надо поспать и поесть!

— Нет, король! — сказал Арагорн. — Нам сейчас не время отдыхать. Воины Рохана садятся на коней, с ними будут наш топор, наш лук, наш меч. Не затем несли мы с собой оружие, чтобы праздно лежало оно под стеной твоего Дома, властитель Рубежного Края. Я обещал Эомеру, что наши мечи покинут ножны в одном бою.

— Значит, у нас есть надежда на победу! — воскликнул Эомер.

— Надежда есть, — ответил Гэндальв. — Но Исенгард силен. Подходят и другие беды. Не трать времени, Феоден; как только мы выступим, сразу веди своих подданных в Дунгарское Укрытие, в горы.

— Нет, Гэндальв! — ответил король. — Ты, верно, сам не знаешь силы совершенного тобой исцеления. Будет иначе. Я пойду во главе своих воинов и погибну в бою, если так суждено, тогда спокойным будет мой вечный сон.

— И даже если Рохан потерпит поражение, песни прославят его, — сказал Арагорн.

Вооруженные воины, стоявшие на холме, застучали мечами о щиты и закричали:

— Король с нами! Вперед, дети Эорла!

— Но народ нельзя оставить без вождя и без защиты, — сказал Гэндальв. — Кто будет править

здесь вместо тебя?

— Я подумаю об этом до того, как мы выступим, — ответил Феоден. — Вон идет мой советник.

* * *

Из дворца вышел Гама, а за ним, съежившись между двумя воинами, Грима по прозванию Причмок, еще более, чем обычно, бледный. Выйдя на свет, он заморгал и зажмурил глаза. Гама опустился на одно колено и подал Феодену длинный меч в ножнах, окованных золотом и украшенных зелеными камнями.

— Вот, о король, твой старый меч Херугрим, — сказал он. — Я нашел его в сундуке Гримы. Он не хотел давать мне ключи. Там, кроме этого, нашлось много вещей, которые пропадали у твоих придворных.

— Поклеп! — заныл Причмок. — Король сам отдал мне меч на хранение.

— А теперь сам беру его назад, — сказал Феоден. — Тебе это не нравится?

— Это твое оружие, о король! — ответил Причмок. — Я пекусь о тебе и твоих делах. Но не переоцени своих сил. Пусть кто-нибудь другой развлекает незваных гостей. Сейчас обед подадут.

Не изволишь ли сесть за стол?

— Изволю, — сказал Феоден. — Вместе с гостями. Войско уже выступает в поход. Пусть герольды трубят сбор. Вызвать всех, кто есть в городе. Мужи, юноши, умеющие держать оружие и сидеть в седле, пусть выстроятся в конном строю у ворот к двум часам пополудни.

— Король милостивый! — крикнул Причмок. — Сбываются мои опасения. Этот чародей тебя околдовал! Неужели ты никого не оставишь охранять Золотой Двор твоих предков и его сокровища? А кто же позаботится о безопасности короля Рохана?

— Если это даже колдовство, — ответил Феоден, — то оно уже принесло больше пользы, чем твои нашептывания. Позволь я тебе еще немного себя лечить, стал бы ходить на четырех, как скот. Нет, здесь я никого не оставлю, даже тебя. Грима пойдет с войском. Живо собирайся! Тебе еще хватит времени счистить ржавчину со своего меча!

— О милости прошу, повелитель! — взвыл Причмок, припадая к земле. — Смилуйся надо мной! На твоей службе я потерял силу и здоровье. Не удаляй меня от своей особы! Разреши хотя бы стоять рядом, когда все другие от тебя уйдут. Не отталкивай верного Гриму!

— Я оказываю тебе милость, — сказал Феоден, — и не удаляю тебя от своей особы. Я сам выступаю с войском. Предлагаю тебе ехать со мной, дабы ты смог оправдаться и доказать свою верность.

Причмок обвел взглядом окружающих. В его глазах был ужас загнанного зверя, который ищет лазейку, чтобы удрать от взявших его в кольцо охотников. Длинным языком он облизал дрожащие губы.

— Учитывая преклонные годы достойного потомка Эорла, такого решения можно было ожидать, — заговорил он снова. — Но те, кто любит его по-настоящему, должны были пощадить его старость. Я вижу, что опоздал. Короля успели перетянуть на свою сторону другие советчики, которых его смерть опечалит меньше, чем меня. Я уже не могу изменить того, что сделали пришельцы. Так выслушай, Король, мою последнюю просьбу. Оставь в городе наместника, который знает твои помыслы и уважает твою волю. Выбери достойного. Позволь, пока не вернешься, вернейшему твоему советнику, Гриме, следить за порядком. И молю судьбу, чтобы она дала нам в скором времени счастье встретить тебя дома несмотря на то что здравый рассудок отказывается верить в удачное твое возвращение!

Стоявший рядом Эомер расхохотался.

— А если твоей просьбы окажется недостаточно, чтобы почетной должностью спастись от участия в боях, почтеннейший Причмок, какой менее важный пост ты согласишься занять? — спросил он. — Может быть, останешься перевозить в горное укрытие мешки с мукой, если найдется кто-нибудь, кто тебе их доверит?

— Нет, Эомер, ты, видно, не понял еще всех замыслов почтеннейшего Причмока, — сказал Гэндальв, обращая на изменника проницательный взгляд. — Причмок и смел, и хитер. Даже сию минуту он продолжает опасную игру и выигрывает ход. Но он украл слишком много моего времени. На землю, гадина! — крикнул вдруг маг во весь голос. — В прах ничком! Говори, с каких пор служишь Саруману? Чем он тебе платит? Когда достойные мужи погибнут, ты останешься и возьмешь себе часть сокровищ, а также ту, кого давно желаешь? Долго ты приглядывался к ней из-под век и следил за каждым ее шагом!

Эомер схватился за меч.

— Я это знал! — воскликнул он. — Потому и хотел его убить, забыв о правилах Двора. Есть и другие поводы.

Он сделал шаг вперед, но Гэндальв удержал

его руку.

— Эовина уже в безопасности, — сказал он. — А ты, Причмок, для своего настоящего хозяина уже сделал все, что мог. Заслуживаешь награды. Кстати, Саруман подчас не сдерживает обещаний; я бы советовал тебе поспешить к нему и напомнить о них, а то он совсем забудет о тебе и твоих заслугах.

— Это клевета, — сказал Причмок.

— Слишком часто ты обвиняешь окружающих, — сказал Гэндальв. — Я не клевещу. Видишь эту змею, Феоден? Брать его с собой так же опасно, как оставлять дома. Лучше всего было бы снять ему голову. Но он не всегда был таким подлым гадом, как сейчас. Был когда-то человеком и делал свое дело. Дай ему коня, пусть едет куда хочет. И суди о нем по тому, как он себя дальше поведет.

— Слышишь, Причмок? — спросил Феоден. — Выбирай: ты едешь со мной на войну и в битве доказываешь свою верность, или едешь куда хочешь, но если снова попадешься мне, снисхождения не жди!

Причмок медленно поднялся с земли. Глянул на собравшихся из-под тяжелых век. Потом медленно посмотрел в лицо Феодену и открыл рот, будто хотел что-то сказать. Вдруг весь напрягся,

замахал руками. Глаза у него заблестели таким злобным блеском, что окружающие отступили от него, как от змеи. Он ощерил зубы, со свистом втянул воздух и неожиданно брызнул слюной под ноги королю. Потом отскочил в сторону и стремглав пустился бежать вниз по лестнице.

— Кто-нибудь, побегите за ним, — приказал Феоден. — Надо проследить, чтобы он не принес больше вреда, но не бейте его и не задерживайте. Дайте ему коня, если захочет.

— И если найдется конь, который захочет его нести, — добавил Эомер.

Один гвардеец побежал вслед за изменником, другой принес в шлеме воды из фонтана под террасой и старательно омыл камни, осквернённые плевком Причмока.

— А сейчас прошу к столу, — сказал Феоден. — Прежде всего надо хоть немного поесть.

Все вернулись во дворец. Снизу уже слышались голоса герольдов и звуки боевых рогов, ибо король повелел выступать, как только подойдут вооруженные бойцы из города и ближайших селений.

За королевский стол сели четыре гостя и Эомер, а прислуживала королю его племянница Эовина. Ели и пили быстро. Феоден расспрашивал Гэн-

дальва о Сарумане, остальные молча слушали.

— Кто знает, когда началась измена! — говорил маг. — Саруман не всегда был злым. Без сомнения, было время, когда он был искренним другом Рохана и даже потом, когда сердце его остыло, помогал вам, потому что считал вас полезными. Но уже много лет он замышляет твою, Феоден, гибель и тайно собирает силы. Причмок все эти годы был его шпионом, и в Исенгарде знали обо всем, что у вас происходило. Причмок все время нашептывал тебе советы, отравлял мысли, студил сердце, ослаблял тело. Друзья твои это видели, но ничего не могли сделать, потому что он, как змея, завладел твоей волей.

Когда я бежал из Ортханка и предостерег тебя, маска была сорвана; во всяком случае, те, кто хотел знать правду, увидели его истинный облик. Игра Причмока стала рискованной. Он пытался постоянно удерживать тебя от дел, не допускать единения всех сил в Рохане, скрывать новости. Он был ловок: усыплял бдительность или сеял страх, в зависимости от того, с кем имел дело. Помнишь, как он упрямо настаивал на том, чтобы ни одного воина не освобождать от большой охоты на диких гусей на севере, когда появилась угроза с запада? Он требовал, чтобы Эомеру запретили

преследование рыщущих по степи орков. Если бы Эомер не нарушил приказа Причмока, произнесенного устами короля, большая банда орков спокойно дошла бы до Исенгарда со своей бесценной добычей. Правда, добыча была не совсем та, которую Саруман всеми силами старается заполучить, но все-таки это были двое из нашего Отряда, посвященные в тайну, о которой я даже тебе, королю, не могу рассказать открыто. Тайна эта прямо связана с нашей последней надеждой. Страшна даже мысль о том, какие муки ожидали наших друзей, какие сведения вырвал бы у них Саруман и какую гибель это бы нам принесло!

— Я в большом долгу перед Эомером, — сказал Феоден. — У него верное сердце, хотя строптивый нрав.

— Знай, король, что у правды может быть искаженный облик, если смотреть на нее затуманенными глазами, — заметил маг.

— Мои глаза застилала слепота, — сказал Феоден. — Еще в большем долгу я перед тобой, гость мой. Ты пришел вовремя. Хочу одарить тебя, прежде чем мы выступим. Выбирай все, что хочешь. Все мое — твое. Одного только не отдам — меча своих предков.

— Вовремя ли мы пришли, покажет время, — от-

ветил Гэндальв. — А что касается дара, король, — я выбираю то, что мне сейчас необходимо: быстрого и верного коня. Отдай мне Серосвета. Пока я его брал только на время, в долг, если можно так сказать. Сейчас я поеду на нем в опасный поход, брошу серебро против черни. Я бы не хотел рисковать тем, что мне не принадлежит. Кроме того, мы с этим конем уже связаны дружбой.

— Хорош твой выбор, — сказал Феоден. — Охотно дарю его тебе. Это ценный дар. Другого такого коня на свете нет. В нем — кровь великолепных скакунов прошлого. Таких больше не будет. А вас, остальные мои гости, прошу выбрать себе все, что надо, из моей оружейни. Мечи вам не нужны, но у нас найдутся шлемы и латы тонкой работы, их мои предки получили от властителей Гондора. Берите, и пусть эти доспехи служат вам верно!

* * *

Тут же служители принесли из оружейной сокровищницы блестящие латы и помогли их надеть Арагорну и Леголасу. Друзья также выбрали себе шлемы и круглые щиты с золотыми шишками, украшенные зелеными, красными и белыми камнями. Гэндальв лат не взял, а Гимли они не были нужны, ибо, даже если бы в Эдорасе

что-нибудь нашлось на его рост, напрасно было среди людских доспехов искать кольчугу крепче, чем чешуйчатый панцирь, выкованный гномами в подземельях Одинокой горы на севере. Он взял кожаный шишак с железными полосами, хорошо сидевший на его круглой голове, и небольшой щит. На щите был нарисован белый конь в галопе на зеленом поле — герб рода Эорла.

— Пусть он надежно хранит тебя в бою! — сказал Феоден. — Этот щит сделали для меня еще при жизни короля Тенгла, когда я был мальчиком.

Гимли низко поклонился.

— Я с гордостью буду носить твой герб на щите, — ответил он и тут же добавил: — Коня лучше нести, чем на нем сидеть. Я бы хотел биться в пешем бою. Может быть, еще будет битва, где кони не понадобятся.

— Очень может быть! — ответил Феоден.

Король встал. Подошла Эовина с полным кубком вина.

— *Ферту Феоден Хал!* — произнесла она. — Прими этот кубок и выпей за удачный поход! Будь счастлив в пути и возвращайся в добром здравии!

Когда Феоден отпил из кубка, королевна по очереди обнесла им всех гостей. Перед Арагор-

ном она задержалась и подняла на него ясный взгляд. Арагорн с улыбкой смотрел на красивое лицо. Принимая кубок, он дотронулся до ее руки и почувствовал, как дрогнули ее пальцы.

— Будь здрав, Арагорн сын Араторна! — произнесла она.

— Будь здорова, королевна Рохана! — ответил воин, но при этом нахмурился, улыбка сошла с его уст.

Все выпили по глотку из кубка, после чего король вышел к войску. Его уже ждали гвардия и герольды, все военачальники и полководцы, а также достойнейшие мужи Рубежного Края, прибывшие из ближайших селений.

— Слушайте, все! — объявил Феоден. — Ныне я выступаю, и быть может, это будет мой последний поход. Нет у меня больше сына. Единственный мой наследник, Феодред, погиб. Объявляю наследником Эомера, сына моей сестры. Если ни один из нас не вернется, выберите королем достойного, по своему разумению. Сейчас надо кому-нибудь позаботиться о тех, кто остается здесь. Я должен назначить наместника, который бы это сделал и временно правил моим именем. Кто из вас останется?

Никто из мужей не отозвался.

— Назовите имя того, кого хотели бы видеть наместником! Кому больше всего доверяют люди?

— Роду Эорла, — отозвался Гама.

— Но Эомер нужен войску, да и не согласится остаться, — сказал король. — А он последний в роде.

— Я думал не об Эомере, — ответил Гама. — И он не последний. У него есть сестра, Эовина дочь Эомунда, бесстрашное и благородное сердце. Ее все любят. Пусть она правит племенем Эорла в твое отсутствие, король!

— Да будет так! — сказал Феоден. — Пусть герольды объявят людям, что их поведет правительница Эовина!

Король сел на скамью перед входом в свой Золотом Дом. Эовина опустилась на колени и приняла из его рук короткий меч и красивый панцирь.

— Будь здорова и прощай, дочь сестры моей! — сказал Феоден. — В черный час расстаемся мы, но я надеюсь, что мы еще вместе с тобой вернемся в Золотой Двор. В крайнем случае, в Дунгарском Укрытии можно долго обороняться, а если мы проиграем битву, то все, кто останется в живых, придут туда.

— Не говори так, король! — ответила девушка. — Каждый день будет мне казаться годом,

пока ты не вернешься.

Но, говоря так, она смотрела на Арагорна, стоявшего рядом с королем.

— Король вернется, — сказал Арагорн. — Не бойся, Эовина. Не на западе, а на востоке свершится судьба.

* * *

Король встал и вместе с Гэндальвом сошел по ступеням. Все последовали за ним. Проходя через ворота, Арагорн еще раз обернулся. На верхней ступеньке перед входом в Золотой Дом стояла Эовина. Мечом она опиралась о землю, положив ладони на рукоять. В светлом панцире играло солнце, делая ее похожей на серебряное изваяние.

Гимли шел с Леголасом, положив топор на плечо.

— Наконец-то! — сказал он. — Люди не могут обойтись без длинных слов, приступая к делу. Топорик греет мне руки. Не сомневаюсь, что рохирримы не подведут, когда дело дойдет до битвы. Но эта война мне не по сердцу. Как я доберусь до противника? Я бы хотел идти своими ногами, а не трястись, как мешок, за Гэндальвом.

— Это самое безопасное место, — сказал Лего-

лас. — Но Гэндальв наверняка ссадит тебя с коня, когда начнется бой. Или Серосвет стряхнет. Топор — неподходящее оружие для всадника.

— Гном не всадник. Я хочу рубить головы оркам, а не брить лбы людям, — ответил Гимли, поглаживая лезвие топорика.

За воротами собралось внушительное конное войско рохирримов, старых и молодых. Было здесь больше тысячи всадников. Копья стояли, как молодой лес. Воины громко и весело приветствовали своего короля. Ему подвели коня по имени Снежногривый; подвели коней Арагорну и Леголасу. Гимли хмуро смотрел исподлобья, в явном беспокойстве, но к нему подошел Эомер с конем в поводу.

— Привет тебе, Гимли сын Глоина! — сказал он. — У меня не было времени, чтобы получить у тебя урок учтивости. Но может быть, мы отложим наш спор? Во всяком случае, обещаю больше не говорить плохих слов о владычице Золотого леса.

— Забудь сейчас о моем гневе, Эомер сын Эомунда, — ответил Гимли. — Если когда-нибудь ты своими глазами увидишь госпожу Галадриэль, то признаешь, что она красивее всех на свете, — или наша дружба кончится навеки.

— Пусть будет так! — сказал Эомер. — Однако пока ты прости меня, а в знак, что не держишь обиды, сядь со мной на коня. Гэндальв с королем поедут во главе войска, а мой Огнескок согласен нести нас двоих, если ты не против.

— Спасибо, Эомер, — ответил Гимли, искренне радуясь. — Я охотно поеду с тобой, но только если мой друг Леголас будет рядом!

— Решено, — сказал Эомер. — Леголас поскачет слева от меня, Арагорн справа, и никто нас не остановит!

— Где Серосвет? — спросил Гэндальв.

— Гуляет по степи! — ответило несколько голосов. — Он никому не дается. Вон он там, у брода, как светлая тень под ивами!

Гэндальв свистнул и громко позвал коня по имени. Серосвет поднял голову и ответил издалека ржанием. Потом, как стрела, понесся на зов.

— Если бы Западный Ветер принял видимый облик, он был бы таким, — произнес Эомер, когда огромный жеребец встал перед магом.

— Оказывается, подарок уже давно твой! — сказал король. — Пусть услышат все! Отныне мой гость Гэндальв Серый, мудрейший советник, желаннейший из всех гостей, назван мною князем Рохана и полководцем народа Эорла, и почести

ему будут воздаваться, пока наш род не исчезнет с лица земли. Дарю ему Серосвета, князя среди коней.

— Благодарю тебя, король Феоден! — сказал Гэндальв.

Он резким движением смахнул с плеч серый плащ, отбросил шляпу и вскочил на коня. Не было на нем ни шлема, ни панциря. Снежно-белые волосы развевались на ветру, белые одежды светились на солнце.

— Смотрите! Это Белый Всадник! — закричал Арагорн, и люди подхватили его слова.

— Наш король и Белый Всадник! — закричали в войске. — Вперед, племя Эорла!

Заиграли трубы. Кони ржали и вставали на дыбы. Копья стучали о щиты. Король поднял руку. И будто мощный вихрь вырвался в степь. Последнее войско Рубежного Края помчалось вперед, на запад.

А когда отгремели копыта, то еще долго-долго видела Эовина блеск копий в равнинной степи, неподвижно стоя на крыльце затихшего Золотого Дома.

Глава седьмая. В Хельмской теснине

Когда войско выходило из Эдораса, солнце уже скатывалось к западу и било в глаза, так что широкая степь слилась в золотистое слепящее облако до самого горизонта. Под Великими горами на северо-запад шел битый тракт, по которому и направился Феоден, а за ним все воины. До самого вечера они скакали то вверх, то вниз по зеленым предгорьям, переходя вброд мелкие ручьи и речки. Далеко справа виднелись Мглистые горы, которые с каждым пройденным гоном казались все выше и темнее.

Войско двигалось почти без остановок. Этого требовала необходимость. Боясь не успеть на место вовремя, всадники гнали коней во весь опор. Роханские скакуны выносливые и быстрые, но и путь был далек. От Эдораса до бродов через Исену, где Феоден надеялся встретиться со своими сторожевыми отрядами, сдерживавшими натиск Сарумана, было не менее сорока гонов птичьего полета.

Стало уже совсем темно, когда наконец был дан приказ остановиться и разбить лагерь. Прошло пять часов с момента выступления, и войско

находилось далеко на западных равнинах, но добрых полпути оставалось впереди. На отдых расположились широким кольцом прямо под открытым звездным небом, при ярком свете прибывающего месяца. Костров не разводили, вокруг лагеря выставили стражу, а в степь разослали лазутчиков. Ночь прошла спокойно. На рассвете заиграли рога, и войско снова помчалось вперед.

В воздухе уже с утра чувствовалась тяжелая духота, и было необычно тепло. Солнце поднялось в тумане, а за ним небо начала затягивать темная пелена, будто с востока шла большая буря. Далеко на северо-западе от подножия Мглистых гор поднималась другая темная волна, медленно выползавшая из чародейского ущелья Нэн Курунир.

Гэндальв подъехал к шеренге, где рядом с Эомером скакал Леголас.

— У тебя острое зрение благородного эльфийского рода, Леголас, — сказал маг. — Ты за несколько гонов отличишь воробья от зяблика. Что там делается в стороне Исенгарда?

— Посмотрим, — сказал Леголас, вытягиваясь вперед и приставляя ладонь ко лбу. — Вижу темноту. За много миль отсюда в ней движутся какие-то фигуры, огромные, но кто они — сказать

не могу. Идут по берегу реки. Смотреть мешает не туман, — воздух чистый, — но на все падает тень, будто кто-то нарочно опускает ее на землю, и она растекается. А фигуры похожи на бесчисленные деревья, сползающие с горы.

— Так, — сказал Гэндальв. — И за ними — страшная буря из Мордора. Будет черная ночь.

К середине второго дня марша воздух стал еще более душным. После полудня войско догнали черные тучи, будто траурное покрывало, клубящееся по краям. То и дело его прошивали ослепительные искры. Кровавое солнце садилось словно в пар. Ярко блеснули острия копий, когда последние лучи осветили крутые бока горы Трезубец. Три ее кривых рога торчали над крайним северным бастионом Белых гор, окрашенным пламенем заката. Горы были совсем близко. И тут передовые всадники заметили темную точку: кто-то скакал им навстречу. Войско остановилось.

Подъехавший воин был страшно утомлен. Его шлем был помят, щит треснул. Он медленно сполз с коня, глубоко вздохнул, затем заговорил.

— Эомер здесь? — спросил он. — Наконец-то прибыли, но поздно, и мало вас. С тех пор как пал Феодред, все идет плохо. Вчера нас отбросили

за Исену, мы понесли большие потери. Много наших погибло у бродов. Ночью к неприятельскому лагерю пришло подкрепление. Исенгард, наверное, пустым остался. Саруман вооружил диких горцев и пастухов из Дунланда, и все они напали на нас, смяли численным перевесом, стена наших щитов дала трещину под их напором. Эркенбранд из Западной Лощины собрал раненых и отступил в сторону Теснины Хельма. Остатки войска разбрелись по степи… Где Эомер? Скажите ему, что дальше идти незачем. Пусть лучше вернется в Эдорас, пока не попал на зуб волкам из Исенгарда.

До сих пор Феоден слушал молча, отступив за спины своих гвардейцев, но тут хлестнул коня и выехал вперед.

— Встань передо мной, Кеорл! — сказал он. — Я тоже здесь. Последнее войско племени Эорла вышло на бой. Оно не отступит.

Запыленное лицо воина осветилось удивлением и радостью. Он выпрямился, расправил плечи, потом упал на колени и вынул из ножен меч, протягивая его рукоятью к королю.

— Приказывай, король! — воскликнул он. — Прости меня! Я думал…

— Думал, что я остался в Медуселде, согбенный,

как дерево под зимним снегом. Так было, когда ты выезжал на войну. Но ветер с запада заставил это дерево тряхнуть ветвями. Дайте ему свежего коня! — приказал Феоден. — Вперед, на помощь Эркенбранду!

* * *

Едва Феоден успел договорить, к нему подъехал Гэндальв. Все это время он внимательно всматривался в северный горизонт и поглядывал на запад, куда уходило солнце.

— Правь в Хельмскую Теснину, король! — произнес он. — Не подходи к бродам через Исену и не выезжай в открытую степь. Держись возле гор! Я должен ненадолго вас оставить. Серосвет понесет меня туда, где ждет самое неотложное дело. — Маг повернулся к Эомеру, Арагорну и гвардейцам: — Берегите Короля, пока я не вернусь! Ждите меня у Хельмских Ворот. А пока — до свидания!

Гэндальв что-то шепнул на ухо Серосвету, и огромный жеребец стрелой рванулся в степь и исчез в мгновение ока летучей тенью, блеснув серебром в лучах заходящего солнца. Снежногривый рванулся и встал на дыбы, готовый помчаться за ним, но Серосвета теперь можно

было бы догнать лишь на крыльях.

— Что это может значить? — спросил Гаму один из гвардейцев.

— Только то, что Гэндальв Серый очень спешит, — ответил Гама. — Он всегда уходит и приходит неожиданно.

— Был бы тут Причмок, он бы сразу объяснил, — продолжал гвардеец.

— Наверное, — ответил Гама так же спокойно. — Но я дождусь Гэндальва.

— Долго ждать будешь, — буркнул гвардеец, однако замолчал.

* * *

Войско развернулось, сошло с дороги, проложенной к бродам через Исену, и направилось к югу. С наступлением ночи рохирримы не остановились. Горы были совсем близко, но вершины Трезубца теперь лишь слегка выделялись на потемневшем небе. Еще через несколько миль воины доскакали до дальнего края Западной Лощины, где с горы зеленым языком сползало большое пастбище с глубоким оврагом посредине, переходящим в ущелье. Его-то и назвали когда-то люди Тесниной Хельма, в честь героя прошлых времен, который выбрал себе здесь

укрытие. От поля овраг отделялся зеленым валом. В Теснину можно было въехать с северной стороны, потом она изгибалась, резко сужалась и поднималась в гору, а там, где она упиралась в скалу, крутые склоны повисали над ней, а утесы с двух сторон напоминали мощные башни. В них гнездилось воронье.

У входа в Теснину с северной стороны выступал большой утес, на котором стояла старинная каменная башня со стрельчатыми сводами. Говорили, что во времена расцвета Гондора заморские короли заставили великанов ее строить. Ее называли Рогатой Башней. Даже теперь, когда на башне играли трубы, эхо разносилось по всей теснине, и казалось, что вот-вот из подземных пещер выйдут на войну рыцари Незапамятных времен. Вход в теснину был перекрыт стеной, шедшей от Рогатой Башни к противоположному южному утесу. Через вырубленное под стеной отверстие в долину бежал серебристый Хельмский ручей. Он огибал подножие Рогатой Башни, добегал до зеленого Хельмского вала, затем спокойно выливался в ров за валом и тек в поле.

Именно в этом убежище, в Рогатой Башне над Хельмскими Воротами, жил Эркенбранд, военачальник и правитель Западной Лощины,

пограничной провинции Рубежного Края. Вовремя заметив собирающиеся тучи, понимая угрозу войны, опытный воин приказал укрепить начавшие разрушаться стены и основание башни. Получилась настоящая крепость.

* * *

Воины Феодена были еще в нижней части долины, не дошли даже до зеленого вала перед Башней, как услышали шум и звуки рога. Трубили посланные вперед разведчики. Одновременно в темноте засвистели стрелы. Сбоку, из темной степи, послышались крики. Один из разведчиков галопом прискакал с известием, что по долине движутся всадники на волках и что банда орков перешла броды через Исену и открыто направляется вместе с дикими горцами на юг, к Теснине Хельма.

— Мы видели наших убитых воинов, которые там отступали, — сообщил разведчик, — и встретили сильно поредевшие отряды без командиров. Они блуждали по степи, никто не мог сказать, где Эркенбранд и что с ним стало. Если он не успел добраться до Хельмских Ворот, его могли убить орки, а может, уже убили.

— Гэндальва видели? — спросил Феоден.

— Видели, повелитель. Многие видели старца в белом. Он вихрем летел на коне через степь. Некоторые подумали, что это Саруман. Еще до того, как стемнело, он исчез в направлении Исенгарда. Говорят также, что за день перед этим туда ехал Причмок, а за ним орки.

— Беда Причмоку, если Гэндальв его догонит! — сказал Феоден. — Вот оба советника меня покинули, старый и новый. Но сейчас выбирать нечего, надо идти, как сказал Гэндальв, к Хельмским Воротам, даже если Эркенбранда там не будет. Уже известно, какие силы враг двинул с севера?

— Очень большие, — ответил разведчик. — Когда солдат отступает, силы противника кажутся ему вдвое большими, но я спрашивал храбрых воинов. Без сомнения можно заключить, что количеством враг превосходит нас в несколько раз.

— Тем более поспешим, — произнес Эомер. — Мы должны немедленно пробиться через вражеские отряды, которые уже оказались между нами и Рогатой Башней. В Теснине Хельма есть пещеры, где могут сидеть в засаде сотни воинов, а из этих пещер можно тайно выйти в горы.

— Сейчас нам нельзя отступать тайными тропами, — сказал король. — Саруман много лет

шпионил за этим краем, здесь стало опасно. Но в самой Башне можно довольно долго обороняться, если будет трудно. Вперед!

* * *

Арагорн и Леголас скакали теперь в первой шеренге рядом с Эомером. Войско двигалось на юг, но чем темнее становилось, тем круче поднимались в гору дороги, тем медленнее шли кони. По пути встречались мелкие банды орков, но при виде рохирримов они удирали быстро, ни остановить их, ни захватить в плен не удавалось. Крупных сил противника вблизи не было.

— Боюсь, что известие о походе короля во главе войска недолго оставалось тайной, — сказал Эомер, — и о нем уже знает если не сам Саруман, то его ставленник, который командует армией.

Шум в степи нарастал. Уже доносилось оттуда хриплое воинственное пение. Когда войско короля дошло до зеленых предгорий у входа в Теснину Хельма, рохирримы остановились и оглянулись. В степи горели бесчисленные огоньки, рассеянные в темноте, как красноватые цветы, и цепочками сбегающие по холмам в низины. Это были походные костры и факелы. Местами виднелись большие огни, по-видимому, пожары.

— За нами идет большое войско, — сказал Арагорн.

— С ним идет огонь, — произнес Феоден. — Они жгут все, что попадается на пути: стога, хижины и деревья. Это богатая долина, в ней было много селений. Несчастный мой народ!

— И мы не можем обрушиться на них сейчас же ночью горным обвалом! — добавил Арагорн. — Мне больно, что мы вынуждены отступать.

— Далеко отступать не придется, — ответил Эомер. — Уже рядом Хельмский Вал, — и добавил: — За четверть гона перед воротами долину пересекает земляной вал со рвом. Там мы сможем закрепиться и встретить орков.

— Нет, — сказал Феоден. — Нас слишком мало, чтобы оборонять такой длинный вал — он тянется больше мили, и ров неглубок, зато слишком широкий.

— Ров может оборонять тыловой отряд, если враг начнет наступать нам на пятки, — сказал Эомер.

На небе не было ни звезд, ни месяца, когда они доехали до широкого рва. По его дну в долину сбегал горный поток, вдоль которого шла дорога вниз из Рогатой Башни. Вал перед рвом оказался высок и крут, так что войско сразу попало в

черную темень. С вала их окликнули — там оказалась стража.

— Говорит Эомер сын Эомунда! — крикнул в ответ Эомер. — К Хельмским Воротам едет король Рохана!

— Вот это хорошая весть! — ответил стражник. — Мы на это не надеялись. Но спешите! Враги близко.

Всадники проехали ров и задержались на откосе вала. К радости своей, они узнали, что для обороны Хельмских Ворот Эркенбранд оставил достаточно большой гарнизон, и что еще сюда собралось много воинов, отступивших под натиском орков.

— У меня сейчас около тысячи солдат, способных сражаться врукопашную, — сообщил Гамлин, старый командир обороны Хельмских Ворот, — только жаль, что большинство из них — такие, как я, уже слишком долго живут на свете, или такие, как мой внук, еще мало что умеют. Что слышно об Эркенбранде? Вчера до нас дошли вести, что он пробивается сюда с тем, что осталось от лучшей конницы Рохана. Но его до сих пор нет.

— Боюсь, что он уже не придет, — ответил Эомер. — Разведчики ничего о нем не узнали, а вся

долина за нами занята врагом.

— Хотелось бы, чтобы Эркенбранд уцелел, — сказал Феоден. — Это могучий воин. В нем возродилось мужество Хельма, прозванного Железноруким. Но здесь мы ждать не будем. Надо уйти под прикрытие стен. Есть здесь запасы провианта? Мы мало взяли с собой, потому что готовились к битве в открытом поле, а не к осаде.

— В пещерах под горами укрылось много народу из Западной Лощины, там старики, женщины и дети, три четверти населения, — ответил Гамлин. — Они принесли большие запасы. Есть даже скот и корм для него.

— Это хорошо, — сказал Эомер. — Орки жгут и грабят все, что попадается им на пути.

— Если они позарятся на добро, спрятанное за Хельмскими Воротами, то дорого заплатят! — воскликнул Гамлин.

Король повел войско дальше. Перед дамбой, насыпанной у горного потока, воины спешились и длинной колонной, ведя коней в поводу, перешли мост и вошли в ворота Рогатой Башни. Здесь их встретили радостными криками, в которых слышалась вновь пробудившаяся надежда. Теперь, когда прибыли королевские отряды, в крепости стало достаточно людей для надежной

обороны стен и башни.

Эоред Эомера был приведен в боевую готовность.

Король со свитой остался пока в Рогатой Башне вместе с воинами из Западной Лощины, а Эомер расставил своих людей на стенах, за стенами и внутри крепости у бойниц, на случай, если враг вдруг решится штурмовать башню. Коней отвели поглубже в Теснину, с ними ушло всего несколько человек, чтобы не ослаблять оборону.

Стена вокруг башни была не менее двадцати локтей в высоту и так толста, что на ней свободно умещались в ряд четыре воина. Над стеной выступал парапет, из-за которого были видны только шлемы находящихся на стене воинов. В парапете были прорублены бойницы. С внутреннего двора башни вверх на стену шли крепкие каменные ступени. Три марша таких же ступеней вели сбоку из башни-крепости в Теснину, а спереди стена была такой гладкой, что между камнями кладки нельзя было просунуть лезвие ножа, и нависала над Тесниной, как грозный утес над морем.

* * *

Гимли стоял, опершись о стену. Леголас сидел выше, на парапете, приготовив лук и стрелы, и

вглядывался в темноту.

— Тут уж мне вольготно, — говорил гном, топая сапогом по камню. — У меня всегда сердце радуется, когда я попадаю в горы. Хорошая скала. У этой земли здоровые кости, я их почувствовал ногами, когда мы поднимались. Дали бы мне год сроку и сотню моих собратьев в помощь, мы бы из этой башни сотворили крепость, о стены которой разбилась бы любая армия!

— Верю, — откликнулся Леголас. — Вдобавок знаю, что ты — гном, а гномы — большие чудаки. Мне же вообще этот край земли не нравится и, наверное, даже при ярком солнце красивее не покажется. Но ты придаешь мне бодрости, Гимли, и я рад, что ты стоишь тут на крепких ногах с острым топориком. Жаль, что с нами нет твоих соплеменников. Еще больше я был бы рад сотне своих темнолесских лучников. Они бы нам пригодились. Рохирримы тоже неплохо стреляют, но мало их, совсем мало.

— Для лучников сейчас темно, — сказал Гимли. — В такую пору надо спать. Ох, как хочется спать! Наверное, никогда еще ни одному гному так спать не хотелось, как мне сейчас. Верховая езда очень утомляет. Вот только топорик у меня в руке в бой просится. Попадись мне под руку орчья

башка, да чтобы хватило места размахнуться и раскроить ее, — тут и сон пропадет, и усталость куда денется!

* * *

Время, однако, ползло медленно. Далеко в долине продолжали светиться цепочки огней. Они тянулись к горе. Войско Исенгарда передвигалось и приближалось, но не спешило и не поднимало шума.

Вдруг со стороны рва раздались выкрики орков, ответные возгласы людей, над краем вала показались факелы, сгрудились около рва, потом рассыпались в стороны и исчезли. К стенам Рогатой Башни подскакали галопом всадники — это пробились к своим воины из тыловой обороны.

— Враг наступает! — кричали всадники. — Мы долго не продержимся. У нас ни одной стрелы не осталось, ров забит трупами орков. Они уже лезут на вал, как муравьи. Мы их немного проучили, они побросали факелы.

* * *

Небо теперь было совершенно черным. Наступила полночь. Все чувствовали, что это затишье

перед бурей. Стало душно. Вдруг небо расщепила ослепительная ветвистая молния, и на востоке зарокотал гром. При краткой белой вспышке все, кто был на стене, увидели внизу кипящий муравейник орков, ползущих через ров к внутреннему валу и от него к башне. Густая волна черных щитов и колючих шлемов перехлестывалась через ближайшие к башне скалы. Орки были разноплеменные — высокие и низкие, толстые и худые, большие и маленькие, смуглые и желтые… сотни и сотни орков…

После мгновенной вспышки стало еще чернее, хлынул дождь. И тут, так же густо, как дождь, полетели в башню стрелы, со свистом впиваясь в людей, высекая искры из камня. Орки начали штурм Теснины Хельма. Но в первые минуты из башни не отозвался ни один голос, не вылетела ни одна стрела.

Нападающие, сбитые с толку молчащей угрозой каменных стен, задержались. Гроза же только разъярялась. Раз за разом сверкали молнии, и в их свете орки разглядели людей на стенах. Туча стрел полетела в них. Роханские воины с изумлением смотрели на долину, где, как им показалось, шумели от грозового ветра и колыхались черные колосья; военная буря готова была собрать

урожай, и каждый колос сверкал смертоносным острием.

Заиграли медные трубы. Враги ринулись вперед. Одни ползли на вал, другие штурмовали дамбу, некоторые пытались уже взять ворота Рогатой Башни. К этим воротам подскочили самые рослые орки и дикари из горного Дунланда. У самых ворот они немного замешкались, затем ударили. Молния высветила зловещую Белую Руку на их шлемах и щитах, герб ненавистного Исенгарда.

Наконец крепость ответила, осыпав нападающих градом стрел и камней. Ряды орков сломались, спутались, откатились, но через минуту снова двинулись вперед. Так повторялось несколько раз, и с каждым разом волна черного прибоя поднималась выше. Снова заиграли трубы, и, прикрыв щитами головы, черная орда пошла на ворота, таща вместо таранов два громадных дерева. Из-под щитов и из-за деревьев вылетали стрелы. Стволы ударили в ворота так, что балки затрещали. Когда кто-нибудь из осаждающих падал, пронзенный стрелой или сбитый камнем, на его место тут же вставало два новых орка, и снова мощные тараны били в ворота.

Эомер и Арагорн стояли рядом на стене. Они слышали крики, вой и глухие удары таранов. Видели при вспышках молний, что делается у ворот и какая опасность грозит крепости.

— Пора! — сказал Арагорн. — Пришло время вместе достать мечи!

Они помчались по стене и вверх по лестнице во двор, подзывая к себе самых храбрых воинов. В западном углу крепости, там, где над обрывом нависала площадка, была маленькая дверца, от которой под самой стеной над пропастью шла узкая тропа к главным воротам. Эомер и Арагорн вместе выскочили из этой дверцы, горстка храбрецов — за ними. Два меча, одновременно выхваченные из ножен, блеснули как один клинок.

— Гутвин! — крикнул Эомер. — За Рохан, Гутвин!

— Андрил! — закричал Арагорн. — За дунаданов, Андрил!

И они неожиданно набросились на толпу дикарей с фланга. Взлетал и опускался Андрил, горя белым пламенем. Со стены раздался общий крик и раскатился по долине:

— Андрил! Андрил вернулся в бой! Смотрите, как сверкает возвращенный клинок!

Ошеломленные захватчики бросили тараны и повернулись к нападающим рыцарям, пытаясь закрыться щитами. Но черная стена щитов трещала и распадалась, будто под ударами молний, а сами орки, отступая под бешеным натиском, падали трупами на месте или сваливались с обрыва вниз, в каменное русло горного потока. Орки-лучники еще некоторое время стреляли вслепую, потом тоже отступили.

Эомер и Арагорн на мгновение задержались под стеной у ворот. Гром уже гремел в отдалении. Молнии еще разрезали небо, но гроза уходила на юг, в горы. С севера дул пронизывающий ветер. По небу бежали рваные облака, но между ними показались звезды, и время от времени открывался желтый рог месяца.

— Похоже, мы опоздали, — сказал Арагорн, осматривая ворота.

Огромные железные навесы и засовы были погнуты и посечены, балки во многих местах треснули.

— И здесь нельзя оставаться, мы не удержим стены, — добавил Эомер. — Смотри! — Он указал в сторону рва.

Толпа дикарей и орков снова ползла через ров, собираясь у дамбы. Засвистели стрелы, несколько

их упало на камни возле рыцарей.

— Идем скорее в крепость, завалим ворота изнутри и подопрем новыми балками, — сказал Эомер.

Они побежали к дверце. Десятка два орков, которые затаились между трупами своих сородичей, вдруг поднялись на ноги и молча погнались за рыцарями. Двое опять упали на камни, хватая Эомера за ноги, остальные навалились на падающего воина и накрыли его своими телами. В это время из тени выступил кто-то маленький, темный, непонятно как оказавшийся под стеной в этом месте, и с громким гортанным криком: *«Барук Казад! Казад ай-мену!»* взмахнул топориком. Покатились две орчьих головы. Остальные орки кинулись врассыпную.

Эомер уже поднимался с земли, когда Арагорн вернулся к нему на помощь.

* * *

Только когда дверца была закрыта, а ворота подперты изнутри железными балками и камнями, Эомер сказал:

— Спасибо тебе, Гимли сын Глоина! Я не знал, что ты присоединишься к нашей вылазке. Вот ведь как непрошеный гость может стать верным

товарищем! Как тебе удалось оказаться рядом так вовремя?

— Я пошел за вами, чтобы стряхнуть сон, — ответил гном, — а когда увидел этих огромных дикарей с юга, то они мне показались слишком уж большими для моего топорика, и я присел за камнем посмотреть на работу ваших мечей.

— Не знаю, как тебе отплатить, — произнес Эомер.

— Пока ночь пройдет, наверное, не одна возможность представится! — засмеялся гном. — Но я рад, очень рад. От самой Мории мой топорик не рубил ничего, кроме дров.

* * *

— Два есть! — объявил Гимли, поглаживая лезвие топорика. Он как раз вернулся на старое место под внутренней стеной.

— Всего два? — спросил Леголас. — У меня счет побольше. Надо поискать стрел, колчан у меня стал пустой. Не меньше двух десятков удалось уложить. Но это всего несколько листков, а остался целый лес!

Небо быстро светлело, заходящий месяц был ярким. Но день не принес радости. Ряды неприятеля умножались: к валу из долины подходили

все новые отряды. Вылазка Эомера и Арагорна дала осажденным только краткий отдых. Враг наступал с удвоенной яростью. Под внешней стеной толпа исенгардцев бурлила, как море. Орки и горцы-гиганты полезли на стену по всей ее длине. Они забрасывали веревки с крюками с такой скоростью, что рохирримы не успевали их обрубать и сбрасывать; десятки лестниц оказались одновременно приставленными к скале и к стенам. И если одна из них падала, на ее месте тут же вырастала другая, и орки лезли по стене, как обезьяны из темных южных лесов. У подножия стены рос завал из трупов и раненых, обломков дерева и кусков железа, как вал камней, который накатывает море в шторм. Этот завал становился все выше, а орков прибывало все больше.

Осажденные начали уставать. Они истратили стрелы, колчаны у всех были пусты, мечи зазубрились, щиты потрескались. Еще трижды Арагорн и Эомер поднимали людей в бой, трижды загорался Андрил, трижды неприятеля отгоняли от стены.

Вдруг раздались крики из Теснины. Орки, как крысы, пролезли в отверстие, через которое из горы вытекал поток. Они дождались там в тени ущелья, пока бой под стеной не потребовал всех

сил и внимания осажденных, и тогда выскочили из укрытия. В Теснину были согнаны кони, и орки напали на пастухов и конюхов.

Одним скачком Гимли спрыгнул со стены, и его яростный клич: «Казад! Казад!» эхом раскатился между скал. Скоро его топор заработал, как мельница.

— Айя-хой! — кричал Гимли. — За стеной орки! Гейя! Сюда, Леголас! Их тут хватит на нас обоих! Казад ай-мену!

* * *

По голосу гнома, взвившемуся над шумом битвы, старый Гамлин следил за событиями с верхушки Рогатой Башни.

— Орки прорвались в Теснину! — крикнул он. — Хельм! Вперед, племя Хельма! — И с этим возгласом сбежал по ступеням, увлекая за собой многих воинов из Западной Лощины.

Люди бросились на орков так яростно и неожиданно, что враги не выдержали натиска и дрогнули. Загнанные в ущелье, они выли и падали, порубленные мечами, или бросались бежать в крайние пещеры, где находили смерть от рук стражников.

— Двадцать первый! — закричал Гимли и, раз-

махнувшись обеими руками, положил топором последнего орка себе под ноги. — Я тебя догнал, уважаемый эльф!

— Надо крысиную дыру заткнуть, — сказал Гамлин. — Говорят что гномы — мастера, если дело идет о камне. Помоги нам, почтенный Гимли.

— Только мы не пользуемся при работе с камнем ни военными топорами, ни собственными когтями, как эти крысы, — буркнул Гимли. — Ладно, я сделаю, что ты хочешь.

Собрав валуны и осколки камней, воины из Западной Лощины под руководством Гимли быстро закрыли почти весь пролом, оставив в нем только узкую щель для выхода воды. Набухший после дождя поток не успевал быстро выливаться через нее, кипел и бурлил и постепенно разлился холодным озером между утесами.

— Наверху посуше, — сказал Гимли. — Идем, Гамлин, посмотрим, что делается на стенах.

Гном поднялся по ступеням и застал на стене Леголаса вместе с Арагорном и Эомером. Эльф вытирал длинный кинжал. Сейчас здесь было временное затишье; после неудавшегося рейда в пролом враги приостановили штурм.

— Двадцать один! — похвастался Гимли.

— Прекрасно! — ответил Леголас. — У меня уже

две дюжины. Здесь дрались ножами.

* * *

Эомер и Арагорн устало опирались на мечи. Внизу слева, на скалах, битва вновь разгоралась. Рогатая Башня стояла нерушимо, как утес посреди черного моря. Ворота ее лежали разбитые, но стены уцелели, и через завалы из обломков и валунов в крепость не пробился пока ни один враг.

Арагорн посмотрел на гаснущие звезды и месяц, который уже опускался над западными склонами, замыкающими долину.

— Ночь тянется, как год, — произнес он. — Когда же наступит день?

— Рассвет скоро, — сказал Гамлин, тоже поднявшийся на стену. — Но вряд ли нам станет легче при свете дня.

— Свет все-таки несет человеку надежду, — сказал Арагорн.

— Рабы Исенгарда, орки и полугоблины, мерзкие творения Сарумана, не боятся солнца, — продолжал Гамлин. — И дикие горцы его не боятся. Слышите их голоса?

— Слышим, — сказал Эомер. — Но в моих ушах они звучат, как звериный рык и хрип стервятников.

— Многие из них кричат на языке дунландцев, — сказал Гамлин. — Я его знаю. Это старый язык, на нем когда-то говорили в западных долинах Рубежного Края. Прислушайтесь! Они нас проклинают и ликуют, потому что наша гибель им кажется неизбежной. «Король! — вопят они. — Король! Мы возьмем в плен их короля! Смерть форгоилам! Смерть соломенным лбам! Смерть северным захватчикам!» Это все прозвища, которые они нам дали. Они не забыли, что пять столетий назад гондорцы отдали Рубежный Край Эорлу Юному и стали жить с нами в мире. Саруман разбудил в них древнюю ненависть, и они озверели. Сейчас они не отступят ни в темноте, ни при свете, пока не возьмут в плен Феодена или не полягут сами.

— Но все же свет несет надежду, — повторил Арагорн. — И предания утверждают, что Рогатая Башня еще никому не сдавалась.

— Так поют менестрели, — сказал Эомер.

— Вот и не теряйте надежды! — воскликнул Арагорн. — Будем обороняться.

* * *

Не успел он договорить, как вновь загудели трубы. Грохот взрыва раскатился по долине,

внизу блеснул огонь, поднялось облако дыма, вода, шипя и пенясь, снова хлынула в пролом, зиявший теперь огромной дырой, и черная туча врагов опять двинулась к теснине.

— Лиходейство Сарумана! — закричал Арагорн. — Пока мы разговариваем, они снова подползли к проходу и зажгли у нас под ногами огонь Ортханка. Элендил! Элендил! — испустил он боевой клич и бегом кинулся к пролому.

В тот же момент сто лестниц высунулось из-за парапета. Последний штурм заливал долину и стены черной волной. Яростная атака смела осажденных со стены башни. Теперь бились все — одни отступали в глубь Теснины, используя для защиты каждый камень и цепляясь за любой выступ при отходе в тайные пещеры; другие, наоборот, пробивались к последним укрепленным помещениям башни.

К башне с тыла из теснины вели широкие ступени. На одной из самых нижних встал Арагорн. В его руке сверкал Андрил, и какое-то время ему удавалось сдерживать натиск орков и горцев, чтобы рохирримы, пробившиеся к башне, успели подняться к воротам. Немного выше на одном колене стоял Леголас с натянутым луком. У него осталась всего одна стрела, и он, наклонившись

вперед, ждал, готовый выпустить ее в первого врага, который осмелится подойти к ступеням.

— Все, кому удалось дойти сюда живыми, уже в безопасности за стеной, Арагорн! — закричал он. — Поднимайся к нам!

Арагорн повернулся и побежал по ступеням, но споткнулся от усталости. Орки с воем побежали к рыцарю, протягивая когтистые лапы, чтобы схватить его. Первый упал со стрелой Леголаса в горле. Остальные перескочили через его труп и прыжками продолжали бежать дальше. Вдруг огромный камень, который кто-то столкнул сверху, покатился по ступеням и отогнал врагов вниз. Арагорн сумел добраться до ворот, и их быстро захлопнули за ним.

— Бой принимает плохой оборот, — произнес он, отирая рукой пот со лба.

— Плохой, но все же не безнадежный, пока ты с нами, — ответил Леголас. — А где Гимли?

— Не знаю, — ответил Арагорн. — Последний раз я видел его, когда он дрался за стеной в самой теснине, потом враги нас разделили.

— Печальная новость, увы! — воскликнул Леголас.

— Гимли сильный и храбрый гном, — сказал Арагорн. — Надеюсь, что ему удалось добраться

до пещер, а там он будет в большей безопасности, чем мы; гномы — знатоки подземелий.

— Что ж, утешимся этим, — сказал Леголас. — Но я бы хотел быть рядом с ним. Я бы сказал ему, что на моем счету уже тридцать девять убитых орков.

— Если он пробьется в пещеры, то по дороге наверняка тебя переплюнет, — рассмеялся Арагорн. — Я не видел никого, кто бы орудовал топором лучше этого гнома!

— Надо набрать стрел, — сказал Леголас. — Скорее бы кончилась ночь! При дневном свете легче попадать в цель.

* * *

Арагорн прошел в башню и, к великому огорчению, узнал, что Эомера в крепости нет.

— Он сюда не возвращался, — ответил Арагорну воин из Западной Лощины. — В последний раз его видели, когда он собрал вокруг себя людей и дрался у выхода из Теснины. С ним были Гамлин и гном, но я не смог к ним пробиться.

Арагорн пересек внутренний двор и поднялся по лестнице в самый верхний покой Башни. На фоне окна резко очерчивался силуэт короля, смотревшего в долину.

— Какие вести, Арагорн? — спросил он.

— Внешняя стена в руках врагов, повелитель, — они нас заставили отступить; многие наши ушли в пещеры.

— Эомер здесь?

— Нет, мой Король, Эомер был с теми, кто дрался в Теснине. Мог пробиться в гору. Туда многие отступили. Можно ли в пещерах спастись, не знаю.

— Можно, и легче, чем здесь. Мне доложили, что в пещерах сделаны большие запасы. Воздух там хороший, в скалах пробиты колодцы. Если вход охраняют храбрые воины, никто туда не войдет. Там можно очень долго обороняться.

— Орки принесли из Ортханка лиходейские штуки, — сказал Арагорн. — У них есть огонь, который разрушает скалы. Именно так они пробились к внутренней стене. Если они не сумеют прорваться в пещеры, они могут закрыть выходы и замуровать там людей. А нам сейчас надо думать о собственной обороне.

— Душно здесь, как в темнице, — сказал король. — Если бы я мог с копьем у седла выехать во главе воинов в поле, может быть, снова узнал бы радость битвы и славно кончил жизнь. А здесь я ни на что не годен.

— Здесь, король, ты пока под защитой крепчай-

шей твердыни Рохана, — ответил Арагорн. — И здесь больше надежды на спасение, чем в Эдорасе и даже в горном Дунгарском Укрытии.

— До сих пор никто еще не мог взять штурмом Рогатую Башню, — сказал Феоден. — Но я стал сомневаться. Мир меняется, и то, что когда-то было неприступным, может теперь оказаться ненадежным. Какая башня выдержит натиск такого огромного числа врагов и такой ненависти? Знай я, насколько возросла сила Исенгарда, может быть, не спешил бы так опрометчиво навстречу Саруману, несмотря на все искусство Гэндальва. Его советы кажутся мне сейчас не такими хорошими, как дома в блеске утра.

— Не суди поспешно о мудрости Гэндальва, о король! — воскликнул Арагорн. — Подожди, чем все кончится.

— Конец наступит скоро, — ответил Феоден. — И я не хочу кончить свой путь, как старый барсук в капкане. Снежногривый, Хасуфел и скакуны моих гвардейцев здесь, во внутреннем дворе. На рассвете я созову людей боевым рогом Хельма и выеду за стены Башни на открытую битву. Поскачешь ли ты со мной, Арагорн сын Араторна? Либо мы прорубим себе дорогу, либо встретим смерть, достойную песни… Если останется в живых кто-

нибудь, кто сможет о нас эту песню сложить.

— Я поскачу с тобой, король, — ответил Арагорн.

Он вернулся на стену, обошел ее по кругу, подбадривая воинов и помогая обороняющимся в тех местах, где продолжали наседать орки. Леголас всюду сопровождал его. Огненные вспышки время от времени освещали стены, они сотрясались, на них беспрестанно забрасывались крючья с веревками и лестницы. Орки снова лезли в крепость, осажденные снова и снова сбрасывали их вниз, на камни.

* * *

Наконец Арагорн встал над главными воротами во весь рост, не обращая внимания на свист стрел. Небо на востоке начинало бледнеть. Арагорн поднял руку ладонью вперед в знак того, что хочет говорить с неприятелем.

Орки взвыли.

— Слезай оттуда! Иди вниз! — орали они. — Если хочешь с нами говорить, лезь сюда! И бери с собой короля! Мы — боевые урук-хай! Мы вытащим его из норы, если сам не выйдет! Веди короля!

— Выйти или нет — на то воля самого короля, —

ответил Арагорн.

— А если так, ты-то чего пришел? Чего высматриваешь? — спрашивали гоблины. — Хочешь нас пересчитать? Нас — туча! Мы — боевое племя урук-хай!

— Смотрю на рассвет, — произнес Арагорн.

— А чем тебе поможет рассвет? — издевались орки. — Мы — боевые урук-хай, не боимся воевать, нам все равно, ночь или день, тихо или буря. Мы пришли убивать и убьем вас при солнце быстрее, чем при луне. Свет тебе не поможет!

— Никто не знает, что принесет день, — сказал Арагорн. — Уходите, ибо наступает день вашей погибели.

— Слезай со стены, не то подстрелим! — кричали орки. — Это не разговор. Тебе нечего сказать!

— Есть, и вот что я скажу, — произнес Арагорн торжественно. — Никому и никогда до сих пор не удалось взять штурмом Рогатую Башню. Если не хотите погибнуть, отступите. Ни один из вас не уйдет отсюда живым, некому будет отнести на север весть о вашем поражении. Вы еще не знаете, что вам грозит.

Когда Арагорн говорил так, стоя на развалинах ворот, в нем чувствовалось столько силы и уверенности, что не один дикий горец замолчал

и стал оглядываться. Некоторые с сомнением поглядывали в небо. Но орки громко смеялись. Град стрел и дротиков полетел на стену. Арагорн спрыгнул во внутренний двор.

Раздался гул, из-под стены вырвался язык пламени. Арка ворот, на которой только что стоял рыцарь, рухнула и рассыпалась в пыль. Завал разлетелся, Арагорн бегом бросился в Башню к королю.

В тот самый момент, когда рухнули ворота, а передовые отряды орков готовились к новому нападению, по всей долине за их спиной разнесся шепот, как шелест ветра, и с каждой секундой этот шепот и шорох нарастал, пока не поднялся общий крик о новой опасности, бросивший в рассвет странную весть.

Орки, стоявшие под стенами, обернулись на этот крик и заколебались, еще ничего не понимая.

И тогда неожиданно и устрашающе башня загудела голосом Большого Рога Хельма.

Орки задрожали. Многие упали ниц, закрывая уши когтистыми лапами. Из теснины ответило эхо. Звук рога многократно повторился, будто над каждым обрывом стоял герольд. Осажденные тоже прислушались: рог не умолкал. Его призыв

становился все громче, все ближе, все грознее, будто горы отвечали друг другу, собираясь в бой.

— Хельм! Это сам Хельм! — закричали рохирримы. — Хельм проснулся и возвращается на поле боя! Он будет биться за короля Феодена!

Под эти крики появился король Феоден на белоснежном коне, с золотым щитом и длинным копьем; по правую руку от него скакал Арагорн, наследник Элендила, по левую и за ним — достойнейшие воины из рода Эорла Юного. Небо поголубело. Светом брызнул рассвет. Ночь кончилась.

— Вперед, племя Эорла!

С громким боевым кличем всадники Рохана обрушились на врага. Вихрем пронеслись их кони вниз, по камням, через дамбу, сметая с пути исенгардцев, давя их, как ветер стелет траву.

Из глубины Теснины послышались громкие голоса выбегавших из пещер воинов. Они погнали орков по ручью к валу. Из Башни вышли все мужчины, способные поднять оружие, и тоже бросились в бой. А рога все играли, все громче, и эхо отзывалось в горах.

Король со свитой гнали коней вперед. Под их мечами, саблями и копьями падали сраженные военачальники и простые солдаты. Ни орки, ни

горцы не встретили их грудью, как подобало бы храбрецам. Открыв спины и подставив плечи под разящие мечи, опустив лица к земле, они удирали с визгом и воем от непонятного страха, который принес им рассвет.

* * *

Так выехал король Феоден из Хельмских Ворот и так прорубил себе дорогу до старого вала. Там его войско остановилось. День уже настал. Солнечные лучи били в острия копий. Но люди Феодена молча смотрели на долину, не узнавая ее.

Там, где вчера лежали широкие поля, зеленела степь, сегодня чернел лес. Огромные деревья, нагие и молчащие, сплетенные ветвями, стояли плотными рядами, поднимая высоко вверх седые безлистные кроны. Их толстые корни скрывались в высокой траве. Под ними залегла густая темнота.

От странного нового леса вал отделяло всего лишь два фарлонга открытого поля. И на нем сбились сейчас перепуганной стаей лучшие боевые силы Сарумана. Зажатые между грозным королем и грозными деревьями, они роились, как черные мухи, на небольшом участке степи. Напрасно

некоторые из них пытались взобраться на стены гор — скалы вокруг Теснины были настолько круты, что даже привычные к горам гоблины срывались с них. С востока поднимались гладкие камни, а с запада и с севера наступала гибель.

Вдруг на гребне холма у подножия гор показался всадник в белом, ярко освещенный восходящим солнцем; за ним по склонам спускалось не меньше тысячи пеших воинов, длинными рядами, с мечами в руках. Между ними шагал высокий воин могучего сложения с красным щитом. Гудели рога.

Когда воин подошел к краю долины, он тоже приложил к губам большой черный рог, который издал сильный чистый звук.

— Эркенбранд! — закричали рохирримы. — Это Эркенбранд!

— Смотрите! Белый Всадник! — закричал Арагорн. — Гэндальв вернулся!

— Мифрандир! Мифрандир! — звонко крикнул Леголас. — Вот это магия так магия! Идем, я хочу присмотреться поближе к этому лесу, пока чары не кончились!

Толпа исенгардцев загудела, завыла, всколыхнулась, кидаясь в растерянности от одной опасности к другой. С Башни снова зазвучал рог.

С ближайшей горы, из-за наружного вала спускался готовый к бою отряд гвардейцев короля. С дальних гор, вдоль их склонов, шел во главе своих воинов Эркенбранд, правитель Западной Лощины. Вниз со стороны Роханского Разлома скакал Серосвет, легко, как олень, перемахивая через расселины.

От одного вида Белого Всадника войско Сарумана ошалело. Дикие горцы падали перед ним ниц. Орки бросали на землю мечи и копья и метались по полю. Так сильный свежий ветер рвет на клочки и выметает черный дым. Многие исенгардцы с воплями бежали в словно ждущую их тень под деревьями — но назад оттуда не вышел ни один.

Глава восьмая. Путь в Исенгард

Вот так случилось, что в свете погожего утра на зеленом поле у Теснины Хельма снова встретились король Феоден и Белый Всадник Гэндальв. С ними были Арагорн сын Араторна, эльф Леголас, Эркенбранд из Западной Лощины и самые достойные мужи Золотого Двора. Их окружали многочисленные отряды рохирримов, радость переполняла их сердца, и никто не мог понять, откуда взялся лес.

С громкими приветственными криками вышли из Хельмской Теснины воины гарнизона Рогатой Башни, которых орки загнали в глубь ущелья. Их вели старый Гамлин и Эомер сын Эомунда, и между ними шел гном Гимли. Вместо шишака на голове его была окровавленная повязка, но голос звучал громко и весело.

— У меня сорок два, достойный Леголас! — кричал он. — Увы, потом топорик зазубрился, у сорок второго был железный обруч на шее. А ты что скажешь?

— У меня на одного меньше, — отвечал ему Леголас. — Но я даже не завидую тебе, так я рад, что вижу тебя на ногах!

— Привет тебе, Эомер, сын моей сестры! — сказал Феоден. — Рад я безмерно, что ты невредим!

— Привет тебе, король Рохана! — ответил Эомер. — Темная ночь прошла, снова светит ясный день. Дивные новости он принес. — Эомер обернулся, удивленно посмотрел на лес, потом на Гэндальва. — Ты опять появляешься в час испытания, и опять неожиданно!

— Как это неожиданно? — переспросил Гэндальв. — Я же обещал, что вернусь, и что мы встретимся на этом самом месте!

— Но ты не назначил часа и не сказал, каким

образом вернешься. Странная помощь пришла с тобой. Ты великий чародей, Гэндальв Белый!

— Может быть. Хотя я вам еще не показывал своих чар. Пока я лишь дал добрый совет в опасную минуту и воспользовался быстротой Серосвета. Остальное — результат вашего мужества и крепкие ноги прошедших через ночь воинов Западной Лощины.

Но все продолжали смотреть на Гэндальва с изумлением, то и дело оглядываясь на чудом выросший лес. Некоторые протирали глаза, чтобы убедиться, что все это — не сон и не наваждение.

— Ах, вы о деревьях! — весело рассмеялся маг. — Я их так же хорошо вижу, как и вы. Но это не моих рук дело. Мудрые к этому непричастны. Получилось лучше, чем я ожидал, я на такое и надеяться не смел.

— Чье же это колдовство, если не твое? — спросил Феоден. — Не Сарумана же? Неужели есть поблизости еще один могущественный чародей, о котором мы ничего не знали?

— Здесь не колдовство, здесь сила более древняя, чем любые чары, — ответил Гэндальв. — Сила, которая существовала на земле раньше, чем запел первый эльф и зазвенел первый молот,

чем найдено железо и срублены дере-

вья,

чем выкованы Кольца и выпущено Лихо;

тогда был юным месяц и молодыми — горы.

тогда Они ходили по молодому лесу…

— Как отгадывается эта загадка? — спросил Феоден.

— Если хочешь ее разгадать, едем со мной в Исенгард, — ответил маг.

— В Исенгард? — закричали окружающие.

— Да, — сказал Гэвдальв. — Я возвращаюсь в Исенгард и зову вас с собой. Там увидим чудеса.

— Даже если бы ты собрал всех поверженных воинов, оживил убитых и вылечил раненых, в Рохане не хватит сил, чтобы осмелиться угрожать твердыне Сарумана, — медленно произнес Феоден.

— Однако я направляюсь именно в Исенгард, — повторил Гэндальв. — Долго я там не задержусь. Мой путь лежит на восток. Жди меня в Эдорасе, я туда приду еще до смены месяца.

— Нет! — ответил Феоден. — В черный час мы усомнились в тебе, но сейчас наступил рассвет, и я не хочу с тобой разлучаться. Раз ты предлагаешь, поедем вместе.

— Я хочу скорее говорить с Саруманом, — сказал маг. — И поскольку тебе, король, он тоже причинил много зла, считаю уместным твое присутствие при этом разговоре. Когда ты сможешь выступить, и как быстро мы сможем ехать?

— Люди измучены после боя, — ответил король, — и я тоже устал. Я совершил большой переход и почти не спал. Увы! Мои преклонные годы — не выдумка Причмока, а печальная правда. Старость — болезнь, которую даже тебе не вылечить, хоть ты и маг, Гэндальв.

— Тогда прикажи всем, кто едет с нами, отдыхать немедленно, — сказал Гэндальв. — Мы выедем в сумерки. Так будет даже лучше, потому что все наше передвижение должно проходить в глубокой тайне. Бери с собой немногих, Феоден! Мы едем говорить, а не воевать!

Король отобрал всадников, которые меньше пострадали в бою и у которых были свежие кони, и тут же разослал их во все концы Рубежного Края с известием о победе и приказом всем мужам, молодым и старым, собраться в Эдорасе. На второй день после полнолуния там назначался Большой Сбор всех, способных поднять оружие. В Исенгард король решил взять Эомера и два десятка гвардейцев. С Гэндальвом ехали Арагорн,

Леголас и Гимли. Несмотря на рану, гном ни за что не желал оставаться.

— Удар был слабый, — говорил он. — Шишак хорошо защитил голову. Чтобы меня уложить, такой царапины мало.

— Вот я тебя перевяжу, потом пойдешь, — сказал Арагорн.

* * *

Король сразу вернулся в Рогатую Башню и заснул спокойным сном, как давно уже не спал. Воины, которые должны были его сопровождать, тоже отдыхали. Всем остальным, кроме раненых, пришлось взяться за самую тяжелую работу, ибо очень много было убитых и в Теснине, и под Башней, и в поле.

Из орков в живых никого не осталось, их трупов было столько, что невозможно сосчитать. Но многим диким горцам сохранили жизнь. Они тряслись от страха и просили пощады. Рохирримы отобрали у них оружие и заставили работать.

— Помогите исправить причиненное зло, — сказал им Эркенбранд, — а потом поклянетесь, что никогда не подойдете с оружием к бродам через Исену и не встанете больше в ряды врагов

Рохана. На этих условиях получите свободу и вернетесь домой. Саруман вас обманул. Многие из вас заплатили смертью за его обещания. Знайте, что если бы он даже победил, плата была бы та же.

Горцы безмерно удивились, ибо Саруман уверял их, что жестокие рохирримы живьем сжигают пленных.

Среди поля перед Рогатой Башней было подготовлено место для двух курганов, под которыми сложили останки погибших, — с одной стороны воинов с восточных равнин, с другой — бойцов из Западной Лощины. Гаму, Привратника и начальника королевской Гвардии, погибшего под стеной, схоронили в отдельной могиле в ее тени.

Тела орков свалили в кучу подальше от курганов у края леса. Рохирримов очень беспокоило, что такое количество трупов невозможно ни захоронить, ни сжечь. Топлива для костров не хватало, а странные деревья никто не посмел бы тронуть топором, даже если бы Гэндальв и не предупредил, что поломка самой маленькой веточки навлечет новую опасность.

— Оставим орков пока так, — сказал маг. — Утро вечера мудренее, завтра может найтись выход.

* * *

К вечеру отряд короля стал готовиться в путь. Тогда же состоялись торжественные похороны. В большой печали король простился с Гамой и сам бросил первую горсть земли на его могилу.

— Воистину, много горя принес Саруман мне и всему моему краю, — сказал он. — Я буду об этом помнить, когда встречусь с ним.

Солнце уже почти скрылось в Роханском Разломе, когда, наконец, Феоден с Гэндальвом и свитой выступил из Рогатой Башни. До вала их провожали всадники, люди из Западной Лощины, старики, женщины и дети, которые во время битвы прятались в пещерах. Звонкими голосами они хором спели на прощанье песню победы, потом замолчали, с тревогой присматриваясь к таинственным деревьям.

Отряд подъехал к лесу и остановился, потому что и люди, и кони побаивались вступать в лес. Деревья стояли серые и суровые, овитые не то тенями, не то туманом. Концы длинных ветвей свисали, как узловатые пальцы, корни торчали из земли, словно ноги странных чудовищ, а под корнями зияли темные ямы. Гэндальв первым въехал под сень леса, за ним поскакал весь от-

ряд. Там, где дорога из Рогатой Башни входила в лес, перед всадниками будто отворились великанские ворота в оправе толстенных сучьев. С удивлением всадники увидели, что дорога продолжается, вдоль нее течет Хельмский Ручей, а в просветы между кронами с неба светят золотые звезды. Только по сторонам дороги в деревьях залегла тьма, и сквозь нее ничего не было видно. Слышались какие-то шорохи, скрипы, шум ветвей, отдаленные крики, невнятный говор, гневное ворчание. Но ни одной живой души, никаких следов орков не было видно.

Леголас и Гимли сидели на одном коне и старались держаться поближе к Гэндальву, ибо гном боялся леса.

— Тут жарко, — сказал Гэндальву Леголас. — Гнев кипит вокруг нас. Чувствуешь?

— Чувствую, — ответил Гэндальв.

— Что стало с несчастными орками? — спросил Леголас.

— Этого, наверное, никто уже не узнает, — ответил Гэндальв.

Некоторое время все ехали молча. Леголас беспрестанно оглядывался и охотно бы остановился, чтобы послушать лесные голоса, но Гимли ему не разрешил.

— В жизни не видел таких странных деревьев, — говорил эльф. — А ведь я много их знал от желудя до глубокой старости. Хотел бы я здесь побродить свободно, — у этих деревьев есть голоса, и со временем я научился бы понимать их мысли.

— Нет, нет! — взмолился Гимли. — Давай скорее выезжать отсюда. Я уже понимаю их. Они ненавидят всех, ходящих на двух ногах, и говорят о том, что надо всех давить и душить!

— И совсем не всех, а только орков, — сказал Леголас. — Они не знают ни эльфов, ни людей, потому что они нездешние и сюда издалека пришли. Видишь ли, Гимли, я, кажется, догадался, откуда они, — они из диких глубин Фангорна.

— А Фангорн — самый опасный из всех лесов Среднеземья, — сказал Гимли. — Я им благодарен за все, что они сделали, но я не могу их полюбить. Ты вот их считаешь удивительными, а я видел тут гораздо большее диво, получше всех лесов и рощ мира! У меня еще сердце полно впечатлений.

Чудаки эти огромины! У них тут одно из чудес северного мира, а что они о нем говорят? Пещеры! Для них это просто пещеры. Убежище на случай войны и зернохранилище в дни мира. Ты не видел, дорогой Леголас, какие обширные

и удивительные пещеры в Хельмской Теснине! Да если бы мир о них узнал, гномы ходили бы сюда толпами, чтобы только посмотреть, да-да, и платили бы за это чистым золотом!

— Я бы много заплатил, чтобы их не видеть, — сказал Леголас, — а если бы заблудился в них, заплатил бы двойную цену, чтобы мне помогли выбраться!

— Ты их не видел, поэтому я тебе шутки прощаю, — ответил Гимли. — Но ты говоришь глупости. Разве не красив дворец твоего короля под Темногорами, который гномы много веков назад помогали вам строить? А он ведь попросту нищая конура по сравнению со здешними пещерами! Здесь есть огромные залы, звенящие вечной музыкой воды, которая каплями стекает в красивейшие озера, похожие на зеркальный Келед Зарам в звездном свете!

А когда люди зажгли факелы, Леголас, и шли по ровному полу под высокими гулкими сводами, драгоценные камни, кристаллы и золотые жилы засверкали в гладких стенах, свет пронизал мрамор, и он светился, как раковина, как жемчуг, как живые руки владычицы Галадриэли! Леголас, там есть колонны белые и шафранные, и розовые, как утро, причудливые, будто из снов. Они растут

из разноцветных оснований и тянутся навстречу сверкающим сталактитам, которые висят под потолками, словно крылья, шнуры, змеи, тонкие щитки и нежные облака. Иногда они напоминают знамена, свисающие со стен в высоких замках. Все это отражается в тихих озерах. Из темных вод, покрытых стеклянным льдом, выступают очертания страны, которая не могла бы присниться даже самому Дарину! В глубину идут красивейшие галереи и кончаются там, где смыкаются каменные челюсти. Туда не доходит никакой свет. Вдруг — динь! — падает серебряная капля, и в кругах, бегущих по воде, отраженные колонны и башни гнутся и колеблются, как кораллы и водоросли в морских гротах. Свет факела озаряет следующую комнату, показывает следующий сон, а позади наступает вечер и все гаснет. А дальше — новые залы, галереи, купола, лестницы, крутые подъемы и спуски до самого сердца гор, Леголас! Пещеры! Сверкающие гроты Хельмской Теснины! Счастливая судьба привела меня в них. Я плакал, когда пришлось оттуда уходить.

— Раз это для тебя такая радость, друг Гимли, — сказал эльф, — то желаю тебе вернуться с войны невредимым и снова увидеть эти пещеры. Только не болтай о них своим соплеменникам! Судя по

твоим прежним рассказам, им уже почти нечего стало делать в своих горах. Может быть, здешние люди поступают правильно, что не разглашают тайну своего чуда. Одно трудолюбивое гномье семейство, вооруженное молотками и долотами, наверное, может быстро разрушить то, что построилось за века.

— Ты нас не понимаешь! — возмутился гном. — Нет в мире гнома, которого не тронула бы такая красота. Ни один из потомков Дарина не превратил бы такие пещеры в копи и каменоломни, даже если бы в них можно было добывать золото и алмазы. Разве ты перевел бы на дрова молодой и цветущий весенний лес? И это чудо из цветущего камня мы бы не разрушили, а наоборот, сохранили. Может быть, иногда очень осторожно стукнули бы молотком и отвалили плохо укрепленный камень в одном месте, потом в другом, — а на протяжении многих лет таким способом можно было бы открыть новые переходы и новые залы, которые сейчас прячутся во тьме; об их существовании едва можно догадываться, когда видишь пустоту через трещину в стене. А свет, Леголас! Мы бы сделали там освещение, поставили бы такие лампы, какие были когда-то в Казад-Думе. Если бы мы захотели, мы

бы прогнали оттуда ночь, которая залегла со дня рождения гор. Пусть бы возвращалась только в часы нашего отдыха.

— Ты растрогал меня, Гимли, — сказал Леголас. — Я еще ни разу не слышал от тебя подобных слов. Теперь я почти жалею, что не видел пещер в Хельмской Теснине. Послушай! Давай заключим договор. Если мы оба живыми выйдем из всех опасных приключений, поездим вместе по свету? Ты побываешь вместе со мной в Фангорне, а потом я с тобой поеду смотреть Хельмские подземелья.

— Если бы это зависело только от меня, я бы выбрал другую дорогу, — ответил Гимли. — Ну да ладно, постараюсь вытерпеть твой Фангорн, если ты обещаешь мне, что потом вернемся вместе смотреть пещеры!

— Обещаю, — произнес Леголас. — А сейчас, увы, придется временно забыть и о пещерах, и о лесе. Смотри! Мы выезжаем из-под деревьев. Гэндальв! Как далеко отсюда до Исенгарда?

— Для саруманового воронья около пятнадцати гонов, — ответил Гэндальв. — Пять до бродов, а потом еще десять до Исенгарда. Но нам нет надобности преодолевать все это расстояние за одну сегодняшнюю ночь.

— А что нас ждет у цели? — спросил Гимли. — Ты это, наверное, знаешь, а я напрасно ломаю голову.

— Я тоже наверняка не знаю, — ответил маг. — Я был там вчера вечером, за это время многое могло измениться. Но я все-таки надеюсь, что мы едем туда не зря… Хотя тебе и пришлось ради этого расстаться с Блистающими Пещерами Агларонда.

* * *

Отряд выехал из-под деревьев, и все увидели, что находятся в самой нижней части Лощины, как раз в том месте, где дорога из Хельмской Теснины делилась на две, и одна вела на восток — в Эдорас, а другая — на север, к бродам через Исену. Прежде чем отъехать от леса, Леголас с сожалением оглянулся, придержав коня, и вдруг вскрикнул:

— Там глаза! Они смотрят из-под ветвей, из темноты. Я таких глаз еще не видел!

Остальные всадники, остановленные его криком, тоже посмотрели назад, но, по-видимому, ничего не разглядели. Леголас повернул коня, собираясь возвращаться.

— Не надо! — закричал Гимли. — Если ты со-

шел с ума, делай что хочешь, но сначала я слезу с твоего коня. Я не хочу видеть никаких глаз!

— Остановись, Леголас! — удержал его Гэндальв. — Тебе еще не время возвращаться в лес.

В эту минуту из леса выступили три странные фигуры. Огромные, как тролли, не меньше двенадцати локтей в высоту, они казались крепкими и сильными, как молодые деревья, и были одеты в узкое платье серо-коричневого цвета, а может, это была кора. Руки и ноги у них были длинные, пальцев на руках много, волосы жесткие, бороды серо-зеленые, как мох. Они медленно обвели взглядом горизонт, будто не заметили всадников, — внимательные их глаза остановились на северном направлении. Потом они подняли длинные руки ладонями ко рту и стали не то говорить, не то гудеть звучными приятными голосами на разные лады. Это было похоже на отдаленные звуки рогов, но разнообразнее и красивее. Издали им будто бы ответили похожие голоса. Всадники тоже посмотрели на север и увидели, что по траве оттуда идут такие же фигуры. Приближались они быстро, шагали, как цапли, но великанские шаги были такими, что цапли их и на крыльях не догнали бы. Всадники закричали от удивления, некоторые из них схватились за мечи.

— Оружие нам сейчас не нужно, — сказал им Гэндальв. — Это всего лишь пастухи. Они нам не враги, они на нас просто не обратят внимания.

По-видимому, так и было, потому что великаны, даже не глянув на конных воинов, быстро все вошли в лес и исчезли в нем, будто растворились.

— Пастухи? — недоверчиво спросил Феоден. — А где стадо? Кто они, Гэндальв? Говори, потому что из нас никто их раньше не встречал.

— Пастухи деревьев, — ответил маг. — Ты помнишь старые сказки, которые тебе рассказывали в детстве вечером у очага? Дети твоей земли должны бы легко извлечь ответ на этот вопрос из запутанных клубков старинных легенд. Ты видел перед собой энтов, король, онодримов из Фангорнского леса, который, кстати, на вашем языке зовется лес Энтов. Думаешь, это выдумка? Тут все иначе, Феоден. Для энтов вы, рохирримы, являетесь случайной басней. Все долгие годы, прошедшие со времени Эорла Юного до правления Феодена Седого, им кажутся минутой, а все дела твоего рода — мелкой суетой.

Король молчал.

— Энты! — сказал он наконец. — В сумраке легенд для меня начинает проясняться загадка этих

деревьев. Странные времена наступили на моем веку. Много лет мы разводили скот, возделывали поля, строили дома, изготавливали орудия, а когда надо было помогать гондорцам в их войнах, садились на коней, и называли это человеческой жизнью, порядком вещей. Нас мало заботило то, что происходило за пределами нашего края. Об этом пелось в песнях, но мы их забывали, а если наши дети их учили, то не задумывались о смысле. И вот песни ожили, пришли из своей таинственной страны и в видимом обличье ходят рядом с нами по земле средь бела дня.

— Ты должен этому радоваться, король Феоден, — сказал Гэндальв. — Под угрозой оказалась не только короткая человеческая жизнь, но и существование тех, о ком вы знали лишь по легендам. Сейчас вы не одни, у вас есть союзники, хоть вы их и не знали.

— Но это одновременно очень печально, — произнес король. — Когда все закончится и решатся военные судьбы, может ведь получиться так, что много прекрасного и дивного исчезнет из Среднеземья?

— Может случиться и так, — ответил Гэндальв. — Нельзя уничтожить все зло, которое посеял Саурон, нельзя вернуться и сделать все,

как было. Но мы обречены жить именно сейчас. Свою дорогу мы выбрали. Едем дальше!

Отряд повернул на север, к бродам через Исену. Леголас неохотно ехал за остальными. Солнце постепенно опустилось и скрылось за краем земли, но когда они выехали из тени Белых гор и смогли повернуть на запад, к Роханскому Разлому, небо над ними было еще красным, а под плывущими по нему облаками словно догорал багровый пожар. На его фоне всадники увидели тучи черных птиц. Птицы с надрывными криками кружились у них над головами, возвращаясь в горные гнезда.

— У черных хищников было сегодня много работы на поле битвы, — заметил Эомер.

Отряд теперь двигался без спешки. Спустилась ночь, но было полнолуние, и дорога освещалась холодным серебристым светом. По холмистой местности она шла то вверх, то вниз. Холмы напоминали застывшие волны серого моря. Позади была темнота.

Через четыре часа после развилки отряд уже подъезжал к бродам. Река здесь текла в широкой каменистой ложбине, к которой спускались поросшие зеленой травой террасы. Ветер доносил издали волчий вой. Всадники приближались к

бродам с тяжелым сердцем, ибо помнили, как много рохирримов полегло в боях на этом месте.

Дорога спускалась между террасами довольно круто вниз, шла вдоль реки, затем пересекала ее и поднималась на противоположный берег. Для пешеходов переправу облегчали три ряда плоских камней, уложенных поперек потока, между ними были броды для лошадей. В середине речки торчал голый островок. Но когда всадники еще сверху увидели это знакомое место, оно показалось им совсем чужим. Обычно вода громко шумела и плескалась по камням, а сейчас здесь было необычно тихо. Ложе реки почти совсем высохло, обнажив обкатанные камни и серый песок.

— Печальное зрелище, — произнес Эомер. — Какая беда высушила реку? Много прекрасного уничтожил Саруман. Неужели он покусился на исток Исены?

— Похоже, что так, — ответил Гэндальв.

— Увы! — воскликнул Феоден. — Неужели нельзя сейчас свернуть с дороги, чтобы не видеть, как дикие звери и птицы пожирают тела благородных воинов Рохана?

— Именно туда ведет нас дорога, — ответил Гэндальв. — И горько думать о смерти твоих

рыцарей, но ты увидишь, король, что волки их не тронули. Хищники пируют на трупах своих друзей-орков. Такая у них дружба! Едем дальше.

Отряд въехал в реку и приблизился к острову, с которого слышался волчий вой. Гэндальв пустил Серосвета вперед. При виде мага на серебристом коне волки замолчали и отбежали на дальний берег острова. Оттуда недобрым светом тускло горели их красноватые глаза. Всадники поднялись за Гэндальвом на островок.

— Смотрите! — сказал Гэндальв. — Здесь потрудились друзья.

И они увидели посреди острова курган, увенчанный короной камней с воткнутыми в землю копьями.

— Здесь лежат все воины Рохана, павшие в битве у бродов, — сказал Гэндальв.

— Да будет покоен их сон! — воскликнул Эомер. — Их копья сгниют и мечи заржавеют, но пусть этот курган вечно стережет броды через Исену!

— Это уже твоих рук дело, дорогой друг Гэндальв! — сказал Феоден. — Много же ты успел за один вечер и одну ночь!

— С помощью Серосвета… и других, — ответил Гэндальв. — Я быстро ехал и далеко побывал. А

здесь у кургана хочу сказать тебе слова утешения. Много твоих воинов полегло здесь в жестокой битве, но меньше, чем называли в первых слухах. Большая часть была рассеяна. Всех, кого я смог разыскать, я собрал; часть отправил к Эркенбранду, остальных заставил сделать то, что ты видишь, а сейчас они на пути в Эдорас. Я знал, что Саруман все свои силы направил против тебя, и его прислужники должны были бросить все дела и идти к Хельмской Теснине. Край был свободен от вражеских войск, но я боялся, что орки на волках и грабители могут напасть на неохраняемый Медуселд. Сейчас я уверен, что можно уже не бояться. Когда вернешься, твой Дом радостно тебя встретит.

— А я буду счастлив увидеть его, — произнес Феоден, — хотя, наверное, недолго мне остается в нем жить.

С этими словами он хлестнул коня, и всадники расстались с островом и курганом, переправились на другой берег и поскакали дальше, стремясь поскорее оставить позади печальный остров. Когда они были уже довольно далеко, оттуда снова донесся волчий вой.

От бродов к Исенгарду вел старый тракт. Первое время он шел вдоль реки, вместе с ней поворачи-

вал на восток, потом на север. Затем отрывался от Исены и направлялся прямо к воротам Исенгарда, которые находились у подножия скальной стены, замыкающей долину с западной стороны, милях в шестнадцати от ее начала.

Отъехав пару гонов от Исены, всадники сошли с дороги и поскакали рядом. Так было удобнее, потому что почва была твердая и ровная, и на много миль вокруг росла пружинистая короткая трава. Скакать по траве было быстрее, и к полуночи они отмахали все пять гонов от бродов. Здесь пришлось остановиться, ибо король устал. Подножия Мглистых гор были уже рядом, казалось, что Нэн Курунир протягивает им навстречу длинные руки. Долина впереди тонула во тьме, потому что луна уплыла на запад и горы заслонили ее. А из глубины котловины поднимался толстый столб дыма и пара, отражал последний свет заходящей луны и распластывался черными и серебристыми клубами по звездному небу.

— Что ты об этом думаешь, Гэндальв? — спросил Арагорн. — Будто вся долина Сарумана горит.

— В последнее время дым постоянно поднимается из котловины Исенгарда, — отозвался Эомер. — Но такого я никогда не видел. Это скорее похоже на пар, чем на дым. Саруман готовит

к нашему приходу новую хитрость. Может, он кипятит воду Исены? Это бы объяснило, почему река высохла.

— Может быть, — сказал Гэндальв. — Завтра узнаем, чем занят Саруман. Сейчас давайте отдыхать, пока время есть.

Они разбили лагерь недалеко от высыхающего русла Исены. Некоторым удалось пару часов поспать, но среди ночи всех разбудил крик часовых. Луны не было. Вверху светили звезды, а по земле двигалась темная громада, темнее ночи, прямо на север по обеим сторонам реки мимо их лагеря.

— Не шевелиться! — крикнул Гэндальв. — Не доставать оружия! Ждите, пока они пройдут.

Темнота вокруг них сгустилась. Над головами слабо мерцали звезды, а по обеим сторонам лагеря стало совершенно темно. Отряд оказался между двумя движущимися стенами. Люди слышали какие-то странные голоса, шепот, вздохи, стоны, бесконечный непонятный шелест. Земля дрожала и гудела. Это происходило, как им показалось, очень долго, но в конце концов шепчущая темень отодвинулась и исчезла у подножия гор.

* * *

В то же время далеко на юге, в Рогатой Башне Хельмской Теснины люди услышали в полночь шум, будто в долине разыгралась буря. Задрожала земля. В темноте идти на разведку никто не решился. Вышли из крепости утром, когда все давно стихло и светило солнце. Вышли и застыли в остолбенении: все трупы орков исчезли, и все деревья тоже. Только трава на большой площади, даже в самой Теснине, была помята и местами вырвана, будто великаны пасли тут свои стада. Примерно в миле от вала в земле была вырыта огромная яма, полузасыпана, и из нее торчали крупные камни. Целая куча. Люди догадались, что, наверное, там закопаны убитые орки. Куда девались трупы тех, кто бежал в лес, так и осталось неизвестным. На камни, торчащие из ямы, никто не отважился влезть. Это место назвали Смертный Горб, со временем земля вокруг него сгладилась, присыпала камни, но трава так и не выросла. И деревьев в этой долине больше никто не видел. Наверное, ночью, завершив страшную месть, они вернулись в темные урочища Фангорна.

* * *

Король и его свита до утра не сомкнули глаз, но не увидели и не услышали больше ни одного дива, кроме того, что утром Исена вдруг заговорила. Высокая волна воды выплеснулась с горы на камни, и река снова, как и раньше, шумела и пенилась, играя в каменистом русле.

Лагерь покидали на заре. День вставал серовато-светлый, но солнца видно не было. Вокруг лежал туман, в душном воздухе распространялся неприятный запах гари. Ехали медленно, опять по тракту, широкому, ровному, за которым, видимо, хорошо следили. Сквозь туман и пар слева просматривался длинный горный отрог. Они были уже в долине Нэн Курунир. С трех сторон ее замыкали горы, единственный выход был на юге.

Когда-то в красивой долине зеленым озером колыхались пышные травы, а пересекающая ее Исена уже здесь, в своем начале, была глубокой и сильной рекой, так как ее питали бесчисленные источники и ручьи, стекавшие с гор. Земля у ее берегов была жирной и плодородной.

Сейчас все здесь изменилось. У стен Исенгарда оставались заплатки полей, возделываемых

невольниками Сарумана, но большая часть долины зарастала сорняками и колючками. Терновник прижился у камней и бугорков, под которыми вырыли себе норы мелкие зверьки. Деревья тут не росли, но в жесткой траве еще попадались иногда обгоревшие или обрубленные пни, следы давних рощ. Долина выглядела хмуро и печально, в ней стояла тишина, нарушаемая лишь плеском воды в камнях. Пар с дымом тяжелыми клубами плыл над землей и залегал в ямах. Всадники скакали молча.

В сердца многих закрадывалось сомнение, и не один уже мысленно со страхом задавал себе вопрос о том, что ждет их в конце пути.

Через несколько миль битый тракт сменился широкой мощеной дорогой, искусные руки выложили ее из плоских камней без единой щели или вмятины. Ни ростка травы не было между камнями, дорога была чистой. По обеим сторонам ее шли канавы с водой. Вдруг перед всадниками словно вырос из тумана черный столб с укрепленным на нем большим камнем, вытесанным в форме руки и покрашенным в белый цвет. Указательный палец Белой Руки показывал на север, обозначая, что ворота Исенгарда уже близко, и сердца забились в груди всадников, хотя самих

ворот во мгле видно пока не было.

* * *

Город-крепость, названный людьми Исенгардом, стоял тут, в Чародейской Котловине, с незапамятных времен. Отчасти его укрепили сами горы, многое построили люди, пришедшие с запада. Да и Саруман, издавна тут поселившийся, тоже даром времени не терял.

Когда Саруман достиг могущества и величия и был признан вождем всех магов и чародеев, Исенгард выглядел мощно и красиво. От горного массива отделялась каменная стена и гигантским кольцом окружала город. Выход был только в одном месте, на юге, через огромные кованые ворота. Ворота вели в вырубленный в черной скале длинный туннель, кончавшийся такими же мощными железными дверями. Огромные навесы крепились в заклиненных в скалу стальных косяках и ходили так бесшумно и легко, что, отодвинув засовы, можно было открыть массивные створки легким нажатием руки. Тот, кто проходил по гулкому туннелю внутрь, видел перед собой большую ровную чашу около мили в диаметре. Когда-то она вся была зеленой от садов, в садах переплетались красивые аллеи,

и бесчисленные ручьи стекали с гор в озеро. Но в последние годы правления Сарумана зелень исчезла без следа, дороги вымостили твердым черным камнем и обсадили не фруктовыми деревьями, а рядами мраморных, медных и железных столбов, соединив их тяжелыми цепями.

Здесь были дома, задней стеной прижатые к скалам, так что многие комнаты, залы и коридоры были вырублены прямо в камне, и круглую котловину со всех сторон обрамляли темные двери и окна. В скальном городе могли поместиться тысячи жителей: работники, слуги, пленники, наемники, рабы и воины. У Сарумана были огромные оружейни. В глубоких ямах под стеной держали волков. Вся котловина была изрыта и пробуравлена. Глубоко в землю шли ходы с винтовыми или прямыми лестницами, над землей оставались одни проемы входов под низкими крышами или каменными навесами, а там, в глубине, в подвалах у Сарумана находились его сокровищницы, склады, арсеналы, кузницы и огромные печи. Неустанно вращались железные колеса и стучали молоты. Ночью под луной Исенгард напоминал мрачное кладбище с неуспокоившимися мертвецами, ибо земля все время гудела и вздрагивала, из-под низких

навесов и из открытых люков вырывались струи дыма и пара, подцвеченные снизу красным, синим или ядовито-зеленым отсветом.

Все дороги сходились к центру котловины, где торчала высокая башня необычного вида. Строили ее тогда же, когда выравнивали дно котловины, то есть в незапамятные времена, но при взгляде на нее с трудом верилось, что это творение рук человеческих. Казалось, что она выросла здесь, как кость из костей земли, когда рождались сами горы. Похожа она была на утес, черный и блестящий, составленный из четырех мощных многогранных каменных столбов, соединенных между собой, а вверху расходящихся, будто изогнутые рога, и щетинившихся острыми, как копья, башенками, углы которых были заточены, словно лезвия ножей. Между башенками размещалась гладкая каменная плита, покрытая таинственными письменами. Стоящий на ней мог с высоты пятисот локтей обозревать всю равнину.

Так выглядела цитадель Сарумана, которую, — может, случайно, а может, умышленно, — назвали Ортханк, что имело двойной смысл: по — эльфийски это означало «Гора-Клык», а на древнем языке Рубежного Края — «Хитрая Голова».

Раньше Исенгард был не только неприступной крепостью, но и процветавшим поселением. В нем жили властители и доблестные воины, охранявшие западные границы Гондора, искусные мастера и мудрецы, постигшие тайны звезд. Со временем Саруман приспособил удивительный город-крепость к своим преступным замыслам. Он думал, что сам все усовершенствовал, но в самообольщении ошибался, ибо все хитроумные и зловредные выдумки, на которые он тратил свою мудрость и которые гордо приписывал себе, на самом деле были ему ловко подсунуты из Мордора. Весь его труд свелся к созданию уменьшенной копии, детской игрушки, рабского повторения действительно гигантской твердыни, оружейни, застенков, огненного котла, всей великой мощи Черного Замка Барад Дур, в котором не терпели соперников, смеялись над подражанием и ждали своего часа, чтобы применить безмерную накопленную силу.

О крепости Сарумана жители Рохана знали лишь по рассказам, ибо никто на памяти последнего поколения не прошел через ворота Исенгарда, разве что Причмок, но он бывал там тайно и никому о том, что видел, не говорил.

* * *

Гэндальв первым подскакал к столбу с Белой Рукой. Всадники с удивлением заметили, что ногти у нее красные и сама она не чисто белая, а словно запятнана засохшей кровью. Гэндальв смело поехал вперед, остальные неохотно последовали за ним. Можно было подумать, что по долине прошло наводнение: у дороги разливались большие лужи, вода заполняла все углубления и текла ручейками между камней.

Наконец, маг остановился и кивком подозвал друзей. Туман перед ними рассеялся. Был полдень, светило солнце. Они стояли у ворот Исенгарда.

Но ворота лежали на земле, выломанные и погнутые. Вокруг кучами валялись камни, расколотые в щебень. Огромная надвратная арка еще держалась, но за ней в скале вместо туннеля зиял провал, с обеих сторон ворот были проломы и завалы. Грудами камней стали привратные башни. Если бы Великое Море в гневе поднялось и ударило в скальную стену, то и оно не принесло бы большего опустошения.

Вся внутренняя чаша, залитая неуспокоившейся еще водой, казалась котлом с кипятком,

и в нем, колыхаясь, плавали разные обломки, балки, столбы, сундуки, бочки… Погнутые столбы с расщепленными верхушками торчали вверх, мостовые скрылись под водой. Скалистым островом посредине оставалась лишь высокая черная башня Ортханк, полускрытая туманом, и грязные волны лизали ее подножие.

Король и все остальные остолбенели. Они поняли наконец, что твердыня Сарумана пала, но не могли постичь, как это случилось. Обводя взглядом весь разгром, они вдруг увидели на высокой груде камней у ворот две маленькие фигурки, развалившиеся в свободных позах, в серых плащах едва заметные на серых камнях. Возле них стояли бутылки, миски и тарелки, как будто они только что хорошо подкрепились, а сейчас отдыхали после больших трудов. Один, казалось, спал, а другой, прислонившись спиной к крупному обломку, закинул ногу на ногу и, заложив одну руку за голову, выпускал изо рта длинные струйки и маленькие колечки легкого голубоватого дымка.

Феоден, Эомер и их воины с изумлением смотрели на этих двоих: очень уж необычно они выглядели на развалинах Исенгарда.

Но прежде чем король смог открыть рот, чело-

вечек, пускавший дым, заметил всадников, молча выступивших перед ним из тумана, и вскочил на ноги. Это был юноша, но ростом почти вдвое меньше обычных людей. На его непокрытой голове буйно кудрявились каштановые волосы, он был плотно закутан в сильно потрепанный плащ того же цвета и покроя, что и плащи, в которых друзья Гэндальва прибыли в Эдорас. Он очень низко поклонился, приложив к груди руку, а потом, будто не замечая мага и его спутников, обратился к Феодену и Эомеру.

— Добро пожаловать в Исенгард, высокородные гости! — произнес он. — Мы тут сейчас за привратников. Я — Мерриадок сын Сарадока, к вашим услугам, а мой друг, который, увы! очень устал, — тут он легонько пнул своего друга, — зовется Перегрин сын Паладина из рода Туков. Мы с далекого севера. Почтенный Саруман дома, но сейчас он уединился с неким Причмоком, и это мешает ему выйти навстречу столь важным гостям. А то бы он вас поприветствовал!

— Без сомнения! — засмеялся Гандальв. — Это что, сам Саруман приказал вам сторожить разбитые ворота и встречать гостей без отрыва от тарелок и бутылок?

— Нет, уважаемый господин, такая мелочь

ускользнула от его внимания, — очень серьезно ответил Мерри. — Он, как я уже сказал, сильно занят. Приказ мы получили от Древесника, который взял на себя бразды правления в Исенгарде и поручил мне достойными словами приветствовать повелителя Рохана, что я и сделал, как умел.

— А нас, своих друзей, совсем не замечаешь? Нам с Леголасом тебе нечего сказать?! — взорвался Гимли, не в состоянии больше владеть собой. — Ах вы, шерстолапые негодники, бродяги, хулиганы кудлатые! Нечего сказать, заставили нас поохотиться! Мы из-за вас двести гонов прошли по лесам, горам, степям и болотам, через войну и смерть, а вы развалились тут пузом кверху и, в довершение всего, сосете трубки! Трубки! Откуда у вас табак, шалопаи? Гром по наковальне! Так меня сейчас злость и радость распирают, чудо будет, если не лопну!

— Ты выразил и мои чувства, Гимли, — смеясь, сказал Леголас. — Только я бы сначала спросил, где они вином разжились?

— Чего-чего, а соображения вы на охоте не добыли! — отозвался вдруг Пипин, открывая один глаз. — Застаете нас на поле славы среди всяких доказательств геройства, рядом с добычей, и спрашиваете, откуда у нас эти мелочи для заслу-

женного удовольствия!

— Заслуженного?! — спросил Гимли. — Что-то не верится.

Всадники со смехом слушали разговор.

— Мы, без сомнения, присутствуем на встрече любящих друзей, — сказал Феоден. — Это и есть твои пропавшие спутники, Гэндальв? Видно, нам суждено каждый день встречать новое диво. Много я уже чудес видел, а вот еще одно племя из легенды. Если не ошибаюсь, вы — полуростики, или, как у нас иногда говорят, — холбыты?

— Хоббиты, уважаемый король! — поправил его Пипин.

— Хоббиты? — переспросил Феоден. — Выражаетесь вы странно, но называют вас подходяще. Значит, хоббиты. Все, что я о вас слышал, бледнеет перед действительностью.

Мерри поклонился. Пипин тоже встал и отвесил королю низкий поклон.

— Ты милостив к нам, король! — сказал он. — Надеюсь, именно так надо понимать твои слова. Но ведь это новое чудо. Я прошел много стран и до сих пор не встретил никого, кто знал бы что-нибудь о хоббитах. Ты первый.

— Мой народ много лет назад пришел с севера, — отвечал Феоден. — Но не хочу вас обманы-

вать. У нас нет преданий о хоббитах. Рассказывают только, что где-то очень далеко за горами и реками живет племя полуростиков, которые копают себе норы в песчаных склонах. Но о деяниях этого племени легенд нет. Известно лишь, что полуростики не любят беспокойства, не показываются людям на глаза, а умеют молниеносно прятаться и менять голоса, например, щебетать, как птицы. Теперь я вижу, что мои знания о вас ничтожно малы.

— Конечно, малы, — вставил Мерри.

— Например, — продолжал Феоден, — никто мне не говорил, что хоббиты пускают дым изо рта.

— В этом нет ничего удивительного, — ответил Мерри. — Это искусство у нас известно всего несколько поколений. Тобольд Дудлинг из Долгодона, что в Южной чверти, впервые вырастил у себя на огороде трубочное зелье примерно в одна тысяча семидесятом году по нашему летоисчислению. Каким образом старый Тоби раздобыл это зелье…

— Ты не представляешь, что тебе сейчас грозит, король, — прервал беседу Гэндальв. — Если не вовремя поощрить их вниманием, эти хоббиты будут, сидя на развалинах, распространяться о

застольных удовольствиях или вспоминать подробности из жизни своих отцов, дедов, пра-прапрадедов и дальних родственников до девятого колена. Отложим рассказ о трубочном зелье до более удобного случая. Где Древесник, Мерри?

— Далеко отсюда, на северной стороне, — ответил Мерри. — Он пошел напиться воды, чистой воды. Большинство энтов с ним, они еще не всю работу закончили… там!

Мерри показал рукой на дымящееся озеро. Всадники посмотрели в ту сторону и услышали отдаленный гул и грохот, будто с гор катилась лавина. Где-то в стороне раздавалось гудение и веселый шум, напоминающий триумфальный звук множества рогов.

— Значит, Ортханк никто не охраняет? — спросил Гэндальв.

— А вода зачем? Ее хватит, — ответил Мерри. — И в охране Скороствол, с ним еще пара энтов. Не все столбы здесь вбиты Саруманом. Если не ошибаюсь, Скороствол стоит под башней-скалой, недалеко от ступеней.

— Да-да, я вижу там высокого серого энта, — сказал Леголас. — У него руки опущены, и стоит он, не двигаясь.

— Уже полдень прошел, а мы еще крошки во

рту не держали, — сказал Гэндальв. — Но я хотел бы как можно скорее поговорить с Древесником. Он тебе для меня никаких поручений не оставил? Или за бутылками и тарелками у вас все из головы вылетело?

— Оставил, оставил, — ответил Мерри. — Я вам собирался все сразу сказать, но меня засыпали посторонними вопросами. Он просил передать вам, что если повелитель Рубежного Края и Гэндальв соизволят проехаться к северной стене, они застанут там Древесника, который будет рад их приветствовать. Добавлю от себя, что там они найдут готовый обед и наилучшие закуски и угощения, специально разысканные и подобранные вашими покорными слугами, — с поклоном закончил хоббит.

Гэндальв расхохотался.

— С этого надо было начинать! — воскликнул он. — Ну что, король Феоден, хочешь поехать со мной на свидание с Древесником? Озеро придется объехать, но это не очень далеко. От Древесника ты узнаешь много интересного, ибо он и есть Фангорн, старейший и достойнейший из энтов, и из его уст ты услышишь язык самых древних существ, живущих на земле.

— Я поеду с тобой, — ответил Феоден. — До сви-

дания, хоббиты! Я хотел бы увидеть вас в своем доме! Там мы сядем поудобнее, и вы мне расскажете все, что захотите, о своих предках хоть от сотворения мира, о старом Тобольде и его зелье! До свидания!

Хоббиты низко поклонились.

— Вот он какой, король Рохана! — шепнул Пипин на ухо другу. — Симпатичный старик, очень вежливый.

Глава девятая. Что можно выловить после крушения

Гэндальв с королем и свитой поехали на восток, в обход озера и разрушенных стен Исенгарда, а Арагорн, Гимли и Леголас остались на развалинах ворот. Эрода и Хасуфела отпустили пастись, а сами сели рядом с хоббитами.

— Ну вот, — сказал Арагорн, — охота кончилась, мы с вами встретились, да еще в таком месте, куда никто из нас не собирался.

— А пока большие вожди пошли обсуждать большие дела, — произнес Леголас, — мы, скромные охотники, хотели бы узнать ответы на кое-какие маленькие задачки. По вашим следам мы дошли до самого леса, но еще многое осталось

невыясненным.

— Мы также многое хотели бы о вас узнать, — ответил Мерри. — Кое-что нам старый энт Древесник рассказал, но этого мало.

— Давайте по порядку, — сказал Леголас. — Поскольку это мы за вами гонялись, сначала пусть будет ваш рассказ.

— Сначала, но не сейчас, — заметил Гимли. — Предлагаю: все разговоры — после обеда. У меня разбита голова, а время уже послеполуденное. Слушайте, разбойники, я бы вам все простил, если бы вы поделились с нами добычей, о которой что-то тут говорили. Едой и питьем частично оплатите свои долги.

— Будет тебе еда и питье, — сказал Пипин. — Ты предпочитаешь, чтобы мы тебе подали обед сюда, или будешь обедать с удобствами, в Саруманової караульне, вон там, за воротами? Нам пришлось перекусить под открытым небом, чтобы глаз не спускать с дороги.

— Так вот почему ты смотрел на нее одним глазом! — сказал Гимли. — А насчет караульни — ноги моей не будет ни в одном орчьем доме, и я не притронусь ни к чему, что было у них в лапах!

— Никто такого от тебя не требует, — сказал Мерри. — Думаешь, нам они не опротивели на

всю жизнь? В Исенгарде, кроме них, были другие племена. Саруман сохранил разум, оркам не доверял, для охраны ворот держал людей, выбирал, наверное, самых преданных. Им оказывали милости и давали хорошее содержание.

— И трубочное зелье тоже? — спросил Гимли.

— Не думаю! — рассмеялся Мерри. — Трубочное зелье — это совсем другая история, ее ты услышишь после обеда.

— Ну так пошли обедать! — заявил гном.

* * *

Вся компания во главе с хоббитами прошла под арку и поднялась по лестнице к большой двери. За ней оказалась обширная комната с другой дверью против входа, маленькой. Под боковой стеной стоял длинный стол, в стене был очаг. Комната, вырубленная в камне, раньше, наверное, была темной, потому что выходила окнами в туннель, но сейчас свет падал прямо через разбитую крышу. В очаге горело полено.

— Это я огонь разжег, — сказал Пипин. — Он нас утешал в тумане. Хворосту тут было мало, все дрова оказались сырыми. Но тяга хорошая, наверное, труба выходит далеко в скалах и не завалилась. Сейчас нам огонь пригодится, я вам

гренков нажарю, а то хлеб тут черствый, ему уже дня три или четыре.

Арагорн, Леголас и Гимли сели в конце длинного стола, а хоббиты исчезли за маленькой дверью.

— Кладовая тут повыше, и ее не залило, к счастью, — сообщил Пипин, выходя из двери, нагруженный тарелками, мисками, кубками, ножами и разнообразной снедью.

— Не крути носом, дорогой Гимли, — сказал Мерри. — Это не орчья жратва, а людская еда, как сказал бы Древесник. Чего тебе налить, вина или пива? Есть порядочный бочонок. А вот солонина из кабана, первосортная. Если хочешь, могу поджарить тебе пару ломтиков. Жаль, что нет овощей: в последнее время привоза не было. И на сладкое могу предложить только масло с медом на хлеб. Тебе этого хватит?

— С лихвой, — ответил Гимли. — Можешь вычеркнуть из своих долгов приличную сумму.

Вскоре трое друзей уже были заняты едой, а оба хоббита без зазрения совести уселись рядом и принялись уплетать второй обед за день.

— Приходится поддерживать компанию, — сказали они.

— Вы сегодня необычайно обходительны, — за-

смеялся Леголас. — Только я думаю, что если бы мы не появились, один хоббит другому все равно составил бы компанию за вторым обедом.

— Может быть, может быть. Почему бы и нет? — сказал Пипин. — В плену у орков нас кормили плохо, да и перед этим пришлось попоститься. Я уж и не помню, когда последний раз ел досыта.

— Что-то непохоже, чтобы пост вам повредил, — заметил Арагорн. — У вас вполне цветущий вид.

— Это правда, — подтвердил Гимли, рассматривая хоббитов из-за большого кубка. — Волосы у вас вдвое пышней и кудрявей, чем были, когда мы расстались у Великой реки, и, по-моему, вы даже подросли, если это возможно у хоббитов вашего возраста. Видно, Древесник вас голодом не морил.

— Нет, — ответил Мерри. — Но энты ведь только пьют, а напитком по-настоящему не наешься. Хотя питье у Древесника очень питательное, если можно так сказать, хоббиту все же требуется что-нибудь поплотнее. И даже лембасы бывает приятно заменить на другие блюда.

— А, так вы пили воду энтов? — воскликнул Леголас. — Тогда зрение Гимли не обманывает. Удивительные песни поют у нас про Фангорнское питье!

— Об этом лесе ходят очень интересные легенды, — сказал Арагорн. — Я там ни разу не был. Расскажите мне про него и про энтов тоже.

— Про энтов! — сказал Пипин. — Энты… Ну вот, энты бывают очень разные. Это одно. А потом, у них такие глаза, такие чудные глаза!.. — Он попробовал что-то еще произнести, но запнулся и замолчал. — В общем, вы уже нескольких энтов издали видели, потому что они вас видели и доложили, что вы находитесь на пути в Исенгард. Наверное, вы еще здесь на них посмотрите и сами составите о них представление.

— К делу, к делу! — вмешался Гимли. — Мы начинаем с середины. А я бы хотел все подряд узнать. Рассказывайте все по порядку с того странного дня и часа, когда распался наш Отряд.

— Все расскажем, если времени хватит, — сказал Мерри. — Но сначала, — если вы обед закончили, — набейте трубки и давайте закурим! Очень нам хочется представить хоть на минутку, будто мы счастливо вернулись в Бригорье или хоть в Райвендел. — Он достал кожаный мешочек, набитый табаком. — Этого добра у нас полно! — сказал он. — Возьмите себе, сколько хотите. Сегодня утром мы с Пипином развлекались, вылавливая всякую всячину. Пипин заметил два

маленьких бочоночка, похоже было, что вода их вымыла из пивного подвала. А когда мы их открыли, там оказалось сушеное трубочное зелье высшего сорта в прекрасном состоянии.

Гимли взял щепотку на ладонь, растер и понюхал.

— Пахнет хорошо и на вид кажется отличным, — сказал он.

— Да не кажется, а просто отличное! — сказал Мерри. — Милый Гимли, это же Долгодонские листья! На бочонках были фирменные знаки Дудлингов. Как они сюда попали, понятия не имеем. Наверное, Саруман для себя лично достал. Вот уж не думал, что наше зелье так далеко вывозится! Но теперь оно очень даже пригодится!

— Пригодилось бы, — грустно сказал Гимли, — если бы у меня была трубка. Но я ее потерял в Мории, а может быть, даже раньше. Там у вас в добыче трубочки не найдется?

— Боюсь, что нет, — ответил Мерри. — Мы нигде тут не видели трубок, даже в караульне. Саруман, видно, позволял эту роскошь только себе. Но мне кажется, не стоит стучать в двери Ортханка и просить у него трубочку. Что ж, раз другого выхода нет, давай по-дружески раскурим одну на двоих.

— Постой-ка! — сказал Пипин. Он сунул руку за пазуху и вытянул за шнурок мешочек из мягкой кожи. — Ношу возле сердца свои сокровища, — объяснил он. — Для меня они такие же ценные, как Кольца. Вот одно: моя старая деревянная трубка. Вот другое: запасная трубка. Протаскал ее полсвета, сам не знал, зачем. Не думал даже найти по дороге трубочное зелье, когда кончились взятые запасы. А вот теперь пригодилась! — и хоббит протянул гному широкую короткую трубочку. — Ну как, сравняем счет?

— Сравняем?! — воскликнул Гимли. — Благороднейший хоббит! Я теперь твой должник!

— А что касается меня, то я хотел бы выйти отсюда на свежий воздух, — сказал Леголас, — и посмотреть, откуда ветер дует и что делается на небе.

— Мы все выйдем, — согласился Арагорн.

Они вышли из караульни и расселись на куче камня перед воротами. Отсюда открывался далекий вид на долину, потому что туман наконец поднялся и расплывался под легким ветерком.

— Вот здесь хоть немного расслабимся, — сказал Арагорн. — Посидим на развалинах и побеседуем, как любил говорить Гэндальв, пока он сам не придет. Нечасто в жизни мне приходилось так

уставать.

Он завернулся в серый плащ, прикрыв им доспехи, лег на спину и с удовольствием вытянул длинные ноги. Потом выпустил тонкую струйку дыма.

— Смотрите! — закричал Пипин. — Долгоброд к нам вернулся!

— А он никуда не уходил, — ответил Арагорн. — Я ведь одновременно и Долгоброд, и дунадан, а Гондор мне такой же родной, как земли севера.

* * *

Довольно долго они молча дымили трубками, а солнце освещало их косыми лучами из-за облаков, плывущих высоко в западной половине неба. Леголас некоторое время тоже лежал неподвижно, не щурясь, смотрел на солнце и тихо напевал. Потом вдруг сел.

— Хватит, друзья! — сказал он. — Время проходит, туман рассеялся, и воздух был бы чистым, если бы вы не коптили с таким странным наслаждением. Где ваши истории?

— Моя история начинается в полной темноте, когда я очнулся ночью, связанный и среди орков, — сказал Пипин. — Какой сегодня день?

— Пятое марта по Хоббитширскому календа-

рю, — ответил Арагорн.

Пипин подсчитал на пальцах:

— Всего девять дней назад[3]! А мне казалось, что прошел год с тех пор, как мы попали в плен. Половина этого времени — страшный сон, а потом явь была еще страшнее. Мерри меня поправит, если я в чем-нибудь важном ошибусь. Я не буду вдаваться в подробности и говорить о кнутах, грязи, вони и подобных кошмарах. Лучше этого не вспоминать.

И Пипин рассказал про последний бой Боромира и переход орков с нагорья Эмин Муйл до самого Фангорна. Слушатели кивали головами, когда что-нибудь в рассказе хоббита совпадало с их догадками.

— А вот сейчас получите назад кое-что из утерянных ценностей, — сказал вдруг Арагорн. — Радуйтесь!

Он расстегнул пояс под плащом и снял с него два кинжала в ножнах.

— Ну и ну! — воскликнул Мерри. — Никак не ожидал снова их увидеть! Вот этим кинжалом я проткнул нескольких орков, пока Углук не отобрал у нас оружие. Как он страшно смотрел!

---

[3] Сноски: 3

Во всех хоббитширских месяцах — по 30 дней.

Я думал, он меня на месте заколет, но он оба кинжала только отбросил подальше, будто они его жгли.

— А вот твоя застежка, Пипин, — протянул Арагорн руку. — Я ее сохранил, потому что это очень ценная вещь.

— Знаю, что ценная, — ответил Пипин. — Я с ней расстался с великим сожалением, но что я мог еще сделать?

— Ничего, — ответил Арагорн. — Кто не умеет при необходимости расставаться с ценностями, тот становится их рабом. Ты хорошо сделал.

— Вот это ловко с развязыванием веревок, — заметил Гимли. — Тебе, конечно, повезло, и ты схватил свой счастливый случай можно сказать, обеими руками.

— А нам задал трудную загадку, — добавил Леголас. — Я удивлялся, уж не выросли ли у вас крылья.

— Увы, нет! — ответил Пипин. — Но вы еще не знаете о Грышнаке. — Он вздрогнул и замолчал, оставляя Мерри самую страшную часть рассказа: про объятия орчьих когтей, смрадное дыхание и жуткую силу мохнатых рук Грышнака.

— Меня тревожит то, что вы рассказали об орках из Мордора, или, как они говорят, из Лугбур-

за, — произнес Арагорн. — Выходит, что Черный Властелин и его прислужники слишком много знают. Грышнак после драки в скалах нагорья наверняка переслал какие-то сообщения за Великую реку. Красный Глаз, без сомнения, следит за Исенгардом. Но Саруман все же попал в капкан, который сам готовил.

— Да, какая бы сторона ни победила, у Сарумана теперь надежд нет, — заметил Мерри. — Дела его приняли плохой оборот с тех пор, как он пустил орков на роханские земли.

— Старый злодей показался нам на окраине леса, — сказал Гимли. — По крайней мере так получается по намекам Гэндальва.

— Когда это было? — спросил Пипин.

— Пять ночей тому назад, — ответил Арагорн.

— Постойте… Да, пора рассказывать дальше, про то, что вам совсем не известно, — снова заговорил Мерри. — На следующий день после битвы на Опушке мы встретили Древесника. Ночевали у него в Родниковом гроте, это один из домов старого энта, а наутро пошли на Сход энтов и видели самое удивительное собрание на свете. Оно продолжалось до вечера, а потом еще целый день. Спали мы тогда у другого энта, которого зовут Скороствол. А в конце третьего дня энты

вдруг выступили! Это было потрясающе! В лесу чувствовалось такое напряжение, будто в нем варилась гроза, а в конце получился взрыв. Жаль, что вы не слышали песню энтов на марше.

— Если бы ее услыхал Саруман, то, наверное, убежал бы за сто гонов сломя голову, — добавил Пипин:

...Пусть горд и тверд, пусть укреплен
И гол, как кость, со всех сторон...
Под барабан на Исенгард,
Убить врага, убить врага!..
На Исенгард, на Исенгард!..

Песня, конечно, была гораздо длиннее, но большая часть ее пелась без слов и звучала, как музыка рогов и барабанов. Она нам страшно понравилась. Правда, сначала я думал, что это всего лишь маршевая песня, и ничего больше. Но мы вместе с ними дошли прямо сюда, и тут уж я понял все.

— С последнего гребня в котловину Нэн Курунир мы спускались вечером, почти ночью, — продолжал Мерри. — Тогда я почувствовал, что за нами целый лес идет, и оглянулся. Сначала я думал, что мне снится сон про энтов, но Пипин тоже это увидел. Мы оба испугались, и только

потом нам все объяснили. На сокращенном языке энты называют их *хьорнами*. Древесник о них очень неохотно говорит. Я думаю, что это такие энты, которые стали перерождаться в деревья, во всяком случае, на вид. Они стоят молча в лесу или по краям леса и наблюдают за деревьями, а в глубине темных урочищ их, наверное, много сотен.

В них кроется огромная сила, но они умеют окутываться тенью, и их трудно увидеть в движении. Однако иногда они ходят, и даже очень быстро, особенно когда разгневаются. Например, стоишь ты тихо, наслаждаешься погодой или слушаешь шум ветра, и вдруг вокруг тебя оказывается толпа деревьев. Голоса они сохранили и могут объясняться с энтами, — Древесник говорит, что их поэтому хьорнами зовут, — но одичали. Стали опасными. Не будь рядом настоящих энтов, которые за ними присматривают, я бы очень боялся с ними встретиться.

Ну так вот, поздно вечером мы спускались с гор в Чародейскую Котловину с энтами, а за нами шуршала толпа хьорнов. Мы их, конечно, не видели, но воздух наполнился шелестом, скрипом и треском. Ночь была темная и ненастная. Хьорны спускались с гор необычайно быстро и шумели, как под ветром. Месяц из-за туч так и не

вышел. К полуночи на всех северных склонах в темноте над Исенгардом вырос большой лес. Враг не подавал признаков жизни, только на башне светилось окно.

Древесник и несколько энтов тихо прокрались вперед, в такое место, откуда были хорошо видны ворота. Мы с Пипином были с ними. Сидели на плечах у Древесника и чувствовали, как он весь кипит и сдерживается. Энты ведь в самом большом возбуждении сохраняют осторожность и терпение. Они стояли, как каменные, только дышали и внимательно прислушивались.

Вдруг раздался шум, заиграли трубы, эхо прокатилось в стенах Исенгарда. Мы решили, что это нас обнаружили и что сейчас начнется битва. Ничего подобного! Это все войско Сарумана уходило из крепости. Я мало знаю об этой войне и о роханских всадниках, но мне кажется, что Саруман хотел одним мощным ударом уничтожить короля и всех его воинов. Исенгард остался без гарнизона. Я видел, как уходили враги, — бесчисленные ряды пеших орков, а между ними гоблины верхом на огромных волках. Были отряды людей. Они шли с факелами, и я видел их лица. Большинство — обычные, рослые, темноволосые, хмурые, но не очень злобные; а были совсем

страшные — ростом, как люди, но с клыкастой пастью, раскосыми глазами, как у гоблинов, злющие. Мне вспомнился один южанин из Бригорья, он был вроде этих, хотя и не так явно походил на орка, как они.

— Я тоже почему-то о нем вспомнил, — сказал Арагорн. — В Теснине Хельма мы сражались с такими полуорками. Теперь мне ясно: тот южанин в Бригорье был шпионом Сарумана. Но непонятно, работал ли он на одного Сарумана или действовал заодно с Черными всадниками. У этих подлецов никогда не разберешь, кто с кем в союзе и кто кого обманывает.

— Всего их было не меньше десяти тысяч, — вел дальше Мерри. — Целый час только выходили из ворот. Часть их пошла по тракту к Бродам, а вторая свернула на восток. В миле от крепости река течет по глубокому каменному каналу, там мост построили. Если встать во весь рост, отсюда его видно. Пели они хриплыми голосами, хохотали и выли дико. Я подумал, что Рохану придется плохо. Но Древесник не двинулся. Говорил: «Я должен сейчас расправиться с Исенгардом, с его каменными корнями».

Мне в темноте не было видно, где что делается, но, кажется, хьорны подождали, пока закроются

ворота, и пошли вслед за орчьим войском. Они, наверное, хотели именно с орками расправиться. Утром они были уже далеко, я так подумал, когда разглядел плотную тень на горизонте.

Когда ушла армия Сарумана, пришла наша очередь. Древесник поставил нас с Пипином на землю, подошел к воротам и стал в них колотить, вызывая Сарумана. Вместо ответа в него со стены посыпались стрелы и камни. Стрелы энтам не опасны. Они их царапают и раздражают, как докучливые мухи. Если энта утыкать стрелами, как подушку для иголок, он еще не считает себя раненым. Во-первых, энты нечувствительны к ядам, а во-вторых, у них толстая кожа, твердая, как кора. Надо взять хороший топор, чтобы ранить энта по-настоящему. Они топоров терпеть не могут. Но и тогда против одного энта надо десятка два дровосеков выставить, ибо если кто-нибудь его заденет, то удара уже не повторит, — энт может руками согнуть стальную плиту, как тонкий лист.

Когда в лоб Древеснику вонзилось несколько стрел, старый энт рассердился так, что его почти можно было назвать «расторопным», как он сам любил говорить о других. Он громко крикнул свое «Ах-ха!», и несколько энтов подошло к воротам. В гневе энты страшны. Пальцами рук и ног

они впивались в скалу и драли ее, будто корку хлеба. Я видел, как в считанные секунды они выполняли работу, с которой корни деревьев справляются веками.

Они толкали, тянули, трясли, топтали, давили. Бум, трах, хрясь… Через пять минут ворота с треском и скрежетом рухнули, и часть скалы развалилась. Другие в это время вгрызались в стены, как кроли в песчаный склон. Не знаю, понял ли Саруман, что происходит, но во всяком случае он не знал, что делать. Может быть, его чародейская сила ослабла, может быть, он утратил силу духа или, проще говоря, струсил, когда противник застал его одного, без войска, без защиты рабов и машин. Короче, вы меня поняли. С Гэндальвом он ни в какое сравнение не идет! Мне кажется, что он всей славой был обязан только тому, что хитроумно выбрал своей твердыней Исенгард.

— Нет, ты не прав, — ответил ему Арагорн. — Был он когда-то велик и славен, и достоин своей славы. Обладал глубокими знаниями, полетом мысли, удивительно искусными руками. Умел овладевать мыслями других существ. Мудрых убеждал, простаков держал в страхе. Эти способности он наверняка по сей день сохранил. Даже теперь, когда на него обрушился такой тяжелый

удар, мало кто в Средиземье одержит над ним верх, если придется иметь дело с глазу на глаз. Гэндальв, Элронд, Галадриэль, — эти бы не поддались ему, раз уж вся его подлость выплыла так очевидно, но, кроме них, вряд ли еще кто-нибудь найдется.

— За энтов я спокоен, — сказал Пипин. — Один раз, насколько мне известно, они дали себя обмануть, но это вряд ли повторится. Саруман их вообще недооценил и не принял в расчет, и сделал большую ошибку. Он забыл о них, когда плел свои сети, а когда они встали у стен Исенгарда, было уже поздно исправлять промахи. Когда мы начали штурм, последние крысы, которые еще прятались в крепости, бросились удирать через дыры в стенах. Людей энты выпускали живыми, сначала, правда, расспрашивали. Их было всего дюжины две или три. Из орков вряд ли кто уцелел. Во всяком случае, если кто и удрал из крепости, всех их прикончили хьорны. Они продолжали окружать котловину лесом, хотя их главный отряд ушел за войском.

Когда под ударами энтов большая часть южной стены развалилась в щебень и остатки гарнизона разбежались, бросив хозяина, Саруман в панике сам побежал. В начале штурма он, кажется, был

у ворот, наверное, провожал свое войско. А когда энты ворвались внутрь, дал ходу. Сразу этого никто не заметил. Но ночь прояснилась, звезды светили ярко, энтам этого достаточно, и вдруг Скороствол закричал:

«Убийца деревьев! Убийца деревьев!»

У него вообще сердце доброе, но тем страшнее он ненавидит Сарумана, ибо много его соплеменников и любимых деревьев пострадало от орчьих топоров. Он бросился по дороге к внутренним воротам, а бежать он может, как ветер, если рассердится. Чародея он заметил в полутьме, когда тот метался в тенях за столбами, а потом в последний момент вскочил на ступеньки башни. Еще минута — и Скороствол бы его догнал и раздавил, ему только шага не хватило, но Саруман успел проскользнуть в двери и мгновенно закрыть их за собой.

Так он оказался в безопасности в башне и вскоре запустил свои любимые машины. Многие энты были уже внутри крепости, некоторые побежали за Скоростволом, другие ворвались с севера и с востока. Громили в Котловине все, что попадалось под руку. И вдруг из-под земли стал вылетать огонь с вонючим дымом. Из всех люков. Многие энты получили тяжелые ожоги. Один

из них, если не ошибаюсь, его звали Буковик, высокий, красивый, оказался как раз под струей жидкого огня и вспыхнул, как факел. Это было очень страшно.

Энты ошалели. Перед этим они были просто возбуждены, но теперь я понял, что то была лишь раскачка, и увидел настоящий гнев. Все закипело. Энты рычали, гудели, трубили так, что от одного крика камни лопались. Мы с Мерри плотно прижались к земле и плащами заткнули уши. С гудением и шумом энты метались по Котловине и по скалам вокруг Ортханка, ломали столбы, засыпали камнями люки, — каменные плиты летали, словно листья на ветру. Башня стояла в центре бури, как скала. Я видел, как в нее летели железные балки из разобранных строений и камни. Но Древесник головы не потерял. К счастью, огонь его не тронул. Он не хотел, чтобы его собратья в пылу боя получали увечья, и боялся, что Саруман воспользуется суматохой и сумеет выскользнуть каким-нибудь тайным ходом. Толпа энтов напирала на Ортханк, но башня стояла. Она гладкая и твердая. Может, в ней самой колдовская сила, более древняя и могущественная, чем власть Сарумана. В общем, энты не смогли даже трещину в ней сделать, не то что разрушить.

Древесник вышел на середину котловины и закричал. Его громкий голос перекрыл шум битвы, наступила мертвая тишина. И в этой тишине из верхнего окна башни раздался ядовитый смех. Странно все это подействовало на энтов. Минуту назад они кипели, а теперь мгновенно стихли, остыли, будто их лед сковал. Они медленно отошли от башни, собрались вокруг Древесника, замерли. Он поговорил с ними на своем языке. Я думаю, что он объяснял им план, который давно сложился в его седой голове. Они стояли и слушали молча. Потом все тихо растворились в сером рассвете, потому что уже светало.

Думаю, что они оставили часовых у башни, но часовые так затаились в тенях, что я их не видел. Большинство энтов пошло к северу. Целый день они чем-то там занимались и не показывались. О нас никто не беспокоился, будто забыли. День тянулся очень долго; мы немного покрутились по котловине, стараясь, чтобы нас не заметили с башни, ибо ее окна зияли по-прежнему грозно. Много времени заняли поиски хоть какой-нибудь еды. А еще мы сидели и разговаривали между собой, пытаясь представить, что сейчас делается в Рохане, на юге, и что могло произойти с нашим Отрядом. Время от времени до наших ушей до-

ходил грохот падающих камней и звуки далеких ударов, от которых в скалах раскатывалось эхо.

После полудня мы вышли из-за стен посмотреть, что делается вокруг. На выходе из долины стоял большой лес хьорнов, а другой такой же полукругом выстроился у северной стены. В его тень мы войти не отважились. Из чащи доносились странные звуки, что-то там ломали и раздирали, что-то тащили. Энты и хьорны копали огромные рвы и ямы, строили водосборники и плотины, соединяли воды Исены с другими потоками и ручьями. Мы ушли назад к воротам.

В сумерках появился Древесник. Он что-то мурлыкал себе под нос и казался очень довольным. Подошел, потянулся, расправил длинные руки, глубоко вздохнул. Я спросил его, не устал ли он.

«Устал? — повторил Древесник. — Нет, не устал, только руки немного занемели. Сейчас бы глоток нашего питья из воды родной реки. Трудная была работа. За много лет мы не перевернули столько камней, не перерыли и не перетаскали столько земли, сколько сегодня за один день. Почти все готово. Когда настанет ночь, не советую вам находиться возле башни или в старом туннеле. Вода может туда прорваться — и будет это грязная вода, пока вся грязь Сарумана не смоется. Потом

Исена опять станет чистой».

Говоря так, Древесник, будто забавляясь, продолжал разваливать стену.

Потом мы с Мерри долго думали, где бы лечь спать, чтобы быть в безопасности, и тут случилось самое неожиданное.

Со стороны дороги донесся стук копыт, кто-то скакал галопом. Мы с Мерри спрятались за камень. Древесник отошел в тень под арку. Вдруг перед нами, словно из-под земли, вырос огромный серебристый конь, и несмотря на темноту, мы рассмотрели лицо всадника. Казалось, что оно светится, и одет он был весь в белое. Я сел, разинув рот, и глаза раскрыл. Хотел крикнуть, а голос куда-то подевался. Но окликать его не надо было. Он сам остановился и посмотрел на нас сверху вниз. Тогда я прошептал:

«Гэндальв!»

Думаете, он ответил: «Добрый вечер, Пипин, какая приятная встреча!»? Вовсе нет. Он сказал:

«Вставай, Тук балбес! Во имя дива, куда в этом развале подевался Древесник? Мне он нужен. Срочно!»

Древесник узнал его голос и сразу же вышел из тени. Ни один из них не удивился при виде другого. Очевидно, Гэндальв собирался застать

Древесника на этом месте, а Древесник, наверное, ради того и торчал под воротами, чтобы встретить Гэндальва. Это только я от удивления опомниться не мог. А ведь мы рассказывали Древеснику о том, что произошло в Мории. Я вот тогда припомнил, что, слушая про эту часть нашего путешествия, Древесник как-то странно на нас смотрел. Теперь понятно, что он с Гэндальвом виделся или получал от него вести, только нам раньше времени говорить об этом не хотел. «Не будем поспешными» — его любимые слова. А ведь правда, никто, даже эльфы, не говорят о Гэндальве и его делах в его отсутствие!

«Ах-ха, Гэндальв! — сказал Древесник. — Я рад, что ты приехал. С водой, лесом, с корнями и камнями я сам справлюсь, но тут надо разобраться с чародеем».

«Древесник, — сказал Гэндальв. — Нужна твоя помощь. Ты сделал очень много, но надо еще больше. Надо разделаться примерно с десятью тысячами орков».

И они отошли в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз. Наверное, Древеснику это казалось очень «поспешным», потому что даже мы издали видели, как быстро говорит Гэндальв, хотя слов и не разбирали. Видно, очень срочное было дело.

Говорили они всего около четверти часа. Потом Гэндальв вернулся к нам. Он немного успокоился, стал веселее и, наконец, сказал, что рад нас видеть.

«Гэндальв! — закричали мы. — Где ты был? Не встречал ли наших друзей?»

«Там, где был, меня уже нет. Да, некоторых встречал, — ответил он. — Но сейчас об этом некогда разговаривать. Впереди страшная ночь, и я спешу. Может быть, рассвет будет ясным, тогда мы снова увидимся. Будьте осторожны, держитесь подальше от Ортханка! До свидания!»

После отъезда Гэндальва Древесник глубоко задумался. Наверное, получил сразу столько известий, что надо было все переварить. Потом сказал, глядя на нас:

«Ох-хо, теперь я вижу, что не такие вы расторопные, как мне показалось. Вы мне рассказали намного меньше, чем могли, и наверняка не больше, чем вам было позволено. Да, вести, вести, нечего сказать. Ну, а теперь опять за дело!»

Перед тем как уйти, он с нами поделился самыми важными вестями. Они были не очень утешительными. Мы забеспокоились о вас троих и, правду сказать, думали о вас больше, чем о Фродо с Сэмом и бедном Боромире. Потому что мы

узнали, что начинается большая битва, а может быть, уже началась, и что вы там и неизвестно, удастся ли вам выйти из нее живыми.

«Хьорны помогут», — сказал Древесник, уходя, и больше мы его до сегодняшнего утра не видели.

* * *

Ночь была темная. Мы лежали на куче камней и щебня и совершенно ничего не различали в темноте, словно нас накрыли одеялом из черного тумана. Воздух был горячий и какой-то густой, полный шелеста, шорохов, скрипов, в нем плавали невнятные голоса. Я думаю, что это были сотни хьорнов, которые проходили мимо нас, спеша к вам на помощь. Потом, в середине ночи, на юге что-то гремело, небо сверкало молниями, видно, там вдали над Роханом бушевала гроза. В свете молний мы иногда видели с той стороны горы — черные и белые вершины очень далеко. А с другой стороны над Исенгардом тоже гремело, но совсем по-другому, и раскатывалось эхом в котловине.

Примерно в полночь энты разрушили все запруды, и скопившаяся масса воды хлынула через проломы в северной стене на Исенгард.

Тени хьорнов разошлись, будто растворились. Гроза гремела уже очень-очень далеко, а луна скатывалась за горы на западе. Исенгард стал наполняться черной водой. Ее потоки блестели под луной, растекались по всей котловине, сливались в сплошное озеро. Местами на их пути оказывались входы в подземелья, люки. Когда вода туда попадала, из них с шипением вырывались клубы пара. Иногда что-то там взрывалось, показывались языки пламени. Огромный столб дыма вырвался из земли, изогнулся, обвил Ортханк. Башня стояла, как черный утес в тучах, снизу освещенный огнем, сверху луной, а вода разливалась и разливалась, и перед нами была уже не котловина, а огромная дымящаяся и бурлящая сковородка…

— Вчера ночью, когда мы подскакали к долине Нэн Курунир, то увидели еще издалека дым и пар над Исенгардом, — вставил Арагорн, — но подумали, что Саруман в своем котле готовит новую чародейскую пакость к нашему приходу.

— Ничего подобного! — ответил Мерри. — Он тогда, наверное, чуть не задохнулся, и ему было не до потех. Вчера утром — совсем рано — вода как раз заливала ямы и дыры, и в котловине поднялся густой туман. Мы спрятались в караульне

и тут немного испугались. Вода перелилась через завал в старый туннель и подступила к порогу. Мы решили, что попались, как орки в своих подвалах. Но, к счастью, нашли в кладовой еще одну дверь, а за ней винтовую лестницу вверх, на ворота. Мы с трудом там протиснулись, потому что ворота обвалились и проход был наполовину завален, но все-таки вылезли и стали смотреть на затопленный Исенгард. Энты пускали новые потоки воды, пока все подземелья не залили. Все огни погасли. Пар, как зонтик, поднялся вверх и висел там тучей, наверное, в милю толщиной. Даже заката солнца видно не было. Вечером над восточными холмами была радуга, там пар дождем падал. Потом стало тихо, только где-то далеко выли волки. Ночью энты кончили заливать котловину и повернули Исену в прежнее русло. Вот и все. Вода стала спадать.

Под землей, наверное, сделан какой-нибудь сток из подвалов. Если Саруман смотрит из окон, то уже видит грязную помойку. А нам показалось, что мы остались одни на свете. Ни одного энта не было видно, никто ничего не рассказывал, никаких вестей ниоткуда, а вокруг такое разорение. Мы не спали всю ночь, дрожали на воротах от холода и сырости. И боялись, что еще что-нибудь

произойдет. Саруман ведь до сих пор сидит в своей башне. Ночью был шум, будто ветер дул в долине. Я думаю, это вернулись энты с хьорнами и сразу ушли, а куда на этот раз — я уже не знаю. Утро встало туманное, мы спустились вниз и немного походили, но ничего не изменилось и нигде никого не было.

Ну вот, больше нам рассказать нечего. После вчерашнего шума и разгрома Исенгард сейчас тихий, а раз Гэндальв с нами, то, конечно, и безопасный. Можно было подремать.

* * *

С минуту все сидели молча. Гимли во второй раз набивал трубку табаком.

— Я только одного не понял, — проговорил он, высекая кремнем искры. — Про Причмока. Ты сказал Феодену, что Причмок у Сарумана. Как он сюда попал?

— Ах да, я о нем забыл, — ответил Пипин. — Он сегодня рано утром явился. Мы только-только огонь развели и кое-как позавтракали, как вдруг появился Древесник. Мы его услышали из караульни, он нас по именам называл и гудел.

«Пришел узнать, что вы тут делаете, ребятки, — сказал он, — и вам кое-что сказать. Хьорны

вернулись, все хорошо. Да-да, даже очень хорошо! — Он, смеясь, похлопал себя по бокам. — Нет больше орков в Исенгарде, нет топоров! А еще раньше, чем этот день кончится, будут тут гости с юга, и с ними те, кому вы обрадуетесь!»

Не успел он закончить, на дороге зацокали копыта. Мы выбежали за ворота, вытаращили глаза, я уже думал, что это Гэндальв и Долгоброд с боевым отрядом, а вместо них из тумана выехал незнакомый человек на замученной кобыле, такой урод, и один. Как увидел выломанные ворота и развалённую стену, то встал как вкопанный и лицом позеленел. Он был так ошеломлен, что даже нас не сразу заметил. А как только увидел, взвизгнул и хотел лошадь завернуть и отъехать. Но тут Древесник сделал три шага вперед, протянул длинную руку и снял его с седла. Лошадь испугалась и ускакала, а человек пал на землю. Он говорил, что он Грима, друг и советник короля Рохана, и уверял, что Феоден прислал его к Саруману с важным поручением.

«Никто другой не отважился бы проехать через степь, в которой черно от орков, — сказал он. — Поэтому послали меня. Я очень голоден, я устал, дорога была опасной, мне пришлось сделать большой крюк на север, потому что за мной

гнались волки».

Но я увидел, с каким выражением он украдкой поглядывал на Древесника и сказал себе: «Он лжет». Древесник долго смотрел на него, а этот подлец извивался под его взглядом, как пескарь. Потом энт сказал:

«Ах-ха… Я тебя ждал, Причмок! — тот даже вздрогнул, услышав свое прозвище. — Гэндальв приходил раньше. Поэтому я знаю о тебе все, что надо знать, и знаю, что с тобой делать. „Запереть всех крыс в одной крысоловке“ — так сказал Гэндальв. Так я и поступлю. Сейчас Исенгардом управляю я, но Саруман у себя в башне. Я тебя отправлю к нему, и рассказывай ему все, что хочешь».

«Пусти меня, пусти! — взмолился Причмок. — Я знаю дорогу!»

«Не сомневаюсь, что знал, — ответил Древесник. — Но тут недавно кое-что изменилось. Иди смотри!»

Древесник его пропустил. Причмок полез под ворота, а мы по верху — за ним. Когда он оказался в котловине и увидел разгром до самой башни, он повернул назад.

«Разреши мне уйти! — стал он просить. — Отпусти меня! Мое поручение теперь бесполезно!»

«Что правда то правда, — сказал Древесник. — Но выбирай: или ждешь вместе со мной короля и Гэндальва, или идешь через лужу. Что будешь делать?»

Причмок задрожал, когда вспомнил про своего короля, и шагнул в воду. Но тут же отступил.

«Я не умею плавать», — заныл он.

«Тут неглубоко, — ответил Древесник. — Только очень грязно, но тебе это подходит. Иди!»

Несчастный Причмок полез в грязь. Сначала ему было по пояс, потом по самую шею. Потом мы потеряли его из виду, а когда увидели вновь, он уже вцепился не то в бочку, не то в колоду. Древесник даже в воду зашел посмотреть, куда он денется.

«Ну вот, до Ортханка он добрался, я видел, — рассказал нам энт, вернувшись. — Выполз на ступени, как мокрая крыса. Кто-то из башни за ним следил, оттуда сразу же высунулась рука и втащила гостя внутрь. Так что он уже в Ортханке, надеюсь, его там приняли, как полагается. Но мне теперь надо хорошо отмыться. Если меня спросят, буду у северного склона. Здесь нет чистой воды ни для мытья, ни для питья. Вас прошу следить за дорогой, стеречь ворота и встречать гостей. Среди них будет Хозяин Роханских степей, поняли?

Его надо принять достойно. Окажите ему почет, как сумеете. Помните, что его войско выдержало кровавую битву с орками. Вы должны лучше энтов знать слова, которыми у людей полагается встречать вождей. Сколько живу, не выучил их языка и не запомнил имен — они так часто меняются. Надо бы их накормить людской едой, а это вы тоже лучше меня знаете. Постарайтесь найти подходящую еду для короля на свой вкус».

Теперь уже точно все. Только вы мне, пока я не забыл, скажите, что это за Причмок? Он и правда был королевским советником?

— Да, — ответил Арагорн. — Был. Но одновременно был шпионом Сарумана и выполнял его задания в Рохане. Судьба с ним сурово обошлась, но он это заслужил. То, что он увидел развалины крепости, которую считал мощной и неприступной, для него уже удар. Но боюсь, что его ждет худшая кара.

— И мне кажется, что Древесник его отправил в Ортханк не по доброте душевной, — заметил Мерри. — Он это сделал с каким-то хмурым удовольствием, потом смеялся, когда пошел умываться. А у нас было полно работы: искать продукты и вылавливать всякие запасы. Мы в разных местах нашли пару кладовых, куда вода

не попала. Но Древесник прислал энтов, и они много припасов у нас забрали.

Сказали, что надо «людской еды на двадцать пять человек». Кто-то из них уже всех пересчитал, пока вы ехали. Вас троих посчитали вместе со всеми. Но вы ничего не потеряли от того, что пообедали с нами. Мы на всякий случай половину запасов придержали, даже лучшую половину, потому что тут есть вино. Мы спросили энтов: «Питье возьмете?», а они ответили, что в Исене есть вода, которой хватит и энтам, и людям. Наверное, они сумели приготовить свое питье из горных ключей, и тогда Гэндальв вернется к нам с пышной кудрявой бородой!

Мы, конечно, здорово устали, и голодные были, но не жаловались, потому что наш труд принес щедрые плоды. Как раз в поисках еды Пипин нашел самую ценную добычу: бочонки с клеймом Дудлингов. «Трубочное зелье ценнее еды», — сказал Пипин. Вот так.

— Ну, теперь мне все понятно, — сказал Гимли.

— А мне не все, — сказал Арагорн. — Как сюда попало трубочное зелье из Южной чверти? Чем больше я про это думаю, тем больше удивляюсь. В Исенгарде я ни разу не был, но хорошо знаю все земли между Рубежным Краем и Хоббитширом.

Уже много лет по этим землям не ходят, не ездят и не возят товары, разве что тайно. Боюсь, что у Сарумана и в Хоббитшире есть союзник. Не только при дворе Феодена водятся Причмоки! Даты на бочонках были?

— Были, — ответил Пипин. — Листья 1417-го года, то есть из последнего урожая… Ой, что я говорю, из прошлогоднего! Год был очень хорошим.

— Значит, так. Если какая-нибудь подлость с этим связана, то это уже дело прошлое, и принимать меры поздно, — сказал Арагорн. — На всякий случай, надо сказать Гэндальву, хотя рядом с великими делами это мелочь.

— Интересно, какими делами Гэндальв сейчас занимается? — вмешался Мерри. — Идемте прогуляемся, а то уже скоро вечер. Раз ты тут ни разу не был, друг Долгоброд, можешь сейчас свободно походить по Исенгарду. Только предупреждаю, что там невесело.

Глава десятая. Голос Сарумана

Друзья прошли по разрушенному туннелю и взобрались на кучу камня, чтобы лучше рассмотреть черную башню Ортханк с разбитыми окнами, слепой угрозой стоявшую над окружа-

ющим разгромом. Вода из котловины почти вся ушла. Местами еще стояли лужи, в них плавали пена и мусор, но большая часть огромной круглой площади уже подсыхала, хоть и была скользкая от грязи, захламленная, вся в дырах от люков, между которыми, как пьяные, клонились в разные стороны столбы. Вместо стены вокруг котловины громоздились кучи битых камней и щебня, как бывает на морском берегу после большой бури. А за всем этим лежала в объятиях горных отрогов зеленовато-бурая долина. По котловине с севера пробиралась группа всадников, направляясь к Ортханку, и была уже близко.

— Это Гэндальв и Феоден со своими воинами! — воскликнул Леголас. — Идемте к ним!

— Осторожно! — предостерег Мерри. — Тут надо хорошо смотреть под ноги, очень много расшатанных плит, наступишь — и тебя в дыру опрокинет.

* * *

Они все-таки пошли, придерживаясь разрушенной дороги, которая вела от ворот к башне. Идти пришлось медленно, под ногами было неровно и скользко. Всадники их увидели и придержали коней, а Гэндальв выехал навстречу.

— Ну вот, мы с Древесником очень интересно побеседовали, составили план на будущее, — сообщил маг. — Кроме того, чудесно отдохнули. Пора снова в путь. Надеюсь, вы тоже смогли поесть и расслабиться?

— Конечно, — ответил Мерри. — Наша беседа началась с трубки и трубкой закончилась. И злость на Сарумана немного приугасла.

— Неужели? — переспросил Гэндальв. — Моя горит ярким пламенем. И перед тем, как уйти отсюда, я должен выполнить свой последний долг: нанести ему прощальный визит. Это несколько опасно и, наверное, бесполезно, но надо. Кто хочет, идемте со мной; только помните: без шуток. Для них время не пришло.

— Я пойду, — сказал Гимли. — Хочу на него посмотреть и убедиться, что он действительно на тебя похож.

— Как же ты в этом убедишься, мой добрый гном? — ответил ему Гэндальв. — Саруман может в твоих глазах стать на меня похожим, если ему понадобится использовать тебя в своих целях. А может и не стать. Думаешь, у тебя ума хватит разобраться в его мошенничествах? Хотя посмотрим. Может статься, он и не захочет всем сразу показываться. На всякий случай, я попросил

энтов отойти, чтобы он их не видел. Надеюсь, что тогда он даст себя уговорить и выйдет из башни.

— А в чем опасность? — спросил Пипин. — Он в нас будет стрелять или огонь из окна выпустит, или чарами околдует?

— Последнее наиболее вероятно, если ты легкомысленно подъедешь к его порогу, — ответил Гэндальв. — Невозможно предугадать, какой силой он еще обладает и что решит предпринять. Обложенный зверь всегда опасен. А Саруман наделен могуществом, о котором вы понятия не имеете. Берегитесь его голоса!

* * *

Они подошли к подножию Ортханка. Башня стояла нерушимо, основание ее влажно поблескивало, углы и ребра были острые, как отшлифованные черные лезвия, и все усилия энтов привели лишь к появлению нескольких царапин и кучки отколотых чешуек у порога.

С восточной стороны башни между двумя полуколоннами была огромная дверь, а выше — балкон с железной решеткой и закрытое ставнями окно. К порогу вело двадцать семь широких ступеней, вырубленных в цельном черном камне. Это был единственный вход в башню, кроме него

лишь множество узких окон смотрело в мир из глубоких, как бойницы, ниш в гладких стенах. Подъехав к ступеням, Гэндальв и король сошли с коней.

— Я поднимусь повыше, — сказал Гэндальв. — Я уже был в Ортханке и хорошо представляю, что мне может здесь грозить.

— Я пойду с тобой, — сказал король. — Я стар и ничего уже не боюсь. Хочу говорить с врагом, причинившим мне столько зла. Эомер будет рядом со мною и поддержит, если меня подведут старые ноги.

— Твоя воля, — ответил Гэндальв. — Я возьму с собой Арагорна. Остальные пусть ждут внизу. Отсюда хорошо видно и слышно, если с нами вообще захотят говорить.

— Ну нет, — запротестовал Гимли. — Мы с Леголасом хотим все увидеть вблизи. Мы тут единственные представители наших племен, так что пойдем за тобой.

— Пусть будет так, — согласился Гэндальв и начал подниматься по ступеням; король шел рядом с ним.

Роханские всадники, выстроившись по обе стороны от входа, беспомощно поворачивались в седлах и с подозрением смотрели на башню, стра-

шась за своего короля. Мерри и Пипин присели на самой нижней ступеньке: они чувствовали себя ничтожными, ненужными и немножко боялись.

— Отсюда до ворот, наверное, с полмили по липкой грязи, — заворчал Пипин. — Я бы лучше потихоньку пробрался назад в караульню. И зачем мы сюда пришли? Никому мы не нужны.

Гэндальв встал перед дверью и постучал в нее жезлом. Дверь глухо загудела.

— Саруман! — крикнул Гэндальв громко и раздельно. — Саруман! Выходи!

Ответа долго не было. Потом балконное окно открылось внутрь, но к решетке никто не подошел.

— Кто там? — спросил голос из темноты. — Что вам надо?

Феоден брезгливо вздрогнул.

— Знакомый голос, — произнес он. — Будь проклят день, когда я в первый раз к нему прислушался!

— Позови Сарумана, раз ты остаешься его слугой, Причмок, носивший имя Гримы! — потребовал маг. — Не трать времени зря.

Окно закрылось. Снова долгое ожидание. И вдруг из башни раздался совсем другой голос, тихий и мелодичный, полный колдовского обаяния.

Кто случайно слышал этот голос, обычно не мог запомнить и повторить слов, а если повторял, то с удивлением обнаруживал, что в его устах эти слова потеряли силу и не всегда имеют смысл. Чаще всего внимавшие Саруману помнили лишь то, что слушать его было невыразимо приятно; все, что он говорил, казалось мудрым и справедливым, и хотелось поскорее согласиться, чтобы тоже стать мудрым. Все, что рядом произносили другие, звучало грубо и плоско, а если это противоречило Саруману, то вызывало гнев в сердце околдованного.

На некоторых чары действовали только пока голос звучал, а когда Саруман обращался к другим, оставалось ощущение, как от встречи с фокусником. При этом одни посмеивались, другие удивлялись и задумывались. Многих очаровывали не слова, а сам звук его голоса. Поддавшийся чарам даже на расстоянии продолжал слышать ласковый шепот и навязчивые указания. Никто не мог внимать Саруману равнодушно. Никто не мог без большого усилия воли и разума отказать ему в просьбе, пока его необыкновенный голос звучал.

— В чем дело? — спросил он кротко. — Почему вы мешаете мне отдыхать? Почему не даете ни

минуты покоя ни днем, ни ночью?

Говорил Саруман тоном доброго, незаслуженно обиженного существа.

Удивленно смотрели все на башню, и никто не смог бы сказать, когда он появился на балконе, — этому не предшествовали ни звуки, ни движение, — но вот балкон открыт, и Саруман стоит у решетки, глядя на них сверху: старик в широком плаще, цвет которого трудно определить, так он изменчив при каждом движении. Лицо чародея было продолговатое, лоб высокий, глаза темные, глубоко посаженные, загадочные; в тот момент они казались печально-доброжелательными и немного усталыми. В седых волосах темные пряди — у висков и около рта в бороде.

— Похож и непохож, — пробормотал Гимли.

— Ну что ж, давайте побеседуем, — негромко продолжал голос. — Двоих из вас я знаю по именам. Гэндальва знаю настолько хорошо, что не тешу себя надеждой, что он мог прийти сюда за помощью или за советом. Но ты, Феоден, повелитель Рубежного Края, слывешь благородным потомком отважных королей племени Эорла. О, достойнейший сын трижды прославленного Тенгла! Отчего ты не приходил сюда раньше как друг? Я от всей души хотел видеть своим гостем

могущественного короля западных земель, особенно в последнее время; хотел предостеречь от недобрых и неосторожных советчиков. Неужели поздно? Несмотря на зло, причиненное мне, к которому — увы! — рохирримы приложили руки, я готов спасти тебя. Ибо гибель неотвратимо ждет тебя на пути, который ты выбрал. Верь мне, только я могу тебе помочь.

Феоден открыл рот для ответа, но ничего не произнес, а вместо этого поднял глаза на склонившегося над ним Сарумана, затем перевел их на Гэндальва. Похоже было, что король в растерянности. Маг, наоборот, стоял невозмутимо и неподвижно, как камень, словно ожидая знака. Всадники задвигались в седлах, зашептались, одобряя речь Сарумана, потом снова затихли. Им сейчас казалось, что Гэндальв никогда не обращался к королю так красиво и учтиво, что он с самого начала грубил Феодену. В их верные сердца закралась тень подозрения и вошел страх перед грозящей опасностью, перед Тенью, в которой может погибнуть Рохан, и бороться с которой их толкает Гэндальв. А вот Саруман стоит у дверей, из которых светит луч надежды.

Наступило тяжелое молчание.

Его неожиданно прервал гном Гимли.

— Слова этого чародея надо понимать наоборот, — сказал он, сжимая топорище. — На языке Ортханка «помощь» означает «гибель», а спасти — значит убить, это ясно. Но мы пришли не за подаянием.

— Спокойно, — произнес Саруман, и на мгновение голос его потерял ласковость, а в глазах сверкнули искры. — Я еще не к тебе обращаюсь, Гимли сын Глоина. Твоя страна далеко отсюда, и тебя мало касаются дела этой земли. Однако я знаю, что не по своей воле ты оказался втянутым в эти дела, и я не буду осуждать тебя за сыгранную в них роль; кстати, не сомневаюсь, что ты действовал мужественно. Сейчас, прошу тебя, не мешай мне говорить с королем Рубежного Края, моим ближайшим соседом и до недавнего времени другом.

Что же ты мне скажешь, король Феоден? Хочешь ли мира между нами и всяческой поддержки, которую тебе могут оказать моя мудрость и вековой опыт? Хочешь ли, чтобы мы вместе решили, как действовать дальше в эти грозные дни, как исправить причиненное друг другу зло и приложить все усилия, чтобы наши государства расцвели пышнее, чем когда бы то ни было?

Феоден по-прежнему не отвечал. Трудно было

догадаться, что происходит в его душе, — борется он с гневом или с сомнениями? Вместо него откликнулся Эомер.

— Послушай меня, о король, — сказал он. — Вот та самая опасность, о которой нас предупреждали. Неужели мы боролись и победили ради того, чтобы сейчас нам морочил головы старый лжец, смазавший ядовитый язык медом? Так говорил бы с собаками попавший в капкан волк, если бы умел. Какую помощь он может тебе предложить? Ему сейчас надо спасать свою шкуру. Неужели ты согласишься вести переговоры с мошенником и убийцей? Вспомни Феодреда, погибшего у бродов через Исену, и могилу Гамы в Теснине Хельма!

— Раз зашла речь о ядовитых языках, то что сказать про твой, змееныш? — сказал Саруман, и в его глазах еще ярче сверкнули злые искры. — Но не будем поддаваться гневу, — снова смягчил он голос. — Каждый играет свою роль, Эомер сын Эомунда. Тебе пристало носить оружие и применять его, и в этом деле ты заслуживаешь наивысших похвал. Убивай тех, кого твой господин считает врагами, и будь доволен. Не вмешивайся в политику, в которой ничего не понимаешь. Может быть, если ты сам станешь когда-нибудь королем, ты поймешь, что правитель должен быть особен-

но осторожным в выборе друзей. Не пристало вам легкомысленно отталкивать дружбу Сарумана и могущество Ортханка, даже если между нами и были в прошлом обиды, справедливые или выдуманные. Вы выиграли бой, но не войну, да и то с помощью союзников, на которых больше не сможете рассчитывать. Кто знает, не подступит ли Тень Леса к вашему порогу в ближайшем будущем? Лес капризен и неразумен и людей вообще не любит.

Неужели ты назовешь меня убийцей, король Рубежного Края, только за то, что в честном бою погибли твои мужественные воины? Раз ты начал войну, — напрасно, ибо я не хотел ее, — должны быть жертвы. Если ты при этом считаешь меня убийцей, то я отвечу, что та же печать лежит на всем роду Эорла. Разве этот род не вел войны, много войн, разве он не завоевывал тех, кто не хотел ему подчиниться? И разве не заключал мир с сильными противниками и не имел от этого выгоду? Еще раз спрашиваю тебя, король Феоден: хочешь ли мира и моей дружбы? Это зависит только от нас двоих.

— Хочу мира, — сказал наконец сдавленным голосом Феоден, будто с усилием. Несколько всадников радостно вскрикнули. Но король поднял

руку, требуя тишины, и уже в полный голос продолжал: — Хочу мира, и будет у нас мир, когда мы разгромим тебя и сорвем замыслы твои и твоего мрачного хозяина, в руки которого ты хочешь нас выдать. Ты лжец, Саруман, ты отравитель сердец. Ты протягиваешь мне руку, но я вижу лишь злой и холодный коготь Мордорской лапы! Да будь ты в десять раз мудрее, и то не было бы у тебя права управлять мной и моим народом ради своей выгоды, как ты собираешься. Не была справедливой война, начатая тобой против меня; даже если бы ты захотел оправдать ее, как ты объяснишь пожары, в которых сгорели жилища жителей Западной Лощины, как оправдаешься за смерть убитых там детей? Твои палачи рубили уже мертвое тело Гамы у ворот Рогатой Башни. Будет у нас мир с тобой и с Ортханком, когда ты повиснешь на веревке в окне своей башни на поживу собственным стервятникам! Вот тебе мой ответ от имени рода Эорла. Я лишь скромный потомок великих королей, но я не буду лизать твою руку. Ищи себе слуг в другом месте. Боюсь, однако, что твой голос потерял чародейскую силу.

Всадники смотрели на Феодена, будто пробудившись от сна. После музыки слов Сарумана его голос заскрипел в их ушах, как карканье старого

ворона. Но Саруман от ярости потерял самообладание. Он резко перегнулся через решетку, будто хотел ударить короля жезлом. Некоторым из присутствующих показалось, что они видят змею, готовую ужалить.

— Стервятники и веревка, говоришь? — зашипел Саруман так, что все вздрогнули, настолько страшной была в нем перемена. — Старик, впавший в детство! Что такое двор Эорла? Дымная лачуга, где бандиты и всякий сброд напиваются, как скоты, а их пащенки возятся на полу с псами! Это тебя веревка заждалась! Но петля уже затягивается; ее долго готовили, в конце концов она тебя крепко сдавит! Будешь висеть, раз напрашиваешься… — По мере того как он говорил, голос его снова становился мягче, видно, он сумел овладеть собой. — Не знаю, зачем я так долго тебя переубеждаю и трачу на тебя столько терпения. Нет у меня надобности ни в тебе, Феоден-коневод, ни в твоей банде, которая умеет так же быстро отступать, как и скакать вперед. Много лет назад я предлагал Рохану образовать общее с моим государство, даровать тебе то, на что не хватит у тебя ни заслуг, ни ума. Сейчас снова предложил, чтобы твои подданные, которых ты ведешь к гибели, ясно поняли, перед какими двумя дорогами

ты стоишь на перепутье и какой неверный выбор делаешь. Ты же мне отвечаешь бахвальством и клеветой. Будь по-твоему. Возвращайся к своим хлевам!

А ты, Гэндальв! Обидно мне за тебя, больно за твое унижение. Как ты терпишь этот сброд? Ты ведь горд, Гэндальв, и тебе есть чем гордиться, ибо замыслы твои благородны, взгляд проникает глубоко, и ты дальновиден. Хочешь услышать мой совет?

Гэндальв вздрогнул и поднял глаза.

— Хочешь что-нибудь добавить к нашему последнему разговору? — спросил он. — Или взять назад часть сказанного тогда?

Саруман молчал.

— Взять назад? — повторил он, будто раздумывая в удивлении. — Взять назад… Я пытался дать тебе совет ради твоего же блага, а ты меня не выслушал до конца. Гордый ты, не любишь чужих советов, да и правда, ума тебе не занимать. Но мне кажется, что ты делаешь ошибку, упорно извращая мои намерения. Увы! Я так старался тебя переубедить, что не совладал с собой, потерял терпение. Мне искренне жаль. Я не желаю тебе зла даже сейчас, хотя ты водишься со сбродом забияк и невеж. И разве я мог бы иначе? Разве

мы оба не принадлежим к одному старинному и почетному братству, кругу достойнейших и мудрейших во всем Среднеземье? Нам обоим выгодна наша дружба. Вместе мы сможем много сделать и залечить раны мира. Мы с тобой друг друга поймем, а мнения этой черни даже спрашивать не будем. Пусть ждут приказаний. Во имя общего блага я готов зачеркнуть старые счеты и принять тебя в своем доме. Хочешь держать совет со мной? Войди в Ортханк, Гэндальв.

И столько силы было в его голосе, что никто не мог слушать без волнения. Но странно действовали сейчас его чары. Всем показалось, что они — свидетели ласковых упреков, какими добрый король журит своего любимого, но совершившего ошибку придворного. Не к ним были обращены слова, не для них подбирались доводы, и они не слушали, а подслушивали, как невоспитанные дети или любопытные слуги, стоящие под дверями и выхватывающие из разговора господ отдельные слова, пытаясь угадать, как они повлияют на их маленькие судьбы. Два чародея, конечно, были вылеплены из более тонкой глины, они были благородны и мудры. Неудивительно, если они станут союзниками. Гэндальв сейчас войдет в башню, чтобы в верхних залах Ортханка

держать совет с Саруманом о высоких делах, недоступных разуму простых людей. Двери перед ними захлопнутся, и будут они ждать приказа или наказания. Даже у Феодена промелькнула тень сомнения: «Если Гэндальв изменит нам и войдет, мы погибнем».

Но Гэндальв вдруг расхохотался. Чары развеялись, как дым.

— Ах, Саруман, Саруман! — говорил маг, смеясь. — Ты ошибся в выборе судьбы. Тебе бы стать королевским шутом, заработал бы на хлеб и, может, даже был бы в почете, передразнивая королевских советников. Говоришь, — продолжал он, становясь опять серьезным, — что мы с тобой наверняка поймем друг друга? Боюсь, что тебе меня никогда не понять. А вот я тебя сейчас насквозь вижу. Не думай, что я забыл твои слова и дела. Когда я был здесь в последний раз, ты был тюремщиком, выполнявшим волю Мордора, и собирался меня туда отправить. Нет уж! Гость, однажды бежавший из твоей башни через крышу, хорошо подумает, прежде чем еще раз войти в нее через дверь. Я не пойду к тебе в башню. Но последний раз предлагаю: выйди к нам! Исенгард, как видишь, не так крепок, как ты себе внушил. Так же могут подвести и другие

силы, в которые ты еще веришь. Может, пришло время распрощаться с ними? Обратиться к чему-нибудь новому? Хорошо подумай, Саруман! Сойдешь к нам?

По лицу Сарумана пробежала тень, потом он страшно побледнел. И прежде, чем он снова сумел найти подходящую маску, все поняли, что чародей не смеет оставаться в башне, но и боится выйти из последнего убежища. Минуту он колебался, все затаили дыхание. Когда же он наконец заговорил, голос его звучал резко и холодно. Гордость и ненависть взяли верх.

— Сойти к вам? — повторил он язвительно. — Разве безоружный может выйти за порог на переговоры с бандитами? Отсюда достаточно хорошо все слышно. Я не глупец. Я не верю тебе, Гэндальв. Дикие лесные твари не стоят у меня на пороге, это правда, но я догадываюсь, где ты их спрятал.

— Изменникам свойственна подозрительность, — устало ответил Гэндальв. — Но можешь не бояться за свою шкуру. Я не хочу ни убивать тебя, ни ранить, и если бы ты меня в самом деле понимал, то знал бы это. У меня даже хватит силы тебя защитить. Даю последнюю возможность. Если согласишься, свободно уйдешь из Ортханка.

— Красиво звучит! — фыркнул Саруман. — Как подобает речам Гэндальва Серого, весьма учтиво и доброжелательно. Не сомневаюсь, что уйдя отсюда, я помогу исполнению твоих планов и оставлю тебе удобный Ортханк и большие владения. Но зачем мне отсюда уходить? И что в твоих устах означает «свободно»? Думаю, что ты поставишь определенные условия?

— Поводом к уходу отсюда может быть хотя бы вид из твоих окон, — сказал Гэндальв. — Найдешь и другие, если подумаешь. Слуги твои погибли или разбежались. Соседей ты сделал врагами, а нового хозяина пытался обмануть. Когда Глаз повернется в твою сторону, он наверняка будет багровым от гнева. Говоря «свободно», я имею в виду настоящую свободу, без заточения в тюрьму, без цепей, без приказов. Я позволю тебе идти в любую сторону, хоть в Мордор, Саруман, если захочешь. Перед этим ты только отдашь мне ключ от Ортханка и жезл. Я их возьму в залог и верну тебе потом, если снова заслужишь.

Лицо Сарумана посинело и перекосилось от злости, в глазах у него засверкали красные огни. Он дико захохотал.

— Потом! — воскликнул он, переходя на крик. — Потом! Наверное, когда получишь ключи

от самого Барад Дура, а может быть, еще корону Семи королей и жезлы Пяти магов? Когда сменишь шкуру на более просторную, чтоб не лопнуть? Скромные планы. Обойдешься без моей помощи. У меня найдутся другие дела. Не будь глупцом! Если хочешь со мной разговаривать, пока еще есть время, отойди и протрезвей, потом вернешься. И не таскай за собой головорезов и босяков, которые цепляются за полы твоего плаща. Прощай!

Он отвернулся и ушел внутрь.

— Вернись, Саруман! — В голосе мага прозвучал приказ.

К удивлению собравшихся, Саруман снова показался на балконе, но так медленно подходил к краю и так тяжело дышал, хватаясь за решетку, как будто чужая сила тащила его сюда против воли. Лицо у него сразу как-то осунулось, глаза ввалились. Пальцами, как когтями, он впился в массивный черный посох.

— Я не разрешал тебе уходить, — сурово продолжал Гэндальв, — потому что еще не кончил. Ты поглупел, Саруман, и все же мне тебя жаль. Даже сейчас ты еще мог бы расстаться со злом, вернуться к здравому смыслу и послужить доброму делу. Но ты хочешь остаться у себя в башне

и глодать сухие кости старых измен. Что ж, сиди! Но предупреждаю, что выйти будет трудно. Разве что Черные Руки с востока дотянутся сюда и выволокут тебя. А теперь слушай, Саруман! — Голос мага стал мощным и властным: — Я больше не Гэндальв Серый, которого ты предал. Я — Гэндальв Белый, вернувшийся из смерти. У тебя больше нет своего цвета, и я исключаю тебя из Мудрых и из Белого Совета! — Он поднял руку и звонким голосом раздельно произнес: — Саруман, твой жезл сломан!

Раздался треск, посох раскололся в руках Сарумана, набалдашник его покатился под ноги Гэндальву.

— Вон! — приказал Гэндальв.

Саруман вскрикнул, попятился и скрылся. В эту же минуту тяжелый блестящий предмет, брошенный сверху, просвистел в воздухе, задел решетку балкона, от которой едва успел отойти Саруман, пролетел на волосок от головы Гэндальва и ударился о ступеньку у ног мага. Железная балконная решетка зазвенела и сломалась, каменная ступенька разлетелась вдребезги, но темный полупрозрачный шар, в котором просвечивало багровое ядро, оставшись невредимым, покатился вниз. Когда он был уже на краю глубо-

кой лужи, Пипин бросился вперед и схватил его.

— Негодяй! Убийца из-за угла! — закричал Эомер.

Гэндальв не двинулся с места.

— Это не Саруман, — сказал он. — Саруман ничего не бросал и не приказывал бросать. Падало из верхнего окна. Похоже, это прощальный привет Причмока, только он не попал в цель.

— Не попал, потому что не сумел быстро решить, кого сильней ненавидит, тебя или Сарумана, — предположил Арагорн.

— Очень может быть, — сказал Гэндальв. — Эти двое немного радости получат, оставшись наедине не по своей воле. Загрызут друг друга словами. Справедливое наказание, однако. Выбраться живым из Ортханка для Причмока будет незаслуженным счастьем… Эй, хоббит, отдай-ка его мне! — крикнул он вдруг, резко повернувшись и заметив, как Пипин с трудом взбирается на ступеньки с тяжелым предметом. — Я не просил тебя его поднимать.

Маг быстро сбежал по ступеням навстречу хоббиту, почти вырвал у него из рук темный шар, завернул в полу своего плаща.

— Уж я о нем позабочусь. Саруман сам ни за что бы его не выбросил!

— Может, у него там еще что-нибудь есть на выброс, — буркнул Гимли. — Если ваш разговор кончен, давайте отойдем так, чтобы в нас не попали!

— Кончен, — ответил Гэндальв. — Пошли!

* * *

Они повернулись спиной к дверям Ортханка и сошли вниз. Всадники радостно приветствовали своего короля и уважительно — Гэндальва. Чары Сарумана рассеялись. Все видели, как он вернулся по приказу Гэндальва, а потом, когда его прогнали, сник и почти уполз.

— Вот так. Одно дело сделано, — сказал Гэндальв. — Сейчас надо разыскать Древесника и рассказать ему, как все решилось.

— Он сам, наверное, уже догадался, — предположил Мерри. — Разве могло быть иначе?

— Вряд ли, — ответил маг. — Но все висело на волоске. У меня были свои способы, чтобы с ним справиться, как благородные, так и не очень. Во-первых, я должен был убедить Сарумана, что чары его голоса ослабли. Нельзя одновременно быть и тираном, и советником. Созревший заговор перестает быть тайным. И он попал в ловушку, пытаясь опутать каждую жертву отдельно, в то

время как другие слышали. Во-вторых, я дал ему в последний раз возможность выбрать, причем, честно, — предложил разорвать союз с Мордором, отказаться от своих планов, исправить содеянное, помочь в наших замыслах. Он лучше, чем кто-либо, знает наши трудности, мог бы помочь во многом. Но он отверг предложение, чтобы удержать Ортханк. Не хочет он служить, хочет властвовать. Сейчас дрожит от страха перед Тенью Мордора, но все еще обманывает себя, надеется оседлать бурю и уцелеть. Несчастный безумец! Если рука Мордора протянется до Исенгарда, она его раздавит. Мы снаружи не можем повалить Ортханк, но Саурон… Кто знает, каково его могущество?

— А если Саурон не победит, что ты сделаешь с Саруманом? — спросил Пипин.

— Я? Ничего, — ответил Гэндальв. — Мне власть не нужна. Что с ним будет, я тоже не знаю. Мне до боли обидно, что столько силы, которая когда-то была доброй, пропадает зря в этой башне. Но для нас события вполне удачно складываются. Странные повороты делает иногда колесо судьбы. Как часто ненависть сама себя ранит. Я думаю, что даже если бы мы заняли Ортханк, то не нашли бы там большей ценности, чем та, которой Причмок

в нас швырнул.

В это время отчаянный пронзительный крик донесся из открытого верхнего окна башни и оборвался.

— Кажется, Саруман того же мнения, — заметил Гэндальв. — Идемте отсюда, пусть сами разбираются.

И они вернулись к разбитым воротам. Тут же из тени вышел Древесник, а с ним десятка полтора энтов. Арагорн, Леголас и Гимли смотрели на них с изумлением.

— Вот три моих друга, Древесник, — сказал Гэндальв, обращаясь к старому энту. — Я тебе о них говорил, но ты их еще не видел. — И маг по очереди произнес имена своих спутников.

Древесник подолгу изучающе рассматривал каждого, потом с каждым поговорил. Последним он обратился к Леголасу.

— Значит, ты прибыл к нам из Темнолесья, благородный эльф? — спросил он. — Когда-то это был большой лес.

— Он и сейчас большой, — ответил эльф. — Но не настолько, чтобы живущий в нем потерял интерес к другим деревьям. Мне бы очень хотелось побродить по Фангорнскому лесу. Я прошел только по самому его краю, и уже жаль было

оттуда уходить.

Глаза Древесника радостно замерцали.

— Надеюсь, что твое желание исполнится раньше, чем постареют эти горы, — произнес он.

— Я обязательно приду, если судьба мне улыбнется, — пообещал Леголас. — Я уже договорился с другом, что если нам повезет и все будет удачно, мы вместе навестим Фангорн, конечно, с твоего разрешения.

— Каждый эльф, которого ты приведешь, будет у нас желанным гостем, — сказал Древесник.

— Друг, о котором я говорю, не эльф, — ответил Леголас. — Это Гимли сын Глоина, вот он.

Гимли низко поклонился, при этом топорик выскользнул у него из-за пояса и со звоном упал на камни.

— Хм-м-ххо… Гном с топором! — сказал Древесник. — Ты слишком многого от меня хочешь, дорогой эльф. Ха… Странная дружба.

— Может быть, это кажется странным, — сказал Леголас, — но пока жив Гимли, я не приду без него, владыка Леса! Его топор рубит не стволы, а орчьи шеи. Сорок два орка оставил он без голов в последней битве, о Фангорн!

— Хо-хо… Так бы сразу сказал, — произнес Древесник. — Это мне нравится. Но посмотрим: что

будет то будет, не надо спешить и опережать события. Сейчас время расставаться. День идет к вечеру, Гэндальв говорит, что хочет выйти засветло, и король Рубежного Края тоже собирается поскорее вернуться домой.

— Да, нам надо ехать, причем прямо сейчас, — вмешался в их разговор Гэндальв. — Извини, но я забираю твоих привратников. Надеюсь, ты как-нибудь без них обойдешься?

— Обойтись-то обойдусь, — сказал Древесник. — Но скучать буду. Наверное, с возрастом я становлюсь расторопным, потому что, несмотря на недолгое знакомство, крепко с ними подружился. Говорят, что в старости детство возвращается. Что правда, то правда, уже много-много лет ничего нового не встречал я ни под солнцем, ни под луной, пока не увидел этих хоббитов. Я их никогда не забуду. Мы уже вставили их в Длинный Список, теперь все энты их запомнят:

…Энты, что вышли из недр, как горы,
Дальние ходоки, пьющие воду;
Хоббиты, задорные, кудрявые обжоры,
Смеющиеся дети малого народа.

Наша дружба будет жива, пока весной зеленеют листья. Будьте здоровы! Если узнаете

какие-нибудь новости на своей прекрасной родине, пришлите мне весточку. Вы понимаете, о чем я хочу знать: не видел ли кто наших жен… Если сможете, приезжайте в гости.

— Обязательно приедем! — хором ответили Пипин и Мерри, быстро отводя глаза.

Древесник долгим взглядом посмотрел на них и нежно кивнул. Потом обратился к Гэндальву:

— Значит, Саруман не хочет уходить из Ортханка? Другого я не ждал. У него сердце гнилое, как у черного хьорна. Со своей стороны, могу признаться, что если бы меня кто-нибудь победил и вырубил бы все мои деревья, я бы тоже никуда не ушел, пока было бы хоть одно укромное местечко, чтобы спрятаться дома.

— Да, но ты не плетешь заговоров и не стремишься засадить весь мир своими деревьями и уничтожить всякую другую жизнь, — возразил Гэндальв. — Саруман остался лелеять свою ненависть, и если будет возможность, опять предаст. У него ключ Ортханка. Только не дайте ему удрать.

— Не дадим. Энты за ним последят, — пообещал Древесник. — Без моего разрешения Саруман шагу не ступит за эти стены. Энты будут сторожить.

— Хорошо! — сказал Гэндальв. — Я так и думал. Теперь я спокойно уеду из Исенгарда и займусь

другими делами. Ты снимаешь у меня камень с души. Но стерегите бдительно! Вода спала. Не мало ли охраны вокруг башни? Под Ортханком наверняка есть подвалы, которыми Саруман попытается выбраться. Если вас не пугает тяжелый труд, прошу вас, залейте опять котловину водой, и пусть стоит, пока Исенгард не превратится в болото или пока вы не найдете тайного хода. Если подземелья залить, а выход завалить, Саруману придется сидеть наверху и смотреть на свет только через окна.

— Энты все сделают, — повторил Древесник. — Мы осмотрим котловину, заглянем под каждый камень, а потом сюда придут деревья. Старые, раскидистые. Назовем это место Сторожевым лесом. Даже белка не проберется через него без моего ведома. Все сделают энты. Мы не устанем стеречь Сарумана, пока не пройдет семь раз по столько лет, сколько он над нами издевался.

Глава одиннадцатая. Палантир

Солнце уже заходило за длинный западный отрог, когда Гэндальв со своим маленьким отрядом и король с гвардейцами выехали, наконец, из Исенгарда. Гэндальв посадил с собой на коня

Мерриадока, Арагорн взял Пипина. Два рохиррима по слову короля сразу от ворот пустили коней вскачь и быстро скрылись из глаз, остальные ехали без особой спешки.

Энты торжественно выстроились по обеим сторонам дороги, поднимая длинные руки прощальным жестом, но молчали. Отъехав уже довольно далеко от котловины, Мерри и Пипин в последний раз оглянулись. На небе еще розовел закат, но над Исенгардом простерлась тень, и серые развалины были едва видны в полумраке. Древесник одиноко стоял на дороге и издали казался стволом старого дерева. Хоббиты вспомнили первую встречу с энтом на солнечном карнизе у края Фангорнского леса.

Столб с гербом Сарумана был разбит. Точнее, сам столб, хоть и с треснутой верхушкой, стоял как раньше, а разбитая рука валялась на земле. Посреди дороги белел длинный указательный палец с почерневшим ногтем.

— Энты ничего не пропустили, — заметил Гэндальв.

Дальше двигались уже в густых сумерках.

— Мы что, будем всю ночь скакать, Гэндальв? — спросил через некоторое время Мерриадок. — Я не знаю, как ты себя чувствуешь, с вцепившимся

в твой плащ босяком, но босяк так устал, что охотно бы отцепился и лег где-нибудь поспать.

— Значит, ты слышал все оскорбления? — ответил Гэндальв. — Не держи их в своем сердце. Будь доволен, что Саруман еще кратко выразился. Теперь он вас увидел. Если хочешь пластырь на свою раненую гордость, то знай, что сейчас он наверняка больше думает о вас с Пипином, чем обо всех остальных. Кто вы такие? Как попали в Исенгард и зачем? Много ли знаете? Были ли в плену, а если были, то как спаслись, когда все орки до единого погибли? Этими загадками занята сейчас мудрая голова Сарумана. Издевка в его устах — это честь, Мерри, если тебе льстит то, что вы его заинтересовали.

— Спасибо, — ответил Мерри, — но самая большая честь для меня — это вцепиться в твой плащ, Гэндальв. Во-первых, чтобы еще раз повторить вопрос: неужели мы всю ночь будем ехать?

Гэндальв рассмеялся.

— Ах ты, хоббит неугомонный! Каждому магу не помешала бы рядом пара хоббитов. Уж они бы нас научили ясно выражаться и не витать в облаках. Прости меня, Мерри. Ты прав, я сам уже думал об этих простых вещах. Мы проедем еще пару часов без спешки, до конца этой долины.

Утром поскачем быстрее. Сначала мы собирались прямо из Исенгарда ехать через степь в королевский дворец в Эдорасе, это заняло бы несколько дней, но потом подумали и изменили планы. Мы выслали гонцов в Хельмскую Теснину, они предупредят, что король вернется туда завтра. И уже оттуда с более многочисленной свитой Феоден поскачет по горным тропам в Дунгарское Укрытие. Теперь по открытой местности большим отрядом ни днем, ни ночью не проедешь — опасно стало.

— Вот у тебя всегда так — или ничего, или сразу много! — сказал Мерри. — Я же спрашивал только про ночлег. Что это за Хельмская Теснина и все остальное? Ты забыл, что я этих краев совсем не знаю.

— Стоило бы и поинтересоваться, если хочешь понять, что делается вокруг. Только узнавай не сейчас и не от меня; мне еще многое надо срочно обдумать.

— Ну хорошо, на первом привале я все выпытаю у Долгоброда. Он не такой озабоченный, как ты. Но хоть скажи мне, зачем нам надо прятаться? Я думал, что мы выиграли бой.

— Да, выиграли, но это лишь первое испытание. Одержав в нем победу, мы находимся под еще

большей угрозой. Между Исенгардом и Мордором есть связь, которую я пока не разгадал. Не знаю, как они обменивались вестями, но этот обмен был. Красный Глаз Барад Дура, как мне кажется, зорко следит за Чародейской Котловиной и за роханскими степями. Чем меньше он увидит, тем лучше для нас.

* * *

Отряд медленно спустился по крутой дороге в долину Исены. Река в каменном ложе то приближалась к ним, то снова убегала от тракта. С гор сползала ночь. Туманы ушли. Дул холодный ветер. Почти полная луна в восточной половине неба разливала бледный холодный свет. Справа горные отроги переходили в безлесные холмы, впереди открывалась широкая серая равнина.

Здесь путники свернули с тракта на мягкую траву, проехали с милю на запад и остановились в ложбине, открытой с юга и упирающейся в подъем последнего в цепи Мглистых гор отрога Дол Барн, утопающего в зелени и увенчанного вересковыми кустами. Вокруг росли густые папоротники, среди побуревших прошлогодних листьев появились первые весенние побеги. Пахло свежей землей. Часа за два до полуночи

путники разбили лагерь среди колючих терновых кустов и разожгли костер из сухой травы рядом с большим кустом шиповника. Куст был стар и высок, почти как дерево, но крепок, и на живых его ветках уже набухали почки.

* * *

Поужинав, выставили караульных, по двое на смену. Остальные завернулись в плащи и уснули. Хоббиты лежали отдельно, на подстилке из папоротника. Мерри засыпал, а Пипина охватило странное беспокойство. Листья папоротника под ним скрипели и шуршали, он вертелся и крутился, не давая спать другу.

— Что с тобой? — спросил Мерри. — Ты лег на муравейник?

— Нет, — ответил Пипин. — Но мне ужасно неудобно. Я пытаюсь вспомнить, когда последний раз спал в постели.

Мерри зевнул.

— Посчитай на пальцах, — предложил он. — Ты что, не помнишь, когда мы были в Лориэне?

— Лориэн не считается, — возразил Пипин. — Я думаю о настоящей спальне и кровати.

— Тогда считай от Райвендела, — сказал Мерри. — Но я сейчас усну на чем угодно.

— Счастливчик, — продолжал разговаривать Пипин. — Ты ехал с Гэндальвом.

— Ну и что?

— Может быть, узнал у него какие-нибудь новости?

— Даже много новостей. Больше, чем обычно. Разве ты не слышал, что он говорил? Ты ведь ехал совсем рядом, а мы не секретничали. Если ты думаешь, что мог бы узнать у него больше, чем я, садись утром с ним на коня. Конечно, если сам Гэндальв захочет сменить пассажира.

— Ты уступишь мне место? Замечательно! Только ведь Гэндальв ужасно скрытный. Он таким и остался, правда?

— Нет, он изменился, — ответил Мерри, у которого сон начал пропадать, так его растревожили вопросы друга. — Он будто бы вырос. Стал сразу и добрее, и строже, и веселее, и серьезнее, чем был. Изменился. Но пока у нас не было возможности узнать, насколько. Вспомни конец расправы с Саруманом. Раньше Саруман был выше Гэндальва, он был главой Белого Совета, хотя я точно не знаю, что это такое. Он был Саруман Белый. А теперь Гэндальв сам Белый. Заставил Сарумана вернуться, сломал ему жезл, а потом одним словом прогнал!

— Да, пожалуй, Гэндальв немного изменился, но скрытность в нем осталась, ее даже больше стало, — ответил Пипин. — Например, этот случай со стеклянистым шаром. По нему было видно, что он ужасно обрадовался. Что-то он уже про этот камень знал или сразу догадался. А нам разве сказал хоть что-нибудь? Ни словечка. Да ведь если бы не я, он бы в воду провалился. «Эй, хоббит, отдай его мне», — и все. Интересно, что это за шар? Он мне показался страшно тяжелым.

Последние слова Пипин проговорил тихим шепотом, будто сам с собой разговаривал.

— Ага, так вот что тебя грызет! Пипинчик мой милый, вспомни, что сказал Гилдор и что Сэм любил повторять: «Не вмешивайся в дела магов, каждый маг хитер и на расправу скор».

— Но мы уже много месяцев только и делаем, что вмешиваемся в дела магов, — ответил Пипин. — Я бы охотно рискнул немножко, чтобы хоть что-нибудь узнать. И мне очень хочется получше присмотреться к этому шару.

— Да спи ты, наконец! — возмутился Мерри. — Рано или поздно все узнаешь. Я тебя уверяю, что ни один Тук еще не переплюнул Брендибака по части любопытства, но согласись, что еще не время лезть куда не следует.

— Хорошо, но что плохого, если мне хочется узнать про этот шар? Допустим, это даже невозможно. Старина Гэндальв сидит на нем, как квочка на яйце. Хоть бы взглянуть, а ты туда же: потом узнаешь, не вмешивайся, не лезь, да спи… Мне от этого не легче.

— А что тебе еще сказать? — ответил Мерри. — Конечно, обидно, но придется подождать до утра. После завтрака ты увидишь, что меня эта загадка не меньше твоего интересует, и я тебе помогу, как сумею, добиться у Гэндальва хоть какого-то объяснения. А сейчас у меня уже глаза слипаются. Если еще раз зевну, губа лопнет. Спи.

Пипин ничего не ответил. Он лежал тихо, но спать ему совсем не хотелось, не в пример Мерри, который через пару мгновений ровно и спокойно задышал рядом, погрузившись в глубокий сон.

* * *

В ночной тишине мысль о темном шаре сверлила Пипина еще острее, чем днем. Хоббиту казалось, что он опять чувствует тяжесть камня в руке, видит таинственный багровый свет изнутри, который на краткий миг блеснул ему днем. Он опять заворочался с боку на бок, напрасно пытаясь думать о чем-нибудь другом.

В конце концов хоббит не выдержал. Он встал и осмотрелся. От луны по-прежнему струился холодный белый свет, под кустами лежали черные тени. Было холодно, пришлось завернуться в плащ. Вокруг все спали. Часовых видно не было, наверное, они забрались повыше на бугор или спрятались в папоротниках. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Пипин тихонько подкрался к Гэндальву.

Маг, похоже, спал, только веки у него были полузакрыты и из-под длинных ресниц поблескивали уголки глаз. Пипин попятился. Гэндальв не шевелился. Тогда хоббит опять подкрался к нему, почти против воли, будто его толкала посторонняя сила. Он подбирался к магу сзади, со стороны головы. Гэндальв укрылся одеялом, плащ накинул сверху. Между его правым боком и присогнутой в локте рукой, которая словно только что расслабилась, обрисовывался круглый предмет, завернутый в темное сукно.

Затаив дыхание, Пипин осторожно подошел еще ближе к спящему. Потом встал рядом с ним на колени, протянул руку, потянул к себе сверток и поднял его двумя руками. Предмет оказался легче, чем он ожидал. «Может, барахло какое-нибудь», — подумал хоббит с облегчением. Но на

место сверток не положил. С минуту подержал его в руках, потом быстро на цыпочках отбежал в сторону, пошарил по земле руками, нашел подходящий по величине булыжник, вернулся назад. Быстро размотал ткань, завернул в нее булыжник и, присев, сунул Гэндальву под руку. А сам стал рассматривать украденный предмет.

Да, это было именно то, о чем он думал: круглый стеклянистый камень, на этот раз темный и неживой. Пипин обернул его полой собственного плаща и собирался бегом вернуться на свое место рядом с Мерри, но в это время Гэндальв во сне что-то пробормотал и пошевелился. Пипину показалось, что он услышал слова на незнакомом языке. Рука мага нащупала булыжник, завернутый в сукно, и сжала его. Гэндальв вздохнул и шевелиться перестал.

«Дурак, — сказал себе Пипин. — Будут ужасные неприятности. Положи на место». Но колени у него дрожали, и он не смел приблизиться к магу. «Не удастся, — думал он с отчаянием. — Я его разбужу; надо подождать, надо перестать бояться. А пока посмотрю хоть одним глазком. Все равно шар у меня. Только не здесь!»

Хоббит тихонько отошел и присел неподалеку на траву. Светила луна.

* * *

Пипин сидел на корточках, высоко подняв колени и сжимая между ними шар, как жадный мальчишка, который удрал от сверстников с миской лакомой еды. Он откинул плащ и, замерев, стал смотреть. Ему показалось, что воздух вокруг него тоже застыл и давит. Каменный шар был черный, как агат, и отражал лунный свет. Потом в самой его середине что-то дрогнуло и засветилось, и это свечение притянуло взгляд хоббита так, что оторваться он уже не мог. Шар будто разгорался изнутри. Пипину показалось, что или сам шар вращается, или свет вокруг него вертится с огромной скоростью. Потом все погасло. Хоббит ахнул и рванулся — но поздно: он не смог ни распрямиться, ни выпустить шара из рук, только все больше цепенел, все ниже и ниже склонялся, впившись в него взглядом, и крепко сжимал обеими руками. Его губы беззвучно шевелились. Так продолжалось довольно долго. Потом Пипин сдавленно крикнул и упал навзничь.

Крик прозвучал коротко и пугающе. Подбежали часовые. Весь отряд вскочил на ноги.

* * *

— Так вот кто вор! — сказал Гэндальв, быстро набрасывая плащ на шар. — Как же ты, Пипин! Очень неприятная неожиданность.

Маг встал на колени перед потерявшим сознание хоббитом, неподвижные глаза которого были широко открыты.

— Черные силы! Что накликал на себя и на нас этот дурачок?

Лицо мага было хмурым и озабоченным. Он взял Пипина за руку, склонился, прислушиваясь к его дыханию, потом наложил ладони ему на лоб. Хоббит задрожал и закрыл глаза, еще раз вскрикнул, сел и удивленно обвел глазами окружающих.

— Это не для тебя, Саруман! — закричал он, отодвигаясь от Гэндальва, пронзительным чужим голосом без всякого выражения, — Я за этим скоро пришлю. Понял? Повтори! — потом он дернулся, пытаясь вскочить, но Гэндальв мягко придержал его.

— Перегрин Тук! — спокойно и раздельно произнес он. — Вернись!

Хоббит расслабился и упал на землю, хватая мага за руку.

— Гэндальв! — закричал он. — Гэндальв, прости меня!

— За что тебя прощать? — спросил Гэндальв. — Сначала скажи, что ты натворил.

— Я взял… взял шар и посмотрел в него, — всхлипнул бледный Пипин. — Увидел такое, что испугался. Хотел убежать, но не смог. А потом появился Он и стал спрашивать. Смотрел на меня и… и больше я не помню.

— Так просто не отвертишься, — строго произнес Гэндальв. — Что ты видел и что ему говорил?

Пипин закрыл глаза и задрожал, но не ответил. Все молча смотрели на него, один Мерри отвернулся. Лицо Гэндальва казалось каменным.

— Говори! — приказал он.

Пипин заговорил сначала очень тихо и неуверенно, потом постепенно громче и выразительнее.

— Я… увидел темное небо… и высокие крепостные стены, — говорил он, — и маленькие звезды. Будто все было далеко и давно, но очень ясно и четко видно. Потом звезды стали то гаснуть, то снова загораться, потому что их закрывали крылатые существа. Я думаю, что они на самом деле очень большие. В шаре они были, как летучие мыши, и летали вокруг крепости. Кажется, их бы-

ло девять. Один полетел прямо на меня, рос и рос — у него был страшный… нет, я про это не могу!.. Я хотел убежать, потому что мне показалось, что страшилище сейчас вылетит из шара, но когда оно весь шар заслонило, то сразу исчезло… И тогда пришел Он. Он говорил так странно, я не слышал его голоса. Просто он смотрел на меня, и я знал, что он спрашивает:

«Значит, ты вернулся? Почему так долго не отзывался?»

Я не ответил, и он спросил:

«Кто ты?»

Я опять не ответил, и на меня обрушилась его воля, мне было очень больно, он давил, и я сказал:

«Хоббит».

Тогда он стал смеяться. Он ужасно смеялся, будто рвал меня ножами. Я вырывался, но он сказал:

«Подожди. Мы скоро снова встретимся. Скажи Саруману, что эта игрушка не для него. Я за этим скоро пришлю. Понял? Повтори!»

Он впился в меня взглядом. Мне показалось, что я рассыпаюсь в прах. И больше я ничего не помню.

— Смотри на меня, — оказал Гэндальв.

Пипин посмотрел ему прямо в глаза. Маг словно вонзил взгляд в хоббита. Но лицо его постепенно светлело, стало мягче, появилась тень улыбки. Наконец он легким жестом положил руку на кудрявую голову Пипина.

— Все в порядке. Больше ничего не говори. Серьезного вреда ты себе не причинил. Глаза твои не лгут, а этого я больше всего боялся. Он тебя недолго держал. Дурень ты, Перегрин Тук, но хоть честный дурень! Такая встреча могла бы искалечить многих поумнее тебя. Будь осторожен. Сейчас ты остался цел, и вместе с тобой уцелели твои друзья, но это, как бы сказать… просто везение. Не надейся на такое же счастье в другой раз. Если бы он стал тебя пытать, ты бы, наверное, все, что знаешь, ему рассказал, на свою и на нашу погибель. Он тебя еще не допрашивал. Он спешил. Ему сейчас не столько сведения были нужны, сколько *ты сам*, он хочет быстро взять тебя в Черный Замок и там медленно все из тебя вытянуть. Не дрожи. Раз вмешался в дела магов, надо быть готовым ко всему. Ну-ну, успокойся, Пипин. Я тебя прощаю. Выше голову. Все-таки самого худшего мы пока избежали.

Он ласково поднял Пипина на руки и отнес на папоротник, где хоббит должен был спать. Мерри

ни на шаг не отставал и сел рядом с другом.

— Ляг и отдохни, а если сможешь, поспи, Пипин! — сказал Гэндальв. — И верь мне. Если у тебя снова руки зачешутся, расскажи, я найду средство. Да, очень прошу тебя, хоббит милый, больше не подсовывай мне булыжников под локти. Все. Будьте рядом.

* * *

И Гэндальв отошел к остальным, которые так и остались стоять, с удивлением и тревогой глядя на прикрытый плащом шар.

— Опасность подкралась ночью в минуту, когда ее никто не ждал, — произнес маг. — Мы были на волоске от гибели.

— Что с хоббитом, с Пипином? — спросил Арагорн.

— Думаю, что с ним ничего не станется, — ответил Гэндальв. — Он очень недолго был во власти Того, и вообще у хоббитов удивительная сопротивляемость. Он быстро забудет то, что было. Даже слишком быстро. Арагорн, не согласишься ли ты взять Камень Ортханка на сохранение? Знай, что это очень опасно.

— Конечно, опасно, — произнес Арагорн, — но не для тех, у кого есть на него неоспоримое право.

Ибо это, без сомнения, *палантир* из сокровищницы Элендила, оставленный на хранение в Ортханке королями Гондора. Подходит мой час. Да, я его беру.

Гэндальв посмотрел на Арагорна, а потом, к изумлению окружающих, торжественно поднес ему завернутый в плащ шар и передал с низким поклоном.

— Прими его, достойнейший, — сказал маг, — как первое из сокровищ, которые будут тебе возвращены. Но если позволишь, я дал бы тебе совет: не смотри в него до времени! Будь осторожен!

— Разве я был когда-нибудь нетерпелив или неосторожен? Я, который ждал и готовился столько лет? — спросил Арагорн.

— Это правда, — подтвердил Гэндальв. — Но не рискуй, чтобы не споткнуться в конце пути! Во всяком случае, спрячь и храни тайну. Об этом же прошу всех присутствующих. Никто, и особенно Перегрин, не должен знать, у кого Камень. Искушение может повториться, потому что хоббит брал его в руки и смотрел в него, а этого нельзя было делать. Очень плохо, что он дотронулся до шара тогда в Исенгарде, — я корю себя, что не поспешил за ним сам. Но я был занят мыслями о

Сарумане и поздно сообразил, что за камень был сброшен на нас с башни. Теперь уже знаю точно.

— Да, сомнений не осталось, — добавил Арагорн. — Вот так Исенгард передавал сведения в Мордор. Многое становится понятным.

— Удивительна сила наших врагов и так же удивительна их слабость, — проговорил Феоден. — Поистине верна старая поговорка: *зло себя злом изводит.*

— Да, так бывало, — сказал Гэндальв. — Но в этот раз вам помогла сама судьба. Кто знает, может быть, хоббит и меня спас от страшной беды? Я ведь уже думал, как проверить этот шар, чтобы понять, для чего он нужен. Если бы я это сделал, открылся бы Врагу. Но пока я не готов к этому, и даже не знаю, буду ли готов вообще. У меня хватило бы сил вовремя отступить, но он бы меня увидел, и тогда наша игра проиграна. Он не должен ничего знать обо мне, пока не пробьет час, когда можно будет открыться.

— Мне казалось, что этот час подошел, — сказал Арагорн.

— Еще нет, — ответил Гэндальв. — Сейчас время сомнений, нам надо этим воспользоваться. Враг, конечно, считает, что Камень находится в Ортханке. Откуда ему знать, что это уже не так?

Значит, он думает, что хоббит там в плену и что Саруман, пытая пленника, заставил его смотреть в шар. В его черном сознании отразился образ и голос хоббита, сейчас он ждет и надеется. Пока он поймет свою ошибку, пройдет время, это время мы не должны упускать. Мы и так уже много потеряли. Надо спешить. Больше нельзя оставаться в близком соседстве с Исенгардом. Что касается меня, я немедленно уезжаю отсюда и беру с собой Перегрина Тука. Лучше ему меня сопровождать, чем лежать в темноте и не спать среди спящих.

— Оставляю при себе Эомера и десять всадников, — сказал Феоден. — Мы поскачем дальше на рассвете. Пусть Арагорн возьмет остальных и едет, когда сочтет нужным.

— Твоя воля, король, — заключил Гэндальв. — Но постарайся скорее добраться до гор. Спеши в Теснину Хельма!

* * *

Не успел он договорить последнее слово, как их накрыла странная тень, заслонившая луну. Некоторые рохирримы, вскрикнув, пригнулись, закрывая головы руками, будто их сверху ударило. Всех проняла холодная дрожь. Превозмогая страх, они посмотрели вверх. Огромная крылатая

тень черным облаком неслась по небу, на котором стали пропадать звезды. Тень развернулась к северу и исчезла быстрее ветра.

Ошеломленные люди стали приходить в себя. Гэндальв стоял прямо, вытянув опущенные руки со сплетенными пальцами, и смотрел в небо.

— Назгул! — воскликнул он. — Посланец Мордора! Гроза приближается. Назгулы перешли Великую реку. В путь! Скорее в путь! Не ждите рассвета! Не ждите друг друга! Спешите!

Он побежал в сторону, на бегу призывая Серосвета. Арагорн бросился за ним. Маг подбежал к хоббитам и поднял Пипина на руки.

— Поедешь со мной, — сказал он. — Убедишься, что Серосвет скачет быстрее ветра.

Так же бегом маг вернулся к месту ночлега, подхватил небольшую сумку, в которой было все его имущество, перекинул через плечо, вскочил на подбежавшего Серосвета. Арагорн помог ему усадить перед собой Пипина, закутанного в плащ и одеяло.

— Пока прощайте! Скачите за мной! — крикнул Гэндальв. — Вперед, Серосвет!

Великолепный жеребец тряхнул головой, взмахнул волнистым хвостом, сверкнул серебром в свете луны и помчался, как северный ветер,

взрывая копытами землю.

— Чудная ночка. Отдохнули, нечего сказать! — пожаловался Мерри Арагорну. — Но есть же на свете счастливцы! Пипин не хотел спать, а хотел ехать с Гэндальвом. Вот и любуйтесь! Поехал, вместо того, чтобы окаменеть тут и торчать в назидание потомкам.

— Ну, а если бы не Пипин, а ты поднял шар в Ортханке, то совсем неизвестно, что бы произошло, — сказал Арагорн. — Может быть, еще хуже показал бы себя, чем он. Кто знает. Теперь поедешь со мной. И сейчас же. Приготовься и собери вещи Пипина. Только поскорее.

* * *

Серосвет летел по степи, как стрела, его не надо было ни направлять, ни подгонять. Меньше, чем за час, он донес седоков до бродов через Исену и перемахнул на другой берег мимо острова и кургана рохирримов, ощетинившегося холодной сталью копий.

К Пипину постепенно возвращались силы. Он согрелся, только встречный ветер приятно холодил лицо. Гэндальв был рядом. Ужас перед шаром и черными тенями, закрывавшими луну, таял, словно уходил страшный сон. Хоббит глубоко

вздохнул.

— Я не знал, что ты ездишь без седла, Гэндальв, — сказал он. — И уздечки у тебя тоже нет.

— Обычно я так по-эльфийски не езжу, — ответил маг. — Но Серосвет не потерпел бы удила. У него нет хозяина, он несет лишь того, кого хочет нести, и сам следит, чтобы ты удержался у него на хребте.

— Он очень быстро скачет, — сказал Пипин. — Это я по ветру чувствую; и очень легко. На нем совсем не трясет.

— Он мчит сейчас так, что самый быстрый конь с трудом догнал бы его, — ответил Гэндальв. — Но для Серосвета это еще не быстро. Здесь немного поднимается почва, и земля неровная. Смотри, как приближаются Белые горы. Вон там, под звездами, как черные копья, — вершины Трезубца. Скоро мы будем у развилки дорог и въедем в лощину, где две ночи назад была битва.

Пипин замолчал и задумался. Он слышал, как Гэндальв что-то тихо бормочет или напевает, будто стихи на разных языках. Земля убегала под копытами Серосвета. Потом Гэвдальв запел громче, и хоббит сквозь свист ветра услышал и понял отдельные слова, даже разобрал несколько строк подряд:

У высоких владык высоки корабли —
Трижды три!
Что они из погибшей страны привезли
Через Море Разлук?
Семь звезд, Семь Камней
И Белое Древо.

— О чем ты поешь, Гэндальв? — спросил хоббит.

— Перебираю в мыслях Песни о Давних Деяниях, — ответил маг. — Хоббиты, наверное, их забыли, даже если знали когда-то.

— Не все забыли, — сказал Пипин. — У нас есть такие песни, но тебе они, наверное, неинтересны. Хотя эту я ни разу не слышал. О чем она? Что за семь звезд и семь камней?

— Песня рассказывает о *палантирах* древних королей, — объяснил Гэндальв.

— Палантиры? Что это такое?

— Это слово означает «Тот, кто далеко видит». Один из палантиров — Зрящих Камней — шар Ортханка.

— А он не… — Пипин запнулся. — Он не творенье вражьих рук?

— Нет, — ответил Гэндальв. — И Саруман тут ни при чем. Ни ему, ни даже Саурону не хватило

бы ни сил, ни знаний, ни власти, чтобы сотворить их. Палантиры привезены с Заокраинного Запада, из далекого Эльдамара. Их сработали нольдор, может быть, сам Феанор, и было это давно, когда еще никто не считал лет. Но нет под солнцем ничего, что Саурон не мог бы использовать для себя, во зло всему. Несчастный Саруман! Я теперь понимаю, что его погубило. Получить в руки орудие высшей мудрости, недоступное малому уму, всегда опасно. Он виноват и должен ответить. Безумец! Он хотел удержать Камень в тайне, оставить его лишь для себя. Никому из членов Совета ни разу о нем не заикнулся. Мы как-то не подумали, что хоть один гондорский палантир мог уцелеть во всех этих войнах. О них почти забыли. Среди эльфов и людей про них слышали только родичи Арагорна, дунаданы, да и то из предания.

— А для чего людям в Давние дни нужны были эти палантиры? — спросил Пипин, удивляясь, что получает ответы, и думая о том, как долго у Гэндальва будет такое настроение.

— С их помощью они видели, что делается на огромном расстоянии, и могли обмениваться мыслями, — говорил маг. — Благодаря этому удавалось так долго сохранять единство и

безопасность королевства Гондор. Гондорцы разместили по одному такому Камню в крепостях Минас Анор, Минас Итиль и Ортханк в Исенгарде. Самый главный гондорский палантир, которому подчинялись остальные, находился под Звездным Куполом в Осгилиате, пока город не был разрушен. Остальные три палантира были в северных землях. О них забыли, даже песен не сохранилось. В Доме Элронда существует предание, что один из них хранился в Ануминасе, другой — в Башне Ветров Амон Сул, а третий — в Столбовом нагорье, в башне, обращенной к Мифлонду и Лунному Заливу, где строились серые корабли.

Каждый палантир мог вступать в связь с любым из остальных, но одним; а Камню из Осгилиата отвечали все гондорские. Теперь вот оказывается, что сохранился палантир в Ортханке, ибо Черная Скала выдержала все бури. Но он один, без связи с другими, мало на что годился — показывал лишь мелкие изображения дальних и давних событий. Безусловно, Саруман им пользовался, и ему этого казалось мало. При помощи шара он проникал все дальше, пока не направил взгляд в Барад Дур, и тут сразу попался! Никто ведь не знает, куда девались остальные палантиры. Может быть, они разбиты, может быть, глубоко погребены,

может быть, испорчены или потоплены? Вероятно, одним из них завладел Саурон. Допустим, у него — Камень из Итилиэна, из крепости Минас Итиль, он ее давным-давно завоевал, теперь ее название Минас Моргул, она стала оплотом Зла!

Можно без труда представить, как, заблудившись, Саруман попал в западню. Один раз глянув не туда куда следует, он уже не мог вырваться, и им распоряжались издали, сначала убеждением, а потом, если оно не помогало, устрашением. *Попался, который кусался.* Сокол попал в когти стервятника, паук запутался в стальной сетке. Интересно, как долго приходилось ему передавать сведения и получать приказы? Сколько времени шар Ортханка был так тесно связан с Барад Дуром, что теперь любой, кто в него посмотрит, немедленно переносится мыслью и взглядом в Черную Крепость, если только не обладает несокрушимой волей? Как притягивает этот Камень! Ты почувствовал его силу. Меня он тоже искушал; я хотел испытать свою волю, проверить, не удастся ли мне вырвать его из-под власти Врага и направить туда, куда захочу, например, увидеть за волнами морей и времен прекрасный Тирион, познать неизведанную мудрость Феанора и посмотреть, как искусен он в делах рук своих, увидеть мир в

те дни, когда цвели Белое и Золотое Деревья!

Гэндальв вздохнул и замолчал.

— Жаль, что я тогда ничего этого не знал! — сказал Пипин. — Я не понимал, что делаю.

— Ничего подобного. Ты многое понимал, — возразил Гэндальв. — Ты знал, что поступаешь плохо и глупо. Ты даже сам себе это говорил, но и себя не хотел слушать. А я тебе ничего не рассказал потому, что только сейчас, пока мы едем, понял, наконец, всю эту историю. Если бы я тебя просто предостерег, то не спас бы от искушения и не отвел бы твою руку. Наоборот! Ты должен был обжечься, чтобы запомнить, что это больно.

— Ты прав! — признался Пипин. — Теперь, если передо мной положат все семь Камней, я закрою глаза и спрячу руки в карманы.

— Прекрасно! — воскликнул Гэндальв. — Я ждал этого признания.

— Но я хотел бы узнать… — начал Пипин.

— Сжалься! — взмолился Гэндальв. — Если, чтобы отучить тебя от привычки везде совать свой нос, мне надо отвечать на все твои вопросы, то придется забросить остальные дела до конца жизни. Ну, что еще ты хочешь знать?

— Названия всех звезд и всех живущих на земле существ, всю историю Среднеземья, а также

историю Заокраинных стран и Моря Разлук, — со смехом перечислил Пипин. — Ну, конечно, не меньше! Но я еще не спешу, и все сразу у тебя сегодня спрашивать не буду. Сейчас меня больше всего интересует Черная Тень. Я слышал, как ты кричал: «Посланец Мордора!» Кто это был? Зачем он летел в Исенгард?

— Это был крылатый Черный всадник, назгул, — ответил Гэндальв. — Он мог забрать тебя в Черный Замок.

— Но разве его за мной послали? — дрожащим голосом спросил Пипин. — Он ведь не знал, что именно я трогал…

— Не знал, — сказал маг. — От Барад Дура до Ортханка двести гонов птичьего полета, а может, больше. Даже назгулу на это надо несколько часов. Но с того дня, когда Саруман отправил орков на войну, он, наверное, не раз заглядывал в шар, и на той стороне прочитано немало его тайных мыслей, больше, чем он хотел бы открыть. Назгул должен выяснить, что делает Саруман. После событий прошедшего вечера должен прибыть еще один посланец, причем очень скоро. Капкан, куда Саруман неосторожно сунул лапу, захлопнется. Пленника, которого он обещал доставить, нет. Камня нет, и он теперь не может ни уви-

деть, что делается вдали, ни ответить на вызов Властелина. Саурон заподозрит, что Саруман оставил пленника себе и намеренно уклоняется от встречи, не трогает шар. Это не облегчит ему разговора с посланцем. Пусть Исенгард лежит в развалинах, он-то сам цел и невредим, сидит в башне Ортханк. Хочет он того или не хочет, в глазах Саурона он сейчас — мятежник. Если бы он принял наше предложение, мог бы избежать хоть этого. Как он выберется из всех передряг, понятия не имею. Думаю, что пока сидит в Ортханке, сил у него хватит, чтобы противостоять Девятерым. Может быть, ему удастся отбиться. Может быть, он сумеет пленить назгула или хотя бы убить крылатого коня. Ну тогда пусть рохирримы дрожат за свои табуны!

Я не могу предвидеть, лучше или хуже будет от этого нам. Возня с Саруманом может изменить или даже отменить ближайшие планы Врага. Может быть, Саурон узнает, что я был в Исенгарде, стоял на ступенях Ортханка с хоббитами, вцепившимися в мой плащ. Или что наследник Элендила жив и стоял рядом со мной. Если Причмок в Медуселде был внимателен, он вспомнит Арагорна и его титул. Этого я больше всего боюсь. Поэтому пытаюсь убежать от одной

опасности, устремляясь навстречу другой, куда более грозной и страшной. Каждый скок Серосвета приближает нас к Стране Тьмы, Перегрин Тук!

Пипин не ответил, лишь плотнее завернулся в плащ, чтобы согреться от холода, сжавшего сердце. А земля по-прежнему уносилась из-под копыт жеребца.

— Смотри! — сказал Гэндальв. — Перед нами открывается Западная Лощина. Мы вернулись на дорогу, которая ведет на восток. Вон то темное пятно вдали — это начало долины, где находится развилка дорог и Хельмская Теснина. Там Блистающие Пещеры и гроты Агларонда. Но я тебе о них рассказывать не буду, расспроси лучше Гимли, когда встретишь его снова. От него ты услышишь даже более подробный рассказ, чем захочешь. Только самих гротов ты не увидишь, во всяком случае, сейчас не увидишь. Мы их скоро проедем.

— Я думал, что мы остановимся в Хельмской Теснине! — жалобно протянул Пипин. — Куда же мы едем?

— В Минас Тирит, пока эту крепость не охватил пожар войны!

— Ой! А далеко отсюда до Минас Тирита?

— Много-много гонов, — ответил Гэндальв. — В

три раза дальше, чем до Золотого Двора короля Феодена, а его столица находится больше чем в ста милях отсюда по линии птичьего полета — например, для крылатых назгулов. Нам с Серосветом придется ехать длинной дорогой. Кто знает, кто там раньше окажется? Мы проскачем до самого рассвета, это еще несколько часов. Потом даже неутомимому Серосвету понадобится отдых: придется остановиться в каком-нибудь ущелье, а может быть, уже в Эдорасе… Поспи сейчас, если получится! Кто знает, может быть, в первых лучах солнца я тебе покажу золотую крышу Дома Эорла. А еще через два дня ты увидишь фиолетовые тени под горой Миндоллуин и белые стены крепости Дэнетора! Вперед, Серосвет! Мчись, мой верный храбрый друг, как никогда еще в жизни не мчался! Мы уже на твоей родной земле, ты здесь знаешь каждый камень. Спеши, вся надежда теперь на тебя!

Серосвет вскинул голову и громко заржал, будто услышал боевые трубы. Затем рванулся вперед. Искры сыпались у него из-под копыт, он разрывал ночную тьму, как молния.

Пипин засыпал с удивительным чувством: будто он и Гэндальв окаменели на хребте застывшего в странном беге коня, а весь мир уносится

из-под них в неистовом шуме ветра.

Летопись четвертая
Глава первая. Укрощение Смеагола

— Ну, хозяин, мы, кажется, влипли! — сказал Сэм Гэмджи. Он растерянно съежился рядом с Фродо и, прищурив глаза, всматривался в темноту.

Был вечер третьего дня с тех пор, как они покинули Отряд, во всяком случае, им казалось, что они уже третий день в пути. Счет времени они почти потеряли, без конца поднимаясь и спускаясь по голым камням нагорья Эмин Муйл, много раз при этом попадая в тупики или обнаруживая, что, сделав круг, вернулись на то самое место, откуда несколько часов назад ушли. Но все же им удалось продвинуться довольно далеко на восток и приблизиться к наружному краю причудливо переплетенного горного узла, который почти везде обрывался отвесными скалами, недоступно торчавшими над плоской равниной. Внизу под лохмами тумана застыли синюшные гнилые болота, там не было никаких признаков жизни, даже птицы над ними не летали.

* * *

Хоббиты стояли на краю высокого голого обрыва, подножие хмурой скалы терялось во мгле, за спинами путников поднималась неровная каменная стена, над ней плыли тучи. Холодный ветер дул с востока. Над бесформенной равниной собиралась ночь, гнилая зелень трясины в сумраке казалась неприятно-бурой. Далеко справа, где днем поблескивал Великий Андуин, уже совсем ничего не было видно. Но не за реку, где остались друзья, и не на Гондор, не на земли людей смотрели хоббиты. Их притягивал юго-восток, а там на ночном горизонте вырисовывался темный вал, не то дальние горы, не то застывшая полоса дыма. Время от времени в месте, где земля сходилась с небом, вспыхивали и опадали языки огня.

— Ой, влипли! — повторил Сэм. — Из всех краев земли, о которых мне приходилось слышать, хуже этого нету, глаза б мои на него не глядели! И как раз туда нас несет! Еще и добраться не можем. Мы, наверное, с пути сбились: здесь вниз не сойдешь, а если бы и сошли, — спорю, что под этой зеленью — поганое болото. Фу! Слышите, какая вонища?

Сэм потянул носом. Пронизывающий ветер был

насыщен запахом холодной гнили.

— Воняет, — ответил Фродо, но сам не шевельнулся и не отвел взгляда от темного вала и огней на горизонте. — Мордор! — прошептал он едва слышно. — Если уж я должен туда идти, надо скорее добираться и все кончать! — Хоббит задрожал и повернулся к Сэму. — Что ж, влипли или не влипли, но до утра здесь оставаться нельзя. Давай поищем удобное место, где ветра меньше, и еще одну ночь скоротаем под открытым небом. Может быть, завтра при свете тропа найдется.

— Может, завтра, может, послезавтра, а то еще после-послезавтра, — бурчал Сэм. — Может, никогда. Заблудились мы, вот что!

— Не знаю, — сказал Фродо. — Думаю, что если мне суждено дойти до Страны Мрака, дорога будет. Но кто мне ее покажет, друг или враг, — этого не знаю. Пока надежда не погасла, надо спешить. Любое промедление на руку Врагу, и, как нарочно, меня все время что-то задерживает. А вдруг уже воля Черной Крепости нами управляет? Все мои прежние решения оказались неправильными. Надо было гораздо раньше расстаться с Отрядом, пойти с севера на юг по восточному берегу Андуина, обойти нагорье Эмин Муйл с востока, по твердой равнине, которая называется Полем Бит-

вы, и выйти прямо к воротам Мордора. Но сейчас мы уже не найдем дорогу назад, а по берегу Реки рыщут банды орков. Каждый уходящий день — потеря драгоценного времени. И я устал, Сэм. Совсем не знаю, что делать. У нас еда осталась?

— Только эти, как их, лембасы, господин Фродо. Порядочно еще осталось. Это все-таки лучше, чем ничего. Когда я первый из них на зуб положил, не думал, что когда-нибудь они мне опротивеют. С каким удовольствием я съел бы сейчас кусок обыкновенного хлеба и выпил кружку или хоть полкружки пива, горло промочить! Я с последней стоянки забрал свою посуду и тащу до сих пор, да, видать, зря. Во-первых, не из чего костер разжечь, а во-вторых, нечего в котелок кинуть, даже травы нет!

* * *

Хоббиты сошли с края обрыва, отыскали в скалах углубление и спустились туда. Тучи совсем закрыли заходящее солнце, и ночь наступила быстро. Они скоротали ее, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться, и ворочаясь с боку на бок на неудобных камнях. Зато скалы защищали их от восточного ветра.

— Вы его больше не видели, господин Фродо? —

спросил Сэм, когда серым холодным утром они расправляли онемевшие руки-ноги и жевали лембасы.

— Нет, — ответил Фродо. — Ничего не видел и не слышал уже две ночи.

— И я не видел, — сказал Сэм. — Брр! Мурашки по спине ползут, как вспомню эти глаза. Может, мерзкий слизняк от нас, наконец, отвязался? «Голм-голм»! Он бы у меня забулькал, доберись я до его горла!

— Надеюсь, тебе не надо будет добираться до его горла, — заметил Фродо. — Я не знаю, как он нас выследил, но, кажется, сейчас, как ты говоришь, отвязался. Тут сухо, на голом камне не остается следов, и вряд ли он нас почует, даже своим нюхалом.

— Вот если бы правда отстал! — вздохнул Сэм. — Если бы насовсем!

— Я бы этого тоже хотел, — сказал Фродо. — Но больше всего меня беспокоит не Голлум, а то, как нам выбраться из этих скал. Я их уже ненавижу! Будто торчу голый на восточном обрыве, и мертвая пустота между мной и Мраком. А там, во мраке — Глаз… Брр! Пошли! Попробуем найти спуск.

* * *

Но день клонился к вечеру, а оба хоббита все еще бродили по гребню, не находя дороги вниз. Иногда им казалось, что в безлюдной тишине сзади них слышится не то шум, не то шелест, будто камешек скатился или босые ноги шлепают, тогда они останавливались и напрягали слух, но ничьего присутствия уловить не могли. Только шум ветра в острых скалах напоминал свистящее дыхание сквозь зубы.

Еще днем они заметили, что гребень, по которому шли, явно сворачивал к северу. Он был довольно широким, плоским, выветренным, с узкими крутыми ущельями, словно ножом прорезанными в скалах, с трещинами и провалами. Трещины, попадавшиеся им на пути все чаще и становившиеся все шире, Сэм и Фродо обходили слева, и при этом поневоле забирались вглубь нагорья. Пройдя таким образом несколько миль, хоббиты обнаружили, что гребень медленно, но верно понижается.

И вдруг пришлось остановиться. Гребень резко поворачивал на север, а перед хоббитами зияло ущелье страшнее всех предыдущих. С противоположной его стороны единой серой глыбой

на много локтей в высоту поднималась гладкая стена, словно обрубленная одним ударом ножа. Вперед идти было нельзя, оставалось выбирать между западным и восточным направлениями. Путь на запад означал сложный подъем и бесцельную потерю времени, ибо они вернулись бы в центр массива, а с востока горы обрывались в пропасть.

— Ничего не остается, Сэм, дружище, придется вниз лезть, — сказал Фродо. — Посмотрим, куда ведет вот эта расщелина.

— К обрыву, с которого свалимся, — сказал Сэм.

* * *

Расщелина, в которую они начали спускаться, была глубже, чем им показалось сверху. Сначала — впервые за всю дорогу по горам — они наткнулись на группу деревьев: тощие, кривые, мелкие березы и между ними несколько елок. Были среди них сухие, мертвые, с корой, ободранной восточным ветром. Вероятно, в лучшие дни тут рос целый лес, потому что из камней то здесь, то там торчали старые пеньки, но сейчас остался лишь вот этот жалкий островок. Склон, по которому еще можно было идти, привел их на

дно неглубокого желоба, обходившего скальный выступ. Дно желоба было засыпано камнями. Когда они дошли до его конца, Фродо наклонился над обрывом и посмотрел вниз.

— Видишь, — сказал он Сэму, — мы с тобой, кажется, большую часть дороги прошли, скалы-то понижаются. По-моему, здесь будет легче спускаться, и к долине ближе.

Сэм опустился на коленки рядом с Фродо и очень неохотно посмотрел вниз тоже. Потом поднял взгляд на стену, высившуюся слева.

— Ничего себе, легче! — пробурчал он. — Если выбирать из двух зол, то оказаться внизу, конечно, легче, чем вскарабкаться на стенку. Кто не умеет летать, может спрыгнуть.

— Прыжок получится изрядный, — сказал Фродо, смерив взглядом обрыв. — Наверное, сто локтей, — нет, пожалуй, пятьдесят, не больше.

— Нам хватит, — сказал Сэм. — Уф! Я даже смотреть вниз боюсь. А ведь смотреть проще, чем лезть.

— Все равно, я думаю, что здесь спуститься можно, — заключил Фродо. — Надо попробовать. Здесь обрыв не такой отвесный, как в других местах. И трещины есть.

Действительно, обрыв имел небольшой поло-

жительный уклон, он был похож на гигантский осевший оборонный вал или волнорез; в неровном склоне попадались небольшие выступы, словно редкие ступени, какие-то вмятины и складки.

— Если хотим попытать счастья, ждать больше нечего, — сказал Фродо. — По-моему, начинает темнеть, а ведь еще рано. Похоже, будет гроза.

Горы на горизонте, всегда окутанные дымом, сейчас совсем скрылись в плотной черноте, и эта чернота длинными полосами протягивалась по небу с востока на запад. Слышалось глухое ворчание дальнего грома. Поднимался ветер. Фродо понюхал воздух, с опаской посмотрел на небо, потом подтянул пояс, заложил за него плащ, поправил легкий мешок за спиной и подошел к краю обрыва.

— Попробую, — сказал он.

— Ладно уж, — уныло согласился Сэм. — Только первым полезу я.

— Ты? — удивился Фродо. — Что-то быстро ты меняешь свое мнение.

— Своего мнения я не менял, — сказал Сэм. — Но разум подсказывает мне, что первым должен идти тот, кто наверняка сорвется. Не хочу падать на вас и убивать сразу двоих.

И прежде, чем Фродо сумел его задержать, Сэм сел, свесил ноги с обрыва, потом повернулся, сполз на животе и повис на руках, пытаясь ногами найти опору. Пожалуй, ни разу в жизни ему не приходилось хладнокровно совершать столь героический и безрассудный поступок.

— Нет! Не надо! Сэм, упрямый осел, Сэмми, дорогой, назад! — закричал Фродо. — Убьешься! Надо смотреть, куда лезешь. Вернись! — Он схватил Сэма за подмышки и с трудом вытащил назад. — Имей терпение, не все сразу.

Потом он сам лег на край обрыва, свесил голову и внимательно осмотрел спуск. Солнце еще не село, но темнело довольно быстро.

— Кажется, сможем, — заключил хоббит. — Во всяком случае, я слезу, а ты за мной, с условием, что не потеряешь голову и будешь спускаться точно вслед.

— Боюсь, что вы слишком самонадеянны, хозяин, — ответил Сэм. — В этой тьме уже сейчас ничего не видно. А что если вы там внизу попадете в такое место, где ни ногами, ни руками нельзя будет зацепиться?

— Наверное, назад вернусь, — сказал Фродо.

— Легко сказать! — вздохнул Сэм. — Давайте лучше до утра подождем, когда виднее будет.

— Нет! Это конец! — закричал Фродо. — Часы, минуты проходят! Я сейчас полезу, нащупаю дорогу. Ты тут сиди, пока не вернусь или позову.

Фродо вцепился пальцами в каменный край и осторожно сполз по стене, прижимаясь к ней всем телом. Когда руки у него были уже полностью вытянуты, он, наконец, нащупал ногой маленький выступ.

— Есть первый шаг! — сообщил он. — Эта полочка вправо расширяется, попробую на нее встать покрепче. Сейчас… — и его голос прервался.

* * *

Темнота, накинувшаяся на небо с востока, поглотила его целиком и с каждой секундой становилась все гуще. Гром расколол небо прямо над головой. Сверкнули молнии, одна из них вонзилась в скалу. И вдруг сильный порыв ветра донес жуткий пронзительный крик. Этот голос хоббиты узнали: слышали его еще дома, когда бежали через Топкий Дол в Бакленд, и даже там, в родном Хоббитшире, от него кровь застывала в жилах. А здесь, далеко от родины, в пустых горах он звучал еще страшнее, пронзая сердца холодным кинжалом отчаяния. На мгновение у хоббитов перехватило дыхание. Сэм упал ничком

на землю. Фродо инстинктивно оторвал руки от скалы, чтобы заткнуть уши, качнулся, поскользнулся и сорвался.

Сэм услыхал его жалобный вскрик и подполз к обрыву.

— Хозяин! Господин Фродо! Хозяин! — кричал он.

Ответа не было. Трясясь от страха, Сэм набрал побольше воздуха в легкие и еще раз крикнул. Ветер оборвал его слова и заглушил их, но среди шума, гула и свиста ветра, раскатов и эха до ушей Сэма долетел ответ:

— Все в порядке, не бойся, я здесь! Только ничего не вижу…

Голос был слабый, но Фродо был недалеко: он не упал, а всего лишь сполз, немного ушибся и сумел встать ногами на другой выступ, чуть шире, чем тот, на котором стоял… К счастью, стена в этом месте была не такой уж отвесной, и хоббита поддерживал ветер. Сердце у него бешено колотилось; пытаясь устоять, он прижимался лицом к холодному камню и абсолютно ничего не различал вокруг — его окружила такая непроницаемая темень, что он решил, что ослеп. С трудом набрал в грудь воздуха и замер, боясь шевелиться.

— Хозяин! Хозяин! Вернитесь! Лезьте сюда! —

долетел до него из темноты перепуганный голос Сэма.

— Не могу, — ответил Фродо. — Ничего не вижу. Не найду, за что уцепиться. Двинуться не могу!

— Ой, что же делать! Чем вам помочь? — запричитал Сэм, наклонясь над пропастью с риском для жизни.

Что случилось с Фродо? Почему он не видит? Было, конечно, темно, но не так, чтобы совсем ничего не различить. Сэм увидел Фродо, маленькую фигурку, прижавшуюся к стене. Но руками до него невозможно дотянуться.

Снова с треском грохнул гром, и начался дождь. Ледяные струи воды, смешанные с градом, ударили по стене.

— Я сейчас к вам спущусь! — крикнул Сэм, хотя еще не имел понятия, как ему удастся помочь хозяину.

— Нет, нет, подожди, не надо! — откликнулся Фродо, начиная приходить в себя. — Мне уже лучше. Сиди там. Все равно без веревки ты ничего не сделаешь!

— Веревка! — закричал Сэм и тут же затараторил: — Бестолковая я голова, да меня самого надо повесить на веревке, в назидание другим недоумкам; кочерыжка ты безмозглая, Сэм Гэмджи,

как говорил мой Старик, светлого ума хоббит, да веревка-то…

— Перестань молоть языком! — крикнул Фродо, обрадовавшись, хотя ему было не до смеха. — Оставь Старика в покое. Ты хочешь сказать, что у тебя есть веревка? Так давай ее сюда, коли есть!

— Есть, есть, хозяин! В мешке она. Сотни миль тащу на спине, а тут дошло до такого страха, что я про нее забыл.

— Доставай скорее, бросай мне конец!

Сэм кинулся развязывать мешок. Порывшись в нем, он нащупал моток шелковистой лориэнской веревки. Вытащил, бросил конец Фродо. Веревка была светло-серая, тонкая, легко качалась на ветру. У Фродо в глазах к этому времени немного посветлело, веревку он увидел, ему даже показалось, что от нее исходит еле заметное серебристое свечение. Взгляд сосредоточился на одном предмете, голова перестала кружиться. Поймав конец, хоббит обвязал его вокруг пояса и крепко ухватил веревку двумя руками.

Сэм отступил на пару шагов от края и уперся ногами в торчащий из камней пенек. Немного помогая себе ногами, Фродо, наконец, оказался наверху и свалился без сил рядом с Сэмом.

Гром гремел уже в отдалении, а дождь лил как

из ведра. Хоббиты попробовали было отползти в глубь желоба, но по нему уже текла вода, собираясь в быстрый пенный поток, который хлестал с обрыва, как из гигантской водосточной трубы.

— Если бы я там остался, меня бы смыло в пропасть, — сказал Фродо. — Какое счастье, что у нас была веревка!

— Было бы еще большее счастье, если бы я про нее раньше сообразил, — сказал Сэм. — Помните, хозяин, когда мы уходили из той эльфийской страны, эльфы в каждую лодку положили по мотку, и так мне эта веревка понравилась, что я один моток себе в мешок упаковал. Кажется, это было так давно, много лет назад! «Она вам не раз пригодится», — сказал кто-то из эльфов, Халдир, кажется. Будто знал.

— Жаль, что мне не пришло в голову и себе моток положить, — сказал Фродо. — Но я расстался с Отрядом в такой спешке, что ни о чем не подумал. Будь веревки больше, мы могли бы по ней отсюда спуститься. Проверь, Сэмми, какой она длины.

Сэм начал разматывать моток, меряя его через локоть:

— Пять, десять, двадцать… не меньше тридцати локтей, господин Фродо!.. или сорок!

— Ну и ну! Кто бы мог подумать! — воскликнул

Фродо.

— Ха! — ответил Сэм. — Эльфы — народ удивительный. Веревочка вроде тонкая, а крепкая-прекрепкая и рук не режет. Легкая, как перышко, места не занимает. Мастера эти эльфы, я вам скажу.

— Тридцать локтей... — задумчиво повторил Фродо. — Может быть, и хватит. Если до ночи гроза утихнет, я еще раз попробую.

— Дождь-то почти кончился, — сказал Сэм. — Но в темноте больше не надо рисковать, господин Фродо. Может быть, вы уже забыли тот крик, а у меня он в ушах стоит, как ветер его донес. У Черных Всадников такие голоса, только этот прямо сверху слышался, будто тот, кто кричал, над горами летел. Я думаю, нам лучше переждать до утра прямо здесь.

— А я думаю, что мне больше ни минуты нельзя оставаться на этой стене, куда глаза Страны Мрака прямо через болото смотрят, — возразил Фродо.

С этими словами он встал и опять подошел к обрыву. Восток немножко посветлел. Рваное боковое крыло грозы постепенно отступало и рассеивалось. Основной удар бури принял на себя центр нагорья, на котором, наверное, дольше за-

держались черные мысли Саурона. Оттуда гроза пошла в наступление на долину Андуина, засыпая ее градом и молниями, потом черная тень накрыла крепость Минас Тирит, прокатилась над Гондором и пограничными областями Рохана. Воины Феодена в это время по дороге на запад видели мрачные грозовые башни туч, заслоняющие солнце, но здесь, над болотами, темно-синее небо постепенно открывалось, и скоро на нем заблестело несколько маленьких белых звездочек, как окошки в покрывале, накинутом на серп луны.

— Приятно снова видеть свет, — произнес Фродо, глубоко вздохнув. — Знаешь, Сэмми, там внизу мне показалось, что я ослеп не от молнии, а от чего-то похуже. Ничего не видел, совсем ничего, пока ты не спустил серую веревку. Она будто светилась.

— Да, в темноте она как серебряная, — сказал Сэм. — Раньше я этого не замечал. Правда, не помню, чтобы я ее раньше разглядывал, а упаковывались ведь мы днем. Но если даже на ней спускаться, то как? Тридцать локтей — это примерно высота стены или меньше?

Фродо немного подумал.

— Похоже, что так, — сказал он. — Ты завяжи веревку покрепче вокруг пенька. Если хочешь,

на этот раз я позволю тебе спуститься первым. Буду понемногу отпускать веревку, а ты только отталкивайся руками и ногами от стены. Мне будет легче, если ты на каком-нибудь выступе по дороге сможешь задержаться. А когда будешь совсем внизу, я съеду за тобой. По-моему, я уже снова в форме.

— Ладно, — сказал Сэм, но особой радости в его голосе не было. — Будь что будет.

Он прикрепил веревку к ближайшему пню. Другой конец обвязал вокруг пояса и невесело посмотрел вниз. Потом нехотя начал спускаться.

* * *

Оказалось совсем не так страшно, как он думал. Веревка была крепкой, и она будто бы придавала ему духа, только несколько раз он прикрыл глаза, когда смотрел вниз, — стена в одном месте словно обрывалась, и Сэм повис, оторвавшись от нее. Но Фродо старался отпускать веревку медленно и ровно, так что все кончилось благополучно.

Больше всего Сэм боялся, что веревки не хватит, что она кончится там, где еще нельзя будет прыгать. Но у Фродо в руке оставалась довольно большая петля, когда Сэм встал на землю под горой и крикнул:

— Я приземлился!

Его голос Фродо слышал отчетливо, но самого его не видел, потому что серый эльфийский плащ полностью сливался с сумраком.

Спуск Фродо занял немного больше времени. Он прикрепил сложенную веревку к поясу, проверил длину первой петли от пня, слегка укоротил конец, чтобы не удариться о землю. Спускаясь, пытался не рисковать, цеплялся за каждый выступ, потому что не так крепко, как Сэм, верил в абсолютную надежность тонкой веревки. Дважды ему все же пришлось проверить ее на себе, там, где стена будто уходила в глубину горы и была такой гладкой, что даже цепкие хоббичьи пальцы не смогли нащупать ни одного зацепа. Наконец Фродо тоже оказался на земле.

— Получилось! — выдохнул он с облегчением. — Нагорье Эмин Муйл мы прошли. Что дальше? Может быть, еще заскучаем по нему, вспоминая в болоте про твердые камни под ногами!

Сэм не ответил. Подняв голову, он смотрел на обрыв, с которого они только что спустились.

— Ах, я полудурок! Ах, растяпа! — расстроенным голосом запричитал он. — Моя чудная веревка! Она же привязана там, наверху, а мы

тут, внизу. Все равно, что лестница для этого слизняка Голлума! Надо было еще указатель с надписью «Иди сюда» оставить. Слишком легко спустились, вот и неприятность.

— Ну, если ты знаешь способ, как спуститься по веревке и при этом оставить ее в своем мешке, можешь уступить мне прозвища «полудурка» и «растяпы» и все остальные, которыми награждал тебя твой Старик, — сказал Фродо. — Лезь назад, отвязывай веревку и спускайся вниз. Ну что?

Сэм почесал в затылке.

— Простите, хозяин, не знаю я такого способа, — ответил он. — Но очень мне жалко ее оставлять, это факт. — Он подергал веревку за конец. — Так трудно расставаться с тем, что эльфы дали. Может быть, эту веревку сама Галадриэль сплела? Галадриэль, — позвал он шепотом, глядя вверх, будто прощаясь, и еще раз повис на конце веревки.

К удивлению хоббитов, узел развязался. Сэм упал навзничь, а длинный серый шнур с тихим шелестом свернулся у него на животе. Фродо расхохотался.

— Кто так замечательно узлы вяжет? — спросил он. — Счастье, что он не развязался раньше. Только подумать, что твоему узелку я доверил весь свой живой вес!

Сэм смеяться не стал.

— Я согласен с вами, хозяин, что по горам лазать совсем не умею, — обиженно оправдывался он, — но в веревках и узлах кое-что понимаю. Это у нас, так сказать, семейное ремесло. Мой дедушка и самый старший двоюродный дядя Энди были канатчиками, много лет держали канатную переправу в Узкополье. И ни в Хоббитшире, и нигде на свете вы не найдете никого, кто бы лучше вязал узлы на пеньках!

— Ну, значит, веревка оборвалась, перетерлась об острый край скалы, — предположил Фродо.

— Не может такого быть, — ответил Сэм. — Нет, не оборвалась она, посмотрите, даже ни одна ниточка не перетерлась!

— Но узел-то подвел!

Сэм покачал головой, перебирая веревку пальцами.

— Говорите что хотите, господин Фродо, — сказал он, наконец, сматывая ее и пряча в мешок, — а она сама отвязалась, когда я Ее позвал.

— Что отвязалась, это точно, и очень хорошо, что она у нас опять есть, — сказал Фродо, — давай думать, что делать дальше. Ночь наступает. Какие красивые звезды! А луна!

— Сердце радуют! — сказал Сэм, взглядывая

на небо. — Звезды какие-то эльфийские. Луна растет. Мы ее две ночи не видели за облаками, сейчас она уже почти круглая. Вон как светит!

— Да, — ответил Фродо. — Но совсем полной она станет через несколько дней. Света еще мало, чтобы искать дорогу в болоте.

* * *

Так в наступающей ночи они начали следующий этап пути. Через некоторое время Сэм оглянулся. На том месте, где они спускались, на сером краю обрыва темнело черное пятно — там выходил желоб.

— Хорошо, что мы веревку стянули, — произнес Сэм. — Задали задачку этой твари. Пусть попробует пошлепать с выступа на выступ, если сумеет.

Шли они по дикому и пустынному месту, обходя валуны и камни поменьше, без дороги, по скользкому после ливня грунту. Каменистый склон продолжал довольно круто спускаться вниз. Не успели они отойти далеко от горы, как путь им внезапно отрезала черная расщелина, неширокая, но и не настолько узкая, чтобы прыгать через нее в потемках. Глубину ее они определить не смогли, но казалось, что на дне булькает вода. Влево от них щель поворачивала

к северу и уходила назад к скалам, обходить ее в темноте они не решились.

— Надо попробовать пойти вдоль стены на юг, — предложил Сэм. — Может быть, найдем какую-нибудь ямку или даже пещерку.

— Ты прав, — ответил Фродо. — Я тоже устал спотыкаться на этих камнях. Была бы ровная тропа, можно было бы шагать, пока ноги несут.

* * *

Дорога по битым камням вдоль стены нагорья оказалась, однако, не легче. И Сэм не нашел ни ямки, ни пещерки, ни даже щели, чтобы спрятаться. Чем дальше, тем выше и глаже была стена. Наконец, совсем обессилев, они просто опустились под большой валун, прислонились к нему спинами и некоторое время просидели так, тесно придвинувшись друг к другу, съежившись под сырыми одеялами и дрожа от холодного ветра на холодном камне. А потом их все-таки сморил сон, как они ни пытались бодрствовать. Луна уже плыла высоко по безоблачному небу, бросая на камни белые блики, и в ее прозрачном свете голая темная громада скальной стены казалась серой, а резкие тени на ней — совершенно черными.

Фродо очнулся первым.

— Знаешь что, Сэм, — сказал он, вставая и плотнее закутываясь в плащ, — возьми мое одеяло и еще немного поспи, а я посторожу… Ой, что это? Смотри, — вдруг перешел он на шепот, вздрогнув и схватив Сэма за рукав. — Вон там, на обрыве!

Сэм посмотрел и поперхнулся от удивления.

— Тише! — проговорил он, тоже вздрагивая. — Это он, Голлум. У, змей, гад ползучий! Мы-то думали, что задали ему задачу и что он не сможет тут спуститься. Смотрите, смотрите, — лезет, как паук по стенке!

* * *

По совершенно отвесной и гладкой стене в неверном свете луны сползало небольшое темное существо, цепляясь всеми четырьмя конечностями. Может быть, гибкие цепкие пальцы его рук и ног находили какие-то неровности, которые хоббиты не смогли бы нащупать и использовать, но выглядело это так, будто оно приклеивалось лапами к стене, как хищное насекомое, головой вниз, ощупывая и обнюхивая дорогу перед собой. Время от времени Голлум медленно поднимал голову, поворачивал ее на длинной худой шее, и тогда хоббиты видели два бледных огонька, в которых на мгновение отражалась луна, а потом

они опять прятались под тяжелыми веками.

— Вы думаете, он нас видит? — спросил Сэм.

— Не знаю, — тихо ответил Фродо. — Думаю, что нет. Даже привычному глазу трудно различить в темноте эльфийские плащи. Я тебя в сумерках с двух шагов уже почти не вижу. А он как будто света не любит.

— Тогда почему он именно тут лезет? — опять спросил Сэм.

— Тише, Сэм! — предостерег его Фродо. — Может быть, он нас вынюхал. Слух у него, кажется, не хуже, чем у эльфов. Может быть, он наши голоса слышал. Мы много орали, когда спускались, и пару минут назад тоже громко разговаривали.

— Он у меня вот где сидит, — сказал Сэм, показывая на горло. — Но это уже слишком, в конце концов я до него доберусь и скажу ему пару слов, пусть попробует от меня удрать, ему это не удастся!

И надвинув пониже серый капюшон, он, крадучись, направился туда, где со стены сползал Голлум.

— Осторожно! — зашептал Фродо, идя за ним. — Не спугни его. Он опаснее, чем кажется.

Голлум уже пролез по стене три четверти пути и находился в пятнадцати локтях от земли, если

не ниже. Притаившись в тени большого валуна, хоббиты смотрели на него не отрываясь. Он, по-видимому, попал на трудный участок или что-то почуял и насторожился. Слышалось свистящее дыхание; сопение время от времени переходило не то в бормотанье, не то в проклятья. Он поднял голову, и хоббитам показалось, что он плюется. Потом снова пополз. Теперь он был ближе, и они разобрали наконец, что он шипит и бормочет:

— Ш-шш-ш! Ос-сторож-жно, З-золотц-се мое; спеш-ш-ши, но не торопис-сс-сь…Нам нельз-зя подс-ставлять ш-шею, нет, мое С-сокровищ-ще! Голм-голм. — Он опять поднял голову, заморгал на луну и быстро прикрыл глаза. — Омерз-зительный с-свет, холодный… ш-ш-ш… ш-шпионс-ский с-свет, глаз-з-ски болят.

Чем ниже он спускался, тем лучше было слышно.

— Куда девалос-сь наш-ше З-золотц-се, С-сокровищ-ще мое? Это наш-ше С-сокровищ-ще, наш-ше с-собс-ственное, надо вернуть. Воры, воры, разбойники, вориш-шки. Куда они с-спряталис-сь с-с наш-шим З-золотц-сем? Пус-сть прова-алятся. Ненавиж-жу…

— Ага, он не знает, где мы, — шепнул Сэм еле слышно. — Что это он называет своим «Золот-

цем»? Неужели…

— Молчи! — тоже шепотом ответил Фродо. — Он очень близко, как бы не услышал.

Голлум действительно остановился и поворачивал голову на тонкой шее в разные стороны, полуоткрыв глаза-плошки и прислушиваясь. Сэм сдержался и затаился, хотя у него уже руки чесались. Он только сердито смотрел на неприятную тварь, которая снова поползла вниз, не переставая бормотать и шипеть.

Когда Голлум был уже в нескольких локтях от земли, он повернул вбок и оказался как раз над головами хоббитов, а тут скала была совершенно гладкой, да еще уходила внутрь так, что даже его лапы не смогли найти на ней точки опоры. Голлум попытался поднять голову и повернуться ногами вниз, но не удержался и с громким визгом шлепнулся оземь, сложив все четыре лапы в воздухе, как паук, над которым оборвалась паутина.

Сэм двумя прыжками подскочил к нему и, прежде чем Голлум успел подняться, сел ему на шею. Но даже ушибленный и пойманный врасплох, Голлум оказался сильным противником. Сэм не успел его придавить, как Голлум обвил его ногами и руками, схватил мягко, но зажал мертвой хваткой, не давая шевельнуться и мед-

ленно сдавливая, как петлей. Липкие пальцы лезли к горлу, острые зубы впились в плечо. Не в состоянии обороняться как следует, Сэм пытался круглой головой ударить Голлума в морду. Голлум сипел и плевался, но лап не разжимал. Для Сэма это бы, наверное, плохо кончилось, если бы не Фродо, который выскочил вперед и, правой рукой выхватив из ножен Жало, левой вцепился Голлуму в редкие волосы, потом повернул его лицом вверх, так что свет луны ударил прямо в белесые злые глаза.

— Пусти моего друга, Голлум, — потребовал хоббит. — Это Жало. Ты уже один раз его видел. Пусти, иначе тебе придется ближе с ним познакомиться. Горло тебе перережу.

Голлум сразу ослаб, обмяк, как мокрая веревка, сполз с Сэма. Сэм встал, ощупывая плечо. Его глаза горели гневом, но хнычущий у ног противник был так омерзительно жалок, что ударить его рука не поднималась.

— Не обиж-жай нас-с! Не допус-сти, чтобы нас-с оби-идели, мое З-золотц-се! Хоббиты хорош-шие, ма-аленькие, не захотя-ат нас-с обидеть! У нас-с не было з-злых-х намерений, они с-са-ами на нас-с брос-силис-сь, как коты на бедную мыш-шку. Такие мы нещ-ща-ас-стные, одинокие, голм-голм.

Мы будем приз-зна-ательны, будем оч-чень приз-зна-ательны, ес-сли х-хоббиты с-сж-жа-алятс-ся.

— Что делать с такой пакостью? — спросил Сэм. — Связать ему ноги покрепче, чтобы больше за нами не плелся!

— Но тогда нам с-смерть, с-с-смерть! — заныл Голлум. — Противные х-хоббиты, х-хотят нас-с с-связ-зать и брос-сить на холодных камня-ах-х, голм-голм!.. — он рыдал, и слюна булькала у него в горле.

— Ну его! — сказал Фродо. — Если убивать, так сразу. А за что? У нас нет права на убийство. Сейчас нет. Злосчастная тварь! Он все-таки нам ничего плохого не сделал.

— Как это ничего? — возразил Сэм, растирая плечо. — Наверняка хотел сделать гадость, и если оставить его в живых, то еще сделает. Мы заснем, а он нас и придушит, только об этом и думает.

— Кое в чем ты прав, — сказал Фродо, — но думает он не об этом.

Хоббит сам надолго задумался. Голлум лежал тихо, даже хныкать перестал. Сэм не спускал с него глаз.

А у Фродо в ушах ясно зазвучали далекие голоса из прошлого:

«Жаль, что Бильбо не проткнул кинжалом

подлую тварь, когда подворачивался случай!»

«Жаль? Но ведь именно жалость удержала его руку. Он пощадил, ибо у него не было необходимости убивать...»

«Но мне Голлума совсем не жалко. Он заслуживает смерти».

«Вне всякого сомнения заслуживает! Смерти заслуживают многие из живущих. А разве не умирают те, кто должен был бы жить? Ты можешь подарить им жизнь? Тогда не спеши никого осуждать на смерть во имя справедливости. Ибо даже мудрейшие не могут всего предвидеть».

— Хорошо, — громко сказал хоббит и опустил меч. — Я боюсь, но, как видишь, я его не тронул. Я его увидел и почувствовал сострадание.

* * *

Сэм удивленно смотрел на своего хозяина, который будто разговаривал с кем-то невидимым. Голлум поднял голову.

— Да-да, нещ-ща-астные мы, — заскулил он опять. — С-сос-страдание! Хоббиты нас-с не убьют, хоббиты добрые.

— Не убьем, — сказал Фродо, — но и не отпустим. От тебя можно ждать только коварства и подлости, Голлум. Пойдешь с нами, мы с тебя глаз

не спустим. Ничего плохого мы тебе не сделаем, но ты должен будешь нам помогать, чем сможешь. Добром отплатишь за добро.

— Отплатим, да, отплатим! — засвистел Голлум. — Хорош-шие х-хоббиты воз-зьмут нас. Мы пойдем с-с ними. Мы в темноте найдем безопа-ас-сные тропки. Но куда они с-спеш-шат по холодным камням, хотели бы мы з-знать? Да, з-знать.

Он посмотрел на хоббитов, заморгал, и в его белесых глазах вспыхнул хитрый живой блеск.

Сэм нахмурился и закусил губу. Он видел, что Фродо как-то особо оценивает положение, чувствовал, что никто его сейчас не переспорит, но слова хозяина его очень удивили.

Фродо смотрел прямо в глаза Голлуму. Несчастная тварь ежилась и извивалась под его взглядом.

— Ты кое-что хорошо знаешь и о многом догадываешься, Смеагол, — спокойно и строго говорил Фродо. — Мы спешим в Мордор. А тебе, если я не ошибаюсь, дорога туда знакома.

— А! Ш-ш-ш-с-с, — зашипел Голлум, закрывая руками уши, будто произнесенные названия ранили его. — Мы догадывалис-с-сь… Пус-сть хоббиты туда не ходят, мы им этого не ж-жела-

ем. Нет, З-золотц-се мое, добрым хоббитам туда нельз-зя. Пепел, пепел, там з-зола и с-суш-шш-шь, там копи и ш-шах-хты, там орки, тыс-сяч-чи орков. Добрым хоббитам, хорош-шим х-хоббитам там не мес-сто!

— Значит, ты там был? — настойчиво спросил Фродо. — И что, тебя туда снова тянет?

— Да-да… Нет! — вскрикнул Голлум. — Мы один раз-зс з-за-шшли туда случ-чайно, это был с-случай, правда, З-золотц-се? Мы туда больш-ше не х-хотим, нет! — Тут у него изменился голос, и он с плачем закричал, обращаясь к кому-то невидимому: — Оставь меня в покое, голм! Мне больно!.. Ой, мои бедные руч-чки! Голм-голм! Я… мы… я не хочу возвращаться. Я не найду его. Я ус-стал, очень устал. Я… Мы его не найдем, голм-голм, его нигде нет. Там вс-се начеку. Люди, гномы, эльфы, страш-шные эльфы со светлыми глазами. Я не могу. А!..

Он встал, перевил длинные руки в узел, тряс ими, вытягиваясь на восток.

— Нет! Не для тебя! — крикнул он и обмяк снова, и захныкал, припадая мордой к земле: — Не надо, голм-голм! Не смотри на нас! Уйди! Иди спать!

— Он не уйдет и не заснет по твоему хотению, Смеагол, — сказал Фродо. — Но если ты в самом

деле хочешь избавиться от него, ты должен помочь *мне*. И для этого — увы — придется показать нам дорогу к нему. Я не требую, чтобы ты шел с нами до конца и вошел в ворота, этого можешь не бояться.

Голлум сел и смотрел на Фродо из-под полуприкрытых век.

— Он там, — заскрипел он. — Он вс-сегда там. Орки проводят. Орков вс-стретиш-шь на восточном берегу. Не прос-си Смеагола. С-смеагол давно погиб. Отобрали у него С-сокровищ-ще, С-смеагол пропал.

— Может быть, он найдется, если пойдешь с нами, — сказал Фродо.

— Нет, никогда! Вс-се пропа-ало, он потерял С-сокровищ-ще, — ныл Голлум.

— Встань! — приказал Фродо.

Голлум встал и прижался к стене.

— Говори! — продолжал хоббит. — Как тебе легче показывать дорогу: днем или ночью? Мы устали, но если хочешь ночью, то пойдем сразу, сейчас.

— Больш-шой с-свет реж-жет нам глаз-зски, — пожаловался Голлум. — Белое Лицо тож-же меш-шает, — показал он на луну, — но оно с-скоро уйдет з-за горы, тогда мы пойдем. Пус-сть пока

добрые хоббиты отдохнут.

— Тогда садись рядом и не вздумай шевелиться, — сказал Фродо.

* * *

Хоббиты сели под стеной, посадив Голлума посредине. Плечами они оперлись о скалу, ноги свободно вытянули. Все трое молчали, Сэм и Фродо понимали, что глаз сомкнуть не удастся. Луна медленно плыла по небу. Тени удлинялись, постепенно наползала темнота, только над головами зажигалось все больше звезд. Никто не двигался. Голлум съежился, положил морду на колени, плоскими ладонями и ступнями оперся о землю, закрыл глаза, но хоббиты догадывались, что он напряженно прислушивается и не спит, а думает.

Фродо искоса взглянул на Сэма. Сэм ответил ему понимающим взглядом. Они чуть раздвинулись, свесили головы, прикрыли веки и равномерно задышали. У Голлума слегка задрожали руки. Почти незаметным движением он повернул голову влево, потом вправо, открыл один глаз, за ним другой. Хоббиты не шевельнулись.

Вдруг с удивительной легкостью и быстротой Голлум вскочил и бросился бежать в темноту,

подскакивая, как кузнечик, и шлепая по земле лапами, как лягушка. Но Фродо с Сэмом только этого и ждали. Не успел Голлум сделать пяти шагов, как Сэм опять сел ему на закорки, а Фродо поймал его за ногу и повалил.

— Сейчас нам пригодится твоя веревка, Сэмми! — сказал Фродо.

Сэм достал веревку из мешка.

— Куда это уважаемый Голлум изволил драпать по холодным камням? — язвительно спросил он. — Очень интересно, очень. Хотел найти своих любимых орков? Паршивый предатель! Ты заслуживаешь, чтобы тебе не ноги веревкой связали, а петлю на шее затянули.

Голлум лежал тихо и не пытался сопротивляться. Только смотрел на Сэма недобрым взглядом.

— Надо только, чтобы он не убежал, — сказал Фродо. — Мы берем его с собой, поэтому нельзя ему связывать ни ног, ни рук. Он же передвигается на всех четырех. Обвяжи ему веревку вокруг щиколотки, а другой конец держи покрепче.

Пока Сэм затягивал узел, Фродо стоял над Голлумом. Результат их стараний оказался совершенно неожиданным. Голлум завизжал тонким душераздирающим голосом, который слушать было почти невозможно. Он извивался, пытался зу-

бами дотянуться до петли на ноге, кричал так, что пришлось поверить, что ему действительно невыносимо больно.

Фродо попробовал узел, внимательно осмотрел веревку. Петля была затянута совсем не туго, руки у Сэма оказались добрее, чем язык, поранить ногу веревка не могла.

— Что с тобой? — спросил Фродо. — Раз ты пробовал удрать, тебя надо было связать, но издеваться над тобой мы не собирались.

— Больно мне, больно! — вопил Голлум. — Мороз-зит, ж-жа-лит! Эльфы, проклятые эльфы, это их-х работа! З-злые, противные хоббиты! Потому мы и хотели убежать, мое З-золотц-се! Мы чувсс-ствовали, что хоббиты з-злые, они водятся с эльфами, со с-страш-шны-ми эльфами, у которых с-светятся глаз-за. С-сснимите!.. больно!

— Нет, — ответил Фродо. — Ничего я с тебя не сниму, разве что… — Он на минуту задумался. — Разве что ты дашь такую клятву, что я смогу тебе поверить.

— Дадим, дадим клятву! Мы поклянемс-ся, что будем делать вс-се, вс-се, что с-скаж-жут! — корчась, взвыл Голлум, хватаясь за обвязанную ногу тремя остальными конечностями. — Нам больно!

— Поклянешься? — еще раз спросил Фродо.

— Смеагол поклянется, — сказал вдруг Голлум без шипения, довольно чистым голосом и широко раскрыв глаза. — Смеагол поклянется на Сокровище.

Фродо выпрямился и, когда заговорил, опять удивил Сэма и словами, которые произносил, и суровым тоном.

— На Сокровище? И ты посмеешь? Подумай: «Единое, чтоб их собрать и в цепь сковать…» Ты на нем поклянешься, Смеагол? Эта клятва тебя свяжет. Но *оно* еще вероломнее тебя. Оно может по-другому перетолковать твои слова. Берегись, Смеагол!

Голлум скорчился на земле.

— На Сокровище, на Сокровище! — повторял он.

— Что обещаешь? — спросил Фродо.

— Что буду хороший, очень-очень послушный и хороший! — ответил Голлум. Потом заюлил, завыл, зашептал хрипло, будто сам уже боялся того, что говорил: — Смеагол поклянется, что никогда-никогда не выдаст Ему. Никогда. Смеагол спасет. Только надо дотронуться. Одним пальчиком.

— Нет! — ответил Фродо, с жалостью, но сурово смотря на Голлума сверху вниз. — Ты хочешь его

увидеть и тронуть, хотя знаешь, что, увидев, обезумеешь. Нет! Клянись так. Ты знаешь, где оно, знаешь, Смеагол. Оно перед тобой, но — без рук!

Сэму на мгновение показалось, что его хозяин вырос, а Голлум уменьшился. Высокая серая тень в эльфийском плаще стояла перед ним, это был могущественный повелитель, скрывавший сияние под серым облаком, а у его ног скулил жалкий пес. И вместе с тем в них было что-то, что их объединяло, связывало, чем-то они стали очень похожи и стали понимать мысли друг друга.

Голлум приподнялся, пытаясь дотянуться руками до груди Фродо, а сам все терся у его колен.

— Лапы прочь! — приказал Фродо. — Клянись!

— Клянусь, да, клянусь, — сказал Голлум. — Клянусь служить Хозяину Сокровища. Хозяин хороший, Смеагол хороший, голм-голм.

И вдруг опять расплакался, хватая зубами ногу возле веревки.

— Отвяжи его, Сэм, — сказал Фродо.

Сэм послушался очень неохотно. Голлум сразу вытянулся и тут же запрыгал, как дворняжка, которую крепко побили, а потом погладили. С этой минуты он как-то изменился. Меньше шипел, меньше хныкал, говорил, обращаясь к хоббитам, а не к своему Золотцу. Съеживался и отступал при

каждом неожиданном приближении Сэма, вздрагивал от прикосновения эльфийских плащей и старался держаться от них подальше. Вместе с тем всячески выказывал свое расположение и старался подольститься. Когда Фродо или Сэм шутили, или Фродо ласково к нему обращался, Голлум от радости не то смеялся, не то кудахтал и нелепо взбрыкивал, а от строгих слов заливался слезами. Поэтому Сэм старался к нему не обращаться. Он доверял этой твари еще меньше, чем раньше, и новый Смеагол вызывал в нем большее омерзение, чем прежний Голлум.

— Ну, Голлум или как тебя там, — сказал он, когда отвязал веревку, — трогай! Месяц зашел, скоро ночь кончится. Пошли.

— Да-да, идем, — поддакнул Голлум, угодливо гримасничая. — Между северным и южным болотом всего одна дорога. Я ее нашел. Орки там не ходят, орки не знают дороги. Орки боятся болота, далеко-далеко обходят. Ваше счастье, что вы пошли по этой дороге. Счастье, что встретили Смеагола. Смеагол вас поведет! — Он отбежал на несколько шагов и вопросительно смотрел на хоббитов, как пес, который просит хозяев вывести его на прогулку.

— Подожди! — крикнул Сэм. — Не очень-то

вырывайся вперед! Я иду за тобой, и у меня есть веревка.

— Не надо, нет! — испугался Голлум. — Смеагол поклялся!

Они пошли в темноту под холодными звездами. Сначала Голлум повел их на север, по дороге, вдоль стены, потом вдоль расщелины, которая круто повернула вправо, уходя от обрыва вниз по осыпи, прямо к большим болотам. Шли быстро и бесшумно. В огромной пустыне перед вратами Мордора была непроницаемая мгла и тишина.

Глава вторая. По болотам

Голлум шел резво, вытянув вперед голову на длинной шее, часто помогая себе руками. Сэму и Фродо приходилось почти бежать, чтобы не отстать от него; но видно было, что он пока удирать не собирается, и когда хоббиты отставали, он оборачивался и ждал. В том месте, где расщелина дальше всего уходила от горы, Голлум остановился.

— Здесь! — крикнул он, потом показал на юго-восток, в сторону болот. — Да-да, здесь дорога, вниз и дальше, дальше, вон туда!

В нос им ударил тяжелый запах гнили и сыро-

сти, перебивая ночную свежесть. Голлум полазал по краю расщелины и еще раз сказал:

— Здесь! Здесь можно спуститься. — А потом добавил: — Смеагол один раз тут был. Я ходил тут. Прятался от орков.

Вниз, в темный овраг он сполз первым, а хоббиты — за ним. Спуск трудным не показался, потому что овраг был неглубок, всего локтей пятнадцать, а в ширину — не больше двенадцати. Он вел почти точно на юг. По его дну бежала вода, похоже, один из ручьев, которые стекали с гор и питали вонючие болота. Голлум дошел до воды, свернул вправо и побрел прямо по мелкому ручью, шлепая ступнями с явным удовольствием. Он даже тихонько подхихикивал и пытался квакающим голосом изобразить что-то вроде песенки:

Как кости, камни
Мне ножки сбили,
И ручки в ранах,
И все немило.
В воде прохладно
И мягко ножкам,
И мне приятно,
Хочу немножко…

— А чего хочу? — вопросил он, бросив косой взгляд на хоббитов. — Сейчас скажу, сейчас скажу. Он когда-то отгадал, Торбинс отгадал.

Глаза у Голлума заблестели странным зеленым блеском, и он забормотал:

Без воздуха живет,
Холодная, как лед,
Не хочет пить, а пьет.
Броней блестит, но не звенит
И все молчит.
Ей остров кажется горой,
Ей плохо на земле сухой,
А если льет из тучи,
Ей веселей и лучше.
Скользкая, гибкая,
Пощекотать бы горлышко
Рыбкой…

Эта песенка еще раз вернула Сэма к проблеме, над которой он задумался, когда понял, что хозяин собирается взять Голлума в проводники: пропитание. Сэм был уверен, что Фродо об этом и не думает, но Голлум-то думал наверняка. Что он ел один в дороге? «Вероятно, почти ничего, — сам

себе сказал Сэм, — Вид у него изголодавшийся. Он неразборчив, на безрыбье может попробовать и хоббита, если удастся придушить кого-нибудь из нас во сне. Только это у него не пройдет, Сэм Гэмджи начеку!»

По темному оврагу они шли долго, во всяком случае, усталым хоббитам так показалось. Овраг повернул на восток, постепенно расширился, склоны стали ниже. Наконец перед рассветом небо над ними начало бледнеть. Непохоже было, что Голлум устал, однако он остановился и поднял голову.

— День близко, — зашептал он, будто считал День опасным существом, которое может подслушать его и вцепиться в горло, — Смеагол останется здесь; я тут спрячусь, чтобы Желтое Лицо меня не увидело.

— Мы бы с радостью посмотрели на солнце, — сказал Фродо, — но мы останемся с тобой, тем более что очень устали и вряд ли сможем без отдыха идти дальше.

— Глупо радоваться Желтому Лицу, — сказал Голлум. — Оно выдает. Благоразумные хоббиты останутся со Смеаголом. Рядом орки и другие злодеи. Далеко видят. Всем надо прятаться.

Они уселись на плоских сухих камнях под обры-

вом. Он уже был не выше роста огромины. Ручей сбегал по узкому руслу вдоль противоположной стороны оврага. Фродо и Сэм отдыхали, прислонившись спинами к камням. Голлум бродил по воде, шлепая широкими ступнями.

— Перекусить бы надо, — сказал Фродо. — Ты, наверное, тоже голодный, Смеагол? У нас мало еды, но мы с тобой поделимся, чем можем.

При слове «голодный» в белесых глазах Голлума сверкнули зеленоватые огоньки, и сами глаза, казалось, стали вылезать из орбит. На минуту он даже вернулся к прежнему свистящему прошепетыванию.

— Мы голодные, мы ес-сть хотим, мое З-золотц-се! Ш-шш-што они едят? Мож-жет быть, у них-х ес-сть вкус-сная рыбка? — он даже облизал бесцветные губы, высунув язык из-за острых желтых зубов.

— Нет, рыбы у нас нет, — ответил Фродо. — У нас только вот это, — сказал он, показывая кусочек лембаса, — и вода, если эту воду можно пить.

— Вода хорошая, вкус-сная, — ответил Голлум. — Пейте, пейте, пока мож-жете. Но ш-што это у них-х, мое С-сокровищ-ще? Оно х-хрус-стит. Оно вку-ус-сное?

Фродо отломил кусочек сухаря и подал ему на

листе, в который лембас был завернут. Голлум понюхал лист, и лицо его исказилось: гримаса отвращения перекосила рот, в глазах появилась прежняя злоба.

— Смеагол чует! — воскликнул он. — Это листья из эльфийского леса, фу! Воняет! Смеагол там влез на дерево, потом ручки не мог отмыть, не мог смыть этот запах с наш-ших бедных, несчастных руч-чек!..

Отбросив лист подальше, он открошил край лембаса и сунул в рот, но тут же выплюнул его и захлебнулся в кашле.

— Нет, ох! — кричал он, отплевываясь, кашляя и фыркая. — Хотят отравить бедного Смеагола, чтобы он задохнулся! Пыль, пепел, этого мы не едим. Смеагол будет голодать. Трудно, но нельзя сердиться. Хоббиты добрые. Смеагол поклялся. Он будет голодать. Мы не можем есть хоббитскую еду. Значит, мы изголодаемся. Бедный голодный Смеагол!

— Мне очень жаль, — произнес Фродо, — но я ничем не могу тебе помочь. Я думаю, что сухари пошли бы тебе на пользу, если бы ты их как следует распробовал. Но, видно, для этого время не пришло.

* * *

Хоббиты молча жевали лембасы. Сэму в то утро их вкус показался замечательным. Может быть, они ему снова здорово понравились именно потому, что не понравились Голлуму? Вместе с тем он чувствовал себя неловко, потому что каждый раз, когда хоббиты подносили руки ко рту, Голлум провожал их взглядом, как пес, ждущий под столом хозяйских объедков. Только когда они кончили еду и стали укладываться на отдых, Голлум, наконец, поверил, что никаких лакомств от него не прячут, отошел на несколько шагов и присел в одиночестве, тихо всхлипывая.

— Послушайте, хозяин! — обратился Сэм к Фродо, не очень беспокоясь, услышит ли его Голлум. — Надо все-таки немного поспать, ну, не вместе, так хоть по очереди, раз тут рядом эта голодная тварь, потому что клятва — клятвой, а голод — голодом. Могу поспорить, что хотя он и стал себя вместо Голлума называть Смеаголом, повадки у него остались прежние. Вы спите первым, хозяин, отдыхайте, я вас разбужу, когда глаза у меня начнут окончательно слипаться и больше сидеть не смогу. Гляньте на него — извивается, как раньше, а ведь не связанный.

— Может быть, ты и прав, Сэм, — ответил Фродо, тоже не понижая голоса. — Он изменился, но и я не уверен, что эта перемена достаточно глубоко зашла. Думаю, все-таки, что у нас пока нет причин его бояться. Если хочешь — посторожи. Дай мне часа два поспать, потом разбудишь.

Фродо настолько устал, что кончив говорить, сразу уснул, опустив голову на грудь. Голлум тоже улегся, свернувшись в клубок и ни о чем больше не спрашивая. Дышал он с легким присвистом сквозь зубы и лежал неподвижно, как камень. Сэм вдруг испугался, что равномерное дыхание спящих и его усыпит, тут же вскочил и стал ходить взад-вперед. Даже один раз легко тронул Голлума ногой по дороге. У того лишь руки вздрогнули и разжались, потом он снова замер. Сэм нагнулся и шепнул ему прямо в ухо: «Рыба!», — но Голлум не пошевелился и сопел ровно.

Сэм почесал в затылке.

— Наверное, вправду заснул, — пробормотал он. — Будь я Голлумом, он бы у меня не проснулся…

Хоббит вспомнил про меч и веревку, но отогнал эту мысль и уселся рядом со своим господином.

* * *

Когда он очнулся, небо было мутное, и не светлое, а темнее, чем утром. Сэм тут же вскочил на ноги, удивляясь, почему он чувствует себя таким свежим и голодным, и вдруг сообразил, что проспал целый день, не меньше девяти часов. Фродо все еще спал, вытянувшись во весь рост на боку. Голлума видно не было. Сэм разразился упреками в собственный адрес, извлекая обидные прозвища из лексикона своего Старика и утешаясь только одной мыслью: Фродо прав, сейчас Голлум не опасен. Во всяком случае, оба хоббита остались живы; пока они спали, никто их не душил.

— Горемыка несчастный, — произнес он со смешанным чувством стыда и жалости. — Куда же он делся?

— Близко, близко, тут я, — ответил ему голос сверху.

Сэм поднял глаза и увидел на фоне вечернего неба большую голову Голлума с оттопыренными ушами.

— Эй, а что ты там делаешь? — крикнул Сэм, потому что от одного вида Голлума в нем снова проснулось недоверие.

— Смеагол голодный, — сказал Голлум. — Скоро

вернется.

— Сейчас же возвращайся! — крикнул Сэм. — Эй, иди назад!

Но Голлум уже исчез. Крики Сэма разбудили Фродо. Он сел, протер глаза.

— Что случилось? — спросил он. — Ты чего кричишь? Который час?

— Не знаю, — ответил Сэм. — Кажется, солнце зашло. А он ушел. Сказал — голодный.

— Не огорчайся, — сказал Фродо. — Тут уж ничего не поделаешь. Он вернется, вот увидишь. Клятва на некоторое время его связала. И не захочет он уходить от Сокровища.

Сам Фродо это понял, узнав, что оба они спали, как сурки, рядом с голодным и свободным Голлумом.

— Нечего вспоминать прозвища, которыми награждал тебя Дед Гэмджи, — произнес он, заметив, что Сэм открыл рот. — Ты очень устал, и все хорошо кончилось. Пока мы оба отдохнули, а впереди плохая дорога, самая трудная из всех.

— Я думаю, как нам дальше быть с едой, — сказал Сэм. — Сколько времени понадобится, чтобы довести Дело до конца? И что потом? Дорожные сухари эльфов, конечно, очень питательны, но если правду сказать, на ногах они держат, а жи-

вота не наполняют, во всяком случае, моего, без обиды будь сказано для тех, кто их пек. Кроме того, припасы-то наши тают, а есть надо не один раз в день. Думаю, нам хватит недели на три, не больше, и то если реже жевать и крепче пояса затягивать. Каждую крошку беречь нужно.

— Не знаю, сколько времени нам понадобится, чтобы, как ты говоришь, довести Дело до… до конца, — ответил Фродо. — Мы слишком долго канителились в горах. Но Сэмми, милый мой, дорогой хоббит, лучший из друзей, я не думаю, что нам стоит беспокоиться о том, что будет потом! У нас вообще не так уж много надежды на то, что мы *завершим наше Дело*. Если даже это нам удастся, кто знает, как оно получится? Представь, что Единое гибнет в пламени, а мы остаемся у Большого Огня? Скажи, Сэм, понадобится нам тогда хлеб? Я думаю, что нет. Сейчас главное — сохранить силы, чтобы добраться до Роковой горы, — вот все, что мы можем сделать. Но и это много, боюсь, что для нас это слишком много, и я не справлюсь.

Сэм молча кивнул. Он взял руку Фродо наклонился над ней, но не поцеловал, а только расплакался. Потом отвернулся, утер нос рукавом, встал, прошел несколько шагов, попытался

посвистеть, у него это не получилось, и он стал повторять:

— Куда этот колченогий запропастился? Куда…

Голлум наконец вернулся, подошел так тихо, что его заметили, когда он уже стоял перед ними. Пальцы и губы у него были в грязи. Он еще пускал слюни и что-то дожевывал, а что — хоббиты спрашивать не стали, и думать об этом было противно.

«Змеи какие-нибудь, черви или другая болотная пакость, — решил Сэм. — Брр, мерзость. Несчастная тварь».

Голлум ничего не сказал, пока не напился воды и не умылся в ручье. Потом подошел к хоббитам, облизывая губы.

— Теперь лучше, — сообщил он. — Вы уже выспались? Готовы в путь? Хорошие хоббиты, вкусно спали. Доверяете Смеаголу, правда? Это хорошо, это очень хорошо!

* * *

Следующий их переход почти не отличался от предыдущего. Овраг становился все более мелким и пологим. Дно его было уже не сплошь каменистым, стены превратились в земляные валы, овраг все время поворачивал то в одну, то

в другую сторону.

Ночь кончалась, но тучи плотно закрывали луну и звезды, и рассвет только угадывался, когда в холодный предутренний час они вышли к концу оврага. Берега ручья здесь поднялись двумя поросшими мхом валиками. Ручей перекатывался через последний плоский камень и с бульканьем вливался в бурое болото. Сухая трава по его берегу, еле различимая в полутьме, качалась и шелестела, хотя ветра путники не чувствовали.

Перед ними, вправо и влево, сколько видел глаз, в мутном тумане на юг и на восток тянулись болота: топи и трясины. Над черной зловонной жижей курился пар. Стоячий воздух был насыщен удушливым смрадом. Далеко на юге вырисовывались мрачные горные хребты — ограда Мордора, казавшаяся отсюда черным нагромождением рваных туч над окутанным туманом унылым бурым морем.

Теперь хоббиты полностью отдались на милость или немилость Голлума. Глядя на бесконечные болота в мутном предутреннем свете, они не знали и не могли догадаться, что находятся на их северном краю, что почти все они тянутся отсюда строго на юг и что их можно было, слегка удлинив путь, обогнуть с востока, дойдя по твердой зем-

ле до бесплодной равнины Дагорлад, где перед воротами Мордора некогда разыгралась великая битва. Правда, те дороги тоже обещали мало хорошего, спрятаться на них было бы негде, они все шли по открытой каменистой равнине, где перекрещивались пути орков и солдат вражьих армий. Даже лориэнские плащи вряд ли помогли бы хоббитам пройти там незамеченными.

— Куда теперь, Смеагол? — спросил Фродо. — Неужели надо лезть прямо в эти вонючие болота?

— Не надо, — ответил Голлум. — Не надо, если хоббиты хотят скорее дойти до темных гор и скорее встретиться с Ним. Можно немного пойти назад, немного вокруг. — Он показал тонкой рукой на север и восток. — Там твердая холодная дорога прямо к воротам. Там много слуг высматривают гостей, да-да, их встречают и провожают прямо к Нему. Да, да. Глаз всегда стережет ту дорогу. Давно-давно там поймали Смеагола, — Голлум задрожал. — Но с тех пор Смеагол не тратил времени зря, он не ленился, нет, глаза работали, ноги работали, нос работал. Я сейчас знаю другие дороги. Труднее, дальше, идти надо медленно, но лучше, если мы не хотим, чтобы Он нас увидел. Идите за Смеаголом: он поведет вас

через болота, через туман, через хороший густой туман. Идите за Смеаголом осторожно, и, может быть, вы зайдете далеко, очень далеко, прежде чем Он вас поймает.

* * *

День вставал хмурый, утро было безветренное, над топями клубились тяжелые туманы. Ни один луч солнца не пробивался сквозь низкие тучи, и Голлум требовал выходить сейчас же, не тратя ни минуты. Поэтому привал путники сделали совсем короткий, после чего вступили в хмурый, молчаливый, темный и сырой мир, сразу потеряв из виду горы, с которых только что сошли, и горы, к которым стремились, и вообще все. Шли очень тихо, гуськом: первым Голлум, за ним Сэм, потом Фродо.

Фродо, казалось, устал больше всех, и, хотя двигались они медленно, часто отставал. Но хоббиты были рады, что местность, которая издали казалась одной сплошной трясиной, на самом деле представляла собой долину, покрытую густой сетью разлившихся луж, топкой грязи и болот, среди которых зоркий глаз и проворные ноги все-таки могли найти тропу. У Голлума явно были зоркие глаза и быстрые ноги, и он ими умел поль-

зоваться. Но и ему приходилось туго. Он то и дело поворачивал голову на длинной шее то влево, то вправо, принюхивался и что-то бормотал себе под нос. Иногда он поднимал руку, останавливал хоббитов, а сам шел вперед на четвереньках, щупая почву ногами и руками, или прислушивался, припадая ухом к земле.

Пейзаж был хмурым и однообразным. На всеми забытой гнилой пустоши еще продолжалась холодная, мокрая зима. Вместо настоящей зелени лишь бледные синеватые водоросли плавали поверх мутных стоячих вод. Кое-где во мгле вырисовывались космы увядшей травы и засохшие стебли тростника, как напоминание о давно забытом лете.

К полудню день немного прояснился, туман чуть поднялся и поредел. Где-то высоко над всей этой гнилью и туманами в светлом мире плыло золотое солнце, под ним сверкали белоснежные клубы облаков, а сюда вниз проникали только бледные бесцветные лучи, не дающие тепла. Но даже от такого света Голлум корчился и ежился. Он остановил хоббитов, и все трое, как маленькие затравленные зверьки, присели под бурой стеной камыша. Стояла тишина, слабый шелест изломанных листьев травы и пустых соцветий,

казалось, не проникал в ее бездонную глубину, и движения воздуха не чувствовалось.

— Ни одной птички! — грустно заметил Сэм.

— Ни одной птички! — повторил Голлум, облизываясь. — Птички вкусные. Тут нет птичек. Червячки тут, змейки… мерз-с-ские ползучки. Много всяких ползучек. А птички не живут! — жалостно закончил он.

Сэм посмотрел на него с отвращением.

* * *

Кончался третий день их путешествия с Голлумом. Еще до того, как в более счастливых землях удлинились вечерние тени — в этом тумане теней не было, — они двинулись дальше. Шли без привалов, упорно стремясь вперед, а останавливались редко и ненадолго, лишь по сигналу Голлума, который чем дальше, тем больше осторожничал и часто колебался, когда тропы расходились. Теперь они были в самом сердце Мертвых Топей.

В почти полной темноте, низко наклонившись над тропой, повторяя каждое движение проводника, они пробирались за ним след в след. Почва была здесь вязкая, со всех сторон мутно поблескивали стоячие лужи, между ними трудно было

найти место, чтобы поставить ногу, не попав в чавкающую грязь. Если бы трое путников не были маленькими и легкими, ни один из них не прошел бы через трясины.

Наступила кромешная ночь, даже воздух казался черным и густым, так что трудно было дышать. Когда появился первый огонек, Сэм принялся тереть глаза, думая, что это ему привиделось от усталости. Огонек мелькнул слева, он был далеким, бледно-зеленым и скоро погас. Потом стали зажигаться другие, они напоминали красноватые угольки в дыму или колебались, как язычки пламени над свечами, только самих свечей не было; иногда они спокойно стояли на месте или медленно плыли, иногда вдруг рассыпались в стороны и таяли, будто невидимые руки прикрывали их призрачными саванами. Ни Фродо, ни Голлум не произносили ни слова. Наконец Сэм не выдержал.

— Что это? — спросил он Голлума шепотом. — Огоньки откуда? Они уже со всех сторон. Это не западня? Кто их зажигает?

Голлум поднял голову. Впереди разлилась темная вода, и он ползал на четырех, разыскивая дорогу.

— Да, да, со всех сторон, — так же шепотом от-

ветил он. — Это обманные огни. Свечи умерших, да, да. Не смотри на них! Не ходи к ним! Не думай о них! Где господин?

Сэм оглянулся, но Фродо не увидел. Он, верно, опять отстал. Сэм прошел несколько шагов назад, боясь далеко отходить от Голлума и боясь кричать. Он только пару раз хрипло прошептал имя хозяина. Никто не откликался. Вдруг Сэм неожиданно наткнулся на него самого. Фродо стоял, задумавшись, уставившись на бледные огоньки. Руки его плетями висели вдоль тела, и с них капала болотная жижа.

— Идемте, господин Фродо, идемте, — сказал Сэм. — На них нельзя смотреть, Голлум говорит, что нельзя. Надо идти за ним и не отставать, пока мы не пройдем через эти проклятые болота… Если мы вообще через них пройдем.

— Хорошо, — ответил Фродо, будто его разбудили. — Иди вперед, я за тобой.

Быстро повернувшись, чтобы догнать Голлума, Сэм споткнулся, зацепившись ногой за старый корень или стебель камыша, и тяжело упал, выбросив руки вперед. Руками он сразу влип в вязкую жижу; лицо его оказалось над черной глубокой лужей. Раздалось шипение, пахнуло вонючей гнилью, огоньки замигали, затанцевали,

закружились. На мгновение черная поверхность лужи показалась Сэму темным мутным окном, через которое он заглянул в глубину. Сэм выдернул руки из грязи и с криком вскочил на ноги.

— Под водой мертвецы! — с ужасом произнес он. — Там мертвые лица!

Голлум противно засмеялся:

— Да-да, это Мертвые Топи, так их называют, — заквакал он. — Не надо в них смотреть, когда свечи горят.

— Что там? Кто они? — спрашивал Сэм, трясясь от страха и обращаясь к Фродо.

— Не знаю, — ответил Фродо задумчиво. — Я тоже их видел. Глубоко-глубоко в воде, когда горят свечи. Везде под черной водой бледные лица. Злые, гадкие лица, или печальные и благородные. Много гордых и красивых, волосы серебристые, водоросли в них. Все мертвые, все гниют, жутким светом светятся. — Фродо закрыл глаза ладонями. — Не знаю, кто это; мне показалось, что я видел людей и эльфов, и орков тоже.

— Да, да, — подтвердил Голлум. — Все мертвые, все сгнили. Эльфы, люди, орки. Это Мертвые Топи. Давно-давно тут была большая битва, Смеаголу про нее рассказывали, когда он был очень маленьким. Уже потом к нему пришло Сокровище.

Великая битва. Большие люди, длинные мечи, страшные эльфы, вой орков. Они сражались на равнине у Черных Ворот много дней, не один месяц. Потом болота разлились и поглотили их могилы. Потом дальше разлились и еще разливаются.

— Но это же было много веков назад, — сказал Сэм. — Мертвецы не могли сохраниться до сих пор. Здесь уже злые чары Страны Мрака?

— Как знать? Смеагол не знает, — ответил Голлум. — До них нельзя достать, их нельзя тронуть. Мы когда-то пробовали, мое Золотце. Я сам пробовал, но до них нельзя дотянуться. Это тени, их можно только видеть, их нельзя тронуть. Нет, нет, Сокровище мое, они все умерли, их нет.

Сэм хмуро посмотрел на него и вздрогнул, потому что догадался, зачем Голлум хотел дотянуться до теней.

— По мне, так нечего на них смотреть! — сказал он. — Чего мы стоим? Отсюда надо уходить поскорее!

— Да-да, скорее, но спешить нельзя, — ответил Голлум. — Надо быть очень осторожными, иначе хоббиты провалятся в болото и зажгут свои свечки. Идите за Смеаголом! Не смотрите на огни!

* * *

Голлум почти ползком свернул вправо, шлепая по грязи в поисках тропы. Хоббиты пошли за ним, по его примеру часто помогая себе руками.

«Если так долго будет продолжаться, — подумал Сэм, — из нас получатся три чудненьких Голлума».

Потом путь им преградил черный разлив, и они с трудом перебрались через него, прыгая с кочки на кочку, проваливаясь, падая, местами бредя по колено в гнилой воде. Все трое с головы до ног вымазались в липкой грязи и задыхались от болотного смрада, которым, казалось, они пропитались насквозь.

Ночь кончалась, когда наконец путники почувствовали под ногами твердую почву. Голлум шипел и сопел, но хоббитам показалось, что он сопит от удовлетворения. Несмотря ни на что, каким-то ему одному известным способом, на ощупь или по запаху, а также благодаря необыкновенной памяти он узнавал в темноте один раз виденные приметы и определял верное направление.

— Теперь вперед! — звал он. — Хоббиты хорошие, хоббиты храбрые! Они очень устали;

конечно, они очень устали, и мы тоже, мое Золотце, но надо поскорее увести нашего господина от обманных огней, да, да, надо обязательно!

С этими словами он рванулся вперед, по извилистой тропе, похожей на межу, разделявшую надвое высокие камыши. Хоббиты, как могли, поспешили за ним. Но через несколько минут Голлум вдруг остановился и стал с недоверием к чему-то принюхиваться, обеспокоенно шипя и оглядываясь.

— Что там опять? — фыркнул Сэм, по-своему объяснив поведение Голлума. — Что ты носом крутишь? Если даже его заткнуть, можно сомлеть от вони. Тут все воняет. И ты воняешь, и господин Фродо воняет, и вообще все.

— Да, да, и Сэм тоже. Бедный Смеагол все чует, но он терпеливый. Добрый Смеагол помогает доброму хозяину. Воняет не страшно. Смеагол другого боится. Воздух зашевелился. Он меняется. Смеаголу плохо.

Он снова пошел вперед, явно волнуясь. Теперь он то и дело вытягивался во весь рост, вертя головой на длинной шее во все стороны, но смотрел чаще всего на юго-восток. Хоббиты не могли понять, что так встревожило Голлума. Но вдруг все трое остановились как вкопанные и замер-

ли. Фродо и Сэму послышался издалека жуткий протяжный и пронзительный крик. Они задрожали, и воздух будто напрягся, и по нему тоже прошла дрожь. Стало очень холодно. Они стояли, вслушиваясь, а вдали нарастал неясный шум, будто там начинался вихрь. Огоньки замерцали, заколебались в тумане, побледнели и погасли.

Голлум трясся и булькал, но с места не двигался, а вихрь приближался и со свистом пронесся над болотами. Стало чуть светлей, и они различили катящиеся у них над головами бесформенные клубы тумана, готовые вот-вот разорваться. Туман в самом деле рассеивался, вытягиваясь полосами, уползал к центру болот, а на юге меж облаков показалась луна. Потянуло свежестью.

Фродо и Сэм сразу приободрились, а Голлум пригнулся к самой земле, проклиная Белое Лицо. И тут хоббиты, которые уже с облегчением вдыхали свежий воздух, увидели вдали над вражьими горами маленькое черное пятно, как лоскут тени, оторвавшийся от мордорской Тьмы. Пятно невероятно быстро росло, и вот уже что-то зловеще-огромное, с черными крыльями, пронеслось на фоне луны и, обгоняя ветер, с жуткой скоростью помчалось к западу, издав крик, от которого кровь застыла.

Хоббиты пали ничком, прижавшись к холодной земле. Страшная тень, сделав огромный круг, вернулась, пролетев на этот раз совсем низко, прямо над ними, гоня перед собой чудовищными крыльями смрадные пары гнилых болот, и исчезла в направлении Мордора. Ветер с ревом и свистом понесся туда же. Стало еще холодней. Неверный свет луны залил унылую равнину, простершуюся перед путниками до застывших смутной угрозой дальних гор.

Сэм и Фродо поднялись, протерли глаза, как дети, пробужденные от кошмарного сна, и с удивлением обнаружили, что ночь спокойна. Голлум, словно оглушенный, продолжал лежать. Хоббиты с трудом расшевелили его, но он еще долго стоял на четвереньках и не хотел поднимать голову, зажимая ее между широкими плоскими ладонями.

— Призраки! — сипел он. — Крылатые призраки! Их хозяин — Сокровище! Они все видят, все-все. От них ничего нельзя спрятать. Проклятое Белое Лицо! Все расскажут Ему. Он видит, Он узнал. Х-хх, голм-голм!

Только когда луна укатилась куда-то за Тол Брандир, несчастный Голлум встал и двинулся вперед.

* * *

После этого случая Сэм заметил, что в Голлуме снова произошла перемена. Он еще усерднее заискивал, изображая предельную доброжелательность, но Сэм видел, как он иногда украдкой поглядывал на них, особенно на Фродо, и глаза его вспыхивали странным блеском, а потом он снова булькал и начинал пришепетывать, как прежде. Но не только это беспокоило Сэма: Фродо выглядел страшно измученным, казалось, он движется на пределе сил, на грани полного изнеможения. Сам Фродо ничего об этом не говорил, он вообще в последнее время мало говорил, только все ниже сгибался под бременем, которое явно стало тяжелее. Шел он медленно, так что Сэму приходилось часто просить Голлума постоять и подождать, чтобы Фродо не остался один в безрадостной пустоши, в которую постепенно перешли болота.

С каждым шагом, приближающим его к Вратам Мордора, тяжесть Кольца, которое Фродо нес на цепочке на груди, росла и пригибала его к земле. Но еще больше его мучил Глаз (так он про себя называл эту непонятную силу). Все отчетливее, все с большим страхом он чувствовал Врага, наделенного могучей волей, которой Он пытался

пробить Тьму и тучи, землю и тела живущих, чтобы добраться до него, сковать убийственным взглядом, обнажить и обессилить. Заслоны, хранившие его до сих пор, стали тонкими и слабыми. Фродо точно знал, где источник злой воли. Он знал его так, как человек с закрытыми глазами знает солнце и может показать, в какой оно стороне. Сейчас он оказался лицом к лицу с этой злой волей, прямо в ее лучах…

Голлум наверняка ощущал нечто подобное. Хоббиты не могли знать, что творится в его измученной душе, как он мечется между приказаниями Глаза, алчным желанием вернуть себе Кольцо, которое было совсем рядом, и узами клятвы, данной под угрозой холодной стали… Фродо об этом просто не думал, а Сэм больше всего беспокоился о своем хозяине и не замечал темной тени, которая пала и на него самого. Он следил, чтобы Фродо теперь все время шел перед ним, не спускал с него глаз, готовый в любую минуту поддержать его, подать руку, ободрить неумелым, но искренним словом.

* * *

Подошел день, когда хоббиты, наконец, увидели зловещие горы совсем близко. Похолодало,

воздух был довольно чист. Стены Мордора уже не маячили смутным силуэтом на горизонте, а высились громадами упиравшихся в небо черных башен за хмурой пустошью, которую, как болячки, покрывали бурые торфяники с высохшей, растрескавшейся грязью между ними. Безжизненная равнина слегка подымалась; дальше перед Вратами Саурона была пыльная пустыня.

Пока тянулся серый день, хоббиты с Голлумом сидели, съежившись, под черным камнем, боясь, как бы их не увидел пролетающий крылатый призрак. Дальнейшее передвижение запомнилось им лишь тенью страха, в которой не было просветлений. Две ночи они шли по бездорожью. Воздух стал колючим, пропитанным горечью, от него сохло во рту и в горле.

На пятое утро общего пути с Голлумом был очередной привал. Впереди в тусклом свете до самых туч поднимались огромные горы, над ними клубились облака и дымы. От подножий вытягивались мощные скалистые отроги, торчали отколовшиеся от массива глыбы. До них уже было не больше двенадцати миль.

Фродо с трепетом осматривался. Страшно было в Мертвых Топях и в бесплодной пустоши за рекой, но еще страшнее оказался открывшийся им

Черный Край.

Даже на гнилом болоте, где светятся Мертвые Лица, в свое время появятся бледные приметы весны, но тут никогда не смогла бы расцвести весна, и кроме жара, ничто не указало бы на лето. Не было здесь никаких признаков жизни, ни одного, даже мертвого, засохшего растения, ни травы, ни грибов, ни плесени. Ямы дымились паром, все было серым или сизым, земля задыхалась от пепла, гибла под засохшей грязью, горы будто выбрасывали из своего чрева на окрестные равнины все, что сгорело или умерло. Огромные кучи земли, шлака, битого камня с рыжими пятнами ржавчины и ядовитыми потеками высились бесчисленными рядами, как надгробья на страшном кладбище.

Пустыня у Врат Мордора стала вечным памятником черному труду его рабов, безвозвратно сгубившему громадный край. Только Великое Море могло бы смыть с груди больной земли ее позор.

— Меня тошнит от этого вида, — сказал Сэм.

Фродо молчал.

Они долго стояли так, как люди иногда задерживаются на границе сна, в котором их ждут жуткие кошмары, зная, что только пережив их,

они придут к завтрашнему ясному утру.

День наступал быстро и резко. Четко очерчивались зияющие ямы и крутые горы мусора. Солнце, пробираясь между клубами и полосами дыма, само казалось запятнанным и внести в такой пейзаж хоть каплю радости было бессильно. Хоббитов на этот раз встающий день и свет тоже не утешал, а скорее пугал своей безжалостностью — они сами себе казались маленькими беспомощными призраками, заблудившимися на жутком пепелище Черного Властелина.

Слишком усталые, чтобы продолжать путь, они не сразу стали искать удобное место для отдыха. Сначала все трое молча опустились на пепел рядом с кучей шлака и немного посидели под ней. Из шлака валил удушливый дым, скоро им стало трудно дышать и запершило в горле. Голлум встал первым и, не глянув на хоббитов, плюясь и ругаясь, на четырех пошел в сторону. Сэм и Фродо потащились за ним. Он привел их к широкой почти круглой воронке, с западной стороны которой был вал из камней, а на дне стояла густая вонючая маслянистая жидкость, затянутая радужной пленкой. Убежище вызывало отвращение, но все-таки можно было надеяться, что здесь Глаз Врага их не заметит, и они спусти-

лись в воронку.

День тянулся долго. Путников мучила жажда, но они позволили себе выпить лишь по нескольку капель воды из фляг, которые наполнили в овраге четыре дня назад. Теперь, когда они о нем вспоминали, овраг казался им таким мирным и приятным местом!

Хоббиты опять решили сторожить по очереди. Сначала обоим казалось, что несмотря на усталость, они не смогут здесь заснуть, но потом, когда солнце прикрыли медленно плывущие облака, Сэм незаметно задремал. Фродо лежал, привалившись спиной к склону воронки, но тяжесть ноши не покидала его, давила грудь. Он смотрел на затянутое дымами и облаками небо и видел в нем странные тени, темные силуэты всадников, лица, выступившие из прошлого. Он потерял счет времени, тоскливо колебался между явью и сном, наконец тоже забылся.

* * *

Сэм проснулся, словно от толчка: ему показалось, что его зовет хозяин. Был вечер. Фродо звать его не мог, потому что крепко спал, сползши почти на дно воронки. Рядом с ним сидел Голлум. Сначала Сэм подумал, что Голлум пытается

разбудить Фродо, но вскоре понял, что это не так. Негодяй спорил сам с собой. Смеагол возражал сидевшему в нем другому существу, которое говорило его собственным голосом, только более скрипучим, пришепетывающим и свистящим. И когда оно говорило, в белесых глазах Голлума загорался зеленый огонь.

— Смеагол поклялся, — говорил один голос.

— Да-да, З-золотц-се мое, — шепелявил другой, — мы покля-лис-сь, чтобы с-спас-сти С-сокровищ-ще, не отдать его в руки Тому. Но он к Тому спеш-шит. С каж-ждым ш-шагом ближ-же. Что хоббит собирается с-сделать с наш-шим З-золотц-сем, хотели бы мы з-знать, оч-чень х-хотели бы з-зна-ать?

— Не знаю. Ничего не могу поделать. Господин им владеет. Смеагол поклялся помочь Господину.

— Да-да, потому что он хоз-зяин С-сокровищ-ща. Но ес-сли мы с-станем х-хозяевами С-сокровищ-ща, мы с-сможем с-сдерж-жать обещание, помогая с-сами с-себе.

— Смеагол обещал, что будет хорошим, совсем хорошим. Хоббит добрый. Снял страшную веревку с ноги Смеагола. Ласково с ним говорит.

— Х-хорош-ший, х-хорош-ший, мое З-золотц-се!

Мы тож-же будем х-хорош-шие, как рыбки, с-сами для с-себя. Мы доброму хоббиту ничего плох-хого не с-сделаем, нет, только возьмем…

— Но Сокровище приняло клятву, — сказал Смеагол.

— З-зз-значит, надо его вз-зять, и клятву с-с ним вмес-сте, — ответил другой голос. — Тогда мы будем х-хоз-зяевами С-сокровищ-ща, голм! Пус-сть перед нами ползз-ает на брюхе другой, противный х-хоббит, который вс-се время нас-с подоз-зревает, голм!

— А хорошего хоббита наказывать не будем?

— Ес-сли не хочеш-шь, то не будем. Х-хотя вс-се-таки он Торбинс-с-с, ненавис-стный Торбинс-с-с, З-золотц-се мое! Тор-бинс-с нас-с обокрал. Наш-шел С-сокровищ-ще и не приз-знался. Ненавидим Торбинс-са.

— Но ведь не этого.

— Да, да, и этого, каж-ждого Торбинс-са. Каж-ждого, у кого С-сокровищ-ще. Надо вернуть с-себе наш-ше З-золотц-се.

— Тот все увидит. Он узнает. Он сразу отберет.

— Тот уж-же видит. Он з-знает. Он с-слыш-шал наш-шу глупую клятву. Мы наруш-шили его приказ-з. Надо вернуть С-сокровищ-ще. Его ищ-щут призраки. Надо его вз-зять.

— Не для Него!

— Нет, мое З-золотц-се! Подумай х-хорош-шенько, ес-сли оно будет у нас-с, мож-жно с-скрытьс-ся, даж-же от Него. У нас-с будет с-сила, мож-жет быть, больш-ше с-силы, чем у приз-зраков. Власстелин С-смеагол! С-с-смеагол С-сильнейш-ший! *Голлум Великий!* Каж-ждый день с-свеж-жая рыба, три раза в день прямо из-з моря. З-золотенький Голлумч-чик! Ты долж-жен, его вз-зять! Нам х-хоч-чется им з-завладеть, нам его очень, оч-чень х-хочетс-ся!

— Хоббитов двое. Они сейчас проснутся и нас убьют, — пискнул Смеагол, борясь с собой из последних сил. — Не здесь. Не сейчас.

— Нам х-хоч-четс-ся! Но… — Голос оборвался и некоторое время молчал, потом заскрипел снова. — Не с-сейчас-с, гово-риш-шь? Мож-жно и так. Потом. Потом Она могла бы помоч-чь. Да, да. Она помож-жет.

— Нет! Нет! Так я не хочу! — заскулил Смеагол.

— Да! Х-хочетс-ся! Нам хоч-ччетс-ся!

Каждый раз, когда звучал этот второй, с присвистом, голос, длинная рука Голлума протягивалась к груди Фродо, но потом, когда раздавался голос Смеагола, рука трусливо отдергивалась назад. Но вот странный разговор закончился, и обе ру-

ки с дрожащими пальцами потянулись к горлу хоббита.

* * *

Сэм лежал, словно завороженный двумя голосами, но из-под полуприкрытых век внимательно следил за каждым движением Голлума. До сих пор он по простоте душевной думал, что Голлум опасен только потому, что вечно голоден, и боялся, что эта тварь может захотеть съесть хоббитов. Теперь он понял, что опасность гораздо страшнее. Голлум поддавался чарам Кольца. *«Тот»* — это, очевидно, Черный Властелин, но кого имел в виду Голлум, говоря: «*Она* поможет»? Наверное, завел дружбу с подобной себе гадкой тварью. Ломать голову над этой загадкой было уже некогда: Голлум становился опасен.

Сэм с трудом оторвался от земли и сел, хотя его одолевало тяжкое бессилие, руки и ноги еле двигались. Кроме того, он инстинктивно чувствовал, что надо действовать осторожно, что нельзя выдавать себя. Никто не должен знать, что он, Сэм, подслушал разговор Голлума со Смеаголом. Поэтому он только громко зевнул, вздохнул и спросил заспанным голосом:

— Сколько уже времени? Вставать не пора?

Голлум протяжно зашипел сквозь зубы и вскочил. Какое-то мгновение он стоял напряженно в угрожающей позе, потом обмяк, опустился на четвереньки и отполз на край воронки.

— Хоббиты хорошие! — сказал он. — Сэм добрый. Сони вы, сони, спали крепко, Смеагол добрый, вас охранял. Но уже вечер. Темнеет. Идти пора.

«Да-да, пора, — подумал Сэм. — Давно пора нам с тобой расстаться». Но ему тут же пришло в голову, что Голлум на свободе не менее опасен, чем Голлум в роли проводника и попутчика.

— Нелегкая его к нам прибила! Чтоб он своими слюнями захлебнулся! — буркнул Сэм почти неслышно, потом спустился вниз и разбудил хозяина.

* * *

Отдохнувший Фродо чувствовал себя гораздо лучше. Он видел сны. Черная Тень отступила, и во сне к нему явилось что-то светлое. Он не запомнил, что это было, но ему стало веселей и легче на душе. Тяжесть роковой ноши тоже уменьшилась. Голлум встретил пробудившегося Фродо, как пес вернувшегося хозяина. Он юлил, хихикал, хрустел пальцами, терся о колени хоб-

бита. Фродо ему улыбнулся.

— Слушай! — сказал он. — Ты был хорошим и верным проводником. Начинается последний этап нашего пути. Веди нас к Воротам, и больше я тебя ни о чем не прошу. Проводишь до Ворот — и иди куда хочешь, только не к нашим врагам.

— К Воротам? — испуганно заскрипел Голлум. — Господин говорит, к Воротам? Да-да, он так сказал. Добрый Смеагол сделает все, что скажет господин. Да-да, все-все… Но посмотрим, что он скажет, когда подойдем ближе. Там не самый лучший вид, нет!

— А ну, иди! — сказал Сэм. — Пора с этим кончать!

* * *

В наступивших сумерках путники выбрались из воронки и потащились без дороги по засыпанной пеплом пустыне. Через некоторое время их снова охватил тот же страх, который они почувствовали, когда Призрак пролетал над облаками. Они припали к смрадной земле и замерли, но на этот раз угроза скоро миновала. Крылатый посланник Тьмы летел очень высоко и быстро, видно, спешил выполнить поручение Барад Дура. Голлум через минуту встал и, дрожа всем телом,

поплелся дальше.

Примерно через час после полуночи над ними в третий раз пронеслась черная тень, но еще выше, еще дальше, со страшной скоростью направляясь на запад. Больше всех испугался Голлум. Он трясся и причитал, уверенный, что их выследили, и что теперь Враг знает, где они.

— Три раза! — всхлипывал он. — Три раза — это предупреждение. Они нас-с почуяли, они почуяли С-сокровищ-ще. С-сокро-вище их-х х-хоз-зяин. Дальше нельз-зя идти, сюда нельз-зя! Вс-се з-зря!..

Ни просьбы, ни ласковые уговоры не помогали. Голлум дрожал и не желал подниматься с земли. Только когда Фродо гневно повторил приказ, положив руку на рукоять меча, Голлум встал и пошел, ворча и ноя, как побитый пес.

Так они шли, спотыкаясь, до конца ночи, до следующего страшного дня. Шли молча, опустив головы, ни о чем не думая, ничего не видя и ничего не слыша вокруг, кроме ветра, со свистом пролетавшего над пеплом.

Глава третья. Через ворота в Мордор не пройти

Прежде чем наступил новый рассвет, поход к Мордору кончился. Позади остались болота и пустыня, впереди встали могучие черные горы, надменно подняв грозные вершины в бледное небо.

С запада Мордор охраняла угрюмая цепь гор Тени Эфел Дуат, с севера высились неровные зазубрины пиков и лысые хребты Пепельных гор Эред Литтох, серые, как зола. Эти две горные цепи образовывали неприступные стены вокруг двух угрюмых плато Лифлад и Горгорот и большого горького озера, которое называлось морем Нурн. В том месте, где хребты сходились, словно протягивая друг к другу и на север длинные руки-отроги, между ними оставался узкий проход, Кирит Горгор, или Проклятое Ущелье, вход во владения Врага. Над ним с двух сторон нависали гладкие черные скалы. На отвесных утесах справа и слева торчали высокие башни, прозванные Зубами Мордора. Давным-давно их построили гондорцы, люди гордые и сильные. Было то после

поражения и бегства Саурона. В башнях должна была находиться стража, чтобы вовремя заметить и не допустить его возвращения. Но могущество Гондора ослабло, время усыпило людей, башни много лет стояли пустыми. Потом Саурон вернулся. Он заново отстроил разрушенные сторожевые посты, обновил башни, набил арсеналы оружием, поставил бдительный гарнизон. Из черных окон в каменных стенах смотрели на север, восток и запад зоркие стражи.

Единственный проход между скалами Властелин загородил каменной стеной и сделал в ней стальные ворота, по арке которых все время ходили часовые. В скалах у подножия гор с обеих сторон была пробита сеть переходов и подвалов. В сотнях каменных нор засели орчьи отряды, готовые по первому сигналу выйти на войну, как черные муравьи из муравейника. Зубы Мордора раздавили бы и сокрушили любого, кто попытался бы пройти между ними, за исключением тех, кто шел по зову Саурона или знал тайный пароль, открывающий Черные Врата, Моранноп.

Фродо и Сэм с ужасом отчаяния смотрели на башни и стену. Даже издали и в слабом утреннем свете видно было, как движутся часовые на воротах и патрули перед ними. Хоббиты выглядывали

из каменной ямы в тени северного отрога хребта Эфел Дуат.

Ворону отсюда до черной стены ближайшей башни пришлось бы лететь примерно четверть гона. Было душно. Из башни вверх поднималась тонкая прямая струя дыма, наверное, там внутри горел огонь.

* * *

Наступил день. Из-за мертвого хребта Пепельных гор показалось неясное солнце. И вдруг из башен раздался громкий трубный звук. Ему ответили медные горны с ворот, а в тайных казематах заиграли рожки. Одновременно издалека послышались гулкие и зловещие, многократно повторенные эхом сигналы барабанов и больших военных рогов Барад Дура. Новый день трудов и тревог начинался в Мордоре; ночные стражи сошли в подземелья, на их место заступили свирепые солдаты с раскосыми глазами, готовые убить любого, кто посмеет приблизиться. В лучах солнца грозно отсвечивала тусклая сталь ворот.

* * *

— Вот и пришли! — сказал Сэм. — Ворота пе-

ред нами, но сдается, что мы дальше шагу не ступим. Уж здесь бы мне мой Старик все сказал, что думает. Сколько раз он мне наказывал быть осторожным и предупреждал, что иначе я плохо кончу! Вряд ли я теперь его увижу. Больше он мне не скажет свое *«Говорил я тебе...»* А жаль. Я бы сейчас все-все выслушал с удовольствием, пусть бы он орал, сколько хватит сил, только бы разочек взглянуть на старика. Надо бы, конечно, еще вымыться, а то он меня в таком виде не узнает... Наверное, нечего и спрашивать, какой дорогой идти дальше: дальше никуда идти нельзя, разве что пригласить орка в провожатые.

— Нет, нет! Не надо орка! — прошептал Голлум. — Дальше идти нельзя. Смеагол говорил: дойдем до ворот, сами увидите. Теперь увидели. Да, да, Сокровище мое, все увидели. Смеагол еще в горах знал, что хоббиты тут не пройдут. Смеагол знал.

— Так чего же ты нас сюда вел, чтоб тебя орки съели?! — закричал Сэм, от отчаяния потеряв всякую осторожность и способность рассуждать.

— Господин сказал. Господин говорил: «Веди к воротам». Смеагол хороший, Смеагол послушался. Господин умный, он сказал.

— Да, сказал, — подтвердил Фродо. Он был

сердит и упрям, и страх его, казалось, прошел. Грязный, похудевший, еле живой от усталости, он сумел выпрямиться и смотрел на спутников ясными глазами. — Сказал, потому что решил идти в Мордор, а другого пути не знаю. Значит, пойду через ворота. Прошу меня не провожать.

— Нет, нет! Не надо! — Голлум в отчаянном и жалком порыве протянул к нему руки. — Туда нельзя! Ничего не выйдет! Не носи Сокровища Тому! Он нас всех пожрет, он весь мир проглотит, если получит наше Золотце! Спрячь, спрячь Сокровище, добрый господин, и смилуйся над Смеаголом! Не отдавай Тому! Давай уйдем отсюда, вернемся в красивые места, а Сокровище верни Смеагольчику, а? Да, да, верни нам наше Золотце! Смеагол будет крепко стеречь Сокровище. Он сделает много хорошего, он больше всего добра сделает добрым хоббитам. Пусть добрые хоббиты идут домой. Не надо подходить к воротам!

— Мне сказано идти в Мордор, и я пойду, — сказал Фродо. — Если туда ведет только одна дорога, то у меня нет выбора. Будь что будет.

* * *

Сэм молчал. Видя лицо Фродо, он понял, что словами ничего изменить нельзя.

В глубине души Сэм с самого начала не верил в благополучный исход путешествия, но, будучи жизнерадостным хоббитом, терпел даже безнадежность, покуда мог прогнать отчаяние. Теперь наступал конец. Сэм был верен хозяину, потому и шел с ним, чтобы не оставлять его одного. Нет, хозяин один в Мордор не пойдет. Сэм его не покинет. И в конце концов они хоть избавятся от Голлума.

Но Голлум явно не хотел, чтобы от него избавлялись, во всяком случае, пока не хотел. Он встал перед Фродо на колени и заскрипел, заламывая руки:

— Только не туда! Не ходи туда! Есть другая дорога. Правда, правда, есть другая дорога. Она темная, ее трудно найти, она тайная. Но Смеагол знает. Он покажет.

— Другая дорога? — с подозрением спросил Фродо, испытующе глядя в глаза Голлуму.

— Да, да, есть. *Была* другая дорога. Смеагол нашел. Идем, проверим, осталась ли она.

— Ты о ней до сих пор ни разу не вспоминал.

— Нет. Господин не спрашивал. Господин не говорил про свои замыслы. Он ничего не рассказывает бедному Смеаголу. Сказал: веди к воротам, потом иди куда хочешь. Смеагол мог бы сейчас

уйти, честно мог бы уйти. Но теперь добрый хоббит говорит: решил идти в Мордор через ворота. Смеагол очень испугался. Он не хочет, чтобы добрый господин пропал. Он обещал. Господин приказал поклясться, чтобы спасти Сокровище. Но теперь господин хочет нести Сокровище Тому, прямо в его Черные Руки. Смеагол должен спасти и господина, и Сокровище, вот он и вспомнил про другую дорогу, которая раньше точно была. Хоббит добрый. Смеагол тоже добрый, всегда ему поможет.

Сэм нахмурился. Если бы он мог взглядом пронзать Голлума, тот уже давно стал бы дырявым, как решето. Верный слуга засомневался. Со стороны казалось, что Голлум искренне расстроен и хочет помочь, но Сэм помнил недавно подслушанное двухголосье и не мог поверить, чтобы Смеагол, столько лет прозябавший в подчинении у Голлума, мог вдруг взять верх над ним… Последнее слово принадлежало Голлуму. Сэм допускал, что обе половины этой твари — Голлум-Смеагол (он их про себя называл Вонючка и Нытик) — заключили временный союз. Ни тот, ни другой не хотели, чтобы Кольцо досталось Врагу. Оба старались уберечь Фродо от пленения орками, и оба решили не спускать с него глаз как можно

дольше — во всяком случае, пока Вонючка не потеряет надежды наложить лапу на свое Золотце. В существование другой дороги в Мордор Сэм не очень поверил.

«Хорошо хоть, что ни одна половина мерзавца не знает, *что* мой хозяин на самом деле собирается сделать с Кольцом, — думал Сэм. — Если бы Голлум догадался, что господин Фродо хочет уничтожить его, новых приключений не пришлось бы долго ждать. Вонючка трясется от страха перед Врагом, а ведь он с ним как-то связан — или был связан, — так уж он скорее выдаст нас, чем допустит, чтобы Тот узнал, что он нам помогает. И наверняка предаст, чтобы его Золотце не расплавилась в огне. Вот так мне кажется. Будем надеяться, что хозяин хорошо подумает, прежде чем решить. Голова у него мудрая, но сердце слишком доброе. А что у него на уме — мне, простому Гэмджи, ни за что не догадаться. Уж такой он».

Фродо медлил с ответом Голлуму. Пока Сэм ломал голову, размышлял о событиях и путался в сомнениях, Фродо стоял, устремив взгляд на черные утесы прохода Кирит Горгор. Яма, в которой они притаились, была вырыта в склоне невысокого отрога, долина лежала перед ними.

В самой ее середине торчало черное основание западной сторожевой башни. В свете утра ясно были видны серые, пыльные дороги, расходящиеся от Врат Мордора. Одна из них вела прямо на север; другая шла к ближайшему восточному отрогу, вилась вдоль Пепельных гор и терялась в утренней дымке; третья крутой петлей огибала западную сторожевую башню, проходила недалеко от воронки, где они прятались, и сворачивала к югу, где попадала в плотную тень под западными склонами гор Тени. Дальше, между горами и рекой ее уже не было видно.

Переведя туда взгляд, Фродо скорее угадал, чем увидел какое-то движение. Будто подходило огромное войско, скрытое расстоянием и туманом, тянущимся от болот. Далеко-далеко поблескивали шлемы и копья, вдоль дороги двигались конные отряды. Фродо вспомнил вид, открывшийся ему несколько дней назад с Амон Хена. Как давно это было! Теперь он понял, что надежда, на краткий миг осветившая его сердце, была обманной. Трубы не звали в бой, а играли приветственный марш. Это не гондорцы шли на штурм Черной Крепости, и не павшие рыцари восставали, чтобы отомстить за давние обиды. Очевидно, люди из разных племен, разбросанных

на восточных равнинах, собирались по зову своего Властелина в единую силу и шли к Стальным Вратам днем и ночью, чтобы влиться в и без того мощную мордорскую армию.

Оценив положение и сообразив, что он стоит в белый день на открытом месте так близко от врага, Фродо быстро надвинул на голову тонкий серый капюшон и сполз в яму, а потом повернулся к Голлуму:

— Хорошо, Смеагол, еще один раз я тебе поверю. Кажется, судьба велит мне сейчас принять от тебя помощь, которую я меньше всего искал, а тебе та же судьба велит помочь хоббиту, к которому ты раньше относился как нельзя хуже. Пока ты сослужил мне верную службу и сдержал слово. Могу повторить, — добавил он, взглянув на Сэма, — что дважды мы были в твоей власти, и ты ничего плохого нам не сделал. Ты даже не пытался отобрать у меня то, чего давно желаешь. Если бы так было в третий раз! Но предупреждаю тебя, Смеагол, — ты в опасности.

— Да-да, господин! — ответил Голлум. — Мы в ужасной опасности. У Смеагола кости дрожат от страха, но он не убегает. Надо помочь доброму хоббиту.

— Я говорю не о той опасности, которая нам

всем грозит, — продолжал Фродо. — Есть другая, которой подвергаешься ты один. Ты поклялся на том, что называешь Сокровищем. Помни! Сила этого Сокровища тебя связывает и вынуждает держать слово, но она же может обмануть и погубить тебя. Ты уже ей поддаешься. Ты начинаешь изменять. Ты выдал себя, произнес: «Верни Сокровище Смеаголу». Никогда так больше не говори! Не позволяй этой мысли угнездиться у тебя в голове. Ты его никогда не вернешь. А если будешь его желать, плохо кончишь. Повторяю: никогда не вернешь. Я надену его на палец в минуту последней опасности, Смеагол; ты давно в его власти, и если я надену его и прикажу, ты все исполнишь. По моему приказу ты прыгнешь в пропасть или бросишься в огонь. А мой приказ таким и будет. Берегись и помни!

Сэм смотрел на Фродо с почтением и удивлением. Таким он его еще не видел и не слышал. В глубине души он считал, что непонятная доброта хозяина исходит от некоей слабости характера. Он нисколько не сомневался, что господин Фродо умнее всех на свете (если не считать Гэндальва и старого Бильбо), но думал, что с Голлумом тот возится зря.

Голлум тоже, оказывается, ошибался в его

хозяине и принимал доброту за глупость. Неожиданная речь хоббита его сразила. Он упал на землю и забулькал что-то непонятное, изредка можно было лишь разобрать:

— Хороший господин,... добрый...

Фродо терпеливо подождал, а потом сказал, уже не так строго:

— Ну теперь, Голлум — или Смеагол, если хочешь, чтобы тебя так называли, — говори, где другая дорога, и объясни мне, если сможешь, достаточно ли она надежна, чтобы ради нее сворачивать с прямого пути. Говори быстро, я спешу.

Но Голлум был слишком потрясен, чтобы сразу заговорить: грозная речь Фродо все перевернула в его мозгу. Он хныкал, скрипел, обрывал слова на половине, ползал под ногами у хоббитов и умолял их сжалиться «над бедным Смеагольчиком». Довольно много времени прошло, пока он успокоился настолько, что Фродо смог из его заплетающегося бульканья понять, что если идти по западной дороге вдоль гор Тени, то можно дойти до места, где растут кольцом большие деревья. Там перекресток. Одна дорога ведет прямо в Осгилиат и к мосту через Андуин, а другая — на юг.

— Она ведет далеко, далеко, далеко, — говорил

Голлум. — Мы никогда по ней не ходили, но говорят, что она через сто гонов приводит к Большой Воде, которая всегда волнуется. Там много рыбы и огромные птицы, которые едят рыб. Хорошие птицы. Но мы там никогда не были, это счастье не для нас. А еще дальше — другие страны, где Желтое Лицо очень горячее, где редко бывают тучи и где живут злые черные воины. Туда мы не хотим, не нужны нам эти страны.

— Нет, конечно, — сказал Фродо. — Но ты отвлекся. Куда ведет третья дорога?

— Да, да, третья дорога, — будто вспомнил Голлум. — Есть третья дорога, она сворачивает влево. Эта дорога сразу поднимается в гору и уходит в большую тень. А когда по ней обойдешь вокруг Черной Скалы, то увидишь такое, что захочется залезть под землю.

— Что увидишь? Какое «такое»?

— Старая крепость, очень старая и очень страшная. Мы слышали о ней от путников, которые приходили с юга, давным-давно, когда Смеагол был молодым. Да-да, вечерами мы слушали их рассказы под ивами на берегу Великой реки. Мы были молодыми, и Река тогда была молодая, голм-голм-голм… — Голлум снова заныл и забулькал.

Хоббиты терпеливо ждали.

— С юга приходили рассказы про высоких людей с блестящими глазами, — продолжал Голлум, — про дома из камня, как горы, про короля в серебряной короне и его Белое Дерево. Красивые рассказы! Большие люди строили большие башни. Одна была белая, как серебро, в ней был камень, как Луна, и толстые-толстые белые стены вокруг. Мы много слышали о Лунной Башне.

— Наверное, это Минас Итиль, крепость, которую построил Исилдур сын Элендила, — сказал Фродо. — Именно он отсек палец у Врага.

— Да-да, у Черной Руки только четыре пальца, но ему и четырех хватает, — вздрогнув, сказал Голлум. — Он возненавидел город Исилдура.

— Он все ненавидит, — сказал Фродо. — Но какое отношение имеет Лунная Башня к нашей дороге?

— Башня была и есть, большая башня, белые дома и крепость с белыми стенами, только уже не красивые, не хорошие. Тот все завоевал. Сейчас там страшно. Путники дрожат, когда видят, обходят далекой дорогой, боятся Тени. Но туда надо идти. Это единственный путь. Там горы ниже, а старая дорога идет по ним вверх, вверх, через темный проход на самом верху, а потом вниз, вниз, на Горгорот. — Голлум понизил голос до

шепота и весь дрожал.

— Чем же это нам поможет? — спросил Сэм. — Враг знает все свои горы и стережет, наверное, все дороги, как и эти ворота. Или крепость пустая?

— Не пустая, нет! — ответил Голлум. — Она кажется пустой, но она не пустая! В ней живут страшные орки, там всегда орки и еще другие живут, еще страшнее. Дорога поднимается в тень стен и идет в ворота. На той дороге не спрячешься. Те, кто в башне сидят, все видят. Там Молчащие стражи.

— Так ты советуешь пройти еще больший путь на юг, чтобы попасть в такую же западню, как вот эта или еще похуже? — не унимался Сэм. — Может, мы туда даже не дойдем.

— Нет, нет! — возразил Голлум. — Хоббиты должны понять. Тот не ждет нападения на Лунную Башню. Его Глаз круглый, но он больше следит за одной стороной, и тогда не может видеть другую. Ему не видно все сразу, еще не видно. Он победил целую страну на запад от Темных гор и сторожит мосты. Он думает, что к Лунной Башне никто не сможет пройти без большой битвы на мостах или без лодок, а их он бы сразу увидел.

— Ты, кажется, слишком хорошо знаешь все

мысли Врага, — сказал Сэм. — Ты что, недавно с ним беседовал? Или наслушался сплетен от своих приятелей-орков?

— Злой хоббит, несообразительный, не верит Смеаголу, — ответил Голлум, сердито глянул на Сэма и повернулся к Фродо. — Смеагол говорил с орками, с разными тварями раньше, чем встретил господина. Он далеко ходил, очень далеко. То, что он говорит, теперь многие говорят. Самую большую угрозу Тот ждет с севера, значит, и нам с севера всего опаснее приходить. И Он будет выходить через Черные Ворота, в любой день может оттуда выйти. Только через эти ворота может выйти большое войско. А с запада Тот ничего не боится, там сторожат Молчащие стражи.

— Вот именно, — вставил опять Сэм, не давая сбить себя с толку. — А мы туда подойдем, постучим в ворота и вежливо спросим, как пройти в Мордор. Может быть, те стражи такие молчащие, что вообще нам не ответят? Вздор это все. Так мы и тут можем попытать счастья, ноги целее будут.

— Не насмехайся, — прошипел Голлум. — Это не шутки, нет; нет, не шутки. В Мордор вообще нельзя ходить. Но если господин говорит «Я *должен* идти» или «Я *пойду*», то надо искать дорогу. В страшные башни идти не надо, там плохо,

Смеагол поможет их обойти. Смеагол хороший, хотя ему никто не рассказывает, зачем все это нужно. Смеагол еще один раз поможет. Он нашел. Он знает.

— Что ты нашел? — спросил Фродо.

Голлум съежился и перешел на шепот.

— Тропинку, тропиночку, которая ведет вверх, а потом ступеньки, узкие ступеньки, очень узкие, очень много. И еще ступеньки. А потом, — он заговорил едва слышно, — туннель, темный ход, а в конце щель и высоко опять тропинка на перевал. Тем путем Смеагол выбрался из Темной Страны. Но это было давно, уже давно. Может быть, сейчас тропки больше нет. А может быть, есть…

— Не нравится мне все это, — сказал Сэм. — Такой простой дороги не бывает. Если эта тропка существует по сей день, ее наверняка стерегут. Может быть, ее и раньше стерегли, а, Голлум?

Когда Сэм так говорил, ему показалось, что в глазах Голлума сверкнул зеленый огонек. Голлум что-то пробурчал, но не ответил.

— Так стерегут тропу или нет? — сурово спросил Фродо. — И правда ли, что ты, Смеагол, *сумел бежать* из Темной Страны? Может быть, тебя Враг отпустил? Так, между прочим, думал Арагорн, который несколько лет назад нашел тебя у

Мертвых Топей.

— Неправда! — зашипел Голлум, а при имени Арагорна его глаза снова хищно блеснули. — Он налгал, да, он меня оболгал. Я сам удрал, несчастный Смеагол сам сумел убежать оттуда. Мне приказали искать Сокровище, это правда, и я искал, искал… Но не для Него, не для Черного!.. Сокровище наше, было моим, теперь у тебя. Я бежал!

Фродо был странно уверен, что Голлум на этот раз не очень далеко уходит от правды, и поверил, что он действительно знает дорогу в Мордор, хотя, может быть, и обманывает, говоря, что сам ее нашел. Фродо заметил, что Голлум произнес не «мы», а «я». Это было признаком того, что в данный момент остатки искренности в нем оказались сильнее подлости. Но даже если Голлуму можно было поверить, нельзя было забывать о коварстве Врага. Вполне возможно, что Голлум не соврал, что он бежал. Но не дал ли ему Саурон бежать? И почему не преследовал? Голлум наверняка не все сказал.

— Еще раз спрашиваю: ту дорогу совсем никто не стережет?

Голлум не отвечал. Напоминание об Арагорне явно отбило у него всякую охоту говорить. У него

было обиженное лицо лгуна, которому не верят, когда он случайно один раз сказал правду или хоть полуправду.

— Дорогу не охраняют? — еще раз повторил Фродо.

— Может быть, охраняют, может быть. В этой стране все дороги опасные, — уныло ответил Голлум. — Нет безопасных. Но надо попробовать пойти по той дороге или вернуться домой. Другой дороги нет.

Больше из него ничего не удалось вытянуть. Он даже не смог или не захотел сказать, как называется страшное место, через которое они собирались идти.

Называлось оно Кирит Унгол и имело плохую славу. Арагорн, наверное, мог бы объяснить им значение названия. Гэндальв, вероятно, предостерег бы их и посоветовал туда не ходить. Но они были одни, а их друзья — далеко: Арагорн воевал, Гэндальв пытался одолеть изменника Сарумана в разрушенном Исенгарде.

Правда, даже при последнем разговоре с Саруманом, когда на ступени Ортханка, высекая из них искры, упал палантир, Гэндальв помнил про Фродо и Сэма и пытался через разделявшее их огромное пространство послать утешительные

мысли, вселить надежду и поддержать их дух.

Может быть, Фродо как раз это и почувствовал, не умея разгадать; он ведь был уверен, что Гэндальв погиб в Морийской бездне, ушел в вечный путь. Хоббит уже ощущал нечто подобное на Амон Хене. Сейчас он сидел на земле, опустив голову, и пытался вспомнить советы мага. Но не мог припомнить ничего, что облегчило бы ему выбор. Слишком рано судьба отняла у них Гэндальва. Страна Тьмы была тогда еще очень далеко. Маг не научил их, как войти в Мордор. Может быть, он и сам этого не знал. В северную твердыню Врага, замок Дол Гулдур, Гэндальв однажды ходил. Но бывал ли он в Мордоре, на Роковой горе, в Барад Дуре, откуда Черный Властелин поднялся с новыми силами? Фродо предполагал, что нет. И вот он, полуростик из Хоббитшира, простой хоббит из мирной Западной чверти, должен отыскать дорогу, не известную никому из великих! Суровая ему выпала судьба. Но ведь Фродо согласился добровольно, выбрал этот путь еще там, дома, прошлой весной, давным-давно. Та весна сейчас казалась ему главой из легенды о юности мира, когда в нем цвели Золотое и Серебряное Деревья. Выбор был нелегким. Какой дорогой идти? Если обе ведут к ужасам и смерти, то, может быть, и

выбирать нет смысла?

* * *

День тянулся долго. У границ Страны Мрака, над серой воронкой, в которой притаились три грязные фигурки, стояла глубокая тишина. Почти осязаемая, она плотным одеялом накрывала их, отделяя от остального мира. Бледный купол неба был недосягаемо высок, в тяжком воздухе под ним проплывали серые дымы, как мрачные мысли.

Хоббиты подавленно молчали, не шевелясь, в серых плащах на сером пепле, так что даже паривший под солнцем орел не увидел бы их сверху. Он мог бы на мгновенье остановить взгляд на распростертом на земле Голлуме, приняв его за высохшего от голода человечьего детеныша, у которого кожа прилипла к костям, и руки и ноги казались голыми костями: такая мелочь не стоила того, чтобы пачкать об нее клюв.

Фродо продолжал сидеть, упершись подбородком в колени, а Сэм лежал, подложив руку под голову, и из-под капюшона смотрел в небо. Небо сначала было совершенно пустым. Вдруг Сэму показалось, что он видит на большой высоте силуэт уродливой птицы, которая то отдалялась,

исчезая, то возвращалась, делая широкие круги. Потом появился второй силуэт, третий… еще один… Сам видел их очень маленькими, но почему-то знал, что они огромные, с широченным размахом крыльев. Он закрыл глаза и крепко прижался к земле. Его объял тот же беспомощный страх-предвестие, который овладел им когда-то при первом появлении Черных всадников в Хоббитшире и потом, в горах, когда черная тень закрыла луну и стало холодно. Только на этот раз страх меньше давил. Угроза была далеко. Но она была. И Фродо ее тоже ощутил. Его мысль прервалась. Он вздрогнул и пошевелился, но вверх не посмотрел. Голлум подтянул руки и ноги, сворачиваясь, как потревоженный паук, в плотный клубок. Крылатые чудовища слетелись в круг и, резко снижаясь, унеслись в Мордор. Сэм глубоко вздохнул.

— Опять всадники, только в воздухе, — хрипло прошептал он, — я их видел. Они могут нас выследить? Они летели очень высоко, и если это те самые Черные всадники, то ведь днем они плохо видят?

— Они сами вряд ли видят, — объяснил Фродо. — У них кони зрячие. А эти крылатые твари, наверное, видят лучше всех на земле, они будто

огромные стервятники. И они чего-то ищут. По-моему, Враг насторожился.

Небо опустело, страх прошел, но спокойствия не было. Перед этим хоббитам казалось, что они отрезаны от мира, а теперь враждебный мир снова подступал к ним со всех сторон. Фродо прикрыл глаза, но так и не сказал Голлуму, что решил делать. Он будто задремал или ушел в себя, в свои мысли. Когда он, наконец, встряхнулся и встал, Сэм был уверен, что его хозяин произнесет решающее слово, но вместо этого Фродо вдруг прошептал:

— Слушай. Что это?

* * *

Им опять стало страшно. Они услышали песню и хриплые крики. Сначала далеко, потом все ближе. Всем троим на мгновение подумалось, что крылатые всадники их выследили и прислали вооруженных солдат, чтобы взять их в плен. Для этих жутких слуг Саурона не существовало неодолимых расстояний. Хоббиты и Голлум припали к земле и прислушались. Голоса и звон оружия раздавались уже совсем близко. Бежать было некуда. Сэм и Фродо схватились за мечи.

Голлум медленно приподнялся и, как насеко-

мое, пополз к краю ямы. Очень осторожно он пристроился за двумя камнями и стал смотреть. Пока шум приближался, он лежал неподвижно, потом шум стал удаляться и постепенно стих. На стенах Моранноне запел рог. Голлум бесшумно сполз на дно ямы.

— Это люди. Новое войско идет в Мордор, — тихо сказал он. — Темнокожие. Мы таких людей раньше никогда не видели. Смеагол не видел. Они страшные. Черные глаза, длинные черные волосы и золотые кольца в ушах. Золото красивое, его много. У некоторых на щеках красная краска и плащи красные. Флаги красные. Копья тоже с красными наконечниками. Щиты у них круглые, желтые и черные, с большими шипами. Злые люди. Страшные. Дикие, как орки, только большие, больше орков. Смеагол думает, что это люди с юга, из стран, где уже не течет Великая река. Они оттуда шли. Уже прошли через Черные Ворота, но теперь могут подойти другие. В Мордор все время приходят люди. Когда-нибудь все люди там соберутся.

— А олифанов ты там не видел? — спросил Сэм, от любопытства на минуту перестав бояться, так ему всегда хотелось узнать про чужие края.

— Нет олифанов. Кто такие олифаны?

Сэм встал, заложил руки за спину, как всегда, когда декламировал стихи, и начал:

Я серый, как крыса, большой, словно дом,
А нос у меня, как змея.
Когда я иду, все ломаю кругом,
И дрожит подо мной земля.
Клыки у меня торчат изо рта,
И хлопают уши громко,
А спать не ложусь я никогда,
Стою даже ночью в потемках.
Мне может быть много-много лет,
Но даже в минуту смерти,
Когда в глазах потемнеет свет,
Упаду, но не лягу, поверьте.
Зовут меня О-ли-фан,
Я житель полдневных стран.
Кто видел меня, не сможет забыть,
Кто не видел, тот не поверит,
Что могут на белом свете жить
Такие громадные звери.
Я сильный большой О-ли-фан,

Из жарких далеких стран!

— Этот стишок в Хоббитшире все знают, — объяснил Сэм, закончив. — Может быть, это враки, а может, правда. У нас много своих легенд, но кое-что мы слышали про южные страны. Когда-то давным-давно хоббиты выходили в широкий мир, и в Хоббитшир они откуда-то пришли. Правда, из путешествий не многие возвращались, и мы не всем и не во все верим. Говорят же про вранье, что это «бригорские новости», и еще: *«Чужая байка — не хоббитширский сказ».* Но я своими ушами слышал рассказы про огромин с юга. Их чернолюдами называли. Говорят, что они на войну ездят на этих олифанах. Ставят им на спины башни и прячутся в них, а олифаны по дороге вырывают деревья и ими потом дерутся. И камни бросают. Когда ты сказал, что сюда движутся люди с юга в золоте и в краске, я решил спросить про олифанов, уж если бы они были, я бы рискнул высунуть голову, чтобы только на них посмотреть. Больше, наверное, случая не представится. А может, и нет на свете никаких олифанов…

И Сэм вздохнул.

— Нет, нет никаких олифанов, — сказал Голлум. — Смеагол про них не слышал. Никогда не

слышал. Он бы не хотел таких увидеть, пусть их лучше не будет на свете. Смеагол хочет уйти отсюда в безопасное место. Смеагол хочет, чтобы добрый хоббит тоже ушел отсюда. Хороший хоббит пойдет за Смеаголом, да?

Фродо встал. Когда Сэм декламировал старый стишок, столько раз слышанный им у камина в Хоббитшире, Фродо, несмотря на все огорчения, улыбался, и настроение у него от этого стало лучше, и сил прибавилось.

— Жаль, что их нет, — сказал он. — Нам бы сюда тысячу олифанов и Гэндальва на белом олифане впереди! Тогда мы сами протоптали бы дорогу в эту зловредную страну. Но у нас только свои усталые ноги. Трудно, и ничего не поделаешь. Ладно, Смеагол, на все дается три попытки, может быть, третья окажется удачной. Я пойду за тобой.

— Добрый господин, хороший хоббит! Мудрый господин! — запричитал обрадованный Голлум и принялся гладить колени Фродо. — Хороший господин. Сейчас хоббитам надо отдохнуть, пусть добрые хоббиты лягут в тень под камень, поближе к камню. Поспите, пока Желтое Лицо не уйдет. Потом пойдем быстро-быстро. Тихо-тихо пойдем, как тени.

Глава четвертая. О травах и тушеной крольчатине

Остаток дня они провели в воронке, передвигаясь вместе с тенью. Все же это было некое подобие отдыха. Потом тень удлинилась, накрыла всю воронку, и пустыня стала темно-серой. Хоббиты съели по кусочку лембаса и пригубили фляги с остатками воды. Голлум есть опять отказался, а к воде потянулся охотно.

— Скоро будет много воды, — сказал он, облизывая губы. — Хорошая вода течет с гор в Большую Реку. Вкусная вода там, куда мы идем. Может быть, Смеагол найдет там еду. Он голодный, голм-голм, очень голодный, изголодался Смеагол, да.

Плоские ладони его при этих словах легли на впалый живот, а в глазах появился бледный зеленый блеск.

* * *

Когда они, наконец, решились выползти из ямы, темнота сгустилась, и три их тени растворились в ней. До полнолуния оставалось дня три, но луна в начале ночи пряталась за горами, и было

темно. Высоко на одной из башен, прозванных Зубами Мордора, горел красный огонек. Не слышно было ни сигналов, ни голосов, ничто не выдавало, что на Моранноне стоит бессонная стража.

Огонек, словно красный глаз, долго провожал их, будто следил, как они бегут, спотыкаясь, по камням и осыпям предгорья. На дорогу выходить они не отважились, только старались все время держаться к ней поближе и по возможности идти от нее справа. За всю ночь решились лишь на один краткий привал. Красный огонек-глаз превратился в маленькую точку, а потом, уже под утро, пропал, когда они обогнули темную гору и направились на юг.

Почему-то они почувствовали облегчение и даже позволили себе ненадолго остановиться, чтобы перевести дух, но отдохнуть как следует не удалось. Только-только они устроились на привал, как Голлум снова заторопил их в путь. По его расчетам от Моранноном до Перепутья за Осгилиатом было около тридцати гонов, и он надеялся пройти это расстояние за четыре перехода. И вот они встали и шли до тех пор, пока свет не облил серую пустошь. Гонов восемь они за ночь преодолели, но больше не смогли бы, наверное, сделать ни шагу, даже если бы не боялись идти днем.

* * *

Когда рассвело окончательно, они увидели, что вокруг уже не так пусто и голо. Слева грозно вздымались к небу горы, а дорога отклонялась на запад, к пологим холмам с редкими купами темных деревьев. Неровный склон, по которому они шли, зарос вереском, в нем торчали редкие кусты ракитника, иногда кизил и еще какие-то растения — их хоббиты первый раз в жизни видели. Повыше группами стояли стройные сосны. Местность слегка напомнила им холмы Северной чверти.

Хоббиты с удовольствием вдыхали свежий душистый воздух, на душе становилось легче. Они чувствовали себя так, будто им объявили об отсрочке исполнения страшного приговора, и наслаждались видом живой земли, доставшейся Черному Властелину всего несколько лет назад и не успевшей превратиться в гниющие пустоши. При этом все понимали, что Черные Врата еще совсем рядом за темной горой, что надо быть осторожными и не забывать об опасности.

Пора было искать место, чтобы укрыться до ночи, не боясь, что их увидят, и они нашли приют в буйных зарослях вереска.

* * *

Время тянулось медленно. Тускло светило солнце. Мрачные горы отбрасывали густую тень. Фродо несколько раз ненадолго засыпал. Может быть, он доверял Голлуму, а может, просто был слишком измучен, чтобы беспокоиться. Сэм, наоборот, только подремывал, а крепко заснуть так и не смог, даже когда убедился, что Голлум спит, как зверек, всхлипывая и вздрагивая, будто ему снятся кошмары. Может быть, сон не шел не столько из-за волнения и вечной настороженности, сколько из-за голода — уже давно хоббит тосковал по настоящей горячей пище, «из кастрюльки».

В дальнейший путь они пустились, когда зашло солнце и все вокруг стало серым и потеряло очертания. Голлум вскоре вывел их на южную дорогу; идти пришлось быстро, так как на дороге их могли заметить. Все трое прислушивались к каждому шороху, боясь услышать топот копыт, но прошла еще одна ночь, а ни пеших, ни конных врагов они не встретили.

Дорога была построена в давно минувшие времена. Около Моранноне ее, вероятно, недавно чинили, но уже милях в тридцати от ворот дикая

природа брала верх над творением человеческих рук, и чем дальше, тем сильнее. Древняя дорога была каменной, некогда идеально прямой и ровной. Она стрелой прорезала горные отроги и холмы, над ручьями и оврагами выгибались стройные и прочные арки мостов. Сейчас камни где выщербились, где стерлись, поваленные столбы заросли мохом и скрылись в густом кустарнике, трава покрыла не только обочины, а и саму дорогу, которая превратилась в нехоженый проселок, но и он никуда не сворачивал и не изгибался, вел прямо на юг.

По этой дороге они дошли до северной границы местности, которую люди когда-то назвали Итилиэн. Был это красивый край горных лесов и быстрых потоков. Ночь прояснилась, светила полная луна, искрились звезды, хоббитам казалось, что воздух пахнет все приятнее. По бурчанию и сопению Голлума они поняли, что он все замечает, но никакого удовольствия он не выражал и Белое Лицо проклинал по-прежнему. Рассвет застал их в глубоком и длинном ущелье с отвесными стенами. Дорога шла по дну, просекая камни. В конце ущелья путники поднялись на западный обрыв осмотреться.

Занимался день. Склоны гор были здесь поло-

гими, вершины отступали далеко на восток, а на западе видна была широкая долина, подернутая золотистой утренней дымкой. Вокруг были деревья, небольшие рощицы, отделенные друг от друга лугами, а среди пахнущих смолой пихт, кедров и кипарисов стояли деревья, не виданные в Хоббитшире. Лужайки заросли душистым многотравьем. Далеко был Райвендел, еще дальше — родной Хоббитшир, климат тут был совсем другой, и это чувствовалось. Здесь уже хлопотала весна, из мха и дерна торчали молодые побеги, на лиственницах светлели новые веточки, в траве пестрели мелкие цветы, пели птицы. Итилиэн, сад Гондора, давно обезлюдевший и одичавший, сохранил обаяние растрепанной дриады.

С юга и с запада от Итилиэна лежала теплая долина Андуина, от восточных бурь ее заслоняла стена гор Тени Эфел Дуат, с севера защищало нагорье Эмин Муйл, с юга дули жаркие ветры, насыщенные морской влагой. Много было здесь деревьев-гигантов, медленно старевших в окружении многочисленного потомства; густо росли тамариски, смолистые туи, маслины и лавры. Попадались можжевельники и мирты, кустился тимьян, покрывая камни толстым зеленовато-сиреневым ковром. Красным, голубым и

бледно-зеленым цвели шалфеи, полно было дикой петрушки и майорана. Сэм нашел еще много душистых трав, которые не росли в родных садах и огородах. Открытые камни уже украсились звездочками камнеломки и заячьей капусты, на полянках под орешником распустились примулы и анемоны, а там, где горные речки разливались в желобках и ямках и отдыхали в синих озерцах на пути в Андуин, в густой темной траве качались полураскрытые лилии и блестели чашечки златоцветника.

Путники сошли с дороги и спустились немного ниже по горному откосу, вдыхая пряные запахи, путаясь в густой траве. Голлум фыркал, кашлял и плевался, а хоббиты дышали полной грудью; один раз Сэм даже вслух рассмеялся от избытка чувств.

Чтобы не сбиться с пути, пошли вдоль ручья, резво сбегавшего в долину, и он привел их к чистому озерцу в плоской котловинке: вода заполнила старый каменный резервуар, его резные края заросли мхом. Рядом рос шиповник, торчали саблевидные побеги ириса, на темной поверхности воды раскинулись плоские листья водяных лилий. Озерцо было глубокое и холодное; из него, переливаясь через каменный порог, ручей бежал

дальше по долине.

Хоббиты умылись и всласть напились чистой свежей воды. Потом стали искать подходящее место, чтобы спрятаться, потому что, как ни красива была эта земля, ею владел Враг. Не успели они далеко отойти, как уже наткнулись на следы давних войн и на свежие раны, нанесенные природе орками и другими подлыми прислужниками Черного Властелина: открытую яму, заваленную объедками и мусором, подрубленные деревья, оставленные медленно умирать, свежие надрезы на коре, изображение зловещего Глаза, уродливые руны.

Сэм отошел от озерца, трогая и нюхая незнакомые растения, — и на минуту забыл о близости Мордора, но тут же получил новое зловещее напоминание: круг выжженной травы, а посредине обгорелые кости и черепа. Следы огня были довольно свежими, зелень не успела их скрыть; костей было много. По-видимому, здесь не однажды убивали и пировали. Сэм поспешно вернулся к своим спутникам и про то, что нашел, не сказал ни слова. Он не хотел тревожить кости и не хотел, чтобы Голлум в них рылся.

— Надо бы прилечь, — сказал он. — Но мне внизу не нравится. Идемте повыше.

* * *

Выше землю покрывал толстый бурый слой прошлогодних папоротников, росли лавры с блестящими листьями, а на крутом склоне над ними стоял старый кедровник. Тут и решили отдохнуть до вечера. День обещал быть погожим и теплым. В такой день хорошо просто гулять по лесам и полянам Итилиэна, но тут вполне могли оказаться орчьи засады, да и кроме орков, вокруг было много врагов — Саурон не считал своих слуг. И Голлум не согласится двинуться с места, пока светит Желтое Лицо. Скоро оно выглянет из-за темных гребней Эфел Дуата, и Голлум сразу съежится в клубок, прячась от тепла и света.

Сэма уже давно беспокоил вопрос пропитания. Теперь, когда они далеко отошли от страшных ворот, он, в отличие от своего хозяина, стал задумываться, что с ними будет после завершения Похода. Здравый смысл подсказывал ему, что пора искать еду в лесу, а эльфийские сухари приберечь до более трудных времен, которые наверняка наступят. С тех пор как он высчитал, что лембасов едва хватит на три недели, шесть дней уже прошло.

«Нам повезет, если сумеем быстро добраться до

Огненной горы, — думал Сэм. — А может быть, даже возвращаться будем, кто знает?»

После ночного перехода и умывания Сэм ощущал голод острее, чем обычно. Воображение рисовало ему завтрак, а еще лучше ужин в кухне старого дома на Пронырной улице. Кое-что уже пришло ему в голову, и он быстро повернулся к Голлуму, который как раз собирался уползти куда-то на четвереньках под папоротниками.

— Эй, Голлум, — окликнул Сэм. — Ты куда? На охоту? Слушай, старый нюхало, тебе не нравятся наши сухари, но и мы не против положить в рот что-нибудь посвежее. Ты вот все твердишь, что *всегда готов помочь*, да? Так не мог бы ты найти в лесу что-нибудь подходящее для голодного хоббита?

— Да, да, может быть, — ответил Голлум. — Смеагол всегда помогает, если его просят… если вежливо просят.

— Ну, ладно, — сказал Сэм. — Считай, что я тебя вежливо попросил, а если мало, то покорно прошу!

* * *

Голлум скрылся. Его долго не было. Фродо съел пару кусочков лембаса, закопался поглубже в бу-

рый папоротник и уснул. Сэм сидел и смотрел на хозяина. Дневной свет с трудом проникал под деревья, но лицо Фродо и руки, спокойно лежащие на папоротнике, Сэм видел отлично. Ему припомнилось, как давным-давно Фродо лежал, тяжело раненный, в Доме Элронда. Еще там, ухаживая за ним, Сэм обратил внимание на то, что иногда от него как бы исходит чуть заметный свет. Сейчас он увидел то же самое, только ему показалось, что свет ярче. Лицо Фродо было спокойным, выражение страха и заботы полностью с него сошло; но оно стало старше. Оно было мудрым и красивым, словно долгие годы тонким резцом подправили и облагородили его, хотя, в общем, черты остались прежними. Сэм не стал во всем этом разбираться до тонкостей, а покачал головой, будто слов не хватило, и еле слышно шепнул сам себе: «Люблю я его. Уж такой, как есть, иногда вот светится. А хоть светится, хоть нет, все равно люблю».

Голлум бесшумно подошел и заглянул из-под руки Сэма в лицо Фродо, но тут же прикрыл глаза и попятился. Когда Сэм через минуту пошел за ним, Голлум уже сидел под кустом, что-то жевал и бормотал. На земле перед ним лежало два крольчонка, и он время от времени поглядывал на них с зелеными огоньками в глазах.

— Смеагол всегда помогает, — сказал он. — Смеагол принес кроликов, вкусные кролики. Но господин спит; Сэм, наверное, тоже хочет спать и не хочет сразу есть кроликов? Смеагол очень старался помочь, но за одну минуту дичь поймать трудно.

Сэм вовсе не считал, что завтракать поздно, и постарался объяснить это Голлуму. Тем более что он уже предвкушал… тушеную крольчатину! Все хоббиты неплохо готовят, им это умение родители прививают еще до обучения грамоте (тем более, что до грамоты доходит не каждый), — но Сэм был большим мастером кулинарии даже по хоббичьим меркам; а в этом путешествии приобрел навыки приготовления вкусных блюд почти из ничего. Даже сейчас, не теряя надежды на лучшие дни, он таскал в заплечном мешке «кухонный набор»: трут, огниво, два плоских котелочка, один в другом, деревянную ложку, двузубую вилку и пару острых спиц вместо вертела. Самым ценным его имуществом был спрятанный на самом дне мешка деревянный коробок с остатками соли. Не хватало только очага и приправ. Сэм вытащил нож, вытер его, заточил на камне и принялся свежевать кроликов, прикидывая в уме, что делать дальше. Он не хотел оставлять

спящего Фродо одного ни на минуту.

— Знаешь что, Голлум, — сказал он, — у меня для тебя еще есть работа. Сходи набери воды в котелки.

— Смеагол добрый, принесет воду, — ответил Голлум. — Но зачем хоббиту вода? Он уже напился и умылся.

— Поменьше рассуждай, — сказал Сэм. — Скоро узнаешь. Чем скорее принесешь, тем скорее поймешь. И не порть мои кастрюльки, а то я тебя на фарш порублю.

Голлум ушел, а Сэм снова посмотрел на Фродо. Тот спал спокойно, как и раньше, но теперь Сэма поразила его необычная худоба. «Досталось ему, бедняге, — сказал про себя Сэм. — Разве так должен выглядеть хоббит? Как только кроликов приготовлю, сразу его разбужу».

Сэм навалил кучу самого сухого папоротника, насобирал мелкого хворосту и стеблей травы, нашел обломанную кедровую ветку, которая могла долго гореть, потом вырезал кусок дерна, углубил ямку, положил туда топливо и быстренько высек огонь. Маленький костерок почти не дымил, но в воздухе разнесся приятный запах. Сидя на корточках, Сэм подкладывал в костер новые палочки, когда на поляне появился Голлум

с полными котелками воды. Боясь ее расплескать, он осторожно поставил котелки на землю, и тут заметил, чем занят Сэм. Раздался злой и испуганный визг.

— Не надо, ш-шс-с!.. Глупый хоббит, несообразительный, да, недогадливый! Этого нельзя делать!

— Чего нельзя делать? — удивился Сэм.

— Гадкие красные язычки! — зашипел Голлум. — Огонь! Опасно! Жжет, убивает! Может заметить Враг, да-да, заметит и придет!

— Ничего подобного, — ответил Сэм. — Ничего не будет, если костер не задымит; а он не задымит, если не совать в него сырых листьев. И вообще, будь что будет. Ради кроликов можно рискнуть. Надо же их сварить!

— Сварить кроликов? — обиделся Голлум. — Испортить вкусное мясо, которое отдал Смеагол, несчастный голодный Смеагол? Зачем? Зачем, глупый хоббит? Кролики молоденькие, мягкие, сочные. Ешь их так, ешь так!

И Голлум схватил одного из освежеванных кроликов.

— Успокойся, — сказал Сэм. — *Что одному — мед, другому — отрава.* У тебя в горле застревает наш хлеб, а я сырым кроликом подавлюсь. Если ты принес мне кролика в подарок, он уже мой, я

могу готовить его, как хочу. И я его приготовлю. А ты не шпионь. Поймай себе еще одного и ешь на здоровье по-своему, только уйди с моих глаз. Тебе не будет видно костра, а мне не придется смотреть на тебя, и обоим будет хорошо. Я прослежу, чтобы дыма не было, раз уж ты так боишься.

Голлум заворчал и, пятясь, заполз в папоротник. Сэм занялся кроликами и котелками. «Для приготовления кролика, — рассуждал он про себя, — хоббиту нужна зелень и кое-какие корешки, а лучше всего клубни, не говоря уже о хлебе. Здесь, кажется, придется обойтись одной травой».

— Голлум! — негромко позвал он. — У меня к тебе еще одна просьба: поищи мне трав! Нужна пара лавровых листочков, горсточка тимьяну и пучок шалфея, только поскорей, пока вода не закипела.

— Нет, нет! — ответил Голлум, высовывая голову из папоротников и всем своим видом изображая брезгливость. — Смеагол недоволен. Смеагол не любит, когда трава пахнет. Не надо ни травы, ни корешков, Смеагол их не ест, он их может есть, только если умирает с голоду или очень заболеет, бедный Смеагол!

— Вот я разварю Смеагола в кисель, если он не

сделает того, о чем я его вежливо прошу! — прикрикнул на него хоббит. — Сэм сунет твою башку в кипяток, Золотце мое. Будь сейчас другое время года, я послал бы бедного Смеагола за репой, морковкой и картошками, ибо бьюсь об заклад, в этой земле много разных диких овощей. Дорого бы я дал сейчас за полдюжины клубней!

— Смеагол за ними не пойдет, Смеагол сейчас никуда не пойдет, — зашипел-запричитал Голлум. — Смеагол боится, и он очень устал, а хоббит злой, да, да, недобрый хоббит. Смеагол не будет копать корни и клубни. А что такое кар-тош-ки?

— Кар-то-фель, — ответил Сэм, — любимая еда моего Старика и лучший способ набить пустой желудок. Но здесь его, конечно, нет, нечего даже искать. Принеси, пожалуйста, немного зелени, чтобы я стал лучше о тебе думать. Если будешь хорошо себя вести и докажешь свою преданность, то обещаю когда-нибудь потом приготовить тебе картошку так, что ты пальчики оближешь. Жареная рыба с картофельной соломкой — фирменное блюдо Сэма Гэмджи. Уж этим ты бы не побрезговал.

— А вот и побрезгую! Испортишь вкусную рыбу своим жареньем. Дай мне сырую рыбку, а сам ешь свою солому.

— Ты неисправим, — заключил Сэм. — Иди спать.

Пришлось обходиться без помощи Голлума, благо не надо было далеко ходить за травами — все, что требовалось, росло на полянке.

Некоторое время Сэм сидел, следя за костром и котелками. Шло время, воздух постепенно согревался, роса высохла. Кролики шипели, трава пахла, хоббит разомлел и чуть не заснул. Но примерно через час он уже пробовал кроликов вилкой. Когда все было готово, Сэм отставил котелки в сторону и пошел к хозяину. Его тень упала на Фродо, тот сначала приоткрыл глаза, нехотя расставаясь с ласковым сном, а потом и совсем проснулся.

— Что случилось, Сэмми? — спросил он. — Ты почему не отдыхаешь? Который час?

— Позднее утро, — ответил Сэм. — По часам в Хоббитшире было бы, наверное, полдевятого. Ничего плохого не случилось, и хорошего тоже мало, потому что у меня нет картошки, и тарелок тоже нет, и лука. Но все равно я сейчас вам подам горячий завтрак прямо в кастрюльке, вот только остынет малость. Можно из кружек поесть и соусу попить, хотя накрыть стол, как положено, я, к сожалению, не смогу.

Фродо зевнул и потянулся.

— Тебе бы тоже надо поспать, — сказал он. — Не стоило здесь жечь костер, это опасно. Есть, конечно, хочется изрядно… Хм… здесь, правда, чем-то пахнет! Что ты приготовил?

— Подарок Смеагола, — ответил Сэм. — Пара крольчат. Кажется, Голлум уже жалеет о своей щедрости. Только к ним ничего, кроме травы, нет.

* * *

Оба хоббита уселись рядом и принялись уплетать тушеную крольчатину прямо из котелков, по очереди пользуясь ложкой и вилкой. Для полного удовольствия поделили еще один лембас на двоих. Давно они так не пировали!

— Эй, Голлум! — позвал Сэм и тихо присвистнул. — Иди сюда. Даю минуту на размышление. Будешь пробовать тушеного кролика? Последний кусок!

Из кустов никто не ответил.

— Ну, пусть; наверное, он пошел еще раз поохотиться, — предположил Сэм. — Доедим без него.

— А потом все-таки поспишь, — сказал Фродо.

— Только вы не спите, хозяин, пока я вздремну, — попросил Сэм. — Совсем не уверен я в

этом Смеаголе. Вредный Голлум, Вонючка, в нем все-таки сидит, и, похоже, опять берет верх, понимаете? Если сможет, он меня первого задушит. Не подходим мы с ним друг другу, Смеагол не любит Сэма, ох, не любит, золотце мое!

* * *

Они съели все, и Сэм пошел к ручью помыть котелки. А когда сполоснул их и распрямил спину, то посмотрел в небо. Солнце вырвалось из тумана Черной Тени или что там висело над Мордором, золотило верхушки деревьев и открытые поляны. И в его блеске в небо поднималась тонкая, но хорошо различимая голубоватая струйка дыма. Поднималась она с того места, где они только что завтракали. Сэм с ужасом смотрел на дым, ибо сообразил, что это дымит его полевая кухня, потому что он забыл загасить костер.

— Никуда не годится! Кто бы подумал, что будет столько дыма? — воскликнул он и поспешил на поляну.

По дороге остановился и прислушался. То ли ему показалось, то ли в самом деле неподалеку кто-то свистнул. Птица, что ли? Свист слышался не с той стороны, где сидел Фродо. И вот еще раз кто-то свистнул, совсем с другой стороны. Сэм

помчался на поляну со всех ног.

Оказалось, что от ветки, выпавшей из костра, затлела трава, загорелся папоротник и начал дымиться дерн. Хоббит быстро затоптал огоньки и угли, разбросал пепел, закрыл место костерка влажным дерном, потом полез к Фродо в заросли папоротника.

— Слышали свист, хозяин? — спросил он. — С одной стороны свистели, а с другой кто-то ответил. Хотелось бы думать, что это птицы, но больше похоже, что кто-то подражал птицам. Это мой костерок наделал беды. Я себе никогда-никогда не прощу, если, конечно, жив останусь!

— Тише! — шепнул Фродо. — Кажется, я голоса слышу.

* * *

Хоббиты завязали мешки, готовые, если понадобится, быстро удрать, заползли поглубже в папоротник и прислушались. Сомнений не оставалось: все ближе слышались голоса, приглушенные и осторожные, но достаточно ясные.

— Здесь! Дым шел отсюда, — говорил один. — Точно из этого места. Он, наверное, спрятался в папоротнике, как кролик. Тут мы его и возьмем. Узнаем, кто это.

— И узнаем, что ему известно, — добавил второй.

К зарослям папоротника с четырех сторон подошло сразу четверо. Ни убегать, ни прятаться дальше не имело смысла. Фродо и Сэм вскочили на ноги, выхватили мечи и стали спинами друг к другу.

То, что они увидели, их очень удивило, а нападающие удивились еще больше. К хоббитам подходили четыре рослых человека. У двоих в руках были копья с блестящими плоскими наконечниками, у двух других — луки размером с них самих и в колчанах — длинные стрелы со светло-зеленым оперением, у всех четверых — мечи у пояса. Одеты они были в зеленые плащи разных оттенков, вероятно, чтобы казаться незаметнее на зеленых полянах Итилиэна. Руки — в зеленых перчатках, лица под капюшонами — в зеленых масках, только светлые глаза смотрят открыто и ясно. Фродо сразу вспомнил Боромира, на которого эти люди были похожи ростом, статью и речью.

— Нашли, да не то, что искали, — сказал один из них. — Как думаешь, кого мы нашли?

— Во всяком случае, не орков, — сказал другой, снимая руку с рукояти меча, к которой он потя-

нулся, когда Фродо вытаскивал Жало.

— Это не эльфы? — с сомнением спросил третий.

— Нет, не эльфы, — ответил четвертый, самый высокий и, похоже, старший из них. — Эльфы давно не ходят сюда. И говорят, что эльфы очень красивы.

— Если я правильно понял, ты хочешь сказать, что красотой мы не отличаемся, — вмешался Сэм. — Спасибо за комплимент. Когда закончите беседу о нас, пожалуйста, сообщите, кто *вы* такие и почему мешаете отдыхать усталым путникам?

Высокий человек невесело засмеялся.

— Я Фарамир, капитан гондорского войска, — ответил он. — Но в этих краях путников не бывает, здесь только слуги Черного Замка или Белой Башни.

— Мы ничьи не слуги, — отозвался Фродо. — Мы путники, хотя капитан Фарамир, как видно, не хочет в это верить.

— Быстро отвечайте, кто вы и зачем пришли? — приказал Фарамир. — У нас свои дела, сейчас не время и здесь не место для загадок и отгадок! Говорите! Где ваш третий?

— Третий?

— Да, третий, он прятался в воде, только нос

сверху торчал и злые глаза. Шпион, наверное, какая-нибудь разновидность орчьего племени или их прислужник. Ускользнул, как змей.

— Я не знаю, куда он подевался, — сказал Фродо. — Это наш случайный спутник, мы встретились в дороге. Он сам по себе. Если вы его поймаете, я только попрошу, не обижайте. Пусть идет куда хочет, или приведите его к нам. Это несчастная, жалкая тварь, но я временно за ним присматривал. Что же касается нас, то мы — хоббиты из Хоббитшира, далекой страны, куда надо идти через много рек на север и на запад отсюда. Меня зовут Фродо сын Дрого, а это — Сэммиус сын Хэмфаста, честный хоббит у меня на службе. Мы прошли долгий путь из Райвендела, который называют еще Имладрисом.

При этом слове Фарамир вздрогнул и насторожился.

Фродо продолжал:

— С нами вышло еще семеро. Одного мы потеряли в Мории, с остальными расстались на луговине Парт Гален, недалеко от водопада Раурос. Среди них было два моих соотечественника, а также гном, эльф и два человека — Арагорн и Боромир, который говорил, что он родом из южного города Минас Тирит.

— Боромир! — воскликнули люди.

— Боромир сын Дэнетора? — спросил Фарамир, и лицо его стало странно торжественным. — Так вы путешествовали с Боромиром? Это большая новость, если вы сказали правду. Знайте, маленькие чужеземцы, что Боромир сын Дэнетора был Верховным Стражем Белой Башни, нашим главным военачальником; нам его очень не хватает. Кто же вы такие, и что у вас было с ним общего? Говорите скорей, а то солнце уже высоко.

— Известны ли вам тайные слова, значение которых Боромир пытался узнать в Райвенделе? — спросил Фродо:

> *Сломанный меч ищи — этот путь в Имладрис ведет...*

— Да, мы знаем эти слова, — удивленно ответил Фарамир. — И то, что они известны тебе, уже подтверждает, что ты не солгал.

— Арагорн, о котором я упомянул, носит у пояса Перекованный Меч, — сказал Фродо. — А мы — те самые полуростки, в Предсказании говорится об одном из нас.

— Вижу, — сказал Фарамир. — Вернее, вижу, что вам подходит это прозвище. Но что такое Погибель Исилдура?

— Это пока тайна, — ответил хоббит. — Она раскроется со временем.

— Ты должен будешь рассказать нам подробнее обо всем этом и о делах, которые привели тебя столь дальним путем в Тень Тьмы, — воин указал на горы, не называя их, — но сейчас на это нет времени. У нас здесь неотложное дело. А вы могли погибнуть. Сегодня вам не удалось бы далеко уйти ни по дороге, ни бездорожьем. Раньше, чем солнце окажется в зените, у оврага начнется жестокая битва. Спастись вы могли бы, только быстро отступив к Андуину. Сейчас, ради вашей и своей безопасности, я оставлю с вами двоих солдат. Здравый смысл подсказывает мне, что нельзя полностью доверять чужеземцам, случайно встреченным в этих местах. Если я вернусь живым, мы еще побеседуем.

— Возвращайся с удачей! — пожелал ему Фродо, низко кланяясь. — Что бы ты обо мне ни думал, я — друг врагов нашего общего Врага. Мы пошли бы с тобой, если бы могли надеяться, что большим и храбрым людям пригодятся маленькие хоббиты, но мой долг не позволяет мне сейчас рисковать собой. Пусть солнце отразится в ваших мечах!

— Оказывается, полуростки учтивы, — ответил Фарамир, — и знают рыцарские обычаи. Я рад.

Будьте здравы.

* * *

Хоббиты снова сели на папоротник. Рядом с ними в солнечной тени лавра остались два охранника. Было жарко, охранники время от времени ненадолго снимали зеленые маски, тогда Фродо видел их лица, серьезные, мужественные, доброжелательные, сероглазые, со светлой кожей, обрамленные темными волосами. Говорили они между собой негромко, сначала на всеобщем языке, но с несколько устаревшими выражениями, потом перешли на свой язык, и Фродо с удивлением заметил, что он мало отличается от языка эльфов. Рассматривая их внимательно, Фродо вдруг понял, что это, должно быть, южные дунаданы, потомки выходцев с Заокраинного Запада.

Сидеть молча хоббитам скоро надоело, и Фродо попытался заговорить с людьми сам, но они отвечали ему неохотно и осторожно. Себя они назвали Маблунг и Дамрод. Оба были гондорскими солдатами, которых послали на разведку в Итилиэн, потому что их предки жили здесь, пока Враг не завладел этим краем. Из таких людей правитель Дэнетор создавал отряды, которые тайно переправлял через Андуин (как именно,

они отказались рассказывать хоббитам), а здесь они должны были наводить страх на отряды орков и других врагов, проходящих между Рекой и горами Тени.

— Отсюда до восточного берега Великой реки не меньше десяти гонов, — сказал Маблунг. — Мы редко заходим так далеко. Но сейчас у нас особое задание. Мы должны ждать в засаде войско из Харада, чтоб их пески вымерзли!

— Будь они прокляты! — сказал Дамрод. — А ведь когда-то гондорцы жили в мире с Харадом. Особой дружбы между нами не было, но отношения были добрососедскими. Наши границы проходили тогда намного южнее Устья Андуина. Нас признавал Умбар, ближайшее государство с той стороны. Но это было давно. С тех пор сменилось много поколений. Потом до нас дошли слухи, что Враг побывал у них, и они перешли на его сторону. Может быть, не перешли, а лучше сказать, вернулись, потому что он всегда был сильнее, а они могли служить ему раньше, как многие другие восточные племена. Не хочется верить, но похоже, что дни Гондора сочтены, а стены Минас Тирита обречены на разрушение, ибо сила и подлость Черного Властелина безграничны.

— Однако мы не собираемся сидеть сложа руки и позволять ему творить все, что он хочет, — продолжил Маблунг. — Сейчас проклятые южане по древним дорогам стягивают войска в Черную Крепость. Враги Гондора топчут старые гондорские дороги! Мы узнали, что они сейчас идут без разведки, уверенные, что их новый хозяин так силен, что тень его гор охранит их в пути. А мы их проучим! Пару дней назад наша разведка донесла, что к северу движутся новые полки. Один из них, по нашим расчетам, еще до полудня выйдет на горный участок дороги, которая проходит тут через ущелье. Дорога-то проходит, но они не пройдут! Во всяком случае, пока Фарамир стоит во главе нашего отряда. Он храбр, сам всегда впереди — и остается цел, то ли его жизнь заговорена, то ли судьба щадит его в бою, потому что уготовила ему другой конец…

Разговор прервался, люди и хоббиты объединились в напряженном ожидании и стали прислушиваться. Сидевший с краю Сэм высунул голову из гущи папоротника и пытался разглядеть, что делается вокруг. Зоркими хоббичьими глазами он заметил, что трава будто оживает, потом понял, что это солдаты: много воинов длинными шеренгами и поодиночке пробирались, где

ползком, где бегом, вверх по склону, а там растворялись в тени деревьев, все в зеленом, так что их трудно было заметить. Одеты и вооружены они были так же, как Фарамир и его спутники. Солдаты прошли и скрылись. На полянах даже тени почти исчезли, так высоко поднялось солнце.

«Интересно, куда девался этот колченогий Голлум? — думал Сэм, снова залезая в папоротники. — Его вполне могут принять за орка, или Желтое Лицо его живьем испечет. Но он, наверное, выкрутится без нашей помощи», — Сэм лег рядом с Фродо, чувствуя, что глаза слипаются.

Проснулся он от звука боевых рогов и сел. Был яркий день. Охранники, насторожившись, стояли под лавровыми деревьями. Рога звучали откуда-то сверху. Сэму показалось, что он различает также крики и дикий вой, но приглушенно, как из пещеры. Потом шум битвы стал раздаваться совсем близко, Сэм услышал лязг и звон мечей, раскалывающих железные шлемы, глухие удары копий о щиты. Люди кричали, и один сильный голос взвился над остальными:

— Гондор! Гондор!

— Можно подумать, что сто кузнецов бьют по наковальням, — произнес Сэм, обращаясь к Фродо. — Хоть бы сюда не подходили, мне и так

не по себе.

* * *

Но шум нарастал — бой приближался.

— Идем! — крикнул Дамрод. — Смотрите! Отряд южан вырвался из западни и пробивается к дороге. Они идут сюда! Наши за ними, их ведет капитан.

Любопытный Сэм подбежал к охранникам и, поборов страх, вскарабкался на ветку лавра. Увидел он, как с горы в долину потоком стекала толпа одетых в красное темнолицых людей, а за ними неслись зеленые воины, рубя мечами тех, кого настигали. Стрелы свистели в воздухе. Вдруг один из вражеских воинов рухнул с обрыва и, подминая кусты, скатился прямо в папоротник, почти на хоббитов, лицом вниз. Под золотым ожерельем из шеи у него торчала стрела с зеленым оперением. Красная рубаха была разорвана, панцирь из крупных медных пластин местами продавлен и разрублен. Черные волосы, сплетенные в косу и перевитые золотыми нитями, слиплись от крови. В смуглой руке он еще сжимал рукоять сломанного меча.

Сэм впервые видел бой людей с людьми, и зрелище это ему не понравилось. Он был рад,

что не видно лица убитого. Как звали этого человека, откуда он пришел, действительно ли был злодеем? А может, его обманули, силой погнали в далекий поход? Кто знает, если бы у него был выбор, он, возможно, остался бы спокойно жить среди своих?..

Все эти вопросы мгновенно пронеслись в голове Сэма, но не задержались в ней, потому что в то мгновение, когда Маблунг сделал шаг к убитому южанину, послышался новый взрыв криков, трубный звук, треск ломаемых деревьев и глухие удары, от которых дрожала земля, словно в нее вбивали сваи.

— Берегись! — закричал Дамрод товарищу. — Да отведут его валар! Мамун! Мамун!..

С изумлением, страхом и восторгом смотрел Сэм, как из-за деревьев вырвался огромный серый невиданный зверь и пустился вниз по склону. Он был больше, чем дом, а хоббитам показался горой. Конечно, в глазах Сэма его размеры выросли от страха, но мамун из Харада в самом деле был гигантом — во всем Среднеземье ничего подобного не встречается. Живущее сейчас его потомство дает лишь слабое представление о росте и силе своих предков.

Он бежал прямо на хоббитов, но в последнее

мгновение покачнулся, свернул и промчался в двух шагах от них. Земля под ним тряслась, ноги у него были толстые, как бревна, уши напоминали рваные серые паруса, нос был похож на большую змею, поднявшуюся, чтобы ужалить, маленькие красные глазки горели злобой. По изогнутым, похожим на рога клыкам, украшенным золотыми обручами, текла кровь. Пурпурная с золотом попона болталась клочьями. На спине у него раскачивалось нечто похожее на башню, это сооружение задевало за деревья и разваливалось на глазах. А перед башней лежал пригвожденный копьем к коже гиганта человек: на земле он был бы могучим воином, великаном среди чернолюдов, а на хребте зверя казался маленьким. Похоже, он был мертв.

Ослепленный страхом и яростью зверь ломился через кусты и заросли, как буря, не замечая преград. Стрелы отскакивали от его толстой шкуры. Люди разбегались перед ним, а те, кого он настигал, погибали, вдавленные в землю. Зверь исчез так же стремительно, как и появился, только трубный рев и топот ног-столбов некоторое время доносился издали.

Шум боя тоже вскоре затих.

Сэм так и не узнал, какая судьба постигла маму-

на: может быть, ему удалось пожить на свободе, а потом он погиб вдали от родины — попал в глубокую яму или в ярости так и бежал до самой Великой реки, не сумел остановиться, и река поглотила его?

* * *

Сэм глубоко вздохнул.

— О-ли-фа-ан! — произнес он. — Значит, они существуют, и я своими глазами одного видел. Вот это да! Но дома все равно никто не поверит. Ладно, это все, похоже, кончилось, теперь хорошо бы поспать.

— Спи, спи, пока можно, — сказал Маблунг. — Скоро вернется капитан, если уцелеет в бою, и сразу прикажет выступать, потому что когда весть о засаде дойдет до Врага, за нами будет погоня. Времени терять нельзя.

— Ну и идите, если вам надо, — буркнул Сэм, — только меня не будите, я и так целую ночь шагал.

Маблунг засмеялся.

— Не думаю, что капитан тебя здесь оставит, господин Сэммиус, — сказал он. — Впрочем, сам увидишь.

Глава пятая. Окно на запад

Сэму показалось, когда его разбудили, что прошло несколько минут. Но уже полдень миновал, Фарамир вернулся и привел с собой много людей. Все, оставшиеся в живых после боя, собрались на склоне: было их две или три сотни. Они широким полукругом сидели на земле, в центре расположился Фарамир. Фродо стоял перед ним, это было странно и похоже на допрос пленника.

Сэм выбрался из папоротника, на него никто не обратил внимания, и он присел с краю, чтобы лучше все видеть и слышать. Смотрел и слушал он очень внимательно, готовый, если понадобится, в любую минуту вскочить и броситься на выручку хозяину. Теперь он рассмотрел лицо Фарамира, снявшего зеленую маску. Оно было суровым и властным, взгляд проницательный и умный. Серые глаза, не отрываясь, смотрели на Фродо.

Сэм сразу понял, что рассказ его хозяина не убедил капитана и что многие подробности вызывают у него подозрение. Фарамир расспрашивал, какую роль играл Фродо в Отряде, вышедшем из Райвендела, почему он расстался с Бороми-

ром, куда направляется сейчас. Несколько раз он настойчиво возвращался к загадке Погибели Исилдура. Он явно чувствовал, что Фродо скрывает великую тайну.

— Из слов Предсказания получается, что Погибель Исилдура снова будет нам угрожать именно тогда, когда явится полуросток, — сказал Фарамир. — Значит, если вы и есть те самые полуростки, то наверняка эту Погибель, что бы она собой ни представляла, принесли на Совет, о котором ты упомянул. Значит, и Боромир, который был на Совете у Элронда, эту вещь видел. Так ли это?

Фродо не отвечал.

— Выходит, я не ошибся! — сказал Фарамир. — Я хочу узнать от тебя как можно больше, ибо все, что касается Боромира, близко касается меня. Старинные предания говорят, что Исилдур был убит орчьей стрелой. Но таких стрел тысячи, не мог Боромир, князь Гондора, принять стрелу за знак Рока. Ты носишь этот предмет с собой? Говоришь, что это тайна. Ты скрываешь ее по собственной воле?

— Нет, — ответил Фродо. — Моя воля тут ни при чем. Предмет мне не принадлежит. Он не принадлежит никому из смертных, ни великим, ни

малым. Заявить на него свои права мог бы разве Арагорн сын Араторна, о котором я говорил, — он вел нас от самой Мории до водопада Раурос.

— Но почему предводителем был он, а не Боромир, князь страны, основанной сыновьями Элендила?

— Потому что Арагорн по прямой линии происходит от Исилдура сына Элендила. Перекованный Меч, который он носит, и есть Сломанный Меч Элендила.

Послышался ропот удивления. Воины повторяли:

— Меч Элендила! Меч Элендила возвращается в Минас Тирит! Великая новость!

Но лицо Фарамира оставалось непроницаемым.

— Может быть, это и правда, — произнес он, — но если Арагорн придет в Минас Тирит, ему придется подтверждать свои великие права. Мы выступили из города шесть дней назад, и я знаю, что до того времени ни его, и ни одного твоего спутника там не видели.

— Боромир не сомневался в правах Арагорна, — ответил Фродо. — Если бы Боромир тут был, он бы ответил на все твои вопросы. Прошло уже много дней с тех пор как Боромир дошел с

нами до водопада Раурос, а оттуда он собирался идти прямо в ваш город. Я думаю, что когда ты вернешься домой, то скоро удовлетворишь свою любознательность. Боромир, как и все остальные участники нашего Похода, знает, что мне надлежит делать, потому что задание мне дал сам Элронд, владыка Имладриса, в присутствии всего Совета. На меня возложили обязанности, которые привели меня сюда, но мне нельзя никому о них рассказывать. Об этом я могу говорить только с членами Отряда. Тебе же скажу лишь то, что враги нашего Врага не должны мешать нам в пути.

Что бы ни творилось в душе Фродо в эти минуты, голос его звучал достойно, и Сэм его очень одобрял. Но Фарамира этот уверенный тон не убедил.

— Так вот оно что! — воскликнул он. — Ты советуешь мне заниматься своими делами и идти домой, а тебе разрешить идти своей дорогой. Боромир вернется и все объяснит. Говоришь, вернется? Был ли ты другом Боромира?

Фродо живо вспомнил, как Боромир на него напал, и на мгновение заколебался. Фарамир сурово смотрел на него.

— Боромир — доблестный воин и был моим спутником, он входил в Отряд, — произнес Фро-

до. — Да, я был ему другом.

Фарамир мрачно усмехнулся.

— Значит, тебя огорчило бы известие о его смерти?

— Очень бы огорчило, — сказал Фродо, но вдруг понял взгляд Фарамира и вскрикнул: — Как о смерти? Что это значит? Ты знаешь, что он умер, или издеваешься надо мной, и твои слова — ловушка? Ты лжешь, чтобы подловить меня?

— Я даже орка не стал бы подлавливать ложью, — презрительно произнес Фарамир.

— Как он умер? Откуда ты узнал? Ты же только что сказал, что никто из нашего Отряда не дошел до вашего города!

— О том, как он погиб, я надеюсь еще узнать у друга и спутника его последних дней.

— Но он был здоров и силен, когда мы расстались. Хотя сейчас мир полон опасностей.

— Да, мир полон опасностей, — сказал Фарамир. — Измена — не самая малая из них.

* * *

Сэм все больше злился и терял терпение. Последние слова Фарамира оказались той каплей, которая переполняет чашу. Не в силах дольше сдерживаться, он вскочил в середину полукруга

и встал рядом с Фродо.

— Простите великодушно, хозяин, — затараторил он, — но у вас разговор слишком долго затянулся. Этот человек не имеет права в таком тоне с вами говорить! Мало вы натерпелись бед ради его же блага, ради всех огромин и вообще всех племен! Теперь меня послушайте.

Сэм стоял перед Фарамиром, задрав голову, положив руки на бедра, будто обращался к хоббитенку, невежливо ответившему на вопрос, зачем он забрался в чужой сад. Люди возмущенно переговаривались, но многие из них посмеивались, ибо очень забавно наскакивал на их капитана хоббит, кипевший от негодования, как чайник.

— Слушай меня, капитан! — кричал Сэм. — К чему ты ведешь? Давай с этим кончать, пока орки из Мордора нам на головы не посыпались! Если ты подозреваешь, что мой хозяин убил твоего Боромира и бежал, то ты ошибаешься! Почему не говоришь открыто, что думаешь? Скажи прямо, что хочешь с нами сделать. Очень обидно, что люди, которые много говорят о том, как ведут войну с Врагом, не дают другим бороться с ним по-своему и вмешиваются в их дела. *Тот* бы наверняка радовался, что нашел нового союзника, если бы сейчас нас видел!

— Имей терпение! — сказал Фарамир без гнева. — Подожди. Пусть говорит твой хозяин, он умнее тебя. Не надо напоминать мне об опасности. Времени у нас мало, но мне не жаль тратить его на справедливый разбор трудного дела. Будь я так же нетерпелив, как ты, я бы уже давно приказал умертвить вас обоих. У меня есть приказ не щадить никого, кто окажется в этих местах без разрешения правителя Гондора. Но без нужды я не убиваю ни людей, ни животных, и даже когда вынужден это делать, радости мне это не доставляет. Слов на ветер я тоже не бросаю. Так что успокойся. Сядь рядом со своим господином и помолчи.

Сэм, густо покраснев, шлепнулся на землю. Фарамир снова обратился к Фродо.

— Ты спросил, откуда я знаю, что сын Дэнетора погиб. Скорбные вести летят на быстрых крыльях. Поговорка гласит: *«Вести о бедах близким приносят ночи».* Боромир был моим братом.

Тень печали тронула его лицо.

— Ты помнишь какую-нибудь вещь, которую Боромир всегда носил с собой?

Фродо опять заколебался, боясь новой ловушки и задавая себе вопрос, чем все это может кончиться. Он еле спас Кольцо от высокомерной алчности

Боромира, а что ему делать сейчас, когда вокруг — целый отряд вооруженных людей? В глубине души он, однако, чувствовал, что Фарамир, очень похожий на брата, не столь самоуверен и, по-видимому, умнее.

— Я помню, что Боромир носил рог у пояса, — сказал наконец хоббит.

— Раз помнишь, значит, ты его действительно видел, — сказал Фарамир. — Попробуй вызвать из памяти и мысленно снова увидеть большой буйволовый рог, окованный серебром и украшенный старинными письменами. Этот рог у нас в роду издавна переходил от отца к старшему сыну. Легенда гласит, что если он заиграет в любом месте древнего Гондора, взывая о помощи, его голос будет услышан друзьями. Незадолго до того, как выступить в этот поход, а точнее, одиннадцать дней назад, я его услышал. Голос рога звучал с севера и очень глухо, будто только его эхо отразилось в моих мыслях. Мы с отцом решили, что это плохой знак, тем более что о Боромире давно не было вестей, и никто не видел, чтобы он переходил границы. На третью ночь после того, как я слышал рог, произошло еще более странное событие.

В полумраке при свете молодого месяца я сидел

над Андуином, следя за вечным бегом его волн. Печально шелестел тростник. Мы всегда ночью выставляем стражу на берегу под Осгилиатом, потому что другим берегом частично овладел Враг и оттуда совершает грабительские налеты на наши земли. Но та ночь была спокойной, все спали, было тихо. И вдруг я увидел, или мне показалось, что увидел, маленькую серебристую лодочку странной формы, с высоко поднятым носом; ее несло течение, у руля и на веслах никого не было.

Лодку окружало бледное сияние, и мне стало страшно. Но я сошел с крутого берега к самой воде и шагнул в реку, потому что лодочка меня будто звала и притягивала. Она приблизилась так, что я мог бы достать до нее рукой, но я не посмел к ней прикоснуться. Лодка глубоко сидела в воде, как тяжело нагруженная, мне показалось, что она полна прозрачной воды, от которой исходил свет, а в этой воде будто спал воин.

У него в коленях лежал сломанный меч, а на теле было множество ран. Это был Боромир, мой брат, мертвый. Я узнал его доспехи и меч, узнал родное лицо. Не хватало только рога; и одна вещь была мне незнакома — красивый пояс, сплетенный из золотых листьев.

«*Боромир!* — закричал я. — Где твой рог? *Куда плывешь?* О Боромир, Боромир!» — но он уже уплыл. Лодку подхватило течение, и она удалялась, светясь в темноте. Это было, как сон, и это не было сном, потому что после него не наступило пробуждение. Теперь я знаю: брат мертв и уплыл по Реке в Море.

— Увы! — произнес Фродо. — Все сходится, это, наверное, был Боромир. Золотой пояс подарила ему Владычица Галадриэль в Лотлориэне. Она же одела нас в серые плащи, которые ты видишь. На них застежки тоже эльфийской работы.

Хоббит показал Фарамиру серебристый лист, скреплявший его плащ у шеи. Капитан присмотрелся к нему.

— Красивая вещь! — сказал он. — Да, это работа тех же мастеров. Значит, вы проходили через Лотлориэн? Лаурелиндоренан — так когда-то называли страну эльфов, но уже много веков люди ничего о ней не знают. Теперь становится понятным многое, что меня в тебе удивляло. — Гондорец заговорил мягче. — Что ты еще мне скажешь? Горько думать, что Боромир погиб так близко от границ своей родины.

— Я не могу сказать тебе больше, чем уже сказал, — ответил Фродо. — Но твой рассказ будит

во мне тревожные предчувствия. Может, то было только видение, тень злого рока, который свершится в будущем или, увы, уже свершился? А не могло это быть обманом, наваждением Вражьих чар? Я видел под водой в Мертвых Топях лица благородных воинов из далекого прошлого, но то, наверное, были призраки, вызванные зловещим искусством Врага.

— Нет, — ответил Фарамир. — Тени, которые насылает Враг своими чарами, наполняют душу отвратительным страхом, а мое сердце исполнилось печали и жалости.

— Но такого не может быть! — воскликнул Фродо. — Ни одна лодка не пройдет через камни за Тол Брандиром. И вообще Боромир собирался идти домой через Роханские степи, через реку Энтов. Ну как такая лодка миновала пенный водопад, не затонула и не разбилась у его подножия, тем более, ты говоришь, что она была полна воды?

— Не знаю, — ответил Фарамир. — Откуда эта лодка?

— Из Лориэна, — признался Фродо. — У нас их было три. Мы доплыли до самого водопада. Лодки сделали эльфы.

— Ты прошел через Страну Тайн, но, похоже,

не понял силы ее чар! — сказал Фарамир. — Тот, кому приходилось иметь дело с колдуньей из Золотого леса, мог бы ожидать необычайного. Не должен смертный переходить границы страны эльфов. В давние времена мало кто возвращался оттуда самим собой, как у нас говорили.

— О Боромир, Боромир! — вдруг воскликнул он. — Что тебе сказала красавица, над которой смерть не властна? *Что она в тебе увидела?* Что пробудила в твоем сердце? Зачем ты забрел в Лаурелиндоренан вместо того, чтобы идти *своей дорогой* и однажды утром прискакать на роханском коне к порогу родительского дома?!

Потом он снова обратился к Фродо:

— Догадываюсь, что на эти вопросы ты мог бы мне ответить, Фродо сын Дрого. Может быть, не сейчас и не здесь. Не думай, что увиденное мной было наваждением, и знай: рог Боромира в конце концов вернулся в родной край, и это тоже верный знак. Рог вернулся, но разрубленный надвое мечом или топором. Две его половины вода принесла отдельно. Одну нашли в камышах на северной границе, ниже устья реки Энтов, где несут стражу воины Гондора, другая уплыла дальше по Великой реке, ее подобрал с лодки у берега наш часовой недалеко отсюда. Злодеяние всегда выхо-

дит на свет, иногда удивительнейшими путями. Сейчас разбитый рог, наследство первородного сына, лежит на коленях Дэнетора, который ждет в своей столице дальнейших вестей. Неужели ты ничего не можешь мне рассказать о том, как был разрублен этот рог?

— Я только сейчас от тебя впервые обо всем этом узнаю, — ответил Фродо. — Если ты не ошибся в счете, то ты слышал голос рога в тот самый день, когда мы расстались с Отрядом. Страшно мне слушать твои слова, потому что если Боромир попал в беду и погиб, что же сталось со всеми моими спутниками? Они тоже погибли? Ведь среди них были мои друзья и родичи.

Может быть, хоть теперь ты отбросишь подозрения и отпустишь меня? У меня своя дорога. Я устал, настрадался, я боюсь. Но я должен выполнить свой долг. Может быть, мне это не удастся, тогда я должен хотя бы попытаться и потом уж погибнуть. Мне надо спешить еще больше, если из всего Отряда уцелели только мы двое. Вернись в свой край, храбрый капитан гондорского войска, обороняй свой город, а мне позволь идти туда, где моя судьба.

— Не много радости я извлек из нашей беседы, — сказал Фарамир, — но ты делаешь еще

более безрадостные выводы и, по-моему, ошибаешься. Кто же уложил Боромира в лодку? Не думаю, что лориэнские эльфы приходили отдать ему последние почести; орки и слуги Врага этого сделать не могли. Значит, из твоего Отряда кто-то уцелел.

Что-то там произошло, на нашей старой северной границе; вижу, что ты в этом не повинен, Фродо. Горький опыт научил меня справедливо судить о людях по их словам и лицам; думаю, что чутье меня не обмануло и с полуростками. Правда, — добавил он с улыбкой, — в тебе есть что-то мне непонятное, Фродо, что-то от эльфа. Из нашего разговора я узнал больше, чем предполагал узнать. Наверное, я должен взять тебя с собой в Минас Тирит, там ты все расскажешь Дэнетору. Если я сделаю неверный шаг, и это погубит мой город, я заплачу собственной жизнью. Не хочу решать наспех. А отсюда надо уходить как можно скорее.

Фарамир поднялся и отдал несколько приказов. Солдаты разделились на небольшие группы и стали расходиться, быстро исчезая в тени скал и деревьев. Вскоре на поляне остались только Маблунг с Дамродом.

— Вы, Фродо и Сэммиус, пойдете со мной и

моей личной охраной, — сказал Фарамир хоббитам. — Южным трактом сейчас все равно не пройти, даже если ваш путь лежал в ту сторону. В ближайшие несколько дней эта дорога станет очень опасной: после нашей засады Враг удвоит бдительность. Да сегодня вы не ушли бы далеко, вы слишком утомлены. Мы тоже устали. Милях в десяти отсюда есть укрытие, туда и направимся. Орки и шпионы Врага пока про него не знают, а если даже они нас выследят, там можно долго обороняться. Отдохнем, выспимся и рано утром решим, что делать дальше. Подумаем, что лучше для вас и для меня.

* * *

Выбора у Фродо не было, пришлось согласиться на предложение, которое, по сути дела, было приказом. Правда, сам бы он ничего лучшего не придумал, потому что после налета гондорцев передвижение по дорогам Итилиена становилось крайне опасным.

Пошли они сразу же: Маблунг с Дамродом впереди, а хоббиты с Фарамиром за ними. Обойдя озерцо с той стороны, где наши путешественники недавно пили и умывались, они перешли через ручей, поднялись по пологому склону и вошли

в зеленый сумрак леса, спускающегося к западу. Убыстрив шаг настолько, чтобы хоббиты все-таки могли за ним поспеть, Фарамир вполголоса заговорил снова:

— Я прервал беседу с тобой не только потому, что, как вовремя заметил Сэм Гэмджи, времени у нас мало, но и потому, что мы подошли к сути тех событий, о которых открыто при стольких свидетелях говорить не следует. Именно поэтому я направил поток слов в иное русло и повел речь о своем брате, вместо того, чтобы расспрашивать тебя дальше о *Погибели Исилдура*. Ты не был откровенен со мной, Фродо сын Дрого!

— Я не солгал тебе, а правды сказал ровно столько, сколько мне позволено, — ответил Фродо.

— За это я на тебя зла не держу, — сказал Фарамир. — Мне кажется, что в самые трудные минуты ты находишь подходящие и разумные слова. Но из них я узнал, вернее, угадал больше, чем было прямо сказано. Не было дружбы между тобой и Боромиром, во всяком случае, расстались вы не как друзья. И ты, и Сэм Гэмджи таите какую-то обиду. Я очень любил брата и рад был бы отомстить за его смерть, но я хорошо его знал. Погибель Исилдура… я уверен: то, что называют Погибелью Исилдура, стало костью, которую вы

не поделили, причиной раздора в Отряде. Доставшаяся в наследство ценность может рассорить союзников, так учат старинные притчи. Я попал в точку?

— Не в самую точку, — ответил Фродо, — но близко. В Отряде до раздоров дело не дошло, были только колебания, потому что мы не знали, какой путь избрать от нагорья Эмин Муйл. Но как бы там ни было, старые притчи еще предупреждают о том, как опасны неосторожные речи о… доставшейся ценности.

— Значит, я угадал. Раздор у тебя вышел только с Боромиром. Он хотел, чтобы эта ценность попала в Минас Тирит. Увы! Судьба наложила печать на уста того, кто последний говорил с Боромиром, и приказывает ему скрыть от меня то, что я больше всего хочу знать: что делалось в сердце и в мыслях моего брата перед кончиной! Но даже если Боромир совершил ошибку, я убежден, что умер он благородной смертью, совершив героический поступок. У мертвого брата лицо было красивее, чем у живого.

Прости меня, Фродо, что я так грубо требовал, чтобы ты рассказал все, что знаешь, о Погибели Исилдура. Я сделал это, не подумав; ни время, ни место для этого не подходили. У меня не было

возможности спокойно поразмыслить. Мы выдержали жестокий бой, и я целый день не мог ни о чем больше думать. Во время нашей беседы, когда я почувствовал, что приближаюсь к сути, я намеренно перевел разговор. Надо тебе сказать, что правители нашего края сохранили многое из старинных знаний, из тайного искусства, о котором за пределами моей страны никто понятия не имеет. Наш род не идет от Элендила, но в наших жилах течет нуменорская кровь. Нашим предком был Мардил, достойный наместник, который правил страной, когда король уходил на войну. Мардил управлял владениями короля Эарнура. Король не вернулся из похода и не оставил потомства, так что на нем закончилась линия Анариона. С тех самых пор уже много поколений нашим государством управляют наместники.

Я помню, как в детстве, когда мы учили историю нашего рода и нашей страны, Боромир негодовал по поводу того, что наш отец — не король.

«Сколько веков надо ждать, чтобы наместник стал королем, если король не возвращается?» — спросил он.

«В других странах, где короли менее достойны, хватило бы, наверное, нескольких лет, — ответил

ему отец, — а в Гондоре и десяти тысячелетий было бы мало».

Бедный Боромир. Тебе это детское воспоминание о нем что-нибудь говорит?

— Да, — сказал Фродо. — Но к Арагорну он все время относился с должным почтением.

— Не сомневаюсь, — произнес Фарамир. — Если его убедили, как ты говоришь, в истинности прав Арагорна, он должен был глубоко его уважать. До труднейшего испытания не дошло. Они не вернулись вместе в Минас Тирит и не соперничали в боях за него, идя рядом во главе гондорского войска…

Но я снова уклонился от главного. Так вот, в роду Дэнетора по старинной традиции сохраняются тайные знания прошлых веков, а в сокровищнице хранятся книги, свитки, пергаменты, таблички и даже золотые и серебряные пластины, покрытые письменами на разных языках. Среди них есть такие, которые до сих пор никто не смог прочесть. Меня учили искусству чтения и расшифровки, но я сумел одолеть только часть старых документов. Собранные у нас записи привели в Гондор Серого странника. Первый раз я видел его, когда был маленьким мальчиком, потом он еще раза два или три появлялся.

— Серый Странник? — спросил Фродо. — У него было имя?

— Мы называли его по-эльфийски Мифрандиром, — ответил Фарамир, — и ему это нравилось. «*У меня много имен в разных странах*, — говорил он. — *Мифрандир у эльфов, Таркун у гномов, в незапамятные времена моей юности на Западе меня звали Олорин, на Юге зовут Инкануш, на Севере — Гэндальв. На Восток я не хожу*».

— Гэндальв? — воскликнул Фродо. — Так я и думал. Гэндальв Серый, любимый друг и советчик, вожак нашего Отряда! Он пропал в Копях Мории.

— Мифрандир пропал? — вскричал Фарамир. — Видно, злая судьба преследует ваш Отряд. Трудно поверить, что мудрец, обладавший такими знаниями и силой, — ибо в нашей стране он показывал необычайное, — мог погибнуть. С его уходом мир потеряет разгадку многих тайн. Ты уверен, что Мифрандир погиб, а не просто ушел от вас?

— Увы, — ответил Фродо. — Я видел, как он рухнул в бездну.

— Страшная история, наверное, кроется и за этим, — сказал Фарамир. — Может быть, вечером ты расскажешь мне подробнее. Лишь теперь я понял, что Мифрандир был не только обладате-

лем тайных знаний, но и вершителем великих дел в наше время. Будь он рядом, когда мы услышали во сне грозные слова, он бы, наверное, все объяснил, и не пришлось бы отправлять Боромира за разгадкой. Но может быть, он ничего нам не сказал бы, ибо путь был сужден Боромиру. Мифрандир никогда не открывал перед нами секретов будущего и никого не посвящал в свои планы. Я не знаю, каким образом он добился у Дэнетора разрешения на вход в сокровищницу; кое-какие уроки он преподал и мне, хотя редко уделял мне внимание. Он был поглощен исследованием документов и выспрашивал нас прежде всего о великой битве на поле Дагорлад, когда королевство Гондор только родилось, а Тот, чьего имени мы не произносим, был свергнут. Его очень интересовала история Исилдура, но мы не много могли рассказать, потому что о его гибели ничего точно не известно.

Фарамир понизил голос до шепота:

— Кое о чем я, однако, узнал, а чего не знал, домыслил, и тайну своего открытия берегу; Исилдур взял что-то из руки Того, кто был повержен, после чего покинул Гондор и больше никогда не являлся среди смертных. Думаю, что это прямой ответ на вопрос Мифрандира. Но тогда мне казалось,

что это знание важно лишь для изучения старых тайн. Даже когда мы пытались разгадать слова, услышанные во сне, мне не пришло в голову, что *Погибель Исилдура* и есть тот самый предмет. О гибели Исилдура мы знаем лишь одну легенду: о том, как он попал в засаду и был убит орчьей стрелой. И Мифрандир мне больше ничего не говорил.

Я пока не разгадал, что там было на самом деле и что это за вещь, но это должна быть переходившая из рук в руки ценность, дающая великую власть и таящая великую опасность. Может быть, это самое страшное оружие, изобретенное в Стране Мрака. Если оно может дать победу в войне, легко поверить, что Боромир — гордый, бесстрашный, горячий, жаждущий славы для Минас Тирита (и вместе с родиной славы для себя), — мог пожелать эту вещь и впасть в искушение. В несчастный день он ушел в свой путь! Выбор отца и вождей должен был пасть на меня, но Боромир сам вызвался идти, говоря, что он старше и опытнее (что было правдой). Он не уступил мне.

Ты можешь не бояться. Я не возьму эту вещь, я не нагнусь за ней, даже если она будет лежать на дороге. Если бы Минас Тирит рушился, и один я

мог его спасти, я бы остерегся применить оружие Черного Властелина ради славы. Такой славы мне не надо, знай это, Фродо сын Дрого.

— Совету тоже не нужна такая слава, и мне не нужна, — ответил Фродо. — Если бы я мог, я бы в эти дела вообще не вмешивался.

— Что касается меня, — продолжал Фарамир, — мне бы только увидеть, как наступит мир и в Минас Тирит вернется Серебряная корона, а в королевском дворе зацветет Белое Древо! Я хотел бы, чтобы стройная и красивая крепость Минас Анор, как в давние времена, засияла королевой среди других крепостей; не хочу, чтобы она была госпожой множества рабов, даже ласковой госпожой добровольных рабов. Война неизбежна, когда приходится защищать жизнь от Врага, который иначе всех уничтожит. Но я не люблю сверкающий меч за остроту стали, стрелу за скорость полета и солдата за воинскую доблесть; я люблю лишь то, что защищают мечи, стрелы и солдаты, — страну нуменорцев. Хочу, чтобы мой город любили за его прошлое, за его обычаи, красоту и мудрость. Не хочу, чтобы его боялись, хочу, чтоб уважали, как достойного уважения мудрого старца.

Не бойся меня. Я не буду настаивать, чтобы ты

мне еще что-нибудь рассказал. Я даже не спрашиваю тебя, насколько я близок к истине. Если ты все-таки мне доверишься, может быть, я смогу тебе помочь хотя бы советом… Если доверишься.

Фродо не ответил. Он чуть было не поддался искушению, тоскуя по дельному совету и помощи; ему хотелось все выложить опечаленному человеку, чьи слова звучали мудро и благородно. Но что-то удержало его в последнюю минуту. Сердце болело от печали и страха. Если из всего Отряда только он и Сэм остались в живых, — что могло оказаться страшною правдой, — то кроме них больше ведь никто не знал об их тайном задании. Лучше излишняя подозрительность, чем поспешная откровенность. В памяти Фродо ожило воспоминание о Боромире и ужасной перемене, произошедшей с ним под влиянием чар Кольца. Он смотрел на Фарамира, слышал его голос и мысленно видел перед собой его брата, совсем не такого и вместе с тем столь похожего.

* * *

Довольно долго они молча шли в серых и зеленых тенях старых деревьев, бесшумно обходя стволы; над их головами во множестве щебетали птицы, солнце золотило блестящие листья веч-

нозеленых лесов Итилиэна.

Сэм не принимал участия в разговоре, хотя внимательно прислушивался, одновременно улавливая чуткими хоббичьими ушами ласковые голоса леса. Он заметил, что ни Фарамир, ни Фродо ни разу не произнесли имени Голлума. Этому Сэм был рад, хотя чувствовал, что напрасно надеется никогда больше его не встретить. Потом заметил, что хотя они будто бы идут только с Фарамиром, на самом деле вокруг них много людей, не говоря уже о Дамроде и Маблунге, которые то появлялись, то исчезали в тенистой зелени. С обеих сторон от них лесом пробирались зеленые солдаты, спеша к какому-то назначенному месту.

Один раз его словно кольнуло в спину, и он резко обернулся, надеясь обнаружить, кто за ним следит, но успел заметить лишь метнувшуюся за дерево маленькую темную тень. Сэм открыл было рот, чтобы сказать об этом Фродо, но передумал: «Я ведь не уверен, что это мне не показалось. Зачем вспоминать о мерзавце, если господин Фродо и Фарамир не хотят о нем говорить? Я бы сам с удовольствием про него забыл».

* * *

Наконец лес вокруг поредел, обрывы стали круче. Они свернули вправо и вскоре оказались над ручьем, пробивающимся по дну узкой расселины. Это был тот самый ручей, который далеко в горах вытекал из круглого озерца; здесь он набирал силу и быстро несся по камням, выбив себе глубокое ложе, над которым раскинули ветви горные дубы и неподвижно стоял темнолистый самшит. Глядя на запад, путники видели светлые туманы над долинами и широкие луга, а совсем далеко — искрившуюся в последних лучах солнца широкую ленту Андуина.

— Сейчас, увы! Я должен поступить с вами не очень учтиво, — сказал Фарамир. — Но надеюсь, что вы простите человека, который в нарушение приказа оказал вам расположение, не отнял жизнь и не связал, как пленников. Есть приказ: никому, даже рохирримам, воюющим с нами в союзе, нельзя видеть тайный путь, которым мы сейчас пойдем. Придется завязать вам глаза.

— Воля твоя, — ответил Фродо. — Даже эльфы так поступают. Через границу Лотлориэна нас вели с завязанными глазами. Гном Гимли возмущался, но хоббиты к этому относятся терпимо.

— Я провожу вас в менее прекрасное место, — сказал Фарамир, — но рад, что вы соглашаетесь добром: не хочется применять силу.

Он негромко подозвал солдат, из-за деревьев молниеносно появились Дамрод с Маблунгом и подбежали к капитану.

— Завяжите гостям глаза, — приказал Фарамир. — Плотно, но так, чтобы повязка не давила. Рук им связывать не надо. Они дадут слово, что не станут подглядывать. Я мог бы им поверить и попросить просто закрыть глаза, но без повязки они их невольно откроют или моргнут, если ноги споткнутся. Ведите их осторожно, чтобы не упали.

Охранники завязали глаза хоббитам зелеными платками и капюшоны им надвинули почти до подбородков. Потом Маблунг взял за руку одного, а Дамрод — другого, и повели вперед. О последнем этапе пути Сэм и Фродо запомнили только то, что почти милю шли на ощупь. Сначала они заметили, что тропа круто пошла вниз, потом сузилась так, что можно было идти только друг за другом, — охранники шли сзади, положив руки им на плечи, и направляли их шаги. В отдельных трудных для прохода местах хоббитов поднимали в воздух, потом снова ставили на землю. Шум

воды все время слышался справа, с каждым шагом громче. Потом люди остановились. Маблунг и Дамрод быстро повернули хоббитов несколько раз вокруг себя, так что они совсем потеряли понятие о направлении. Потом еще поднимались в гору, но недолго. Шум потока почти затих, стало прохладно. После этого их взяли на руки и довольно долго несли вниз по ступеням, наконец резко повернули и поставили на камни. Хоббитам показалось, что теперь кругом вода, шум ее стал оглушительно громким, а на руках и на щеках они чувствовали брызги, как от дождя. Ошеломленные, они стояли, не двигаясь. Голос Фарамира прямо над ними приказал:

— Снять повязки!

Охранники откинули им капюшоны и сняли платки. Свет ударил в глаза, хоббиты онемели от удивления и восторга.

Они стояли на гладких влажных камнях, будто у порога высеченного в скале замка, темные ворота которого были у них за спиной. Перед ними, так близко, что Фродо мог достать его рукой, сверкал прозрачный водяной заслон. Ворота открывались прямо на запад. Низкие лучи заходящего солнца падали на водяную завесу, и красный закатный свет рассыпался в ней ра-

дужными искрами. Казалось, они стоят у окна заколдованной эльфийской башни, прикрытого занавесью из драгоценных камней, рубинов, сапфиров, аметистов, серебра и золота.

* * *

— Счастливый случай привел вас сюда именно в этот час, чтобы дивным зрелищем вознаградить за терпение, — сказал Фарамир. — Это Окно Заходящего Солнца и водопад Эннет Аннун, красивейший водопад Итилиэна, страны тысячи родников. Мало кто из чужеземцев видел это чудо. Ни один королевский дворец не может похвалиться таким украшением. Но, к сожалению, здесь не дворец. Войдите.

Как только он кончил говорить, солнце скрылось, огонь в водяных струях погас. Хоббиты вслед за людьми повернулись и, пройдя под мощным сводом, оказались в обширном помещении, выдолбленном в скале, с низким неровным потолком. Тусклый свет исходил от нескольких факелов. В зале-пещере собралось уже множество людей, и все новые прибывали, входя по двое и по трое через узкую дверь в одной из стен. Когда хоббиты освоились в полумраке, то обнаружили, что пещера больше, чем кажется с первого взгля-

да, и в ней накоплено много оружия и припасов.

— Вот это и есть наше убежище, — сказал Фарамир. — Здесь нет особых удобств, но сухо, еды хватит, и можно спокойно провести ночь, хотя огня мы не разводим. Когда-то по этим пещерам текла вода, но много веков назад наши умельцы заставили ее сменить русло и спустили речку водопадом с высоты, в два раза большей, чем прежняя. Потом сузили и перекрыли почти все ходы, так что сюда ни вода теперь не затекает, ни враг не пройдет. Осталось два выхода: тот, которым вас провели, и через окно с водяным заслоном, но под ним глубокий водоем, и на дне его острые, как ножи, камни. Сейчас, пока готовится ужин, отдохните.

Хоббитов отвели в угол и указали на низкое ложе, где можно было прилечь. Люди тем временем быстро и ловко двигались по пещере. Из-под стен выдвинули козлы, положили на них легкие доски и накрыли стол. Посуда была простая, почти без украшений, но хорошей формы и выделки — круглые блюда и тарелки из обожженной темной глины, покрытые глазурью, кубки, точеные из самшита, отполированные до блеска. Было несколько бокалов и чаш из бронзы, а посреди стола поставили серебряный кубок для

капитана.

Фарамир ходил между воинами, негромко расспрашивал каждого вновь прибывшего. Возвращались те, кто преследовал убегавших чернолюдов, последними вернулись разведчики и стражи, охранявшие дорогу. Южан всех уничтожили, но мамуна, или олифана, никто не видел больше, и неизвестно, что с ним произошло. Передвижения неприятельских отрядов не замечено, даже орков-шпионов никто не встретил.

— Так ты никого не видел и ничего не слышал, Анборн? — спросил Фарамир у последнего вошедшего в пещеру воина.

— Во всяком случае, ни одного орка, — отвечал тот. — Видел какую-то непонятную тварь, но может быть, мне показалось. Это было в серый час, когда все кажется больше, чем оно есть на самом деле, так что это могла быть белка.

Услышав такое, Сэм сразу навострил уши.

— Правда, странная белка, черная и без хвоста, — продолжал Анборн. — Что-то мелькнуло, как тень, у самой земли, а когда я подошел ближе, оно скрылось за толстым стволом, а потом полезло вверх, как белка. Ты не разрешаешь без надобности стрелять в лесных зверей, и я не взялся за лук. Тем более что в темноте я мог про-

махнуться. Я довольно долго стоял под деревом, а когда уходил, сверху что-то тихо шипело. Может быть, это и правда была большая белка. Или в наших лесах завелась какая-нибудь тварь из владений Того, чье имя не произносят. Говорят, в Темнолесье черные белки водятся.

— Может быть, — произнес Фарамир. — Но если ты не ошибся, это плохой знак. Не хватало в Итилиэне перебежчиков из Темнолесья.

Сэму показалось, что, говоря так, Фарамир бросил косой взгляд на хоббитов. Но ни один из них не пошевелился — оба лежали молча, разглядывая тени на потолке и передвигающихся по пещере людей. Через пару минут сон сморил Фродо.

Сэма одолевали сомнения. «Может быть, капитану можно верить, а может быть, нет. За красивыми словами может крыться черное сердце, — сказал он себе и зевнул. — Я бы мог неделю спать, и то не хватило бы. А стоит ли не спать? Я один, а этих огромин целое войско. Я все равно с ними не справлюсь, если что. Но как бы там ни было, Сэм Гэмджи, раз хозяин спит, тебе спать нельзя». И ему удалось отогнать сон. В дверях пещеры потемнело, водяной заслон сначала посерел, потом его совсем не стало видно в тем-

ноте. Только водопад монотонно шумел, словно шептал и бормотал одну и ту же песню утром, днем и ночью… Под нее снова захотелось спать, и Сэм сунул костяшки пальцев в глаза, чтобы не закрывались.

* * *

Люди зажгли еще несколько факелов, прикатили бочку вина, открыли ящики с провизией. Одни мыли руки в тазах, другие набирали воду из водопада. Фарамиру принесли большой медный таз и белое полотенце.

— Разбудите гостей, — приказал он, — и дайте им воды для умывания. Время ужинать. Пора садиться за стол.

Фродо сел на ложе, потянулся и зевнул. Сэм, не привыкший к тому, чтобы ему прислуживали, растерянно смотрел на рослого воина, который, вежливо наклонясь, держал перед ним таз с водой.

— Пожалуйста, поставь его на землю, — произнес хоббит. — Так нам обоим будет удобнее.

Люди расхохотались, когда он сунул голову в холодную воду и стал плескаться, поливая шею и уши.

— В вашей стране что — принято мыть голову

перед ужином? — спросил воин, принесший ему воду.

— Нет, мы это обычно делаем перед первым завтраком, — ответил Сэм, — но если недоспать, то холодная вода освежает голову, как дождь капусту. Теперь я надеюсь, что не засну, пока не наемся.

Для обоих хоббитов поставили рядом с Фарамиром покрытые шкурами бочки, которые были выше, чем лавки для людей, чтобы полуростикам было удобно брать еду со стола. Капитан и его воины перед тем, как есть, минуту стояли молча, обратившись к западу. Фарамир знаком дал понять гостям, что от них требуется то же самое.

— Мы так всегда делаем, — сказал он, когда все сели. — Обращаем взор в сторону Нуменора, которого уже нет, за Нуменор, к обетованной земле эльфов, и еще дальше, к той стране, которая вечно будет. Ваш народ не знает этого обычая?

— Нет, — ответил Фродо, почувствовав себя слегка неловко. — Но когда мы обедаем в гостях, то сначала кланяемся хозяину, а встав из-за стола, благодарим его.

— Мы тоже, — сказал Фарамир.

* * *

После долгих странствий и жалких трапез под открытым небом, после многих дней, проведенных в безлюдных пустошах, этот ужин показался хоббитам роскошным пиром: они пили холодное ароматное светло-золотистое вино, ели хлеб с маслом, солонину, сушеные фрукты, настоящий сыр, и вдобавок брали еду чистыми руками с чистых блюд.

Ни Фродо, ни Сэм не отказались ни от одного поднесенного им блюда, справились со вторыми и третьими порциями. Вино подогрело кровь в жилах и разогнало ее по усталому телу, сердца ожили, стало легко и весело. Такого настроения у хоббитов не было от самого Лориэна.

После ужина Фарамир отвел их в нишу в глубине пещеры, частично отгороженную занавеской от общего помещения. Туда принесли кресло и два табурета. В нише горел маленький глиняный светильник.

— Скоро вы, наверное, захотите спать, — сказал Фарамир, — особенно уважаемый Сэммиус, который перед ужином глаз не сомкнул, — не знаю, правда, почему. То ли боялся потерять свой великолепный аппетит, то ли меня опасался. Но

сразу после еды спать вредно, тем более когда набиваешь живот после долгого поста. Давайте побеседуем. По дороге из Райвендела вы, наверное, пережили немало приключений, которые стоят хорошего рассказа. И вам, вероятно, хотелось бы узнать кое-что о нас и о местах, в которые вас привела судьба. Расскажите мне побольше про моего брата Боромира, про старого мага Мифрандира и про дивный народ Лотлориэна.

Фродо перед ужином выспался, так что охотно повел разговор. Но хотя еда и вино развязали ему язык, осторожности он не потерял. Сэм широко улыбался и приоткрывал рот, пока Фродо говорил, но слушал молча, только время от времени поддакивал.

Фродо рассказал о Походе, ухитрившись ни разу не упомянуть о Кольце и задании Отряда. Он отдал дань мужеству Боромира в их общих приключениях, отдельно сказал о том, как храбро сражался Боромир с волками, как выручал друзей в снежных завалах под Карадрасом, как крушил орков в копях Мории, где пал в бездну Гэндальв. Особенно взволновал Фарамира рассказ о схватке на Мосту.

— Боромир, наверное, негодовал, что пришлось убегать от орков, — сказал он, — и даже от страш-

ного чудовища, которое ты зовешь балрогом. Он должен был кипеть от гнева и уйти последним.

— Он ушел последним, — подтвердил Фродо. — Но нельзя забывать о том, что Арагорн не имел права рисковать, он должен был вести нас дальше. Кроме Гэндальва, который погиб, он один знал дорогу. Если бы не надо было охранять нас, полуростиков, ни Боромир, ни Арагорн не отступили бы.

— Может быть, для Боромира было бы лучше погибнуть вместе с Мифрандиром, чем идти навстречу злому року к водопаду Раурос! — вскричал Фарамир.

— Может быть. Но теперь ты мне расскажи о здешних делах, — сказал Фродо, переводя разговор в более безопасное русло. — Я бы хотел побольше узнать о Минас Итиль, об Осгилиате и непокоренном Минас Тирите. Есть ли надежда удержать город в случае длительной войны?

— Надежда? — эхом повторил Фарамир. — Мы давно перестали надеяться. Если вернется Меч Элендила, он, может быть, выбьет новую искру надежды, но я не думаю, чтобы он смог совершить нечто большее, чем отсрочить день поражения. Мы сумеем выжить, только если неожиданно придет помощь от людей или эльфов. Ибо сила

Врага растет, а мы слабеем. Мой народ переживает осень, о своей весне нам остается лишь вспоминать.

Когда-то нуменорцы жили на огромных пространствах на взморьях и в долинах, жили хорошо, но потом почему-то большинство из них погрязло в разврате и сумасбродстве. Многие поклонились Мраку и увлеклись черной магией. Некоторые племена ударились в праздность, другие передрались между собой, и в конце концов ослабели так, что их смогли покорить злые дикари.

Никто не слыхал, однако, чтобы чернокнижием занимались в Гондоре. У нас никогда не произносили с почтением имя Того, кого нельзя называть. Древняя мудрость и красота, привезенные с Запада, долго жили в королевстве потомков Элендила и до сих пор сохраняются в нем. Но даже Гондор понемногу стал приходить в упадок и опустился до прозябания, обманывая себя тем, что Враг спит, когда на самом деле он был только подавлен и обложен, но не сокрушен.

Нуменорцы, как и прежде, в давние времена в Погибшем королевстве, возмечтали о вечной жизни, и среди нас поселилась смерть. Короли строили гробницы, превосходящие пышностью

дома для живущих, имена предков на старых свитках были им дороже, чем имена сыновей. Бездетные владыки сидели в старинных дворцах, размышляя о былом великолепии своего рода, в тайных подвалах обессилевшие ученые приготовляли крепкие эликсиры, а в высоких холодных башнях иссохшие мудрецы задавали вопросы звездам. Последний король в линии Анариона не оставил наследника.

Наместники оказались благоразумнее. Они вербовали в свои войска умевших владеть оружием людей из сильных прибрежных племен и храбрых горцев с Эред Нимрас. Они также заключили союз с гордым северным племенем, которое до того часто тревожило наши границы и было воинственным, но близким нам по крови, в отличие от диких востокан и жестоких южан из Харада.

Вот так случилось, что во времена правления двенадцатого наместника Кириона (мой отец по порядку двадцать шестой) народ-побратим прибыл к нам на помощь и разбил наших врагов в битве при Келебранте. Освобожденные северные провинции мы отдали верным союзникам. Это рохирримы, степные коневоды; теперь их земля, наша бывшая провинция Каленардон, называет-

ся Роханом или Рубежным Краем. Мы до сих пор получаем от них поддержку и помощь в охране северных границ и Роханского Прохода.

Они переняли много наших обычаев и обучились у нас всему. Их вожди, если надо, говорят на нашем языке. Но в общем, у них сохраняются собственные традиции, язык и обычаи предков. Это сильное племя высоких золотоволосых и светлоглазых мужей и таких же высоких, красивых и сильных жен. Нам они напоминают юность человечества в Незапамятные времена. В наших ученых книгах записано, что кровные связи между нами восходят к той эпохе, ибо они ведут свое происхождение от тех же Трех родов, что и нуменорцы, но не от самого Хадора Златовласого, Друга эльфов, а от его сыновей и родичей, которые не уплыли за Море, отказавшись следовать призыву.

Мы в нашей истории делим людей на западное, *горнее* племя, или *нуменорцев; срединные* племена, *сумеречные*, к которым относятся рохирримы и наши дальние северные родичи; и *дикарей, темных*, враждебных всему миру.

Сейчас, когда рохирримы во многом к нам приблизились, мы тоже стали уподобляться им и потеряли право называть себя горним народом.

Мы стали сумеречным, срединным племенем, которое еще хранит память о лучших днях. Так же, как рохирримы, мы сейчас тешимся битвами ради отваги и победы. Мы считаем, что воин должен знать больше и владеть не только искусством убивать, но ценим солдата выше, чем ремесленника. Таково требование времени. Поэтому Боромир за свое мужество и владение военным искусством пользовался высочайшим признанием в Гондоре. Он в самом деле был храбр. Давно у правителей Минас Тирита не было наследника, равно выносливого в мирном труде и в бою, который мог бы так же сильно дунуть в большой рог, как Боромир.

Фарамир вздохнул и смолк надолго.

* * *

— В твоем рассказе почти ничего не было про эльфов, господин, — вдруг набрался храбрости Сэм.

Он заметил, что Фарамир всегда упоминает об эльфах с уважением, и это его покорило и успокоило его подозрительность лучше, чем все остальные слова, еда и вино.

— Конечно, не было, достойный Сэммиус, — сказал Фарамир, — ибо я не углублялся в изучение

истории эльфов и мало знаю о них. Но здесь ты коснулся еще одной причины перемен, которые произошли в нас, когда из Нуменора мы попали в Среднеземье. Поскольку Мифрандир был вашим спутником, и вы по дороге встречались и разговаривали с Элрондом, вы могли от них узнать, что предки нуменорцев, эдаин, в Незапамятные времена воевали на стороне эльфов и за то получили в награду королевство среди Моря, откуда был виден берег эльфийской обетованной земли. Но в Среднеземье люди и эльфы надолго оказались под Тенью Мрака и отдалились друг от друга. Козни Врага и безжалостное время развели их, и каждое племя пошло своей дорогой. Сейчас люди боятся эльфов, не доверяют им и мало о них знают. Мы, гондорцы, как и рохирримы, уподобились остальным. Рохирримы — враги Черного Властелина, но эльфам они не верят и о Золотом лесе говорят со страхом.

Среди нас еще попадаются люди, которых к эльфам тянет; иногда они тайно уходят в Лориэн, но мало кто возвращается. Я к таким смельчакам не принадлежу. Думаю, что для смертных в наше время стало опасно по собственной воле искать знакомства с самым древним племенем. Но вам, говорившим с Белой Владычицей, я завидую.

— Владычица Лотлориэна! Галадриэль! — воскликнул Сэм. — Ах, если бы ты ее видел! Я, простите меня на слове, простой хоббит, всего лишь садовник, в стихах ничего не смыслю, писать их не умею, разве что из шуточки могу сложить куплет, да и то редко, а настоящая песня у меня не получится… Я не смогу выразить все, что хочу. Это надо петь. Если бы тут был Долгоброд, я хотел сказать, Арагорн, или старый господин Бильбо, они бы сумели! А что я? Она такая красивая, таинственная! Иногда как огромное цветущее дерево, а то как маленький белый нарцисс, тонкая и стройная, твердая, как алмаз, и нежная, как лунный свет. Она теплая, как солнечный луч, и холодная, как мороз под звездами, гордая и далекая, как снежная вершина, и веселая, как деревенская девчонка, которая весной вплетает маргаритки в косы. Но я болтаю чепуху, а в яблочко все равно никак не попаду, не сумею я про нее рассказать!

— Наверное, она в самом деле прекрасна, — сказал Фарамир, — но красота ее гибельна.

— Я не знаю, как это гибельна, — ответил Сэм. — Думаю, что свою беду люди приносят с собой и потом находят в Лориэне то, что сами принесли. Можно, конечно, видеть в ней опасность, потому

что в ней большая сила. Можно об эту силу разбиться, как лодка о скалу, можно в ней утонуть, как хоббит в реке, но разве виновата скала или река? А Боро… — Сэм вдруг резко остановился и густо покраснел.

— Что?! *А Боромир?..* Что ты хотел сказать? — подхватил Фарамир. — Боромир принес в Лориэн свою беду?

— Да, простите меня великодушно, принес, хотя брат твоей милости был очень благородный человек, если мне разрешат о нем судить. Но ты с самого начала про все правильно догадался. Я к нему приглядывался и внимательно прислушивался всю дорогу от самого Райвендела. Это не значит, конечно, что я желал ему зла, — Боромир был замечательный воин, но я ведь должен был охранять моего хозяина. И я думаю, что именно в Лориэне Боромир сам понял то, о чем я раньше него догадался, то есть понял, чего хочет. А хотел он получить Вражье Кольцо, он с самого начала его захотел, как только увидел…

— Сэм!!! — в ужасе закричал Фродо.

Он о чем-то задумался и вдруг вернулся к действительности, но увы! — было уже поздно.

— Ой, спасите! — вскрикнул Сэм, бледнея и тут же заливаясь краской. — Опять я сморозил

глупость. Правильно говорил мой Старик: *«Когда открываешь рот, лучше сразу его чем-нибудь заткни, хоть собственной пяткой»!* Дурак я, дурак! Ой, что же делать?.. Капитан, не гневайся! — обратился он к Фарамиру, собрав всю свою смелость. — Это я виноват, прости моему хозяину глупость его слуги! С тобой так приятно было беседовать, что я про все забыл и заболтался про эльфов и все такое. Но у хоббитов еще присказка есть, что *красиво говорить — не штука, надо красиво поступать*... Так вот тебе случай показать себя!

— Придется, — медленно и очень спокойно ответил Фарамир и странно улыбнулся. — Вот и разгадка всех загадок. Единое Кольцо, которое считают потерянным для мира! И Боромир хотел отобрать его силой? А вы удрали? Бежали столько миль, чтобы попасть прямо ко мне! В горах в безлюдье два полуростика против сотни солдат, готовых подбежать на мой зов в любую минуту! И Кольцо над всеми Кольцами! Вот оно, везенье! Фарамиру, капитану гондорского войска, представляется случай показать себя! Ха!

Он встал, выпрямился во весь свой огромный рост, и серые глаза его засверкали.

Фродо и Сэм вскочили с табуретов, отпрыгнули

к стене, прижались к ней спинами. Их руки потянулись к мечам. Стало очень тихо. Сидящие в пещере воины, заметив, что в нише что-то происходит, насторожились и удивленно смотрели на хоббитов. Но Фарамир выдержал паузу и, тихо засмеявшись, снова опустился в кресло. Лицо его стало серьезным и печальным.

— Бедный Боромир! Слишком трудным оказалось для него испытание, — промолвил он. — Еще тяжелее стало из-за вас бремя моей печали, непонятные странники из далеких земель с гибельной ношей! Но, по-видимому, я лучше разобрался в хоббитах, чем хоббиты в людях. Мы, гондорцы, не приучены лгать. Мы не хвастуны, но если даем обещание, то скорее погибнем, чем нарушим слово. Я уже сказал: *«Не нагнусь за ним, если увижу на дороге».* Так что даже пожелай я завладеть этой вещью, слова я не нарушу, хоть и не знал, что обещал.

В этом предмете нет для меня искушения. Может быть, потому, что я многое знаю и вижу опасность, которой человек должен избегать. Сядьте. Успокойтесь. Утешься, Сэм. Ты выдал тайну невольно, видно, судьба так хотела. Сердце у тебя мудрое и верное, оно видит лучше, чем твои глаза. Потому что сейчас, как вам это ни

покажется странным, вы в полной безопасности. Кто знает, Сэм Гэмджи, может быть, открыв мне все, ты помог своему любимому хозяину. Теперь я постараюсь, чтобы наша встреча обернулась ему на пользу, так что можешь даже радоваться. Но никогда больше — слышишь? Никогда не произноси вслух название этой вещи! Пусть это будет в первый и последний раз.

* * *

Хоббиты вернулись на свои места и сели тихо-тихо. Солдаты снова занялись вином и беседой, решив, что их капитан пошутил с гостями и шутка кончилась.

— Наконец-то мы сможем хорошо понять друг друга, мой Фродо! — продолжал Фарамир. — Если ты взялся распорядиться этим предметом по просьбе других, не желая его для себя, ты заслуживаешь моего уважения и сочувствия. Удивляет меня то, что ты его прячешь и не пытаешься применить. Вы для меня — существа из чуждого и далекого племени. Неужели все ваши соплеменники на вас похожи? Тогда это должна быть страна покоя и мира, где садовники в большом почете.

— Не все у нас совершенно, — ответил Фродо, —

но садовников мы действительно уважаем.

— И наверное, даже там, в своих мирных садах, вы устаете, как любое существо под солнцем. Что же говорить сейчас, когда ты так далеко от дома и так долго в пути. Попробуй уснуть спокойно, если сможешь. Не бойся, я не хочу ни смотреть на эту вещь, ни прикасаться к ней, и знать о ней не хочу больше, чем уже знаю — и этого достаточно, увы! Не желаю подвергаться искушению, чтобы в новом испытании не оказаться менее достойным, чем Фродо сын Дрого. Отдохни, только скажи еще, если можешь, куда ты собираешься идти дальше, ибо я буду бодрствовать и думать. Время не ждет. Утром каждый из нас поспешит своей дорогой.

После пережитого потрясения и страха Фродо весь дрожал. Теперь на него навалилась огромная усталость, и туман застилал глаза. У него больше не было сил сопротивляться и притворяться.

— Я искал дорогу в Мордор, — произнес он еле слышно. — Шел на плато Горгорот. Мне надо найти Огненную гору и бросить эту вещь в Роковые Расселины. Так сказал Гэндальв. Но я, наверное, никогда не дойду до цели.

Фарамир с минуту смотрел на него, с новым изумлением и грустью. Заметив, что хоббит пошатывается и еле стоит на ногах, воин ласково

взял его на руки, отнес на ложе, уложил и тепло укутал. Фродо тут же провалился в глубокий сон.

Рядом поставили другое ложе для его слуги. Сэм с минуту колебался, потом с низким поклоном обратился к Фарамиру:

— Спокойной ночи! Ты оказался высшей пробы, господин!

— Неужели? — спросил Фарамир.

— Да, господин, я бы выразился: показал себя в лучшем виде.

Фарамир усмехнулся.

— Дерзок слуга у Фродо сына Дрого! Ну что ж! Похвала из честных уст — высшая награда. Я пока ее не заслужил. У меня не было настоящего искушения и не было желания поступить иначе.

— Я тебе верю, — сказал Сэм. — Ты заметил, благородный господин, что в моем хозяине есть что-то от эльфа. А я скажу, что и в тебе есть что-то, напоминающее… не смейся! — мага Гэндальва.

— Может быть, — произнес Фарамир. — Может быть, ты почувствовал дыхание нуменорского ветра. Доброй ночи!

Глава шестая. Запретное озеро

Проснувшись, Фродо увидел склонившегося над ним Фарамира. На мгновение его пронзил прежний страх, и хоббит сел на ложе, отодвинувшись к стене.

— Тебе нечего бояться, — сказал Фарамир.

— Разве уже утро? — спросил Фродо и зевнул.

— Еще нет, но луна уже заходит. Хочешь на нее посмотреть? И мне нужен твой совет в одном деле. Жаль, что пришлось прервать твой отдых, но прошу тебя пойти со мной.

— Я пойду, — ответил, вставая, Фродо.

Его снова пробрала дрожь, когда он вылез из-под теплого одеяла и шкур. В пещере было холодно. В тишине громко шумел водопад. Хоббит завернулся в плащ и пошел за Фарамиром.

Сэм проснулся внезапно, как чуткий пес, вмиг увидел пустое ложе хозяина и сорвался с постели. Заметив темные силуэты Фродо и высокого человека на фоне Окна, через которое падал лунный свет, верный слуга побежал за ними между рядами спящих на сене солдат. Проходя мимо водяной завесы, он заметил, что она теперь напоминала блестящий шелк, затканный серебром и

жемчугом, а по краям — тающие лунные сосульки. Но задерживаться, чтобы полюбоваться, не стал, а сразу бросился вслед за своим хозяином, который только что свернул в узкую дверь в стене пещеры.

Сначала они шли темным туннелем, потом по мокрым каменным ступеням вверх, пока не оказались на маленькой площадке, вырубленной в скале и облитой лунным светом, падающим сверху из щели в горе. Здесь ступени раздваивались — одна узкая лестница вела, по-видимому, к крутому берегу потока, а другая поворачивала влево. По ней они и направились. Каменная лестница оказалась винтовой, как в башне.

* * *

Шли довольно долго, наконец, выбрались из темных камней и встали на широкой плоской скале, ничем не огражденной. Справа от них, с востока, горный поток срывался с террасы на террасу, потом тек по гладкому искусственному желобу. Темная вода пенилась и бурлила почти у их ног и проливалась вниз. Страж, застывший у истока водопада, смотрел туда же.

Фродо некоторое время следил за движением водяных струй, затем поднял глаза и посмотрел

вдаль. Мир затих, как перед рассветом.

Над западным горизонтом закатывалась полная белая луна. В широкой долине, раскинувшейся у подножия гор, плыли туманы, в их серебристой дымке нес прохладные темные воды Великий Андуин. За рекой клубилась черная мгла, и совсем далеко холодным светом сияли белые зубцы Эред Нимрас, Белых гор Гондора, покрытых вечными снегами.

Фродо долго стоял, вглядываясь в огромность ночной земли, и дрожал, думая о том, что, может быть, там, в неведомых пространствах, идут или спят сейчас его друзья, если не лежат мертвые под саваном мглы. Зачем Фарамир привел его сюда, вырвав из сонного забытья?

Сэм задавал себе тот же вопрос и не мог не высказаться, надеясь, что кроме Фродо, никто его не услышит:

— Прекрасный вид, хозяин, нельзя не согласиться, но дрожь пробирает до костей, не говоря уже о сердце. Что происходит?

Ответил Фарамир:

— Луна заходит над Гондором. Красавица Итиль, покидая Среднеземье, в последний раз любуется белыми кудрями седого Миндоллуина. Этот вид стоит того, чтобы немного померзнуть.

Но я вас привел сюда не для этого, и правду сказать, Сэм Гэмджи, тебя я вообще не звал, так что если тебе холодно, считай, что это плата за чрезмерную чуткость. Глоток вина вас потом быстро согреет. Взгляните сюда!

Капитан подошел к краю пропасти и встал рядом с часовым. Фродо пошел за ним. Сэм не сдвинулся с места: он и так чувствовал себя неуверенно на мокрой площадке.

Фарамир и Фродо заглянули вниз. Далеко под ногами белая вода лилась в огромный кипящий пеной котел между камнями, бурлила и крутилась в нем, затем с шумом и плеском вливалась оттуда в более спокойный овальный водоем в скалах, а из него стекала дальше через узкий шлюз. Косые лучи луны освещали подножие водопада и отражались на поверхности водоема. Вдруг Фродо увидел на ближнем берегу маленькое темное существо, и в ту же минуту существо нырнуло в воду, стрелой рассекло ее и поплыло под водопад.

Фарамир спросил часового:

— Что ты сейчас о нем скажешь, Анборн? Белка это или зимородок? В Темнолесье водятся черные зимородки?

— Не знаю, что это, но не птица, — ответил

Анборн. — У него четыре лапы, а ныряет он, как человек. И надо признать, нырять и плавать он мастер. Непонятно, чего он ищет. Может быть, дорогу через завесу в наше укрытие? Значит, пещера уже не тайна. У меня при себе лук, и лучших лучников я расставил по берегам. Ждем твоего приказа натянуть тетиву, капитан!

— Ну что? Пусть стреляют? — спросил Фарамир, быстро поворачиваясь к Фродо.

Фродо немножко подумал.

— Нет, — сказал он. — Нет! Пожалуйста, не стреляйте.

Сэму на этот раз не хватило смелости, чтобы громко крикнуть «да!». Он не видел того, о ком шла речь, но без труда догадался, на кого все смотрят.

— Значит, ты знаешь, что это за тварь? — спросил Фарамир. — Теперь, когда я его тоже вижу, объясни, почему его надо щадить. В нашей долгой беседе ты ни разу не упомянул о своем втором спутнике, и я решил пока о нем не расспрашивать. Ждал, пока мои люди схватят его и приведут. Отправил за ним лучших охотников, но он всякий раз ускользал, его даже не успевали заметить, один Анборн мельком увидел вчера вечером. А сейчас этот негодяй совершил еще

большее преступление, чем ловля кроликов в этом горном лесу: он осмелился вторгнуться в Эннет Аннун, и за свою дерзость заплатит жизнью. Удивлен я. Скрытный и сообразительный, а приходит купаться в озеро под самым нашим Окном. Он что, думает, что люди спят, не выставив стражу? Зачем он так делает?

— На твой вопрос можно дать два ответа, — сказал Фродо. — Во-первых, он не знает людей, и хотя очень хитер, может вообще не догадываться, что вы тут прячетесь, тем более что ваше укрытие хорошо замаскировано. Во-вторых, я допускаю, что его сюда тянет неодолимое желание, которое сильнее осторожности.

— Ты говоришь, что его сюда что-то притягивает? — спросил Фарамир, понижая голос. — Ты хочешь сказать, что он знает о бремени, которое ты несешь?

— Да. Он сам нес его долгие годы.

— Он его нес? — переспросил Фарамир, подавив крик удивления. — Дело запутывается все новыми загадками. Значит, он охотится за этой вещью?

— Может быть. Она ему дорога. Но сейчас ему нужно другое.

— Что же эта тварь здесь ищет?

— Рыбу, — ответил Фродо. — Смотри!

Они еще внимательнее впились глазами в темное озеро. Увидели, как у дальнего берега появилась маленькая черная голова, еле различимая в тени скал. Что-то серебристо блеснуло, мелкие круги разошлись по воде. Существо подплыло к берегу и, как лягушка, выбралось на камень. Там оно уселось и принялось грызть что-то маленькое, блестевшее серебром у него в пальцах в последних лучах заходящей луны.

Фарамир негромко рассмеялся.

— Рыба! — воскликнул он. — Ну, это влечение не так опасно. Хотя рыба из озера Эннет Аннун может стоить ему очень дорого.

— Он у меня на конце стрелы, — отозвался Анборн. — Можно выстрелить, капитан? Ведь по закону незваным гостям — смерть!

— Погоди, Анборн! — сказал Фарамир. — Дело сложнее, чем ты думаешь. Что скажешь, Фродо? Почему его надо щадить?

— Он несчастный и голодный, — ответил Фродо, — и не подозревает о грозящей опасности. Гэндальв, по-вашему Мифрандир, тоже просил бы тебя даровать ему жизнь, хотя бы по этой причине, и еще какие-то соображения у него были. Эльфам он не разрешил его тронуть. Я точно не

знаю, почему. Немножко догадываюсь, но мне пока нельзя о том говорить. Эта тварь как-то связана с моим заданием. Пока ты нас не обнаружил и не увел с собой, он был моим проводником.

— Проводником? — удивился Фарамир. — Новое чудо! Я многое готов сделать для тебя, Фродо, но это уж слишком: оставить на свободе хитрого гада и позволить ему идти куда хочет? Он может пристать к тебе в дальнейшем твоем пути, а может попасть в лапы орков, и под пытками выложит все, что знает. Его надо убить, если не удастся поймать. Но он очень быстр. Что же еще быстрее, если не стрела из лука?

— Разреши мне тихонько подойти к нему, — попросил Фродо. — Держите луки натянутыми, и если мой способ подведет, можете и меня застрелить. Я не буду бежать.

— Иди, только скорее! — разрешил Фарамир. — Но если он выйдет из этого переплета живым, то должен будет служить тебе до конца своих жалких дней. Анборн, проводи Фродо вниз и будь осторожен: у этой твари чуткий нос и уши. Дай мне свой лук.

Анборн недовольно заворчал, но пошел с хоббитом по крутым ступенькам на нижнюю внутреннюю площадку, а оттуда другими сту-

пеньками немного вверх, пока они не оказались у выхода из скалы, полностью скрытого густым кустарником. Фродо бесшумно пробрался через кусты и оказался на высоком южном берегу озера. Уже стемнело перед утром, водопад посерел, и луна почти скрылась. Голлума отсюда видно не было. Фродо сделал несколько шагов вперед. Анборн тихо шел за ним.

— Дальше осторожней! — шепнул он на ухо хоббиту. — Справа обрыв. Если упадешь в воду, тебя никто не спасет, разве что твой приятель-рыбак. И не забывай, что лучники рядом настороже, хотя ты их не видишь.

Фродо пробирался вперед, помогая себе руками, как Голлум, чтобы не сорваться вниз. Камни были гладкие и скользкие. Вдруг Фродо остановился и прислушался. Сначала он слышал только шум водопада, потом различил свистящий шепот-шип:

— Рыба, рыбка, вкус-сная рыбка. Белое Лицо с-скрылос-сь, З-золотц-се мое, оно с-скрылос-сь наконец-ц-с. Мож-жно с-спокойно съес-сс-сть рыбку. Нет, нет, не с-спокойно, потому что наш-ше С-сокровищ-ще пропало, опять ис-счез-зло. Подлые хоббиты, с-скверные х-хоббиты. Ушшли, нас-с з-забыли, голм, брос-сили. З-забра-али наш-ше З-золотц-се. Бедный Смеагол ос-сталс-ся

одинеш-шенек. Нет С-сокровищ-ща. З-злые люди з-заберут, украдут. Воры. Ненавиж-жу з-злодеев. Рыба вкус-сная, хорош-ш-шая рыбка, придас-ст нам с-сил, у нас-с будут з-зоркие глаз-з-ски, с-сильные руч-чки. Мы их вс-сех-х з-задуш-шим, только бы вс-стретить. Вкус-сная рыбка!..

Его бормотание напоминало нескончаемый шум воды, прерываемый бульканьем и чмоканьем. Слушая его, Фродо вздрагивал одновременно от жалости и отвращения. Если бы никогда больше не слышать этого бульканья! Где-то недалеко замер Анборн. Можно было всего лишь обернуться к нему, шепнуть, пусть прикажет лучникам стрелять. Они бы, наверное, не промахнулись, потому что Голлум, с жадностью поглощая рыбу, не думал об осторожности. Одно точное попадание — и Фродо навсегда избавится от противного жалостного голоса. Но он не мог этого сделать. Голлум имел право на его защиту. Слуга всегда имеет право на милость хозяина. Если бы не Голлум, хоббиты пропали бы в Мертвых Топях. В глубине души хоббит чувствовал, что Гэндальв наверняка не желал бы убийства.

— Смеагол! — позвал он тихо.

— Рыба, вкус-сная рыбка… — сопел Голлум.

— Смеагол! — чуть громче повторил Фродо. —

Смеагол!

Голлум перестал сопеть.

— Смеагол, твой господин вернулся. Твой господин здесь. Подойди ко мне, Смеагол!

Вместо ответа он услышал легкий присвист, будто Голлум втягивал воздух через зубы.

— Иди сюда, Смеагол, — говорил Фродо. — Мы в опасности. Если люди тебя здесь найдут, они убьют тебя. Быстро иди ко мне, если не хочешь умереть. Иди к своему господину.

— Нет! — проскрипел Голлум. — Господин злой. Он бросил Смеагола и ушел с новыми друзьями. Теперь пусть ждет. Смеагол не кончил есть рыбу.

— Нельзя терять ни минуты! — сказал Фродо. — Бери рыбу с собой и иди сюда.

— Нет. Надо доесть рыбу.

— Смеагол! — рассерженно закричал Фродо. — Сокровище на тебя гневается. Я сейчас скажу ему: сделай, чтобы Смеагол проглотил кость и подавился насмерть! Больше никогда не будешь есть рыб. Иди сюда, Сокровище ждет!

Раздалось громкое шипение. Голлум вылез из темноты на четвереньках, как пес, подползающий к ногам хозяина. Одну полусъеденную рыбу он держал зубами, другую зажал в кулаке. Приблизившись к Фродо, он на него фыркнул.

Белесые глаза блестели. Потом он вдруг вынул рыбу изо рта и встал перед хоббитом.

— Хороший господин, добрый! — зашептал он. — Добрый хоббит вернулся к бедному Смеаголу. Добрый Смеагол пришел к своему господину. Идем отсюда быстро-быстро, да? Между деревьями. Желтое Лицо не светит. Белое Лицо не светит. Идем.

— Хорошо, мы пойдем, — ответил Фродо. — Но не сразу. Я пойду с тобой, как обещал, повторяю обещание. Но не сейчас. Ты еще не в безопасности. Я тебя выручу, но ты должен мне верить.

— Верить моему господину? — недоверчиво спросил Голлум. — Зачем сейчас опять верить? Почему не идем? Где другой хоббит, тот грубый, злой хоббит? Где?

— Там, наверху, — ответил Фродо, показывая на водопад. — Я без него не пойду. Надо за ним сходить.

У него сжалось сердце. Он, правда, не боялся, что Фарамир позволит убить Голлума, но предполагал, что его схватят и свяжут, и несчастный предатель сам почувствует себя преданным. Он никогда не поймет, что таким образом Фродо спас ему жизнь и что у него не было другого способа спастись. Но что мог сделать Фродо, хотевший

сохранить доверие обеих сторон?

— Идем, Смеагол, — сказал он, — а то Сокровище рассердится. Пойдем вверх по ручью. Иди, иди вперед.

Голлум пошлепал по дороге над обрывом, всхлипывая и с подозрением принюхиваясь. Вдруг он остановился и поднял голову.

— Здесь кто-то есть! — сказал он. — Здесь не только хоббит. — Он повернулся к Фродо. В выпуклых глазах горел зеленый огонек. — Недобрый господин! Злой! Коварный! Обманул!

Голлум плюнул и потянул к Фродо длинные руки с цепкими белыми пальцами. В тот же миг огромный темный силуэт Анборна вынырнул из темноты. Человек прыгнул к Голлуму, схватил его сильной рукой за загривок и пригнул к земле. Голлум мгновенно весь свернулся, извиваясь, как угорь, скользким телом и лапами, стал царапаться, шипеть и кусаться, как кот. Из мрака выбежали еще два солдата.

— Не шевелись! — приказал один из них Голлуму. — А то натыкаем в тебя стрел, ежом станешь. Не дергайся.

Голлум бессильно обмяк и расплакался. Люди его довольно грубо связали.

— Не так туго! — просил Фродо. — Вы же во

много раз сильнее его. Не делайте ему больно, он тогда будет вести себя спокойнее. Не бойся, Смеагол, больше они ничего плохого тебе не сделают. Я пойду с тобой, люди не страшные. Пока я жив, ничего не сделают. Верь своему господину.

Голлум повернул голову и плюнул в его сторону. Солдаты оторвали его от земли, надели на голову мешок и поволокли за собой.

Удрученный Фродо поплелся за ними. Через скрытый в кустах вход в гору, потом лестницами и коридорами они вернулись в пещеру. В ней горело несколько факелов, хлопотали проснувшиеся люди. Ожидавший Фродо Сэм поглядел на то, как солдаты вносили мешок, и спросил:

— Поймали?

— Да. То есть, нет. Не поймали, — ответил Фродо. — Он сам подошел ко мне, потому что поверил моему слову. Я не хотел, чтобы его тащили связанного. Надеюсь, что все хорошо кончится, и мне ужасно жаль, что вышла неприятность.

— Мне тоже жаль, — сказал Сэм. — Но с этим ходячим несчастьем вечно одни неприятности.

Один из солдат кивнул им и позвал в нишу. Фарамир уже сидел там в кресле под светильником. Он указал хоббитам на табуреты, а когда они сели, приказал подчиненному:

— Подай гостям вина, и пусть приведут пленного.

Сначала подали вино, потом появился Анборн, неся в руках Голлума. Он снял с него мешок, поставил его на землю и остался рядом, придерживая его за веревки, чтобы не падал. Голлум прикрывал глаза, пряча хитрый и злобный взгляд под бледными тяжелыми веками. Он выглядел очень несчастным, был совершенно мокр, от него несло рыбой (одну он все еще сжимал в руке). Редкие космы, как увядшие водоросли, свисали с его костистой головы, он булькал и хлюпал носом.

— Развяжите! — ныл он. — Веревка нас ранит, нам больно, мы ничего плохого не сделали.

— Ничего? — сказал Фарамир, устремив пронизывающий взгляд на пленника, но лицо его не выражало ни гнева, ни удивления, ни жалости. — Ты так думаешь? Никогда не делал ничего, за что заслуживаешь наказания? Ладно, за прошлое я тебе не судья. Но сейчас мы тебя нашли там, куда нельзя ходить под страхом смерти. За рыбу из этого пруда надо дорого платить.

Голлум выронил рыбу из рук.

— Не буду есть рыбу, — сказал он.

— Цена установлена не за саму рыбу — сказал Фарамир. — Мы караем смертью за вторжение в

этот горный уголок, за один взгляд, брошенный на озеро. Тебе даровали жизнь по просьбе Фродо. Он уверяет, что чем-то тебе обязан. Но ты должен ответить на все мои вопросы. Как твое имя? Откуда ты явился? Куда идешь? Чего ищешь?

— Заблудились мы, потерялись, — ответил Голлум. — У нас нет имени, ничего мы не ищем, мы потеряли наше Золотце, ничего у нас не осталось, ничего. Только пустота. Везде пусто, и голод, да, мы голодные. За несколько рыбок, за несколько мелких костлявых рыбок бедного несчастного хотят покарать смертью. Такая у них справедливость, такая мудрость.

— Может быть, мудрости нам и не хватает, — произнес Фарамир, — но справедливы мы настолько, насколько наша малая мудрость нам позволяет. Развяжи его, Фродо!

Фарамир вынул из-за пояса нож и протянул его хоббиту. Голлум, по-своему понявший этот жест, взвыл и упал на землю.

— Спокойно, Смеагол! — сказал Фродо. — Ты должен мне верить. Я тебя в беде не оставлю. Отвечай на вопросы честно. Это тебе не повредит, а только поможет.

Он перерезал веревки, связывавшие Голлума, и поднял его с земли.

— Подойди ближе! — приказал Фарамир. — Смотри мне в глаза! Ты знаешь, как называется это место? Ты уже был здесь раньше?

Голлум медленно приподнял веки, неохотно перевел на Фарамира взгляд выпуклых глаз. В них не было ни искорки света; белесые и матовые, они тупо смотрели в светлые бесстрашные очи гондорского воина. Наступило молчание. Вдруг Голлум съежился, припал к земле и заскулил.

— Мы не знаем, мы не хотим знать! Никогда мы здесь не были! Никогда больше не придем!

— Твои мысли — запертые двери и закрытые окна, а за ними — темные подвалы, — сказал Фарамир. — Но мне кажется, что на сей раз ты сказал правду. Твое счастье. Чем ты поклянешься, что не придешь сюда снова и никогда ни словом, ни знаком не укажешь дорогу в это место ни одному живому существу?

— Мой господин знает, — ответил Голлум, искоса оглядываясь на Фродо. — Да, да, он знает. Мы пообещаем нашему господину, если он нас спасет! Мы поклянемся на Нем, да! — Он подполз к ногам Фродо и всхлипнул: — Спаси нас, добрый хоббит! Смеагол обещает, нижайше просит наше Сокровище! Никогда-никогда не вернется, ни слова не скажет, нет, нет!

— Этого достаточно, Фродо? — спросил Фарамир.

— Да, — сказал Фродо. — Тебе придется либо удовлетвориться такой клятвой, либо поступить, как требует твой долг. Больше ты от этого пленника ничего не услышишь. Но я обещал, что ему не причинят вреда, если он пойдет со мной, и не хотел бы оказаться обманщиком.

* * *

Фарамир задумался и долго не говорил ни слова.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Отдаю тебя в руки твоего господина. Пусть Фродо сын Дрого скажет, что он хочет с тобой сделать.

— Но сначала ты, достойный капитан, скажи, что ты собираешься сделать с Фродо! — ответил хоббит. — Не зная твоего решения, я ничего не могу решать ни для себя, ни для своих спутников. Ты отложил приговор до утра, уже светает.

— В таком случае объявляю свою волю, — сказал Фарамир. — Что касается тебя, Фродо, то на основании полномочий, данных мне моим правителем, я признаю за тобой свободу передвижения в границах Гондора до крайних пределов Старого королевства. Но предупреждаю, что ни

ты, ни твои спутники не имеете права без особого вызова возвращаться в это убежище. Даю тебе эти привилегии на год и один день, считая от сегодняшнего; если в течение указанного времени ты явишься в Минас Тирит пред лицо наместника и правителя, я смогу просить его подтвердить и продлить до конца твоей жизни привилегии, полученные сейчас от меня. Тем временем любой, кого ты возьмешь под свое покровительство, найдет покровителя во мне, и щит Гондора его охранит. Этого тебе достаточно?

Фродо низко поклонился.

— Да, — ответил он. — Я весь к твоим услугам, если мои услуги имеют какую-нибудь ценность в глазах столь благородного и великого рыцаря.

— Я их высоко ценю, — сказал Фарамир. — Теперь скажи: берешь ли ты под свою защиту этого Смеагола?

— Беру Смеагола под свою защиту, — ответил Фродо.

Сэм глубоко вздохнул. Но этот вздох не был знаком нетерпения при долгом обмене любезностями, потому что Сэм, как истинный хоббит, такого рода церемонии уважал. В Хоббитшире подобная беседа не обошлась бы без втрое большего количества слов и поклонов.

— Теперь слушай ты! — обратился Фарамир к Голлуму. — Над тобой висит смертный приговор, но пока ты будешь держаться за Фродо, ни один волос не упадет с твоей головы, во всяком случае, никто из нас тебя не тронет. Но если кто-нибудь из гондорских солдат встретит тебя шатающимся в нашем государстве без Фродо, приговор будет исполнен. И да погибнешь ты, в наших границах или за их пределами, если будешь плохо служить своему господину, если его обманешь. Теперь говори: куда пойдешь? Фродо сказал, что ты был его проводником. Куда его поведешь?

Голлум молчал.

— Я должен это знать, — продолжал Фарамир, — отвечай, или я лишу тебя своей милости.

Голлум продолжал молчать.

— Я за него отвечу, — отозвался Фродо. — По моему приказу он привел меня к Черным Вратам, но оказалось, что через них пройти нельзя.

— Открытых ворот в Страну-без-названия нет, — заметил Фарамир.

— Обнаружив это, мы свернули на южную дорогу, — продолжал Фродо. — Наш проводник сказал, что есть или, во всяком случае, может существовать проходимая тропа, минующая Минас Итиль.

— Минас Моргул, — поправил Фарамир.

— Я точно не знаю, — сказал Фродо, — но я понял, что тропа поднимается круто в гору с северной стороны долины, где стоит старая крепость. Тропа поднимается на высокий перевал, а потом спускается в… в страну, которая лежит за горами.

— Ты знаешь название перевала? — спросил Фарамир.

— Нет, — ответил Фродо.

— Это Кирит Унгол.

Голлум резко зашипел и забормотал.

— Так ли называется перевал? — спросил Фарамир, устремив на него проницательный взгляд.

— Нет! — взвизгнул Голлум и заюлил, будто его укололи. — Да, да, мы когда-то слышали это название. Но что значит название? Господин сказал, что надо туда пройти. Надо искать дорогу. Другой дороги нет, совсем нет!

— Нет другой? Откуда ты это знаешь? Ты изучил все границы Страны Мрака? — Капитан долгим взглядом посмотрел на Голлума, потом произнес: — Уведи пленника, Анборн. Обращайся с ним мягко, но глаз с него не спускай. А ты, Смеагол, не вздумай прыгать в водопад. Там внизу острые, как зубы, камни, раньше времени погибнешь.

Иди отсюда и возьми свою рыбу.

Анборн ушел, подталкивая впереди себя скорчившегося Смеагола. Нишу, в которой остались Фарамир и хоббиты, отделили от зала-пещеры занавеской.

* * *

— Мне кажется, Фродо, что ты поступаешь необдуманно, — сказал Фарамир. — Не нужен тебе такой проводник. Это подлое ничтожество.

— Нет, нет, он не до конца подл, — ответил Фродо.

— Может быть, и не до конца, — сказал Фарамир, — но зло проело его, как ржавчина, и проникает все глубже. Ни к чему хорошему он тебя не приведет. Если ты согласишься с ним расстаться, я дам ему пропуск и провожатых до любого места на границе Гондора, которое он сам выберет.

— Он не захочет, — ответил Фродо. — Он пойдет за мной, как идет уже давно. Наконец, я не однажды обещал, что позабочусь о нем и пойду, куда он меня поведет. Неужели ты хочешь, чтобы я нарушил слово?

— Нет, — сказал Фарамир, — но в душе я на это надеюсь. Советовать другу нарушить слово, когда

он, не сознавая, что делает, связал им себя на погибель, кажется меньшим грехом, чем самому не сдержать обещание. Беру свои слова обратно. Терпи Голлума возле себя, если он за тобой пойдет. Сомневаюсь, однако, что тебе обязательно надо идти через Кирит Унгол. Твой проводник не говорит всего, что знает, я вычитал это в его глазах. Не ходи на Кирит Унгол.

— Куда же мне идти? — спросил Фродо. — Вернуться к Черным Вратам и сдаться страже? Что тебе известно о том перевале, почему одно его название внушает страх?

— Точно ничего не известно, — ответил Фарамир. — Мы, гондорцы, не отходим так далеко на восток от тракта, и никто из моего поколения не взбирался на горы Тени. О тех горах мы знаем из старых легенд и рассказов, передающихся от отца к сыну. Достоверно то, что на перевале над крепостью Минас Моргул поселился черный ужас. Старцы и ученые, посвященные в тайную мудрость, бледнеют и умолкают, когда произносится название Кирит Унгол.

Долина Моргул давно находится во власти злых сил. Даже тогда, когда изгнанный Враг был еще далеко, а большая часть Итилиэна принадлежала нам, оттуда веяло грозой и страхом. Как ты, на-

верное, знаешь, давным-давно там стояла гордая и красивая крепость Минас Итиль, сестра нашей столицы. Но ею завладели злые люди, которых Враг покорил и взял на службу еще до упадка своей мощи. После его изгнания они оказались без хозяина и без государства. Говорят, что их привели сюда нуменорцы, опустившиеся до черной подлости. Враг одарил их Кольцами Власти, иссушил до превращения в страшных живых призраков. После его изгнания они заняли Минас Итиль, осели там, превратили крепость и долину вокруг нее в развалины. Место казалось пустым, но там поселился страх. Девять призраков тайно подготовили возвращение своего Властелина, помогли ему вновь укрепиться и сами при этом возвысились. Когда Черные всадники выехали в мир из Врат Ужаса, мы не смогли преградить им путь. Не подходи к их крепости! Там вечно бодрствует зло, там — Неспящие Глаза. Не ходи по той дороге.

— А куда мне идти? — спросил Фродо. — Ты же говоришь, что не можешь указать мне путь в горы. Но я должен преодолеть их, потому что дал слово всему Совету, что пройду туда или погибну. Если бы я повернул назад перед последним, самым трудным испытанием, как бы я смог вер-

нуться к эльфам и людям? Разве ты принял бы меня как гостя в Гондоре, если бы я появился там с той ношей, которая ввергла в безумие твоего брата? Какая судьба обрушилась бы тогда на Минас Тирит? Кто знает, не стали бы тогда два разрушенных Минас Моргула смотреть друг на друга пустыми глазницами над разоренным краем?

— Этого я не хочу, — сказал Фарамир.

— А чего же ты от меня хочешь?

— Не знаю. Но не хочу, чтобы ты шел на смерть или на муки. Не думаю, чтобы Мифрандир послал тебя по этой дороге.

— Раз он погиб, я должен сам идти по единственной дороге, которую узнал. У меня нет времени искать лучшую, — сказал Фродо.

— Суровая судьба тебе досталась, и безнадежное дело, — сказал Фарамир. — Помни хотя бы мое предостережение: не доверяй своему проводнику, не верь Смеаголу. У него на счету уже есть убийство, я прочитал это в его глазах. — Гондорец глубоко вздохнул. — Вот так мы встретились и сразу расстаемся, Фродо сын Дрого. Тебя не надо утешать пустыми словами. Знай, что у меня почти нет надежды увидеть тебя снова под солнцем на этой земле. Но в дорогу прими мои добрые пожелания тебе и всему твоему племени. Сейчас

отдыхай, а мы тем временем приготовим тебе провиант. Мне бы очень хотелось узнать, каким образом этот колченогий Смеагол завладел Сокровищем, о котором ты говоришь, и как он его потерял; но не буду больше тебя тревожить. Если несмотря ни на что, ты вернешься в страну живых, то мы сядем с тобой на крепостной стене в полном блеске солнца, смеясь над прошлыми страхами, и все друг другу подробно расскажем. А пока — до того времени или до такого, что даже нуменорский Камень не покажет, — прощай.

Фарамир встал, низко поклонился Фродо, раздвинул занавеску и пошел к своим солдатам.

Глава седьмая. Перепутье

Фродо и Сэм вернулись на свои ложа и молча легли отдыхать. Сон не шел, день уже начинался, и вокруг суетились люди. Потом хоббитам принесли воду для умывания и пригласили их к столу, накрытому на троих. Завтракали они с Фарамиром. Он так и не ложился со вчерашнего дня, но не казался усталым.

Когда они кончили трапезу, Фарамир встал.

— Голодать в пути вы не будете, — сказал он. — Ваши припасы кончаются, но немного провианта

в дорогу мы вам собрали, я приказал уложить его в мешки. Пока идете по Итилиэну, в воде тоже недостатка не будет, только не пейте из ручьев, текущих с Имлад Моргул, из долины Живой Смерти. И вот еще что. Мои разведчики вернулись, некоторые из них дошли почти до Мораннона. Они принесли странные вести: все вокруг обезлюдело. На дорогах никого, нигде не слышно ни шагов, ни звука рога, ни даже звона натягиваемой тетивы. Над страной, которую нельзя называть, полная тишина. Что это может означать, я не знаю. Думаю, что приближаются великие события, это затишье перед бурей. Спешите! Если вы готовы, идите немедленно. Скоро над горами Тени встанет солнце.

Хоббитам принесли их дорожные мешки, заметно потяжелевшие, и две толстые палки из полированного дерева с железными наконечниками и резными набалдашниками, через которые были продеты ременные петли.

— У меня нет для вас подходящих даров, — сказал Фарамир. — Возьмите палки, они вам пригодятся в горах. Такими палками пользуются жители Белых гор, а эти укорочены под ваш рост и заново окованы. Они сделаны из ценного дерева, которое называется *ливифрон*, его очень

любят наши мастера. Есть поверье, что палка из ливифрона помогает ушедшему вернуться, а пропавшему найтись. Хотелось бы, чтобы это свойство сохранилось и выручило вас в мрачной стране, в которую вы идете!

Хоббиты низко поклонились.

— Гостеприимный друг! — произнес Фродо. — Элронд Полуэльф предсказывал мне, что в дороге я встречу друзей там, где меньше всего буду ожидать. Он оказался прав, на столь удивительную дружбу я и не надеялся. Из нашей встречи в злую годину вышло великое добро.

* * *

Хоббиты быстро собрались в дорогу.

Воины привели Голлума, который явно ожил, но все время держался возле Фродо, избегая встречаться взглядом с Фарамиром.

— Твоему проводнику придется завязать глаза, — сказал Фарамир, — а тебе и твоему слуге можем не доставлять этой неприятности, если не хотите.

Голлум так извивался, скрипел, бормотал, цеплялся за Фродо, когда к нему подошли солдаты с повязкой, что Фродо сказал:

— Давай повязки всем нам, и завяжите глаза

мне первому, может быть, тогда он поймет, что с ним ничего плохого не случится.

Так и сделали, после чего всех троих вывели из убежища Эннет Аннун. Какое-то время они шли по каменным коридорам и лестницам, потом в лицо повеяло утренней лесной свежестью. Наконец, Фарамир приказал снять повязки.

Они стояли в лесу под деревьями. Шум водопада сюда не доходил, их от него отделял южный склон и овраг с ручьем, бегущим по его дну. С запада между деревьями был свет и виднелось небо, словно там мир кончался.

— Здесь наши пути расходятся, — сказал Фарамир. — Даю вам последний совет: не сворачивайте сразу на восток. Идите прямо, тогда еще долго вас будет скрывать лес. С запада горы обрываются местами круто, местами более полого, держитесь края гор и края леса. Можете поначалу идти при дневном свете. Пока везде спокойно, злой Глаз Врага ненадолго отвернулся от этих мест. Но покой обманчив. Спешите, не тратьте времени. В добрый путь!

Он обнял хоббитов, наклонившись, и по обычаю своего племени, поцеловал каждого в лоб, положа руки им на плечи.

— Пусть сопутствует вам помощь всех людей

доброй воли! — сказал он на прощанье.

Они поклонились почти до земли. Фарамир повернулся и, не оглядываясь, пошел к двум солдатам, ожидавшим его в отдалении. Хоббиты снова удивились тому, как быстро могут передвигаться люди в зеленом, — они исчезли за деревьями в мгновение ока. Вокруг был только лес, будто все, что произошло, им приснилось.

* * *

Фродо вздохнул и повернулся к югу. Голлум, явно презирая прощальные церемонии, копался под корнями ближайшего дерева.

«Вонючка опять есть хочет, — подумал Сэм. — Ну вот, все начинается сначала».

— Они уже ушли? — спросил Голлум. — Злые, противные люди. У Смеагола еще шея болит, да-да, болит шея. Идем отсюда скорей.

— Идем, — согласился Фродо. — Но если умеешь только шипеть на людей, которые оставили тебя в живых, то лучше молчи.

— Господин хороший, — заскрипел Голлум. — Смеагол пошутил. Он всех прощает, он не держит обиды, да, да, даже на доброго господина, который его обманул. Господин добрый, и Смеагол добрый.

Ни Фродо, ни Сэм ничего ему не ответили. Они вскинули мешки на плечи, крепче сжали в руках палки и пошли вперед по лесам Итилиэна.

Дважды в течение дня отдыхали, подкрепляясь провизией, которую Фарамир приказал уложить им в мешки. Там были сушеные фрукты и солонина, их должно было хватить на много дней, и еще хлеб, но его можно было есть только пока он не зачерствел. Голлум к этой еде не притронулся.

Солнце поднялось, прокатилось в невидимой из-за крон высоте и начало опускаться, золотя косыми лучами стволы деревьев, а путники все шли в прохладной зеленой тени, в полной тишине. Почему-то даже птиц не было слышно — то ли они улетели, то ли онемели.

Темнота рано прикрыла молчащий лес, и, не дожидаясь ночи, путники почти повалились на мягкую землю под раскидистым деревом — от пещеры Эннет Аннун они прошли не менее семи гонов. Фродо крепко проспал всю ночь, а Сэм то и дело просыпался, прислушивался и вглядывался в темноту. Голлум тихо исчез, как только хоббиты стали укладываться. Спал он или всю ночь где-то бродил, они так и не узнали. С первым проблеском рассвета он вернулся и разбудил их.

— Надо вставать, да, пора вставать! — сказал

он. — Впереди еще долгая дорога, на юг и на восток. Хоббитам надо торопиться!

* * *

Второй день прошел почти так же, как первый, с той только разницей, что тишина, казалось, стала еще полнее, а воздух — более влажным и душным. Парило, как перед грозой. Голлум часто приостанавливался, принюхивался, бормотал и торопил хоббитов.

Под вечер, после второго привала, путники вошли в редколесье, где деревья были старше и росли дальше друг от друга. Темные падубы, огромные дубы с мощными стволами и лопающимися почками на толстых ветках и раскидистые ясени с молодой листвой гордо стояли на светло-зеленых полянах, где в траве уже закрывались на ночь цветки белых и синих анемонов. Узкие листья лесных гиацинтов с отдельными цветочками на стройных стебельках местами покрывали целые лужайки. Кудрявился чистотел. Вокруг не было ни единой живой души, ни птицы, ни зверя, но оказываясь на открытом месте, Голлум начинал дрожать от страха, и передвигались они теперь с великой осторожностью, стараясь перебегать бегом от одной длинной

тени к другой.

День быстро клонился к вечеру, когда они подошли к краю леса. Путники сели под старым корявым дубом, узловатые корни которого, как змеи, ползли вниз по крутой осыпи. Перед ними легла глубокая мрачная долина. За ней снова начинался густой лес, он тянулся на юг и казался серо-синеватым в вечернем сумраке. Справа, на западе, далеко-далеко сверкали вершины Белых гор Гондора, освещенные закатом. Слева царила ночь и высилась черная стена мордорских гор Тени. Узкое ущелье, расширяясь, ступенчато спускалось к Великой реке, по его дну перекатывал камни быстрый поток. Фродо слушал его глухой голос, единственный звук, нарушавший тишину. Вдоль потока, по его противоположному берегу, вилась белая лента дороги, пропадая в холодной серой мгле, куда не проникали лучи заходящего солнца. Хоббиту показалось, что он различает как бы плывущие в море тени вершины и неровные верхушки древних обрушенных башен, темных и нежилых. Он повернулся к Голлуму.

— Ты знаешь, где мы находимся?

— Да, господин. В опасном месте. Это дорога из Лунной Башни к разрушенному городу над рекой; да-да, разрушенный город, плохое место,

много врагов. Плохо мы сделали, что послушали того человека. Хоббиты далеко ушли от тропы; теперь надо идти на восток и в гору. — Голлум замахал худыми руками в сторону мрачного горного хребта. — Нельзя идти по этой дороге, нет, нельзя. По этой дороге из крепости ходят страшные люди. Злые.

Фродо посмотрел на дорогу сверху. Сейчас, во всяком случае, на ней никого не было. Она казалась заброшенной и вела к руинам, скрытым во мгле. Но над ней в воздухе таилось что-то злобное и страшное, будто в самом деле здесь жили непонятные, недоступные оку существа. Фродо вздрогнул, взглянув еще раз на еле различимые башни, и плеск воды показался ему угрожающим. Он понял, что это холодный Моргулдуин, отравленный поток, текущий из долины Призраков.

— Что будем делать? — спросил он Голлума. — Мы уже много прошли. Может быть, вернемся в лес и поищем место для ночлега? Где тут можно спрятаться?

— Ночью прятаться не надо, — ответил Голлум. — Это днем надо прятаться, да-да, только днем.

— Да ну тебя! — сказал Сэм. — Надо ж нам хоть немного отдохнуть; в полночь встанем и пойдем.

До рассвета еще останется много часов, и мы сможем до утра одолеть хороший кусок дороги, если, конечно, ты эту дорогу знаешь.

Голлум очень неохотно согласился и пошел по краю леса на восток в поисках места для привала. Он не разрешил хоббитам лечь спать на земле так близко от опасной дороги; другого места не было, и после некоторых пререканий они решили все втроем влезть на огромный дуб и укрыться в развилке меж ветвей. Толстые ветви и густая крона могли служить неплохой защитой. Темнота на дереве была полная. Голлум сразу свернулся в клубок и уснул, а Фродо и Сэм так и не смогли сомкнуть глаз. Они достали немного хлеба и сушеных плодов, запили водой и сидели тихо, прижавшись друг к другу.

Сразу после полуночи Голлум вдруг проснулся и уставился на них белесыми глазами. Некоторое время он прислушивался и принюхивался, как обычно.

— Мы отдохнули? Хорошо выспались? — спросил он. — Идем!

— Не отдохнули и ни капельки не выспались, — пробурчал Сэм. — Но, если надо, придется идти.

Голлум ловко спрыгнул вниз на все четыре лапы, хоббиты несколько неуклюже слезли с

дерева и сразу же двинулись вслед за Голлумом на восток вверх по пологому склону горы.

В конце ночи так стемнело, что они почти ничего не видели и не раз натыкались на стволы деревьев. Почва под ногами стала неровной, но Голлуму это совсем не мешало. Он вел хоббитов через густые колючие заросли, обходил глубокие ямы, нырял в заросшие овраги. Иногда тропа вдруг опускалась, но каждый следующий за спуском подъем оказывался длиннее и круче предыдущего. Они чувствовали, что забираются все выше в горы. Когда Голлум первый раз позволил им остановиться и осмотреться, они едва различили внизу полосу леса, из которого вышли, он казался пятном тени, распростертой под мрачным небом. А в небе с востока медленно ползла огромная чернота, проглатывая тусклые звезды. Мутная луна, клонившаяся к западу, будто убегала от нее, пряталась в желтый туман.

Голлум обернулся к хоббитам.

— День близко, — сказал он. — Надо спешить. Здесь опасно стоять на открытом месте. Идемте скорей!

И он быстро пошел в темноту, а хоббиты, преодолевая усталость, — за ним. Вскоре они уже взбирались на высокий гребень горы, густо зарос-

ший колючками, ежевикой и низким жестким терновником; иногда только попадались поляны, выжженные, по-видимому, недавно. Чем ближе к верхушке, тем гуще был кустарник и мощнее кусты утесника, снизу голые, вверху пышно покрытые желтыми цветами, источавшими слабый сладковатый запах. Первые ветки с колючками начинались так высоко, что хоббиты во весь рост шли под ними, как по тесным сухим галереям.

В конце гребня они остановились и заползли отдохнуть в терновый куст, запутанный снизу густым вереском, так что в глубине получилась почти нора.

Довольно долго они просто лежали там на сухих прошлогодних ветках, от усталости не в силах думать даже о еде. Сквозь молодые побеги и листья над головой было видно, как медленно светлеет тусклое утро.

Но настоящий день так и не пришел. Бурый полумрак укутал небо. На востоке из-под низко нависших туч светило темно-красное зарево, совсем не похожее на утреннюю зарю. За широкой мрачной долиной хмурились крутые черные вершины Эфел Дуат, внизу не различимые в тумане, вверху — острые и грозные, как зубцы гигантских стен на фоне кровавого неба. Вправо

вытягивался большой горный отрог, тоже черный, весь в тенях.

— А отсюда куда пойдем? — спросил Фродо. — Это уже проход в долину Моргул, вон там, за черной горой?

— Зачем сейчас об этом думать? — спросил Сэм. — Наверное, мы уже отсюда не двинемся до конца дня, если это можно днем назвать.

— Может быть, может быть, — ответил Голлум. — Но нам надо спешить к Перепутью, да, надо идти к развилке дорог. Оттуда пойдем, да, уж оттуда господин пойдет.

* * *

Красное зарево над Мордором погасло. Полумрак густел, с востока заклубился туман и покрыл долину. Сэм и Фродо перекусили и улеглись, а Голлум беспокойно вертелся, к еде не притронулся, только глотнул воды и стал ползать по кустарникам, бормоча и принюхиваясь. Вдруг он совсем исчез.

— Наверное, охотиться пошел, — зевнул Сэм.

Ему выпало спать первым, и он быстро заснул. Снилось ему, что он ходит по Торбе-в-Холме и что-то ищет в саду, а за плечами у него тяжелый мешок, который пригибает его к земле. Сад зарос

сорняками, на грядках под забором почему-то выросли колючки и торчит папоротник. «Столько работы, а я так устал, — сказал он сам себе во сне. И вспомнил, чего ищет. — Где моя трубка?» — сросил он и проснулся.

— Осел! — обругал он себя, открывая глаза и удивляясь, почему кругом кусты. — Она же у тебя в мешке!

Тут он сообразил, что трубка действительно в мешке, но, во-первых, табака там нет, а во-вторых, сотни миль отделяют его от дома. Сэм сел. Было почти темно. Почему это Фродо разрешил ему спать до вечера?

— Вы совсем не спали, хозяин? — спросил он. — Который час? Наверное, уже очень поздно?

— Нет, но вместо того, чтобы светлеть, сегодня почему-то только темнеет, — ответил Фродо. — Если я не ошибаюсь, еще полдень не наступил, и ты проспал всего часа три.

— Странно и непонятно, — сказал Сэм. — Может быть, гроза собирается? Тогда будет не до шуток. Лучше бы мы сидели в глубокой норе, чем в этих колючках. — Он прислушался. — Что это? Гром, барабаны или еще что-нибудь похуже?

— Не знаю, — сказал Фродо. — Я это уже давно слышу. Иногда мне кажется, что земля дрожит,

а иногда — что это предгрозовой воздух гудит в ушах.

Сэм осмотрелся.

— А где Голлум? — спросил он. — Он что, не возвращался?

— Нет, — ответил Фродо. — Не показывался и не отзывался.

— Правду сказать, я по нему не тоскую, — сказал Сэм. — Наоборот, никогда со мной в пути не было ничего, что я потерял бы с меньшим сожалением. Но это на него похоже — столько пройти и вдруг смыться, когда он больше всего нужен… если вообще можно говорить о пользе от этого урода.

— Ты забыл, что он нас провел через болота! — сказал Фродо. — Надеюсь, что с ним ничего не случилось.

— Надеюсь, что из-за него с нами ничего не случится! — сказал Сэм. — Во всяком случае, надеюсь, что он не попадет во вражьи лапы. А то нам будет худо.

Вдруг грохот стал слышнее. Земля под хоббитами дрожала.

— Нам уже худо, — произнес Фродо. — Боюсь, что скоро наше путешествие кончится.

— Может быть, — сказал Сэм. — Но *пока живешь, надеешься*, как говаривал мой Старик. И еще

он добавлял: а *живешь, пока жуешь*. Вы что-нибудь съешьте, хозяин, и поспите хоть немного.

* * *

Шла уже вторая половина дня, если Сэм правильно определил время. Когда он выглядывал из кустов, то видел только жутковатый пейзаж без света и тени, постепенно заволакивающийся бесцветной мглой. Было не жарко, но очень душно. Фродо спал беспокойно, ворочался и что-то шептал во сне. Два раза Сэму показалось, что он слышит в этом шепоте имя Гэндальва. День тянулся нестерпимо медленно. Вдруг Сэм услыхал шипение и, обернувшись, заметил Голлума, который подполз на четвереньках и уставился на хоббитов светящимися глазами.

— Вставайте! — зашептал он. — Просыпайтесь, сони! Время терять нельзя. Надо идти быстро. Надо идти сейчас. Нет времени.

Сэм недоверчиво посмотрел на него. Голлум казался не то перепуганным, не то возбужденным.

— Идти? Сейчас? Что ты выдумал? Еще не время. В приличных странах еще чай не пили, там, где его вообще пьют.

— Глупый хоббит! — фыркнул Голлум. — Мы не в приличных странах. Время уходит. Да, уходит

быстро-быстро. Нельзя терять ни минуты. Надо идти. Проснись, господин, вставай!

Он дернул Фродо так, что тот вскочил, сел и схватил его за руку. Голлум вырвал руку и отпрыгнул.

— Не надо глупостей, — шипел он. — Надо идти. Нельзя тратить время.

Больше от него ничего не удалось добиться. Он не хотел говорить, где был и почему надо спешить. Сэм всячески выказывал недоверие, но Фродо своих мыслей не выдавал. Он вздохнул, закинул мешок за плечи и приготовился идти. Темнота все сгущалась.

Голлум повел их вниз по склону, со всей осторожностью, стараясь прятаться под кустами, а открытые места пересекал бегом, пригнувшись до самой земли. Но света было так мало, что даже зоркий лесной зверек вряд ли заметил бы полуростиков в серых плащах с капюшонами, да, наверное, и не услышал бы их, ибо они передвигались бесшумно, как могут только хоббиты, исчезая и растворяясь в тенях. Ни веточка не треснула, ни лист не зашелестел.

* * *

Шли они так около часа, в полном молчании, друг за другом; их давил мрак и глухая тишина, которую иногда разрывал дальний гром или грохот барабанов, где-то в горах. Они уже были значительно ниже своего укрытия в кустах и южнее, и продолжали идти вперед, на юг и вниз, держась этого направления, насколько позволял неровный спуск. Затем Голлум вывел их на пологий, но такой же неровный каменистый подъем, и вот перед ними показалась черная стена деревьев.

Подойдя ближе, хоббиты увидели, что деревья огромные, очень старые и высокие, с обломанными и оголенными верхушками, будто они выдержали не одну бурю, однако, устояли на мощных корнях.

— Здесь Перепутье, да, — шепнул Голлум. Это были первые слова, произнесенные им в пути. — Надо идти вон туда.

Он повернул на восток и полез в гору. И вдруг перед ними открылся тракт, огибающий подножия гор и упирающийся в кольцо деревьев.

— Здесь только одна дорога, — зашептал Голлум снова. — Тропок нет, только одна дорога. Нет

тропинок. Надо идти к Перепутью. Быстро! Тихо!

Крадучись, словно разведчики во вражеских владениях, они вышли на дорогу, мягко, по-кошачьи, ступая, и помчались по ней, как тени, в серых плащах по серым камням, пока не добежали до деревьев и оказались словно в большом круглом зале без крыши, как в развалинах замка со щелями-окнами меж стволов. Здесь дорога пересекалась с другой, образуя крест, так что из-под деревьев расходились четыре тракта. По одному из них, Северному, они шли от Моранноном. Отсюда он вел на юг, в Харад. Вправо шла дорога в старинный город Осгилиат, влево — путь на восток, во Тьму. Именно туда предстояло идти.

Фродо стоял на Перепутье, объятый тревогой и страхом, как вдруг увидел свет. Его отблеск падал на лицо Сэма. В поисках источника света Фродо обернулся и посмотрел в «окно» между стволами на дорогу в Осгилиат, что натянутой струной вела на запад. Над далеким горизонтом за затененным Гондором заходящее солнце нашло наконец разрыв в тучах, и видно было, как его пламенный шар быстро катится по чистому небу над Морем. Последний закатный луч, скользнув по Сэму, на минуту осветил огромную статую человека, сидящего в спокойной и торжественной позе.

Что-то в нем напоминало каменных королей-Аргонатов. Время разрушило памятник, грубые руки искалечили его. Вместо головы кто-то положил круглый камень и намалевал на нем лицо с нелепой ухмылкой и одним большим красным глазом посреди лба. Бессмысленные каракули и непристойные рисунки, распространенные среди диких племен, населявших Мордор, покрывали колени, величественный трон и постамент памятника.

Луч успел еще показать Фродо отрубленную голову каменного короля: она валялась на земле, откатившись в сторону от дороги.

— Смотри, Сэм! — крикнул вдруг Фродо с удивлением. — Смотри! Король обрел корону!

Глазницы, когда-то сверкавшие дорогими камнями, были пусты, резные завитки бороды побиты, но высокий лоб венчала серебряная с золотом корона. Присмотревшись, хоббиты увидели, что у висков голову оплели мелкие белые цветы, похожие на звездочки, а среди них и в каменных волосах надо лбом цветут желтые чашечки рассыпушек.

— Не могут они победить навечно! — сказал Фродо.

В это мгновение последний луч погас. Солнце

скрылось в Море, будто кто-то задул лампу над миром, и его покрыла черная ночь.

Глава восьмая. Ступени Кирит Унгол

Голлум тянул Фродо за полу плаща, шипя от страха и нетерпения.

— Надо идти, — повторял он. — Здесь нельзя стоять. Скорей!

Фродо неохотно отвернулся от заката и пошел за проводником на восток, в темноту гор.

Они вышли из кольца деревьев. Сначала дорога шла прямо, потом слегка отклонилась к югу и привела путников под огромный скалистый отрог, который они недавно видели издали. Черный утес вздымался над их головами, как сгусток тьмы на фоне темного неба. Дорога подошла к нему вплотную, вошла в тень, прижалась к его подножию, опять свернула на восток и круто пошла в гору.

Фродо и Сэм еле передвигали ноги, им было так тяжело, что они даже перестали думать о грядущих опасностях. Фродо опустил голову, — ноша, которую он нес, опять пригибала его к земле. Пока они находились в Итилиэне, он почти забыл о Кольце, но за Перепутьем оно с каждым

шагом тяжелело. Боясь оступиться на острых камнях, хоббит иногда с усилием приподымал и поворачивал голову, а тропа становилась все круче. Наконец, как предсказывал Голлум, он увидел крепость Кольценосных призраков. И прислонился к камням, чтобы не упасть.

Длинная узкая долина кривой темной щелью врезалась в горы. В дальнем конце она раздваивалась змеиным языком, и там на черном скалистом подножии высились стены и башня Минас Моргул. Небо и земля вокруг тонули во тьме, но из башни лился свет. Это не был лунный луч, просвечивавший сквозь мраморные стены старинной крепости Минас Итиль с красивой и радостной Лунной Башней, былым светочем здешних гор. Свет был бледный, мутный и колеблющийся, как свечение болотной гнили: мертвый свет, от которого не становилось светлей.

В стенах крепости и в башне множество окон глядело черными дырами, за которыми зияла пустота. Только самая верхушка башни медленно поворачивалась то в одну, то в другую сторону, будто огромная призрачная голова высматривала что-то в ночи.

Некоторое время три путника стояли в остолбенении: башня приковывала их к себе. Первым

очнулся Голлум. Он потащил хоббитов за плащи без единого слова и почти силой сдвинул их с места. Ноги не слушались, время будто остановилось, каждый шаг, казалось, длился вечность.

Очень медленно они подошли к белому мосту.

Тускло мерцающая дорога вела через поток, а затем вилась по оврагу вверх к воротам крепости — темной пасти в северной стене. По обе стороны от потока, сбегающего по самой середине оврага, широкими полосами тянулись затененные луговины, покрытые белыми цветами. Цветы были одновременно красивые и страшные, странной формы, словно искаженные в кошмарном сне. Они светились, и над ними разносился сладковатый трупный запах. Все вокруг отдавало тленом и выглядело нереально. Мост соединял две луговины. У его боковых опор стояли причудливо вырезанные фигуры не то людей, не то животных, искривленные и уродливые. Тихо струилась вода, от нее поднимался пар, клубился над ручьем и над мостом, пронизывал ледяным холодом. У Фродо кружилась голова, он боялся потерять сознание. Вдруг, будто его толкнула потусторонняя сила, он почти бегом заспешил вперед с вытянутыми руками. Голова при этом бессильно болталась и падала на плечи. Сэм и

Голлум догнали его. Верный слуга обхватил хозяина руками, как раз когда тот споткнулся и чуть не упал на мост.

— Не туда! Туда нельз-зя! — зашептал Голлум, но свистящий звук, вырвавшийся у него из-за зубов, разодрал тишину так пронзительно, что он сам перепугался и припал к земле.

— Остановитесь, хозяин! — шепнул Сэм на ухо Фродо. — Вернитесь! Туда нельзя! Голлум говорит, что нельзя. На этот раз я с ним согласен.

Фродо провел рукой по лбу, пытаясь не смотреть на крепость в скалах. Светящаяся верхушка башни околдовывала его, и хоббиту пришлось изо всех сил бороться с безумным желанием, увлекавшим его на светлую дорогу к воротам. Наконец он пересилил себя, повернулся, хотя при этом Кольцо страшной тяжестью натянуло цепочку у него на шее. Глаза, когда он оторвал их от башни, заболели, и ему показалось, что он ненадолго ослеп — такая тьма стояла вокруг.

Голлум, извивавшийся на земле, как ужаленный зверек, пополз в темень. Сэм, поддерживая и подталкивая шатающегося Фродо, как мог, поспешил за ним. Недалеко от берега ручья в каменной стене над дорогой открывалась расщелина. Через нее они выбрались на узкую тропу, которая пона-

чалу так же слабо мерцала, как главная дорога, но потом, когда цветы с трупным запахом остались внизу, погасла и потемнела, и вилась, как обычная тропка, в гору, на северный склон долины.

По этой тропке хоббиты шли, взявшись за руки, чтобы не потеряться во тьме, не видя даже Голлума, который все забегал вперед и только время от времени оборачивался, чтобы их позвать. Тогда они видели его белесые выпуклые глаза, в которых светились бледно-зеленые огоньки, — то ли отсвет Моргула, то ли внутренний, разбуженный им огонь. Фродо и Сэм все время чувствовали близость трупного света и следящий взгляд пустых окон-глазниц, и оба часто в страхе оглядывались назад через плечо, каждый раз с трудом переводя взгляд снова на тропу, проверяя, не сошли ли они с нее в темноте. Передвигались медленно. Когда поднялись выше, куда не достигал мертвящий туман, вздохнули свободнее и почувствовали, что в головах немного проясняется. Но устали они так, будто всю ночь шли с большим камнем за спиной или плыли против мощного течения. Двигаться дальше без привала сил не было.

Фродо присел на первый попавшийся камень.

Они были на голой верхушке небольшой скалы. Перед ними сбоку темнел овраг, тропка цепля-

лась за самый его край над обрывом, дальше она поднималась прямо по южной стороне ближайшей горы и исчезала где-то высоко в сплошной темноте.

— Мне надо передохнуть, Сэм, дружок, — прошептал Фродо. — Оно такое тяжелое, невозможно тяжелое, Сэм. Боюсь, что скоро я его совсем не смогу нести. Отдохну, потом попробуем идти вон туда!

И он показал рукой на крутую тропку.

— Тс-сс, тс-с! — зашипел Голлум, возвращаясь к хоббитам.

Он прижимал палец к губам, мотал головой, без слов понуждая их спешить, хватал Фродо за рукав, тянул вперед и указывал на дорогу, но хоббит не трогался с места.

— Не могу! — говорил он. — Еще не могу!

Его давила усталость, и не только усталость. Он обессилел телом и духом, как под властью чар.

— Мне надо отдохнуть.

При этих его словах Голлума охватил такой страх, что он перестал шипеть и, заслоняя рот рукой, отчетливо проговорил:

— Не здесь. Здесь нельзя. Глаза видят. Они придут на мост и всех увидят. Надо лезть, лезьте вверх, скорей!

— Вставайте, хозяин, — сказал Сэм. — Он опять прав. Здесь оставаться нельзя.

— Хорошо, — ответил Фродо, словно сквозь сон. — Сейчас попробую.

И с усилием поднялся с камня.

* * *

Но было уже поздно. Почти в тот же момент скала задрожала и закачалась под ними. Мощный грохот родился в глубине земли и прокатился эхом по горам. Небо на востоке разорвала большая алая молния, осветив низкие тучи багровым светом. Над долиной Теней, над тусклым и холодным трупным свечением молния сверкнула невыносимо ярко. Мгновение черные зубцы гор и башен казались зазубренным ножом, врезающимся в кровавое небо. Словно над плато Горгорот вспыхнул пожар. Потом с оглушительным треском ударил гром.

Твердыня Минас Моргул ответила.

С ее стен и из башен выстрелили в тучи синие молнии и раздвоенные языки лилового пламени. Земля застонала, из-за стен крепости взлетел Крик. Смешанный с резкими высокими голосами стервятников, диким ржанием коней, ошалевших от ярости и страха, этот Крик разрывал уши,

нарастал с каждой минутой и вздымался до пронзительной ноты, недоступной голосу смертных. Хоббиты упали на землю, заткнув уши руками.

Страшный крик, окончившись протяжным воем, наконец смолк. Фродо медленно приподнял голову. С другой стороны долины, почти на уровне его глаз, там, где поднимались стены зловещего замка, странно светящаяся челюсть ворот была распахнута и ощерена, как зубастая пасть. Из ворот выходило войско.

Шли черные отряды, мрачные, как ночь. На фоне бледных стен и мерцающей дороги Фродо различал черные силуэты, многочисленными шеренгами беззвучно текущие в долину. Казалось, что их строй никогда не кончится. Перед пехотой так же без звука скакал большой отряд конных призраков в боевом порядке, во главе которого ехал высокий всадник, весь в черном, лишь на прикрытой капюшоном плаща голове зловеще отсвечивал шлем с короной. Он уже подъехал к мосту.

Фродо смотрел, не мигая, широко раскрытыми глазами, не в силах отвести взгляда. Неужели это вождь Девятерых? Черный всадник вернулся на землю, чтобы повести в бой черное войско! Да, ошибки быть не могло. Фродо видел того самого

короля-призрака, чья ледяная рука ударила Несущего Кольцо смертоносным кинжалом. Старая рана заныла, холод сжал сердце Фродо.

В этот момент Всадник вдруг резко остановился перед мостом, и войско за его плечами замерло. Тишина стояла мертвая. Может быть, вождь призраков услышал зов Кольца и задержался, почуяв чужую силу в своей долине? Темная голова в страшном шлеме-короне повернулась вправо, потом влево, невидимые глаза обшаривали темноту. Фродо не мог шевельнуться, он ждал, как птица, к которой подползает змея. Никогда еще так сильно не давил его непроизнесенный приказ надеть Кольцо на палец. Но он понимал, что Кольцо его сразу выдаст, а вступить в единоборство с королем Моргула у него нет сил — пока нет. Несмотря на страх, его воля все-таки не ответила на приказ мощной силы извне. Но эта сила овладела его рукой. Не вмешиваясь, а лишь в напряжении наблюдая, что будет, словно события развертывались где-то далеко и в другом времени, Фродо смотрел, как его собственная рука медленно тянется к цепочке на шее.

Только в последний момент скованная воля Фродо как бы проснулась. Он сумел превозмочь гибельное влечение и направить руку к другому

предмету на груди, о котором давно забыл. Предмет был твердым и холодным. Он схватил и сжал пальцами дар Галадриэли, волшебный флакон. Как только хоббит его коснулся, мысли о Кольце рассеялись, Фродо вздохнул и опустил голову.

В то же мгновение король-призрак отвернулся, пришпорил коня и переехал мост, а его мрачное войско двинулось за ним. Может быть, эльфийский плащ спас Фродо, может быть, подкрепленная воспоминанием о Лориэне воля полуростика отразила атаку вражьей воли. Всадник спешил, час пробил, грозный Черный Властелин объявил поход на запад.

Вскоре вождь призраков скрылся, растаял, как тень, во мраке на дороге, а черные шеренги его солдат все шли через мост. Ни разу со времени могущества Исилдура такая огромная армия не проходила по этой долине, и ни разу столь грозные отряды не подступали к берегу Великого Андуина — а ведь это была только одна из множества армий, которые Мордор снаряжал на войну, и отнюдь не самая большая.

Фродо задрожал. Он вдруг вспомнил Фарамира. «Значит, гроза грянула, — подумал он. — Этот лес мечей и копий идет к Осгилиату. Успеет ли Фарамир уйти за Реку? Он предвидел войну, но смог

ли угадать час ее начала? Кто сможет удержать переправу через Андуин, когда к ней подступит король Девятерых? За ним пойдут другие полки. Я опоздал. Все пропало. Слишком долго мы везде задерживались. Даже если теперь я выполню задание, никто об этом не узнает, слишком поздно. Никого не останется, некому будет сказать. Все зря».

Его охватила слабость, и он заплакал. А полки Мордора продолжали идти через мост.

* * *

И вдруг из дальней дали, будто из воспоминаний о родном Хоббитшире, о солнечном утре, когда открывались двери и окна, до ушей Фродо дошел и пробился в них голос Сэма: «Вставайте, хозяин! Проснитесь!» Наверное, Фродо не удивился бы, если бы верный Сэм добавил: «Завтрак на столе!» Но Сэм повторял другое:

— Вставайте, господин Фродо! Они прошли.

С глухим лязгом ворота Минас Моргула закрылись. Последний ряд копий исчез на дороге. Башня зловеще высилась над долиной, свет в ней погас. Вокруг была темнота и тишина, только напряженность в воздухе осталась, будто сами горы насторожились.

— Проснитесь, вставайте, господин Фродо! Они прошли, нам тоже пора в путь. В этой крепости кто-то остался; кто-то, у кого глаза есть или еще что-нибудь, чтобы наблюдать. Чем дольше мы будем сидеть на месте, тем скорее нас выследят. Идемте отсюда, хозяин!

Фродо поднял голову, потом встал. Хотя слабость почти прошла, он был в отчаянии. Попытался улыбнуться, улыбка получилась кривая и невеселая. Минуту назад он видел страшное зрелище, пал духом, а сейчас не менее ясно понимал, что то, в чем поклялся, должен совершить независимо от того, узнают ли об этом когда-нибудь Фарамир, Арагорн, Элронд, Галадриэль, Гэндальв или любой другой на свете. Это уже будет не его дело. Хоббит крепко сжал палку одной рукой, а флакон другой. Когда заметил, что через его пальцы пробивается свет, спрятал флакон под курткой, на сердце. Отвернувшись от башни, которая сейчас серым силуэтом еле вырисовывалась над черной долиной, Фродо снова готов был двигаться дальше.

Когда ворота Минас Моргула открылись, Голлум на четвереньках сполз с голой вершинки и исчез в темноте, оставив хоббитов одних. Сейчас он вылез, заламывая пальцы и стуча зубами.

— Сумасшедшие! Глупцы! — сипел он. — Быстрей! Не думайте, что опасность прошла! Это обман! Здесь страшно. Пошли!

Не ответив ему ни слова, хоббиты, однако, поспешили за ним по тропе. Сначала она круто взбиралась вверх, и подъем показался им очень трудным, но, к счастью, быстро кончился. Карниз привел их на широкий разворот, за которым тропа пошла не так круто, и вот они уже встали перед узкой щелью в горе. Начинались те самые ступени, о которых говорил Голлум. В щели было темно, на расстоянии вытянутой руки ничего видно не было. Одни глаза Голлума блестели над ними бледными плошками, когда он обернулся и прошептал:

— Осторожно! Здесь ступеньки. Много ступенек. Надо хорошо смотреть.

Действительно, осторожность была необходима. Сначала Фродо и Сэм чувствовали себя более или менее уверенно, потому что с обеих сторон были скальные стены, но чем выше, тем круче становились ступени, и тем неприятнее было думать о черной пропасти позади, куда можно было с них свалиться. Ступени оказались узкими, неровными, разными по высоте, стертыми по краям и предательски скользкими, местами

осыпавшимися, иногда они трескались, едва их касалась нога. Хоббиты с трудом карабкались вверх, цепляясь за ступени руками и подтягиваясь; в конце концов ноги почти отказались им подчиняться, и чем глубже они забирались, тем выше были каменные стены по бокам лестницы.

Когда они настолько устали, что уже почти не могли двигаться, Голлум обернулся и сверкнул на них глазами:

— Все! — прошептал он. — Первую лестницу прошли. Молодцы хоббиты, высоко залезли. Умные хоббиты. Еще немного — и совсем придем, да.

* * *

Шатаясь, Сэм и Фродо вылезли на последнюю ступеньку и упали на нее, а отдышавшись, принялись растирать колени и икры. Над ступенями оказался темный проход, он шел на подъем, но полого. Долго отдыхать им Голлум, однако, не дал.

— Еще есть ступени, — сказал он. — Длиннее, чем эти. Отдохнете, когда поднимемся. Сейчас нельзя.

Сэм охнул:

— Еще длиннее, говоришь?

— Да, да, длиннее, — ответил Голлум, — но легче. Хоббиты прошли *прямые ступеньки*, а теперь будет *закрученная лестница*.

— А потом? — спросил Сэм.

— Потом увидим, — сказал Голлум тихо. — Увидим, да-да.

— Если не ошибаюсь, ты что-то говорил о тунеле. Там туннель или что-то в этом роде, да?

— Да-да, туннель, туннель, — сказал Голлум. — Но хоббиты смогут отдохнуть, прежде чем мы в него войдем. А если через него проберутся, да, если проберутся, то вершина будет близко. Очень близко. Если пройдут, да.

Фродо замерз. При подъеме он вспотел и сейчас был весь мокрый, а по темному ущелью свистел морозный ветер. Но хоббит встряхнулся и встал.

— Идем! — произнес он, стараясь говорить как можно бодрее. — Здесь, конечно, сидеть нельзя.

Проход без ступенек тоже казался бесконечным, а холодный ветер по мере их продвижения вперед дул еще сильнее. Казалось, что горы хотят заморозить хоббитов своим убийственным дыханием, не пропустить их к тайным высям, смести в темную пропасть. Путники были близки к полному изнеможению, когда вдруг почувствовали, что справа совсем нет стены. Видно было плохо,

и пустота только угадывалась.

Вокруг толпились бесформенные черные и серые тени, лишь иногда под низкими тучами появлялись красноватые отсветы, и в их проблесках хоббиты разглядели впереди и сбоку несколько серых скал-столбов, подпиравших некое подобие неровной крыши.

Они уже находились на широкой площадке на высоте многих сотен локтей. Слева была стена, справа пропасть.

Голлум повел их под самой стеной. Здесь они не подымались в гору, но идти по неровным камням в темноте было не менее опасно, камни и осыпи то и дело преграждали путь. Двигались они поэтому медленно и осторожно. Ни Сэм, ни Фродо уже не соображали, сколько часов прошло с тех пор как они вошли в долину Моргул. Им казалось, что ночь никогда не кончится.

Наконец перед ними опять выросла стена и показались новые ступени. Они минуту постояли перед ними, потом начали последний изнурительный подъем. Ступени здесь не углублялись в гору, а узкой змейкой вились по краю пропасти вокруг горы. На одном из поворотов Фродо, глянув вниз, увидел под ногами черную бездну долины Моргул, в которой, как на дне колодца,

мерцала бледными светляками дорога призраков из Мертвого города к безымянному перевалу. Фродо поскорее отвел взгляд.

* * *

Лестница все время извивалась вокруг скал, последний короткий и прямой ее участок заканчивался площадкой. Отсюда тропа, уходя от пропасти, шла по дну скального коридора на большой высоте.

Со всех сторон вздымались серые громады гор Эфел Дуат с острыми пиками, между ними чернели ущелья темнее ночи, по которым прокатились забытые зимы, источив камни; красный свет разливался по краю неба, но путники так и не поняли, то ли это рассвет над страной Мрака, то ли разгорается пламя, раздутое Сауроном в страшных кузницах плато Горгорот. Далеко впереди Фродо, как ему показалось, различил конец этой мрачной дороги: в горном хребте на фоне матово-багрового неба вырисовывалась узкая расселина, над которой с каждой стороны торчало по острой скале, как два каменных рога.

Фродо вгляделся внимательнее. Скала слева была стройнее и выше, и там мерцал красный свет — а, может быть, через нее просвечивали

багровые лучи *оттуда*. Хоббит вдруг понял, что это — башня и она сторожит ущелье. Он тронул Сэма за руку и показал ему пальцем на скалу.

— Очень мне это не нравится, — сказал Сэм — Значит, твою тайную тропу стерегут? — ворчливо обратился он к Голлуму. — И ты, надо понимать, с самого начала об этом знал?

— Все дороги стерегут, да, — ответил Голлум. — Конечно, стерегут. Но хоббиты должны попытаться. Эту дорогу, наверное, стерегут меньше. Может быть, стражи ушли на большую войну. Может быть, все ушли.

— Может быть! — сердито повторил Сэм. — Может быть, то, куда ты ведешь, еще очень далеко отсюда и вдобавок, надо еще выше лезть, чтобы туда добраться. Нас ждет какой-то туннель. По-моему, хозяин, вам пора отдохнуть. Я понятия не имею, день сейчас или ночь, но знаю, что мы уже много часов лезем по этим горам.

— Да, отдохнуть надо, — сказал Фродо. — Давайте найдем заслон от ветра и соберемся с силами перед последним рывком.

Так он в тот момент оценил положение. Опасности, ожидавшие их в стране за горами, и само задание, которое он должен был выполнить, казались ему пока слишком далекими, чтобы о

них беспокоиться. Он мог сосредоточиться только на трудностях преодоления гор и на том, как миновать стражу. «Если удастся завершить этот невероятный переход благополучно, то дальше так или иначе что-нибудь получится», — так думал хоббит, борясь с усталостью в холодных камнях под перевалом Кирит Унгол.

* * *

Отдыхать они сели в темной щели между двумя скальными столбами. Фродо и Сэм забились в глубину, Голлум пристроился с краю. Хоббиты поели, решив, что это, наверное, последний привал перед спуском в страну, которую нельзя называть, а может быть, вообще их последняя общая трапеза. Они съели немного провизии, которую им дали гондорцы, поделили на двоих раскрошенный лембас и попили воды, точнее, разрешили себе смочить губы, ибо воды у них почти не осталось.

— Интересно, найдем ли мы воду в дальнейшем пути? — произнес Сэм. — Но, наверное, в той стране тоже что-нибудь течет. Пьют же орки.

— Да, — ответил Фродо. — Но про них ты мне не говори. Их питье не для нас.

— Тем более надо попытаться здесь наполнить

фляги, — продолжал Сэм. — Источников, правда, не видно и не слышно. Фарамир предупреждал, что в долине Моргул воду пить нельзя.

— Он сказал: «Не пейте из ручьев, текущих с Имлад Моргул», — вспомнил Фродо. — Но теперь мы уже над этой долиной; если попадется ручей, он будет течь туда, а не оттуда.

— Я бы здесь не доверял никакой воде, — сказал Сэм. — Лучше умереть от жажды. Тут, наверное, все отравлено. — И, потянув носом, добавил: — И пахнет тухлятиной. Чувствуете? Вообще мне здесь не нравится.

— Мне тоже, а что делать? — сказал Фродо. — Мне не нравятся ни земля, ни камни, ни воздух, ни небо. Все здесь проклято. Но судьба привела нас сюда.

— Да, конечно, — согласился Сэм. — Мы, я думаю, ни за что бы сюда не пришли, если бы знали про эти места, когда отправлялись. Вот так всегда. Наверное, именно так на самом деле выглядели всякие благородные подвиги и прочие дела, которые в легендах называются *приключениями*. Я раньше думал, что храбрые богатыри сами этих приключений искали, потому что обычная жизнь бывает скучной, вот они и отправлялись в путь для разрядки. Но теперь я соображаю, что

в тех легендах, которые имеют смысл и остаются в памяти, правда выглядит чуточку иначе. Там обычно храбрецов втягивают в приключения помимо их воли, дороги их приводят, как вы говорите, хозяин. Конечно, каждому по пути попадается множество поводов повернуть назад, как вот нам, но никто назад не поворачивает. А если кто-нибудь повернул, то героем не стал, и про него забыли. Знают только про тех, кто выдержал все до конца, хотя конец не всегда был счастливый, во всяком случае, для героев, потому что со стороны все по-другому. Кто-то, — например, старый господин Бильбо, — возвращался из Приключения живой и невредимый, и вроде все было в порядке, а уже совсем не так, как раньше. И слушать бывает интереснее не ту часть приключения, которая больше всего нравится героям, а совсем другие истории. Интересно, в какую историю мы с вами попали?

— Мне это тоже интересно, — сказал Фродо. — Но я ничего не знаю. Так, наверное, должно быть в настоящей истории. В такой, которая особенно захватывает. Тем, кто слушает повесть, со стороны виднее, какой будет конец, хороший или плохой, а герои ничего об этом не знают, и никто не хочет, чтобы они знали.

— Конечно, хозяин. Например, Берен и думать не думал, что добудет Сильмарил из Железной короны в Тангородриме, а ведь добыл, и попал в еще худшее место, и оказался в еще большей опасности, чем мы тут с вами. И какая это длинная история, есть в ней и радости, и печали, и еще что-то… а потом Сильмарил попал в руки Эарендилу, и вдобавок… Что это мне вдруг в голову пришло? Ведь у нас… Хозяин, господин Фродо, ведь у нас в стекляшечке, которую дала госпожа Галадриэль, частичка того же самого света? Значит, мы попали в эту же самую историю, и она продолжается! Неужели большие истории никогда не кончаются?

— Конечно, сами истории никогда не кончаются, — ответил Фродо. — Те, кто в них участвует, уходят, когда кончаются их роли. Наша роль тоже когда-нибудь кончится… Может, скоро.

— А… Ну, тогда отдохнем и поспим! — сказал Сэм и невесело засмеялся. — Честно сказать, я мечтаю только об одном: отдохнуть и выспаться по-настоящему, а потом проснуться утром и поработать в саду. Я уже давно больше ничего не хочу. Не гожусь я для важных и великих дел. Но все-таки очень интересно, будут ли про нас когда-нибудь рассказывать легенды и петь песни.

Ясно, что мы участвуем в великой и необыкновенной истории, но неизвестно, что из нее потом получится: рассказ у камелька или повесть, написанная красными и черными буквами в толстой книге, которую откроют через много-много лет? Может быть, какой-нибудь хоббит прочтет: «История приключений Фродо и Кольца», — а маленький хоббитенок скажет: «Да, да, это моя любимая история. Фродо был очень храбрый, правда, папа?» — «Конечно, сынок, Фродо был достославнейшим хоббитом, а это кое-что значит!»

— Ну и хватил! — весело засмеялся Фродо.

Такого смеха в этих местах не слышали с тех пор, как Саурон появился в Средиземье. Сэму показалось, что камни прислушиваются, а вершины заинтересованно наклонились. Но Фродо ничего не замечал и продолжал хохотать.

— Ну, Сэм, — говорил он сквозь смех, — когда я тебя слушаю, мне становится так весело, будто наша история уже записана в книгу. Но ты забыл об одном из главных героев, о бесстрашном Сэммиусе: «Папа, расскажи мне еще про Сэма! Почему он в книжке так мало разговаривает? Мне страшно нравятся его речи, они всегда такие веселые, что хочется смеяться. Правда, пап, без Сэма Фродо недалеко бы зашел?..»

— Не надо все обращать в шутку, хозяин, — сказал Сэм. — Я же серьезно.

— Так и я серьезно, — ответил Фродо. — Но мы с тобой забегаем вперед. Сейчас-то мы сидим в самом плохом месте нашей истории, и очень может быть, что в далеком будущем твой хоббитенок скажет: «Закрой, папа, книжку, я дальше не хочу слушать!»

— Может быть, — сказал Сэм. — Но я на его месте так не скажу. Когда давние события становятся частью истории, они видятся по-другому. Кто знает, может, даже Голлум покажется лучше, во всяком случае, не таким, как мы думаем. Если ему поверить, так он тоже когда-то любил легенды. Интересно, кем он себя считает: героем или злодеем? Эй, Голлум! — закричал он. — Ты хотел бы быть героем?.. Куда он снова делся?

Голлума рядом не было. Как обычно, он не взял у хоббитов еду, только выпил немного воды, а потом свернулся, будто улегся спать. Когда в предыдущие дни он исчезал в лесу, хоббиты думали, что если не единственной, то, во всяком случае, главной целью его прогулок были поиски пищи. Здесь он опять исчез. Что он мог искать в горах?

— Не нравится мне, когда он пропадает, не ска-

зав ни слова, — произнес Сэм. — Особенно здесь и сейчас. Тут никакой еды нет, разве что он камни гложет. И кустика мха не найдешь.

— Нечего о нем беспокоиться, — ответил Фродо. — Мы бы без него так далеко не зашли и этого перевала даже не увидели бы, значит, придется мириться с его странными привычками. Если он двуличный, тут уж ничего не поделаешь.

— Я бы хотел не спускать с него глаз, — сказал Сэм, — тем более что он точно двуличный. Вспомните, он же не хотел говорить, что перевал охраняется. А башня — вон она, может, пустая, а может, и нет. Вам не кажется, что он туда пошел, чтобы навести на наш след орков или кого-нибудь похуже?

— Вряд ли, — ответил Фродо. — Даже если он замышляет злодейство, что вполне вероятно, оно должно быть не таким. Нет, ни орков, ни других слуг Врага он не позовет. Если бы он хотел это сделать, почему же так долго выжидал, так высоко с нами карабкался и подошел так близко к границе страны, которой отчаянно боится? С тех пор как мы его встретили, он много раз мог нас выдать оркам. Нет! Я думаю, что у него есть свой план, которым он ни с кем не делится…

— Может быть, вы и правы, — сказал Сэм, — но

радости в этом мало. Я не сомневаюсь, что *меня* он оркам выдал бы с большим удовольствием и пальчики бы облизал. Тут я не ошибаюсь. И есть еще Сокровище. Все время одно и то же: *вернуть наше Золотце бедному Смеаголу*. Не знаю, какую пакость он задумал, но цель у него одна. Понять не могу только, зачем он нас так далеко завел? Разве это облегчит ему задачу?

— Возможно, он сам этого не понимает, — сказал Фродо. — Сомневаюсь, чтобы в его мутной голове сложился мало-мальски четкий план. Думаю, что он просто старается не допустить, пока может, чтобы Сокровище попало в руки Врага. Для него это тоже стало бы окончательным поражением. А пока он тянет время и ждет случая.

— Нытик и Вонючка, — сказал Сэм. — Я всегда это говорил. Чем ближе к вражьей стране, тем сильнее он воняет и пакостит больше. Вот помяните мое слово: если мы вообще дойдем до перевала, он все равно не даст вам унести свое Золотце в ту страну, что-нибудь подстроит.

— Мы еще не дошли до перевала, и до границы не дошли, — произнес Фродо.

— Нет, но теперь надо смотреть в оба. Нытик боится, а Вонючка скоро нас порешил бы, если бы увидел обоих спящими. Но вы спите спокойно.

Спать вам надо обязательно. Я тут рядом, буду сторожить, а если вы ляжете поближе, чтобы я мог вас обхватить руками, то никто к вам, минуя меня, не притронется!

— Спать!.. — вздохнул Фродо с тоской, будто представил себе зеленый оазис в пустыне. — Как бы я хотел выспаться хоть здесь!

— Ну и спите, хозяин. Кладите голову мне на колени.

Так и застал хоббитов Голлум, который через несколько часов вернулся, сполз по тропе из темноты сверху. Сэм сидел, опершись спиной о камень, опустив голову набок, и громко сопел. Голова Фродо лежала у него на коленях. Одну смуглую ладошку Сэм положил на лоб своему хозяину, другую — ему на грудь. Лица у обоих были спокойны.

Голлум посмотрел на них. Странное выражение появилось на его худом, голодном лице. Огоньки в зрачках погасли, глаза стали матово-серыми, усталыми. Голлум болезненно съежился, отошел на несколько шагов, посмотрел в сторону перевала и затряс головой, будто его раздирали внутренние сомнения. Потом он вернулся, медленно протянул вперед трясущуюся руку и очень осторожно потрогал колени Фродо. Если бы в это

мгновение кто-нибудь из спящих проснулся и увидел Голлума, он бы подумал, что перед ними старый-старый, сгорбленный от груза прожитых лет, изможденный хоббит, который прожил так долго, что остался за пределами своего времени: без друзей и родных, далеко от лугов и рек своей молодости — несчастный, усталый и голодный старик.

От тихого прикосновения Фродо зашевелился, негромко вскрикнул во сне, разбудив Сэма. Голлум отпрянул, Сэм его увидел и решил, что он подбирается к его хозяину.

— Эй, ты! — закричал он сердито. — Что ты замыслил?

— Ничего, ничего, — тихо ответил Голлум. — Господин хороший.

— Знаю, что хороший, — сказал Сэм. — А тебя где носило? Уходишь, как вор, и приходишь, как вор, подлый трус.

Голлум попятился, зеленые огоньки опять загорелись под его тяжелыми веками. Сейчас, когда он скорчился на полусогнутых ногах и вытаращил глаза, он стал похож на паука. Благостное мгновение безвозвратно исчезло.

— Как вор, как вор! — заскрипел он. — Хоббиты всегда вежливы, всегда благодарны. Добрые

хоббиты! Смеагол ведет их тайными тропами, которые, кроме него, никто не нашел. Он устал, пить хочет, да, голоден и хочет пить, и он помогает им, ищет дорогу, а они говорят: *вор, вор*! Нечего сказать, добрые друзья, мое Сокровище!

Сэму стало немного совестно, хотя Голлуму он все равно не верил.

— Извини, — сказал он. — Извини, но ты меня застал спящим, я не должен был спать, потому и обозлился. Хозяин так устал, что я его уговорил заснуть. Нескладно все вышло. Ну, прости. А *где* ты был?

— На воровском деле, — отрезал Голлум.

Зеленые огни в его глазах не гасли.

— Не хочешь говорить, и не надо, — сказал Сэм. — Это наверняка недалеко от правды. Сейчас мы все пойдем красться дальше, как воры. Который час? Еще сегодня или уже утро?

— День, — ответил Голлум. — Утро было, когда хоббиты заснули. Очень глупо и очень опасно. Хорошо, что Смеагол рядом был, ходил, как вор.

— Вот заладил, — оборвал его Сэм. — Хватит, пора будить хозяина.

Он ласково откинул волосы со лба Фродо и, наклонясь, зашептал:

— Вставайте, хозяин, пора вставать!

Фродо поежился, открыл глаза и, увидев склонившегося над ним Сэма, дружески улыбнулся.

— Ты меня рано будишь, Сэмми, еще темно!

— Тут все время темно, — ответил Сэм. — Но Голлум пришел и говорит, что уже наступил следующий день. Так что простите меня, надо идти дальше. Последний рывок.

Фродо глубоко вздохнул и сел.

— Последний рывок? — переспросил он. — Привет, Смеагол! Нашел чего-нибудь поесть? Отдохнул?

— Ни еды, ни сна, ничего Смеаголу не досталось, — объявил Голлум. — Смеагол подлый трус.

Сэм прищелкнул языком, но от высказываний удержался.

— Не придумывай себе прозвищ, Смеагол, ни истинных, ни ложных, — сказал Фродо. — Не надо.

— Смеагол взял, что ему дали, — ответил Голлум. — Это прозвище ему дал добрый господин Сэм, премудрый хоббит.

Фродо посмотрел на Сэма.

— Да, уж простите, — сказал Сэм. — У меня эти слова вырвались, когда я вдруг проснулся и увидел его около вас. Я извинился, но если так дальше пойдет, могу свои извинения назад забрать.

— Лучше забудем об этом, — сказал Фродо. — Слушай, Смеагол, надо поговорить. Скажи мне, а мы не сможем дальше сами найти дорогу? Перевал отсюда виден, тут уже недалеко; если мы здесь расстанемся, можешь считать наш уговор выполненным. Ты сдержал слово и свободен, возвращайся в края, где хватает еды, иди куда хочешь, только не к слугам Врага. Может быть, я потом смогу тебя наградить, а если не я, то кто-нибудь из моих друзей, кто обо мне не забудет.

— Нет, нет, еще рано! — взвизгнул Голлум. — Еще нельзя! Хоббиты сами не найдут дорогу, нет! Еще будет туннель. Смеагол пойдет с вами. Ему нельзя спать, нельзя есть! Еще нельзя.

Глава девятая. Логово Шелобы

Может быть, день и настал, как утверждал Голлум, но большой разницы между днем и ночью хоббиты не заметили, разве что низкое небо стало не таким черным и теперь напоминало слой густого дыма, и вместо сплошной тьмы, которая понемногу уползала в трещины и щели, в окружающем их каменном мире наступил серый мутный полумрак.

Голлум шел впереди, два хоббита плечом к

плечу — за ним, и так они снова долго взбирались вверх между столбами и колоннами старых выветренных скал, торчавших, как нелепые статуи. Тишина была полная. Примерно в миле перед ними вставала серая стена, последняя громада горной цепи, преграждавшей им путь. На сером фоне неба эта стена была сначала расплывчатым темным пятном, потом, по мере того как они к ней приближались, она вырастала, мрачнела и наконец заслонила собой полсвета. Глубокая тень залегла у ее подножия. Сэм сморщил нос.

— Фу, какая вонь! — заворчал он. — Чем ближе, там сильнее.

В тени перед ними оказался вход в пещеру.

— Туда надо, — тихо шепнул Голлум. — Это вход в туннель.

Он так и не сказал названия, а была это пещера Торех Унгол, или Логово Шелобы. Смрад, исходивший из нее, был хуже запаха мертвечины на луговинах Моргула. Будто внутри навалены кучи неописуемой мерзости.

— Это единственная дорога, Смеагол? — спросил Фродо.

— Да, да, — ответил Голлум. — Туда надо идти.

— Ты, правда, ходил через это подземелье? — спросил Сэм. — Тебе-то, конечно, вонь не ме-

шает.

Глаза у Голлума сверкнули.

— Хоббит не знает, что нам мешает, мое Золотце! — заныл он. — Разве он знает?.. Но Смеагол все вытерпит. Да-да, Смеагол здесь проходил на ту сторону. Это единственная дорога, другой нет.

— Что там так воняет? — с удивлением и отвращением говорил Сэм. — Похоже на... нет, лучше промолчу. Наверное, это отвратительная орчья пещера, куда они навалили всякой дряни и сто лет не убирали.

— Ладно, — сказал Фродо. — Есть там орки или нет, а раз это единственная дорога, придется идти.

* * *

Они набрали воздуху в легкие и сделали первый шаг. А через несколько шагов оказались в кромешной тьме. Ни Фродо, ни Сэм в жизни не попадали в подобную темень. Даже в Копях Мории темнота не была такой давящей. Там были сквозняки, отзывалось эхо. Здесь — только неподвижный тяжкий мрак. Звуки заглушались, воздуха не хватало. Хоббиты двигались в черных испарениях, а когда при дыхании втягивали их в себя, им казалось, что у них не только глаза,

но и мысли слепнут, и воспоминания о красках, звуках и огнях глохнут и стираются в памяти. Для них наступила ночь; ничего не существовало, кроме ночи; ночь никогда не кончится.

Но всех ощущений они не потеряли. Осязание в пальцах рук и в ступнях, наоборот, заострилось почти до боли. К удивлению своему, они обнаружили, что стены в туннеле гладкие, а дно, по которому они ступают, ровное и довольно круто поднимается вверх. Иногда попадались ступени. Туннель оказался широким, вытянутыми руками они с трудом доставали до стен, и почему-то их не покидало чувство, что идут они совсем отдельно, каждый в своей темноте, хотя шли рядом, бок о бок.

Голлум понемногу отрывался от них. Сначала они чувствовали, что он всего в нескольких шагах, и пока еще были в состоянии замечать окружающее, слышали его свистящее дыхание и бульканье совсем рядом. Через некоторое время их мысли словно бы одеревенели, и даже осязание стало не таким чутким; они ступали и двигались лишь благодаря усилиям воли, которая заставляла их идти, выдержать, выбраться к перевалу. Счет времени и способность ориентироваться в пространстве они потеряли.

Вдруг Сэм правой рукой вместо стены нащупал пустоту: от основного отходил боковой ход. На секунду оттуда пахнуло более свежим воздухом, но Сэм не остановился, а машинально продолжал идти вперед.

— Здесь много переходов, — зашептал он с усилием, потому что добыть звук из горла оказалось нелегко. — Точно, орчья пещера.

Потом он нащупал еще один ход справа, а Фродо обнаружил другой слева, дальше им попалось еще три или четыре, и узких, и широких, но в выборе пути они не усомнились — ход, по которому шли, был прямой, все время поднимался и никуда не сворачивал. О его длине они понятия не имели и не знали, сколько еще идти и хватит ли у них на это сил. Чем выше поднимался туннель, тем более душно становилось в нем, а иногда им казалось, что они не идут, а борются с сопротивлением какой-то густой субстанции, которая заменила здесь смрадный воздух. Время от времени будто кто-то прикасался к их рукам и головам или что-то свисало с потолка, и они об это «что-то» задевали: то ли щупальца, то ли какие-то растения… Все сильнее становился смрад. Из всех чувств теперь самым острым стало обоняние, оно же стало орудием пытки. Так хоб-

биты шли час, два, три, может быть, больше, часы казались днями, неделями… Сэм отодвигался от стены, прижимался к Фродо, они держались за руки, боясь оторваться друг от друга.

Потом Фродо опять попал левой рукой в пустоту, даже чуть не упал, — отверстие в стене было очень большим, из него шел такой дикий смрад, что у хоббита закружилась голова. Вместе с вонью оттуда распространялось нечто необъяснимо зловредное, там таилась злая сила. Не успели они сделать шага дальше, как Сэм зашатался и упал лицом вниз.

С трудом преодолевая страх и тошноту, Фродо потащил его за руку.

— Вставай! — зашептал он хрипло и почти беззвучно. — Здесь вся вонь собралась, и опасность тоже. Быстро идем отсюда! Поднимайся!

Собрав остаток сил, он поднял Сэма на ноги и заставил себя самого идти вперед. Сэм спотыкался рядом. Один шаг, второй, третий… шесть! Они не поняли, как миновали страшный боковой ход, но почувствовали свободу движения, будто бы их кто-то развязал или отпустил. Пошли дальше, продолжая держаться друг за друга.

И вдруг новое препятствие. Туннель раздваивался, а в потемках они даже не могли опреде-

лить, которое из двух его продолжений шире и удобнее, то есть может быть главным. Куда теперь идти, вправо или влево? Никаких указаний не было, выбирать приходилось вслепую, и при этом они понимали, что ошибка означает неминуемую смерть.

— Куда пошел Голлум? — почти беззвучно шепнул Сэм. — Почему не подождал?

— Смеагол! — попробовал позвать Фродо. — Смеагол!

Но голос ломался в горле, произнесенное имя словно упало в глухую тьму. Никто не ответил, воздух не заколебался, эха не было.

— Теперь он, кажется, насовсем удрал, — пробормотал Сэм. — Еще на горе все рассчитал, нарочно завел, ну, Голлум! Попадись мне только, обо всем пожалеешь!

Ощупывая стены, они наконец определили, что левый ход завален — его загораживал большой камень. Тупик?

— Туда дороги нет, — прошептал Фродо. — Значит, и выбора нет, идем вправо.

— Только быстро, — задыхаясь, попросил Сэм. — Здесь кто-то притаился, наверное, еще хуже Голлума. Мне кажется, на нас кто-то смотрит.

Они не успели далеко уйти, когда за ними

раздались странные звуки, неожиданные и ужасающие в глухой тишине: протяжное сипение, клокочущее бормотание и свист. Они повернулись, но ничего не увидели. Оцепенев, не в состоянии двинуться с места, они всматривались во тьму, не зная, чего оттуда ждать.

— Это западня, — сказал Сэм и схватился за рукоять меча. Ему почему-то вспомнилась тьма в Могильнике, где он взял этот меч. «Вот если бы старина Том был близко!» — подумал он. И когда он об этом подумал, в кромешной тьме, охваченный черным отчаянием и гневом, ему вдруг показалось, что он видит свет, но видел он его не на самом деле, а глазами души: сначала его ослепило, будто солнечный луч бил в глаза после долгого сидения в подвале, потом свет преломился и заиграл зеленым, золотым, серебряным, белым… Далеко-далеко, будто на картинке, нарисованной тонкими пальцами эльфа, он увидел Владычицу Лориэна, стоящую на лугу с дарами в руках: *«Тебе, Несущий Кольцо, я приготовила…»* — услышал он ее голос, далекий, но выразительный.

Клокочущий звук приближался, к нему добавился скрип, будто огромное членистоногое медленно двигалось на скрипучих ногах и вдоба-

вок гнало перед собой волну зловония.

— Господин Фродо, хозяин! Господин Фродо! — закричал Сэм, вдруг обретя голос и волю. — Дар Владычицы эльфов! Стекляшечка! Она сказала, он нам в темноте… свет! Звездный флакон!

— Звездный флакон? — повторил Фродо как во сне, не сразу поняв, чего хочет Сэм. — Ах, да! Как я мог про него забыть? *«Когда погаснут все остальные огни…»* Ты прав, сейчас нам может помочь только свет.

* * *

Медленным движением Фродо вложил руку за пазуху и вынул флакон Галадриэли. Сначала стекло блеснуло тусклой звездочкой, затем стало понемногу разгораться, и одновременно в сердце Фродо проснулась и стала крепнуть надежда. Потом флакон засиял серебряным пламенем, как маленькое, но ослепительное лунное сердечко, будто сам Эарендил спустился с небесного пути с последним Сильмарилом во лбу. Тьма отступала перед светом, бьющим из середины круглого флакона, а руку, держащую его, словно обливал поток белых искр.

Фродо с удивлением смотрел на чудесный дар, который так давно носил на груди, не зная его

силы. Он лишь раз вспомнил о нем в пути и сам ни разу не применил, опасаясь, что свет выдаст их глазам Врага.

— *Айя Эарендил Эленион Анкалима!* — воскликнул он, не отдавая себе отчета в том, что произносит. Слова сами вылились из его уст, голос был звонким, не заглушенным тяжелым отравленным воздухом пещеры.

Но в Среднеземье, оказывается, водились другие силы, порождения ночи, древние, сумевшие выжить. Та, которая тянулась к хоббитам в темноте, много веков назад впервые узнала эльфийское заклятие, но никогда его не боялась, и сейчас не поддалась. Крик Фродо еще не стих, а хоббит уже почувствовал направленный на него из темноты зловещий взгляд и притяжение чуждой злой воли. В туннеле между хоббитами и тем боковым ходом, где оба они чуть не лишились чувств, заблестели глаза — две большие грозди многогранных глаз, по множеству зрачков в каждой. Опасность начала принимать зримую форму. Лучи звездного флакона преломлялись и отражались от них, а они горели своим тупым звериным первобытным блеском. Глаза были страшные, злые, в них угадывался сгусток враждебной воли, ненасытной алчности, радости от вида жертв, по-

павших в ловушку, из которой им не выбраться.

* * *

Сэм и Фродо попятились, не в силах оторвать взгляда от ужасных глаз. Но по мере того как они отступали, глаза приближались. Рука Фродо, державшая флакон, задрожала и опустилась. А давившая на них сила вдруг ослабла, дав хоббитам отбежать в слепой панике на несколько шагов. Глаза — забавлялись?.. Еще на бегу Фродо оглянулся и увидел, что они снова приближаются, настигают их большими скачками. Дохнуло жутким смрадом. За ними шла смерть.

— Стой! Стой! — крикнул Фродо. — Бегство не поможет.

Глаза еще приблизились.

— Галадриэль! — закричал хоббит и, собрав остатки мужества, снова поднял вверх стеклянный флакончик. Глаза остановились. На мгновение они даже пригасли, будто засомневались. Фродо осмелел и, не соображая, что делает и чем может кончиться его безумная затея, не то от храбрости, не то с отчаяния, перехватил флакон в левую руку, а правой выхватил меч из ножен. Жало блеснуло острой сталью, заискрилось серебристым светом, на острие вспыхнули

голубые огоньки. Вот так, с мечом в одной руке и эльфийским светильником в другой, хоббит Фродо из далекой мирной страны бесстрашно пошел навстречу враждебным глазам.

Глаза запрыгали, будто затряслись. Чем ближе оказывался к ним свет, тем сильнее они мутнели. Никогда еще такой свет не бил по ним. От солнца, луны и даже звезд они всегда скрывались под землей, но на этот раз звезда сама сошла в подземелье, и глаза ее испугались. В туннеле заворочалось что-то большое, по-видимому, подземная тварь закрывалась от света своим телом, загораживалась тенью. Глаза отвернулись и исчезли.

— Господин Фродо! Хозяин! — крикнул Сэм. Он шел следом за своим хозяином с обнаженным мечом. — Хвала звездам! Красивую песню сложили бы об этой встрече эльфы, если бы видели. Вот бы дожить до такого часа, чтобы все им рассказать, а потом послушать, как они поют! Но остановитесь, господин Фродо, не ходите в ту яму! У нас ведь последняя возможность. Бежим из этой гадкой норы!

Они опять повернулись, как им показалось, к выходу, и сначала пошли, а потом побежали вперед. Туннель продолжал подниматься, и

они постепенно оказались выше застоявшегося смрада и духоты. Дышать стало легче, и сил прибавилось. Слепая ненависть временно отступила, но они знали, что позади — смерть.

И вот уже повеяло свежим ветром, они почувствовали, что близок конец туннеля — выход! Запыхавшись, последним усилием хоббиты рванулись к воле и к небу над головой и с ужасом обнаружили, что выход закрыт, хотя и не камнями. Они с размаху ударились обо что-то — и были отброшены назад. Выход преграждала упругая, но, по-видимому, крепкая и непроницаемая завеса. Воздух через нее проходил, лучи света задерживались. Хоббиты еще раз попытались прорваться — их снова отбросило. Подняв флакончик, Фродо различил, что завеса серая, густая, напоминает странную ткань из толстых, как веревки, нитей. Сплетенная во тьме порождением тьмы, она не отражала эльфийских лучей: любой свет просто гас в ней, как в пятне серой тени.

Сэм хмуро засмеялся:

— Тенета! — сказал он. — Всего лишь паутина, но какой должен быть паук!.. Вперед, руби ее, рви!

Он стал яростно рубить паутину мечом, но под его ударами нити не рвались, а лишь упруго

отскакивали и возвращались в прежнее положение. Трижды Сэм опускал на нее меч со всей силы, и только одна нить из бесчисленного множества лопнула, взвилась в воздух и концом хлестнула хоббита по руке так, что он вскрикнул от боли, отпрыгнул и непроизвольно поднес руку к губам.

— Так нам придется неделю здесь сидеть, — сказал он. — Что делать? Глаза опять рядом?

— Их не видно, — сказал Фродо. — Но я чувствую, что они на меня смотрят или мыслью достают. Чудище наверняка что-то соображает. Если бы наш свет погас или ослаб, оно бы уже нас догнало.

— Словили нас в последнюю минуту! — произнес Сэм с горечью и гневом. — Как мух в паутину! Чтоб этого гада Голлума скорей поразило проклятие Фарамира!

— Нам это не поможет, — ответил Фродо. — Давай еще раз! Пусть Жало покажет, что оно умеет. Это все-таки эльфийский клинок. В темных лесах Белерианда, где его выковали, тоже плелись тенета ужаса. Ты последи пока, чтобы глаза не подошли. Держи флакон. Не бойся, подними его повыше и будь начеку.

* * *

Подойдя к серой завесе, Фродо рубанул по ней изо всех сил, одним взмахом перерубил узел, где нити густо сходились, и тут же отскочил в сторону. Голубоватое светящееся лезвие рассекло паучью сеть, как коса траву, серые нити-веревки закрутились и повисли. В завесе открылась довольно большая дыра. Хоббит продолжал наносить удар за ударом, работая мечом, как косой, пока не обрубил все нити, до которых мог достать. Верх завесы теперь болтался, словно тряпка на ветру. Проход есть!

— Вперед! — крикнул Фродо. — Вперед!

Оттого, что он вырвался из кошмарной западни, его охватила сумасшедшая радость, как от крепкого вина, и с громким криком одним прыжком он выскочил из пещеры.

Прошедшему сквозь тьму хоббиту мир, который он увидел, показался светлым. Клубы дыма и тумана поднялись вверх и поредели. Кровавое зарево над Мордором поблекло. Это кончался хмурый день, но Фродо показалось, что ему светит рассвет новой надежды. Он был почти на гребне хребта. Еще один последний подъем. Еще чуть-чуть. Черные скалы впереди разрезала се-

рая щель перевала Кирит Унгол, с обеих сторон которого торчали каменные рога. Короткая перебежка — и он за горами!

— Вон перевал, Сэм! — закричал Фродо, не заботясь о том, что его голос, вырвавшись из душного подземелья, громко и звонко разносится над вершинами. — Перевал! Бежим! Несколько минут — и мы на другой стороне, и никто нас не остановит!..

Сэм побежал за хозяином, стараясь не отстать, но несмотря на радость освобождения из пещеры, он совсем не чувствовал такой беспечности и все оглядывался на черную дыру в скале, опасаясь, что чудовище вдруг выскочит за ними в погоню. Ни Сэм, ни его хозяин не знали, не могли представить себе, как сильна и хитра была Шелоба. Из ее логова было несколько выходов.

* * *

Веками жила здесь страшная тварь, разновидность гигантских пауков, что некогда обитали на крайнем западе, в эльфийских землях, давно затопленных Морем.

С такими пауками сражался Берен в горах Ужаса в Дориате. После одного из таких сражений, бродя по зеленым полянам, где растет болиголов,

он увидел красавицу Лютиэнь в лунном свете.

Неизвестно, как Шелоба забрела сюда и спаслась; о временах Великой Тени рассказов не сохранилось. Во всяком случае, она жила тут еще до появления Саурона и до того, как был заложен первый камень Барад Дура. Она никому не подчинялась, жила для себя, пила кровь эльфов и людей, жирела, пируя в одиночестве, изрыгала мрак и плела свои гнусные сети; все живое было пищей, темнота убежищем, черное уродство — потомством. Бесчисленные дети, зачатые от несчастных, ею же порожденных самцов, которых она пожирала, расползались по горам и лесам от Эфел Дуата до Дол Гулдура и диких чащоб Темнолесья. Но никто из них не мог сравниться с Шелобой Великой, последней дочерью Унголианты, кошмаром затененного мира.

Голлум встретился с ней много лет назад. Смеагол любил бродить по темным подземельям и уже тогда, давно, поклонился ей и присягнул на верность. Он прятал свою слабость в черноту ее злой воли, она словно опекала его, спасала от света и от раскаяния. И он обещал доставать ей еду, хотя сокровенные желания у них были разные. Вряд ли Шелоба имела понятие о башнях, Кольцах и прочих хитроумных делах двуногих,

это ее не касалось. Для всех живущих она желала только смерти, а для себя — тишины, одиночества и сытости. Она хотела есть и толстеть, есть и жиреть, чтобы для ее брюха мало стало места в темных подземельях.

Но до исполнения этих желаний было далеко, а сейчас ей приходилось голодать, потому что сила Саурона росла, и ее лучшая пища боялась подходить к его границам. Крепость над долиной была давно мертва, и ни люди, ни эльфы через перевал не ходили. Иногда в сети Шелобы случайно попадал неосторожный орк — это была мелкая добыча, хотя и такую изловить было непросто. Орки усердно прокладывали все новые хитрые тропы, чтобы ходить в свою башню, но паучихе надо было есть, и она ухитрялась подкарауливать жертву, продолжая мечтать о настоящей вкусной поживе. Наконец Голлум доставил ей то, что было нужно.

«Посмотрим, мы посмотрим, — повторял он в самые мрачные свои часы по дороге от Эмин Муйл к долине Моргул. — Посмотрим. Кто знает, да, кто знает, может быть, когда Она выбросит кости и одежду, мы найдем наше Золотце, это будет платой бедному Смеаголу за вкусную еду. Мы спасем Сокровище и сдержим слово, да, мы

не нарушим клятвы. А Сокровище будет нашим, мы добудем наше Золотце. И Она об этом узнает, да-да, мы Ее вознаградим, мы Ей отплатим, Золотце мое, да, мы всем отплатим!»

Такие мысли роились в тайных закоулках хитрой головы Голлума, когда он шел на поклон к Шелобе, пока хоббиты спали, и надеялся скрыть свои тайные планы даже от нее.

Что же касается Саурона, то он знал, где гнездится паучиха, и был доволен, что ненасытная тварь стережет древнюю тропу в его государство лучше любых караульных. Орков у него было неисчислимое множество, стоило ли беспокоиться, если время от времени один из рабов попадал в паутину? Иногда он даже посылал ей в дар пленников, с которых нечего было взять, как человек, который бросает лакомство поселившейся по соседству кошке и может назвать ее «своей», признавая, однако, что она его своим не считает. Они существовали рядом, каждый в своей злобе, не мешая друг другу и не опасаясь соседства. Пленника приводили к ее логову, а назад шел отчет о том, как она развлекалась.

Сейчас паучиха была особо голодна и зла, а в таком случае вряд ли даже муха вырвалась бы из ее сетей.

* * *

Бедный Сэм не имел ни малейшего представления о разбуженной ими злой силе, только чувствовал инстинктивный страх перед неведомой опасностью. Страх пригибал его к земле, ноги стали как чугунные.

Опасность грозила со всех сторон: перед ним на перевале, наверное, была вражья стража, а любимый хозяин как с ума сошел и стремглав бежал ей навстречу, забыв об осторожности. Сзади зиял черный туннель, слева под обрывом нерастаявшим сгустком ночной тьмы залегла тень. Все вокруг было серым, небо темное, а в окне башни блеснул кровавый отсвет. Сэм это с ужасом заметил. И еще он заметил, что обнаженный меч, поднятый Фродо, снова горит голубым пламенем.

— Орки! — пробормотал Сэм. — В открытую мы там не пробьемся; в башне орки или еще кто похуже.

В долгом пути осторожность стала привычкой. Чтобы не выдать себя, хоббит сжал в руке драгоценный флакончик Галадриэли. Некоторое время через ладонь просвечивала живая кровь, потом Сэм сунул флакон поглубже в нагрудный

карман, запахнул плотнее эльфийский плащ и попробовал ускорить шаги. Расстояние между ним и Фродо росло, их отделяло уже не меньше двадцати шагов. Фродо мчался изо всех сил, еще минута — и пропадет в сером мире.

И тут, едва Сэм успел спрятать флакон, из норы показалась Шелоба. Сэм увидел впереди слева отвратнейшее существо, которое может явиться в сонных кошмарах. По строению это был паук, но по размерам больше любого хищного зверя и страшнее, ибо жуткие глаза чудища, те самые, что отступили в пещере, а теперь рвались за добычей, смотрели осмысленно и злобно. В них была неутолимая алчность и не было страха. Паучиха бежала, вытянув вперед голову с большими рогами; голова росла на короткой жесткой шее из огромного разбухшего туловища, обвислым брюхом колышущегося между ногами. Спина и голова были черные с синими пятнами, а брюхо грязно-белое, от него исходило гнилостное свечение и разило невыносимым зловонием. Согнутые ноги с шишковатыми суставами были покрыты жесткой щетиной, как стальными иглами, на конце каждой ноги торчал крупный острый коготь.

Сумев протащить огромное мягкое брюхо и

скрипучие конечности через узкий запасной выход из логова, Шелоба двигалась поразительно быстро, то бегом на полусогнутых ногах, то большими прыжками. Когда Сэм ее увидел, она находилась как раз между ним и его хозяином. То ли хищница не заметила Сэма, то ли наоборот, решила не трогать, пока у него в руках светился волшебный огонь, но все усилия она направила на одну жертву, на Фродо, который, забыв об осторожности, бежал по самой середине дороги. Хоббит бежал очень быстро, но Шелоба была в несколько раз больше его и передвигалась быстрее. Еще пара скачков — и она его схватит.

Сэм глотнул воздуха и закричал во всю глотку:

— Берегитесь, хозяин! Оглянитесь назад! Я…

Голос Сэма оборвался. Длинная липкая рука схватила его за шею, зажала рот, какие-то щупальца обвили ноги, и он упал на спину, прямо в объятия набросившегося.

— Поймали! — раздалось над его ухом шипение Голлума. — Наконец-то с-схватили, мы его с-схватили, З-золотц-се мое, мерз-зс-ский хоббит у нас-с в руках-х-х. Этого мы оставим с-себе. Она воз-зьмет другого. Да-да, его воз-зьмет Ш-шелоба, а не С-смеагол; С-смеагол обещал, что не тронет, не обидит хорош-шего господина. А ты попалс-ся

С-смеаголу, противный, з-злой хоббит!

И Смеагол плюнул Сэму на шею сзади.

От возмущения подлой изменой, от отчаяния, от обиды, что его остановили, когда он летел на помощь хозяину, от страха перед смертельной опасностью Сэм нашел в себе ярость и силы, которых Голлум никак не ожидал, считая его медлительным и глупым хоббитом. Даже сам Голлум не смог бы ловчее вырваться из такого захвата и драться так неистово. Сэм мотнул головой, освобождаясь от лапы, закрывавшей ему рот, рванулся вперед, пытаясь сбросить другую лапу, схватившую его за шею. Меч был у хоббита в правой руке, но достать им врага он не мог, а на левой руке на ременной петле висела дубинка, подаренная Фарамиром.

Сэм попытался вывернуться так, чтобы ткнуть противника хоть концом меча, но Голлум был проворен и очень ловок, он молниеносно протянул правую руку, схватил руку Сэма за запястье и стал ее выкручивать. Пальцы у Голлума были сильные, как железные клещи, Сэм заорал от боли и выпустил меч. Другой рукой Голлум продолжал сжимать ему шею.

Тогда Сэм попробовал последнее средство. Он откачнулся в сторону, изо всех сил оттолкнулся

ногами от земли и упал на спину.

Не ожидая такого простого приема, Голлум тоже упал, и хоббит всем весом придавил его. Голлум пронзительно вскрикнул, зашипел и на мгновение разжал пальцы на горле Сэма, хотя руку его не отпустил. Сэм дернулся, отодвинулся от противника, вскочил, перекрутился вправо, вокруг захваченной руки, схватил свободной левой рукой палку и с размаху опустил ее на лапу мерзавца, возле локтя.

Тут Голлум взвыл и выпустил хоббита. И Сэм пошел в атаку. Не тратя времени на перехватывание палки из левой руки в правую, он еще раз ударил. Голлум ловко, как ящерица, свернулся в клубок, а удар, который должен был расколоть ему голову, пришелся по хребту. Палка с треском сломалась. Голлуму этого оказалось больше чем достаточно. Он издавна приноровился нападать из-за спины, и этот способ редко его подводил. На этот раз он дал волю злости и совершил ошибку, начав разговаривать и хвастаться, прежде чем удушить жертву. Прекрасный план сорвался уже тогда, когда в пещере неожиданно вспыхнул страшный свет. А сейчас он оказался лицом к лицу с разъяренным противником, не намного меньшим, чем он сам. Открытой драки Голлум

боялся.

Сэм поднял с земли меч и размахнулся. Голлум пискнул, отскочил вбок на четвереньках и понесся прочь, откидывая ноги, как большая черная лягушка. Через минуту он уже был около туннеля.

Сэм забыл обо всем на свете, глаза его застилал красный туман, он знал только одно: убить Голлума. Но Голлум исчез. При виде черной дыры Сэм пришел в себя. Из туннеля разило вонью. Сэма словно ударило: он бросил Фродо! Там чудовище! Пошатнувшись, Сэм повернулся и помчался догонять хозяина. Он бежал по тропе, что было сил, зовя Фродо по имени. Но было поздно. Эта часть плана Голлума не подвела.

Глава десятая. Трудный выбор Сэма Гэмджи

Фродо лежал на спине, а страшилище стояло над ним, настолько занятое добычей, что не услышало крика и не заметило подбежавшего Сэма, пока он не оказался совсем рядом. Сэм увидел, что его господин уже опутан с ног до головы, а паучиха огромными передними лапами пытается поудобнее ухватиться, чтобы утащить его к

себе в пещеру.

Эльфийский меч светился рядом на земле, выпав из руки Фродо раньше, чем он успел им воспользоваться.

Сэму некогда было раздумывать, что делать, и рассуждать, что им движет: храбрость, верность хозяину или обида и ярость. Он с воплем прыгнул вперед, схватил меч Фродо в левую руку и бросился на чудище. Такого бешенства, наверное, не видел мир. Так доведенный до отчаяния зверек, вооруженный всего лишь мелкими зубками, мог бы напасть на покрытого чешуей рогатого толстокожего гиганта, покусившегося на его подругу.

Шелоба услышала крик, оторвалась от приятного занятия, будто очнувшись, и, медленно нагнув голову, кинула на Сэма злобный взгляд. Прежде, чем она поняла, что на нее нападают, блестящее лезвие Жала отрубило ей один коготь. Потом Сэм молниеносно вбежал ей между ног и ткнул мечом в глаз, до которого смог дотянуться. Глаз потух.

Маленький противник теперь оказался как раз под брюхом Шелобы, и она никак не могла его достать ни жвалом, ни лапами. Брюхо колыхалось над хоббитом, испуская гнилостное свечение и смрад, от которого он чуть не потерял сознание.

Но у него еще оставался запас ярости для последнего удара, и пока паучиха не придавила его и не погасила вместе с жизнью пламень его отваги, Сэм со всей силы хлестнул светлой сталью эльфийского клинка по брюху. К сожалению, у Шелобы не было, как у драконов, незащищенных мест на теле. За многие века ее гниющая кожа покрылась бесформенными наростами, которые почти слились в новый толстый слой. Меч надрезал его, но толстые складки вряд ли мог пробить обычный удар, даже нанесенный рукой Берена или Турина оружием, кованным в гномьих или эльфийских кузницах. Шелоба лишь вздрогнула и закачалась, приподняв выше зловонный мешок. Из царапины закапала ядовитая пена. А тварь раздвинула ноги и опустила брюхо, чтобы сокрушить смельчака. Но поспешила. Ибо Сэм еще стоял на ногах и, отбросив свой мечик, двумя руками держал острием вверх эльфийский меч хозяина, надеясь если не пробить паучью шкуру, то хоть оттолкнуться от нее. Вряд ли бы ему самому это удалось, но Шелоба, желая его раздавить, опустила брюхо резко, направив на ничтожного врага всю силу своей зловредной воли, и сама накололась на острие. Придавливаемый хоббит жался к земле, а меч все глубже входил в рану.

Никогда за многие века подлой жизни Шелоба не чувствовала такой боли и не представляла себе, что можно так страдать. Ни храбрейшие воины древнего Гондора, ни самые дикие орки, попадавшие в ее сети, не пронзали острой сталью самое нежное место, предмет ее всяческих забот. Дрожь прошла по телу паучихи. Снова подняв брюхо, пытаясь избавиться от боли, она подогнула ноги и конвульсивным прыжком отскочила в сторону.

Сэм упал на колени подле Фродо. Он чуть не лишился чувств от мерзкого смрада и ядовитой пены, брызнувшей на него, но продолжал сжимать меч обеими руками. Хозяина он видел смутно, как сквозь туман, и изо всех сил боролся с собственной слабостью, чтобы не упасть, не даться в лапы жуткому чудищу. Подняв голову, он видел, что Шелоба отодвинулась всего на несколько шагов и пристально за ним наблюдает. С ее жвала капал яд, из пробитого глаза сочилась зеленая сукровица. Трясущимся брюхом она прильнула к земле, сложив ноги в коленях. Паучиха готовилась к прыжку, чтобы любой ценой сразу разделаться с противником. Обычно она впускала в свою жертву только малую дозу яда, чтобы парализовать его, но сейчас ею овладело

желание убить и рвать на куски мертвого врага.

Сэм видел в ее глазах неминуемую смерть.

И тут в его мозгу засветилась мысль, будто пришедшая извне, из дальнего далека. Он услышал чужой и странный голос без слов, который подсказывал ему, что надо делать. Сунув левую руку за пазуху, он вынул то, что искал: холодную твердую каплю стеклянного флакончика, единственную надежную вещь в мире ужаса.

— Галадриэль! — шепнул он слабым голосом, и услышал дальние-дальние, чистые и выразительные голоса, песню эльфов под звездами в лесах милого Хоббитшира и музыку в Каминном Зале Элронда:

Гилтониэль! А Элберет!..

И тут его собственный голос вдруг обрел свободу, и он прокричал эльфийское заклинание на языке, который был ему мил, но чужд, он и сам не знал, откуда взялись эти слова и как он их запомнил:

А Элберет! Гилтониэль,
О менел палан-дириэль,
Ле наллон си ди нгурутос!
А тиро нин, Фануилос!

С этим заклинанием он поднялся на ноги и снова стал собой, хоббитом Сэммиусом сыном Хэмфаста.

— А ну, иди сюда, скотина бессовестная! — закричал он. — Паршивка, ранила моего хозяина, ты мне за него заплатишь! Нам надо срочно идти дальше, но я с тобой сейчас расправлюсь. Иди-иди ко мне, я тебя еще пощекочу этим Жальцем!

Флакон Галадриэли вдруг разгорелся белым факелом в его руке, как будто непокоренный дух хоббита отдал ему частичку своего жара. Он сиял, как звезда, когда, падая, она рвет темноту ночи. Впервые в жизни грозный небесный огонь так палил глаза Шелобы. Его лучи нестерпимо жгли раненый глаз, множились в бесчисленных зрачках. Паучиха отступала, пытаясь отмахнуться от света, закрыться передними конечностями, ей было больно и жутко. Наконец она повернулась, двинулась вбок и, царапая когтями скалу, заковыляла на трясущихся ногах к черному входу в пещеру.

Сэм шел за ней. Он пошатывался, как пьяный, но держался. Побежденная Шелоба, скорчившись от страха, металась по камням, стараясь поскорее скрыться от хоббита. Когда она уже добрела до норы и стала втискивать внутрь тяжелое тело,

оставляя зловонный желто-зеленый след, Сэм успел еще раз рубануть мечом по ее задним лапам. Потом он в изнеможении упал на землю.

* * *

Паучиха скрылась. Ее дальнейшая судьба не является предметом нашей истории: возможно, она еще долго жила в своем логове и, окутавшись мраком, постепенно исцелилась от ран, а потом, гонимая голодом, снова начала плести сети на тропах гор Тени.

Сэм остался на поле сражения победителем, обнаружил, что горы уже сереют в предвечернем сумраке, и совсем без сил подошел к хозяину.

— Господин Фродо, хозяин! Дорогой мой хозяин! — звал он.

Фродо не отзывался и не шевелился.

Вероятно, когда он бежал, упоенный свободой, Шелоба догнала его и впрыснула ему в спину яд. Он лежал бледный, ничего не слыша и не видя.

— Хозяин! Хозяин!.. — повторял Сэм, ждал ответа и снова звал, но тщетно.

Верный слуга разрезал опутавшие Фродо веревки, приложил ухо к его груди, потом тронул его лоб и губы: Фродо не подавал никаких признаков жизни, сердце не билось, лоб был холодный. На-

прасно Сэм пытался растирать ему руки и ноги, приподнимал, гладил…

— Фродо! Господин Фродо! — просил он. — Не бросайте меня! Услышьте Сэма! Не надо уходить туда, куда я не смогу за вами пойти! Проснитесь! Дорогой мой единственный хозяин! Ну встаньте же!

* * *

Вдруг в сердце Сэма закипел гнев, он заметался по камням вокруг тела хозяина и стал яростно рубить мечом воздух, пинать камни, выкрикивать угрозы. Потом нагнулся, посмотрел в лицо Фродо и увидел серый налет смерти. Такое лицо ему показывало Зеркало Галадриэли в Лотлориэне. Тогда он увидел бледного Фродо, крепко спавшего под огромным утесом. Значит, он не спал. «Он умер, это не сон, а смерть!» — сказал себе Сэм, и ему почудилось, что этими словами он усилил действие яда. Бледность Фродо стала приобретать сине-зеленоватый оттенок.

Черное отчаяние охватило хоббита. Он скорчился на земле, спрятал лицо под серым капюшоном, ночь вошла в его сердце, и он лишился чувств.

* * *

Когда ночь отступила, Сэм открыл глаза и не понял, сколько минут или часов прошло. Сидел он на том же месте, мертвый Фродо лежал рядом. Горы не провалились, земля не рассыпалась в прах, камни были на месте.

— Что теперь делать, что делать? — воскликнул он. — Неужели все было зря?!

И вдруг он вспомнил и словно вновь услышал собственный голос и слова, прозвучавшие давным-давно, в начале пути, но осознанные только сейчас: *«Что-то я должен сделать перед концом… Я должен все пройти, хозяин, вы меня поняли?»*.

— Но что мне делать? Оставить господина Фродо без погребения, тут, среди гор, и вернуться домой? Но я должен *«все пройти»* — идти дальше. Дальше? — Он вдруг засомневался. — А Фродо? Бросить его? А его Дело? Что же…

Сэм заплакал.

Плача, он уложил тело Фродо, как полагается для вечного сна, сложил ему руки на груди, завернул в плащ, положил с одной стороны свой меч, а с другой — палку из ливифрона, подаренную Фарамиром.

— Если надо идти дальше, — сказал он вслух, — то я возьму у вас меч, хозяин, с вашего разрешения. Свой меч я положу здесь, как возле древнего короля в кургане. У вас останется прекрасная кольчуга из мифрила, дар старого господина Бильбо. А я еще возьму звездный флакон, который вы мне давали подержать, он мне очень пригодится, потому что теперь все время придется идти в темноте. Этот дар для меня чересчур хорош, Владычица Галадриэль дала его вам, но она, наверное, меня сейчас поймет и простит. А *вы* простите, хозяин? Мне ведь дальше идти надо.

Но уйти он пока еще не мог. Стоял на коленях подле Фродо, держа его руку в своих. Время шло, а он замер на месте, раздираемый сомнениями, не в силах оставить хозяина и выпустить его руку.

Сначала он пытался найти в себе силы для справедливой мести. Это одинокий путь. Если бы он сорвался с места с такой целью, гнев гнал бы его по дорогам до тех пор, пока он не нашел бы Голлума. Голлум погиб бы от его рук. Но не ради этого предпринят Поход. Ради такой цели не стоит бросать Фродо. Месть его не воскресит. Ничто его не воскресит. Лучше умереть с ним вместе. Но это тоже одинокий путь.

Сэм посмотрел на острый меч. Подумал об

оставшихся позади черных провалах, о падении в ничто. Нет, то было бы даже не бегство, а отречение от всего, и от Дела, и от печали. Не за этим Сэм ушел из дому.

— Что мне делать?! — громко крикнул он, и ему стало ясно, что он знает ответ: *«Все пройти»*. Идти дальше, где будет еще труднее. Идти одному.

«Как? Одному искать Роковые Расселины? — Он еще колебался, но решение крепло. — Значит, взять Кольцо у господина Фродо? *Мне* взять Кольцо? Но ведь Совет доверил *ему*».

Тут же пришел ответ:

«Совет дал ему не только Кольцо, но и спутников, чтобы задание было выполнено. Ты — последний из Отряда. Дело не должно погибнуть».

— Ну почему именно я? — простонал Сэм. — Почему не старина Гэндальв или еще кто-нибудь? Почему теперь все легло на меня? Я же все перепутаю! Не пристало мне носить Кольцо и набиваться на первые роли.

«Но ведь ты не набиваешься, это судьба выдвигает тебя. Ты, конечно, не знаменитость и не важная особа, но если сказать правду, ни Фродо, ни Бильбо тоже такими не были. Не они выбирали, а их…»

«Ну пусть. Решусь. Но ошибусь ведь. У Сэма

Гэмджи голова не подходит для таких дел… Надо подумать. Если меня схватят прямо здесь или найдут господина Фродо и при нем Кольцо, то оно достанется Врагу. И это будет конец всего: и Лориэна, и Райвендела, и Хоббитшира, и всего света. Тянуть с решением нельзя, так или иначе это конец. Война началась. Очень похоже, что перевес в ней пока на стороне Врага. Назад за советом я просто не проберусь. Значит, я должен сидеть тут и ждать, когда враги придут и убьют меня над телом моего господина и заберут Кольцо, либо взять его и идти с ним дальше. — Сэм глубоко вздохнул. — Выходит, я беру Кольцо».

* * *

Сэм снова склонился над Фродо, осторожным движением расстегнул застежку плаща и просунул руку под куртку. Другой рукой поднял его голову, поцеловал холодный лоб и снял с шеи цепочку. Потом снова опустил голову на землю. Спокойное лицо Фродо не дрогнуло, и это лучше всего убедило Сэма, что его хозяин на самом деле умер и уже не выполнит свое Дело.

— Прощайте, любимый хозяин! — зашептал Сэм. — И простите своего Сэма. Я вернусь, если выполню задание… если смогу его выполнить!

Тогда уже вас не покину. Спите спокойно, пока я не приду. Надеюсь, что сюда никакие твари больше не явятся. Если владычица Галадриэль меня слышит и захочет исполнить мое желание, то оно у меня одно-единственное: чтобы я мог сюда вернуться и найти хозяина! Прощайте!

Наклонив голову, Сэм надел цепочку себе на шею. В первую минуту Кольцо пригнуло его к земле, будто на цепочке висел тяжелый камень. Но постепенно тяжесть уменьшалась, или у Сэма сил прибавлялось, и наконец он поднял голову, а потом с усилием встал на ноги и убедился, что может двигаться. Он еще раз вынул флакончик Галадриэли и посмотрел на хозяина: дар Владычицы эльфов светился мягким светом, как звезда в летнюю ночь, и в этом свете лицо Фродо вновь обрело приятный цвет; оно было бледным, словно он очень долго пробыл во мраке, но эта бледность облагораживала, делала его похожим на эльфа. Унося в сердце грустное утешение от последнего взгляда, Сэм спрятал флакон и направился в густеющий сумрак.

* * *

Идти до перевала было совсем недалеко. Тоннель они преодолели, оставалось несколько сот

шагов до темного проема в гребне. Тропа хорошо просматривалась, это была веками вытоптанная колея в камнях. Потом она сужалась и переходила в низкие ступени. Когда Сэм до них дошел, башня орков оказалась прямо над ним, грозная и черная, с одним-единственным окном-глазом, которое горело красным светом. Он прошел в ее темной тени, поднялся по ступеням и оказался на перевале.

«Решение окончательное», — повторял он мысленно, но совсем прогнать сомнения не мог. Он старался рассуждать как умел разумнее, но все, что он теперь делал, вызывало в нем какое-то внутреннее сопротивление.

— Может быть, я уже путаю? — пробормотал он. — Может, надо было поступить иначе?

Почти дойдя до верхней точки перевала, где справа и слева сдвигались каменные стены, хоббит посмотрел вперед, на дорогу в Край, который нельзя называть, а потом еще раз обернулся назад. Он увидел выход из туннеля, как маленькое темное пятно, и ему даже показалось, что он различает место, где лежит Фродо, — вон там на земле что-то светится. А мог случайный свет блеснуть в навернувшихся слезах при последнем взгляде на площадку, где разбилась его жизнь.

— Хоть бы исполнилось мое единственное желание! — вздохнул он. — Если бы я смог вернуться и найти Фродо…

Потом он повернулся к ожидавшей его дороге и сделал вперед несколько шагов — самых трудных в его жизни.

* * *

Всего несколько шагов — ну, еще совсем немного, — и он уже никогда не увидит серую площадку над обрывом… Вдруг он остановился как вкопанный, услышав совсем близко голоса и резкие крики. Орки! Хриплый вой, топот сапог, окрики раздавались впереди и сзади него. Отряд орков шел к перевалу из-за гребня, возможно, от скрытого за ним выхода из башни. Сэм резко повернулся туда — и увидел факелы. Там орки выходили из туннеля. Значит, окно башни не было слепым. Это охота. Он понял, что погиб.

Факелы приближались быстро. Звенело оружие. Сейчас они подойдут и его схватят. Слишком долго он раздумывал, теперь все пропало. Как же спастись самому и сохранить Кольцо? Кольцо! Сэм не мог принять никакого сознательного решения, мысли улетучились; сам не зная как, он снял с шеи Кольцо на цепочке и взял его в руку.

Тут же на перевале показались первые ряды орков. Тогда Сэм надел Кольцо.

* * *

Мир сразу изменился. В мозгу хоббита в одно мгновение пронеслись забытые мысли, которых хватило бы на час. Слух у него обострился, а зрение помутнело, но не так, как в пещере Шелобы. Все вокруг стало не темным, а расплывчатым. Он стоял в серой мгле, сам как маленький черный камень, а Кольцо на пальце левой руки горело раскаленным золотом. Сэм чувствовал себя не невидимым, а непонятно и неприятно отстраненным. И понял, что где-то насторожился ищущий его Глаз.

Услышал треск рассыпающихся в прах камней, шелест воды в далекой долине Моргул и скрипучий скулеж несчастной Шелобы, натыкающейся вслепую на стены туннеля. До него доходили голоса из подвалов башни, выкрики выходящих из туннеля орков. А топот, крики, вой и лязг оружия тех, кто подходил из-за гор, стали вдруг такими громкими, что он чуть не оглох. Хоббит прижался к камням. Орки приближались, как недавно призраки в Моргульской долине, — серые искаженные силуэты с блед-

ными лохматыми факелами, они тоже казались привидениями. Когда они поравнялись с ним, Сэм вжался в скалу, мечтая о щели, в которую можно было бы забиться, и слушал, боясь, что уши лопнут.

Отряды встретились. Орки с криком бросились друг к другу. Может быть, Кольцо помогало понимать разные языки, а может, лишь читало мысли слуг своего создателя, но Сэм не только слышал, а и понимал их речь. Попав в такую близость от места, из которого оно происходило, Кольцо, по-видимому, входило в силу, но еще не могло придать храбрости тому, кто его надел. Поэтому Сэм мечтал лишь о том, чтобы спрятаться, затаиться и подождать, пока снова не настанут тишина и покой, и тревожно напрягал слух. Он не мог определить, с какого расстояния доходят голоса, которые он слышит, ему казалось, что голоса эти звучат у него в ушах.

* * *

— Хей, Горбаг, чего тебе наверху понадобилось? Война надоела?

— Приказ, дурень. А ты почему здесь, Шаграт? Надоело сидеть в башне, погулять захотелось?

— Тебя погонять! Я здесь перевалом командую.

Так что будь повежливей. Что у тебя в донесении?

— Ничего.

— Хей! Хей! Гой! — вопли и брань прервали разговор командиров.

Орки, вышедшие из туннеля, что-то заметили и побежали к скале. Остальные ринулись туда же.

— Хей! Ого! Тут на дороге что-то лежит. Шпион! Шпион!

Задудели рога, поднялся дикий шум и вой.

* * *

Словно гром прогремел над Сэмом. Орки заметили Фродо. Что они с ним сделают? Он много раз слышал об орках такое, от чего кровь застывала в жилах. Нет, этого нельзя допустить! Сэм молниеносно выбросил из головы все решения, задания и вместе с ними страхи и сомнения. Сейчас он знал, что его место — рядом с любимым хозяином, хотя не имел понятия, что он может там сделать. Он быстро побежал по ступеням и вернулся на тропу, ведущую вниз.

«Сколько их? — думал он. — Тридцать-сорок в отряде, вышедшем из башни, и еще больше в том, который возле туннеля. Сколько я смогу положить прежде, чем меня возьмут? Если вытащить

меч из ножен, он загорится, его увидят и рано или поздно меня достанут. Интересно, потом кто-нибудь сложит песню о том, как Сэммиус погиб на перевале, укладывая курган из неприятельских тел вокруг останков своего господина? Нет, не будет песни. Ясно, не будет. Орки найдут Кольцо, и в мире не станет никаких песен. Но не могу я иначе! Мое место — возле хозяина. Они должны понять: Элронд, и весь Совет, и все Мудрые. Их план не удался. Я не гожусь в Носители Кольца. Без господина Фродо я ни на что не гожусь».

* * *

Тем временем орки исчезли из его затуманенных глаз. До сих пор Сэм не замечал усталости, а тут вдруг почувствовал, что находится на пределе своих сил. Ноги отказывались слушаться. Он двигался так медленно, что ему казалось, будто тропа перед ним вытянулась на много миль. Куда они все подевались в этом тумане?

Вскоре он снова их увидел, но до них было еще далеко. Целая куча их собралась вокруг лежащего на земле тела. Несколько орков побежали во все стороны, как псы, нюхая следы. Сэм тщетно пытался ускорить шаг.

«Скорее, Сэм, — уговаривал он себя, — а то ты

опять опоздаешь!»

Он шевельнул меч в ножнах. Через минуту он его достанет и тогда… Раздался дикий вой, потом смех и возгласы: орки поднимали тело с земли.

— Йа-хой! Йа-хорри-гой! Давай!

Потом властный голос крикнул:

— Теперь марш! Несите кратчайшей дорогой назад, к нижнему входу в башню. Сегодня, похоже, Она нам мешать не будет.

Орки всей бандой двинулись с места. В середине четверо несли на плечах тело Фродо.

— Йа-хей!

* * *

Они забрали Фродо. Унесли. Ушли. Сэм не смог их настичь. Он с трудом плелся далеко позади, а они уже входили в подземелье: четверо с телом хоббита впереди, остальные за ними. Строй сломался, орки бестолково толклись у входа. Сэм брел вперед. Он достал меч из ножен, и меч в его дрожащей руке засветился голубым пламенем, но орки его не увидели. Когда, выбиваясь из сил, Сэм дошел до туннеля, последний орк уже скрылся в черной дыре.

Сначала Сэм стоял, тяжело дыша, схватившись рукой за сердце. Потом стал размазывать рукавом

по лицу пыль, пот и слезы.

— Бандиты проклятые! — тонко вскрикнул он наконец и нырнул в темноту за ними вслед.

* * *

На этот раз пещерная тьма не показалась ему такой непроглядной, как раньше; просто из сумерек он попал в полумрак. С каждой минутой росла усталость, но вместе с ней и упорство.

Факелы будто были совсем рядом, а он, как ни напрягался, не мог их догнать. Орки очень ловко передвигаются по подземельям, а этот туннель они хорошо знали, потому что несмотря на страх перед Шелобой, были вынуждены им пользоваться как кратчайшей дорогой из мертвого города через горы. Не ведая, когда в незапамятные времена в дикой скале был вырублен Главный туннель с большой круглой норой, в которой поселилась Шелоба, они сами прорыли множество ходов и выходов в разные стороны, чтобы спасаться от паучихи, когда приказ начальников гнал их через ее логово. И сейчас они не собирались заходить в глубь горы, а поспешили в боковой ход, который вел к сторожевой башне на скале. Большинство радовалось и ликовало по поводу находки, как это водится у негодяев. Сэм

слышал приглушенный подземельем гул голосов и отдельные хриплые выкрики, и снова различил два голоса, которые, как ему показалось, звучали ближе к нему, чем остальные. Это командиры встретившихся отрядов, приотстав от солдат, переговаривались на ходу.

— Ты можешь заставить своих босяков заткнуться, Шаграт? — возмущался первый голос. — Нам только Шелобы сейчас не хватает.

— Спокойно, Горбаг. Твои орут не меньше, — ответил другой голос. — Пусть парни потешатся. Сейчас, я думаю, Шелобы бояться нечего, она, похоже, села на гвоздь. Плакать по этому случаю мы не будем! Ты что, не заметил, как вся дорога до ее проклятой норы позеленела от того, что из нее вытекло? Пусть хохочут. Нам повезло, мы нашли то, что ждут в Лугбурзе.

— Разве в Лугбурзе такое нужно? Кто он? На эльфа похож, да мал, как козявка. Неужели этот уродец может быть опасен?

— Там разберутся.

— Ага, значит, тебе даже точно не сказали, кого искать? Нам никогда всего не говорят. Мы не знаем и половины того, что известно начальникам. А они иногда сами ошибаются даже там, наверху.

— Тише, Горбаг! — Шаграт понизил голос так,

что Сэм даже обостренным слухом еле-еле слышал. — Может быть, они и ошибаются, но у них везде глаза и уши, голову наотрез даю, что среди моих солдат этих ушей тоже хватает. Одно знаю точно, что там наверху чем-то обеспокоены. Ты говоришь, что Назгул тоже в тревоге, как и весь Лугбурз. А этот от нас чуть не ускользнул.

— Чуть не ускользнул, говоришь? — повторил Горбаг.

— Да, но об этом мы поговорим потом, — ответил Шаграт. — Подожди, пока выйдем в нижнюю галерею, там есть уголок, где можно спокойно побеседовать, пропустив парней вперед.

Вскоре факелы скрылись. Потом что-то покатилось, но Сэм, подбежав, услышал только глухой стук и эхо от него. Он понял, что орки повернули и пошли тем боковым ходом, на который хоббиты наткнулись по дороге, но куда не смогли попасть. А орки прошли. Ход уже снова был закрыт. Огромный камень, которым он был завален, стоял на месте, голоса удалялись.

Сэм пришел в отчаяние. Проклятые бандиты бежали в башню, унося тело его хозяина, явно с подлыми намерениями, а он даже не мог их догнать. Хоббит попытался сдвинуть камень, но это оказалось ему не под силу. И вдруг совсем

близко, с той стороны от камня зазвучали голоса двух начальников, продолжавших разговор. Сэм замер и напряг слух, надеясь узнать что-нибудь полезное. Кроме того, он подумал, что Горбаг, командовавший отрядом из крепости Минас Моргул, возможно, будет возвращаться и откроет проход.

— Не знаю, — говорил Горбаг. — Вообще-то, вести доходят быстрее, чем птица летит. Я не спрашивал, как это выходит: безопаснее не спрашивать. Бр-р! Мурашки по телу идут, когда видишь назгула. Как посмотрит на тебя, так взглядом словно мясо с костей сдирает, и сразу тебе и темно, и холодно, будто коченеешь на том свете. Но жаловаться нельзя. Сам их любит, они его баловни. Я тебе скажу, что служба в нашей крепости — горький кусок хлеба.

— Попробовал бы ты пожить тут, в компании с Шелобой! — возразил Шаграт.

— Я бы хотел оказаться подальше и от нее, и от назгулов. Но сейчас война, может быть, потом станет легче.

— Говорят, что война удачная.

— Много чего говорят, — буркнул Горбаг. — Посмотрим. Во всяком случае, если все хорошо пойдет, нам будет больше места на земле. Как

ты думаешь, если повезет, стоило бы нам тихо смыться отсюда, взять несколько надежных ребят и поселиться где-нибудь, где найдется легкая добыча и не будет начальников на шее?

— Ха! — сказал Шаграт. — Вспомнили бы молодость.

— Конечно. Только раньше времени не радуйся. Что-то мне неспокойно. Как я уже говорил, даже там, на самом верху, — Горбаг опять снизил голос до шепота, — да, даже там могут ошибаться. Ты сказал, что кто-то от нас чуть не ускользнул. А я тебе говорю, что он-таки *смылся*, и теперь его искать надо. Когда дело доходит до самой трудной работы и надо исправлять чьи-то ошибки, всегда гонят бедных урук, и никто даже спасибо не скажет. Еще не забывай, что враги нас ненавидят не меньше, чем Его, и если они победят, нам конец. Ну-ка, скажи, когда тебе дали приказ выводить отряд на перевал?

— За час перед тем, как мы встретились. Прислали известие: *«Назгул встревожен. Опасность шпионов на Ступенях. Удвоить бдительность. Выслать отряд»*. Я сразу же и вышел.

— Паршиво, — произнес Горбаг. — Я точно знаю, что наши Молчащие стражи насторожились уже два дня назад, если не раньше. Но меня с

патрулем отправили только вчера, а в Лугбурз не послали ни одного донесения. Может быть, потому, что на мачте поднят сигнал Большой Тревоги и Верховный назгул выступил на войну, и так далее. Я слыхал, что Лугбурз от нас в последнее время отмахивается.

— Наверное, Глаз был занят чем-то другим, — предположил Шаграт. — Говорят, что на западе происходят важные события.

— Еще какие! — ответил Горбаг. — А враги тем временем на Ступени пробрались. Что ты делал в своей башне? Ты должен стеречь перевал, не ожидая приказов. Так ведь?

— Отстань. Не учи меня. Мы в башне не спали, мы знали, что происходит что-то странное.

— Да ну?

— Даже очень странное: яркий свет и крики. Но тут Шелоба вылезла. Мои ребята видели ее и заметили ее Гаденыша.

— Какого еще Гаденыша?

— Может, ты его тоже видел: такой маленький, черный, худой, немного похожий на паука, но больше на голодную лягушку. Он у нас раньше бывал. Много лет назад он *вышел из* Лугбурза, а мы получили приказ начальства его пропустить. Потом он пару раз возвращался на Ступени, но

мы его не трогали: у него, видно, был договор с Ее Вредностью. Наверное, он не годится в пишу, Шелобе ведь плевать на наше начальство и его приказы. Ну и часовые у вас в долине! Гаденыш здесь был еще за день до того, как подняли шум. Вчера под вечер его тоже здесь видели. Мои разведчики донесли, что Ее Вредность ждет гостей и там готовится забава. Я решил, что все в порядке, а тут приказ сверху. Я-то думал, что Гаденыш постарался доставить ей развлечение или снизу прислали в подарок военнопленного. Ну, что-то в этом роде. В ее дела лучше не вмешиваться. Когда Шелоба охотится, никто живым из туннеля не уйдет.

— Ты так думал? У вас что, глаз нет? Я тебе повторяю: здесь стало очень неспокойно. Не знаю, что это за тип, но он быстро прошел Ступени, вылез *живым* из туннеля и удрал у Шелобы из-под носа. Вышел из пещеры, разрубив паутину. Есть над чем голову поломать.

— Но она все-таки до него добралась.

— *Добралась*? До *кого*? До этого малявки? Если бы кроме него здесь никого не было, она бы его сразу затащила в свою кладовку и там оставила. По приказу из Лугбурза ты бы его оттуда доставал. Вряд ли кто стал бы тебе тогда завидовать! Но он

был здесь не один.

Тут Сэм очень заинтересовался разговором и прижал ухо к камню.

— Как ты думаешь, Шаграт, кто перерезал путы, которыми его Шелоба обмотала? Тот же самый, кто загнал ее назад в пещеру, разве не ясно? Кто проткнул ей брюхо? Конечно, он же. А куда он девался? Скажи, где он, а, Шаграт?

Шаграт не ответил.

— Так шевели мозгами, если они у тебя есть! Это не шутки. Ты не хуже меня знаешь, что пока *никому* не удавалось вогнать гвоздь Шелобе в шкуру. Я, конечно, не собираюсь ей сочувствовать, но это значит, что рядом бродит враг пострашнее всех бунтовщиков, которые со времен Великой Осады появлялись у наших границ. Кто-то от нас *ускользнул*!

— Но кто? — почти застонал Шаграт.

— Судя по приметам, капитан Шаграт, это великий воин, верней всего эльф, во всяком случае, меч у него эльфийский, а может, и топор есть. И он цел и невредим, гуляет по местам, которые ты сторожишь, а ты его даже не заметил. Вот что странно!

Горбаг сплюнул, а Сэм невесело усмехнулся, слушая, как его расписывают.

— Ты всегда все видишь в черном свете, — сказал Шаграт — Приметы можно толковать по-разному, и так, как ты, и совсем иначе. Караулы я везде расставил и со временем во всем разберусь. Сейчас надо заняться тем непрошеным гостем, которого *поймали*, а потом позаботимся о других.

— Если я не ошибаюсь, толку от этого малявки будет немного, — сказал Горбаг. — Может быть, он вовсе не связан с этим делом. Силач с мечом, наверное, не очень им интересовался, раз оставил без внимания под скалой. Эльфийские штучки!

— Посмотрим. А сейчас пошли, мы уже долго болтаем. Займемся лучше пленником.

— Что ты собираешься с ним делать? Ты не забывай, что я первый его увидел: если хочешь с ним поиграть, то мы с ребятами тоже примем участие.

— Успокойся, — отмахнулся Шаграт. — У меня точный приказ. За нарушение я отвечу собственной шкурой и твоей тоже. *Каждого* чужака полагается живым доставить в башню. Пленника надо обыскать, все содрать. Подробное описание всех предметов, одежды, вооружения, бумаг, колец и украшений немедленно отправить в Лугбурз и *только* туда. Самого пленника *не трогать*

под угрозой смерти, за его сохранность все стражники отвечают головой. Держать его следует до тех пор, пока за ним не пришлют или не приедут лично. Приказ ясен, и я его выполню.

— Говоришь, содрать? — спросил Горбаг. — А волосы там, ногти, пару зубов?

— Нет. Тебе же сказано, что пленник принадлежит Лугбурзу. Надо доставить его туда целым и невредимым.

— Трудновато будет, — рассмеялся Горбаг. — Это же холодный труп. Понятия не имею, что в Лугбурзе смогут с ним сделать. Разве что в котле разогреют.

— Дурак! — ответил Шаграт. — Думаешь, что умный, а не знаешь того, что каждому орку известно. К Шелобе на обед попадешь, если будешь таким растяпой. Труп! Ты не слышал про хитрости Ее Вредности? Когда она связывает жертву, это значит, что потом съест. А Шелоба не ест трупов, пьет только живую кровь. Этот уродец жив-живехонек!

* * *

Сэм пошатнулся и оперся о камень. Ему показалось, что весь мир вокруг него зашатался. Удар был так силен, что хоббит чуть не потерял

сознание. Пытаясь справиться со слабостью, он заговорил сам с собой:

«Ах, Сэм, глупец, тебе же сердце подсказывало, что он жив, а ты поверил, что он умер. Никогда не доверяй больше своей голове, это самая неудачная часть твоего тела! Все потому, что ты потерял надежду. Что же теперь делать? В данную минуту ничего, потому что сейчас ты только можешь покрепче опереться о камень и еще послушать их поганые голоса».

* * *

— Ну да! — продолжал Шаграт. — У Шелобы есть разные яды. Когда она охотится, то обычно ткнет разок жвалом добыче в спину, и этого хватает, чтобы все живое обмякло, как рыба, если из нее хребет вытащить. Тогда с ним можно делать все, что хочешь. Помнишь старого Уфтака? Он пропал и много дней не возвращался, а потом мы его нашли в углу пещеры, он там висел, был еще жив и глаза таращил. Смех, да и только! Шелоба про него, наверное, забыла, но мы решили его не трогать, чтобы с ней не связываться. Этот малявка через несколько часов проснется, ну разве что его стошнит разок. Будет здоров, пока им в Лугбурзе не займутся. Только не поймет, куда попал и что

с ним случилось.

— И не догадается, что его ждет! — засмеялся Горбаг. — Если больше ничего нельзя, давай ему хоть расскажем пару историй на эту тему. Не приходилось ему еще, наверное, бывать в прекрасном Лугбурзе, может, захочет представить себе, что с ним сделают. Это веселее, чем я сначала думал. Пошли!

— Могу тебе сказать, что никаких развлечений не будет! — ответил Шаграт. — Если у пленника волос с головы упадет, мы оба потеряем головы.

— Ну ладно. Но я на твоем месте попробовал бы поймать улизнувшего силача, прежде чем посылать рапорт в Лугбурз. Нечем хвалиться, поймав котенка и упустив кошку.

* * *

Голоса удалялись. Сэм слышал затихающий топот ног. Ошеломление прошло, и его охватила бешеная ярость.

— Я все спутал! — кричал он. — Я знал, что так будет. Теперь Фродо схватили, он в лапах проклятых бандитов! Гады! Никогда, никогда слуга не должен бросать господина! Я нарушил это правило. Сердце мое чувствовало, что так будет. Простит ли меня хозяин? Его надо спасать.

Так или иначе я должен его выручить! Так или иначе!

Сэм снова достал меч и попробовал толкать камень рукоятью, но камень только глухо охнул и с места не сдвинулся. Однако лезвие меча так ярко засветилось, что хоббит смог лучше осмотреться. С удивлением он заметил, что камень имеет форму тяжелой двери, в два раза выше его самого. Между верхним краем камня и низким потолком пещеры была широкая щель. Дверь, наверное, спасала орков от Шелобы и изнутри была заперта на засовы, которые при всей своей хитрости паучиха не могла ни достать, ни отворить. Собрав остаток сил, Сэм подпрыгнул, ухватился за край камня, подтянулся, влез на него и кое-как протиснулся на другую сторону. Там он спрыгнул на пол, потом со сверкающим обнаженным мечом в руке бросился бежать вперед по коридору.

Известие, что его хозяин жив, прибавило ему сил и заставило забыть об усталости. Дороги перед собой он не видел, ход все время изгибался и поворачивал; куда он ведет, хоббит не знал, но ему показалось, что он почти догоняет двух орков, потому что их голоса опять слышались — очень близко и ясно.

* * *

— Так и сделаю, — говорил Шаграт сердито. — Сразу запру его в самой верхней камере.

— Чего ради? — спросил Горбаг. — Тебе подвалов мало?

— Я же сказал, что его беречь надо, — ответил Шаграт. — Тебе что, не ясно? Это ценный пленник. Я не верю ни твоим, ни своим парням, ни тебе, потому что ты чересчур любишь развлечения. И я его посажу там, где хочу, и куда ты до него не доберешься, даже если тебе очень захочется. На самом верху, там надежнее.

«Да ну? — подумал Сэм. — Ты забыл о большом силаче, об эльфе, который гуляет поблизости!»

И он бегом завернул за ближайший поворот, но — увы! — убедился лишь в том, что его подвел хитро построенный туннель либо обостренный благодаря Кольцу слух, и в оценке расстояния он ошибся.

Два орка были далеко впереди. Он видел их черные силуэты на красноватом фоне. Коридор наконец выпрямился, он кончался двустворчатой медной дверью, ведущей, похоже, под башню, в подвалы. Четверо орков с пленником уже в нее вошли. Горбаг и Шаграт подходили. Грянула

хриплая песня, заиграли рога, зазвенел гонг, пещера гудела от дикого гама. Горбаг и Шаграт переступили порог. Сэм вопил и размахивал Жалом, но его слабый голос потонул в общем шуме. Никто его не заметил.

Створки с лязгом захлопнулись. Бам-м-м! Задвинулись железные засовы. Все! Сэм с разгона налетел на медную дверь, упал и, лишившись чувств, остался лежать во мраке перед закрытым входом.

Фродо был жив, но был пленником Врага.

Возвращение короля

Летопись пятая
Глава первая. Минас Тирит

Пипин выглянул из складок плаща Гэндальва. Он еще не понял, на самом ли деле проснулся или остается в быстронесущемся сне, не отпускавшем его почти всю дорогу. Огромный темный мир куда-то мчался, а ветер громко гудел в ушах. Видны были лишь плывущие по небу звезды и громады южных гор справа, уходящие в даль медленным полукругом. Хоббит попробовал определить время и вспомнить, что он видел в пути, но спросонья не смог.

Смутно помнилась ночная скачка во весь дух, а потом на рассвете тусклый блеск золота и молчащий город… большой пустой дом на холме. Не успели они войти в этот дом, как над ними снова пролетела крылатая тень, и люди пригнулись от страха. Гэндальв что-то ласково сказал ему тогда, и Пипин уснул в уголке, но спал беспокойно, сквозь сон слыша шаги и разговоры, команды Гэндальва, и снова шаги приходивших и уходивших людей. Потом они опять поскакали во тьме. Это была уже вторая… нет, третья ночь после

плохого приключения с палантиром. От жуткого воспоминания Пипин проснулся окончательно. В шуме ветра слышалась угроза.

По небу расходился желтоватый отсвет, будто что-то разгоралось за черным валом восточных гор. Пипин испуганно съежился, спрашивая себя, в какое зловещее место везет его Гэндальв. Потом протер глаза и понял, что это всего лишь луна, уже почти полная, встает над темным востоком. Значит, ночь только началась, еще много часов придется ехать. Хоббит пошевелился и спросил:

— Где мы, Гэндальв?

— В королевстве Гондор, — ответил маг. — Пока едем через Анориэн.

Некоторое время оба молчали. Потом вдруг Пипин судорожно вцепился в плащ Гэндальва.

— Что это? Смотри! — закричал он. — Огонь! Красный огонь! В этой стране живут драконы? Вон еще!

Вместо ответа Гэндальв громко крикнул коню:

— Скачи, Серосвет, надо спешить, время не ждет! Видишь, горят сигнальные костры, это война. Гондор просит помощи. Смотри: костры на Амон Дине, на Эйленахе, а еще дальше, в стороне, загорелись Нардол, Эрелас, Мин Риммон, Каленхед и Халифириэн на границе с Роханом.

Но Серосвет вдруг замедлил бег и перешел на шаг, а потом поднял голову и заржал. Из темноты ему ответило ржание других лошадей, раздался топот копыт, три всадника вынырнули из темноты в полосу лунного света, промчались на запад и скрылись в ночи, как летучие призраки. Только после этого Серосвет рванулся вперед и поскакал так, что ночь вокруг загудела.

Пипину снова захотелось спать, и он не очень внимательно слушал, что рассказывал ему Гэндальв о гондорских обычаях. Понял он только, что по приказу здешнего правителя на вершинах гор и холмов вдоль границ на большом расстоянии друг от друга всегда готовы костры и оседланные лошади, и часовые в любую минуту могут зажечь сигнальный огонь и послать гонцов на север в Рохан или на юг в Белфалас.

— Давно их не зажигали, — сказал Гэндальв. — В древние времена гондорцам это не было нужно, потому что у них было семь палантиров. — При этих словах Пипин беспокойно заерзал, но Гэндальв тут же добавил: — Спи и ничего не бойся. Ты едешь не в Мордор, как Фродо, а всего лишь в Минас Тирит, и там будешь в безопасности настолько, насколько это вообще возможно в наше время. Если Гондор падет или Кольцо достанется

Врагу, то даже Хоббитшир перестанет быть надежным убежищем.

— Нашел, чем успокоить! — пробурчал Пипин и, прежде чем окончательно провалиться в сон, увидел белые вершины, как светящиеся острова в море облаков, и луну над ними, и успел задать самому себе вопрос, добрался ли Фродо до Мордора и жив ли. И неведомо ему было, что Фродо в дальних горах в этот час смотрит на ту же луну, плывущую над Гондором перед рассветом нового дня.

* * *

Разбудил Пипина шум голосов и стук железа о камень. Значит, прошли еще сутки — день в укрытии и ночь в дороге. Начинался рассвет, похолодало, по земле стелился промозглый серый туман. От разгоряченного Серосвета шел пар, но он гордо выгибал шею и не выказывал усталости. Вокруг стояли рослые люди в плотных плащах, а за ними была каменная стена. Стена в нескольких местах обвалилась, и возле нее, несмотря на раннюю пору, трудились мастеровые. Слышен был спешный стук молотков, звон долот, шуршали мастерки, скрипели колеса. В тумане посвечивали фонари и факелы. Гэндальв разговаривал с

обступившими его людьми, и, прислушавшись, Пипин понял, что речь идет о нем.

— Тебя мы знаем, ты Мифрандир, — говорил один, вероятно, старший. — Кроме того, тебе известен пароль Семи ворот, значит, можешь свободно проезжать. Но твой спутник для нас чужак. Кто он? Гном с северных гор? В такое время из всех чужеземцев мы пускаем в свою страну лишь мужественных и верных воинов, от которых можно ждать помощи.

— Я поручусь за него перед Дэнетором, — ответил Гэндальв. — Что касается мужества, то его не ростом меряют. У моего друга за плечами больше битв и опасностей, чем у тебя, Ингольд, хотя ты в два раза выше его. Он едет прямо со штурма Исенгарда. Мы несем оттуда вести. Он очень устал, поэтому я не хочу его будить. Его имя — Перегрин, это доблестный муж.

— Муж? — с сомнением произнес Ингольд, а другие засмеялись.

— Муж! — крикнул Пипин, сбрасывая сон. — Не давайте Гэндальву вас дурачить! Никакой я не муж, хоббит я, а не человек, и значит, не воин, — но если нельзя иначе, приходится воевать.

— Ни один воин не представился бы лучше, — сказал Ингольд. — Что это такое — хоббит?

— Полуростик, — ответил Гэндальв и, заметив, как при этом слове изменились лица вокруг, добавил: — Нет, не тот, а его соотечественник.

— И спутник, — вмешался Пипин. — Еще с нами был ваш земляк Боромир; сначала он меня спас в снегах на севере, а потом защищал от множества врагов, и его убили.

— Молчи! — прервал его Гэндальв. — Эту печальную весть первым должен узнать его отец.

— Здесь уже обо всем догадались, — ответил Ингольд, — ибо были нам дивные знаки в последнее время. Раз так, спешите в город. Повелитель Минас Тирита захочет поскорее выслушать того, кто принесет ему прощальные вести о сыне, пусть это даже не человек, а…

— Хоббит, — произнес Пипин. — Я немногим смогу помочь вашему повелителю, но в память о храбром Боромире сделаю все, что в моих силах.

— Путь добрый, — сказал Ингольд, и люди расступились, освобождая Серосвету дорогу к узким воротам, открывшимся в стене. — Поддержи Дэнетора и всех нас добрым советом в тяжкую минуту, Мифрандир! Хотя говорят, что ты приносишь одни печальные и грозные вести.

— Это потому, что я прихожу редко и лишь когда нужна моя помощь, — ответил Гэндальв. —

Если хочешь выслушать мой совет, то я думаю, что уже поздно браться за починку стен вокруг Пеленнора. Грядет большая буря, и лучшей защитой будет ваша храбрость и надежда, которую я несу. Ибо у меня не только плохие вести. Бросайте молотки, пора точить мечи!

— Здесь мы к вечеру работу закончим, — сказал Ингольд. — Это последний участок, и он меньше остальных будет нужен в обороне, потому что выходит на безопасную дорогу в дружественный Рохан. Ты знаешь что-нибудь о рохирримах? Они откликнутся на наш призыв? Как думаешь, придут?

— Да, придут. Но они выдержали не одну битву в последнее время. И эта дорога, как и все остальные, уже не безопасна. Будьте бдительны! Если бы не ворон-Гэндальв, приносящий плохие вести, вы бы уже видели, как через Анориэн вместо рохирримов сюда идут вражеские отряды. Может быть, так и будет, причем очень скоро. Прощайте и не проспите!

Гэндальв въехал на широкую полосу земли за Раммас Экор — так гондорцы называли наружную стену, на возведение которой ушло немало труда. Ее построили, когда Итилиэн оказался под черной Тенью вражьей воли. Стена, не меньше

десяти гонов в длину, описывала широкую дугу вокруг полей Пеленнора, отходя от гор и к ним возвращаясь. На полях и террасах предгорий раскинулись над Андуином богатые и живописные пригороды. Расстояние от Больших ворот столицы до самого дальнего северо-восточного участка стены равнялось четырем гонам. Там стена была особенно толстой и высокой, поднималась, как мощная крепость на обрывистом холме над узкой полосой приречной равнины. Рядом с ней была насыпана дамба, по которой от мостов и бродов Осгилиата через укрепленные ворота со сторожевыми башнями в Минас Тирит вела хорошая дорога. На юге и юго-востоке от города до стены было не больше гона; стена там подходила близко, потому что Андуин, огибая крутой петлей горы Эмин Арнен в Южном Итилиэне, резко сворачивал на запад, и стена строилась почти по берегу реки. За ней тянулись набережные и причалы для судов, прибывавших вверх по течению из южных провинций. Гавань называлась Арлонд.

Пригороды столицы утопали в зелени садов, во дворах стояли крепкие амбары, сушильни для хмеля, овчарни, коровники; вдоль дорог с гор в Андуин сбегали бесчисленные ручьи.

Но в пригородах обитало сравнительно немного народу, только пастухи и земледельцы; большинство гондорцев жили на семи ярусах столицы, в высокогорных долинах, в провинции Лосарнак и дальше, в красивом Лебенине, по берегам пяти быстрых рек. Там между горами и морем поселилось племя сильных людей, в чьих жилах текла смешанная кровь. Некоторые из них были смуглы и коренасты, вели свое происхождение от давно забытого народа, ушедшего в горы во время Великой Тьмы. А еще дальше, в ленных владениях Белфалас в замке Дол Амрот над морем правил потомок старинного рода князь Имрахил; у всех его родичей глаза были серо-зеленые, как морская вода, и они отличались гордой осанкой и высоким ростом.

Пока Гэндальв ехал к городу, совсем рассвело, и Пипин, окончательно проснувшись, смотрел вокруг во все глаза. Слева клубящееся море туманов кончалось мрачными тенями восточных гор; справа обрывались Белые горы. Река спокойно текла между ними, будто еще при создании мира раздвинула хребты и выгладила обширную равнину, которой суждено было стать полем сражений и предметом раздоров. В конце хребта Эред Нимрас Пипин увидел обещанную Гэндальвом

белоглавую стрельчатую вершину, вставшую из глубоких фиолетовых теней, — гору Миндоллуин. На выступившем в долину отроге был построен город, Сторожевая Крепость, окруженная семью каменными стенами, такими древними и мощными, что казалось, будто не люди их строили, а великаны вырубили из костей земли.

Пипин изумленно таращил глаза, а серые стены вдруг побелели и порозовели в свете утренней зари, потом из-за гор Тени вышло солнце и бросило на город пучок ярких лучей. Хоббит вскрикнул от восторга, когда башня Эктелиона, венчающая последнее верхнее кольцо стен, засверкала на фоне голубого неба, как серебряная игла, украшенная жемчугами, — высокая, стройная, красивая, с искрящимся, словно хрустальным, шпилем. Из бойниц выставили белые флаги, и они развевались на свежем ветру, а долину огласил звонкий сигнал серебряных труб.

* * *

Так Гэндальв и Перегрин въехали на восходе солнца в распахнутые железные створы Больших ворот Гондора.

— Мифрандир! Мифрандир! — кричали люди. — Значит, правда, что гроза близко.

— Она уже здесь, — отвечал Гэндальв. — Я прилетел на ее крыле. Пропустите, я должен предстать перед вашим повелителем Дэнетором, пока он еще наместник, ибо, как бы ни повернулись события, тому Гондору, какой вы знали, приходит конец. Дорогу!

Услышав властный голос, люди послушно расступались, не задавая вопросов, только удивленно поглядывали на хоббита, сидящего перед магом, и восхищенно — на благородного коня, ибо жители Минас Тирита не ездили верхом, и редкими всадниками на улицах были гонцы с вестями.

Прохожие говорили:

— Какой огромный жеребец, наверное, он из королевских конюшен Рохана. Значит, рохирримы скоро придут к нам на помощь.

А Серосвет гордо ступал по камням длинной крутой улицы, змеей ведущей в гору.

* * *

Город-крепость Минас Тирит располагался на одном из скальных бастионов Миндоллуина, Сторожевой горе. Каждый из семи ярусов города представлял собой кольцевую террасу, огражденную стеной. В каждой стене были одни ворота,

и находились они не друг над другом, а были обращены в разные стороны света. Первые, так называемые Большие ворота, открывались в нижней стене с востока, следующие выходили на юго-восток, ворота третьего яруса — на северо-восток, и так до самого верхнего яруса, так что мощеная дорога поднималась к башне зигзагами, разворачивалась то в одну, то в другую сторону, а проходя над Большими воротами, каждый раз ныряла в сводчатый туннель, прорубленный в огромной скале, которая рассекала все ярусы, кроме первого. Многовековым трудом люди усовершенствовали и приспособили то, что было сотворено самой природой, — высокий утес естественной башней замыкал широкую площадь за Большими воротами, его острое ребро, как форштевень гигантского корабля, было обращено к Великой реке, на восток. Превратив утес в башню, гондорские каменотесы увенчали его крытой галереей, с которой защитники крепости, как матросы с марса, могли смотреть далеко вперед и заодно видеть, что происходит у ворот, находившихся на семьсот локтей ниже.

С шестого яруса в башню-скалу, получившую название Цитадель, вел длинный наклонный коридор, вырубленный в горе и освещенный све-

тильниками. Вход в него был с востока, а выход — через последние, Седьмые ворота, прямо на дворцовую площадь Фонтана к подножию Белой Башни. Эта стройная красавица, в пятьдесят саженей от основания до шпиля, поднимала знамя наместника на тысячу локтей над равниной.

Мощной твердыней был Минас Тирит. Если в его стенах собирались люди, способные держать оружие, он становился недоступным для самой большой вражеской армии. Легче, чем через главные ворота, в него можно было пробраться с тыла, поднявшись на более пологий отрог Миндоллуина и перейдя с него на узкий гребень, соединяющий Сторожевую гору с главным массивом. Но этот гребень был на высоте пятого яруса, подход к нему заграждали мощные валы, вокруг были крутые обрывы. И там перед городской стеной были вырублены сводчатые усыпальницы и стояли Дома Вечного Молчания, в которых покоились древние короли и наместники Гондора.

* * *

С нескрываемым удивлением смотрел Пипин на огромный каменный город. Даже во сне он никогда не видел ничего подобного. Город был не только гораздо больше и мощнее Исенгарда,

но и намного красивее. Однако заметно было, что он переживает упадок, и жила в нем едва ли не половина людей, которых он мог свободно разместить. На каждой улице встречались большие пустые дома с обширными дворами, над воротами которых были начертаны старинные письмена. Пипин понял, что это имена достойных хозяев, когда-то живших здесь. Но сейчас дома молчали, никто не ходил по дворам, не выглядывал из окон и дверей, не было видно слуг.

Наконец Серосвет принес их к Седьмым воротам.

Теплое солнце, то же самое, что светило Фродо и Сэму в Итилиэне, освещало гладкие стены, столбы и высокий свод ворот с замковым камнем, похожим на голову в короне. Гэндальв сошел с коня, потому что конный въезд ко двору наместника был запрещен, и Серосвет, успокоенный ласковым шепотом хозяина, дал увести себя.

У ворот застыли стражники в черных плащах и очень высоких шлемах необычной формы, которые плотно охватывали голову и наполовину прикрывали щеки. Украшением шлемов служили белые чаячьи крылья над висками. Шлемы ярко блестели, потому что в память о былой славе делались из чистейшего мифрила. На черных

плащах белоснежным шелком было вышито цветущее дерево, а над ним — серебряная корона и звезды с множеством лучей. При потомках Элендила такова была дворцовая одежда. Теперь ее носили лишь гвардейцы, охранявшие башню, Цитадель и площадь Фонтана, где некогда цвело Белое Древо.

* * *

По-видимому, весть о прибытии гостей опередила их самих, потому что их сразу же пропустили, не задав ни одного вопроса. В полном молчании стражники распахнули ворота, и Гэндальв широкими шагами пошел по белым плитам двора.

В ярком утреннем солнце играл красивый фонтан, его окружала свежая зелень, только посреди над бассейном стояло склоненное Мертвое Дерево, с его нагих обломанных ветвей грустно падали капли воды. Пипин искоса посмотрел на дерево, стараясь не отстать от Гэндальва. Ему оно показалось печальным и неподходящим в таком месте. Вдруг он вспомнил:

> *Семь звезд, семь Камней, и Белое Древо! ...*

Так вот о чем пел тогда Гэндальв! Но они уже подходили к дверям Белой башни, и хоббит почти вбежал за магом мимо высоких часовых в гулкую прохладу длинного каменного коридора.

Пока они шли по коридору совершенно одни, Гэндальв тихо обратился к Пипину:

— Теперь, уважаемый Перегрин, думай над каждым словом! Здесь не место и не время для хоббичьей болтовни. Феоден — добродушный старик. Дэнетор вылеплен из другой глины, он надменен и хитер, и хотя его не титулуют королем, он принадлежит к более древнему и достойному роду, чем повелитель Рохана. Обратится он прежде всего к тебе, задаст тебе множество вопросов, ведь ты можешь ему рассказать о его сыне Боромире. Боромира он любил, даже слишком; любил еще сильнее за то, что они не были похожи. Он прикроется этой любовью и верно рассудит, что большего добьется от тебя, чем от меня. Не говори ничего лишнего и ни в коем случае не вспоминай о Деле Фродо. Я сам об этом скажу, все в свое время. Если удастся, не упоминай об Арагорне.

— Но почему? Чем провинился Долгоброд? — так же шепотом спросил Пипин. — Он ведь тоже хотел прийти сюда, правда? И наверняка скоро

придет.

— Может быть, может быть, — ответил Гэндальв. — Но как именно придет, никто не знает, даже Дэнетор. Впрочем, так лучше. Во всяком случае, не мы объявим о его прибытии.

Гэндальв остановился у высокой двери из полированного металла и добавил:

— У меня нет времени излагать тебе историю Гондора, хотя было бы неплохо, если бы ты изучил из нее что-нибудь, вместо того, чтобы болтаться по хоббитширским лесам и разорять птичьи гнезда! Пойми одно: неумно приносить могущественному властителю весть о гибели наследника и тут же распространяться о скором пришествии того, кто, если придет, имеет право занять трон. Понял?

— Трон? — повторил ошеломленный Пипин.

— Да! — ответил Гэндальв. — Если до сих пор ты брел по свету с заткнутыми ушами и спящим разумом, то пора просыпаться, наконец!

И маг постучал в дверь.

* * *

Дверь открылась, но как — Пипин не понял. Он увидел огромный зал. Свет шел из высоких окон в боковых нефах, отделенных от средней

части рядами стройных колонн из цельного черного мрамора. Капители колонн распускались вверху дивными цветами и листьями, из которых выглядывали странные звери, вырезанные искусными мастерами. Огромные своды потолка отсвечивали тусклым золотом и многоцветной узорной росписью. В длинном зале не было ни занавесей, ни мебели, ничего мягкого, ничего деревянного, только между колоннами стояли молчаливые и холодные статуи из камня. Пипину вдруг вспомнились каменные Аргонаты, и он проникся к этим давно умершим королям тревожным уважением.

В глубине зала на возвышении с многими ступенями стоял высокий трон под мраморным балдахином, имевшим форму шлема с короной. За ним на стене сверкало драгоценными камнями резное изображение цветущего дерева. Трон был пуст. Но на самой широкой нижней ступени стояло гладкое черное каменное кресло, и в нем сидел старик, уткнувшись взглядом в колени, В руке он держал белый жезл с золотым набалдашником. При появлении гостей он не шевельнулся и не поднял век. Маг и хоббит медленно приблизились и остановились в трех шагах от кресла. Гэндальв произнес:

— Привет тебе, Дэнетор сын Эктелиона, наместник и правитель Минас Тирита! В черный час я пришел к тебе с вестями и советом.

Только теперь старик поднял тяжелый взгляд на вошедших. Хоббит увидел гордое точеное лицо цвета слоновой кости, длинный орлиный нос, глубоко посаженные темные глаза. Лицо напомнило Пипину скорее Арагорна, чем Боромира.

— Ты прав, Мифрандир, это черный час, — сказал старец. — Являться в такие часы — твой обычай. Многое предсказывает нам, что скоро решится судьба Гондора; это общее горе, но горе в моем сердце сейчас еще чернее. Мне сказано, что ты привел свидетеля гибели моего сына. Это он?

— Да, — ответил Гэндальв. — Это один из двух свидетелей. Второй остался при короле Феодене и, вероятно, вскоре тоже прибудет. Как видишь, это полуростики, но ни тот ни другой не является тем, о ком сказано в Пророчестве.

— И все же полуросток, — мрачно проговорил Дэнетор. — Не тешит мне слух это слово с тех пор, как проклятое Предсказание нарушило покой моего двора и толкнуло сына в безумный поход, где он нашел смерть. Мой Боромир! Как нам сейчас тебя не хватает!.. Не он, а Фарамир должен был идти вместо него.

— И охотно пошел бы, — сказал Гэндальв. — Не будь несправедлив в своей печали. Боромир сам хотел, чтобы послали его, и не уступил бы этой чести даже брату. У него был властный характер, он привык добиваться того, к чему стремился. Я долго путешествовал вместе с ним и хорошо его узнал. Но ты говоришь о его смерти. Значит, весть о ней дошла до тебя раньше, чем мы?

— Вот что дошло до меня, — сказал Дэнетор и, положив жезл, поднял с колен предмет, на который смотрел почти все время.

В каждой руке у него оказалось по половине расколотого буйволового рога, окованного серебром.

— Это рог Боромира! — воскликнул Пипин. — Он с ним не расставался.

— Ты не ошибся, — сказал Дэнетор. — В свое время я сам его носил, как все первородные сыновья в моем роду. В незапамятные времена был сделан этот рог, еще до того, как ушли последние короли, когда Ворондил, отец Мардила, охотился на белых арских буйволов в далеких рунийских степях. И все это время рог был цел. Тринадцать дней назад я услышал со стороны северных болот его голос, приглушенный расстоянием. Потом Река принесла мне его разбитым. Он ни-

когда больше не заиграет. — Дэнетор замолчал, наступила тяжелая тишина. Вдруг наместник устремил мрачный взгляд на Пипина. — Что ты на это скажешь, полуросток?

— Тринадцать дней… тринадцать… — выдавил из себя Пипин. — Да, именно так. Я был рядом с ним, когда он затрубил в рог. Но помощь не пришла. Пришло еще больше орков.

— Значит, ты был при этом, — сказал Дэнетор, продолжая пристально смотреть Пипину в лицо. — Расскажи мне все. Почему помощь не пришла? Как случилось, что ты жив, а погиб Боромир, муж великой отваги и силы, перед которым были всего лишь орки?

Пипин покраснел и забыл, что ему страшно.

— Сильнейший воин может погибнуть от одной стрелы! — воскликнул он. — А в Боромира их вонзилось множество. Когда я видел его в последний раз, он опустился под дерево и пытался вынуть у себя из бока черноперую стрелу. Тут у меня в глазах потемнело, я тоже упал, и меня взяли в плен. Больше я не видел Боромира и ничего о нем не слышал. Но я чту его память, это был мужественный человек. Он погиб, чтобы спасти нас, меня и моего земляка Мерриадока. Солдаты Черного Властелина напали на нас из засады в

лесу. Боромир не смог нас выручить, но это не уменьшает моей благодарности.

Пипин смотрел Дэнетору прямо в глаза, потому что в нем проснулась ему самому непонятная гордость, которую уязвила холодная подозрительность старца.

— Могущественный повелитель людей, наверное, сочтет ничтожной благодарность хоббита, полуростика из далекой северной страны, но возьми все, что у меня есть, прими меня на службу в оплату моего долга!

И откинув плащ, Пипин достал из ножен мечик и положил его у ног Дэнетора. Слабая улыбка, как холодный отблеск солнца в зимний вечер, скользнула по лицу старца. Дэнетор нагнул голову и протянул руку, отложив в сторону половинки рога.

— Дай мне свой меч! — сказал он.

Пипин поднял оружие и подал его наместнику рукоятью вперед.

— Откуда он у тебя? — спросил Дэнетор. — Этой стали много-много лет. В незапамятные времена на севере такие клинки ковались нашими мастерами.

— Это меч из Могильников, которые стоят на границе моей страны, — ответил Пипин. — Но

теперь там живут лишь зловещие умерлия, и я не хочу о них вспоминать.

— Странные легенды ходят о вас, — молвил Дэнетор. — Еще раз подтверждается поговорка, что нельзя судить о человеке — или о полуростке — по его виду. Я беру тебя на службу. Тебя нелегко испугать словами, и ты умеешь говорить учтиво, хотя странно звучит твоя речь для ушей южанина. Подходит час, когда нам будут нужны защитники рыцарских обычаев, как большие, так и малые. Присягай мне на верность.

— Возьмись за рукоять меча, — подсказал хоббиту Гэндальв, — и повторяй за повелителем слова присяги, если не изменишь своего решения.

— Не изменю, — сказал Пипин и, положа руку на рукоять, стал медленно повторять за Дэнетором:

— Присягаю на верность Гондору и наместнику сего королевства. Обещаю открывать и закрывать уста по его приказу; быть ему послушным в деяниях и отказе от дел; пойду, куда он пошлет меня, вернусь по его зову; служить ему буду в горе и в счастье, в нужде и в изобилии, в дни мира и в дни войны, жизнью своей и смертью с этой минуты до тех пор, пока мой господин не освободит меня

от клятвы, или пока смерть ее не отберет, или пока мир не кончится. Так говорю я, Перегрин сын Паладина, полуростик из Хоббитшира.

— Слышу твои слова, я, Дэнетор сын Эктелиона, правитель Гондора, наместник великого короля, и не забуду их, и не замедлю справедливо воздать за верность милостью, за мужество почестью, за вероломство отмщением.

После этого Пипин получил назад свой меч и вложил его в ножны.

— А теперь, — сказал Дэнетор, — даю тебе первый приказ: открой уста и не закрывай. Расскажи мне все, вспомни все, что знаешь о моем сыне Боромире.

Он ударил в небольшой серебряный гонг, стоявший рядом с его креслом, и тут же появились слуги. Пипин понял, что они с самого начала стояли в нишах по обе стороны дверей, где ни он, ни Гэндальв не могли их видеть.

— Принесите вино, угощение и сиденья для гостей, — приказал Дэнетор, — и следите, чтобы в течение часа нам никто не мешал.

— Больше времени я не могу вам уделить, — добавил наместник, обращаясь к Гэндальву, — ибо у меня много неотложных дел, хотя более срочные кажутся сейчас менее важными. Если удастся,

еще побеседуем вечером.

— Надеюсь, что даже раньше, — ответил Гэндальв. — Ибо я спешил на крыльях ветра из отдаленного на сто и пятьдесят гонов Исенгарда не только для того, чтобы привести тебе одного малого воина, пусть даже и верного рыцарским обычаям. Неужели ты не хочешь узнать о том, что Феоден выиграл большую битву, что Исенгард пал и что я сломал жезл Сарумана?

— Это важные новости, но я уже знаю об этом достаточно, чтобы самому решать, как обороняться от грозы с востока.

Дэнетор посмотрел на Гэндальва потемневшими глазами, и Пипин вдруг заметил, что они похожи, и почувствовал напряжение в воздухе, будто бы фитиль протянулся от глаз к глазам и в любую минуту может вспыхнуть пламенем.

Дэнетор сейчас больше походил на мага, чем Гэндальв. В нем было больше властности и силы. Он казался старше и был красивее. Но какое-то внутреннее чувство убеждало хоббита, что Гэндальв обладает более глубокой мудростью, большей силой и благородством, хотя скрывает это. И старшим, причем намного, был он. «Сколько ему может быть лет?» — думал Пипин и удивлялся, что до сих пор не задал себе такого

вопроса. Древесник говорил что-то о магах, но, слушая его, Пипин не думал, что к Гэндальву это относится. Кто такой Гэндальв на самом деле? В каком дальнем прошлом, в какой стране он появился на свет? Когда его покинет?

Пипин очнулся от раздумий. Дэнетор и Гэндальв продолжали смотреть друг другу в глаза, словно читали мысли; наконец Дэнетор первым отвел взгляд.

— Да, — сказал он. — Хоть и пропали, как говорят, Зрящие Камни, но у владык Гондора зрение острее, чем у малых людей, и до нас доходят многие вести. Сейчас садитесь.

* * *

Слуги принесли кресло и низкий табурет, подали на подносе большой серебряный кувшин, кубки и белые пироги. Пипин сел, но не мог отвести взгляда от старого наместника. Глаза Дэнетора сверкнули при упоминании о Камнях, не на Пипина ли он при этом посмотрел?..

— Теперь рассказывай свою историю, мой вассал, — произнес Дэнетор не то ласково, не то язвительно. — Ибо большую цену имеют для меня слова того, кто был в дружбе с моим сыном.

Пипин на всю жизнь запомнил этот час, про-

веденный в огромном зале под пронизывающим взглядом властителя Гондора, под градом все новых каверзных вопросов, рядом с внимательно слушающим Гэндальвом. Хоббит догадывался, что за спокойной маской маг скрывает нетерпение и гнев. Когда прошел назначенный час и Дэнетор снова ударил в гонг, Пипин почувствовал себя выжатым, как тряпка. «Наверное, сейчас девять, не больше, — подумал он. — Можно было бы сразу три завтрака съесть».

— Отведите достойного Мифрандира в приготовленный для него дом, — приказал Дэнетор слугам. — Его спутник может, если хочет, пока поселиться с ним. Но знайте, что он поступил ко мне на службу и присягнул на верность. Его имя — Перегрин сын Паладина. Ознакомьте его со всеми обычными паролями. Уведомьте всех военачальников, чтобы явились ко мне сразу, как пробьет третий утренний час. Ты, достославный Мифрандир, приходи, когда захочешь. Тебе разрешаю свободно входить ко мне в любое время, за исключением кратких часов моего сна. Остынь от гнева, пробужденного в тебе безумством старика, и возвращайся, будь мне подмогой и утешением.

— Безумство? — повторил Гэндальв. — О нет! Ты скорее умрешь, чем потеряешь рассудок, до-

стойнейший! Ты умеешь даже горем прикрыться, как плащом. Неужели ты думаешь, что я не понял, зачем ты битый час расспрашивал того, кто знает меньше, хотя я сидел рядом?

— Если ты это понял, можешь быть доволен, — ответил Дэнетор. — Безумием была бы гордыня, отринувшая помощь и совет в трудный час; но ты предлагаешь эти дары, осуществляя свои замыслы. А правитель Гондора никогда не станет орудием в чужих руках, даже самых благородных. В его глазах ни одна цель в мире не может быть выше блага Гондорского королевства. Пока не вернется король, Гондором правлю я, и только я.

— Пока не вернется король!.. — снова эхом откликнулся Гэндальв. — Ты справедливо заметил, достойный наместник, что твое дело — сохранить королевство на тот случай, которого уже мало кто ждет на свете. В этом я окажу тебе любую помощь, которую ты сам захочешь от меня принять. Скажу тебе вот что: я не правлю ни одним королевством, ни большим, ни малым. Моя забота — все то доброе, что в нашем мире оказалось под угрозой. И если даже Гондор погибнет, и наступит ночь ради того, чтобы утро принесло новый рассвет и лучшие плоды, я буду считать, что выполнил долг. Я ведь тоже наместник. Разве ты не знал?

Сказав так, он отвернулся и пошел к выходу, а Пипин побежал вслед, стараясь не отстать.

* * *

Гэндальв не смотрел на хоббита и ничего ему не говорил, будто не замечал его всю дорогу. Провожатый вывел их через площадь Фонтана на улицу с высокими каменными домами. Они пару раз повернули по ней, потом остановились перед домом, выстроенным возле северной стены Цитадели, недалеко от гребня, соединявшего город с горой. Поднявшись по широкой резной лестнице на верхний этаж, они оказались в светлом и просторном покое со стенами, обитыми матовой золотистой тканью без рисунка. Мебели здесь было мало, всего лишь столик, два кресла и скамья, но по обе стороны в нишах с раздвинутыми занавесями были приготовлены богатые постели и стояли тазы и кувшины с водой для мытья. Три высоких узких окна выходили на север, из них была видна широкая петля Андуина, а вдали, в тумане, скрывалось нагорье Эмин Муйл и водопад Раурос. Чтобы выглянуть в окно, Пипину пришлось подвинуть скамью и почти лечь на широкий каменный подоконник.

— Ты на меня не сердишься, Гэндальв? — спро-

сил он, когда провожатый ушел и притворил за собой дверь. — Я очень старался!

— Без сомнения! — ответил Гэндальв, вдруг расхохотавшись.

Он подошел к Пипину, обнял его за плечи и вместе с ним посмотрел в окно.

Пипин оглянулся на Гэндальва с удивлением, так весело и беззаботно прозвучал смех. Прорезанное морщинами лицо мага показалось ему серьезным, даже грустным, и озабоченным. Но присмотревшись к нему внимательнее, Пипин заметил в нем великую тайную радость, скрытый источник такого веселья, что если его выпустить, можно было бы, наверное, рассмешить целое королевство.

— Конечно, ты сделал все, что мог, — сказал Гэндальв. — И надеюсь, нескоро теперь окажешься в столь же трудном положении между двумя страшными старцами. Но учти, что повелитель Гондора узнал от тебя больше, чем ты думаешь, Пипин. Ты не смог скрыть от него, что не Боромир вывел Отряд из Мории и что среди вас был некто весьма достойный, кто скоро прибудет в Минас Тирит с легендарным мечом у пояса. Гондорцы много значения придают старинным легендам, и с тех пор как Боромир ушел в поход, Дэнетор

не раз размышлял над словами Предсказания, пытаясь угадать, что такое *Погибель Исилдура*.

Это необычайный человек, Пипин. Кем бы ни были его предки, в его жилах течет почти чистая кровь жителей Заокраинного Запада; она же досталась его второму сыну Фарамиру. Боромир, любимый сын, был другим. Дэнетор прозорлив. Если он напряжет свою волю, то может многое вычитать в чужих мыслях, даже издали. Его нелегко обмануть и опасно даже пытаться.

Помни об этом, Перегрин! Ибо ты присягнул ему. Не знаю, как эта мысль пришла тебе в голову или, может быть, в сердце, но это было хорошо. Я тебе в этом не помешал, потому что холодный рассудок не должен останавливать ничьи благие порывы. Ты поднял его настроение и (не боюсь это сказать) тронул его сердце. И кроме того, получил свободу передвижения по городу — разумеется, в свободное от службы время. Но у любой монеты есть две стороны: ты служишь Дэнетору, ты сам не свободен, и он помнит об этом. Будь осторожен!

Гэндальв помолчал, вздохнул и продолжил:

— Ладно, нечего много говорить о том, что будет завтра. Хотя бы потому, что каждое следующее завтра принесет худшие несчастья, чем вчера.

Так будет много дней. И я ничего не могу изменить. Игра началась, фигуры на доске, первые ходы сделаны. Очень хотел бы я найти одну из этих фигур, а именно Фарамира, ставшего теперь наследником Дэнетора. Не думаю, что он сейчас в столице, но у меня не было времени разузнать точно. Мне пора идти, Пипин. Я должен побывать на совете военачальников и узнать там как можно больше. Сейчас ход Врага, а он вот-вот начнет большую игру. Пешкам в ней уготована не меньшая роль, чем фигурам, Перегрин сын Паладина, солдат Гондора! Точи меч!

Гэндальв пошел к двери и с порога еще раз оглянулся:

— Я тороплюсь, Пипин, — сказал он. — Окажи мне одну услугу, когда пойдешь в город. Если ты не очень устал, то сначала сделай то, о чем я тебя попрошу, потом ложись отдыхать. Найди Серосвета и посмотри, как за ним ухаживают. Гондорцы честны и рассудительны и животных не обижают, но они не умеют обращаться с лошадьми так, как рохирримы.

* * *

Гэндальв ушел, и вскоре на Цитадели размеренно и звонко пробил колокол. Три удара

рассыпались серебром в воздухе, возвестив третий час после восхода солнца.

Пипин еще немного задержался в комнате, потом сбежал по ступеням, вышел на улицу и осмотрелся. Солнце светило ярко, стало теплее. От башен и домов на запад ложились длинные четкие тени. В снежном плаще и белом шлеме сверкал на фоне неба высокий Миндоллуин. По улицам города в разных направлениях спешили вооруженные люди, по-видимому, третий час утра был часом смены караулов и получения приказов.

— В Хоббитшире было бы девять часов, — громко сказал сам себе хоббит. — Как раз время вкусно позавтракать и открыть окно солнышку. С каким бы удовольствием я сейчас съел хороший завтрак! Интересно, здешние люди вообще завтракают? Может, у них время завтрака давно прошло? Когда здесь подают обед и где?

Тут он обратил внимание на мужчину в черно-белой одежде: человек шел в его сторону по узкой улице от Цитадели. Пипину было скучно, и он решил остановить незнакомца и заговорить с ним, но человек сам направился к нему.

— Это ты полуросток Перегрин? — спросил он. — Мне сказано, что ты поступил на службу к

нашему повелителю. Привет тебе! — Он протянул руку, которую Пипин пожал. — Я Берегонд сын Баранора. Первая половина дня у меня свободна, поэтому меня прислали обучить тебя необходимым паролям и объяснить все, что ты хотел бы сразу узнать. А я бы с удовольствием послушал тебя. Мы здесь никогда не видели полуростиков. Кое-что о вашем племени нам известно по слухам, но ни одного достоверного рассказа нет. Ты вдобавок еще и друг Мифрандира. Ты его хорошо знаешь?

— Как бы тебе сказать? — ответил Пипин. — В своей короткой жизни дома я каждый день слышал *о нем*, а вот теперь долгий путь прошел с ним вместе. Но это такая книга, которую читаешь-читаешь, и все равно не похвалишься, что вычитал больше одной-двух страниц. Я видел то же, что и все, и знаю не больше. Из нас один Арагорн знал его по-настоящему.

— Арагорн? — спросил Берегонд. — Это кто?

— Хм… — запнулся Пипин. — Это человек, который шел с нами. Сейчас он, кажется, в Рохане.

— Мне сказали, что и ты был в Рохане. Я бы охотно расспросил тебя об этой стране, потому что большую часть оставшейся нам слабой надежды мы возлагаем именно на нее. Но я забываю

о своих обязанностях. Я ведь сначала должен ответить на твои вопросы. О чем ты в первую очередь хочешь узнать, Перегрин?

— Если можно… хм… прежде всего я хотел бы задать тебе очень важный для меня в данную минуту вопрос касательно завтрака и тому подобных вещей. Проще говоря, когда у вас едят, и где тут зал для угощения, если такой есть? И как насчет трактиров? Я, когда ехал в гору, осматривался, но ничего такого не увидел, хотя в таком красивом городе очень надеялся раздобыть у гостеприимных жителей глоток пивка.

Берегонд посмотрел на него с уважением.

— Сразу видно бывалого солдата, — сказал он. — Говорят, что воины в походе всегда стараются заприметить место, где можно достать еду и питье. Не знаю, правда, насколько это верно, сам я не ходил в дальние походы. Неужели ты еще ничего не ел?

— Чтобы не соврать, должен признаться, что ел, — ответил Пипин. — Но то был всего лишь кусок пирога и кубок вина по милости вашего повелителя, который меня за это угощение битый час терзал вопросами, от чего мне еще больше есть захотелось.

Берегонд весело засмеялся.

— У нас есть поговорка, что *маленькие люди совершают большие подвиги за столом*. Должен сказать, что завтрак у тебя был не хуже, чем у любого в гарнизоне Цитадели, и притом гораздо почетнее. Мы ведь живем в Сторожевой Крепости, находимся в боевой готовности. Встаем раньше солнца, на рассвете перекусим, чем попало, — и на посты. Но ты не огорчайся! — Он снова засмеялся, увидев, как у Пипина вытянулось лицо. — Те, у кого *трудная* служба, могут взять немножко еды с собой и подкрепиться позже. И полдник у нас есть — днем или как кому позволяет служба, а вечером мы собираемся на общий обед и тут уж отводим душу, получаем столько удовольствия, сколько возможно в такое сложное время. Идем! Я тебе покажу город, попробуем достать еду и позавтракаем на стене под солнышком.

— Сейчас, сейчас! — снова розовея, ответил Пипин. — От жадности, вернее, с твоего позволения, от голода у меня из памяти вылетело одно важное дело. Гэндальв — или, как вы его называете, Мифрандир — поручил мне навестить его скакуна Серосвета, благороднейшего жеребца из Рохана, которого тамошний король, говорят, берег пуще глаза, но все же подарил Мифрандиру за

особые заслуги. Мне кажется, что новый хозяин любит это животное больше, чем многих друзей, так что если хотите привлечь Мифрандира на свою сторону, хорошо ухаживайте за Серосветом, оказывайте ему всякие почести и обращайтесь с ним по мере возможности еще лучше, чем с хоббитом…

— Хоббитом? — переспросил Берегонд.

— Так мы себя называем, — объяснил Пипин.

— Очень рад был узнать это слово и тебя, — сказал Берегонд. — Позволь заметить, что необычный выговор не портит учтивую речь, а вы, хоббиты, видать, весьма учтивы. Ну, идем. Познакомишь меня с благородным конем. В нашем каменном городе животных редко увидишь, а я их люблю. Я ведь вырос в другом месте, наша семья жила в горных долинах, а еще раньше — в Итилиэне. О себе не беспокойся, мы нанесем Серосвету визит вежливости и сразу пойдем в погребок.

* * *

Серосвета они застали в чистой конюшне, смотрели за ним отлично. На шестом ярусе у стен Цитадели было несколько конюшен, где содержались быстрые кони для гонцов наместника.

Гонцы всегда были готовы в путь по приказу Дэнетора или его военачальников. В то утро ни людей, ни лошадей в конюшнях не было. Серосвет остался один. Почуяв Пипина, он заржал и повернул голову.

— Доброе утро! — сказал Пипин. — Гэндальв придет, как только найдет свободную минуту. Он занят, но шлет через меня привет и просит узнать, хорошо ли ты отдохнул и все ли у тебя есть.

Жеребец высоко поднял голову и ударил копытом об пол, но позволил Берегонду погладить себя по шее и приласкать.

— Он будто рвется снова в путь и ничуть не устал, — сказал Берегонд. — Какой сильный и гордый конь. А где его седло и уздечка? Такому жеребцу нужна богатая и красивая сбруя.

— Нет такой сбруи, которая подошла бы этому коню, — ответил Пипин. — Он не выносит узды. Если он согласится нести всадника, то ничего не надо; а не захочет — ни уздой, ни шпорами, ни хлыстом его не заставишь. До свиданья, Серосвет! Потерпи немного. Скоро война.

Конь заржал так громко, что вздрогнули стены конюшни, а Пипин с Берегондом заткнули уши. Потом они проверили, хватит ли зерна в кормушке, и ушли.

— Теперь позаботимся о корме для себя, — сказал Берегонд, ведя Пипина назад к Цитадели.

Войдя в дверь в ее северной стене, они спустились по длинной лестнице и попали в широкий прохладный коридор, освещенный светильниками. По обеим сторонам коридора были проемы со ставнями. Один оказался открыт.

— Здесь склады и погреба нашей бригады, — пояснил Берегонд. — Привет, Таргон! — крикнул он в открытое окошко. — Еще рано, но я привел гостя, которого Дэнетор взял сегодня на службу. Он издалека, постился в пути, а утро провел в трудах и теперь голоден. Дай нам, что найдешь под рукой!

Они получили хлеб, масло, сыр и остатки зимних запасов — сморщенные, но крупные и сладкие яблоки. Все это вместе с деревянными тарелками, кубками и кожаной флягой со свежим пивом уложили в корзину и снова вышли на солнце под крепостную стену. Берегонд повел Пипина на восточную площадку к каменной скамье у парапета. Оттуда открывался широкий вид на залитую светом землю.

Новые друзья поели, запили завтрак пивом, а потом завели разговор о Гондоре, о местных обычаях, о далекой родине Пипина и об удиви-

тельных землях, которые хоббит узнал в путешествии. Берегонд все шире раскрывал глаза, когда Пипин увлеченно рассказывал, то болтая ногами, не достающими до земли, то становясь на скамью, чтобы дотянуться до парапета.

— Не хочу от тебя скрывать, уважаемый Перегрин, — сказал, наконец, гондорец, — что я в тебе ошибался. Ты среди нас кажешься мальчиком лет девяти, а вместе с тем уже пережил столько опасностей и увидел столько чудес, что не многие седые старцы могут похвалиться такими приключениями. Я сначала думал, что по своей прихоти наш повелитель хочет взять ко двору служку благородного происхождения для поручений, как было в обычае у старых королей. Прошу прощения за эту ошибку.

— Прощаю, — ответил Пипин, — тем более что ты не очень-то ошибся. У себя на родине я бы считался подростком, до совершеннолетия мне не хватает четырех лет по хоббичьему счету. Но не надо говорить обо мне. Давай посмотрим вокруг и, пожалуйста, объясни мне все, что отсюда видно.

* * *

Солнце стояло уже довольно высоко в небе, туман поднялся, и его обрывки плыли мимо них, как белые клочья облаков, гонимые восточным ветром, на котором хлопали и вились флаги и белые вымпелы Цитадели. Внизу в долине, гонах в пяти от города, блестели серые воды Великой реки. Она заворачивала с северо-запада на юг, затем совсем круто на запад, широкой петлей снова на юг — и исчезала в колеблющейся дымке на пути к Морю. До него было гонов пятьдесят.

Пипин видел как на ладони весь Пеленнор и в нем сельские усадьбы — видел стены домов, сараи, хлева, заборы и загородки, но нигде не было скота и домашних животных. Зеленую долину густо пересекали дороги и тропы, на них не прекращалось оживленное движение, в крепость и из крепости ехали телеги и фургоны. Время от времени к воротам подъезжал всадник, соскакивал с коня и спешил в город. Самым оживленным казался тракт, который огибал холмы меньшей петлей, чем река, и уходил, как и она, на юг. Тракт был широкий, мощеный, параллельно его восточному краю шла такая же широкая зеленая дорожка для верховых, отгороженная от поля

стенкой. Всадники мчались по траве в обоих направлениях, а по дороге почти все большие повозки направлялись в одну сторону — к югу. Еще Пипин заметил, что движение происходит в строгом порядке, повозки движутся тремя рядами: в первом — телеги, запряженные лошадьми, во втором — огромные возы и цветные фургоны, влекомые волами, в третьем — маленькие тачки, их толкали люди.

— Это дорога в Тумладен и Лосарнак, в горные поселки, и еще дальше, в Лебенин, — объяснил Берегонд. — В фургонах уезжают из города последние жители — старики, дети, женщины. Есть приказ: до полудня всем оказаться за воротами и проехать не меньше гона. Печальная необходимость! — Берегонд вздохнул. — Увы! Многие из тех, что сегодня расстаются, больше никогда не встретятся. В нашем городе всегда было мало детей, а сейчас их совсем не осталось, если не считать немногих мальчишек, которые не согласились уезжать и которым здесь найдется дело. Среди них мой сын.

Наступило молчание. Пипин беспокойно оглядывался на восток, будто опасаясь, что в любую минуту оттуда на зеленые поля могут кинуться тысячные орды орков.

— А что там? — спросил он, показывая на изгиб Андуина. — Еще один город?

— Была столица, — ответил Берегонд. — Прекрасный город Осгилиат; а крепость, в которой мы находимся, возводили как оборонное укрепление на Сторожевой горе. Сейчас по обоим берегам Великой реки торчат лишь развалины Осгилиата, сожженного Врагом много лет назад. Когда Дэнетор был молод, нам удалось отбить эти руины, но воскрешать город мы не стали: только отстроили мост для переправы войск и поставили посты. А потом из Минас Моргула прискакали Жуткие всадники.

— Черные всадники? — переспросил Пипин с потемневшими от вернувшегося страха глазами.

— Да, они черные, — подтвердил Берегонд. — Ты о них что-то знаешь? А когда рассказывал про свое путешествие, ни словом не обмолвился.

— Кое-что знаю, — шепотом ответил Пипин. — Но не буду ничего говорить здесь, так близко… так близко от…

Он замолчал, посмотрел на Реку, и ему показалось, что там ничего нет, кроме огромной всепоглощающей Тени. Может быть, то была всего лишь большая туча или тень зубчатых гор, расплывшихся во мгле на горизонте, до них

ведь было не меньше двадцати гонов, но Пипину показалось, что Тень у него на глазах медленно растет, густеет и грозится залить весь этот солнечный край.

— …Так близко от Мордора? — тихо, но спокойно закончил за него Берегонд. — Да, там Мордор. Мы редко произносим это слово, но издавна привыкли видеть Тень над нашей границей. Иногда она бледнеет и отступает, иногда приближается и темнеет. Сейчас она растет и сгущается, и растут наше беспокойство и страх. Не прошло и года с тех пор, как Жуткие всадники снова завладели переправой. Много наших лучших мужей погибло в том бою. Боромиру удалось отбить западный берег, и мы продолжаем удерживать почти половину Осгилиата. Пока. Но каждую минуту там можно ожидать нового нападения. Может быть, это будет главная битва войны, которая скоро начнется.

— Скоро? — спросил Пипин. — Откуда ты знаешь? Прошлой ночью я видел огни на холмах и мчащихся гонцов. Гэндальв сказал, что это сигналы о начавшейся войне. Он спешил сюда, будто от каждой минуты зависела жизнь или смерть. Но здесь я не вижу спешки.

— Это потому, что все уже готово, — сказал

Берегонд. — Мы собираемся с силами перед большими делами.

— Почему же той ночью горели огни?

— Потому что когда начнется осада, звать на помощь будет поздно, — ответил Берегонд. — Но я не знаю замыслов повелителя и наших военачальников. Вести до них доходят иначе, чем до нас. Дэнетор необыкновенный человек, он далеко видит. Говорят, что ночью в верхних покоях башни он напрягает мысли, рассылает их во все стороны, и тогда может отгадать будущее. Говорят, что он может узнавать замыслы Врага и бороться с его волей. Поэтому он раньше времени постарел и исхудал. Как бы там ни было, а мой командир Фарамир сейчас в опасном походе далеко за Андуином. Может быть, он шлет вести наместнику?

И еще я тебе честно скажу, Пипин, что я сам думаю. Костры зажечь приказано после известия, которое пришло вчера из Лебенина: к устью Андуина подходит большой флот, на кораблях пираты с юга, из Умбара. Эти разбойники давно уже не боятся Гондора и заключили союз с Врагом. Для нас их нападение — большой удар: оно свяжет силы Лебенина и Белфаласа, на которые мы рассчитываем, ибо там живут многочисленные и сильные

племена. Вот почему мы с тревогой и надеждой смотрим на север, в сторону Рохана, и вот почему нас радует весть о победе, которую вы принесли. И все же… — Берегонд встал и устремил взгляд сначала на север, а потом на юго-восток. — И все же события в Исенгарде говорят о том, что вокруг нас затягивается крепкая петля и начинается большая игра. Это уже не стычки на переправах, не рейды в Итилиэн и Анориэн, не бандитские налеты и засады. Начинается давно спланированная война, а наше войско в ней, — как бы гордость нас ни обманывала, — всего лишь один отряд. Разведчики доносят, что все пришло в движение: зашевелились враждебные силы далеко на востоке за Рунным морем, на севере в Темнолесье, на юге в Хараде. Все государства стоят перед выбором: ответить Врагу или сдаться и оказаться во мраке.

А нам, достойный Перегрин, выпала честь первыми встретить сильнейший удар. Нас всегда первых со страшной силой атакует ненависть Черного Властелина. Эта ненависть идет из глубин веков. Молот поднят и вот-вот обрушится. Наверное, поэтому Мифрандир спешил. Если мы сломаемся, кто тогда выстоит? Есть ли в твоей душе хоть искра надежды, что мы сумеем защи-

титься, Перегрин?

Пипин не ответил.

Он смотрел на толстые стены, на башни и гордые флаги, на высокое солнце, потом перевел взгляд на сгущающийся мрак на востоке и подумал об алчных лапах Зла, о бандах орков, рыщущих в лесах и в горах, об измене Исенгарда, о птицах-шпионах, о Черных всадниках, добравшихся до хоббитширских дорог, о крылатых посланцах ужаса — назгулах… На что же надеяться?

В это мгновение солнце вдруг заслонила тень черного крыла. Пипину показалось, что он слышит далекий, почти неуловимый для уха крик с высоты, от которого застыла кровь в жилах, и стало холодно. Он побледнел и прислонился к стене.

— Что это было? — спросил Берегонд. — Ты тоже почувствовал?

— Да, — шепотом ответил Пипин. — Это вестник беды. Тень Рока, Черный всадник пролетел.

— Да, Тень Рока, — сказал Берегонд. — Боюсь, что Минас Тирит падет. Наступит ночь. У меня кровь в жилах застыла.

* * *

Некоторое время они молча сидели, опустив головы. Потом Пипин вдруг посмотрел в небо — солнце светило, флаги развевались на ветру. Хоббит стряхнул оцепенение.

— Уже пролетел, — сказал он. — И надежду я еще не потерял. Гэндальв рухнул в бездну, но ведь вернулся и снова с нами. Мы выстоим, хоть на одной ноге, а в худшем случае продолжим бой с колен.

— Хорошо сказано! — воскликнул Берегонд. Он выпрямился, встал и зашагал взад-вперед. — Все на свете имеет начало и конец, но Гондору рано погибать, даже если Враг ворвется в крепость, завалив стены трупами. Мы уйдем в горы тайными тропами, там еще есть укрепления. Надежда и память не погибнут в долинах, пока там зелены травы.

— Скорей бы кончилось это ожидание, а там будь что будет, смерть или победа, — сказал Пипин. — Я не родился воином и не люблю думать о войне. И по мне нет ничего хуже, чем ждать битву, которой нельзя избежать. Какой сегодня долгий день! Было бы легче на душе, если бы мы не сидели, сложа руки, а ударили первыми. Если

я не ошибся, рохирримы тоже не нанесли бы врагам такого удара, если бы не Гэндальв.

— Ты коснулся нашего больного места, — сказал Берегонд. — Может быть, все изменится, когда вернется Фарамир. Он храбр, он отважнее, чем думают о нем люди; в наше время трудно поверить, что столь мудрый знаток старинных книг и песен, как Фарамир, может одновременно быть непобедимым воином и полководцем, способным на быстрые, смелые решения и молниеносные действия. А Фарамир таков. Он равен мужеством Боромиру и не столь самоуверен. Но что он сможет сделать? Нельзя взять приступом горы этого… этого государства. У нас руки коротки, мы не можем ударить по Врагу, пока он не придет на нашу землю. И рука для этого удара должна быть тяжелой.

Говоря так, Берегонд с силой ударил по рукояти меча. Пипин смотрел на него: высокий, уверенный в себе, сильный, как все люди этой страны, которых он видел. При мысли о битве его глаза загорелись. «А я? — подумал хоббит. — У меня рука легче перышка. Как говорил Гэндальв? Пешка. Да еще не на своем поле».

* * *

Так они беседовали, пока солнце не поднялось в зенит. Прозвенел колокол. Город ожил, все, кроме часовых, спешили на полдник.

— Хочешь пойти со мной? — спросил Берегонд. — Сегодня могу посадить тебя за наш стол. Не знаю, в какой отряд ты попадешь; может быть, наместник оставит тебя при себе для особых поручений. Но мои друзья тебя хорошо примут, за это я ручаюсь. Кроме того, тебе стоит познакомиться с людьми, пока еще есть время.

— Я охотно пойду с тобой, — ответил Пипин. — А то, правду сказать, мне как-то одиноко. Мой лучший друг остался в Рохане, ни поболтать, ни пошутить не с кем. Может быть, правда, можно вступить в твой отряд? Ты в нем кто? Не командир? Ты не мог бы меня к себе взять или хотя бы передать, кому надо, мою просьбу?

— Нет, нет! — засмеялся Берегонд. — Я не командир. У меня нет ни чинов, ни отличий, я простой солдат Третьей бригады гвардейцев Цитадели. Но в нашем городе, достойный Пипин, быть простым гвардейцем из охраны крепости уже само по себе почетно; вся страна смотрит на нас с уважением.

— Тогда для меня это слишком большая честь, —

сказал Пипин. — Отведи меня сначала домой, а если мы там не застанем Гэндальва, я пойду с тобой, куда хочешь, и буду твоим гостем.

* * *

Гэндальва они не застали, никаких поручений он не оставлял, поэтому Пипин пошел с Берегондом знакомиться с Третьей бригадой. Там его ожидал прием, на котором много чести досталось и Берегонду, приведшему такого замечательного гостя. Вся Цитадель уже знала о друге Мифрандира и о долгой беседе, которой его удостоил наместник с глазу на глаз. Рассказывали, что с севера прибыл князь полуростков, чтобы предложить Гондору помощь и пять тысяч воинов. Кто-то даже пустил слух, что когда придут рохирримы, у каждого из них на седле будет сидеть полуростик, воин малого роста, но немалой отваги.

Хоть и жаль было Пипину разочаровывать новых друзей, но он вынужден был развеять их напрасные надежды. Только титул князя прилип к нему крепко: в понятии гондорцев тот, кто был дружен с Боромиром и с почетом принят Дэнетором, мог быть только знатной особой. Пипина благодарили за приход, ловили, затаив дыхание,

каждое его слово о неведомых странах, кормили и поили при этом обильнее некуда. Полному счастью хоббита мешало лишь то, что надо было помнить об осторожности, как советовал Гэндальв, и он придерживал язык, а так хотелось поболтать по-хоббичьи в дружеской компании!

Наконец Берегонд встал.

— Я должен с тобой проститься, Перегрин, — сказал он. — Сейчас мне, да и всей нашей бригаде пора заступать на пост. Освободимся мы только после захода солнца. Если тебя тяготит одиночество, могу порекомендовать веселого проводника. Мой сын охотно покажет тебе город. Он хороший мальчик. Спустись, если захочешь, в нижний ярус и спроси дорогу к Старой корчме на Рат Келердаин, или улице Фонарщиков. Там застанешь моего сына с ребятами, которые остались в городе. Думаю, что у Больших ворот ты узнаешь много интересного, пока их не запрут на ночь.

* * *

Берегонд ушел, а вскоре и все остальные. Мартовский день был погожий, хотя слегка туманный и очень жаркий в эту пору даже для юга. Пипина слегка клонило в сон, но в пустом доме он чувствовал себя неуютно, поэтому решил выйти и

осмотреть город.

Он еще раз зашел к Серосвету и отнес ему пару лакомых кусков со стола, которые специально приберег. Жеребец благодарно съел их, хотя ему всего хватало. Выйдя из конюшни, хоббит направился по крутым улицам вниз.

Люди удивленно его разглядывали, но уважительно приветствовали, по гондорскому обычаю наклоняя голову и прикладывая руки к груди, а за его спиной обменивались разными замечаниями. Часто, увидев его из окна или с порога, звали всю семью, чтобы домочадцы посмотрели на князя полуростиков, прибывшего с Мифрандиром. Большинство здесь говорили на языке, отличном от всеобщего, но Пипин вскоре освоился настолько, что стал различать в их речи свой мнимый титул: *эрнил-и-ферианнат*, — что подтвердило, что весть о нем разошлась по всему городу.

Идя так, то сводчатыми галереями, то через площади, хоббит наконец оказался в самом нижнем и самом большом ярусе города. Ему показали улицу Фонарщиков, широкую дорогу, ведущую к Большим воротам, и на ней Старую корчму. Большой многооконный дом из выветренного серого камня, с колоннами и арками по всему фасаду, стоял в глубине двора за узким газоном. Из-под

колонн можно было по ступеням сбежать прямо в траву. Два боковых крыла дома подходили к самой улице. Под колоннами играли мальчишки. Пипин до сих пор не видел в Минас Тирите детей, поэтому, не подходя близко, остановился, чтобы присмотреться к ним. Один из ребят его заметил и с громким криком помчался к нему через газон, за ним побежало еще несколько. Вылетев на мостовую, мальчишка встал перед Пипином и смерил его взглядом с головы до ног.

— Привет! — сказал он. — Ты откуда? Ведь ты нездешний.

— Был нездешний до сегодняшнего дня, — ответил Пипин. — Теперь я солдат Гондора.

— Подумаешь! — воскликнул мальчик. — Тогда мы все здесь солдаты. Сколько тебе лет и как тебя зовут? Мне десять, и росту скоро будет пять футов. Я выше тебя. Правда, мой отец гвардеец и один из самых высоких в своей бригаде. А твой отец кто?

— На какой вопрос раньше отвечать? — спросил Пипин. — Давай с конца. Мой отец ведет хозяйство в Белой Криничке под Тукборо в Хоббитшире. Лет мне двадцать девять, в этом я тебя побил. Ростом я всего четыре фута и вырасти больше не надеюсь, разве что вширь.

— Двадцать девять? — мальчишка удивленно

присвистнул. — Так ты старик! У меня такой дядя есть, Хорлас. Ну и что? — добавил он хвастливо. — Спорим, я мог бы тебя поставить с ног на голову или положить на лопатки.

— Мог бы, — смеясь, сказал Пипин, — если бы я тебе позволил. Я мог бы ответить тебе тем же; я знаю много разных защитных и боевых приемов, которым научился в своей стране. Там я считался рослым и сильным, никогда и никому не удавалось поставить меня с ног на голову. Попробуй ты так сделать, я мог бы тебя убить, если бы подругому с тобой не справился. Когда вырастешь, поймешь, что нельзя ни о ком судить по внешнему виду. Ты принял меня за чужого мальчишку и растяпу, которого легко поколотить, но предупреждаю: ты ошибся, я — полуросток, сильный, храбрый и злой!

Говоря так, Пипин скроил такую сердитую мину, что мальчик попятился, но тут же опять подошел ближе со сжатыми кулаками и воинственным блеском в глазах.

— Нет! — со смехом остановил его Пипин. — Не надо верить во все, что говорят чужаки. Я вовсе не забияка. Но было бы вежливее, если бы ты, прежде чем вызывать меня на бой, представился.

Мальчик гордо выпрямился:

— Я Бергиль, сын гвардейца Берегонда!

— Так я и знал, — сказал Пипин, — потому что ты очень похож на своего отца. Мы с ним знакомы, и это он прислал меня к тебе.

— Чего же ты сразу не сказал, — ответил Бергиль и вдруг нахмурился. — А что, разве отец передумал и хочет меня отправить из города с девчонками? Не выйдет, все фургоны уже уехали.

— Не беспокойся, поручение не такое обидное, может быть, оно тебе и понравится, — сказал Пипин. — Чем класть меня на лопатки, лучше по просьбе отца покажи мне город и немножко развлеки в моем одиночестве. За это я тебе расскажу о дальних странах.

Бергиль хлопнул в ладоши и с облегчением засмеялся.

— Чудесно! — воскликнул он. — Я готов! Мы как раз собирались пойти к Большим воротам поглазеть. Идем туда.

— А что там интересного?

— Перед заходом солнца по Южному тракту должны прийти войска из южных провинций. Идем с нами, увидишь.

* * *

Бергиль оказался отличным спутником, лучшей компании у Пипина не было со дня разлуки с Мерри. Вскоре они уже дружно болтали и смеялись, не обращая внимания на любопытные взгляды прохожих. К Большим воротам шла целая толпа, и они в нее влились. У ворот Пипин снискал особое уважение Бергиля, когда представился, произнес пароль, и стражники, отдав ему честь, пропустили вместе с юным товарищем.

— Вот здорово! — заявил Бергиль. — Нас, мальчишек, без взрослых сейчас за ворота не выпускают. Значит, мы все увидим!

За воротами вдоль дорог и вокруг мощеной площади, на которой эти дороги сходились, стояла плотная толпа. Все глаза были обращены на юг, и вскоре по толпе пронесся шепот:

— Там, вон там, уже пыль столбом. Идут!

Пипин и Бергиль протиснулись в первый ряд и ждали вместе с другими. Издалека долетели звуки рогов; волна приветственных криков прокатилась по толпе. Громко запела труба, люди вокруг закричали:

— Форлонг! Форлонг!

— Что они кричат? — спросил Пипин.

— Это Форлонг подошел! — ответил Бергиль. — Старый Форлонг Толстый, правитель Лосарнака, где живет мой дедушка. Ура! Форлонг едет, старина Форлонг!

Впереди на огромном ширококостном коне ехал массивный мужчина, уже старый, с седой бородой, в доспехах, в черном шлеме и с длинным тяжелым копьем у седла. За ним в облаке пыли шагали хорошо вооруженные воины с большими боевыми топорами. Шли они, гордо подняв головы, с суровыми лицами, молча. Они были ниже ростом и смуглее, чем те гондорцы, которых Пипин до сих пор встречал.

— Форлонг! — кричала толпа. — Верный друг, преданное сердце! Форлонг!

Но когда отряд прошел, в толпе зашептались:

— Всего горсточка! Что значат две сотни топоров! А мы-то надеялись на большую помощь. Вот что наделал Черный флот на Андуине. Союзники прислали десятую долю своих войск. Но в такой беде каждый солдат пригодится.

* * *

За первым отрядом прибывали другие и под приветственные крики толпы входили в город. В черный час соседи и вассалы шли помогать гон-

дорцам защищать столицу, но все они прислали меньше воинов, чем от них ждали, и меньше, чем требовалось в такое время. Триста пехотинцев пришло за Дерворином из Калембела, что на реке Рингле. Пятьсот лучников привел высокий Дунгир с сыновьями Дуйлином и Деруфином из большой долины Черного Корня в верховьях Мортонда. Из Анфаласа с дальнего побережья подошла большая колонна охотников, пастухов, крестьян, но кроме челяди их предводителя Голасгила, все были плохо одеты и недостаточно вооружены. Из Ламедона пришла группа хмурых горцев без командира, из Этира — сотня рыбаков, остальные остались на военных кораблях. Хирлаин Белокурый с Зеленых гор Пиннат Гелин привел триста храбрых воинов в зеленом. Последним прибыл гордый красавец князь Дол Амрота Имрахил, двоюродный брат наместника, под лазурными с золотом знаменами, на которых блестел герб его рода: корабль и серебряный лебедь. За ним скакал большой отряд рыцарей на серых конях в полном вооружении; за свитой шли с песней семьсот пехотинцев, все как на подбор высокие, темноволосые и сероглазые, осанкой похожие на своего правителя.

На этом все кончилось. Всех прибывших ока-

залось около трех тысяч. Больше ждать было некого. Топот шагающих отрядов затихал за стенами города. Толпа еще некоторое время стояла молча. Пыль висела в воздухе, ветер утих, было душно. Приближалось время закрывать ворота. Красный диск солнца скрылся за Миндоллуином. Город утонул в тени.

Пипин посмотрел на небо, и ему показалось, что оно стало цвета пепла, будто дневной свет отступил перед тучей пыли и дыма. Лишь на западе гаснущее солнце жгло облака, и темной громадой в белой шапке вырисовывался на их багровом фоне Миндоллуин.

— Такой хороший день кончается пожаром! — прошептал чуть слышно Пипин, забыв о мальчике, который стоял рядом.

— Для меня этот день плохо кончится, если я не вернусь до вечернего колокола, — сказал Бергиль. — Идем скорее, пока ворота не заперли. Уже трубы трубят!

* * *

Держась за руки, они почти бегом вернулись в город и последними проскочили в ворота, как раз перед тем, как их заперли, а когда добежали до улицы Фонарщиков, на башне торжественно за-

звонили все колокола. В окнах зажигались огни, из домов и солдатских казарм, размещенных под стенами, слышался шум голосов, раздавались песни.

— Теперь прощай, — сказал Бергиль. — Передай от меня привет отцу и скажи ему спасибо за наше знакомство. Пожалуйста, приходи еще! Я уже почти захотел, чтобы не дошло до войны: мы бы тогда с тобой чудесно проводили время. Можно было бы, например, поехать к дедушке в Лосарнак — там красиво, весной в лесу и в поле такие цветы! Кто знает, может быть, еще поедем. Нашего правителя пока никто не победил, и мой отец — храбрый солдат. До свиданья, приходи скорей!

Расставшись с мальчиком, Пипин поспешил в Цитадель. Дорога показалась ему долгой, он вспотел, поднимаясь с яруса на ярус, и сильно проголодался. Ночь наступила быстро. Небо не проколола ни одна звезда. Хоббит опоздал на общий ужин, но Берегонд его ждал, обрадовался, посадил рядом с собой и стал расспрашивать о сыне.

После ужина Пипин еще немного посидел в погребке, но довольно скоро распрощался, потому что у него почему-то стало тяжело на душе и

захотелось поскорее снова увидеть Гэндальва.

— Найдешь сам дорогу домой? — спросил Берегонд, задерживаясь на пороге небольшого помещения под северной стеной Цитадели, где они провели вечер. — Сегодня ночь темная, а в городе вышло распоряжение погасить все наружные огни. У меня для тебя есть новость: рано утром тебя вызовут к Дэнетору. Боюсь, что наместник не зачислит тебя в Третью бригаду. Но надеюсь, что мы еще встретимся. До свиданья, спи спокойно!

* * *

В доме было темно, комнату едва освещал стоявший на столе маленький светильник. Гэндальва не было. Пипина все больше угнетало одиночество и давил непонятный страх. Он влез на скамью и попытался выглянуть в окно, но это было все равно, что смотреть в лужу чернил. Хоббит слез с подоконника, закрыл окно, лег в постель и задернул полог. Некоторое время он прислушивался, ждал, что вот-вот придет Гэндальв, потом заснул, но спал неспокойно.

Ночью его разбудил свет, и из-за полога он увидел, как Гэндальв ходит взад-вперед по комнате. На столе стояли зажженные свечи и лежали свитки пергамента. Маг вздохнул и прошептал:

— Когда же наконец вернется Фарамир?

— Эй, Гэндальв! — позвал Пипин, высовывая голову. — Я думал, ты про меня совсем забыл. Как хорошо, что ты пришел! День был такой длинный!

— Зато ночь будет короткой, — ответил Гэндальв. — Я вернулся, чтобы поразмышлять в покое и одиночестве. Спи, пока можешь понежиться в кровати. На рассвете я тебя снова отведу к Дэнетору. Вернее, не на рассвете, а когда позовут. Наступила Тьма. Рассвета не будет.

Глава вторая. Серая дружина

Когда Мерри вернулся к Арагорну, Гэндальв уже ускакал, и гром копыт Серосвета затих в ночи. Мерри нес с собой только маленький узелок, его дорожный мешок остался на луговине Парт Гален, и у него ничего не было, кроме самых необходимых мелочей, подобранных на развалинах Исенгарда. Хасуфел ждал оседланный. Леголас и Гимли стояли рядом со своим скакуном.

— Итак, нас осталось четверо, это еще Отряд, — сказал Арагорн. — Дальше поскачем вместе, но не одни, как я думал. Король намерен выступить тотчас же. Когда над нами пролетала Крылатая

Тень, Феоден изменил план и решил под покровом ночи возвращаться в свое горное гнездо.

— А оттуда? — спросил Леголас.

— Пока не знаю, — ответил Арагорн. — Король собирался в Эдорас, где через четыре ночи объявлен по его воле большой смотр войск. Вероятно, там его будут ждать вести о войне, и всадники Рохана двинутся на помощь Минас Тириту. Что же до меня и тех, кто захочет пойти со мной…

— Я первый! — крикнул Леголас.

— Гимли второй! — присоединился гном.

— Что до меня, то ничего еще не ясно, — продолжал Арагорн, — Я должен идти в Минас Тирит, но пока не вижу туда дороги. Скоро наступит долгожданный час.

— Возьми меня с собой, — попросил Мерри. — От меня пока было мало пользы, но я не хочу оставаться в углу, как мешок, который вытащат, когда все кончится. Рохирримы, наверное, не захотят со мной возиться. Король, правда, намекал, что послушал бы мои рассказы о Хоббитшире, когда вернется домой.

— Именно, — сказал Арагорн. — Думаю, что твоя дорога — с королем, Мерри. Только не жди на ней одних радостей. Боюсь, что не скоро Феоден сможет спокойно сесть на свой трон в Медуселде.

Много надежд увянет этой горькой весной, не успев расцвести.

* * *

Вскоре все были готовы в путь: двадцать четыре коня, на одном из которых сидел Гимли позади Леголаса, и еще на одном — Мерри перед Арагорном. Выехали ночью и поскакали быстро. Но не успели далеко отъехать от кургана и бродов на Исене, как замыкающий всадник галопом догнал передних и доложил королю:

— Государь, нас догоняют верховые. Еще на переправе мне послышался стук копыт. Теперь я уверен. Они быстро скачут.

Феоден остановил отряд. Рохирримы повернули коней и схватились за копья. Арагорн спешился, поставил Мерри на землю, обнажил меч и встал у королевского стремени. Эомер с оруженосцем галопом отъехал к замыкающим. Мерри больше чем когда-либо чувствовал себя ненужным мешком и пытался сообразить, как себя вести, если будет бой. Что, если враги разобьют немногочисленный королевский отряд, а ему удастся скрыться в темноте? Он же понятия не имеет, где находится. Как выжить, как одному найти дорогу в бескрайних роханских степях?

«Ой, плохо», — подумал он, вытащил меч из ножен и подтянул пояс.

Тут на луну наплыло большое облако, а когда она вынырнула, все услышали конский топот и увидели темные силуэты всадников, быстро скачущих от бродов. В свете луны поблескивали наконечники копий. Число преследователей трудно было определить, но похоже было, что их не меньше, чем королевских гвардейцев.

Когда они приблизились шагов на пятьдесят, Эомер громко крикнул:

— Стой! Кто едет по полям Рохана?

Преследователи осадили коней. Стало тихо. Рохирримы увидели, как один из чужаков спрыгнул с коня и медленно направился к ним, протянув руку ладонью вверх в знак мирных намерений. Рука казалась очень белой в лунном луче. Но рохирримы не шевельнулись и копий не опустили. Незнакомец остановился в десяти шагах высокой темной тенью и звучным голосом произнес:

— Ты сказал «поля Рохана»? Слово «Рохан» — радость для нас. Мы едем издалека и ищем именно его.

— Вы его нашли, — ответил Эомер. — Перейдя брод, вы перешли его границу. Это земля короля Феодена. Никто не смеет топтать ее без королев-

ского дозволения. Кто вы, куда и зачем спешите?

— Я Халбард дунадан, скиталец с севера! — выкрикнул незнакомец. — Ищу Арагорна сына Араторна; до нас дошла весть, что он в Рохане.

— Его ты тоже нашел! — вскричал Арагорн, бросил хоббиту поводья, подбежал к дунадану, и они крепко обнялись.

— Халбард! Всего мог ожидать, но не такой удачи!

Мерри вздохнул свободней. Он боялся, что это окажется последней подлостью Сарумана, который сумел вырваться и решил перехватить короля в чистом поле, зная, что у него мало охраны. Тогда пришлось бы пасть, защищая чужой трон, но, видно, этот час еще не пробил. Хоббит сунул меч в ножны.

— Все в порядке, — объявил Арагорн, возвращаясь к Феодену. — Это мои родичи из далекой страны, где я жил раньше. Почему они прибыли и сколько их, ответит сам Халбард.

— Со мной тридцать воинов, — сказал Халбард. — Столько в нашем роду откликнулось на первый зов. И к нам присоединились братья Элладан и Элрохир, пожелавшие принять участие в войне. Мы сели на коней сразу, как ты нас позвал, и спешили что было сил.

— Но я вас не звал! — воскликнул Арагорн. — Разве только мысленно. В мыслях я часто летел к вам, особенно прошлой ночью, но гонца не посылал. Однако сейчас не время говорить об этом. Вы встретили нас в опасном и спешном походе. Присоединяйтесь к нам с соизволения короля.

Рад был Феоден встрече.

— Как хорошо! — сказал он. — Если твои родичи похожи на тебя, Арагорн, то тридцать рыцарей — сила, которая оценивается не числом.

* * *

Дальше поскакали вместе. Арагорн некоторое время ехал среди дунаданов. Когда они рассказали друг другу о важнейших событиях на севере и на юге, Элрохир обратился к Арагорну:

— Отец велел передать тебе такие слова: *«Дней осталось мало. Если спешишь, вспомни о Тропе Умерших»*.

— Я всегда боялся, что для выполнения завещанного дней моей жизни окажется мало, — ответил Арагорн. — Но чтобы осмелиться вступить на эту тропу, надо поистине очень спешить.

— Всему свой черед, — сказал Элрохир. — Сейчас, в открытом поле, лучше об этом не говорить.

Арагорн повернулся к Халбарду:

— А ты что везешь, родич? — спросил он, увидев у воина вместо копья что-то длинное, обвитое черной тканью, крепко стянутой ремнями.

— Везу тебе дар Хозяйки Райвендела, — ответил Халбард. — Она делала это в полной тайне очень долго и послала тебе со словами: *«Дней осталось мало. Скоро сбудется наша надежда или настанет конец всем надеждам в мире. Шлю тебе работу моих рук. Будь удачлив в пути, Камень Эльфов!»*

И Арагорн сказал:

— Я понял и знаю, что это. Но пока, прошу, подержи этот дар у себя.

Он отвернулся и посмотрел на север, где светили крупные звезды, а потом задумался и до утра молчал.

* * *

Небо уже серело, ночь прошла, когда они проехали Хельмское поле и подскакали к Рогатой Башне. Здесь, наконец, можно было отдохнуть, выспаться и подумать.

Мерри спал крепко и проснулся, только когда его разбудили Леголас и Гимли.

— Солнце высоко, — сказал эльф. — Все давно

встали. Поднимайся, ленивец, давай осмотрим крепость, пока есть время.

— Три ночи назад тут была битва, — объяснил Гимли. — Здесь мы с Леголасом состязались, кто больше врагов убьет, и я выиграл, правда, всего на одного орка. Идем, мы тебе все расскажем. А какие тут пещеры, какие изумительные пещеры! Мы туда не успеем, Леголас?

— Нет, на это времени не хватит, — ответил эльф. — Испортишь удовольствие спешкой. Я же дал тебе слово, что в один из первых мирных дней вернусь сюда с тобой вместе. А сейчас время к полудню, в полдень пообедаем и сразу выступим, так я слышал.

Мерри встал, продолжая зевать. Нескольких часов сна ему не хватило, усталость не прошла, и он ощущал какое-то внутреннее беспокойство. Ему очень недоставало Пипина, мешало сознание, что он здесь для всех обуза. Огромины строили планы, которые он не до конца понимал, все куда-то спешили…

— Где Арагорн? — спросил он.

— В верхних покоях Башни, и уже долго, — ответил Леголас. — Похоже, он вообще не спал и не отдыхал. Пошел наверх, сказал, что должен собраться с мыслями. С ним один Халбард. По-мо-

ему, его одолевают сомнения и тревоги.

— Странные эти пришлецы, — произнес Гимли. — Высокие и величественные; рохирримы перед ними зелеными юнцами кажутся. А какие у них лица — овеяны всеми ветрами, суровые, как скалы. Они похожи на Арагорна и почти все время молчат.

— Но если заговорят, то тоже, как Арагорн, умно и учтиво, — сказал Леголас. — А ты обратил внимание на братьев Элладана и Элрохира? У них плащи светлее, и сами они веселы, а красивы, как эльфийские королевичи. Дивиться тут, конечно, нечему, это ведь сыновья Элронда из Райвендела.

— Зачем они здесь? Ты не знаешь, Леголас? — спросил Мерри. Он, наконец, умылся, оделся и запахнул серый плащ.

Три друга шли к разбитым воротам крепости.

— Ты же слышал, что они явились по вызову, — сказал Гимли. — Они говорят, что в Райвендел пришла весть: *«Арагорну нужна помощь родичей. Пусть дунаданы спешат в Рохан»*. А кто послал эту весть, неизвестно. Я думаю, что ее мог послать Гэндальв.

— Нет, это, скорее, Галадриэль, — предположил Леголас. — Разве не она устами Гэндальва пред-

сказала прибытие Серой дружины с севера?

— Вот это точно! — воскликнул Гимли. — Владычица Леса! Она умеет читать в сердцах и угадывать желания. А почему мы с тобой не пожелали вызвать своих соплеменников, Леголас?

Леголас остановился у ворот и устремил ясный взгляд вдаль, на северо-восток. По его красивому лицу прошла тень грусти.

— Я думаю, они бы не пришли, — ответил он. — Зачем спешить навстречу войне, когда она уже идет по их землям?

* * *

Некоторое время друзья ходили по крепости и разговаривали, вспоминали разные случаи из недавней битвы, а потом вышли из разбитых ворот, миновали свежие курганы на нежно-зеленой траве, поднялись на Хельмский вал и посмотрели сверху на равнину. Посреди нее торчал огромный черный Смертный Горб, а вокруг него трава и земля были истоптаны тяжкими ногами хьорнов.

Люди из гарнизона Рогатой Башни и пленные дунландцы работали, поправляя разрушенный Вал, восстанавливая стены. Непривычный покой охватил все вокруг, измученное поле отдыхало после страшной бури. Постояв на ветру, друзья

вернулись в Башню на обед.

Король уже был в зале, и как только они вошли, подозвал к себе Мерри и указал ему место возле себя.

— Пир не такой, как я хотел бы, — сказал он. — Ибо здесь все не так, как в моем Золотом Доме. И нет твоего друга, который должен был бы сидеть рядом с нами. Но, наверное, не скоро мы сможем вместе сесть за стол в Медуселде. Когда я туда вернусь из этого похода, будет еще не до пиров. Так давай же здесь есть, пить и беседовать, пока можем. Потом поедешь со мной.

— Правда? — воскликнул Мерри, смущенный и обрадованный. — Это замечательно! — Никогда еще он не был никому так благодарен за ласковое слово. — Я боюсь, что буду всем мешать в походе, — продолжал хоббит. — Но я хотел бы пригодиться и готов сделать все, что смогу, все-все!

— Не сомневаюсь, — ответил король. — Я приказал найти для тебя крепкого горного пони. По тем дорогам, которые нам предстоят сейчас, он будет идти наравне с большими лошадьми. Мы ведь отсюда в Эдорас поскачем не по равнине, а по горным тропам, через Дунгарское Укрытие, где меня ждет Эовина. Если хочешь, стань моим ору-

женосцем. Эомер, в здешней оружейне найдутся подходящие доспехи для моего оруженосца?

— Оружейня тут скромная, повелитель, — ответил Эомер. — Но, может быть, легкий шлем найдем. Доспехов и мечей на его рост нет.

— Меч у меня есть! — заявил Мерри, слезая с табурета и доставая блестящий мечик из маленьких черных ножен. В мгновенном порыве он вдруг упал перед старцем на одно колено и поцеловал его руку. — Король Феоден! — воскликнул хоббит. — Позволь мне сложить к твоим ногам меч Мерриадока из Хоббитшира! Прими мою службу!

— С радостью приму, — ответил король и, положив длинные старческие ладони на темные кудри хоббита, торжественно его благословил, а потом сказал: — Встань, Мерриадок, воин Рохана, я беру тебя в королевский дом в Медуселде! Возьми свой меч, и пусть он тебе счастливо и славно служит!

— Будь мне отцом, милостивый король! — сказал Мерри.

— Ненадолго — согласен, — ответил Феоден.

* * *

Так они беседовали за столом, и ели, и пили; наконец Эомер объявил:

— Король, близится назначенный тобой час. Приказать, чтобы заиграли рога? Но где Арагорн? Его место не занято, он еще не ел.

— Готовьтесь выступать, — ответил Феоден. — Арагорна предупредите, что скоро едем.

Король с Мерриадоком в окружении личной свиты вышел из ворот крепости на луг, где ждали конники. Собралось целое войско, потому что в крепости король теперь оставлял лишь малый гарнизон, а всех остальных вел в Эдорас на общий смотр. Ночью из Хельмской Теснины туда уже поскакала тысяча копейщиков, и около пятисот всадников должны были сопровождать короля. В основном это были воины из Западной Лощины.

Стражи-скитальцы выстроились отдельно, в строгом порядке, молча; вооружены они были копьями, луками и мечами. На них были темно-серые плащи и капюшоны поверх шлемов. Их сильные кони странной породы с жесткой шерстью стояли как вкопанные. Один оседланный скакун без седока ждал Арагорна. Этого коня, по имени Рохерин, привели для него с севера. Ни в

конской сбруе, ни в одежде дунаданов, ни на их доспехах не было дорогих украшений и гербов. Золота и камней они не носили. Единственное, что их отличало, — серебряная звезда-застежка на левом плече.

Король сел на Снежногривого, Мерри вскочил на пони, которого звали Корешок.

В это время из ворот крепости вышел Эомер, за ним — Арагорн и Халбард, несший длинное древко, обмотанное черной тканью, позади — два высоких стройных воина без возраста, Элладан и Элрохир. Так похожи были сыновья Элронда друг на друга, что мало кто их различал: оба темноволосые, сероглазые, с тонкими, как у эльфов, лицами, одинаково одетые в блестящие кольчуги под серебристыми плащами. За ними шли Леголас и Гимли. Но Мерри смотрел только на Арагорна, дивясь произошедшей в нем перемене, — за одну ночь воин словно постарел на много лет, был хмур и казался очень усталым.

— Меня раздирают сомнения, король, — сказал он, подходя к Феодену и останавливаясь у его стремени. — Я получил необычный совет, а вдали отсюда вижу новые беды. Я долго думал, и, по-видимому, мне придется изменить прежние планы. Скажи, сколько времени займет твой путь

в Дунгарское Укрытие?

— Уже прошел час после полудня, — ответил за короля Эомер. — В Укрытии мы будем под вечер на третий день от сегодняшнего. Будет первая ночь полнолуния, а на следующий день в Эдорасе объявлен Смотр войск. Если мы хотим собрать все силы Рохана, ускорить ничего не удастся.

Арагорн помолчал.

— Три дня, — наконец прошептал он. — Через три дня лишь начнется смотр войск. Я понимаю, что эти сроки нельзя сократить…

Он поднял голову, и по его посветлевшему лицу нетрудно было теперь угадать, что решение принято. — Прости, король, но сейчас я со своими побратимами вынужден тебя покинуть. У нас своя дорога, мы поедем открыто. Мне больше незачем таиться. Кратчайшим путем поспешу я на восток — пройду Тропой Умерших.

— Тропой Умерших? — вздрогнул Феоден. — Зачем вспоминать о ней?

Эомер отшатнулся и посмотрел Арагорну в глаза. Мерри показалось, что лица всех, кто стоял близко и слышал эти слова, побледнели.

— Если действительно существует такая тропа, — продолжал король, — то она начинается близ Дунгарского Укрытия. Но живым нельзя

туда ходить.

— Увы, друг Арагорн! — сказал Эомер. — Я надеялся, что мы с тобой рука об руку пойдем воевать, но раз ты выбрал Тропу Умерших, нам придется разойтись, и вряд ли я снова увижу тебя под солнцем!

— Я все-таки выбираю эту дорогу, — ответил Арагорн. — Но говорю тебе, что в решительном бою мы снова сможем оказаться рядом, мой Эомер, даже если вся мощь Мордора встанет между нами.

— Поступай, как знаешь, Арагорн, — произнес Феоден. — Наверное, тебе судьба велит выбирать странные пути, на которые другим не дано вступать. Наша разлука повергает меня в печаль и умаляет мои силы. Но мы сами едем в горы, медлить больше нельзя. Будь здрав.

— Здрав будь, король Феоден! Поезжай вперед к великой славе. Будь здоров, Мерри! Оставляю тебя в надежных руках, о чем и мечтать не мог, когда мы гнались за орками до самого Фангорна! Надеюсь, что Леголас и Гимли продолжат охоту со мной. Но мы о тебе не забудем.

— До свиданья! — проговорил Мерри и больше ничего не смог выдавить из себя.

Он казался себе очень маленьким, все эти

слова были ему непонятны и звучали угнетающе. Больше чем когда-либо, он затосковал по неунывающему Пипину. Ему захотелось, чтобы все поскорее кончилось, даже это прощание. Всадники были готовы, кони нетерпеливо били копытами.

Феоден отдал приказ Эомеру. Полководец поднял руку и громко крикнул. Войско тронулось. Переехав вал, всадники поскакали ложбиной, потом по зеленому полю, потом резко свернули к востоку на проселок, вьющийся по предгорьям. Примерно через милю проселок сделал петлю на юг, превратился в тропу и исчез в горах.

Арагорн въехал на вал и долго смотрел вслед удалявшемуся королевскому войску. Когда оно скрылось из виду, он обернулся к Халбарду:

— Я простился с тремя друзьями, которых полюбил: меньший из них мне особенно дорог, — сказал он. — Он не знает, навстречу какой судьбе отправился, но если бы и знал, наверное, не свернул бы с дороги.

— Хоббитширский народец ростом мал, но достоинств в нем много, — произнес Халбард. — Они, конечно, не знают о наших многолетних трудах, но потрудиться ради них не жаль.

— Наши судьбы переплелись, — ответил

Арагорн. — Но сегодня, увы, необходимо было расстаться. Мне надо поесть, потом мы тоже выступим, не задерживаясь. Идем, Леголас, идем, Гимли, поговорим за обедом, другого времени нет.

Они вместе вернулись в крепость.

* * *

За столом Арагорн некоторое время молчал, а друзья ждали, чтобы он заговорил первым. Наконец Леголас решил прервать молчание.

— Говори! — обратился он к Арагорну. — Сбрось тяжесть с сердца, отряхни печаль. Что случилось за те часы, что прошли после нашего въезда хмурым утром в эту хмурую крепость?

— Схватка потруднее, чем битва за Рогатую Башню, — ответил Арагорн. — Я смотрел в Камень Ортханка, друзья.

— Ты заглянул в этот проклятый Камень? — крикнул потрясенный Гимли. — Значит, ты говорил с… *Ним*? Даже Гэндальв боялся этой встречи.

— Не забывай, с кем говоришь, — строго оборвал его Арагорн, сверкнув глазами. — Разве ты не слышал у ворот Эдораса, кто я? И я, потвоему, мог ему что-нибудь выдать?! Нет, мой

Гимли, — добавил он более теплым тоном, его лицо смягчилось, и они увидели, как он устал от многотрудных бессонных ночей. — Нет, друзья, я полноправный хозяин этого шара, и кроме права, у меня есть сила, чтобы им пользоваться. Во всяком случае, я так думал. Что касается права, оно несомненно. Но вот силы мне едва хватило на первую пробу.

Арагорн глубоко вздохнул.

— Это была страшная борьба, она меня измучила. Я ни слова не ответил Тому, и в конце заставил Камень подчиниться моей воле. Уже одно это — поражение для Врага. Но он увидел меня. Да, Гимли, он меня увидел, и не в том обличье, в котором ты видишь меня здесь. Если ему удастся использовать это, значит, я совершил непростительную ошибку. Надеюсь, что не удастся. Весть о том, что я жив и хожу по земле, для него большой удар. Он не ведал об этом до сегодняшнего дня. Соглядатаев из Ортханка ввели в заблуждение роханские доспехи. Но Саурон не забыл ни Исилдура, ни меча Элендила. В решающий час, когда он начинает осуществлять большие планы, он увидел наследника Исилдура и увидел меч. Ибо я показал ему перекованный клинок. Он уже не так силен, чтобы не знать страха. И его гложут

сомнения.

— Но у него сильное государство, — сказал Гимли. — И теперь он быстрее ударит.

— Поспешный удар часто попадает мимо цели, — ответил Арагорн. — Но мы должны наступать, теперь поздно сидеть и ждать, когда он сделает первый ход. Знайте, друзья, что подчинив себе Зрящий Камень, я сам узнал многое. Увидел страшную опасность, грозящую Гондору с неожиданной стороны, с юга. Туда оттянется много сил от защиты Минас Тирита. Если мы не отвратим эту угрозу, не пройдет и десяти дней, как город падет.

— Значит, падет, — сказал Гимли. — Какую помощь мы ему пошлем отсюда, и когда бы она туда пришла? Что мы можем сделать?

— Подкрепления выслать я не могу, значит, должен идти сам, — ответил Арагорн. — Есть только одна дорога через горы, которая приведет нас в прибрежные страны раньше, чем все погибнет. Это — Тропа Умерших.

— Тропа Умерших… — повторил Гимли. — Жуткое название. Я заметил, что рохирримы его очень не любят. Ты уверен, что живые могут там пройти и не пропасть? И даже если мы там пройдем, что мы втроем сможем сделать против

мощи Мордора?

— С тех пор как рохирримы осели в здешних краях, — сказал Арагорн, — никто из живых не вступал на ту тропу. Ибо она для них закрыта. Но в черный час наследник Исилдура может по ней пройти, если хватит мужества. Слушайте. Вот какое слово принесли мне сыновья Элронда из Райвендела от своего мудрого отца, искушенного в ученых книгах: *«Пусть Арагорн вспомнит слова пророка и Тропу Умерших».*

— Как звучат слова пророка? — спросил Леголас.

— Пророк Малбет, во времена Арведа, последнего короля Форноста, сказал так:

Черная Тень легла над краем,

Простерла крыло на запад.

Стены Башни дрожат. Решаются судьбы

Могил монархов. Восстаньте, Умершие!

Клятвопреступникам час пробил.

К Черному Камню вершины Эрк

Идите, где голосом гор — Рог.

Чей рог? Кто воззвал?

Кто скликает Забытых из серого мрака?

В час испытаний грядет с полночи

Потомок того, кому присягали.

Он шагнет на Тропу Умерших.

— Темен тот путь, конечно, — сказал Гимли. — А эти слова еще темней, ничего я не понял.

— Если хочешь понять, пойдем со мной, — сказал Арагорн. — Ибо мой путь определен. Я иду не по своей охоте. Сейчас так надо. Но ты, если пойдешь, должен сделать это добровольно, иначе я не смогу взять тебя с собой. Знай, на этом пути тебя ожидает и труд, и страх, и, может быть, что-нибудь еще хуже.

— Я пойду за тобой на Тропу Умерших и пройду ее, — сказал Гимли.

— И я тоже, — сказал Леголас. — Я не боюсь мертвых.

— Надеюсь, что Забытые не забыли военного дела, — добавил Гимли, — чтобы не зря их будить.

— Это мы узнаем, если доберемся до горы Эрк, — ответил Арагорн. — Присяга, которую они нарушили, обязывала их вступить в бой с Сауроном, и они должны воевать, чтобы ее выполнить. На горе Эрк есть Черный Камень, поставленный,

как говорят, Исилдуром, который привез его из Нуменора. На заре могущества Гондора король горцев присягнул на нем Исилдуру на верность. Когда же Саурон вернулся и вернул себе былую мощь, Исилдур призвал народ гор и потребовал выполнения обещаний. Горцы отказались, ибо еще раньше, в Черные годы, служили Саурону. Тогда Исилдур сказал их королю: «Быть тебе последним королем своего племени! Если Нуменор окажется сильнее Черного Властелина, на твой народ падет заклятие; и не знать ему покоя, пока не исполнит присягу. Война продлится много столетий, вас еще однажды позовут в бой».

Горцы бежали от гнева Исилдура и не осмелились вступить в бой ни на чьей стороне. Они прятались в тайных горных убежищах, избегая встреч с другими племенами, и отступали все выше, к бесплодным вершинам, пока все не исчезли из жизни. Но ужас остался, ужас неупокоившихся Умерших; он пребывает на горе Эрк и везде, где когда-то жило это племя. Я должен идти туда, потому что никто из живых мне сейчас не поможет.

Арагорн встал.

— В путь! — крикнул он, доставая меч. Андрил мрачно сверкнул в потемневшем зале. — К Чер-

ному Камню горы Эрк! Я ищу Тропу Умерших! Кто готов — за мной!

Леголас и Гимли без единого слова встали и вышли за Арагорном из зала. На лугу по-прежнему ждали в седлах молча замершие стражи-скитальцы в капюшонах. Леголас и Гимли сели на коня. Арагорн вскочил на Рохерина. Халбард поднял большой рог, его голос эхом прокатился по Хельмской Теснине.

Люди из гарнизона Рогатой Башни с удивлением смотрели, как дружина Арагорна сорвалась с места в карьер и вихрем умчалась по полю, оглашая его громом копыт.

* * *

В то время как войско Феодена медленно ползло по горным тропам, Серая дружина молниеносно пересекла равнину и к полудню следующего дня уже была в Эдорасе. Здесь коням дали короткий отдых, и Арагорн снова тронулся в путь, чтобы к вечеру оказаться в Дунгарском Укрытии.

Эовина с радостью встретила и приняла гостей, она в жизни не видела таких могучих воинов, как дунаданы, и таких красавцев, как сыновья Элронда, но чаще всего останавливала взгляд на Арагорне. За столом она посадила его по правую

руку от себя и много с ним говорила, и он рассказал ей о событиях, случившихся после выезда Феодена из Эдораса, о которых она знала лишь из скупых сообщений гонцов.

У девушки заблестели глаза, когда она слушала рассказ о битве в Теснине Хельма, о разгроме захватчиков и о том, как король сам повел в бой своих рыцарей.

Наконец она произнесла:

— Вы устали, досточтимые гости, вас ждет отдых. Вам на скорую руку приготовлены постели, может быть, не очень удобные, но утром мы постараемся устроить вас получше.

Но Арагорн сказал:

— Не беспокойся о нас, госпожа. Нам довольно того, что ночь мы проведем под кровом и утром получим еду. Ибо неотложное дело гонит меня в путь. С первым лучом рассвета мы двинемся дальше.

Эовина улыбнулась ему и сказала:

— Очень любезно с твоей стороны, достойнейший, что ты проехал столько миль в сторону от дороги всего лишь ради того, чтобы потешить бедную изгнанницу Эовину новостями.

— Нет на земле мужа, который не счел бы за счастье такой труд, — ответил Арагорн, — но

ради одного этого я бы сюда не ехал. Мой путь пролег через Дунгарское Укрытие.

Видно было, что ответ ей не понравился. И она сказала:

— В таком случае, мой господин, ты ошибаешься. Из этих земель нет дорог ни на восток, ни на юг. Тебе придется вернуться тем путем, которым ты пришел.

— Нет, не ошибаюсь. Я знаю эту землю, ибо ходил по ней раньше, чем родилась ты, чтобы ее украсить. Есть из этой долины дорога, и ее я выбрал. Утром вступлю на Тропу Умерших.

Эовина сильно побледнела и смотрела на него, как громом пораженная. Она долго молчала, и молчали все вокруг.

— Ты ищешь смерти, Арагорн? — спросила она, когда голос к ней вернулся. — Ибо больше ничего нельзя найти на той Тропе. Умершие не пускают к себе никого из живущих.

— Меня они пропустят, — сказал Арагорн. — Во всяком случае, я должен рискнуть. У меня сейчас нет другого пути.

— Но это безумие! — воскликнула она. — С тобой славные и мужественные рыцари, ты должен вести их не в тень смерти, а на поле битвы, где они нужны! Молю тебя, останься. Езжай на войну

вместе с моим братом. Твое присутствие укрепит наши сердца и придаст надежду.

— Я не безумен, — ответил Арагорн. — Ибо вступаю на путь, который мне предназначен. Те, кто идет со мной, решились на это по своей воле. Если захотят, они могут остаться здесь и потом воевать вместе с рохирримами. Тогда я пойду один, ибо в этом сейчас мой долг.

Они кончали ужин в молчании, хотя Эовина не сводила глаз с Арагорна. Видно было, что она в волнении и растеряна. Наконец все встали из-за стола, низко поклонились хозяйке, поблагодарили за гостеприимство и разошлись на отдых. Когда Арагорн шел к шатру, где должен был спать вместе с Леголасом и Гимли, он вдруг услышал голос Эовины. Девушка бежала за ним, окликая его по имени. Арагорн обернулся и увидел словно нежный свет, ибо она была в белом наряде; но глаза ее горели огнем.

— Арагорн, зачем ты идешь дорогой смерти? — спросила она.

— Я должен, — ответил он. — Сейчас в этом — моя единственная надежда чего-нибудь добиться в войне с Сауроном. Сам я не выбираю опасных дорог, Эовина. Если бы я мог идти туда, где осталось мое сердце, я бы пошел далеко на север и

жил бы в прекрасной долине, которая называется Райвендел.

С минуту Эовина молчала, будто пытаясь разгадать, что означали эти слова. Потом вдруг положила руку ему на локоть.

— Ты суров и решителен, — сказала она. — Такие добывают себе славу. — И добавила: — Если ты должен идти по этой дороге, позволь мне присоединиться к твоей свите. Я устала прятаться в горных норах, хочу в открытом бою встретить опасность.

— Твой долг — остаться со своим народом, — ответил он.

— Опять долг! Только и слышу о долге! — вскричала королевна. — Разве я не дочь рода Эорла, которой больше пристало носить оружие, чем нянчиться со стариками и детьми? Я слишком долго ждала и преклоняла колени. Сейчас, когда я твердо стою на ногах, разве не могу я сама распорядиться своей жизнью?

— Немногие при этом добывают славу, — ответил Арагорн. — А ты разве не взяла на себя бремя власти и заботы о людях, пока не вернется король? Если бы избрали не тебя, а кого-нибудь другого из советников и военачальников, смог ли бы он так просто сбросить обязанности, даже

если бы устал от них?

— Почему именно на меня пал выбор? — с горечью воскликнула она. — Почему я всегда должна оставаться дома, когда всадники выезжают в поле, следить за хозяйством, когда они добывают славу, ждать их возвращения и готовить для них еду и ночлег?

— Скоро может прийти такой день, когда никто из выехавших в поле не вернется, — сказал Арагорн. — Тогда понадобится мужество без славы, потому что никто не узнает о подвигах, совершенных в последней попытке защитить дом. Но ведь мужества не убудет от того, что его не прославят.

На что она ответила:

— Это красивые слова, а означают они лишь одно: ты женщина, сиди дома. Когда мужи полягут в битве на поле славы, ты можешь поджечь дом и сгореть вместе с ним, мужчинам он уже не будет нужен. Но я не служанка, я из рода Эорла. Я умею сидеть на коне и владеть мечом, и не боюсь ни боли, ни смерти.

— А чего ты боишься, Эовина? — спросил Арагорн.

— Клетки, — сказала девушка. — Боюсь прождать за решеткой, пока усталость и старость не примирят меня с ней, пока надежда на великие

дела не только уйдет, но перестанет манить за собой.

— И несмотря на это, ты мне советуешь отказаться от своего пути лишь потому, что он опасен?

— Другим можно давать советы, — ответила она. — Я не уговариваю тебя бежать от опасности, а зову на бой, где ты можешь мечом заслужить славу. Не терплю, когда высокие ценности пропадают зря!

— Я тоже, — сказал Арагорн. — Поэтому говорю тебе, Эовина, останься! У тебя нет обязанностей на юге.

— У тех, кто идет за тобой, тоже их нет. Но они идут, потому что не хотят с тобой расставаться. Потому что тебя любят!

Девушка повернулась и ушла в ночь.

* * *

Как только небо посветлело, хотя солнце еще не поднялось из-за высоких восточных хребтов, Арагорн отдал приказ выступать. Дружина была уже на конях, он тоже собирался сесть в седло, когда Эовина пришла прощаться. На ней были доспехи всадника и меч у пояса. В руке она держала кубок, из которого отпила глоток, пожелав

гостям счастливого пути, после чего протянула его Арагорну, и он осушил кубок, сказав:

— Прощай, королевна Рохана. Пью за расцвет твоего рода, за твою удачу, за твой народ. Скажи брату мои слова: «*По ту сторону Тьмы мы снова встретимся*!»

Гимли и Леголасу, стоявшим рядом, показалось, что Эовина сдерживает слезы, их тронула ее печаль, тем более что она была горда и смела. Она только спросила:

— Едешь, Арагорн?

— Еду, королевна.

— И не позволишь мне ехать в твоей свите, как просила?

— Нет, королевна! Не могу позволить без ведома твоего короля и твоего брата. Но они придут не раньше, чем завтра вечером, я же не могу терять ни часа, ни минуты! Будь здорова!

Девушка упала на колени:

— Молю тебя!..

— Нет, королевна! — ответил он еще раз, поднял ее за руку с колен, потом нагнулся, поцеловал ей руку, вскочил в седло и помчался вперед, не оглядываясь. Только те, кто хорошо его знал, поняли, как ему было трудно в эту минуту.

Эовина словно окаменела. Опустив руки и стис-

нув пальцы, смотрела она вслед всадникам, пока они не скрылись под черной стеной Безумной горы Двиморберг, в которой были Ворота Умерших. Потом она повернулась и, спотыкаясь, как слепая, пошла к своему шатру. Из ее подданных никто не видел этого прощания, потому что от страха все попрятались по шатрам и боялись выйти, пока солнце не согреет ущелье и пока совсем не уйдут чужаки, не боящиеся мертвецов.

Некоторые говорили:

— Это эльфийское семя. Пусть идут туда, где их место, в свои темные страны, и не возвращаются. Нам без них хватает бед.

* * *

Дружина скакала в сером полумраке, потому что солнце еще не поднялось из-за черного гребня Безумной горы. Им всем стало не по себе, когда два ряда старых камней привели их к урочищу Димгол. Здесь, под черными деревьями, мрачная тень которых даже Леголасу показалась жуткой, они увидели глубокое ущелье у подножия горы, а перед ним посреди дороги — огромный одинокий камень, как перст, указующий гибель.

— Кровь в жилах стынет, — сказал Гимли.

Остальные молчали, и голос гнома прозвучал

глухо, будто упал на влажную подушку еловых игл под ногами и в ней пропал. Кони вздрагивали и прядали ушами, отказываясь идти мимо страшного камня, всадникам пришлось спешиться и вести их в поводу. Так они спустились в ущелье и дошли до стены, в которой, словно пасть ночи, зияли Черные Ворота. Знаки и цифры на арке ворот, вырезанные в незапамятные времена, почти стерлись за прошедшие века, но ужас навис над воротами, как серое облако.

Дружина остановилась, и, наверное, не было в ней ни одного сердца, не дрогнувшего от страха, кроме сердца Леголаса, ибо эльфы не боятся людских призраков.

— Зловещие ворота, — сказал Халбард. — За ними моя смерть. Я несмотря ни на что туда войду, но кони не хотят.

— Если мы пойдем, значит, и кони должны идти с нами, — сказал Арагорн. — Если нам удастся пройти сквозь Тьму, останется еще много гонов пути, каждый час промедления на руку Саурону. За мной, вперед!

Он вошел в гору первым, и так сильна была его воля в ту минуту, что все дунаданы, как один, шагнули за ним, а их кони дали себя повести. Кони скитальцев сжились со своими хозяева-

ми и готовы были привыкнуть даже к темноте подземелья, ибо чувствовали, что хозяева не колеблются. Один Эрод, конь из Рохана, задрожал, обливаясь потом, и заржал так, что его стало жалко. Леголас закрыл ему руками глаза и пропел несколько слов. Слова прозвучали ласково и печально. Конь успокоился, эльф пошел рядом с ним, и так вместе они вошли в гору. Последним остался Гимли. У него вдруг задрожали колени, и он рассердился на себя.

— Неслыханно, — пробурчал он. — Эльф идет в подземелье, а гном боится!

С этими словами он переступил порог. Но ему показалось, что ноги у него стали чугунными, и охватила его такая тьма, что даже он, Гимли сын Глоина, без страха измеривший глубочайшие подвалы мира, вдруг ослеп.

* * *

Арагорн в Дунгарском Укрытии запасся факелами и, идя впереди, держал один факел высоко над головой. Второй нес Элладан, шедший последним в дружине. Гимли, спотыкаясь, пытался от него не отставать. Он ничего не видел, кроме дымного пламени факела, но когда дружина на мгновение останавливалась, ему казалось, что

со всех сторон доносится шепот, приглушенный говор голосов на языке, которого он ни разу в жизни не слышал.

Никто на них не нападал, никаких препятствий они не встречали, но с каждой минутой гному становилось все страшнее. Теперь он осознал, что на этом пути нет возврата назад, и понял, что за дружиной шаг в шаг идет невидимая толпа, войско призраков во тьме.

Так они шли, не считая часов, и вот Гимли увидел то, о чем потом ни за что вспоминать не хотел. Коридор, по которому они двигались в темноте, с самого начала был довольно широк, а тут стены расступились еще шире, и дружина вдруг оказалась в обширном подземном зале. Здесь на гнома напал такой страх, что ноги чуть не отнялись. Далеко слева что-то заблестело, и Арагорн с факелом направился именно туда. Может быть, он хотел взять блестящий предмет?

«Как он не боится? — подумал гном. — В любой другой пещере Гимли сын Глоина первым побежал бы на блеск золота, но не здесь! Пусть оно лежит себе спокойно!»

Но он все-таки подошел ближе и увидел, что Арагорн встал на колени. Элладан светил ему двумя факелами. Перед ними лежал скелет гро-

мадного воина в кольчуге, рядом оружие, не рассыпавшееся от ржавчины, потому что в пещере было необыкновенно сухо; кольчуга была позолочена, золотой пояс украшен гранатами, как и богатый шлем, надетый на череп. Лежал он лицом вниз перед нишей с запертой каменной дверью. Конец пути! Пальцы мертвеца были втиснуты в просеченную в камне щель, а зазубренный меч, брошенный рядом, говорил о том, что воин в смертельном отчаянии пытался прорубить выход в камне.

Арагорн не тронул скелета, но долгим взглядом молча смотрел на него, потом встал и глубоко вздохнул.

— Над этим несчастным до конца света не зацветут симбельмины! — шепнул он. — Девять и семь курганов зеленеют под солнцем, а он столько лет пролежал под дверью, которую не смог открыть. Куда она ведет? Почему он хотел пройти? Никто не узнает…

— Мне нет дела до ваших дел! — вдруг закричал он, обратившись к звучащей тьме подземелья. — Прячьте свои сокровища и свои тайны, рожденные в Черные годы! Я ничего не желаю, только успеть вовремя! Дайте нам пройти и идите за нами, я зову вас к Камню горы Эрк!

* * *

Ему никто не ответил, если не считать ответом вдруг наступившую тишину, более пугающую, чем перед этим неясные шепоты. Потом повеяло холодом, факелы замигали, замерцали и погасли. Больше разжечь их не удалось. Что происходило дальше, прошел час или много часов, Гимли просто не запомнил. Дружина шла вперед, он все время бежал последним, его гнал страх, ему казалось, что невидимая толпа вот-вот его раздавит. Он слышал шелест, будто шаги призрачных ног, спотыкался, падал на колени, боялся, что больше не выдержит, что еще немного — и он сойдет с ума и сам побежит назад, в лапы настигающего кошмара.

Вдруг до него донесся шум воды: отчетливый звон капель, будто камешки падали в колодец. Стало светло, и Дружина наконец вышла из горы через проем с высокой аркой. Тропа круто спускалась вниз между двумя почти отвесными стенами, вдоль нее бежал поток. Ущелье было такое глубокое и узкое, что на небе были видны звезды, и оно казалось темным. Но на самом деле, как потом узнал Гимли, до заката оставалось целых два часа, еще продолжался день, в который

они выехали из Дунгарского Укрытия, хотя если бы в тот момент гному сказали, что наступил вечер через много лет или вообще в другом мире, он бы поверил.

* * *

Всадники снова сели на коней. Леголас подсадил Гимли на спину Эрода. Дружина цепочкой спустилась вниз, затем на самом деле наступил вечер и сгустились сумерки. Но Страх шел следом. Когда Леголас, что-то говоря Гимли, оглянулся, гном увидел странный блеск в его светлых глазах. За ними скакал Элладан, замыкающий, но, по-видимому, не последний.

— Умершие идут за нами, — сказал Леголас. — Я их вижу: силуэты людей и лошадей, бледные знамена, как облака; копья, словно зимний лес в тумане. Умершие идут за нами.

— Да, — подтвердил Элладан. — Они послушались зова.

* * *

Дружина выехала из ущелья на простор так неожиданно, словно вырвалась из узкой щели в стене на открытую площадь. Перед ними лежала

горная часть большой долины, а бегущий вдоль тропы поток с плеском падал по камням вниз.

— В какое место Среднеземья мы попали? — спросил гном у Элладана.

И Элладан ответил:

— Ущелье выводит к истокам реки Мортонд, длинной реки с холодными водами, которая далеко отсюда впадает в Море, омывающее скалы Дол Амрота. Теперь ты не будешь спрашивать, откуда второе название этого места: долина Черного Корня?

Долина Мортонда раскинулась широким полукругом под обрывистым южным склоном горного хребта. Она вся поросла травой, но в этот час казалась серой, потому что солнце уже зашло, и далеко в окнах мерцали огоньки. Долина была богата и обитаема, здесь жило много людей.

Вдруг Арагорн, не оборачиваясь, закричал так громко, что его услышали все:

— Друзья, забудьте об усталости! Вперед! Вперед! Надо успеть к Камню горы Эрк, пока день не кончился, а дорога еще далека.

И они, не оглядываясь, помчались по холмам, по долине, въехали на мост через полноводный поток, а потом на дорогу в низину. В сельских домах, мимо которых они проносились, гасли

огни, закрывались двери и окна, а люди, оказавшиеся у них на дороге, рядом в поле или на улице, убегали, испуганно крича:

— Король мертвых! Король мертвых скачет по стране!

Где-то ударили в колокол. Не было человека, который бы при виде Арагорна не кинулся бежать. Но Серая дружина мчалась, не останавливаясь, как охотники за зверем, как лавина, пока кони от усталости не начали спотыкаться и отставать.

Вот так случилось, что в полночный час, в такой же черной тьме, как под землей в горных пещерах, они наконец въехали на круглую вершину невысокой горы Эрк.

* * *

Издавна ужас перед Умершими окутывал эту гору и пустые поля вокруг нее. Здесь, на вершине, стоял Черный Камень, по форме похожий на большой шар, наполовину врытый в землю. Его верхушка поднималась на высоту человеческого роста. Камень выглядел странно и дико, будто упал с неба. Некоторые уверяли, что так оно и было, но находились другие, помнившие о деяниях пришельцев с Заокраинного Запада, и они говорили, что камень привезен из погибшего

Нуменора, и что поставить его здесь приказал Исилдур. Люди из долины не смели к нему подходить и селиться поблизости, говоря, что здесь встречаются тени, а во время военных тревог привидения собираются вокруг камня на совет, и можно услышать их голоса.

К этому Камню в глухую полночь подъехала дружина и остановилась.

Элрохир подал Арагорну серебряный рог, Дунадан поднял его ко рту и затрубил. Окружающим показалось, что они слышат отклики других рогов, будто эхо доносится из глубины дальних пещер. Голосов слышно не было, но все чувствовали присутствие большого войска, собравшегося вокруг горы. Холодный ветер дул с гор, будто холодное дыхание призраков. Арагорн сошел с коня и, встав у Камня, громко крикнул:

— Клятвопреступники, зачем пришли?

Из темноты, будто из страшной дали, прозвучал ответ:

— Исполнить долг и обрести покой.

Тогда сказал Арагорн:

— Это время для вас настало. Я иду в Пеларгир над Андуином, вы пойдете за мной. Когда весь этот край будет очищен от слуг Саурона, я признаю, что вы сдержали обещание. Тогда вы

уйдете и обретете вечный покой. Так говорю я, Элессар, наследник Исилдура Гондорского.

И он приказал Халбарду развернуть знамя, которое тот привез из Райвендела. Знамя было большое и черное; если на нем и были вышиты какие-нибудь знаки или слова, темнота их скрыла. И на всю ночь залегла тишина, которую не нарушил ни один звук.

Дружина разбила лагерь у Камня, но спали мало, потому что страх близкого соседства призраков отгонял сон.

Когда наступил бледный холодный рассвет, Арагорн поднялся и повел Дружину дальше таким изнуряющим ускоренным маршем, что даже закаленные воины с трудом выдерживали. Только сам Арагорн не знал усталости, и его воля держала всех остальных, людей и лошадей. Вряд ли кто-нибудь из смертных мог совершить такой поход, как дунаданы с севера и двое их товарищей: эльф Леголас и гном Гимли. Звериными тропами по Проходу Тарланга они вышли в Ламедон, войско призраков не отставало от них ни на шаг, впереди летел страх.

Добравшись до Калембела, города на реке Кирил, они увидели кровавый закат за Пиннат Гелин, оставшейся далеко позади. Город был пуст,

броды свободны — мужчины ушли на войну, остальные разбежались, попрятались в горах, заслышав, что едет король мертвых.

На следующий день рассвета не было. Мордорская Тьма накрыла Серую дружину так, что она пропала из глаз людских. Умершие следовали за ней шаг в шаг.

Глава третья. Смотр войск Рубежного Края

Все дороги сошлись в одну, устремленную на восток, навстречу близкой войне, навстречу зловещей Тьме. В ту самую минуту, когда Пипин смотрел, как князь Дол Амрота въезжает под развевающимися знаменами в Большие ворота Минас Тирита, король Рохана с войском спускался с гор.

День был на исходе. В последних лучах солнца перед всадниками по земле стелились длинные тени. Под шумящие ели на крутых горных склонах заползали сумерки. После целого дня похода король ехал шагом.

Дорога обогнула большую голую скалу и спустилась в наполненную шорохами тень под деревьями. Она шла все вниз, вниз, всадники

растянулись длинной цепью. Когда войско подъезжало к долине, был уже вечер. Солнце село, скалы посерели, над потоками и водопадом собирался туман.

С самого утра внизу вдоль тропы шумел быстрый поток, родившийся под перевалом. Он пробил себе узкий желоб в поросшем соснами склоне. Вдруг горы раздвинулись, поток вырвался из камней на свободу, вобрал в себя ручей поменьше и, пенясь, побежал речкой Ледянкой к Эдорасу, сначала по камням, потом по зеленым взгорьям и равнине. Перед всадниками открылся весь Каменный дол. Далеко справа его замыкала высокая Голая гора, закутанная облаками; над ними вздымалась ее неровная вершина в вечных снегах, с красными отсветами заката и синими тенями в ущельях.

Мерри широко открытыми глазами рассматривал чужую страну, о которой много наслышался во время долгой дороги. Ему показалось, что он попал в мир без неба, где, чем выше смотришь, тем больше камня. Грозные пропасти, белые лоскуты тумана…

Хоббит вслушивался в шум воды, в шелест темных деревьев, шорох камней и огромную тишину, затаившуюся за этими голосами. Мерри

любил горы, вернее, любил их образ, картинки на полях повестей, привезенных из дальних стран, но сейчас они давили его своей тяжестью, и хоббит затосковал. Ему ужасно захотелось оказаться в маленькой комнатке у камина.

Он очень устал, потому что, хотя войско шло сравнительно медленно, привалы объявлялись редко. Три долгих дня он час за часом трясся в седле, то вверх, то вниз, то в гору, то через брод. Когда дорога позволяла, он ехал рядом с королем, не замечая усмешек, с которыми всадники наблюдали эту странную пару: хоббита на маленьком мохнатом сером пони и владыку Рубежного Края на огромном белом коне. В такие часы он беседовал с Феоденом, рассказывал ему про свою родину и хоббитширские обычаи или слушал рассказы короля о Рохане и его древних героях. Но чаще всего, особенно в последний день, он молча трусил вслед за королем, прислушивался к говору всадников, вникал в медленный и звучный язык рохирримов. Ему казалось, что многие слова похожи на хоббитские. Только в устах рохирримов они звучат сочнее и выразительнее. Мерри слушал и пытался понять, но связать слова в предложения, однако, не мог. Иногда кто-нибудь из всадников запевал звонким голосом, и сердце

хоббита билось сильнее, хотя он не знал, о чем поют.

Все это немного развлекало, но ощущение одиночества не проходило, а к концу пути стало еще острее. Мерри размышлял, куда в этом странном мире занесло сейчас Пипина, что могут делать Арагорн, Леголас и Гимли. Вдруг будто холодная игла пронзила его сердце, — в памяти встали Фродо и Сэм. «Как я мог о них забыть! — укорил он сам себя. — Они оба важнее нас всех. Я ведь из дома ушел, чтобы им помогать, а сейчас нас разделяют сотни миль, если они вообще живы». От этой мысли ему стало совсем нехороошо, он даже задрожал.

— Вот и Каменный дол наконец! — сказал Эомер. — Теперь мы почти у цели.

Здесь пришлось задержаться. Тропы шли круто вниз. В туманной дали словно сквозь высокое окно показался узкий край горной долины над рекой. Там даже был виден мерцающий огонек.

— Один поход окончен, — сказал Феоден. — Но передо мной еще очень далекая дорога. Вчера было полнолуние. На рассвете идем в Эдорас на большой смотр войск Рубежного Края.

— Послушай моего совета, король, — понижая голос, сказал ему Эомер. — Проведи смотр, а по-

том возвращайся сюда переждать, пока война кончится победой или поражением.

Феоден усмехнулся.

— Нет, сын мой, если ты разрешишь тебя так называть, — ответил он. — Не шепчи мне в старые уши вкрадчивых слов, как Причмок. — Король выпрямился в седле и оглянулся на длинные ряды своих воинов. — Мне кажется, что за эти несколько дней я прожил несколько лет, но больше никогда не обопрусь на палку. Если мы проиграем, разве спасет меня бегство в горы? А если победим, разве не счастье — отдать для победы остаток сил и, может быть, жизнь? Не будем об этом думать сейчас. Ночь я проведу в Дунгарском Укрытии. Во всяком случае, еще один мирный вечер нам остался. Вперед!

* * *

В глубоких сумерках они спустились в долину. Речка Ледянка бежала здесь вдоль западного склона окружающих гор. Дорога привела всадников к броду, где вода широко разливалась и звонко плескалась на камнях. Брод охранялся. Как только войско приблизилось к речке, из-под ближайших скал выскочили вооруженные люди и, узнав короля, радостно закричали:

— Король Феоден! Король! Король Рохана вернулся!

Кто-то дунул в рог. По долине прокатилось эхо. За рекой появились огоньки. Первому рогу ответили другие. Вдруг сверху загудели трубы, их голоса заполнили все пространство между горами.

Так король Рохана возвратился в Дунгарское Укрытие у подножия Белых гор из победоносного похода на запад. Здесь его встретили воины из разных концов Рубежного Края, ибо при известии о его возвращении сюда поспешили многие военачальники, некоторые с вестями от Гэндальва. Во главе их был Дунгир, вождь племени, жившего в верховьях Ледянки в Каменном доле.

— Три дня назад на рассвете в Эдорас вихрем влетел Серосвет, — сказал Дунгир. — К великой нашей радости, Гэндальв принес весть о твоей, король, победе. Он же привез твой приказ, чтобы мы спешили со сбором войск. Но потом появилась Крылатая Тень.

— Крылатая Тень? — переспросил Феоден. — Мы ее тоже видели, но ночью, перед тем как расстались с Гэндальвом.

— Может быть, та же самая Тень, король, — ответил Дунгир, — а может быть, другая, совер-

шенно такая же, пролетела над Эдорасом сегодня утром, как зловещее черное облако, похожее на огромную птицу, и великая тревога охватила всех. Над Медуселдом Тень снизилась так, что чуть не задела крылом крышу, и раздался такой крик, что у нас у всех сердца застыли. Тогда Гэндальв посоветовал нам не собираться на смотр в открытом поле, а встретить тебя, король, здесь, в горной долине. Он также предупредил нас, чтобы мы не зажигали огней и не жгли костров без крайней необходимости. Говорил он очень убедительно. Мы поверили, что его слова не разойдутся с твоими желаниями. Здесь, в Каменном доле, пока нет никаких зловещих знаков.

— Правильно сделали, — сказал Феоден. — Я еду на Дунгару и там перед ночным отдыхом хочу провести совет с полководцами и военачальниками. Пусть соберутся как можно скорей.

* * *

Дорога вела на восток, пересекая долину, которая в этом месте была шириной в милю. Равнина вокруг поросла жесткой травой, серой в сумраке, за ней Мерри увидел мрачную скальную стену, боковую сторону крайнего отрога Голой горы, гигантским корнем протянутого в долину. Это

было продолжение тех скал, в которых пенная речка за много веков пробила себе путь.

Везде, где земля была ровной, стояли, сидели и ходили люди. Часть их вышла к дороге приветствовать короля и вернувшееся с запада войско. За ними тянулись бесконечные ряды палаток, шалашей и навесов, ржали привязанные к кольям лошади, стоял лес пик, воткнутых в землю, рядом были сложены мешки. Хотя было довольно холодно, ни огней, ни костров Мерри не заметил. По лагерю ходили часовые в теплых плащах.

Мерри дивился тому, сколько всадников поместилось в долине. Хоббит с любопытством вертел головой во все стороны и не заметил, как вместе с королевской свитой подъехал к восточному краю долины под самую стену. Дорога перед ним пошла круто в гору. Мерри посмотрел вверх и замер от изумления. Такой дороги он никогда в жизни не видел; вероятно, строили ее люди, но трудно было представить, сколько понадобилось труда и умения во времена, о которых не сохранилось песен. Дорога врезалась в гору круто, как лестница. По ней могли идти люди и лошади, даже телега могла проехать, но взять силой такую дорогу, когда сверху стоит боевой отряд, наверное, было невозможно. На каждом

повороте торчал большой камень, обтесанный наподобие человеческой фигуры с грубо намеченными чертами. Эти каменные идолы будто присели, неуклюже скрестив ноги с массивными бедрами и маленькими ступнями и сложив короткие руки на толстых животах. У многих из них время стерло лица, оставив лишь темные ямы глазниц, которые печально смотрели на проезжающих. Рохирримы не обращали на них внимания, видно, привыкли за многие века; да и идолы, которых называли *пукелами*, наверное, давно потеряли свою колдовскую силу. Мерри разглядывал их с удивлением и жалостью, такими грустными казались они в сумерках.

Когда дорога подняла их на пару сотен локтей над долиной, хоббит обернулся и обнаружил, что с королем едет только малая свита, а войско осталось внизу. В полутьме еще можно было различить длинную колонну всадников, которая переправлялась через брод и тянулась к приготовленному им месту в лагере.

Королевская свита наконец выбралась на гребень; с него дорога, петляя между камнями, пошла к широкой платформе. Люди называли ее Фириенфельд. Она заросла травой и вереском, под ней звенела речка Ледянка, со всех сторон

ее защищали горы: с юга громадная Голая гора, с севера — зубчатый, похожий на пилу, Железный Гребень, а между ними — черная стена Двиморберга, Безумной горы, на склонах которой росли темные сосны. Платформу разрезала тропа, проложенная между двумя рядами бесформенных камней. Тот, кто отважился бы по ней пойти, пришел бы в мрачное ущелье Димгол под Безумной горой к предостерегающему каменному столбу и зияющей пасти запретной тропы.

Это и быда темная Дунгара, творение давно забытого древнего племени. О том племени не сохранилось ни песен, ни легенд, само имя его пропало. Никто не знал, что здесь было: крепость, город, святилище или даже гробница. Это место обживалось в Черные Годы, задолго до прибытия первых кораблей с запада, задолго до закладки дунаданами Гондорского государства. От тех времен осталась лишь дорога, старые пукелы да тесаные камни.

Мерри рассматривал странные камни: черные, поврежденные временем, они торчали из земли рядами, как неровные зубы. Некоторые из них растрескались, другие покосились. Раздумывая о том, что здесь могло быть давным-давно, Мерри все же надеялся, что тропа не заведет короля

дальше в темную ночь. И тут заметил по обеим сторонам дороги палатки, шатры и шалаши. Стояли они ближе к обрыву, чем к лесу, а вправо от дороги, где площадка была шире, палаток было больше. Зато с левой стороны шатры были выше и богаче. В центре стоял высокий шатер, от которого навстречу прибывшим отъехал всадник. Увидев его, король свернул с дороги.

Когда всадник подскакал, Мерри увидел, что это женщина, одетая как воин, — длинные косы свисают из-под шлема, на груди панцирь, на поясе — меч.

— Привет тебе, повелитель Рохана! — крикнула всадница. — Большую радость ты принес нам своим возвращением.

— Приветствую тебя, Эовина! — ответил Феоден. — Все ли здесь в порядке?

— Все в порядке, — ответила она, но Мерри показалось, что голос ее невесел, и похоже было, что она недавно плакала, но сдерживалась. — Все хорошо. Для людей, которым пришлось неожиданно покинуть дом, это был трудный поход. Война давно не сгоняла нас с зеленых полей. Были поначалу и споры, и недовольство, но сейчас, как видишь, мы живем в согласии. Шатер для тебя приготовлен, ибо до меня дошла весть о

твоем прибытии, и мне был известен час.

— Значит, Арагорн удачно добрался, — сказал Феоден. — Он еще здесь?

— Нет его, — ответила Эовина, отворачиваясь и глядя на темные горы на юго-востоке.

— Куда он направился? — спросил Эомер.

— Не знаю, — ответила она. — Он прибыл поздно вечером и на рассвете следующего дня ускакал, не дождавшись солнца. Его нет.

— Вижу я, что ты тревожишься, дочь моя, — сказал Феоден. — Что случилось? Скажи мне, он говорил о той Тропе? — и король указал на камни, ведущие к Двиморбергу. — Он вспоминал о Тропе Умерших?

— Да, король, — ответила Эовина. — Он переступил порог Тьмы, откуда еще никто не вернулся. Я не смогла его удержать. Его нет!

— Значит, наши пути разошлись, — произнес Эомер. — Арагорн пропал, придется выступать без него. Теперь меньше надежд на победу.

* * *

Король со свитой медленно двинулся по вересковой поляне, не говоря больше ни слова. Когда они спешились у шатров, Мерри убедился, что к приему гостей действительно готовились и даже

про него не забыли. Рядом с королевским шатром стояла маленькая палатка.

Мерри сидел в одиночестве, наблюдая, как люди входят к Феодену и выходят от него, получив приказания. Наступила ночь, на западе звезды венчали еле различимые вершины гор, на востоке небо было темное. Двойной ряд камней пропадал в ночном тумане, за ним чернела мрачная глыба Безумной горы.

«Тропа Умерших, — рассуждал сам с собой хоббит. — Тропа Умерших?.. Что это значит? Все меня покинули. Все пошли навстречу страшной судьбе: Пипин и Гэндальв на восток, на войну; Сэм и Фродо в Мордор; а Долгоброд, Леголас и Гимли на Тропу Умерших. Скоро моя очередь. Интересно, что они там обсуждают и что намерен делать король. Я ведь теперь следую за ним».

От таких грустных мыслей Мерри быстро вспомнил, что ему ужасно хочется есть, и встал, чтобы поискать в лагере кого-нибудь, кто бы понял его горе. Но не успел он выйти из палатки, как заиграл рожок, и перед ним явился посланец короля Феодена с приглашением к королевскому столу.

* * *

Посреди большого шатра расшитый полог отгораживал небольшое пространство, застеленное шкурами. Там за малым столом сидели Феоден с Эовиной, Эомер и Дунгир, правитель Каменного дола. Мерри встал за креслом короля, чтобы ему прислуживать, но король с улыбкой повернулся к нему:

— Нет, уважаемый Мерриадок, стоять тебе не надо. Сядь рядом со мной, и так будет всегда, пока мы находимся в пределах моего королевства. Будешь веселить меня своими рассказами.

Хоббиту отвели место по левую руку от короля, но обоим было не до рассказов. Разговаривали вообще мало, все почти молча ели и пили, и лишь в конце обеда, собравшись с духом, Мерри выпалил:

— Уже дважды, король, при мне была упомянута Тропа Умерших. Кто они такие? Где Долгоброд, я хотел сказать, достойный Арагорн? Куда он пошел?

Король глубоко вздохнул и ничего не ответил. Тяжелое молчание прервал Эомер.

— Этого мы не знаем и сами весьма огорчены. Что же касается Тропы Умерших, то ты сам на

ней уже стоял. Нет, нет, я не хочу тебя пугать колдовством! Просто та дорога, по которой мы пришли сюда, продолжается до урочища Димгол. Там ворота. Что за ними — никто не знает.

— Никто не знает, — подтвердил Феоден. — Но одна старинная легенда, которую сейчас почти забыли, кое-что говорит. Если не лгут правдивые рассказы, передаваемые в роду Эорла от отца к сыну, то за воротами под Безумной горой существует тайный подземный путь, ведущий к неведомой цели. Еще не нашелся смельчак, который бы отважился открыть тайну и сумел это сделать. Однажды Бальдор сын Брего вошел в эти ворота, но больше его не видели среди живых. На пиру, который Брего устроил по случаю постройки дворца Медуселд, Бальдор, осушив рог вина, поклялся, что ступит на этот путь. Так было, и он не вернулся, чтобы занять трон, ожидавший его по праву наследования. Люди говорят, что со времени Черных лет племя Умерших охраняет свою тропу и никого из живущих туда не пускает. Иногда Умершие собираются у входа, как тени, и ходят по каменной дороге. Тогда жители Каменного дола запирают двери на три замка, закрывают ставни и дрожат в своих домах от страха. Но Умершие редко выходят из подземе-

лья: это бывает только в дни войн и смертельных опасностей.

— В Каменном доле говорят, — сказала Эовина, понижая голос, — что недавно в безлунную ночь видели большое войско в странном вооружении. Откуда оно прибыло, неведомо, но оно ушло в горы по каменной дороге и скрылось там, будто спешило к назначенной встрече.

— Зачем Арагорн вступил на эту Тропу? — спросил Мерри. — Неужели никто не знает?

— Если тебе как другу он ничего не сказал, — ответил Эомер, — то кому из живущих знать, что его туда толкнуло?

— Он сильно изменился с тех пор, когда я его впервые увидела в королевском дворце, — сказала Эовина. — Стал старше и был мрачен. Он казался обреченным, как бывает с людьми, которых призывают мертвые.

— Может быть, они его призвали, — ответил Феоден. — Сердце говорит мне, что я его больше не увижу. Это был муж королевской крови, великого предназначения. Утешься этим, дочь моя, ибо я вижу, что его судьба гнетет тебя. Легенды говорят, что когда потомки Эорла прибыли с севера в поисках мест, где можно было бы скрываться и обороняться во время военных гроз, Брего со

своим сыном Бальдором поднялись сюда и дошли до ворот на Тропу Умерших. У порога тогда сидел старец, годы которого нельзя было сосчитать. Был он высоким, некогда величественным, но лицо его было изборождено морщинами, как вековечный камень. Сначала его и приняли за старый камень, потому что он не двигался и не откликался, пока Бальдор не попытался обойти его и войти в пещеру. Тогда из груди его прорвался голос, будто из-под земли, и, к их удивлению, он проговорил на языке западного племени:

«Дорога закрыта».

Тогда к нему присмотрелись и убедились, что это живой человек. Но он на них не смотрел.

«Дорога закрыта, — повторил он. — Те, кто ее построил, умерли. *Умершие стерегут путь, пока не пробьет Час*. Дорога закрыта».

«А когда пробьет Час?» — спросил Бальдор, но ответа не услышал.

Старик упал мертвым, лицом в землю. Больше никто не смог ничего узнать о прежних жителях этих гор. Может быть, как раз теперь пробил Час, и заповедная дорога открылась перед Арагорном?

— Как же узнать, пробил ли Час, если не переступать порог? — спросил Эомер. — Но нет, я

бы не смог этого сделать, даже если бы за мной гналась вся армия Мордора, и я был бы один, и другой дороги не было. Великое несчастье, что на зов Умерших ответил мужественный и благородный воин, который нам так нужен в трудное время. Неужели мало зла на земле, чтобы искать его под землей? Война может вспыхнуть в любую минуту.

Полководец замолчал, потому что за шатром послышались голоса: кто-то произносил имя Феодена, а часовой не пускал прибывшего в шатер.

* * *

Начальник стражи раздвинул полог.

— Конный гонец из Гондора, король! — доложил он. — Просит немедленно его выслушать.

— Впусти его! — сказал Феоден.

Вошел высокий воин. Мерри чуть не вскрикнул, потому что в первое мгновение ему показалось, что воскресший Боромир вернулся с того света. Потом хоббит присмотрелся и понял, что это не Боромир, хотя очень похож: тоже высокий, сероглазый, гордый. Он был одет как всадник, в темно-зеленый плащ поверх кольчуги из мелких колец. В руке он держал красную стрелу с черным оперением, ее стальной наконечник тоже

был выкрашен в красный цвет. Он встал на одно колено и протянул стрелу Феодену.

— Приветствую тебя, повелитель рохирримов, друг Гондора! — произнес он. — Я Хиргон, гонец Дэнетора, который посылает тебе знак войны. Гондор в великой беде. Рохирримы много раз помогали нам, но на этот раз наместник Дэнетор взывает к вам, прося прийти как можно скорее и с большим подкреплением, иначе Гондор погибнет.

— Красная Стрела!.. — сказал Феоден, беря ее из рук гонца. По всему было видно, что он давно ждал этого знака, но, увидев его, не смог сдержать дрожи в руке. — За всю мою жизнь ни разу не прилетала в Рубежный Край Красная Стрела! Значит, дошло до этого. На какое подкрепление с моей стороны и на какие сроки расчитывает Дэнетор?

— Это тебе лучше знать, милостивый король, — ответил Хиргон. — Минас Тирит вот-вот окажется окруженным со всех сторон. Сможешь ли ты прибыть с такими силами, чтобы пробиться через кольцо врагов? Наш повелитель Дэнетор просил меня сказать тебе, что, по его мнению, лучше было бы, если бы сильное войско Рохана успело войти в стены города, а не осталось за ними.

— Но ваш повелитель наверняка знает, что рохирримы привыкли биться на конях в открытом поле, а также и то, что наш народ разбросан и нужно время, чтобы собрать всех всадников. Я думаю, Хиргон, что наместник Минас Тирита знает больше, чем говорит. Ты сам видишь, что здесь уже идет война, и не подготовленных к ней нет. У нас был Гэндальв Серый, и сегодня мы здесь собрались на войсковой смотр, чтобы сразу же после него выступить в поход на восток.

— Я не могу сказать тебе, король, что знает об этом наш повелитель и чего не знает, — ответил Хиргон. — Но мы на самом деле в отчаянном положении. Мой господин не приказ тебе шлет, а просьбу, дабы ты в знак давней дружбы и связывающей нас клятвы и ради собственного блага сделал все, что в твоей власти.

До нас дошли вести, что многие восточные владыки стягивают силы на службу Мордору. На севере между нами и Дагорладом беспрестанно слышен звон оружия. На юге зашевелился Харад, и страх охватил прибрежные племена, так что немного нам будет от них помощи. Поспеши, король! Ибо под стенами Минас Тирита решается судьба сегодняшнего мира, и если мы там не сдержим волну Зла, зальет она дивные степи

Рохана, и даже твое горное гнездо перестанет быть надежным убежищем.

— Страшные вести ты несешь, — произнес Феоден. — Но не все в них для нас новость. Скажи Дэнетору, что если бы даже Рубежный Край не был сам под угрозой, мы пришли бы к нему на помощь. Но сейчас мы понесли большие потери в битвах с изменником Саруманом и не имеем права забывать о наших северных и восточных границах. Послание Дэнетора только еще раз напомнило об этом. Може случиться и так, что, перейдя через Великую реку огромными силами, Черный Властелин нападет на нас со стороны Ворот Королей, и нам придется вступить в бой раньше, чем мы дойдем до вашего города.

Но не будем тратить слов. Мы пойдем к вам на помощь. Утром объявлен смотр войск. Сразу после него я отдам приказ выступать. Раньше я думал, что смогу выслать степями на страх врагам десять тысяч копейщиков. Но сейчас, увы, вынужден дать меньше. Не могу оставить свой народ совсем без защиты. Шесть тысяч приведу в Минас Тирит. Скажи Дэнетору, что в трудный час король Рубежного Края сам спешит в Гондор, хотя знает, что вряд ли вернется живым из этого похода. Но дорога к вам далека, а люди и кони

не должны быть измучены перед боем. Пройдет неделя, прежде чем вы услышите боевой клич сынов Эорла, идущих к вам с севера.

— Неделя! — воскликнул Хиргон. — Ну что ж, придется смириться, если иначе нельзя. Но кто знает, не увидите ли вы через неделю лишь разбитые стены, если нас не спасет неожиданное чудо. Тогда хотя бы не дайте оркам и чернолюдам пировать на руинах Белой Башни!

— Это я могу тебе обещать наверняка, — сказал Феоден. — Но сейчас прости. Я устал после недавней битвы и долгого перехода, мне нужен отдых. Останься у нас на одну ночь. Утром увидишь смотр наших войск и поедешь назад с легким сердцем на свежем коне. Утро вечера мудреней, за ночь могут прийти новые решения.

* * *

Король встал, за ним поднялись все остальные.

— Расходитесь и спите спокойно, — сказал король. — Ты, Мерриадок, мне сегодня больше не нужен. Но будь готов, что тебя позовут на рассвете.

— Буду готов, — ответил Мерри. — Даже если ты, король, прикажешь следовать за тобой по Тропе Умерших.

— Не произноси зловещих слов! — сказал король. — Таким именем не одну тропу можно назвать. И я пока не говорил, что возьму тебя с собой в поход. Спокойной ночи!

* * *

— А я не хочу оставаться здесь и ждать, чтобы обо мне вспомнили, когда все кончится! — прошептал Мерри. — Не хочу здесь оставаться, не хочу!

Так он и заснул в палатке, повторяя свой протест. Разбудил его человек, который тряс его за плечи и кричал:

— Вставай, вставай, господин холбыт!

Мерри очнулся и сорвался с постели. Было совсем темно.

— Что случилось? — спросил он.

— Тебя зовет король.

— Так солнце еще не взошло!

— И не взойдет. Похоже, что из-за этой тучи мы его вообще больше не увидим. Но время не ждет, хотя солнца и нет. Поспеши!

Быстро накинув плащ, Мерри вышел из палатки. Снаружи было пасмурно. Кажется, весь мир нахмурился. Воздух стал бурым, а все вокруг — черным и серым; тени исчезли. Тишина сто-

яла полная. Краев тучи видно не было, только над западным горизонтом, куда протягивались жадные пальцы Тьмы, еще угадывались смутные просветы. Прямо над головой висел тяжкий полог сплошного мрака, и проблески света на горизонте не разгорались, а постепенно исчезали.

Перед палатками хоббит увидел множество людей, все смотрели вверх и перешептывались. Лица были хмурые и серые, некоторых била дрожь. С тяжелым сердцем Мерри прошел к королю. Оказалось, что гонец из Минас Тирита, Хиргон, опередил его и привел еще одного гондорца, подобного себе чертами лица и одеждой, но ниже ростом и более плотного. Когда Мерри входил в королевский шатер, второй гонец беседовал с Феоденом.

— Тьма пришла из Мордора, король, — говорил он. — Начала стягиваться вчера на закате. С горных троп твоей восточной провинции я видел, как она выползает и тянется по небу, всю ночь она гнала меня, проглатывая звезды. Сейчас огромная Тень зависла над нашими странами от самых сумрачных гор Тени и продолжает разрастаться. Война началась.

Некоторое время Феоден молчал. Потом произнес:

— Значит, свершилось! Разразилась Великая Война нашего времени, которая несет конец многому. Скрываться поздно. Теперь мы двинемся кратчайшей дорогой, не таясь, и поскачем так быстро, как лошади смогут. Смотр начинаем немедленно, ждать никого не будем. Есть ли в Минас Тирите запасы? Если мы поспешим и поскачем налегке, то не сможем взять обозы, запасемся только хлебом и водой, чтобы продержаться до первого боя.

— У нас давно все запасено, — ответил Хиргон. — Продовольствия хватит. Только поспеши!

— Прикажи трубить сбор, Эомер, — сказал Феоден. — Пусть всадники строятся.

Эомер вышел, и вскоре в Укрытии и в долине заиграли трубы. Но их голоса, которые вчера казались Мерри чистыми и звонкими, сегодня в тяжелом воздухе звучали глухо, сдавленно и зловеще.

* * *

Король повернулся к хоббиту.

— Я иду воевать, Мерриадок, — сказал он. — Причем незамедлительно. Освобождаю тебя от службы, но не от дружбы своей. Оставайся здесь и, если хочешь, поступай на службу к королевне

Эовине, которая в мое отсутствие будет править народом.

— Но, король… — выдавил Мерри. — Я… я же тебе предложил свой меч! Я не хочу расставаться с тобой, король Феоден! Все мои друзья воюют, мне стыдно оставаться в тылу.

— Мы поедем на крупных и сильных конях, — сказал Феоден. — У тебя храброе сердце, но ты не сможешь оседлать такого скакуна.

— Тогда привяжи меня к седлу или позволь прицепиться к стремени! Сделай что-нибудь, но возьми меня с собой! — просил Мерри. — Путь далекий, но я должен его пройти. Если не на коне, так пешком, пусть я ноги сотру и опоздаю на много недель!

Феоден улыбнулся.

— Лучше я посажу тебя рядом на Снежногривого, чем такое позволить, — сказал он. — Хорошо. Ты поедешь со мной в Эдорас и увидишь Медуселд. Сейчас наша дорога ведет туда. Поедешь на Корешке, большая скачка начнется потом на равнине.

— Идем со мной, Мерриадок, — отозвалась, вставая, Эовина. — Посмотришь доспехи, которые я для тебя приготовила.

И они вышли вместе.

— Арагорн просил меня только об одном, — говорила она, ведя хоббитта между шатрами, — чтобы я вооружила тебя для боя. Я обещала ему сделать все, что в моих силах. Ибо сердце подсказывает мне, что прежде, чем все кончится, доспехи тебе пригодятся…

Они остановились перед шатром в расположении королевской гвардии. Оружейник вынес небольшой шлем, круглый щит и другие предметы боевого вооружения.

— Кольчуги на твой рост не нашлось, — сказала Эовина. — Ковать новую не было времени. Вот тебе крепкая кожаная куртка, пояс и нож. Меч у тебя есть.

Мерри поклонился, а она подала ему щит, похожий на тот, который взял Гимли, и тоже с гербом — изображением Белого коня.

— Возьми все это, — сказала девушка. — Пусть тебе сопутствует военная удача. Здрав будь, Мериадок! Думаю, что мы еще встретимся.

* * *

Вот так король Рохана готовился вести войско на восток. Тьма сгущалась. Сердца людей бились тревожно, многие трепетали перед лицом Тьмы. Но это был народ сильный, верный своему по-

велителю, поэтому почти никто не ворчал и не плакал, даже в лагере на Дунгаре, где оставались беженцы из Эдораса, женщины, дети и старики. Злая судьба досталась им, но они встретили ее стойко.

Быстро прошли два часа, и король уже сидел в седле на белом жеребце, шкура которого лоснилась в полумраке. Гордо и грозно выглядел Феоден, хотя его волосы, спадавшие из-под шлема, были белы, как снег. Не один солдат, взглянув на него, воспрянул духом, видя, как он несгибаем и неустрашим.

На широком лугу за шумящей Ледянкой стояли в стройном порядке военные отряды, всего пять и пятьдесят сотен всадников в полном вооружении, за ними — несколько сот оруженосцев с легко нагруженными запасными лошадьми. Прозвучал клич единственной трубы. Король поднял руку — и войско Рубежного Края в полном молчании двинулось в поход.

Впереди скакали двенадцать гвардейцев из свиты короля, лучшие воины и всадники, за ними сам король, по правую руку от него — Эомер. С его сестрой Эовиной Феоден простился на горе, в Укрытии, прощание еще болью отзывалось в его сердце, но мысленно он уже был в пути. За

королем трусил Мерри на Корешке между двумя гондорскими гонцами, а за ними ехали еще двенадцать гвардейцев из свиты.

Сначала они миновали длинную двойную шеренгу солдат с суровыми непроницаемыми лицами. Когда строй почти кончился, Мерри обратил внимание на молодого, как ему показалось, всадника, не такого рослого, как остальные. Встретив взгляд светло-серых глаз, устремленных прямо на него, хоббит вдруг вздрогнул, ибо понял, что это лицо обреченного, который идет на верную смерть. И сердце его сжалось.

Войско двинулось по серой дороге вдоль Ледянки, пенившейся в каменистом ложе, мимо деревенек Подгорной и Надречной, где из темных окон домов на них смотрели печальные женщины. Без музыки рогов, без звона арф и без песен начинался этот великий Поход на восток, который потом славили в песнях многие поколения, и о котором были сложены такие слова:

Из Дунгарского лагеря утром туманным

С доблестным войском сын Тенгла скакал.

В Эдорас он прибыл, столицу Рохана, —

Старый град рохирримов во мгле лежал.

Не блестели крыши Двора Золотого,
Феоден прощался с вольными людьми,
Со своим дворцом и своим престолом,
пиршественным залом и лошадьми.

Взял он с собой непреклонную верность,
Позабыл о страхе, печаль прогнал с лица.
Судьба позвала короля Феодена;
Свой долг он выполнил до конца.

Пять ночей и дней вперед он ехал,
За ним на восток дети Эорла шли:
Лесом Фириэн, степью Анориэна —
Шесть тысяч бойцов Рубежной земли.

Судьба привела их в Мундбург могучий,
Великую твердыню морских королей.
Миндоллуин окутали грозные тучи,
И горела трава Пеленнорских полей.

Там коней и всадников Тьма поглоти-

ла,

Затихал, обрываясь, топот копыт.

Многим судьба там глаза закрыла.

Только песня теперь о них говорит…

Король въезжал в Эдорас в полдень, но Тьма плотно закрыла небо. Весь мир в ней потонул. Феоден почти не задержался в столице, лишь добавил к своему войску несколько десятков всадников, не успевших явиться к смотру. После трапезы перед самым Походом Феоден милостиво пожелал своему оруженосцу счастливо оставаться. Мерри попытался еще раз уговорить короля взять его с собой в Поход.

— Я же сказал тебе, что впереди дорога, с которой твой Корешок не справится, — возразил Феоден. — И что ты сможешь сделать в битве, которая произойдет на полях Гондора, мой храбрый Мерриадок, хотя у тебя есть меч и смелое сердце?

— Никто заранее не знает, что сможет сделать в бою, — ответил Мерри. — Но зачем же ты взял меня в оруженосцы? Разве не для того, чтобы я всегда был при тебе? Я не хочу, чтобы в песнях пели про то, как меня каждый раз оставляли дома!

— Мне доверили твою жизнь и твою судьбу, —

ответил Феоден. — Ни один из моих воинов не может взять лишний груз на седло. Если бы битва была здесь, у наших стен, то кто знает, может быть, и ты совершил бы подвиги, достойные прославления в песнях; но отсюда до Мундбурга, столицы Дэнетора, сто гонов и два. Это мое последнее слово, Мерриадок.

Мерри поклонился и, расстроенный, отошел. Оставалось только смотреть, как готовится к Походу войско.

Люди подтягивали подпруги, проверяли седла, поглаживали взволнованных лошадей. Некоторые тревожно смотрели в небо. Вдруг к хоббиту незаметно подошел воин и шепнул:

— У нас говорят: *где воли хватит, путь найдется*. Я знаю.

Мерри поднял взгляд и узнал молодого солдата, который утром привлек его внимание.

— По твоим глазам я вижу, что ты хочешь ехать туда, куда отправляется король Рубежного Края?

— Да, — признался Мерри.

— Значит, поскачешь со мной, — сказал молодой конник. — Я посажу тебя на седло и прикрою плащом, пока мы не отъедем далеко в степь, где станет еще темнее. Нельзя противиться такому сильному желанию, как твое. Ничего никому не

говори и иди за мной.

— Спасибо тебе, спасибо от всего сердца, — сказал Мерри. — Но назови мне свое имя.

— Ты его не знаешь? — тихо спросил конник. — Можешь называть меня Горедар.

* * *

Вот так вышло, что когда король Рохана выступил в дальний Поход, за ним поехал хоббит Мерриадок в одном седле с Горедаром, а рослый серый жеребец Вихрь даже не почувствовал лишнего груза, ибо сам Горедар, ловкий и стройный, был невысок и весил меньше среднего воина.

Поскакали в полумрак навстречу Тьме. На ночь разбили лагерь в густом лозняке недалеко от впадения Ледянки в реку Энтов, в двенадцати гонах от Эдораса.

На рассвете поскакали дальше по степи, потом по заболоченной низине. В середине дня войско миновало большой дубовый лес. Он темнел справа на холмах под горой Халифириэн, пограничной вершиной Гондора; слева тонули в тумане приречные болота.

Время от времени к войску на всем скаку подъезжали одинокие всадники, чтобы доложить королю то о нападении на восточные границы,

то о банде орков, вторгшихся в пределы страны и топчущих роханские степи.

— Вперед, вперед! — кричал Эомер. — Сейчас не время оглядываться по сторонам. Болота прикроют нас с фланга. Нельзя терять ни минуты. Вперед!

Король Феоден покинул свое королевство, удалялся от него с каждой милей, не сворачивая с дороги на юго-восток. В стороне остались Каленхед, Мин Риммон, Эрелас, Нардол. Но огни на вершинах успели погаснуть. Земля была серой и тихой, только по мере того как войско продвигалось, мрак густел, а надежда в сердцах слабела.

Глава четвертая. Осада Гондора

Пипина разбудил Гэндальв. В доме горели свечи, потому что через окна просачивался лишь мутный полумрак. В воздухе парило, как перед грозой.

— Который час? — спросил, зевая, Пипин.

— Третий, — ответил Гэндальв. — Пора вставать и одеваться, тебя зовет наместник. Приступай к своим новым обязанностям.

— Там меня накормят?

— Нет, но я кое-что тебе припас, до полудня

обойдешься. Получен приказ беречь продукты.

Пипин грустно посмотрел на маленькую горбушку хлеба и совершенно недостаточную, по его мнению, порцию масла рядом со стаканом тощего молока.

— И зачем ты меня сюда привез! — вздохнул он.

— Ты прекрасно знаешь, зачем, — отрезал Гэндальв. — Чтобы уберечь тебя же от худших бед. Так что, если тебе здесь не нравится, вспомни, что это несчастье ты накликал сам.

Пипин замолчал.

* * *

Когда хоббит прошел вслед за Гэндальвом по холодному коридору в сумрачный Башенный зал, Дэнетор уже сидел там; можно было подумать, что он не сдвинулся с места со вчерашнего дня. «Как старый терпеливый паук», — подумал Пипин.

Наместник указал Гэндальву на кресло, а стоявшего рядом хоббита некоторое время словно не замечал. Потом, наконец, обратился к нему:

— Ну, господин Перегрин, я надеюсь, что вчерашний день ты провел с пользой и удовольствием? Боюсь только, что питание у нас, по твоим

понятиям, слишком скромное.

Пипина неприятно поразило, что наместник каким-то образом угадал его мысли, но он промолчал.

— Что ты хочешь делать у меня на службе?

— Я думал, повелитель, что ты сам определишь мои обязанности.

— Так и будет, но сначала я должен определить, на что ты годишься, — ответил Дэнетор. — Я скорее это узнаю, если оставлю тебя при себе. Мой дворцовый оруженосец как раз просил отпустить его в отряд воинов, охраняющих стены города, так что я временно беру тебя на его место. Будешь мне прислуживать, ходить по поручениям и развлекать беседой, если война оставит мне свободное время. Петь умеешь?

— Конечно, — ответил Пипин. — То есть пою неплохо в своем кругу, но у нас в Хоббитшире не знают песен, подходящих для исполнения во дворцах, тем более в такое трудное время, государь. В наших песнях не бывает ничего страшнее дождика, а чаще всего мы поем о чем-нибудь веселом, чтобы можно было посмеяться, и еще о еде и питье.

— Почему же эти песни не подойдут для моего дворца в такое время? Мы долго жили под угрозой

Мрака, тем охотнее послушаем эхо из страны, не тронутой бедами. Может быть, они помогут нам понять, что не напрасно мы стояли тут на страже, ведь иной благодарности за свои труды мы вряд ли дождемся.

Пипин помрачнел. Его не привела в восторг мысль об исполнении хоббичьих песенок наместнику Минас Тирита, особенно тех шутливых, которые он лучше всего знал. Они ему казались слишком простецкими для такой торжественной обстановки. Но на этот раз он был избавлен от трудного испытания — Дэнетор пока не просил его петь. Наместник обратился к Гэндальву, расспрашивая его о рохирримах, об их намерениях и о положении королевского племянника Эомера. Пипин не успевал удивляться, откуда Дэнетор, наверняка много лет не покидавший своей страны, столько знает о народе, живущем далеко от его столицы.

Во время беседы, будто невзначай, Дэнетор снова заметил присутствие хоббита и услал его.

— Иди в оружейню, — сказал он, — получишь там одежду и доспех, как все, кто несет службу в башне. Все должно быть готово, я вчера распорядился. Переоденься и возвращайся.

Все действительно оказалось готово, и вскоре

Пипин увидел себя в необычном наряде — черное и серебряное. Кольчужка, похоже, стальная, была черной, как агат; высокий шлем с обеих сторон украшали небольшие вороненые крылья; надо лбом была серебряная звезда, вписанная в круг. Поверх доспеха надевался черный нараменник с вышитым гербом, изображающим серебряное дерево. Старую одежду хоббита свернули и отнесли на склад, из нее ему разрешили взять лишь серый плащ, но носить его можно было только в свободное от службы время. Пипин, конечно, не ведал о том, что в новой одежде он и вправду стал похож на князя полуростиков, эрнил-и-ферианнат, как его прозвали в Гондоре. Сам он чувствовал себя очень неловко и подавленно от всей этой мрачности.

Наступившая темнота его угнетала. Целый день было хмуро. От бессолнечного рассвета до вечера мрак все густел, у горожан сердца сжимались от страшных предчувствий. Из страны Тьмы на запад медленно ползла на крыле войны огромная туча, поглощая свет. Внизу пока было тихо, как перед грозной бурей. Долина Великого Андуина ждала.

* * *

Около одиннадцатого часа Пипина ненадолго отпустили со службы, он вышел из башни поискать еды и питья, а заодно развеяться и сократить тягостное время ожидания неизвестно чего.

В солдатском погребке он опять встретил Берегонда, только что вернувшегося с Пеленнора, куда он ходил с поручением к охранникам Дамбы. Опять они поднялись вдвоем на стену, потому что в башнях Пипин чувствовал себя как в тюрьме, и даже сели в той же самой нише, обращенной на восток, где подкреплялись и беседовали за день до этого.

Был вечер, солнцу уже пора было заходить, но покров Тени распростерся так далеко на запад, что оно лишь в последние минуты перед тем, как опуститься в Море, смогло бросить на горы и Башню косой прощальный луч, тот самый, который позолотил голову свергнутого каменного короля на Перепутье, когда ее увидел Фродо. На поля Пеленнора у подножия Миндоллуина не упало ни отблеска. Они были бурыми и мрачными.

Пипину показалось, что с того времени, когда они сидели тут в последний раз, прошли годы, а ведь это было только вчера. Тогда он был хобби-

том, легкомысленным путешественником, его лишь слегка касались всякие опасности и неприятности. Сейчас он стал маленьким солдатом в городе, готовящемся отразить страшное нападение, носил гордую и мрачную форму стража Цитадели.

В другое время и в другом месте Пипина, может быть, позабавило бы его новое одеяние. Но сейчас он понимал, что не в забаве участвует, а впервые в жизни по-настоящему служит суровому повелителю в смертельно опасное время.

Кольчуга стесняла его, шлем давил виски. Плащ он сбросил на каменную скамью. Он отвел усталый взгляд от темных полей внизу, зевнул и вздохнул.

— Устал за день? — спросил Берегонд.

— Очень! — ответил Пипин. — Замаялся в ожидании и ничегонеделании. Все пятки оттоптал у дверей в покоях наместника, пока он долгие часы беседовал с Гэндальвом, с князем Имрахилом, с другими достойнымии лицами. Знаешь, Берегонд, не привык я прислуживать на пустой желудок людям, которые едят. Для хоббита это тяжкое испытание. Ты, конечно, считаешь, что я должен выше ценить оказанную мне честь? А за честью-то что? Скажи лучше, зачем беречь еду и

питье под страхом наступающей Тени? Что это за Тень такая? Даже воздух стал густой и бурый. У вас часто бывают такие пыльные туманы, когда дует ветер с востока?

— Нет, — ответил Берегонд. — Это не обычная непогода. Это злодейские козни Того, чье имя у нас не произносят. Он шлет отравленные дымы из Огненной горы, чтобы помутить сердца и умы. Это губительно действует. Скорее бы вернулся мой командир Фарамир! Он бы страху не поддался. Только сможет ли он вообще переправиться через Реку в такой тьме?

— И Гэндальв беспокоится, — сказал Пипин. — Мне кажется, что он очень огорчен отсутствием Фарамира. Куда делся сам Гэндальв, хотел бы я знать? Перед полуденным завтраком он ушел с совета у наместника очень хмурым, я видел. Только не понял, это у него очередное предчувствие или он получил плохие вести.

* * *

Вдруг оба приятеля замолчали и застыли на месте. Пипин присел на камни, закрыв ладонями уши, а Берегонд, который, вспомнив Фарамира, подошел к парапету и смотрел на восток, замер, напряженно вытянувшись и широко раскрыв

глаза.

Пипин узнал ужасный крик, который раздирал им уши. Он слышал его давным-давно на болотах в Хоббитшире, но голос теперь звучал громче, был сильнее налит ненавистью и злобой, отравой проникал в самое сердце и вселял отчаяние. Берегонд сбросил оцепенение и с трудом произнес:

— Они явились. Наберись храбрости и смотри. Увидишь чудовищ.

Пипин с неохотой влез на каменную скамью и выглянул из-за стены. У его ног лежали потемневшие поля Пеленнора. Река в темноте только угадывалась. Над равниной быстро, как ночные тени, кружили гигантские чудища, похожие на птиц, крупнее орлов, отвратительные, как стервятники, и страшные, как сама смерть. Их было пять. Они то приближались к стенам на расстояние полета стрелы, то удалялись.

— Черные всадники, — прошептал Пипин. — Черные всадники в небе. Но смотри, Берегонд, они чего-то ищут. Или заметили? Смотри, как кружат и снижаются все время над одним местом, видишь? Там что-то движется, маленькое, темное. — И вдруг хоббит громко закричал: — Там люди! Люди на конях! Трое… четверо верховых! Ой, я не могу на это смотреть! Где же Гэндальв?

Гэндальв, спаси нас!..

Снова раздался леденящий крик. Пипин отскочил от парапета и упал у стены, глотая воздух, как затравленный зверек. Затихающий крик вдруг перебил сигнал рога, прозвучавший на высокой ноте.

— Фарамир! Наш Фарамир! Это его рог! — крикнул Берегонд. — Он не убоялся. Но как он прорвется к воротам, если эти чудища вооружены и бьют не только страхом? Смотри! Наши всадники не отступают, они скачут к воротам… Нет! Это кони понесли. Они обезумели!.. Смотри! Кони их сбросили, люди бегут пешком. Нет, не все, один остался в седле! Он возвращается к остальным. Это наш капитан! Его слушаются и люди, и животные. Ах! Чудище снижается, летит на него! Спасите! Спасите! Неужели никто не придет на помощь? Фарамир! — и с этим именем на устах Берегонд сбежал со стены и скрылся во тьме.

Пристыженный, что трясется за собственную шкуру, когда Берегонд прежде всего подумал о любимом командире, хоббит поднялся и снова выглянул из-за парапета. Вдруг в темноте с севера на поле мигнула серебряная звездочка, она будто росла, стремительно приближаясь к людям, спешащим к воротам. Пипину показалось, что

от нее исходит свет и черные тени отступают, а потом он услышал громкий крик и сам закричал во все горло:

— Гэндальв! Гэндальв! Он всегда является в минуту смертельной опасности! Вперед, Белый Всадник! Вперед, Гэндальв!

Он орал азартно, как зритель на гонках кричит ободряющие слова тому, кто их не услышит.

Кружащие в воздухе Тени заметили нового противника. Один из Черных развернулся и снизился над ним, но Белый поднял руку, послал вверх пучок светлых огней. Протяжно вскрикнув, один назгул, неровно взмахивая крыльями, отлетел на восток, а четверо других спиралью взвились вверх и скрылись в туче. На минуту над Пеленнором стало немного светлее.

Пипин увидел, как конный рыцарь встретился с Белым Всадником, как оба придержали коней и подождали пеших воинов. Из города к ним уже бежали люди. Вскоре все скрылись под стеной, и хоббит уже никого не видел, но знал, что они вошли в город, и догадывался, что они пойдут прямо в башню к наместнику. Он помчался к воротам Цитадели и, еще не добежав, оказался в толпе людей, которые, вероятно, так же как и он, смотрели со стен и спешили теперь приветство-

вать спасенных.

Радостная весть молниеносно облетеда город, улицы бурлили, народ шумел, выкрикивая имена Фарамира и Мифрандира. Вскоре Пипин увидел факелы и двух всадников, едущих шагом, в окружении толпы. Один был в белом, но не сиял, а казался бледным в полумраке, будто схватка пригасила его пламя, а другой, в темной одежде, ехал, опустив голову на грудь, его глаз видно не было. У последнего яруса крепости оба сошли с коней, которых слуги сразу увели в конюшни, и пешком пошли к Верхним воротам. Гэндальв шагал уверенно; серый плащ был откинут за плечи, в глазах еще тлел огонь. Второй прибывший слегка пошатывался, будто очень устал или был ранен.

Пипин протиснулся сквозь толпу и в свете фонарей под аркой ворот близко увидел бледное лицо Фарамира. У него застрял комок в горле. Во-первых, это было лицо человека, пережившего жуткий страх, а может быть, боль, и сумевшего огромным усилием воли побороть свою слабость. Во-вторых, он был удивительно похож на своего брата Боромира, которым хоббит восхищался с самой первой минуты до последней. Но Фарамир вызвал у хоббита еще какое-то незнакомое до сих пор чувство. Необыкновенное достоинство было

в нем, такое же, какое Пипин иногда замечал в Арагорне, но здесь оно было ближе и понятнее. Перед ним шел один из королей по рождению и предназначению, принадлежавший сегодняшней эпохе, но вместе с тем в нем была мудрость и печаль Старших братьев человечества. Пипин вдруг понял, почему Берегонд произносил имя Фарамира с такой любовью. За таким полководцем с радостью шли солдаты, за ним и хоббит пошел бы без колебаний, пусть даже в тень черных крыльев.

— Фарамир! — громко закричал Пипин вместе с остальными. — Фарамир!

Фарамир услышал странный голосок, вырвавшийся из общего хора, повернулся, посмотрел на хоббита сверху вниз и очень удивился.

— Откуда ты здесь? — спросил он. — Полуростик в цветах дворцовой стражи? Как…

Гэндальв шагнул к нему и объяснил:

— Он прибыл вместе со мной из страны полуростиков. Я его привел. Но не будем терять времени. Нам надо многое обсудить и многое сделать, а ты устал. Полуростик все равно пойдет с нами, ибо он лучше меня должен знать, что пора идти на службу к своему повелителю. Идем, Пипин! Не отставай.

* * *

Наконец они оказались в личных покоях наместника. Глубокие кресла стояли вокруг жаровни с горячими углями. Слуги подали вино. Пипина опять словно не замечали, но он даже забыл про усталость, жадно вслушиваясь в то, что говорили.

Фарамир съел кусок белого хлеба, глотнул вина и откинулся в мягком кресле, стоявшем по левую руку от отца. С другой стороны, слегка в стороне, в резном деревянном кресле сидел Гэндальв. Сначала казалось, что он дремлет.

Фарамир начал с отчета о походе, в который наместник послал его десять дней назад. Он принес вести из Итилиэна, рассказал о передвижении отрядов Врага и армий его союзников; о том, как выиграл бой у тракта и разбил войско, шедшее из Харада, в котором был большой олифан; короче, это был один из тех докладов, которые повелитель Минас Тирита часто слышит из уст своих военачальников, рассказ о пограничных стычках, настолько частых, что они уже никого не удивляют и не привлекают особого внимания. Вдруг Фарамир посмотрел на Пипина.

— Сейчас пойдет самая удивительная часть мо-

его доклада, — сказал он, — ибо этот оруженосец — не первый полуростик из северных легенд, которого я встречаю у нас на юге.

Гэндальв настороженно выпрямился и крепко сжал руками резные подлокотники. Но ничего не произнес и взглядом приказал молчать Пипину. Дэнетор посмотрел на них обоих и кивнул головой, показывая, что о многом уже догадался. Все сидели тихо и слушали Фарамира, а рыцарь медленно рассказывал, не спуская глаз с Гэндальва и лишь иногда переводя их на Пипина, будто для того, чтобы освежить в памяти образы полуростиков, встреченных им за Великой рекой.

Когда он говорил о встрече с Фродо и его верным слугой, а потом о событиях в Эннет Аннун, Пипин заметил, что пальцы мага, впившиеся в кресло, дрожат. Сейчас это были белые руки очень старого человека, и хоббит внутренне тоже задрожал, поняв, что Гэндальв — сам Гэндальв! — взволнован и, может быть, боится. В комнате было душно и тихо. Когда Фарамир рассказывал о расставании с путниками, решившими идти на перевал Кирит Унгол, голос его дрогнул, рыцарь качнул головой и вздохнул. Гэндальв сорвался с места.

— Кирит Унгол? Долина Моргул?! — воскликнул

он. — Когда это было, Фарамир? Скажи точнее, когда ты с ними простился? Когда они могли дойти до этой проклятой долины?

— Мы расстались утром два дня тому назад, — ответил Фарамир. — Если они действительно пошли прямо на юг, то до Моргульской долины им оставалось пятнадцать гонов, а оттуда еще пять — на восток до проклятой башни. Самым быстрым ходом они могли преодолеть это расстояние за два дня, а может быть, еще находятся на пути туда. Я понимаю, чего ты боишься. Но к наступившей Тьме они непричастны. Мрак начал сгущаться еще вчера, и за ночь весь Итилиэн погрузился во тьму. Враг давно готовил нападение на нас, и ясно, что час своего выступления он назначил раньше, чем я отпустил этих путников.

Гэндальв взволнованно ходил по комнате.

— Утром два дня назад, почти три дня в пути! Как далеко отсюда до места, где вы расстались?

— Около двадцати пяти гонов по прямой, птичьим полетом, — ответил Фарамир. — Но я не мог прибыть раньше. Вчера к вечеру я привел отряд на длинный остров Кайр Андрос, где у нас постоянный пост. Там держат лошадей. Когда начала ползти Тьма, я понял, что надо спешить, и поэтому с острова поехал с тремя всадниками,

у которых были свежие лошади, а отряду отдал приказ идти на юг, чтобы укрепить охрану брода под Осгилиатом. Надеюсь, я не совершил ошибки? — спросил он, глядя на отца.

— Ошибки? — крикнул Дэнетор, вдруг сверкнув глазами. — Зачем ты спрашиваешь? Ты военачальник, отряд полностью в твоем распоряжении. Ты хочешь услышать, что я думаю о других твоих поступках? При мне ты ведешь себя смирно, но уже давно выслушиваешь мои советы и идешь своим путем. И я видел, как ты не сводил глаз с Мифрандира, в его лице находя подтверждение тому, правильно ли представил все события и не слишком ли много сказал. Мифрандир давно овладел твоим сердцем. Да, сын мой, твой отец стар, но старость пока не помутила его разум. Я еще хорошо вижу и слышу, от меня не укрылось то, о чем ты промолчал или не договорил. Я знаю разгадку многих тайн. Горе мне, горе, что я потерял Боромира!

— Чем я тебе не угодил, отец? — спокойно спросил Фарамир. — Меня мучает то, что я не знал твоей воли и вынужден был принять бремя столь трудного решения на свои плечи.

— А разве ты изменил бы решение, узнав мою волю? Ты наверняка поступил бы точно так же.

Я тебя насквозь вижу. Ты всегда стараешься казаться великодушным и благородным, как древние короли, ты ласков и кроток. Может быть, это и пристало потомку великого рода, который правит мирной страной; но в час страшной опасности за кротость платят жизнью!

— Да будет так! — сказал Фарамир.

— Да будет так! — вскричал Дэнетор. — Но ты не только свою жизнь ставишь на карту, Фарамир! Ты собираешься платить жизнью отца и жизнью целого народа, который ты должен защищать, раз не стало Боромира!

— Ты жалеешь, отец, что судьба Боромира досталась ему, а не мне? — спросил Фарамир.

— Да! — ответил Дэнетор. — Потому что Боромир был моим настоящим сыном, а не учеником чародея. Он бы вспомнил, какое трудное время переживает отец, и не упустил бы сокровища, которое случай дал ему в руки. Он бы принес дивный дар отцу.

На минуту Фарамир поддался гневу.

— Вспомни, отец, почему я, а не мой брат оказался в Итилиэне. Это твоя воля. Наместник дал Боромиру более высокое поручение.

— Не подливай горечи в сосуд, который я сам наполнил, — сказал Дэнетор. — Я уже много но-

чей пью эту чашу, предвидя, что самый горький яд окажется на дне. Сегодня мои опасения начали сбываться. Почему так случилось? Почему эта вещь не попала в мои руки?

— Утешься, — отозвался Гэндальв. — В любом случае Боромир не принес бы тебе эту вещь. Он убит, он умер благородной смертью, пусть спит спокойно. Не обольщайся, Дэнетор. Боромир тянулся к Сокровищу, а завладев им, он бы погиб навсегда. Он бы никому его не отдал, и, если бы сумел вернуться, ты бы не узнал собственного сына.

Лицо Дэнетора застыло в холодном упорстве.

— Тебе не удалось подчинить Боромира своей воле, Мифрандир? — тихо сказал он. — Но я, его родной отец, говорю тебе, что Боромир все отдал бы мне. Может быть, ты мудр, Мифрандир, но при всей своей хитрости ты не постиг глубины чужих мыслей. Кроме сетей, сплетенных магами, есть иные средства и способы вершить дела. Я знаю о них больше, чем ты думаешь, и сохранил здравый смысл.

— В чем же он? — спросил Гэндальв.

— Хотя бы в том, чтобы понять, что нельзя допустить ни одного из двух зол. Пользоваться Сокровищем, имея его в руках, равносильно

гибели, но в такой грозный час отправить его с безрассудным полуростком в страну Врага, как это сделал ты, Мифрандир, в союзе с моим сыном — безумие.

— Как поступил бы мудрый Дэнетор?

— Не совершил бы ни первой, ни второй ошибки. И прежде всего, не позволил бы себя убедить никакими доводами и не допустил бы риска, при котором надеяться на успех может лишь безумец. Если Враг вернет себе то, что потерял, это будет нашим окончательным поражением. Сокровище надо было удержать у себя, надежно скрыть. Не применять его, разве что в тяжелейшую минуту. Сделать так, чтобы Враг не смог его отнять. Только если он победит, все уничтожив, оно попадет к нему в руки, но мы погибнем, и нам будет все равно.

— Ты рассуждаешь, как привык мыслить правитель Гондора, — сказал Гэндальв. — Только о своей стране. Но существуют другие страны и другие жизни, и мир сегодняшним днем не кончится. Я чувствую сострадание даже к рабам Врага.

— А у кого получат помощь другие племена, если падет Гондор? — спросил Дэнетор. — Будь этот предмет надежно спрятан в подвалах моей Цитадели, мы бы не трепетали, увидев Тень Вра-

га, не боялись сейчас самого худшего, спокойно принимали верные решения. Если ты не веришь, что я выдержал бы испытание, значит, ты не знаешь меня, Мифрандир.

— Все-таки я тебе не верю, Дэнетор, — ответил Гэндальв. — Если бы верил, прислал бы этот предмет сюда, не причиняя никому хлопот и не подвергая других страшным опасностям. Слушая тебя сейчас, верю еще меньше. Но не поддавайся гневу! В этом деле я самому себе не верю, потому и отказался принять Сокровище, хотя мне его предложили. Ты сильный, Дэнетор, я знаю, как ты умеешь владеть собой, но… Если бы ты взял его, не ты им, а оно бы тобой овладело. Даже если бы ты спрятал его под корнями Миндоллуина, оно бы и оттуда жгло тебе сердце, и, чем темнее становилось бы вокруг, тем сильней. А потом случилось бы Зло гораздо страшнее того, что нас ожидает в ближайшем будущем.

На мгновение глаза Дэнетора вспыхнули, он повернулся к Гэндальву, и Пипин снова почувствовал напряженную борьбу двух молчащих старцев. Хоббиту показалось, что взгляды их скрестились, как два клинка, высекая искры гнева. Пипин задрожал, ожидая страшного удара. Но вдруг взгляд Дэнетора погас, и лицо его снова при-

няло ледяное выражение. Он пожал плечами.

— Если бы я!.. Если бы ты!.. — сказал он. — Если бы… пустые слова. Оно в стране Мрака, и только время покажет, какая судьба постигла его и постигнет нас. Но ждать остается недолго. В те дни, которые нам отведены, пусть все, кто должен сражаться и бороться разными способами с Врагом, надеются на победу, а когда надежда погаснет, пусть им хватит мужества умереть свободными. — Наместник повернулся к Фарамиру. — Что ты можешь сказать о гарнизоне в Осгилиате?

— Он малочислен, — ответил Фарамир. — Я направил туда для подкрепления отряд из Итилиэна, как уже докладывал.

— По-моему, этого подкрепления не хватит, — сказал Дэнетор. — Осгилиат первым встретит удар Врага. Там нужен будет сильный командир.

— И там, и во многих других местах, — вздохнул Фарамир. — Увы, нам не хватает брата, которого я тоже искренне любил! — он встал. — Я могу идти, отец? — но, сделав шаг, пошатнулся и схватился за кресло наместника.

— Я вижу, ты очень утомлен, — сказал Дэнетор. — Слишком долго ты был в походе, слишком далеко зашел в Тень и надышался ядовитого тумана.

— Не надо сейчас об этом говорить, — попросил Фарамир.

— Как хочешь, — ответил Дэнетор. — Иди отдохни, пока можно. Завтрашний день будет труднее сегодняшнего.

* * *

Наместник всех отпустил на отдых. Когда Гэндальв с Пипином возвращались к себе в дом, ночь стояла черная и беззвездная. Пипин нес факел. Всю дорогу они молчали, заговорили только, когда за ними закрылась дверь. Хоббит схватил Гэндальва за руку.

— Скажи мне, — молящим голосом произнес он, — есть ли хоть искра надежды? Я про Сэма и Фродо, главное, про Фродо!

Гэндальв положил руку ему на голову.

— Надежды почти не было с самого начала, — сказал маг. — Лишь безумец может рассчитывать на благополучный исход, как нам только что объяснили. А когда я услышал про Кирит Унгол… — Маг замолчал и подошел к окну, будто пытаясь проникнуть взглядом сквозь ночь. — Кирит Унгол, — шепнул он. — Зачем они туда пошли? — Потом повернулся к Пипину. — Знай, малыш, что при этом имени у меня самого серд-

це оборвалось. Но не буду скрывать, остальные вести Фарамира не дают нашей надежде совсем погаснуть. Из его слов следует, что Враг предпринял первые военные действия, когда Фродо еще свободно ходил по земле. Значит, по крайней мере еще несколько дней Глаз будет обращен в другую сторону, не на него, а за пределы страны Тьмы. Но я также чувствую, как Враг беспокоится и спешит. Он начал действовать раньше, чем намеревался. Что-то заставило его поторопиться.

Некоторое время Гэндальв размышлял молча.

— Может быть, — почти шепотом сказал он, — твоя сумасшедшая выходка немного помогла? Представь себе, Пипин: пять дней назад он достоверно узнал, что мы разгромили Сарумана и Камень Ортханка оказался у нас. Ну и что? Не очень-то мы могли бы им воспользоваться без его ведома. А вдруг… Вдруг Арагорн? Близится его День. Он силен и суров, он храбр и уверен в себе, он способен принимать решения и идти на оправданный риск в крайней необходимости. Вполне может быть. Сейчас, когда на карту поставлено все… Арагорн мог заглянуть в палантир и показаться Врагу, чтобы таким образом послать ему вызов. Интересно! Но правду мы узнаем, когда придут рохирримы… если не будет слишком

поздно. Впереди трудные дни. Давай поспим, если можно.

— Но… — начал опять Пипин.

— Что еще? Разрешаю только одно «но»!

— Но Голлум! — сказал хоббит. — Как могло случиться, что Фродо и Сэм путешествуют с Голлумом, и Голлум их *ведет*? Я видел, что Фарамиру еще меньше, чем тебе, нравится дорога, по которой он их повел. Что там?

— Этого я тебе сегодня объяснить не могу, — ответил Гэндальв. — Но у меня давно было предчувствие, что с Голлумом Фродо должен будет встретиться. Может быть, на счастье, может, на погибель. А о перевале Кирит Унгол я пока ничего не хочу говорить. Боюсь предательства, боюсь измены несчастной твари. Но случится то, что должно случиться. Надо помнить, что изменник часто предает сам себя и волей-неволей может послужить доброму делу. Бывает, бывает. Доброй ночи, спи, Пипин!

* * *

Начало следующего дня было мутным, как бурые сумерки, и в сердцах людей снова ослабла надежда, ненадолго ожившая при возвращении Фарамира. Крылатые Тени в тот день не кружили

над городом, только с очень большой высоты иногда долетал жуткий крик, и те, кто его слышал, съеживались или плакали, если были послабее.

Фарамир уехал из столицы.

— Передохнуть ему не дают, — перешептывались люди. — Наместник слишком много требует от сына; теперь, когда один сын погиб, на Фарамира легли двойные обязанности.

Все смотрели на север, ожидая прибытия союзников и спрашивая:

— Где рохирримы?

Фарамир уехал не по собственному желанию. Наместник привык навязывать свою волю совету, а в эти дни еще меньше, чем прежде, был склонен выслушивать чужие мнения. Однако рано утром совет был созван. Все военачальники единодушно подтвердили, что ввиду опасности, угрожающей с юга, сил в городе и в стране недостаточно, чтобы начинать военные действия, пока не прибудут роханские всадники. Остается расставить воинов у стен и ждать.

— Но несмотря ни на что, — произнес Дэнетор, — нельзя легкомысленно забывать о дальних оборонных укреплениях. Стены Раммас были построены с таким трудом. И Враг должен подороже заплатить за переход через Реку. Если он пойдет

большими силами, которые смогут угрожать нашей столице, то не сумеет переправиться ни у острова Кайр Андрос, где переправе мешают болота, ни на юге в Лебенине, где Река широко разливается и нужно иметь флот, чтобы ее переплыть. Вероятнее всего, весь удар придется на Осгилиат, как было, когда его удержал Боромир.

— Тогда была только проба сил, — сказал Фарамир. — А сейчас, даже если переправа обойдется Врагу потерями, в десять раз большими, чем наши, мы утратим неизмеримо больше, ибо ему легче потерять целую армию, чем нам один отряд. Те же, кого мы оставим в отдаленных местах и укреплениях, окажутся отрезанными и погибнут, если Враг перейдет Реку.

— Что станет с Кайр Андросом? — спросил князь Имрахил. — Ведь если мы хотим защитить Осгилиат, надо обязательно удержать и эти укрепления. Нельзя забывать об опасности, грозящей нам с левого фланга. Рохирримы, может быть, придут, а может быть, нет. Фарамир сообщил нам, что к Черным Вратам стягиваются огромные силы. Оттуда выйдет не одна армия, и наверняка Враг попробует ударить сразу в нескольких местах.

— На войне ничего не делается без большого

риска, — ответил Дэнетор. — В Кайр Андросе у нас есть гарнизон, подкрепление туда мы пока послать не можем. Но Великую реку и Пеленнор я без борьбы не отдам, пока есть храбрые полководцы, готовые без колебаний выполнить приказ своего повелителя.

При этих словах все замолчали. После долгого молчания подал голос Фарамир.

— Я не собираюсь прекословить тебе, повелитель, — сказал он. — Раз судьба отняла у тебя Боромира, я готов идти, куда велишь, и сделаю все, что в моих силах, чтобы его заменить. Ты приказываешь?

— Да, — сказал Дэнетор.

— Тогда прощай, отец, — сказал Фарамир. — Если я вернусь, может быть, ты будешь лучше думать обо мне.

— Это будет зависеть от того, с чем вернешься, — ответил Дэнетор.

Последний, с кем говорил сын наместника перед уходом на восток, был Гэндальв.

— Не спеши, не ищи сгоряча случая отдать жизнь, — сказал маг. — Ты еще будешь нужен здесь для мирных дел. Отец тебя любит, Фарамир, он об этом вспомнит в последнюю минуту! Будь здрав!

* * *

Вот так Фарамир снова отправился навстречу опасностям, взяв с собой малое число воинов из тех, кого можно было отпустить из гарнизона крепости и которые хотели идти добровольно. Со стен города люди смотрели в сторону разрушенного Осгилиата, пытаясь угадать, что там делается, и ничего не видя сквозь даль и тьму. Пока одни устремляли взоры на Осгилиат, другие всматривались в северный горизонт и мысленно считали гоны от Минас Тирита до владений Феодена.

— Придет ли он? Помнит ли старые договоры? — спрашивали они в тревоге.

— Да, придет, — отвечал Гэндальв, если вопрос был обращен к нему. — Даже если опоздает, придет. Но подумайте: Красная Стрела могла долететь до Феодена только два дня назад, а дорога оттуда далека.

Первые новости пришли ночью. От переправы на Андуине прискакал гонец и доложил, что из крепости Минас Моргул вышла большая армия и идет к Осгилиату. К ней присоединились полки жестоких рослых южан из Харада.

— Стало известно, — добавил гонец, — что их

снова ведет Черный Король. Он еще на том берегу, а страх перед ним уже перешел Реку.

Этой зловещей вестью закончились третьи сутки пребывания Пипина в Минас Тирите. Мало кто сумел заснуть в городе в ту ночь. Все понимали, что надежды почти не осталось, и что даже Фарамир не сможет долго удерживать переправу на Андуине.

* * *

К утру Тьма стала такой плотной, что больше густеть не могла, и давила на людей еще тяжелее. Новости были тревожными. Враг перешел Андуин. Фарамир отступал к стенам Пеленнора, стягивая отряды к башням у Дамбы, но противник располагал вдесятеро большими силами, чем он.

— Если Фарамир пойдет через поля Пеленнора, — сказал гонец, — Враг будет наступать ему на пятки. Переправа стоила Врагу дорого, но он оказался предусмотрительнее, чем мы думали. В восточном Осгилиате тайно был построен большой флот, баржи и много лодок. Они переплыли Реку. Но наша погибель — Черный Король. Мало кто посмеет встретить его в открытом бою, все бегут, заслышав это имя. Его подданные трепещут перед ним и готовы сами себе перерезать глотку

по одному его слову.

— Значит, я больше нужен там, чем здесь, — сказал Гэндальв, выводя Серосвета.

Как молния, мелькнул он в поле и исчез из виду. А Пипин не смог заснуть и всю ночь одиноко сидел на стене, устремив взгляд на восток.

* * *

Колокола, возвещающие приход нового дня, зазвонили словно в издевку, потому что Тьма не отступила. В это же время Пипин увидел вспышки за елью заметной в темноте линией стены, окружающей поля Пеленнора. Часовые громко закричали, все солдаты городского гарнизона приготовились к бою. Вдали появились красные языки пламени, и душный стоячий воздух заколебался от глухих взрывов.

— Они штурмуют стену! — кричали люди. — Камни взлетают в воздух, в стене уже проломы! Враги наступают!

— Где Фарамир? — в отчаянии восклицал Берегонд. — Не говорите, что он погиб!

Первые сведения привез Гэндальв. Незадолго до полудня он появился вместе с несколькими всадниками, сопровождая колонну крытых повозок. На них доставили раненых.

Гэндальв сразу же прошел к Дэнетору. Наместник сидел в малом покое над Большим башенным залом, а Пипин стоял рядом с его креслом. Глядя потемневшими глазами сквозь муть за окнами то на север, то на юг, то на восток, Дэнетор напрягал зрение, пытаясь проникнуть за зловещую завесу Тьмы, окружившую город со всех сторон. Чаще всего он смотрел на север и прислушивался, будто надеялся при помощи неведомого тайного искусства услышать далекий топот копыт на равнине.

— Фарамир вернулся? — спросил он.

— Нет, — ответил Гэндальв. — Но он был жив, когда я в последний раз его видел. Он решил остаться с защитниками, чтобы отход через поля Пеленнора не превратился в паническое бегство. Может быть, ему удастся достаточно долго держать солдат в повиновении, однако я в этом не уверен. У Врага огромное превосходство. Появился тот, кого я больше всего боялся увидеть во главе вражеского войска.

— Неужели… неужели сам Черный Властелин? — вскрикнул Пипин, от страха забыв, где находится.

Дэнетор горько засмеялся.

— Нет, еще нет, уважаемый Перегрин! Он явится только после победы, чтобы торжествовать

надо мной. В бой он посылает других, они — его орудия. Так поступают все великие владыки, знай об этом, полуросток! Будь иначе, разве я сидел бы сейчас в башне за разговорами и разве ждал бы, жертвуя собственными сыновьями? Я ведь сам еще могу взмахнуть мечом!

Наместник встал и откинул черный плащ, под которым оказались доспехи и привешенный к поясу длинный меч с большой рукоятью в черно-серебряных ножнах.

— Так я хожу и даже сплю уже много лет, — сказал он, — чтобы тело с возрастом не теряло закалку.

— Но все-таки в эту самую минуту внешние стены твоей столицы берет от имени черного хозяина Барад Дура самый страшный из его полководцев, — произнес Гэндальв. — Тот, кто некогда был Чернокнижником, королем Ангмара, кольценосный предводитель назгулов, бич страха в руке Саурона, Тень Отчаяния.

— Значит, у тебя наконец появился достойный противник, Мифрандир, — ответил Дэнетор. — Что касается меня, я давно знаю, кто главный полководец войска Черной Башни. Ты вернулся лишь для того, чтобы сообщить мне об этом? Или ты отступил, убоявшись более сильного

противника?

Пипин задрожал, боясь, что Гэндальв не сдержит гнева, но страхи хоббита оказались напрасными.

— Так могло бы произойти, — спокойно сказал маг, — но до пробы сил между нами еще не дошло. Впрочем, если верить старым предсказаниям, этот мой противник не погибнет от руки мужа, но какая судьба ему уготована, Мудрым неведомо. Во всяком случае, в бою Тень Отчаяния никогда не выступает впереди. Он всегда находится в безопасном месте, как ты только что говорил о великих, Дэнетор, и оттуда направляет своих рабов в наступление и подстрекает на убийство.

Я вернулся прежде всего потому, что надо было охранять обоз с ранеными, которых еще можно спасти. В наружных стенах уже много больших проломов, скоро войско из Минас Моргула прорвется через Раммас Экор сразу в нескольких местах. Я вернулся, чтобы дать тебе еще один совет, Дэнетор. В любой час может начаться битва на полях Пеленнора. Надо подготовить вооруженный прорыв за ворота крепости. Лучше всего выслать всадников. Наша надежда на конницу, ибо это единственное, чего не хватает Врагу. Он идет пешим войском.

— У нас тоже всадников мало. Мы считаем минуты до прибытия рохирримов, — сказал Дэнетор.

— Скоро придут другие гости, — ответил Гэндальв. — Гарнизон Кайр Андроса отступил. Остров в руках Врага. Второе войско вышло из Черных Врат и окружает нас с северо-востока.

— Правильно тебя обвиняют, Мифрандир, в том, что ты приносишь плохие вести, — сказал Дэнетор. — Но и это для меня не новость. Я это знаю со вчерашнего вечера. Что же касается вооруженного прорыва, то о нем я уже думал. Идем вниз.

* * *

Время шло. Вот уже стражники со стен увидели отступающих к крепости солдат бывших пограничных гарнизонов. Сначала появились мелкие группы измученных воинов без командиров, многие из них были ранены, многие бежали в панике, будто за ними гнались. Вдали на востоке вспыхивали языки пламени. Потом огни растеклись по долине — горели дома и амбары. Узкие полоски огня ползли по широкой дороге, ведущей к Главным воротам города от Осгилиата.

— Враг идет! — шептали люди. — Дамба взята.

Через проломы в стенах враги вторглись в долину. Начались пожары. Враги идут с факелами. Где наши?..

По часам должен был только начинаться вечер, но стемнело так, что самые зоркие глаза не могли с Цитадели увидеть, что творится у внешних стен. Только пожары и полоски огня приближались все быстрее. Наконец, на расстоянии неполной мили от города появился довольно большой отряд, марширующий в порядке, сомкнутыми рядами. Наблюдатели на стенах затаили дыхание.

— Фарамир! — говорили они. — Их, наверное, ведет Фарамир. Ему подчиняются все. Он их приведет.

* * *

Главная колонна отступающего войска была уже в двух фарлонгах от стены. Из темноты галопом подскакала последняя группа тыловой обороны. Вдруг линия огня почти догнала отряды.

Тогда всадники еще раз развернулись полукругом и обратились лицом к неприятелю. И в это время раздались дикие крики. Линия огня слилась в сплошной поток. Появилась неприятельская конница. Ряд за рядом надвигались

орки с факелами, дикие южане под красными знаменами что-то выкрикивали гортанными голосами, вражье войско росло, разливалось по долине, вот враги уже почти догнали гондорцев. И тут над ними в мутном небе с пронзительными криками закружились крылатые тени назгулов, сеющие смерть.

Отступление сменилось паникой. Стройные ряды гондорцев ломались, люди в страхе разбегались, некоторые бросали оружие, другие, испуганно крича, падали ниц.

На стене Цитадели запела труба. Дэнетор, наконец, выслал на прорыв вооруженный отряд. Солдаты, укрывшись под воротами и за стенами, только ждали сигнала. Это были все всадники, которых удалось собрать в городе. Они выскочили из укрытий, построились в ряды, галопом вылетели из ворот и с боевым кличем ринулись в атаку. Со стен их громко подбадривали соплеменники. Во главе конницы под голубым знаменем со знаком Лебедя скакал князь Дол Амрота.

— Амрот за Гондор! — кричали люди. — Амрот к Фарамиру!

Вихрем вынеслись конники в степь, разделились, ударили по флангам вражьего войска, не дав ему окружить отступающих. Один всадник

опередил всех, летя быстрее ветра, — это был Гэндальв на Серосвете. Сияние окружало его, голубые молнии сверкали из поднятой руки. Назгулы с пронзительными криками отлетели на восток, ибо их предводитель не прибыл еще, чтобы сразиться с белым огнем давнего врага.

Моргульские банды, ошеломленные внезапным нападением, рассыпались по полю, как искры, разносимые ветром. Гондорцы помчались за ними. Добыча превратилась в охотника. Отступление завершилось кровавым пиром. Трупы орков и людей усеяли поле, над которым чадили брошенные факелы. Всадники во главе с князем Имрахилом погнались за врагами.

Однако Дэнетор не позволил им далеко отходить. Враг был отбит и остановлен, но с востока подтягивались новые огромные силы. Снова запела в крепости труба, призывая к возвращению. Гондорцы сдержали лошадей. Под защитой всадников пешие пограничники построились и пошли четким маршем в сторону города. С высоко поднятыми головами вошли они в ворота под громкие крики горожан, гордых мужеством земляков. Но радость тут же омрачилась печалью. Сильно поредели ряды вернувшихся. Фарамир потерял треть войска. И где он сам?

Он появился последним. Все его солдаты уже прошли в арку ворот, когда под голубым знаменем в них въехал со своими рыцарями князь Дол Амрота, обнимая лежащее перед ним поперек седла тело племянника, Фарамира сына Дэнетора, вывезенное с поля боя.

— Фарамир! Фарамир! — плача, кричали собравшиеся на улицах люди.

Он не мог им ответить. Толпа провожала его по крутым улицам до самой Башни, до дома его отца.

Когда назгулы разлетались перед Белым Всадником, Фарамир бился с гигантским воином из Харада, и в этот момент в него полетела стрела. Сын Дэнетора пал на землю. Только яростная атака Дол Амрота спасла его от диких южан, которые обязательно добили бы раненого красными саблями.

Князь Имрахил внес Фарамира в Белую башню.

— Вернулся твой сын, Дэнетор, — объявил он. — Вернулся, совершив достойный подвиг.

И он рассказал обо всем, что видел своими глазами.

Дэнетор встал, посмотрел в лицо сына и не произнес ни слова. Потом приказал уложить

Фарамира в своих покоях и всех отпустил. Сам же пошел в тайную каморку на самом верху башни. И многие из тех, кто в то время обратил туда взор, видели тусклый свет в узких окнах, потом вспышку и сразу после нее темноту. Когда Дэнетор сошел вниз и молча сел у изголовья Фарамира, то посеревшее лицо отца казалось более отчетливо отмеченным знаком смерти, чем бледное лицо сына.

* * *

Теперь город был осажден, замкнут в кольце вражьих войск. Внешние стены с валом были разрушены. Дамба взята. Весь Пеленнор оказался в руках Врага. Последние вести, пришедшие извне, принесли беженцы с севера, успевшие добраться до ворот перед тем, как их закрыли. Это была горстка солдат, уцелевших при разгроме оборонного поста в том месте, где у Пеленнора сходились дороги из Анориэна и Рохана. Воинов привел Ингольд, тот самый, который всего лишь пять дней назад, когда светило солнце и утро дарило надежду, пропустил через ворота Гэндальва и Перегрина.

— О рохирримах ничего не слышно, — сказал он. — Они, наверное, не придут, но, даже если

прибудут, нам это не поможет. Их опередит еще одно вражье войско, которое перешло реку у Кайр Андроса. Говорят, мощная армия: в ней полки орков с гербом Глаза и отряды людей неизвестного нам племени. Эти люди коренастые, широкоплечие и страшные, с бородами, как у гномов, и тяжелыми секирами. Говорят, они из какой-то дикой страны на востоке. Они завладели всеми северными дорогами, и много их пошло в Анориэн. Рохирримы не пробьются.

Ворота города закрылись. Всю ночь стражники со стен слышали, как орут неприятельские солдаты, бродят по долине, наверное, грабят, жгут деревья, дома и имущество, рубят на куски всех, кто попадается на пути, даже мертвых. В темноте трудно было определить, сколько их уже переправилось через Андуин, но утром, вернее, в темных сумерках вместо рассвета, гондорцы убедились, что ночные страхи не были преувеличением. На равнине было черно от орков и южан и, куда ни кинь взгляд, торчали их черные или темно-красные палатки, которые, как уродливые грибы, выросли за одну ночь.

Словно муравьи, орки копошились в долине, копали глубокие рвы на расстоянии полета стрелы от города. Когда рвы были выкопаны, в них

вспыхнули огни непонятно какими чарами, потому что ни дерева, ни иного топлива не было. Вокруг города целый день кипела работа, а люди из Минас Тирита смотрели, не в состоянии ничем и ничему помешать. Потом ко рвам подъехали большие повозки. Рабочие сменились, — теперь другие отряды засуетились возле рвов, устанавливая в них камнеметные машины. В городе не было машин, достаточно мощных, чтобы так далеко метать камни.

Сначала люди удивлялись и даже смеялись, не боясь этих страшных приготовлений. Главная стена города была высока и толста, ее строили еще в древности, до того как нуменорцы растратили в изгнании силы и таланты. Наружная поверхность ее, твердая и черная, из того же камня, что и башня Ортханк, могла противостоять стали и огню. Чтобы ее обрушить, надо было встряхнуть основание, на котором она стояла.

— Нет! — говорили гондорцы. — Даже если бы Тот, кого не называют, явился сюда сам, он бы не прошел через наши стены, пока мы живы.

Некоторые, однако, отвечали:

— Пока мы живы? А долго ли мы будем живы? У Врага есть оружие, которое не одну мощную крепость свалило: голод. Все дороги отрезаны.

Рохирримы не придут.

А из машин за неуязвимую стену полетели не камни. Нападением на самого сильного своего противника командовал не простой бандит и не дикий орк, а злобный и хитрый разум. Когда с криками, скрипом, визгом, воем и грохотом, при помощи воротов наконец были установлены мощные катапульты, то свои снаряды они подбрасывали так высоко, что те перелетали через парапеты и с шумом падали на улицы первого яруса города. Некоторые из них, благодаря какой-то тайной хитрости, загорались перед тем, как упасть.

Город оказался под угрозой пожаров, и все свободные от срочных дел горожане сразу занялись тушением пламени, вспыхивавшего то в одном, то в другом месте.

Потом на город посыпались предметы менее убийственные, но более ужасающие. Улицы и переулки усеяли снаряды, которые не загорались. Когда люди подбежали к ним, чтобы присмотреться к новой опасности, раздались вопли и рыдания. Ибо враги забрасывали город головами убитых под Осгилиатом и на полях. Это было ужасно. Многие головы были разрублены, размозжены, были совсем бесформенные,

но на многих можно было узнать знакомые черты, искаженные в смертной муке. На всех было выжжено зловещее клеймо — Глаз без век. Страшнее всего было, когда люди узнавали в обесчещенных останках черты своих близких и друзей, которые совсем недавно еще ходили, звеня оружием, по городу, обрабатывали поля или приезжали на праздники с дальних застав и зеленых предгорий.

В бессильном гневе люди поднимали кулаки в сторону безжалостных врагов, черным муравейником окруживших крепость. Проклятий те не понимали, не зная языка, а между собой хрипло или гортанно перекликались, подобно диким зверям или птицам-падальщикам. Это было страшно. Вскоре в Минас Тирите мало кто осмеливался показаться на стенах. Оружие Черного Властелина — страх и отчаяние — поражало быстрее и сильнее, чем стрелы и голод.

Снова появились назгулы. Мощь их хозяина росла, и от этого их крики стали громче, они ведь были отражением его воли, в них теперь сильнее звучала угроза и пронзительнее — злоба. Назгулы кружили над городом, как стервятники в ожидании пира на телах обреченных. Летали они, правда, на высоте, недоступной полету стрелы,

но их крик раздирал воздух, к нему нельзя было привыкнуть, каждый следующий поражал сильнее, чем предыдущий. Наконец даже храбрецы стали падать на землю, когда над ними пролетал неуловимый убийца, или стояли, оглушенные, выпустив из ослабевших рук оружие, а в их обессиленном мозгу появлялись мысли о том, как бы скрыться, уползти, умереть.

* * *

Весь этот черный день Фарамир пролежал на постели в покоях Белой Башни, не приходя в чувство. Он метался в страшной горячке. Кто-то произнес: «Умирает», — и вскоре все на стенах и на улицах передавали из уст в уста эту весть: «Умирает». Отец сидел, глядя на сына, и не произносил ни слова, перестав заботиться об обороне города.

Более жутких часов Пипин не переживал даже в лапах диких урук-хай. Долг приказывал ему прислуживать наместнику, который о нем забыл, вот хоббит и стоял у дверей неосвещенной комнаты, стараясь в меру своих сил справляться со страхом. Когда он смотрел на Дэнетора, ему казалось, что повелитель стареет на глазах с каждой минутой, как будто сломалась пружина его

гордой воли и затмилась ясность сурового ума. Видно было, что он измучен горем и сомнениями. Хоббит даже заметил слезы, скатывающиеся по всегда холодному лицу, и они его испугали больше, чем прежние взрывы гнева.

— Не плачь, мой господин, — шепнул Пипин. — Может быть, он выздоровеет. Что говорит Гэндальв?

— Не пытайся утешать меня именем безумного мага, — ответил Дэнетор. — Надежда его подвела. Враг овладел Сокровищем, его сила растет. Он читает наши мысли и все, о чем мы думаем, все наши начинания обращает нам во зло.

Я отослал сына без доброго слова, без благословения, на бессмысленную гибель. Вот он лежит передо мной, по его жилам растекается яд. Нет, нет, каков бы ни был исход этой войны, мой род угаснет, кончится династия наместников. Жалкие самозванцы будут управлять остатками народа королей, племя рассеется в горах, пока не вымрут последние гондорцы.

К дверям Башни то и дело подходили люди, прося, чтобы повелитель вышел и отдал распоряжения.

— Нет, я не выйду, — отвечал Дэнетор. — Я должен быть около сына. Может быть, перед

смертью он заговорит. Смерть близка. Слушайте кого хотите, хоть Серого Безумца, чья надежда подвела. Я останусь здесь.

* * *

Так Гэндальв стал командующим отчаянной обороной столицы Гондора. Везде, где он появлялся, люди веселели и ненадолго забывали об угрозе крылатых Теней. Старый маг, а вместе с ним князь Дол Амрота Имрахил в сверкающем вооружении без устали меряли ногами дороги от Цитадели до Ворот, с севера на юг и вдоль стен города. Князь и его рыцари сохранили облик настоящих нуменорцев. Видя их, люди шептали:

— Правду говорят старые легенды, что в жилах этого племени течет эльфийская кровь. Когда-то соплеменники Нимродэли долго жили в тех краях.

И часто кто-нибудь начинал напевать строфы баллад о Нимродэли или о чем-нибудь другом, звучавшие над Великим Андуином в давно забытые годы.

Но когда Гэндальв с князем уходили, тень снова наваливалась, сердца стыли, мужество гондорцев рассыпалось в прах.

Так прошел день тревоги, и наступила ночь

отчаяния. В нижнем ярусе города теперь постоянно пылали пожары, их уже не гасили, гарнизон первой стены во многих местах был отрезан от своих и не имел возможности отступить. На нижних постах мало кто выдерживал, большинство солдат перебежало за вторую стену.

* * *

Тем временем в тылу враги спешно навели временные мосты через Андуин и в течение целого дня переправляли по ним войска и военные машины. Около полуночи начался штурм крепости. В линии огня были сделаны хитрые проходы, через которые вперед вышли первые нападающие. Солдаты Мордора шли нагло, задрав головы, беспорядочной плотной кучей, не обращая внимания на потери. Они приблизились на расстояние полета стрелы и остановились. На нижней стене города почти не осталось людей, способных нанести врагам существенный урон, хотя в отблесках огня они представляли собой хорошую цель, а Гондор некогда славился искусством своих лучников. Обнаружив, что осажденный город теряет боевой дух, невидимый полководец бросил в бой свои главные силы. Огромные стенобитные башни, заранее

построенные в Осгилиате, медленно двинулись во мраке к городу.

Снова в двери Белой Башни застучали гонцы, и так настойчиво, что Пипин впустил их в покои. Дэнетор медленно отвел взгляд от лица Фарамира и молча посмотрел на вошедших.

— Первый ярус горит, — сказали они. — Как ты распорядишься дальше? Ты — наш повелитель и наместник. Не все хотят подчиняться Мифрандиру. Люди бегут со стен, оставляя их без защиты.

— Ну и что? — ответил Дэнетор. — Глупцы! Если мы все равно сгорим, не лучше ли сгореть сразу? Возвращайтесь в огонь. Что я? Я сам сооружу свой костер и взойду на него. На костер! У Дэнетора и Фарамира не будет гробниц и долгого забальзамированного сна. Мы сгорим, как короли народа идолов до прихода западных кораблей. Запад гибнет. Возвращайтесь в огонь.

Посланцы ушли без поклона и без ответа.

Дэнетор встал, выпустил из руки горячую ладонь Фарамира, которую все время держал.

— Он горит, — произнес он горько. — Уже горит. Дом его духа рушится. — Потом подошел к Пипину и посмотрел на него сверху вниз: — Прощай! Прощай, Перегрин сын Паладина. Краткой была твоя служба. С этой минуты освобождаю

тебя на тот ничтожный остаток жизни, который тебе остается. Иди и выбери себе лучшую смерть. Иди с кем хочешь, хоть с тем приятелем, за чье безумие заплатишь жизнью. Пришли мне слуг, а сам иди. Прощай.

— Нет, я не буду с тобой прощаться, мой повелитель! — вскричал Пипин, падая на колени. — В нем вдруг проснулось хоббичье упрямство. Он тут же встал, выпрямился и посмотрел в глаза старому наместнику. — Сейчас я, с твоего разрешения, уйду, потому что действительно очень хочу увидеть Гэндальва. Он не безумец, и я не буду думать о смерти, раз у него есть надежда на жизнь. А пока ты жив, господин, я не считаю себя свободным от своего слова и службы. Если Враг ворвется в Башню, я надеюсь остаться при тебе и не посрамить оружие, которое ношу по твоей милости.

— Делай, что хочешь, господин полуросток, — сказал Дэнетор. — Моя жизнь сломана. Позови ко мне слуг.

С этими словами старик вернулся к изголовью Фарамира.

* * *

Пипин выбежал и позвал дворцовых слуг. Шесть рослых и сильных юношей с трепетом вошли в покой. Но Дэнетор совершенно спокойно приказал им завернуть Фарамира в теплые покрывала и вынести вместе с ложем. Слуги медленно и осторожно выполнили приказ, стараясь не трясти раненого. За ними, согнувшись и опираясь о жезл, шел Дэнетор, следом — Пипин.

В темную ночь под нависшие тучи с багровыми отсветами от пожаров вышли они из Белой Башни, словно погребальная свита. Медленно пересекли верхний двор, где по просьбе Дэнетора остановились перед Мертвым Деревом. С нижних ярусов города смутно доносился шум сражения, но здесь было тихо, в ушах отдавался лишь скорбный звон капель, падавших с сухих ветвей в темное озерцо фонтана. Потом они прошли Верхние ворота под удивленными и огорченными взглядами стражей. Повернули на запад и подошли к двери в стене шестого яруса. Фен Холлен называлась эта дверь, и открывали ее только во время похорон. Входить в нее имели право лишь правители и люди, носящие знаки Погребальной службы, которые обязаны были

содержать в порядке Дома Мертвых. За дверью начиналась тайная тропа, змеей вьющаяся по горе к каменному карнизу, на котором под крутым боком Миндоллуина находились гробницы королей и наместников.

Привратник, сидевший на пороге маленького жилища у дороги, при виде странного шествия в ужасе вскочил и по знаку наместника отпер дверь. Один из слуг взял у привратника фонарь, и шествие последовало дальше. В коридоре было темно, и еще темнее показалось на спуске к тропе. Пучок света от качающегося фонаря выхватывал из мрака резные перила по обе стороны. Они пошли вниз. Медленные шаги отдавались в камне гулким эхом. Тропа привела их на улицу Молчания Рат Динен, к смутно белевшим куполам усыпальниц и статуям давно умерших людей.

Они вошли в Дом наместников и здесь поставили ложе с раненым Фарамиром.

Со страхом осмотревшись вокруг, Пипин увидел длинный сводчатый зал, единственным украшением которого были колеблющиеся тени на матово-черных стенах. Хоббит разглядел ряды резных мраморных столов, на каждом из которых лежал, будто во сне, человек со сложенными на груди руками, с каменной подушкой под головой.

Только один, ближайший, большой стол был пуст. На него, по знаку Дэнетора, переложили Фарамира. Отец лег рядом с сыном, слуги накрыли их обоих покрывалом и встали вокруг, склонив головы над ложем смерти.

Глухим голосом Дэнетор произнес:

— Здесь будем ждать. Не надо звать бальзамировщиков. Принесите сухого дерева, обложите нас бревнами, облейте все маслом. Когда я подам знак, бросьте в огонь факел. Таков мой приказ. Больше ничего мне не говорите. Прощайте!

— Прости, Повелитель, но сейчас я должен тебя покинуть! — воскликнул Пипин, повернулся кругом и в панике выбежал издома Смерти.

«Бедный Фарамир! — думал он. — Надо немедленно найти Гэндальва. Бедный Фарамир! Ему-то уж точно нужны лекарства, а не слезы. Куда бежать за Гэндальвом? Ох, верно, туда, где самая драка. И у него, наверное, нет времени для умирающих и сумасшедших».

У выхода хоббит остановил одного из слуг.

— Твой господин не ведает, что творит, — пытался он его убедить. — Погодите, не спешите выполнять приказ. Не приносите сюда огня, пока Фарамир жив. Подождите Гэндальва.

— Кто правит в Минас Тирите? Наш господин

Дэнетор или этот Серый бродяга? — вопросил в ответ слуга.

— Кажется, именно Серый бродяга и никто, кроме него, — бросил Пипин и пустился со всех ног по крутой тропе вверх.

Он буквально вывалился из двери мимо изумленного привратника, побежал дальше, пока не оказался у ворот Цитадели. Часовой его окликнул, и Пипин узнал голос Берегонда.

— Куда несешься, господин полуростик?

— Ищу Мифрандира! — ответил хоббит.

— Наверное, Повелитель послал тебя по очень срочному делу, и я не хотел бы тебе мешать, — сказал Берегонд, — но, если можешь, хоть коротко скажи мне, что делается? Где наместник? Я только что заступил на смену, но говорят, что он пошел к Закрытой двери и перед ним слуги несли Фарамира.

— Да, — ответил Пипин. — На улицу Молчания.

Берегонд опустил голову на грудь, пытаясь скрыть слезы.

— Говорили, что умирает, — вздохнул он. — Значит, умер.

— Нет! — воскликнул Пипин. — Он еще жив! Я уверен, что его даже сейчас можно спасти от

смерти! Но Повелитель сдался раньше, чем Враг взял его город. У него опасное безумие, Берегонд.

Хоббит, как мог покороче, рассказал Берегонду о странных словах и поступках Дэнетора.

— А я должен поскорее найти Гэндальва, — закончил он.

— Значит, тебе придется идти в самую сечу.

— Знаю. Дэнетор освободил меня от службы. А пока, Берегонд, очень прошу, сделай все, что можешь, чтобы страшное дело не свершилось.

— Повелитель не разрешает без своего приказа покидать пост тем, кто носит черно-белые цвета.

— Тогда выбирай, что тебе дороже: приказ или жизнь Фарамира, — сказал Пипин. — Я убежден, что сейчас мы имеем дело уже не с повелителем, а с безумным стариком. Мне надо бежать. Если смогу, вернусь.

Хоббит помчался в нижние ярусы. Он встречал людей, бегущих из горящих кварталов, некоторые при виде его оборачивались и что-то кричали, но он ни на что не обращал внимания. Наконец, он миновал Вторые ворота, за которыми почти все горело, но несмотря на это, стояла какая-то странная тишина, слышен был только треск огня — ни криков, ни шума боя, ни лязга оружия. Вдруг тишину разорвал ужасный крик. Одновременно

земля содрогнулась, послышался глухой рокот.

С трудом превозмогая страх, который чуть не швырнул его на колени, Пипин сделал шаг на открытую пустую площадь у ворот и застыл как вкопанный. Он увидел Гэндальва, но сам съежился и отступил в тень за стеной.

* * *

Штурм Минас Тирита не прекращался с самой полуночи. Гремели барабаны. С севера и юга к стенам города подходили вражеские отряды, — казалось, им не будет конца.

Гигантские звери из Харада, которых здесь звали *мамунами,* как ходячие дома, двигались в красных отсветах огня между камнеметами и стенобитными машинами. Предводитель мордорского войска не беспокоился о том, как будут сражаться его подданные и сколько их погибнет. Он посылал их вперед только затем, чтобы проверить силы осажденных и рассеять их по всей длине стен. Основной удар был направлен на Главные ворота. Ворота были мощные, кованные из железа и стали, защищенные бастионами и башнями из твердого камня, но все же они были ключом к городу, самым уязвимым местом в стене, которая в других местах была высока и

неприступна.

Громче грохнули барабаны. Взвились в воздух языки пламени. Полем к воротам двинулись тяжелые машины. В середине на цепях качался огромный таран, словно ствол в сотню локтей длиной. Его долго ковали из железа в подземных кузницах Мордора: ударная часть его была сделана из черной стали в форме уродливой волчьей головы с ощеренными клыками и руническими заклятиями на лбу. Этот таран даже имел имя: Гронд — так в древности назывался легендарный Молот Преисподней. Его тащили мамуны. Вокруг теснилась туча орков, а за ними шли горные тролли, силачи, которые умели им пользоваться.

У ворот Враг встретил сильное сопротивление. Здесь еще держались рыцари Дол Амрота и самые стойкие воины гондорского гарнизона. Густо летели стрелы и дротики. То и дело вспыхивал огонь, падали камни, рассыпались в щебень зубцы стен и верхушки надвратных башен. Площадь перед воротами была засыпана обломками, усеяна телами убитых.

Таран полз вперед. Огонь его не брал. Огромные животные, тащившие его, время от времени шалели, топтали орков, но от этого ничто не менялось, — трупы отбрасывали в сторону, и место

затоптанных занимали новые солдаты.

Гронд продолжал ползти вперед. В диком ритме бесновались барабаны. Над завалами трупов появилась страшная фигура — высокий всадник, окутанный черным плащом, с капюшоном, надвинутым на лицо. Медленно перебирая копытами, его огромный конь наступал на мертвые тела, приближаясь к городу. Стрелы летели сплошным роем, но всадник оставался невредим. Вот он остановил коня и поднял длинный бледный меч. Страх сковал всех — и осажденных, и осаждающих. У людей на стенах бессильно упали руки, ни одна стрела больше не вылетела из города.

На минуту наступила глухая тишина. Потом снова загремели барабаны. Мощными размахами великаны раскачивали таран. Гронд ударил по воротам. Гул прокатился над городом. Первый удар ворота выдержали.

Тогда Черный полководец встал в стременах и страшным голосом выкрикнул на забытом языке заклятие, грозное, проникающее в камень и в сердца обреченных.

Трижды он прокричал заклятие. Трижды бил таран в ворота. На третьем ударе Главные ворота Гондора раскололись, будто их разрубил невиди-

мый чародейский меч, и в ослепительных искрах рассыпались на мелкие куски.

* * *

Предводитель назгулов вступал в город. Высокий черный силуэт на фоне пожаров вырастал, царил над разгромом как символ ужаса и отчаяния. Предводитель назгулов въезжал в город под сводчатой аркой ворот, которые дотоле ни разу не пропустили врага. Все живые отбежали от ворот и попадали ниц. Все, кроме одного. На пустой площади у ворот ждал Гэндальв верхом на Серосвете. Из всех вольных скакунов земли один Серосвет не поддался страху, стоял спокойно и непоколебимо, как каменная статуя на Рат Динен.

— Дальше ты не пройдешь! — произнес Гэндальв, и громадная черная тень остановилась. — Возвращайся в черную бездну. Уходи! Развейся в небытие, которое ждет тебя и твоего господина. Иди прочь!

Черный Всадник сбросил капюшон, под ним оказалась королевская корона. Но лица не было. Вместо головы между короной и плечами, покрытыми широким черным плащом, металось багровое пламя. Из невидимых уст раздался смех,

от которого кровь застывала в жилах.

— Старый глупец! — выкрикнул Призрак. — Старый глупец! Бьет мой час! Ты смотришь в лицо смерти, узнай же ее! Твои заклинания бесполезны. Умри!

Он поднял длинный меч, по его клинку пробежало пламя. Гэндальв не шевельнулся.

В этот самый миг где-то далеко, в чьем-то дворе на одном из верхних ярусов запел петух. Звонко, громко, не подозревая ни о каких военных хитростях, чарах и заклятиях, птица приветствовала новый день, который едва угадывался слабым просветом над смертоносной Тьмой.

И одновременно, как бы в ответ, издалека отозвались другие голоса — эхо разнесло по склонам Миндоллуина музыку рогов. Рога! Трубачи трубили боевую тревогу.

Подходили рохирримы.

Глава пятая. Поход рохирримов

Лежа на земле под попоной, Мерри в темноте ничего не видел. Ночь была душная и безветренная, неразличимые во мраке деревья тихо шелестели.

Вдруг хоббит поднял голову. Он уже давно

слышал этот звук, будто гул барабанов, приглушенный расстоянием, то ближе, то дальше, с разных сторон. Звук шел с горных склонов, покрытых лесом, временами вдруг затихал и был очень странным. «Интересно, слышат ли его часовые?» — подумал Мерри.

Он не видел их, но знал, что находится в середине лагеря, со всех сторон от него стояли отряды всадников. Разносился запах конского пота, изредка под копытами привязанных лошадей мягко шуршала подстилка из прошлогодних иголок. Войско Феодена разбило лагерь в сосновом бору под сигнальной горой Эйленах, которая одиноко вздымалась над Друаданским лесом неподалеку от главного тракта в восточном Анориэне.

Несмотря на усталость, Мерри никак не мог заснуть. Он уже четыре дня трясся на конской спине, и его все больше давила темнота. Хоббит уже сам удивлялся, как это его угораздило увязаться в поход, когда все, даже король, убеждали его остаться в Эдорасе. Он пытался догадаться, знает ли уже старый король о его непослушании и, если знает, не очень ли сердится. Может быть, уже не сердится? Похоже, между Горедаром и командиром его эореда Элфхельмом существовал какой-то сговор. Никто из рохирримов будто не

видел и не слышал хоббита, к нему относились, как к добавочному мешку, притороченному к седлу Горедара. Горедар ушел в себя и ни с кем не разговаривал. Мерри казался себе маленьким, одиноким и никому не нужным. В воздухе носилась тревога, опасность была уже близка. Неполные сутки марша оставалось до внешних стен Минас Тирита, широким кольцом опоясывавших город.

Вперед выслали разведчиков. Некоторые из них не вернулись. Вернувшиеся принесли сообщение, что дальше пути нет. В трех милях к западу от горы Амон Дин по обеим сторонам дороги стоит лагерем вражеская армия, ее передовой отряд идет вглубь страны, его видели на расстоянии всего трех гонов от лагеря рохирримов. В горах и в лесах вдоль дороги рыщут орчьи банды.

Король с Эомером держали совет за полночь.

Мерри тосковал по другу, с которым он мог бы поговорить, и вспоминал Пипина. Но от этих мыслей ему становилось еще тревожнее. Бедный Пипин, как он, наверное, одинок в чужом каменном городе! Вот если бы Мерри был высоким и сильным наездником, как Эомер, он бы дунул в рог, подал другу сигнал и галопом помчался бы его спасать.

Хоббит сел, прислушиваясь к рокоту барабанов. Они явно приближались. Вскоре возле него раздались приглушенные голоса, и между деревьев мелькнул полуприкрытый фонарь. В темноте двигались люди.

Из сплошного мрака вынырнула высокая фигура, споткнулась о хоббита, буркнула что-то о проклятых корнях, о которые люди ломают ноги. Мерри узнал голос Элфхельма, командира эореда, в котором он ехал.

— Не корень я и не мешок, — произнес он, — а только хоббит, и уже весь в синяках. Вы бы мне за последний синяк хоть сказали, как дела идут.

— Как они могут идти в темнотище проклятой? — ответил воин. — Я получил приказ готовить эоред к маршу, мы можем выступить в любую минуту.

— Неужели враги близко? — испугался Мерри. — Это они бьют в барабаны? Я уже думал, что меня слух подводит; кроме меня, на них никто не обращает внимания.

— Нет, нет, — успокоил его Элфхельм. — Враг на дороге, а барабаны в горах. Ты слышишь *вохсов*, диких лесных людей, они так разговаривают друг с другом на расстоянии. Оказывается, они еще живут в старом Друаданском лесу. Это остат-

ки древнейшего племени, их совсем мало, они дикие и чуткие, всегда прячутся, как звери. Они не воюют ни с Гондором, ни с Роханом. Сейчас их пугает Тьма и тревожат банды орков. Они боятся, как бы не настали снова Черные Годы, что весьма вероятно. Спасибо судьбе, что они нам не враги, а то у них, говорят, отравленные стрелы, а охотники они замечательные. Сейчас они предлагают свои услуги королю Феодену. Одного из их вождей провели к королевскому шатру. Видишь, движется фонарь? Больше я ничего не знаю. Есть приказ собираться. Ты тоже готовься, господин Мешок. Скоро в путь.

Элфхельм скрылся в темноте.

Сообщение о диких людях и отравленных стрелах, конечно, было неприятным, но не очень испугало хоббита, потому что его давил какой-то особый страх. Он чувствовал, как надвигается что-то ужасное. Хотелось поскорее узнать, что именно. Неопределенное ожидание становилось нестерпимым.

Хоббит встал и, крадучись, пошел за последним фонарем, мигающим среди деревьев.

* * *

Он подошел к поляне, где под большим деревом стоял шатер короля. С толстой ветки свисал ремень, на нем был подвешен закрытый сверху фонарь, бросавший на траву круг неяркого света. В этом кругу сидели Феоден с Эомером, перед ними на земле на корточках устроился странный коренастый человек, обросший щетиной, как старый камень мхом, с редкой бородой, пучками торчавшей под массивными скулами. Ноги у него были короткие, с развитыми мышцами, бедра широкие, одет он был в юбку из травы. Мерри показалось, что он уже где-то его видел, потом вспомнились пукелы в Дунгарском Укрытии. Будто один из них ожил и сидит здесь. Ну, если не сам ожил, то наверняка прямой потомок тех, кого изобразили древние резчики. Сначала все трое молчали, потом дикий лесной человек заговорил, вероятно, отвечая на вопрос. У него был низкий гортанный голос, но, к удивлению хоббита, он пользовался всеобщим языком, только иногда запинался и вставлял странные слова в корявую речь.

— Нет, Отец Всадник, — говорил он. — Мы не воюем. Только охотники. В лесу убиваем горгун,

ты говоришь орк, ненавидим. Ты тоже горгун ненавидишь. Мы вам помогал как можем. У дикий люди быстрый глаза, длинный уши. Он знает все дороги. Дикий люди живет здесь раньше, чем высокий люди приплыл из-за Большой Воды.

— Нам нужна помощь в войне, — произнес Эомер. — Чем ты со своим племенем можешь помочь?

— Можем приносить вести, — сказал дикий человек. — Мы смотрим с вершин. Залезаем большой гора, смотрим вниз. Каменный город закрыт. Вокруг огонь, сейчас тоже внутри огонь. Ты хочешь туда ехать? Ехать быстро, быстро надо. Горгун и люди из-за Черных гор сидит на конской дороге. — Он взмахнул короткой узловатой рукой в сторону востока. — Там. Они много, очень много. Больше, чем твой всадник.

— Откуда ты знаешь? — спросил Эомер.

Ни плоское лицо старика, ни темные глаза не изменили выражения, но в голосе зазвучала обида.

— Дикий люди — дикий и вольный, но не дети, — ответил он. — Я большой вождь, я Ган-Бури-Ган. Умею считать много: звезды на небе, листья на деревьях, люди в темноте. Вас десять и пять по двадцать раз двадцать. Их больше. Боль-

шая война. Кто победит? Где каменный город, стены ходит горгун, там еще больше.

— Увы, мудро говорит этот человек, — сказал Феоден. — Даже очень мудро. Разведчики донесли, что враги поставили заграждения и вырыли рвы поперек дороги. Мы не сможем смести их одним ударом.

— Но спешить надо, — сказал Эомер. — Мундбург горит!

— Пусть Ган-бури-Ган кончит, — отозвался дикий человек. — Он знает много дорог. Поведет там, где нет волчьих ям, где не ходит горгун, а только дикий люди и звери. Когда люди из каменный город был сильный, он построил много дорог. Он резал скалы, как охотники свежуют убитый медведь. Дикий люди думал, он ел камни. Возил через Друадан от Мин Риммон. Большие телеги. Сейчас не ездит. Забыл дорога. Дикий люди помнит. Дорога бежит по горе и за горой, где трава, где деревья, за Риммон, потом вниз, где Дин, и потом опять на дорогу для всадник. Дикий люди покажет. Ты убьешь горгун, разрубишь ночь светлым железом. Потом дикий люди будет спать спокойно в диком лесу.

Эомер обменялся с королем несколькими словами по-рохански. Затем Феоден обратился к

дикому человеку:

— Мы принимаем твои услуги. Правда, мы таким образом оставим позади крупные силы врага, но это уже не имеет значения. Если Каменный город падет, нам пути назад не будет. Но если он уцелеет, банды орков сами окажутся отрезанными. Сослужишь верную службу, Ган-Бури-Ган, — обещаю тебе большую награду и дружбу Рохана навеки.

— Мертвый не бывает друг живых и не может давать дары, — ответил дикий человек. — Если будешь живой, когда Тьма уйдет, оставь дикий люди в лесу и запрети убивать, как зверей. Ган-Бури-Ган ведет тебя не в западню. Он сам пойдет Отец Всадник рядом, и если плохо поведет, можно его убить.

— Да будет так! — сказал Феоден.

— Сколько времени уйдет на обход врагов и возвращение на тракт? — спросил Эомер. — Мы поскачем, ты пойдешь впереди. Дорога, наверное, узкая.

— Дикий люди быстро ходит. Дорога в долине Каменных Телег широкий, четыре лошадь, — ответил Ган-Бури-Ган и показал рукой на юг. — В начале и в конце очень узкий. Дикий люди на рассвете отсюда ушел, в Амон Дин пришел полдень.

— Можно надеяться, что первый эоред дойдет за семь часов, — сказал Эомер, — а все войско — за десять. Могут встретиться непредвиденные препятствия, перед выходом из гор колонна растянется, понадобится время на перестроение. Сколько сейчас времени?

— Не все ли равно? — заметил Феоден. — Сейчас круглые сутки ночь.

— Сейчас темно, но не ночь, — сказал Ган. — Когда выходит Солнышка, она теплый, мы чуем, она только закрыт. Уже поднималась над восточными горами. В небесных полях день начинается.

— Раз так, пора немедленно выступать, — сказал Эомер. — Но я сильно сомневаюсь, что мы сегодня успеем прийти на помощь Гондору, даже если будем очень спешить.

* * *

Мерри не стал больше слушать, а пошел готовиться к походу. Значит, это был последний привал перед битвой. Хоббит не тешил себя надеждой, что после нее останется много живых, но мысль о Пипине и о горящем городе заставила его забыть собственные страхи.

В тот день все шло гладко. Рохирримы не видели и не слышали врагов, не наткнулись ни на

одну засаду. Дикие люди расставили на пути своих чутких охотников, чтобы ни один орк, ни один шпион не узнал про переход. Тьма сгущалась по мере того, как они приближались к осажденному городу. Всадники двигались растянутым строем, в темноте казалось, что по тропе идут тени людей и лошадей.

Перед каждым эоредом шел проводник, лесной человек, а старый Ган был рядом с королем.

Сначала шли медленнее, чем предполагали, потому что всадникам пришлось спешиться и вести лошадей под уздцы через густой кустарник, нащупывая тропу с горы в забытую долину Каменных Телег. Только после полудня головной эоред достиг серых зарослей, которые тянулись от Нардола до Амон Дин и скрывали низину между холмами, идущую почти ровной линией с запада на восток. Здесь и проходила заброшенная дорога, некогда соединявшая столицу с провинцией Ариэн. Много людских поколений сменилось, не пользуясь ею, теперь здесь хозяйничали деревья. Они вплотную придвинулись к ней, многолетний покров старой листвы толстым слоем устлал ее, скрыл ямы и выбоины. Дорога почти исчезла, но именно заросли давали всадникам последнюю возможность укрыться перед решающим боем.

Миновав Амон Дин, они должны будут выйти на конный тракт, проходивший по широкой долине Андуина, где укрытия уже не было. Там слева была степь, а справа уходили на юг бастионами Белых гор отроги и голые скалистые склоны могучего Миндоллуина.

* * *

Первый эоред остановился, поджидая остальных, которые подходили и выстраивались в боевой порядок под серыми деревьями. Король созвал командиров на совет. Эомер послал разведчиков осмотреть дорогу впереди, но старый Ган качал головой.

— Не надо посылать всадник, — говорил он. — Дикий люди уже все смотрел, что можно видеть через плохой воздух. Они сейчас придут и мне все скажут.

Только военачальники собрались, как из-за деревьев осторожно вышли еще несколько оживших пукелов, похожих на Гана. Они что-то сообщили своему вождю на странном гортанном языке. Ган повернулся к королю:

— Дикий люди говорит много, — сказал он. — Сначала будь осторожно! За Дин много-много врагов час идти. — Взмахом руки он показал на

черную вершину Амон Дин. — Никого нет от нас до новый стены Каменный город. Там, где стены, большая война. Стены уже не стоят. Горгун их разбивал подземным огнем. Там бревна из черного железа. Горгун ничего не видит, не оглядывается. Думает, их отряд хорошо стерегут все дороги.

Говоря так, старый Ган издавал горлом странные звуки, вероятно, означающие смех.

— Хорошие вести! — воскликнул Эомер. — Мир во тьме, но нам снова светит надежда. Хитрости Врага могут сыграть нам наруку. Даже проклятая Тьма стала нам плащом. Орки сломя голову кинулись на стены и убрали тыловой заслон, которого я больше всего боялся. Они могли бы нас надолго задержать за внешними стенами. Теперь мы сможем прорваться!

— Еще раз благодарю тебя, Ган-Бури-Ган, смелый человек из леса! — сказал Феоден. — Пусть будет тебе удача за добрые вести и за то, что показал путь.

— Убей горгун! Убей орк! Больше ничем не сможешь радовать дикий люди, — ответил Ган. — Прогони плохой воздух! Разруби Тьму светлым железом!

— Ради этого мы и прибыли издалека, — сказал король. — Попробуем их одолеть. Удастся ли это,

покажет утро.

Ган-Бури-Ган присел и бугристым лбом коснулся земли в знак прощания. Потом встал и уже собрался уходить, когда вдруг остановился, поднял голову и принюхался, как лесной зверь. У него заблестели глаза.

— Ветер меняется! — крикнул он, и тут же со своими соплеменниками мигом скрылся в кустах.

Больше никто из рохирримов их не видел. Только далеко на западе вскоре снова зарокотали барабаны.

Очень странные и даже неприятные на вид были дикие люди, но никто не допустил мысли, что они могут обмануть.

— Проводники нам больше не нужны, — сказал Элфхельм. — Среди нас есть всадники, которые в мирные дни бывали в Мундбурге. Я сам здесь пару раз проезжал. Когда мы выйдем на пересечение дороги с Главным трактом, он свернет на юг, и до внешних стен города останется семь гонов. Раньше по обе стороны тракта росла трава. Там мы сможем скакать очень быстро, не поднимая большого шума. Гондорские гонцы всегда так делают.

— Нам предстоит жестокая битва, понадобятся

все силы, — добавил Эомер. — Думаю, сейчас надо немного отдохнуть, а потом ехать ночью, чтобы вступить в бой под стенами города с первыми лучами рассвета, если они, конечно, пробьются сквозь тучи, а нет — по знаку короля.

Король согласился, и военачальники разошлись. Но через минуту Элфхельм вернулся.

— Пришли разведчики. За Серым лесом они ничего тревожного не увидели, — доложил он королю, — но нашли двух убитых людей и два конских трупа.

— Как ты это объяснишь? — спросил Эомер.

— Думаю, что убитые — гонцы из Гондора, один из них Хиргон. У него в руке Красная Стрела. Но головы у обоих отрублены. Можно предположить, что оба скакали на запад, когда их убили. Наверное, возвращаясь от нас, они застали врагов уже у стен города и повернули обратно. Если гонцы меняли лошадей на заставах, как обычно, то это случилось две ночи назад. Войти в город и снова выехать они бы не успели.

— Увы! Значит, Дэнетор не узнал, что мы к нему спешим! — воскликнул Феоден. — И на нас не надеется.

— *Отсрочка в нужде — бедствие,* — сказал Эомер. — *Но лучше поздно, чем никогда.* Будем

надеяться, что старая пословица верна.

* * *

Была ночь. Всадники Рохана молча мчались по траве справа и слева от тракта. Именно здесь он огибал подножие Миндоллуина и поворачивал на юг. Вдалеке, прямо перед ними, пылало красное зарево, освещая темный склон огромной горы. Рохирримы приближались к стенам, окружавшим Пеленнор, но день не наступал.

Король ехал в головном отряде, в окружении личной гвардии. Следом скакал эоред Элфхельма. Мерри заметил, что Горедар покинул свое место в строю и под прикрытием темноты продвигается вперед, пока не оказался сразу за гвардейцами короля. Вдруг головной отряд остановился. Мерри услышал тихие голоса — это вернулись разведчики, которые дошли почти до стен, и докладывали королю.

— Там большие пожары, — говорил один. — Город в огне, а в полях полно врагов. Но похоже, что все они готовятся штурмовать город, атакуют его стену, а у внешних стен солдат мало, и те вокруг не смотрят, только крушат все, что могут.

— Ты помнишь, государь, что сказал дикий человек? — спросил второй. — Я в мирное время

жил в горах, меня зовут Видфара, я тоже умею ловить вести из воздуха. Ветер уже изменился, он несет с юга запах Моря, очень слабый, но я его точно узнал. Утром погода будет другая. Когда мы перейдем первую стену, увидим свет.

— Если это правда, будь благословен до конца дней за счастливую весть, Видфара! — воскликнул король. Он повернулся к своей свите и произнес громко, так, что первый эоред тоже услышал: — Бьет наш час, всадники Рубежного Края, дети Эорла! Перед нами — огонь и враги, далеко позади родные дома. Помните, вы сразитесь с врагами на чужом поле, но слава, которую вы заслужите, станет вашей на века! Вы поклялись, ныне исполните клятву: будьте верны своему королю, Родине и дружественному союзу!

Всадники ударили копьями о щиты.

— Эомер, сын мой! Ты поведешь первый эоред, — продолжал Феоден. — Поскачешь за королевским знаменем в центре. Как только мы преодолеем внешнюю стену, Элфхельм поведет своих воинов на правый фланг, Гримбольд — на левый. Остальные отряды пойдут за ними, разделившись, как смогут. Бросайтесь прежде всего на большие скопления неприятеля. Более точного плана я пока не могу дать, не зная, что делается

на поле. Вперед! Не бойтесь Тьмы!

* * *

Головной отряд помчался так быстро, как смог в темноте, — ибо, несмотря на предсказание Видфары, светлеть пока не начинало.

Мерри сидел на коне позади Горедара, левой рукой крепко держась за седло, правой пытаясь высвободить меч из ножен. Горько звучали в его голове слова короля: *«Что ты сможешь сделать в битве, мой храбрый Мерриадок?..»* — «Только одно, — ответил бы он сейчас, — мешать всаднику и в лучшем случае надеяться, что удержусь на коне и не свалюсь под копыта».

Теперь уже меньше гона отделяло их от внешней стены. До нее доскакали быстро, даже слишком быстро, по мнению Мерриадока. Раздались дикий вой, крики, лязг оружия, но все ограничилось молниеносными стычками и очень скоро кончилось. Орков, засевших в развалленных стенах, было мало, их легко разогнали и перебили.

Король ненадолго придержал свою свиту у разбитых северных ворот Раммас Экор. За это время первый эоред окружил его с двух сторон и с тыла. Горедар старался держаться как можно ближе к королю, хотя эоред Элфхельма повернул

вправо. Всадники Гримбольда свернули влево и поскакали дальше на восток, к большому пролому в стене.

Мерри выглянул из-за спины Горедара. Далеко, милях в десяти отсюда, был виден большой пожар, а между ним и королевским войском линия огня выгнулась полумесяцем, ближний край его был совсем рядом, на расстоянии гона. Хоббит мало что понял, ничего больше на темном поле не рассмотрел и, как и раньше, не чувствовал никакого прояснения или свежего ветра и не надеялся на наступление утра.

Преодолев наружную стену, всадники въехали на поля Пеленнора медленно и почти бесшумно, но в их рядах чувствовался скрытый напор волны прибоя, который вдруг рвет преграды, казавшиеся людям несокрушимыми. Все замыслы и воля Черного Полководца были направлены на гибнущий город. Он не получил предостережения о неожиданном приходе рохирримов. Тыл был открыт.

Вскоре король повел свой отряд чуть восточнее, чтобы оказаться ближе к линии огня. Рохирримы все еще двигались без задержки, приказа вступить в бой Феоден не отдавал. Наконец он остановился. Город был близко. В воздухе, на-

сыщенном запахом гари, носилась тень смерти. Кони беспокоились. Король неподвижно замер на Снежногривом и смотрел на агонию Минас Тирита, будто сраженный злым поворотом судьбы. Может быть, он устрашился? На мгновение он показался ниже ростом и снова дряхлеющим. Мерри охватил ужас. Сердце в груди почти остановилось. Они опоздали! Слишком поздно — хуже, чем никогда. Может быть, Феоден сейчас заплачет, склонит седую голову, повернется и поскачет искать спасения в горах?

* * *

Но вдруг Мерри почувствовал перемену, причем очень ясно. Ветер подул ему прямо в лицо! Начинался рассвет! Далеко, очень далеко на юге смутно угадывались разные серые оттенки клубящихся туч. За ними было утро.

Тут яркая вспышка сверкнула у подножия стены. В ее мгновенном свете Мерри увидел весь Каменный город, черно-белый, высокий, с возносящейся надо всем башней-иглой. Потом снова надвинулась тьма, и над полями раскатился тяжкий грохот.

Король внезапно выпрямился. Расправил плечи. Снова стал сильным и гордым. Встал в

стременах во весь рост и зычным голосом крикнул так, что трудно было поверить, что это голос смертного:

В бой, конница Феодена!

Ждут вас подвиги, огонь и кровь!
Пусть копья ломаются
И щиты расколются!

День мечей, Красный день
Прежде солнца встает!

Вперед, вперед, за Гондор!

С этими словами Феоден выхватил из рук знаменосца Гутлафа большой рог и дунул в него так, что рог лопнул. Тут же запели все рога и трубы роханского войска, и словно буря, полетел над полями боевой клич, эхом будя горы:

— Вперед! Вперед, за Гондор!

Король что-то крикнул Снежногривому, и конь помчался вперед. Рядом скакал Гутлаф с развевающимся знаменем. Феоден обогнал его. Отстала личная гвардия.

Эомер ударил скакуна шпорами, его белый султан полетел по ветру, первый эоред в звоне подков мчался, как пенная волна на берег, но

король все равно был впереди. Может быть, он был одержимым, а может, в жилах его закипела боевая ярость праотцев, он дал волю Снежногривому и сам казался древним богом, как великий Оромэ в битве Валар в то время, когда мир был молод. Вдруг золотой щит заблестел, будто стал солнцем, и зеленая трава словно вспыхнула под копытами белоснежного королевского жеребца. Ибо наступило утро, и повеял ветер с Моря. Мрак расступился, взвыли рабы Мордора — орки и объятые ужасом харадцы. Бежали и падали под копыта боевых коней солдаты Черного короля. Рохирримы разили врагов с громкой песней, ибо радость битвы переполняла их сердца; грозный хор всадников достиг ушей осажденных.

Глава шестая. Битва на полях Пеленнора

Но походом на Гондор командовал не простой главарь орков и не обычный убийца. Тьма отступила раньше времени, которое назначил Черный Властелин. Счастье отвернулось от него, победа ускользала как раз тогда, когда он готов был ее схватить. Но у него были длинные руки и великая сила. Король-Призрак, вождь кольце-

носцев-назгулов, владел не одним оружием. Он покинул ворота и помчался в поле.

* * *

Повелитель Рубежного Края Феоден доскакал до дороги, идущей от Главных ворот Минас Тирита к реке, и повернул к городу, до которого отсюда было меньше мили. Тут он остановил коня, оглядываясь, где противник, и его догнала свита — среди гвардейцев был Горедар. Около стен города неистово сражались воины Элфхельма — рубили, секли, ломали машины, загоняли вражеских солдат в огненные рвы. Почти вся северная половина полей Пеленнора была очищена от врагов, обоз захватчиков горел, орки бежали к реке, как дикие звери от охотников.

Рохирримы одержали первую победу, но осада продолжалась, и ворота не были отбиты. У ворот остались главные силы врагов, а на восточном краю поля стояли резервные мордорские полки. Южнее дороги находилось войско харадцев с конницей. Их вождь увидел в свете утра знамя Феодена, оказавшегося в этот момент в стороне от главной сечи, с горсткой гвардейцев вокруг него. Харадец воспылал красным гневом, приказал развернуть свое знамя, где был изображен Чер-

ный Змей на пурпурном поле, гикнул и ринулся в атаку, а за ним поскакало множество его подданных, их ятаганы сверкали роем кровавых звезд.

Феоден увидел их и, не дожидаясь удара, погнал Снежногривого навстречу противнику. Всадники сшиблись в смертельной схватке. Но белая ярость рыцарей севера пылала горячей, чем злость южан, и военное ремесло они знали лучше; быстрей и точней били их длинные копья. Меньше их было, но они прорубали себе дорогу в толпе южан, как просеку в лесу. В самой гуще сечи оказался Феоден сын Тенгла. Его копье с такой силой пронзило вражеского вождя, что разлетелось в щепки. Тогда он молниеносно выхватил меч, одним ударом разрубил древко знамени и тело знаменосца. Черный Змей упал на землю. Остаток разгромленной конницы врага в панике бежал.

* * *

И в этот высокий миг победы золотой щит короля вдруг погас. Утренний рассвет снова закрыла Тень. Лошади становились на дыбы и ржали, люди падали с седел.

— Ко мне! Ко мне! — кричал Феоден. — Вперед, дети Эорла! Не бойтесь Тьмы!

Но даже Снежногривый, ошалев от ужаса, встал на задние ноги, будто борясь передними с воздухом, и вдруг с громким ржанием упал на бок, прошитый черным дротиком. Король рухнул оземь вместе с конем, придавленный его тяжестью.

Большая черная тень снижалась, как оторванный от неба лоскут тучи. Но это была не туча. Страшное крылатое чудище — если и птица, то больше всех известных на земле; с гладкой черной кожей без перьев, с гигантскими крыльями, натянутыми между ороговевших когтистых пальцев. От него шел мерзостный смрад. Неведомая жуткая тварь из давно исчезнувшего мира, пережившая свою эпоху в забытом углу дальних холодных гор, в последнем гнезде на недоступных вершинах вывела последнее уродливое потомство. Черный Властелин нашел его, выкормил заклятой падалью, так что птенец перерос всех летающих. Тогда Саурон подарил его своему верному слуге вместо коня.

Сейчас крылатое чудовище опустилось на землю, сложило перепончатые крылья, издало страшный хриплый карк и уселось на Снежногривого, впиваясь в павшего коня когтями и изгибая длинную голую шею.

На нем сидел всадник в черном плаще, огромный и грозный, в железной короне, под которой вместо лица были только горящие глаза убийцы. Предводитель назгулов! Когда Тьма отступила, он скрылся, чтобы сменить коня и снова вернуться и сеять смерть, превращая надежду в отчаяние, победу в поражение. В руке у него была большая черная булава.

Но не все покинули Феодена. Правда, воины из его личной гвардии либо полегли рядом с ним, либо не смогли сдержать ошалевших лошадей, которые понесли их дальше в поле, но один остался — юный Горедар, неустрашимый в своей верности, плакал над лежащим старцем, ибо любил его, как отца.

Мерри во время сражения не получил ни единой царапины, сидя за спиной Горедара, пока снова не сомкнулась Тьма. Тогда Вихрь в панике поднялся на дыбы, сбросил обоих седоков и умчался. Сейчас Мерри ползал на четвереньках, как перепуганный зверек, ослепший и парализованный страхом.

— Королевский оруженосец, ты же оруженосец, — повторял он, пытаясь преодолеть слабость. — Ты должен быть при короле. Сам говорил, что будешь его почитать, как родного

отца.

Но воля была подавлена, а тело била дрожь. Хоббит не смел открыть глаза и ничего не видел.

Вдруг ему показалось, что сквозь черноту он слышит Горедара, но голос был одновременно его и не его, этот голос Мерри уже знал раньше.

— Прочь, оборотень, главарь стервятников! Оставь мертвых в покое!

Другой голос, холодный и жестокий, отвечал:

— Не вставай между назгулом и его добычей. Я не убью тебя, а покараю горшей карой, чем смерть. Унесу в страну отчаяния, на дно Мрака, где твою плоть сожрут чудовища, а твой разум иссохнет под взглядом незакрывающегося Глаза.

Зазвенел меч, вынимаемый из ножен.

— Грози, чем хочешь, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе помешать.

— Помешать? Мне? Глупец! Наихрабрейший муж среди живущих не может помешать мне!

И тут Мерри услышал то, что меньше всего ожидал услышать в страшную минуту: смех. Горедар смеялся, и его чистый голос звенел, как сталь.

— Но я не воин и не муж среди живущих! Перед тобой женщина. Я — Эовина дочь Эомунда. Пропусти меня к королю, заменившему мне отца. Иди прочь, если ты не бессмертен! Кем бы ни был

ты, живым существом или исчадием Тьмы, мой меч падет на тебя, если ты тронешь его!

Крылатое чудовище закричало, но Кольценосный призрак не ответил. Он молчал, будто заколебался. Удивление и любопытство помогли хоббиту на мгновение перебороть страх. Он открыл глаза, отодвинув темную завесу трусости. В двух шагах от него сидело что-то огромное, черное и жуткое, а над ним высился предводитель назгулов, Тень Отчаяния. Лицом к нему стояла та, которую Мерри называл Горедаром. Шлем больше не скрывал лица, светлые волосы спадали на плечи, отливая бледным золотом. Серые, как вечернее море, глаза смотрели сурово и гневно, а по щекам текли слезы. В руке у нее был меч, поднятым щитом она пыталась заслониться от страшного вражьего взгляда.

Это была Эовина, и это был Горедар: Мерри словно в блеске молнии вспомнил юное лицо воина в Дунгарском Укрытии, который шел навстречу смерти без надежды в сердце.

Удивление хоббита сменилось жалостью и присущим его племени проснувшимся в крайний момент мужеством. Он стиснул кулаки. Он не мог допустить, чтобы Эовина погибла, такая прекрасная и отчаявшаяся. Во всяком случае, он не

допустит, чтобы она погибла одна, без защиты.

Лицо врага было отвращено от него, но Мерри боялся открыто двигаться, чтобы эти жуткие глаза его не увидели. Он стал медленно отползать вбок. Но Черный король, со злобным сомнением глядящий на девушку, обращал на хоббита не больше внимания, чем на червяка, ползающего под ногами.

В воздухе пахнуло смрадом, — это крылатый упырь замахал крыльями, взвился вверх и, пронзительно крича, бросился на Эовину, выставив вперед клюв и когти. Эовина не дрогнула. Дитя Рохана и дочь королей, красивая и грозная, стройная и твердая, как сталь, она ударила сильно и уверенно. Меч рассек вытянутую шею твари, отрубленная голова камнем упала на землю. Эовина отскочила от падающего тела, которое с раскрытыми крыльями рухнуло в траву. Тут небо снова прояснилось. Утренний свет облил королевну и ярко позолотил ее волосы.

Но над убитым чудовищем уже вставал Черный Всадник, огромный, страшный, неотступный. С криком, в котором звучала такая ненависть, что стыли сердца, он поднял и опустил тяжелую булаву. Щит Эовины рассыпался на куски, сломанная рука бессильно повисла. Девушка опустилась на

колени. Призрак нагнулся над ней, заслонил ее, как туча. Его глаза горели огнем.

Он снова поднял булаву, на этот раз, чтобы убить. Но вдруг пошатнулся, взвыл от боли, опустившаяся булава прошла мимо цели, ее конец зарылся в землю. Это Мерри, зайдя сзади, ткнул мечом сквозь черный плащ и попал в не закрытое кольчугой переплетение мышц над коленом.

— Эовина! Эовина! — закричал хоббит.

Эовина с трудом поднялась и, собрав остаток сил, нанесла рубящий удар мечом между плащом и короной, по склоненным над ней широким плечам. Меч заискрился и рассыпался. Корона звякнула и покатилась по земле. Эовина упала на противника лицом вперед. И — о диво! — плащ и кольчуга скрывали пустоту. Они лежали в траве, как бесформенные лохмотья, а над полем разнесся жуткий крик, переходящий в рыдание, затихающий, уносимый ветром, крик, ставший голосом слабым и бестелесным, пока совсем не замер, сгинул, чтобы больше никогда мир не услышал его.

* * *

Хоббит Мерриадок стоял посреди усеянного трупами поля битвы, жмуря глаза, как сова от

света дня, потому что слезы мешали ему смотреть. Как в тумане, он видел Эовину, неподвижно лежащую в траве, и рядом — короля Феодена, погибшего в час своей славы. Снежногривый в агонии сдвинулся с тела хозяина, которого невольно убил.

Мерри нагнулся и поднял руку короля, чтобы поцеловать ее, но Феоден открыл глаза. Взгляд был разумный, а голос спокойный, хотя очень слабый, когда он произнес:

— Прощай, честный холбыт. Мое тело разбито. Я ухожу к праотцам. Но теперь мне не будет стыдно рядом с достойнейшими. Я побил Черного Змея. После мрачного утра ясный день — и золотой закат!

Мерри горько плакал и не мог найти слов.

— Прости меня, король, — выдавил он, наконец. — Я нарушил твой приказ и сейчас не могу предложить тебе ничего, кроме слез на прощанье.

Седой король улыбнулся.

— Не горюй, холбыт. Ты прощен. Честное сердце нельзя оттолкнуть. Живи долго и счастливо, а когда в дни мира сядешь у очага с трубкой, вспомни обо мне. Ибо я уже не смогу усадить тебя рядом в Медуселде, как обещал, и слушать рассказы… о

трубочном зелье.

Феоден прикрыл глаза, Мерри нагнулся над ним.

— Где Эомер? Мгла застилает глаза, я хотел бы увидеть его перед смертью. Он станет королем после меня. Передай слова прощания Эовине. Она не хотела, чтобы я уходил без нее… теперь… я не увижу ту, что была мне дороже дочери.

— Король, король, — прерывающимся голосом начал Мерри. — Эовина…

В это мгновение раздался шум, и совсем близко заиграли рога и трубы. Мерри поднял голову и посмотрел на поле. Он вспомнил, что вокруг война, вспомнил все остальное. Ему показалось, что с момента, когда король принял свой последний бой, прошло много часов, а на самом деле вся трагедия разыгралась за несколько минут. Сейчас хоббит вдруг понял, что он в опасности, потому что сражение вот-вот возобновится, и здесь будет самый центр великой битвы.

От Реки подходили свежие полки Врага. Из-под городских стен приближались моргульские отряды, с юга подтягивалась харадская пехота и снова собиралась конница, за ней покачивались спины мамунов с боевыми башнями на них. На севере развевался белый султан на шлеме Эомера, вновь

строились в боевой порядок роханские всадники, а из города через разбитые ворота, тесня врагов, вышли все способные драться мужчины. Впереди них реяло гордое знамя Дол Амрота с серебряным Лебедем.

В голове хоббита мелькнула мысль: «Где же Гэндальв? Неужели его здесь нет? Он мог бы спасти короля и Эовину». В этот момент галопом подскакал Эомер, а с ним несколько воинов из свиты короля, которым удалось наконец успокоить лошадей. Сейчас они стояли вокруг, с ужасом глядя на тело убитого чудовища, — кони боялись подходить близко. Эомер спрыгнул с седла, боль и горечь отразились в его лице, когда он увидел короля и молча остановился перед недвижным телом.

Один из воинов вынул древко королевского знамени из сжатой руки павшего знаменосца Гутлафа и поднял его. Феоден медленно открыл глаза. Видя поднятый флаг, он взглядом показал, что его надо дать Эомеру.

— Привет… тебе, король Рубежного Края! — сказал он. — Веди войско… к победе… Прощание… Эовине.

С этими словами он умер, так и не узнав, что Эовина лежит рядом с ним. Люди громко плака-

ли, повторяя:

— Король Феоден! Наш король Феоден!..

Тогда Эомер сказал:

Не плачьте, сейчас не время для слез!

Велик был павший славной смертью.

Пусть потом над курганом женщины плачут,

Нас сегодня зовет война!

Он говорил это, сам не сдерживая слез. Потом добавил:

— Пусть королевские гвардейцы останутся здесь и с почетом вынесут с поля останки короля, пока снова не грянул бой. Пусть позаботятся обо всех павших из его свиты.

Он смотрел на лежавшие вокруг тела, называя по именам боевых товарищей. И вдруг увидел свою сестру Эовину и узнал ее. На мгновение он замер, перестав дышать, как человек, на полуслове уязвленный стрелой в сердце. Смертельная бледность разлилась по его лицу, гнев остановил кровь в жилах. Сначала он не мог сказать ни слова, потом словно обезумел.

— Эовина! Эовина! — закричал он. — Эовина, как ты здесь оказалась?! Я сошел с ума, или это чародейство? Смерти! Смерти! Пусть смерть возь-

мет нас всех!

И без рассуждений, без раздумий, не ожидая, пока приблизятся полки, высланные из города, он вскочил на коня, бешеным галопом помчался один навстречу целому вражескому войску, громко трубя в рог и скликая своих воинов. Над полем звенел его сильный отчаянный голос:

— Смерти! Вперед, на смерть, пусть наступит конец света!

Войско рохирримов двинулось за ним. Больше не было песен. Крики воинов слились в один громовой клич: «Смерти!», который раскатился по полю, перекрывая топот копыт. Волна всадников пронеслась мимо павшего короля и захлестнула южный край поля.

* * *

А хоббит Мерриадок так и остался стоять, ослепнув от слез, на том же месте. Никто его не позвал, никто его даже не заметил. Потом он вытер глаза, нагнулся над зеленым щитом — даром Эовины — и закинул его себе за плечо. Стал искать меч, который потерял, когда ударил Черного короля, — тогда у него вдруг онемела рука, и он теперь мог шевелить только левой. Свое оружие он нашел, но с удивлением увидел, что лезвие

меча дымится, как сухая ветка, вынутая из огня, потом клинок стал гнуться и коробиться, пока не рассыпался в пепел.

Так перестал существовать меч из Могильников, выкованный некогда людьми с Заокраинного Запада. Но древний оружейник, ковавший его в Северном Королевстве, мог бы гордиться своей работой. Тогда дунаданы были молодым и сильным племенем, а их главным врагом было страшное королевство Ангмар и Чернокнижник, его король. Никакое другое оружие, даже в более сильных руках, не нанесло бы врагу раны, рассекшей призрачное тело, разорвавшей колдовские чары, которые связывали невидимые мышцы с источником злой воли.

* * *

Из копий, накрытых плащами, воины сделали носилки и понесли короля в сторону города, а за ним на таких же носилках бережно несли Эовину. Остальных павших воинов, среди которых был Деорвин, командир гвардии, рохирримы сложили подальше от вражеских трупов и от тела убитого чудовища и воткнули вокруг копья. После боя они вернулись и сожгли труп летучей гадины, а для Снежногривого вырыли могилу и

отметили ее камнем, на котором впоследствии на языках Рохана и Гондора была высечена надпись:

Конь легконогий преданным был слугой —

Стал Снежногривый хозяину злой судьбой.

Буйная зеленая трава выросла потом на могиле Снежногривого, но навсегда черной и бесплодной осталась земля в месте, где сожгли крылатое чудище.

* * *

Медленно тащился Мерри вслед за скорбной процессией, не замечая, что вокруг продолжается сражение. Он чувствовал себя разбитым, усталым, его мучила боль и била дрожь, как в лихорадке. Ветер с Моря принес сильный дождь, словно весь мир оплакивал Феодена и Эовину потоками серых слез. Дождь гасил пожары в городе. Сквозь слезы и завесу дождя хоббит увидел, будто в тумане, первые ряды защитников Минас Тирита.

При виде скорбного шествия князь Имрахил придержал коня и приподнялся в стременах.

— Кого несете, друзья рохирримы? — спросил он.

— Короля Феодена, — ответили ему. — Он погиб. Войско ведет король Эомер, ты узнаешь его по белому султану на шлеме.

Князь сошел с коня, опустился на колени перед носилками, отдавая честь павшему королю, и не сдержал слез. Потом встал и, увидев на вторых носилках Эовину, безмерно удивился.

— Но ведь это женщина, — сказал он. — Неужели даже жены Рохана пришли с оружием к нам на помощь?

— Нет, только она одна, — ответили рохирримы. — Это королевна Эовина, сестра Эомера. Мы не знали, что она среди нас, пока не нашли ее на поле битвы, и горько ее оплакиваем.

Красота девушки, хотя она была очень бледна, тронула князя, он нагнулся и взял ее руку в свою.

— Друзья! — вскричал он вдруг. — Среди вас нет лекаря? Она ранена, может быть, смертельно, но еще жива!

Он снял с руки полированный наруч и приложил к холодным губам Эовины. Блестящая поверхность металла легко, почти незаметно затуманилась.

— Времени терять нельзя, — сказал князь, от-

правляя конного гонца в город с распоряжением оказать раненой немедленную помощь, а сам, низко поклонившись еще раз павшему королю, вскочил в седло и помчался на битву, ведя за собой войско.

* * *

Теперь на всем поле Пеленнора снова гремела жестокая битва, звон оружия разносился под небом вместе с криками людей и ржанием коней. Играли рога и горны, громко трубили мамуны, понукаемые к бою. Под южной стеной гондорская пехота обнаружила новое скопление больших сил, пришедших из Моргула. Но всадники помчались на восточный край поля, на помощь Эомеру: Хранитель Ключей Хурин Высокий, правитель Лосарнака Хирлаин с Зеленого нагорья и красавец Имрахил в окружении своих рыцарей.

Вовремя подошла эта помощь к рохирримам. Враги обезумели, а воинственность Эомера обернулась сейчас против него. Ярость первого натиска разбила ряды врагов, рохирримы широкими клиньями врезались в толпу южан, сбивая с седел конных, давя копытами пеших. Но туда, где были мамуны, кони идти не хотели, храпя, поднимались на дыбы и бросались в стороны.

Огромные звери царили над полем битвы, как крепости, на которые никто не осмеливался напасть, а харадцы теперь сгрудились вокруг них.

Еще в самом начале битвы харадцев было втрое больше, чем рохирримов, а потом положение усугубилось, ибо все новые отряды Врага подходили со стороны Осгилиата. До сих пор они оставались в тылу, чтобы под конец наброситься на взятый город, разрушить его, разграбить и окончательно уничтожить, ждали только приказа своего вождя. Черный король погиб, но их повел в бой Готмог, предводитель орков Моргула. За орками шли востокане, вооруженные топорами, варьяги из Кханда, чернолюды с юга в красных одеждах и гигантские воины из Харада Дальнего, похожие на троллей, белоглазые с красными языками. Часть этой армии наступала на рохирримов с тыла, часть заходила с востока, чтобы придержать гондорские отряды и не допустить их соединения с роханскими всадниками.

Счастье изменило гондорцам. В их сердца снова закралось сомнение в успехе, и тут со стен города взвился отчаянный крик. Как раз сейчас, почти в полдень, ветер дунул сильнее, унес дождь к северу, разорвал тучи, освободил солнце, и в его лучах часовые на башнях заметили вдали новую

опасность, убивающую последние надежды.

Петля Великого Андуина была видна из города на значительном протяжении, и зоркие глаза часовых увидели плывущие по реке суда. Напрягая зрение, стражи Башни закричали в ужасе, потому что по блестящей водной глади ветер гнал к Арлонду грозный флот: многовесельные военные галеры и корабли с черными парусами на высоких мачтах.

— Пираты из Умбара! Пираты! — кричали люди. — Смотрите, плывут пираты! Значит, Белфалас пал, Этир и Лебенин в руках Врага. Пираты плывут сюда, это последний удар, мы погибли!

Люди кинулись звонить в колокола — без приказа, ибо в городе приказывать было уже некому, — другие хватали трубы и трубили отбой.

— На стены! — кричали люди. — Возвращайтесь! Назад на стены, пока вас не разбили окончательно!

Их на поле не слышали, ибо тот же ветер, который подгонял суда, подхватывал крики и уносил за облака.

Но рохирримы не нуждались в предостережении. Они сами отлично видели черные паруса. Эомер в пылу боя разогнался так, что его от Арлон-

да отделяла неполная миля, на которой собралось несколько неприятельских отрядов. Другие отряды отрезали его с тыла от войска князя Имрахила. Эомер посмотрел на Реку и почувствовал, как умирает последняя надежда.

Он проклял ветер, который только что благословлял. Солдаты Мордора, наоборот, оживились и с торжествующим воем бросились в атаку.

Однако Эомер поборол первое ошеломление. Он мыслил трезво и ясно. Приказал трубить в рога, созвать всех, кто мог держать оружие, под королевское знамя. Он решил хотя бы здесь создать последнюю оборонную линию, стену из щитов, и, пока дышит, дать врагам бой, достойный легенд и песен, даже если никто не останется в живых, чтобы сохранить память о последнем короле Рубежного Края.

Эомер въехал на зеленый холм, воткнул в землю трепещущий на ветру флаг с изображением Белого Коня.

Отбросив сомненья, встречаю день из мрака!

Скачу навстречу солнцу и пою, меч подымая!

Пусть нет надежды, и сердце рвет-

ся, —
Да будет гнев, погибель врагам,
И красный закат!

Со смехом возглашал Эомер эти слова из песни. Снова охватил его воинский пыл. Пока его щадили неприятельские мечи и копья. Он был молод, он был королем и предводителем храброго племени. Смеясь над отчаянием, песней призывая опасность, он поднял меч и посмотрел на черные корабли.

И вдруг замер, пораженный, и в его сердце хлынула великая радость. Не прерывая песни, он подбросил меч в воздух и поймал его. Лезвие ослепительно сверкнуло на солнце. Все взгляды устремились за взглядом вождя, — и все увидели, как на главной мачте первого корабля, подходившего к причалу в Арлонде, ветер раздувает большой флаг. На черном фоне флага цвело Белое Древо Гондора, его окружало семь звезд, и над ним сверкала высокая корона — герб Элендила, королевский герб, который никто не видел с незапамятных времен! Звезды горели на солнце, ибо дочь Элронда Арвен вышила их драгоценными камнями. Корона из мифрила и золота сияла в блеске утра.

Так Арагорн сын Араторна, Элессар наследник Исилдура прибыл с Тропы Умерших на крыльях морского ветра в королевство Гондор. Радость рохирримов вырвалась криками, смехом, блеском и звоном оружия, а радость горожан взвилась в трелях фанфар и колокольном звоне. Только солдаты Мордора, вновь объятые черным страхом, не могли понять, каким колдовством на судах их союзников явились их враги, но поняли, что судьба от них отвернулась, и теперь они погибнут.

Воины князя Дол Амрота уже гнали перед собой на восток разбитые отряды троллей, варьягов и горных орков, не выносящих солнечного света. Эомер направил своих всадников на юг, и враги оказались между молотом и наковальней.

С кораблей на берег в Арлонде сходило вооруженное войско и, словно буря, сметающая все на пути, мчалось на север. В первых его рядах бежали Леголас с луком и Гимли с топориком в руках, Халбард со знаменем, северные стражи Дунаданы, Элладан и Элрохир в шлемах со звездами во лбу, с мечами в сильных руках, храбрецы из Лебенина и Ламедона, из других ленных провинций юга.

Вел их Арагорн, высоко воздев Пламя Запада,

перекованный огненный Андрил, не менее грозный, чем Нарсил, меч предков. На челе Арагорна сияла Звезда Элендила.

* * *

Так вышло, что посреди грозной битвы встретились Эомер и Арагорн. Опершись на мечи, радостно смотрели они друг другу в очи.

— Вот мы снова вместе, хотя между нами было все мордорское войско, — сказал Арагорн. — Разве я не обещал тебе эту встречу еще тогда, в Рогатой Башне?

— Да! — ответил Эомер. — Ты так сказал. Но надежда часто обманывает. Я не знал, что ты умеешь предвидеть будущее. Вдвойне благословенна помощь, приходящая нежданно. Никогда еще друзья так не радовались встрече!

Они сжали руки друг друга. Эомер добавил:

— И никогда еще мы не встречались так вовремя! Ты явился в последнюю минуту, друг! Мы уже понесли тяжкие утраты.

— Значит, мы сначала отомстим за все, а потом поговорим, — сказал Арагорн, и рука об руку, подняв мечи, они бросились в бой.

* * *

Битва, доставшаяся им, была долгой и жестокой. Южане были храбрыми и сильными воинами, испытанными в боях, яростными в отчаянии, а банды востокан прошли обучение в Мордоре, и никто не собирался сдаваться. Везде: на поле, под горой, за каждым сгоревшим амбаром и у каждого пригорка собирались враги, готовые сражаться до конца, и схватки продолжались до самого вечера.

Наконец солнце скрылось за Миндоллуином, оставляя на небе огромное зарево, так что на вершины гор пал кровавый отблеск. Казалось, что Река горит, а трава стала бурой.

С заходом солнца кончилась великая Битва за Минас Тирит; ни один враг не остался в живых на полях Пеленнора. Здесь остались убитые, а те, кто бежал, почти все погибли от ран или утонули в алой пене вод Великой реки. В Моргул и в Мордор добрались единицы, а до Харада дошла только легенда о страшной мести и великой мощи оскорбленного Гондора.

* * *

Арагорн, Эомер и Имрахил вместе возвращались к городским воротам. Они были настолько утомлены, что уже не могли ни радоваться, ни горевать. Все трое вышли из боя без единой царапины, так их хранило счастье, неуязвимое оружие и крепость рук. Мало кто смел без страха глянуть им в глаза, когда они пылали гневом в разгаре битвы. Но многие воины полегли на поле славы или получили тяжелые раны.

Форлонг был зарублен орчьими топорами; Дуйлин из долины Мортонда и брат его Деруфин были растоптаны насмерть, когда повели своих лучников в ближнюю атаку на мамунов, целясь гигантским зверям в глаза; не вернется в родной Пиннат Гелин Хирлаин Белокурый; не придет в свой дом Гримбольд. Погиб страж-скиталец Халбард из далекого северного края. Немало полегло воинов, прославленных и безымянных, военачальников и солдат.

Ибо это была великая битва, о которой еще не успели сложить легенду. Через много лет барды Рохана так споют о событиях под Мундбургом:

Услышьте, как пели рога в предгорьях,

Как мечи сверкали у каменной стены.
На рассвете вихрем примчались кони
Туда, где разгоралось зарево войны.
Там погиб Феоден, сын Тенгла преславный.
Не вернется он в свой Золотой дворец,
Не поскачет по буйным роханским травам,
Под Мундбургом в битве нашел конец.
Гутлаф и Хардиг, Дунгир и Деорвинг,
Храбрый Гримбольд, Херебранд и Хорн,
Херфара и Фастред пали с честью
Вместе с героями из других племен.
Деруфин и Дуйлин не вернутся в горы,
Не придет домой много людей.
В Мундбурге спит благородный Форлонг.
Смерть косила всех — солдат и вождей.
Утром и в полдень гибли со славой
На берегах Великой реки,
И шумят под ветром гондорские травы

Там, где в сече падали целые полки,
Где горы пылали заревом алым,
И были багровыми воды Реки…

Глава седьмая. Костер Дэнетора

Когда жуткая Тень отступила от ворот, Гэндальв остался недвижим посреди площади. А Пипин, наоборот, моментально ожил, будто упало тяжкое бремя с его плеч, выпрямился, услышал звуки рогов и сумел обрадоваться. С тех пор всю жизнь, даже когда постарел, он не мог слышать дальний голос рога без того, чтобы слезы не навернулись на глаза. Тут он вспомнил, зачем спешил к Гэндальву, вышел из укрытия и успел подбежать к магу, как раз когда тот, очнувшись, что-то шептал Серосвету на ухо, готовясь уехать.

— Гэндальв! Гэндальв! — закричал Пипин, и Серосвет замер на месте.

— Ты что тут делаешь? — спросил Гэндальв. — Насколько мне известно, по законам города тем, кто носит черно-серебряные цвета, нельзя покидать Цитадель без разрешения правителя.

— Он разрешил, — ответил Пипин. — Он меня выгнал, Гэндальв! Мне страшно. Там, наверху,

происходят ужасные вещи. Дэнетор, по-моему, сошел с ума. Я боюсь, что он убьет себя и убьет Фарамира тоже. Ты не мог бы что-нибудь сделать?

Гэндальв смотрел вперед, в зияющий пролом ворот; от поля уже слышался нарастающий гул битвы. Маг сжал кулаки.

— Я должен идти туда, где идет сражение, — сказал он. — Черный Всадник свободно кружит над полем, он один может принести нам гибель. У меня ни на что нет времени.

— Но там Фарамир! — закричал Пипин. — Живой! Они сожгут его живым, если их никто не остановит!

— Сожгут живым? — повторил Гэндальв. — О чем ты говоришь? Объясни быстро!

— Дэнетор пошел в Дом Мертвых и забрал с собой Фарамира. Говорит, что и так все сгорим, потому не хочет ждать; приказал сложить костер и собирается на нем сгореть вместе с Фарамиром. Послал слуг за деревом и маслом. Я сказал Берегонду, но боюсь, что он не посмеет бросить пост, потому что стоит у ворот Цитадели. И потом, что может Берегонд?..

Пипин на одном дыхании выпалил свое сообщение, а в заключение умоляюще протянул руки к Гэндальву и тронул его колено дрожащими

пальцами:

— Неужели ты не спасешь Фарамира?

— Может быть, мог бы спасти, — ответил Гэндальв. — Но боюсь, что тогда погибнут другие… Хорошо, я пойду с тобой, раз, кроме меня, никто Фарамиру не поможет. Грядут события жестокие и печальные. Яд Врага проник в самое сердце города. И в этом ужасном деле я вижу его волю.

Приняв решение, маг сразу начал действовать. Поднял Пипина, посадил перед собой на коня, приказал Серосвету поворачивать в город. Камни мостовых звенели под копытами жеребца, он летел вверх по улицам, а с поля доносился все более громкий шум боя. Отовсюду бежали очнувшиеся от тупой растерянности люди, хватались за оружие и повторяли друг другу:

— Рохирримы пришли!

Военачальники выкрикивали приказы, отряды строились и подтягивались вниз, к воротам. По дороге Гэндальву встретился князь Имрахил, который спросил его:

— Ты куда, Мифрандир? Рохирримы уже на полях Пеленнора и сражаются. Надо собрать воедино все силы.

— Знаю, сейчас все руки нужны, — ответил Гэндальв. — Поспеши. Я вернусь на поле, как только

смогу. У меня к Дэнетору дело, которое не ждет. Прими пока командование за наместника.

* * *

Они поскакали дальше, и чем ближе подъезжали к Цитадели, тем сильнее ветер овевал им щеки и тем заметнее светлела южная половина неба. Но надежд от этого не прибавилось, ибо не знали они, что застанут наверху и не придут ли туда слишком поздно.

— Тьма расходится, — сказал Гэндальв, — но город еще во мраке.

У ворот Цитадели охраны не было.

— Значит, Берегонд ушел, — немного утешился хоббит.

Они обогнули Башню и помчались к Запертой двери. Она была распахнута, убитый привратник лежал у порога, ключей при нем не было.

— Работа Врага, — сказал Гэндальв. — Его ничто так не радует, как братоубийство и раздор, посеянный в верных сердцах, перестающих понимать свой долг. — Он сошел с коня, приказал Серосвету идти в конюшню. — Мы оба с тобой, друг, давно должны быть на поле боя, — сказал он жеребцу, — но меня задерживают дела. Как только я тебя кликну — спеши!

Маг и хоббит прошли в дверь и поспешили по крутой тропе вниз. Светало. Огромные статуи по сторонам проплывали мимо серыми видениями.

Вдруг тишину прервали крики, звон оружия, шум, какого со дня постройки не знало это священное место. Вылетев на улицу Молчания, маг с хоббитом бросились к Дому Наместников с огромным куполом.

— Прекратите! — закричал Гэндальв, взбегая на каменные ступени. — Остановитесь, безумцы!

На пороге Дома Наместников слуги Дэнетора с мечами и факелами в руках напирали на Берегонда. Одетый в черное с серебром, он стоял на верхней ступеньке лестницы и защищал подступ к двери, один против шестерых. Двое уже пали от его меча, запятнав кровью мрамор усыпальницы, остальные проклинали его, называя отщепенцем и бунтовщиком, изменившим своему господину.

Подбегая, Гэндальв и Пипин услышали из Дома Мертвых голос Дэнетора, приказывающий спешить:

— Я жду! Скорее! Делайте, как я сказал! Убейте изменника или я сам его покараю!

Двери, которые Берегонд пытался подпереть левой рукой, вдруг открылись, и на пороге явился наместник, величественный и грозный. Глаза его

сверкали огнем, обнаженный меч был поднят для удара. Гэндальв одним прыжком оказался на ступенях. Слуги расступились, заслоняя руками глаза, ибо маг пронесся между ними яркой белой молнией, он весь пылал гневом. Он поднял руку, меч вырвался из руки Дэнетора, взлетел и упал позади него на камни усыпальницы. Дэнетор, пораженный, отступил перед Гэндальвом.

— Что здесь происходит, повелитель? — спросил маг. — Дом Мертвых — не место для живых. Почему твои слуги дерутся здесь среди гробниц, когда битва разгорается у городских ворот? Неужели Враг дошел сюда, до улицы Молчания?

— С каких пор властитель Гондора должен отчитываться перед тобой? — спросил Дэнетор. — Разве я уже не могу приказывать своим слугам?

— Можешь, Дэнетор, — ответил Гэндальв. — Но люди могут не подчиниться твоим приказам, если в них — безумие и зло. Где твой сын Фарамир?

— Здесь, в Доме Наместников, — сказал Дэнетор. — Он горит, уже горит! Огонь в нем. Скоро все сгорим. Запад гибнет. Все погибнет в великом огне, все кончится пеплом и дымом, и их развеет ветер!

Видя, что наместник обезумел, и, боясь, как бы

старик не осуществил страшного намерения, маг бросился вперед, за ним — Пипин и Берегонд. Дэнетор попятился. Он отступал, пока не остановился у мраморного стола, в большом зале. Фарамир лежал на нем еще живой, в беспокойном сне. Под столом и вокруг него было сложено сухое облитое маслом дерево. Маслом пропиталось покрывало и одежда Фарамира. Костер был готов, только не зажжен.

И тут Гэндальв явил силу, скрытую под личиной старца, подобно тому, как волшебный свет прятался под серым плащом. Он взбежал на бревна костра, легко поднял раненого воина на руки, спрыгнул на пол и понесся с драгоценной ношей к выходу. Фарамир застонал и в бреду позвал отца.

Дэнетор вдруг словно очнулся. Его глаза погасли, из них брызнули слезы.

— Не отбирайте у меня сына! Он меня зовет! — молил старик.

— Да, — ответил Гэндальв. — Сын тебя зовет, но тебе еще нельзя к нему подходить. Ибо Фарамир на пороге смерти, он нуждается в исцелении, а ты можешь этому помешать. Твое место — на поле боя у ворот твоего города, где тебя может ждать твоя смерть. В глубине души ты это знаешь.

— Фарамир не проснется, — ответил Дэнетор, — а бой напрасен. Зачем жить? Почему нам нельзя умереть вместе?

— Тебе не дано права назначать час собственной смерти, наместник Гондора, — ответил маг. — Только древние дикари под властью черных сил сами себя убивали, ослепленные гордыней и отчаянием, убивая вместе с собой своих ближних, чтобы легче было уходить из мира.

Гэндальв вынес Фарамира из Дома Мертвых и осторожно положил на ложе, в котором его принесли. Дэнетор пошел было за магом, но на пороге остановился, задрожал и с тоской устремил взгляд на лицо сына. Все замерли, видя мучения старца, а он, казалось, заколебался.

— Идем с нами, Дэнетор, — проговорил, наконец, Гэндальв. — Мы оба нужны сейчас в городе. Ты еще многое мог бы сделать.

Вдруг Дэнетор расхохотался. Он снова гордо выпрямился, быстрым шагом пошел в зал и схватил со стола подушку, на которой недавно лежала его голова. Вернувшись к двери, он сбросил с подушки накидку: под ней был *палантир*! Старец поднял его к глазам, и тем, кто это видел, показалось, что каменный шар у них на глазах разгорается изнутри, бросая красный отблеск на

лицо наместника, словно тоже вырезанное из камня, красивое, подчеркнутое тенями, гордое и страшное. Его глаза сверкали.

— Гордыня и отчаяние! — воскликнул он. — Ты что, думаешь, глаза в Белой Башне были слепы? Нет, я видел больше, чем ты со всей своей мудростью. Серый Глупец! Твоя надежда — в невежестве. Иди, спасай, врачуй! Иди, сражайся! Тщета. Ненадолго, может быть, на один день ты станешь победителем на поле битвы. Но мощь, которая разрослась вокруг Черной Башни, так просто не падет. Лишь один палец этой Силы протянулся к нашему городу. Весь восток двинулся за ним. Ветер, который принес тебе надежду, обманул тебя и гонит по Андуину флот под черными парусами. Запад гибнет. Всем, кто не хочет быть рабами, пора уходить из этого мира.

— Если бы мы слушались таких советов, победа давно досталась бы Врагу, — сказал Гэндальв.

— Тешь себя дальше пустыми надеждами, Мифрандир! — расхохотался Дэнетор. — Думаешь, я тебя не знаю? Ты надеешься отнять власть у меня, а потом встать за тронами всех владык севера, юга и запада. Я читаю твои мысли, я понял твои планы. Будто мне не известно, что ты приказывал полуростку молчать? Что привел

его шпионить в мои покои? Но из разговоров с ним я узнал имена и намерения всех твоих союзников. Да! Левой рукой ты толкаешь меня на борьбу с Мордором, чтобы мой город послужил тебе щитом, а правой тянешь сюда скитальца с севера, чтобы он занял мое место. Но я говорю тебе, Гэндальв-Мифрандир, что не буду орудием в твоих руках! Я — наместник королей из дома Анариона. Я не дам унизить себя ролью старого слуги в челяди выскочки! Даже если он докажет свои права, он — лишь дальний потомок Исилдура. Я не склоню головы перед последышем, чей род давно потерял власть и достоинство.

— Чего бы ты хотел, Дэнетор, если бы на то была твоя воля? — спросил Гэндальв.

— Я бы хотел, чтобы все оставалось так, как было в дни моей жизни и при жизни моих прадедов, — ответил Дэнетор. — Я бы хотел в мире править городом и передать правление сыну, который бы имел свою волю, а не был учеником чародея. Если судьба мне в этом отказывает, мне *ничего* не надо, не хочу низкой жизни, ущемленной чести, поделенной любви!

— В моем понимании наместник, который возвращает власть настоящему королю, не теряет ни любви, ни чести, — сказал Гэндальв. — Во всяком

случае, ты не имеешь права лишать своего сына возможности выбора, пока он еще находится на этом свете.

При этих словах глаза Дэнетора вновь сверкнули гневом. Он сунул Камень под руку, выхватил кинжал и рванулся к ложу сына. Но Берегонд молниеносным прыжком успел опередить его и заслонил собой Фарамира.

— Вот как! — крикнул Дэнетор. — Ты уже украл у меня половину сыновней любви. Теперь лишаешь меня уважения слуг и с их помощью отбираешь даже останки сына. Лишь в одном ты не сможешь мне помешать, я умру так, как решил. Ко мне! — закричал он слугам. — Ко мне! Или среди вас остались одни отступники?

Двое слуг подскочили к нему по ступеням. Дэнетор вырвал у одного из них факел и вбежал в Дом Мертвых. Прежде чем Гэндальв успел его остановить, он швырнул факел в костер, который сразу запылал.

Дэнетор вспрыгнул на стол. Стоя так, в столбе огня и дыма, он поднял наместнический жезл и сломал его. Потом швырнул обломки в огонь, поклонился, сам лег на стол, обеими руками прижимая палантир к груди. Говорят, что с тех пор, если кто-нибудь смотрел в этот Камень, не имея

достаточно воли, чтобы подчинить его себе, то видел в нем лишь две старческие руки, охваченные пламенем.

Гэндальв с болью и страхом отвернулся и закрыл двери. Некоторое время он молча стоял у порога, глубоко задумавшись. Изнутри слышен был шум и треск костра. Потом Дэнетор один-единственный раз страшно закричал и умолк навсегда. Больше никто из смертных его не видел.

* * *

— Так погиб Дэнетор сын Эктелиона, — произнес Гэндальв. Он обернулся к Берегонду и остолбеневшим от ужаса слугам. — С ним кончились дни того Гондора, который вы знали. К добру ли, к худу, но кончились. Злое здесь свершилось дело, но отбросьте враждебность, разделившую вас, ибо все это — козни Врага. Это он воспользовался вами в своих целях. Вы попали в сеть, но не ваши руки плели ее. Помните, верные слуги Дэнетора, слепые в своем послушании, что если бы не измена Берегонда, начальник стражи Белой Башни Фарамир был бы уже горстью пепла. Уберите из этого злополучного места тела своих павших товарищей. А мы понесем Фарамира,

наместника Гондора, туда, где он сможет спать спокойно или умереть, если такова его судьба.

Гэндальв и Берегонд подняли ложе. Пипин шел за ними, опустив голову. А слуги Дэнетора будто вросли в землю, устремив взгляд на Дом Мертвых. Гэндальв и его друзья были уже в начале улицы Молчания, когда раздался гул и оглушительный треск. Оглянувшись, они увидели, что купол Дома наместников лопнул, и из него к небу вырываются клубы дыма. Потом он с грохотом обрушился, и на обвалившихся камнях заплясали языки пламени. Тогда перепуганные слуги побежали вслед за магом.

* * *

Когда они проходили через Фен Холлен, Берегонд с горечью посмотрел на мертвого привратника.

— До самой смерти я буду жалеть об этом поступке, — сказал он. — Но я обезумел; время шло, а он не хотел слушать моих просьб и схватился за оружие. Пусть теперь ключ будет у Фарамира, — добавил воин, запирая дверь ключом, отобранным раньше у привратника.

— За отсутствием наместника власть временно принял князь Дол Амрота, — сказал Гэндальв. —

Раз его здесь нет, позволю себе распорядиться. Будь добр, Берегонд, возьми этот ключ и храни его, пока в городе не установится порядок.

Наконец они оказались в верхних ярусах города и уже в свете дня подошли к Домам Целения. Эти красивые здания в часы мира предназначались для тяжелобольных, а сейчас их приготовили для раненых на поле боя и умирающих. Дома эти стояли недалеко от ворот Цитадели в шестом ярусе, у южной стены, вокруг них был сад с лужайкой — единственный зеленый уголок в городе. Там хлопотало несколько женщин, которым позволили остаться в Минас Тирите, потому что они были искусны в лечении и уходе за больными.

Гэндальв и его спутники как раз вносили ложе с Фарамиром в сад Домов Целения, когда с поля битвы в небо взвился пронзительный крик, пронесся над их головами и вместе с ветром улетел, замирая, вдаль. Голос звучал, как рыдание, но так страшно, что все на минуту замерли, однако, когда он пролетел, все почувствовали облегчение, какого не знали с тех пор, как Мрак пришел с востока. Им показалось, что вдруг наступил рассвет, и еще они увидели, что из-за туч прорвалось солнце.

Только лицо Гэндальва оставалось суровым и

печальным. Маг попросил Берегонда и Пипина помочь женщинам внести Фарамира в дом, а сам поспешил на ближайшую стену. Он стоял там, как белая статуя, и в ясном солнечном блеске смотрел на поле.

Сразу обняв прозорливым оком все, что там происходит, он увидел, как Эомер отделился от авангарда своих воинов и стоит перед лежащими на земле королем и сестрой. Маг со вздохом завернулся в плащ и сошел со стены. Берегонд и Пипин, выходя из Дома Целения, застали его стоящим в задумчивости у порога. Они посмотрели на него, но Гэндальв довольно долго молчал, прежде чем произнес:

— Друзья мои, жители города и пришельцы из западных стран! Мы стали свидетелями событий печальных и славных. Плакать нам или радоваться? Произошло то, на что мы не могли надеяться в самых смелых мечтах. Убит полководец Врага — вы слышали эхо его последнего отчаянного крика. Но горе нам, мы понесли великую утрату. Я мог бы ее предотвратить, если бы не безумие Дэнетора. Вот как далеко простираются козни Врага! Увы! Лишь сейчас я понял до конца, как он засылал свою волю сюда, в сердце города.

Наместники считали, что никто не знает их

тайн, но мне давно было известно, что в Белой Башне, так же как в Ортханке, сохраняется один из Семи Камней. Пока Дэнетор был силен и мудр, он не решался ни пользоваться им, ни вызывать Саурона, зная пределы своих возможностей. Но мудрость его не выдержала испытания; когда опасность стала угрожать его владениям, он заглянул в палантир, и так в первый раз дал себя обмануть. После отъезда Боромира на север он, вероятно, смотрел в него не однажды. Он был достаточно честен и велик, чтобы не поддаться воле Черного Властелина, но он видел в Камне лишь то, что Тот разрешал ему видеть. Благодаря этому Дэнетор, безусловно, много раз получал ценные сведения, но огромная мощь Мордора, которую ему все время показывали, заронила в его сердце сомнение, потом отчаяние и в конце концов помутила его разум.

— Теперь я знаю ответ на загадку, над которой ломал голову, — произнес Пипин, вздрагивая от воспоминания о пережитом страхе. — Дэнетор ненадолго вышел из покоя, в котором лежал Фарамир, а когда вернулся, показался мне совсем другим, постарел и сгорбился, будто надломился.

— Как раз когда Фарамира принесли в Башню, люди заметили странный свет в самом верхнем

окне, — вставил Берегонд. — Правда, такой свет мы и раньше видели, и в городе давно ходили слухи, что наместник мысленно борется с Врагом.

— Увы, значит, я верно догадался, — сказал Гэндальв. — Воля Саурона пробивала путь в Минас Тирит. Поэтому я и вынужден был остаться здесь, хотя должен был ехать в поле. И сейчас еще не могу уйти, потому что скоро, кроме Фарамира, сюда принесут других раненых. Я пойду их встретить. Со стены я увидел очень печальное и горькое для меня зрелище. Кто знает, не ждут ли нас новые беды? Идем со мной, Перегрин. А ты, Берегонд, вернись в Башню и доложи начальнику стражи обо всем, что произошло. Боюсь, что он сочтет своим долгом исключить тебя из гвардии. Скажи ему, однако, что я, — если он захочет считаться с моим указанием, — советую ему отослать тебя в Дома Целения служить своему капитану и находиться при нем, когда он очнется, — если очнется. Ибо тебе он обязан тем, что не сгорел живым. Иди, Берегонд. Я тоже скоро сюда вернусь.

С этими словами маг пошел в нижние ярусы города в сопровождении Пипина. Пока они шли, начался серый дождь, стал гасить пожары, только огромные клубы дыма поднимались со всех улиц.

Глава восьмая. Дома Целения

Слезы и усталость застилали мглой глаза Мерриадока, когда он подходил к разбитым воротам Минас Тирита. Хоббит не замечал ни руин, ни трупов, усеявших поле. Воздух был густым от огня, дыма и тумана, душным, смрадным, ибо на поле сгорело много военных машин, и много было свалено в огненные рвы, туда падали и люди, и звери. Попадались огромные, как горы, мертвые тела мамунов из южных стран — наполовину обугленные, убитые каменными снарядами, с глазами, пронзенными меткими стрелами лучников с реки Мортонд. Дождь ненадолго прекратился, выглянуло солнце, но в нижних ярусах города стоял едкий запах гари.

Люди уже вышли на поле возле ворот, расчищая дорогу после битвы, и из города вынесли носилки. Эовину осторожно уложили на мягкие подушки, останки короля укрыли великолепным золототканым покрывалом. Их обоих окружили рохирримы с зажженными факелами. Бледные в свете солнца языки пламени колебались на ветру.

Так вступили в столицу Гондора Феоден и

Эовина. При виде их все обнажали головы и почтительно склонялись. Их несли мимо пожарищ и дымов нижних ярусов каменными улицами вверх. Мерриадоку этот путь показался невыносимо долгим, он шел, как в кошмарном сне. Где-то в тумане был конец, но сознание туда не проникало.

Факелы перед его глазами расплывались, наконец, погасли совсем, и хоббит продолжал машинально идти в темноте, думая: «Это подземный ход, он ведет в могилу, там мы все останемся». Вдруг в его сон ворвался живой голос:

— Мерри! Наконец-то. Какое счастье! Я тебя нашел!

Мерри поднял голову, туман перед глазами слегка расступился. Он увидел Пипина! Они стояли друг против друга посреди узкой улочки, вокруг никого не было. Мерри протер глаза.

— Где король? — спросил он. — Где Эовина?

Потом зашатался, сел на какой-то порог и расплакался.

— Их понесли наверх, к Цитадели, — ответил Пипин. — Ты, наверное, заснул по дороге, а ноги продолжали идти, вот и заблудился на повороте. Когда мы не увидели тебя возле носилок, Гэндальв послал меня тебя искать. Бедняга Мерри!

Но как я рад, что снова тебя вижу. Ты ужасно утомился, я не буду тебе сразу надоедать разговорами, скажи только: ты цел? Не ранен?

— Нет, — ответил Мерри. — Кажется, нет. Только, Пипин, после того, как я ткнул мечом того, страшного, у меня правая рука не действует, а меч сгорел, как щепочка.

Лицо Пипина стало озабоченным.

— Пойдем-ка со мной, и как можно быстрее, — сказал он. — Жаль, что я тебя не подниму и не смогу донести. Я же вижу, ты совсем падаешь. Обидно, что тебя не положили на носилки, но их можно простить: сегодня в городе произошло столько страшных событий, что им не до бедного хоббита…

— Иногда это даже к лучшему, — ответил Мерри. — Меня только что не заметил… Нет, я про это не могу! Помоги мне, Пипин. В глазах темно, и рука очень мерзнет.

— Обопрись на меня, Мерри дружок. Идем. Потихоньку-потихоньку. Здесь близко.

— Ты меня похоронишь? — спросил Мерри.

— Ишь, чего захотел! — запротестовал Пипин, пытаясь говорить веселее, хотя сердце у него сжалось от жалости и страха. — Я тебя в Дом Целения отведу.

* * *

Пройдя немного по кривой улочке между стеной и рядом высоких каменных домов, они свернули на главную дорогу к Цитадели. Двигались очень медленно, Мерри шатался и шевелил губами, как во сне. «Так мы никогда не дойдем, — упал духом Пипин. — Неужели никто мне не поможет? И оставить его нельзя…»

Только он об этом подумал, мимо них пробежал мальчик, и Пипин узнал Бергиля сына Берегонда.

— Эй, Бергиль! — окликнул он. — Ты куда? Рад тебя видеть целым и невредимым.

— Я посыльный у целителей, — сообщил Бергиль, остановившись на бегу. — Мне нельзя задерживаться.

— И не надо! — сказал Пипин. — Ты только скажи им, что у меня тут больной хоббит, *периан*, понял? Он идет с поля битвы. И, боюсь, никуда не дойдет. Если Мифрандир там, обрадуй его этой новостью.

Бергиль убежал.

«Лучше будет здесь подождать», — подумал Пипин. Он заботливо опустил Мерри на обочину и сел рядом, положив голову друга себе на коле-

ни. Потом потрогал его правую руку. Она была холодна, как лед.

Гэндальв очень скоро пришел сам. Склонился над Мерриадоком, погладил его по голове и осторожно поднял на руки.

— Его должны были с почестями внести в город, — сказал маг. — Он с лихвой отплатил мне за доверие, а ведь если бы Элронд не уступил моей просьбе, вы бы, милые мои хоббиты, не пошли в Поход, и сейчас наши потери были бы во много раз тяжелее. — Маг вздохнул и добавил: — Но теперь у меня на руках еще одна забота, а судьба битвы пока не решена.

* * *

Наконец все трое: Фарамир, Эовина и Мерриадок — оказались в постелях в Домах Целения на попечении заботливых целителей. Правда, в те времена лекарское искусство уже не сияло, как в старину, ярким блеском, но в Гондоре целители еще славились умением лечить раны и болезни, поражавшие смертных на востоке от Моря. Кроме старости. От нее лекарства не было, и поэтому здешние люди жили не намного дольше, чем в других племенах, а счастливцев, переступивших порог столетия в полной силе, можно было на

пальцах перечесть. Дольше всех жили потомки западных родов, в чьих жилах текла более чистая кровь.

В последнее время целители были очень обеспокоены появлением и распространением новой болезни, от которой пока не было спасения. Ее называли *черным помрачением*, и распространяли ее назгулы. Заболевшие постепенно впадали в глубокий сон, замолкали, холодели и в конце концов умирали. Лекари и няньки в Домах Целения подозревали, что именно эта страшная болезнь поразила полуростика и королевну Рохана. До полудня они еще что-то говорили, бредили во сне; целители внимательно прислушивались в надежде, что, может быть, поймут, что мучает больных, и смогут облегчить их страдания. Но оба скоро замолчали, забылись в тяжелом непробудном сне, а когда солнце стало склоняться к западу, их лица покрыла серая тень. Фарамир, наоборот, метался в горячке, и никакие средства не помогали снять жар.

Гэндальв в тревоге ходил из одного покоя в другой, и няньки повторяли ему каждое слово, услышанное из уст больных. Так здесь прошел весь день, в то время как Великая битва на полях Пеленнора продолжалась с переменным успехом.

Маг ни во что не вмешивался. Наконец небо на западе заполыхало красным заревом заката, и посеревшие лица больных осветились обманчивым светом. Тем, кто был рядом, показалось на миг, что к ним возвращается здоровый румянец, но увы! Потух закат, погасла обманная надежда.

Глядя на красивое лицо Фарамира, старшая из женщин-целительниц, Йорета, заплакала, ибо все в городе любили молодого рыцаря.

— Если он умрет, будет большое несчастье! — сказала она. — Жили бы на свете короли Гондора, как раньше! В старых книгах написано, что *в руке короля — целительная сила.* Так раньше узнавали настоящих королей.

Гэндальв, стоявший рядом, ответил ей:

— Пусть все запомнят твои слова, Йорета! В них — надежда. Что, если король в самом деле вернулся в Гондор? Ты не слышала, что нового говорят в городе?

— У меня тут хлопот полон рот, я не слушаю, что где говорят, — ответила она. — И надеюсь лишь на одно, — что эти убийцы не доберутся до Домов Целения и не потревожат моих больных!

Гэндальв вышел быстрым шагом. Небесный пожар погас, вершины гор побледнели. На равнину опустился вечер, серый, словно пепел.

* * *

После захода солнца Арагорн, Эомер и князь Имрахил со своими военачальниками вернулись к городским стенам. Остановившись у разбитых ворот, Арагорн сказал:

— Смотрите, солнце зашло в костер! Это знак многих потерь и перемен в мире. Старое погибает, чтобы могло прийти новое. Но этим городом и государством столько веков правили наместники, что если я войду в него непрошеным гостем, могут возникнуть раздоры и сомнения, опасные в дни войны. Значит, нельзя мне еще ни входить в столицу, ни заявлять какие бы то ни было права, пока не выяснится, кто одержал окончательную победу — мы или Мордор. Я прикажу своим воинам поставить шатры на поле и буду ждать, чтобы правитель города сам позвал меня.

— Но ты уже поднял Знамя королей и показал герб рода Элендила, — сказал Эомер. — Неужели ты стерпишь, если им не окажут надлежащей чести?

— Не стерплю, — сказал Арагорн. — Но время еще не пришло. Я не хочу ни с кем ссориться, кроме Врага и его слуг.

Тут свое слово произнес князь Имрахил:

— Если позволишь близкому родичу Дэнетора сказать, что он думает, то я считаю: ты решил мудро. Дэнетор упорен в борьбе и горд, но уже стар. Он очень странно ведет себя с тех пор, как увидел раненого сына. И вместе с тем негоже тебе, как нищему, стоять у ворот.

— Не как нищему, — ответил Арагорн, — а как вождю северных стражей, скитальцу, не привыкшему к городам и каменным домам.

И Арагорн приказал свернуть свой флаг, но сначала снял Звезду Северного королевства и отдал ее на сохранение сыновьям Элронда.

* * *

Князь Имрахил и Эомер-Рохиррим простились с Арагорном и вошли в город без него. На всех улицах их шумно приветствовали люди. В Башне они надеялись застать наместника, но его кресло в Большом зале оказалось пустым, а в середине зала под балдахином лежал на высоком ложе Феоден сын Тенгла, король Рубежного Края. Двенадцать факелов горели вокруг, и двенадцать воинов Рохана и Гондора стояли в карауле. Смертное ложе короля было убрано в его цвета — зеленое с белым, — на златотканом покрывале сверкал обнаженный меч, и в ногах Феодена

лежал его шит. Седые волосы словно струились по покрывалу, мягко искрясь в прихотливом свете факелов, лицо казалось помолодевшим, но исполненным покоя, какого не знает молодость. Казалось, король спит.

Долго стояли два друга у гроба короля, потом князь Имрахил произнес:

— Где наместник? И где Мифрандир?

Один из воинов, стоявших в карауле, ответил:

— Наместник Гондора пребывает в Домах Целения.

Тогда спросил Эомер:

— А где моя сестра Эовина? Она заслужила место рядом с королем и не меньшую славу. Почему ее нет здесь? Где ее положили?

И ответил ему князь Имрахил:

— Королевна была жива, когда ее уносили с поля боя. Разве ты не знал об этом, Эомер?

Так в сердце Эомера нежданно вошла надежда, а вместе с ней новые тревоги и опасения. Эомер молча вышел из зала, Имрахил последовал за ним. Была уже ночь, на небе светили звезды. У дверей Домов Целения они встретили Гэндальва, рядом с которым шел человек в сером плаще. После приветствия Имрахил объяснил:

— Мы ищем наместника. Нам сказали, что он

находится в этих Домах. Он ранен? И где Эовина?

— Эовина здесь, — ответил Гэндальв. — Она жива, но на пороге смерти. Фарамир ранен, как тебе сказали, отравленной стрелой, и тоже лежит здесь. Сейчас он наместник Гондора, ибо Дэнетор отошел к праотцам, и его дом теперь — горсть пепла.

Они подивились тому, что он сказал, и опечалились.

— Значит, без радости придется нам праздновать победу, — сказал Имрахил. — Большой ценой она оплачена, если в один день Рохан и Гондор утратили государей. Рохирримами командует Эомер. А кто будет править городом? Может быть, послать за Арагорном?

— Он здесь, — отозвался человек в плаще.

Он выступил вперед, и в свете фонаря, висевшего над входом, они узнали Арагорна, скрывшего доспехи под серым лориэнским плащом. Из всех знаков отличия и украшений он оставил лишь зеленый камень Галадриэли.

— Я пришел, уступив просьбе Гэндальва, — продолжал Арагорн, — но только как предводитель дунаданов из Арнора. Править городом, пока не придет в себя Фарамир, должен князь Дол Амрота. А в нашей общей борьбе с Врагом, я думаю, всем

надо подчиниться Гэндальву.

Остальные согласились с ним. Тогда Гэндальв сказал:

— Не стойте на пороге. Поспешим в Дом. Арагорн сейчас — последняя надежда на спасение. Ибо сказала Йорета, опытная целительница: *«В руке короля — целительная сила. Так узнают настоящих королей».*

* * *

Арагорн вошел во двор первым, остальные за ним. У порога одного из домов стояли в карауле два гвардейца в черном с серебром: цвета Белой Башни. Один был высок и широкоплеч, другой — ростом с ребенка. Этот маленький при виде входящих вдруг удивленно и радостно вскричал:

— Долгоброд! Вот здорово! Ты знаешь, я сразу догадался, что это ты плывешь на черном корабле. Но все кричали: «Пираты, пираты!», и меня никто не слушал. Как тебе это удалось?

Арагорн, смеясь, взял хоббита за руку.

— Я тоже рад нашей встрече, — сказал он. — Но сейчас не время для рассказов о дорожных приключениях.

Имрахил повернулся к Эомеру:

— У нас теперь так разговаривают с короля-

ми? — спросил он. — Надеюсь, короноваться он будет под другим именем?

Арагорн услышал его слова и ответил князю:

— Разумеется, под другим. На благородном старинном наречии мое имя — Энвиатар, что значит Обновитель, и Элессар Камень Эльфов, — при этих словах он поднял зеленый камень, висевший на груди. — Но мой род (если я стану основателем рода) примет и это имя. На языке Нуменора Долгоброд звучит неплохо: *Тельконтар*. Я буду зваться так, и мои прямые потомки тоже.

С такими словами он вошел в Дом Целения и направился в комнаты, где лежали больные. Гэндальв по пути рассказывал ему о подвигах Эовины и Мерриадока.

— Я много времени провел у их постелей, — сказал маг. — Они разговаривали в бреду, прежде чем погрузиться во тьму. Кроме этого, мне дано видеть, и я далеко вижу.

Арагорн поспешил сначала к Фарамиру, потом пошел к Эовине и, наконец, к хоббиту. Осмотрев их раны и вглядевшись в лица, глубоко вздохнул.

— Понадобятся все мои силы и знания, — сказал он. — Жаль, что среди нас нет Элронда, он — старейший во всем нашем племени и мудрейший

среди нас.

Эомер, видя, что Арагорн не только опечален, но и чуть не падает от усталости, предложил:

— Может быть, тебе надо сначала отдохнуть или хотя бы подкрепиться?

Арагорн ответил:

— Нет. Этим троим, особенно Фарамиру, каждая минута промедления может стоить жизни. Они не могут ждать.

Он подозвал старую Йорету и спросил:

— Правда ли, что в этом доме есть запас целебных трав?

— Правда, господин, — ответила она. — Но для всех, кому нужна помощь, у нас трав не хватит. Не знаю, где их теперь брать. В городе после таких страшных пожаров ничего не найдешь, мальчиков-посыльных у нас совсем мало, дороги отрезаны. Мы уже забыли, когда в последний раз прибывали торговцы из Лосарнака. Используем, что есть, достойный господин; поверь, что стараемся как лучше.

— Поверю, когда увижу, — сказал Арагорн. — Не хватает не только трав, но и времени на разговоры. Есть у тебя листья *афеласа*?

— Не знаю, достойный господин, — ответила Йорета. — Я такого названия не слышала. Могу

спросить у Главного собирателя зелий, он должен знать старые названия.

— Их еще называют *королевскими листьями*, — объяснил Арагорн. — Может быть, ты эти слова слышала? Так говорят в деревнях.

— Ах, королевские листья! — воскликнула Йорета. — Конечно, знаю, если бы мне сразу так сказали, я бы сразу и ответила. Нет, у нас их нет. Я и не знала, что они имеют целебные свойства. Сама часто говорила сестрам, когда мы встречали их в лесу: «Это королевские листья». Да, так и говорила. И еще говорила: «Странное название, интересно, зачем их так называют; если бы я была королем, я бы у себя в саду что-нибудь покрасивее посадила». Пахнут они, правда, очень приятно, если растереть их в ладонях. Может быть, я не так говорю, не просто приятно, а освежающе.

— Очень освежающе, — сказал Арагорн. — Так вот, если ты любишь Фарамира, дай языку отдохнуть и поработай ногами: найди эти листья. Перерой весь город, но хоть один лист принеси.

— Если в городе ничего не найдется, — вмешался Гэндальв, — я поскачу в Лосарнак и возьму с собой Йорету, чтобы она не своим сестрам, а мне показала их в лесу. А мой Серосвет покажет ей, как надо по-настоящему спешить!

* * *

Отослав Йорету, Арагорн приказал другим женщинам нагреть воды, а сам сел возле Фарамира и, взяв одной рукой руку больного, другую наложил ему на лоб, влажный от пота. Фарамир не пошевелился, не ответил на прикосновение, а дышал все слабее.

— Последние силы его покидают, — сказал Арагорн, обращаясь к Гэндальву. — Но не только рана тому причиной. Смотри, она хорошо затягивается. Если бы, как ты думал, в него попал дротик назгула, он бы не пережил ночи. Его, наверное, ранил южанин. Кто вынул стрелу? Она цела?

— Стрелу вынул я, — сказал Имрахил. — И наложил первую повязку. Стрелу я не сохранил, был бой. Если не ошибаюсь, стрела была обыкновенная, какими пользуются южане. Может быть, отравленная. Я поверил, что ее выпустил крылатый призрак, потому что как иначе объяснить всю эту горячку и болезнь? Рана неглубокая, важные жилы не задеты. Чем ты это объяснишь?

— Здесь все смешалось: утомление, боль от отцовской немилости, рана и, что хуже всего, дыхание Черных сил, — ответил Арагорн. — Фарамир закаленный боец, но еще до Битвы на полях

Пеленнора он долго пробыл в тени вражьих гор. Эта Тень постепенно входила в него, даже во время жарких схваток! Очень жаль, что я не смог прибыть раньше!

* * *

В эту минуту в покой вошел Главный собиратель зелий: — Достойный господин спрашивал про королевские листья, как их называют простолюдины, или афелас по-благородному, или, как говорят те, кто имеет понятие о языке Валинора…

— Я имею, — прервал его Арагорн, — но мне безразлично, как ты их назовешь, *асеа аранион* или королевские листья, лишь бы они у тебя были.

— Прошу простить меня, достойный господин, — продолжал собиратель. — Я рад, что вижу перед собой человека ученого, а не обычного военачальника, но, увы, этого зелья мы не держим в Домах Целения, где лечим только серьезно больных или тяжелораненых. Это же зелье, насколько мне известно, не содержит ценных свойств, за исключением того, что освежает воздух и распространяет приятный запах, рассеивая преходящее состояние утомления. Ты, вероятно, веришь сомнительным присловьям, которые повторяют

старухи вроде почтенной Йореты, например:

Против чар зловещей Тени,
Против Черных Помрачений,
Тем, чей взор почти погас,
Дайте листья афелас!
Королевская рука
Исцелит наверняка…

Мне ведомы эти слова, но я привык считать, что это обычная побасенка, прилипшая к языкам болтливых женщин. Ты сам можешь судить, достойнейший, есть ли в ней смысл. Правдиво лишь то, что старики пьют настой этого зелья, которое якобы помогает от головной боли…

— Именем короля, иди отсюда и найди какого-нибудь старика, у кого оно есть, не такого ученого, но потолковее тех, кто хозяйничает в этом Доме! — закричал Гэндальв.

* * *

Арагорн опустился на колени возле ложа Фарамира, не снимая руки с его лба. Было видно, что он ведет с болезнью трудную борьбу. Лицо Арагорна побледнело от напряжения; время от времени он повторял имя Фарамира, но его голос

куда-то уходил, и присутствующим казалось, что сам Арагорн уходит от них в темноту, ища заблудившегося там друга. Так продолжалось долго.

Наконец прибежал Бергиль, неся шесть длинных листьев в платочке.

— Вот королевские листья, господин, — сказал мальчик. — Они не очень свежие, их рвали две недели назад. Но может быть, они еще годные?

Взглянув на Фарамира, мальчик расплакался. Но Арагорн вдруг улыбнулся.

— Конечно, годные, — сказал он. — Самое плохое позади. Останься здесь и думай про хорошее.

Он выбрал два листа побольше, положил на ладонь, подышал на них, потом раскрошил в руках. Покой наполнился живительным запахом, как будто воздух зазвенел в радости. Арагорн бросил растертые листья в сосуд с горячей водой, который принесли няньки.

В сердцах всех, кто был в комнате, ожила надежда. Запах афеласа будил воспоминания о сверкающих утренних росах под безоблачным небом, нес вести из страны вечной весны. Арагорн встал, глаза его смеялись. Он придвинул сосуд к изголовью Фарамира.

— Смотри, смотри! — шептала Йорета стоявшей рядом женщине. — Кто бы мог подумать?

Это зелье еще лучше, чем говорили. Пахнет, как розы из Имлот Мелуи, которые я видела, когда была девочкой. Истинно королевский запах.

Фарамир вдруг пошевелился, открыл глаза, посмотрел на склоненного над ним Арагорна разумно и с любовью. Потом тихо проговорил:

— Ты звал меня, король. Я здесь. Что прикажешь?

— Прикажу, чтобы ты больше не блуждал во мраке. Пробудись, Фарамир! — ответил Арагорн. — Ты утомился. Отдыхай, ешь, набирайся сил и будь готов к моему возвращению.

— Буду готов, государь, — сказал Фарамир. — Разве можно лежать в бездействии, когда король вернулся?

— Пока прощай, — сказал Арагорн. — Мне надо идти к другим, которым я тоже нужен.

И он вышел вместе с Гэндальвом и Имрахилом. Берегонд и его сын Бергиль остались с Фарамиром, не скрывая радости. Прежде, чем закрылась дверь покоя, Пипин, семенивший за Гэндальвом, услышал восклицание старой Йореты:

— Король! Слышали?! Что я вам говорила? *В руке короля — целительная сила,* вот что я сказала.

Весть о чуде молниеносно разнеслась по Домам Целения, и вскоре весь город говорил, что

вернулся настоящий король и исцеляет всех, кто получил раны в бою.

* * *

Тем временем Арагорн стоял у ложа Эовины и говорил:

— Королевна получила тяжелые раны, приняла на себя страшный удар. Сломанное плечо перевязано правильно и должно срастись, если у нее хватит сил выжить. В левой руке, которой она держала щит, раздроблена кость, но главная причина недуга — не эти раны, а правая рука, в которой был меч. Кости в ней целы, а сама рука омертвела.

Увы! Эовина встретилась с тем, кто был гораздо сильнее ее разумом и телом. Кто осмеливается поднять меч на подобного противника, должен быть крепче стали — иначе убивает само столкновение. Злая судьба поставила такого врага на ее пути. Ибо она молода и красива, красивее всех королевских дочерей. Мне трудно о ней говорить. Когда я впервые ее увидел и понял ее печаль, мне показалось, что я смотрю на белый цветок, стройный, гордый и нежный, как лилия, и вместе с тем в ней чувствовалась такая твердость, будто эльфы выковали этот цветок из стали. Может быть,

холод уже давно сковал его соки, и потому цветок был еще прям, сладок и горек одновременно, красив на вид, но уже ранен и осужден на раннее увядание и смерть? Болезнь давно прокралась к ней, правда, Эомер?

— Удивлен я, что ты меня об этом спрашиваешь, властитель, — ответил Эомер. — Я тебя не обвиняю ни в этом, и ни в чем другом, но я знаю, что Эовину, мою сестру, не тронул холод, пока она не увидела тебя. У нее бывали заботы и опасения, которыми она делилась со мной, когда Причмок держал нашего короля под своим зловредным влиянием. Эовина заботилась о Феодене, все больше тревожась о нем. Но не это привело ее на роковой путь!

— Друг! — вмешался Гэндальв. — У тебя всегда были кони, военные подвиги, вольное поле, в то время как сестра твоя, с не менее отважной душой, родилась женщиной. Ее уделом стала забота о старике, которого она любила, как родного отца. Ей выпало смотреть, как он дряхлеет и теряет славу. Она чувствовала себя униженной и еще менее нужной, чем палка, на которую опирался седой король.

Ты думаешь, что Причмок лил яд только в уши Феодена? *«Старик, впадающий в детство! Что*

такое двор Эорла? Дымная лачуга, в которой бандиты и всякий сброд напиваются, как скоты, а их пащенки возятся на полу с псами!» Это слова Сарумана, хозяина Причмока. Ты ведь их слыхал? Ясно, что Причмок осторожнее и осмотрительнее выражался под крышей Феодена. Если бы не любовь к тебе, Эомер, и верность долгу не замыкали ее уст, ты бы мог услышать эти слова и от своей сестры. Кто знает, что произносила она, когда оставалась одна в бессонные ночи в четырех стенах, думая о том, как с каждым днем оскудевает ее жизнь, и чувствуя себя пойманным зверьком в тесной клетке!

Эомер не ответил. Он смотрел на сестру, будто в ином свете увидел сейчас дни детства и юности, проведенные вместе с ней. Но Арагорн сказал:

— Я знаю, о чем ты думаешь, Эомер. Из всех ударов, которые нам готовит судьба на этом свете, мало найдется таких горьких и позорных для сердца мужчины, как невозможность ответить взаимностью на любовь столь красивой и смелой девушки. Боль и печаль ни на минуту не оставляли меня с тех пор, как я простился с королевной в Дунгарском Укрытии, оставив ее в глубоком отчаянии. Страх на Тропе Умерших не пересилил во мне страха за дальнейшую судьбу

Эовины. Но я говорю, Эомер, что тебя она любит больше, чем меня, ибо тебя она хорошо знает, а во мне полюбила тень и мечту, надежду на славу и великие подвиги, очарование далеких от Рохана неведомых стран.

Может быть, мне удастся исцелить ее тело, вызвать ее к живым из долины смертной тени. Но я не знаю, что ее ждет здесь: надежда, забвение или отчаяние. Если она проснется в отчаянии, то умрет; чтобы ее спасти, понадобится лекарство, которое я не смогу ей дать. И это будет огромная потеря, ибо своими подвигами твоя сестра покрыла себя славой и заняла подобающее место среди достойнейших правительниц мира!

Арагорн нагнулся, заглянул в лицо Эовины, белое, как лилия, застывшее, как резной камень, покрытый льдом. Он поцеловал ее в лоб и ласково зашептал:

— Проснись, Эовина дочь Эомунда! Враг погиб от твоей руки! Проснись!

Девушка не шевельнулась, только глубже задышала, белое покрывало на ее груди слегка поднялось и опало. Арагорн взял еще два листа афеласа и бросил в кипяток. Этим отваром он вытер лоб и холодную правую руку девушки, неподвижно лежавшую поверх покрывала.

Может быть, Арагорн в самом деле обладал забытой колдовской силой древнего племени с Заокраинного Запада, а может быть, его слова взволновали присутствующих, но когда легкий аромат целебного зелья разнесся в воздухе, всем показалось, что от окна повеял ветер, в котором не было никакого запаха, а просто свежесть, не испорченная ничьим дыханием, прилетевшая прямо со снежных вершин из-под звезд или с дальнего морского берега, омытого серебряной пеной.

— Проснись, Эовина, королевна Рохана! — повторил Арагорн, беря ее правую ладонь в свою и чувствуя, как теплеет рука. — Пробудись. Тень ушла, мрак рассеялся, мир снова светел. — Он отступил, передавая руку девушки Эомеру. — Позови ее ты, Эомер! — сказал он и тихо вышел из покоя.

— Эовина! Эовина! — рыдая, воскликнул Эомер.

Девушка открыла глаза.

— Эомер! Какое счастье. Мне говорили, что ты убит. Но нет, это были только злые голоса во сне. Я долго спала?

— Недолго, сестра, — ответил Эомер. — Не думай об этом.

— Я очень устала, — сказала девушка. — Как странно. Мне надо немного отдохнуть. Скажи, что с королем Рохана? Увы, я знаю, это был не сон, не обманывай меня. Он погиб, он это предчувствовал.

— Он умер, — сказал Эомер. — Почиет в славе сейчас в Цитадели Гондора. Но перед смертью просил передать слова прощания Эовине, которую любил больше, чем родную дочь.

— Это печальная новость, — произнесла она. — Но вместе с тем это добрая весть, о такой смерти для него я не могла даже мечтать в хмурые дни, когда мне казалось, что Дом Эорла стал хуже нищей пастушьей хижины. А что стало с его оруженосцем, полуростиком? Эомер, ты должен возвести его в рыцари Рубежного Края за доблесть!

— Он лежит здесь рядом, я сейчас к нему пойду, — вмешался Гэндальв. — Эомер пока останется с тобой. Но не говори о войне и печали, пока не окрепнешь. Мы все рады, что ты проснулась, скоро будешь здорова и полна надежды, самая храбрая из королевен!

— Здорова? Может быть. Буду настолько здорова, чтобы заменить на пустом седле упавшего воина, пока нужны бойцы. Но полна надежды?

Не знаю, — ответила Эовина.

* * *

Гэндальв и Пипин вошли в покой, где лежал Мерри, и застали Арагорна у его изголовья.

— Бедный мой любимый Мерри! — заплакал Пипин, подбегая к кровати.

Ему показалось, что другу стало еще хуже, его лицо посерело и как бы постарело, в нем было столько печали. Пипин испугался, что Мерри умирает.

— Не бойся, — успокоил его Арагорн. — Я пришел вовремя и успел его позвать. Он вернется. Он очень устал, и ему больно. С ним то же, что и с Эовиной, потому что он осмелился ударить страшного противника. Но это скоро пройдет, в нем живет сильный и веселый дух. О пережитом горе Мерри никогда не забудет и станет от этого мудрее, но веселье в сердце сохранит.

Арагорн положил ладонь на лоб Мерриадока, ласково погладил кудрявую голову, тронул его веки и позвал по имени. А когда запах афеласа наполнил комнату, словно аромат садов и вересковой поляны, гудящей от пчел в солнечный день, Мерри вдруг очнулся и заявил:

— Есть хочу. Который час?

— Время ужина прошло, — серьезно ответил Пипин, — но я постараюсь принести чего-нибудь перекусить, если здешние люди не откажут.

— Конечно, не откажут, — сказал Гэндальв. — Все, что найдется в Минас Тирите, будет охотно предложено рыцарю Рохана, прославившему свое имя.

— Отлично! — воскликнул Мерри. — В таком случае, сначала я попрошу ужин, а потом трубочку… — и вдруг погрустнел. — Нет, трубки не надо. Я, наверное, больше никогда не буду курить.

— Почему? — спросил Пипин.

— Потому, — ответил медленно Мерри, — что он погиб. Я все вспомнил. Когда он прощался со мной, то жалел, что не успел поговорить об искусстве курить трубочное зелье. Это были почти последние его слова. Теперь я никогда не смогу закурить трубку, чтобы не вспомнить про него, Пипин, и про тот день, когда он подъехал к Исенгарду и так вежливо с нами разговаривал.

— Наоборот, кури трубку и вспоминай о нем! — сказал Арагорн. — У него было благородное сердце, и он был великим королем. Он остался верен присяге и вырвался из мрака в свое последнее ясное утро. Недолго ты ему служил, но об этой службе сохранишь светлое и гордое воспомина-

ние до конца дней.

Мерри улыбнулся.

— Хорошо, пусть будет так, — сказал он. — Если Долгоброд достанет мне все, что для этого надо, я буду курить и думать. У меня в мешке было трубочное зелье, лучшее из запасов Сарумана, но я не знаю, что с ним стало после битвы.

— Ты сильно ошибаешься, господин Мерриадок, если думаешь, что я прошел сквозь горы и пробил в Гондор дорогу огнем и мечом для того, чтобы снабжать зельем растяпу-солдата, потерявшего снаряжение, — ответил Арагорн. — Если твой мешок не найдется, обратись к здешнему Главному собирателю зелий. Он тебе объяснит, что ему не известно, обладает ли требуемое зелье какими-нибудь достойными свойствами, но сообщит, что в народе оно называется *западным зельем*, по-научному *галена*, а в языках разных племен так и этак; потом угостит тебя полузабытым присловьем в стихах, смысла которого сам не понимает, и с прискорбием уведомит, что в Домах Целения нет такого лекарства, так что развлекайся размышлениями об истории его названия. А сейчас я должен тебя покинуть. На такой постели, как та, в которой ты тут нежишься, я не спал с тех пор, как ушел из Дунгарского Укрытия, а со

вчерашнего дня еще и не ел ничего.

Мерри схватил его руку и расцеловал.

— Прости меня, мне очень стыдно! — сказал он. — Иди, не думай обо мне. С того самого вечера в Бригорье мы тебе одни хлопоты доставляем. Но уж так мы, хоббиты, устроены, что в серьезные минуты говорим пустые слова. Боимся слишком много сказать. А когда не до шуток, у нас слов не хватает.

— Это я хорошо знаю, — ответил Арагорн. — Поэтому и плачу тебе той же монетой. Да здравствует Хоббитшир и неистощимое жизнелюбие!

Он поцеловал Мерриадока и вышел, взяв с собой Гэндальва. Пипин остался у постели друга.

— Кто может сравниться с Арагорном в целом свете? — воскликнул он. — Разве только Гэндальв. Мне кажется, между ними есть какое-то родство. Слушай, разиня, мешок у тебя под кроватью, — когда мы встретились, он у тебя за плечами был. Долгоброд, наверное, на него смотрел, когда с тобой расправлялся. Да и у меня есть запасец трубочного зелья. Вот, бери — это Долгодонские листья. Набей пока трубочку, а я побегу поищу еды. Потом можно будет расслабиться. Эх, и наговоримся! Пора спускаться на землю. Мы, Туки и Брендибаки, не умеем долго

жить на высоте.

— Не умеем, — признался Мерри. — Во всяком случае, я пока не умею. Но, Пипин, мы уже умеем увидеть высокое и отдать ему честь. Я думаю, что лучше всего просто любить то, к чему сердце тянется. С чего-то надо начинать, и корни должны быть, — а в Хоббитшире почва подходящая, можно глубоко зарыться. Но есть вещи глубже и выше. Если бы не они, ни один дед не мог бы копаться в своем огороде, наслаждаясь миром, хотя не всякий дед про это знает. Я рад, что теперь кое-что про них понял… Только сам не пойму, с чего я про все это разболтался. Дай-ка табачку. И достань из мешка мою трубочку, если она еще цела.

* * *

Арагорн и Гэндальв пошли к Главному попечителю Домов Целения и попросили его еще некоторое время продержать Фарамира и Эовину в постелях и ухаживать за ними получше.

— Королевна Эовина будет рваться из постели, — сказал Арагорн, — и захочет поскорее выйти в мир, но постарайся удержать ее хотя бы в ближайшие десять дней.

— Что до Фарамира, — сказал Гэндальв, — то

придется ему вскоре сказать о смерти отца, но всю правду о безумии Дэнетора он не должен знать, пока совсем не поправится и не приступит к новым обязанностям. Проследите, чтобы свидетели страшных событий, Берегонд и периан, не проговорились.

— А как нам быть со вторым перианом, по имени Мерриадок, который лежит больной? — спросил попечитель.

— Похоже, что завтра он попробует встать, — ответил Арагорн. — Можно ему разрешить, если захочет. Пусть немного погуляет с помощью друзей.

— Удивительное племя, — промолвил попечитель, качая головой. — Очень крепкая порода!

* * *

У входа в Дома Целения уже собралась толпа, которая ждала Арагорна. Люди пошли за ним, а когда он поужинал, стали просить, чтобы он исцелил одним родственников, другим друзей, тяжело раненных или отравленных зловредной Тьмой. И Арагорн встал и вызвал на помощь сыновей Элронда, и они втроем до поздней ночи ходили по городу, помогая больным и раненым.

И шла по городу молва: «Настоящий король

вернулся». Гондорцы сразу назвали его Камнем Эльфов из-за зеленого камня, который сверкал у него на груди; так собственный народ подтвердил имя, предсказанное ему при рождении.

Поздно ночью, когда силы почти покинули Арагорна, он завернулся в плащ, тайно вышел из города и последние часы перед рассветом проспал в шатре. Увидев утром на Белой Башне флаг Дол Амрота, на котором, словно лебедь, колыхался на голубой волне белый корабль, люди удивились и спрашивали себя, не приснилось ли им возвращение короля?

Глава девятая. Последний совет

Утро после битвы настало ясное, легкие белые облачка плыли по небу, ветер переменился и дул с запада на восток. Леголас и Гимли поднялись с рассветом и испросили разрешения пойти в город, потому что очень хотели повидаться с Пипином и Мерри.

— Как я рад, что оба живы, — говорил Гимли. — Столько сил мы на них потратили на роханских тропах, хорошо, что не зря, а то было бы очень обидно.

Эльф с гномом вместе вошли в город, и гон-

дорцы на улицах с удивлением разглядывали необычную пару: Леголас сиял невиданной красотой, чистым и звонким голосом пел в блеске утра эльфийские песни, а Гимли топал рядом с ним, поглаживая бороду и с интересом осматриваясь.

— В обработке камня они неплохо разбираются, — высказался гном, разглядывая стены. — Иногда, правда, небрежничают. Мостовую можно было ровнее выложить. Как только Арагорн примет хозяйство, я ему предложу услуги наших подгорных каменщиков. Уж мы ему отстроим столицу, которой можно будет гордиться!

— Тут не хватает садов, — заметил Леголас. — Дома мертвые, мало живой зелени, которая растет и радуется жизни. Если Арагорн примет хозяйство, Лесной народ пришлет ему поющих птиц и деревья, которые зеленеют зимой.

* * *

Наконец, они оказались пред лицом князя Имрахила. Леголас посмотрел на него и низко поклонился, ибо признал человека, в чьих жилах текла эльфийская кровь.

— Привет тебе, повелитель! — сказал он. — Давно ушли соплеменники Нимродэли из Лориэнских лесов, но, как видно, не все отплыли из

Амрота на Запад за Большую Воду.

— Так говорят старые легенды моей страны, — ответил князь. — Но с незапамятных времен в ней ни разу не появлялся ни один из сыновей Дивного народа. Удивлен я такой встречей среди военных забот и горя. Что тебя сюда привело?

— Я один из тех Девяти, что вышли с Мифрандиром из Имладриса. Сюда я пришел с другом, вот этим гномом, в свите достойного Арагорна. Мы хотим встретиться еще с двумя друзьями, Мерриадоком и Перегрином, которые, как нам сказали, находятся у тебя в городе.

— Ты их обоих найдешь в Домах Целения, я охотно тебя сам туда провожу, — сказал князь.

— Нам хватит и менее знатного провожатого, повелитель, — сказал Леголас. — А к тебе я пришел с поручением от Арагорна: он не хочет сейчас входить в город, но есть необходимость немедленно созвать совет военачальников, и он просит тебя и Эомера Роханского безотлагательно прийти в его шатер. Мифрандир уже там.

— Мы придем, — ответил Имрахил, и они расстались, учтиво обменявшись прощальными словами.

— Вот благородный муж и большой вождь людей, — сказал Леголас. — Если сейчас, на закате

Гондора, в нем есть такие мужи, то, наверное, велика была его слава в дни расцвета!

— И в каменном деле они были мастера, — подтвердил Гимли. — Самые старые постройки сработаны лучше новых. Так всегда у людей: сеют старательно, а потом весенние заморозки, а потом летние напасти, и урожай уже не такой, каким обещал быть.

— Но все зерно редко вымирает, — заметил Леголас. — Бывает, что в пыли и грязи оно терпеливо ждет, чтобы прорасти в неожиданном месте. Дела человеческие нас переживут, мой Гимли.

— И все же в конце будет лишь тень того, что могло быть, — сказал гном.

— Этого даже эльфы не знают, — ответил Леголас.

* * *

Подошел слуга, посланный князем, отвел их в Дома Целения, где они застали своих друзей в саду, и встреча их была радостной. Некоторое время они все вместе гуляли и беседовали, наслаждаясь краткими часами покоя в тишине раннего утра, свежим ветром, овевающим верхние ярусы города. Потом, когда Мерри устал, сели на стене, спиной к зеленому саду, окружавшему

Дома Целения, лицом к югу, к сверкавшему на солнце Великому Андуину, который убегал туда, где даже зоркие глаза Леголаса ничего не видели, пропадал в широких равнинах и буйной зелени Лебенина и Южного Итилиэна.

Теперь Леголас молчал, пока друзья говорили, и неотрывно смотрел вдаль, против солнца, пока не увидел белых морских птиц, летящих над рекой вверх по ее течению.

— Смотрите! — закричал он. — Это чайки! Они летят с Моря в глубь Земли. Удивительные птицы растревожили мне сердце. Я не встречал их, пока мы не дошли до Пеларгира, и там я услышал, как они кричат. Тогда мы скакали к кораблям на битву, и я на мгновенье забыл о войне, охватившей просторы Среднеземья, потому что их жалобная песня была о Море. Море! Увы, я его не увидел. Но глубоко в сердцах моих соплеменников дремлет тоска по Морю, которую опасно будить. Ах, чайки, чайки!.. Больше не знать мне покоя в лесу под дубами и вязами.

— Не говори так! — сказал Гимли. — Нам в Среднеземье еще многое надо увидеть и много сделать. Если все эльфы отправятся в Гавани, мир сразу потеряет красоту и потускнеет для тех, кто в нем останется.

— Мир потускнеет и будет скучно, — сказал Мерри. — Не уходи в Гавань, Леголас! На земле всегда найдутся существа, большие и маленькие, например, премудрые гномы вроде Гимли, которым ты очень нужен! Во всяком случае, мне так кажется. Хотя иногда я думаю, что худшие дни этой войны еще впереди. Как бы мне хотелось, чтобы она уже кончилась, причем навсегда!

— Не каркай! — взмолился Пипин. — Солнце светит, мы все вместе, и так будет еще по крайней мере целый день, а то и два. Я хочу услышать про все ваши приключения. Говори ты, Гимли! Вы с Леголасом уже раз пятнадцать намекали на удивительный поход с Долгобродом, но так ничего и не рассказали.

— Тут-то солнце светит, — сказал Гимли, — а от того похода мы сохранили такие воспоминания, что лучше их не вытаскивать на свет. Если бы я заранее знал, что меня ждет, наверное, никакая дружба не заставила бы меня идти по Тропе Умерших.

— Тропа Умерших? — повторил Пипин. — Я слышал, как Арагорн произносил эти слова, и дивился, что они означают. Расскажи про нее, пожалуйста!

— Не хочу, — ответил Гимли. — На той Тропе

мне стало стыдно. Я, Гимли сын Глоина, который считал себя храбрее и выносливее людей, а в подземельях сильнее эльфов, ошибся в себе. Только воля Арагорна поддерживала меня на том пути.

— И твоя любовь к нему, — сказал Леголас. — Кто его узнает, начинает любить, каждый по-своему; даже эта холодная королевна рохирримов. Мы уходили из Дунгарского Укрытия на рассвете, когда вы еще туда не добрались, Мерри. Страх так поразил людей, что никто не пришел нас провожать, кроме девушки, которая сейчас здесь лежит раненая. Расставание было таким печальным, что у меня сердце болело, когда я на нее смотрел.

— А я тогда жалел только себя, — произнес Гимли. — Нет, не хочу я говорить про ту Тропу.

Гном упрямо замолчал, но Пипин и Мерри так просили, что в конце концов Леголас сказал:

— Хорошо, я расскажу вам, но только чтобы удовлетворить ваше любопытство. Мне не было страшно, ибо я не боялся человеческих призраков, они ведь бледные и слабые, как я думал…

Эльф коротко рассказал о заклятой Тропе под горами, о мрачной встрече у Камня на горе Эрк, о дальнем спешном переходе до Пеларгира на Андуине: целых девяносто и три гона!

— Четыре дня и четыре ночи от Черного Камня

мы гнали лошадей, — рассказывал Леголас, — а на пятый день, когда въехали в Тень Мордора, у меня появилась надежда на успех, потому что в этой Тени войско призраков будто окрепло, стало приобретать какую-то плотность и выглядело грозно. В нем были конные и пешие воины, передвигались они одинаково быстро. Все молчали, но глаза у них блестели. На высотах Ламедона они нагнали наших всадников и стали обходить: если бы Арагорн их не удержал, они бы сами пошли вперед. Вот тогда я понял, что раз призраки его слушаются, то, значит, смогут помочь.

Прошел еще один светлый день и один, в котором солнце не взошло, а мы все скакали дальше, переправились через реки Кирлу и Ринглу, на третий день дошли до Лингира, недалеко от устья Гилраны. Там люди из Ламедона защищали переправу от умбарских пиратов и убийц из Харада, которые приплыли с Моря. Когда мы подошли, они все, как защитники, так и нападавшие, разбежались, крича, что появился Король Мертвых. Только правитель Ламедона Ангбор отважился на месте дождаться необычных гостей. Арагорн просил его собрать воинов и, когда пройдет войско призраков, пойти за нами, если им хватит храбрости.

«Вы понадобитесь наследнику Исилдура в Пеларгире», — сказал Арагорн.

Мы переправились через Гилрану, и перепуганные союзники Мордора все время бежали перед нами. На другом берегу мы немного отдохнули. Вскоре Арагорн нас поднял, говоря:

«Минас Тирит уже осажден! Я боюсь, что город падет раньше, чем мы придем ему на помощь».

Не ожидая утра, мы снова вскочили в седла и, пока коням хватало сил, мчались по равнинам Лебенина.

Прервав рассказ, Леголас вздохнул и, обратив взгляд на юг, тихо запел:

Там к Серне и Сириту серебром
Ручьи текут.
В Лебенине, в зеленом просторе большом
Травы растут.
Цветы золотые, маллас и алфей
Цветут, как нигде,
Белые лилии ветры с морей
Колышут в воде…

— В эльфийских песнях луга Лебенина зеленые, но тогда над ними нависла Тьма, и они были

серыми в черной ночи. В широких полях мы топтали траву и цветы всю ночь до утра и весь следующий день, гоня врагов перед собой, пока не доскакали до Великой реки.

Признаться, мне показалось, что это уже Море. Андуин широко разлился, и чайки кричали на его берегах, и не было им числа. Так я услышал крики чаек. Увы! Владычица предостерегала меня. С тех пор я не могу их забыть.

— А я вот на птиц и внимания не обратил, — сказал Гимли, — потому что там началась, наконец, настоящая драка. У причалов в Пеларгире стоял умбарский флот, пятьдесят больших судов и без счета малых. Многие из бежавших перед нами врагов успели прибыть в Пеларгир раньше нас и принести с собой страх. Несколько кораблей вышло из Гавани, пытаясь скрыться в устье Реки или в зарослях у противоположного берега, много маленьких лодок пираты подожгли, чтобы нам не отдать. Только харадцы, оказавшиеся на берегу, решили не сдаваться и дрались с отчаянной храбростью. Им было некуда отступать, но они превосходили нас числом и сначала смеялись.

Тогда Арагорн привстал в стременах, обернулся в поле и крикнул:

«Теперь я призываю вас! Заклинаю Черным

Камнем, ко мне!»

И вдруг войско призраков, которое все время шло за нами, покатилось вперед, как серая волна прилива, сметая все на своем пути. Я слышал глухие крики, бесчисленные невнятные голоса, дальние звуки рога, словно эхо забытой битвы из давно прошедших лет. Светились бледные мечи, но я так и не узнал, остры ли они. Умершим они не понадобились, их лучшим оружием был страх. Никто не осмелился им противостоять.

Они взошли на все суда, стоявшие у причалов, потом по воде перешли на те, которые стояли на якорях посреди реки, и захватили их. Команды в ужасе прыгали за борт, оставляя только рабов, прикованных к веслам. Враги рассеивались перед нами, как листья, уносимые ветром. Так мы овладели берегом Реки. И тогда на каждый большой корабль Арагорн послал одного из дунаданов, успокоить перепуганных галерников и снять с них цепи.

Еще до конца того черного дня нам не с кем стало драться: враги, которые не погибли от мечей и не утонули, бежали на юг, надеясь, что им удастся вернуться на родину по суше. Странно и непонятно мне, что планы Мордора оказались сорваны благодаря призракам, вызванным из

мрака и сеющим страх. Мы разбили Врага его оружием.

— Да, это и мне тогда показалось странным, — признался Леголас. — Я смотрел на Арагорна и думал, каким великим и грозным Властелином мог бы стать человек с такой волей, если бы оставил у себя Кольцо Всевластья. Не напрасно Мордор дрожит перед ним. Дух его неизмеримо благороднее, чем изощренный разум Саурона. Разве он не из рода прекрасной Лютиэнь? Ее род не пресечется, даже когда над миром прокатится волна лет без числа.

— Гному так далеко взглядом не проникнуть, — сказал Гимли. — Но ты прав. Велик был Арагорн в тот день! Весь черный флот оказался в его руках. Он выбрал самый большой корабль и вступил на него. Приказал заиграть во все боевые трубы, которые бросил противник. По этому сигналу войско призраков вернулось на берег. Умершие стояли в полной тишине. Ничего не было видно, кроме их глаз, горевших в красных отблесках пламени, ибо на судах еще были пожары. Арагорн громовым голосом сказал:

«Слушайте слово наследника Исилдура! Ваш долг исполнен. Возвращайтесь в места успокоения и больше никогда не выходите в долины!

Идите с миром и обретите покой!»

Король Мертвых выступил вперед, сломал копье и бросил обломки оземь. Потом низко склонился, повернулся, и все его войско стало удаляться, пока не исчезло, как туман, развеянный ветром. Мне показалось, что я пробудился от сна.

В ту ночь мы отдыхали, а другие работали. Мы освободили много пленников и рабов, среди которых были гондорцы, захваченные пиратами во время бандитских налетов. Скоро подошли люди из Лебенина и из Этира. Прибыл Ангбор из Ламедона со всеми конниками, каких сумел собрать. Ужас, посеянный призраками, прошел, развеялся, как они сами, и люди шли к нам на помощь и стремились увидеть наследника Исилдура, ибо имя его уже притягивало их, как свет в темноте.

Вот и кончается наш рассказ. Вечером и ночью суда готовили к отходу и собирали команды, а на рассвете флот поплыл вверх по Великой реке. Мне кажется, что это было уже очень давно, а ведь на самом деле мы сели на корабли позавчера, на шестой день от выхода из Дунгарского Укрытия. Но Арагорн по-прежнему боялся опоздать.

«От Пеларгира до причалов Арлонда сорок гонов и два, — говорил он. — За сутки надо доплыть, иначе все пропало».

На веслах теперь сидели свободные люди и старались изо всех сил. Мне казалось, что мы очень медленно плывем, потому что мы шли против течения и ветер сначала не надувал паруса. И несмотря на победу, одержанную в Пеларгире, мне было бы совсем тяжело на сердце, если бы Леголас не смеялся.

«Выше бороду, сын Дарина! — кричал он. — Вспомни присловье: *когда всего темней, надежда светит ярче!*»

Но в чем надежда, он не сказал. Ночь была темнее дня, а нас охватило нетерпение, ибо вдали на севере под тучами мы увидели большое зарево, и Арагорн сказал:

«Минас Тирит горит!»

* * *

К полуночи надежда все-таки появилась. Опытные моряки из Этира, глядя на юг, уловили перемену погоды, и удалось поймать ветер в паруса. Корабли поплыли быстрее еще ночью, а на рассвете их форштевни уже совсем быстро разрезали пенную воду. Дальше вы все знаете: в третий час утра мы при попутном ветре и солнечной погоде приплыли в гавань Арлонд, развернули знамя и бросились в битву. Это был великий день

и великий час, что бы ни случилось в будущем.

— Что бы ни случилось, такие подвиги не затмеваются другими, — сказал Леголас. — Пройти по Тропе Умерших — уже великий подвиг, и будет им, даже если в Гондоре не станет певцов, чтобы воспеть его в грядущие дни.

— Может случиться и так, — сказал Гимли. — У Арагорна и Гэндальва лица озабоченные. Я бы очень хотел узнать, что они там решают в шатре на поле. Я согласен с Мерриадоком и тоже хочу, чтобы война этой нашей победой закончилась. Но если остались еще дела, то приму участие, не посрамлю Подгорное племя из Эребора.

— И я не уроню чести Лесного племени и докажу свою любовь к повелителю страны Белого Древа, — добавил Леголас.

Друзья замолчали и долго сидели на высокой стене, каждый со своими мыслями. А военачальники тем временем держали совет.

* * *

Расставшись с Гимли и Леголасом, князь Имрахил тут же послал за Эомером и вместе с ним вышел из города, спеша к шатру Арагорна, поставленному в поле недалеко от того места, где пал король Феоден. Кроме Арагорна и Гэндальва,

там были сыновья Элронда, тоже вызванные на совет.

— Друзья, я хочу, чтобы вы узнали слова наместника Гондора, сказанные перед кончиной, — начал Гэндальв. — Слушайте: *«Ненадолго, может быть, на один день ты станешь победителем на поле битвы! Но мощь, которая разрослась вокруг Черной Башни, так просто не падет»*. Я не призываю вас предаться отчаянию по его примеру, но давайте рассудим, какая правда заключена в этих словах.

Зрящие Камни не лгут, даже Властелин Барад Дура не может заставить их показать то, чего нет. Он только может подсунуть более слабому то, что выберет сам, или внушить ему ошибочное понимание того, что показывает палантир. Безусловно, Дэнетор видел огромные силы, подготовленные против него в Мордоре, и это обманом не было. Там силы есть, и они растут. Нам же сил едва хватило, чтобы отбить первое серьезное нападение. Второе будет страшнее.

В этой войне, как справедливо сказал Дэнетор, на окончательную победу с помощью оружия у нас надежды нет. Нам не удастся победить ни в открытом бою за Рекой, где мы встретимся с сокрушительным преимуществом Врага, ни сидя в

городе и выдерживая одну осаду за другой. Выбирать мы можем только из двух зол. Осторожность требовала бы укрепить оборону и ждать нового нападения. Так мы продлили бы время, отпущенное нам для жизни.

— Значит, ты советуешь нам запереться в Минас Тирите, или в Дол Амроте, или в Дунгарском Укрытии и сидеть там, как дети сидят в замке из песка, когда приближается волна прилива? — спросил Имрахил.

— В этом не было бы ничего нового, — ответил маг. — При Дэнеторе вы все время почти только это и делали. Я этого не советую. Я сказал: требовала бы осторожность. Но к осторожности не призываю. Я утверждаю, что одержать победу в открытом бою нам не удастся. Я надеюсь на победу, но победить рассчитываю не силой оружия. Ибо главная причина военных действий Мордора — Кольцо Всевластья, основа силы Барад Дура, надежда Саурона.

Все вы теперь достаточно осведомлены, чтобы ясно представить наше положение и положение Саурона. Если он вернет себе Кольцо, нас никакое мужество не спасет. Победа Черного Властелина будет тогда скорой и такой полной, что его господство продлится нескончаемо долго. Если

Кольцо будет уничтожено, то Саурон падет, причем так низко, что вряд ли когда-нибудь встанет. Он тогда потеряет главную часть своей силы, большую часть самого себя, то, с чего начинал; а все, что было сделано с помощью Кольца, развалится и рассыплется в прах. Враг будет навсегда искалечен, превратится в жалкого духа зла, который сам себя сожрет во мраке, ибо не сможет уже ни вырасти, ни принять обличье. Тогда мир избавится от великого зла.

Могут, конечно, появиться другие злые силы, ибо сам Саурон — лишь посланец и исполнитель. Но мы не управляем всеми течениями и волнами, которые катятся через мир. Мы должны сделать все, что в нашей власти, для того времени, в котором живем. Наше дело — вырвать корни Зла в тех полях, которые нам известны, чтобы передать наследникам чистую землю, готовую к севу. Какая у них будет погода — не нам решать.

Саурон все прекрасно знает. Знает и то, что Сокровище, которое некогда потерял, найдено. Не знает только, где оно. Во всяком случае, мы надеемся, что пока он этого не знает. Значит, его мучают сомнения. Если бы Кольцо было у нас, среди нас нашлись бы сильные, чтобы им воспользоваться, это тоже известно Саурону. Я не

ошибаюсь, Арагорн, догадываясь, что ты показался ему в Камне Ортханка?

— Да, в Рогатой Башне, — ответил Арагорн. — Решил, что время пришло, и что Камень не случайно попал мне в руки. Тогда шел десятый день после ухода Несущего Кольцо на восток от водопада Раурос. Я рассудил, что надо отвлечь Глаз от его собственной страны на события за ее пределами. С тех пор как он вернулся в Черную Башню, слишком мало находилось смельчаков, бросавших ему вызов. Если бы я мог предвидеть, как молниеносно он ответит, то, может быть, не решился бы ему показываться. Мне едва хватило времени прийти к вам на помощь.

— Не понимаю, — раздался голос Эомера. — Ты говорил, Гэндальв, что никакое подкрепление нам не поможет, если Саурон получит Кольцо. Почему тогда он не задержал нападение — оно ведь было бы бесполезной тратой сил, если он думал, что Кольцо у нас?

— Он в этом еще не уверен, — ответил Гэндальв. — И решил не ждать, пока противник укрепит свое положение, как это сделали мы. Кроме того, за считанные дни мы не смогли бы научиться использовать всю силу Кольца. У Кольца может быть только один хозяин, а нас

много. Возможно, Саурон надеется на ссору между нами, — если кто-то из сильнейших завладеет Кольцом, принизив остальных, Саурон выиграет, напав молниеносно. Так Кольцо поможет ему, а не нам.

Он следит за нами. Он далеко видит и хорошо слышит. Назгулы продолжают кружить над миром. Сегодня перед восходом солнца они пролетали над этим полем, хотя мало кто из уставших людей при этом проснулся. Он исследует знаки, которые ему поданы: меч, в прошлом отобравший у него Кольцо и теперь перекованный наново; ветер, обратившийся нам на пользу; неожиданное поражение в первом наступлении; гибель своего великого полководца. Даже пока мы тут говорим, его сомнения растут. Глаз напряженно следит за нами, ничего другого почти не видит. Надо его задержать на себе как можно дольше. В этом вся надежда.

Я рассуждаю так: Кольца у нас нет. Мудрость или безрассудство подсказало нам отослать его туда, где оно может быть уничтожено, пока не уничтожило нас. Без него мы не можем силой противостоять мощи Саурона. Но любой ценой мы должны отвратить внимание Глаза от той единственной опасности, которая ему угрожает.

Победить с помощью оружия не удастся, но с помощью оружия можно дать Несущему Кольцо единственную ничтожную возможность выполнить свое Дело.

Значит, надо продолжать то, что начал Арагорн. Надо заставить Саурона выпустить из колчана последнюю стрелу. Надо выманить в бой все его войско, чтобы он оголил страну. Давайте немедленно выступим навстречу Врагу. Станем приманкой, хотя при этом он наверняка сомкнет на нас челюсти. Он схватит приманку из жадности; он также может подумать, что наша дерзость — следствие самонадеянности нового хозяина Кольца. Он себе скажет: «Значит, так! Слишком высоко и слишком рано поднял голову новый правитель. Пусть подойдет ближе, я его заманю в ловушку, из которой ему уже не вырваться. Я сокрушу его, и Сокровище, которым он дерзко завладел, снова будет моим, теперь уже навеки!»

Мы должны отважно шагнуть в западню с открытыми глазами, почти без всякой надежды уцелеть. Похоже на то, что мы погибнем в сражении с Тьмой в Стране Мрака далеко от обжитых земель; даже если Барад Дур рассыплется в прах, мы можем не дожить до нового, лучшего времени. Но я считаю, что долг велит нам поступить

именно так. В конце концов лучше погибнуть в бою, чем ждать гибели, зная, что новый, лучший день никогда не встанет над миром.

* * *

Долго молчали собравшиеся. Наконец Арагорн произнес:

— Раз я уже начал, пойду по этому пути до конца. Мы стоим на краю пропасти, где надежда встречается с отчаянием; колебаться — значит упасть. Нельзя нам не принять совет Гэндальва, ибо его многолетняя борьба с Сауроном сейчас дошла до последнего испытания. Если бы не Гэндальв, все давно было бы потеряно. Но я никому не хочу навязывать свою волю. Пусть каждый сделает выбор сам.

Свое слово сказал Элрохир:

— Ради этого мы пришли сюда с дальнего севера и именно такой совет получили от отца своего Элронда. Мы не свернем с пути.

— Я мало знаю об этих трудных и тайных делах, — сказал Эомер. — Но больше знать мне и не надо. Достаточно того, что мой друг Арагорн спас меня и мой народ. Он позовет, — и я пойду, куда пойдет он.

— Я считаю себя вассалом короля Арагорна,

хочет он того или нет, — сказал князь Имрахил. — Его воля для меня закон. Я пойду за ним. Но пока я временно замещаю наместника Гондора и прежде всего должен думать о людях, которые мне доверены. В дерзости должна быть некая доля осмотрительности. Надо подготовиться к любому концу. У меня все-таки остается проблеск надежды на победу, а в этом случае Минас Тирит надо сохранить. Я бы не хотел возвращаться с победой в разрушенный город и разоренную страну. А ведь такое может произойти у нас за спиной. Рохирримы донесли, что на северном крыле осталась свежая армия Врага.

— Это правильно, — сказал Гэндальв. — Я не предлагал оставить город без гарнизона. Для вылазки на восток нам нужна не такая армия, которая могла бы серьезно угрожать Мордору, а всего лишь достаточно внушительная, чтобы выманить противника на битву. Очень важно также время — надо действовать как можно скорее. Поэтому я спрашиваю всех военачальников: какие силы можно собрать и подготовить к походу самое большее за два дня? Это должны быть люди мужественные, знающие, в чем опасность, и готовые добровольно встретить ее грудью.

— Все устали, очень много раненых, — сказал

Эомер. — У нас большие потери лошадей, что чувствительно уменьшает готовность наших отрядов. Если надо выступать через два дня, я вряд ли соберу больше двух тысяч всадников, тем более что необходимо еще столько же оставить для обороны города.

— Мы можем рассчитывать не только на отряды, которые остались под Минас Тиритом, — сказал Арагорн. — Побережье очищено от Врага, скоро к нам придет пополнение из южных провинций. Четыре тысячи бойцов вышли из Пеларгира два дня назад. Их ведет через Лосарнак бесстрашный Ангбор. Если отложить выступление еще на два дня, они подоспеют. Кроме того, я многих просил следовать за мной по Реке на судах, которые удастся собрать, — и при попутном ветре они скоро прибудут. Часть кораблей уже в Арлонде. Уверен, что в поход удастся собрать около семи тысяч конных и пеших, и при этом в Минас Тирите останется более сильный гарнизон, чем был в момент первого нападения.

— Ворота разрушены, — напомнил Имрахил. — Где найти мастеров, которые смогут их отстроить, как надо?

— В Эреборе, королевстве Даина, — ответил Арагорн. — Если не погибнет наша надежда, и мы

победим, я со временем пошлю туда Гимли сына Глоина с просьбой дать нам искусных мастеров из Подгорного королевства. Пока удовлетворимся тем, что люди значат больше, чем крепчайшие ворота. Никакие ворота не удержат врагов, если люди их покинут.

* * *

На этом совет военачальников кончился. Выступить решено было на второе утро от сегодняшнего, с войском из семи тысяч, если удастся столько собрать. Основную силу должна была составить пехота, потому что гористая местность не подходила для конницы. Арагорн собирался призвать около двух тысяч завербованных на юге вассалов; Имрахил давал три с половиной тысячи воинов, Эомер — пятьсот рохирримов, потерявших коней, но способных сражаться, и еще пятьсот отборных всадников, которыми командовал сам; еще один отряд из пятисот всадников набирался из дунаданов и рыцарей Дол Амрота. Всего — шесть тысяч пехотинцев и тысяча конников. Главные силы рохирримов — около трех тысяч всадников, сохранивших лошадей и боеспособность, — оставались под командой Элфхельма охранять Западный тракт

от вражеской армии, стоявшей в Анориэне. Сразу же были высланы разведчики на север и на восток, чтобы обследовать дорогу от Осгилиата на Минас Моргул.

Когда закончился подсчет сил, началась подготовка к походу и разработка маршрута. Вдруг князь Имрахил разразился смехом.

— Ничего себе! — воскликнул он. — Это же самая великолепная шутка во всей истории Гондора! Выступать с семью тысячами, с войском, которое в дни нашего могущества составило бы только передовой отряд, и такими силами форсировать горную стену и непобедимые Черные Врата! Так мальчишка мог бы напасть на закованного в латы рыцаря, целясь ивовым прутиком из лука с веревочной тетивой! Если Черный Властелин в самом деле так много знает, как ты говоришь, Мифрандир, то вместо того, чтобы дрожать от страха, он засмеется и придавит нас мизинцем, как назойливую осу, которая хочет его ужалить!

— Нет. Он попробует изловить осу и вырвать у нее жало, — ответил Гэндальв. — Одни имена некоторых из нас на войне значат больше, чем тысяча закованных в латы рыцарей. Нет, Саурон не будет смеяться.

— Мы тоже не будем, — сказал Арагорн. — Будь это даже шутка, она слишком горька, чтобы вызывать смех. Но это не шутка. Это последний рискованный ход, который разрешит сомнения и так или иначе закончит очень страшную игру. — Он вынул из ножен Андрил и поднял его к солнцу: — Ты не вернешься в ножны, пока не кончится последняя битва!

Глава десятая. Черные Врата открываются

Через два дня войско Западных государств собралось на полях Пеленнора. Банды орков и востокан, не найдя противника в Анориэне, двинулись назад на город, но встретили рохиррим, были разбиты и бежали в сторону острова Кайр Андрос. После уничтожения этой угрозы и подхода подкрепления с юга в Минас Тирите остался большой и сильный гарнизон. Разведчики вернулись и донесли, что на Восточном тракте до самого Перепутья, где стоит обезглавленное изваяние короля, нет вражеских войск. Все было готово к последнему броску.

* * *

Леголас и Гимли снова сидели на одном коне в отряде Арагорна, который был впереди вместе с Гэндальвом, дунаданами и сыновьями Элронда. Хоббита Мерри жег стыд, потому что он не мог идти с ними.

— Тебе сейчас такой поход не под силу, — сказал ему на прощание Арагорн. — А стыдиться нечего. Даже если ты больше ничего не совершишь в этой войне, ты уже заслужил величайшую славу. От Хоббитшира с нами пойдет Пипин. Не завидуй ему в этом опасном предприятии, ибо хотя он и проявил мужество, насколько ему позволила судьба, его дела пока не сравнялись с твоим подвигом. Еще знай, что, по сути, мы все рискуем одинаково. Если нам суждено погибнуть под воротами Мордора, то ты в это время будешь защищать последнюю улицу здесь или еще где-нибудь, куда доберется Враг. Выздоравливай и прощай!

Мерри уныло стоял на стене и смотрел на выстроенные шеренги. С ним был Бергиль, тоже грустный, потому что его отец уходил из города во главе отряда добровольцев: в Королевскую гвардию он не мог вернуться, пока не предстанет

перед судом. В этом же отряде был Пипин, он теперь стал солдатом Гондора. Мерри хорошо видел его маленькую храбрую фигурку между рослыми гондорцами.

* * *

Заиграли трубы, и войско двинулось. Полк за полком, отряд за отрядом шли и ехали на восток. Они давно скрылись из глаз на дороге, ведущей к Дамбе, а Мерри все стоял и смотрел. Луч утреннего солнца в последний раз заблестел на шлемах и копьях и расплылся вдали, а хоббит все никак не мог заставить себя уйти со стены.

Опустив голову, опечаленный разлукой с друзьями, он чувствовал себя покинутым. Все, кто был дорог его сердцу, ушли во Тьму сражаться под хмурым восточным небом, и мало было надежды свидеться с ними вновь.

Тоска сразу сказалась на самочувствии: заболела рука, Мерри охватила слабость, солнце показалось бледным, растаяло… он очнулся, когда Бергиль дернул его за руку.

— Идем отсюда, господин периан, — сказал мальчик. — Видно, ты еще слаб, я тебя сейчас отведу в Дома Целения. Ты не бойся! Они вернутся. Воинов из Минас Тирита никто не победит,

а теперь с ними Камень Эльфов и гвардеец Берегонд!

* * *

К полудню войско дошло до Осгилиата. Там трудились все ремесленники, которых удалось собрать. Одни чинили паромы и плавучие мосты из лодок, которые враги навели, а потом при отступлении пытались уничтожить; другие наводили порядок в складах, разбирали запасы и добычу; третьи спешно насыпали оборонный вал уже на восточном берегу Реки.

Головной отряд прошел руины древнего Осгилиата и, переправившись через Андуин, направился дальше по прямому тракту, который в лучшие времена соединял красивую башню Солнца со стрельчатой Лунной башней, прозванной сейчас Минас Моргул и торчащей над проклятой долиной Смерти. Через пять миль после Осгилиата войско стало лагерем на отдых. Первый день Похода кончился. Только конники поскакали вперед, чтобы до темноты добраться до Перепутья. Внутри большого кольца деревьев стояла полная тишина. Нигде поблизости не было врагов, не было слышно ни криков, ни разговоров, ни одна стрела не засвистела, вылетая из-за

камней или из густых зарослей, но, несмотря на это, чем дальше, тем сильнее чувствовалось, что за ними настороженно следят. Деревья, камни и листья будто затаились и слушали. Опускалась ночь, солнце заходило над долиной Андуина, вершины Белых гор розовели в его лучах, но над Эфел Дуат нависла Тьма.

Арагорн расставил трубачей на каждой из четырех дорог, расходившихся от Перепутья, и они громко затрубили в фанфары, после чего герольды закричали:

— Идут властители Гондора! Они вступают во владение своими исконными землями!

Воины сбили с плеч статуи нелепую орчью голову, разбили ее на мелкие куски и поставили на место голову короля, не трогая, однако, венца из белых и золотых цветов, которые оплели ее, как корона; смыли и затерли оскорбительные надписи, которыми орки осквернили каменный постамент.

На совете раздавались голоса, предлагавшие начать с нападения на Минас Моргул, чтобы, если удастся, уничтожить эту крепость окончательно.

— Кто знает, — говорил Имрахил, — может быть, дорога из крепости на перевал окажется удобнее для вторжения в Мордор и подхода к

главной твердыне Врага, чем северные Черные Врата.

Однако Гэндальв упорно противился, напоминая о зловещей славе этой долины, где люди от ужаса сходят с ума, и о том, что рассказал Фарамир. Ибо если Несущий Кольцо действительно избрал эту дорогу, то нельзя было привлекать к ней внимание бдящего Глаза. Так что, когда все войско утром пришло к Перепутью, здесь был поставлен сильный караул на случай, если Враг вышлет армию с перевала или подойдут южане. В караул пошли лучшие лучники, знающие местность в Итилиэне. Они затаились в лесу и на склонах, держа Перепутье под наблюдением. Гэндальв и Арагорн с головным отрядом все же подъехали к началу долины Моргул и посмотрели на проклятую крепость издали.

Крепость показалась им темной и необитаемой, ибо орки и другие рабы Черного Властелина, обычно составлявшие ее гарнизон, были перебиты в последнем сражении. Назгулы разлетелись. Но воздух в долине был тяжел и зловеще напряжен. В нем таилась угроза.

Гондорцы подожгли зловонную траву на луговине, и когда по ней побежали красные языки огня, ушли, разрушив мост через черный поток.

* * *

На следующий день, третий после выхода из Минас Тирита, войско начало марш по тракту на север. От Перепутья до Мораннона по этой дороге было около ста миль, никто не мог предугадать, что на ней ждет. Шли открыто, хотя и осторожно, впереди скакали конные разведчики, вдоль дороги были высланы пешие следопыты. Особенно внимательно разведка наблюдала за правым флангом, где на склонах рос густой кустарник, и было много оврагов, за которыми поднимались скалы, первые камни мрачного хребта Эфел Дуат.

Погода оставалась ясной, и ветер дул в основном с запада, но в горах не рассеивался плотный туман, а из-за гор то и дело поднимались высоко в небо столбы густого дыма, собиравшиеся в темные тучи.

Время от времени по приказу Гэндальва герольды трубили и повторяли клич:

— Идут властители Гондора! Пусть все сдадутся на их милость или покинут эти земли!

— Надо кричать не «властители Гондора», а *«король Элессар вернулся»*, — заметил Имрахил. — Пусть король еще не занял трон, но он

вернулся, и на неприятеля это сильнее подействует.

Теперь три раза в день герольды объявляли Поход короля Элессара. Но на вызов никто не откликался.

Войско мирно продвигалось, не встречая явных преград, только невидимая тяжесть наваливалась на всех, от военачальников до последнего солдата, и с каждой пройденной милей сердца сжимались больнее от плохих предчувствий.

В конце второго дня после Перепутья воины в первый раз встретили врагов. Сильный отряд орков и востокан попытался завлечь передних конников в засаду. Произошло это в том самом месте, где Фарамир когда-то напал на харадское войско. Дорога здесь глубоко врезалась в скалы, пересекая отроги горной цепи.

Но опытные разведчики из Эннет Аннун, которых привел Маблунг, вовремя предупредили военачальников о грозящей опасности, и засада стала западней для самих орков. Всадники широкой дугой обошли это место с запада и ударили по врагам с фланга и тыла, многих уложили на месте, а остальных прогнали на восток в горы.

Первая победа, однако, не очень обрадовала военачальников.

— Это была военная хитрость, — сказал Арагорн, — с целью обмануть нас, показать, что враг недостаточно силен, чтобы помешать нашему продвижению. Он нас заманивает.

В тот вечер над Итилиэном появились назгулы, явно следящие за движением войска. Летели они очень высоко, разглядеть их смогли только зоркие глаза эльфа Леголаса, но люди чувствовали их по тому, как сгущалась Тень и затуманивалось солнце, и по охватывающему их страху, с которым трудно было бороться, хотя призраки пролетали молча.

* * *

Время шло, безнадежный марш продолжался.

На четвертый день после Перепутья и на шестой от выхода из Минас Тирита войско перешло границы живых земель Итилиэна и вступило на мертвые пустоши, лежащие перед Моранноном и перевалом Кирит Горгор. Отсюда были видны равнины и болота, которые тянулись на север и на запад до самого нагорья Эмин Муйл. Так здесь было пустынно, и такой страх жил в этих местах, что ополченцы послабее отказывались идти дальше.

Арагорн смотрел на них скорее с жалостью, чем

с гневом, ибо это были молодые парни из Рохана, из далекой Западной Лощины, или земледельцы из Лосарнака, с детства привыкшие считать Мордор не страной, существующей на самом деле, а неким символом Зла, очень далеким от их повседневной жизни. Сейчас кошмарный сон оказался жуткой явью, а несчастные не понимали ни смысла всей войны, ни причин, толкнувших их самих в ее водоворот.

— Возвращайтесь назад, — сказал им Арагорн. — Только постарайтесь сохранить совесть и честь и не бегите в панике. Можете выполнить одно задание, чтобы избежать позора. Отправляйтесь отсюда на юго-запад, дойдете до острова Кайр Андрос, и если он, как я предполагаю, в руках неприятеля, отбейте его и постарайтесь удержать, ибо это важно для защиты Гондора и Рохана.

Некоторые, пристыженные милостью повелителя, пересилили страх и остались продолжать поход. Многие, ободренные надеждой на то, что смогут честно выполнить долг в пределах своих возможностей, ушли к Реке. Кроме того, на Перепутье тоже остался довольно большой отряд, так что в сражение за Черные Врата против огромной мощи Мордора пошли едва шесть тысяч воинов.

* * *

Шли медленно, каждую минуту ожидая ответа на свой вызов, и держались единым строем, ибо здесь высылка разведчиков и даже небольших патрулей казалась лишней тратой сил и ослаблением войска. Вечером на пятый день марша от долины Моргул устроили последний привал и разожгли костры из травы и сухих палок, с трудом собранных на бесплодной земле. Ночь провели без сна, вглядываясь в темень, чувствуя незримое присутствие хищных тварей и прислушиваясь к вою волков. Ветер утих, воздух застыл. Видно почти ничего не было, над землей поднимались дымы и испарения, и тоненький четырехдневный месяц скрылся в мордорском чаду.

К утру похолодало, поднялся ветер, дул он с севера, был резким и морозным. Вокруг стало совсем пусто, невидимые ночные твари скрылись. Вскоре на северо-востоке показались первые громадные кучи пепла и угля, горелой земли, щебня, грязных отходов, извергнутых землей, в которой копались черви — рабы Мордора. Теперь совсем близко была мощная стена Кирит Горгор с Черными Вратами посредине, с двумя Зубами Мордора с обеих сторон. На последнем этапе мар-

ша полководцы двинули войско дорогой, которая свернула на восток, и теперь оно подходило к Мораннону с северо-запада, примерно оттуда же, откуда сюда пришел Фродо.

* * *

Вот уже показались мощные тройные плотно закрытые черные ворота под мрачными арками. За зубцами парапета и высоких темных башен не было видно ни единой живой души. Стояла полная тишина, но тишина напряженная.

Войско дошло до цели безумного Похода и стояло в растерянности, застыв в сером свете начинающегося хмурого дня перед неприступными стенами. Такие бесполезно атаковать, даже имея осадные машины и зная, что на воротах всего горстка солдат. Но сейчас они знали, что в горах и скалах вокруг Моранноны скрывается огромное войско, а в темных каменных туннелях дремлют злые твари; и видели, как назгулы кружат, словно стервятники, над Зубами Мордора.

Враг наверняка за ними наблюдал. Но почему-то не спешил нападать.

Выбора не было. Пришло время кончать начатую игру. Арагорн выстроил войско в боевой порядок, насколько позволял рельеф местности.

Ряды бойцов встали на двух больших буграх, насыпанных орками из битого камня и земли за многие годы труда. Перед ними до самых ворот разливалась мелким болотом какая-то черная жижа с мерзким запахом. Окончив первые приготовления, военачальники в окружении личной конной гвардии, со знаменосцем, герольдами и трубачами выступили вперед и направились к воротам. Гэндальв был среди них главным глашатаем. За ним шел Арагорн с сыновьями Элронда, Эомер Роханский и князь Имрахил. Чтобы свидетелями переговоров были представители всех племен, ведущих борьбу с Мордором, в посольство включили Леголаса, Гимли и Перегрина.

На расстоянии крика от Моранноно знаменосец развернул знамя, трубачи задули в трубы. Герольды сделали шаг вперед и громкими голосами прокричали:

— Выходите на переговоры! Пусть явится Черный Властелин! Мы пришли установить справедливость. Владыка Тьмы виновен в нападении на Гондор и разорении наших земель. Король Гондора требует, чтобы он исправил содеянное и отступил навсегда. Выходите на переговоры!

Наступила тишина. Очень долго не было слышно ни голосов, ни шума в ответ на вызов.

По-видимому, Саурон все обдумал заранее и решил поиграть с мышью, прежде чем вонзить в нее смертоносные когти. Посольство уже собиралось поворачивать от ворот, как вдруг тишину разорвала барабанная дробь, словно гром ударил в горах, а затем раздался такой громкий гул рогов, что камни задрожали, а люди почти оглохли.

С лязгом отворились Центральные створы Черных Врат, и из них выехало посольство Черной Башни. Во главе его выступал высокий воин отталкивающего вида, на черном коне, если можно назвать конем гигантское животное со страшной пастью похожей на конский череп головы, из ноздрей и глазниц которой вырывалось пламя. Всадник в черном плаще и высоком черном шишаке был, однако, не Кольценосным призраком, а живым человеком. Имени этого посланца Барад Дура не сохранила ни одна легенда. Он, наверное, сам его забыл, потому что сказал:

— Я — Уста Саурона!

Предполагают, что то был отщепенец из племени так называемых *черных нуменорцев*, которые осели в Среднеземье во время первого расцвета могущества Саурона и почитали его, поскольку сами были приверженцами Зла.

Этот человек поступил на службу к Саурону

сразу после возрождения Черной Башни и, так как был умен и хитер, поднимался все выше в иерархии слуг Саурона и добился его особой милости, став командиром гарнизона Барад Дура. В подлости и жестокости он был страшнее любого орка, в искусстве черной магии преуспел и знал многие замыслы своего господина, как свои собственные.

Вот такой посол выехал из ворот под черным флагом со зловещим гербом Красного Глаза, в сопровождении небольшого отряда солдат в черном.

Остановившись в нескольких шагах от Арагорна и Западных полководцев, посол Мордора смерил взглядом противников и громко рассмеялся.

— Найдется в вашей стае хоть один достойный вести переговоры со мной? — спросил он. — Или хоть один сообразительный, чтобы меня понять? Ты, что ли? — с издевкой обернулся он к Арагорну. — Чтобы выдать себя за короля, мало нацепить эльфийскую стекляшку и окружить себя вооруженной голытьбой. Любой разбойник с гор может так сделать!

Арагорн ничего не ответил, лишь посмотрел Черному посланцу прямо в глаза и долго не отво-

дил взгляда. Тот ответил тем же, и хотя Арагорн не шевелился и даже не потянулся к оружию, дрогнул и отступил, как от удара, и крикнул:

— Я герольд и посол, моя особа неприкосновенна!

— Там, где эти права уважаются, послы обычно не позволяют себе говорить оскорбительным тоном, — спокойно произнес Гэндальв. — Здесь никто тебе не угрожал. Пока ты выполняешь свою миссию, можешь ничего не бояться с нашей стороны. Однако потом, если твой господин не образумится, все его слуги окажутся в большой опасности, и ты тоже.

— Ах, вот как! — выкрикнул посол Мордора. — Значит, ты их глашатай, Борода! Мы давно тебя знаем, нам ведомо о твоих путешествиях, заговорах и зловредных интригах против нас! До сих пор ты их заводил, оставаясь на безопасном расстоянии. Сейчас ты сунул любопытный нос слишком далеко, Гэндальв, и скоро узнаешь, что ждет тех безумцев, кто вьет паутину под ногами Великого Саурона! У меня есть кое-какие доказательства, которые он поручил показать тебе лично, раз ты осмелился подойти к его Воротам!

Говоря так, он кивнул одному из своих солдат, тот подал небольшой черный сверток. Черные

тряпки полетели в сторону, и с изумлением и ужасом товарищи Арагорна увидели, как страшный посол поднял сначала короткий мечик, который носил на боку Сэм, потом серый плащ с эльфийской застежкой и, наконец, мифриловую кольчужку, завернутую в рваную верхнюю одежду Фродо. При виде этих предметов у них потемнело в глазах: им показалось, что все в мире остановилось в напряженной тишине, сердца перестали биться, и последняя искра надежды погасла. Пипин, стоявший за князем Имрахилом, с криком боли бросился вперед.

— Спокойно! — сурово сказал Гэндальв, останавливая хоббита.

Посол Мордора ядовито засмеялся.

— Значит, вы привели с собой еще одного уродца! — воскликнул он. — Непонятно, какой от них прок, а уж посылка в Мордор такого шпиона — это замысел, переходящий границы даже вашего сумасбродства. Но спасибо этому малявке — он показал, что не впервые видит вещи; теперь вы не отопретесь, что они вам известны.

— Я не собирался отрицать этого, — ответил Гэндальв. — Да, я знаю эти вещи и всю их историю; ты же, который, несмотря на спесь, — всего лишь жалкий посланник, немного знаешь о них.

Зачем ты их принес?

— Гномья кольчуга, эльфийский плащ, меч давно свергнутых западных владык и шпион из крысятника под названием Хоббитшир… Что, вздрогнули? Да, да, нам и это известно. Все вместе — неопровержимое доказательство заговора. Может быть, тот, кто носил эти вещи, вам безразличен и его судьба вас не трогает, а может быть, он вам очень дорог? Если так, соберите остатки разума. Ибо Саурон не церемонится со шпионами, и судьба вашего малявки зависит от того, что вы решите сейчас.

Ему никто не ответил, но посол Мордора заметил, как побледнели лица и расширились от ужаса глаза. Он снова рассмеялся, довольный, что удар попал в цель.

— Значит, я не ошибся, — продолжал он, — он вам дорог, это ясно. А может быть, задание, с которым его послали, имело для вас особое значение? Ну да, конечно. Ему назначена казнь, медленная мука, рассчитанная на много лет, этим искусством славится наша великая Башня, и он никогда больше не увидит света, если нам не захочется показать вам, как его сломают, чтобы вы пожалели о своем сумасбродстве. Так будет, если вы не примете условий моего Властелина.

— Назови их, — произнес Гэндальв очень твердо, но те, кто стоял рядом с ним, видели на лице мага выражение затаенной муки, и он вдруг показался им очень постаревшим, очень усталым и побежденным. Никто не сомневался, что сейчас Гэндальв примет предложенные условия.

— Вот они, — объявил посол Мордора и со злобной усмешкой обвел взглядом лица противников. — Гондорский сброд со своими введенными в заблуждение союзниками немедленно отступает за Андуин, поклявшись, что никогда больше ни явно, ни тайно не осмелится нападать с оружием на Саурона Великого. Все земли на восток от Андуина отныне и навсегда принадлежат Саурону. Земли на запад от Андуина до Мглистых гор и Роханского Прохода становятся ленными владениями Мордора. Живущим на них запрещается иметь оружие, но они могут заниматься своими внутренними делами. Они помогут восстановить Исенгард, который так бессмысленно уничтожили и который отныне будет принадлежать Саурону: мой Властелин посадит там своего наместника. Не Сарумана, а того, кому можно доверять.

В глазах посла ясно читалась его мысль. Это он должен был занять Исенгард и оттуда править

остатками западных племен и народов. Он будет тираном, они — его невольниками.

— Высокая цена за одного слугу! — ответил Гэндальв. — Взамен твой Властелин хотел бы получить все то, что иначе придется добывать в тяжелых боях. Может быть, на полях Гондора он потерял веру в военные победы и теперь вместо того, чтобы воевать, торгуется? Если бы мы даже согласились заплатить так дорого за этого пленника, какие ты дашь гарантии, что Саурон, мастер низкого обмана, сдержит свое обещание? Где пленник? Приведи его сюда и отдай нам, только тогда мы будем решать, что делать с твоими условиями.

Гэндальв не спускал глаз с лица посланника Мордора, как чуткий фехтовальщик в смертельном поединке, и ему показалось, что тот на мгновение растерялся, но быстро овладел собой и сумел засмеяться.

— Не болтай чепухи, когда с тобой говорят Уста Саурона! — воскликнул он. — Тебе нужны гарантии? Саурон их не дает. Если хочешь его милости, придется верить на слово. Условия вам известны. Принимайте или отвергайте!

— Примем! — неожиданно воскликнул Гэндальв.

Он распахнул плащ, белый свет вспыхнул, как лезвие меча на фоне черных стен. Посланник Мордора отступил перед поднятой рукой мага, и Гэндальв быстро выхватил у него эльфийский плащ, мифриловую кольчужку и мечик.

— Вот это мы примем на память о друге! — крикнул маг. — Ваши условия мы отвергаем без раздумий! Можешь идти, твое посольство окончено, смерть уже стоит рядом с тобой. Мы сюда пришли не для того, чтобы тратить много слов на переговоры с клятвопреступником Сауроном, и тем более с одним из его рабов. Убирайся!

Посланец Мордора больше не смеялся. Изумление и злость исказили его лицо. Он стал похож на дикого зверя, который в последний момент, успев вонзить когти в жертву, вдруг получил раскаленным прутом по морде. В бешенстве, вздрагивающими губами он пробормотал невнятное проклятие. Он смотрел в суровые лица и горящие беспощадной ненавистью глаза спутников Гэндальва, и страх оказался в нем сильнее злости. С криком он отвернулся, вскочил на своего скакуна и галопом поскакал на Кирит Горгор, а его свита — за ним.

Но возвращаясь в ворота, солдаты Мордора успели протрубить заранее условленный сигнал,

и, прежде чем посольство скрылось из глаз, приготовленная Сауроном западня сработала.

* * *

Загремели барабаны, взвились к небу языки пламени. Все двери и ворота Моранноном распахнулись. Как волна через открытые шлюзы, хлынули из них вооруженные отряды.

Арагорн со свитой отъехали от ворот под дикие крики солдат Мордора. Пыль клубами взвилась из-под ног востокан, которые вышли по сигналу из-за отрогов Пепельных гор Эред Литтох, вздымающихся за дальней башней. Бесчисленные орчьи отряды спускались с гор по обе стороны от Моранноном. Гондорское войско оказалось в мешке: вокруг серых бугров, на которых оно стояло, смыкалось кольцо врагов, вдесятеро превосходящих числом. Саурон сжал стальные клещи.

Немного времени было у Арагорна для подготовки к бою. Сам он встал на бугре вместе с Гэндальвом под знаменем с Древом и звездами, которое приказал развернуть последним красивым и отчаянным жестом. На другом бугре развевались знамена Рохана и Дол Амрота, Белый Конь и Серебряный Лебедь. Вокруг знамен живой стеной стояли воины, вооруженные мечами и

копьями, обратившись лицами во все стороны света. Против Врат Мордора, откуда ожидалась первая атака, встали слева сыновья Элронда с дунаданами, а справа — князь Имрахил с высокими рыцарями из Дол Амрота и храбрейшими гвардейцами Минас Тирита.

Дунул ветер, запели трубы, засвистели стрелы. Солнце, поднимающееся к зениту, заволок дым, оно светило туманно и зловеще сквозь красноватую пелену, будто приближался конец дня или, может быть, конец света. В сгустившемся мраке появились назгулы и разнесся их леденящий крик, убивая надежду в сердцах.

* * *

Услышав, как Гэндальв отвергает условия Врага, обрекая Фродо на муки в Черной Башне, Пипин пригнулся от страха, но сумел овладеть собой и встал рядом с Берегондом в первой шеренге гондорцев и рыцарей Дол Амрота, потому что решил поскорее умереть и таким образом закончить горькую историю своей жизни, раз все погибло.

— Жаль, что здесь нет Мерри! — услышал он свой собственный голос.

Разнообразные мысли роились в его голове, когда он следил за движением противника,

подходящего, чтобы нанести удар. «Сейчас я начинаю понимать бедного Дэнетора. Раз все равно погибать, мы могли бы погибнуть рядом, Мерри и я. Мерри далеко, надеюсь, он умрет лучшей смертью. Что бы там ни было, а жизнь надо продать подороже».

Хоббит вынул меч и посмотрел на красные и золотые линии на клинке — красивые нуменорские руны, врезанные в сталь, горели огнем. «Словно для этого часа ковали меч, — подумал Пипин. — Вот если бы удалось убить того подлого посла, я бы сравнился со стариной Мерри. Но кого-нибудь из этого зверья я наверняка убью, прежде чем сам погибну. Хотелось бы еще увидеть зеленую траву и солнышко!»

Едва он успел так подумать, враги начали атаку. Орки, не сумевшие быстро перейти гнилое болото, разлившееся перед буграми, остановились перед ним и засыпали гондорцев стрелами. Вперед вышел большой отряд горных троллей с плато Горгорот. Они рычали на бегу, как дикие звери. Крупнее, чем люди, покрытые вместо одежды чешуей, которая была им и кожей, и бронеей, с большими черными щитами и тяжелыми молотами в жилистых руках, они без колебания вошли в болото и зашагали через него с оглу-

шительным воем. Ураганом обрушились они на сомкнутые ряды гондорцев, разбивая шлемы и головы, дробя щиты и плечи, как кузнецы куют мягкое горячее железо. Рядом с Пипином зашатался и упал Берегонд. Гигантский предводитель троллей нагнулся над лежащим, выставив когти, потому что эти полузвери обычно перегрызали горло своим жертвам.

Пипин в ярости ударил его мечом снизу вверх. Покрытый рунами клинок пробил чешую и глубоко вонзился в чрево тролля. Брызнула черная кровь. Гигант рухнул, как подкошенный, камнем навалившись на человека и хоббита. Придавленный Пипин крикнул от боли, потом его накрыла тьма, смрад не давал дышать; он терял сознание, падал в черную пропасть.

«Значит, конец такой, как я задумал», — мелькнула у него последняя мысль, и он успел засмеяться в глубине души, потому что почти обрадовался, что наконец освобождается от сомнений, бед и страха. Погружаясь в беспамятство, он вдруг услышал голоса и различил слова из далекого забытого мира:

— Орлы! Орлы летят!

На мгновение Пипин задержался на пороге темноты. «Бильбо! — пронеслось у него в мозгу. — Но

нет! Это было в его истории, давным-давно. А сейчас кончается моя история. Прощайте!»

И тьма сомкнулась над ним.

Летопись шестая
Глава первая. Башня над перевалом
Кирит Унгол

Сэм с трудом поднялся с земли. В первую минуту он не мог понять, где находится, но вскоре все вспомнил, всю ужасную правду, и отчаяние вернулось к нему. Он был один в темном подземелье у нижнего входа в крепость орков: медная дверь была закрыта изнутри. Наверное, он потерял сознание, когда налетел на нее с разбега, но как долго лежал — не помнил. Перед этим он был разгорячен, взбешен, а сейчас дрожал от холода.

Хоббит подкрался к двери и приложил к ней ухо. Еще было слышно, как далеко внутри орут орки, но голоса доносились слабо, а вскоре совсем стихли. Голова болела, перед глазами в темноте мигали искры, но надо было собраться с мыслями. Одно было ясно: через эти двери в крепость не попасть. Сидеть и ждать, пока они откроются, пришлось бы неизвестно сколько дней, а он не мог ждать, каждая минута драгоценна. В том, что надо было делать, не было никаких сомнений — спасать Фродо, даже если при этом придется

погибнуть самому.

— Похоже, что придется погибнуть, это здесь легче легкого, — хмуро, но решительно сказал себе Сэм, всовывая Жало в ножны и поворачиваясь спиной к медной двери.

Потом ощупью медленно пошел по темному коридору назад вверх, боясь вынимать эльфийский светильник. По дороге он попытался привести в порядок мысли и вспомнить, что произошло с тех пор, как они с Фродо миновали Перепутье. Но не смог даже определить, сколько было времени. «Что-то между вчерашним и сегодняшним днем», — предположил он. Но счет дням он тоже потерял. В этих местах Тьма поглощала дни так же, как она поглощала всех, кто сюда приходил.

«Интересно, помнят ли еще про нас друзья? — думал Сэм. — И что происходит там, в их мире?» Неопределенно махнув рукой перед собой, он думал, что показывает на запад, не сообразив, что находится не в главном туннеле Шелобы, а в том его ответвлении, которое сейчас ведет его прямо на юг.

В светлом мире на западе солнце сейчас поднялось в зенит, и было четырнадцатое марта по хоббитширскому календарю. Арагорн вел черный флот из Пеларгира, Мерри с рохирримами

скакал по долине Каменных Телег, в Минас Тирите пылали пожары, и Пипин с ужасом смотрел в безумные глаза Дэнетора. И среди всех хлопот, страхов и опасностей мысли друзей постоянно возвращались к Фродо и Сэму. Но никакая даже самая сильная и благожелательная мысль не смогла бы прилететь сюда на помощь Сэммиусу сыну Хэмфаста Гэмджи. Он был совершенно один.

* * *

Он наконец доплелся до каменной двери, закрывавшей вход из орчьего коридора в более широкий туннель Шелобы, но не смог найти ни замка, ни задвижки, поэтому снова осторожно перелез через верх и довольно ловко сполз на землю с противоположной стороны. Затем прокрался к выходу, где на холодном ветру еще болтались обрывки паучьей сети. После зловонного тепла глубокого туннеля Сэма встретил пронизывающий холод с режущим ветром, и это его немного отрезвило. Пригнувшись, он с опаской вышел на открытую тропу.

Здесь стояла гнетущая тишина, и было почти темно. Низко над головой хоббита плыли на запад огромные клубы пара, поднимавшиеся из

Мордора. Получался плотный свод из дыма и туч, подцвеченный снизу багровым заревом.

Сэм поднял глаза на орчью башню и заметил, как из ее узких окон-бойниц вдруг сверкнули огни, будто два красных глаза. Может быть, сигнал?..

Страх перед орками, временно побежденный гневом и отчаянием, снова охватил хоббита. Он видел перед собой только один путь — к главному входу в страшную башню; но ноги подгибались, и он опять задрожал. С трудом оторвав взгляд от башни и жуткой прорези перевала с каменными рогами с двух сторон, Сэм стал смотреть только вниз, заставил неслушающиеся ноги сделать первые шаги и медленно, очень медленно, ловя каждый шорох и вглядываясь в густые тени от камней, двинулся вперед. Вот он прошел место, где недавно лежал Фродо и где еще стоял отвратительный смрад Шелобы, вот поднялся в гору, дошел до той ниши, в которой прятался от орков, когда надел Кольцо, увидев отряд Шаграта.

Здесь он остановился и присел, не решаясь продолжать путь. Сейчас он по-настоящему понял, что до Мордора — один шаг, и если он перейдет через перевал и сделает этот шаг, то окажется там, откуда нет возврата. Он машинально опять

вынул Кольцо и надел его на палец. И тут же еще сильнее почувствовал огромную тяжесть этого бремени и еще острее — злое притяжение мордорского Глаза. Глаз искал Сокровище, пытался проникнуть сквозь заслон Тьмы, которую сам наслал ради своей безопасности и которая теперь ему мешала, отчего росло его беспокойство и множились сомнения.

И снова Сэм заметил, что у него будто обострился слух, а все окружающие предметы побледнели и расплылись. Скалы и стены словно отступили в туман, зато издалека явственно слышалось бормотанье и всхлипывание несчастной Шелобы, и совсем рядом — резкие крики и лязг металла.

Хоббит вскочил и вжался в каменную стену. Хорошо, что он надел Кольцо, — наверное, идет новая банда орков. Но это ему только в первую минуту показалось. Свою ошибку он почти сразу понял — крики орков звучали в башне, его подвел обостренный слух. А башня была вот тут рядом, ее верхний угловой бастион нависал рогом почти прямо над ним, слева от дороги через перевал.

Сэм дрожал, пытаясь заставить себя действовать. В башне, судя по всему, разыгрывались ужасные события. Может быть, орки, поддавшись врожденной жестокости, уже нарушили приказ

и пытают Фродо? Может быть, они рубят его на куски? Сэм напряженно вслушивался в их крики, и в нем снова затеплилась надежда. В башне спорили и дрались, но это орки дрались между собой, дошло до потасовки между Горбагом и Шаграт ом. Конечно, надежда, появившаяся у хоббита, когда он об этом догадался, была ничтожной, но ее хватило, чтобы вдохновить его на *поступок*. Орки ссорятся — это шанс на удачу. Сэму стало до боли жаль хозяина, он даже на мгновение забыл об опасности, громко крикнул:

— Иду, господин Фродо! — взбежал на перевал и перешел его.

Дорога поворачивала влево и круто спускалась вниз. Так Сэм оказался в Мордоре.

* * *

Здесь он снял Кольцо. Может быть, он сделал это, инстинктивно предчувствуя опасность, может быть, просто для того, чтобы лучше видеть.

— Самой страшной правде лучше смотреть в глаза, — пробормотал он. — Нечего спотыкаться в тумане!

Грозный и суровый вид открылся перед хоббитом, и безобразный до жути. Прямо перед ним в темную пропасть обрывался восточный гребень

Центрального хребта Эфел Дуат, за пропастью поднимался еще один скальный гребень, не такой высокий, с множеством острых, как зубы, черных вершин и вершинок на багровом фоне: внутренняя ограда Мордора, мрачная цепь Моргайя. А дальше, очень далеко, но почти прямо перед глазами Сэма за озером мрака, в котором то и дело вспыхивали языки пламени, разливалось огромное зарево — там клубились дымы, темно-красные внизу и черно-сизые вверху, где они вливались с плотное покрывало Тьмы, нависшее надо всей этой проклятой страной.

* * *

Сэм смотрел на Огненную гору Ородруин. Вечное, неистощимое пламя, скрытое под конусом из черного пепла, разгоралось каждый раз заново, поднималось и с шумом вырывалось из вершины; из зияющих трещин в склонах выплескивались потоки расплавленного камня и с грохотом скатывались вниз. Несколько таких потоков широкими каналами текли в Барад Дур, другие, извиваясь, пробивали себе путь на каменистую равнину, где постепенно застывали странными фигурами, будто безобразные драконы лезли из глубин измученной земли и каменели, не успев

взлететь. Вот так, в час страшной работы, хоббит Сэм увидел Роковую гору. Ее зловещий багровый свет, заслоненный хребтом Эфел Дуат от тех, кто находился на западных склонах, окрашивал нагие угрюмые скалы, отчего они казались политыми кровью.

Слева от него во всей устрашающей мощи высилась башня Кирит Унгол. Кривым рогом торчала верхушка западного бастиона, которую Сэм уже видел с той стороны перевала, думая, что видит всю башню. А она была лишь частью крепости, которая будто вырастала из крутых скал с восточной стороны, опираясь на узкую площадку далеко внизу. Отвесные стены, щетинясь стрельчатыми бастионами, шли тремя ярусами прочнейшей кладки вверх к северу и вниз к юго-востоку, а по углам резко загибались на запад и соединялись со скалой. В нижнем ярусе, примерно в двух сотнях локтей от того места, где стоял Сэм, между стенами был узкий двор. С юго-востока в него вели ворота, к воротам можно было попасть по широкой дороге с востока и по узкой тропе сверху. От пропасти дорогу отгораживал крепкий парапет, шла она сначала вдоль стены по обрыву, затем зигзагами вниз, в мрачную долину, где соединялась с трактом,

идущим от Моргульского перевала; потом по каменистым ущельям Моргайи этот путь вел на плато Горгорот и по нему — в Барад Дур. А узкая горная тропа, на которой стоял Сэм, резко падала ступенями по склону и выходила на главную дорогу под грозными стенами недалеко от ворот.

И вдруг Сэм с ужасом понял, что крепость предназначена не для того, чтобы враги не вошли в Мордор, а для того, чтобы они оттуда не вышли. Это был восточный форпост в линии обороны Итилиэна, воздвигнутый гондорцами много-много лет назад, после победы Последнего Союза племен, когда жители запада сообща сторожили зловещие земли Саурона, чьи пособники после изгнания хозяина продолжали таиться в горах. Но как и в двух башнях-зубах Моранноне, которые назывались Наркост и Кархост, здесь не хватило бдительности; с помощью измены этой крепостью завладел вождь Кольценосных призраков, и с тех пор в течение долгих веков в ней обитали силы Тьмы. Вернувшись в Мордор, Саурон сразу понял, что крепость на перевале сослужит ему важную службу. Преданных по-настоящему слуг у него было мало, зато было много рабов, которых держал только страх. Главной целью крепости стало препятствовать побегам из Мордора. Но

и наоборот, смельчака, сумевшего живым миновать долину Моргул и пещеру Шелобы, здесь встретила бы последняя неспящая стража, и дальше ему не удалось бы сделать ни шагу.

Совершенно безнадежно было бы пытаться миновать эти стены под взглядом стражей и пройти мимо ворот. Если бы даже Сэм шел ночью, его бы здесь заметили: ведь ночью орки видят еще лучше, чем днем; его бы не скрыли даже самые темные тени, в которые не проникали багровые отблески. Страшна была сама дорога, а уж его задача казалась вовсе невыполнимой — идти не мимо ворот башни, скрываясь от стражи, а прямо в них, и одному.

* * *

Мысль о Кольце вместо утешения принесла новый страх. Как только хоббит увидел вдали пылающую вершину Роковой горы, Кольцо сразу стало во много раз тяжелее. По-видимому, по мере приближения к огромному источнику огня, в котором его выковали, Кольцо становилось сильнее, росли его власть и коварство, так что управлять им могла только очень сильная воля. Кольцо было не на пальце у Сэма, а всего лишь на цепочке на шее; и все равно хоббит чувствовал,

будто он уже вырастает, окутывается собственной тенью и стоит, как силач-великан, на стенах Мордора. Еще он чувствовал, что перед ним только два пути: либо он сумеет противостоять чарам Кольца, что будет очень трудно и принесет ему немало мук, либо присвоит Кольцо и бросит вызов Черной Силе из мрачной долины, лежавшей перед ним. Кольцо уже искушало его, сковывало волю и затуманивало разум. В голове роились фантастические видения: вот он, Сэм Могучий, герой Истории, шагает с пламенным мечом через Страну Тьмы во главе войска, собравшегося по мановению его руки на штурм Барад Дура… Если он победит, все тучи разойдутся, засветит белое солнце, по приказу победителя плато Горгорот превратится в цветущий сад, который потом принесет обильные плоды… Надо лишь надеть Кольцо на палец и объявить себя его Властелином…

В этот час высшего испытания хоббита спасла любовь к Фродо и неистребимый хоббичий здравый смысл.

В глубине души Сэм прекрасно понимал, что не дорос до того, чтобы взять на себя такое бремя, даже если бы заманчивые видения не были обманом, предательски подсунутым злыми силами,

чтобы заманить его в западню. Он соображал, что для счастья ему хватит маленького садика, где бы он свободно хозяйничал, что сад размером с королевство ему ни к чему; и понимал, что его удел — работать своими руками, а не распоряжаться трудами чужих.

— Обман это все, — решил он, наконец. — *Тот* меня сразу выследит и придавит, как только я раскрою рот, чтобы крикнуть. Если здесь, в Мордоре, надеть Кольцо, *Он* меня схватит. Приходится признать, что мое положение еще безнадежнее, чем весенний заморозок. Как раз сейчас, когда мне бы так пригодилась невидимость, надевать Кольцо ни в коем случае нельзя! А если я пойду к Огненной горе, оно с каждым шагом будет все тяжелее и совсем меня замучает. Что же делать?

Но на самом деле сомнений у него уже не оставалось. Надо было идти в башню, и как можно скорее. Хоббит встряхнулся, будто сбрасывая с плеч лохмотья мрачных видений, и медленно пошел вниз. Теперь ему казалось, что он с каждым шагом становится все меньше, и очень скоро он снова ощутил себя совсем маленьким и перепуганным хоббитом. Оказавшись под стеной, он без всякого Кольца внятно слышал шум орчьей драки, доносившийся из-под стен с нижнего двора.

* * *

Сэм прошел больше половины пути к темным воротам, когда увидел, как из них в багровую полутьму выбежали два орка. Но направились они не в его сторону, а повернули на главную дорогу; вдруг один из них споткнулся и упал, потом упал другой, и оба остались лежать неподвижно. Сэм не видел стрел, но догадался, что орки со стен или из-под ворот стреляют в своих же. Дальше хоббит пошел, прижимаясь левым плечом к самой стене. О том, чтобы перелезть через стену, речи быть не могло — ряды кладки без единой трещины локтей в тридцать высотой нависали перевернутыми ступенями. Внутрь можно было попасть только через ворота.

Медленно продвигаясь вперед, Сэм размышлял, сколько орков может сидеть в башне под командой Шаграта, и сколько привел Горбаг, и из-за чего эти два головореза поссорились. С Шаграт шли примерно сорок солдат, с Горбагом — раза в два больше, но Шаграт, наверное, вывел в дозор только часть гарнизона. Подрались они, конечно, из-за Фродо и добычи. Вдруг Сэм даже остановился, пронзенный страшной догадкой: он все себе представил так ясно, будто сам увидел.

Кольчуга из мифрила! Она же была на Фродо — они ее нашли! Горбаг, наверное, захотел взять ее себе. Фродо мог спасти лишь приказ Черной Башни, а если предводитель орков его нарушит, Фродо тут же убьют.

— Смелей, мямля несчастный! — громко выругал себя Сэм. — Вперед, ну!

Выхватив из ножен Жало, он побежал к открытым воротам, а оказавшись под темным сводом, рванулся вперед — и почувствовал удар, будто наткнулся на паутину Шелобы, однако завеса была невидима. Впереди не было ничего, никаких явных преград, но ворота хоббита не пропускали. Он отступил и присмотрелся. И увидел Стражей.

В темноте под воротами на высоких тронах сидели две гигантские фигуры. У каждой было по три сросшихся туловища и по три головы, обращенные во двор, внутрь ворот и к дороге. Головы были птичьи, как у громадных стервятников, а руки, сложенные на коленях, кончались когтями. Колоссы казались каменными, сидели неподвижно и наблюдали. Была в них страшная сила и сверхъестественное чутье. Они узнавали врага. Ни видимое, ни невидимое существо не могло пройти мимо них незамеченным. Они его не впустят и не выпустят.

Сэм попытался напрячь всю свою волю и еще раз проскочить, но едва удержался на ногах, будто его оттолкнул мощный удар в грудь и по голове. В растерянности, не зная, что делать, но повинуясь вдруг пришедшей мысли, он вытащил из-за пазухи флакон Галадриэли и поднял. Белый свет раздвинул темноту под воротами. Холодные и неподвижные Стражи показались во всем своем жутком уродстве. В их блестящих черных каменных глазах был такой заряд враждебной силы, что Сэм съежился. Но от эльфийского огня эта сила ослабла, сменившись страхом.

Сэм мгновенно проскочил между ними, но, когда еще на бегу снова прятал флакон за пазуху, почувствовал, как за ним Стражи пришли в себя, и в воротах снова выросла невидимая преграда прочнее стали. Из безобразных голов вылетел сверлящий уши крик, и эхо разнесло его между стенами. Где-то высоко в башне в ответ на этот крик прозвучал резкий удар колокола.

* * *

«Одно дело сделано! — подумал Сэм. — У парадного я позвонил».

— Эй, выходи, кто там! — крикнул он. — Доложи капитану Шаграту, что к нему в гости идет вели-

кий эльфийский воин, и у него эльфийский меч!

Ответа хоббит не дождался, побежал дальше. Жало голубым светом горело в его руке. Узкий двор в тени стен тонул во мраке, но Сэм увидел много трупов на камнях. Он чуть не споткнулся о тела двух орков-лучников, в спинах которых торчали кинжалы. Чем дальше он шел, тем больше было убитых: некоторые лежали по одному, застигнутые ударом топора или стрелой, другие — парами, сплетясь в последней смертельной схватке, третьи — кучами, в диких позах, застыв, когда душили, грызли, рвали друг друга. Камни были скользкими от их черной крови.

На одежде мертвых орков Сэм разглядел два герба: Красный Глаз и знак Луны, похожий на уродливое мертвое лицо. Не задерживаясь, Сэм пересек двор и в глубине заметил полуоткрытые двери, из которых вырывался красноватый свет. На пороге лежал труп огромного орка. Сэм перепрыгнул через него и остановился, оглядываясь.

От двери в глубь горы вел широкий коридор. Его слабо освещали чадящие факелы, воткнутые в скобы на стенах. Конец коридора тонул в темноте. По обе стороны было множество дверей. Нигде ни души, лишь несколько трупов валялось на полу. Из того, что Сэму удалось услышать рань-

ше, он знал, что Фродо — живой или мертвый — вероятнее всего, заперт в верхнем помещении высоченной башни, а дорогу туда можно искать целый день.

«Ход туда должен быть где-то в глубине, — сказал себе Сэм, — Башня-то почти вся лепится к горе. Надо идти по факелам».

Шел он по коридору медленно, каждый шаг давался с трудом. Его снова охватил страх. Шаги в тишине отдавались гулким эхом, можно было подумать, что великан шлепает ладонями по камням. Трупы, пустота, влажные черные стены в кровавых отсветах, страх смерти, которая может таиться за любыми дверями и в любом темном закоулке, сознание того, что за спиной в воротах не спит таинственная злая сила, — даже для самого смелого хоббита это было слишком. Он бы лучше открыто кинулся в бой — если врагов не чересчур много, — чем терпеть жуткую неизвестность. Он старался думать о хозяине, которого, наверное, мучили, а может быть, даже убили, и лежит он где-то за этими стенами. Надо идти. И Сэм шел.

Он уже прошел освещенную факелами часть коридора и оказался у большой двери под аркой, которая, как хоббит догадался, была внутренним выходом из башни в подземный ход, как вдруг

услышал откуда-то сверху сдавленный крик. Сэм застыл как вкопанный. Вслед за криком раздался топот приближающихся шагов, прямо над головой. Кто-то бежал вниз по гулкой лестнице.

Воля хоббита ослабла, и он не смог остановить руку, потянувшуюся к цепочке и искавшую Кольцо. Но Сэм Кольца не надел. Он только сжал его в горсти и тут увидел бегущего противника. Орк выскочил из темного хода в правой стене и бежал прямо на хоббита. Вот он поднял голову. Заметил! Сэм слышал, как он дышит, и видел кровожадный блеск в его глазах. Но вдруг шагах в шести от него орк застыл, пораженный, ибо увидел не маленького перепуганного хоббита, с трудом державшего мечик в дрожащей руке, а высокую безмолвную фигуру, окутанную серой тенью, грозно стоящую на фоне мерцающих факелов.

От сверкания поднятого неведомым воином оружия у орка заболели глаза, а ведь другая рука воина сжимала на груди еще более страшный предмет, излучавший убийственную силу.

Орк съежился, взвизгнул, повернулся и удрал туда, откуда пришел. Ни один пес при виде зверя не кидался в погоню с таким жаром, как Сэм бросился за неожиданно струсившим врагом.

— Ага! — кричал он. — Эльф, непобедимый во-

ин, вторгся в вашу твердыню! Дорогу! Показывай, как пройти наверх, или я с тебя шкуру сдеру!

Но орк был у себя дома, он был сыт и ловок, а Сэм переходов не знал, был голоден и страшно устал. Началась винтовая лестница, ступени вели круто вверх, для хоббита они были высоки, и скоро он на них совсем запыхался, а орк скрылся из виду, и его топот слышался все тише и тише, но все время сверху. Эхо некоторое время доносило перепуганный визг. Потом все стихло.

Сэм хоть и замедлил ход, но не остановился. Он почувствовал, что идет верной дорогой, и воспрянул духом. Оттолкнул Кольцо рукой, подтянул пояс. «Прекрасно, — сказал он себе. — Если все орки так не любят меня и мое Жало, то может быть, все кончится лучше, чем я ожидал. Похоже, что Шаграт, Горбаг и их бандиты сделали за меня почти всю работу. Кроме этой перепуганной крысы в крепости вроде ни одной живой души не осталось».

Мысленно произнеся последние слова, он вдруг задрожал и замер, словно наткнулся на стену. До него дошел смысл того, что он подумал: «Не осталось ни одной живой души». А перед этим чей предсмертный крик он слышал?

— Хозяин! Господин Фродо! — закричал Сэм,

чуть не плача. — Фродо! Что делать, если его убили? Я иду! На самый верх влезу и узнаю всю правду, самую страшную!

* * *

Он поднимался все выше. Его окружала темнота, только изредка на повороте или при входе на следующий ярус башни попадались одинокие факелы. Хоббит пробовал считать ступени, но после двухсот потерял счет. Шел он теперь осторожно, ибо откуда-то сверху услышал голоса и, похоже, разные. Значит, не одна крыса осталась живой в башне. Ступени кончились неожиданно, когда Сэм уже задыхался, и ноги отказывались слушаться. Он остановился и огляделся. Стоял он на плоской крыше верхнего яруса башни, открытой площадке около двадцати шагов в ширину, огражденной низким парапетом. Выход ступеней был посреди крыши, из башенки с двумя дверями — одна на восток, другая на запад. На востоке простиралась обширная темная равнина плато Горгорот с огнедышащей горой вдали. Ее недра вскипали, и огненные реки, изливаясь из глубин, пылали таким неистовым огнем, что даже с расстояния многих миль освещали верхушку башни. Вид на запад заслонял цоколь мощного

шпиля, торчащего кривым рогом над хребтами окружающих гор. В цоколе было узкое окно-бойница, оттуда шел свет. Вход внутрь шпиля был не далее десяти шагов от места, где стоял Сэм. Там было темно, и именно оттуда доносились голоса.

Сначала Сэм не вслушивался в разговор, а только разглядывал крышу-террасу. Здесь, по-видимому, произошло самое жестокое побоище. Всюду валялись орчьи трупы с обрубленными ногами, руками, без голов. Запах смерти носился в воздухе. Вдруг громкий крик, стук, брань заставили Сэма отступить в тень. Хоббит узнал резкий и грубый голос Шаграта, коменданта башни.

— Значит, говоришь, что не пойдешь вниз, Снага? Подлый червь! Насмехаешься, думаешь, у меня сил не хватит с тобой расправиться? Подойди! Я тебе сейчас глаза выцарапаю, как минуту назад Радбугу. А когда придут другие, прикажу им скормить тебя Шелобе.

— Никто не придет, во всяком случае, ты до этого не доживешь! — нагло ответил Снага. — Я тебе уже два раза сказал, что свиньи Горбага первыми подскочили к воротам, и никто из наших живым не ушел. Лагдуф и Музгаш пытались убежать, но их за порогом застрелили. Я все из окна видел. Больше никого нет, они были последними.

— Значит, придется идти тебе. Я останусь, я ранен. Чтоб этому Горбагу в Черные Копи попасть! Грязный бунтовщик! — Шаграт разразился потоком гнусных ругательств и проклятий. — Я ему надавал крепче, чем он мне, но этот подлец ткнул меня ножом прежде, чем я успел его задушить. Ты должен идти, так пошел, пока я тебя зубами не загрыз! Надо доложить обо всем в Лугбурз, не то нас обоих бросят в Черные Копи, да, да, и тебя тоже! Если будешь тут долго болтаться, не спасешься, крыса трусливая!

— Я больше не пойду по лестнице, — буркнул Снага. — Будь ты трижды начальник, не пойду! Брось нож, а то я тебе стрелу в брюхо всажу. Ты недолго пробудешь комендантом, когда в Лугбурзе узнают, что тут было. Я свое дело сделал, дрался с вонючими моргульскими хорями, защищал башню, а эту кашу вы заварили, начальники. Это вы подрались из-за добычи.

— Не твое дело, — осадил его Шаграт. — У меня был приказ. Горбаг начал драку, кольчугу хотел присвоить!

— А ты его раздразнил. И вообще зазнался. Он оказался умнее тебя, он тебе несколько раз говорил, что самый главный шпион остался на свободе, а ты слушать не хотел. И сейчас не

хочешь. Горбаг-то был прав, сейчас здесь ходит большой воин, может быть, убийца-эльф, а может, проклятый тарк. Я тебе говорю, он уже сюда идет. Звон слышал? Он прошел между Стражами, а это только тарки могут. Пока он на ступенях, я вниз не пойду. Даже будь ты назгулом, не пошел бы.

— Ах, вот как?! — заорал Шаграт. — Это сделаешь, то не сделаешь? А когда твой эльф придет сюда, удерешь и оставишь меня одного? Остолоп! Я тебе сначала кишки выпущу!

Из башенного помещения выскочил коренастый орк, за ним — Шаграт, великан с длинными руками, которые доставали до земли, когда он бежал, согнувшись. Одна его рука бессильно висела вдоль туловища, из нее текла кровь. Другой он прижимал к боку большой сверток в черной тряпке. Сэм съежился за дверью. Он видел освещенное красным заревом отвратительное, искаженное злобой лицо, окровавленное, будто исполосованное когтями. С клыков открытой пасти капала пена, из горла вырывался звериный хрип.

Из укрытия Сэму было видно, как Шаграт гонял Снагу по террасе, и как в конце концов меньший орк ускользнул и кинулся назад в башню. Шаграт за ним не погнался. Через восточную дверь

Сэм увидел, как он стоит у парапета, задыхаясь, пытается шевельнуть левой рукой, но она не слушалась. Он отложил сверток на пол, правой рукой вынул длинный красный кинжал и плюнул на клинок. Потом перегнулся через парапет, посмотрел вниз и дважды крикнул. Ему никто не ответил.

Тем временем один из лежавших вдруг зашевелился, встал, неверными шагами на полусогнутых ногах подошел сзади к Шаграту, схватил сверток и выпрямился. В руке у него было копье с широким плоским наконечником и коротким сломанным древком. Он замахнулся, чтобы ударить Шаграта в спину, но в этот момент то ли от боли, то ли от ненависти хрипло зашипел. Шаграт молниеносно развернулся и всадил ему в горло кинжал.

— Получай, Горбаг! — закричал он. — Тебе было мало, ты еще не подох? Ну, теперь я тебя насовсем прикончу!

Он прыгнул на упавшего противника и стал яростно топтать его, еще несколько раз ударил кинжалом. Наконец, насытившись местью, выпрямился, закинул голову и издал гортанный победный крик. Потом облизал лезвие кинжала, взял его в зубы, схватил сверток и, хромая, зако-

вылял ко входу на лестницу.

У Сэма не было времени на размышления. Он мог бы выскочить в противоположную дверь, но тогда бы его увидели, и игра в прятки с ужасным орком кончилась бы очень скоро и не в пользу хоббита. И Сэм сделал самое лучшее из того, что мог: с громким возгласом бросился Шаграту навстречу. Он уже не держал руку на Кольце, оно было у него на груди, но, вероятно, и оттуда поражало страхом рабов Мордора, а сияние поднятого в правой руке меча слепило орку глаза, как безжалостный свет звезды из страны эльфов, от одного названия которой у этих тварей кровь застывала в жилах. Чтобы вступить в бой, Шаграту пришлось бы бросить ценную добычу, а этого он позволить себе не мог. На мгновение он задержался, злобно хрипя и ощерив клыки. Потом молниеносно отскочил в сторону, а когда Сэм замахнулся на него, использовал сверток как щит и как оружие одновременно, ткнув им противника в лицо. Сэм пошатнулся, и пока снова обрел равновесие, Шаграт быстро пробежал мимо него по ступеням вниз.

Проклиная врага, Сэм кинулся было в погоню, но через пару шагов остановился, сообразив, что надо скорей спасать Фродо, ведь второй орк

вернулся в башню. Опять не было времени ни выбирать, ни думать. Удравший Шаграт может вернуться с целой бандой, но гнаться за ним значило терять драгоценное время, ибо меньший орк может совершить страшное дело. И Шаграт мог убить его, да и догонит ли он бандита? Подумав так, Сэм побежал наверх.

— Наверное, я опять что-то путаю, — вздохнул он, — но как бы там ни было, надо спасать Фродо.

Тем временем Шаграт беспрепятственно спустился вниз, пересек двор и выскочил за ворота, прижимая к груди черный сверток. Если бы Сэм это видел и мог знать, к чему приведет появление свертка в Барад Дуре, он бы ужаснулся и дрогнул. Но Сэм был занят одной мыслью и в этот момент преодолевал последний этап пути к хозяину. Очень осторожно он подошел к дверям в башню и переступил через порог. Внутри было темно. Когда глаза привыкли, он заметил справа очень слабый свет и проход. Там еще одна узкая лестница вилась вдоль стен вверх. По-видимому, где-то наверху горел факел.

Сэм стал тихо подниматься по лестнице. Добрался до факела, который был воткнут над дверями напротив узкого, как бойница, окна,

обращенного на запад. Это и был один из тех красных «глаз», которые они вместе с Фродо увидели снизу, выйдя из туннеля. Сэм быстро миновал дверь и пошел еще выше, вздрагивая от мысли, что проклятый враг может в любую минуту схватить его сзади за горло.

Следующий факел догорал против окна, выходящего на восток. Дверь под факелом вела в темный переход поперек башни. Он освещался лишь слабым светом из этой открытой двери и заревом, проникающим через окно-бойницу. Лестница кончилась. Сэм, крадучись, проскользнул в переход. Низкие двери по обе стороны оказались заперты на замки и задвижки. Было совсем тихо.

— Тупик! — пробормотал Сэм. — Стоило для этого столько лезть. Но это не может быть самый верх. Что же делать?

Он спустился на этаж ниже, толкнул дверь под факелом. Она даже не дрогнула. Хоббит снова побежал наверх. Пот выступил у него на лбу. Каждая минута была дорога, а он тратил время на беготню и бесплодные попытки. Ему было уже все равно, что сейчас делают Шаграт, Снага и вообще все орки, чтоб они провалились. Он думал только о Фродо, хотел увидеть его, дотронуться

до него рукой.

Набегавшись вверх-вниз и измучившись окончательно, хоббит сел посреди лестницы и спрятал лицо в ладонях. Его окружала враждебная тишина. Факел, догорев, зашипел и погас. Темнота залила лестницу. И вдруг, сам себе удивившись, сидя в черной безысходности в конце неудавшегося пути, Сэм… запел. Песня шла откуда-то из глубины его существа, словно ее ему нашептывало сердце.

В холодной темной башне песня зазвучала неуверенно и слабо: это был голос уставшего заблудившегося хоббита. Ни один орк, имевший уши, не смог бы принять то, что он пел, за боевой гимн эльфийского воина. Сэм затянул старинную хоббичью детскую песенку, вперемешку с отрывками из стихов Бильбо, которые навевали ему воспоминания о далекой родине.

Но эта песня дала ему силы, голос у него окреп, и в простую мелодию сами собой вошли новые слова:

Может быть, в западных землях под солнцем

Скоро цветы возвестят весну,

Ручьи разольются, вьюрки распоются,

Почки набухнут и травы взойдут.

Может быть, ночью эльфийские звезды
Буки качают там на ветвях,
Словно алмазы, радостно глазу
Видеть их в ясных, без туч, небесах.

Пусть я один здесь путь свой кончаю,
В башне чужой в темноте погребен,
Где стены глухие, где горы крутые
Их окружают со всех сторон,

Я знаю, что даже над этим краем
Солнце и звезды над Тьмою плывут,
И не сдаваясь, я не прощаюсь
Ни с солнцем, ни с звездами даже тут!

— «В башне чужой в темноте погребен...» — прошептал он, оборвав песню. И вдруг ему показалось, что слабый голос пытается петь в ответ, но как он ни напрягал слух, так и не понял, было это на самом деле или ему почудилось. Зато явно раздались шаги, наверху кто-то скрипнул засовами. Сэм затаился. Дверь со стуком хлопнула, и орчий голос прохрипел:

— Эй ты, крысиное отродье, перестань пищать,

а то я сейчас приду и проучу тебя. Слышал?

Орку никто не отвечал.

— Не хочешь, значит, разговаривать, — буркнул Снага. — Посмотрим, что ты там делаешь.

Снова заскрипели засовы. Сэм высунулся из-за угла и увидел, что в коридоре открылась одна из дверей и оттуда выходит орк с лестницей на плече. Теперь Сэм все понял. В верхнюю камеру можно было попасть только через люк в потолке коридора. Снага приставил к этому люку лестницу, влез на нее и исчез из поля зрения. Потом Сэм услышал лязг засова и опять хриплый голос:

— Лежи тихо, а то получишь. Тебе и так недолго осталось ждать развлечений, а если не хочешь, чтобы забава началась прямо сейчас, закрой пасть! Вот тебе задаток! — В темноте свистнула плеть.

Сэма охватила бешеная злость. Быстро, как кот, он взлетел по лестнице. Люк выходил в середину большой круглой камеры. С потолочной балки свисал фонарь, отбрасывавший красный свет; высокое узкое окно, обращенное на запад, было темным. У стены под окном на полу кто-то лежал. Над ним, расставив ноги, стоял орк, подняв плеть для нового удара. Но ударить он не успел.

Сэм с криком выпрыгнул из люка, подняв меч.

Орк обернулся, но Сэм успел отсечь Жалом кисть руки с плеткой, прежде чем враг понял, что случилось. Взвыв от боли, орк согнулся пополам и пошел на Сэма головой вперед. Второй удар хоббита попал в пустоту, и Сэм, потеряв равновесие, упал навзничь, пытаясь схватить споткнувшегося об него врага. Раздался новый вой и грохот. Орк оступился и полетел вниз через люк. Дальнейшая его судьба Сэма не интересовала. Он встал и бросился к пленнику. Им был Фродо.

* * *

Фродо лежал в беспамятстве на куче грязного тряпья. Одежды на нем не было. Рукой он заслонял голову, на боку краснел свежий рубец.

— Господин Фродо, хозяин! — крикнул Сэм, почти ничего не видя сквозь внезапно брызнувшие слезы. — Это я, я, Сэм Гэмджи! Я тут! — Сэм приподнял его и прижал к груди.

Фродо открыл глаза.

— Я еще сплю? — прошептал он. — Какие ужасные были сны.

— Нет, нет, это не сны, — ответил Сэм. — Это правда. Я пришел. Я Сэм, и я здесь с вами.

— Даже не верится, — сказал Фродо, хватая Сэма за руки. — Тут был орк с плеткой и вдруг

превратился в Сэма. Значит, мне не приснилось, что я слышал песню снизу? Я пробовал ответить. Это ты пел?

— Я, я, господин Фродо. Я уж и надеяться перестал. Никак не мог вас найти.

— Но нашел же! Дорогой мой Сэм, самый лучший Сэм на свете, — сказал Фродо и с улыбкой закрыл глаза в объятиях Сэма, как ребенок, успокоенный ласковыми руками и знакомым голосом, который прогнал ночные страхи.

Бесконечно счастливый, Сэм так и сидел бы долго-долго, прижимая к себе хозяина, но он понимал, что здесь оставаться нельзя. Мало было найти Фродо, его еще предстояло спасти. Сэм поцеловал Фродо в лоб.

— Просыпайтесь, хозяин, вставать пора, — сказал он, стараясь придать своим словам самый безмятежный тон, будто в летнее утро раздвигал занавески в Торбе-в-Холме.

Фродо вздохнул и сел.

— Где мы? Как я сюда попал? — спросил он.

— Некогда сейчас все объяснять, надо скорей отсюда выбираться, — ответил Сэм. — Мы на верхушке башни, которую видели снизу, когда вышли из туннеля, где вас похитили орки. Времени сколько прошло, я точно не знаю. Наверное,

не меньше суток.

— Только сутки? — удивился Фродо. — А я думал, несколько недель. Ты все мне подробно расскажешь, когда будет возможность. Меня, наверное, чем-то ударили? И я провалился в темноту, в жуткие сны, а когда очнулся, явь оказалась еще хуже. Вокруг меня была толпа орков. Кажется, они вливали мне в горло свое противное жгучее питье. В голове у меня от него прояснилось, но все болело. Они меня раздели, все содрали, а потом пришли два таких здоровенных и стали допрашивать. Спрашивали, а сами злорадствовали и хватались за ножи. Я думал, что с ума сойду. Никогда не забуду, какие у них клыки и глаза.

— Не надо про них говорить, господин Фродо, — сказал Сэм. — А если не хотите их больше видеть, то чем скорее мы уйдем отсюда, тем лучше. Вы идти сможете?

— Смогу, — ответил Фродо, медленно поднимаясь. — Я не ранен, Сэм. Только очень устал и вот здесь болит, — он тронул плечо сзади над левой лопаткой. Потом выпрямился, и Сэму показалось, что его одело пламя, — в свете фонаря его кожа стала ярко-красной. Он сделал два шага по полу.

— Мне уже лучше, — сказал он, немного при-

ободрившись. — Я боялся двигаться, даже когда оставался один, а когда приходили охранники, то и подавно. Потом была драка, они дико орали. Те два самых больших поссорились: кажется, из-за меня и моих вещей, если я правильно понял. Я остался лежать один. Тихо стало, и это было еще страшнее, чем когда они кричали вокруг.

— Да, наверное, так они и поссорились, — сказал Сэм. — Их в башне сотни две было, многовато на одного Сэма Гэмджи. Но они сами решили меня выручить и поубивали друг друга. Нам крупно повезло. Только песня об этом получится слишком длинной, чтобы здесь ее петь; уходить надо. Что делать будем? Хозяин, не можете же вы голым гулять по Черной стране?

— Они все отобрали, — сказал Фродо. — Все, что у меня было. Ты понимаешь, Сэм, что это значит? *Все!!!* — Он снова скорчился на полу, опустив голову, будто сам только что понял всю непоправимость потери. — Поход проигран, Сэм. Пусть мы из этой башни уйдем, но от гибели не уйти никому. Может, только эльфы спасутся. Уйдут из Среднеземья, далеко-далеко за Море. А может быть, и там Черная Тень их настигнет.

— Нет, нет, не все они отобрали, *не все,* успокойтесь, хозяин. — ответил Сэм. — Поход не

проигран, и вообще он еще не кончился. Простите меня, хозяин, но это я забрал Кольцо. Я его спрятал. Оно у меня на шее, и очень тяжелое. — Сэм дотронулся до куртки. — Сейчас могу отдать.

Но отдавать Кольцо Сэму совсем не хотелось.

— У тебя на шее?! — ахнул Фродо. — Здесь?! Сэм, тебе цены нет! — И вдруг закричал странно изменившимся голосом: — Отдай сейчас же! — Он протянул вздрагивающую руку к Сэму. — Снимай! Тебе нельзя его носить.

— Ладно, ладно, уже отдаю, — ответил Сэм обиженно. Берите, вот! — Он медленно вытащил Кольцо из-за пазухи и снял цепочку через голову. — Но мы уже в Мордоре, господин Фродо. Когда выйдем отсюда, увидите Огненную гору и вообще всю эту страну. Кольцо здесь носить очень опасно и тяжело. Может, мы разделим с вами этот труд?

— Нет! — крикнул вдруг Фродо, выхватывая Кольцо и цепочку из рук Сэма. — Нет, ты его не получишь, вор! — задохнувшись, он смотрел на Сэма мутными и расширенными от злости глазами…

И неожиданно замер, зажав Кольцо в кулаке. Затуманенный взгляд его прояснился. Голова заболела. Фродо потер лоб ладонью. У него еще

мысли путались от всего пережитого, и страшное видение смешалось с реальностью. Сэм в его глазах вдруг превратился в орка, протянувшего руку за Сокровищем, с отвратительным жадным блеском в глазах и пеной у рта. Но видение исчезло. Перед ним снова был Сэм, лицо его сморщилось, как от боли, в глазах стояли слезы.

— Ах, Сэм, прости меня! — воскликнул Фродо. — Что я наговорил, как я мог! После всего, что ты для меня сделал! Это страшные чары Кольца, чтоб оно больше никому не досталось! И зачем оно выплыло на свет? Не сердись, Сэмми. Я сам должен донести ношу до конца. Меня никем нельзя заменить. Ты не волен становиться между мной и Судьбой.

— Хорошо, хозяин, хорошо, господин Фродо! — ответил Сэм, вытирая слезы рукавом. — Я понимаю. Но помочь ведь можно, правда? Я должен вас отсюда вывести, причем как можно скорее. А сначала надо добыть платье и оружие, и что-нибудь поесть. Одежду, я думаю, мы найдем. Раз мы в Мордоре, лучше всего нарядиться по здешней моде. Выбора все равно нет. Поищу какие-нибудь орчьи тряпки. И сам оденусь так же. Коль уж мы путешествуем вместе, надо быть подходящей парой. Пока завернитесь вот в это.

Сэм снял серый плащ и накинул его на плечи Фродо. Потом сбросил на пол свой дорожный мешок и достал из ножен Жало. Клинок еле светился у острия.

— Я совсем забыл, хозяин, — сказал Сэм. — Не все они у вас забрали. Может быть, вы помните, я взял поносить ваш меч, и флакон Галадриэли тоже. Все цело. Но оставьте мне их еще ненадолго. Я сейчас схожу поищу то, что нам надо, а вы тут ждите, я скоро. Походите пока по комнате, разомните ноги.

— Будь осторожен, Сэмми, — сказал Фродо. — Не уходи надолго. Вдруг по углам прячутся недобитые орки?

— Что поделаешь, приходится рисковать, — ответил Сэм.

Он слез вниз по лестнице, потом снова появился, высунул голову из люка и бросил на пол камеры длинный кинжал.

— Это может пригодиться, — сказал он. — Тот орк, который ударил вас плеткой, очень спешил и свернул себе шею. Лестницу, хозяин, втяните к себе, и не спускайте ее, пока я не скажу пароль. Я крикну: «*Элберет*». Это эльфийское слово, ни один орк его не скажет.

* * *

Некоторое время Фродо сидел не двигаясь, его била дрожь. В голове проносились дикие и страшные мысли. Потом он встал, завернулся в серый эльфийский плащ и стал ходить взад и вперед по камере, отгоняя страх, осматривая углы.

Каждая минута казалась ему часом, но, наконец, он услыхал негромкий голос, повторявший: *«Элберет, Элберет!»*, и спустил лестницу. Запыхавшийся Сэм втащил порядочный тюк и бухнул его на пол.

— Ну, теперь скорее, хозяин! — сказал Сэм. — Трудновато оказалось найти одежку по мерке, они все большие. Придется вот это подогнать. Спешить надо. Я не встретил ни одной живой души, ничего не заметил, но мне очень неспокойно. Кто-то следит за этим местом. Я не могу правильно объяснить, как, но я просто чувствую, что где-то близко, может быть, в темном небе, где ничего не видно, хоть глаз выколи, крутится тот летающий Всадник.

Развязав тюк, Фродо с отвращением смотрел на его содержимое. Но выбора не было; если он не хотел идти голым, надо было одеваться в эту гадость. Пришлось натягивать длинные лохма-

тые штаны из шкуры какого-то зверя и грязную кожаную куртку. Поверх нее Фродо надел кольчугу из крупных колец; на рослом орке она была бы короткой, а для хоббита оказалась велика и тяжеловата. Он стянул ее поясом, на котором в коротких ножнах висел широкий кинжал. Сэм принес несколько шлемов на выбор. Один из них кое-как подошел Фродо: черная шапка из толстой кожи на железных обручах, окантованная железом, а над торчащим, как клюв, железным наносником — нарисованный Красный Глаз.

— Вещи с моргульским гербом, которые носили солдаты Горбага, меньше и лучше, но после этой драки в них рискованно разгуливать по Мордору. Ну-ка, дайте на вас посмотреть! Настоящий молодой орк, господин Фродо, а если бы, простите за смелость, закрыть лицо маской, удлинить руки и раскорячить ноги, так совсем бы похоже было. На всякий случай, еще вот это наденьте, — и Сэм протянул хозяину плотный черный плащ. — Теперь готово! По дороге щит найдем.

— А ты, Сэм? — спросил Фродо. — Ты же собирался одеться мне под пару.

— Знаете, я подумал, что нельзя здесь оставлять свои вещи, а уничтожить их тоже нельзя, — ответил Сэм. — Поверх всего орчья кольчуга не

налезет, так что я просто завернусь в плащ.

Сэм присел и старательно сложил эльфийский плащ. Он занял удивительно мало места. Сэм засунул его в мешок, лежавший на полу, закинул мешок за плечи, надел на голову орчий шлем, завернулся в длинный черный плащ.

— Вот так! — сказал он. — Теперь мы подходящая пара, можем идти.

— На долгий путь мне сил не хватит, — ответил Фродо, грустно улыбаясь. — Надеюсь, ты расспросил, где тут по дороге лучший трактир? Неужели ты не позаботился о еде и питье?

— Ой, побейте меня, хозяин, но я забыл, совсем про все забыл! — ответил Сэм и даже присвистнул от огорчения. — Вот сейчас, когда вы напомнили, я чувствую, что и мне голод кишки грызет, и в горле пересохло. Я не помню, когда последний раз ел. Я вас искал, искал, все остальное из головы вылетело. Но дайте подумать… Недавно я подсчитывал, что лембасов и того, что дал Фарамир, мне должно было хватить на пару недель при крайней нужде. А во фляге последняя капелька на донышке. На двоих ее не хватит. Орки что, не едят и не пьют? Кормятся вонючим воздухом и всякой отравой?

— И едят, и пьют, Сэм, — ответил Фродо. — Мрак

их взрастил и облик им придал звериный, а желудки у них, как у всех. Вряд ли Тьма способна творить. Я думаю, что не Черный Властелин их создал. Им дал жизнь кто-то другой, а он их сделал подлыми, отравил им мозги. Раз они живут, значит, едят. Могут пить грязную воду и есть тухлое мясо, но не отраву. Мне что-то давали, так что я пока обойдусь, и в башне, наверное, есть запасы.

— Но нам их искать некогда, — сказал Сэм.

— Дело обстоит немного лучше, чем ты думаешь, — продолжал Фродо. — Пока тебя не было, я тут кое-что нашел. Они действительно не все забрали. Мой мешок тут валялся. Его, конечно, перетряхнули, но орки не переносят вида и запаха лембасов, как и Голлум. Они мой запас рассыпали, покрошили и потоптали, но я немножко собрал. Так что у меня еды почти как у тебя. Запасы от Фарамира они отобрали и флягу разрубили.

— Значит, для начала хватит, — сказал Сэм. — С водой хуже. Но идемте скорее, хозяин! Если мы здесь засидимся, нам и озеро по пути не поможет.

— Ты все-таки перед тем, как идти, поешь, Сэмми, — приказал Фродо, — иначе я с места не сдвинусь. Вот эльфийский хлеб, и воду допивай. Все наше дело безнадежно, нет смысла задумы-

ваться о завтрашнем дне. Он может вообще не наступить.

* * *

Наконец они тронулись в путь. Спустились вниз по лестнице, которую Сэм потом отставил от люка и положил возле убитого орка. Факелы погасли, на ступенях, ведущих вниз, было темно, только плоскую крышу слегка освещало зарево Огненной горы, которая понемногу гасла, становясь тускло-багровой. На месте побоища хоббиты подобрали два щита и, завершив таким образом свою маскировку, пошли дальше по большой лестнице.

Им было страшно. Камера, где они встретились, казалась им хоть какой-то защитой, а теперь они были на открытом месте, где вдоль стен полз ужас. В башне Кирит Унгол были одни мертвецы, все молчало, но угроза, казалось, была растворена в воздухе.

Вот они подошли к двери, спустились по большим ступеням во двор и, еще не дойдя до ворот, почувствовали злые чары Стражей. Две молчащие черные фигуры по обе стороны ворот четко вырисовывались на фоне догорающего зарева. Каждый шаг между трупов, приближавший

хоббитов к выходу, давался все труднее, все тело болело, воля слабела. Наконец, даже не войдя под арку, они остановились. Продвижение дальше хотя бы на волосок требовало кошмарного напряжения.

У Фродо на эту борьбу сил не было. Он тихо опустился на камни.

— Я больше не могу, Сэм, — прошептал он. — Сейчас упаду. Не знаю, что со мной делается.

— А я знаю, — сказал Сэм. — Держаться надо. Это ворота. Из них идет колдовство. Но я уже входил через них, и сейчас мы выйдем. Это не может быть опаснее, чем пару часов назад. Идемте! Вперед!

И Сэм вынул из-за пазухи флакон Галадриэли.

Будто в награду за храбрость и твердость верной смуглой руки, совершившей столько славных дел, флакончик разгорелся сразу, осветив весь мрачный двор ослепительной долгой молнией.

— *Гилтониэль, А Элберет!* — крикнул Сэм, вдруг вспомнив, сам не зная, почему, как давным-давно в Хоббитшире эльфы песней отогнали Черного всадника.

— *Айя эленион Анкалима!* — подхватил Фродо. Воля Стражей лопнула, как лопается натянутая струна. Фродо и Сэм сначала пошли, потом побе-

жали. Бегом пронеслись мимо сидящих чудовищ. И тут раздался треск. Хоббиты еле успели проскочить ворота, как замковый камень раскололся, свод рухнул и рассыпался в щебень. Смерть чуть не задела беглецов. Ударил колокол. Стражи издали пронзительно высокий звук, из темноты клубящихся туч пришел ответ. С черного неба камнем упала вниз крылатая Тень, раздирая воздух криком.

Глава вторая. Страна тьмы

У Сэма хватило здравого смысла поскорее сунуть флакон под куртку.

— Бежим, хозяин! — закричал он. — Нет, не туда, там пропасть. За мной!

Хоббиты что было сил побежали по дороге от ворот. Через пятьдесят шагов дорога огибала торчащий утес, так что они оказались вне видимости из башни. На этот раз они спаслись и даже решили перевести дух, но стоило им остановиться, вжавшись в скалу, как они снова замерли: слетевший на стену у разрушенных ворот назгул слал в мир жуткие сигналы. Эхо раскатилось в горах.

В таком страхе, что ноги отказывались слушаться, друзья двинулись дальше. Новый резкий

поворот дороги на восток снова открыл вид на башню, значит, и с башни их могли увидеть. Перебегая незащищенный участок, хоббиты заметили над зубцами стен огромную черную тень. Потом справа и слева поднялись высокие скалы, дорога крутым желобом пошла вниз, к моргульскому тракту. Хоббиты дошли до пересечения дорог. Пока им не встретилось никаких следов орков, на крик назгула никто не ответил. Но они знали, что тишина долго не продлится, и в любой момент на них может начаться охота.

— Мы делаем ошибку, Сэм, — сказал Фродо. — Будь мы и вправду орками, мы бы не удирали от башни, а спешили к ней. Первый же встреченный враг догадается, кто мы. Надо сойти с дороги.

— А как? — спросил Сэм. — Крыльев у нас нет.

* * *

С востока горы Тени Эфел Дуат почти отвесно обрывались голыми скалами в черный провал, отделявший основной хребет от Моргайи, параллельной ему внутренней горной цепи. Вскоре после пересечения дорог показался узкий каменный мост, перекинутый через бездну. За мостом начинались грозные зубцы и расселины Моргайи. Фродо с Сэмом в бесстрашном отчаянии

вступили на мост.

Башня Кирит Унгол была уже далеко позади и сбоку. Хмуро отсвечивали каменные стены. Вдруг резко ударил колокол, хриплое эхо повторило звон, где-то в камнях ему в ответ заиграли рога, и прямо за мостом раздались крики и вой.

Пропасть с мостом тонула в темноте, свет от гаснущего Ородруина сюда не доходил, и хоббиты ничего не могли разглядеть перед собой, но ясно различили стук тяжелых сапог, звон подков, отбивающих спешный ритм на каменной дороге.

— Давай скорее прыгать! — закричал Фродо.

Хоббиты перелезли через низкий парапет и, к счастью, обнаружили, что под ними уже не пропасть. Мост кончался, склон Моргайи в этом месте подходил почти к уровню дороги. Край его был виден, но дальше все было во тьме, так что прыгать пришлось наугад.

— Я пошел! — откликнулся Сэм. — Прощайте, хозяин!

И прыгнул первым. Фродо — за ним. Еще падая, они услышали гром копыт на мосту и топот пеших орков. И тут Сэм чуть не расхохотался, несмотря на страх. На такое везенье они не надеялись. Рискуя сломать шею на камнях, пролетев десяток локтей, хоббиты упали в густой колючий

кустарник. Сэм лежал, посасывая оцарапанную руку.

Через некоторое время, когда копыта отгрохотали и гул шагов отдалился, он зашептал:

— Ну и ну, хозяин! Никогда бы не подумал, что в Мордоре что-то растет. Если бы мы нарочно примерились, и то не прыгнули бы лучше; только колючки здесь, наверное, в локоть длиной, все, что на мне, насквозь порвали. Жаль, что я у них кольчугой не обзавелся.

— От таких колючек она не спасает, — ответил Фродо. — Мне даже кожаную куртку проткнули.

Друзья с трудом выбрались из кустов. Колючки и узловатые ветки были твердыми, как проволока, и вцеплялись в одежду, словно когти. Хоббиты в полосы разорвали плащи, пока из них выцарапались.

— Идем вниз, — шепнул Фродо. — Сначала побыстрее с гор в долину, потом на север, сколько сил хватит.

* * *

В светлом мире вставал новый день, и где-то за мордорской Тьмой над восточным краем Средиземья поднималось солнце, но здесь царила ночь. Роковая гора дымилась, ее огонь ушел вглубь.

Красноватый отсвет на утесах погас. Восточный ветер, дувший неустанно с тех пор, как хоббиты ушли из Итилиэна, теперь стих. Медленно, с трудом путники спускались с горы — где в полный рост, где на четвереньках. Цепляясь руками за камни, путаясь в колючках, спотыкаясь, разыскивая на ощупь проходы между камнями, теряя силы.

Наконец, мокрые от пота, оба сели, прислонившись спинами к последнему камню на склоне.

— Теперь, если бы сам Шаграт дал мне напиться, я бы спасибо сказал, — вздохнул Сэм.

— Не говори о воде, — отозвался Фродо. — От этого только больше пить хочется.

Он опустился на землю под камнем, вытянул ноги и довольно долго молчал. Потом с трудом встал и с удивлением обнаружил, что Сэм спит.

— Сэмми, проснись, дружок, — окликнул его Фродо. — Вставай, пора дальше идти.

Сэм тяжело поднялся.

— Подумаешь! — ответил он, протирая глаза. — Я же только вздремнул. Да и правду сказать, я уже давно не спал как следует, глаза сами закрылись.

* * *

Теперь впереди шел Фродо, стараясь двигаться как можно точнее к северу. Идти между камней и обломков, густо устилающих дно широкого ущелья, было трудно. Вдруг Фродо остановился.

— Не могу больше, — сказал он. — Кольчуга давит, не выдерживаю. Ослаб я, сил нет. Даже свою мифриловую кольчужку мне в последнее время было тяжело носить, а эту совсем не могу. Да и зачем она? Победы в бою ожидать нечего.

— Но можно ожидать, что бой будет, — сказал Сэм. — А кинжалы, а случайные стрелы? И подлец Голлум где-то бродит по свету. Как я могу быть спокоен, если от злодейского удара в темноте вас ничто не защитит, кроме тонкой кожи?

— Да пойми же ты, друг мой, что я устал, — ответил Фродо. — Я измучился, надежды нет, только долг остался. Пока могу двигаться, буду ползти к горе. Хватит с меня тяжести Кольца. Любое другое бремя меня просто убьет. Надо все лишнее сбросить. Не думай, что я неблагодарный. Я без дрожи не могу вспомнить, что тебе пришлось проделать, чтобы добыть для меня эти вещи с грязных трупов.

— Да не надо об этом, хозяин! Если бы можно

было, я бы вас на себе понес. Ладно, снимайте, коли так!

Фродо скинул плащ, снял кольчугу и отбросил ее подальше. Он слегка дрожал.

— Сейчас бы чего-нибудь согревающего, — проговорил он, — здесь похолодало или я простудился.

— Возьмите мой плащ, — предложил Сэм, развязывая мешок и вынимая эльфийский плащ. — Нравится? Орчьи лохмотья можно стянуть поясом, а этот плащик накинуть сверху. Не очень он подходит к орчьей форме, но он вас согреет, и будем надеяться, что от беды охранит не хуже оружия. Ведь его выткала Владычица.

Фродо завернулся в плащ и застегнул его эльфийским листиком.

— Теперь лучше, — сказал он. — И легче. Могу идти. Но эта слепая Тьма добирается до сердца. В тюрьме я пробовал вспоминать Брендидуин, Лесной Предел, речку с мельницей в Хоббиттауне. А сейчас не могу их мысленно увидеть.

— Ну, а теперь кто про воду заговорил? — спросил Сэм. — Если бы нас могла видеть или слышать Галадриэль, я бы сказал: «Госпожа! Ничего не прошу, только воды и света, чистой воды и обычного дневного света, они ценнее всех драгоценностей,

простите меня за такие слова!» Но, увы! Лориэн отсюда так далеко!

Сэм вздохнул и махнул рукой в сторону хребта Эфел Дуат. Горы Тени на фоне темного неба были черней, чем оно само.

* * *

Хоббиты снова двинулись в путь. Вскоре, однако, Фродо опять остановился.

— Где-то над нами Черный всадник, — сказал он. — Я его чувствую. Давай минутку переждем.

Они сели, съежившись, под большим камнем и довольно долго сидели молча, глядя на запад, где уже ничего не было видно. Потом Фродо с облегчением вздохнул.

— Улетел! — прошептал он.

Друзья встали и с удивлением подняли головы. Слева от них, на юге, небо вдруг посерело, и на его фоне стали различимы горы. Становилось светлей. Дневной свет постепенно распространялся с юга на север. Где-то высоко в пространстве свет боролся с тенью. Клубящиеся мордорские тучи отступали, их края рвал ветер, который дул из живого мира, загоняя дымы и зловредные испарения в глубь страны Мрака. Хмурый полог Тьмы медленно поднимался, и под ним, как бледное

утро сквозь мутное тюремное окно, в Мордор просачивался тусклый свет.

— Видите, хозяин? — спросил Сэм. — Видите? Ветер изменился. Что-то случилось. Не все подчиняется приказу Врага. Мрак над миром расходится. Если бы знать, что там делается!

Было утро пятнадцатого марта. Поднимаясь над мордорской Тьмой, над долиной Великой реки вставало солнце, ветер дул с юго-запада. На полях Пеленнора умирал король Феоден.

Полоса света на глазах хоббитов протянулась над всей линией хребта Эфел Дуат. Вдруг они увидели в небе нечто, летящее с запада: сначала всего лишь черная точка над горами, потом точка выросла, камнем ударила в клубящуюся тучу, пролетела высоко над головами путников, на лету издав долгий пронзительный крик, крик назгула, но в нем не было убийственной силы, он звучал жалобно и отчаянно, посылая в Черную Башню плохие вести. Вождь назгулов встретил роковой конец.

— Я же говорил! — воскликнул Сэм. — Там что-то произошло. Шаграт уверял, что войну они ведут с успехом, но у Горбага были какие-то сомнения. Значит, он был прав, им счастье изменяет. Ну что, хозяин, появляется надежда?

— Совсем слабая, — вздохнул Фродо. — Может, что-то хорошее случилось, но это так далеко за горами. Мы идем не на запад, а на восток. И я страшно устал. Кольцо очень тяжелое, Сэм. Я его теперь все время мысленно вижу, как большой огненный круг.

Радость Сэма погасла. Он с тревогой посмотрел на хозяина и взял его за руку.

— Выше голову, господин Фродо! — сказал он. — Я хотел две вещи, одна уже есть — капля света. Нам хватит, чтобы легче было идти, но и опасности теперь больше. Давайте еще немножко пройдем, а потом ляжем рядом и отдохнем. Вот съешьте кусочек эльфийской лепешки, и сил у вас прибавится.

* * *

Друзья поделили пополам кусок лембаса, с трудом разжевав, протолкнули в пересохшие глотки и потащились дальше. Было не светлей, чем в сумерках, но все-таки они смогли разглядеть глубокое ущелье между горами, по которому шли. Оно полого поднималось к северу, его дно было ложем высохшего ручья, рядом с которым под западным обрывом бежала, извиваясь, горная тропа. Если бы хоббиты знали о ней раньше, то

могли бы скорее на нее выйти, ибо она отходила от Моргульского тракта еще перед началом моста, где спускалась вниз вырубленными в скалах ступенями. Этой тропой пользовались сторожевые отряды и гонцы, когда надо было спешить в мелкие укрепления и сторожевые посты, расположенные к северу от перевала Кирит Унгол между ним и Железной Пастью, ущельем Карах Ангрен.

Хоббиты на этой тропе подвергались гибельному риску, но надо было спешить, и Фродо боялся, что у него не хватит сил на трудные подъемы и спуски в диких скалах по бездорожью Моргайи. Кроме того, он думал, что преследователи будут их искать не на этом направлении. Тропа вела на север, а погоня, наверное, пойдет на восток или на западный перевал. Поэтому было решено сначала продвинуться подальше к северу, а уж потом найти дорогу на восток и начать последний этап безнадежного похода. Так что хоббиты пересекли сухое русло и некоторое время шли по орчьей тропе. Нависшие с левой стороны ущелья скалы закрывали путников от случайных взглядов сверху, но дорога часто петляла между камней, и перед каждым поворотом они сжимали руки на рукоятях мечей и замирали.

День яснее не становился, над Ородруином по-прежнему клубился густой дым, поднимался вверх и там лежал тяжелой серой кровлей на мрачном темном столбе. Прошел час, а может, больше, когда неожиданный звук заставил их остановиться. Невероятно, но слух их не обманывал. Рядом журчала вода.

Она тонкой струйкой сочилась из узкой трещины, словно прорубленной топором тролля, капала на камни, стекала на тропу, пересекала ее и пропадала средь мертвых камней. Кто знает — может быть, это были последние капли живительного дождя с солнечных морей, случайно занесенного ветром в страну Тьмы и погибшего здесь, в камнях и пепле.

Сэм подбежал к воде.

— Если я еще встречу госпожу Галадриэль, я ей все расскажу! Свет, а теперь вода! — воскликнул он и вдруг запнулся. — Чур, я первый пью, господин Фродо!

— Места хватит и на двоих, — удивился Фродо.

— Не в этом дело, — ответил Сэм. — Вдруг здесь отрава или еще что-нибудь не так. Надо проверить, пусть лучше мне будет хуже, хозяин, поймите!

— Понимаю. Но давай поверим в удачу или в

дар и попробуем вместе. Смотри только, горло не застуди, она может быть холодной.

Вода оказалась прохладной, но не ледяной, на вкус неприятно горьковатой и маслянистой, в Хоббитшире такую пить не стали бы. Но здесь хоббиты пили-пили и не могли нахвалиться. Утолив жажду, наполнили флягу Сэма. Фродо почувствовал себя гораздо лучше и смог пройти еще несколько миль без отдыха.

Дальше тропа вдруг расширилась, и над ней на обрыве показалось начало грубо выложенной каменной кладки — по-видимому, близко были орчьи укрепления.

— Пора сходить с дороги! — сказал Фродо. — Идем к востоку. — Он вздохнул, поглядев на острые скалы. — Сил мне хватит, чтобы немного подняться вверх и поискать укрытие. Потом будем отдыхать.

* * *

Тропа в этом месте проходила над высохшим руслом. Надо было перейти через него, и хоббиты начали спускаться. С удивлением увидели темные лужи, натекшие из неведомого источника, откуда-то сверху. Заметили сухие травы и кривые кусты, цеплявшиеся за жизнь. Значит, окраина

Мордора была не совсем мертвой: скорее, умирающей.

В ущельях Моргайи были и деревья, низкие, изломанные, с ползучими ветвями; серая трава росла пучками между камней, бока которых покрывал сухой мох; кусты щетинились колючками. Колючки были не только прямые и острые, как кинжалы, но и кривые, как крючки; лохмотья прошлогодних скрученных листьев хрустели и шелестели; начинали лопаться новые почки, уже полусъеденные червями; вокруг вились серые, черные и буроватые мухи, отмеченные, как и орки, красным пятном, похожим на Глаз. Они противно жужжали и больно кусались. Над самым густым кустарником стояли облака гнуса.

— Орчья одежда от них не спасает, — приговаривал Сэм, отмахиваясь и прикрываясь рукой. — Мне бы орчью кожу потолще!

Когда Фродо вконец обессилел, они забрались уже довольно далеко и высоко по ущелью, но чтобы окончательно выбраться из гор, предстоял долгий и трудный путь. Вокруг было пусто и почти голо. Даже жалкие кусты остались внизу.

— Мне надо отдохнуть, Сэм, и поспать, если смогу, — сказал Фродо. — Я совсем выдохся.

Он огляделся, но рядом не оказалось даже ямки,

чтобы спрятаться. С трудом удалось пристроиться под колючими плетями ежевики, свисавшими с низкого скального уступа. Сидя под ним, хоббиты подкрепились чем смогли. Решив приберечь драгоценные остатки лембасов на конец пути, они съели половину того, что осталось в мешке Сэма от провианта, выделенного Фарамиром: горсточку сушеных фруктов и крохотный кусочек копченого мяса. Запивали водой. Они еще пили по дороге, уже из луж, но все время чувствовали жажду. Горьковатый мордорский воздух сушил горло. От мыслей о воде к Сэму подкрадывалось отчаяние. После Моргайи предстояло еще пройти страшное сухое плато Горгорот.

— Поспите первым, господин Фродо. — сказал Сэм. — Что-то опять темнеет. Наверное, это вечер.

Фродо глубоко вздохнул и уснул раньше, чем Сэм произнес последнее слово. Верный слуга изо всех сил старался побороть желание немедленно заснуть рядом с хозяином и держал его за руку. Так он просидел довольно долго. Стало совсем темно. Глаза слипались. Чтобы прогнать сон, Сэм потихоньку выполз из-под колючек и попробовал оглядеться и прислушаться. Увидеть он ничего не смог, вокруг раздавались какие-то шелесты, хру-

сты и скрипы, но ни шагов, ни голосов слышно не было. Далеко на западе за хребтом Эфел Дуат небо было серым, а не черным, и в той стороне высоко над горными вершинами из разорванных туч выглянула ненадолго белая звезда. Маленькому хоббиту, затерянному в проклятой вражеской стране, она показалась необыкновенно красивой и вселила надежду в отчаявшееся сердце. Звезда словно тронула его светлым прохладным лучом, и он вдруг подумал, что как бы там ни было, а Тьма не вечна, она не такая уж большая, она пройдет, раз всегда есть свет и недосягаемая красота.

В башне на перевале Кирит Унгол Сэм пел без надежды, но с вызовом. Тогда он думал о себе. А сейчас на какое-то мгновение он перестал думать не только о своей судьбе, но и о судьбе любимого хозяина. И он спокойно вернулся к нему под колючки, пристроился рядом и безмятежно заснул глубоким сном, ничего не боясь.

* * *

Проснулись они одновременно, держась за руки. Сэм был почти бодр, готов к трудам нового дня, Фродо вздыхал. Ночь он провел неспокойно, ему снился огонь, пробуждение ничего хорошего

не сулило. Но все-таки сон укрепляет, и сил у него прибавилось, так что он снова мог нести свою ношу.

Хоббиты не знали, сколько они проспали, и понятия не имели, что сейчас — утро, день или вечер. Они пожевали крошек, сделали по глотку воды и пошли дальше. Конец ущелья привел их на крутую осыпь — на гребне Моргайи не было уже ничего живого, ни кустов, ни травы. Камни ползли из-под ног, голые камни торчали по сторонам.

С трудом преодолев последние сто шагов подъема, опять цепляясь руками за камни, Сэм и Фродо оказались в щели между двумя острыми черными вершинами, а дойдя до конца этой щели, встали на краю последнего заслона перед Мордором. Впереди, начинаясь тысячи на полторы локтей ниже, тянулась до самого горизонта и терялась в бесформенной мгле внутренняя равнина. Ветер сейчас дул с запада, огромные тучи, гонимые им, уходили на восток, но над Горгоротом держались мутные серые сумерки, стелились дымы, из глубоких трещин бил пар, ползли туманы, собираясь в низинах и ямах.

Роковая гора открылась хоббитам во всем своем мрачном величии, но была далеко, не меньше

чем в сорока милях отсюда. Ее подножие тонуло в грудах пепла, огромный конус поднимался к небу, вершину окутывало облако дыма и пара. Огонь на время успокоился. Гора тлела внутри, грозная и коварная, как спящий зверь. За ней, на отроге Пепельных гор Эред Литтох, в бурой мгле грозовой тучей выделялась тень вокруг Черного Замка крепости Барад Дур.

Властелин Тьмы пребывал в раздумьях и сомнениях; он отвратил всевидящий Глаз от окружающих событий, пытаясь разобраться в загадочных и опасных новостях, сосредоточил взгляд и мысли на видении сверкающего меча и сурового королевского лика. Все в мордорской твердыне, все ее бесчисленные башни и ворота погрузились в сон и мрак.

Фродо и Сэм смотрели на проклятый край с удивлением и страхом. На всей опаленной и искореженной земле от Моргайи до Роковой горы и дальше на север и юг, сколько доставал взгляд, не было никакой растительности — одни руины, пепел и дым. Хоббиты невольно задали себе вопрос, как Властелин этой мертвой страны содержит и кормит бесчисленных рабов и армию? Армия его была огромна. Вдоль Моргайи и дальше на юг стояли войска, некоторые в палаточных лагерях,

другие в более надежных строениях — военных городках. Самый большой из них, всего на милю удаленный от горной стены, находился прямо под ними и был похож на гнездо черных оводов, которые роились на одинаковых улицах между однообразными постройками. Дома-казармы были низкие и длинные. Вокруг городка шло оживленное движение. Широкая дорога вела оттуда на юго-восток, к Моргульскому тракту, и по ней ползли щетинившиеся копьями отряды.

— Очень мне все это не нравится, — сказал Сэм. — По-видимому, дело наше безнадежное. Одно утешение, что там, где столько войска, должны быть родники и колодцы, и уж, конечно, есть еда. Если меня зрение не обманывает, там внизу не орки, а люди.

Ни Сэм, ни Фродо ничего не знали о возделанных рабами полях, раскинувшихся далеко от дымов Ородруина вокруг темноводного моря Нурн к югу отсюда, не имели понятия о покоренных южных и восточных странах, из которых в Мордор шли караваны с добычей и товарами, а главное, со свежими рабами. Здесь, в северных провинциях Мордора, были копи, каменоломни, шахты и кузницы. Здесь полки обучались для участия в давно готовившейся войне. Здесь

Черный Властелин, передвигая свои армии, как пешки на огромной доске, собирал силы для большого удара. Пробные вылазки как на севере, так и по всей западной линии и на юго-западных границах, наткнулись на решительный отпор. Враг временно отступил и продолжал стягивать войска на Кирит Горгор, чтобы отсюда бросить их снова в бой. Даже если бы он задался специальной целью преградить доступ к Огненной горе, лучше ничего нельзя было придумать.

— Да-а, еда там есть, и питья, наверное, довольно, только не про нас, — добавил Сэм, помолчав. — В этом месте мы даже спуститься не сможем. А если чудом спустимся незамеченными, уж через поле, где кишат враги, никак не пройдем.

— Но попытаться надо, — ответил Фродо. — Могло быть еще хуже. У меня с самого начала не было особых надежд, не верил я, что мы сможем благополучно пробраться к Горе, и сейчас не верю. Просто я должен делать все, что в моих силах. Сейчас самое важное — как можно дольше не попадаться им в лапы. Значит, надо еще пройти немного на север и поискать место, где долина сужается.

— Там, где она сужается, орков и людей должно

быть больше, — возразил Сэм. — Вот увидите, господин Фродо.

— Увижу, если дойдем, — заключил Фродо и сделал шаг на север.

* * *

Очень скоро друзья убедились, что идти по хребту Моргайи невозможно, по верху вообще дороги нет. В конце концов пришлось вернуться в то самое ущелье, по которому они пришли сюда. Теперь они боялись даже выйти назад на тропу под западным склоном и с трудом брели по неровным камням. Примерно через милю увидели небольшую крепость: каменную стену, несколько низких каменных жилищ, черный вход в пещеру. Никакого движения они там не заметили, но все равно со страхом и величайшей осторожностью проползли мимо крепости под колючими кустами, которые росли по обеим сторонам высохшего ручья.

Еще через пару миль, когда крепость давно скрылась из виду и они решили, что можно вздохнуть свободней, до их слуха донеслись неприятные хриплые орчьи голоса, которые быстро приближались. Оба хоббита мигом нырнули в бурые карликовые заросли терновника.

Вскоре показались два орка. Один — в ободранной коричневой куртке, с луком из рога, по всем повадкам и виду наверняка следопыт, низкорослый, смуглый, с раскосыми глазами и широко раздувающимися ноздрями. Другой был выше и шире в плечах, со знаком Глаза на шлеме, как у солдат Шаграта. У него тоже за спиной висел лук, в руке он держал короткое копье с плоским наконечником. Они ссорились на ходу, а так как были из разных племен, объяснялись на искалеченном всеобщем языке.

Не дойдя шагов двадцать до того места, где прятались хоббиты, меньший орк вдруг остановился.

— Хватит, пошли домой! — буркнул он, махнув рукой в сторону крепости. — Надоело носом камни тереть. Я тебе говорю, что след кончился. Все из-за тебя, я тебе сразу сказал, след ведет в гору, а ты меня потащил вниз, на дорогу. Я был прав, вверх они лезли.

— От таких охотничков, как ты, все равно толку мало, — оборвал его второй. — Мои глаза надежнее, чем ваши сопливые нюхала.

— Ну, вылупил ты глаза, а что высмотрел? — возразил первый. — Ты даже не знаешь, кого ищешь.

— Я, что ль, виноват? — огрызнулся солдат. — Мне начальники путаный приказ дали. Сначала говорили о большом эльфе в блестящем вооружении, потом о каком-то карлике, а под конец о банде взбунтовавшихся урук-хай, или обо всех сразу.

— Начальники головы потеряли, вот что, — сказал следопыт. — Могут и совсем без них остаться, если не врут слухи. Говорят, что враги пробрались в башню на перевале, сотни ваших там погибли, а пленник удрал. Если вы так же ведете себя в бою, неудивительно, что участились плохие вести.

— Кто разносит плохие вести? — зарычал боевой орк.

— А кто слышал хоть одну хорошую?

— Бунтовские сплетни! Кончай слюни пускать, а то ножом получишь! Понял?

— Понял, понял. Я молчу, но думать ты мне не запретишь. Интересно, при чем здесь тот бормотала, который лапами шлепает и жрет, как прорва?

— Не знаю. Может, ни при чем. Но что-то он тоже замышляет, лезет, куда не надо. Чтоб он сдох! Только умотал куда-то, как пришел приказ найти его и взять живьем, да поскорее.

— Надеюсь, что его поймают, и он свое полу-

чит! — заворчал следопыт. — Это он следы спутал, надел кольчугу, которую те бросили, и все место истоптал.

— Кольчуга его спасла, — отозвался боевой орк. — Я не знал о приказе брать его живым и шагов с пятидесяти выстрелил ему в спину, а он не упал и побежал дальше.

— Просто ты промахнулся. Сначала стреляешь куда попало, потом догнать не можешь, а в конце концов зовешь на помощь следопытов. Сыт я по горло.

С этими словами следопыт повернулся и побежал обратно.

— А ну, вернись! — завопил боевой орк. — Вот доложу куда следует!

— Кому? Своему славному Шаграту? Он больше не командует.

— Сообщу твое имя и номер назгулам, — ответил боец, понижая голос до свистящего шепота. — Теперь в крепости командует один из *них!*

Меньший орк приостановился. Голос у него задрожал от злости и страха.

— Доносчик, подлец, изменник! — закричал он. — Дело делать не умеешь, а такой подлый, что своих продашь ни за грош. Иди, иди к тем каркалам, пусть они тебе заморозят кровь в жи-

лах, пока сами живы. Говорят, самого главного из них уже прикончили, если не врут. Надеюсь, что так и есть.

Рослый орк погнался за ним с копьем в руке. Но следопыт нырнул за камень, молниеносно поднял лук и пустил стрелу прямо в глаз преследователю. Тот тяжело рухнул на землю, а удачливый стрелок быстро исчез в глубине ущелья.

* * *

Некоторое время хоббиты сидели в оцепенении. Сэм очнулся первым.

— Вот повезло, — сказал он. — Если в Мордоре все так крепко дружат, нам будет вдвое легче.

— Молчи, Сэм! — прошептал Фродо. — Рядом могут быть и другие. Нас чуть-чуть не схватили. Оказывается, погоня ближе, чем мы думали. Ты прав, Сэм, раздор — это *дух* Мордора, он проникает в самые отдаленные углы. Если верить рассказам, орки всегда такие, даже когда живут одним племенем. Только нам от этого не легче. В ненависти ко всем чужим они едины, и эта ненависть в них сильнее всего. Если бы эти двое нас заметили, они бы помирились и нас убили.

Оба опять надолго замолчали. Прервал молчание снова Сэм, на этот раз шепотом.

— Господин Фродо, вы слышали, как они говорили про «*бормоталу, который лапами шлепает*»? Помните, я вам сказал, что Голлум удрал и остался живой?

— Помню. Я тоже догадался, что речь шла о нем, — ответил Фродо. — Нам лучше до вечера отсюда не вылезать. Пока еще светло, давай посидим, и ты мне наконец как следует, расскажешь обо всем, что произошло, пока я был в плену, и все, что знаешь о Голлуме. Только не шуми, пожалуйста!

— Постараюсь, — согласился Сэм. — Хотя, как вспомню этого вонючку, мне кровь ударяет в голову и охота выругаться громко.

Они уселись поудобнее и стали терпеливо ждать, когда мутный свет дня сменится черной беззвездной мордорской ночью. Тем временем Сэм на ухо Фродо рассказал все, что смог, о злодейском нападении Голлума, о страшной Шелобе и о своих приключениях в ее пещере и с орками. Когда он закончил рассказ, Фродо, не найдя слов, лишь благодарно посмотрел ему в глаза и крепко сжал руку.

Наступила ночь. Фродо встал и сказал:

— Теперь, наверное, пора. Интересно, долго ли нам удастся пробыть незамеченными и когда

кончится прятанье и ползанье? Какая же это мука, да еще, может быть, зря! Как здесь темно. И нельзя вынуть флакон Галадриэли. Пусть он пока будет у тебя, Сэм. Мне его некуда спрятать, разве что держать в кулаке, а руки нужны, чтобы щупать дорогу. Жало я тебе дарю. У меня есть орчий клинок, но я думаю, что за оружие больше не возьмусь.

* * *

Идти ночью без дороги было невероятно трудно и опасно, но хоббиты, спотыкаясь и натыкаясь на камни, медленно брели час за часом, все дальше на север, по восточному склону каменистого ущелья. Когда западные вершины осветились поздним бледно-серым рассветом, часа через два после наступления дня в соседних странах, путники снова затаились под кустами и поспали по очереди до наступления вечера. Пока был его черед бодрствовать, Сэм думал о еде. Когда Фродо проснулся и заявил, что не мешало бы перекусить и приготовиться к дальнейшим трудам, Сэм задал ему давно наболевший вопрос:

— Вы меня, конечно, простите, но, господин Фродо, вы хоть имеете понятие, сколько нам еще идти?

— Весьма приблизительное, Сэм, — ответил Фродо. — Когда мы собирались в Поход, мне в Райвенделе показывали карту Мордора, нарисованную еще до возвращения Властелина Тьмы. Я ее не очень хорошо запомнил, но на ней было одно место, где сходятся горные хребты, западный с северным. Их отроги почти встречаются, как длинные языки. Это примерно в двадцати гонах от восточного перевала и моста. Лучше всего попробовать свернуть на плато именно там. Конечно, это нас не приблизит к Роковой горе, мы от нее окажемся милях в шестидесяти. По-моему, мы отошли от моста гонов на двенадцать. Даже если все сложится удачно, не меньше недели проходим. Боюсь, что ноша моя станет еще тяжелее, тогда чем ближе к цели, тем я буду идти медленнее.

Сэм вздохнул.

— Именно этого я и боялся. У нас ведь почти не осталось запасов, не говоря уже о воде. Еще раз перекусить — и переходим на последние крохи эльфийских сухарей. Надо или идти быстрее, или есть меньше, во всяком случае, пока идем по долине.

— Я постараюсь идти немножко быстрее, — сказал Фродо, набирая воздуху в легкие. — Пошли!

Сделаем еще один переход!

И они пошли, хотя еще не полностью стемнело. И шли всю ночь. Проходили часы, а хоббиты терпеливо пробирались вперед, только изредка позволяя себе короткие привалы. При первом тускло-сером луче рассвета на краю неба путники снова залезли в укрытие. На этот раз их приютила небольшая пещерка под скальным выступом.

День наступал медленно, но был светлее, чем предыдущие. Сильный ветер с запада теперь выметал мордорские дымы из поднебесных просторов.

Наконец полуросткам открылся вид на несколько миль вокруг. Ущелье, отделявшее главную горную цепь от Моргайи, становилось все мельче и уже; дальше горы смыкались. Внутренний хребет превращался в уступы на крутом боку Эфел Дуат, которые почти отвесно обрывались на плато Горгорот. Впереди, где в камнях начиналось русло высохшего потока, к востоку вытягивался горный отрог, крутой, как крепостная стена, без единого признака растительности. Еле видный в тумане серый северный хребет Эред Литтох вытягивал ему навстречу такой же длинный отрог-стену, так что между ними двумя оставался узкий проход, Карах Ангрен, Железная

Пасть. В кольце скал между ней и Моранноном лежала глубокая долина Удун, где находились подземные оружейни, выстроенные рабами Мордора, и оборонные сооружения. Здесь, за Черными Вратами, Властелин Тьмы спешно собирал крупные силы для отпора войску Западных полководцев. На скалах высились башни, горели сторожевые костры, проход Карах Ангрен перекрывался земляным валом и глубоким рвом, через который был переброшен мост.

В крутой складке горного хребта мили на две севернее и значительно западнее Железной Пасти спорили с вершинами гор башни старинного замка Дуртханг, который теперь стал одной из опорных орчьих крепостей, стерегущих долину Удун. С того места, откуда смотрели хоббиты, уже была видна дорога, вьющаяся от стен замка вниз. В полутора милях от них эта дорога сворачивала к востоку, спускалась по каменным карнизам, как по ступеням, на плато, а затем шла к Железной Пасти.

Разглядев все это, оба хоббита поняли, что весь путь на север проделали зря. Мрачная, серая от пепла долина, над которой плыли полосы дыма, лежала справа; на ней не было заметно жизни, но ее надежно охраняли грозные укрепления

Карах Ангрен.

— Похоже, что мы зашли в тупик, Сэмми, — мрачно произнес Фродо. — Если идти дальше по горам, попадем прямо к оркам в крепость: вниз можно сойти только по дороге, идущей из этой же крепости. Там, откуда мы пришли, спуска на плато нет, и назад на запад мы через горы не пройдем.

— Значит, пойдем по дороге, господин Фродо, — сказал Сэм. — Придется рискнуть. Будем надеяться на удачу, если она вообще бывает в Мордоре! Дальше по горам бродить тоже нельзя, а возвращаться — это все равно, что сразу сдаться в плен. Еда у нас на исходе. Пошли вперед и чем скорее, тем лучше. Бегом можете?

— Нет, — ответил Фродо. — Бегом не могу. Ты веди, а я потащусь следом. Веди, пока у тебя есть надежда… У меня ее уже нет. Иди вперед.

— Ладно, — согласился Сэм. — Но даже для того чтобы, как вы говорите, тащиться, надо есть и спать. Давайте-ка понемногу и того, и другого.

Сэм отдал Фродо флягу с остатками воды и два сухарика вместо одного, потом свернул свой плащ и положил его под голову хозяину. Фродо не протестовал; он был так измучен, что даже не заметил, как выпил последнюю каплю воды и

съел вместе со своей порцией еды долю верного слуги.

Когда Фродо уснул, Сэм внимательно всмотрелся в его лицо. Похудевшее и бледное, оно, однако, было спокойным.

— Ну что ж, — прошептал Сэм, — пока хозяин спит и не боится, попробую сбегать вниз попытать счастья. Без воды мы никуда не дойдем.

Сэм вскочил и, по-хоббичьи осторожно перепрыгивая с камня на камень, чтобы оставлять поменьше следов, спустился в сухое русло ручья, затем стал подниматься вдоль по нему, в надежде отыскать место, где мог когда-то быть питающий русло источник. Это место он нашел, но оно оказалось сухим и мертвым. Не желая сдаваться, Сэм приложил ухо к камню и — о радость! — услышал приглушенное журчание. Он полез выше и нашел-таки тоненькую струйку темной воды, стекавшей в крошечную ямку, откуда она сливалась под камень и пропадала под землей.

Сэм попробовал воду, она оказалась неплохой. Хоббит напился, наполнил флягу и уже уходил от источника, как вдруг заметил метнувшуюся в камни темную тень в той стороне, где он оставил Фродо. Еле сдержав крик, Сэм одним скачком перемахнул через камень и помчался, что было сил,

к хозяину. Тень метнулась в сторону и скрылась, но Сэм успел узнать в ней того, на чьем горле он бы с удовольствием сдавил пальцы. Голова темной твари на мгновение показалась на краю одной из расселин и исчезла.

— Счастье мне не изменило, — буркнул Сэм. — Но и несчастье было совсем рядом. Мало нам того, что орки на пятки наступают, так еще эта вонючка рядом крутится. Чтоб он провалился! Жаль, что его не застрелили!

Сэм присел рядом с хозяином, но не стал его будить сразу, а сделал это только тогда, когда почувствовал, что сам засыпает. Ласково тронув Фродо за плечо, он сообщил ему об увиденном.

— Кажись, этот Голлум снова болтается поблизости, хозяин, — сказал он. — Если не он, так его двойник. Я воду искал и не успел отойти от источника, как его заметил. Он за нами следит. Нельзя нам теперь обоим спать, так что вы уж меня простите, хозяин, у меня совсем глаза слипаются, вы бы посторожили немножко, а?

— Сэм, милый мой Сэм, конечно, ложись и спи! — воскликнул Фродо. — Но это все же из двух зол меньшее: лучше Голлум, чем орки. Сейчас он нас не выдаст, разве что сам попадется им в лапы.

— Выдать не выдаст, а ограбить и придушить может, — пробурчал Сэм. — Надо не зевать. Вот полная фляга, пейте, сколько хотите. Когда пойдем дальше, я ее наполню.

С этими словами Сэм заснул.

* * *

Когда он проснулся, уже темнело. Фродо сидел, опершись спиной о камень, и сидя спал. Фляга была пуста. Голлума видно не было.

Темнело быстро, возвращался мордорский мрак. Последний, самый страшный этап Похода пришлось начинать в почти кромешной тьме, только сторожевые огни на вершинах горели зловещими багровыми факелами.

На ощупь добравшись до источника, хоббиты напились и набрали воды, потом осторожно спустились вниз, на дорогу, как раз в то место, где она сворачивала на восток в сторону Железной Пасти. До нее было миль двадцать. Дорога оказалась не очень широкой, и сбоку не было ни перил, ни парапета, хотя она шла по краю пропасти, которая становилась все глубже. Друзья внимательно прислушались и, не заметив ничего подозрительного, решительным шагом пошли на восток.

Миль через двенадцать остановились передохнуть. Здесь дорога огибала гору, слегка отклоняясь к северу. Поворот хоббиты уже прошли и что делается на пройденном участке не видели. Это их и подвело. Они отдыхали всего несколько минут, и едва двинувшись, различили в тишине звук, которого втайне ждали и страшились: топот приближающегося войска. Из-за поворота показался отблеск факелов. Враги шагали так быстро, что убегать от них было поздно, да и некуда.

— Этого я больше всего боялся, Сэм, — сказал Фродо. — Понадеялись на случай, а он нас подвел. Мы попались. — Он посмотрел на отвесную скальную стену, полускрытую мраком, потом подбежал к краю пропасти и, отшатнувшись, повторил: — Мы попались.

И он сел на камень и в отчаянии опустил голову на грудь.

— Похоже, что да, — произнес Сэм и сел рядом. — Остается ждать, что с нами будет.

Долго ждать не пришлось. Орки спешили. Солдаты в первых рядах несли зажженные факелы. Красные языки огня приближались, и Сэм тоже опустил голову в нелепой надежде, что так враги не увидят его лица, а оба щита он пристроил у колен, прикрывая обросшие шерсткой хоббичьи

ноги.

«Может, в спешке они не обратят внимания на двух уставших солдат и пройдут мимо», — думал он.

Вначале так оно и было. Первые солдаты прошли мимо них, запыхавшись, опустив головы, не глядя по сторонам. Это был отряд мелкорослых орков, которых против воли гнали на войну по приказу Черного Властелина. Они думали только о том, чтобы скорее кончился марш и как бы уклониться от бичей. Вдоль неровного строя метались два огромных орка из племени урук-хай, щелкая бичами и покрикивая. Ряд за рядом проходили мимо, страшные факелы были уже далеко, почти полколонны миновало, и Сэм опять начал было надеяться на свое счастье, как вдруг один из орков-погонщиков заметил две фигурки при дороге. Он замахнулся на них бичом и заорал:

— А ну, вставайте, ублюдки!

Хоббиты не ответили. Орк рявкнул и остановил колонну.

— Вставайте, шевелитесь, лентяи! Сейчас не время дрыхнуть! — Шагнув к ним, он разглядел гербы у них на щитах. — Дезертировать решили? Удрали? Все ваши со вчерашнего вечера должны быть в долине Удун, вам это известно. Встать в

строй! Быстро, а то передам ваши номера кому следует!

Сэм и Фродо, согнувшись, как смертельно уставшие солдаты, потащились в последний ряд.

— Не туда! — крикнул погонщик. — В третий ряд с конца! И не высовываться, не то вернусь и врежу!

Длинный бич свистнул у них над головами, потом щелкнул сбоку, раздался громкий окрик, боевой орк погнал колонну бегом.

От усталости даже Сэм еле выдерживал бешеный темп, что же было говорить о Фродо? Для него это было настоящим мучением. Он стиснул зубы, постарался выбросить из головы все мысли, кроме одной: не упасть. Его душил смрад, исходивший от потных орков, он чуть не терял сознание от жажды, с трудом набирал воздух в легкие и заставлял ноги двигаться, а урук-хай все гнали и гнали колонну. Хоббиты не смели даже думать о том, к какой страшной цели они спешат. Надежды на то, чтобы незаметно отстать, не было никакой. Погонщик то и дело подбегал к концу колонны и глумливо понукал их:

— Бегом! — орал он со смехом, хлеща бичом по ногам. — Под кнутом все бегут бегом! Вперед, выродки! Я бы вас лучше проучил, но вы и так

свое получите, когда опоздаете в лагерь. Вам там хорошо дадут! Вы что, не знаете, что идет война?

* * *

Так они пробежали несколько миль. Фродо терял последние силы, воля в нем слабела, а дорога пошла вниз к долине. Вдруг Фродо споткнулся и зашатался. Сэм поддержал его, не давая упасть, но что он мог сделать, когда его самого еле ноги держали? Он с ужасом подумал, что в любую минуту может наступить конец. Вдруг Фродо лишится чувств, упадет, выдаст себя — и весь трудный Поход кончится бедой. «Тогда я хоть с дубиной-погонщиком рассчитаюсь», — мелькнула у Сэма отчаянная мысль.

Его рука даже потянулась к рукояти меча. Но вдруг пришло неожиданное спасение.

Они были уже на плато и довольно близко от входа в Удун. Впереди перед воротами и мостом дорога с запада, по которой они шли, соединялась с другими, шедшими с юга и от Барад Дура. По всем этим дорогам двигались войска, ибо к Мораннону направлялась армия Западных вождей, и Властелин Тьмы сгонял свои силы туда же. Случилось так, что на перекрестке дорог в темноте столкнулись несколько отрядов. Раздались крики

и ругань, каждый хотел пройти первым и отталкивал остальных. Напрасно орали и размахивали бичами погонщики; орки уже дрались, некоторые хватались за мечи. Колонну, бегущую из крепости Дуртханг, смяли вооруженные до зубов боевые урук-хай из Барад Дура. Ряды солдат сломались и спутались под их мощным напором.

От боли во всем теле и кошмарной усталости Сэм еле соображал, но все же сумел воспользоваться моментом: он быстро кинулся на землю, увлекая за собой Фродо. Орки с проклятиями спотыкались о них и падали друг на друга, а хоббиты на четвереньках осторожно выбрались из кучи и незаметно отползли на край дороги. Здесь, чтобы не сбиться с пути ночью или в тумане, ее ограждала невысокая каменная кладка. Над долиной дорога была приподнята на несколько локтей.

Сначала друзья без движения лежали с краю под камнями. Было слишком темно, чтобы искать укрытие понадежней, да, вероятно, его и не было. Потом Сэм сообразил, что надо отползти еще дальше, за край, чтобы их случайно кто-нибудь не осветил факелом.

— Господин Фродо, очнитесь! — прошептал он. — Давайте еще немножко отползем, а там уж полежите!

Последним отчаянным усилием Фродо приподнялся на руках, преодолел бровку и прополз шагов двадцать. Потом провалился в неглубокую ямку, неожиданно оказавшуюся на пути, и остался в ней лежать, как мертвый.

Глава третья. Роковая гора

Сэм подложил рваное орчье тряпье под голову Фродо и укрылся с ним вместе серым эльфийским плащом. Когда он расправлял плащ, его мысли невольно полетели в прекрасный Лориэн к эльфам, на душе стало легче, вновь пробудилась надежда, и он подумал, что сотканный волшебными руками серебристый покров, наверное, сам волшебный и сумеет защитить путников даже в этом жутком крае.

Шум и крики постепенно стихали, по-видимому, полки орков прошли в Карах Ангрен. Похоже было, что в суматохе о двоих дезертирах просто забыли, во всяком случае, пока.

Сэм едва приложился к фляге, но хозяина напоил, как следует, и даже уговорил съесть целый лембас, когда Фродо чуточку пришел в себя. Воистину бесценным оказался эльфийский хлеб! Потом оба снова растянулись на земле. Они были

настолько измучены, что даже не чувствовали страха, но крепко заснуть им не удалось. Спали урывками, просыпались то от холода, то от боли, так как после страшной гонки на них живого места не осталось. Камни впивались в бока, зловеще шелестел холодный ветер, гоня песок от Черных Врат через Кирит Горгор.

Утром мрак сменился серыми сумерками, в высоком поднебесье еще дул ветер с запада, обрывая кромку тяжелой мглы, а внизу на угрюмом плато воздух был стылый, мертвый и душный одновременно. Сэм выглянул из ямы. Вокруг разлеглась плоская серо-бурая пустошь. На ближайшей дороге никакого движения заметно не было, но Сэм боялся зорких глаз стражей Железной Пасти, которая закрылась в четверти мили от них. На юго-востоке горизонт прикрывала огромная тень Огненной горы. Над ее вершиной клубился дым, часть его ветер сносил на восток, а часть скатывалась по западным склонам и расползалась над плато. В нескольких милях на северо-востоке хмурыми привидениями темнели серые предгорья Эред Литтох, за ними словно висели над дымами и туманами еще более темные зубчатые вершины.

Сэм пытался хоть примерно определить рассто-

яние и выбрать дорогу.

— Не меньше пятидесяти миль, — ворчал он, глядя на грозную Гору. — Это, если учесть, в каком состоянии мой бедный хозяин, неделя ходу.

Он мрачно покачал головой, в которую полезли черные мысли. Его храброе сердце никогда надолго не теряло надежды, и до сих пор он всегда загадывал вперед, думая об обратной дороге. Сейчас он ясно осознал горькую правду: съестных припасов едва хватит, чтобы дойти до цели. Потом, когда Дело будет сделано, они оба погибнут, голодные, бесприютные и одинокие в страшной пустыне, откуда нет возврата.

«Вот, значит, что было мне предназначено с самого начала, подумал он. — До конца помогать господину Фродо, а потом умереть вместе с ним. Ну что ж, дело есть дело, придется все выполнить. Только очень хочется еще разок увидеть родной дом, Старика, Рози Норкинс и ее братьев, Приречье, семейство Календулсов, всех соседей… Никак не могу поверить, чтобы Гэндальв отправил господина Фродо в такой поход, если бы не было надежды на возвращение. Хоть маленькая надежда, а должна быть. Все это дело приняло плохой оборот, когда Гэндальв провалился в Мории. Ах, как обидно. Он бы обязательно что-

нибудь придумал!»

Теперь, когда надежда окончательно угасла, или, во всяком случае, так казалось Сэму, в его душе родилось новое мужество. Его простодушное хоббичье лицо стало суровым, почти угрюмым. В нем появилось ожесточенное упорство и твердость, он даже задрожал от внутреннего напряжения, будто из мягкотелого хоббита превращался в новое существо из камня и стали, и теперь его не согнет ни отчаяние, ни усталость в бесконечном пути через пустыню.

Как-то по-новому оглядел он окружающую равнину, чтобы определить, куда направить следующие шаги. Еще немного рассвело, и Сэм, к великому удивлению, обнаружил, что плато вовсе не ровное, каким казалось издали, а все в ухабах, ямах, рытвинах, грудах мусора и битого камня. Будто это место было когда-то мягким, и великаны забавлялись на нем, месили грязь, швыряя и круша камни. Потом все застыло… По такому рельефу можно было смело передвигаться от ямы к яме, без риска быть обнаруженными. Правда, на это требовалось много времени и сил. Усталым путникам, у которых почти не осталось еды, это будет очень трудно.

Раздумывая таким образом, Сэм повернулся к

Фродо. Его будить не пришлось, он лежал с открытыми глазами, устремив их в хмурое небо.

— Прошу прощения, хозяин, — сказал Сэм. — Я тут немного осмотрелся и обдумал положение. На дорогах пока тихо, надо бы этим воспользоваться и двинуться вперед. Сможете?

— Смогу, — ответил Фродо. — Должен.

* * *

И они стали пробираться от ямы к яме, где ползком, где перебежками, прячась за камнями, стараясь не терять основного направления — вдоль северной горной цепи, чуть забирая к югу.

Параллельно их пути шла восточная дорога; куда она вела, видно не было, ибо ее продолжение терялось в тени предгорий, на ней было пусто. Движение мордорских армий уже почти прекратилось, и, кроме того, Властелин Мрака даже внутри своего государства по укоренившейся привычке предпочитал передвигать войска по ночам, опасаясь светлых ветров, которые раздирали и развеивали дымовые прикрытия. Саурона также беспокоили слухи о наглых шпионах, проникших в Мордор.

Протащившись так по пересеченной местности несколько трудных миль, хоббиты остановились.

Фродо совсем обессилел. Сэм понял, что таким способом, ползком и спотыкаясь, то и дело отклоняясь в стороны, они недалеко уйдут. Он объявил привал и, подумав, принял решение.

— Пока светло, давайте выйдем к дороге, господин Фродо, — сказал он. — Еще раз попытаем счастья. Удача подвела нас в последнем приключении, но все-таки мы живы. Несколько миль еще пройдем, тогда можно будет отдыхать долго.

Рисковали они, конечно, больше, чем даже Сэм предполагал, но Фродо, которого пригибала к земле Роковая ноша и измучила внутренняя борьба, безнадежно соглашался на все. Они еще попетляли между камней, потом вылезли на насыпь и пошли прямо по твердой, страшной дороге, ведущей в Черную Башню. Счастье, похоже, не собиралось их сразу покидать, потому что шли они так до вечера, не встретив живой души, а ночью их укрыла Тьма. Весь этот жуткий край словно затих перед бурей. Западные полководцы в это время уже миновали Перепутье и поджигали мертвящие дурман-цветы на страшных луговинах Имлад Моргул.

Отчаянный Поход продолжался. Кольцо удалялось на юго-восток, королевские знамена двигались к северу. С каждым днем, с каждой

милей усиливались страдания хоббитов. Силы у них таяли, местность становилась все более зловещей. Днем они врагов не встречали, а ночью, беспокойно засыпая в очередной яме подальше от дороги, иногда слышали крики и топот множества ног или стук копыт безжалостно подхлестываемого коня.

Страшнее всего были даже не дорожные опасности, а само место, к которому они приближались. Страшна была мощь Врага, погруженного в свои мысли, затаившегося во мраке в бессонной ночи за темной завесой, скрывшей его трон. Чем ближе к Барад Дуру они подходили, тем более черным казался им окутавший его мрак, как стена последней ночи на краю света.

Наконец наступил самый страшный вечер. В час, когда армия Западных полководцев дошла до края живой земли и вступила на мертвую пустошь, два путника пережили самое безнадежное отчаяние. Прошло четверо суток с тех пор, как они удрали от орков, и с каждым днем они будто все глубже входили в кошмарный сон. На четвертый день Фродо уже не откликался на зов Сэма, шел, согнувшись и спотыкаясь, не видя перед собой дороги. Сэм понимал, что из всех мук Фродо выпала горшая: тяжесть Кольца росла с

каждым шагом, становилась невыносимой для тела и рассудка. Верный слуга с тревогой замечал, как часто Фродо поднимает левую руку, словно защищается от удара или пытается заслониться от ищущего Всевидящего Глаза. Иногда правая рука Фродо сама по себе тянулась к Кольцу, но в последний момент медленно останавливалась, подчиняясь приказу воли, и бессильно падала.

Наступила ночь. Фродо сел на камень, уткнул голову в колени, а руки свесил к земле и замер, только пальцы у него слегка подрагивали. Сэм не спал и смотрел на него, пока мрак не сгустился в сплошную черноту, разделив их. У верного слуги уже не было слов утешения, он сидел, погрузившись в собственные невеселые мысли. Он тоже устал и трепетал от страха, но был не так изнурен, как Фродо. Спасибо лембасам: не будь их, оба хоббита давно уже погибли бы. Лембасы не насыщали досыта, и Сэм много раз с тоской вспоминал разную еду и мечтал об обычном хлебе и мясе, но в них была чудесная живительная сила, которая только возрастала, если другой еды не было. Эта сила как бы вливалась в тело и помогала выдерживать жестокие напряжения за пределами выносливости смертных.

Сейчас надо было принимать новое решение.

Идти дальше по этой дороге было нельзя, потому что она вела на восток, в самое сердце Тьмы, а Огненная гора теперь высилась правее, на юге от них, отделенная широким дымящимся простором засыпанной пеплом неровной местности.

— Воды бы… пить! — прошептал Сэм.

Он отказывал себе в каждом глотке, во рту у него пересохло, язык распух от жажды. Воды оставалось меньше половины фляги, впереди был еще день пути, а может, больше. Пока их спасало то, что они шли по дороге орков, возле которой, правда, на значительном расстоянии друг от друга, попадались резервуары с запасами воды для армии. В одном из них два дня назад Сэм наполнил флягу. Орки воду замутили, была она затхлая, но на крайний случай годилась. Теперь и этого не будет.

Совсем утомившись от мрачных мыслей, Сэм задремал, так ничего и не придумав на завтра. Спал он беспокойно, сон в разгоряченном мозгу мешался с явью. Он видел какие-то огоньки, словно жадные глаза, крадущиеся во тьме тени, слышал голоса; то ему казалось, что рядом дикие звери, то будто кто-то кричал в мучениях, но когда хоббит просыпался, никого не было, его окружали темень, пустота и тишина. Лишь один

раз, вскочив и вглядевшись во тьму, он был почти уверен, что увидел пару бледных глаз, которые тут же погасли.

Кошмарная ночь тянулась невыносимо долго, вместо рассвета опять наступил полумрак, ибо над Роковой горой всегда висели лохмотья Тени, края Тьмы, которой окутывался Саурон в Черном Замке. Фродо сполз с камня и лежал на спине совершенно неподвижно. Сэму очень не хотелось его будить, но он заставил себя это сделать, потому что понимал, что это необходимо. Он теперь был за старшего и должен был заставить волю Фродо сделать еще одно усилие. Он наклонился над хозяином, нежно погладил его лоб и зашептал:

— Господин Фродо, пора вставать! Идти пора!

Фродо вскинулся, будто его разбудил звонок, и сразу повернулся к югу. Но увидев Гору и безжизненную пустыню перед ней, сел и съежился.

— Не могу, Сэмми, — пожаловался он. — Не могу, слишком тяжело, я его сегодня не сдвину.

Сэм знал, что словами тут не поможешь, и чувствовал, что сейчас ляпнет, как всегда, лишнее и сделает хуже, но хозяина было так жалко, что он не выдержал:

— Дайте, я его немножко понесу, хозяин! Вы же

знаете, что я все сделаю, пока силы есть.

Глаза Фродо испуганно и зло сверкнули.

— Не подходи! Не прикасайся ко мне! — закричал он. — Это мое! Прочь руки! — Он даже схватился за меч, но вдруг глаза его стали грустными, а голос — ласковым. — Нет, нет, что ты, Сэм, я не сержусь, — сказал он тихо. — Постарайся понять. Это моя ноша, другому нельзя ее брать на себя. Уже поздно. Ты мне этим не поможешь, дружок. Я теперь в его власти, почти в его власти, и никому его не отдам, а если будешь отбирать, могу обезуметь.

Сэм покачал головой.

— Понимаю, — ответил он. — Но тогда можно избавиться от другого груза. Давайте выбросим все лишнее и пойдем прямо к цели, — он показал на Гору. — Зачем тащить туда то, что больше не понадобится?

Фродо тоже взглянул на Гору.

— Ты прав, — сказал он. — Нам теперь почти ничего не понадобится. А если туда дойдем, то и совсем ничего.

Фродо схватил орчий щит и отбросил подальше, а вслед за ним полетел шлем. Потом он снял плащ, расстегнул тяжелый пояс и дал ему упасть на землю вместе с мечом. Плащ Фродо порвал на

полосы и разбросал их в разные стороны.

— Не буду больше орком! — воскликнул он. — И пойду дальше без оружия, оно мне уже не нужно, ни хорошее, ни плохое. Убьют так убьют.

Сэм тут же последовал его примеру, сбросил орчье вооружение и вынул из мешка свои вещи. Они ему показались сейчас такими родными, что он никак не мог выпустить их из рук, особенно посуду. Наверное, потому что долго и с великими трудами нес. Слезы выступили у него на глазах при мысли, что надо выбросить котелок.

— Помните тушеную крольчатину, хозяин? — спросил он. — И склон на теплой горе, где мы встретили капитана Фарамира в тот день, когда я увидел олифана?

— Увы, Сэм, — ответил Фродо, — я сейчас ничего не помню. Вернее, знаю, что все это было, но глазами памяти не вижу ничего. Я все потерял: вкус еды, свежесть воды, шум ветра, образы деревьев, травы и цветов, свет звезд и месяца. Я сейчас одинок и наг, один во мраке, Сэм, передо мной огненный круг, и ничто нас больше не разделяет, это я вижу сейчас наяву, открытыми глазами, все остальное — во мгле.

Сэм взял его руки и поцеловал.

— Значит, надо еще быстрее идти, — сказал он

прерывающимся голосом. — Чем скорее освободимся от Него, тем скорее отдохнете, хозяин.

Это были единственные слова утешения, которые смог найти верный слуга.

«Болтовня тут не поможет, — подумал он и вдруг стал собирать разбросанные вещи, приговаривая про себя: — Нет, нельзя это все просто так бросать на открытом месте. Вонючка-то нашел кольчугу, не хватало, чтобы он еще меч нашел; он и с голыми лапами достаточно опасен. И мои кастрюльки ему трогать нечего!»

Сэм все подтащил к одной из глубоких трещин, которых тут было немало, и швырнул вниз. Похоронным звоном отдался в его ушах лязг драгоценных кастрюлек, исчезающих в черной бездне.

Потом Сэм вернулся к Фродо, отрезал кусок эльфийской веревки и опоясал ею своего хозяина поверх серебристого плаща. Остальную веревку он старательно свернул и спрятал назад в мешок. Кроме веревки, он оставил себе только последние раскрошенные лембасы, флягу и Жало у пояса, а в глубоком кармане за пазухой — флакон Галадриэли и маленькую шкатулочку, которую она ему подарила.

* * *

Наконец они смогли двинуться в путь и, повернувшись лицом к Горе, пошли по бездорожью, борясь с усталостью, движимые слабеющей волей, ни о чем больше не думая, ни от кого не прячась. Да и трудно было бы обнаружить их в этом мрачном полутемном краю. Из всех прислужников Саурона одни назгулы могли бы осведомить его об опасности в лице двух маленьких, измученных, но не сломленных существ, упрямо пробиравшихся в самое сердце его укрепленных владений. Но назгулы на своих черных крыльях летали далеко отсюда. Они несли другую службу: следили за продвижением Западных армий к воротам Мордора, ибо в ту сторону сейчас была направлена мысль Черного Властелина.

В тот день Сэму показалось, что Фродо ожил, и он очень удивился, потому что снял с него только малую часть ноши. Шли они гораздо быстрей, чем Сэм предполагал. Путь был трудный и неровный, но Гора явно приближалась. Наконец мутный свет дня стал сменяться ночной тьмой, и Фродо снова ссутулился, начал чаще спотыкаться и пошатывался, будто в последнем рывке потерял остаток сил.

Когда хоббиты остановились на отдых, он опустился на землю, произнес только:

— Пить!.. — и умолк.

Сэм дал ему глотнуть воды, но сам пить не стал, и когда мордорская ночь сомкнулась над ними, мучительно думал о воде: все реки, ручьи и потоки, которые он видел в жизни, сверкающие на солнце и осененные ветвями ив, журчали и плескались в его воображении. Он чувствовал ступнями прохладный ил пруда в Приречье, где в детстве бултыхался с Томом, Нибом и Дролом Норкинсами и их сестренкой Рози. «Как это было давно и как далеко! — вздохнул он. — Если даже есть отсюда обратная дорога, она все равно ведет через Гору».

Он никак не мог заснуть и мысленно разговаривал сам с собой.

«Надо все же признать, что нам пока везло сверх ожидания, — уверенно начал он. — Началось, в общем, совсем неплохо. Полдороги, наверное, уже позади. Еще денек, и все кончится».

Тут последовала пауза.

«Не будь дурнем, Сэм Гэмджи, — возразил он себе через минуту. — Еще день такого перехода господин Фродо не выдержит, может быть, даже с места не сможет сдвинуться. И ты недалеко

уйдешь, если будешь ему уступать свою порцию воды и хлеба».

«Я-то еще ничего, я дойду».

«Куда?»

«До Горы, конечно».

«А дальше что, Сэм Гэмджи? Что ты сделаешь, если даже дойдешь? У него ведь сил ни на что не хватит».

С отчаянием Сэм понял, что на этот вопрос нет ответа. Он понятия не имел, что надо делать. Фродо не распространялся о своем задании, и Сэм лишь смутно соображал, что Кольцо надо каким-то образом бросить в огонь.

«Роковые Расселины, — это название вдруг выплыло у него в памяти. — Хозяин, наверное, знает, где они, а я-то нет!»

«Ну вот, — продолжал он, — все зря. И господин Фродо так говорил. Ты дурак, что еще продолжаешь мучиться и надеешься на чудо. Если бы не твое упрямство, давно бы лежал в какой-нибудь норе и спал. Все равно умрешь, а то и хуже что-нибудь случится. Можно и здесь лечь и не вставать. Все равно ты на Гору не заберешься».

«Заберусь на самую верхушку, даже если от меня останутся одни кости, — ответил он себе снова, — и господина Фродо туда донесу, пусть

у меня потом хребет треснет и сердце лопнет. И кончай спорить».

В это мгновение земля под хоббитом задрожала, он услышал — или почувствовал — глухой дальний гул и рокот в ее глубине. Под тучами блеснуло и погасло багровое пламя. Огненная гора тоже спала неспокойно.

* * *

Начался самый последний этап Похода к Ородруину. Он оказался таким трудным, что Сэм не мог понять, какое чудо заставляет его выносить такие мучения. Усталый до того, что у него все болело, он неимоверно страдал от жажды и не смог даже протолкнуть сухарь в пересохшее горло. Было темно. Гора дымилась. Кроме того, по-видимому, собиралась гроза, вдали на юго-востоке в черном небе полыхали отсветы молний. Воздух был густо насыщен ядовитыми испарениями, было трудно дышать, голова кружилась, хоббиты спотыкались и часто падали. Но несмотря ни на что, брели все дальше, не сдаваясь.

Гора медленно приближалась, и наконец подняв тяжелые головы, они увидели ее прямо перед собой; громадная, она заслонила им полмира: немыслимая груда пепла, обгоревших камней

и шлака, из которой торчал острый конус вершины, упирался в тучи и прятался в них. Они все-таки добрались, доползли до самого ее подножия прежде, чем кончился сумрачный день и наступила ночь.

Фродо, задыхаясь, упал на землю. Сэм опустился рядом с ним. К удивлению своему, Сэм обнаружил, что несмотря на усталость ему стало как-то легче и в голове прояснилось. Он больше не спорил мысленно сам с собой. Он знал все доводы отчаяния и не хотел их слушать. Сейчас только смерть могла сломить его волю. Он стряхнул сон, понимая, что должен остаться на страже, ибо знал, что сейчас все опасности и страхи сходятся в одной точке, завтра — роковой день; последнее отчаянное усилие — и конец.

Скорей бы он пришел!

Ночь казалась бесконечной, славно время остановилось. Медленно падали мертвые минуты, складываясь в неживые часы. Сэм уже стал думать, что наступила новая эпоха мрака и никакого дня больше не будет. Он на ощупь отыскал руку Фродо. Она была холодной и дрожала. Фродо трясло, как в лихорадке.

— Жаль, что я одеяло выбросил, — проворчал Сэм и лег возле Фродо, обняв его и пытаясь со-

греть своим теплом.

Наконец его все-таки сморил сон, и мутный рассвет последнего дня пути застал обоих хоббитов спавшими рядышком. Утихший было вчера ветер снова поднялся, сменил направление и дул теперь не с запада, а с севера; скрытое плотными тучами солнце с трудом прорвалось и тронуло путников слабым лучом.

* * *

— Ну, теперь вперед! Последний рывок! — сказал Сэм, поднимаясь с земли, и стал будить Фродо.

Фродо застонал, попытался напрячь волю и встать. Приподнялся — и упал на колени. Потом с трудом поднял взгляд на черные склоны Роковой горы, вздымавшейся перед ним, и пополз вперед на четвереньках.

У Сэма сердце защемило, но ни одна слеза не выступила в сухих покрасневших глазах.

— Я сказал, что понесу его, даже если у меня хребет треснет, — прошептал он чуть слышно, — так и сделаю.

— Мне нельзя взять вашу ношу, но вас-то самого вместе с ней понести можно! — громко сказал он и присел рядом с Фродо. — Садитесь мне на

закорки, хозяин, Сэм вас повезет, куда скажете. Послужу лошадкой. Подымайтесь, хозяин, миленький!

Фродо молча прижался к спине Сэма, обнял его худыми руками за шею, а ногами — за бока. Сэм, пошатываясь, встал и с удивлением обнаружил, что ему не тяжело. Он боялся, что у него едва хватит сил поднять хозяина без Кольца, а уж тяжесть проклятого Сокровища придется делить на двоих. Оказалось не так. То ли Фродо был изнурен долгими трудами, ослаб от раны, паучьего яда, тревог, страха и бездомной жизни, то ли Сэм в эту минуту чудом стал сильнее, но хозяин показался ему легким, как хоббитенок в игре в лошадки. Он сделал глубокий вдох и начал подъем.

К Горе они подошли с северо-запада. Ее серый склон в этом месте был довольно пологим, хотя и неровным.

Фродо молчал, а Сэма гнала вперед одна мысль — поскорее подняться повыше, пока силы есть и воля не сломалась. Шел он, срезая крутизну, иногда спотыкаясь о камни; где было совсем круто, помогал себе руками, сбивая колени; наконец, уже не шел, а почти полз, как улитка с раковиной на спине. Когда силы и воля иссякли, а мышцы отказались повиноваться, Сэм остановился и

бережно опустил хозяина на склон.

Фродо открыл глаза и глубоко вздохнул. Здесь, на высоте, дышать стало легче, ибо зловонные пары плавали понизу, собираясь у самой земли.

— Спасибо, Сэм, — хрипло шепнул он. — Еще далеко?

— Не знаю, — ответил Сэм, — потому что понятия не имею, куда мы идем.

* * *

Он посмотрел вниз, потом вверх, и удивился, как высоко они сумели забраться.

Грозный Ородруин снизу казался гораздо круче и выше, чем был на самом деле. Сейчас Сэм обнаружил, что Гора даже ниже того перевала в цепи Эфел Дуат, который они преодолели. Подножие Горы расходилось широкими и длинными отрогами неправильной формы, высотой примерно в три тысячи локтей, над ними всего лишь на половину этой высоты поднимался темный конус, похожий на гигантскую печную трубу с развороченными краями кратера на вершине. Сэм уже прошел больше, чем полпути до конуса. Плато Горгорот, окутанное мглой и дымами, укрытое Тенью, отсюда с трудом угадывалось. Еще раз глянув вверх, Сэм чуть не вскрикнул от радости,

только не смог издать ни звука пересохшим горлом. Он ясно увидел вьющуюся между выступами и провалами склона тропу! Она шла откуда-то сбоку, змейкой опоясывала Гору, доходила до основания вершинного конуса с восточной стороны и исчезала.

Прямо над ними тропа спускалась, и в этом месте Сэм ее не видел, ибо склон был крут, но догадывался, что если еще немножко приналечь, то можно будет на нее выйти. Вот и снова есть надежда одолеть Гору. «Будто нам кто-то нарочно показывает путь, — подумал он. — Значит, еще не все зря».

Но тропу здесь, конечно, прокладывали не для Сэма. Хоббит не ведал о том, что смотрит на дорогу Саурона, соединяющую Барад Дур с Огненными Подвалами Шаммат Наур. Дорога выходила из больших западных ворот Черного Замка прямо на железный мост, перекинутый через глубокую пропасть, затем около гона вилась по плато между двумя дымящимися трещинами, поднималась по наклонной дамбе на один из восточных отрогов Огненной горы, по нему зигзагами доходила до северного бока вершинного конуса, но к огнедышащему кратеру не шла, а ныряла в темное отверстие, обращенное к востоку, прямо к окну

Башни, из которого смотрел страшный Глаз Саурона. Буйствующие подземные печи Огненной горы часто засыпали тропу пеплом, разбивали и заваливали камнями, но бесчисленные отряды рабочих орков ее тут же снова расчищали и выправляли.

Сэм глотнул воздуха. Значит, тропа есть. Еще неизвестно, как до нее добраться. Сначала надо дать отдых ногам и спине. Он прилег рядом с Фродо. Оба молчали. Постепенно вокруг становилось светлее. Вдруг Сэм, непонятно почему, почувствовал, что надо спешить. Будто кто-то крикнул ему в ухо: «Скорей, скорей, а то поздно будет!» Он собрал все свои силы и встал. Фродо, наверное, тоже услышал зов, потому что поднялся на четвереньки и прошептал:

— Я поползу, Сэм.

Шаг за шагом, два серых муравья на темном склоне, они наконец добрались до дороги. Дорога была широкая, засыпанная щебнем вперемешку с пеплом, крепко утоптанная. Фродо вступил на нее и медленно обратил лицо к востоку, будто кто-то насильно повернул его голову в ту сторону.

Между ними и вражеским замком в воздухе плавали густые тени, но то ли они сами беспокойно раздвинулись, то ли порыв ветра из других

стран на мгновение разорвал их, и Фродо увидел черные очертания башен, темнее самой Тьмы, с Железной Короной на высоком центральном шпиле. Мгновение было очень кратким, но хоббит успел заметить красную молнию, сверкнувшую из верхнего окна, которая полетела на север. Это был всепроникающий пламенный взгляд страшного Глаза.

Мгла и туман сомкнулись, видение исчезло. Глаз не увидел хоббитов. Он смотрел на север, где у ворот Страны Мрака стояли войска Западных полководцев. Туда сейчас были направлены мысли Саурона, готовящегося нанести противнику смертельный удар. Но Фродо, пораженный тем, что увидел, упал на землю. Его рука потянулась к цепочке у шеи.

Сэм встал на колени рядом с хозяином. Фродо слабо, почти неслышно зашептал:

— Сэм, помоги. Помоги, Сэм, придержи руку. Я… не могу…

Сэм обеими руками обхватил руки хозяина, сложил их ладонь к ладони, стал целовать. И вдруг подумал: «Нас заметили! Все пропало или сейчас пропадет. Теперь нам конец, Сэм Гэмджи!»

Он быстро взвалил Фродо себе на спину, продолжая держать его за руки, так что ноги Фродо

свисали почти до земли, и, пыхтя, двинулся в гору по дороге. Это оказалось не так легко, как он думал. На их счастье, последний выброс, который они наблюдали с перевала Кирит Унгол, был направлен в другую сторону, и лавовые потоки текли по юго-западному склону, поэтому дорога почти не пострадала. Она лишь сползла в отдельных местах, и кое-где ее пересекали трещины.

Некоторое время тропа шла вверх и на восток, потом сворачивала под острым углом на запад. В этом месте она прорезала большой растрескавшийся камень, в незапамятные времена извергнутый Горой.

Тяжело дыша, согнувшись под своей ношей, Сэм проходил поворот — и тут краем глаза уловил какое-то движение, будто с большого камня скатился маленький.

В следующий момент на него навалилась новая тяжесть, сшибла с ног, и Сэм упал лицом вниз, обдирая о камни руки, которыми продолжал сжимать ладони Фродо.

Только теперь он понял, что произошло, потому что над его ухом раздался знакомый ненавистный голос:

— З-злой х-х-хоббит, з-з-злой, — услышал он. — Обманул нас-с! Обманул С-смеагола, голм-голм!

Туда нельз-зя! Нельз-зя губить С-сокровищ-щ-ще. Отдай З-золотц-се С-смеаголу, с-се-йчас-с ж-же отдай, оно наш-ш-ше!

Сэм стремительно вскочил и выхватил меч. Но воспользоваться им не смог. Голлум и Фродо тесно сплелись руками и ногами. Голлум шарил лапой по плечам и груди Фродо, пытаясь схватиться за цепочку с Кольцом. Покушение на Сокровище! Ничто другое сейчас не смогло бы разбудить в хоббите волю и вызвать к действию остаток сил. Он дрался с яростью, которая удивила и поразила не только Сэма, но и Голлума. Кроме того, Голлум сам изменился. Случись эта драка пару недель назад, она приняла бы совсем другой оборот, а сейчас блуждание по диким тропам без еды и питья, в вечном страхе превратило несчастную тварь в мешок из кожи и костей. Глаза Голлума алчно и дико блестели, но в его лапах не было прежней силы. В конце концов Фродо стряхнул его с себя и встал весь дрожа.

— Прочь! Прочь! — крикнул он прерывающимся голосом и, приложив руку к груди, сжал Кольцо ладонью через одежду. — Прочь, подлая гадина, уходи с моей дороги! Кончилось твое время. Ты уже не сможешь ни предать меня, ни убить!

И вдруг снова, как под стеной Эмин Муйл, Сэм

увидел двух противников совсем другими. Один, окончательно побежденный, съежился на земле, словно тень живого существа, жалкая в своей алчности и бессильной злости; другой — на сей раз не знающий пощады, весь в белом, выпрямился над ним, прижимая к груди огненный круг. Из пламени круга шел властный голос:

— Уходи и больше не мешай мне. Если ты посмеешь ко мне прикоснуться, будешь сброшен в Роковое Пламя.

Жалкая тварь отступила, припадая к земле и моргая глазами, выражавшими одновременно ужас и ненасытное вожделение. Видение исчезло.

Сэм снова увидел Фродо, который стоял, тяжело дыша и прижимая руки к груди, и на коленях у его ног — Голлума, опиравшегося о землю широко расставленными ладонями.

— Берегитесь! — закричал Сэм. — Он прыгнет! Скорей, господин Фродо! — Он сделал шаг вперед, подняв меч: — Идите вперед, я с ним расправлюсь. Идите же!

Фродо посмотрел на него словно издалека:

— Да, надо идти. Прощай, Сэм. Это конец. На Роковой горе исполнится рок. Прощай!

Он повернулся и медленно, но прямо пошел по

дороге вверх.

* * *

— Наконец я с тобой разделаюсь! — крикнул Сэм и замахнулся обнаженным мечом.

Но Голлум не прыгнул. Он распластался на земле и расплакался.

— Не убива-ай нас-с; — хныкал он. — Не рань нас-с гадким желез-зом! Поз-зволь нам ещ-ще пож-жить, с-совс-сем немнож-ж-ко! Мы погибли, да, мы погибли! Ес-сли наш-ше З-золотц-се пропадет, мы пропадем, да, мы умрем, рас-с-сыплемс-ся в пыль!.. — Длинными костлявыми пальцами он царапал пепел на дороге и шипел. — Пыль!.. Расс-сыплемс-с-ся!..

У Сэма руки задрожали. Хоббит кипел от гнева, вспоминая все обиды, причиненные Голлумом. Справедливость требовала убить предателя и убийцу, сто раз заслужившего смерть. И рассудок говорил ему, что он должен это сделать. Но в глубине души, на самом ее дне, было что-то, что его удерживало. Не мог он ударить лежавшего в пыли, униженного и заблудшего. Он сам какое-то время, пусть очень недолго, нес Кольцо и смутно понимал мучения измельчавшей души и истрадавшегося тела Голлума, опутанного злыми

чарами так, что не было ему уже ни покоя, ни жизни на земле.

Словами Сэм выразить своих чувств не умел, но меч опустил, говоря:

— Лихо с тобой, Вонючка, катись отсюда! Чтоб я тебя больше не видел! Не верю я тебе, тебя пнешь, а ты врешь, так что убирайся, а то в самом деле поглажу «гадким железом»!

Голлум отполз на четвереньках на несколько шагов, потом оглянулся и, заметив, что Сэм все-таки собирается дать ему пинка на прощанье, удрал по тропе вниз. Сэм тут же про него забыл и вспомнил про Фродо. Посмотрел вверх на дорогу, но там уже никого не было. Верный слуга что было сил помчался догонять хозяина.

Если бы он оглянулся, то, наверное, заметил бы, как Голлум осторожно возвращается, перебегая от камня к камню с безумным блеском в глазах, и крадучись, темной тенью продолжает взбираться за ними в Гору.

* * *

Дорога круто шла вверх, затем сворачивала опять на восток прямо к черному входу в Шаммат Наур. Далекое солнце, поднимаясь к зениту, пробивалось сквозь дымы и пар, как зловещий

красноватый диск. Вокруг Ородруина лежал мертвый край, окутанный Тенью, в молчании ожидавший страшного удара.

Сэм подошел к зиявшему входу в пещеру и заглянул в нее. Внутри было темно и жарко. Глухие подземные раскаты сотрясали стены.

— Господин Фродо! Хозяин! — закричал Сэм.

Ему никто не ответил.

Сэм еще мгновенье постоял у входа, сердце бешено колотилось от страха. Потом он набрался храбрости и ринулся внутрь. За ним скользнула темная тень.

Сначала он вообще ничего не видел. Попробовал было достать флакон Галадриэли, но он только чуть посветлел в его дрожащих пальцах, а Тьму не рассеял. Сэм находился в самом сердце владений Саурона, в кузнице его древнего могущества, которое покоряло все Среднеземье. Любые другие силы здесь слабели. Со страхом хоббит сделал несколько неуверенных шагов в темноту, как вдруг снизу под высокий черный свод молнией взвилось алое пламя. В его свете Сэм понял, что находится в длинном туннеле в Горе, внутри ее дымящегося конуса. Пол и стены перед ним с двух сторон прорезали глубокие расселины, из которых время от времени выби-

вались снопы багровых искр, затем все снова тонуло в темноте. Из глубины постоянно доносился глухой рокот и стук, будто там работали гигантские машины.

Еще раз вырвался свет из расселины, и Сэм увидел на самом ее краю маленький черный силуэт. Фродо стоял прямо, словно окаменел в неподвижном напряжении.

— Господин Фродо! — крикнул Сэм.

Фродо вздрогнул. Когда он отозвался, его голос показался Сэму властным и жестким как никогда. Слова звучали четко и ясно, перекрывая грохот, треск и гул Ородруина.

— Я пришел, — сказал Фродо. — Но не исполню того, ради чего шел. Этого я не совершу. *Кольцо — мое!*

И вдруг надел Кольцо на палец и исчез. Сэм раскрыл рот и глотнул воздуха, но крикнуть не успел, ибо события развернулись молниеносно и неожиданно. Получив сильный удар в спину, он был сбит с ног и отброшен на каменный пол. Мимо него метнулась тень, он ударился головой о камень, и в глазах у него потемнело. Несколько мгновений он ничего не видел.

* * *

В ту секунду, когда, стоя в сердце Страны Мрака, Фродо надел на палец Кольцо, заявив на него права владения, далеко в Барад Дуре заколебалась земля, и вся крепость задрожала от подножия до зловещей Железной Короны. Саурон вдруг почувствовал, где главный противник. Глаз пробил Тьму и проник за роковые двери. В мгновенном озарении Черный Властелин осознал непоправимость своей ошибки и понял планы своих врагов. Его гнев запылал всеуничтожающим огнем, но страх поднялся черной дымовой тучей и мешал дышать. Властелин знал, что это — последняя опасность в его судьбе, которая повисла на тонкой ниточке.

Разум, управлявший темными силами, в эту минуту отрешился от всех военных замыслов и планов; вся хитросплетенная сеть страха, измен и подлостей расползлась в дым; Мордор заколебался, рабы задрожали в ужасе; военачальники, сбитые с толку, растерялись, потому что Властелин перестал думать за них. Мысль, воля и власть, которая все сдерживала или двигала, покинула войска, полетела к Роковым Расселинам. По ее зову призраки Кольца, назгулы с раздирающими

небо криками, с шумом крыльев, обгоняя ветер, в последнем отчаянном порыве устремились на юг, к Огненной горе.

* * *

Сэм поднялся на ноги, оглушенный; кровь из разбитой головы заливала ему глаза. Почти на ощупь он шагнул вперед и увидел странную и страшную картину. На самом краю багровой бездны Голлум, как одержимый, боролся с невидимым противником. Он качался то вправо, то влево, то вперед, то назад, иногда оказывался так близко к краю, что только шаг отделял его от гибели, иногда отползал от него, падал на землю, снова вставал, опять падал. И все время шипел, хотя не произносил ни одного внятного слова.

Подземный огонь гневно всплескивался, багровые языки пламени наполняли пещеру светом и жаром. Вдруг Сэм увидел, как Голлум рывком поднял длинные руки со скрюченными пальцами к губам. Обнажились кривые клыки — и вдруг защелкнулись. Раздался крик. Кричал Фродо, и Сэм снова увидел его, стоящего на коленях на краю расселины. Рядом Голлум плясал дикий танец, держа в поднятой руке Кольцо с окровавленным пальцем Фродо в нем. Кольцо пламенело

живым огнем.

— Мое С-сокровищ-ще! З-золотц-се мое! — выкрикивал Голлум. — Мое!! З-золотц-се! З-з-золотц-се!

И с этими криками, вперив взгляд в свою добычу, он сделал в нелепом танце лишний шаг, потерял равновесие, мгновение качался над пропастью, потом с пронзительным визгом рухнул вниз. Еще раз донеслось: «Мое!..» и низкой твари пришел конец.

Раздался страшный грохот. Пламя, вырвавшееся из бездны, лизало свод пещеры. Гул превратился в гром. Гора затряслась. Сэм подбежал к Фродо, схватил его за руку и вытащил наружу.

Здесь, на темном пороге Шаммат Наур, высоко над плато Горгорот, полуростика охватил такой страх от развернувшегося перед ним необычайного зрелища, что он остолбенел.

Всего одно мгновение он видел огромную тучу, которая заворачивалась вокруг невидимого центра, втягивая туда башни и крепости, мощные горные укрепления, сами огромные, как горы; цитадели над обрывами и тюрьмы с голыми слепыми стенами; распахнутые настежь железные ворота и мосты. И тут же все сгинуло. Башни рухнули, горные крепости провалились в бездны,

стены и мосты рассыпались в прах; огромные столбы, клубы и спирали дыма и пара поднялись в воздух и поднимались все выше и выше, растекаясь на высоте огромной волной, пока эта волна не вздыбилась лохматой гривой и обрушилась на землю, покатившись по равнине. Тогда глухой гул, перешедший в страшный грохот, потряс воздух. Все вокруг тряслось, земля вздымалась и лопалась. Ородруин шатался, как подрубленный под корень. Из его растрескавшейся вершины вырывалось пламя. Небо рассекали молнии. Из остатков туч, как бичи, хлестали черные ливневые струи. И в самое сердце бури с отчаянным криком, перекрывающим гром и грохот, раздирая крыльями тучи, словно черные молнии в пламени, ринулись назгулы, разбиваясь о каменные смерчи, рассыпаясь в пепел в ошалевшем небе.

— Вот и конец, Сэм Гэмджи, — услышал он голос рядом.

Фродо, побледневший и измученный, снова стал самим собой. Взгляд его был спокоен, дикое напряжение воли, безумие и страх исчезли. Он освободился от своей ноши. Рядом с Сэмом был его любимый хозяин, такой же, как в давние покойные дни в милом Хоббитшире.

— Хозяин! — выдохнул Сэм, падая перед ним

на колени.

Мир вокруг него рушился, а его в эту минуту охватила огромная чистейшая радость. Дело сделано, Фродо жив и свободен, как прежде. Тут Сэм увидел искалеченную и окровавленную руку.

— Ой, бедная ваша рука! — воскликнул он, — а мне даже перевязать вас нечем! Лучше бы я свою руку этому гаду отдал по самое плечо! Чтоб он пропал; да и пропал ведь, больше мы его не увидим.

— Не увидим, — сказал Фродо. — Помнишь, как говорил Гэндальв: *«Он еще доиграет свою роль, прежде чем все кончится»?* Если бы не он, Сэм, я бы не смог уничтожить Кольцо. Мы с таким трудом дошли до цели, и все оказалось бы зря! Простим ему. Теперь наше Дело сделано, все кончено. Я рад, что ты со мной, Сэм. Мы вместе в последний час, когда все рушится.

Глава четвертая. Встреча на Кормаленском поле

Вокруг бугров роились солдаты Мордора. Бурлящее море вражеской армии почти захлестнуло отряды Западных вождей. Солнце было зловеще-красным, а от крыльев назгулов на землю

падали черные тени смерти. Арагорн стоял под знаменем, прямой и суровый, и молчал, словно его мысли были далеко; но глаза его сверкали, как звезды, тем ярче, чем темнее становилось вокруг. Гэндальв на вершине бугра сиял невозмутимой белизной: его Тень не коснулась. Атаки врагов разбивались о заслоны, окружавшие бугры, гул сражения разносился по полю, как гневный шум прилива.

Вдруг Гэндальв оживился и повернулся к северу. Небо там было бледным и чистым. Маг воздел руки и громким голосом, перекрывая шум битвы, закричал:

— *Орлы летят!*

И многие подхватили его крик:

— *Орлы, орлы летят!..*

Солдаты Мордора подняли головы к небу, еще не понимая, что предвещает этот знак.

Впереди большой стаи летели Гвайр-Вихребор и его брат Ветрокрыл, благороднейшие вожди Северных орлов, могучие потомки старого Торондора, чье племя вило гнезда на недоступных вершинах Опоясывающих гор, когда Среднеземье было юным. За ними, подгоняемые северным ветром, строем неслись их вассалы с северных хребтов. Вдруг, резко снижаясь, орлы стали пики-

ровать прямо на назгулов, их огромные крылья с ураганным свистом рассекали воздух.

Но назгулы в этот момент услышали властный и страшный призыв из Черной Башни, взметнулись, развернулись и улетели в Мордор; в то же мгновение ряды Мордорской армии начали ломаться, дикий смех и крики застыли на устах вражеских солдат, из их вдруг задрожавших рук выпало оружие, колени у рабов Саурона подогнулись от страха. Властелин, чья сила толкала их в бой и наполняла ненавистью и яростью, предал их, заколебался, выпустил из-под своей власти. Они увидели убийственный свет в глазах своих врагов и убоялись его.

Из уст Западных полководцев вырвался победный клич, ибо их сердца осветила надежда.

Рыцари Гондора, всадники Рохана, дунаданы с севера сомкнули ряды и двинулись с бугров в атаку на растерянные вражьи отряды, пробивая себе дорогу остриями копий.

Но Гэндальв еще раз воздел руки и возгласил:

— Стойте, воины Запада! Остановитесь и ждите! Бьет роковой час!

Не успел он произнести последние слова, как земля заколебалась, далеко за башнями Железных ворот высоко над горными вершинами к небу

поднялась огромная туча в отблесках молний и пламени. Горы застонали и затряслись. Зубы Мордора над Моранноном закачались и рухнули; мощные стены рассыпались в прах. Железные ворота перестали существовать. Из невидимой отсюда дали донесся гул, грохот, рокот, словно там катилась лавина, и рев ее достигал туч.

* * *

— Власть Саурона пала! — сказал Гэндальв. — Несший Кольцо исполнил заданное.

Западные полководцы обратили взоры к югу, в сторону Мордора, и им показалось, что они видят, как на фоне темных туч поднимается огромная, непроницаемо черная Тень, увенчанная короной молний, и закрывает полнеба. Уродливая и зловещая, она словно протягивала к ним длинные руки, бессильно грозя; в следующее мгновение порыв великого ветра прижал ее к земле, разорвал в клочья и унес их вдаль. После этого все стихло.

* * *

Вожди Западного войска склонили головы, а когда снова подняли их, все глаза выражали

изумление.

Вражеская армия в беспорядке бежала, мощь Мордора рассыпалась пылью на ветру. Когда в глубине муравейника умирает раздувшееся до неимоверной величины плодовитое существо, управлявшее сонмом подданных, муравьишки в растерянности и беспорядке разбегаются, слабеют и мрут. Так и слуги Саурона: орки, тролли, околдованные злыми чарами звери, — разбежались, как одурелые, бессмысленно кидаясь из стороны в сторону. Некоторые убивали сами себя, бросаясь на копья или в пропасти, другие с жалобным воем искали спасения в норах и подземельях, где не было ни света, ни надежд. Только люди: рунийцы, харадцы, востокане и чернолюды с юга, — осознали свое поражение и почувствовали силу и величие Западных вождей. Те из них, которые, служа Злу, были до конца преданы Саурону, ненавидели Запад и сохранили гордость и храбрость, собрались воедино и готовились к последнему бою, обреченные на поражение. Но большинство в панике бежало на восток или, бросив оружие, молило о пощаде.

Гэндальв, предоставив Арагорну и другим полководцам кончать ратные дела, остался на вершине бугра и громко крикнул. На его зов с

неба плавно слетел гигантский орел Гвайр-Вихребор и сел перед ним.

— Ты дважды носил меня, друг Вихребор, — сказал ему Гэндальв. — Если будет на то твоя воля, докажи свою дружбу в третий раз, увенчай ее последним подвигом. Я сейчас не намного тяжелее, чем тогда, когда ты меня вынес с Зирак-Зигила, где сгорела моя прошлая жизнь.

— Я тебя донесу куда надо, даже если ты станешь тяжелым, как камень, — ответил Гвайр.

— Тогда летим! Возьми с собой брата и еще кого-нибудь из самых быстрых соплеменников. Нам надо обогнать не только ветер, но и крылья назгулов.

— Ветер дует с севера, но мы его обгоним, — ответил Вихребор.

И он поднял Гэндальва и полетел к югу, а с ним вместе — Ветрокрыл и молодой орел Менельдор. Пролетая над долиной Удун и над плато Горгорот, они видели, что вся страна превратилась в руины и пепел, земля колеблется, а Роковая гора впереди извергает пламя.

* * *

— Я рад, что ты со мной, Сэм, — сказал Фродо. — Мы вместе в последний час, когда все рушится.

— Да, я с вами, господин Фродо, — ответил Сэм, нежно прижимая окровавленную руку хозяина к своей груди. — Мы вместе. Поход закончен. И после того, что мы сделали, мне совсем не хочется сразу сдаваться, вы ведь меня знаете.

— Может, тебе и не хочется, но мир так устроен, Сэмми, — произнес Фродо. — Надежды не сбываются, всему приходит конец. Ждать нам осталось совсем недолго. Вокруг — лишь камни и пепел. Нет нам спасения.

— Пусть даже так, хозяин, но давайте уйдем подальше от самого опасного места, от этих Роковых Расселин, так ведь их называют? Это ведь можно сделать? Спустимся по дороге вниз, а?

— Ладно, Сэм, если ты так хочешь, пойдем.

Они с трудом сошли по крутой дороге вниз, и как раз в тот момент, когда оказались на одном из отрогов у подножия Горы, из дверей Шаммат Наур вырвался дым и пар, верхний конус раскололся надвое, из него пролилась огненная струя лавы и гремящим каскадом покатилась по восточному склону. Корни Горы дрожали.

Дальше ни Фродо, ни Сэм идти уже не могли. Они окончательно выдохлись. Сил хватило лишь на то, чтобы взобраться на невысокий бугор из застывшего пепла. Они оказались на острове в

огненном море. Вокруг трескалась земля, валил пар. Гора содрогалась в агонии, по ее бокам в их сторону текли медленные огненные реки. Было ясно, что бугор долго не выдержит и его тоже зальет огненная река. На головы хоббитам сыпался горячий пепел.

Они стояли, поддерживая друг друга. Сэм, продолжая нежно гладить руку Фродо, сказал со вздохом:

— А все-таки мы с вами участвовали в очень интересной истории, правда, хозяин? Жаль, что не придется нам услышать, как ее будут рассказывать. Наверное, кто-нибудь начнет так: *«А сейчас пришел черед истории о деяниях Фродо Девятипалого и о роковом Кольце Всевластья»*. Все затихнут, как тогда в Райвенделе, когда мы слушали повесть про Берена Однорукого и камень Сильмарил. Хотел бы я услышать нашу историю. И узнать, что произойдет в последней главе, когда нас не будет!

Он старался говорить бодрым голосом, отгоняя страх, и до последнего мгновения с надеждой всматривался в северный край неба, где, разгоняя мрак, рвал тучи холодный свежий ветер, постепенно превращаясь в ураган.

* * *

Здесь и обнаружили хоббитов зоркие глаза орла Гвайра, прилетевшего вместе с бешеным вихрем. Орел снизился и, не обращая внимания на ветер, облетел бугор. Две темные фигурки стояли, держась за руки, на сером пепле. Земля тряслась у них под ногами, вокруг все было в трещинах, огненный поток приближался к бугру. В тот момент, когда орел слетел к ним, они одновременно зашатались и упали, потеряв сознание, — то ли от слабости, то ли от ядовитых паров, то ли с отчаяния, как бы закрыв глаза пред лицом неминуемой гибели. И остались лежать.

На бугор спустились Вихребор, Ветрокрыл и быстрый Менельдор, подхватили хоббитов и вынесли их, не ведающих свою судьбу, из огня и мрака.

* * *

Проснулся Сэм на чем-то мягком. Над ним покачивались толстые ветви бука, сквозь молодую листву просвечивало солнце, зеленые и золотые блики играли на ветвях, воздух был напоен ароматами.

Сэм вспомнил эти запахи. Так пахли луга Итилиэна. «Ну и заспался я, — подумал он. — Сколько же я спал?» Сначала ему показалось, что еще продолжается тот день, когда он разводил костерок на зеленом склоне. Память его не сразу пробудилась, и все, что было потом, в первый момент казалось сонным кошмаром. Он потянулся и глубоко вздохнул, сказав себе: «Вот так сон! Хорошо, что я проснулся». Потом сел и увидел Фродо. Фродо лежал рядом и спокойно спал, причем не на земле, а на постели. Одну руку он во сне закинул за голову, другую положил поверх одеяла. И на этой другой, правой руке не хватало безымянного пальца.

Вдруг Сэм все вспомнил. И громко закричал:

— Это был не сон! Где же мы?

Кто-то стоявший у его изголовья очень спокойно и ласково ответил:

— В Итилиэне, на попечении короля, который вас ждет.

И перед ним явился Гэндальв, весь в белом, с белоснежной бородой, будто пронизанный солнечным светом.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Сэммиус Гэмджи?

Но Сэм только откинулся на ложе с широко

раскрытым ртом и онемел, и долго лежал так, от удивления и счастья потеряв дар речи. Наконец он выдохнул:

— Гэндальв! А я думал, что ты умер. Правда, я и про себя так думал. Что, все смерти оказались ненастоящими? Что вообще произошло?

— Сгинула Великая Тьма, — ответил Гэндальв и засмеялся.

Его смех прозвучал как музыка. Или как журчание воды в пустыне. До Сэма вдруг дошло, что он много дней не слышал настоящего смеха, этой чистой мелодии радости, которая теперь эхом продолжает звенеть в его ушах, напоминая обо всем хорошем, что было у него в жизни. Но неожиданно для себя он вдруг расплакался. И так же, как после теплого дождя весенний ветер разгоняет тучи и ясно светит омытое солнце, слезы его высохли, грудь наполнилась смехом и, смеясь, он сорвался с ложа.

— Как я себя чувствую? — воскликнул он. — Этого не передашь… Я себя чувствую… — И он взмахнул обеими руками. — Чувствую, как весна после зимы, как солнце в листьях, как фанфары на башнях, как струны арфы, как все песни мира!.. — Вдруг он прервал свои восторги и посмотрел на Фродо. — А как чувствует себя хозяин? Какая

жалость, что ему руку изуродовали. Надеюсь, в остальном он здоров? Он пережил такие ужасы!

— Здоров, здоров, — поднимаясь с постели, объявил Фродо и тоже засмеялся. — Я уже второй раз засыпаю, чтобы дать тебе как следует отдохнуть, соня ты несчастный! Я еще на заре проснулся, а сейчас, наверное, уже почти полдень!

— Полдень? — повторил Сэм, пытаясь определиться во времени. — А который день?

— Сегодня четырнадцатый день Нового года, — ответил Гэндальв. — Или, если тебе так легче понять, восьмое апреля по хоббитширскому календарю. В Гондоре теперь Новый год будет всегда начинаться двадцать пятого марта, в память о дне, когда пал Саурон, а вы были спасены из огня и принесены к королю. Он вас выходил, а сейчас вы должны предстать перед ним и вместе с ним сесть за трапезу. Когда будете готовы, я вас провожу.

— Король? — спросил Сэм. — Какой король? Кто он?

— Король Гондора, властитель всех Западных земель, — сказал маг, — вернувший себе старинные владения. Скоро он поедет на коронацию в столицу, а пока он здесь и ждет вас.

— Но в чем мы к нему пойдем? — воскликнул

Сэм, оглядываясь и не видя рядом ничего, кроме старых лохмотьев, в которых они проделали последний этап Похода и которые лежали на земле возле их постелей.

— В том, в чем ходили в Мордор, — ответил Гэндальв. — Орчье тряпье, которое ты носил в Стране Мрака, Фродо, цело и будет сохранено. Никакой шелк, никакое полотно, даже оружие и гербы не заслуживают большей чести. Потом я вам, может быть, найду другую одежду. А пока…

Гэндальв протянул к ним руки, и они увидели, что в одной из них что-то светится.

— Что там у тебя, Гэндальв? — воскликнул Фродо. — Неужели…

— Да, я вам возвращаю два сокровища, которые мы нашли под курткой Сэма, когда вас спасли орлы. Это дары Владычицы Галадриэли: твой флакон, Фродо, и твоя шкатулка, Сэм. Радуйтесь, что они целы, и получайте!

* * *

Хоббиты умылись, оделись, слегка подкрепились и пошли за Гэндальвом.

Маг вывел их из буковой рощи, где они отдыхали, и повел к длинному залитому солнцем зеленому лугу, вокруг которого росли могучие

темнолистые деревья с пурпурными цветами. Где-то позади шумел водопад: шли они вдоль речки, которая весело журчала в цветущих берегах и, подбежав к деревьям, пропадала между ними. В одном месте деревья расступались, и было видно, как совсем далеко, почти на горизонте, искрится полоса воды.

Пройдя под деревьями, хоббиты увидели воинов в блестящем вооружении, рослых гвардейцев в черно-серебряных одеждах, которые низко поклонились в почетном приветствии. Потом протяжно запела труба, и все пошли по аллее вдоль звонко журчащей речки. Аллея привела их на широкое зеленое поле. Отсюда было видно, что полоса на горизонте — это на самом деле широкая река в серебристой дымке, на ней — длинный зеленый остров, а у берега — много кораблей.

На поле выстроились рядами многочисленные полки большого войска, сверкая на солнце оружием и доспехами.

Когда хоббиты приблизились к ним, солдаты застучали мечами о щиты, заиграли в рога и трубы и, потрясая копьями, закричали радостно на разных языках:

Да здравствуют полуростики! Великая слава им!

Куйо и фериайн анан! Аглар'ни ферианнат!

Славьте великой славой Фродо и Сэммиуса!

Даур а бераэль, конин эн аннун! Эглерио!

Слава им!

Эглерио!

А лаита тэ, лаита тэ! Андамэ лаитувальмет!

Слава им!

Кормаколиндор, а лаита тариэнна!

Слава им!

Отнесшим Кольцо великая слава вовек!

Фродо и Сэм, ошеломленные, покраснев до ушей, блестя глазами, прошли мимо славящих их солдат к трем тронам из свежего дерна. С правой стороны от них развевалось зеленое знамя со скачущим белым конем, слева на голубом знамени плыл серебряный корабль с форштевнем в виде лебедя, а над самым высоким средним троном был развернут огромный черный флаг, на которым цвело Белое Древо с короной и семью сверкающими звездами. На троне восседал вели-

чественный муж в кольчуге, с большим мечом на коленях, с непокрытой головой. Когда хоббиты подошли, он встал. И тут они его узнали, хотя он сильно изменился. Повелитель людей, с лицом, обрамленным темными волосами, он выглядел воистину по-королевски, в его серых глазах светились высокая мудрость и радость.

Фродо бегом подбежал к нему, Сэм — за ним.

— Ну, это уж предел мечтаний! — закричал Сэм. — Долгоброд, или я снова сплю!

— Да, Сэм, Долгоброд, — ответил Арагорн. — Долгий путь прошли мы от Бригорья, где я тебе с первого взгляда не понравился, помнишь? Долгий путь прошли мы все, но вам двоим досталась самая мрачная дорога.

Сэм окончательно смешался и растерялся, когда король с поклоном встал перед ними на одно колено, потом взял их обоих за руки, подвел к трону и усадил на него. После этого он обратился к собравшимся и громким голосом, так что все, кто был на поле, могли слышать, прокричал:

— Возгласите полуростикам Великую Славу!

От громких криков из тысяч уст вздрогнуло поле, а когда все стихло, к небывалой радости Сэма, вперед вышел знаменитый гондорский певец, преклонил колени перед королем и испросил

разрешения петь. Вот как он начал:

— Слушайте, рыцари и воины без страха в сердцах, короли и князья, благородные мужи Гондора, всадники Рохана! Слушайте, сыны Элронда и дунаданы с севера! Слушайте, эльф, гном и храбрые дети Хоббитшира! К вам я обращаюсь, свободные племена запада, слушайте мою балладу! Ибо петь я буду *о славных деяниях Фродо Девятипалого и о Роковом Кольце!*

Услышав такой зачин, Сэм со счастливым смехом вскочил с места, крикнул:

— Это великая слава, как чудесно! Сбылись все мои мечты! — и расплакался.

Вместе с ним смеялось и плакало все войско, а когда над их смехом и слезами взвился в поднебесье серебряным и золотым переливом звонкий голос певца, все сели и умолкли. Певец пел то на языке эльфов, то на всеобщем языке; сердца слушателей ранила сладость его слов и пронизывала острая и сверкающая, как лезвие меча, радость. Они мыслью летели туда, где боль и счастье сливаются воедино, а слезы веселят, как вино.

* * *

Солнце уже снижалось, и тени от деревьев стали длинными, когда певец кончил петь, еще

раз возгласил: «Великая слава им!» — и низко поклонился. Тогда Арагорн встал, и вслед за ним все войско тоже встало и направилось к столам, раскинутым по краю поля, под навесами, чтобы есть, пить и веселиться до наступления ночи.

Фродо и Сэма отвели в палатку, где они сняли с себя старую одежду, которую слуги аккуратно сложили и бережно спрятали. Хоббитам дали все чистое, потом появился Гэндальв и принес, к непередаваемому удивлению Фродо, его меч, эльфийский плащ и кольчугу из мифрила — вещи, отобранные у него орками в Мордоре. Для Сэма нашлась новая кольчуга из позолоченных колец, а его эльфийский плащ выглядел как новый, так его хорошо вычистили и починили. Меч ему принесли тоже.

— Нет, меч я не возьму, — сказал Фродо.

— Сегодня тебе полагается иметь меч у пояса, — ответил Гэндальв.

Тогда Фродо взял короткий мечик Сэма, с которым верный слуга оставил его лежать на перевале Кирит Унгол.

— Жало я тебе насовсем подарил, Сэм, — сказал он.

— Не надо, господин Фродо! Господин Бильбо дал его вам вместе с кольчугой. Он не захотел бы,

чтобы кто-нибудь, кроме вас, его носил!

Фродо уступил, а Гэндальв, преклонив колено, как оруженосец, помог им опоясаться мечами, потом встал и надел им на головы серебряные обручи. В таком виде хоббиты отправились на большой пир, где сели за королевский стол рядом с Гэндальвом, королем Эомером Роханским, князем Имрахилом и достойными полководцами. И там были Гимли и Леголас.

Когда после минуты Торжественного Молчания все сели и слуги внесли вино, Сэм вдруг заметил двух оруженосцев, которые пришли прислуживать королям. Один из них носил черное с серебром — цвета гондорской гвардии, а другой был одет в зеленое с белым. Сначала Сэм удивился, зачем люди взяли мальчишек на военную службу и в дальний поход вместе со взрослыми; а когда они приблизились, он пригляделся и закричал:

— Господин Фродо, вы только посмотрите! Это же Пипин! Я хотел сказать, господин Перегрин Тук и господин Мерри с ним! Как они выросли! Ну и ну! Знать, не только у нас интересная история, им, наверное, тоже есть что рассказать.

— Конечно, есть, — тут же откликнулся Пипин. — И мы вам после пира начнем все рас-

сказывать. А пока попробуй потянуть за язык Гэндальва, он уже не такой скрытный, как раньше, хотя больше смеется, чем разговаривает. Видишь, мы с Мерриадоком сейчас очень заняты. Ты, верно, понял, что мы теперь рыцари: я гондорский, а Мерри — роханский.

* * *

Долго-долго длился этот счастливый день, а когда солнце зашло и над Андуином из туманов выплыла щекастая луна, заглядывая под листья деревьев, Фродо и Сэм сели на пригорке под этими шелестящими деревьями, наслаждаясь благовонной свежестью прекрасной земли Итилиэна. Конечно, рядом с ними оказались Мерри, Пипин и Гэндальв, а потом к компании присоединились Гимли и Леголас, и проговорили они до поздней ночи. Фродо и Сэм многое узнали о судьбе Отряда Кольца после его распада в тот злосчастный день на луговине Парт Гален близ водопада Раурос, но, конечно, можно было еще много расспрашивать и рассказывать.

Перед мысленным взором Сэма все мелькало и путалось: орки, говорящие деревья, бескрайние степи, летящие галопом всадники, сверкающие пещеры, белые башни и золотые дворцы, сраже-

ния, стройные корабли с раздутыми парусами… Все это ошеломляло, но самым удивительным из всех чудес ему казалось то, что Мерри и Пипин выросли. Он никак не мог этого понять, то и дело вновь и вновь просил их встать то рядом с Фродо, то рядом с собой, мерял, почесывая затылок.

— Не понимаю, как это могло произойти в вашем возрасте, — сказал он, наконец. — Факт, однако, налицо: каждый из вас на целых три дюйма выше, чем положено быть хоббиту, или я стал гномом!

— Гномом ты точно не стал, — отозвался Гимли. — Я ведь уже говорил, что смертный не может пить воду энтов без последствий, как обычное пиво.

— Воду энтов? — переспросил Сэм. — Что-то говорилось о каких-то энтах, но пусть меня гром побьет, если я сейчас помню, кто они такие. Наверное, придется нам еще не одну неделю беседовать, чтобы все это в голове улеглось!

— Конечно, не одну, — согласился Пипин. — А Фродо надо будет потом запереть в башне Минас Тирита, чтобы он все записал. А то половину забудет, и старик Бильбо очень огорчится.

* * *

Наконец Гэндальв поднялся.

— *В руке Короля — целительная сила,* — сказал он, — но вы, друзья, были уже на пороге смерти. Он вернул вас в мир и одарил благословенным сном. Вы спали долго и спокойно, но сейчас вам снова надо поспать.

— Спать надо не только Фродо и Сэму, — вставил свое слово Гимли. — Тебе, Пипин, тоже спать пора. Я теперь очень к тебе привязан, хотя бы за то, что ты мне стоил больших трудов. Это из-за тебя я первый раз в жизни устал. А потом никогда не забуду, как я тебя искал на поле последней битвы. Если бы не гном Гимли, не сидел бы ты тут с нами. Хорошо, что я смог вспомнить, как выглядит хоббичья ступня, — она одна только и торчала из-под кучи трупов. А когда я стащил с тебя тяжелого тролля, то был уверен, что ты неживой. Я тогда чуть бороду себе не вырвал с горя. Прошли всего сутки с тех пор, как ты встал с постели. Так что иди еще полежи. Да и я пойду посплю.

— А я пойду гулять, — отозвался Леголас. — Побродить по лесам такой красивой страны — для эльфа лучший отдых. Когда-нибудь, если мой

король согласится, я сюда приведу часть своего племени, и тогда Итилиэн станет счастливым краем… хоть ненадолго, на поколение… может быть, на сто человеческих лет… Здесь рядом Андуин, Великий Андуин, дорога к Морю!

К Морю, где белые чайки кричат,
Ветер срывает пену с волны,
Солнце на запад идет на закат,
Песни ушедших оттуда слышны.
Серый корабль, ты слышишь ли их?
Серый корабль, с тобой на закат
Я уплыву из лесов родных
Туда, где чайки кричат!
Наше время уходит, кончается век,
Утраченный Остров зовет!
Длинной волной о Последний Брег
Огромное Море бьет.
Человек не найдет Эрессею мою,
Последний эльфийский приют.
Никогда в том вечно зеленом краю
Листья не опадут!
В Эрессею, куда ушел мой народ,

Одиноко я поплыву,
Ибо в вечновечерний край без невзгод
Чайки зовут!..

С этой песней Леголас легким шагом сошел с пригорка, где они сидели, и скрылся в лесу.

Разошлись и остальные. Фродо и Сэм, счастливые, растянулись на постелях. Утром они проснулись бодрыми, полными надежд.

* * *

Так прошло много дней. Кормалленское поле в Итилиэне, где расположилось войско, находилось неподалеку от водопада Эннет Аннун; ночью здесь слышался шум потока, который каскадом падал с высоты, потом через скальные ворота вырывался на цветущие луга и впадал в Андуин против острова Кайр Андрос. Хоббиты бродили вокруг лагеря, узнавая места, которые проходили в своем путешествии. Сэм все надеялся, что где-нибудь в чаще леса или в глухом ущелье встретит огромного олифана. Когда ему сказали, что при осаде Гондора враги привели много таких животных к стенам города, но все они погибли, он заметно погрустнел.

— Конечно, нельзя быть везде одновременно, —

вздохнул он. — Но, видать, я многое потерял из-за того, что был в другом месте.

* * *

Наконец войска были готовы к возвращению в Минас Тирит. Уставшие отдохнули, раненые исцелились. Все отряды подошли к основному лагерю. Труднее всего пришлось воинам, которые дрались с упорными чернолюдами и востоканами, в погоне за ними зашли далеко в глубь Мордора и брали его северные крепости. Но и они к концу апреля полностью восстановили силы. Приближался май.

Полководцы отдали приказ садиться на корабли.

От острова Кайр Андрос воины поплыли вниз по Андуину к Осгилиату. Там они провели один день, а на следующий вечер все полки вместе с королем и его свитой вступили на зеленые поля Пеленнора и увидели белые башни под величественным Миндоллуином: столицу Гондора, последний оплот, сохранивший память о людях с Заокраинного Запада. Пройдя через ночь и огонь, город дождался рассвета и солнечных дней.

На полях Пеленнора был разбит последний лагерь, а ночь воины провели в шатрах. Был ка-

нун первого дня мая, и с восходом солнца король должен был вступить в свою столицу.

Глава пятая. Наместник и король

Тревожное ожидание сковало город. Хорошая погода и яркий солнечный свет казались насмешкой над горем тех, кто почти потерял надежду и каждое утро встречал со страхом.

Наместник умер, его тело сгорело; в тронном зале Белой Башни покоились останки короля Рохана, а новый король явился ночью из боя и почти сразу снова ушел на войну с тем, кого победить невозможно, с силой темной и жуткой.

И никаких вестей. С тех пор как гондорское войско вышло из моргульской долины, в Минас Тирит не прибыл ни один гонец, и в городе ничего не знали о том, что происходит в окутанных Тенью восточных землях.

Через два дня после того, как Западные вожди выступили в Поход, королевна Эовина попросила женщин-целительниц принести ей одежду и, не слушая возмущенных нянек, встала с постели. Одетая, с рукой на перевязи, она пошла к Главному попечителю Домов Целения.

— Я в великой тревоге, — призналась она

ему, — и не могу больше лежать в праздности.

— Ты еще нездорова, королевна, — ответил ей попечитель. — Мне поручено окружать тебя особым вниманием и заботой. Тебе еще по крайней мере неделю нельзя вставать. У меня приказ. Очень прошу тебя, вернись в постель.

— Я здорова, — возразила она. — Телом здорова, только левая рука еще побаливает, но и ей значительно лучше. Но я могу снова заболеть от безделья, если останусь в постели. Вестей от войска еще нет? Здешние женщины ничего толком не знают.

— Вестей нет, — сказал попечитель. — Последнее сообщение было о прибытии наших полководцев в долину Моргул. Кажется, ими сейчас командует новый вождь, тот, кто прибыл с севера. Это достойный муж и настоящий целитель. Меня больше всего удивляет, что его руки, обладающие целительной силой, берутся за оружие. Если верить старым легендам, в далеком прошлом такое случалось, но в наше время в Гондоре одни мы, целители, занимаемся лечением ран, которые наносят и получают воины. Кроме того, нам хватает другой работы. В мире и без войны много болезней и несчастий, она лишь умножает их…

— Не мы развязали войну, — прервала его Эовина. — Для этого хватит одного врага. Но уклоняться от битвы — удел трусов. Неужели ты хотел бы, чтобы гондорцы собирали твои травы, в то время как Властелин Тьмы собирал армию? И телесное здоровье не всегда составляет счастье. Так же, как не всегда несчастье — погибнуть в бою, даже от мучительной раны. Если бы в этот горький час я могла выбирать, я бы выбрала смерть в бою.

Попечитель удивленно смотрел на нее. Перед ним стояла высокая девушка с большими глазами, сверкавшими на бледном лице, как звезды. Ее здоровая рука сжалась в кулак, когда она посмотрела в восточное окно. Попечитель вздохнул и покачал головой. Наступило молчание. Прервав его, Эовина снова пошла в наступление.

— Неужели для меня не найдется дела? — спросила она. — Кто сейчас распоряжается в городе?

— Я точно не знаю, — ответил попечитель. — Меня ведь это не касается. У роханских всадников свой командир. Гондорцам, как я слышал, приказы отдает достойный Хурин. А по праву настоящий наместник — высокородный Фарамир.

— Где его искать?

— Здесь, в Домах Целения, королевна. Он был

тяжело ранен, сейчас к нему возвращается здоровье. Но я не понимаю, как…

— Проводи меня к нему, там поймешь.

* * *

Наместник Фарамир в одиночестве гулял по саду между Домами Целения. Ярко светило солнце, и он чувствовал, как вместе с теплом к нему возвращается бодрость, но на сердце было тяжело, и он почти неотрывно смотрел из-за стены на восток. Так его и застал попечитель.

Услышав свое имя, Фарамир обернулся, увидел королевну Эовину и проникся сочувствием к ней, ибо понял, что она не только ранена, но в волнении и печали.

— Мой господин! — сказал попечитель. — Это королевна Рохана Эовина. Она сражалась рядом с королем и сейчас выздоравливает от тяжких ран, под моим попечением. Но она недовольна пребыванием в Домах Целения и хочет говорить с наместником.

— Пойми меня, правитель, — произнесла Эовина. — Я не жалуюсь на плохой уход и недостаток внимания. Тому, кто хочет выздороветь, нигде не может быть лучше, чем здесь. Но я не выношу бездействия, праздности. Меня заперли в клетке.

Я искала смерти в бою. И вот я жива, а война продолжается.

По знаку Фарамира попечитель с поклоном удалился.

— Чего же ты хочешь от меня? — спросил Фарамир. — Я ведь тоже пленник целителей.

Он взглянул в глаза Эовины, и его чуткое сердце сжалось от боли, так тронули его красота и отчаяние девушки. Воспитанная среди солдат, Эовина увидела суровую нежность в его глазах и поняла, что перед ней доблестный воин, который не уступил бы в бою ни одному из рохирримов.

— Так чего же ты от меня хочешь? — снова спросил он. — Я готов сделать для тебя все, что в моих силах.

— Прикажи этому попечителю выпустить меня отсюда, — попросила она, и хотя произнесла эти слова гордо, смутилась. Она подумала, что в глазах властного и одновременно доброго рыцаря может показаться просто капризной и своевольной девчонкой, которой не хватило выдержки.

— Я сам сейчас в его власти, — ответил Фарамир. — Я еще не принял правление. Но даже если бы я уже стал правителем, я бы подчинился лекарю, коль скоро он лучше меня знает, как быстрее выздороветь.

— Я не ищу выздоровления, — ответила Эовина. — Я хочу поскакать в бой, как мой брат Эомер, или, что еще лучше, пасть на поле брани, как король Феоден, добыв себе сразу и славу, и покой.

— Поздно, королевна, сейчас уже не догнать наше войско, даже если бы тебе хватило сил взяться за оружие, — возразил Фарамир. — Но смерть в бою еще может найти нас здесь, независимо от того, ищем мы ее или нет. Ты ее достойно встретишь, если сейчас, пока есть возможность, послушаешься целителей. Мы оба с тобой должны терпеливо ждать.

Она ничего не ответила, но ему показалось, что выражение ее глаз смягчилось. Так жестокий мороз сменяется потеплением в предчувствии весны. По ее щеке, как светлая дождинка, скатилась слеза, гордая голова слегка склонилась. Потом она тихо, обращаясь больше к самой себе, чем к нему, произнесла:

— Целители хотят держать меня в постели еще целую неделю. А мои окна выходят не на восток.

Ее голос звучал женственно и грустно.

Фарамир светло улыбнулся, пытаясь скрыть сжавшую его сердце жалость.

— Ах, окна не выходят на восток? Этому горю можно помочь, — сказал он. — Такой приказ я

могу отдать попечителю. Если ты согласишься остаться у нас в этом доме и еще немного в нем отдохнуть, королевна, то в солнечную погоду можешь гулять в саду и смотреть, сколько хочешь, в ту сторону, где все наши надежды. Ты встретишь здесь меня, потому что я тоже часто смотрю на восток. Если согласишься терпеть мое присутствие и захочешь поговорить со мной, ты утешишь меня.

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза, и легкий румянец тронул ее щеки.

— Как же я утешу тебя? — сказала она. — Я ведь не ищу разговоров с живыми.

— Хочешь, чтобы я был с тобой откровенен?

— Хочу.

— Тогда я скажу тебе, Эовина из Рохана, что ты красавица. В наших горных долинах много ярких и красивых цветов, и есть у нас девушки красивее их. Однако я пока не видел ни одного цветка и ни одной девушки столь прекрасной и столь печальной. Кто знает, сколько нам осталось жить? Может быть, всего через несколько дней Тьма поглотит наш мир. Надеюсь, что я не дрогну. Но мне было бы легче встретить последний час, если бы я успел насмотреться на тебя, пока еще светит солнце. Нас обоих коснулась крылом

страшная Тень, и одна и та же рука вернула нас на дорогу жизни.

— Увы, эта Тень еще висит надо мной, — ответила королевна. — Не ищи во мне утешительницу. Моя рука огрубела, я привыкла к мечу и щиту. Но благодарю тебя за то, что отныне мне не надо будет сидеть в четырех стенах. С разрешения наместника я буду приходить в этот сад.

Эовина церемонно поклонилась и ушла в дом. Фарамир еще долго бродил по саду, но взгляд его теперь чаще обращался к окнам дома, чем к восточной стене.

* * *

Вернувшись к себе в покой, наместник вызвал попечителя и приказал ему рассказать все, что он знает о королевне Рохана. Заканчивая свой рассказ, попечитель сказал:

— Ты мог бы поговорить с полуростиком, который тоже здесь находится. Ибо он принимал участие в Походе короля Феодена и, как говорят, до конца был при королевне.

Мерри предстал перед Фарамиром. Их беседа затянулась допоздна. Молодой наместник много узнал от хоббита, гораздо больше, чем Мерри сумел выразить словами. Теперь он лучше понимал

печаль и волнение Эовины Роханской. Вечером они вдвоем с Мерриадоком гуляли по саду, но она не пришла.

А утром, выйдя в сад, Фарамир увидел королевну на стене: ее белое платье светилось на солнце. Он позвал ее по имени, и она сошла в сад. Теперь они вдвоем гуляли по траве, отдыхали в тени деревьев, иногда разговаривали, но больше молчали. Так было изо дня в день. Попечитель наблюдал за их прогулками из окна и радовался, потому что он был целителем и видел, что получает помощь в своих трудах; страх и печаль в эти дни угнетали всех, но эти двое явно начали выздоравливать.

Прошло пять дней после первой встречи королевны с Фарамиром. Они стояли на городской стене и смотрели на восток. Вестей от войска не было по-прежнему. Погода испортилась. Ночью над пустыми полями задул резкий северный ветер, днем он усилился; мир казался безотрадно серым.

Фарамир и Эовина были тепло одеты. Плечи Эовины покрывал богатый плащ, синий, как небо в летнюю ночь, расшитый серебряными звездами по подолу и у ворота; в нем она казалась Фарамиру еще более красивой и гордой. Специально

для нее принесли этот плащ в Дома Целения по приказу наместника, и он сам накинул его ей на плечи. Плащ был выткан для его рано умершей матери, Финдуилас из Амрота, он напоминал ему о счастливом детстве и о первом в жизни горе и казался очень подходящим для печальной красавицы.

Но и в теплом плаще Эовина дрожала, всматриваясь в серые поля, над которыми прояснялся северный край неба.

— Что ты надеешься увидеть, Эовина? — спросил Фарамир.

— Черные Врата ведь там, правда? Наверное, он уже до них дошел. С тех пор как он выступил в Поход, прошла неделя.

— Да, прошла неделя, — подтвердил Фарамир. — И я должен сказать тебе, что она принесла мне неведомые доселе радость и боль. Я радуюсь, когда тебя вижу; мне больно, ибо страхи и сомнения не рассеиваются, а становятся черней день ото дня. Я не хочу, чтобы этот мир погиб, Эовина, потому что боюсь утратить то, что нашел.

— Утратить то, что нашел? — переспросила Эовина, серьезно посмотрев на него, но взгляд ее был добрым. — Что можно было найти и потерять в эти дни? Не говори мне об этом, друг!

Ничего не говори! У меня такое чувство, будто я стою на краю ужасной пропасти, непроглядная бездонная чернота у моих ног, и я не знаю, есть ли свет позади. Я еще не могу обернуться. Я жду, когда пробьет роковой час.

— Мы все ждем, когда он пробьет, — сказал Фарамир.

Больше они ни о чем не говорили. Ветер стих, солнце побледнело, день погас, а в городе и на полях все смолкло. Они не слышали ни свиста ветра, ни шелеста листвы, ни голосов, ни пенья птиц, ни биения собственных сердец.

Время остановилось. Их руки встретились и сплелись, но они этого не замечали, замерев в ожидании неизвестного. И вдруг им показалось, что за дальней горной цепью вздыбилась новая вершина, огромная гора Тени, пытавшаяся закрыть весь мир, сверкавшая молниями и огненными искрами. Земля вздрогнула так, что зашатались стены столицы. А потом над ней пронесся странный звук, словно весь мир с облегчением вздохнул, и у них снова забились сердца.

— Это напомнило мне о Нуменоре, — произнес Фарамир, с удивлением слыша собственный голос.

— О Нуменоре? — спросила Эовина.

— Да, о погибшей Заокраинной земле, когда большая черная волна поднялась над зелеными полями, и даже над горами, и все затопила неотвратимая Тьма. Мне это часто снится.

— Значит, ты думаешь, что наступает Тьма? — спросила Эовина. — Неотвратимая Тьма? — и вдруг прижалась к нему.

— Нет, — ответил Фарамир, смотря ей в глаза. — Это лишь образ, который всплыл в моей памяти. Я не знаю, что происходит. Трезвый рассудок говорит, что пришел Черный День и наступает конец всему; но сердце не верит. Мне вдруг стало легко, и появилась надежда, этого разумом не понять. Эовина, Белая Королевна, в эту минуту я не верю в победу Тьмы!

Он нагнулся и поцеловал ее в лоб.

Они стояли на городской стене, снова налетел ветер, сплетая и развевая его черные, как смоль, и ее золотые волосы. Тень исчезла, на небо вышло солнце. Серебром заблестели воды Андуина, в сердца людей вошла радость, из домов послышались песни. Но никто еще ничего не понимал.

Когда солнце поднялось в зенит, с востока прилетел гигантский орел и принес от Западных вождей счастливые вести, которых так долго ждали.

Орел прокричал:

Пойте, люди в Минас Аноре!
Власть Саурона кончилась,
Черный Замок пал!

Пойте, радуйтесь, люди в Белой Башне!
Не напрасна была ваша стража,
Черные Врата рухнули,
Ваш Король победил!
Пойте, радуйтесь, дети Запада!
Король вернется,
Будет с вами до конца дней.

Высохший ствол сменится живым,
Древо к небу протянет ветви,
И благословен будет город!
Пойте, люди!

И люди запели на всех улицах столицы.

* * *

И настали золотые дни, когда весна превратилась в лето и усыпала цветами поля Гондора. С острова Кайр Андрос прискакали на быстрых конях гонцы с вестями обо всем, что свершилось.

Город готовился к встрече Короля.

Мерриадок был отправлен с обозом провизии в Осгилиат, а оттуда на корабле — в Кайр Андрос. Фарамир остался в Минас Тирите, ибо полностью исцелился и временно принял на себя обязанности наместника. Ему предстояло все подготовить к приходу того, кто займет трон.

Эовина тоже осталась, хотя брат звал ее на Кормалленское поле. Ее решение удивило Фарамира. Он был очень занят важными делами, поэтому редко виделся с ней в эти дни. Королевна по-прежнему оставалась в Домах Целения и одиноко гуляла по саду, снова бледная, единственная во всем городе, чьи глаза остались печальными. Попечитель Домов Целения встревожился и доложил об этом наместнику.

Тогда Фарамир пришел ее навестить, и они снова вышли на стену вдвоем. И он спросил ее:

— Почему ты осталась здесь, Эовина, а не поспешила на радостные торжества в Кормаллен за островом Кайр Андрос, где тебя ждет брат?

А она ответила:

— Разве ты не знаешь, почему?

И он сказал:

— Причин может быть две. Я могу лишь гадать…

Сказала она:

— Не надо играть в загадки, Фарамир. Говори яснее.

— Воля твоя, королевна, слушай, — сказал он. — Ты не поспешила на Кормалленское поле, потому что тебя позвал только брат, а смотреть издали на Арагорна наследника Элендила в зените его славы — сейчас не радость для тебя. Или потому, что я туда не поехал, а ты хочешь быть рядом со мной. Вот две причины, и ты сама не знаешь, какой выбор сделать. Неужели ты не любишь меня, Эовина? Неужели не хочешь меня полюбить?

— Я хотела, чтобы меня любил другой, — ответила она. — И я не хочу, чтобы меня жалели.

— Знаю, — сказал он. — Ты хотела добиться любви короля Арагорна. Он высокороден и могуч, а ты мечтала о славе, о том, чтобы подняться над тщетой мелких забот. Он поразил тебя своим блеском, как великий полководец молодого солдата. Он воистину великий вождь, может быть, самый великий из живущих на земле. Но когда вместо любви ты увидела лишь понимание и сочувствие, ты его отвергла и решила отказаться от жизни, найти славную смерть в бою. Посмотри на меня, Эовина!

Она посмотрела ему прямо в глаза и смотрела

долго и бестрепетно. И сказал Фарамир:

— Не пренебрегай состраданием, если оно идет от искреннего сердца, Эовина! Не жалость говорит моими устами. Ты высокородна и мужественна, ты добыла мечом славу, которую мир не забудет. Ты прекрасней, чем можно выразить самыми красивыми словами на языке эльфов. И я люблю тебя. В первую минуту я сочувствовал твоей печали. Сейчас я любил бы тебя и беспечальную, даже если бы ты забыла горе и тревоги и засияла радостью на гондорском троне. Неужели ты не любишь меня, Эовина?

Вдруг она почувствовала, как ее сердце ожило. А может быть, в этот момент она впервые поняла, что это случилось не сегодня, а гораздо раньше. Весна в нем прогнала зиму, и солнечный свет вошел в него.

— Я стою на стене солнечной крепости Минас Анор, — сказала она. — Тьма сгинула. Я больше не буду девушкой-воином, не поскачу в поля, обгоняя лучших всадников, не смогу тешиться только боевыми песнями. Я стану целительницей. Полюблю все, что растет и дает жизнь. — И, взглянув на Фарамира, добавила тихо: — Я больше не хочу быть королевой.

Фарамир счастливо засмеялся:

— Вот и хорошо! Ведь и я не король. Я буду мужем Белой Королевны Рохана, если она захочет. И если она согласится, мы поедем за Реку, будем счастливы в Итилиэне и заложим на той прекрасной земле сад, в котором каждый росток будет радоваться присутствию Белой Королевны.

— Но для этого мне придется покинуть свой народ, гондорец? — сказала Эовина. — И ты хочешь, чтобы твои соплеменники сказали: «Вот, наш вождь укротил дикую всадницу с севера. Неужели не мог он найти жену в племени нуменорцев?»

— Пусть говорят! — воскликнул Фарамир и обнял ее.

Он целовал ее под солнечным небом, на высокой городской стене, нимало не беспокоясь о том, что они стоят на виду у многих. И многие видели их и тогда, и потом, когда они, счастливые, шли, взявшись за руки, к Домам Целения, и свет исходил от них.

Попечителю Домов Целения Фарамир сказал:

— Королевна Рохана здорова.

Попечитель же ответил:

— Значит, она свободна от моей опеки, и на прощанье желаю ей больше никогда не страдать ни от ран, ни от болезней. До возвращения брата

могу поручить ее заботам наместника Гондора.

Но Эовина сказала:

— Сейчас, когда я свободна, я хотела бы остаться здесь по своей воле. Этот Дом стал мне дороже всех других.

И она осталась в Домах Целения до самого приезда короля Эомера.

* * *

В городе все было готово к встрече, радостные вести разнеслись по стране, от Мин Риммона до Пиннат Гелин и далекого взморья Белфалас. Все кто мог, спешили в столицу, здесь собралось огромное количество народа. Возвращались домой женщины и веселые дети, в домах появились цветы, из Дол Амрота приехали арфисты, первейшие музыканты в Гондоре; было много других музыкантов, со скрипками, флейтами, серебряными рожками; приехали сладкогласные певцы из долин Лебенина…

И вот наступил вечер, когда горожане увидели со стен разбитый на поле лагерь. Во всех домах в ту ночь до рассвета горели огни, все ждали утра. Утром над восточными горами взошло ясное солнце, от Великой Тени не осталось следа.

Зазвонили все колокола, заплескали на ветру

развернутые знамена, и над Белой Башней в последний раз взвился белый флаг Наместников без гербов и украшений, словно серебряный снег.

Военачальники повели отряды к городу, и люди смотрели, как они проходят стройными рядами, блестя оружием на солнце, как живое серебро. Войско подошло к воротам и остановилось на расстоянии фарлонга от городской стены. Разрушенные ворота еще не были отстроены после битвы, вход в город был только отгорожен барьером, за которым по обе стороны уже стояли гвардейцы в черном и серебряном, с длинными обнаженными мечами. У барьера ждал наместник Гондора Фарамир, рядом с ним все именитые мужи и военачальники Гондора, Хранитель Ключей Хурин, королевна Рохана Эовина, маршал Элфхельм и многие рыцари Рубежного Края. За гвардейцами толпился пестрый люд, многие с венками и гирляндами цветов.

Перед стенами города образовалась площадь, окруженная воинами Рохана и Гондора, горожанами и гостями, прибывшими со всех концов. Толпа замерла, когда из войска выступили дунаданы в сером с серебром, а перед ними — достойный Арагорн в черной кольчуге с серебряным поясом и в длинной белоснежной мантии,

скрепленной у шеи большим зеленым камнем, сверкание которого было видно издалека. Он шел с непокрытой головой, только во лбу его сияла звезда на узком серебряном обруче. Рядом с Арагорном шли Эомер Роханский, князь Имрахил, Гэндальв Белый и четыре маленькие фигурки, которым все дивились.

— Нет, дорогая, это не мальчики, — объясняла Йорета стоявшей рядом с ней родственнице из Имлот Мелуи. — Это перианы из далекой страны полуростиков. Там они князья, причем знатнейшие. Я-то знаю, я за одним из них ухаживала в Домах Целения. Они маленькие, но очень храбрые. Представляешь, один из них без войска, только со своим оруженосцем пошел в Страну Тьмы, сам один победил Черного Властелина и поджег Черную башню. Невероятно, но так у нас рассказывают. Это вон тот, что идет рядом с Камнем Эльфов. Они, как я слышала, большие друзья. А Камень Эльфов, наш Король, вообще необыкновенный, на вид он суров, да еще как! Но сердце у него золотое. А руки исцеляют. *«В руке короля целительная сила»*, — так я им сказала. И тогда все открылось. А Мифрандир сказал мне: «Йорета, люди надолго запомнят твои слова». Ну и…

На этом Йорете пришлось прервать просвеще-

ние своей сельской родственницы, потому что пропел горн и настала тишина. Из ворот вышел Фарамир, сопровождаемый только Хранителем Ключей Хурином и четырьмя гвардейцами в высоких шлемах стражей Цитадели, которые несли большой ларец из черного дерева ливифрона, окованный серебром. Фарамир встретил Арагорна посреди площади, преклонил перед ним колено и сказал:

— Последний наместник Гондора просит, чтобы ты освободил его от наместничества!

При этом он протянул королю белый жезл, но Арагорн взял его и тут же вернул, сказав:

— Ты еще не выполнил всего, что тебе предназначено. Оставляю эту почетную должность тебе, а после — твоим потомкам, до тех пор, пока мой род не угаснет. Сейчас приступай к делу, как того требует обычай.

Фарамир встал и объявил громким голосом:

— Слушайте, гондорцы, наместника своего государства! И смотрите! Наконец вернулся к нам законный король. Вот Арагорн сын Араторна, первый муж среди дунаданов Арнора, вождь Западной армии, носитель Звезды северных Королей, владеющий Перекованным Мечом, победитель в Войне, Целитель, Камень Эльфов,

Элессар из рода Валандила сына Исилдура сына Элендила Нуменорского. *Хотите ли его Королем, люди?* Хотите ли, чтобы он вступил в наш город и жил в нем?

И все воины и все горожане в один голос громко закричали:

— *Хотим!*

Йорета тут же стала объяснять своей родственнице:

— У нас в столице такая церемония в обычае, сестрица; но, как я тебе говорила, Камень Эльфов уже входил в город и говорил мне…

Ей снова пришлось замолчать, ибо Фарамир продолжал:

— Гондорцы! Наши ученые толкуют, что по старинному обычаю Король должен получить корону от своего отца до его кончины, а если сложилось иначе, взять ее из рук почившего родителя на месте его вечного упокоения, и этого никто не должен видеть. Но сейчас мы вынуждены поступить по-другому. По праву наместника я сам принес сюда из Рат Динен корону Эарнура, последнего Короля, правившего много лет назад, при наших праотцах.

Вперед выступили четыре гвардейца. Фарамир открыл поданный ими ларец и вынул из него

старинную корону. По форме она напоминала шлем стражей Белой Башни, но была выше и совершенно белая; с обеих сторон ее украшали серебряные, усыпанные жемчугами крылья, похожие на крылья морской чайки, ибо Чайка была эмблемой королей, некогда прибывших из-за Моря. Семь алмазов сверкали в ободке; один, самый крупный, горел огнем выше остальных.

Арагорн принял корону из рук Фарамира и поднял ее высоко над собой, возглашая:

— *Эт Эарелло Эндоренна утулиэн. Синомэ маруван ар Хилдиньяр тенн' Амбар-метта!*

Это были слова, произнесенные Элендилом, когда крылья ветра принесли его корабли к Земле Эндор, и он высадился на берег. Они означали: «Из-за Великого Моря прибыл я в Среднеземье. Здесь останусь, и здесь будут жить потомки мои до скончания мира».

К удивлению окружающих, Арагорн не надел корону, а вернул ее Фарамиру со словами:

— Возвратить владения предков мне помогли труды и мужество многих друзей. В знак благодарности им, я желаю, чтобы корону подал Отнесший Кольцо, а коронует меня пусть Мифрандир, если согласится. Ибо он был душой всего совершенного, и наша победа — это его Победа.

Гордый и счастливый Фродо взял корону из рук Фарамира и подал ее Гэндальву. Арагорн преклонил колено, а Гэндальв возложил Белую Корону ему на голову, сказав:

— Отныне начинается правление Короля, и да будет оно благословенным, пока стоят троны валар!

Арагорн встал в полный рост, и все смолкли, ибо всем показалось, что они видят его впервые. Высокий, как давние заморские владыки, он возвышался над всей своей свитой, казался одновременно и умудренным годами, и в расцвете мужественной красоты и силы; от его ясного чела, от сильных рук, умеющих исцелять, от всей его фигуры, казалось, исходил свет.

И Фарамир воскликнул:

— Смотрите! Вот король!

Запели сразу все фанфары. Король Элессар подошел к барьеру, который Хурин, Хранитель Ключей, раздвинул перед ним. Под музыку арф, флейт и скрипок, под пение хора, звонко возглашавшего ему хвалу, Король прошел по украшенным цветами улицам к Цитадели и вошел в Башню. На ее шпиле поднялся и заполоскал на свежем ветру флаг с Белым Древом и семью Звездами.

Так началось правление короля Элессара, воспетое во многих песнях.

При нем город стал красивее, чем был когда-либо, и лучше, чем во времена своего первого расцвета. В нем появились новые фонтаны, множество зеленых деревьев; главные улицы украсились мостовыми из белого мрамора; вместо разбитых ворот были выкованы новые из стали и мифрила. Искусные подгорные мастера работали над украшением столицы, лесные эльфы приезжали подивиться на чудеса и помочь кто чем сможет.

Все раны города были залечены, и все разрушенное отстроено.

Дома наполнились счастливыми людьми, зазвенели от песен и детского смеха, не осталось ни одного слепого окна, ни одного пустого двора. А когда закончилась Третья эпоха, память о славе ее последних лет перешла в следующий век.

* * *

После коронации Король несколько дней занимался рассмотрением неотложных дел и вынесением приговоров, сидя на троне в Большом зале Белой Башни. Он принял множество посольств от разных народов из ближних и дальних

стран, от Дунланда до Темнолесья. Он объявил прощение сдавшимся на его милость востоканам. Их отпустили на свободу и отослали на родину. С Харадом был заключен мир, мордорским рабам была дарована воля и отданы во владения земли вокруг моря Нурн. Храбрейших воинов из своих армий король приказал привести к нему, поблагодарил их и вручил награды за мужество.

Наконец пред его судом предстал Берегонд. И сказал ему Король:

— Берегонд! Ты обнажил меч и пролил кровь в священном месте, куда не позволено входить с оружием. Кроме того, ты самовольно оставил пост. За такие преступления по старинным законам кара — смерть. Я должен вынести тебе приговор. Слушай! Я отменяю казнь в благодарность за мужество, проявленное тобой в бою, и за то, что все это ты совершил ради Фарамира. Но в Королевскую Гвардию ты не вернешься, и тебе придется покинуть город Минас Тирит.

Кровь отхлынула с лица Берегонда, и он с болью в сердце опустил голову. Но Король продолжал:

— Так будет, ибо отныне ты зачислен в Белый полк, личную гвардию Фарамира, правителя Итилиэна. Ты примешь командование этим полком и будешь жить в Эмин Арнен, где познаешь покой

и почет на службе тому, ради чьего спасения рисковал всем.

Лишь теперь Берегонд понял, как милостливо и справедливо судил его Король, встал на колени, поцеловал его руку и отошел в великой радости. И Арагорн отдал Фарамиру в удел Итилиэн, попросив поселиться в горах Эмин Арнен, которые были видны с Башни.

— Ибо крепость Минас Итиль в долине Моргул будет разрушена до основания, — проговорил Арагорн. — И хотя со временем место, где она стояла, очистится, там еще много долгих лет нельзя будет жить.

Последним Арагорн призвал Эомера, крепко обнял его и сказал:

— Для нас не нужны ни слова, ни награды, ибо мы братья. В счастливый час прибыл с севера Эорл! Мир не знал более удачного союза народов, чем союз Рохана и Гондора, в котором ни один из союзников ни разу не предал другого. Мы положили Феодена Славного в усыпальницу рядом с королями Гондора, и если будет на то твоя воля, он здесь останется. Но если ты захочешь, чтобы его останки были перевезены в Рохан, он вернется к своему народу, дабы упокоиться в земле своих предков.

И ответил Эомер:

— С того дня, когда ты впервые явился предо мной, встав с травы на холме, я полюбил тебя, как брата. Я навсегда останусь тебе верен. Но сейчас я должен поспешить в свою страну, где меня ждет много дел. Я вернусь за павшим королем, когда все будет готово к его последней встрече. Пока пусть он спокойно спит здесь.

И узнав о решении Эомера, сказала Эовина Фарамиру:

— И я должна ненадолго поехать на родину, увидеть ее еще раз и помочь брату в трудах. Когда тот, кого я любила, как отца, найдет покой в родной земле, я вернусь.

* * *

Так прошли первые счастливые дни. Всадники Рохана подготовились к походу и выступили Северным трактом. С ними отправились сыновья Элронда. От самых городских ворот до стен Пеленнора они ехали сквозь строй гондорцев, которые сошлись сюда, чтобы с честью проводить друзей и соседей. С радостью возвращались домой и остальные союзники из дальних и ближних земель. В городе кипела работа; люди, не покладая рук, строили, восстанавливали, загла-

живали шрамы войны, уничтожали саму память о темных силах.

Хоббиты продолжали жить в Городе вместе с Леголасом и Гимли, потому что Арагорн не хотел пока расставаться с Отрядом Кольца.

— Все кончается, — говорил он, — но я прошу вас подождать еще немного, пока не произойдет последнее событие Истории, в которой вы так храбро участвовали. Приближается день, которого я жду много лет, с тех пор как из юноши стал мужчиной; когда этот День придет, я хотел бы, чтобы рядом со мной были друзья.

О каком Дне шла речь, он не сказал.

* * *

Друзья жили вместе с Гэндальвом в большом красивом доме и почти все время проводили в прогулках по городу. И Фродо спросил мага:

— Ты не знаешь, что за День имел в виду Арагорн? Нам тут, конечно, хорошо, но время уходит. Бильбо ждет, а мой дом все-таки не здесь, а в Хоббитшире.

— Что касается Бильбо, — ответил Гэндальв, — то сейчас он ждет этого же самого Дня и знает, почему вы задерживаетесь. Время, конечно, уходит, но пока только май, до Середины лета еще

далеко. Нам кажется, что мир изменился, будто кончился век, но для деревьев и травы не прошло и года с тех пор, как вы вышли из дому.

— Эй, Пипин! — воскликнул Фродо. — А ты говоришь, что Гэндальв уже не такой скрытный, как раньше. Он, наверное, просто устал от военных трудов и временно расслабился, а сейчас опять становится самим собой.

Сказал Гэндальв:

— Многие любят узнавать заранее, что будет на столе, но те, кто готовил пир, стараются как можно дольше держать в секрете плоды своих трудов, ибо неожиданность приносит более громкие похвалы. Кроме того, Арагорн ждет знака.

* * *

В один из дней друзья нигде не могли найти Гэндальва и гадали, что бы это могло значить. А Гэндальв тем временем повел Арагорна за город на южный склон Миндоллуина, и они вместе искали и нашли там тропу, вырубленную несколько веков назад. По ней никто не решался ходить, ибо она вела к священной вершине, на которую имели право вступать только Короли.

Всю ночь Арагорн и Гэндальв взбирались по крутой тропе, пока не оказались на высокогорном

лугу. Внизу остались провалы за стенами Минас Тирита. Дальше начинались вечные снега.

Наступило утро, первые лучи солнца осветили раскинувшиеся внизу поля, город, белые башни с легкими султанами флагов, цветущую, словно сад, долину Андуина. На востоке окутались золотой дымкой горы Тени, на севере серело нагорье Эмин Муйл и искрился, как дальняя звезда, водопад Раурос. На юге можно было проследить извилистый путь Великой реки до самого Пеларгира, а еще дальше светящийся край неба напоминал о Море.

И сказал Гэндальв:

— Вот твое королевство, пока только начало будущего великого государства. Третья эпоха кончилась, начинается новая. Твое дело — править тем, что заложено, и сохранить то, что достойно перейти в будущее. Ибо мы многое спасли, но еще многое должно сгинуть. Власть Трех Колец тоже кончилась. Во всех землях, которые ты видишь отсюда, и еще дальше за ними, будут жить люди. Пришло время Человека, Древнее племя должно угаснуть или уйти.

— Я это хорошо знаю, друг, — ответил Арагорн. — Но мне нужны твои советы.

— Я недолго смогу тебе помогать, — сказал

Гэндальв. — Моим временем была Третья эпоха. Моим врагом был Саурон. Свой долг я выполнил. Скоро уйду. Бремя ляжет на тебя и на твой род.

— Но ведь я умру, — возразил Арагорн, — ибо я смертен. В моих жилах течет чистая нуменорская кровь, и я проживу дольше других людей, но времени мне отпущено немного. Когда те, кто сейчас еще находится в материнских утробах, родятся, а потом состарятся, я тоже постарею. Кто продолжит мое Дело, кто будет править Гондором и всеми народами, которые с надеждой смотрят на великий город? Древо на площади Фонтана сухое и бесплодное. Увижу ли я знак, что судьба благоволит к нам?

— Отврати взор от зеленого мира и посмотри туда, где все кажется бесплодным и застывшим, — сказал Гэндальв.

Арагорн повернулся и оглядел каменистый склон на границе вечных снегов. Там среди мертвых камней было одно-единственное живое растение. Король поднялся к нему. У самой кромки снега тянулось к небу молоденькое деревце всего в три локтя. Оно уже выпустило красивые продолговатые листья, темные сверху и серебристые снизу. На его верхушке на тонких ветках раскрылось несколько цветков с белыми, словно

горный снег, лепестками.

И воскликнул Арагорн:

— *Йе! Утувиеньес!* Я нашел его! Это росток древнейшего Древа. Откуда он здесь? Ему нет еще семи лет.

А Гэндальв подошел, оглядел деревце и произнес:

— Это воистину росток из семени Галатилиона, из плода Тельпериона семейства Нимлот, древнейшего из деревьев мира, которое имеет много имен. Кто знает, как оно попало сюда, когда пришел его час? Это место священно; может быть, кто-нибудь посадил здесь его семя еще до того, как не стало Королей, раньше, чем увяло Древо на площади. Говорят, что плоды его очень редко вызревают, но если это случается, семена сохраняют тайну жизни много лет, и невозможно предвидеть, когда они проснутся и оживут. Помни об этом. Если при тебе созреет драгоценный плод, его семя надо посадить, чтобы род не вымер. Это же семя таилось в горах, подобно тому, как потомки Элендила скрывались в северных пустошах. Но род Тельпериона гораздо старше твоего, Король Элессар.

Тогда Арагорн осторожно взял деревце рукой, и оказалось, что оно едва держалось за землю,

потому что позволило легко себя вынуть и при этом осталось неповрежденным. Король понес его в город.

Засохшее Дерево выкопали, но не сожгли, а с почетом положили на вечный покой в тиши Рат Динен. Молодое деревце Арагорн посадил на площади Фонтана. Оно оказалось здоровым и сильным, быстро принялось и радостно росло, а когда пришел июнь, густо покрылось цветами.

— Вот знак, которого я ждал, — сказал Арагорн и расставил стражу на стене. — Мой День недалек.

* * *

За день до Середины лета в город прибыли гонцы с поста Амон Дин и сообщили, что с севера скачет посольство дивного народа и скоро прибудет к стенам Пеленнора.

И сказал король:

— Наконец-то! Пусть город готовится к встрече гостей.

* * *

В самый канун Середины лета, прозрачным прохладным вечером, когда небо стало сапфировым и на востоке заблестели звезды, в то время

как запад еще золотился от закатного солнца, по Северному тракту к воротам Минас Тирита подскакал конный отряд. Впереди гарцевали Элрохир и Элладан под серебряным знаменем; за ними скакали Глорфиндэл и Эрестор, все родичи Элронда из Райвендела, потом госпожа Галадриэль с владыкой Лориэна Келеборном, оба на белых конях в окружении лучших представителей дивного народа, в серебристо-серых плащах с белыми алмазами в волосах. Наконец, с Жезлом Ануминаса в руке показался сам Элронд, достойнейший среди эльфов и людей, а рядом с ним на серой лошади — Арвен дочь Элронда, Звезда Вечерняя эльфийского племени.

Фродо смотрел на нее, затаив дыхание, так хороша была она, так светла в наступающих сумерках, со звездами надо лбом, в облаке нежных ароматов.

— Теперь я понимаю, чего мы ждали, — сказал он Гэндальву. — Это уже конец нашей истории. Отныне не только день будет радостным, но и ночь счастливой и свободной от страхов.

Король приветствовал гостей, которые сошли с коней, и Элронд отдал Арагорну Жезл и вложил руку дочери в руку короля. Все вместе поднялись в Белую Башню, и путь их освещали мириады

ярких звезд.

Так в своей обретенной столице в самый долгий день лета Арагорн, Король Элессар, взял в жены Арвен Ундомиэль. Кончились их печали и муки ожидания.

Глава шестая. Расставания и прощания

Закончились свадебные торжества, и друзья-хоббиты наконец всерьез задумались о возвращении домой. Фродо пошел к королю, который сидел у фонтана под буйно цветущим Белым Древом рядом с королевой Арвен, слушая ее песню про Валинор. В ответ на приветствие хоббита Арагорн встал и произнес:

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Фродо! Ты хочешь вернуться домой. Да, дорогой друг, каждое дерево лучше всего растет в земле своих предков. Но знай, в Западном королевстве ты всегда найдешь радушный прием. До сих пор твое племя немного места занимало в легендах людей, но отныне вы можете тешиться славой, которой не всякое сильное государство похвалится.

— Да, я очень хочу домой в Хоббитшир, — ответил Фродо. — А по дороге обязательно надо

заехать в Райвендел. Если мне кого-то не хватало в эти счастливые дни, то только дяди Бильбо. Я очень огорчился, когда не увидел его в свите Элронда.

— Тебя это удивило, Отнесший Кольцо? — отозвалась Арвен. — Ты ведь знаешь силу того, что, благодаря тебе, уничтожено. Все, что было дано его властью, сгинуло вместе с ним. Твой дядя владел Кольцом дольше, чем ты. Теперь его возраст исчисляется земным временем, он очень стар. Он ждет тебя, но сам уже не может отправиться в дальний путь… разве что в последний.

— Тогда позволь мне поскорее уехать, — попросил Фродо.

— Через семь дней мы с тобой поедем вместе, — ответил Арагорн. — И долго будем ехать одной дорогой — до самого Рохана. Через три дня Эомер вернется за Феоденом, и мы будем сопровождать его в Рубежный Край, воздадим павшему королю последние почести. Прежде чем вы нас покинете, я хочу еще раз подтвердить слово Фарамира, который разрешил тебе полную свободу передвижения в границах Гондора и обещал всяческую помощь. Жалую тем же всех, входивших в Отряд. У меня нет дара, достойного твоих подвигов, но возьми все, что пожелаешь. Ты уедешь с почетом,

как князь моей страны.

А королева Арвен сказала:

— У меня есть дар для тебя. Я дочь Элронда. Но я не уеду с ним, когда он отправится в Серую Гавань. Подобно Лютиэнь, я выбираю судьбу сладкую и горькую. Место на серебряном корабле я уступаю тебе, Отнесший Кольцо. Когда пробьет твой час, ты сможешь — если захочешь, — отплыть с эльфами за Море. Если будут болеть старые раны и тяготить воспоминания, связанные с тяжкой ношей, можешь уйти на Заокраинный Запад, найти покой. А это носи на память о Камне Эльфов и Вечерней Звезде, с которыми связала тебя судьба! — И она повесила ему на шею снятый с груди белый камень, сверкнувший, как звезда, на серебряной цепочке: — Он тебя охранит от старых страхов и возвратов Тьмы.

* * *

Как и предсказывал король, через три дня в город прискакал Эомер Роханский во главе эореда славнейших рыцарей Рубежного Края. Ему был оказан достойнейший прием, а когда все сели за стол в большом трапезном зале, Меретронде, Эомер увидел рядом королеву Арвен и госпожу Галадриэль и немало дивился их чудной красо-

те. Прежде чем удалиться в предоставленный ему дом на отдых, он послал за гномом Гимли и сказал ему:

— Гимли сын Глоина, с тобой ли твой топор?

— Нет, но могу за ним сбегать, если надо, — ответил Гимли.

— Сейчас ты сам решишь, надо или нет, — сказал Эомер. — При первой нашей встрече между нами встали мои неосторожные слова о Владычице Золотого Леса. Теперь я увидел ее своими глазами.

— И что ты скажешь сейчас, король? — спросил Гимли.

— Увы! Я скажу, что не госпожа Галадриэль самая прекрасная на земле.

— Так я пошел за топором! — сказал Гимли.

— Позволь мне сначала оправдаться, — улыбнулся Эомер. — Если бы я увидал ее в другом окружении, я бы наверняка согласился с тобой. Но сейчас я отдаю первенство королеве Арвен, Вечерней Звезде, и готов драться с каждым, кто мне возразит. Ну что, посылать за мечом? Гимли в ответ низко поклонился.

— Не надо, ибо ты оправдан в моих глазах, король, — сказал он. — Ты выбрал Вечер, а я полюбил Утро. Но сердце мне говорит, что это Утро

скоро минет.

* * *

Наконец подошел день прощания с городом. Готовился пышный выезд. Король Гондора и король Рохана отправились в усыпальницы на Рат Динен. На золотых носилках они пронесли короля Феодена через застывший в скорбном молчании город. Потом носилки поставили на катафалк, развернули над ним большое знамя, всадники Рубежного Края окружили катафалк, а Мерри как оруженосец Феодена сел около умершего, держа его меч и щит.

Остальные ехали каждый сообразно своему росту и положению. Фродо и Сэм — на пони рядом с Арагорном, Гэндальв на Серосвете, Пипин — в строю рыцарей Гондора, Леголас и Гимли, как прежде, — вдвоем на Эроде.

Тут же ехали королева Арвен, Келеборн и Галадриэль со своими соплеменниками, Элронд с сыновьями, князья Дол Амрота и Итилиэна, много полководцев и храбрых воинов. Ни одного короля Рохана не сопровождала такая свита, как Феодена сына Тенгла в последнем пути на землю отцов.

Неторопливо проехали они через Анориэн и

остановились в сером Друаданском лесу у подножия горы Амон Дин. В лесу со всех сторон гудели барабаны, но никого не было видно, ни одной живой души.

Тогда Арагорн велел трубить в трубы, и герольды закричали:

— Слушайте, слушайте! Прибыл король Элессар! Он отдает Друаданский лес в вечное владение Ган-Бури-Гану и его народу! Отныне ни один человек не вступит на эту землю без разрешения Ган-Бури-Гана и его подданных!

Барабаны загудели громче и вдруг смолкли.

* * *

Через пятнадцать дней пути катафалк пересек зеленые Роханские степи и прибыл в Эдорас. Здесь всех ждал отдых. Золотой Двор, убранный красивыми тканями, был ярко освещен и выглядел очень торжественно.

Такого пышного пира, как поминальная тризна по Феодену, его дворец не знал со дня постройки.

Три дня провел король Феоден во дворце предков, потом его останки положили в каменный склеп вместе с оружием и многими прекрасными вещами, которые служили ему при жизни. Над склепом насыпали высокий курган, покрыли

его дерном и засадили белыми звездочками симбельминов — цветов памяти. Так вырос восьмой курган в восточном ряду Могильного Поля.

Роханские всадники из королевской гвардии на белых конях медленным шагом двинулись вокруг кургана и запели протяжную песнь о Феодене сыне Тенгла, которую сложил королевский бард Глеовин, поклявшийся больше не слагать никаких песен. Торжественные голоса всадников проникали во все сердца, волновали и тех, кто не понимал языка рохирримов. У сынов Рубежного Края загорались глаза, им казалось, что они слышат топот несущихся с севера коней и громовой голос Эорла, перекрывший шум битвы на поле при Келебранте. Эхо разносило по горам рог Хельма, надвигалась Великая Тьма, король Феоден вступал в бой с Тенями и огнем, погибал в славе, и солнце возвращалось в мир после великого отчаяния, и утро сверкало над Миндоллуином.

Отбросив сомненья, встречал он день из мрака,

Скакал навстречу солнцу и пел, меч подымая!

В надежде жил он и погиб с надеждой,

Над страхом, над смертью сумел под-

няться.

Ушел из жизни в вечную славу.

Да будет славен!

Мерри горько плакал у подножия зеленого кургана, а когда песнь смолкла, вскричал:

— Прощай, король Феоден, прощай! Ты был мне отцом, но как недолго! Прощай!

* * *

Закончился погребальный обряд, стих плач женщин. Феоден остался спать вечным сном под курганом, а народ собрался в Золотом Доме на большой пир, в котором место печали заняли радость и гордость, ибо король Феоден прожил свой полный век и погиб в славе, как его самые великие предки. Когда по обычаю рохирримов пришло время почтить память умершего кубком вина, золотоволосая королевна Эовина поднесла первый кубок Эомеру. Бел как снег, был ее наряд.

В середину зала выступил бард и летописец Рубежного Края, чтобы назвать в положенном порядке имена всех повелителей страны: Эорла Юного, Брего строителя Золотого Двора; Альдора брата несчастного Бальдора; Фрея и Фреавина, Голдвина и Деора и Грама; Хельма, нашедшего

убежище в Белых горах, когда враги захватили полстраны. Эти девятеро спали вечным сном под девятью курганами в западном ряду Могильного Поля. На Хельме кончилась старая династия, а новую начал Фреалаф сын сестры Хельма, покоящийся первым в восточном ряду. Далее шли курганы Леофа, Вальда, Фолька, Фолквина, Фенгла, Тенгла и последний — Феодена. После того как было произнесено это имя, Эомер осушил кубок, Эовина приказала слугам снова наполнить чаши вином, все встали и, выпив за здоровье нового короля, закричали:

— Здрав будь, Эомер — король Рубежного Края!

И встал Эомер, и сказал:

— Мы собрались на поминальный пир, дабы почтить короля Феодена; наш долг перед ним исполнен. Прежде чем мы разойдемся, я хочу объявить вам радостную новость. Я уверен, что покойный король был бы согласен, любя сестру мою Эовину отцовской любовью. Знайте, благородные гости из многих земель, достойнейшие из всех, кого этот Двор когда-либо принимал, что Фарамир наместник Гондора и князь Итилиэна просил у нас руки Эовины, королевны Рохана. Она согласна стать его женой. Сейчас в вашем присутствии они обручатся.

И Фарамир с Эовиной вышли вперед, подали друг другу руки, и все выпили за их здравие, радуясь.

— Это доброе дело, — сказал Эомер, — ибо новые узы закрепят нерасторжимую дружбу Рубежного Края и Гондора, и я рад.

— Щедрый ты друг, Эомер, раз отдаешь Гондору лучшее, что есть в твоем королевстве! — воскликнул Арагорн.

Тогда Эовина подошла к Арагорну, посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

— Исцелитель и Повелитель мой, пожелай мне радости!

— Я всегда тебе ее желал, — ответил он, — с той минуты, как тебя увидел. Твое счастье тешит мне сердце.

* * *

После пира все, кому предстоял дальнейший путь, прощались с королем Эомером.

Собирались в дорогу Арагорн и рыцари Гондора, эльфы Лориэна и род Элронда из Райвендела, только Фарамир и князь Имрахил оставались пока в Эдорасе. Оставалась и Арвен, Вечерняя Звезда, которой предстояло проститься с отцом и братьями. Никто не видел последнего свидания

Арвен с отцом ее Элрондом. Они вдвоем ушли в горы и провели там много часов. Горьким было их прощание, ибо они расставались до конца мира, чтобы и после него никогда больше не встретиться.

Наконец, когда гости отъезжали, Эомер и Эовина подошли к Мерри с такой речью:

— Прощай, Мерриадок из Хоббитшира, почетный оруженосец Рубежного Края! Скачи к своей удаче и поскорей приезжай к нам в гости, здесь тебе всегда будут рады!

Эомер сказал:

— За заслуги на полях под Миндоллуином древние короли одарили бы тебя сокровищами, которых не увезти в одной повозке, но ты от всего отказываешься, кроме оружия, которым владеешь на славу. Я вынужден уступить, ибо поистине не имею ничего, что было бы тебя достойно. Но моя сестра просит тебя принять небольшой подарок от Горедара в память о музыке рогов, которой встречают в Рохане каждый новый день.

И Эовина вручила хоббиту старинный серебряный рог, маленький, мастерски сделанный, на зеленом шнуре. На нем были вычеканены фигурки воинов, быстро скачущих друг за другом, этот орнамент вился от мундштука до обода, и в него

были вплетены рунические знаки, приносящие счастье.

— Это рог издавна хранился в нашем роду, — сказала Эовина. — Его сделали гномы, потом он попал в кладовые дракона Ската. Эорл Юный добыл его и привез сюда с севера. Кто, попав в беду, дунет в него, поразит страхом сердца врагов, а друзья услышат его голос и придут на помощь.

Мерри принял рог, ибо от подобных даров нельзя отказываться, и поцеловал руку Эовины. Брат и сестра обняли хоббита, и на этом они расстались.

Осушив прощальные кубки, гости тронулись в путь, и долго летели им вслед слова дружбы и добрые пожелания. Они направились к Хельмской Теснине, где остановились и отдыхали два дня.

Здесь, выполняя данное Гимли обещание, Леголас пошел с ним вместе в Блистающие Пещеры. Вернулся он оттуда притихший и сказал, что только Гимли может отыскать для их описания подходящие слова.

— Впервые эльф уступает в красноречии гному, — говорил он, — теперь надо пойти в Фангорнский лес, там мы сравняем счет.

* * *

Из Хельмской Теснины путешественники отправились в Исенгард, где хозяйничал Древесник. Энты полностью разрушили и убрали каменное кольцо наружных стен и превратили котловину в зеленую рощу-сад, которую пересекал веселый поток. Посредине было светлое озеро, из него вырастала башня Ортханк, по-прежнему гордая и неприступная, и ее черные стены отражались в голубой воде.

Друзья немного посидели в том месте, где раньше были ворота, а теперь два высоченных дерева, словно часовые, охраняли вход в зеленую аллею, ведущую к озеру и к башне. Кто бывал здесь раньше, дивился тому, что сделано, тем более, что труд был колоссальный, а вокруг не было видно ни одной живой души. Наконец сквозь шум листвы до их ушей донеслось знакомое «Хм, х-ха-ах!..», и на дорожке показался сам Древесник в сопровождении Скороствола.

— Добро пожаловать в Сад Ортханк! — сказал он. — Я вас ждал, но мы сейчас трудимся в долине. Здесь еще, ох, как много работы! Вы тоже, я слышал, не бездельничали в дальних краях на юге и востоке, да-да! О вас ходят прекрасные слухи!

Он одобрительно отозвался об их подвигах, о которых, как оказалось, ему все было известно, потом прервал похвалы и остановил долгий взгляд на Гэндальве.

— А ты что скажешь? — спросил он. — Ты доказал, что ты сильнее всех, и твои труды увенчались успехом. Куда ты собрался теперь и зачем забрел сюда?

— Чтобы посмотреть на твои труды, друг, — ответил Гэндальв, — и поблагодарить тебя за помощь в том, что свершилось.

— Хм-хм, ха… вполне справедливо, — сказал Древесник. — Энты сделали все, что от них требовалось. Мы расправились не только с этим… хм… охо-хо… жившим здесь убийцей деревьев, но и с целой бандой *бурарум*, скверноглазых-чернорук-их-кривоногих-дурновонючих-когтеклыкастых *моримайтесинкахонда*… х-хо… хм-хм, ну, полное название так же длинно, как долгие годы их издевательств. Ваше расторопное племя зовет этих вредителей орки. Они пришли из-за Реки и с севера, там они пытались окружить лес Лаурелиндоренан, но войти в него не смогли, ибо могучие Владыки, которых я счастлив здесь видеть, их не пустили, — с этими словами Древесник слегка наклонился в сторону Келеборна и

Галадриэли, потом продолжал: — Подлые твари очень удивились, встретив нас, они никогда не слышали об энтах, хотя что о них говорить, когда многие порядочные существа тоже нас не знают. И немногие орки будут нас помнить, ибо от нас мало кто ушел, да и тех почти всех поглотила Река. Ваше счастье, что они на нас наткнулись, а то король Страны Трав недалеко бы заехал, а если бы заехал, то ему некуда было бы возвращаться, у него бы не осталось дома.

— Мы знаем об этом, — сказал Арагорн. — И никогда не забудем ни в Эдорасе, ни в Минас Тирите!

— *Никогда* — слишком долго даже для меня, — ответил Древесник. — Ты хотел сказать: пока существуют ваши государства. Им придется долго существовать, чтобы энтам тоже долго показалось.

— Начинается новая эпоха, — произнес Гэндальв, — и может случиться, что королевства людей переживут даже тебя, друг Фангорн. Но скажи мне, как вы справились с последним моим поручением? Что с Саруманом? Ему еще не надоел Ортханк? Вряд ли ему нравится новый вид под окнами.

Древесник ответил магу долгим взглядом, в

котором, как потом утверждал Мерри, светилась хитрость.

— Хо-ххо-о… — заговорил он снова. — Я ждал, что ты задашь этот вопрос. Не надоел ли ему Ортханк? Очень надоел, но еще больше ему надоел мой голос. Хм… Я ему рассказал несколько длинных историй, во всяком случае, достаточно длинных по вашим понятиям.

— И он их выслушивал? Ты был у него в башне? — спросил Гэндальв.

— Хм-хм… Нет, в башню я не входил, но он стоял в окне и слушал, потому что по-другому не мог узнавать новости, и хотя эти новости его не радовали, он каждый раз с жадностью их ловил. Я уж следил, чтобы он выслушивал все до конца. И от себя добавлял много такого, что считал для него полезным и что могло навести его на размышления. В конце концов он заскучал, да. Он всегда был слишком опрометчив и расторопен. Это его погубило…

— Я слышу, мой добрый Фангорн, что ты все время говоришь: «слушал», «скучал», «был», и ни разу не сказал «есть». Он что, умер? — спросил Гэндальв.

— Хм-хм… Нет, не умер, насколько я знаю. Но отсюда убрался. Да, ушел. Семь дней назад. Я его

выпустил. От него не так много осталось, как я заметил, когда он вылезал из башни, а тот Червяк, который составлял ему компанию, вообще превратился в бледную тень. Прошу тебя, Гэндальв, не говори мне, что я обещал за ним следить, я это хорошо помню. Но с того времени многое изменилось. Я его держал здесь, пока он был опасен и мог натворить бед. Ты должен знать, что я не терплю вида живых творений в клетках, и даже такого подлеца не смог бы задержать дольше, чем это было необходимо. И змею можно выпустить, если у нее вырван ядовитый зуб; пусть ползет, куда хочет.

— Может быть, ты и прав, — ответил Гэндальв. — Но, как мне кажется, у этой змеи один зуб еще остался. Яд был в его голосе. Может быть, он сумел и тебя смутить, зная слабые стороны твоего сердца. Ну да ладно, что случилось, то случилось, не будем о том говорить. Башня Ортханк принадлежит теперь королю, законному владельцу. Поскольку она ему пока не нужна…

— Время покажет, — вмешался в разговор Арагорн. — Во всяком случае, сейчас я отдаю всю долину в распоряжение энтов, пусть они здесь хозяйничают, но башню стерегут. Пусть никто туда не входит без моего разрешения.

— Она заперта, — сказал Древесник. — Я приказал Саруману запереть ее и отдать ключи. Они у Скороствола.

Скороствол нагнулся, как дерево под ветром, протягивая Арагорну два больших черных ключа причудливой формы на стальном кольце.

— Еще раз благодарю, — сказал Арагорн. — Пока прощайте! Пусть ваш лес растет спокойно. Если вам покажется тесно в долине, занимайте поля на запад от гор, где энты жили раньше…

Древесник помрачнел.

— Лес, конечно, разрастется, — проговорил он. — Но энты не возродятся. Нет больше маленьких энтят.

— Может быть, вы сможете возобновить поиски с большим успехом, — заметил Арагорн. — Перед вами теперь открыты дороги в восточные земли, куда раньше доступа не было.

Но Древесник покачал головой и сказал:

— Те земли очень далеко. И теперь везде живет слишком много людей… Но я тут болтаю, совсем забыв о гостях… Не хотите ли вы подольше у нас отдохнуть? А может, кто-нибудь из вас хотел бы пройти через Фангорн, сократив себе дорогу домой?

Старый энт вопросительно посмотрел на Ке-

леборна и Галадриэль, но все сказали, что увы, очень спешат, кто на юг, кто на запад, и стали прощаться. Только Леголас воскликнул:

— Ты слышишь, Гимли? Сам Фангорн разрешает нам углубиться в его леса! Мы увидим деревья, каких во всем Среднеземье больше нигде нет! Ты мне обещал, соглашайся! Потом вместе пойдем в родные края, я в Темнолесье, а ты — еще дальше.

Гимли согласился, но, похоже, без особого восторга.

— Вот и конец Содружеству Кольца, — сказал Арагорн. — Надеюсь, однако, что мы еще увидимся. Вы ведь обещали помочь нам отстроить столицу.

— Мы, конечно, придем, испросив разрешения наших повелителей, — ответил Гимли. — Ну, прощайте, хоббиты! Теперь вы, кажется, доберетесь домой без приключений; и я смогу спать спокойно, не тревожась о вас. Будем посылать друг другу вести и, наверное, не раз увидимся. Боюсь только, что все вместе уже никогда не соберемся.

* * *

Древесник попрощался с каждым в отдельности, а перед Келеборном и Галадриэлью трижды склонил голову с великим почтением.

— Давно, давно это было, когда мы встречались у корней и оснований! — сказал он. — *А ванимар, ванималион ностари!* Печально, что вновь мы встретились только сейчас, когда все приходит к концу! Ибо мир меняется. Я чувствую это по вкусу воды и запаху земли и воздуха. Я не надеюсь, что мы еще сможем свидеться.

— Не знаю, что тебе ответить, Старейший, — произнес Келеборн.

А Галадриэль сказала:

— Мы не встретимся в Среднеземье и не увидим друг друга до тех пор, пока земля, которую накрыли волны, не поднимется снова над Морем. Может быть, тогда мы вместе встретим весну под вербами в лугах Тасаринана. Прощай, Старейший!

Последними прощались с Древесником Мерри и Пипин. Глядя на них, старый энт немного повеселел.

— Ну как, веселый народец, попьете со мной на прощанье? — спросил он.

— С большим удовольствием! — воскликнули оба.

Древесник отвел их на несколько шагов в сторону, где под деревьями стоял громадный каменный жбан. Он наполнил из него три чаши,

и пили они все втроем, одновременно, причем хоббиты заметили, что энт из-за края чаши зорко смотрит на них своими странными глазами.

— А не боитесь? — спросил он. — Вы порядочно выросли за последнее время.

Смеясь, они осушили чаши до дна.

— До свиданья! — сказал Древесник. — И не забудьте прислать мне весточку, если услышите у себя на родине что-нибудь о наших женах.

Старый энт долго махал большими руками вслед отъезжающим, потом повернулся и скрылся меж деревьев.

* * *

Ехали теперь быстрее, держа путь к Роханскому Разлому. Недалеко от того места, где Пипин когда-то заглянул в Камень Ортханка, стал прощаться Арагорн. Хоббиты совсем загрустили. Ведь за Долгобродом они всегда были как за каменной стеной, и он провел их через многие беды.

— Эх, был бы у нас такой Камень, в котором можно видеть всех друзей! — сказал Пипин. — И разговаривать с ними издалека.

— Остался только один Зрящий Камень, в который ты мог бы смотреть, — ответил Арагорн, — потому что то, что показывает палантир

из Минас Тирита, лучше никому не видеть. Но Камень Ортханка принадлежит королю. Мне надо самому знать все, что делается в государстве и чем заняты мои подданные. Помни, Перегрин, что ты посвящен в рыцари Гондора, и я тебя от службы себе не освобождаю. Отпускаю тебя в отпуск и могу вызвать назад. Кроме того, не забывайте, дорогие друзья из Хоббитшира, что в мое королевство входят и северные страны, и когда-нибудь я наверняка туда сам приеду.

Потом Арагорн распрощался с Келеборном и Галадриэлью, и сказала ему Владычица Лориэна:

— Камень Эльфов! Через Тьму ты прошел, чтобы сбылась твоя надежда. Ты теперь владеешь всем, чего желал. Используй отведенные тебе дни как можно лучше!

А Келеборн сказал:

— Прощай, ставший мне родичем! Пусть судьба обойдется с тобой ласковее, чем с нами, и самое дорогое останется с тобой до конца!

На том они расстались. Солнце скатывалось к закату, и, когда хоббиты через некоторое время оглянулись, король Западных земель уже сидел на коне в окружении рыцарей. В блеске заходящего солнца их доспехи отсвечивали красным золотом, а белый плащ Арагорна казался огнен-

ным. Король высоко поднял зеленый камень, и словно изумрудный факел загорелся в его руке.

* * *

Поредевший Отряд доскакал по Исене до Роханского Прохода и, вырвавшись на широкие просторы почти незаселенной земли, вскоре пересек границы Дунланда.

Жители редких поселений убегали и прятались при их приближении, потому что боялись эльфов, как боятся незнаемого, ибо эльфы нечасто бывали в этих краях. Путешественники же дунландцев не боялись, были достаточно сильны и хорошо вооружены. Поэтому ехали совершенно спокойно, располагаясь на отдых и раскидывая шатры там, где им нравилось.

На шестой день после расставания с королем Арагорном друзья оказались в лесу на отрогах Мглистых гор. А когда лес кончился, уже перед закатом на открытой дороге они нагнали старика, одетого в грязно-белые лохмотья и опиравшегося на палку. За ним шаг в шаг волочился второй оборванец, согнувшийся и хнычущий.

— А, Саруман, — сказал Гэндальв, поравнявшись с ними. — Куда держишь путь?

— Какое тебе дело? — ответил старик. — Хо-

чешь еще мною покомандовать? Мало тебе моего поражения?

— Ты прекрасно знаешь ответ на все три вопроса: никакого, нет, и хватит. Но время моих трудов кончается. Бремя с моих плеч принял на свои новый король. Если бы дождался в Ортханке, ты бы его увидел и убедился в его мудрости и милосердии.

— Тем лучше, что не дождался, — огрызнулся Саруман. — Мне от него ничего не надо. И вот ответ на твой вопрос — хочу выйти за пределы его королевства.

— В таком случае, ты опять идешь не туда, — сказал Гэндальв. — Этот путь безнадежен. Ты пренебрегаешь нашей помощью? Мы ведь предлагаем тебе помощь.

— Мне?! — переспросил Саруман. — Зря улыбаешься, лучше бы ты честно хмурился. Я не доверяю ни тебе, ни той, что едет с вами. Она всегда меня ненавидела и строила козни в твою пользу. Теперь наверняка тешится, видя мою нищету, — для того и выбрала эту дорогу! Знал бы, что вы здесь поедете, не доставил бы вам этого удовольствия!

— Саруман, — обратилась к нему Галадриэль, — у нас есть дела поважнее, чем тебя выслеживать.

Радоваться надо, что ты нас встретил. Это улыбка судьбы, твой последний шанс.

— Я буду радоваться, если наша встреча и вправду окажется последней, — ответил Саруман, — чтобы не пришлось еще раз тратить силы на отказ от ваших услуг. Все мои надежды рухнули. Но вашего будущего я не хочу… Если оно у вас есть! — Его глаза вдруг загорелись. — Идите, куда идете! Я не напрасно столько лет корпел над тайнами. Вы обречены, и вы об этом знаете. Мне, скитальцу, доставит утешение хотя бы то, что, уничтожая мой дом, вы начали разрушать свой собственный. Какой же корабль унесет вас обратно за большое-пребольшое Море? — спросил он язвительно и засмеялся скрипучим смехом. — Ах, да, серый корабль, и на нем — призраки!.. А ты, идиот, вставай! — окликнул он второго оборванца, присевшего на землю, и огрел его палкой. — Поворачивай оглобли! Если господа идут по нашей дороге, мы выберем себе другую. Живо двигайся, не то на ужин и объедков не получишь!

Оборванец поплелся за Саруманом, причитая:

— Несчастный Грима! Бедный старый Грима! Все время бранят и бьют. Ненавижу. Если бы я мог от него отвязаться!..

— А ты возьми и отвяжись! — сказал Гэндальв.

Но Причмок — ибо это был он, — только кинул на Гэндальва злой и полный страха взгляд выцветших глаз и поковылял дальше. Поравнявшись с хоббитами, Саруман приостановился, посмотрел на них и поймал ответный взгляд, в котором прочел жалость.

— И вы здесь, малявки, чтобы поглумиться над моим несчастьем? — сказал он. — Не догадываетесь, чего не хватает бедняку? Вам-то что, у вас всего вдоволь, и еды, и одежды, и наилучшего трубочного зелья. Да-да, я все знаю. Знаю даже, откуда оно у вас. Дали бы нищему на одну трубочку, а?

— Дал бы, да у меня нет, — ответил Фродо.

— Ладно, отдам, что осталось, если подождешь, — сказал Мерри. Он спешился и стал шарить в дорожном мешке, притороченном к седлу. Потом протянул Саруману кожаный мешочек. — Высыпай все, что там есть! Не стесняйся, это часть добычи из затопленного Исенгарда.

— Да, да, мое зелье, я его дорого купил! — воскликнул Саруман, жадно хватая мешочек. — Но это только символическая отплата, вы наверняка взяли себе много больше. Что ж, нищему приходится говорить спасибо, даже если вор

возвращает ему огрызок того, что отнял. Ничего, вы еще узнаете лихо, когда вернетесь домой и увидите, что в Южной чверти стало совсем не так, как бы вам хотелось. В Хоббитшире долго будут трудности с трубочным зельем!

— Спасибо, утешил! — ответил Мерри. — В таком случае, отдай мне мешочек, который тебе никогда не принадлежал, а со мной всю дорогу ездил. Заверни зелье в собственные тряпки.

— За грабеж грабежом платят, — сказал Саруман и, повернувшись к Мерриадоку спиной, пнул своего спутника, после чего оба пошли к лесу.

— Вот так раз! — фыркнул Пипин. — Грабеж! Будто он нам ничего не должен за похищение, за раны и за то, как нас орки волокли через весь Рохан!

— Ну его, — сказал Сэм. — Что он там нес, будто *дорого купил*? Интересно, как он его вообще добыл? Очень мне не нравится, что он вспомнил про Южную чверть. Пора нам уже оказаться дома.

— Правильно, пора, — признал Фродо. — Но скоро не получится, если мы хотим увидеть Бильбо. Что бы там ни было, я сначала заеду в Райвендел.

— Я тоже думаю, что так будет лучше, — сказал Гэндальв. — Несчастный Саруман! Боюсь, что те-

перь уже из него ничего хорошего не получится, душа его съедена Злом. Я не уверен, что Древесник был прав. По-моему, эта змея еще сможет укусить, пусть не сильно, но чувствительно.

* * *

На следующий день они были уже в Северном Дунланде. Никто там не жил, но места были зеленые и удивительно красивые. Сентябрь дарил путникам золотые дни и серебряные ночи, и они спокойно доехали до речки Лебяжьей, которая сбегала с гор в низину веселым водопадом. Чуть восточнее водопада нашли старый брод. Со скалы у брода они посмотрели на запад и увидели в дымке светлого утра бесчисленные озера, почти до самой реки Серой. В камышах у этих озер гнездилось множество лебедей.

Так они оказались в Эрегионе.

Нежное утро перешло в день, солнце поднялось над отступающей мглой, и из лагеря, разбитого на пригорке, были хорошо видны три вершины на востоке, стремящиеся к небу сквозь облака: Карадрас, Келебдил и Фануидхол, гномьи горы. Под ними скрывались Врата Мории.

* * *

Здесь они простояли семь дней. Приближался час нового прощания, и сердца у всех сжимались в ожидании разлуки. Келеборн и Галадриэль со свитой должны были повернуть к востоку, пройти перевал под пиком Багровый Рог, потом ступенями Димрилла спуститься к реке Серебринке в свою страну. Они и так сделали лишний крюк к западу, чтобы подольше побыть с Гэндальвом и Элрондом, и сейчас еще оттягивали разлуку, проводя дни в беседах с друзьями. Поздними ночами, когда хоббиты сладко спали, они сидели под звездами, вспоминая ушедшие века, свои труды и радости, размышляя над приходом новой эпохи. Случайный путник, заметив их, немного бы увидел и услышал. Они бы, наверное, показались ему фигурами, вырезанными из серого камня, забытыми в обезлюдевшем месте. Ибо говорили они не словами. Они просто читали мысли друг друга, лишь глаза их мерцали, гасли и снова загорались, следя за ходом этих мыслей.

Наконец все было сказано, и они попрощались, обещав встретиться, когда настанет срок для Трех Колец покинуть Среднеземье. Лориэнские эльфы в серых плащах быстро скрылись, словно

растворились в тенях меж камней, а оставшиеся, которым предстояло идти в Райвендел, долго смотрели им вслед с пригорка. Вдруг в дальней дымке что-то блеснуло светлой молнией, и Фродо понял, что это Галадриэль на прощанье сверкнула поднятым Кольцом.

— Жаль, что мы не смогли заехать в Лориэн, — вздохнул Сэм.

* * *

Наступил день, когда они добрались до нагорья, поросшего вереском, и вдруг — путешественникам всегда кажется, что они видят все вдруг, — перед ними оказался обрыв и внизу — глубокая чаша долины Райвендела, где светились гостеприимные окна Дома Элронда. Они спустились в долину, переправились через мост, подъехали к Дому, и уж тут он весь засиял огнями и зазвенел песнями, приветствуя вернувшегося хозяина.

Не снимая плащей, не умывшись и даже не поев с дороги, хоббиты помчались искать Бильбо. Они застали его одного в маленькой комнатке, буквально засыпанной листками бумаги, карандашами и перьями. Сам Бильбо сидел в кресле перед камином, в котором весело потрескивал огонек. Он стал очень старым, совсем сморщен-

ным, и спокойно дремал.

Когда хоббиты ворвались в его комнату, он открыл глаза и взглянул на них.

— Добро пожаловать! — светло улыбнувшись, проговорил он. — Вернулись, значит. А завтра у меня день рождения, так что вы как раз вовремя, молодцы! Вы знаете, что мне будет сто двадцать девять лет? Через год, если доживу, сравняюсь в возрасте со Старым Туком, вот как. Мне бы хотелось прожить больше, чем он, но уж как выйдет!

* * *

Отпраздновав день рождения старого Бильбо, четверо хоббитов задержались в Райвенделе еще на несколько дней, большую часть времени проводя с ним. Старик теперь выходил из своей комнатки только к столу. Тут он был неизменно пунктуален и почти никогда не просыпал час завтрака или обеда.

Друзья садились с ним у камина и рассказывали все, что запомнили из своих путешествий и приключений. Сначала Бильбо пробовал за ними записывать, но он теперь часто засыпал, а проснувшись, восклицал:

— Удивительно! Необыкновенно интересно! Так на чем мы остановились?

Приходилось начинать снова с того места рассказа, на котором он заснул.

Единственное, что его по-настоящему тронуло и живо заинтересовало, было описание коронации и женитьбы Арагорна.

— Меня, конечно, приглашали на эту свадьбу, — сказал он. — Я же столько лет ее ждал! Но когда до нее дошло, как-то не смог собраться. Тут у меня столько работы, а упаковываться всегда ужасно хлопотно…

* * *

Прошло две недели.

Однажды утром Фродо выглянул в окно и увидел, что за ночь все покрылось инеем, и паутина бабьего лета стала белой. И он вдруг понял, что пора прощаться с Бильбо и трогаться в путь. Погода была еще теплой и тихой, будто сама природа не спешила вычеркивать из памяти чудесное лето, но все-таки был октябрь, и в любое время могли прийти ветра и холода. Путь предстоял неблизкий. Но даже не это подгоняло Фродо. Он не знал, почему, но в глубине души чувствовал, что должен спешить в Хоббитшир. Сэм был того же мнения. Как раз накануне вечером он говорил:

— Знаете, господин Фродо, мы далеко были и

много видели, и лучшего места, чем Райвендел, наверное, не найти. Не знаю, правильно ли я скажу, вы уж меня извините, но тут есть всего понемножку: и от Хоббитшира, и от Золотого леса, и от Гондора, и от королевского двора, и от придорожного трактира, и луга тут, и горы — все-все. Но я, честно сказать, очень беспокоюсь о своем Старике. И чувствую, что надо уходить.

— Ты прав, Сэм. Здесь, действительно, есть от всего понемножку, кроме Моря, — ответил Фродо. И, помолчав, повторил, будто обращаясь к самому себе: — Кроме Моря.

В тот же день Фродо переговорил с Элрондом, и они решили, что назавтра хоббиты уедут. К большой их радости, Гэндальв объявил:

— Вероятно, я поеду с вами. Во всяком случае, до Бригорья. Есть у меня дело к Медовару.

Вечером они пошли попрощаться с Бильбо.

— Ну что ж, если надо, так надо, — сказал Бильбо. — Жаль, конечно. Мне вас будет очень не хватать. Было приятно знать, что вы рядом. Но что-то я теперь все время засыпаю.

Старик подарил Фродо мифриловую кольчужку и Жало, забыв, что уже один раз сделал ему этот подарок; потом дал ему три книги, посвященные различным наукам и истории, переписанные его

тонким, как паутина, почерком в разное время жизни. Книги были в красных переплетах, и на каждой стояло: «Перевод с эльфийского Б.Т.».

Сэм получил от него небольшой мешочек с золотом.

— Это все, что у меня осталось от сокровищ Смога, — сказал старик. — Тебе оно пригодится, если надумаешь жениться, Сэм.

Сэм покраснел до ушей.

— А вам, юные друзья, мне нечего предложить, кроме доброго совета, — сказал Бильбо Мерри и Пипину. Совет он им дал довольно длинный и закончил шуточкой, совсем в хоббичьем духе: — Смотрите, не прорастите сквозь шапки. Если не перестанете расти в таком темпе, у вас карманов не хватит на покупку одежки.

— Но если ты хочешь прожить дольше Старого Тука, почему бы нам не перерасти Бычегласа? — смеясь, сказал Пипин.

Бильбо тоже рассмеялся и вытащил из кармана две красивые трубки, окованные узорным серебром, с перламутровыми мундштуками.

— Вспоминайте старого Бильбо, когда задымите из этих трубок, — сказал он. — Их для меня сделали эльфы, но я теперь не курю… — Тут голова его опустилась на грудь, он заснул, а когда через

некоторое время проснулся, то сказал: — Так на чем мы остановились? Ага, я раздавал подарки. Это мне о чем-то напоминает… Слушай, Фродо, малыш, куда девалось Кольцо, которое я тебе когда-то дал?

— Сгинуло, дядя Бильбо, — терпеливо ответил Фродо. — Я ведь, знаешь, от него избавился.

— Жаль, жаль, — вздохнул Бильбо. — Я бы хотел еще разок на него взглянуть… Нет, кажется, я говорю глупости. Ведь ты за этим отправился в путь, да? Чтобы от него избавиться. Трудно все ухватить, столько с этим связано всего, история Арагорна, и Белый Совет, и Гондор, и всадники, и чернолюды с олифанами… Ты, правда, одного видел, Сэм?.. А потом пещеры, башни, золотые деревья и… кто же все это запомнит? Сейчас я вижу, что возвращался домой из своего путешествия слишком прямой дорогой. Жаль, что Гэндальв не показал мне другие страны. Но тогда я опоздал бы на Аукцион, и у меня была бы уйма лишних хлопот. Сейчас-то, конечно, поздно. Я теперь думаю, что гораздо удобнее здесь сидеть и слушать, как про все это другие рассказывают. Во-первых, тут очень уютно и кормят хорошо, а во-вторых, эльфы всегда под рукой, о чем же еще мечтать?

Убегает Дорога вперед и вперед,

Уходя от родного порога.
Пусть другие уходят теперь на восход,
А оттуда — подальше немного.

Пусть для них разветвляется заново путь,
А меня уж усталые ноги
На постель к камельку понесут отдохнуть
В освещенный трактир при дороге.

Произнеся последние слова затихающим шепотом, Бильбо свесил голову на грудь и заснул совсем крепко.

* * *

Сумерки сгущались, огонь в камине разгорался, друзья смотрели на спящего Бильбо. Старый хоббит улыбался во сне. Некоторое время все молчали, потом Сэм огляделся, увидел, как тени танцуют по стенам, и, обратившись к Фродо, тихо сказал:

— Что-то мне кажется, что господин Бильбо охладел к своим книгам. Вы уж меня простите за дерзость, но нашей истории он, по-моему, не напишет.

Тут Бильбо открыл один глаз, будто услышал.

— Видите, совсем я соней стал, — сказал он. — Если у меня появляется время для того, чтобы писать, я теперь люблю только стихи складывать. Я все хочу спросить тебя, милый Фродо, не смог бы ты привести в порядок мои бумаги? Понятно, если у тебя есть желание. Ты бы собрал все записи и листочки, и мой дневник тоже, и взял бы с собой. Видишь ли, у меня нет времени, чтобы выбрать нужное и правильно все выстроить. И Сэм тебе поможет, а когда все будет в порядке, привези мне посмотреть. Сильно придираться не буду. Обещаю.

— Конечно, я все охотно сделаю, — ответил Фродо, — и постараюсь поскорее приехать, сейчас ездить уже не опасно. У нас теперь настоящий король, уж он быстро наведет порядок на дорогах.

— Спасибо, мой милый, — сказал Бильбо. — Ты снял у меня камень с души.

И старик снова уснул.

* * *

Наутро Гэндальв и хоббиты последний раз навестили Бильбо в его каморке, потому что прощаться на крыльце старому хоббиту было уже холодно, а потом простились с Элрондом и его

домочадцами.

Когда Фродо уже стоял на пороге, Элронд, пожелав ему счастливого пути, негромко добавил:

— Если ты не поспешишь, Фродо, то может быть, тебе незачем будет сюда приезжать. Запомни: примерно в это время года, когда листья, прежде чем упасть с деревьев, станут золотыми, жди Бильбо в лесах Хоббитшира. Я тоже буду с ним.

Кроме Фродо, этих слов никто не слышал, а Фродо никому о них не сказал.

Глава седьмая. Домой

Наконец-то хоббиты повернулись лицом к дому. Им не терпелось поскорее увидеть родной Хоббитшир, но сначала они двигались медленно, потому что Фродо чувствовал себя плохо. Когда они подъехали к броду, он всех задержал, никак не решаясь въехать в воду. Друзья заметили, что он некоторое время очень странно смотрел перед собой, будто ничего не видел и не замечал. А после этого молчал до вечера. Это было шестого октября.

— Тебя что-то мучает? — тихо спросил Гэндальв, подъезжая к Фродо.

— Да, — ответил Фродо. — Плечо. Болит старая

рана, и память Тьмы давит. Сегодня ровно год.

— Увы, есть раны, которые никогда полностью не заживают, — произнес Гэндальв.

— Боюсь, что моя как раз такая, — сказал Фродо. — Возвращения не бывают настоящими. Может быть, я и доеду до Хоббитшира, но все будет не так, потому что я стал другим. Покалечили меня кинжал, ядовитое жало, острые зубы, долгая ноша… Где найду покой?

Гэндальв не ответил.

* * *

К концу следующего дня боль и тревога прошли, и Фродо снова повеселел, будто забыл о вчерашних черных мыслях. Дальнейшее путешествие проходило спокойно, и ехали они не спеша, часто останавливаясь на отдых в красивых лесах, где деревья переливались красно-золотыми листьями в осеннем солнце. До горы Ветров добрались в сумерки. От нее на дорогу падала густая тень. Фродо попросил их поспешить, а сам, не взглянув на гору, опустил голову, поплотнее завернулся в плащ, и так через тень проехал. В ту ночь погода резко изменилась. С шумом подул западный ветер, пригнал холодный дождь, а желтые листья закружились в воздухе, как стаи птиц. Когда пу-

тешественники добрались до Прилесья, деревья почти сбросили листву, а вид на Бригорье заслоняла сплошная завеса дождя.

Так в конце октября ветреным и дождливым вечером пятеро путешественников въехали по крутой дороге на холм и оказались перед южными воротами Бригорья. Ворота были крепко заперты, дождь хлестал им в лицо, по темному небу плыли низкие тучи, и путникам стало не по себе, так как в глубине души они ждали совсем другой, радостной встречи.

Они долго стучали и кричали, пока, наконец, не появился привратник с толстой палкой. Он посмотрел на них с опаской и подозрением, но увидев Гэндальва и узнав в его спутниках хоббитов, посветлел. Открыл ворота и пригласил войти:

— Въезжайте! Здесь, на дожде и холоде, трудно разговаривать, ужасная ночь, но старина Медовар в «Пони», наверное, примет вас по-доброму, а там уж все новости узнаете.

— А ты потом узнаешь там все, что мы расскажем, и даже больше, — рассмеялся Гэндальв. — Как поживает Гарри?

Привратник нахмурился.

— Нет его… спроси у Баттерса, — ответил он. —

Доброй ночи!

— Доброй ночи! — ответили ему дружно и поехали дальше, заметив, что за живой изгородью у дороги теперь стоит длинный низкий дом, и из-за заборов за ними следит не одна пара глаз, несмотря на дождь. Возле дома Билла Хвоща живая изгородь была запущена и не подстрижена, а окна самого дома забиты досками.

— Ты случайно его тогда яблоком не убил, Сэм? — спросил Пипин.

— Это была бы крупная удача, господин Пипин, — ответил Сэм. — Но меня больше интересует, что сталось с тем бедным пони. Я его много раз вспоминал, и как волки тогда выли.

* * *

Трактир «Гарцующий пони» внешне не изменился. Из-за красных занавесок первого этажа лился теплый свет. На звонок прибежал Ноб и, приоткрыв дверь, выглянул в щель. При виде гостей в свете фонаря он ахнул от изумления.

— Господин Баттерс! Хозяин! — закричал он во всю мочь. — Они вернулись!

— Да ну? Вот, я их сейчас проучу! — раскатился по коридору голос Медовара, который тут же появился в дверях, размахивая толстой дубин-

кой. Но когда он понял, кто вернулся, то сначала остолбенел, потом потерял грозный вид и расплылся в удивленной и радостной улыбке.

— Ноб, овчина ты бестолковая, не мог старых друзей назвать по имени? Напугал меня, дурень, времена-то ведь какие! Рад вас приветствовать, рад. Да откуда вы? Я уж не чаял вас увидеть живыми. Пошли ведь за Долгобродом в Дикие земли, где все эти черные, — хуже не бывает. Рад вас видеть, а особо Гэндальва. Входите, прошу! Хотите те же комнаты? Они как раз сейчас свободны. В общем, свободны сейчас почти все, не буду скрывать, вы бы и так сразу это заметили. Пойду посмотрю, что можно сообразить на ужин, и постараюсь быстренько подать; трудновато, конечно, прислуги у меня теперь мало. Ноб, бездельник, Боба позови!.. Ох, что я говорю, сейчас и Боба нет, он же под вечер всегда уходит домой, ночует в семье. Отведи лошадок на конюшню, Ноб. А ты, Гэндальв, своего коня, наверное, сам отведешь? Красавец, что и говорить, я с первого раза это заметил, чудный скакун! Ну, входите, входите, будьте как дома.

Господин Медовар несмотря ни на что красноречия не потерял и суетился по-прежнему, но в его трактире стало совсем пусто и тихо; из

общей залы слышалось всего два-три голоса, а когда гости повнимательней пригляделись к лицу хозяина при свете двух свечей, которые он зажег, то заметили, что он погрустнел и даже слегка осунулся.

Медовар проводил их в гостиную, в которой год назад они провели необычную ночь. Шел он преувеличенно гордо, но они почувствовали, что за этим кроется большое беспокойство. Видно, в Бри происходили серьезные перемены. Однако никто ни о чем пока не спрашивал.

Как они и ожидали, после ужина господин Медовар сам пришел к ним в гостиную спросить, довольны ли гости. Гости были довольны, потому что в «Гарцующем пони» оказалось по-прежнему прекрасное пиво и вкусная еда.

— Не смею настаивать, чтобы вы проводили остаток вечера в общей Зале, — сказал Медовар, — ибо вы, вероятно, устали, а там нет почти никого. Но если перед тем, как ложиться спать, вы не откажетесь уделить мне полчасика, я с удовольствием побеседую с вами наедине.

— Ты, как всегда, угадываешь желания, — ответил Гэндальв. — Мы совсем не устали, дорога была легкой. Мы промокли, замерзли и проголодались, но это, благодаря твоим заботам, уже

позади. Садись рядышком, Баттерс, а если дашь нам вдобавок трубочного зелья, мы тебя не то что благодарить, а благословлять будем.

— Вот это уж самая трудная задача, — произнес Медовар. — Зелья у нас давно не достать, есть только то, что сами выращиваем, а этого, конечно, не хватает. Из Хоббитшира оно сейчас не поступает. Но я постараюсь, поскребу в своих запасах.

Он ушел и вернулся с пучком неразрезанных листьев, которых им могло хватить дня на два, не больше.

— Это Окраинное зелье, лучшее, что у нас есть; ему, конечно далеко до листьев из Южной чверти, хотя во всем остальном я всегда предпочитал Бри Хоббитширу, вы уж меня простите.

Они подвинули к огню большое кресло для хозяина, Гэндальв сел напротив, а хоббиты расположились на низких табуретах между ними. Проговорили они, конечно, не один раз по полчасика, пока не выложили друг другу все новости, которые Медовар хотел сам услышать или им сообщить. Многое из того, что ему рассказывали, бесконечно удивляло трактирщика и не укладывалось у него в голове, так что он только восклицал время от времени отчасти из веж-

ливости, но, пожалуй, больше оттого, что ушам своим не верил:

— Что я слышу, господин Торбинс… извините, господин Подхолмс! Ой, я все уже спутал окончательно… Неужели, господин Гэндальв? Кто бы мог подумать! Даже не верится! В наше-то время… Ну и ну!

Самому Медовару тоже было о чем рассказать. В Бри вовсе не было спокойно. Дела его шли не очень хорошо, а по правде сказать, даже совсем скверно.

— Чужестранцы к нам теперь не заезжают, сидим по домам, запершись на несколько замков, — жаловался он. — А все началось с тех бродяг, которые год назад стали сюда сползаться по Зеленому тракту, да вы некоторых из них видели, помните? Потом они стали приходить целыми бандами. Среди них попадались бедняги, гонимые ветром, но большинство были злодеи, преступники и убийцы. К нам в Бригорье пришла беда: даже настоящая стычка произошла, и в ней было несколько убитых, представляете себе, совсем убитых! Честное слово, не вру!

— Верим, — сказал Гэндальв. — Сколько?

— Три и два, — ответил Медовар, считая отдельно огромин и хоббитов. — Бедняга Мэт Верескун,

Ролли Яблочко и малыш Том Шиповинс из-за горы, потом Вилли Навальник и один Подхолмс из Намостья. Все хорошие ребята, мы до сих пор не утешились. А вот Гарри Козолист, тот, что был привратником у Западных ворот, и Билл Хвощ переметнулись к чужакам и потом вместе с ними удрали. Я думаю, что именно они впустили бандитов в город в ту ночь, когда произошла стычка. Незадолго до нее, как-то под конец года, мы показали чужакам на ворота и выпроводили их без церемоний, а сразу после Нового года, по свежему снегу, и произошло все это. Гарри с Биллом вместе с ними ударились в разбой и сейчас засели за Криволесьем или севернее. Как в то странное время, о котором в сказках говорят. На дорогах опасно, все боятся дальних путешествий и рано запирают двери. Приходится выставлять охрану вдоль изгородей и держать большие укрепленные посты у ворот.

— А нас никто не тронул, — сказал Пипин, — хотя мы ехали медленно и без прикрытия. Мы думали, что все неприятности остались позади.

— Ой, нет, господин Перегрин, неприятности у вас еще будут в достаточном количестве, — ответил Медовар. — В том, что на вас не напали, нет ничего удивительного. Они не нападают на

вооруженных, когда видят мечи, шлемы, щиты и все такое. Каждый из них два раза подумает, прежде чем вас тронуть. Правду сказать, я тоже струхнул, когда вас увидел.

Тут только хоббиты вдруг поняли, что люди удивлялись не столько их возвращению, сколько их вооружению. Они сами уже так привыкли к военным доспехам и окружению хорошо вооруженных воинов, что даже не подумали, как странно и неуместно могут выглядеть в их родных краях блестящие кольчуги под плащами, гондорский и роханский шлемы, шиты с гербами и вдобавок сам Гэндальв, весь в белом, на крупном сером коне, в тканом плаще, который переливался разными оттенками от голубого до серебряного, с длинным Гламдрингом у пояса.

Гэндальв расхохотался.

— Вот и хорошо! — сказал он. — Если наша пятерка их пугает, будем радоваться, ибо в пути мы встречали гораздо худших противников. Да и тебе, значит, спокойнее, пока мы тут.

— А долго ли вы тут будете? — спросил Медовар. — Я бы, конечно, охотно вас задержал у себя подольше, потому что мы к дракам не привыкли, а стражи-скитальцы отсюда все ушли, как люди говорят. Только теперь мы начали понимать, что

они для нас делали. Оказывается, вокруг нас есть враги поопаснее простых бандитов. Прошлой зимой волки выли под самой загородкой. В лесу бродят какие-то темные твари, такие страшные, что при одной мысли о них кровь в жилах застывает. Очень-очень это все тревожно.

— Конечно, — согласился Гэндальв. — В последнее время почти во всех странах стало неспокойно, и даже очень. Но выше голову, Медовар! Тебе грозили весьма крупные неприятности, и я рад слышать, что самого плохого не случилось. Скоро наступят лучшие времена. Таких времен, наверное, при тебе еще не было! Стражи вернулись. Мы вернулись вместе с ними. У нас опять есть король, дорогой Медовар, и он скоро вспомнит об этой части своего королевства. Тогда снова оживет Зеленый тракт, по нему на север помчатся королевские гонцы, и начнется движение в обе стороны, а злые твари исчезнут, их выгонят из ваших лесов. Пустоши станут полями, на них заживут люди.

Медовар покачал головой.

— Конечно, честные путешественники вреда не принесут, — сказал он. — Но мы не хотим больше драк, и бродяг нам не надо, и чужаков мы бы не хотели видеть ни в Бри, ни поблизости. Пусть

нас не трогают, нечего им тут селиться и пахать наши пустоши.

— Не волнуйся, Баттерс, тебя они не тронут! — успокоил его Гэндальв. — Места всем хватит, пока еще свободны земли от Исены до реки Серой, и вообще к югу от Брендидуина, их можно занимать, близко не подходя к Бригорью, а ведь было время, когда множество людей жило на севере, за сто миль отсюда, и еще дальше, где кончается Зеленый тракт, на Северных холмах и вокруг озера Эвендим.

— На севере, где Вал Мертвецов? — с сомнением произнес Медовар. — Да там спокон веков жили одни привидения; никто, кроме разбойников, туда и близко не подходил.

— Однако скитальцы там бывали, — сказал Гэндальв. — Ты говоришь: Вал Мертвецов. Так его, правда, зовут давно, но еще раньше он назывался Форност Эраин, Норбур, северный город королей. Настанет день, когда король туда вернется, вот тогда и увидишь на дорогах самых благородных путешественников.

— Что ж, это уже лучше звучит, — сказал Медовар. — Тогда мои дела наверняка поправятся. Но лучше бы этот король оставил Бри в покое.

— Оставит, оставит, — ответил Гэндальв. — Он

ведь ваше Бригорье знает и любит.

— Как же это может быть? — спросил Медовар. — Что-то я не пойму. Он себе сидит на высоком троне в мощной крепости за сотни миль отсюда, что он может о нас знать? Пьет вино из золотых кубков. Что ему мой «Пони» и пиво в кружках? Хотя, что касается пива, оно у меня все-таки превосходное, Гэндальв, а с осени прошлого года, когда ты нас в последний раз навещал и наложил на него доброе слово, стало просто необыкновенно вкусным. Для меня это было единственным утешением в трудные дни.

— Король говорит, что у тебя всегда пиво было вкусное, — не выдержал Сэм.

— Король?

— А как же! Король Долгоброд, вожак стражей-скитальцев. У тебя до сих пор в голове не прояснилось?

Похоже, что теперь прояснилось, потому что Медовар от удивления онемел. Глаза у него чуть не вылезли из орбит, рот беззвучно раскрывался и закрывался.

— Долгоброд?!! — воскликнул он, наконец, когда к нему вернулся дар речи. — Долгоброд в короне с золотым кубком? До чего же мы дожили?

— До лучших времен, Баттерс, во всяком случае,

для Бригорья, — сказал Гэндальв.

— Конечно, конечно, я уже верю, — ответил Медовар. — Знаете, друзья, мне уже сто лет ни с кем не было так приятно говорить, как с вами. Честно вам скажу, что сегодня я засну спокойно. Есть о чем подумать, но отложим все дела до утра. Сейчас меня клонит ко сну, да и вас, наверное, тоже. Эй, Ноб! — закричал он, подходя к двери. — Ноб, бездельник!.. — И вдруг хлопнул себя по лбу. — Сейчас, сейчас… Ноб? Что я должен был вспомнить?..

— Надеюсь, на этот раз не письмо, господин Медовар? — спросил Мерри.

— Зачем вспоминать старые грехи, господин Брендибак? Вы мне мысль перебили. На чем я остановился? Ноб… конюшни. Ага, вот! У меня тут кое-что есть, что на самом деле не мое, а ваше. Помните конокрада Билла Хвоща и того пони, которого он вам продал? О нем речь. Пони-то ко мне прибежал. Сам прибежал, добровольно. Откуда? Вам лучше знать. Он был грязен, как старый пес, хвост и грива у него спутались, худой был, как вешалка, но живой. Ноб за ним тут ухаживает.

— Не может быть! Мой Билл! — завопил Сэм. — Я точно в рубашке родился, что бы там мой Старик ни говорил! Еще одно желание исполни-

лось. Где он?

Сэм так и не лег, пока не сбегал к своему Биллу на конюшню.

* * *

Путешественники задержались в Бригорье на весь следующий день, и в этот день господин Медовар никак не смог бы пожаловаться на застой в делах. Любопытство оказалось сильнее всех страхов, и вечером трактир был переполнен. Хоббиты, отдавая долг вежливости, пошли в общую Залу и ответили на множество вопросов. А в подтверждение того, что у бригорян хорошая память, многие спрашивали Фродо, написал ли он свою книгу.

— Еще нет, — отвечал он. — Вот приеду домой, там приведу в порядок путевые заметки.

Ему пришлось тут же обещать, что он обязательно упомянет о необыкновенных событиях, разыгравшихся в Бри, потому что книжка не может стать интересной, если вся будет посвящена далеким и гораздо менее важным событиям, произошедшим «где-то на юге».

Потом один из молодых парней попросил его спеть, но тут настала настороженная тишина, старшие уничтожающе посмотрели на легко-

мысленного молокососа, и его просьбу никто не поддержал. Стало ясно, что бригоряне не желали повторения прошлогодних безобразий. Однако на этот раз, пока путешественники гостили у Медовара, покой бригорян ничем не был нарушен, и ночь прошла тихо и мирно. Рано утром пришлось прощаться, ибо хотя погода была по-прежнему дождливой, дорога предстояла дальняя, а в Хоббитшир им хотелось прибыть засветло.

Бригоряне толпой собрались их провожать, такого веселого настроения у них целый год не было. Те, кто еще не видел гостей в полном параде, вытаращили глаза от удивления, когда сначала показался Гэндальв с белоснежной бородой, в голубоватом плаще, сияющий, словно солнце, прикрытое облаком, а за ним — четыре хоббита, как четыре странствующих рыцаря из полузабытых легенд. Теперь даже те, кто посмеивался, слушая рассказ о короле, начали подозревать, что во всем этом была доля правды.

— Счастливого пути вам и счастливого возвращения домой! — сказал трактирщик Баттерс. — Я, вероятно, должен был вас предупредить сразу, что у вас в Хоббитшире тоже не все ладно, если верить слухам. Странные дела творятся. Но так уж устроен человек, то одно, то другое, собственные

хлопоты мешают помнить про чужие. Правда, и вы, с позволения сказать, настолько изменились в своем путешествии, что наверняка справитесь со всеми неприятностями. Не сомневаюсь даже, что вы там быстро наведете порядок. Желаю удачи! И помните, что чем чаще вы будете навещать «Гарцующего пони», тем больше радости мне доставите.

* * *

Сердечно попрощавшись с Медоваром, все пятеро выехали из Бригорья через Западные ворота в сторону Хоббитшира. Пони Билла они, конечно, взяли с собой, и хотя на нем был приличный груз, он трусил рядом с Сэмом с предовольным видом.

— Интересно, на что намекал старина Медовар, — задумчиво произнес Фродо.

— Я, кажется, кое о чем догадываюсь, — грустно откликнулся Сэм. — Это то, что мне когда-то показало Зеркало: вырубили деревья и все такое, а моего Старика выгнали с Пронырной. Надо было спешить и нигде не задерживаться.

— И что-то случилось в Южной чверти, — подхватил Мерри. — Трубочного зелья нигде нет.

— Что бы там ни случилось, — сказал Пипин, — но если что плохое, готов поклясться, что Лотто к

этому руку приложил.

— Руку, может, и приложил, но воду мутит кое-кто покрупнее, — произнес Гэндальв. — Мы забываем о Сарумане. Он ведь начал интересоваться Хоббитширом раньше, чем Тот в Мордоре.

— Но сейчас ты с нами, — сказал Мерри. — Значит, все быстро наладится.

— Это сейчас я с вами, — возразил Гэндальв. — Но мы вот-вот расстанемся. В Хоббитшир я не поеду. Сами разбирайтесь со своими делами, недаром вас к этому готовили, неужели непонятно? Мое время прошло. Я больше не обязан наводить порядки в мире и помогать всем, кто этим занимается. Да и вам, друзья, помощь больше не нужна. Вы выросли. Вы здорово выросли, дотянулись до самых высоких, за вас можно больше не волноваться. Если хотите знать, я скоро сверну с дороги. Собираюсь побеседовать с Бомбадилом, причем так долго, как никогда в жизни не беседовал. Ведь из двух камней он был тем, кто обрастает мхом, а мне пришлось катиться по белу свету. Вот подкатываюсь к концу пути, теперь нам есть что рассказать друг другу.

* * *

Скоро они подъехали к тому месту на Восточном тракте, до которого их когда-то провожал Том Бомбадил. Хоббиты надеялись, что увидят его здесь снова, им очень хотелось, чтобы он вышел им навстречу, но его нигде не было видно. Седая мгла стелилась на юге над Могильниками, а вдали в густых туманах тонул Старый лес.

Путешественники сдержали лошадей. Фродо с грустью вглядывался в туман.

— Я бы очень хотел увидеть Старого Тома, — проговорил он. — Интересно, как ему живется.

— Отлично, как всегда, за это я ручаюсь, — сказал Гэндальв. — Он живет без забот, и наверняка знать не хочет, где мы были и что видели. Пожалуй, из всех ваших приключений его могла бы заинтересовать лишь встреча с энтами. Может быть, придет время, когда ты с ним встретишься. А сегодня я бы на твоем месте не тратил ни минуты и спешил домой, а то вы не успеете на Брендидуинский Мост, потому что ворота закроют.

— Но там нет никаких ворот! — воскликнул Мерри. — Чего же закрывать? Есть Баклендские ворота, но меня там всегда пропустят.

— Скажи лучше «не было», — ответил Гэндальв. — Но сейчас, по-моему, вы на них наткнетесь. И даже у Баклендских ворот встретите препятствия, о которых не подозреваете. Но преодолеть сумеете, в этом я не сомневаюсь. До свиданья, друзья! Мы расстаемся не навсегда, и я пока не говорю «прощайте»! До свидания!

Маг повернул Серосвета и съехал с дороги. Жеребец легко перемахнул через зеленый вал, насыпанный вдоль тракта и поросший травой, Гэндальв что-то крикнул ему, и Серосвет вихрем помчался на юг, к Могильникам.

* * *

— Вот и снова нас четверо, как в начале Похода, — сказал Мерри. — Всех друзей оставили в пути, одного за другим. Подумаешь — так будто все, как сон, прошло и постепенно развеялось.

— Мне кажется, наоборот, — сказал Фродо. — Здесь все настолько не так, что я будто сейчас начинаю смотреть сон.

Глава восьмая. Беспорядки в Хоббитшире

Уже стемнело, когда усталые и промокшие путники подъехали, наконец, к Брендидуинскому мосту и обнаружили, что дорога загорожена. По обоим концам моста щетинились кольями массивные ворота. На противоположном берегу реки стояли новые двухэтажные дома с узкими прямоугольными окнами без занавесок. Свет в окнах был тусклым. Дома казались угрюмыми и чужими. На Хоббитшир это было очень не похоже. Потом они с удивлением услыхали звук рога и увидели, что свет в домах за рекой погас. Из темноты кто-то крикнул:

— Кто там? Отойдите от ворот. Сейчас все равно не войдете. Вы что, читать не умеете? Написано же: *«Закрыто с захода до восхода солнца».*

— Конечно, в темноте мы читать не умеем, — крикнул в ответ Сэм. — Но если из-за этой вашей надписи хоббиты из Хоббитшира должны мокнуть под дождем в холодную ночь, я сейчас это объявление отыщу и сорву, чтоб его не было!

Хлопнула створка окна, лязгнул засов, из дома

слева высыпала толпа полуростиков с фонарями. С противоположной стороны моста ворота открылись, несколько хоббитов даже перебежали через мост. При виде путешественников они, по-видимому, испугались.

— А ну, иди сюда, Хоб Сеногрыз! — закричал Мерри, узнав при свете фонаря одного из старых знакомых. — Что все это значит? Это же я, Мерри Брендибак! Что здесь делают порядочные баклендские хоббиты вроде тебя? Ты же был привратником у Загороди?

— Ой, батюшки! Господин Мерриадок, право слово, он, а одет, как рыцарь, и с оружием! — воскликнул хоббит с седеющей головой. — Тут говорили, что молодой господин погиб, заблудился в Старом лесу. Вот радость-то видеть вас живым и невредимым!

— Если рад, так кончай таращить на меня глаза и отворяй ворота! — потребовал Мерри.

— Очень сожалею, господин Мерриадок, но этого не могу. У нас приказ.

— Кто приказал?

— Шеф из Торбы-в-Холме.

— Какой еще шеф? Ты хотел сказать — Лотто? — спросил Фродо.

— Он, он, господин Торбинс. Но надо говорить

«шеф».

— Да ну? — сказал Фродо. — Вообще, в этом что-то есть. Так он хоть не позорит нашу фамилию. Но видно, пора, чтобы родственники им занялись и призвали его к порядку.

Хоббиты за воротами притихли.

— Лучше таких вещей не говорить; он может узнать, — сказал после паузы кто-то оттуда. — А если будете так орать, разбудите шефову огромину!

— Мы его разбудим так, что он долго удивляться будет! — закричал Мерри. — Если это означает, что твой замечательный шеф берет на службу бандитов из Дикого края, то мы и вправду слишком задержались.

Он соскочил с пони и, увидев в свете фонарей объявление, содрал его с ворот и перебросил через них. Хоббиты на мосту отступили, но ни один не подошел открыть ворота.

— Ко мне, Пипин! Вдвоем справимся. Айда!

Мерри и Пипин перелезли через ворота. Хоббиты с моста удрали. Снова заиграл рог. Из большого дома с правой стороны вышла крупная фигура, хорошо различимая на фоне освещенной двери.

— Что за шум? — заворчал вышедший. — Кто посмел ломать ворота? Уматывайте отсюда, не то

хребты вам переломаю, криволапые!

И вдруг он остановился, увидев блеск мечей.

— Билл Хвощ! — сказал Мерри. — Если через десять секунд ты не откроешь ворота, горько пожалеешь. Я тебя научу слушаться вот этим железом. Отворяй ворота и убирайся сам, чтоб я тебя больше не видел, подлый бандит, убийца с большой дороги!

Хвощ пригнулся, поплелся к воротам, отодвинул засов.

— Отдай ключ! — потребовал Мерри.

Но бандит швырнул ему ключ в лицо и нырнул в темноту. Когда он пробегал мимо пони, один из них заржал и лягнул его. Хвощ взвыл и скрылся в мокрой темноте. Больше о нем никто не слышал.

— Браво, Билл, умница! — похвалил лошадку Сэм.

— С вашим огроминой, таким образом, все ясно, — сказал Мерри. — Придет время, рассчитаемся и с шефом. Сейчас нам нужно где-то поспать, а раз вы, как я вижу, развалили трактир и вместо него выстроили эти гнусные дома, придется вам пустить нас на ночь.

— Простите великодушно, господин Мерриадок, — смутился Хоб. — Это запрещено.

— Что запрещено?

— Принимать проезжающих на постой, принимать пищу, помимо отпущенной, и вообще всякое такое, — сказал Хоб.

— Что тут происходит? — спросил Мерри. — Разве в этом году был неурожай? Мне казалось, что лето было прекрасное и сбор с полей должен быть богатым.

— Год, вообще-то, был хорошим, — ответил Хоб. — Урожай мы собрали обильный; но точно неизвестно, что с ним стало. Похоже, что он почти весь достался этим сборщикам и испольщикам, которые сейчас ходят по стране: все считают, меряют и растаскивают по складам. Оттуда назад ничего не возвращается. Они больше забирают, чем дают.

— Это все так гнусно, что у меня больше сил нет слушать, — сказал Пипин, зевая. — У нас в мешках есть кое-какая еда. Дайте нам комнату, чтобы было где голову приклонить. Нам и в худших местах спать приходилось.

* * *

Хоббиты, охранявшие мост, не на шутку перепугались. Требование Пипина шло вразрез со всеми правилами, но никто не смел противоречить вооруженным путешественникам, из

которых двое были, вдобавок, очень рослыми и сильными.

Фродо приказал закрыть за ними ворота. Покуда вокруг бродили разбойники, такая осторожность была, похоже, не лишней. После этого четверо друзей вошли в хоббичью казарму. Караульня там была неуютная, грязная, с голыми стенами и маленьким каминчиком, в котором даже нельзя было разжечь порядочный огонь. В верхних комнатах стояли жесткие койки, на стенах висели разные инструкции и длинный список запрещающих правил. Пипин их тут же содрал и кинул в камин.

Пива у караульных не было совсем, еды — какие-то крохи, но из провианта, который друзья вытащили из дорожных мешков, получился неплохой ужин для всех присутствующих. Нарушая запрет номер четыре, Пипин сунул в камин вязанку дров, предназначенных на завтра.

— Сейчас бы еще трубочку закурить, чтобы легче было слушать ваш рассказ о том, что творится в Хоббитшире, — вздохнул он.

— Трубочного зелья нет, — ответил Хоб. — Вернее, есть, но только для огромин. Похоже, что запасы кончились. Мы слышали, что из Южной чверти еще в прошлом году, после вашего отъ-

езда, вышел целый караван телег, груженных Долгодонскими листьями, но куда его отправили, никто не знает. Кажется, на юг по старой дороге, к Каменному броду. Кроме этого, зелье вывозили понемногу-потихоньку. Этот Лотто…

— Лучше бы ты держал язык за зубами, Хоб Сеногрыз! — закричало сразу несколько голосов. — Знаешь ведь, что такие разговоры запрещаются. Дойдет до шефа, о чем ты тут болтал, и всем нам не поздоровится.

— Не доходило бы, если бы среди вас не попадались доносчики! — запальчиво ответил Хоб.

— Тише, тише, — сказал Сэм. — Хватит, мы уже достаточно узнали, больше ни слова. Пива нет, гостеприимства нет, трубочного зелья нет, зато запретов и доносов хватает, словно вы орки, а не хоббиты. Я-то думал, что мы наконец отдохнем, а теперь вижу, что нас ждут новые дела. Пошли лучше спать, а все остальное отложим до утра.

* * *

У нового «шефа», по-видимому, были свои способы узнавания новостей. От Брендидуинского моста до Торбы-в-Холме было сорок с лишним миль, но кто-то, видно, успел быстро их преодолеть, в чем Фродо и его друзья очень скоро

убедились.

У них не было определенных планов. Сначала они собирались вместе податься в Кричью Балку, устроив что-то вроде небольших каникул, но, поняв, что происходит что-то неладное, решили ехать прямо в Хоббиттаун. И утром уже погоняли лошадок по тракту. Ветер утих, но небо было хмурым. Земля тоже казалась хмурой и опустошенной. Правда, был уже первый день ноября, конец осени. Но необычно часто для этого времени года они замечали с дороги, как то тут, то там что-то горит, темный дым клубами плывет в сторону Лесного Предела.

Под вечер путники доехали до Жабса, довольно большой деревеньки у тракта в двадцати двух милях от моста. Здесь они предполагали заночевать, памятуя добрую славу местного трактира «На плоту».

Но и здесь их встретила неприятная неожиданность — тракт оказался перегорожен толстым бревном, большая вывеска гласила: «Проезд воспрещен», а за бревном стоял отряд ширрифов в шляпах с перьями, с палками в руках. Лица у них были надутые и, похоже, слегка перепуганные.

— Что все это значит? — спросил Фродо, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

— А то, господин Торбинс, — ответил старший ширриф, у которого из шляпы торчало сразу два пера, — что вы арестованы за взлом ворот, срывание правил, нападение на привратников, переход границы без разрешения, ночевку в государственной казарме и подкуп подкармливанием дежурных, находившихся при исполнении.

— Больше ничего? — спросил Фродо.

— Этого вполне достаточно, — ответил старший ширриф.

— Я могу еще добавить, если хотите, — вмешался Сэм: — Обзывание шефа именами, которых он заслуживает, чесание руки, которой я собираюсь заехать по его прыщавой роже, а также думание о ширрифах, что они стали сборищем болванов!

— Хватит! По приказу шефа вы должны без сопротивления следовать за нами. Мы вас отведем в Приречье и сдадим шефовым огроминам. Все, что захотите сказать, скажете на суде. А если не хотите долго сидеть в Длинных Подвалах, советую вообще не разговаривать.

Фродо и его друзья разразились в ответ громким смехом. Ширрифы опешили.

— Не болтай глупостей, — сказал Фродо. — Я поеду туда, куда хочу, и тогда, когда захочу. По стечению обстоятельств, сейчас я направляюсь

в Торбу-в-Холме, где у меня есть дело, и если тебе так уж хочется идти с нами, присоединяйся, дело твое.

— Пусть так, господин Торбинс, — согласился старший ширриф, — но не забудьте, пожалуйста, что я вас арестовал.

— Этого я никогда не забуду, — сказал Фродо. — Может быть, впрочем, когда-нибудь прощу. А поскольку сегодня я никуда ехать дальше не собираюсь, отведи нас в трактир «На плоту», очень обяжешь.

— Этого, извините, не могу, господин Торбинс. Трактир закрыт. Тут на другом конце поселка есть только Дом ширрифов, туда можно, если со мной.

— Ладно, веди, — сказал Фродо.

* * *

Тем временем Сэм, присматриваясь к ширрифам, обнаружил среди них давнего приятеля.

— Эй, Роб! Робин Мелкорой! Иди-ка сюда, поболтаем, — окликнул он.

Робин с опаской покосился на старшего ширрифа, который нахмурился, но возразить не посмел, и робко подошел к Сэму. Сэм соскочил с пони.

— Слушай, Робичек, — заговорил он. — Ты же

вырос в Хоббиттауне и должен иметь мозги. Как вам не стыдно нападать на господина Фродо? И почему трактир закрыт?

— Все трактиры закрыты, — ответил Робин. — Шеф терпеть не может пива. С этого все и началось. Только я думаю, что его огромины все выпивают. Кроме того, шеф не любит, чтобы народ ездил по стране, и сейчас, если кому куда надо, приходится идти в Дом ширрифов, докладывать и объяснять, куда собрался и по какому делу.

— Постыдился бы участвовать в таких безобразиях, — сказал Сэм. — Я же помню, как ты всегда любил изучать трактиры изнутри, а не снаружи. Хоть на службе, хоть с друзьями ты ни разу не отказался от кружки доброго пива.

— Я бы и сейчас так делал, если б можно было. Но не суди меня так строго, Сэмми. Что делать? Я поступил в ширрифы семь лет назад, ты же знаешь, тогда ничего такого не было. Я тогда как ширриф мог бывать в разных местах, первым слышал новости, знал, где пиво лучше. Это теперь стало по-другому.

— Ну, так брось это все, на кой тебе оставаться в ширрифах, займись чем-нибудь порядочным, — сказал Сэм.

— Это *запрещено*, — ответил Робин.

— Еще раз услышу от тебя это слово, рассержусь окончательно! — воскликнул Сэм.

— Честно говоря, я бы не обиделся, если бы ты рассердился, — ответил Робин, понижая голос. — А если бы мы все крепко рассердились, может, вместе что-нибудь бы сделали. Но пойми, Сэм, у Шефа есть свои огромины, он их всюду рассылает, а если кто-нибудь из нас, полуростиков, вспоминает про свои права, нас тащат в Длинные Подвалы. Самым первым посадили толстого бургомистра Вилли Белонога, потом много других. Чем дальше, тем хуже. Узников теперь бьют.

— Зачем же ты им служишь? — зло спросил Сэм. — Кто тебя сейчас послал в Жабс?

— Никто. Мы здесь стоим, в большом Доме ширрифов. Я числюсь в первом отряде Восточной чверти. У нас теперь сотни ширрифов, а с этими новыми правилами нужно еще больше. Очень многие служат против воли, но находятся и такие, кому это нравится, любители совать нос в чужие дела и делать важный вид. Есть и похуже — доносчики, они все сообщают шефу и его огроминам. Их, правда, мало.

— Ага! Значит, вот как вы о нас узнали?

— Конечно. Обычно нам не разрешают пользоваться срочной почтой, а им можно, они держат

гонцов в разных местах. Один такой гонец прибежал ночью от моста с *тайным донесением*, другой понес это донесение дальше. А сегодня в полдень мы получили приказ вас арестовать и доставить в Длинные Подвалы, но сначала в Приречье. Очевидно, Шеф хочет с вами встретиться.

— Перехочет, когда господин Фродо с ним разберется, — сказал Сэм.

* * *

Дом ширрифов в Жабсе оказался не лучше казармы у Брендидуинского моста. Он был одноэтажным, но с такими же узкими окнами и построен из такого же некрасивого серого кирпича, уложенного кое-как. Внутри было сыро и хмуро, ужин подали на длинном столе, доски которого давно никто не скоблил. Впрочем, полусъедобная еда такому столу вполне соответствовала.

Путешественники уходили отсюда без сожаления и в десять часов утра были снова на тракте. В другое время они бы выехали раньше, ведь до Приречья оставалось еще около восемнадцати миль, но сейчас нарочно задержались, чтобы позлить старшего ширрифа.

Ветер сменил направление, дул теперь с севера,

было холодно, но дождь унялся. Кавалькада с сопровождением выглядела в высшей степени забавно, но несколько местных жителей, которые вышли посмотреть, не были уверены, что смеяться разрешено, и потому молчали.

Двенадцать ширрифов должны были по приказу сопровождать «арестованных», но Мерри заставил их идти впереди, в то время как Фродо с друзьями скакали сзади. Ширрифы старались вышагивать с важным видом, Фродо молчал и казался задумчивым, а Мерри, Пипин и Сэм от души веселились, болтали и пели.

Последним жителем Жабса, которого они видели, был коренастый старик, подстригавший живую изгородь.

— Ого! — воскликнул он, увидев шествие. — Кто же кого арестовал?

Два ширрифа тут же вышли из строя и направились к нему.

— Господин офицер! — крикнул Мерри. — Прошу призвать своих подчиненных к порядку, если не хотите, чтобы это сделал я.

По слову начальника оба хоббита с понурым видом вернулись в строй.

— Вперед бегом марш! — скомандовал Мерри.

Уж тут всадники постарались поторопить

своих пони, чтобы их пеший «эскорт» хорошо поработал ногами. Солнце вышло из-за туч, и, несмотря на холодный ветер, ширрифы крепко вспотели.

Пробежав с одним-единственным привалом около четырнадцати миль, ширрифы сдались. Был уже третий час, они находились возле Трехчвертного Камня, были голодны, посбивали ноги и запросили отдыха.

— Ну ладно, пойдете вслед за нами, когда отдохнете, — разрешил Мерри. — Нам сейчас некогда прохлаждаться.

— До свиданья, Робичек! — сказал приятелю Сэм. — Я тебя буду ждать у «Зеленого дракона», если ты туда не совсем забыл дорогу. Не трать время зря!

— Вы нарушили правило ареста, — нудно промямлил старший ширриф. — Я не хочу брать на себя ответственность.

— А ты не бойся, мы еще не одно правило нарушим, и без тебя обойдемся! — ответил Пипин. — Счастливо оставаться!

* * *

Всадники погнали пони рысью, и когда солнце скатилось за Белые холмы на горизонте, они

уже подъезжали к большому озеру в Приречье. Здесь их ждал первый серьезный удар. Это ведь были родные места Фродо и Сэма, которые только теперь поняли, что им дороже всех чудес света. С болью смотрели они на изменившуюся родину. Многих знакомых с детства домов не было. Некоторые из них, по-видимому, сгорели. Садики, сбегавшие с холма к реке цветным ковром, были запущены и заросли сорняками. Норки в северном крутом склоне над рекой опустели. Некогда дорога в этом месте была обсажена деревьями, сейчас ни одного дерева не было, зато вдоль дороги выросли отвратительные длинные каменные строения. Вглядываясь в сторону Холма, они вдруг увидели высокую кирпичную трубу, из которой в вечернее небо поднимался столб черного дыма.

Сэм не скрывал своих чувств.

— Я больше не выдержу, господин Фродо! — воскликнул он. — Я поеду прямо туда, я должен найти моего Старика!

— Сначала надо выяснить, что нас вообще ждет, Сэм, — удержал его Мерри. — У шефа, наверное, банда головорезов всегда под рукой. Давайте найдем здесь кого-нибудь, кто нам все расскажет.

Но на улицах Приречья никого не было. Сохра-

нившиеся дома и норки были закрыты, никто навстречу путешественникам не вышел. Они все поняли, когда оказались у трактира «Зеленый дракон», последнего здания поселка на дороге в Хоббиттаун. Сейчас трактир был заколочен, часть окон в нем — выбита, а у его стены стояло полдюжины огромин, рослых и смуглых, с раскосыми глазами и злобным выражением лиц.

— Похожи на гостя Билла Хвоща в Бригорье, — сказал Сэм, останавливаясь.

— И на его соплеменников из Исенгарда, — буркнул Мерри.

* * *

Насколько хоббиты могли заметить издали, бандиты не были вооружены, если не считать дубинок и рогов у пояса. Путешественники решили подъехать. При их приближении чужаки выскочили на тракт и загородили проезд.

— Вы куда? — спросил один из них, самый крупный и злобный. — Вам дальше нельзя. Где ваши сопровождающие?

— Идут следом, — ответил Мерри. — У них, кажется, ноги болят. Мы их обещали здесь подождать.

— Ну, что я говорил? — обернулся старший

бандит к товарищам. — Я сразу сказал Шарки, что этим малявкам доверять нельзя. Надо было выслать пару наших.

— Какая разница? — сказал Мерри. — Хоть и непривычно видеть разбойников в родном краю, но мы знаем, что с вами делать.

— Разбойников? Поосторожнее выражайся, — сказал человек, — а то я с тобой по-другому поговорю. У коротышек головы закружились. Не очень-то надейтесь на слабое сердце вашего шефа. Сейчас здесь Шарки, и шеф сделает все, что ему Шарки скажет.

— А что он скажет? — спокойно спросил Фродо.

— Что надо обуздать этот край и научить уважать правила, — сообщил разбойник. — Шарки сумеет это сделать и не будет с вами цацкаться, если вы станете ему перечить. Вам надо шефа покрепче, и вы его получите; года не пройдет, как перестанете бунтовать, крысиное отродье.

— Ах, вот как? — сказал Фродо. — Хорошо, что мы теперь знаем ваши планы. Я как раз еду к господину Лотто, ему, наверное, все это будет небезынтересно.

Бандит расхохотался.

— Подумаешь, Лотто! Лотто все известно, о нем можешь не беспокоиться. Лотто послушает не

тебя, а Шарки. Потому что если шеф начнет качать права, его и сменить недолго, понял? Когда мелочь начинает вмешиваться не в свое дело, ее убирают. Ясно?

— Вполне, — ответил Фродо. — Мне, во-первых, ясно, что вы сильно отстали от жизни и не знаете, что творится на белом свете. С тех пор как вы ушли с юга, многое изменилось. Прошло ваше время, время убийц и бандитов. Черный Замок пал, в Гондоре правит настоящий король. Исенгард разрушен, твой бывший хозяин ходит нищим по дорогам. Мы его встретили по пути. Теперь уже не исенгардские разбойники, а посланцы короля будут прибывать к нам в гости по Зеленому тракту.

Бандит смерил Фродо ехидным взглядом.

— Говоришь, нищим по дорогам? Да ну! Трепись больше, малявка! Ты этим не помешаешь нам жить вольготно на сытой земельке, где хоббиты слишком долго бездельничали. А что касается посланцев короля, то вот что они получат! — И он потыкал сложенными пальцами под нос Фродо. — Вот! Если их вообще здесь заметят.

Этого Пипин уже не мог выдержать. Он вспомнил Кормалленское поле, и вся кровь в нем закипела от возмущения. Косоглазый мерзавец

смеет обзывать малявкой Отнесшего Кольцо! Он откинул плащ с плеча, вынул меч, и сверкая серебром на черни гондорских доспехов, выехал вперед.

— Королевский посланник — это я! — выкрикнул он громко. — И ты говоришь с другом короля, прославленным в западных странах! Ты не только мерзавец, но и дурак. На колени! Падай на колени и моли о пощаде, если не хочешь, чтобы я покарал тебя оружием, побеждавшим троллей!

Меч сверкнул в лучах заката. Мерри и Сэм тоже схватились за мечи и подъехали к Пипину, чтобы поддержать его, если завяжется драка. Фродо не шевельнулся. Бандиты отступили и сошли с дороги. До сих пор им приходилось иметь дело с безоружными земледельцами в Бри или с перепуганными мирными хоббитами. Бесстрашные полуростики с суровыми лицами и светлыми мечами были для них неожиданностью. В их голосах звучал тон, которого бандиты никогда не слышали. И они испугались.

— Убирайтесь! — добавил Мерри. — А если посмеете еще хоть раз нарушить спокойствие в этой деревне, пожалеете о том, что родились!

И три хоббита двинулись на бандитов, а те повернулись и побежали в сторону Хоббиттауна,

на бегу трубя в рога.

— Да, мы, пожалуй, вернулись вовремя, — сказал Мерри.

— Может быть, даже поздновато, во всяком случае, наверное, слишком поздно, чтобы спасти Лотто, — произнес Фродо. — Безумный глупец, но мне его жаль.

— Спасти Лотто? О чем ты говоришь? — удивился Пипин. — Хотел, наверное, сказать «сместить»?

— Мне кажется, ты не совсем правильно все понял, Пипин, — ответил Фродо. — Лотто вряд ли хотел доводить страну до такого горя. Он был глуп, совершил низость и сразу же оказался в западне. Бандиты все прибрали к рукам. Сейчас они грабят, тиранствуют, управляют и разрушают самовольно, действуя будто бы от его имени. И начинают уже действовать без его имени. Лотто, наверное, давно пленник в Торбе-в-Холме и, вероятно, дрожит от страха. Надо попытаться его спасти.

— У меня голова кругом пошла! — сказал Пипин. — Всего мог ожидать в конце путешествия, но не того, что придется драться с бандитами и полуорками на собственной земле ради спасения прыщавого Лотто!

— Драться, говоришь? Да, может дойти и до этого, — сказал Фродо. — Но помни: ты не имеешь права убивать ни одного хоббита, даже если кто-то из них окажется на стороне врагов. Я говорю не о тех, которые подчинились разбойникам из страха. В Хоббитшире никогда не случалось, чтобы хоббит хоббита убил. От этой традиции нельзя отступать. И других старайся щадить; не убивай, если можешь этого не делать. Вообще сдерживай себя.

— Если этих бандитов много, драки не избежать, — произнес Мерри. — Ни Лотто, ни Хоббитшира мы не спасем, если будем такими добренькими, дорогой Фродо.

— И во второй раз нам не удастся так легко их напугать, — сказал Пипин. — Этих мы застали врасплох. А вы слышали, как они дули в рога? Значит, недалеко есть другие. Соберутся вместе и будут смелее. Надо найти какое-нибудь укрытие на ночь. Нас-то всего четверо, хоть и оружие есть.

— Есть идея! — воскликнул Сэм. — Пошли к старому Тому Норкинсу. Он жил у Южного проселка и всегда слыл порядочным хоббитом. У него куча сыновей, и все они — мои друзья.

— Нет! — ответил Мерри. — Негоже нам пря-

таться. Так всегда поступал здешний народ, и бандитам это облегчило захват страны. Они придут к нашему убежищу большой силой и либо выгонят нас, либо подпалят убежище с нами вместе. Нет, не годится. Надо действовать, не откладывая.

— Как? — спросил Пипин.

— Поднять в Хоббитшире восстание, — сказал Мерри. — Вот прямо сейчас. Давайте разбудим хоббитов! Ясно же, что они ненавидят новые порядки. Все ненавидят, за исключением, может быть, пары подлецов и пары дураков, которые надеются таким образом возвыситься, не поняв, что происходит. Но хоббиты слишком долго жили в покое и довольстве, они просто не знают, что делать. По-моему, достаточно бросить спичку, и вся страна вспыхнет. Люди шефа, наверное, это знают: будут стараться поскорее нас затоптать и погасить пламя. Так что у нас очень мало времени. Если хочешь, Сэм, сбегай сам на ферму к Норкинсу. Это уважаемый хозяин и самый храбрый в деревне. Только быстро. А я дуну в роханский рог. Тут еще не слыхали такой музыки, пусть послушают.

* * *

Все четверо галопом вернулись в центр деревни. Там Сэм свернул вбок и погнал пони к забору Норкинса. Не успел он отъехать от друзей, как услышал звонкий голос рога. Далеко в холмах и в поле разнесся этот голос и рассыпался звучным эхом. И такой неотвратимый зов был в нем, что Сэм еле сдержался, чтобы тут же не повернуть назад; его пони встал на дыбы и заржал.

— Вперед, Билл! — закричал Сэм. — Не волнуйся, сейчас доедем и сразу вернемся.

Потом он услышал, как Мерри, сменив мелодию, играет баклендскую побудку, да так, что воздух дрожит:

ВСТАВАЙ! ВСТАВАЙ! ПОЖАР! НАПАСТЬ!
ВРАГИ!

В деревне захлопали двери и окна, вся она наполнилась шумом и говором. В наступающих сумерках сверкнули зажженные огни, залаяли собаки, затопали ноги. Еще не доехав до конца улицы, Сэм встретил бегущих хоббитов, среди которых был фермер Норкинс и три его сына, Том, Дрол и Ник. Они преградили ему дорогу,

размахивая топорами.

— Нет, это не бандит, — остановил сыновей старый фермер. — По росту хоббит, а одет странно. Эгей! — крикнул он. — Ты кто таков и почему тревога?

— Да это я, Сэм Гэмджи. Я вернулся.

Старый Норкинс подошел ближе и рассмотрел его.

— Вот так диво! — воскликнул он. — Голос Сэма и лицо Сэма, во всяком случае, не хуже, чем было. А вырядился так, что столкнулся бы с тобой на дороге и не понял бы, с кем имею честь… Ты, говорят, далеко путешествовал? Мы боялись, что ты уже неживой.

— А я вот живой, — ответил Сэм. — И господин Фродо тоже. Они все здесь. Потому и тревога. Они поднимают в Хоббитшире восстание. Надо прогнать бандитов и этого их шефа. Прямо сейчас и выступим.

— Хорошая новость! — вскричал Норкинс. — Наконец-то. У меня руки весь год чесались. Но никто меня не поддержал. И мне надо было охранять жену и дочку. Ну, раз так, пошли, ребята! В Приречье бунт! Мы присоединяемся!

— А как же госпожа Норкинс и Рози? — спросил Сэм. — Их ведь нельзя оставлять без защиты.

— Так с ними Ниб. Если думаешь, что им нужна помощь, съезди к ним, — добавил старый Норкинс, хитро улыбнувшись, и вместе с сыновьями побежал на общий шум.

Сэм поспешил к его дому. На верхней ступеньке лестницы, ведущей в круглую дверь с широкого подворья, стояли мать и дочь, а перед ними — юный Ниб с выставленными вперед вилами.

— Да это я, Сэм Гэмджи! — закричал издали Сэм. — Не пытайся насадить меня на вилы, Ниб! Все равно на мне кольчуга!

Он соскочил с пони и взбежал на ступеньки к ошеломленным женщинам.

— Добрый вечер, госпожа Норкинс! Привет, Рози! — вежливо сказал он.

— Привет, Сэм, — ответила пришедшая в себя первой Рози. — Где ты был так долго? Говорили, что ты пропал, но я тебя с самой весны ждала. Не очень-то ты спешил.

— Может быть, — ответил смущенно Сэм. — Зато сейчас я очень спешу. Мы там наводим порядок, разделываемся с бандитами, и мне надо вернуться к господину Фродо. Я хотел только забежать на минуточку узнать, как дела у госпожи Норкинс и у тебя, Рози.

— В общем, неплохо, — ответила госпожа Нор-

кинс. — Было бы совсем хорошо, если бы не бандиты и грабители.

— Ну и уходи, Сэм! — сказала Рози. — Раз ты смотришь за господином Фродо, что ж ты его сейчас одного оставил? Там ведь, наверное, опасно.

Сэм опешил, потому что на такое пришлось бы неделю отвечать, молча повернулся и вскочил на пони. Но в последнюю минуту Рози сбежала к нему с лестницы.

— Ой, Сэм, ты такой неотразимый! — сказала она. — Езжай, но будь осторожен, и как только разгонишь всех бандитов, возвращайся сразу к нам!

* * *

Деревня бурлила. На центральной площади Сэм застал не только молодежь, но не меньше сотни старших и даже старых, но еще крепких хоббитов, вооруженных топорами, тяжелыми молотами, длинными ножами и толстыми дубинками. У некоторых были даже охотничьи луки. И народ все прибывал — это сходились хоббиты из окрестных поселков и с хуторов.

Жители деревни разожгли большой костер, хотя бы потому, что шефом это было строго запрещено. Когда совсем стемнело, костер разгорелся

очень ярко. По приказу Мерриадока поставили поперек дороги заграждения. На одно из них наткнулся отряд ширрифов, догнавший наконец Фродо и компанию. Сначала ширрифы неимоверно удивились, а когда разобрались, что к чему, то большинство из них сняли перья со шляп и присоединились к восстанию. Остальные разбежались.

Когда Сэм вернулся, Фродо и его друзья сидели у костра и разговаривали со старым Томом Норкинсом в окружении восхищенной толпы приреченцев.

— Так с чего мы начнем? — спрашивал Норкинс.

— Я еще не решил, — ответил Фродо. — Сначала надо собрать сведения. Сколько бандитов в нашей чверти?

— Трудно подсчитать, — сказал Норкинс. — Бродят они везде, то приходят, то уходят. Около полусотни живет в новой казарме по дороге в Хоббиттаун. Оттуда они расползаются по округе и все подряд крадут, называя это «распределением». Не меньше двадцати всегда находятся подле начальника, или, как надо говорить, шефа. Шеф живет в Торбе-в-Холме, вернее, жил там, но в последнее время не показывается. Его уже недели

две никто не видел. Правда, огромины, которые ему служат, никого близко туда не пускают.

— Огромины ведь есть не только в Хоббитауне? — спросил Пипин.

— Где их только нет! — вздохнул Норкинс. — Целая банда на юге в Долгодоне и у Каменного брода, полно в Лесном Пределе, там они в лесу прячутся; куча сидит в будке у Перепутья. Кроме того, они засели в Длинных Подвалах, так мы называем теперь старые подземные склады в Мичел Делвинге. Из них тюрьму сделали и туда тащат всех, кто осмеливается противоречить. Во всем Хоббитшире сотни три наберется, может, немного меньше. Если всем миром соберемся, зададим им перцу!

— Оружие у них есть? — спросил Мерри.

— Кнуты, ножи и палки. Им этого хватает для грязной работы. С другим оружием их пока не видели, — ответил Норкинс. — Но если дойдет до стычки, они могут взяться за что-нибудь посерьезнее. У некоторых луки есть. Они застрелили нескольких хоббитов.

— Вот видишь, Фродо, я же тебе говорил, что без драки не обойтись! — воскликнул Мерри. — Они первые начали убивать и драться.

— Это не совсем так, — добавил Норкинс. —

Стрелять первыми начали как раз не они, а Туки. Ваш папа, господин Перегрин, с самого начала не хотел подчиняться Лотто, говорил, что управлять Хоббитширом может лишь законный тан, а Лотто — самозванец. И когда Лотто наслал на него огромин, господин Тук не стал сидеть, сложа руки. Тукам повезло, у них в Зеленом нагорье выкопаны глубокие норы, Большие Смайелы и так далее, бандиты туда добраться не смогли, и Туки их на свою землю даже не пустили. Как увидят кого-нибудь, так и выгоняют. Троих, которые пришли грабить, застрелили. С тех пор разбойники лютуют, а за Туками следят. Теперь к ним никто не пройдет и оттуда никто не выйдет.

— Ура Тукам! — закричал Пипин. — Но кому-то надо к ним сходить. Я еду в Смайелы. Кто со мной в Тукборо?

Согласились несколько молодых хоббитов, у которых были пони, и Пипин вместе с ними отправился.

— До скорого свидания! — крикнул он на прощанье. — Туда не больше четырнадцати миль через поля. Завтра утром вернусь с целой армией Туков.

Когда они поскакали в вечерний туман, Мерри дунул в рог, а все хоббиты закричали:

— Привет Тукам!

— Что бы там ни было, — говорил Фродо стоявшим рядом с ним ближайшим друзьям. — Я не хочу кровопролития. Пожалуйста, старайтесь щадить даже разбойников. Убивайте лишь тогда, когда не будет другого способа спасать хоббичьи жизни.

— Хорошо, — ответил Мерри. — Но сейчас в любую минуту может явиться банда из Хоббиттауна. Они ведь придут не на приятную беседу. Мы постараемся их получше встретить, но надо быть готовыми ко всему. У меня есть план.

— Отлично, — сказал Фродо. — Командуй.

Как раз в эту минуту прибежали хоббиты, которых перед этим посылали в разведку.

— Они идут! — сообщили разведчики. — Их человек двадцать, может, больше. Двое по дороге свернули полем к западу.

— Наверное, к Перепутью за подкреплением, — предположил Норкинс. — Туда миль пятнадцать будет, да и до Хоббиттауна столько же. Есть время подготовиться, пока все спокойно.

Мерри тут же отошел от костра и стал распоряжаться.

Старый Норкинс увел с дороги и отослал по домам всех, кроме нескольких пожилых хоббитов,

у которых было кое-какое оружие. Долго ждать не пришлось. Раздались громкие голоса, и тут же — топот тяжелых сапог. И на дороге показался отряд огромин. При виде заграждения косоглазые расхохотались. В их головах не укладывалось, что в этой стране мог найтись кто-нибудь, кто посмеет оказать отпор отряду из двух десятков человек.

Хоббиты отодвинули одно из бревен и пропустили незваных гостей внутрь, а сами встали сбоку от дороги.

— Спасибо! — с издевкой закричали бандиты. — А теперь марш по домам, под одеяла, если не хотите получить трепку. — И зашагали по улице, выкрикивая: — Гасить свет! Все по домам, не сметь носы высовывать! За неподчинение пятьдесят ваших пойдут в Длинные Подвалы на год! По домам! Шеф начинает терять терпение!

На эти крики никто не обращал внимания. Хоббиты, наоборот, незаметно выходили из домов, тихо строились в ряды и шли за огроминами. Около костра бандиты увидели одного Тома Норкинса, который спокойно грел руки.

— Ты кто и что тут делаешь? — спросил вожак.

Том Норкинс медленно поднял взгляд.

— Как раз об этом я тебя хотел спросить, —

сказал он. — Страна не ваша, нечего вам тут болтаться.

— Это тебе нечего болтаться по улице по ночам! Ты давно на подозрении! — заорал вожак. — Ребята, хватайте его и прямо в Подвалы! По дороге проучить хорошенько, чтоб успокоился.

Двое бандитов шагнули к старику, но вдруг встали, как вкопанные, поняв, что он здесь не один. Их окружили. Раздался гул голосов; на границе тени и света, отбрасываемого костром, и дальше в темноте стояли хоббиты. Их было много, около двухсот, и все они были вооружены.

Вперед выступил Мерри.

— Мы с тобой уже встречались, и я предупреждал тебя, чтобы ты мне больше не попадался, — сказал он вожаку. — Снова предупреждаю. На тебя падает свет, и наши лучники уже в тебя прицелились. Если кто-то из вас пальцем тронет этого уважаемого фермера или любого другого хоббита, полетят стрелы. Бросайте оружие.

Вожак оглянулся. Он был в западне. Однако он не испугался. Во-первых, с ним было двадцать соплеменников; во-вторых, он по-прежнему недооценивал хоббитов. В своем заблуждении он решил прорываться, ему показалось, что это будет легче.

— Бей их, ребята! — зарычал он. — Никого не щадить!

И с длинным ножом в левой руке, с дубинкой в правой, он бросился на хоббичье оцепление с той стороны, откуда сам пришел. По дороге он хотел убить Мерри и замахнулся, но не успел ударить: с четырех сторон в него полетели стрелы, и он упал мертвым.

Урок оказался наглядным. Остальные бандиты сдались. У них отобрали оружие, связали им руки ремнями и отвели их в пустой дом, который они сами построили. Там связали и ноги тоже, заперли на ключ и поставили стражу. Убитого вожака закопали при дороге.

— Видите, как просто? — радовался старый Норкинс. — Я же говорил, что мы с ними справимся. Нам нужен был только сигнал. Как вовремя вы вернулись, господин Мерри!

— Это еще далеко не все, — ответил Мерри. — Если вы правильно сосчитали, мы обезопасили пока только десятую часть сил противника. И сейчас темно, теперь надо ждать до утра, чтобы сделать следующий шаг. Утром нанесем визит шефу.

— А почему не сейчас? — спросил Сэм. — Ведь еще не поздно, только седьмой час. Мне очень на-

до повидать своего Старика. Дядюшка Норкинс, вы что-нибудь о нем слышали?

— Ничего хорошего, но и ничего плохого, — ответил фермер. — Они перекопали всю Пронырную улицу, и это для твоего Старика было тяжелым ударом. Ему пришлось переехать в один из новых домов, которые люди Шефа там построили, когда еще занимались не только грабежом и разбоем. Это примерно в миле от Приречья. При каждом удобном случае он приходит ко мне в гости. Выглядит он не таким изголодавшимся, как многие другие. Как и все, возмущается новыми порядками и правилами. Я бы его к себе взял, но это запрещено.

— Спасибо вам, господин Норкинс, спасибо! — сказал Сэм. — Я этих ваших слов никогда не забуду. Теперь мне край надо увидеть Старика. Ведь эти злодеи могут за ночь сотворить любую пакость.

— Делай, как знаешь, Сэм, — сказал Норкинс. — Возьми с собой одного-двух парней и приведите Деда Гэмджи ко мне в дом. В Хоббиттаун заходить не надо. Дрол покажет дорогу.

* * *

Сэм тут же отправился за своим Стариком. Мерри разослал в разные стороны разведчиков и расставил часовых у заграждений. Потом вместе с Фродо пошел в дом Норкинса. Наконец-то они оказались в кругу семьи в теплой кухне. Норкинсы из вежливости задали прибывшим пару вопросов, но ответы слушали одним ухом, поглощенные бурными событиями в собственном краю.

— Все началось из-за Прыща, как мы тут прозвали Лотто, — стал рассказывать Норкинс. — И началось очень скоро после вашего отъезда, господин Фродо. У Прыща появились странные идеи. Он все хотел загрести и всеми управлять. Оказывается, он уже давно накопил кучу добра, правда, это не пошло ему на пользу.

Потом стал скупать еще больше. Все скупал и скупал, хотя неизвестно, откуда брал деньги. Приобретал мельницы, пивоварни, огороды, постоялые дворы, фермы и плантации трубочного зелья. Кажется, купил у Песокса мельницу еще до того, как переехать в Торбу-в-Холме.

Говорят, ему от отца досталось большое имение в Южной чверти, и ходили слухи, что он уже

давно продавал лучшие Долгодонские листья за границу. Два года потихоньку вывозил их, а потом, в конце прошлого года стал продавать уже не листья, а готовое трубочное зелье, причем отправлял целыми обозами неизвестно куда. Зелья в стране стало не хватать, вдобавок зима приближалась. Хоббиты возмущались; тогда он стал действовать силой. В больших фургонах наехали огромины, очень похожие на разбойников. Некоторые занялись отправкой товаров из Хоббитшира на юг, а часть осталась жить здесь. Не успели мы опомниться, их уже везде было полно. Они корчевали деревья, копали ямы, строили дома и мастерские, делали, что хотели, на нашей земле. Сначала Прыщ возмещал нам нанесенный ущерб, но очень скоро перестал, а они так распоясались, что просто брали все, что им нравилось.

Народ стал возмущаться, но не очень громко. К Прыщу отправился с протестом сам старый бургомистр Вилли Белоног, но даже не дошел до Торбы. На него по дороге напали бандиты, схватили и затащили в подвалы Мичел Делвинга, и там он до сих пор сидит. Это было сразу после Нового года. Когда не стало Бургомистра, Прыщ объявил себя шефом ширрифов; скоро его стали называть просто «шеф», и он правил самовольно

и единолично. Кто проявлял, как он говорил, «непослушание», тех ждала судьба Вилли. С каждым днем жить становилось хуже. Трубочного зелья уже ни у кого не было, все позабирали огромины. Шеф не любит пива, закрыл трактиры и всем хоббитам пиво пить запретил, разрешил опять же только огроминам. Еды становилось все меньше, а правил и запретов все больше. Иногда удается кое-что прятать, а эти бандиты ходят из дома в дом, будто производят «справедливый раздел», а на самом деле все забирают себе, а хоббитам ничего не достается; в Домах ширрифов раздаются остатки, но то уже не еда, а гадость. Совсем плохо стало, когда появился Шарки.

— Что еще за Шарки? — спросил Мерри. — Один из бандитов о нем говорил.

— Похоже, бандит над бандитами, самый главный из убийц, — ответил Норкинс. — Первый раз мы услышали о нем в конце сентября, когда собрали урожай. Но его никто не видел. Он живет в Торбе-в-Холме. Я так понимаю, что он и есть настоящий Шеф. Бандиты выполняют его приказы, а он приказывает грабить, жечь, разрушать, а в последнее время даже убивать. Во многом даже смысла нет. Деревья повалят и оставляют гнить на месте. А дома разрушают и новых на их месте

не строят.

Вот послушайте, что стало с мельницей Песокса. Прыщ ее развалил, как только поселился в Торбе, почти сразу. Потом нагнал грязных огромин, и они стали строить новую мельницу. Она очень большая, в ней полно колес и заграничных новинок, но только один дурной Тед этому радовался. Сейчас он чистит колеса там, где его отец мельник был хозяином. Прыщ хвастался, что на его мельнице зерно будет молоться быстрее и помол будет лучше. У него уже не одна такая мельница. Но чтобы был помол, нужно ведь зерно, а его на новую мельницу возят меньше, чем на старую. С тех пор как Шарки хозяйничает, вообще молоть нечего. Гром и стук, дым из трубы, все вокруг закоптили, и покоя нет ни днем, ни ночью. Нарочно выливают всякую грязь в Реку, запакостили воду, а она же течет в Брендидуин. Если они решили сделать из Хоббитшира пустыню, так лучшего способа не придумать. Прыщ дурак, ему до этого не додуматься. Это работа Шарки.

— Конечно, — вмешался в разговор один из младших Норкинсов, Том. — Они же посадили в тюрьму старуху-мать Прыща, Лобелию, он сам ее очень любил, наверное, только он один ее любил

и уважал на всем белом свете. Хоббиты в Хоббитауне видели, как все произошло. Лобелия шла по дорожке с Холма, и у нее в руке был старый зонтик. А ей навстречу ехала телега с бандитами. Она спросила:

«Куда едете?»

«В Торбу-в-Холме», — ответили.

«Зачем?»

«Строить там мастерские для Шарки».

«Кто вам разрешил?»

«Шарки».

И еще они сказали:

«Уйди с дороги, старая карга».

Тогда она закричала:

«Подлые бандиты, злодеи, я вам покажу Шарки!» — и бросилась на них с зонтиком.

Она побила зонтиком огромину, который был вдвое больше ее. Конечно, ее схватили и потащили в Длинные Подвалы, не посмотрели, что она старая. В Подвалах сидят хоббиты, по которым мы больше скучаем, но тут уж ничего не скажешь, Лобелия оказалась храбрее многих.

* * *

Тут разговор прервался, потому что в кухню ввалился Сэм, ведя за собой своего Старика. Дед

Гэмджи внешне почти не изменился, только стал еще хуже слышать.

— Добрый вечер, господин Торбинс, — сказал он. — Очень рад, что вы вернулись в добром здравии! А у меня к вам счетец есть, если позволите. Нельзя было продавать Торбу-в-Холме, я с самого начала говорил вам, что нельзя. С этого пошли все наши беды. За то время, что вы себе путешествовали в дальних странах и непонятно зачем воевали в горах с черными людьми, — если я правильно уразумел, что Сэм плетет, с ним ведь трудно разговаривать, он всегда все путает. — Так за это время бандиты перекопали всю Пронырную и уничтожили всю мою картошку!

— Очень прискорбно слышать, господин Гэмджи, — ответил Фродо. — Но раз уж я вернулся, то постараюсь в меру своих сил исправить ими содеянное.

— Совершенно справедливо и лучше не скажешь, — утешился Дед, — господин Фродо Торбинс весьма достойный хоббит, я всегда это говорил, хотя не обо всех хоббитах, носящих эту фамилию, можно сказать то же самое. Надеюсь, что мой Сэм вел себя надлежащим образом и вы остались им довольны?

— Больше чем доволен, господин Гэмджи, — от-

ветил Фродо. — Вы можете мне не поверить, но Сэм сумел себя прославить во всем мире; теперь в разных странах до самого Моря и за Великой рекой народ про его подвиги песни поет.

Сэм густо покраснел и с благодарностью посмотрел на Фродо, потому что у Рози при этих словах глазки заблестели, и она очень мило ему улыбнулась.

— Трудно поверить, — сказал Дед. — Я пока вижу только, что мой Сэм с чужаками спутался. Куда его жилет пропал? Может быть, железные рубашки дольше носятся, чем обычные, но когда хоббит цепляет на себя железо, это не по мне.

* * *

Утром семейство Норкинсов и его гости встали рано. Ночь прошла спокойно, но день обещал быть весьма хлопотным.

— Кажется, в Торбе бандитов не осталось, — сказал Норкинс старший. — Но в любое время могут появиться другие, с Перепутья.

Не успели они съесть завтрак, как прибежал разведчик из Тукборо. Он был очень взволнован.

— Тан поднял на ноги весь край, — сообщил он. — Вести разносятся, как пожар; бандиты, которые Туков сторожили, вернее, те из них, кото-

рые остались живы, убежали на юг. Тан за ними гоняется по всей чверти, чтобы они не соединились в большую банду. Господину Перегрину Тан выделил столько хоббитов, сколько смог дать без ущерба для своих отрядов.

Следующая новость была похуже. Мерри, который всю ночь провел в седле, приехал на ферму Норкинса около десяти утра и объявил:

— Милях в четырех отсюда движется большая банда. Они идут от Перепутья по тракту, собирают всех огромин, которые к ним выходят. Их уже не меньше сотни. По дороге все жгут, будь они прокляты!

— Да, эти разговаривать не станут, они идут убивать, — сказал старый Норкинс. — Если Туки не придут раньше, чем эти злодеи, придется попрятаться и стрелять из засады. Без драки хоть так, хоть этак не обойдется, господин Фродо!

Туки все-таки сумели прийти раньше. Из Тукборо и с Зеленого нагорья подошло больше сотни бравых хоббитов во главе с Пипином. Теперь Мерри было кем командовать.

Разведчики донесли еще, что враги держатся плотным строем. Они уже знают, что против них восстал весь край, и очевидно, намереваются безжалостно подавить бунт, который, как они

правильно считают, начался в Приречье, и поэтому идут прямо сюда. Банда выглядит грозно, но, по-видимому, ее предводителю недостает военного опыта, он не принимает никаких мер предосторожности, идет слишком открыто. Мерри тут же составил план действий.

* * *

Бандиты свернули с Восточного тракта на Приреченскую дорогу. Эта дорога некоторое время шла в гору между двумя высокими насыпями, поверху были низенькие изгороди. За первым поворотом, примерно в фарлонге от тракта, бандиты встретили неожиданное препятствие: заслон из перевернутых телег. Это их задержало, строй сломался. И тут же они увидели, что сверху, прямо у них над головами, стоит стена хоббитов, а сзади хоббиты катят с поля заранее приготовленные повозки и спускают их на дорогу, чтобы отрезать врагам отступление. Тут же сверху прозвучал громкий голос Мерри:

— Ну вот, вы в ловушке. То же самое недавно произошло с вашими парнями из Хоббиттауна. Один из них убит, остальные — у нас в плену. Сложите оружие! Отступите на двадцать шагов и сядьте на землю. Кто попробует удрать, того мы

застрелим!

Но бандиты не дали так легко себя запугать. Некоторые из них хотели было подчиниться, но их соплеменники тут же выбили это у них из головы. Человек двадцать повернуло и вскочило на повозки, загораживающие отступление. Шестерых хоббиты застрелили на месте, остальные все-таки прорвались, убив двух полуростиков, и врассыпную пустились бежать в сторону Лесного Предела. Еще двоих из них догнали стрелы. Мерри громко заиграл в рог, и ему эхом ответили звуки рогов со всех сторон.

— Далеко не убегут, — сказал Пипин. — Весь край всполошился, наши охотники их не пропустят.

Тем временем попавшие в западню люди, которых было еще около восьмидесяти, пытались лезть через телеги на склоны, так что хоббитам пришлось взяться за луки и топоры. Несмотря на тяжелые потери в своих рядах, самые сильные и отчаянные огромины выбрались-таки на западный откос и бросились на хоббитов, в жажде не столько прорваться, сколько отомстить и пролить побольше крови. Несколько хоббитов упало, остальные уже с трудом сдерживали натиск врага, как вдруг в самый критический мо-

мент сражения с восточной стороны на западную перебежали Мерри и Пипин и ринулись в бой. Мерри собственноручно срубил голову вожака бандитов, крупного раскосого дикаря, похожего на орка. Потом отвел свой отряд и стал окружать недобитых врагов широким кольцом хоббитов-лучников.

Скоро все было кончено. В схватке полегло около семидесяти злодеев, дюжину взяли в плен. Потери хоббитов составили девятнадцать убитых и около тридцати раненых. Трупы бандитов погрузили на телеги, вывезли в ближайший песчаный карьер и закопали. То место потом назвали Битвенной Ямой. Павших хоббитов похоронили в общей могиле на откосе у дороги, а позднее поставили там большой камень с надписью и вокруг посадили сад.

Так произошла Приреченская битва в 1419 году, последняя на хоббитских землях и первая после сражения на Зеленых полях Северной чверти в 1147 году. Хотя битва была не очень кровопролитной, ее описание в Красной Книге заняло целую главу, а имена всех участников были выписаны на отдельном свитке, и хоббитширские историки выучили Славный Список наизусть. С этих пор значительно возросла известность

и зажиточность рода Норкинсов. Но как бы ни переписывали Список, первыми в нем всегда оставались имена главнокомандующих: Мерриадока и Перегрина.

* * *

Фродо был на поле битвы, но ни разу не вынул меча из ножен. Его роль заключалась главным образом в том, чтобы сдерживать хоббитов, охваченных гневом и болью за погибших товарищей, не давая им убивать врагов, сдающихся на милость победителей. После битвы он участвовал в погребальных церемониях, а потом вместе с Мерри, Пипином и Сэмом вернулся на ферму Норкинсов. Когда они расправились с поздним обедом, Фродо вздохнул и произнес:

— Ну вот, сейчас, мне кажется, пора разобраться с шефом!

— Именно так, и чем скорее, тем лучше, — сказал Мерри. — Только не будь слишком добрым. Это ведь он виноват в том, что в Хоббитшире появились бандиты и натворили столько бед.

Фермер Норкинс собрал десятка два храбрых хоббитов.

— Может быть, в Торбе бандитов нет, — сказал он. — Но это ведь только догадка, точно никто

не знает.

* * *

Отряд шагал в сторону Холма. Фродо, Сэм, Мерри и Пипин его вели.

Это были самые грустные часы в их жизни. Впереди все время торчала огромная труба, а с окраины поселка, когда отряд проходил между двумя рядами одинаковых уродливых новых домов, они увидели новую мельницу во всем ее грязном безобразии: огромный кирпичный куб накрывал Реку и загрязнял воду потоком вонючей дымящейся пены. Вдоль всего берега были вырублены деревья.

Когда друзья перешли мост и подняли глаза на Холм, у них перехватило дыхание. Даже видение, которое показало Сэму Зеркало Галадриэли, не подготовило его к столь страшному зрелищу. На западной стороне Холма вместо старого амбара торчали вымазанные смолой будки. Не осталось ни одного каштана, исчезли зеленые лужайки и живые изгороди. На вытоптанной площадке на месте самого лучшего луга беспорядочно стояли повозки. Там, где когда-то была Пронырная улица, все было перекопано, громоздились кучи песка и щебня. Сама Торба затерялась среди окру-

живших ее мастерских и сараев.

— Они срубили Семейное Дерево! — закричал Сэм, указывая пальцем в ту сторону, где Бильбо когда-то произносил знаменитую прощальную речь. Там торчал безобразный пень, а поваленное мертвое дерево валялось на земле. Это оказалось для сына садовника последней каплей, и Сэм разрыдался.

Тут же рядом раздался издевательский смех. Из-за низкой каменной ограды мельничного двора высунулась неприветливая рожа, измазанная сажей и машинным маслом.

— Что, Сэм, не нравится? — спросила рожа. — Ты всегда был нюней. Я думал, ты уплыл на одном из тех кораблей, о которых все время болтал, и мотаешься по морям. Что же ты снова здесь? В Хоббитшире теперь работать надо.

— Вижу, вижу, ты так заработался, что тебе даже умыться некогда, — ответил Сэм. — А глаза таращить из-за забора время нашлось. У меня к тебе, господин Песокс, уже имеется старый счет, советую к нему ничего не добавлять, а то, гляди, собственной шкурой не пришлось бы доплачивать!

Тед Песокс плюнул через забор.

— Не боюсь я тебя, — сказал он. — Ты меня

тронуть не посмеешь, потому что я — друг Шефа. Если ты меня тронешь или пискнешь хоть слово, он тебя так отделает, что не обрадуешься!

— Нечего на дурака слова тратить, Сэмми! — сказал Фродо. — Надеюсь, что таких хоббитов, как он, немного, а то это было бы самым большим несчастьем, которое нам причинили люди.

— Ты неряха и грубиян, Песокс, — произнес Мерри. — И попал пальцем в небо. Мы как раз идем на Холм, чтобы вытурить оттуда твоего драгоценного Шефа. Его людей мы только что разбили в пух и прах.

Тед остолбенел, увидев вооруженный отряд, который по приказу Мерриадока переходил мост. Он бросился в здание мельницы, но тут же выскочил снова во двор и задудел в рог, который вынес оттуда.

— Побереги легкие, — засмеялся Мерри. — У меня голос получше.

Мерри поднес к губам серебряный рог и заиграл в него. Звонкий мелодичный призыв взлетел над Холмом, и из всех сохранившихся нор, будок и общих домов на дорогу стали выбегать хоббиты, с радостными приветственными криками присоединяясь к отряду. В конце дороги перед Торбой отряд остановился, и дальше пошли только Фро-

до с друзьями.

Вот и столь любимая некогда усадьба. Сад пропал, все было застроено, какие-то сараи стояли так близко к западным окнам, что заслонили их от дневного света. Везде валялись груды отбросов. Двери были исцарапаны, шнур от звонка оборван, звонок не звонил. На стук ответа они не дождались. В конце концов пришлось приложить силу, и дверь подалась. Друзья вошли. Им в нос ударил застарелый запах грязи и пыли, везде был беспорядок, можно было подумать, что тут давно никто не живет.

* * *

— Где этот несчастный Лотто прячется? — спросил Мерри, когда они обошли все комнаты и не обнаружили ни одной живой души, кроме крыс и мышей. — Может быть, прикажем добровольцам обыскать сараи и мельницу?

— Здесь хуже, чем в Мордоре, — произнес Сэм. — Гораздо хуже, сердце сильнее болит, это же родной дом, который был совсем не таким.

— Это Мордор, — сказал Фродо. — Одно из его злодейских дел. Саруман ведь работал на Мордор даже тогда, когда ему казалось, что он действует в своих интересах. И все остальные, которые ему

поддались, так же обманывались, и Лотто.

Мерри оглядывался с отвращением и горечью.

— Идем отсюда, — попросил он. — Если бы я знал, что тут творится, я бы этому Саруману мешочек с зельем кулаком в глотку вбил!

— Без сомнения, без сомнения! Но хорошо, что не вбил, а то я не смог бы вас приветствовать сегодня здесь! — раздался вдруг чей-то голос.

И у порога появился сам Саруман, сытый и довольный. Его глаза зло и нагло блестели. Он смеялся. Фродо вдруг все понял.

— Шарки! — воскликнул он.

Саруман захохотал во весь голос.

— Ага, значит, ты уже слышал это имя? Так меня называли мои подданные еще в Исенгарде. Думаю, из уважения. Но ты, конечно, не ожидал встретить меня здесь?

— Нет, — ответил Фродо. — Хотя мог бы предположить что-то в этом роде. Гэндальв предупреждал, что ты еще способен на мелкое злодейство.

— Вполне способен, — сказал Саруман. — И не только на мелкое. Мне было смешно смотреть на вас, недочеловеки несчастные, когда вы ехали в свите больших людей, такие напыщенные, такие довольные собой, мелочь пузатая! Вам казалось,

что вся история уже завершилась счастливым концом и вам осталась веселая прогулочка до родного порога и сытая удобная жизнь. Можно было разрушить дом Сарумана и обречь его на скитания, но и мысли быть не могло, что кто-то тронет ваш собственный дом! А так не бывает! Хоть вас опекает Гэндальв… — Саруман фыркнул. — Да вы не знаете Гэндальва. Как только его орудия выполнят работу, он их выбрасывает. А вы прицепились к нему, ходили с ним кружными дорогами, болтали; он тянул время, а вы его теряли. «Если они такие дураки, так я их опережу и проучу», — так я решил. Зуб за зуб. Задержись вы еще немного, да будь у меня побольше людей, я бы вас проучил. Да я и так много успел, вам жизни не хватит все починить и переделать! Вот мне и утешение после всех обид.

— Если ты находишь в этом утешение, жаль мне тебя, Саруман, — сказал Фродо. — Но боюсь, что и утешение это только воображаемое. Сейчас уходи и больше никогда сюда не возвращайся.

Увидев Сарумана, выходящего из сарая, сопровождавшие друзей хоббиты из окрестных поселков столпились у дверей Торбы. Услышав же слова Фродо, они гневно заворчали:

— Его нельзя выпускать живым! Убей его! Он

подлец и убийца! Его надо убить.

Саруман скользнул взглядом по их лицам и нагло усмехнулся.

— Убить? — повторил он. — Попробуйте, если вам показалось, что вам хватит силы решиться на это, храбрые хоббиты! — Он выпрямился и устремил прямо на них тяжелый взгляд страшных черных глаз. — Не думайте, что утратив все, что имел, я утратил и силу. Тот, кто поднимет на меня руку, будет проклят. А если моя кровь прольется в Хоббитшире, ваша земля увянет навсегда и не сможет залечить своих ран.

Хоббиты отступили, а Фродо сказал:

— Не верьте ему! Силу он потерял, у него остался только голос; им он еще может вас испугать и обмануть, если вы сами ему поддадитесь. Но я не хочу, чтобы вы его убивали. Нельзя мстить за месть, этим ничего не исправишь. Уйди, Саруман. Уходи поскорее.

— Эй! Слизняк! — закричал Саруман.

Из ближайшей будки выполз, как побитый пес, Причмок.

— Топаем отсюда, Слизняк! — сказал ему Саруман. — Мы снова странники. Эти почтенные недочеловеки-хоббиты выгоняют нас в широкий мир. Идем!

Саруман повернулся и пошел вперед. Причмок уныло поплелся за ним. Но когда они поравнялись с Фродо, в руке Сарумана сверкнул нож, и он молниеносным движением пырнул хоббита. Острие согнулось, наткнувшись на скрытую под плащом кольчугу, и сломалось. Сразу несколько хоббитов во главе с Сэмом закричали, выскочили вперед и повалили негодяя на землю. Сэм обнажил меч.

— Стой, Сэмми! — воскликнул Фродо. — Не убивай! Даже сейчас не надо. Он меня не ранил. Кроме того, я не могу допустить, чтобы его так позорно убили. Был он некогда велик, принадлежал к достойнейшему братству, на которое ни один из нас не посмел бы даже мысленно поднять руку. Он упал, не в наших силах его поднять. Сохраним ему жизнь в надежде, что когда-нибудь он сможет выпрямиться сам.

Саруман встал и посмотрел на Фродо. В его взгляде читался загадочный сплав удивления, уважения и ненависти одновременно.

— А ты вырос, полуросток, — произнес он медленно. — Да, да, ты очень вырос. Ты умен и жесток. Ты лишил меня сладости мести, и теперь я вынужден уйти с горечью, ибо обязан тебе жизнью. Ненавижу! Ухожу, не буду тебе больше

мешать. И не жди от меня пожеланий здоровья и долгой жизни. Не будет у тебя ни того, ни другого. Но это не мое дело. Я лишь предвижу.

Когда он уходил, очень медленно, хоббиты расступились, давая ему дорогу, но так крепко сжали оружие, что пальцы у них побелели. Причмок минуту колебался, потом подался за своим господином.

— Ты не обязан следовать за ним, Причмок! — окликнул его Фродо. — Насколько я знаю, мне ты ничего плохого не сделал. Отдохнешь, отъешься, наберешься сил и пойдешь своей дорогой.

Причмок остановился и посмотрел на Фродо, будто в самом деле решил остаться. Но тут обернулся Саруман.

— Ничего плохого, говоришь? — скрипучим голосом спросил он. — Ой, нет! А когда ночами выползал, хотел только посмотреть на звезды? Или мне показалось, что кто-то спрашивает, где прячется бедный Лотто? Ты об этом кое-что знаешь, Слизняк, да? Расскажи им!

Причмок съежился и заскулил:

— Нет, нет!..

— Ну, тогда я скажу, — произнес Саруман. — Слизняк убил вашего Шефа, а тот был вполне достойным начальничком, бедняга. Правда,

Слизняк? Наверное, пырнул его ножом во сне? Надеюсь, что похоронил, хотя я в этом не уверен. Последнее время Слизняк сильно страдал от голода. Не очень приятная личность, как видите. Лучше оставьте его мне.

Дикая ненависть блеснула в налившихся кровью глазах Причмока.

— Это твой приказ, ты меня заставил! — зашипел он.

— А ты всегда делаешь, что тебе говорит Шарки, правда? — засмеялся Саруман. — Тогда я опять говорю: иди за мной.

Саруман пнул в лицо припавшего к земле раба, повернулся и намеревался уже уйти, как вдруг Причмок, словно на пружине, взвился с земли, зарычал, как пес, выхватил откуда-то нож, бросился Саруману на шею, резко отогнул его голову назад, а другой рукой перерезал горло, после чего с воплем побежал по дороге с Холма вниз. Прежде чем Фродо пришел в себя и смог сказать хоть слово, три хоббитские стрелы засвистели одновременно, и Причмок упал замертво.

* * *

К удивлению всех, кто стоял вокруг, тело Сарумана обвил серый туман, потом он медленно

поднялся высоко к небу, как дым от костра, и повис над Холмом в форме бледной фигуры в саване. Минуту она качалась над ними, обернувшись к западу, но вдруг оттуда дунул холодный ветер, туманная фигура согнулась и со вздохом расплылась в ничто.

Фродо с жалостью и страхом смотрел на мертвое тело у своих ног. Будто Саруман умер уже давным-давно, а сейчас лишь проступили черты многолетнего тлена: тело на глазах уменьшалось, сморщенное лицо превратилось в лоскут дряхлой кожи, прилипшей к уродливому черепу… Фродо схватил за край брошенный рядом грязный плащ, накрыл им страшные останки и отвернулся.

* * *

— Вот это уже конец, — сказал Сэм. — Жуткий конец, лучше такого не видеть. Но зато мир избавился от двух гадов.

— И война наконец-то кончилась, — сказал Мерри.

— Надеюсь! — вздохнул Фродо. — Это ее последний удар. Надо же было, чтобы именно здесь, на пороге Торбы! Было столько надежд и опасений, но такого я не ожидал.

— На самом деле война кончится тогда, когда

мы здесь все вычистим и порядок наведем, — хмуро отрезал Сэм. — А тут столько работы, на много лет хватит!

Глава девятая. Серая Гавань

Наведение порядка в Хоббитшире в самом деле потребовало уйму времени и трудов, но все удалось сделать быстрее, чем ожидал Сэм.

Через день после Приреченской битвы Фродо отправился в Мичел Делвинг освобождать узников из Длинных Подвалов. Среди первых, кого там нашли, оказался Фредегар Болджер, которого сейчас уже никто не назвал бы Мякушем. Его схватили, когда люди Шефа выследили группу хоббитов, засевших в Барсучьих Норах близ Каменоломен. Фредегар этой группой сопротивления руководил.

— Бедняга, лучше бы ты с нами пошел! — воскликнул Пипин, когда Болджера выносили из Подвалов: сам он так ослаб, что идти не мог.

Фредегар открыл один глаз и попытался улыбнуться.

— Это что тут за великан говорит зычным голосом? — спросил он еле слышно. — Неужели малыш Пипин? Какой у тебя сейчас номер

шапки?

Среди освобожденных была и Лобелия. Ее извлекли из темной тесной ямы, она сильно постарела и страшно похудела, но твердила, что может еще идти на собственных ногах, а когда появилась, одной рукой опираясь на руку Фродо, а другой крепко сжимая знаменитый зонтик, собравшаяся толпа дружно приветствовала ее так, что она прослезилась. Впервые в жизни ее окружала всеобщая неподдельная любовь.

Но весть об убийстве Лотто разбила ей сердце, и она теперь слышать не хотела о Торбе-в-Холме, вернула эту старую усадьбу Фродо, а сама поселилась у своих родственников Тугобрюхов на хуторе Камнеботл.

Следующей весной она умерла — все-таки ей было больше ста лет, — и Фродо был удивлен и до глубины души тронут ее завещанием: бедная Лобелия оставила ему в наследство все, что принадлежало ей и Лотто, прося употребить ее имущество на помощь хоббитам, оказавшимся без крова в смутное время.

Так закончилась семейная рознь.

Старый Вилли Белоног просидел в Длинных Подвалах дольше всех остальных узников, и хотя с ним там обращались лучше, чем со многими,

ему пришлось долго поправляться, прежде чем он смог вернуть себе осанку, достойную бургомистра хоббичьей столицы.

В то время, пока господин Белоног набирал нужный вес, его замещал Фродо. Собственно, Фродо провел только одну реформу: сократил отряд ширрифов и ограничил их число и функции до тех, какие они выполняли прежде. Разделаться с остатками банд поручили Мерриадоку и Перегрину, которые довольно быстро справились с этим заданием. Южане, прослышав о Приреченской битве, уходили из Хоббитшира сами и почти не оказывали отпора отрядам Тана. К концу года последние бандиты оказались в окружении в лесу и сдались. Их выдворили из страны.

Закипела работа по восстановлению Хоббитшира, и у Сэма стало хлопот невпроворот.

Когда надо и если захотеть, хоббиты становятся трудолюбивыми, как пчелки. Сейчас отовсюду тянулись тысячи рук, желающих работать, начиная от маленьких, но ловких детских ручонок, и кончая морщинистыми и мозолистыми руками стариков. Ко дню зимнего Юла были разобраны по кирпичику все постройки шефовых огромин, в том числе и новые казармы ширрифов. При этом ни один кирпич не пропал — стройматериалы

шли на восстановление старых хоббичьих домов и норок, которые теперь стали гораздо уютнее и суше. В разных складах, подвалах и бесхозных норах были найдены большие запасы продуктов, утвари и пива, припрятанные по приказу Шарки. Туннели под Мичел Делвингом и старые каменоломни были просто забиты разными товарами, продовольствием и пивными бочками, так что можно было весело и громко встречать Новый год.

Раньше всего — даже до разборки новой мельницы — были проведены работы по расчистке Холма, ремонту Торбы и восстановлению Пронырной улицы. Новый песчаный карьер засыпали, превратили это место в большой сад. В южном склоне вырыли новые обширные норы, выложили их кирпичом. Дед Гэмджи торжественно въехал в норку под третьим номером, и теперь всем, кто хотел его слушать, повторял:

— Из всего плохого может выйти что-то хорошее. И *все хорошо, что кончается лучше, чем началось!*

Были, правда, довольно горячие споры по поводу того, как назвать отстроенную улицу. Старое название — Пронырная — ей как-то уже не шло. Некоторые хотели назвать ее «Садом Битвы»,

другие предлагали «Лучшие Смайелы»... Победило хоббичье здравомыслие, и было выбрано самое простое и емкое название: улица Новая. Приреченские остряки, правда, иногда обзывали ее Тупиком Шарки.

* * *

Самым чувствительным ударом было уничтожение деревьев, ибо по приказу Шарки их безжалостно вырубили почти везде. Сэм горевал об этом больше всего. Такая рана земли не могла зажить быстро, и Сэм поначалу думал, что только его правнуки смогут увидеть Хоббитшир таким, каким он должен быть.

На него свалилось сразу столько работы, что он и думать забыл про путешествие и чьи-то советы и заветы, но однажды он вдруг вспомнил про шкатулку — дар Галадриэли — и нашел ее! Взяв шкатулку с собой, Сэм тут же пошел посоветоваться с остальными Путешественниками (так их теперь все называли).

— А я уж подумывал о том, чтобы тебе про нее напомнить, — сказал Фродо. — Открой-ка!

В шкатулке Сэма была мелкая мягкая серая пыль: а в ней — одно-единственное семечко, как орешек в серебряной скорлупке.

— Что мне с этим делать? — спросил Сэм.

— Развей по ветру, а об остальном не беспокойся, — предложил Пипин.

— Где развеять? — спросил Сэм.

— Выбери участок земли, сделай себе опытное поле, посмотришь, как там все будет расти, — сказал Мерри.

— Госпожа Галадриэль вряд ли хотела, чтобы я все употребил на своем поле, — возразил Сэм. — Ведь столько хоббичьих участков пострадало!

— Значит, руководствуйся своим разумением и опытом, Сэм, — сказал Фродо. — Делай так, чтобы этот дар облегчил тебе труд и улучшил результаты. И будь бережлив: шкатулка маленькая, а в ней, наверное, каждая пылинка имеет огромную ценность.

И вот Сэм стал сажать молодые деревца там, где были уничтожены особо красивые и любимые сады и аллеи, и при посадке у корешка каждого саженца клал драгоценную пылинку из лориэнской шкатулки. Он перемерял ногами полстраны, но лучше всего, конечно, позаботился о садах Хоббиттауна и Приречья. За это на него никто не обижался. Когда в шкатулке осталась последняя щепоточка пыли, Сэм пошел к Трехчвертному Камню, обозначавшему почти точно

центр Хоббитшира, и разбросал эту щепотку на все четыре стороны света, сопроводив добрыми пожеланиями.

А серебряный орешек посадил на лугу перед Торбой в том месте, где некогда росло Семейное Дерево, под которым весело справлялись праздники. Очень ему было интересно, что теперь там вырастет. Всю зиму он с трудом удерживал себя, чтобы не побежать посмотреть, не растет ли уже Оно.

* * *

Весна принесла ему исполнение самых смелых желаний. Деревья, им посаженные, принялись и росли так буйно, словно спешили за год вырасти лет на двадцать. На зеленом лугу перед Торбой поднялось стройное деревце с серебристой корой и продолговатыми листьями. Уже в апреле оно покрылось золотыми цветами. Это оказался настоящий мэллорн, и ему дивилась вся округа. С годами он стал высоченным красавцем и широко раскинул мощные ветви. Гости приезжали издалека, чтобы на него посмотреть, — это ведь был единственный мэллорн к западу от Мглистых гор и к востоку от Моря, и более красивого дерева, наверное, в мире не было.

1420-й год в Хоббитшире вошел в историю как год небывалого урожая. Необыкновенное лето распустилось пышным цветком после печальной зимы и оставило яркий след в не очень-то выразительной череде лет, катящихся над этими землями смертных в Среднеземье. Солнечных дней было много, дождь проливался только в нужное время и в нужном количестве; во всем чувствовалось дыхание свежести, красоты и чистой радости — все пышно росло и наливалось животворной силой. Дети, зачатые или рожденные в этом году, — а было их множество, — рождались красивыми и крепкими, и у многих из них были пышные золотистые волосы, что у хоббитов до сих пор считалось большой редкостью. Овощи и фрукты так уродились, что хоббитята буквально купались в клубнике со сметаной, а слив и абрикосов ели столько, что из их косточек строили в траве целые пирамиды, и никто не заболел. Все были довольны, кроме тех, кому потом пришлось подстригать траву в садах.

В Южной чверти лозы гнулись от тяжелых гроздьев; трубочным зельем к осени оказались завалены все склады, зерно не вмещалось в амбары, а ячмень так удался, что хоббиты надолго запомнили пиво урожая 1420 года, и оно даже

вошло в поговорку. Через поколение можно было в каком-нибудь трактире услышать, как почтенный хоббит, опрокинув заслуженную кружку, ставит ее на стол с довольным вздохом:

— Хорошо! Ну, просто как в четыреста двадцатом!

* * *

Сэм сначала жил вместе с Фродо у Норкинсов, но как только была отстроена Новая улица, переехал туда со своим Стариком. Кроме собственных дел, он не только руководил восстановлением и обновлением усадьбы Торбинсов на Холме, но часто ездил по всему Хоббитширу, занимаясь лесами. Всю первую половину марта его не было дома, и он поэтому не узнал о болезни Фродо. Тринадцатого марта старый Норкинс нашел Фродо в постели. В руке больной крепко сжимал белый камень, который теперь всегда носил на шее на цепочке, и, казалось, бредил.

— Сгинуло навсегда, — шептал он. — Все пропало… Пустота и тьма…

Кризис прошел, Фродо поправился. Когда двадцать пятого Сэм вернулся, он уже был на ногах и ничего другу не сказал. Как раз к этому времени была окончательно приведена в порядок Торба.

Мерри с Пипином привезли из Кричьей Балки старую мебель, чтобы усадьба снова выглядела, как раньше. Фродо, наконец, вернулся в родной дом и спросил Сэма:

— А ты когда ко мне переедешь?

Сэм слегка смешался.

— Если не хочешь, я, конечно, не буду настаивать, — продолжал Фродо, — но твой Старик ведь остается ближайшим соседом, все спокойно, и вдова Хрумс за ним прекрасно ухаживает.

— Дело не во мне, — ответил Сэм, краснея.

— А в ком?

— Да в Рози, Рози Норкинс, — сказал Сэм. — Девочка, оказывается, очень переживала, когда мы ушли в Путешествие. Я это понял, когда вернулся. Но тогда, как вы помните, не до объяснений было. Потом я молчал, потому что надо было сперва сделать всю эту работу. Сейчас я ей только намекнул, что у меня на сердце, а она так и выпалила: «Год зря потратил, чего же еще ждать?» Я ей, конечно, ответил, что не зря, но я же понимаю, что она имела в виду. Сейчас вы меня будто надвое разрываете.

— Понимаю, — сказал Фродо. — Ты решил жениться, и со мной тебе тоже расставаться не хочется. Так ведь нет ничего проще! Сэм, дорогой

мой, женись поскорей и переезжай ко мне вместе с Рози. В Торбе места всем хватит, можешь самую большую семью разводить!

Вот так случилось, что Сэм Гэмджи, взяв в жены Рози Норкинс, весной 1420 года (этот год еще знаменит множеством свадеб), переехал с ней в Торбу-в-Холме. Сэм считал это для себя великим счастьем, а Фродо казалось, что счастье выпало ему: во всем Хоббитшире теперь не было хоббита, окруженного более нежной заботой.

Когда все было отстроено и организовано, намеченные планы воплощались в жизнь, Фродо мог спокойно отдыхать, писать и приводить в порядок чужие записи. В День Середины лета на Свободной Ярмарке он снял с себя обязанности Бургомистра, и последующие семь лет на всех официальных банкетах во главе стола снова восседал представительный Вилли Белоног.

* * *

Мерри и Пипин некоторое время жили вместе в Кричьей Балке. Между Баклендом и Хоббитауном наладилось оживленное движение. Два молодых Путешественника тешили земляков элегантностью, прекрасными манерами, веселили хоббитов дивными песнями и рассказами,

роскошными приемами. Их даже прозвали Корольками, но беззлобно, потому что у всех сердца радовались при виде двух стройных хоббитов, разъезжающих верхом в сверкающих кольчугах, с красивыми гербами на щитах, всегда улыбающихся и готовых петь песни, привезенные из дальних стран. Рост у них был необыкновенный, выправка военная, но в остальном они не изменились, стали только красноречивее и веселее.

Фродо и Сэм стали почти сразу носить обычную хоббичью одежду и лишь при необходимости набрасывали на плечи длинные серые плащи из странной тонкой ткани, застегивая их под подбородком красивыми пряжками удивительной работы. Кроме этого, господин Фродо всегда носил на цепочке белый камень и часто трогал его пальцами.

Все шло хорошо, и была надежда, что будет еще лучше. У Сэма было столько любимой работы и радостей жизни, сколько может пожелать хоббичья душа. Ничто не омрачало его счастья в этом году, кроме смутных опасений о хозяине. Фродо постепенно отстранился от всех хоббитширских дел. С огорчением Сэм замечал, как мало почестей получает в родной стране этот самый достойный из хоббитов. Очень немногие знали, вернее,

хотели знать о его подвигах и приключениях, весь почет и все внимание достались господину Мерриадоку и господину Перегрину. Самого Сэма, конечно, слава тоже не обошла, но он этого за хлопотами не замечал.

А осенью на Фродо снова надвинулась тень старой беды. Однажды вечером, войдя в его рабочий кабинет, Сэм увидел Фродо странно изменившимся. Он был бледен, невидящие глаза его были устремлены куда-то далеко-далеко.

— Что с вами, господин Фродо? — спросил Сэм.

— Я ранен, — ответил Фродо. — Эта рана никогда не заживет.

Он сумел найти в себе силы встать и без посторонней помощи дойти до кровати. К утру слабость почти прошла. Он снова чувствовал себя нормально. Гораздо позже, рассказывая, как это было, Сэм вдруг обратил внимание на то, что это случилось шестого октября, ровно через два года после первого столкновения с силами Тьмы в овраге под горой Ветров.

* * *

Время шло, начинался 1421 год. В марте Фродо снова болел и лишь большим усилием воли сумел скрыть свое состояние от Сэма, которому хватало

других хлопот. Двадцать пятого марта, ставшего отныне самым памятным днем для Сэма Гэмджи, Рози родила ему первого ребенка.

— Прямо не знаю что делать, — объявил Сэм, входя к Фродо. — Мы собирались дать ему имя Фродо, с вашего разрешения, а родился не он, а *она*. Вообще-то хорошая девчоночка, как яблочко, к счастью, не в отца, а в мать. Но как ее назвать, теперь и не знаем.

— А чем тебе не нравится старый обычай, Сэм? — сказал Фродо. — Твою жену зовут Розой, вот и для девочки выбери название цветка, чего же лучше? У половины хоббитянок цветочные имена.

— Пожалуй, вы правы, господин Фродо, — ответил Сэм. — В наших с вами странствиях я слыхал много всяких красивых имен, но они не подходят для каждодневного употребления. А мой Старик говорит: «Дай, — говорит, — ей короткое имя, чтобы я его не обрывал наполовину, когда захочу позвать». Но пусть даже оно окажется не самым коротким, лишь бы цветок был красивым. Малышка должна вырасти настоящей красавицей, это я как отец говорю.

Фродо минутку подумал.

— А как тебе нравится имя *Эланор*? Оно озна-

чает «солнечная звездочка», помнишь золотые цветочки в траве Лотлориэна?

— Вы, как всегда, в самую точку, хозяин! — в восторге воскликнул Сэм. — Это как раз то, о чем я мечтал!

* * *

Маленькой Эланор было уже шесть месяцев, и лето 1421 года подходило к концу, когда Фродо сам позвал Сэма к себе в кабинет.

— В четверг день рождения дяди Бильбо, — сказал он. — Сто тридцать один год, больше, чем было Старому Туку!

— Браво! — сказал Сэм. — Господин Бильбо всегда был необыкновенным хоббитом!

— В связи с этим, милый мой Сэм, я хотел бы, чтобы ты поговорил с Рози и попросил ее отпустить тебя в небольшую поездку. Это совсем недалеко, я понимаю, что ты не можешь уезжать надолго, — добавил Фродо с легким оттенком грусти в голосе.

— Конечно, хозяин, мне сейчас это трудно.

— Понимаю. Но дело не в этом. Я хочу только попросить тебя проводить меня немного. Скажи Рози, что ты ее покинешь не больше, чем на две недели, и что на этот раз с тобой абсолютно ни-

чего не случится.

— Я бы охотно поехал с вами до самого Райвендела, — сказал Сэм. — Мне очень хотелось бы увидеть господина Бильбо. Но, правду сказать, самому мне охота находиться только в одном месте в мире, вот здесь, дома. Вы опять разрываете мне сердце.

— Бедный Сэм! — воскликнул Фродо. — Я так и знал! Но скоро все кончится. У тебя цельная натура настоящего хоббита, тебя так задумали, таким ты и останешься.

* * *

Пару дней после этого Фродо вместе с Сэмом перебирал бумаги и записки, потом передал верному слуге все ключи. Самым дорогим его имуществом была толстая книга, переплетенная в гладкую красную кожу. Почти все страницы ее были исписаны, сначала слегка неуверенным тонким почерком Бильбо, но большей частью твердой рукой самого Фродо. Записи делились на главы, последняя, восьмидесятая глава была недописана, и в конце Книги оставалось несколько чистых листов. На первом листе были аккуратно выведены и одно за другим зачеркнуты несколько названий. Вот как они звучали:

Мой дневник. Неожиданное путешествие.

Туда и обратно. И что было потом.

Приключения пяти хоббитов.

История Великого Кольца, составленная Бильбо Торбинсом из личных наблюдений и по рассказам друзей.

Наше участие в Войне за Кольцо.

На этом почерк Бильбо кончался, и далее рукой Фродо было написано:

ПАДЕНИЕ ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ И ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

(как это все представилось глазам полуростиков; составлено по запискам Бильбо и Фродо из Хоббитшира; дополнено по рассказам друзей и из научных источников), а также выдержки из научных книг, переведенные хоббитом Бильбо в Райвенделе.

— Значит, вы почти дописали свою Книгу! — воскликнул Сэм. — Да, хозяин, работали вы поистине упорно.

— Я ее *совсем* дописал, — сказал Фродо. — По-

следние страницы остались тебе.

* * *

Двадцать первого сентября они выехали: Фродо — на пони, на котором ехал от самого Минас Тирита (этого пони теперь звали Долгоброд), а Сэм — на своем любимом Билле. Утро было погожим и солнечным. О цели путешествия Сэм не спрашивал, но думал, что догадывается.

С тракта они свернули на проселок, который вел к Шатровым Полянам. Заночевали в Зеленых холмах, утром 22 сентября ехали уже под деревьями, постепенно спускаясь в долину.

— По-моему, за этим вот деревом вы прятались, когда в первый раз увидели Черного всадника, господин Фродо, — сказал Сэм, показывая влево. — Неужели все это и вправду случилось с нами?! Как сон.

* * *

Наступил вечер. Восточный край неба был уже весь усыпан звездами, когда они миновали поваленный дуб на поляне, через которую проходила их тропа, и оказались в орешнике. Сэм молчал, погрузившись в воспоминания. Вдруг он услы-

шал, как Фродо тихонько напевает, будто только для себя, старую дорожную песенку, но слова в ней были какие-то другие:

Снова вечер, снова звезды.
С миром в дом прийти не поздно
Никогда и никому,
Но всегда за поворотом
Ждет таинственное что-то,
Что дается одному.

Часто я бродил случайно,
Тайных троп не замечая,
Но теперь уж недалек
День, когда я новым трактом
От луны пойду на запад
И от солнца на восток.

И будто ему в ответ из долины прозвучала песня:

А Элберет! Гилтониэль!
Силиврен пенна мириэль,
О менел аглар эленнат,
Гилтониэль! А Элберет!

В дальней стране в зеленом бору
Песни о Море взлетят и замрут…
Мы здесь, но помним блеск Звезды
Над серебром ночной воды!

Фродо и Сэм, молча переглянувшись, остановились и, присев в зеленом полумраке, стали ждать, когда к ним приблизится мерцающий огнями караван.

Сначала они увидели Гилдора в окружении отряда эльфов, потом, к удивлению Сэма, появился Элронд и с ним Галадриэль. У Элронда на плечах был серый плащ, во лбу горела звезда, одной рукой он правил конем, в другой держал серебряную арфу, и на пальце у него было золотое кольцо с огромным голубым камнем — Вилья, некогда самое могущественное из Трех Эльфийских.

Галадриэль ехала на белой лошади, ее белое платье светилось, как облако вокруг месяца; казалось, она вся излучает нежное сияние. На ее пальце искрился ледяной звездой мифриловый перстень с белым алмазом — Нэнья.

За ними медленной рысцой, кивая головой, будто во сне, трусил на сивом пони Бильбо.

Элронд уважительно и сердечно приветствовал хоббитов, а Галадриэль улыбнулась им.

— До меня дошло, что ты хорошо использовал мой дар, достойный Сэммиус! — сказала она. — Твой любимый Хоббитшир становится благословенной землей.

Сэм поклонился, но не нашелся, что ответить. Он забыл, как прекрасна Хозяйка Лориэна, и стоял теперь ошеломленный. И тут Бильбо очнулся и открыл глаза:

— Как поживаешь, Фродо? — спросил он. — Вот видишь, сегодня я пережил Старого Тука. Так вот все и уладилось. Теперь можно отправиться в новое путешествие. Ты поедешь с нами?

— Да, — ответил Фродо. — Носившие Кольцо должны уйти вместе.

— Куда вы, хозяин? — громко крикнул Сэм, который только сейчас понял, что происходит.

— В Гавань, Сэмми, — ответил Фродо.

— А я с вами не могу!

— Нет, Сэм. Тебе пока нельзя. Если очень хочешь, можно только до Гавани. Правда, ты тоже нес Кольцо, хотя очень недолго. Может, и твой час настанет. Не печалься, Сэм! Нельзя же все время разрываться надвое. Теперь ты будешь единым и целым много-много лет. Тебе еще жить и жить, трудиться, любить и радоваться!

— А я думал, что мой хозяин тоже много лет

будет радоваться жизни в Хоббитшире после всех невзгод. Вы же столько для этого сделали! — сказал Сэм со слезами на глазах.

— Я тоже раньше так думал. Но раны мои слишком глубоки, Сэм. Я старался спасти Хоббитшир, и он спасен, но уже не для меня. Так часто бывает, Сэм, когда добру грозит опасность: кто-то должен им пожертвовать, потерять, чтобы его сохранили другие. Ты мой наследник, отдаю тебе все, что у меня есть и могло быть. Кроме того, у тебя есть Рози и Эланор, а со временем появятся маленький Фродо, и маленькая Рози, и Мерри, и Златовласка, и веселый Пипин. Может быть, их будет больше. Я пока вижу только этих. Всем очень нужны будут твои руки и умная голова. Ты, конечно, станешь Бургомистром, будешь носить это звание так долго, как захочешь, и прослывешь самым лучшим садовником в истории Хоббитшира. Почитывай Красную Книгу и поддерживай в хоббитах воспоминание о прошлой эпохе, чтобы они не забывали о Великой Опасности и еще больше любили свою землю. Видишь, тебе предстоит столько работы и столько счастья, сколько возможно получить в Среднеземье, пока продолжается твоя глава в Красной Книге! А теперь нам пора. Проводи меня.

* * *

Элронд и Галадриэль уезжали, ибо прошла Третья эпоха, кончилась эра Колец, ее история и ее песни. С ними уходили многие эльфы Высокого рода, не желая больше оставаться в Средиземье. Между ними, с сердцами, переполненными светлой печалью, ехали Сэм, Фродо и Бильбо, и эльфы относились ко всем троим с большим почтением.

Они ехали весь вечер и всю ночь, проскакали по самой середине Хоббитшира, но их никто не видел, кроме лесных и полевых зверей. Может, какой-нибудь запоздалый путник заметил мерцание огней и легкое движение теней по траве, но они ему, наверное, показались отсветом плывущего на запад месяца и тенями от облаков.

Наконец они оказались за пределами Хоббитшира, объехали с юга Белые холмы, обогнули с севера южную цепь Дальних холмов, полюбовались Столбовым нагорьем, увидели издали Море и спустились к впадающей в него реке Луне с разбросанными по обоим берегам строениями.

Это была Серая Гавань, Мифлонд.

Кирдан-Корабел вышел им навстречу к воротам Гавани. Очень высокого роста, с длинной

бородой, он был стар и сед, но глаза его молодо блестели, как звезды. Кирдан поклонился и сказал:

— Все готово.

Он проводил их на пристань, где качался на воде белый корабль. У причала стоял огромный серый конь и рядом кто-то, весь в белом. Когда он повернулся и подошел к ним, Фродо узнал Гэндальва. На пальце у мага было третье Кольцо, Нарья, с камнем алым, как живое пламя. И все, кто должен был ступить на корабль, ощутили радость от того, что Гэндальв поплывет с ними.

Один лишь Сэм стоял на берегу с болью в сердце. Он думал о том, что разлука горька, и о том, что еще горше будет ехать домой одному. Но в последний момент, когда эльфы уже входили на корабль и заканчивались приготовления к отплытию, раздался топот копыт, и Мерри с Пипином, влетев галопом на пристань, осадили коней у самого причала. Пипин смеялся сквозь слезы.

— Ты уже один раз пробовал тайком удрать, милый Фродо! — воскликнул он. — А сейчас еще чуть-чуть, и мы бы не успели. Только на этот раз твою тайну нам выдал не Сэм, а сам Гэндальв.

— Именно так, — произнес Гэндальв. — Мне

кажется, что возвращаться домой втроем лучше, чем одному. Ну вот, друзья, на берегу Моря кончилось наше Содружество в Среднеземье. Оставайтесь с миром! Я не говорю: «Не плачьте», ибо бывают добрые слезы.

Фродо расцеловал Мерри и Пипина, потом Сэма, и вступил на корабль. Взлетели паруса, дунул, наполняя их, ветер, и корабль стал медленно удаляться от берега, скользя по серебристой воде. Когда он уже выплывал из Гавани, в руке Фродо блеснул и погас флакон Галадриэли.

Корабль вышел в открытое Море и уплыл на запад.

Море было почти все время серым, пелена дождя закрывала горизонт. Но однажды ночью Фродо вдруг почувствовал в воздухе сладкий аромат и услышал дальние звуки песни. Ему показалось, как в давнем сне в доме Бомбадила, что серая завеса дождя превращается в серебристое стекло и раздвигается, открывая белое побережье, а за ним — зеленую страну в блеске восходящего солнца.

* * *

Но для Сэма темный вечер на пристани сгустился в непроглядную ночь. Сначала он еще видел

тень корабля на волнах серого Моря, скользящую к западу. Потом ночь ее поглотила. Сэм долго стоял у причала, слушая вздохи и шелест волн, лижущих холодный берег Среднеземья, и на всю жизнь запомнил этот голос Моря. Рядом с ним молчали Пипин и Мерри.

Наконец трое друзей повернулись спиной к Морю и, ни разу не оглянувшись, медленно поехали домой. Никто не произнес ни слова, пока они не въехали в Хоббитшир, но несмотря на молчание, каждый был рад, что он не один на этой длинной дороге.

Друзья спустились с Белых холмов и некоторое время все вместе скакали по Большому Восточному тракту. Когда Мерри и Пипин свернули с него на дорогу в Бакленд, они уже снова громко пели.

А Сэм направился через Приречье в Хоббиттаун и под вечер доехал до Холма. Поднимаясь по Новой улице, он еще издали заметил приветливый огонек в окне. Камин горел, и ужин был готов, как он и предполагал. Рози быстренько втащила его в комнату, усадила в кресло и посадила ему на колени малышку Эланор.

Сэм облегченно и глубоко вздохнул.

— Ну, вот я и дома! — сказал он.

Приложения

Источники, из которых почерпнута большая часть приведенных в Приложении сведений, упоминались в Прологе. Часть III Приложения А (племя Дарина) была, вероятно, целиком составлена по запискам гнома Гимли, который долго поддерживал дружеские отношения с Перегрином и Мерриадоком и неоднократно встречался с ними в Гондоре и Рохане после событий, описанных в «Красной Книге».

Главная цель Приложений — пояснить причины и отдельные повороты событий в Великой Войне за Кольцо и заполнить некоторые пробелы в изложении истории. Старинные легенды Первой эпохи, которыми больше всего интересовался Бильбо, изложены здесь очень кратко, причем из них выбраны лишь те, которые касаются предков Элронда, а также нуменорских королей и вождей. Все цитаты выделены кавычками, позднейшие вставки — в скобках. Примечания даются в квадратных скобках.

Даты приводятся в летоисчислении Третьей эпохи, если нет указаний, что та или иная дата от-

носятся ко Второй или Четвертой эпохе. Концом Третьей эпохи принято считать сентябрь 3021 года, когда Три Эльфийских Кольца покинули Среднеземье, но в Гондоре Четвертую эпоху начинают с 25 марта того же года. Как перевести дату хоббитширского календаря в летоисчисление по календарю Гондора, уже говорилось в Прологе, а также объясняется в Приложении Г.

Если при имени короля или вождя в родословной стоит всего одна дата, это — дата смерти. Знак креста означает гибель в бою или преждевременную смерть при трагических обстоятельствах, которые могут быть не упомянуты в книге.

Приложение А
I. Хроники королей и властителей
1. Короли-нуменорцы

1. Нуменор

Из всех великих эльдар Феанор лучше всех преуспел в науках и ремеслах. Но он же был слишком горд и самовластен. Три сокровища, три *Сильмарила* создал он, наделив их сиянием, взятым у двух волшебных деревьев: Тельперио-на и Лаурелина, освещавших некогда страну валар, Валинор. Никто уже не знает, какими они были, ибо в Средиземье не осталось ни одного их изображения. Великий Враг Моргот пожелал Сильмарилы, украл их, уничтожил волшебные деревья, а камни забрал с собой в Средиземье и стерег их в главной своей крепости Тангородриме.

Вопреки воле валар Феанор покинул Благословенный Край на Заокраинном Западе и отправился в добровольное изгнание в Средиземье. Увел он с собой многих из своего племени, ибо, ослепленный высокомерием, вознамерился силой отобрать у Моргота украденные сокрови-

ща. Так началась безнадежная война эльдар и эдаин с Тангородримом, которая кончилась для них страшным поражением. В племя эдаин (или атани) входили три рода людей, которые раньше всех пришли на запад Среднеземья и на побережье великого Моря и стали союзниками эльдар в войне с Врагом.

История отметила три кровных связи между эльдар и эдаин: брачные союзы Лютиэнь и Берена, Идрил и Туора, Арвен и Арагорна. В последнем браке (Арвен — Арагорн) воссоединились две давно разделенные ветви полуэльфов и возродился род, который чуть было не пресекся.

Лютиэнь Тинувьель была дочерью Тингола, прозванного Серым Плащом, короля государства Дориат в Первой эпохе, а ее матерью была майя Мелиана из племени валар. Берен был сыном Барахира из первого правящего дома эдаин. Лютиэнь с Береном вырвали один Сильмарил из железной короны Моргота. Став женой человека, Лютиэнь отреклась от бессмертия, так эльфы ее потеряли. Сына ее звали Диор, а дочь Диора Эльвинга Белоснежная сохранила драгоценный Сильмарил.

Идрил Келебриндал была дочерью Тургона, короля сокровенного королевства Гондолин.

Туор был сыном Хуора из рода Хадора, третьего правящего дома эдаин. Он прославился в войнах с Морготом. Сыном Идрил и Туора был Эарендил-Мореход. Эарендил взял в жены Эльвингу, с помощью волшебного Сильмарила прошел Затененные моря и добрался до Заокраинного Запада как посланец эльфов и людей. Они получили помощь и победили Моргота. Но Эарендилу запретили возвращаться к смертным. Корабль Эарендила с Сильмарилом на мачте унес его в небеса, и стал он Звездой Надежды для жителей Среднеземья, притесняемых слугами Великого Врага. Только в трех Сильмарилах сохранялся древний свет Двух Деревьев Валинора, которые светились, когда цвели, пока Моргот не погубил их. Два других Сильмарила пропали в конце Первой эпохи. Всю историю этих камней, а также много другого об эльфах и людях рассказывает книга «Сильмариллион».

* * *

У Эарендила было два сына, Элрос и Элронд, *передилы* или полуэльфы, единственные продолжатели прямой линии героев-вождей древних эдаин из Первой эпохи. После гибели Гил-Гэлада лишь их потомки представляли в Среднеземье

линию Властителей-полуэльфов.

В конце Первой эпохи валар заставили полуэльфов окончательно решить, к какому племени они будут принадлежать. Элронд выбрал племя эльфов и стал среди них мудрецом, получив наравне с теми высокородными эльфами, которые оставались еще в Среднеземье, право отплыть на Заокраинный Запад из Серой Гавани, когда устанет от жизни среди смертных. Это право остается за бессмертными и после того, как мир изменится. Дети Элронда тоже могли выбирать: либо уйти с ним вместе за последний круг мира, либо, утратив дар бессмертия, остаться в Среднеземье и умереть, когда пробьет их час. Вот почему конец Войны за Кольцо, независимо от того, кто победит, должен был принести Элронду великую печаль разлуки.

Элрос выбрал племя людей и остался среди эдаин. Но ему и его потомкам было дано жить в несколько раз дольше, чем обычным людям.

Валар, покровители мира, дали племени эдаин в награду за страдания, пережитые в войнах с Морготом, новую землю, далеко от Среднеземья и его опасностей. Так вышло, что многие эдаин отправились за Море и, ведомые светом звезды Эарендила, доплыли до далекого острова Эленна,

расположенного западнее всех земель, где жили смертные. Там поселилось это племя, так было заложено королевство Нуменор.

Посреди острова высилась гора Менельтарма, с вершины ее дальнозоркие могли увидеть белый маяк гавани эльдар в Эрессее. Эльдар приплывали оттуда к эдаин, дарили им дары и обогащали их знаниями. Но нуменорцы не имели права заплывать дальше на запад, чем достигал взгляд с острова, и не позволено было им вступать на земли бессмертных. Таков был наложенный на них Запрет Валар. Первое время наследники Элроса — долговечные — жили втрое дольше, чем остальные люди. Но вернуть им бессмертие, отнять Дар (или, как стали говорить потом, Проклятие человека) валар не могли.

Элрос стал первым королем Нуменора. В истории он известен под именем Тар-Миньятур, так звучало его имя на языке эльфов Высокого рода. Его потомки были долговечны, но все они умирали в свой черед. Позднее, когда государство стало могущественным, они обиделись на предка, выбравшего смертный удел, позавидовали бессмертию эльдар и возроптали на Запрет Валар. Так начался бунт в великом государстве, подстрекаемый злобным и хитрым Сауроном.

Этот бунт привел к гибели Нуменора и крушению всего древнего мира, как рассказывает книга «Акаллабет».

* * *

Вот имена королей и королев Нуменора:

Элрос Тар-Миньятур; Вардамир; Тар-Амандил, Тар-Элендил, Тар-Менельдур, Тар-Алдарион, Тар-Анкалима (первая правившая королева), Тар-Анарион, Тар-Сурион, Тар-Тельпериен (вторая правившая королева), Тар-Минастир, Тар-Кирьятан, Тар-Атанамир Великий, Тар-Анкалимон, Тар-Телеммаит, Тар-Ванимельда (третья правившая королева), Тар-Алкарин, Тар-Калмакил.

Преемники Калмакила правили под именами, взятыми из нуменорского (или адунайского) языка:

Ар-Адунакор, Ар-Зимратон, Ар-Сакальтор, Ар-Гимильзор, Ар-Инзиладун.

Инзиладун презрел обычаи старых королей и сменил имя на Тар-Палантир, что значило Далеко Зрящий. Дочь его, Тар-Мириэль, должна была стать четвертой правящей королевой, но племянник короля захватил его скипетр и стал последним нуменорским королем. Ар-Фаразон Золотой называли его.

Во времена короля Тар-Элендила к берегам Среднеземья вернулись первые нуменорские корабли. У первородной дочери Тар-Элендила, Сильмарины, был сын Валандил. Он стал первым властителем западной земли Андунии и был в дружбе с эльдар. Потомками Валандила по прямой линии были Амандил, последний властитель Андунии, и его сын Элендил Высокий.

Шестой король Тар-Алдарион оставил после себя одну дочь. Она стала первой королевой Нуменора, и в династии появилось право передачи короны старшему потомку короля, независимо от того, сын это или дочь.

* * *

Королевство Нуменор просуществовало до конца Второй эпохи, и всю первую половину этой эпохи росла его мощь и слава, нуменорцы обогащались знаниями и были счастливы. Первые признаки появления Тьмы, которая подкрадывалась к ним, были замечены при одиннадцатом короле, Тар-Минастире. Именно он выслал крупные силы на помощь Гил-Гэладу. Он любил эльдар, но завидовал им. Нуменорцы к его времени стали знаменитыми мореходами, избороздили все моря на востоке и возмечтали

о запретных водах и Заокраинном Западе. Чем веселее они жили, тем острее завидовали бессмертию эльдар и желали его.

Что еще хуже, наследники Минастира возжаждали новых богатств и власти. Вначале нуменорцы прибывали в Среднеземье как учителя и друзья малых людей, которым угрожал Саурон; но постепенно нуменорские гавани стали напоминать крепости, царившие над прилежащими землями.

Тринадцатый король Атанамир и его наследники обложили соседей большой данью, нуменорские корабли при них возвращались в свои гавани с награбленной добычей.

Тар-Атанамир первым посмел выступить против Запрета Валар и заявил, что имеет право стать бессмертным, как эльдар. Тогда и сгустилась Тень над страной, а мысль о смерти стала разъедать сердца людей. В рядах нуменорцев начался раскол. По одну сторону оказались король и его приверженцы, отошедшие от эльдар и валар; по другую — те немногие, кто не соглашался с королем. Они собрались в западной части королевства и назвали себя *верными*.

Короли и их приспешники постепенно перестали употреблять язык эльдар. Двадцатый король

назывался по-нуменорски Ар-Адунакор, что означает «Владыка Запада». Плохой знак видели в том верные, ибо так они титуловали лишь достойнейшего из валар, самого короля из королей. Тогда Ар-Адунакор стал преследовать верных и карал всех, кто открыто говорил на языке эльдар. Эльдар перестали приплывать в Нуменор.

Мощь и богатство нуменорцев росли по-прежнему, но жили они все меньше, боялись смерти все больше, а радость от них уходила. Король Тар-Палантир пытался исправить зло, но было уже поздно. В Нуменоре продолжали вспыхивать ссоры, бунты, случались предательства.

Инзиладун, назвавшийся Тар-Палантир, что означало Дальновидный, имел дочь, которая должна была стать четвертой королевой. Но племянник короля подло завладел и троном, и ею, и стал последним королем Нуменора, приняв имя Ар-Фаразон.

Ар-Фаразон Золотой был самым могущественным и самым высокомерным из королей и мечтал о господстве над всем миром. Он решил отобрать власть у Саурона Великого и во главе сильного флота сам отправился в Умбар. Мощь и богатство Нуменора были столь велики, что Саурона предали его собственные слуги, и он выразил по-

корность победителю, выплатил огромную дань и просил Ар-Фаразона о пощаде. Ослепленный гордыней, Ар-Фаразон повез Саурона пленником в Нуменор. И это стало гибельным. Саурон быстро опутал короля чарами и подчинил себе его советников. Он сумел проникнуть в сердца нуменорцев — за исключением горсточки верных — и обратить их на сторону Тьмы.

Саурон лгал королю, уверяя, что тот, кто завладеет островом Бессмертных, получит вечную жизнь, и что Запрет Валар был объявлен единственно для того, чтобы помешать королям людей сравниться с Дивным племенем:

— Но великие сами берут то, на что имеют право, — лил Саурон яд в уши короля.

И Ар-Фаразон послушался советов Саурона, может быть, потому, что чувствовал приближение конца, и страх смерти ослепил его разум. Он собрал невиданное дотоле войско, а когда все было готово, дал приказ затрубить в боевые трубы и поднять паруса. Выступив на войну, он нарушил Запрет Валар. Пытаясь овладеть бессмертием, он вызвал на бой владык Заокраинного Запада. Но стоило Ар-Фаразону вступить на берег благословенной земли Аман, как валар отреклись от покровительства смертным племенам, воззвали

к Единому — и мир изменился. Море поглотило Нуменор, а Страна Бессмертных навсегда отдалилась за круги мира. Так прошла слава Нуменора.

Последние вожди верных, Элендил и его сыновья, спаслись на девяти кораблях и увезли с собой росток дерева нимлот и семь Зрящих Камней, дары эльдар роду Элендила. Великая буря на грозных крыльях унесла их корабли далеко в море и выбросила на берег Среднеземья. Здесь, в северо-западном его краю, нуменорские короли-изгнанники заложили новые государства: Арнор и Гондор. Элендил стал Верховным властителем обоих королевств и поселился на севере в Ануминасе, отдав южные провинции двум своим сыновьям, Исилдуру и Анариону. Именно они построили Осгилиат между двумя крепостями — Минас Анор и Минас Итиль близ границ Мордора. Ибо они думали, что при гибели Нуменора сгинул и Саурон. Но те, кто поверил в такое благо, ошиблись.

Саурона действительно застигла катастрофа Нуменора, но не уничтожила, а изменила его. Потеряв телесную оболочку, в которой его издавна знал мир, он окутался Тенью и на Черном Вихре вернулся в Среднеземье духом ненависти. С тех пор он так и не смог принять образ,

который показался бы людям красивым или достойным. Черный и безобразный, он владел самым сильным оружием — оружием страха. Некоторое время он скрывался в Мордоре, не подавая признаков жизни. Но когда узнал, что Элендил, которого он теперь ненавидел сильнее, чем когда-либо, уцелел и правит новым королевством у порога его владений, его гнев вспыхнул страшным пламенем. И вскоре начал он войну с изгнанниками, чтобы не дать им укрепиться.

Ородруин снова задышал пламенем, и в Гондоре ему дали название *Амон Амарт*, Роковая гора. Но Саурон ударил слишком рано, не успев полностью восстановить силы, а могущество Гил-Гэлада к тому времени было уже немалым. Объединившись в Последний Союз, люди и эльфы победили Саурона и отобрали у него Кольцо Всевластья. На этом закончилась Вторая эпоха.

2. Короли-изгнанники

Северная линия

Наследники Исилдура:

АРНОР: Элендил 3441+, Вторая эпоха; Исилдур 2+, Валандил 249 (четвертый сын Исилдура, рожденный в Имладрисе; его братья погибли

в Долине Ирисов), Эльдакар 339, Арантар 435, Таркил 515, Тарондор 602, Валандур 652+, Элендур 777, Эарендур 861.

После смерти Эарендура короли уже не носили эльфийских имен.

АРТЕДАИН: Амлаит из Форноста (старший сын Эарендура) 946, Белег 1029, Маллор 1110, Келефарн 1191, Келебриндор 1272, Мальвегил 1349, Аргелеб I 1356+, Арвелег I 1409, Арафор 1589, Аргелеб II 1670, Арвегил 1743, Арвелег II 1813, Аравал 1891, Арафант 1964, Арвед 1974+ (последний из северных королей).

Начиная с Мальвегила короли, сидевшие в Форносте, добивались права владеть всем Арнором и стали добавлять к именам приставку «Ар» в знак своих намерений.

ВЛАСТИТЕЛЬНЫЕ ВОЖДИ: Аранарт (старший сын Арведа) 2106, Арахел 2177, Арануйр 2247, Аравир 2319, Арагорн I 2327+, Араглас 2455, Арахад I 2523, Арагост 2588, Араворн 2654, Арахад II 2719, Арассуйл 2784, Араторн I 2848+, Аргонуй 2912, Арадор 2930+, Араторн II 2933+, Арагорн II 120 (Четвертая эпоха).

Южная линия

Наследники Анариона:

КОРОЛИ ГОНДОРА: Элендил, (Исилдур и) Анари-

он 3440+, Вторая эпоха; Менельдил сын Анариона 158, Кемендур 238, Эарендил 324, Анардил 411, Остоэр 492, Ромендакил I (Таростар) 541+, Турамбар 667, Атанатар I 748, Сириондил 830.

Затем идут четыре короля-морехода: Тараннон Фаластур 913 (первый бездетный король, оставивший трон племяннику, сыну Таркириана), Эарнил I 936+, Кириандил 1015+, Хьярмендакил I (Кирьяэр) 1149.

Гондор достигает вершины своего могущества.

Атанатар II Алкарин (Великолепный) 1226, Нармакил I 1294 (второй бездетный король, после него правил его младший брат Калмакил 1304, Миналкар 1366 (был регентом 1240–1304, затем коронован под именем Ромендакила II), Валакар.

При Валакаре в Гондоре началась междоусобная война, первое бедствие страны.

Эльдакар сын Валакара (сначала его звали Винитарья) свергнут с трона в 1437 году, Кастамир Самозванец 1447+, Эльдакар (вторично завоевавший трон) 1490, Альдамир (второй сын Эльдакара) 1540+, Хьярмендакил II (Виньярион) 1621, Минардил 1634+, Телемнар 1636+ (Телемнар со всем своим потомством погиб во время Великого Мора, трон наследовал его племянник сын Минастана, второго сына Минардила), Тарондор

1798, Телумехтар Умбардакил 1850, Нармакил II 1856+, Калимехтар 1936, Ондоэр 1944+ (Ондоэр с двумя сыновьями пал в бою; через год, в 1945 году, корону получил удачливый полководец Эарнил, потомок Телумехтара Умбардакила.), Эарнил II 2043, Эарнур 2050+.

Наместники при королях

Род Хурина

Пелендур 1998, правил год после смерти Ондоэра и убедил народ отказать Арведу в претензиях на гондорский трон. Ворондил Охотник 2029, Мардил Воронвэ Степенный, первый правивший наместник, его потомки носили гондорские имена, не пользуясь эльфийскими.

Любимой забавой наместников была охота на диких белых буйволов, которые тогда еще водились на пастбищах вокруг Рунного моря. Они происходили, как гласит легенда, от Арских буйволов, т. е. животных, принадлежащих Ару, охотнику из валар. Из всех валар он один часто являлся в Среднеземье в Давние дни. На языке эльфов Высокого рода его имя — Оромэ.

Правившие наместники Гондора:

Мардил 2080, Эрадан 2116, Герион 2148, Белегорн 2204, Хурин I 2244, Турин I 2278, Хадор 2395, Барахир 2412, Диор 2435, Дэнетор I 2477, Боромир

2489, Кирион 2567. При Кирионе в Каленардон прибыли рохирримы. Халлас 2605, Хурин II 2628, Белектор I 2655, Ородрет 2685, Эктелион I 2698, Эгалмот 2743, Берен 2763, Берегонд 2811, Белектор II 2872, Торондир 2882, Турин II 2914, Тургон 2953, Эктелион II 2984, Дэнетор II — последний полноправный наместник, которого сменил его сын Фарамир князь Эмин Арнен, ставший наместником короля Элессара, 82 год Четвертой эпохи.

3. Эриадор, Арнор и наследники Исилдура

«… Эриадор — это древнее название всех земель между Мглистыми и Синими горами. На юге Эриадор доходил до нижнего течения реки Серой и ее притока Гландуин, дальше был Тарбад.

В годы наибольшего расцвета государство Арнор занимало почти весь Эриадор, кроме земель за рекой Луной на севере и за реками Серой и Гремучей на востоке, где располагались Райвендел и Холлин (Эрегион). За рекой Луной лежали эльфийские земли, зеленые и тихие. Люди туда не заходили. Гномы жили на восточных склонах Синих гор, они и сейчас там живут, особенно в южной части хребта. Там до сих пор есть дей-

ствующие рудники. И до сих пор гномы ходят по Большому Восточному тракту, как ходили задолго до заселения Хоббитшира. В Серой Гавани жил эльф-корабел Кирдан. Говорят, что он и сейчас там живет и будет жить до тех пор, пока последний корабль не уплывет на запад…

…В эпоху королей большинство эльфов Высокого рода селились либо вместе с Кирданом в Серой Гавани, либо в приморских землях Линдон. Сейчас в Среднеземье эльфов осталось совсем мало, а может быть, уже и вовсе нет…»

Северное Королевство.

Дунаданы

После Элендила и Исилдура в Арноре было восемь великих королей. Сыновья последнего из них, Эарендура, никак не могли поладить между собой, и королевство пришлось разделить на три части: Артедаин, Рудаур и Кардолан.

Артедаин, северо-западная часть Арнора, занимал земли между Берендуином и Луной, а также к северу от Большого тракта до горы Ветров.

Рудаур лежал на северо-востоке, между горой Ветров, плато Троллей и Мглистыми горами, захватывая клин между реками Хмурой и Гремучей.

Границы южной части, Кардолана, проходили

по Берендуину, Большому Восточному тракту и реке Серой.

Династия Исилдура в Артедаине продержалась на престоле долго, а в Кардолане и Рудауре вскоре пресеклась. Между тремя самостоятельными частями королевства без конца вспыхивали ссоры, затевались вооруженные стычки, что ускорило угасание племени дунаданов. Основным предметом раздора были, как ни странно, Бурегоры и земли от горы Ветров до теперешнего Бригорья. Гора Ветров с крепостью Амон Сул стояла на границе Рудаура и Кардолана, и оба государства хотели владеть ею, ибо в башне на ее вершине хранился самый мощный палантир из трех северных. Два других находились в Артедаине.

* * *

«… Первый раз Тень Зла задела черным крылом Арнор, когда в Артедаине стал править Мальвегил. Ибо тогда на севере за плато Троллей возникло королевство Ангмар. Оно заняло земли с обеих сторон Мглистых гор у северной их оконечности. Там собралось множество злых людей, орков и странных и страшных тварей…» [Владыка Ангмара, известный под именем короля Чернокнижника, стал, как выяснилось потом,

предводителем Кольценосных призраков, а тогда он засел на севере с тайной целью уничтожить арнорских дунаданов, воспользовавшись их раздорами, пока сильный Гондор оставался для него недоступным.]

При Аргелебе сыне Мальвегила короли Артедаина заявили о своих правах на объединенный трон Арнора на том основании, что там не было потомков Исилдура. Рудаур этому воспротивился. Дунаданов в нем оставалось немного, власть захватил злой человек, предводитель горцев, находившихся в тайном сговоре с Ангмаром. Аргелеб построил укрепления на скалах Бурегор, но сам погиб в войне с Рудауром и Ангмаром.

Арвелег сын Аргелеба с помощью Кардолана и Линдона отогнал противников от горы Ветров. Еще много лет Артедаин и Кардолан держали крепкие гарнизоны на границе вдоль Большого Восточного тракта, на Бурегорах и в нижнем течении Митейтеля. Говорят, что в то время и Райвендел побывал в осаде.

В 1409 году большое войско вышло из Ангмара, перешло реку, вторглось в Кардолан и осадило крепость Амон Сул. Дунаданы потерпели поражение. Арвелег пал в бою. Башня Амон Сул была разрушена и сожжена, но палантир удалось

спасти и спрятать в северной столице Форност. Рудаур захватили злые люди, выполнявшие волю Ангмара, а оставшиеся в живых дунаданы ушли на запад. Захватчики разорили Кардолан. Арафор сын Арвелега был еще подростком, но он был храбр и сумел с помощью Кирдана изгнать врагов из Форноста и с Северных холмов. Остатки верных дунаданов из Кардолана оборонялись в Тэрн Гортэде (где сейчас Могильники), либо ушли в леса.

По-видимому, линдонские эльфы на какое-то время усмирили Ангмар. Элронд прислал им подмогу из Райвендела и вызвал боевой отряд из-за гор, из Лориэна. Именно тогда сторы, занимавшие Межречье от Гремучей до Митейтеля, переселились западнее и южнее, отчасти из-за войны и из страха перед Ангмаром, отчасти из-за общего похолодания климата в восточной части Эриадора. Некоторые сторы перешли через Мглистые горы в Дикие Земли, поселились в долине ручья Ирис и стали рыбаками.

В правление Аргелеба II с юго-востока в Эриадор пришел мор, от которого обезлюдел Кардолан и особенно пострадал Мингириат. Хоббиты тоже переболели, но мор по пути на север ослаб, и северные провинции Артедаина пережили его

без крупных потерь. Однако дунаданов в Кардолане не стало, и злые духи из Ангмара и Рудаура надолго заселили опустевшее нагорье.

* * *

«…Легенды рассказывают, что бугры Тэрн Гортэд, позднее прозванные Могильниками, — место очень древнее. Под многими из них еще в незапамятные времена Первой эпохи были похоронены знаменитые предки эдаин, умершие до того как племя переправилось через Синие горы в Белерианд, страну, от которой теперь осталась лишь маленькая область Линдон. Поэтому дунаданы, вернувшиеся в землю предков, очень чтили Могильники и хоронили там своих королей и правителей». [Некоторые хроники утверждают, что Могильник, в котором чуть не погиб Несший Кольцо, был местом погребения последнего правителя Кардолана, убитого в сражении в 1409 году.]

«…В 1974 году мощь Ангмара вновь возросла, и в конце зимы Чернокнижник напал на Артедаин. Он захватил Форност и выгнал почти всех остававшихся там дунаданов за реку Луну. Среди них были сыновья короля. Сам король Арвед отбивался от врагов, пока мог, на Северных холмах

и в конце концов отступил еще дальше на север. Он и горстка его сподвижников спаслась лишь благодаря резвости своих коней.

Некоторое время Арвед скрывался в пещерах старых гномьих копей в дальних горах, но вышел оттуда, гонимый голодом. Он надеялся получить помощь у снежных людей *лосотов*, живших возле Ледового залива Форохел. Их кочевье он встретил на побережье. [Снежные люди — странное недружелюбное племя, остатки *фородваит*, первых обитателей крайнего севера, которые привыкли к сильным морозам, сумели выжить в суровых владениях Моргота. Их земля всего на каких-нибудь сто гонов удалена от Хоббитшира, но в ней и сейчас царят вечные холода. Лосоты строят жилища из снега, умеют быстро передвигаться по льду на прикрепленных к ногам костяных пластинах, и у них есть повозки без колес. Большая часть их племени живет на недоступном крутом полуострове в заливе Форохел. Полуостров тоже зовется Форохел. Но временами племя кочует вдоль северного побережья и доходит до Синих гор.] Помогать королю они не спешили, ибо он не мог предложить им ничего, кроме нескольких драгоценностей, не бывших у них в цене. Они боялись Чернокнижника, про

которого говорили, что он может наслать мороз или оттепель, когда сам захочет. Но все-таки они пожалели голодного короля и его свиту [в некоторых источниках говорится, что оружие тоже сыграло в переговорах свою роль]. Король получил немного еды, для него были построены снежные дома, и он стал ждать помощи с юга, ибо у него пали последние лошади.

Кирдан узнал от Аранарта сына Арведа, что Арвед отступил на север, и сразу же выслал корабль в залив Форохел искать короля. Корабль плыл много дней, борясь со встречными ветрами, наконец, все-таки добрался до Ледового залива, и с него моряки увидели костер, который с огромным трудом днем и ночью поддерживали на берегу затерянные в снегах люди.

Зима в тот год была суровой, и хотя уже начинался март, залив наполовину сковывал лед. Приход корабля очень удивил и испугал снежных людей, которые вообще до тех пор кораблей не видели. Они решили, что это колдовство, исполнились уважения к королю Арведу и стали всячески помогать ему, даже подвезли на санях поближе к „морскому чудовищу“, в то место, куда могла подойти лодка.

Однако пускать их на корабль снежные люди

не хотели. Предводитель лосотов прямо сказал Арведу:

— Не садись на Морского Зверя! Если у тех, кто на нем приехал, много еды, пусть они поделятся с вами, а вы оставайтесь у нас. Летом силы Чернокнижника всегда слабеют, он уползает в свой дом, а зимой руки у него длинные, и своим дыханием он насылает смерть.

Остальные снежные люди говорили, что в воздухе чуют беду. Арвед их советов не послушал. Он поблагодарил снежных людей и на прощанье подарил их предводителю кольцо, сказав:

— Бери, оно гораздо дороже, чем ты думаешь. В нем нет колдовства, но оно древнее, и с ним тебя примут с почетом в моем племени. В беде оно тебе не поможет, а в нужде ты сможешь отдать его моим родичам и получить взамен много добра.

[Так было спасено наследное кольцо Исилдура. В конце концов дунаданы его выкупили. Говорят, это было то самое кольцо, которое Барахир получил в дар от Фелагунда из Нарготронда, а потом Берен, рискуя жизнью, добыл его себе.]

То ли снежный человек умел предчувствовать беду, то ли случайно так вышло, но он оказался прав. Не успел корабль выйти в открытое море, как с севера налетела снежная буря, вихрь

понес корабль назад на лед, и лед схватил его в смертельные объятия. Даже моряки Кирдана не смогли ничего сделать. Ночью лед проломил корпус, и корабль затонул. Так погиб последний северный король Арвед, и с ним вместе пошли на дно палантиры.

Много лет никто не знал, как это случилось, лишь очень нескоро вести о кораблекрушении принесли дунаданам снежные люди…»

[Из Камней Ануминаса и башни Амон Сул на севере после этого остался лишь один палантир, в башне на Эмин Бэред, обращенной к Лунному Заливу. Его охраняли эльфы, которые ничего никому не говорили, и он оставался там, пока Кирдан не доставил его на корабль, на котором Элронд отплывал на Заокраинный Запад.

Этот палантир отличался от других и не мог действовать с ними в связи, ибо был направлен к Морю. Так сделал Элендил в надежде видеть Эрессею, затерявшуюся на Заокраинном Западе, но моря круглого мира, затопившие Нуменор, скрыли ее навеки.]

Во время той войны население Хоббитшира уцелело, хотя многим пришлось прятаться или даже спасаться бегством, когда сражения происходили возле их поселений. На помощь

королю Арведу хоббиты однажды послали отряд лучников, и никто из них не вернулся. Позднее многие хоббиты участвовали в битве, в которой был, наконец, разбит Ангмар (об этом подробнее рассказывают Южные Хроники). В дни наступившего затем мира народ Хоббитшира разумно и самостоятельно распоряжался в своих землях. Вместо короля хоббиты выбирали себе тана и жили счастливо, хотя довольно долго надеялись, что король вернется. Потом надеяться перестали, от всей надежды осталась только присказка: *«Когда король вернется...»* — означала она нечто несбыточное. Первым таном был некий Бэкк из Топкого Дола, основатель рода Старобэков. Вступил он в должность в 379 году по хоббитширскому календарю, или в 1979 году по календарю Гондора.

Когда погиб Арвед, Северное Королевство перестало существовать. Дунаданов осталось совсем мало, и остальные племена Эриадора сильно поредели. Род королей продолжали властительные вожди, первым из них был Аранарт сын Арведа. Сын Аранарта Арахел, как и все последующие сыновья властителей, воспитывался в Райвенделе. Там же последние дунаданы берегли родовые ценности: Кольцо Барахира, сломанный меч Нарсил, Звезду Элендила и Жезл Ануминаса.

[Жезл был главным символом власти в Нуменоре и Арноре, где короли не носили короны. Вместо короны они надевали на голову серебряный обруч с единственным белым камнем, который назывался Элендилмир, Звезда Элендила. Говоря о короне, Бильбо, без сомнения, имел в виду корону Гондора: историю рода Арагорна он хорошо знал. Скипетр королей Нуменора, по-видимому, пропал с гибелью короля Ар-Фаразона. Жезлом Ануминаса была серебряная ветвь властителей Андунии, самое древнее изделие рук человеческих, сохраненное в Среднеземье. Когда Элронд передал ее Арагорну, ветви было уже более пяти тысяч лет. Корону Гондора сделали по образцу военного шлема нуменорцев. Сначала это и был простой шлем, который Исилдур надевал в битве на поле Дагорлад. Шлем Анариона был разбит вдребезги, когда король получил смертельный удар по голове камнем, брошенным из Барад Дура. Во времена Атанатара Алкарина настоящий шлем был заменен шлемом-короной, украшенным драгоценными камнями. Именно им был коронован Арагорн II.]

* * *

«…Когда королевства не стало, дунаданы будто бы исчезли. Они жили скрытно, бродили по свету, их деяния и подвиги редко попадали в песни и исторические хроники. Сейчас, когда Элронд отплыл из Среднеземья, о них уже вряд ли можно что-нибудь узнать.

Не успел закончиться период Неспокойного Мира, как в Эриадоре снова зашевелились злые силы. Они действовали как явно, так и тайно. Несмотря на это, большинство властителей-дунаданов доживало до преклонного возраста. Кажется, только Арагорна I разодрали волки, которые всегда представляли большую опасность в Эриадоре; от них и по сей день не удалось совсем избавиться.

Во времена Арахада I вдруг дали о себе знать орки. Они, как выяснилось позже, издавна таились в пещерах Мглистых гор, не давая никому пройти в Эриадор. Когда в 2509 году жена Элронда Келебриана ехала в Лориэн через перевал у Баразинбара, они неожиданно напали на нее, разбили сопровождавший ее отряд, а ее саму увели в плен. Элладан и Элрохир бросились в погоню и отбили мать, но орки мучили ее, и она получила тяже-

лую рану отравленным оружием. Ее привезли в Имладрис, где Элронд исцелил ее тело, но жизнь в Средиземье ее больше не радовала, и через год она уплыла из Серой Гавани за Море. Потом, при Арассуле, орки так размножились в Мглистых горах и так обнаглели, что стали открыто нападать на соседние с ними земли, а дунаданам и сыновьям Элронда пришлось оказывать им отпор. Тогда же большая банда орков дошла до Хоббитшира, где с ними сразился и отогнал их назад Бычеглас Тук…»

Всего до рождения Арагорна II было четырнадцать властителей, он стал пятнадцатым властительным вождем, а затем королем Гондора и Арнора.

«…Мы называем его *наш король*, и все жители Хоббитшира теперь радуются, когда он гостит на севере и по дороге в свой отстроенный дворец в Ануминасе отдыхает у реки Брендидуин и на озере Эвендим. Но он никогда не переходит границ Хоббитшира, соблюдая закон, им самим установленный, о запрещении огроминам входить в наш край.

Когда он с многочисленной свитой останавливается у Большого моста, туда едут его друзья и все, кто хочет его увидеть. Часто хоббиты

присоединяются к королевскому поезду либо навещают короля в его дворце, где гостят столько дней, сколько сами хотят. Много раз бывал у короля тан Перегрин, а также бургомистр господин Сэммиус. Его дочь, Красавица Эланор, попала в свиту королевы Арвен, Вечерней Звезды…»

На удивление всему миру и к великой славе своей, северная линия, несмотря на временную утрату государства и скитания, сохранилась непрерывной, все права передавались от отца к сыну в течение многих поколений и, хотя срок жизни всех дунаданов в Среднеземье становился все короче, северный род прожил дольше своих гондорских соплеменников и родичей. Многие северные властители жили вдвое дольше, чем обычные люди, достигая возраста, неслыханного даже у хоббитов. Король Арагорн прожил двести и десять лет, дольше всех своих предков, считая от короля Арвегила. В нем — в Элессаре — возродилось достоинство древних королей.

4. Гондор и преемники Анариона

КОРОЛИ

После Анариона, погибшего под Барад Дуром, в Гондоре было много королей — числом тридцать

один. Хотя на границах Гондора война никогда не прекращалась, дунаданы, жившие на юге, за тысячу лет смогли накопить огромные богатства и властвовали на суше и на море. Вершины могущества Гондор достиг при Атанатаре II, которого прозвали Алкарин, что значит Прославленный. В то же время стали появляться первые признаки заката династии, ибо мужи достойнейших родов женились поздно и имели мало наследников. Первым бездетным королем был Фаластур, следующим, не оставившим наследника, — Нармакил I, сын Атанатара Алкарина.

* * *

Седьмой король, Остоэр, отстроил Минас Анор, и с тех пор короли перестали оставаться на лето в Осгилиате, а жили в замке Минас Анор. При Остоэре Гондор впервые подвергся нападению диких *востокан*, но сын короля Таростар отогнал захватчиков, за что его прозвали Ромендакил — Победитель восточных орд. Позднее Ромендакил сам погиб в бою с востоканами. За смерть отца отомстил сын Таростара Турамбар, он же значительно расширил восточные владения Гондора.

С двенадцатого короля, Тараннона, началась династия королей-мореходов. Они строили ко-

рабли и присоединяли к Гондору прибрежные земли на запад и на юг от устья Великого Андуина. Чтобы народ не забывал о победах, одержанных его флотом, Тараннон короновался под именем Фаластур, что значит Владыка Побережий.

Его племянник и преемник Эарнил I отстроил старинный порт Пеларгир и создал мощный флот. Он осадил Умбар с суши и с моря, овладел им и превратил его в крупный порт и пограничный бастион Гондора. [Большой каменный мыс и глубокая гавань Умбара с давних пор принадлежали нуменорцам. Но потом в этом месте закрепились люди, на которых пала Тень Саурона. Их прозвали *черными нуменорцами*. Больше всего они ненавидели сторонников Элендила. Когда Саурон потерял силу, это племя частью вымерло, частью смешалось с другими племенами, враждебными Гондору.] Победа над харадцами и возвращение Умбара были крупными подвигами, и Умбар был оплачен ценой больших потерь и трудов. Но Эарнил недолго наслаждался триумфом, ибо однажды утонул во время бури недалеко от берегов Умбара. Тогда погибло много кораблей и моряков. Сын Эарнила Кириандил продолжал строить корабли, но однажды к Умбару подошли изгнанные из него Эарнилом вожди с новым большим

войском, набранным в Хараде. Кириандил дал им бой при Харадваите и погиб.

Враги осадили Умбар и пытались его взять многие годы, но благодаря морскому могуществу Гондора никто не мог этого сделать, порт не сдавался. Сын Кириандила Кираэр терпеливо выждал, пока не собрал большое войско, а собрав, напал на осаждающих с моря и с суши, переправился через реку Харн и наголову разбил харадцев на собственной их земле, заставив их признать владычество Гондора. Это произошло в 1050 году, с тех пор Кираэр стал зваться Хьярмендакил — Покоритель Южан.

Хьярмендакил прожил долго, и до конца его жизни ни один враг не посмел посягнуть на границы его владений. Он правил тридцать четыре года и сто — в истории династии Анариона таких королей было всего два. Гондор при нем был велик, как никогда. Королевство протянулось на север до реки Келебрант (Серебринка) и до южной оконечности теперешнего Темнолесья; на запад — до реки Серой, на восток — до Рунного моря, на юг — до реки Харн, и вдоль побережья — до Умбарского порта. Власть короля признавали жители долины Андуина, харадцы платили ему дань, а сыновья их вождей жили заложниками

при гондорском дворе. Мордор был опустошен, и на всех перевалах окружавших его гор стояли гондорские укрепления с мощными гарнизонами, никого не пропуская ни туда, ни оттуда.

Но династия королей-мореходов шла к закату. Сын Хьярмендакила Атанатар Алкарин проводил жизнь в великой пышности, тогда говорили, что *«дети в Гондоре играют драгоценными камнями, как песком»*. Атанатар прожигал жизнь, не беспокоясь о поддержании унаследованной мощи страны, и обоим его сыновьям достался такой же нрав. Еще при жизни Алкарина начался упадок Гондора, что, конечно, не осталось незамеченным врагами. Ослабла охрана на мордорских границах. Правда, первая настоящая опасность проявилась лишь в правление Валакара, когда в династии вспыхнула семейная вражда, и междоусобная война принесла огромные потери, которые так и не удалось восполнить.

* * *

Сын Калмакила Миналкар был решителен и отличался большой силой, поэтому, желая уйти от дел, Нармакил назначил его в 1240 году регентом. И Миналкар именем короля правил Гондором, пока не получил трон по наследству. Больше

всего ему досаждали *норты*.

За время мира, обеспеченного мощью Гондора, северяне-норты стали значительно сильнее. Короли оказывали им милости, ибо среди людей норты были ближе всех к дунаданам по крови (они тоже были потомками племени, от которого произошли древние эдаин). По милости гондорских королей норты получили обширные земли за Андуином, южнее Великого Зеленолесья. Они должны были защищать Гондор от востокан, часто совершавших набеги на его границы из степей между Рунным морем и Пепельными горами.

При Нармакиле I участились пограничные стычки на востоке, хотя сначала большой угрозы не было. Оказалось, что норты не всегда соблюдают верность Гондору и что некоторые из них присоединяются к востоканам, то ли ради добычи, то ли в силу внутренней вражды между своими князьями. Поэтому в 1248 году Миналкар во главе сильной армии сам вышел за Великую реку, разбил большое войско востокан в степях между Дикими Землями и Рунным морем, разгромил все их стойбища и военные поселения на востоке от моря, и за эти победы получил прозвище Ромендакил.

Вернувшись, Ромендакил построил укрепления вдоль западного берега Андуина до устья реки Светлой и закрыл для чужеземцев путь по Реке на юг от Эмин Муйл. Тогда же были поставлены столбы-Аргонаты у впадения Великой реки в озеро Нэн Итоэль. Для всего этого ему нужны были люди, и Ромендакил решил укрепить союз с нортами, многих из них взял к себе на службу, а некоторым доверил высокие должности в войске.

Особо щедро Ромендакил одарил Видугавью, который помог ему в войне. Видугавья называл себя Королем Степей и был действительно самым сильным из северных князей. Его собственные владения располагались между Великим Зеленолесьем и рекой Текучей (Кельдуной). В 1250 году Ромендакил послал к Видугавье своего сына Валакара, чтобы юноша изучил язык, обычаи и понял политику портов. Валакар на этом не остановился. Княжество и люди, жившие в нем, ему понравились, и вскоре он женился на Видумаве, дочери Видугавьи, а в отчие края вернулся уже взрослым через несколько лет. Его женитьба на северянке стала потом одной из причин междоусобной войны.

* * *

«…Спесивые гондорцы косо смотрели на нортов, занимавших высокие должности при дворе и в войске. Неслыханным оскорблением сочли они то, что сын и наследник короля взял в жены чужестранку из менее достойного племени. Когда Валакар постарел, в южных областях вспыхнул бунт. Королева была умна и красива, но не обладала даром долгожительства, и дунаданы боялись, что ее дети тоже не будут жить долго и род королей переведется, короли станут обычными людьми. Дунаданы не хотели признавать королем ее сына Эльдакара из-за того, что он родился в чужой стране и в детстве его звали Винитарья на языке матери.

Когда Эльдакар все же сел на трон, в Гондоре началась война. Молодой король упорно защищал свои права. Отцовская кровь смешалась в его жилах с боевой кровью северян-нортов. Он был красив и храбр и, по-видимому, не собирался рано стареть. Когда на него напали предатели, подстрекаемые другими, побочными потомками гондорских королей, он сражался храбро и отчаянно. С верными дружинниками он долго держался в осажденном Осгилиате и ушел оттуда,

лишь когда голод и пожары почти уничтожили крепость. Тогда рухнула башня, в которой хранился Зрящий Камень Осгилиата, и палантир унесла Река.

Эльдакару удалось уйти от преследователей, он добрался до северных степей и, оставшись у своих родичей в Диких Землях, стал собирать новое войско. К нему шли норты, получившие воинскую подготовку в гондорской армии, присоединялись дунаданы, жившие на севере. Многие из них признали молодого короля за доблесть, но еще больше было тех, кто ненавидел его противника, Кастамира внука Калимехтара, младшего брата Ромендакила II.

Кастамир считал себя достойным гондорского трона не только по крови, хотя происходил по боковой линии, но и как флотоводец, командующий двумя крупными портами — Пеларгиром и Умбаром. Жители побережий его поддержали.

Однако, завладев престолом, Кастамир не снискал любви и уважения своих подданных. Он был заносчив, скуп и подл. Его жестокость стала известна еще при взятии Осгилиата. Взяв в плен сына Эльдакара Орнендила, он велел его умертвить, а резня и разграбление, которым подвергся захваченный им город, не оправдывались

военной необходимостью. Ни в Минас Аноре, ни в Итилиэне этого не забыли и не простили. Он окончательно потерял доверие людей, убедившихся, что он заботится не о стране, а лишь о себе и о своем флоте. Он даже столицу Гондора собирался перенести в Пеларгир.

Уже через десять лет Эльдакар сумел собрать достаточно сил, чтобы отвоевать трон. Пришел его час, он вторгся в Гондор с севера, ведя за собой большое войско, и везде, в Каленардоне, в Анориэне, в Итилиэне к нему присоединялись новые сторонники. В Лебенине, у переправы через реку Эри, разыгралась великая битва, в которой пролилось много благородной гондорской крови. Эльдакар своей рукой убил Кастамира, мстя за казненного сына. Но сыновья Кастамира бежали и еще долго оборонялись в Пеларгире, собрав там родичей и сторонников.

У Эльдакара не было флота, чтобы осадить Пеларгир с моря, но он так прижал врагов с суши, что в конце концов они уплыли из этого порта на кораблях и засели в Умбаре. С тех пор отдаленный Умбар стал независимым городом, отделившимся от государства, убежищем всех врагов короля. В течение многих поколений Умбар вел войну с Гондором, угрожая прибрежным провинциям и

королевскому флоту. Он так и не сдался, пока к власти не пришел король Элессар, а весь южный Гондор на долгие века остался ничейной землей, не принадлежавшей уже Гондору, хотя и не сдавшейся пиратам.

Потеря Умбара была сильным ударом по могуществу Гондора, во-первых, потому что сократила южные владения королевства и ослабила его влияние в Хараде, а во-вторых, потому что Гондор потерял памятное место побед Ар-Фаразона Золотого, последнего нуменорского короля, который сломил мощь Саурона. Хотя потом Ар-Фаразон навлек на Нуменор погибель, даже приверженцы Элендила гордились воспоминаниями о его сильном флоте, о его армии, словно вышедшей из глубин Моря, вспоминали огромный белый Столб, поставленный по его приказу на горе над гаванью. На вершине Столба был хрустальный шар, который ловил днем свет солнца, а ночью — отблеск луны и светил, как звезда, проходящим кораблям. В ясную погоду его было видно с моря и даже с гондорских побережий, этот Столб простоял до второго взлета могущества Саурона; когда Умбар достался его приспешникам, они свалили Столб, памятник поражению Властелина Мрака…»

После возвращения на трон Эльдакара стали повторяться случаи смешения дунаданской крови с кровью менее достойных племен. Ибо много благородных сынов Гондора погибло в междоусобной войне, а Эльдакар всячески поддерживал и возвышал нортов, которые помогли ему вернуть корону, заселял опустошенные земли пришельцами из Дикого Края, и было их много.

Породнение с соседями не привело к немедленному закату дунаданов, как этого поначалу опасались. Племя слабело и уменьшалось, но не быстрее чем раньше. После падения Страны Звезды само Среднеземье постепенно отбирало у людей дары Нуменора. Эльдакар же прожил двести и тридцать пять лет, правил пятьдесят восемь и десять провел в изгнании.

* * *

Вторая большая беда обрушилась на Гондор в правление двадцать шестого короля, Телемнара, чей отец Минардил сын Эльдакара погиб в Пеларгире во время налета умбарских пиратов (привели пиратов правнуки Кастамира Ангамаит и Сангайянд). Черный ветер принес с востока моровую заразу. Умер король, умерли все его

дети, погибло множество гондорцев, опустел Осгилиат. Ослабла армия, остались почти без гарнизонов сторожевые посты в горах на границе с Мордором.

Уже потом историки заметили, что именно в эти годы постепенно темнело Великое Зеленолесье, и в нем стали появляться многочисленные злые твари, а это был первый признак того, что Саурон снова входил в силу. Правда, противников Гондора тоже косила моровая смерть — иначе бы они, воспользовавшись слабостью королевства, тут же постарались пойти на него войной. Саурон умел ждать, и вполне возможно, что первой его целью было лишь освободить свою страну из-под стражи.

После смерти короля Телемнара умерло и засохло Белое Древо в Минас Аноре, но племянник и наследник Телемнара Тарондор посадил в Цитадели новое и навсегда перенес в Минас Анор королевский двор. Осгилиат после того совсем опустел и начал разрушаться. Жители, покинувшие его из страха перед мором, больше не вернулись, а так и остались либо в Итилиэне, либо в западных провинциях.

Тарондор сел на трон совсем молодым и правил дольше всех гондорских королей, но успел

только восстановить порядок внутри страны и постепенно укрепить оборонное могущество. Его сын Телумехтар, памятуя о гибели Минардила и не желая терпеть наглость пиратов, которые совершали грабительские набеги даже на побережье Анфалас, собрал войско и в 1810 году взял Умбар штурмом. В той войне погибли последние потомки Кастамира; порт снова покорился Гондору. Телумехтар добавил к своему имени прозвище Умбардакил — Покоритель Умбара. Однако вскоре начались новые стычки на границах, и Умбаром завладели харадцы.

* * *

Третьим несчастьем Гондора были набеги *кочевников на колесницах*, которые почти сто лет тревожили границы ослабленного войнами, междоусобицами и мором королевства. Это было чужое племя, вернее, разноплеменный союз востокан, с очень сильным и хорошо вооруженным войском. Кочевали эти востокане в больших крытых повозках; их полководцы и в бою не слезали с колесниц. Позднее выяснилось, что нападать на Гондор их подстрекал Саурон.

Напали они внезапно, и в битве на левом берегу Андуина в 1856 году убили короля Нармакила II.

Кочевники сумели завоевать и подчинить себе племена, жившие в восточных и южных степях между Рунным морем и Андуином, и граница Гондора отодвинулась к нагорью Эмин Муйл (предполагают, что именно тогда в Мордор вернулись Кольценосные призраки).

Сын Нармакила II Калимехтар, воспользовавшись бунтом, вспыхнувшим в степях, отомстил за смерть отца на поле Дагорлад, где в 1899 году одержал крупную победу над востоканами. Таким образом, на некоторое время была обеспечена безопасность восточных границ.

Во время правления Арафанта на севере и Ондоэра сына Калимехтара на юге, два королевства после долгой розни наконец собрались на общий совет. Обсудив все, что творилось вокруг, они поняли, что нападениями на остатки Нуменора, хоть они и происходят с разных сторон, руководит одна злая сила и чья-то единая воля. Тогда Арвед, наследник Арафанта, получил в жены дочь Ондоэра Фириэль (1940). Но помочь друг другу два королевства не смогли, потому что Ангмар возобновил набеги на Артедаин, и одновременно крупные силы востокан напали на Гондор.

Многие восточные племена к тому времени сумели сговориться с племенами Кханда и Ближ-

него Харада, ударить по Гондору не только с северо-востока, но и с юга. Гондор еле выдержал это нападение. В 1944 году король Ондоэр с двумя сыновьями Артамиром и Фарамиром погиб в битве севернее Моранноном, и враги вторглись в Итилиэн. Однако полководец Эарнил во главе южной гондорской армии одержал в Южном Итилиэне большую победу, разбив харадцев. которые переправились через реку Порос. Поспешив затем на север, Эарнил собрал рассеянные остатки Северной армии и напал на главный лагерь кочевников, когда они, упоенные победой, пировали, мечтая о грабежах в покоренной стране. Эарнил налетел на их лагерь, сжег возы и колесницы, оставшихся в живых врагов выгнал из Итилиэна. Множество их, спасаясь бегством от Эарнила, погибло в Мертвых Топях.

«…После смерти Ондоэра и его сыновей Арвед заявил о своих правах на гондорскую корону как прямой потомок Исилдура а также муж Фириэль, единственной оставшейся в живых наследницы Ондоэра. Его притязания были отвергнуты Пелендуром, наместником, которого поставил король Ондоэр. Вот какой ответ дал коронный совет Гондора Арведу:

— Корона Гондора и власть в Гондоре принад-

лежит только наследникам Менельдила сына Анариона, получившего королевство от Исилдура. По обычаям Гондора право наследования принадлежит лишь потомкам по мужской линии, и насколько нам ведомо, в Арноре действует такое же право.

Арвед на это возразил:

— У Элендила было два сына, из коих первородным был Исилдур, он же был наследником. Мы слышали, что именем Элендила до сих пор начинается линия королей Гондора, и его считали Верховным королем на всех дунаданских землях. При жизни Элендила его сыновья получили из его рук в общее владение Южное королевство, но когда Элендил погиб, Исилдур ушел на север, чтобы принять трон отца, и оставил на южном троне сына своего брата, вернее, оставил его только править Южным королевством, как некогда поступил Элендил. Исилдур никогда не отрекался от верховной власти над Гондором и не мыслил, чтобы королевство Элендила стало разделенным навеки. Кроме того, в древнем Нуменоре корона переходила старшему в роде независимо от того, сын это или дочь. [Когда шестой король Тар-Алдарион оставил после себя лишь дочь, Тар-Анкалиму, она стала первой правящей коро-

левой. Но еще у четвертого короля, Тар-Элендила, была дочь Сильмарина, и хотя трон получил ее младший брат Тар-Менельдур, право на престол она имела. Именно от нее происходит линия Элендила.] Короли-изгнанники не соблюдали это старинное право лишь потому, что вели бесконечные войны и нужна была мужская рука во главе государства и армии, но это право существует в нашем племени, и раз сыновья Ондоэра погибли бездетными, давайте к нему вернемся.

Гондорский совет не дал ответа. Корону хотел заполучить Эарнил, победоносный полководец. И ему ее отдали с согласия всех гондорских дунаданов, он ведь тоже принадлежал к королевскому роду, будучи сыном Сириондила сына Калимакила II, племянника Нармакила II. Арвед не добился своих прав. Сломить гондорских дунаданов можно было только силой, а у него не было ни военных сил, ни желания их применять. Однако его потомки ничего не забыли, даже когда пало Северное королевство, а это случилось вскоре после описываемых событий.

Арвед был последним северным королем, о чем говорило даже его имя. Легенда гласит, что при его рождении ясновидец Малбет сказал отцу-королю:

— Ты дашь ему имя Арвед, ибо будет он последним повелителем Артедаина. Дунаданы предстанут перед выбором, и если выберут путь, который поначалу будет им казаться безнадежным, сын твой сменит имя и станет королем великого государства. Если же нет — их ждет много бед и трудов, и минет много людских жизней, прежде чем дунаданы снова воссоединятся и возвеличатся.

Случилось так, что после Эарнила в Гондоре тоже правил только один король. Может быть, если бы южная корона и северный жезл объединились, королевство бы выстояло и не случилось бы многих несчастий. Но Эарнил все-таки оказался человеком разумным и не возгордился, хотя королевство Артедаин должно было казаться ему, как и большинству гондорцев, маленьким государством; потомки великих королей были достойны большего.

В Артедаин к Арведу Эарнил послал послов с сообщением, что принял корону Гондора в соответствии с законом и ради блага Южного королевства. Послы передали его слова:

— Я не забуду о Северном королевстве Арнор, да не порвутся узы нашей дружбы. Я не хочу, чтобы наши государства становились чужими

друг другу, и если будет нужда, всегда пришлю тебе помощь в меру собственных сил.

Но нескоро после этого король Эарнил оказался в состоянии выполнять подобные обещания, ибо сам не чувствовал себя в безопасности. Король Арафант, теряя силы, отражал, сколько мог, нападения Ангмара, Арвед после него делал то же самое. Но вот осенью 1973 года в Гондор дошли вести, что Артедаин находится под угрозой смертельного удара, который готовит Северному королевству Чернокнижник. Эарнил тут же послал на север флот и столько воинов, сколько смог выделить без ущерба для собственной обороны. Во главе войска пошел его сын Эарнур. Но было поздно. Прежде, чем Эарнур достиг берегов Линдона, Чернокнижник успел разбить войско Арведа, и последний король Артедаина погиб.

Эарнур высадился в Серой Гавани. Эльфы и люди встретили его с великим удивлением и радостью. Флот его был так велик, и суда имели такую глубокую осадку, что порт не смог всех принять; корабли стояли по обеим сторонам Лунного залива до самого Моря. С них на берег сошла мощная армия, вооруженная для войны с сильным врагом. А это ведь была лишь часть великого гондорского войска.

Северяне такого еще не видели. Особый восторг у них вызвали лошади, вскормленные в долинах у Великой реки, ибо вместе с гондорцами были светловолосые князья Дикого Края и рослые красавцы-конники из окрестностей Великого Зеленолесья.

Кирдан призвал к оружию всех, кто мог сражаться, от Линдона до восточного края Арнора, и когда вся армия была готова, она собралась на восточном берегу реки Луны и двинулась на северо-восток воевать с Чернокнижником, владыкой Ангмара. Он тогда поселился в Форносте, захватив королевские владения, и собрал вокруг себя много злых людей. Он был так уверен в своей непобедимости, что не стал ждать за крепкими стенами крепости, а вышел навстречу гондорской армии, уверенный, что сметет ее в реку Луну, как до того всех остальных.

Но западное войско обрушилось на него со стороны Заозерных холмов, и главная битва разыгралась между озером Нэнуйял и Северными холмами. Войско Ангмара заколебалось и начало отступать к Форносту; тут налетела, обойдя холмы, конница, и Чернокнижник, бросив почти разбитое войско, с горсткой приспешников бросился бежать прямо в Ангмар. Он не успел

добраться до крепости Карн Дум, его солдат догнал Эарнур с гондорскими всадниками. Одновременно прибыл отряд эльфов из Райвендела, которых привел высокородный эльф Глорфиндэл. Поражение армии Чернокнижника было сокрушительным, ни один его приспешник не остался в живых на западе от Мглистых гор — не спаслись ни люди, ни орки.

Казалось, все проиграно. И вдруг вернулся сам Чернокнижник, в черном плаще, в черной маске, на вороном коне. Людей поразил страх при одном его виде. Со страшным криком, в котором он собрал всю свою ненависть и злобу, Чернокнижник налетел на гондорского полководца. Эарнур готов был встретить его, как подобает, но испуганный конь понес, и всадник не смог с ним справиться.

Тогда Чернокнижник засмеялся так, что люди, услышавшие его смех, до самой смерти запомнили его. И тут на белом коне вперед выехал Глорфиндэл. Смех застрял у Чернокнижника в горле. Он повернул коня на месте, пустил его в галоп и скрылся в темноте. Над полем битвы спустилась ночь. Чернокнижник исчез так быстро, что никто не заметил, в какую сторону он умчался.

Подскакал Эарнур, но Глорфиндэл, вглядываясь

в темень, остановил его:

— Не гонись за ним! Сюда он больше не вернется. *Гибель найдет его далеко отсюда, и погибнет он не от руки мужа.*

Многие гондорцы запомнили эти слова. Эарнур кипел гневом и мечтал отомстить за пережитый позор. Но и Чернокнижник воспылал лютой ненавистью к вождю Гондора. Много лет прошло, прежде чем все это снова выплыло на свет. А пока тайное королевство Ангмар перестало существовать…»

Через многие годы стало известно, что именно тогда, когда в Гондоре правил Эарнил, Чернокнижник подался в Мордор, собрал в один отряд Кольценосных призраков и возглавил их. Но лишь в 2000 году Призраки вышли из Мордора через перевал Кирит Унгол и повели войско в Минас Итиль — Крепость Восходящей Луны. Два года осаждали слуги Мордора эту крепость, наконец взяли ее и захватили находившийся там палантир. До конца Третьей эпохи крепость Минас Итиль была источником зла и страха, ее стали называть Минас Моргул, Крепость Темных Чар. Последние люди уходили из Итилиэна за Великую реку.

* * *

«…Эарнур был равен своему отцу мужеством, но не мудростью. Он был силен и владел оружием так, что никто не мог соперничать с ним на ристалищах, которые он любил и часто устраивал. Можно было подумать, что он не король, а специально выученный боец. Силу и ловкость, а также горячность он сохранил до весьма преклонного возраста. Жениться он не хотел, единственным удовольствием для него были сражения, а в дни мира — военные потехи…»

Когда в 2043 году Эарнур был коронован, король Чернокнижник из Минас Моргула вызвал его на поединок, напоминая с великой наглостью, что некогда Эарнур не посмел сразиться с ним на севере. С огромным трудом наместник короля Мардил сумел удержать его в тот раз от рокового шага. Поединок не состоялся.

Главным городом Гондора и королевской столицей со времени Телемнара был Минас Анор — замок Заходящего Солнца. Теперь его стали называть Минас Тирит, а Белую Башню — Сторожевой Башней, ибо из нее неустанно следили за угрозой, исходящей из Минас Моргула.

Всего семь лет правил Эарнур, когда Черно-

книжник повторил свой вызов, шипя, что Эарнур в молодости был труслив, а сейчас наверняка к заячьему сердцу добавил старческую слабость. Даже Мардил не мог более удерживать разгневанного короля, и тот отправился с малочисленной свитой к воротам крепости Минас Моргул. Ни о короле, ни о его спутниках больше никто ничего не слышал. Подозревали, что враг подлым обманом заманил Эарнура в замок, и король был замучен в застенках Минас Моргула. Но свидетелей смерти короля не было, поэтому Мардил, прозванный Добрым наместником, продолжал править его именем.

Королевских потомков осталось совсем мало. Междоусобная война почти уничтожила многочисленный в древности род, многие бежали в Умбар и стали пиратами, многие брали жен некоролевского происхождения из мелких племен, и их потомки теряли чистоту крови. А претендент на гондорский трон должен был не только вести свое происхождение от нуменорцев и обладать даром долгожительства, но и быть таким, чтобы весь народ согласился видеть его королем. Таких не находилось. Люди помнили только что закончившиеся междоусобицы, боялись, как бы снова не началась внутренняя рознь, которая бы

окончательно погубила Гондор.

Поэтому проходили годы, Гондором продолжали править наместники, а корона Элендила лежала в коленях короля Эарнила, покоившегося в Доме Мертвых, там, где оставил ее, уходя на последний подвиг, Эарнур.

Наместники

Родом наместников стал род Хурина, ибо он шел от наместника короля Минардила (1621–1634), которого звали Хурин. В жилах Хурина с нагорья Эмин Арнен текла благородная нуменорская кровь. После Минардила все короли выбирали наместников из его рода, а начиная с Пелендура наместничество, как и корона, стало наследным правом и переходило от отца к сыну или ближайшему потомку.

Вступая в должность, каждый наместник произносил присягу, в которой обещал «управлять страной именем короля вплоть до его возвращения». Эти слова стали чистой формальностью, ибо наместники фактически имели всю полноту власти. Гондорцы, однако, продолжали верить, что король когда-нибудь вернется. Некоторые даже вспоминали иногда, что где-то существует северная ветвь королевского рода, и ходили слухи, что пока королевские потомки вынуждены

скрываться. Наместники на эти слухи просто не обращали внимания.

Интересно, однако, что ни один наместник ни разу не сел на древний королевский трон, не взял в руки королевский жезл, не надел корону. Символом власти наместников был белый жезл, наместническое знамя тоже было просто белым, в то время как на черном поле знамени Королей красовалось Цветущее Белое Древо под семью звездами.

* * *

После Мардила Воронвэ, первого гондорского наместника, следовало еще 24 правивших наместника до Дэнетора II, двадцать шестого и последнего.

Сначала правление наместников не было отмечено особыми событиями, ибо длился так называемый Неспокойный Мир. Саурон затаился, отступив перед мощью Белого Совета, Кольценосные призраки сидели в моргульской долине. Но, начиная с правления Дэнетора I, границы Гондора постоянно находились под угрозой, хотя открыто войну пока никто не развязывал.

В конце правления Дэнетора I в Мордоре появилось племя урук, черных орков необыкновенной

силы, а в 2475 году их банда ворвалась в Итилиэн и взяла штурмом Осгилиат. Боромир сын Дэнетора I (в честь его был позднее назван Боромир, вошедший в Отряд Кольца) разгромил орков и освободил Итилиэн, но Осгилиат враги разрушили окончательно, каменный мост в нем разбили, и больше там никто не жил. Боромир был великим полководцем, его боялся сам Чернокнижник. Красивый, высокий, сильный, волевой, благородный духом, Боромир, однако, недолго прожил — рана отравленным моргульским оружием сократила ему жизнь. Он всего на 12 лет пережил отца, последние годы сильно страдал.

После него наступило долголетнее правление Кириона, дальновидного и умного правителя, который однако немногое мог сделать, ибо у Гондора уже не было прежней мощи и свободы границ. Кирион, как мог, защищал границы, но враги наносили удар за ударом. Похоже, за всеми врагами стояла одна сила. Пираты грабили побережье, на севере назревали трагические события. В широких степях между Темнолесьем (как уже называли ставшее недоступным и зловещим Великое Зеленолесье) и рекой Текучей вместо дружественных нортов теперь появилось дикое племя балков, которое быстро росло и стягива-

лось к крепости Дол Гулдур. От частых набегов балков долины Андуина обезлюдели. Жителей даже в Каленардоне становилось все меньше. А к балкам присоединялись разные восточные племена. Кирион с трудом удерживал границу вдоль Андуина.

«…Предвидя военные осложнения, Кирион в 2510 году послал гонцов на север, прося помощи, но опоздал. Балки настроили множество крепких плотов и ладей на восточном берегу Андуина, переправились через Реку и разбили пограничную стражу Кириона. Они же отрезали дорогу войску, подходившему с юга, заставили его идти к северу до реки Светлой и здесь атаковали, причем к балкам неожиданно присоединились орки с Мглистых гор. Гондорское войско уже отступало к Великой реке и погибло бы, если бы не нежданная помощь.

Тогда в Гондоре впервые прозвучала музыка роханских рогов. Эорл Юный во главе своих всадников разбил вражескую орду и перетопил балков в Андуине, прогнав по всем степям Каленардона. После этого Кирион отдал обширные земли от Андуина до Белых гор во владение Эорлу и его потомкам, а Эорл, со своей стороны, присягнул Гондору на верность и обещал дружбу и

помощь по первому призыву…»

* * *

В правление девятнадцатого наместника, Берена, Гондор постигла еще горшая беда. Три крупных пиратских флота напали на его южное побережье. Пираты приплыли из Умбара, среди них было много харадцев. Некоторые суда дошли до устья Исены, т. е. далеко на север вдоль моря. Во многих прибрежных землях они одержали верх над местными жителями и награбили богатую добычу. Одновременно нападению подвергся Рохан — туда враги пришли как с востока, так и с запада, так что рохирримы вынуждены были отойти к Белым горам.

В том году (2758) с севера пришла Долгая зима, она началась раньше, чем обычно, и длилась пять месяцев с сильнейшими морозами и большими снегами. Хельм Роханский с двумя сыновьями погиб в войне, смерть и горе пришли в Рубежный Край и поразили весь Эриадор. В Гондоре, территория которого теперь сократилась до земель на восток и на юг от Белых гор, было несколько легче. В конце зимы Берегонд сын Берена разгромил пиратов и сразу же послал помощь рохирримам. После Боромира Берегонд был первым великим

полководцем, и когда стал наместником после смерти отца в 2763 году, то страна сразу начала жить лучше. До процветания, конечно, было далеко; Рохан медленно оправлялся от ран и набирался сил. Надеясь на поддержку Мудрых, Берен охотно принял Сарумана и вручил ему ключи Ортханка. С тех пор, а именно с 2750 года, Саруман поселился в Исенгарде.

При Берегонде произошла война гномов с орками во Мглистых горах (2793–2799); на юге об этом стало известно лишь тогда, когда бегущие из Нандуриона орки пытались через Рохан добраться до Белых гор, чтобы там поселиться. Было много стычек между людьми и орками, но все они, как правило, заканчивались победой людей. Орков в Белые горы не пропустили, хотя отбивались от них много лет.

* * *

Когда умер двадцать первый наместник Белектор II, засохло Белое Древо в Минас Тирите, и нигде нельзя было достать ни семени его, ни нового саженца. Мертвое Дерево оставили на площади Фонтана «до возвращения короля».

При Турине II враги Гондора снова зашевелились, ибо Саурон набирался сил и был близок

день, когда он снова мог стать могучим. В Итилиэне осталась горстка храбрецов, все остальные жители уже давно ушли за Андуин. Из Мордора в Итилиэн стали выползать вооруженные банды орков. Тогда Турин приказал построить для дозорных отрядов тайные укрытия в горах; крепче и недоступнее всех оказались пещеры за водопадом Эннет Аннун. В целях обороны Анориэна Турин приказал укрепить остров Кайр Андрос. [Это название означает «Корабль на вспененной волне», ибо остров имеет форму корабля с обращенным к северу крутым форштевнем, о который разбиваются в белую пену воды Великой реки.]

Чаще всего Гондор терпел нападения с юга. Харадцы завладели южными провинциями, постоянные стычки происходили на реке Порос. Когда орки ввели в Итилиэн крупные силы, король Рохана Фолквин, выполняя Клятву Эорла, прислал в Гондор большой отряд всадников. С их помощью Турин одержал победу на переправе через Порос, но в той битве погибли оба сына Фолквина. Рохирримы похоронили их по своему обычаю, и так как они были братьями-близнецами, насыпали один общий курган. Этот курган, Хауд-ин-Гванур, много лет стоял над рекой, и враги Гондора боялись проходить мимо и пере-

правляться в том месте.

После Турина наместником стал Тургон, но из его правления люди запомнили только то, что за два года до его смерти Саурон снова окреп, объявился, вернулся в Мордор, который только и ждал его возвращения. Снова выросли стены Барад Дура, задышала огнем Роковая гора, последние обитатели покинули Итилиэн. Когда Тургон умер, Саруман запер вход в Исенгард и превратил его в неприступную крепость.

«…Эктелион II сын Тургона был разумным правителем. Все силы, которыми он еще располагал, он использовал для укрепления страны и защиты ее от нападения со стороны Мордора. Он охотно брал на службу благородных мужей как из ближних мест, так и издалека, а если они оказывались достойными, щедро награждал и отличал их. Большую помощь оказал ему неизвестный военачальник, которого наместник полюбил больше всех других. В Гондоре этого человека называли Торонгилом, Звездным Орлом, он был зорок, двигался быстро, а на плаще носил серебряную звезду. Настоящего имени его никто не знал, и никто не знал, откуда он. Ко двору Эктелиона он прибыл из Рохана, где какое-то время служил королю Тенглу, но рохирримом он не был. Он

прославился как воин и полководец на суше и на море, и незадолго перед кончиной Эктелиона исчез так же таинственно, как и появился.

Торонгил не однажды убеждал Эктелиона, что пираты Умбара представляют серьезную угрозу для Гондора и его южных данников, и если Саурон вдруг открыто начнет войну, эта опасность может стать роковой для государства. Наконец, добившись разрешения наместника, он собрал небольшой флот, неожиданно напал ночью на Умбар и сжег почти все пиратские корабли. В бою на причалах он убил коменданта порта, после чего отступил с незначительными потерями. Флот вернулся в Пеларгир и оттуда должен был идти в Минас Тирит, где победителя ждали награды и почет. Но сам Торонгил в Минас Тирит не вернулся, лишь послал гонца к Эктелиону со следующими словами:

— Меня призывают другие дела, государь. Немало времени пройдет, прежде чем я смогу через многие опасности вновь вернуться в Гондор, — если так захочет судьба.

Никто не узнал, какие дела его ждали, и откуда он получил вести, видели только, как он переправился через Андуин на лодке, простился с друзьями и один ушел на запад. Когда его видели

в последний раз, он смотрел на горы Тени.

В Минас Тирите весть о его уходе встретили как большое горе. Все оплакивали эту потерю — кроме Дэнетора сына Эктелиона, который был уже взрослым и готовился получить права наместника после отца, что вскоре, через четыре года, и произошло.

* * *

Дэнетор II был высоким и сильным, имел истинно королевскую осанку, был горд и смел. Давно такой видной фигуры не было у кормила гондорской власти. Кроме того, он был умен, прозорлив, прекрасно знал историю и читал древние книги. Они с Торонгилом были похожи, как братья, но Торонгилу доставалась слава, и Дэнетору казалось, что чужеземец затмевает его в глазах отца и приближенных. Многие гондорцы даже думали, что Торонгил ушел, чтобы не дожидаться, когда его соперник, сын наместника, получит власть, но на самом деле пути Дэнетора и Торонгила ни разу не пересеклись, и Торонгил никогда не переступал границ своего подчиненного положения. Он служил Эктелиону — и только. Лишь в одном явно расходились Дэнетор и Торонгил: Торонгил часто предупреждал наместника о воз-

можной измене и просил не доверять Саруману Белому из Исенгарда, а советовал воспользоваться дружбой Гэндальва Серого. Но Дэнетор никогда не любил Гэндальва, и после смерти Эктелиона Серому Страннику перестали оказывать радушный прием в Гондоре. Поэтому позднее, когда все это стало известно, многие решили, что Дэнетор уже тогда проницательным взором видел дальше и глубже других, вовремя догадался, кто был странный чужеземец, и заподозрил, что Торонгил с Мифрандиром вместе готовят против него заговор, желая отобрать власть, которую он считал законной.

* * *

Когда Дэнетор стал наместником (2984 год), оказалось, что он умеет править и держать страну в порядке. Говорил он мало, выслушивал все советы, но потом все делал так, как сам решит. Женился он поздно, в жены взял Финдуилас, дочь Адрахила, князя Дол Амрота (2976 год). Она была очень красива, обладала нежным и чутким сердцем, но умерла рано, всего лишь через 12 лет после свадьбы. Дэнетор, несмотря на внешнюю суровость, любил ее больше всех на свете, и после ее смерти перенес всю любовь на старшего

из двух сыновей, которых она ему подарила. Когда Финдуилас была еще жива, казалось, что она увядает в каменном городе, как заморский цветок, перенесенный на бесплодную, скалистую почву. Тень Мордора давила и отравляла ее, она все смотрела на юг, в сторону Моря, по которому тосковала.

После ее смерти Дэнетор совсем помрачнел и стал еще молчаливее, чем прежде. Целыми днями он сидел в Башне, погруженный в невеселые размышления, предвидя, что как только пробьет роковой час, Мордор неизбежно нападет на его страну. Позднее пришлось допустить, что, вероятно, Дэнетор, чья душа и разум жаждали знаний, а гордость заставляла переоценивать собственную силу воли, осмелился уже тогда заглянуть в палантир Белой Башни. Никто из наместников до него на это не отваживался; даже короли Эарнил и Эарнур этого не делали; с тех пор как пала крепость Минас Итиль и палантир Исилдура достался Врагу, Камень Анариона, как называли палантир, хранившийся в Минас Тирите, стал опасен. Он был из всех палантиров ближайшим к тому, которым завладел Саурон.

Глядя в палантир, Дэнетор узнавал о многом, что делалось в государстве и далеко за его гра-

ницами. Люди дивились его прозорливости, но наместник заплатил за это дорогую цену и преждевременно состарился, устав тягаться с волей Саурона. Гордыня росла в его душе вместе с отчаянием, и в конце концов он стал думать, что все в мире сводится к борьбе повелителей Белой Башни и Черного Замка. Он не верил даже тем, кто на самом деле боролся с Сауроном, но не служил ему, Дэнетору.

Тем временем близилось начало Войны за Кольцо, а сыновья Дэнетора выросли, став достойными мужами. Боромир, любимец отца, был старше брата на пять лет. На отца он был похож, так же красив, силен, так же горд и бесстрашен, но, пожалуй, на этом сходство кончалось. Он чем-то напоминал короля Эарнура, так же не спешил брать жену, так же больше всего любил военные забавы. К старым книгам он склонности не проявлял, любил только повести о давних битвах. Младший, Фарамир, внешне был похож на брата, но характером сильно от него отличался. Он умел, как отец, проникать в людские сердца, но то, что он в них читал, будило в нем не покровительственное презрение, а милосердие. Он любил книги и музыку, был мягок в обращении, поэтому те, кто судил по внешности, считали его

менее храбрым и менее достойным, чем Боромира. На деле же он был равен брату в храбрости, но не искал опасности ради того, чтобы себя показать. Когда в город приезжал Гэндальв, Фарамир дружелюбно встречал его, не стеснялся учиться у мудреца, и это — как многое другое в младшем сыне — не нравилось Дэнетору.

Братья, несмотря на разницу в характерах, были очень привязаны друг к другу. Старший Боромир всегда опекал и защищал Фарамира. И позднее между ними никогда не возникало ни зависти, ни ревности. Фарамиру казалось невозможным, чтобы кто-то в Гондоре мог сравниться с Боромиром, наследником Дэнетора, начальником стражи Белой Башни. Боромир был того же мнения, и хотя очень любил брата, не мог представить, чтобы тот претендовал на жезл наместника. Судьба показала, что оба они ошибались. Но все, что случилось с этими тремя людьми во время Войны за Кольцо, описано в другом месте. После окончания войны закончилось правление наместников в Гондоре, вернулся настоящий наследник Исилдура и Анариона, Королевство возродилось, и на Башне Эктелиона снова заплескал флаг с Белым Древом…»

5. Отрывок из истории Арагорна и Арвен

«…Дедом короля был Арадор. Сын Арадора Араторн взял в жены Гилраэну Красивую, дочь Дираэла, потомка Аранарта. Дираэл был против этого брака, ибо юная Гилраэна не успела достичь возраста, в котором дунаданские девушки обычно выходили замуж.

— Кроме того, — сказал он, — Араторн зрелый воин, он силен и станет вождем раньше, чем ожидают, но сердце говорит мне, что жизнь его не будет долгой.

На что жена Дираэла Иворвена, которая тоже была провидицей, возразила:

— Тем более надо спешить! Небо хмурится перед великой бурей. Пока не поздно, свяжем их узами брака, и может быть, нашему племени улыбнется надежда, а если откладывать, наш век кончится, а надежды не будет.

И случилось так, что всего через год после свадьбы Араторна и Гилраэны Арадор попал в засаду троллей в Холодных холмах севернее Райвендела и погиб. Араторн стал вождем дунаданов. Еще

через год Гилраэна родила ему сына, которого назвали Арагорн. Мальчику было всего два года, когда Араторн вместе с сыновьями Элронда отправился в поход на орков и был убит стрелой из лука, попавшей ему прямо в глаз. Сбылось предсказание, он прожил недолго: ему было только шестьдесят лет.

Так Арагорн стал наследником Исилдура и вместе с матерью поселился в Доме Элронда, который заменил ему отца и полюбил его, как родного сына. Но его стали называть Эстел, что значит Надежда, а настоящее имя и родословную держали до поры в тайне. Так решил Элронд, ибо Мудрым стало известно, что Враг разыскивает наследника Исилдура, хоть и не знает, продолжается ли род короля на земле.

Двадцати лет от роду Эстел однажды с победой вернулся из похода вместе с сыновьями Элронда. Элронд посмотрел на него и возрадовался, ибо хотя юноша был еще молод как телом, так и душой, но уже обещал превратиться в достойного мужа. Он был красив и благороден, разумен и смел. В тот день Элронд назвал его настоящим именем, рассказал, чей он сын, и вручил ему наследные реликвии:

— Вот Кольцо Барахира, — сказал он, — древ-

ний знак нашего кровного родства. Возьми также сломанный Нарсил. Может быть, с этим оружием ты еще совершишь великие дела, ибо я предсказываю, что ты проживешь дольше обычных людей, если сумеешь выдержать все испытания и не покориться силам Зла. Путь твой будет долог и труден. Жезл Ануминаса я оставляю у себя, его надо заслужить.

На следующий день в час заката Арагорн бродил один по лесу, и сердце у него пело от радости. Он и сам пел, ибо мир был прекрасен, а надежда светила ему ярко. Вдруг он увидел девушку. Она шла по зеленой траве между белыми стволами берез. Юноша остановился, пораженный. Ему показалось, что это сон, или что он вдруг овладел даром эльфов-менестрелей, умеющих волшебным пением вызывать перед глазами слушателей образы тех, о ком поют. Ибо пел он о встрече Берена и Лютиэнь в лесах Нельдорет, и — о диво! — пред ним в Райвенделе вдруг явилась сама Лютиэнь в серебристо-голубом плаще, красивая, как вечно-вечерний свет на родине эльфов. Ветер играл волной темных волос, надо лбом сверкали, как звезды, белые камни.

На мгновение Арагорн замер, завороженный, боясь шевельнуться, чтобы видение не исчезло

навсегда, потом громко окликнул ее, как Берен в давние дни:

— Тинувьель! Тинувьель!

Девушка обернулась к нему с улыбкой и спросила:

— Ты кто? И почему зовешь меня этим именем?

И Арагорн ответил:

— Я подумал, что вправду увидел Лютиэнь Тинувьель, о которой пел. Если даже ты — не она, ты очень похожа на нее.

— Мне многие это говорили, — отвечала она серьезно, — хотя меня зовут по-другому. Может, мне назначена похожая судьба? Но кто же ты?

— До сих пор меня звали Эстел, — сказал он. — Но я Арагорн сын Араторна, наследник Исилдура, вождь дунаданов.

Произнося все это, он чувствовал, что высокое происхождение, так радовавшее его, уменьшается почти в ничто в сравнении с красотой и достоинством незнакомки. Но она в ответ весело рассмеялась:

— Значит, мы дальние родичи, ибо я — Арвен дочь Элронда, меня также называют Ундомиэль.

— Часто самые дорогие сокровища прячут во время опасности, — сказал Арагорн. — Но я в этом

доме живу с детства, а твой отец и братья ничего мне о тебе не говорили. Удивлен я. Как вышло, что мы до сих пор не встретились? Неужели отец держал тебя под замком?

— Нет, — ответила она и обратила взгляд к горам на востоке. — Я долго жила у родни в далеком Лотлориэне и совсем недавно вернулась к отцу. Много лет моя нога не касалась травы Имладриса.

Тогда удивился Арагорн, потому что девушка показалась ему не старше его самого, а ему недавно минуло двадцать лет. Но Арвен посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

— Не удивляйся! Детям Элронда дана вечная жизнь эльдар.

Арагорн смутился, увидев в ее глазах свет вечной юности и мудрости эльфов. И в тот час он полюбил Арвен Ундомиэль дочь Элронда.

* * *

После этой встречи он стал молчалив и задумчив. Мать заметила в нем перемену, и в конце концов он ответил на ее вопросы и рассказал про дивную встречу в вечернем лесу.

— Сын мой, — сказала Гилраэна, — ты высоко метишь даже для потомка многих королей. Ибо

это прекраснейшая девушка в мире, дочь слишком высокородного отца. Смертный не должен искать жену среди эльфов.

— Но между нами есть даже кровная связь, если история предков, которой меня учили, не лжет, — сказал Арагорн.

— История не лжет, — сказала Гилраэна. — Но то было очень давно, в другой эпохе, до того как измельчало наше племя. Поэтому я и боюсь, ибо если ты не добьешься согласия Элронда, род потомков Исилдура кончится на тебе. А я не думаю, что Элронд согласится.

— Если не согласится, горькой будет моя судьба, — сказал Арагорн. — Тогда я уйду один бродить в Диких Землях.

— Да, такова и будет твоя судьба, — произнесла Гилраэна. Она в какой-то мере тоже владела даром предвидения, но ничего не сказала сыну о своих предчувствиях и ни с кем не поделилась тем, что узнала от него.

Элронд сам умел многое видеть и читать в сердцах. И вот однажды в том же году, перед наступлением осени, он призвал к себе Арагорна и сказал:

— Слушай мое слово, Арагорн сын Араторна, вождь дунаданов! Перед тобой — большая судьба.

Либо ты вознесешься над всеми своими предками, жившими после Элендила, либо упадешь и погибнешь во тьме вместе со всеми, кто еще остался на земле из твоего рода. Тебя ждут долгие годы тяжких испытаний. У тебя нет сейчас права брать жену, нельзя тебе связывать словом ни одну женщину, пока не пробьет час и пока тебя не сочтут достойным славы и счастья.

Арагорн смутился и сказал:

— Неужели моя мать говорила об этом?

— Нет. Тебя выдают глаза, — ответил Элронд. — Но я говорю не только о своей дочери. Сейчас ты не можешь ничего обещать ни одной девушке. А род красавицы Арвен, дочери властителей Имладриса и Лориэна, Звезды Вечерней своего племени, намного выше твоего, и она уже давно живет на земле, так что ты по сравнению с ней сейчас — все равно что годовалый побег рядом со стройной березой, которая цвела не одну весну. Арвен не для тебя. Может быть, и она думает так же. Ну, а если ее сердце склонилось к тебе, для меня это было бы большим горем, ибо над нами тяготеет свой рок.

— Какой? — спросил Арагорн.

— Арвен будет наслаждаться юностью эльдар все долгое время, пока я живу здесь, — сказал

Элронд. — А когда я покину Среднеземье, она уйдет со мной, если выберет нашу судьбу.

— Я понимаю, что поднял глаза на сокровище, не менее ценное, чем то, на которое некогда покусился Берен, — сказал Арагорн. — Такова, видно, моя судьба. — И вдруг, в проблеске ясновидения, присущего его роду, добавил: — Но все же, государь Элронд, недолго осталось ждать часа, когда твои дети будут выбирать между разлукой с тобой и разлукой со Среднеземьем!

— Это правда, — ответил Элронд. — если мерить нашей мерой, времени осталось совсем мало. Но по человеческому счету пройдет много лет. Любимой дочери моей, Арвен, придется выбирать лишь в том случае, если ты встанешь между нами, и этот выбор принесет одному из нас — тебе или мне — горечь вечной разлуки. Ты сам не знаешь, чего хочешь от меня! — Он вздохнул, печально и внимательно посмотрел на юношу и закончил: — Время решит. Не будем об этом говорить в ближайшие годы. Небо темнеет, впереди много бед.

* * *

И вот Арагорн сердечно простился с Элрондом, а на следующий день — с Домом Элронда, с ма-

терью и с Арвен, и ушел в Дикие Земли. Почти тридцать лет он трудился и боролся с Сауроном ради победы добра. Он стал другом мудрого мага Гэндальва и многому у него научился. Они вместе ходили по опасным дорогам, но чем дальше, тем чаще Арагорн путешествовал один.

Долгими и трудными были его походы. Арагорн посуровел и стал казаться старше, чем был, только улыбался по-прежнему светло. Те, перед кем он не таил обличья, уважали в нем силу и мудрость, чувствуя, что это один из великих в изгнании. Ибо он менял одежду и имена, сражался в войске рохирримов и на гондорских кораблях, а после одной из побед, одержанных им для повелителя Гондора, скрылся и бродил одиноко по южным и восточным землям, испытывая людские сердца и борясь с кознями Саурона и его слуг.

Он закалился в битвах и походах, никто из смертных не мог бы теперь с ним сравниться; он изучил людские обычаи, ремесла и историю и превзошел других, ибо ему была дана эльфийская мудрость, а когда глаза его разгорались внутренним огнем, мало кто мог выдержать его взгляд. Лицо его было чаще всего сурово и печально, ибо сурово обходилась с ним судьба, лишь в глубине сердца он хранил надежду, и иногда она проби-

валась в улыбке, словно источник в скале.

Однажды, когда Арагорну было сорок и девять лет, возвращался он из опасного похода с темных мордорских границ, где снова творил козни Саурон. Арагорн устал и направлялся в Райвендел отдохнуть перед следующим дальним походом. Путь его шел мимо Лориэна, и госпожа Галадриэль пригласила его в сокровенное убежище эльфов.

Не ведал Арагорн, что в то время там гостила Арвен Ундомиэль. Она мало изменилась, ибо годы, безжалостные к смертным, ее щадили, только стала серьезнее и смеялась реже.

Арагорн же из юноши превратился в зрелого мужа. Галадриэль велела ему сбросить износившееся дорожное платье, одела его в серебряные и белые одежды, дала серый эльфийский плащ и украсила его чело сверкающим камнем. В таком убранстве он выглядел красивее любого короля людского племени, почти как эльфийский князь с далеких западных островов. Таким и увидела его Арвен впервые после долгих лет разлуки, под золотоцветными деревьями Карс Галадона. В ту минуту она сделала свой выбор, и ее судьба была определена.

* * *

Всю весну гуляли они вместе по полянам Лотлориэна до того дня, когда Арагорн должен был снова уходить. Вечером в канун Середины лета, перед самой короткой ночью в году Арагорн сын Араторна и Арвен дочь Элронда пошли к холму Керин Амрот в середине эльфийской земли и прошли босыми по неувядающей траве, где цвели эланоры и нифредилы. С прекрасного кургана они вместе посмотрели на окутанный Тьмой восток и на Закатный запад. Здесь, дав друг другу клятву верности, они были счастливы.

И сказала Арвен:

— Мрак черен и густ, но мое сердце радуется, ибо ты, Эстел, будешь среди храбрейших, которые его уничтожат.

Но ответил Арагорн:

— Увы! Я еще не вижу перед собой этого дня и не знаю, как все свершится. Я буду жить твоей надеждой. Но Вечновечерний край — не мой удел. Я ведь смертен, и если ты останешься со мной, Звезда Вечерняя, тебе придется отречься от Страны Заката.

Арвен стояла рядом с ним, словно замершее серебристое деревце, и долго вглядывалась в

закатное небо. Потом проговорила:

— Я останусь с тобой, дунадан, я отрекусь от Страны Заката. Но там земля моего племени, вечный дом народа моего.

Она очень любила своего отца, Элронда.

* * *

Когда Элронд узнал о выборе дочери, то смолчал, но его сердце сжалось от боли, и хотя он давно предвидел такую судьбу, от этого легче не стало. Вернувшегося в Райвендел Арагорна он призвал к себе и сказал:

— Сын мой, близится время угасания надежд, и я не могу сказать, что будет потом. Тень залегла между нами. Может быть так суждено, что я должен утратить свое королевство, чтобы люди обрели свое. Я полюбил тебя, но вот мое слово: Арвен Ундомиэль может отречься от дара бессмертия и сократить себе жизнь только ради высокого дела. Королем Гондора и Арнора должен стать ее избранник, не ниже. Мне твоя победа принесет лишь горечь разлуки, а тебе — надежду на кратковременное счастье. Кратковременное, знай! Боюсь, что слишком суровой покажется Арвен ее людская судьба.

Так было решено между ними, и больше они

к этому разговору не возвращались. Вскоре Арагорн снова ушел в поход и совершил новые подвиги. Небо над миром темнело, страх пал на Среднеземье, мощь Саурона росла, стены Барад Дура поднимались все выше и крепли, а тем временем Арвен жила в Райвенделе, мыслью летя в те края, где был Арагорн. Негаснущая надежда помогала ей вышивать знамя, достойное Короля нуменорцев и наследника Элендила.

Прошло еще несколько лет. Гилраэна простилась с Элрондом и вернулась к своим родичам в Эриадор. Жила она одиноко, сына видела редко и однажды, когда он ненадолго вернулся на север из очередного похода в дальние края, сказала ему, прощаясь:

— Это наше последнее свидание, сын мой Эстел. Я рано постарела от горя и проживу не дольше, чем обычные люди. Грядет буря, она охватит все Среднеземье. Я ее уже не выдержу.

Арагорн стал утешать мать, говоря:

— За темными тучами светит солнце, ты его увидишь, надо подождать, и будет радость…

Она ответила словами песни, сказав следующий *линнод:*

— *Онен и-Эстел эдаин, у-хебин Эстел аним…* (что значит: „Я отдаю надежду дунаданам, себе

не оставляя…“)

И Арагорн ушел в поход с тяжестью в душе. Гилраэна не дожила до следующей весны.

* * *

Так проходили годы. Подошло время Войны за Кольцо, о которой много говорится в другой рукописи. Рассказано, как открылось непредвиденное и стало возможно победить Саурона, как сбылась надежда, долго казавшаяся несбыточной.

И стало так, что в трудную годину поражений явился Арагорн с Моря и развернул знамя Арвен на полях Пеленнора, и в тот день впервые в его лице народ приветствовал короля. А когда, наконец, он вернул себе наследство предков, получил корону Гондора и жезл Арнора, то в самый долгий день лета в год падения Саурона повел Арвен Ундомиэль за руку в Минас Тирит, и в столице состоялась королевская свадьба.

Третья эпоха кончилась победой в блеске новых надежд, а из печалей тех дней самой горькой печалью было прощание Элронда с Арвен, ибо судьба и Море разлучали их до скончания мира и навеки после него.

* * *

Когда было уничтожено Кольцо Всевластья, Три Эльфийских Кольца тоже потеряли силу. И, устав наконец от долгой жизни в Средиземье, Элронд покинул его навсегда.

Арвен же приняла судьбу смертной женщины, хотя умереть должна была лишь тогда, когда утратит все, за что заплатила так дорого.

Как королева людей и эльфов она прожила с Арагорном сто и двадцать лет в великой славе и в счастье. Когда, наконец, Арагорн почувствовал приближение старости и конца отмеренного ему долгого пути, он обратился к жене и сказал:

— Скоро, моя Звезда Вечерняя, лучшая и любимейшая в мире, солнце зайдет над моей жизнью. Мы собирали плоды и пользовались ими, подходит час расплаты.

Арвен хорошо поняла его, она давно ждала этого часа, но он оказался печальнее, чем она думала.

— Неужели ты хочешь, король мой, раньше времени покинуть народ, который чтит каждое твое слово? — спросила она.

— Не раньше времени, — ответил Арагорн. — Если я сейчас не уйду добровольно, скоро мне

все равно придется уйти. Наш сын Эльдарион возмужал и может принять корону.

Арагорн отправился в Дом Королей на улицу Молчания и лег на давно приготовленное длинное ложе. Он простился с Эльдарионом, передал в его руки крылатую корону Гондора и Арнорский жезл. Потом приказал уйти всем, кроме Арвен, вставшей у его изголовья. И хотя она была женой высокого рода и великой мудрости, она не могла удержаться, чтобы не просить его остаться с ней еще ненадолго. Она не устала и не пресытилась жизнью, только узнала горький вкус судьбы смертных, которую согласилась разделить.

— Госпожа моя Ундомиэль, — сказал Арагорн, — это тяжкий час, но он был предопределен нам еще в тот день, когда мы встретились под белыми березами в саду Элронда, по которому сейчас никто не ходит; и в тот час, когда мы на холме Керин Амрот отвергли Тьму и отреклись от Страны Заката, выбрав себе судьбу. Спроси себя, любимая, хотела бы ты, чтобы я ждал, пока увяну и без сил, лишенный разума, сползу с высокого трона? Нет, госпожа, я — последний из нуменорцев, последний из древних королей! Мне было отмерено три человеческих жизни и дано право самому выбрать час ухода. Пора возвращать

взятое в долг у судьбы. Сейчас я засну. Я не скажу тебе слов утешения, ибо мир не знает утешения от такой печали. Перед тобой остается право последнего выбора: ты еще можешь уйти в Серую Гавань и увезти за Море память о наших днях, и она там будет вечной, но будет лишь воспоминанием. Или — покорись человеческой судьбе.

— Я давно ее выбрала, король мой, — ответила Арвен. — В Гавани нет корабля, который увез бы меня за Море. Хочу я или нет, — моя судьба здесь: потеря всего и молчание. Знай, король Нуменорцев, что я лишь теперь поняла вполне историю деяний и упадка твоего племени. Я считала твоих соплеменников глупыми и злыми, сейчас я их жалею. Горько принимать то, что эльдар называют Даром Единого людям.

— Это тебе кажется, — ответил Арагорн. — Не согнемся в последнем испытании, ведь мы когда-то победили Тьму и отказались от Кольца. Уйдем в печали, но без отчаяния. Мы не навсегда прикованы к миру; там, за ним есть нечто большее, чем просто память. Прощай!

— Эстел! Эстел! — крикнула Арвен, и Арагорн взял ее руку, поцеловал и заснул.

Стал он при этом хорош необычайно, так что все, кто вошел потом в Дом Королей, поразились,

глядя на него, ибо увидели Арагорна одновременно юным и в расцвете зрелой красоты, и во всем мудром величии преклонного возраста. Он долго лежал так, воплощение королевского достоинства в незамутненном сиянии, словно на утре мира.

Когда же Арвен вышла из Дома Королей, ее глаза погасли, и королева показалась гондорцам холодной и серой, как беззвездная зимняя ночь. Она простилась с Эльдарионом, с дочерьми, со всеми, кого любила, ушла из Минас Тирита в Лориэн и прожила там в одиночестве под увядающими деревьями до наступления зимы. Галадриэль давно отплыла за Море, с ней отправился Келеборн. Лес эльфов молчал.

Наконец, когда осыпались листья мэллорнов, а весна не наступила, легла Арвен на вечный отдых на холме Керин Амрот. Там до сих пор зеленеет ее могила, и там она останется, покуда не переменится мир. Лишь тогда люди забудут об Арвен и ее жизни, а эланоры и нифредилы не зацветут больше на востоке от Моря».

Таков конец легенды, дошедший до нас с юга. Рассказ о смерти Звезды Вечерней — последнее слово в Книге о Давних днях.

II. Род Эорла

…Эорл Юный был правителем племени людей, обитавших в Эофеоде. Земля та лежала в верховьях Андуина между его истоком в Мглистых горах и северным Темнолесьем. А люди пришли с полей, раскинувшихся от скалы Стоянки до долины Ирисов, при короле Эарниле II. Племя было сродни беорнингам и жителям западной окраины Темнолесья. Предки Эорла вели родословную от древних степных вождей, владевших Бурыми Землями и просторами от Темнолесья до Рунного моря до нашествия кочевников с колесницами, и гордились родством с королями Гондора, потомками Эльдакара. Жить они предпочитали на открытой равнинной местности, разводили лошадей и были прекрасными наездниками. На север же ушли, гонимые Тенью Дол Гулдура, а узнав о разгроме короля Чернокнижника, расширили свои владения там и отогнали последних Ангмарских захватчиков за горы. Племя выросло, пастбищ стало не хватать. Произошло это в правление Леода, отца Эорла.

В 2510 году Третьей эпохи над Гондором собрались новые тучи. Сильные отряды диких

востокан заняли Бурые Земли и, подойдя к Андуину, переправились на плотах на западный берег. Одновременно, то ли по странному совпадению, то ли по чьему-то зловредному умыслу, на равнины с гор пришли орки, еще не ослабленные войной с гномами, многочисленные и злобные. Враги заняли Каленардон. Наместник Гондора Кирион послал на север гонцов с просьбой о помощи, памятуя, что люди из долин Андуина всегда дружили с гондорцами. Но в тех долинах людей почти не осталось, жили они уже разрозненно и реальной помощи оказать не могли. Казалось, что надеяться не на что, но тут о трудном положении Гондора узнал Эорл и сам повел на юг большое конное войско.

Он явился в Ковыльный Дол (так звалось зеленое поле между реками Серебринкой и Светлой), когда там уже шла битва. Северная армия Гондора была почти разгромлена в боях на пустошах, отрезана с юга, и враги теснили ее в Андуин. Всадники Эорла молниеносно ударили по вражеским тылам, и теперь уже орки в беспорядке удирали за реку Светлую. Увидев, как орки отступают, востокане тоже испугались и в панике рассыпались по всему Каленардону, а всадники Эорла догоняли и убивали их.

Земли к северу от Белых гор были в Гондоре почти безлюдными, ибо многих из тех, кто уцелел от набегов востокан, покосил мор. В награду за помощь Кирион отдал обезлюдевший Каленардон от Андуина до Исены в вечное владение Эорлу и его племени. Всадники перевезли с севера жен и детей, а также имущество, и осели здесь. Они назвали обретенную землю Рубежным Краем, а себя эорлингами или Детьми Эорла, но гондорцы стали называть их государство Роханом, а их — рохирримами, т. е. коневодами.

Эорл стал первым королем Рубежного Края и для своей столицы выбрал место на зеленом холме у подножья Белых гор, которые как бы образовали южную стену королевства и хороший заслон. Рохирримы зажили рядом с Гондором свободно и мирно, но своим законам. С гондорцами их связывал договор дружбы.

* * *

В песнях рохирримов сохранились имена многих храбрых полководцев и воинов, красивых и смелых женщин, достойных королей. Народ хранил память о севере. Песни рассказывают, что вождя, который привел племя в Эофеод, звали Фрумгар. Его сын Фрам убил громадного дракона

Ската, жившего в Серых горах Эред Мифрин, и навсегда освободил страну от кровожадных летающих гадов. Фрам тогда добыл неисчислимые богатства, но поссорился с гномами, которые считали, что имеют право на сокровище Ската. Фрам не дал им ничего, кроме ожерелья, которое приказал сделать из зубов дракона и послать королю гномов со словами:

— Таких драгоценностей у вас, конечно, нет, ибо не легко добыть их!

Рассказывали, что гномы в отместку за оскорбление убили Фрама. Между гномами и людьми из Эофеода никогда не было дружбы.

Отца Эорла звали Леод. Он был непревзойденным укротителем диких коней, которые в те времена во множестве водились в степях. Однажды ему удалось поймать белого жеребенка, и жеребенок вырос в прекрасного очень сильного и гордого коня. Но никто не мог его оседлать. Когда же Леод попытался объездить его, жеребец понес всадника в степь и сбросил. Падая, Леод ударился головой о камень и умер. Ему было тогда сорок и два года, а его сыну — всего шестнадцать.

Эорл поклялся отомстить за отца. Он долго искал жеребца в степи, наконец, увидел его. Друзья юноши думали, что он подкрадется к коню на

расстояние полета стрелы и убьет его, но Эорл так не сделал. Он открыто встал во весь рост и громко крикнул:

— Иди сюда, Убийца, я тебе дам новое имя!

К удивлению всех, жеребец посмотрел на Эорла, подбежал к нему и встал перед ним. Эорл сказал:

— Отныне тебя будут называть Фелар, что означает Вольный Дух. Я не могу тебя убить за то, что ты хотел быть свободным, но ты должен отплатить мне за то, что я тебя пощадил. Будешь слушаться меня всю жизнь.

Сел Эорл на Фелара, и конь без узды и без удил отвез его домой. Так и ездил на нем Эорл, без узды, без седла, без хлыста. Белый жеребец понимал человеческую речь. Но никого, кроме Эорла, он к себе не подпускал. Фелар принес Эорла в Ковыльный Дол, на нем же юный король прискакал в Рохан. Конь оказался долгожителем, и его потомки унаследовали это свойство. Они жили столько же, сколько люди. Редчайшую породу этих скаковых лошадей в Рохане называли *мирасами*. До тех пор, пока Серосвет не стал по своей воле служить Гэндальву, мирасы не давались никому, кроме королей Рубежного Края и их сыновей. Есть легенды о том, что первого мираса привез из-за Моря с Заокраинного Запада великий охот-

ник Бема (тот, кого эльдар называли Оромэ).

* * *

В старых песнях о королях Рохана от Эорла до Феодена чаще всего поется о Хельме Железноруком.

Это был угрюмый король-воин неимоверной силы. При нем в Рохане жил некто Фрека, выдававший себя за потомка короля Фреавина, хотя на самом деле был, вероятно, дунландцем, о чем можно было судить по его темным волосам. Фрека владел землями по обоим берегам реки Адорн, притока Исены, сбегающего с западных склонов Белых гор. У истоков Адорна он построил себе крепость и почти перестал подчиняться королю. Хельм больше не доверял ему, но по-прежнему приглашал ко двору на советы, хотя Фрека приходил только когда сам хотел.

Однажды он явился на совет с многочисленной свитой и стал просить у короля руки его дочери для своего сына Вульфа. Но Хельм ответил:

— Я вижу, со времени нашей последней встречи ты растешь, Фрека, но пока лишь за счет сала.

Все засмеялись, потому что Фрека действительно растолстел.

Разъяренный Фрека осыпал короля оскорбле-

ниями, а закончил так:

— Если старый король отказывается от предложенной опоры, он может потом и на колени упасть!

Хельм ответил:

— Молчи! Женитьба твоего сына — дело, не стоящее нашего внимания. Позже Хельм переговорит об этом с Фрекой с глазу на глаз. Сейчас у королевского Совета есть дела поважнее.

После Совета Хельм встал, положил тяжелую руку на плечо Фреки и сказав:

— Король не велит драться у себя в доме — в чистом поле будет свободней, — погнал Фреку перед собой.

Он выгнал его за ворота Эдораса, и его людей тоже выгнал, говоря:

— Убирайтесь прочь! Нам не нужны свидетели. О своих делах мы поговорим отдельно, а вы тем временем побеседуйте с моими воинами!

Видя, что у короля — численное превосходство, они отступили.

— Вот теперь, дунландец, — сказал король, — перед тобой один Хельм, причем Хельм безоружный. Но ты, по-моему, слишком много болтаешь. Пришел мой черед сказать слово. Вместе с брюхом растет твоя глупость. Ты намекал на опору.

Если на Хельма замахиваются кривым костылем, он его ломает, вот так!

И ударил Фреку кулаком. Тот упал навзничь, оглушенный, и вскоре после этого умер. Хельм объявил сына Фреки и его ближайших родичей врагами государства. Им пришлось бежать из страны, потому что король сразу послал своих всадников в западные провинции.

Прошло четыре года. В 2758 году Рохан переживал трудное время, а от союзников ждать помощи было нечего, потому что три пиратских флота одновременно напали на Гондор, и война шла на всем побережье.

В Рохан в то же самое время вторглись востокане. Дунландцы Вульфа воспользовались этим, переправились через Исену и стали наступать со стороны Исенгарда. Их вел сам Вульф, и шел он с большим войском, ибо к нему присоединились враги Гондора, высадившиеся в устье реки Лефны и поднявшиеся по Исене.

Рохирримы потерпели поражение, враги заняли всю страну. Кто не был убит и не успел укрыться в горах, попал в рабство. Хельм с большими потерями отступил от бродов на Исене к Рогатой Башне и засел в ущелье, которое с тех пор стало называться Хельмской Тесниной. Здесь он

выдержал долгую осаду. Вульф взял Эдорас, сел на золотой трон в Медуселде и объявил себя королем. Последним из защитников погиб у дверей дворца сын Хельма Халеф.

«После этого наступила Долгая Зима, снег засыпал Рохан и пять месяцев не таял (с самого ноября 2758 по март 2759). От жестоких морозов и голода умирали люди. Страдали не только рохирримы, но и их враги, захватившие страну. После зимнего Юла в Хельмской Теснине начался страшный голод. Младший сын Хельма Гама, преступив запрет отца, в отчаянии вывел отряд из Теснины на вооруженную вылазку за провиантом и погиб в снегах вместе со всем этим отрядом. Голодный и отчаявшийся Хельм стал страшен. Его так боялись, что одно его имя заменяло десятки бойцов, оборонявших Башню. Иногда он надевал белый плащ и совершенно один, как снежный тролль, пробирался во вражеский лагерь и голыми руками убивал попадавшихся на пути врагов. Враги говорили, что пока он ходит без оружия, чужое оружие его не берет. А люди Вульфа распустили слух, что когда нет другой еды, он питается человечиной, и дунландцы этой выдумке долго верили. У Хельма был большой рог, и каждый раз, выходя из крепости, он трубил в него, поражая

многократным эхом уши и души врагов. Тогда вместо того, чтобы собраться вместе, поймать и убить Хельма, враги в панике разбегались по заснеженным холмам.

Однажды ночью все слышали, как гудел рог, но утром Хельм в крепость не вернулся. В то утро впервые после долгих хмурых недель ярко засветило солнце, и все увидели высокую белую фигуру Хельма, застывшую на валу у входа в ущелье. Дунландцы не осмелились подойти даже к мертвому. Хельм стоял во весь рост. После того говорили, что еще не раз в Теснине раздавался голос рога, и что призрак Хельма ходит по земле, убивая страхом врагов Рохана.

Вскоре после гибели Хельма зима стала уступать весне. Из Дунгарского Укрытия, где скрывалось много рохирримов, вышел с отрядом Фреалаф сын Гильды сестры Хельма. В отчаянном порыве он неожиданно ворвался в Медуселд, убил Вульфа и отбил Эдорас. После снежной зимы наступила бурная оттепель, реки взбухли и разлились, долина реки Энтов превратилась в огромное болото. При бегстве захватчики там тонули.

Наконец-то прибыло подкрепление из Гондора. Гондорцы спешили, обходя горы с востока и с за-

пада. Прежде, чем кончился 2759 год, дунландцев выгнали из всей страны, даже из Исенгарда, а Фреалаф стал королем.

Останки Хельма перевезли из Рогатой Башни в Эдорас и похоронили там, насыпав девятый курган. Симбельмины зацвели на нем так пышно, что он казался засыпанным снегом. Когда умер Фреалаф, был начат новый ряд курганов».

Война, голод, утрата коней и потеря скота — все это сильно ослабило рохирримов. Однако после этого страна не знала крупных бедствий много лет, и когда на престол вступил король Фолквин, Рохан опять стал сильным.

На торжественной коронации Фреалафа впервые объявился Саруман. Он привез богатые дары и всячески восхвалял доблесть рохирримов. Его приняли как почетного и желанного гостя. А вскоре после того он навсегда поселился в Исенгарде. Занять Исенгард ему разрешил Берен наместник Гондора, ибо Исенгард принадлежал Гондору, а не Рохану. Берен же вручил Саруману ключи Ортханка, крепости, которую не смог ни покорить, ни уничтожить ни один враг.

Получив крепость, Саруман должен был во главе гарнизона людей распоряжаться в ней именем наместника Гондора и оборонять границу. Но он

почти сразу повел себя как ее полновластный хозяин. Фреалаф радовался решению Берена, поверив, что у него появился сильный и дружественный сосед. Саруман в самом деле первое время был другом Рохана, а потом долго делал вид, что продолжает им оставаться. Только через много лет родилось подозрение, что Саруман завладел Исенгардом в надежде найти там Зрящий Камень, и что он переделывает крепость в оплот собственной мощи. После последнего Белого Совета (год 2953) он уже, без сомнения, строил враждебные планы по отношению к Рохану, хотя скрывал их от соседей. Исенгард он считал своим, крепость перестроил, сделав ее совершенно неуязвимой; он сеял страх вокруг своих владений, пытаясь соперничать с Барад Дуром, и окружил себя пособниками, слугами и рабами, собирая под свою руку всех, кто ненавидел Рохан и Гондор, будь то люди, животные или другие, гораздо худшие твари.

Короли Рубежного Края

Первая династия:

1. *Эорл Юный* (2486–2545). Прозвище получил за то, что очень молодым вступил на престол после смерти отца и всю жизнь был светловолосым и по-юношески задорным и сильным. Безвремен-

но погиб в Нагорной Пустоши во время набега востокан. Похоронен в Эдорасе вместе с конем Феларом. Над ними насыпан первый курган.

2. *Брего* (2512–2570). Выгнал врагов с Нагорной Пустоши, после чего на Рубежный Край много лет никто не нападал. В 2569 году закончил строить Золотой Двор, который назвали Медуселд. На пиру в честь его постройки сын Брего Бальдор поклялся, что пройдет по Тропе Умерших, пошел туда и не вернулся. Через год после того Брего умер от горя.

3. *Альдор Старый* (2544–2645). Второй сын Брего, получил прозвание, ибо дожил до преклонного возраста и правил целых 75 лет. При нем племя Эорла сильно увеличилось в числе, остатки враждебных дунландцев были изгнаны с берегов Исены, часть их покорилась рохирримам. Заложил поселения в горных долинах, в том числе в Каменном Доле.

О следующих трех королях в летописях говорится мало. Рохан при них пребывал в мире и довольстве.

4. *Фрей* (2570–2659). Старший сын, четвертый потомок Альдора. Начал править в пожилом возрасте.

5. *Фреавин* (2594–2680).

6. *Голдвин* (2619–2699).

7. *Деор* (2644–2718). В его правление дунландцы часто совершали набеги из-за Исены. В 2710 году они заняли пустой Исенгард и остались там.

8. *Грам* (2668–2741).

9. *Хельм Железнорукий* (2691–2759). В конце его правления Рохан понес великие потери из-за вторжения врагов и суровой зимы. Хельм и его два сына, Халеф и Гама, погибли на войне. Королем после Хельма стал сын его сестры Фреалаф.

Вторая династия:

10. *Фреалаф* сын Гильды (2726–2798). При нем дунландцев частью выгнали, частью покорили, а в Исенгарде поселился Саруман. Сразу после войны и голода Долгой зимы Саруман рохиррим помогал.

11. *Бритт* (2752–2842). Соплеменники звали его *Леоф*, что значит «любимый», ибо его все любили. Он был щедр и охотно помогал всем, кто в помощи нуждался. При нем шла война с орками. Их выгнали с севера, и они пытались найти убежище в Белых горах, но рохиррим этого не допустили. После смерти Бритта думали, что орки все перебиты, но это оказалось ошибкой.

12. *Вальд* (2780–2851). Правил всего девять лет. Погиб вместе со всей свитой, попав в засаду ор-

ков, когда ехал горными тропами в Эдорас из Дунгарского Укрытия.

13. *Фольк* (2804–2864). Был великим охотником, но однажды поклялся, что не будет охотиться на зверей, пока не выгонит из Рохана последнего орка. Когда, наконец, последнее прибежище орков было найдено и уничтожено, Фольк отправился в лес Фириэн на охоту на огромного дикого кабана. Вепря он убил, но сам умер от ран, которые клыками нанес ему зверь.

14. *Фолквин* (2830–2903). При нем страна окрепла. Удалось отвоевать западные земли от Адорна до Исены, некогда захваченные дунландцами. В трудные времена Гондор всегда присылал помощь рохирримам, если мог, поэтому при вести, что на Гондор напали харадцы, Фолквин послал соседям много всадников. Он хотел сам отправиться с ними, но королевский Совет решил, что этого делать не следует. В поход ушли его сыновья-близнецы Фолькред и Фастред (родившиеся в 2858 году). Оба погибли в сражении за Итилиэн (2885). Турин II наместник Гондора выплатил Фолквину щедрый выкуп золотом за пролитую кровь.

15. *Фенгл* (2870–2953). Третий сын Фолквина, четвертый его отпрыск. Хорошей памяти по себе

не оставил. Был жаден, за столом прожорлив, с казной скуп, ссорился со своими советниками и собственными детьми.

16. *Тенгл* (2906–2980). Единственный сын Фенгла, третий его ребенок, юношей уехал из Рохана в Гондор и долго жил там, служа Тургону и заслужив славу и почет. Женился очень поздно, лишь в 2943 году, на Морвене из Лосарнака. Она была моложе его на 17 лет. Морвена родила ему в Гондоре троих детей, но только одного сына, Феодена. Домой из Гондора Тенгл вернулся неохотно, после смерти отца. Он стал мудрым и добрым королем, хотя в его дворце звучал язык Гондора и соблюдались гондорские обычаи, что не всем в Рохане нравилось. Морвена родила ему еще трех дочерей, из которых младшая, Феодвина (2963), утешение его старости, была очень красива. Брат ее очень любил. При короле Тенгле Саруман начал строить козни Рохану, его подданные безобразничали на границах и поддерживали врагов Рубежного Края.

17. *Феоден* (2948–3019). В хрониках Рохана его называют *Воскресшим*, ибо он сильно ослаб и постарел от козней и колдовства Сарумана, но был исцелен Гэндальвом и в последний год своей жизни повел всадников к победе в сражение у

Рогатой Башни, а затем — на поля Пеленнора, где произошла величайшая битва Третьей эпохи. Там, у ворот Мундбурга под горой Миндоллуин он погиб. Некоторое время его останки покоились в стране, где он родился, рядом с умершими королями Гондора, потом их перевезли в Рохан и насыпали над ним восьмой и последний курган его династии.

Третья династия:

18. *Эомер Эадиг* (2991–3084 или 63 год Четвертой эпохи).

В 2989 году двадцати шести лет от роду дочь короля Тенгла Феодвина стала женой Эомунда из Восточной Лощины, Первого полководца Рубежного Края. Ее сын Эомер родился в 2991 году, а дочь Эовина — в 2995. Мощь Саурона к тому времени сильно возросла, а Тень Мордора дотянулась до Рохана. Орки все чаще нападали на восточные и северо-восточные области, убивали и крали лошадей. Со стороны Мглистых гор участились набеги крупных орков урук, которые, как стало известно позднее, служили Саруману. Главным делом Эомунда была защита восточных пастбищ. Он очень любил лошадей и ненавидел орков. Не раз в порыве гнева он скакал навстречу врагам всего лишь с горсткой людей. В одной

из таких вылазок Эомунд погиб (3002). Он гнал малую банду орков до самого нагорья Эмин Муйл, а там попал в засаду и был убит в бою с превосходящими силами противника. Вскоре после того, к великому горю короля, заболела и умерла Феодвина. Король Феоден взял ее детей, сына и дочь, к себе, воспитал как родных и называл Эомера сыном, а Эовину дочкой. У короля был только один сын, Феодред, в год смерти Феодвины ему исполнилось 24 года. Его мать, королева Элгильда, умерла при его рождении, больше Феоден не женился. Эомер и Эовина, подрастая, замечали, как зловещая Тень постепенно окутывает королевский двор. Эомер был похож на отца и деда, широкоплеч и светловолос, а Эовина, тонкая и гибкая, унаследовала очарование и гордость от бабки-южанки, Морвены из Лосарнака, которую рохирримы прозвали Стальным Цветком.

Эомер еще в юности стал Полководцем Рубежного Края (3017), наследовал должность отца и обязанность охранять восточные пастбища. Во время Войны за Кольцо сын короля Феодред был убит в бою с войском Сарумана у бродов через Исену. Поэтому Феоден перед смертью в Битве на полях Пеленнора назвал Эомера своим наследником и королем Рохана. В упомянутой битве

прославилась также Эовина, сражаясь в мужской одежде. После победы ее стали называть Щиторукой Королевной. [Чернокнижник тяжелой палицей раздробил ей руку со щитом, но ему это ничего не дало, ибо сбылись слова Глорфиндэла, много лет назад сказавшего королю Эарнуру, что этот враг падет не от руки мужа. Говорят, что Эовине в бою помог оруженосец короля Феодена, не человек, а полуростик из далекой страны. Эомер дал этому полуростику титул почетного оруженосца Рубежного Края.]

Эомер стал великим королем, а так как трон он получил, будучи молодым, то правил долго, целых шестьдесят лет и пять, дольше всех королей Рохана, кроме Альдора Старого. Во время Войны за Кольцо Эомер сдружился с королем Элессаром и князем Дол Амрота Имрахилом, часто ездил в гости в Гондор. В последний год Третьей эпохи он взял в жены дочь Имрахила Лофириэль. Их сын, Эльфин Красивый, правил после отца.

При Эомере рохирримы наслаждались миром. Выросло население равнин и горных долин, приумножились табуны. Гондором и Арнором правил тогда король Элессар, повелитель всех стран, входивших в границы древнего королевства нуменорцев-изгнанников, за исключением

Рохана, который он, повторив клятву Кириона, вновь подарил Эомеру. Эомер же повторил в присутствии короля Клятву Эорла.

Выполнять обещания, данные друг другу, обоим королям пришлось неоднократно, хотя и без особых кровопролитий. Саурон сгинул, но зло и ненависть, посеянные им, продолжали существовать. Пришлось покорить не одного врага, чтобы Белое Древо могло цвести в мире. Если Король Элессар отправлялся на войну, король Эомер всегда его сопровождал. Топот коней рохирримов громом раскатывался в дальних краях, за Рунным морем и в пустынях юга, а зеленое знамя с белым конем развевали все ветра, пока Эомер не постарел.

III. Племя Дарина

Об истоках гномьего племени и происхождении гномов еще эльфы рассказывали странные легенды, да и сами гномы тоже; ибо это были дела такой древности, о которой трудно узнать что-нибудь наверняка. Немного говорит о них наша книга.

Дарином гномы называли самого старшего из Семи Отцов племени, предка всех королей народа

Длиннобородых. Он одиноко спал в горе, пока однажды во тьме веков не пробудился его народ. Тогда он явился в Азанулбизар и в восточных склонах Мглистых гор над Зеркальным озером Келед Зарам заложил новое жилище. Позднее в тех местах появились прославленные в песнях Морийские Копи.

Дарин жил так долго, что во всем широком мире его прозвали Бессмертным Дарином. В конце концов он все же умер, но это произошло еще в незапамятные времена. Гробницу ему построили в Казад Думе. А род его длился, не пресекаясь, и пять раз среди его потомков рождались сыновья, настолько похожие на прародителя, что им в колыбели давали имя Дарин. Гномы даже каждый раз думали, что это сам Бессмертный к ним возвращается. Они вообще рассказывают необыкновенные легенды и сказки о своем племени и его роли среди других племен.

Когда закончилась Первая эпоха и пал Тангородрим, а старинные города Ногрод и Белегост в Синих горах были разрушены, государство Казад-Дум расцвело и разбогатело, украсилось знаниями, пополнилось мастерами и прославилось различными ремеслами. Мория благополучно прожила Черные годы и первый период влады-

чества Саурона, хотя весь Эрегион был разорен, а Врата Мории пришлось закрыть и запереть. Саурон, слуга Моргота, не мог проникнуть внутрь подземелий Казад Дума, в которых жило многочисленное и храброе племя. Долго скрывали горы нетронутые богатства гномов, даже когда самих гномов стало меньше.

В середине Третьей эпохи ими снова правил Дарин, шестой король с этим именем. В то время возрастало могущество Саурона, хотя люди и гномы еще не догадывались, что означает Тень, залегшая в большом лесу на северо-востоке от Мории.

Начали пробуждаться к жизни всяческие зловредные твари. (Неизвестно, сами они возникали, или освобождались из заточения, но их появление ускорялось делами Саурона.) Гномы копали шахты глубоко под горой Баразинбар в поисках бесценного металла, который назывался мифрил и который все труднее было добывать. Во время этих работ они разбудили жуткое чудовище, которое некогда бежало из Тангородрима от Западного войска и залегло в глубинах у корней гор. Это был балрог, один из служителей Моргота, от его рук погиб Дарин, а через год — сын Дарина Наин I. Мория пала, слава ее прошла, гномы раз-

брелись по свету.

Большинство беглецов из Мории подалось на север. Трайн I сын Наина дошел до горы Эребор и там, на востоке от Темнолесья, заложил новые копи. Его стали называть Подгорным Королем. В Эреборе он нашел драгоценный Камень Камней Аркенстон — Сердце Горы.

Сын Трайна, Торин I, ушел из Эребора дальше на север, в Серые горы, где к тому времени собралось больше всего гномов, ибо горы там были богатые и малоисследованные. Увы, на Высохшем плато жили драконы, которые за много лет расплодились, выросли и стали громить племя Дарина и грабить подгорный народ. Даин и его второй сын Фрор были убиты огромным холодным драконом у порога собственных покоев.

Пришлось гномам уходить из Серых гор. Вскоре третий сын Даина Грор взял с собой большой отряд воинов и мастеров и ушел в Железный кряж, но наследник Даина Трор вместе с братом своего отца Борином и остатком племени вернулся в Подгорное королевство в Одинокой горе. Принесенный туда Трором Аркенстон снова засиял в большом тронном зале Трайна, и гномы зажили трудолюбиво и богато, и подружились с окрестными племенами людей. Ибо гномы умели

делать не только украшения. Они изготавливали прекрасное оружие и доспехи, которые очень высоко ценились. Они поддерживали братские отношения с родичами из Железного кряжа и постоянно обменивались с ними добытыми рудами и камнями.

Между реками Кельдуной (Текучей) и Карнен (Рыжей Водой) жило сильное племя нортов, охотно платившее большую цену за хорошее оружие. Норты успешно отгоняли врагов, что было выгодно и гномам, которые мирно работали, пировали и пели в подгорных дворцах Эребора.

Весть о богатствах Подгорного королевства разнеслась по всему миру и дошла до ушей драконов, во всяком случае, самого крупного из них, Смога Золотистого. Смог внезапно напал на королевство Трора и опалил Гору. За короткое время он уничтожил целый край, опустошил и превратил в развалины ближайший к Эребору город Дейл. Люди бежали, а дракон заполз в Гору и залег там на груде сокровищ в Большом зале.

Немногим гномам из рода Трора удалось спастись. [При бегстве из Эребора среди спасшихся были дети Трайна II: Торин, прозванный впоследствии Дубощитом, Фрерин и дочь Дис. Торин тогда, по гномьим понятиям, был совсем юнцом.

Позднее оказалось, что при нападении Смога на Одинокую гору уцелело больше гномов, чем думали сразу, но большинство из них ушло на северо-восток в Железный кряж.] Последними ушли через тайные двери в Горе сам Трор и его сын, будущий Трайн II. С остатками своей семьи и горсткой соплеменников и друзей Трор отправился на юг и много лет скитался.

Уже будучи старым, нищим и отчаявшимся, Трор отдал сыну единственную великую ценность, которой еще владел: последнее из Семи Гномьих Колец, — позвал за собой верного друга Нара и ушел в последнее путешествие, сказав на прощанье Трайну такие слова:

— Может быть, с помощью этого Кольца ты начнешь приумножать богатство, хотя это кажется маловероятным: ведь *для того, чтобы золото приумножать, надо его сначала иметь*.

— Отец, уж не в Эребор ли ты собрался? — спросил Трайн.

— В моем возрасте это было бы бесполезно, — ответил Трор. — Мстить Смогу я завещаю тебе и твоим сыновьям. Меня измучили нищета и унижение перед людьми. Попробую поискать лучшей доли.

И он ушел, не сказав, куда.

Возможно, его разум начал гаснуть от старости, невзгод и дум о былом величии Мории; возможно, Кольцо начало излучать зловредность, потому что возвращался к жизни его зловещий Властелин. Из Дунланда, где тогда жила его семья, седой король гномов вместе с Наром отправился на север, и перешли они через перевал у Карадраса и попали в долину Азанулбизар.

Врата Мории оказались открытыми. Нар умолял короля не ходить туда, не нарываться на опасности, но Трор не хотел его слушать. Он вошел в Ворота Мории гордо и открыто как законный хозяин. Больше никто не видел его живым. Нар много дней ждал, прячась у Ворот. В один из дней он услышал громкий окрик, звук рога и грохот тела, скатывающегося с лестницы. Цепенея от страха, боясь думать о том, что случилось с Трором, Нар приблизился к воротам, из-за которых раздался голос:

— Иди-иди сюда, я тебя вижу, бородач! Не бойся, ты мне нужен живым, отнесешь вести своим углекопам.

Нар подошел ближе и увидел тело Трора, но без головы. Голова лежала рядом, лицом вниз. Когда он нагнулся над ней, из темноты прозвучал издевательский орчий смех и тот же голос

прокричал:

— Так встречают нищего, который вместо того, чтобы покорно ждать у входа, забирается внутрь как вор! Каждый из вас, кто посмеет когда бы то ни было сунуть сюда свою поганую бороду, получит то же самое! Иди и расскажи все своим. А если твое племя хочет знать, кто сейчас здесь король, можешь прочитать имя на роже этого бродяги. Я его написал! Я его убил! Я здесь хозяин!

Нар повернул мертвую голову и увидел на лбу Трора имя Азог. Оно было выжжено рунами, которые гномы умели читать. С тех пор это имя осталось навеки выжженным в сердце Нара и в сердцах всех гномов. Нар хотел взять с собой хотя бы голову, но Азог остановил его, прохрипев:

— Оставь его здесь и убирайся! Вот тебе на дорогу, нищета длиннобородая!

Небольшой кошелек ударил гнома в лицо. В нем звякнули мелкие монеты.

С плачем ушел Нар к реке Серебринке. Один только раз он оглянулся и увидел, как орки рубят тело его короля и бросают куски черному воронью.

* * *

Все это Нар рассказал, вернувшись к Трайну. Трайн сначала рыдал и рвал бороду, потом сел, замолчал и не произносил ни слова семь дней. Наконец он встал, обратился к родным и друзьям и сказал:

— Это стерпеть нельзя!

Так началась война гномов с орками, долгая и кровавая, которая велась, в основном, под землей.

Трайн сразу же разослал гонцов во все стороны света с вестью о судьбе старого короля, но только через три года гномы смогли подготовиться к войне. Племя Дарина выставило войско, к которому присоединились многочисленные отряды потомков других шести Отцов племени, ибо оскорбление, нанесенное потомку Старейшего Отца, привело в ярость всех гномов. Когда все было готово, войско гномов двинулось в путь, по дороге отвоевывая старые гномьи пещеры и сокрушая орчьи укрепления от горы Гундабад до долины Ирисов. Обе воюющие стороны сражались беспощадно, темные ночи и ясные дни приносили жестокости и смерть. Гномы побеждали, потому что были мужественны, и броня

их была крепка, и страшный справедливый гнев горел в их сердцах. Во всех подгорных подвалах они искали Азога.

В конце концов орки со всех земель побежали спасаться в Морию, а войско гномов в преследовании их дошло до Азанулбизара. Это была большая долина между отрогами гор над озером Келед Зарам. Некогда эта местность входила в королевство Казад Дум. Когда гномы увидели в горной стене отворенные ворота своей древней богатой страны, громкий крик вырвался из всех уст одновременно и прозвучал, как гром. Над воротами стояли враги, из ворот тоже высыпало множество орков, которые по приказу Азога готовились к последней, решающей битве.

Сначала судьба не благоприятствовала гномам. День был зимний, холодный и сумрачный, поэтому орки смело нападали, кроме того, у них было численное превосходство и более удобная позиция. Так началась Битва в Азанулбизаре, или, на эльфийском языке, в долине Нандурион, при воспоминании о которой орки и сейчас вздрагивают, а гномы плачут. Удар передового отряда, который повел в атаку сам Трайн, орки отбили, гномы понесли тяжелые потери. Трайну пришлось отступить в лес, который тогда рос еще

по берегам Зеркального озера. При отступлении погиб его сын Фрерин, троюродный брат Фундин и многие другие, а сам Трайн и Торин были ранены. [Говорят, именно тогда Торин, отбросив разбитый щит, срубил топором дубовый сук и заслонялся им от ударов, а также наносил удары, за что получил прозвище Дубощит.]

Сражение было кровопролитным и проходило с переменным успехом, пока не подошла армия с Железного кряжа. Бойцы, которых привел Наин сын Грора, в крепких кольчугах, прибыли последними. Они не были так измотаны, как остальные, и, кинувшись сразу в бой, свежими силами гнали орков до самого порога Мории, размахивая секирами и кайлами, крича «Азог! Азог!..», сбивая с ног и разрубая каждого, кто осмеливался им противостоять.

Остановившись у ворот, Наин громким голосом закричал:

— Азог! Если ты здесь, выходи! Или боишься?

Азог вышел. Орк-гигант с огромной головой в тяжелом железном шлеме был силен и ловок. За ним вышли крупные воины из его личной охраны, похожие на своего главаря. Они сразу же бросились на воинов Наина, завязалась новая схватка, а сам Азог злобно прошипел:

— Что я вижу — еще один нищий у моего порога? Хочешь, чтобы я и на тебе метку огнем поставил?

С этими словами орк бросился на гнома. Наин почти ослеп от гнева и успел устать в сражении. Азог — дикий, гибкий, дрался, как зверь. Наин, собрав последние силы, взмахнул секирой, но Азог уклонился и, отскочив в сторону, лягнул Наина сапогом по ноге. Наин споткнулся, а его секира ударила по камню и дала трещину. Азог молниеносно рубанул топором. Наплечник гнома он не пробил, но сломал Наину шею, и тот упал замертво.

Азог расхохотался, задрал голову, хотел что-то победное прокричать, но голос замер у него в горле. Ибо он увидел, как его солдаты отступают по всей долине, как пробиваются вперед гномы, устилая поле битвы трупами своих врагов, как почти все его гвардейцы уже лежат бездыханными на земле, а остатки войска что есть силы в ногах с воплями удирают на юг. Азог сам повернулся и побежал к воротам.

За ним на лестницу вскочил гном с окровавленным топором в руке. Это был Даин Железный Сапог, сын Наина. Он настиг Азога у самого входа, страшным ударом убил его на месте и тут же

отрубил ему голову. Великую славу принес Даину этот подвиг, тем более что он еще был, по мнению гномов, совсем молод. Перед ним была долгая жизнь и еще много сражений. Он погиб в Войне за Кольцо, когда был уже стар, но остался непокоренным до конца. А в тот день, когда прошел пыл сражения и рассеялось опьянение победой, он отошел от Врат Мории с посеревшим лицом, будто пережил там великий страх.

Итак, битва закончилась победой. Оставшиеся в живых гномы собрались в долине Азанулбизар. Голову Азога вздели на кол и вложили в мертвую пасть кошель с несколькими монетами. В ночь после битвы не было ни пира, ни песен, потому что погибших было больше, чем можно оплакать. Только половина сражавшихся еще держалась на ногах или могла надеяться, что не умрет от ран.

Наутро Трайн обратился с речью к своим воинам. Он сам потерял один глаз и сильно хромал, но сказал:

— Мы победили, братья. Казад Дум — наш.

Ему ответили:

— Ты наследник Дарина, и даже одним глазом должен видеть лучше. Мы шли на эту войну, чтобы отомстить, и мы отомстили. Но победа горька. И если это вообще победа, у нас не хватит

рук ее удержать.

Те, которые не принадлежали к племени Дарина, говорили:

— Казад Дум не был домом наших отцов. Что нам до него, если здесь нет богатой добычи? Если нам не заплатят за пролитую кровь, у нас остается одно желание: поскорее вернуться домой.

Тогда Трайн обратился к Даину и сказал:

— Мы с тобой одной крови, брат, ты ведь меня не бросишь?

— Нет, — ответил Даин. — Ты теперь отец нашего племени, по твоему слову мы проливали кровь и тебе не изменим. Но в Казад Дум не войдем. Ты тоже туда не войдешь. Я лишь заглянул во тьму за Воротами и почувствовал неладное. За этой тьмой таится Погибель Дарина. Мир должен измениться, другая сила победит его, и лишь тогда племя Дарина сможет переступить порог Мории.

* * *

Так после битвы в долине Азанулбизар гномы снова разошлись в разные стороны. Но сначала они с большим трудом собрали и поделили между собой целое оружие всех павших, чтобы орки не могли его собрать, если придут. Рассказывали, что каждый гном, возвращаясь из того похода,

сгибался под тяжестью двойного вооружения.

Потом они разложили множество костров и сожгли тела убитых собратьев. Для этого им пришлось срубить все деревья в долине, которая с тех пор осталась навсегда безлесной и бесплодной. Рассказывают, что дым тогда видели даже в Лориэне. [Гномы с тяжестью в душе должны были поступить так со своими убитыми. Это не было у них в обычае. Но делать гробницы из камня, как они привыкли, пришлось бы несколько лет. Закапывать мертвых у них тоже не было принято. Им пришлось предать огню дорогие останки, чтобы не оставлять их на поругание оркам и на корм стервятникам. Память погибших в Азанулбизаре они чтят до сих пор, и многие гномы гордятся сожженными предками; когда о прадеде произносится это слово, все понимают, как много оно значит.]

Когда от страшных костров остался только пепел, союзники Трайна разбрелись по своим горам. Даин Железный Сапог повел племя своего отца назад в Железный кряж.

Трайн, остановившись перед колом с головой Азога, обратился к Торину Дубощиту:

— Дорого мы заплатили за эту голову. Можно считать, что отдали свое королевство. Ты вер-

нешься со мной в кузницу или пойдешь бродить под чужими дверями?

— Вернусь в кузницу, — сказал Торин. — Молот поможет мне сохранить силу в руках, пока не удастся взять более острое оружие.

После этого разговора Трайн и Торин с горсткой родных и друзей (среди которых были Балин и Глоин) вернулись в Дунланд и работали простыми кузнецами. Потом бродячими мастерами ходили по всему Эриадору, пока наконец не осели в восточной части Синих гор Эред Луин за рекой Луной. Племя понемногу увеличивалось, хотя в нем было очень мало женщин. [Дочь Трайна, Дис, родила в горах Эред Луин двух сыновей, которым дали имена Фили и Кили, а Торин так и не женился.] Гномы продолжали ковать железо, со временем дела их поправились, но, как справедливо говорил Трор, — *«для того, чтобы золото приумножить, надо его сначала иметь»*, а в горах Эред Луин не было или почти не было золота и других драгоценных руд.

* * *

Следует сказать пару слов об упомянутом Кольце. Племя Дарина верило, что это — первое из Семи Колец, выкованное раньше всех. Его якобы

получил король Казад Дума Дарин III от эльфов-златокузнецов, а вовсе не от Саурона, хотя Саурон, по-видимому, помогал эльфам в изготовлении всех Семи Гномьих Колец, поэтому злые чары были в них изначально заложены. Те, кому Кольца принадлежали, никогда о них не говорили и никому их не показывали, передавали наследникам лишь перед смертью. Никто из посторонних не видел, где эти Кольца хранились. Куда девалось Кольцо потом, в племени Дарина так никто и не узнал. Кое-кто думал, что оно осталось в Казад Думе, в тайном захоронении короля, если его там не нашли орки-грабители. Некоторые родичи Трора считали, что он взял Кольцо с собой, когда на старости лет пошел в безумный поход, ибо после смерти Трора о Кольце уже совсем ничего не было известно. Во всяком случае, у мертвого Азога не было никакого Кольца.

Значительно позже гномы предположили, что, может быть, Саурон чародейским способом узнал, у кого какое Кольцо находится (а это было последнее свободное Кольцо из Семи), после чего с владельцами Колец стали происходить всякие несчастья. Судьба наследников Дарина, таким образом, складывалась под влиянием злых сил. Поработить гномов с помощью Кольца не

удалось. Его влияние заметно лишь в том, что в них разгоралась жажда золота и драгоценностей. Все, что не было золотом, серебром или дорогим камнем, они ни во что не ставили и приходили в страшный гнев, если у них отнимали их сокровища. За это они могли жестоко отомстить. Однако, само гномье племя было с самого начала свободным и не выносило навязанной воли и чужой власти. Гномов можно было убить, разрушить их дом, но их нельзя было заманить в Тень, опутать обманом и заставить подчиниться. Поэтому Кольца не подействовали так, как хотел Саурон, и жизнь им не удлинили и не сократили. Саурон за это их еще больше ненавидел и мечтал отнять у них Кольца.

Беспокойство и разочарование Трайна в последние годы его жизни, вероятно, тоже можно объяснить чарами Кольца. Его грызла жажда золота. Он не смог вынести постоянной, как он считал, бедности, стал думать об Эреборе и решил туда вернуться. Торину он не доверился и о своих тайных планах ничего ему не сказал, лишь однажды простился и ушел с Балином, Двалином и еще несколькими гномами. О его дальнейшей судьбе известно очень мало. По-видимому, путешественников выследили посланцы Саурона.

На них нападали волки, их окружали гоблины, за ними следили хищные птицы, и по мере продвижения на север и восток им становилось все труднее и преград на их пути оказывалось все больше. В одну темную ночь, когда Трайн и его товарищи перешли Андуин, черный дождь заставил их искать кров под пологом Темнолесья. Утром Трайн исчез. Друзья напрасно звали его, искали у края леса, несколько дней ждали. Утратив надежду найти его, они повернули назад и после долгих скитаний вернулись к Торину. Лишь через много лет им довелось узнать, что Трайна схватили живым и увезли в подвалы Дол Гулдура. Там у него отобрали Кольцо, самого пытали, и там же он вскоре умер.

Наследником Дарина стал Торин Дубощит, но в наследство ему не досталось даже надежд на лучшее будущее. Когда пропал Трайн, Торину было девяносто и пять лет, он был видным и красивым гномом, кроме того, достаточно рассудительным, чтобы не срываться из Эриадора куда глаза глядят. Он долго работал на одном месте, стал торговать изделиями своей кузницы, сумел скопить немного добра. Его племя умножилось, потому что, услышав о его твердом положении и крепком хозяйстве, к нему на запад стали приходить

гномы-изгнанники из разных земель. В горах, где он обосновался, гномы вырубили большие подземные залы, их склады пополнялись искусными изделиями талантливых рук, жизнь была сносной, только в песнях они все время вспоминали о далекой утраченной Одинокой горе.

Шли годы. Могло показаться, что в сердце Торина жар давно присыпан пеплом, но на самом деле огонь не погас, и угли вспыхивали каждый раз, когда король-изгнанник вспоминал обиды, нанесенные его роду, и завет отца отомстить дракону. Тяжелый молот неустанно звенел в кузнице, а Торин работал и думал о войске, об оружии, о союзе родов. Но войска не было, союзы давным-давно разорвались, и в своем роду Торин не насчитал бы и пары десятков боевых топоров. Страшный гнев жег сердце Торина, когда он бил молотом по раскаленному железу на наковальне.

Наконец судьба решила устроить встречу Торина с Гэндальвом, и эта встреча не только определила дальнейшую судьбу племени Дарина, но и привела к другим, более важным событиям.

Однажды (это случилось 25 марта 2941 года) Торин, возвращаясь из поездки по западным землям, заночевал в Бригорье. Гэндальв тоже оказался там в тот день: он ехал в Хоббитшир, где

не был уже лет двадцать. Маг выглядел усталым и хотел отдохнуть.

Среди разных забот его очень тревожила мысль об опасностях, грозивших северу. Ибо он знал, что Саурон начал военные приготовления и, как только соберет достаточно сил, в первую очередь нападет на Райвендел. Еще Гэндальв понимал, что если враг попробует возродить Ангмар и захватить северные горные перевалы, никто, кроме гномов с Железного кряжа, не встанет на его пути. Но вокруг Железного кряжа лежали земли, опустошенные драконом. Саурон мог использовать в своих целях и дракона, это было бы ужасно. Поэтому Гэндальв стал думать, как бы сначала обезвредить Смога. Он сидел, погрузившись в эти невеселые размышления, когда перед ним встал Торин и сказал:

— Уважаемый Гэндальв, я до сих пор не был с тобой знаком, только знаю тебя в лицо, но очень хотел бы с тобой побеседовать. В последнее время я часто о тебе думаю; будто мне кто-то шепчет, что нам пора встретиться. Мне давно нужен твой совет, но я понятия не имел, где тебя искать.

Гэндальв удивленно посмотрел на гнома.

— Очень странно! — проговорил он. — Я ведь как раз вспоминал о тебе, Торин Дубощит! Я иду

в Хоббитшир и подумал, что дорога оттуда ведет в твои владения.

— Красиво ты назвал то место, — ответил Торин. — Это всего лишь приют изгнанника! Но ты всегда будешь дорогим гостем в моем доме. Я слыхал о твоей мудрости и о том, что ты лучше других знаешь о событиях в мире. У меня серьезные заботы, я хотел бы получить у тебя совет.

— Хорошо, я приду! — сказал Гэндальв. — Похоже, что нам с тобой есть о чем поговорить. Меня очень тревожит дракон в Эреборе, и мне кажется, что внук Трора о нем тоже не забыл.

* * *

Рассказ о приключениях, которые были следствием этой встречи, приводится в отдельной книге. Там описывается необычный план, предложенный Торину Гэндальвом, Поход из Хоббитшира в Эребор, который предпринял Торин с друзьями, и неожиданное его завершение. В этих же записях упоминаются лишь события, связанные непосредственно с историей племени Дарина.

Дракон Смог погиб от стрелы Барда из Эсгарота, и на полях Дейла произошла великая битва. Ибо, узнав о возвращении гномов, к Эребору поспеши-

ли орки, которых вел Больг, сын убитого Даином Азога. В битве в долине Дейла Торин Дубощит получил тяжкие раны и умер. Его похоронили под Горой, положив ему на грудь Камень Камней Аркенстон. Погибли сыновья его сестры Фили и Кили. Королем стал Даин Железный Сапог, двоюродный брат Торина, который пришел ему на помощь. Он был законным наследником Дарина и стал править Подгорным королевством под именем Даина II. Желание Гэндальва вновь создать в Эреборе крепкое гномье государство сбылось. Даин II оказался умным правителем, при нем гномы достигли высокого благосостояния и вернули себе былую славу.

В конце того же 2941 года Гэндальв наконец убедил Сарумана и весь Белый Совет начать действовать против Саурона и Дол Гулдура. Саурону пришлось покинуть северный замок и отступить в Мордор, где он чувствовал себя в безопасности. В результате всех этих событий, когда Великая Война наконец началась, первый и главный удар Врага оказался направленным в южные страны. Руки у Саурона были длинные, и он наверняка уже дотянулся бы до крайнего севера, если бы король Даин и король Бранд не стояли у него на пути.

Позднее Гэндальв все это объяснил Гимли и Фродо в Минас Тирите. Туда как раз пришли вести из дальних стран.

— Я искренне оплакивал гибель Торина, — сказал им Гэндальв, — а сейчас узнал, что Даин тоже погиб, и тоже в бою в долине Дейла, как раз когда у нас здесь было сражение. Его смерть — тяжелая утрата. Единственным утешением может быть рассказ о том, как великолепно он владел топором в столь преклонном возрасте, как он был храбр и силен, как до самой темноты сражался с врагами над телом короля Бранда у ворот Эребора. Могло бы произойти иначе, и было бы очень плохо.

Когда вспомните битву на полях Пеленнора, не забывайте о битве в долине Дейла и о мужестве племени Дарина. Только представьте, что могло бы быть, если бы не они: огонь дракона и сабли дикарей в Эриадоре. Тьма над Райвенделом. Могло бы не быть королевы в Гондоре. После победы мы вернулись бы в руины ворошить пепел. Подумать только, чего мы избежали благодаря тому, что однажды весенним вечером много лет назад я встретил в Бригорье Торина Дубощита! Вот вам и «обстоятельства», как говорят в Среднеземье!

* * *

Дис была дочерью Трайна II. Это единственное гномье женское имя, записанное в хрониках. Гимли говорил, что в его племени женщин было очень мало, меньше трети общего числа.

И без крайней необходимости ни одна из них не показывается чужакам, они всегда сидят дома. Фигуры и голоса у них почти такие же, как у их мужей, в путешествиях они обычно одеваются так же, и чужеземцы их не отличают, принимая за молодых безбородых гномов. Отсюда и пошла легенда, что у гномов вообще нет женщин, и они будто бы родятся из камня.

Недостаток женщин приводит к тому, что гномье племя почти не растет, и само его существование будет под угрозой, если гномы потеряют безопасные убежища. Ибо женятся они только один раз в жизни, если женятся вообще, и ревностно охраняют свои супружеские права. Говорят, что женатых среди гномов намного меньше трети, ибо женщинам они предоставляют свободу выбора, и далеко не все их женщины становятся женами: одни совсем не хотят, другое хотят не того… Многим гномам не до семьи из-за того, что они вечно заняты более важными, с их

точки зрения, делами.

* * *

Великую славу заслужил Гимли сын Глоина, один из девяти членов Отряда Кольца, который во время Войны за Кольцо все время был рядом с Королем Элессаром. Его также прозвали Другом эльфов, ибо взаимная сердечная приязнь связала его на всю жизнь с Леголасом, сыном Трандуила, короля эльфов Темнолесья. Кроме того, стало известно, что он благоговел перед Владычицей Галадриэлью.

После падения Саурона Гимли привел часть своего племени из Эребора в Блистающие Пещеры Агларонд и стал их правителем. Вместе со своими соплеменниками он выполнил большие работы в Рохане и в Гондоре. На месте разрушенных Королем-призраком ворот Минас Тирита гномы поставили новые, выковав их из стали и мифрила.

Друг Гимли Леголас, в свою очередь, уговорил часть эльфов из Зеленолесья перебраться на юг, и они осели в Итилиэне. Тот край опять расцвел и стал красивейшим зеленым уголком Средиземья.

Однако, когда Король Элессар отказался от жиз-

ни, Леголас наконец внял голосу своей давней тоски и уплыл за Море. Вот одна из последних записей в Красной Книге:

«Дошли до нас слухи, что Леголас взял с собой гнома Гимли сына Глоина ради дружбы, крепче которой никогда не было между эльфом и гномом. Если это правда, то произошло событие необычайное. Не верится, чтобы гном даже ради дружбы мог покинуть Среднеземье, или что эльдар могли захотеть его принять. Невероятно, чтобы Владыки Запада разрешили ему сесть на корабль. Но говорят, что Гимли отправился за Море, потому что очень хотел еще раз увидеть ясный лик Галадриэли. Кто знает, не она ли сама, занимая у эльдар высокое положение, добилась для гнома великой милости, если все это — правда? Больше об этом никто ничего рассказать не может».

ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ГНОМЬЕЙ ИСТОРИИ:

1999 — закладка Эребора;

2589 — убит драконом Даин I;

2590 — племя Дарина возвращается в Эребор;

2770 — дракон Смог грабит Подгорное королевство;

2790 — Трор гибнет в Мории от руки Азога;

2790–2793 — вооружение гномьего войска;

2793–2799 — великая война гномов с орками;

2799 — Нандурионская битва; гибель Наина;

2841 — уход Трайна II в скитания;

2850 — смерть Трайна и утрата его Кольца;

2941 — Битва Пяти Воинств; гибель Торина Дубощита;

2989 — начало похода Балина в Морию.

РОДОСЛОВНАЯ ГНОМОВ ИЗ ЭРИБОРА

ПЕРЕПИСАННАЯ ГНОМОМ ГИМЛИ СЫНОМ ГЛОИНА

ДАРИН БЕССМЕРТНЫЙ (Первая Эпоха)
Дарин VI /1731-1980+/
Наин I /1832-1981+/
Трайн I /1934-2190/
Торин I /2035-2289/
Глоин /2136-2385/
Оин /2238-2488/
Наин II /2338-2585/

Дори /2440-2589/
Трор /2542-2790+/
Трайн II /2544-2850+/
Торин II Дубощит /2746-2941+/
Фрегрин /2751-2799+/
Дис /2760/
Фили /2859-2941+/
Кили /2864-2941+/
Фрор /2552-2589/
Грор /2563-2805/
Наин /2665-2799+/
Дарин II Железный Сапог /2767-3019+/
Торин III Каменный Шлем /2866/
Дарин VII последний
Борин /2450-2711/
Фарин /2560-2803/
Фундин /2662-2799+/
Балин /2763-2994+/
Двалин /2772-3112/
Гроин /2671-2923/
Оин /2774-2994+/
Глоин /2783-15 год IV эпохи/
Гимли Друг Эльфов /2879-3141 или 100 год IV эпохи/

Приложение Б
Годы и события (Хроника западных государств)

Первая эпоха кончилась великой битвой, в которой валар сокрушили мощь Тангородрима и победили Моргота. Многие нольдор тогда вернулись на Заокраинный Запад и стали жить в Эрессее, откуда виден был Валинор. И многие синдар тоже уплыли за Море.

Вторая эпоха кончилась первым падением Саурона, прислужника Моргота; у Саурона при этом отобрали Кольцо Всевластья.

Третья эпоха кончилась вместе с великой Войной за Кольцо, но первым днем Четвертой эпохи считается день отплытия Элронда из Серой Гавани. Именно с этого дня началась Эра Людей и закат всех других существ, наделенных речью, обитавших в Среднеземье до тех пор.

В *Четвертую эпоху* все, что было до нее, стали называть Давними днями, но на самом деле это название следует относить лишь ко времени, когда Моргот еще не был изгнан из Среднеземья. Сведений о Давних днях в нашей книге нет.

Вторая эпоха

Для людей Среднеземья это были плохие времена, а для нуменорцев на Западе — пора расцвета. О событиях в Среднеземье тех лет имеются лишь отрывочные сведения, а даты событий известны приблизительно.

Упоминается, что в начале Второй эпохи в Среднеземье было еще много эльфов Высокого рода. Большинство их жило в Линдоне, западнее гор Эред Луин. Многие синдар еще до постройки крепости Барад Дур перешли на восточные земли, а некоторые основали свои государства в лесах. Их подданными были Лесные эльфы. Одним из новых королей стал Трандуил, хозяин Великого Зеленолесья. В Линдоне, к северу от реки Луны поселился Гил-Гэлад, последний потомок нольдорских королей-изгнанников. Его считали верховным королем, повелителем всех западных эльфов. Тоже в Линдоне, но южнее реки Луны, жил некоторое время Келеборн родич Тингола. Его женой была Галадриэль, славнейшая эльфийская владычица, сестра Финрода Фелагунда, Друга людей, древнего короля Нарготронда. Финрод погиб, спасая жизнь человека, Берена сына Барахира.

Потом часть нольдор пришла в Эрегион и осела

на западе от Мглистых гор, близ Ворот Мории. Их привлекла туда весть об открытии в Мории мифриловых копей. Нольдор, прекрасные ремесленники и искусные ювелиры, менее предосудительно относились к гномам, чем синдар. Редкая дружба возникла между племенем Дарина и эльфами-кузнецами из Эрегиона. Повелителем Эрегиона и главой всех его ремесленников и мастеров был Келебримбор, потомок Феанора.

* * *

Год 1. Построена Серая Гавань и заложены поселения в Линдоне.

Год 32. Эдаин добираются до Нуменора.

ок. 40. Большинство гномов бросают старые жилища в Синих горах Эред Луин, переходят в Морию, и число их множится.

442. Смерть Элроса Тар-Миньятура.

ок. 500. Саурон снова строит козни в Средиземье.

548. Рождение Сильмарины в Нуменоре.

600. В Средиземье приплывают первые нуменорские корабли.

750. Нольдор основывают государство Эрегион.

ок. 1000. Саурон, обеспокоенный растущим влиянием нуменорцев, отступает в Мордор,

укрепляет его и начинает строить Барад Дур.

1075. Тар-Анкалима становится первой правящей королевой Нуменора.

1200. Саурон пытается привлечь на свою сторону эльдар. Гил-Гэлад не желает вести с ним переговоры, но кузнецов Эрегиона Саурон опутывает лживыми словами и добивается их доверия. Нуменорцы начинают строить постоянные прибрежные поселения.

ок. 1500. Эльфы-златокузнецы Эрегиона с помощью Саурона достигают вершин мастерства и куют первые Кольца Власти.

ок. 1590. В Эрегионе готовы Три Эльфийских Кольца.

ок. 1600. Саурон сам в недрах горы Ородруин выковывает Единое Кольцо, Кольцо Всевластья. Построен Барад Дур. Келебримбор догадывается о намерениях Саурона.

1693. Начало войны эльфов с Сауроном. Три Кольца надежно скрыты.

1695. Войско Саурона нападает на Эриадор. Гил-Гэлад посылает в Эрегион Элронда.

1697. Эрегион разорен. Смерть Келебримбора. Закрываются Врата Мории. Элронд с остатками нольдор отступает и находит убежище в Имладрисе.

1699. Саурон овладевает Эриадором.

1700. Тар-Минастир посылает из Нуменора в Линдон сильный флот. Поражение Саурона.

1701. Саурон изгнан из Эриадора. В западных землях наступает долгий мир.

ок. 1800. Упрочено господство нуменорцев над побережьями. Саурон расширяет свое влияние на востоке. Тень прикрывает Нуменор.

2251. На нуменорский трон вступает Тар-Атанамир. Начинается бунт и раздел Нуменора. Примерно в то же время впервые появляются Кольценосные Призраки — назгулы, рабы Девяти Колец.

2280. Умбар становится крупной нуменорской крепостью.

2350. Построен Пеларгир, впоследствии главный порт верных нуменорцев.

2899. Начало правления Ар-Адунакора.

3175. Раскаяние Тар-Палантира. Междоусобная война в Нуменоре.

3255. Жезл короля переходит к Ар-Фаразону Золотому.

3261. Ар-Фаразон плывет в Среднеземье и укрепляется в Умбаре.

3262. Саурон взят в плен и вывезен в Нуменор.

3262–3310. Саурон влияет на короля и смущает

нуменорцев.

3310. Ар-Фаразон, совращенный Сауроном, начинает великое вооружение.

3319. Ар-Фаразон угрожает Валинору. Падение Нуменора. Элендил с сыновьями спасается на кораблях.

3320. Короли-изгнанники основывают государства Арнор и Гондор. Зрящие Камни поделены между двумя королевствами. Саурон возвращается в Мордор.

3429. Саурон нападает на Гондор, завладевает крепостью Минас Итиль, сжигает Белое Древо. Исилдур бежит в долины Андуина, оттуда — на север, к Элендилу. Анарион обороняет Минас Тирит и Осгилиат.

3430. Заключен Последний Союз эльфов и людей.

3431. Гил-Гэлад и Элендил отправляются в Имладрис.

3434. Войско союзников переходит Мглистые горы. Битва на поле Дагорлад и поражение Саурона. Начало осады Барад Дура.

3440. Гибель Анариона.

3441. Элендил и Гил-Гэлад повергают Саурона в прах и гибнут сами. Исилдур берет себе Единое Кольцо. Саурон исчезает, Кольценосные Призра-

ки скрываются во Тьме.

Конец Второй эпохи.

Третья эпоха

В эту эпоху наступил закат эльдар. Издавна наслаждались они покоем и распоряжались Тремя Кольцами, покуда Саурон спал, а Единое Кольцо Всевластья было утеряно. Но эльдар не искали ничего нового, жили воспоминаниями о прошлом. Гномы скрывались в глубоких подземельях и стерегли свои сокровища. Когда снова начали действовать злые силы, появились драконы, они грабили древние гномьи кладовые, племя разбредалось, гномы уходили в скитания. Мория продержалась дольше других гномьих поселений, но гномов в ней становилось все меньше, и наконец ее огромные подземные чертоги опустели, в них поселилась Тьма.

Нуменорцы теряли древнюю мудрость и долгожительство, ибо смешивались с людьми менее благородной крови.

Прошло около тысячи лет, первая Тень Мрака пала на Великое Зеленолесье, и в Среднеземье появились маги или *истари*. Позже стало известно, что их прислали из-за Моря, с Заокраинного Запада, чтобы противопоставить светлые силы возросшей мощи Саурона и объединить всех, кто

сопротивлялся Врагу. Но магам было запрещено воевать с Сауроном тем же оружием, которое использовал он, и управлять эльфами или людьми с помощью силы и страха.

Явились они в Среднеземье в человеческом образе, никогда не были молодыми, а старели очень медленно. Они очень много знали, очень много умели, у них было острое зрение, проницательный ум, талантливые руки. Свои настоящие имена они мало кому открывали, жили под теми именами, которыми их прозывали в Среднеземье. Два достойнейших (всего их, говорят, было пятеро) прозывались среди эльфов Курунир (что значит Мастер) и Мифрандир (Серый Странник). Люди северных стран знали их под именами Сарумана и Гэндальва. Курунир часто бывал в странах востока, в конце концов поселился в Исенгарде. Мифрандир завел тесную дружбу с эльдар, странствовал больше по странам запада и постоянного дома не имел.

На протяжении всей Третьей эпохи никто не знал, где находятся Три Эльфийских Кольца, — кроме тех, кто ими владел. Потом уже стало известно, что вначале они принадлежали трем эльдар Высокого рода — Гил-Гэладу, Галадриэли и Кирдану. Гил-Гэлад отдал свое Кольцо Элронду,

а Кирдан — Мифрандиру. Ибо Кирдан проникал мыслью дальше и глубже, чем кто бы то ни было в Среднеземье, сам встречал Мифрандира в Серой Гавани и знал, откуда тот прибыл и куда в конце концов вернется.

— Возьми это Кольцо, достойнейший, — сказал он ему при встрече, — ибо труды тебе предстоят тяжкие. Кольцо поддержит тебя в усталости, это Кольцо Огня, с ним ты сможешь разжигать сердца в остывающем мире. А мое сердце навеки связано с Морем, я уже никуда не пойду, останусь на сером берегу, пока не уплывет последний корабль. Я буду тебя ждать.

* * *

Год 2. Исилдур сажает молодое Белое Древо в крепости Минас Анор и отдает Южное королевство Менельдилу. Бой в долине Ирисов. Гибель Исилдура и трех его сыновей.

Год 3. Охтар приносит в Имладрис обломки Нарсила.

Год 10. Королем Арнора становится Валандил.

100. Элронд берет в жены Келебриану дочь Келеборна.

139. Рождение Элладана и Элрохира, сыновей Элронда.

241. Рождение Арвен Ундомиэль.

420. Король Остоэр восстанавливает Минас Анор.

490. Первый набег востокан.

500. Ромендакил I разбивает востокан.

541. Ромендакил гибнет в бою.

830. В Гондоре с Фаластура начинается династия королей-мореходов.

861. Смерть Эарендура и раздел Арнора.

933. Король Эарнил I овладевает Умбаром. Порт становится гондорской крепостью.

936. Эарнил гибнет в Море.

1015. Король Кириандил гибнет при осаде Умбара.

1050. Хьярмендакил покоряет Харад. Вершина могущества Гондора. В то же время Тень накрывает Великое Зеленолесье, его начинают называть Темнолесьем. В Эриадор приходят мохноноги. Первое упоминание в хрониках о полуростиках-перианах.

ок. 1100. Мудрые (т. е. маги-истари и достойнейшие из эльдар) узнают, что в Дол Гулдуре крепнут злые силы. Предполагается, что там поселился один из назгулов.

1149. Начало правления Атанатара Алкарина.

ок. 1150. В Эриадор приходят светлинги. Сторы

добираются в Дунланд, точнее, в Межречье, перейдя перевал у Карадраса.

ок. 1300. В Среднеземье снова множатся зловещие твари. На гномов нападают орки из Мглистых гор. Опять появляются назгулы. Их вождь приходит в Ангмар. Перианы проходят дальше на запад. Многие из них поселяются в Бри.

1356. Король Аргелеб гибнет в войне с Рудауром. Сторы уходят из Межречья к западу, а часть их возвращается в Дикие Земли.

1409. Чернокнижник, король Ангмара, нападает на Арнор. Гибнет король Арвелег I. Оборона Форноста и Тэрн Гортэда. Крепость Амон Сул разрушена.

1432. Смерть короля Гондора Валакара. Начало междоусобной войны.

1437. Сожжение Осгилиата и утрата палантира. Эльдакар бежит на север в Дикие Земли, его сына Орнендила убивают.

1447. Возвращение Эльдакара и изгнание самозванца Кастамира. Битва у брода через Эри. Осада Пеларгира.

1448. Бунтовщики бегут и захватывают Умбар.

1540. Король Альдамир гибнет в войне с харадцами и пиратами из Умбара.

1551. Хьярмендакил II одерживает победу над

Харадом.

1601. Перианы, ушедшие из Бри, получают от короля Аргелеба II земли за Берендуином.

ок. 1630. Сторы из Дунланда тоже поселяются на берегах Берендуина.

1634. Пираты грабят Пеларгир и убивают короля Минардила.

1636. Великий мор в Гондоре. Смерть короля Телемнара и его детей. Засыхает Белое Древо в Минас Аноре. Мор распространяется на север и на запад, вымирают окраины Эриадора. Перианы за Берендуином, несмотря на тяжелые потери, выживают.

1640. Король Тарондор переносит двор в Минас Анор и сажает новый росток Белого Древа. Осгилиат разрушается, стража на границах Мордора теряет бдительность.

1810. Король Телумехтар Умбардакил отбивает Умбар и выгоняет оттуда пиратов.

1851. Первые набеги кочевников на колесницах на Гондор.

1856. Гондор теряет восточные земли. Нармакил II гибнет в бою.

1899. Король Калимехтар одерживает победу над кочевниками на поле Дагорлад.

1900. Калимехтар строит в крепости Минас

Анор Белую Башню.

1940. Гондор и Арнор возобновляют старые связи и заключают союз. Арвед берет в жены Фириэль дочь Ондоэра Гондорского.

1944. Ондоэр гибнет в бою. Эарнил прогоняет врагов из Южного Итилиэна. Победа над кочевниками в битве за Обоз. Кочевников теснят в Мертвые Топи. Арвед заявляет права на корону Гондора.

1945. Коронация Эарнила II.

1974. Конец Северного королевства. Чернокнижник нападает на Артедаин и захватывает Форност.

1975. Арвед тонет в заливе Форохел. Пропадают палантиры из Ануминаса и Амон Сул. Эарнур ведет флот в Линдон. Поражение Чернокнижника под Форностом. Его преследуют до плато Эттенмур, он уходит на юг.

1976. Властителем дунаданов становится Аранарт. Наследные реликвии Арнора берет на хранение Элронд.

1977. Фрумгар приводит свой эофеод на север.

1979. Бэкк из Топкого Дола становится первым таном Хоббитшира.

1980. Король Чернокнижник прибывает в Мордор и собирает там назгулов. В Мории балрог

убивает Дарина VI.

1981. Гибнет Наин I. Гномы бегут из Мории. Многие эльфы из Лориэна уходят на юг. Пропадает Нимродэль, гибнет Амрот.

1999. Трайн I основывает Подгорное королевство Эребор в Одинокой горе.

2000. Назгулы из Мордора нападают на крепость Минас Итиль и осаждают ее.

2002. Крепость Минас Итиль пала и стала называться Минас Моргул. Враг захватил палантир.

2043. Эарнур становится королем Гондора. Чернокнижник оскорбляет его и вызывает на поединок.

2050. Повторный вызов Чернокнижника. Эарнур идет в Минас Моргул и пропадает без вести. Мардил становится первым правящим наместником Гондора.

2060. Растет мощь Дол Гулдура. Мудрые опасаются, что Саурон обрел силу и новое обличье.

2063. Гэндальв отправляется в Дол Гулдур. Саурон отступает на восток. Начало Неспокойного Мира. Назгулы не подают признаков жизни, затаившись в Минас Моргуле.

2210. Торин I уводит остатки племени Дарина из Эребора в Серые горы.

2340. Тринадцатым Таном Хоббитшира и

первым из рода Туков становится Исумбрас I. Старобэки поселяются в Бакленде.

2460. Конец Неспокойного Мира. Саурон с большими силами возвращается в Дол Гулдур.

2463. Созван Белый Совет. Примерно тогда же Деагол из племени сторов находит Единое Кольцо и гибнет от рук Смеагола.

ок. 2470. Смеагол-Голлум скрывается в Мглистых горах.

2475. Новое нападение на Гондор. Окончательно разрушен Осгилиат и разбит каменный мост через Андуин.

ок. 2480. Орки строят тайные крепости в Мглистых горах, отрезая пути в Эриадор. Саурон начинает заселять Морию тварями, которые ему служат.

2509. На перевале у горы Карадрас по пути в Лориэн Келебриана попадает в орчью засаду и получает рану отравленным оружием.

2510. Келебриана отплывает за Море. Орки и востокане нападают на Каленардон. Победа Эорла Юного в Ковыльном Доле. Рохирримы поселяются в Каленардоне.

2545. Гибель Эорла в Нагорной пустоши.

2569. Брего сын Эорла кончает постройку Золотого Двора.

2570. Бальдор сын Брего переступает порог Тропы Умерших и не возвращается. На дальнем севере снова появляются драконы и досаждают гномам.

2589. Дракон Скат убивает Даина I.

2590. Трор возвращается в Эребор. Его брат Грор поселяется в Железном кряже.

ок. 2670. В Южной чверти Хоббитшира Тобольд Дудлинг закладывает первую плантацию трубочного зелья.

2683. Исенгрим II становится десятым Таном из рода Туков и начинает строить Большие Смайелы.

2698. Эктелион I восстанавливает Белую Башню в Минас Тирите.

2740. Орки возобновляют налеты на Эриадор.

2747. Бандобрас Тук разбивает банду орков в Северной чверти.

2758. Рохан, на который одновременно наступают враги с востока и запада, оказывается в руках неприятеля. Гондор сражается с пиратами. Хельм Железнорукий скрывается в горной теснине. Вульф занимает Эдорас.

2758–2759. Бедственная Долгая Зима. Редеет население Эриадора и Рохана. Гэндальв спешит на помощь жителям Хоббитшира.

2759. Смерть Хельма. Фреалаф изгоняет Вульфа. Начинается новая династия королей Рубежного Края. Саруман поселяется в Исенгарде.

2770. Дракон Смог нападает на Эребор. Гибель города Дейла. Трор спасается бегством вместе с Трайном II и Торином II.

2790. Орк-гигант убивает Трора в Мории. Гномы готовятся к отмщению, собирают войско. Рождение Геронтиуса, которого позднее называли Старый Тук.

2793. Начало войны гномов с орками.

2799. Битва в Нандурионе у восточных Ворот Мории. Даин Железный Сапог возвращается в Железный кряж, Трайн II и его сын Торин уходят на запад.

2802. Трайн и Торин поселяются в южной части хребта Эред Луин за Хоббитширом.

2800–2864. Северные орки нападают на Рохан. Убит Вальд (2861).

2841. Трайн II решает идти в Эребор, но его выслеживают слуги Саурона.

2845. Трайн II в плену в крепости Дол Гулдур. У него отбирают последнее из Семи Гномьих Колец.

2850. Гэндальв снова пробирается в Дол Гулдур, где убеждается, что там правит Саурон, который

хочет завладеть всеми Кольцами и собирает сведения о Едином Кольце и о наследнике Исилдура. Встреча Гэндальва с Трайном. Умирая, Трайн отдает Гэндальву ключ от тайного входа в гору Эребор.

2851. Созван Белый Совет. Гэндальв пытается склонить Мудрых к походу на Дол Гулдур, но они слушают Сарумана. [Позднее стало известно, что уже тогда Саруман возмечтал о Кольце Всевластья для себя и решил, что оно само объявится, будет искать хозяина.] Убедив Совет временно не трогать Саурона, Саруман сам начинает поиски Кольца в долине Ирисов и рядом с ней.

2852. Смерть короля Гондора Белектора II. Засыхает Белое Древо. В Гондоре не находится его новых ростков, и мертвый ствол оставляют на месте.

2885. Харадцы, подстрекаемые посланцами Саурона, переправляются через Порос и нападают на Гондор. Защищая Гондор, погибают сыновья короля Рохана Фолквина.

2890. Рождение Бильбо Торбинса в Хоббитшире.

2901. Большинство жителей Итилиэна бегут от нападений урук из Мордора. Оставшиеся строят убежище у водопада Эннет Аннун и спасаются

там.

2907. Рождение Гилраэны, матери Арагорна II.

2911. Злая Зима. Лед сковывает Берендуин. Белые волки с севера нападают на Эриадор.

2912. На равнинах Энедвей и в Мингириате большое наводнение. Разрушен Тарбад.

2920. Смерть Старого Тука.

2929. Араторн сын Арадора вождь дунаданов берет в жены Гилраэну Красивую.

2930. Арадора убивают тролли. В Минас Тирите рождение Дэнетора II сына Эктелиона II.

2931. 1 марта рождение Арагорна сына Араторна II.

2933. Гибель Араторна II. Гилраэна привозит сына в Имладрис. Элронд заменяет ему отца и дает имя Эстел. Происхождение мальчика от всех скрыто.

2939. Саруман обнаруживает, что слуги Саурона что-то ищут в долине Ирисов и догадывается, что Саурону известна судьба Исилдура. Саруман обеспокоен, но с Белым Советом своими догадками не делится.

2941. Торин Дубощит и Гэндальв посещают Бильбо Торбинса в Хоббитшире. Бильбо уходит с Торином. В горах он встречает Голлума и находит «колечко». Еще раз созван Белый Совет.

Не зная о судьбе Кольца, но опасаясь Саурона, Саруман соглашается на нападение на Врага. Саурон покидает Дол Гулдур, у него свой план. Бард из Эсгарота убивает дракона Смога. Битва Пяти Воинств в долине Дейла. Гибель Торина II Дубощита. Даин с Железного кряжа становится королем Подгорным под именем Даина II.

2942. Возвращение в Хоббитшир Бильбо с Кольцом. Тайное возвращение Саурона в Мордор.

2944. Бард отстраивает Дейл и становится его королем. Голлум покидает пещеры Мглистых гор и отправляется искать «вора» и Кольцо.

2948. Рождение Феодена сына Тенгла, короля Рохана.

2949. Гэндальв и Балин навещают Бильбо в Хоббитшире.

2950. Рождение Финдуилас, дочери Адрахила, князя Дол Амрота.

2951. Саурон открыто собирает войска в Мордоре и восстанавливает разрушенный Барад Дур. Он посылает трех назгулов снова занять Дол Гулдур. Элронд открывает Эстелу его настоящее имя и положение наследника, отдает ему обломки Нарсила. Арвен, вернувшись из Лориэна, встречает Арагорна в лесах Имладриса. Арагорн уходит в Дикие Земли.

2953. Последний раз собирается Белый Совет. Мудрые ведут разговор о Кольцах. Саруман утверждает, что Андуин давно унес Кольцо в Море. Саруман объявляет Исенгард своей собственностью и превращает его в мощную боевую крепость. Завидуя Гэндальву и боясь его, Саруман посылает шпионов следить за ним и замечает интерес Гэндальва к Хоббитширу. Пособники Сарумана появляются в Бри и в Южной чверти.

2954. Роковая Гора снова изрыгает огонь. Последние жители Итилиэна уходят за Андуин.

2956. Арагорн встречает Гэндальва. Начало их дружбы.

2957–2980. Многие походы Арагорна. Под именем Торонгила Арагорн служит Тенглу в Рохане и Эктелиону II в Гондоре.

2968. Рождение Фродо Торбинса.

2976. Женитьба Дэнетора на Финдуилас из Дол Амрота.

2977. Бейн сын Барда становится королем Дейла.

2978. Рождение Боромира сына Дэнетора II.

2980. Арагорн снова встречает Арвен в Лориэне и дарит ей Кольцо Барахира. На холме Керин Амрот Арагорн и Арвен клянутся в верности. Голлум на границе Мордора клянется в верности Шелобе.

Феоден становится королем Рохана.

2983. В Гондоре рождение Фарамира сына Дэнетора. В Хоббитшире рождение Сэма Гэмджи.

2984. Смерть Эктелиона II. Дэнетор II становится наместником.

2988. Безвременно умирает Финдуилас.

2989. Балин уходит из Эребора в Морию.

2991. В Рохане рождение Эомера сына Эомунда.

2994. Гибель Балина. Разгром гномов в Мории.

2995. Рождение Эовины сестры Эомера.

ок. 3000. Тень Мордора разрастается. Саруман смотрит в палантир Ортханка и подпадает под влияние Саурона, владеющего палантиром из Итилиэна. Саруман изменяет Белому Совету, его шпионы доносят, что Хоббитшир бдительно охраняют стражи-скитальцы.

3001. Прощальный Праздник у Бильбо. Гэндальв разгадывает тайну «колечка». По его просьбе дунаданы удваивают бдительность на границах Хоббитшира. Гэндальв ищет Голлума, призвав на помощь Арагорна.

3002. Бильбо уходит к Элронду и остается в Райвенделе.

3004. Гэндальв навещает Фродо и становится частым гостем в Торбе-в-Холме в последующие четыре года.

3007. Бранд сын Бейна становится королем Дейла. Умирает Гилраэна.

3008. Осенью Гэндальв последний раз гостит у Фродо.

3009. Гэндальв и Арагорн за восемь лет прослеживают путь Голлума в долинах Андуина, в Темнолесье и в Диких Землях до границ Мордора. Голлум пробирается в Мордор и попадает в руки Саурона. Элронд вызывает Арвен в Имладрис: Мглистые горы и восточные земли становятся опасными.

3017. Голлум выпущен из Мордора. Арагорн пленяет его в Мертвых Топях и оставляет под стражей у Трандуила в Темнолесье. Гэндальв в Минас Тирите читает свиток, написанный Исилдуром.

Годы великих событий

Год 3018:

Апрель:

12. Гэндальв прибывает в Хоббиттаун.

Июнь:

20. Саурон нападает на Осгилиат. Орки нападают на Трандуила. Голлум бежит от эльфов.

29. Гэндальв встречает Радагаста.

Июль:

4. Боромир уходит из Минас Тирита искать

Имладрис.

10. Гэндальв попадает в западню в Ортханке.

Август:

Бесследно исчезает Голлум. Возможно, что, спасаясь и от эльфов, и от слуг Саурона, он скрылся в Мории, нашел подземный путь к западным Воротам, но не смог сразу выйти.

Сентябрь:

18. Спасение Гэндальва из Ортханка. Черные всадники переходят брод на Исене.

19. Гэндальв в одежде нищего приходит в Эдорас, его не впускают.

20. Гэндальв попадает в Эдорас. Феоден приказывает магу покинуть его дом: «Бери любого коня, но завтра же уходи!»

21. Гэндальв выбирает Серосвета, но конь убегает в степь, маг идет за ним.

22. Вечером Черные всадники появляются у Каменного брода, стражи-скитальцы отступают. Гэндальв находит Серосвета в поле.

23. Четыре Черных всадника на рассвете пересекают границу Хоббитшира. Остальные преследуют скитальцев, отступающих на восток, затем возвращаются стеречь Зеленый тракт. Один Всадник к ночи появляется в Хоббиттауне. Фродо уходит из Торбы-в-Холме. Гэндальв укро-

щает Серосвета и выезжает на нем из Рохана.

24. Гэндальв переезжает брод через Исену.

26. Хоббиты блуждают по Старому лесу. Фродо попадает к Бомбадилу.

27. Гэндальв переправляется через реку Серую. Вторая ночь Фродо у Бомбадила.

28. Хоббиты в плену у умерлий. Гэндальв добирается до Каменного Брода.

29. Вечером Фродо добирается до Бри. Гэндальв навещает Деда Гэмджи.

30. Ночное нападение на Кричью Балку и трактир в Бригорье. Фродо утром уходит из Бри. Гэндальв вечером заезжает в Кричью Балку, затем в Бригорье.

Октябрь:

1. Гэндальв уезжает из Бри.

3. Нападение на Гэндальва на горе Ветров.

6. Ночное нападение на отряд хоббитов у горы Ветров. Фродо ранен.

9. Глорфиндэл выходит из Райвендела.

11. Глорфиндэл отпугивает Черных всадников от моста через Митейтель.

13. Фродо переезжает мост через Митейтель.

18. Встреча Фродо и Глорфиндэла в сумерках. Гэндальв прибывает в Райвендел.

20. Спасение от назгулов на броде через Гре-

мучую.

24. Фродо просыпается выздоровевшим. Ночью в Райвендел прибывает Боромир.

25. Совет у Элронда.

Декабрь:

25. Отряд Кольца в сумерки выходит из Райвендела.

Год 3019:

Январь:

8. Отряд Кольца прибывает в Холлин.

11, 12. Метель на Карадрасе.

13. Перед рассветом нападение волков. Вечером Отряд подходит к Воротам Мории. Голлум идет по следу Несущего Кольцо.

14. Ночь в Двадцать Первом зале.

15. Поединок на мосту в Казад Думе. Гэндальв падает в бездну. Поздно ночью Отряд выходит к Нимродэли.

17. Вечером Отряд Кольца входит в Карс Галадон.

23. Гэндальв в погоне за балрогом взбирается на вершину Зирак Зигила.

25. Гэндальв сбрасывает балрога с горы, душа мага отлетает, а тело остается лежать на вершине.

Февраль:

14. Фродо смотрит в Зеркало Галадриэли. Гэндальв, возвращаясь к жизни, мысленно пребывает в ином мире.

16. Прощание с Лориэном. Голлум с западного берега следит за отплытием Отряда Кольца.

17. Орел Гвайр приносит Гэндальва в Лориэн.

23. Ночное нападение на лодки Отряда у переката Сарн Гебир.

25. Отряд Кольца проплывает Врата Королей и останавливается на привал на луговине Парт Гален. Первая битва рохирримов у бродов через Исену. Гибель Феодреда сына Феодена.

26. Отряд Кольца распадается. Гибель Боромира. Голос его рога слышен в Минас Тирите. Мерриадок и Перегрин попадают в плен к оркам. Фродо и Сэм выходят на восточный край нагорья Эмин Муйл. Вечером Арагорн бросается в погоню за орками. Эомер получает весть о вторжении банды врагов в степи Рохана.

27. На рассвете Арагорн оказывается на западном краю нагорья Эмин Муйл. В полночь Эомер, нарушив запрет Феодена, скачет из Восточной лощины в погоню за орками.

28. Эомер окружает орков перед Фангорнским лесом.

29. Мерриадок и Перегрин убегают из плена и

встречают Древесника. На восходе рохирримы атакуют орков и побеждают. Фродо спускается с Нагорья и встречает Голлума. Фарамир видит на Великой реке ладью с останками Боромира.

30. Начало Схода энтов. Эомер возвращается в Эдорас и по пути встречает Арагорна.

Март:

1. Фродо пробирается через Мертвые Топи. Сход энтов продолжается. Арагорн встречает Гэндальва Белого, и они вместе едут в Эдорас. Фарамир выходит из Минас Тирита в поход в Итилиэн.

2. Фродо проходит Болота. В Эдорасе Гэндальв исцеляет Феодена. Рохирримы отправляются на запад в поход на Сарумана. Вторая битва у бродов через Исену. Поражение Эркенбранда. После полудня конец Схода энтов. Ночной марш энтов и хьорнов в Исенгард.

3. Феоден отступает в Теснину Хельма. Начало битвы за Рогатую Башню. Энты громят Исенгард.

4. Феоден и Гэндальв выступают из Хельмской Теснины и едут к Исенгарду. Фродо добирается до груд мусора и пепла перед Воротами Мораннона.

5. В полдень Феоден прибывает в Исенгард. Переговоры с Саруманом у Башни Ортханк. Крылатый назгул пролетает над Отрядом у отрога Дол Барн. Гэндальв с Перегрином скачут в Ми-

нас Тирит. Фродо прячется в яме, чтобы его не увидели стражи Моранноона, а в сумерки идет дальше, в обход.

6. Перед рассветом дунаданы догоняют Арагорна в степи. Феоден из Рогатой Башни отправляется в Каменный Дол. Арагорн выезжает туда же после него.

7. Воины Фарамира обнаруживают Фродо и препровождают в убежище Эннет Аннун. Вечером Арагорн прибывает в Дунгарское Укрытие.

8. На рассвете Арагорн вступает на Тропу Умерших, в полночь он уже на горе Эрк. Фродо уходит из Эннет Аннуна.

9. Гэндальв прибывает в Минас Тирит. Фарамир уходит из Эннет Аннуна. Арагорн добирается до Калембела. Вечером Фродо оказывается на Моргульском тракте. Феоден прибывает в Дунгарское Укрытие. Из Мордора исходит Тьма и начинает окутывать мир.

10. День без света. Смотр войск Рубежного Края. Рохирримы выступают в поход из Каменного Дола. Гэндальв спасает Фарамира на полях за воротами Минас Тирита. Арагорн переправляется через реку Ринглу. Армия Саурона из Моранноона врывается в Анориэн, по пути взяв остров Кайр Андрос. Фродо проходит Перепутье и наблюдает

выход вражеского войска из Моргульской крепости.

11. Голлум тайком ходит к Шелобе, но, видя спящего Фродо, почти жалеет о своей измене. Дэнетор отсылает Фарамира в Осгилиат. На восточные провинции Рохана враги нападают с севера. Первое нападение на Лориэн. Арагорн проезжает Лингир и пересекает Лебенин.

12. Голлум заманивает Фродо в логово Шелобы. Фарамир отступает к укреплениям на Дамбе. Феоден разбивает лагерь под горой Мин Риммон. Арагорн гонит врагов к Пеларгиру. Энты разбивают орков, вторгшихся в Рохан.

13. Фродо в плену у орков в башне на перевале Кирит Унгол. Враги занимают поля Пеленнора, Фарамир ранен. Арагорн прибывает в Пеларгир и захватывает флот. Феоден стоит лагерем в Друаданском лесу.

14. Сэм находит Фродо в орчьей башне. Осада Минас Тирита. Дикие люди Ган-Бури-Гана показывают рохирримам путь, и они добираются до Серого леса.

15. Перед рассветом король Чернокнижник разрушает городские ворота Минас Тирита. Дэнетор всходит на костер. С первыми петухами гондорцы слышат боевые рога рохирримов. Битва на полях

Пеленнора. Убит Феоден. Арагорн поднимает знамя, вышитое Арвен. Фродо и Сэм убегают из орчьей башни и направляются вдоль Моргайи на север. Битва под Деревьями в Темнолесье. Трандуил отбивает врагов, напавших на него из Дол Гулдура. Второе нападение на Лориэн.

16. Совет полководцев в Гондоре. Фродо с гребня Моргайи видит внизу вражеский лагерь, вдали — Роковую гору.

17. Битва в долине Дейла. Гибнут король Бранд и король Даин Железный Сапог. Гномы вместе с людьми укрываются в осажденном Эреборе, в Подгорном королевстве. Шаграт приносит в Барад Дур плащ, кольчугу и меч Фродо.

18. Войско Западных вождей выступает из Минас Тирита. Фродо идет к Железной Пасти и по дороге попадает в отряд орков, которых гонят из крепости Дуртханг к воротам в Удун.

19. Западное войско вступает в долину Моргул. Фродо и Сэм спасаются от орков и идут по дороге в сторону Барад Дура.

22. Страшный вечер. Фродо и Сэм сворачивают с дороги на юг к Роковой горе. Третье нападение на Лориэн.

23. Западное войско уходит из Итилиэна. Арагорн отпускает малодушных. Фродо и Сэм

сбрасывают доспехи и освобождаются от всего лишнего.

24. Фродо и Сэм у подножья Роковой горы. Гондорская армия останавливается перед Воротами Моранноном.

25. Западных вождей окружают на пустоши перед Моранноном. Фродо и Сэм достигают Шаммат Наур. Голлум вырывает у Фродо Кольцо и падает в Роковую Расселину. Падение Барад Дура и конец Саурона.

* * *

Черная Башня пала, Саурон исчез. Тень рассеялась. Все противники Черного Властелина вздохнули свободно, но страх и отчаяние объяли его союзников и слуг.

На Лориэн враги из Дол Гулдура нападали трижды. Эльфы мужественно защищались, и доброе колдовство их страны было настолько сильно, что побороть его никто не мог, разве что сам Саурон принял бы участие в сражении. Однако сильно пострадали прекрасные леса на пограничье. Когда Тень рассеялась, Келеборн вывел из Лориэна эльфийское войско, переправился на многих ладьях через Андуин и взял Дол Гулдур. Галадриэль заклятием разрушила стены крепо-

сти и открыла все подвалы. Южное Темнолесье очистилось.

На севере тоже шла война и действовали злые силы. Враги напали на королевство Трандуила. Под деревьями Северного Темнолесья произошла крупная битва, лес во многих местах оказался уничтожен огнем и железом, но в конце концов Трандуил одержал победу. В день Нового года (по эльфийскому календарю) Келеборн и Трандуил встретились в Темнолесье и дали ему новое название: Эрин Ласгален, что означает Зеленолистая Пуща. Трандуил занял северную часть до самых гор, Келеборн взял южный лес до самого узкого места, назвав его Восточным Лориэном, а середину между ними отдали в вечное владение племени Беорна и Лесным людям.

Потом Галадриэль отплыла за Море, и через несколько лет после ее ухода Келеборн почувствовал, что тоже начинает уставать от жизни. Он пришел в Имладрис и поселился у сыновей Элронда. Лесные эльфы спокойно жили в Зеленолистой Пуще, а в Лориэне жизнь угасала, там стало темно и тихо, некому было светить и петь в Карс Галадоне.

* * *

Когда мощные вражеские армии осаждали Минас Тирит, другое войско, состоявшее из союзников Саурона, давно зарившихся на королевство Бранда, перешло через реку Карнен и заставило пограничные отряды отступить в долину Дейла. На помощь Бранду вышли гномы из Эребора, и у подножья Одинокой горы три дня продолжалась жестокая битва. Оба короля — Бранд и Даин Железный Сапог — погибли в бою. Захватчики-востокане торжествовали. Они разрушили Дейл, но не смогли взять Ворота Подгорного королевства, а гномы и люди, укрывшиеся в нем, выдержали осаду.

Когда разошлись вести о большой победе над Сауроном на юге, северные войска Черного Властелина охватила паника. Осажденные предприняли вылазку за Ворота и разбили врагов. Враги разбежались и больше никогда не нападали на Дейл. Королем Дейла стал Бард II сын Бранда, а в Подгорном королевстве начал править Торин III Каменный Шлем, сын Даина. Оба они отправили посольства на коронацию Короля Элессара. Их государства просуществовали многие века. Они всегда поддерживали дружбу с Гондором,

считали себя его вассалами и пользовались его покровительством.

События конца Третьей эпохи

Год 1419 (календарь Хоббитшира) — 3019 (календарь Гондора):

Март:

27. Бард II и Торин III Каменный Шлем изгоняют врагов из Дейла.

28. Келеборн переходит через Андуин, начинается разгром Дол Гулдура.

Апрель:

6. Встреча Келеборна с Трандуилом.

8. Отнесших Кольцо чествуют на Кормалленском поле.

Май:

1. Коронация Короля Элессара. Элронд и Арвен выезжают из Райвендела.

8. Эомер и Эовина едут в Рохан с сыновьями Элронда.

20. Элронд и Арвен прибывают в Лотлориэн.

27. Арвен со свитой выезжает из Лориэна.

Июнь:

14. Сыновья Элронда встречаются со свитой Арвен и вместе с ней едут в Эдорас.

16. Арвен выезжает из Эдораса в Гондор.

25. Король Элессар находит росток Белого Древа.

1-й лит. Арвен прибывает в столицу.

Середина Лета.

Свадьба Арагорна и Арвен.

Июль:

18. Эомер возвращается в Минас Тирит.

19. Из Гондора выезжает погребальный поезд короля Феодена.

Август.

7. Короля Феодена привозят в Эдорас.

10. Погребение Феодена.

14. Гости покидают Золотой Двор короля Эомера.

18. Путешественники прибывают в Теснину Хельма.

22. Прибытие в Исенгард, прощание с энтами и расставание с королем Элессаром на закате.

28. Встреча с Саруманом. Саруман сворачивает на дорогу в Хоббитшир.

Сентябрь:

6. Привал в горах близ Мории.

13. Расставание с Келеборном и Галадриэлью. Остальные направляются в Райвендел.

21. Прибытие в Райвендел.

22. Сто двадцать девятый день рождения Бильбо. Саруман появляется в Хоббитшире.

Октябрь:

5. Гэндальв и хоббиты уходят из Райвендела.

6. Переправа через Бруинен. У Фродо болит рана.

28. Вечером прибытие в Бригорье.

30. Отъезд из Бригорья. Поздно вечером путешественники прибывают к Брендидуинскому Мосту.

Ноябрь:

1. Ширрифы арестовывают прибывших в Жабсе.

2. Путешественники поднимают в Приречье восстание хоббитов.

3. Приреченская битва и конец Сарумана. Окончательная победа в Войне за Кольцо.

Год Великого Изобилия — 1420 (3020 по календарю Гондора)

Март:

13. Болезнь Фродо в годовщину укуса Шелобы.

Апрель:

6. На Семейном лугу зацветает мэллорн.

Май:

1. Свадьба Сэма и Рози.

Середина лета: Фродо возвращает должность

бургомистра Вилли Белоногу.

Сентябрь:

22. Сто тридцатый день рождения Бильбо.

Октябрь:

6. Фродо снова болен.

Год 1421 (по календарю Гондора 3021, последний год Третьей эпохи)

Март:

13. Очередная болезнь Фродо.

25. Рождение Красавицы Эланор дочки Сэма. С волосами редкостного золотистого цвета, она была похожа на дочь эльфа. И две следующие дочки Сэма, и многие хоббитята, родившиеся в те годы, тоже были золотоволосыми.

Именно в этот день в Гондоре отметили начало Четвертой эпохи.

Сентябрь:

21. Фродо с Сэмом выезжают из Хоббиттауна.

22. У Шатровых Полян Несшие Кольцо встречаются и в последний путь отправляются вместе.

29. Прибытие в Серую Гавань. Фродо и Бильбо отплывают за Море с носителями Трех Эльфийских Колец. Настоящий конец Третьей эпохи.

Октябрь:

6. Возвращение Сэммиуса в Торбу-в-Холме.

Дальнейшие события, касающиеся только входивших в Отряд Кольца (годы — по календарю Хоббитшира)

1422. Третья эпоха кончилась, но летоисчисление в Хоббитшире продолжается по-старому.

1427. Вилли Белоног сдает должность. Хоббиты выбирают Бургомистром Сэммиуса Гэмджи. Перегрин Тук женится на Алмазке из Большого Клина. Король Элессар издает закон, по которому огроминам запрещается въезд в Хоббитшир, свободную страну под защитой Северного королевства.

1430. У Перегрина рождается сын Фарамир.

1431. У Сэма рождается дочь Златовласка.

1432. Мерриадок Великолепный становится хозяином Бакленда, получает поздравления и щедрые дары от короля Эомера Роханского и от Эовины из Итилиэна.

1434. Перегрин Тук становится Таном. Король Элессар провозглашает его своим советником и назначает еще нескольких коронных советников Северного королевства. Господин Сэммиус Гэмджи снова избран Бургомистром.

1436. Король Элессар в путешествии по северным землям останавливается на отдых у Вечернего озера Эвендим. Друзья встречают его на Брендидуинском Мосту. Сэм при этом получает знак отличия — Дунаданскую Звезду, а его дочь Эланор остается в личной свите королевы Арвен.

1441. Сэм Гэмджи в третий раз избран Бургомистром.

1442. Сэм с женой и дочерью Эланор целый год гостит в Гондоре. На посту Бургомистра его заменяет молодой Толман Норкинс.

1448. После очередных выборов господин Сэммиус остается Бургомистром на четвертый срок.

1451. Красавица Эланор выходит замуж за Фастреда Золотородa из Дубков на Дальних холмах.

1452. Король расширяет границы Хоббитшира, включая в него Западное Приграничье от Дальних холмов до Столбового нагорья Эмин Бэред. Многие хоббиты туда переселяются.

1454. Рождение Эльфстана Золотородa, сына Фастреда и Эланор.

1455. Сэммиус в пятый раз избран Бургомистром. По его просьбе Тан назначает мужа Эланор Фастреда Попечителем Западного Приграничья, приравненного к чверти. Фастред и Эланор переезжают в Столбовое нагорье, в име-

ние Под Башнями, которое перешло многим поколениям их потомков.

1462. Сэммиус в шестой раз остается Бургомистром.

1463. Фарамир Тук женится на дочке Сэма Златовласке.

1469. Господин Гэмджи избран бургомистром в седьмой и последний раз.

1476. Сэм отказывается от должности бургомистра. Ему исполняется девяносто и шесть лет.

1482. В середине лета умирает госпожа Рози, жена Сэма. 22-го сентября Сэм покидает Торбу-в-Холме и последний раз гостит в Столбовом нагорье у дочери Эланор. Он оставляет ей «Красную Книгу», которая с тех пор хранится в роду Золотородов. В этом роду, вероятно, со слов Эланор, существует легенда, будто Сэм от них отправился за холмы в Серую Гавань, чтобы отплыть за Море как последний из Носивших Кольцо.

1484. Весной в Бакленд прибыл гонец из Рохана с приглашением от короля Эомера, который хотел видеть своего почетного оруженосца. Мерриадок был уже стар (сто и два года), но еще силен и здоров, как всегда. Он посоветовался со своим другом Перегрином, оба составили официальные завещания, передав сыновьям должности

и имущество, и отбыли в направлении Каменного брода. Больше их в Хоббитшире не видели. Ходили слухи, что Мерриадок до осени гостил в Эдорасе. Осенью умер король Эомер, и Мерри с Пипином поехали в Гондор, где провели остаток жизни. Когда они оба умерли, их похоронили на Рат Динен рядом с достойнейшими мужами Гондора.

1541. Первого марта этого года (120 год IV эпохи по календарю Гондора) Король Элессар покинул Среднеземье. Говорят, что ложа вечного успокоения Мерриадока и Перегрина поставили рядом с ложем великого короля. Когда все это случилось, эльф Леголас построил в Итилиэне серебряный корабль и поплыл по Андуину к Морю. Говорят, что с ним отправился гном Гимли. Когда корабль исчез за горизонтом, в истории Среднеземья закончилась последняя страница книги о подвигах Отряда Кольца.

Приложение В
Хоббитские родословные

В приведенных здесь родословных записана только часть имен, выбранных из великого множества. Отмечены те, кто присутствовал на Прощальном Празднике у старого Бильбо, их непосредственные предки и прямые потомки. Имена гостей памятного праздника подчеркнуты.

Включены имена тех, кто был связан с событиями, описанными в книге. Приведены кое-какие сведения о происхождении Сэма, основателя рода Садовников, который расцвел и прославился.

Даты рядом с именами означают даты рождения и (если есть вторая дата) смерти. Все даты приводятся по календарю Хоббитшира, в котором первым считается год перехода братьев Марчо и Бланко через Брендидуин (1601 год Третьей эпохи по гондорскому летоисчислению).

Туки из Больших Смайлов

Исенгрим II 1020-1122 (10-й тан из рода Туков)

Исумбрас III 1066-1159

Ферумбрас II 1101-1201

Бандобрас (Бычеглас) 1104-1206

Фортинбрас I 1145-1248

Многочисленное потомство, в том числе Северные Туки и Туки из Большого Клина

Геронтиус (Старый Тук) 1190-1320
+ Адаманта Жуйл

Исенгрим III 1232-1330 (бездетный)

Хильдигард (умер молодым)

Исумбрас IV 1238-1339

Хильдирим 1240-1341
+ Роза Торбинс

Исембольд 1242-1346

Хильдифонс 1244 (не вернулся из путешествия)

Исембард 1247-1346

Хильдибрант 1249-1334

Белладонна 1252-1334
+ Бонго Торбинс

Доналмира 1256-1348
+ Уго Боффин

Мирабелла 1260-1360
+ Горбадок Брендибак

Исенгар 1262-1360 (по слухам, в молодости плавал по морям)

Фортинбрас II 1248-1380

Адалгрим 1280-1382

многочисленное потомство...

Фламбард 1287-1389

Спизмонд 1290-1391

Бильбо Торбинс

шестеро детей

Примула

Ферумбрас III 1316-1415 (холостяк)

три дочери

Паладин II 1333-1434
+ Эглантина Навальник

Эсмеральда 1336
+ Сарадок Брендибак

Аделард 1328-1423

Розамунда 1338
+ Одокар Болджер

Фердинанд 1340

Фродо Торбинс

Перлина 1375

Отцветета 1379

Душица 1385

Перегрин I 1390
+ Алмазка из Большого Клина 1395

Мериадок Брендибак 1382

Редженар 1369

три дочери

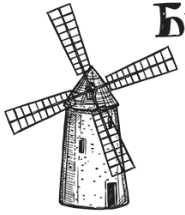
Эверард 1380

Эстелла 1385

Фердибранд 1383

Фарамир 1430
+ Златовласка, дочь Сэма Гэмджи

Фредегар Болджер 1380 ("Мякуш")



Брендибаки из Бакленда

Горхендад Старобэк из Тонкого Дола
(ок. 740 года начал строить Брендихолл близ Брендидупна и сменил фамилию на Брендибак)

Громадок ("Глубокорыл") 1134-1236
+Мальва Строптивинс

Маддок ("Упрямец") 1175-1277
+Хайна Злотикинс

Мармадок ("Хозяин") 1217-1310
+Адальрида Болджер

Садок 1179
два сына

Сильвия 1226
+Гундабальд Болджер
(Болджеры)

Мэурок
(многочисленное потомство…)

Горбадок ("Неохватный") 1260-1363
+Мирабелла Тук

две дочери

Ортул 1268

Ромимак ("Золотопан", старый Роми) 1302-1408
+Менегильда Фунт

Амаранта 1304-1398

Сарадас 1308-1407

Додинас

Асфоделя 1313-1412
+Руф Закопанс

Динодас

Примула 1320-1380
+Дуго Торбинс

Горбул 1308

Сарадок ("Расстопитель") 1340-1432
+Эсмеральда Тук

Мериадок ("Великолепный") 1382
+Эстелла Болджер
1385

Мериак 1342-1430

Берилак 1380

Сердик 1348
+Хильда Тугобрюх

Додрик 1389

Ильберик 1391

Селадина 1394

{Мил Закопанс 1347
+Георгина Торбинс}
(Закопансы…)

{Фродо Торбинс}

Мармадас 1343

Мериас 1381

Мента 1383

Мелилота 1385

Торбинсы из Хоббиттауна

Бальбо Торбинс 1167
+Бернилла Боффин

Монго 1207-1300
+Лоуа Рылс

Марипитика 1212
+Фаспольф Болджер

Почто 1216-1311
+Мимоза Перепуры

Ларго 1220-1312
+Танта Дудлинг

Лилия 1222-1312
+Тоо Пышнинг

Бонго
1222-1312
+Белладонна
Тук

Бильбо
1290
(из Торбы-
-в-Холме)

Бельба
1256-1356
+Руднгар
Болджер

Лонго
1260-1350
+Камелия
Сумкин-
Торбинс

Отто
Сумкин-
Торбинс
1310-1412
+Лобелия
Тугобрюх

Лотто
Сумкин-
Торбинс
1364-1419

Линда
1262-1363
+Бод
Мохнонят

Одо
Мохнонят
1304-1405

Ол
Мохнонят
1346-1435

Санго
Мохнонят
1390

Бинго
1264-1360
+Цинта
Жуйл

Филько
Жуйл-
Торбинс
1303-1399

Маковка
1344
Филибер
Болджер

Роза
1256
+Хильдигрим
Тук

Адальгрим
Тук

четыре
догери

Мерриадок
Брендибак

Паладин
Тук

Перегрин
Тук

Поло

Поско
1302
+Джилли
Буркинс

Понто
1346

Анжелика
1381

Приска
1306
+Вилибальд
Болджер

Георгина
1350
+Мил
Законанс

Порто
1348

Моско
1387

Морро
1391

Мирта
1393

Минто
1396

{ З а к о н а н с ы }

Фоско 1264-1360
+ Рубн Болджер

Дора
1302-1406
.....

Дудго
1308-1380
+Примула
Брендибак

Фродо
1368

Додо
1311-1409

Ромашка
1350
+Гриффо
Боффин

{Великое
множество
Пышнингов}

РОДОСЛОВНАЯ Сэма Гэмджи

И ПРОИСХОЖДЕНИЕ РОДА САДОВНИКОВ-С-ХОЛМА

Хэмфаст из Гэмвича 1160

Уайзман Гэмидж 1200
(переехал в узкополье)

Хоб Гэмидж 1246
(Старый Канапчик Гэмидж)

Рябинка 1249

Халфрид ("Зелёные Пальцы") Садовник 1251

Холман "Зелёные Пальцы" из Хоббитауна 1210

Эрлинг 1254

Хендинг 1259

Роза 1262

Норкс 1220

Норкман 1260

Карл 1263

Холман Норкинс 1302
("Длинный Хол" из Пригорья)

Хобсон Гэмджи
(Канапчик) 1285-1384

Холман 1292
("Зелёные Пальцы")

Эндиус Канапчик из Узкополья (Энди) 1323

Энсон 1361

Хэмфаст (Дед Гэмджи) садовничал в Хоббитауне с двоюродным братом Холманом 1326-1428
+Белла Деткинс

Мэй 1328

Халфрид из Зайорья 1332

Хэлфаст 1372
(брат Хэл)

Хэмсон 1365
(работал у дядюшки - канапчика)

Халфрид 1369 (переехал в Северную Твердь)

Ромашка 1372

Мэй 1376

Сэммиус (Сэм Садовник) 1380

Календула 1383

Толман (Том) 1380

Рози 1384

Вилком (Дуол) 1384

Лутник (Ник) 1386

Карл (Ник) 1389

Элинор Красавица 1421
+ Фастред Золотород из Дубков, попечитель Западного Приграничья

Фродо Садовник 1423

Хэлфаст Садовник 1462

Хардина с Холма 1501

Роза 1425

Мерри 1427

Пиппин 1429

Златовласка 1431
+ Фарамир (сын Тана Перегрина)

[Туки...]

Хэмфаст 1432

Ромашка 1433

Первоцветка 1435

Бильбо 1436

Руби 1438

Робин 1440

Толман (Том) 1442

Приложение Г
Календари Хоббитшира, Гондора и Бри

Часто в старых легендах и преданиях упоминаются детали, малопонятные нам, но хорошо известные и само собой разумевшиеся в дни, когда предания создавались и записывались: например, названия букв и знаков алфавита, дней недели, продолжительность месяцев и т. п. Увлекаясь генеалогией, а после Войны за Кольцо также и историей, хоббиты из Хоббитшира бережно относились к датам, даже рисовали сложные таблицы для сравнения своего календаря с другими. Я не очень хорошо в это вник и могу наделать ошибок, но в Красной Книге настолько тщательно записана хронология «главных лет» — 1418 и 1419, — что в датах, входящих в эти годы, сомневаться не приходится.

Календарь Хоббитшира от нашего отличался только в деталях.

Месяцев в хоббитском календаре было, как и у нас, двенадцать. Между шестым и седьмым месяцами был день Середины лета, который назывался *лит*. Каждый год начинался в первый

день недели, в субботу, и кончался в последний день недели, в пятницу. Дни середины лета, а в високосные годы еще один дополнительный день, *перелит*, вставлялись между днями обычной недели и сами днями недели не были. Были просто 1-й лит и 2-й лит. А в конце года и в начале года были *юлы* — тоже по одному дню, 1-й юл и 2-й юл. Получался один табель-календарь на любой год.

Лит был приметным днем, а когда к нему добавлялся перелит, то получался особый праздник. В годы Великой Войны за Кольцо такого дня не было. Он был в 1420 году, который прославился небывалым урожаем и удивительным летом, и празднество по поводу наступления этого дня было грандиознейшим в памяти живущих.

Год был такой же продолжительности, как и у нас (365 дней 5 часов 48 минут 46 секунд), ведь во времени эти события происходили не так уж и давно, если сравнивать с периодами жизни Земли. В хоббитских записях можно прочитать, что когда они «жили, переходя с места на место», у них были месяцы, более или менее связанные с фазами луны, а недель не было. Поэтому в самых древних хоббитских летописях нет точного определения времени событий. Когда хоббиты начали

вести оседлый образ жизни в западных землях Эриадора, они стали записывать события, подражая дунаданам, и приняли летоисчисление, которое шло от эльдар, но ввели в него некоторые мелкие изменения. С этими изменениями ХОББИТШИРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ (так его назвали) был принят в Бри, только год отсчета у хоббитов в Хоббитшире остался свой — счет годам они вели от заселения Хоббитшира, вернее, от перехода первых хоббитов через Берендуин.

* * *

По-видимому, эльдар в древнем Среднеземье, у которых, как заметил Сэм, было много времени («больше, чем у нас»), считали его более длинными единицами. Слово *йен*, которое часто переводится как «год», на самом деле означало 144 наших года, дюжина дюжин. Эльдар любили считать шестерками и дюжинами. День они определяли по солнцу: день назывался *ре* и длился от заката до заката. Йен состоял из 52 596-ти дней. Неделя из шести дней — *энквие* — была нужна скорее для ритуальных, чем для каждодневно-практических целей. В одном йене эльдар насчитывали 8766 недель.

В Среднеземье у эльдар отмечались также

короткие, подобные нашему солнечному году периоды. Такой солнечный год назывался *коранар* или *солнцеворот*, наблюдался астрономически; а в северо-западных землях, где смены времен года приносили резкие сезонные изменения растительного покрова, что было весьма важно для эльфов, существовало еще название *лоа*. Лоа, в свою очередь, разбивался на периоды, которые мы сочли бы длинными месяцами или короткими сезонами. В разных районах они были различной продолжительности, но до хоббитов дошли сведения только о календаре Имладриса. В КАЛЕНДАРЕ ИМЛАДРИСА было шесть таких сезонов солнечного года. На квенья они назывались: *туилэ* — весна, *лайрэ* — лето, *йавиэ* — осень, *квелле* — предзима, увядание, *хривэ* — зима, *койрэ* — предвесна, пробуждение. На языке синдарин эти названия звучали как *этуиль, лаэр, йавас, фирит, рив, экуир*. Сезон увядания назывался еще «опадание листьев» — *лассе-ланта* (на квенья) и «закат солнца» — *нарбелет* (на синдарин).

КАЛЕНДАРЬ ХОББИТШИРА

	1. ЗАЮЛ — ЯНВАРЬ					2. СОЛМАТ — ФЕВРАЛЬ					3. РЕТ — МАРТ				
Сб.	2-й юл	7	14	21	28		5	12	19	26		3	10	17	24
Вс.	1	8	15	22	29		6	13	20	27		4	11	18	25
Пн.	2	9	16	23	30		7	14	21	28		5	12	19	26
Вт.	3	10	17	34		1	8	15	22	29		6	13	20	27
Ср.	4	11	18	25		2	9	16	23	30		7	14	21	28
Чт.	5	21	19	26		3	10	17	24		1	8	15	22	29
Пт.	6	13	20	27		4	11	18	25		2	9	16	23	30

	4. АСТРОН — АПРЕЛЬ					5. ТРИМИДЖ — МАЙ					6. ДОЛИТ — ИЮНЬ				
Сб.	1	8	15	22	29		6	13	20	27		4	11	18	25
Вс.	2	9	16	23	30		7	14	21	28		5	12	19	26
Пн.	3	10	17	24		1	8	15	22	29		6	13	20	27
Вт.	4	11	18	25		2	9	16	23	30		7	14	21	28
Ср.	5	12	19	26		3	10	17	24		1	8	15	22	29
Чт.	6	13	20	27		4	11	18	25		2	9	16	23	30
Пт.	7	14	21	28		5	12	19	26		3	10	17	24	1-й лит

+ Перелит — день Середины лета (между первым и вторым литами)

	7. ЗАЛИТ — ИЮЛЬ					8. ВЕДМАТ — АВГУСТ					9. ХАЛИМАТ — СЕНТЯБРЬ				
Сб.	2-й лит	7	14	21	28		5	12	19	26		3	10	17	24
Вс.	1	8	15	22	29		6	13	20	27		4	11	18	25
Пн.	2	9	16	23	30		7	14	21	28		5	12	19	26
Вт.	3	10	17	24		1	8	15	22	29		6	13	20	27
Ср.	4	11	18	25		2	9	16	23	30		7	14	21	28
Чт.	5	12	19	26		3	10	17	24	31	1	8	15	22	29
Пт.	6	13	20	27		4	11	18	25		2	9	16	23	30

	10. ЗИМОГРЯЗ — ОКТЯБРЬ					11. БЛОТМАТ — НОЯБРЬ					12. ДОЮЛ — ДЕКАБРЬ				
Сб.	1	8	15	22	29		6	13	20	27		4	11	18	25
Вс.	2	9	16	23	30		7	14	21	28		5	12	19	26
Пн.	3	10	17	24		1	8	15	22	29		6	13	20	27
Вт.	4	11	18	25		2	9	16	23	30		7	14	21	28
Ср.	5	12	19	26		3	10	17	24		1	8	15	22	29
Чт.	6	13	20	27		4	11	18	25		2	9	16	23	24
Пт.	7	14	21	28		5	12	19	26		3	10	17	24	1-й юл

Сезоны лайрэ и хривэ (лето и зима) насчитывали по 72 дня, а во всех остальных было по 54 дня. Лоа начинался с дня под названием *йестаре*, который вставлялся непосредственно перед сезоном *туилэ*, а кончался лоа днем *меттаре*, сразу после сезона койрэ.

Между сезонами йавиэ и квелле (осень и увядание) вставлялись три промежуточных дня *эндери*. Получался год из 365 дней, и раз в двенадцать лет эндери удваивались, т. е. добавлялось еще по три дня.

Как при этом выравнивались неточности, неизвестно. Если в то время солнечный год был таким же, как сейчас, то получалось, что в нем должно было оказаться несколько удлиненных дней. То, что такая неточность в счете времени действительно была, видно из календарей, приведенных в «Красной Книге».

В КАЛЕНДАРЕ РАЙВЕНДЕЛА было три эндери, но раз в три йена они не удваивались, т. е. не добавлялось еще трех дней. Однако, там же встречаем запись: «Это было не в наши дни». И даже так не устранялись все неточности.

НУМЕНОРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ был несколько другим. Нуменорцы делили лоа на более короткие периоды более равномерной длительности, и

начинали год в середине зимы, как было принято у их предков, живших в Первой эпохе на северо-западных землях. Неделя у них насчитывала 7 дней, и день считался от восхода до восхода солнца (солнце вставало из Моря на востоке).

Нуменорский календарь был принят в Арноре и Гондоре, и пока там правили короли, назывался КОРОЛЕВСКИМ КАЛЕНДАРЕМ. Обычный год в нем насчитывал 365 дней и делился на двенадцать месяцев — *астар*, десять из которых были по 30 дней, а два — по 31 дню. Летом были длинные астар, один перед днем Середины лета, а другой — после него, примерно как наши июнь и июль. Первый день года назывался *йестаре* — начало, средний, 183-й назывался *лоэнде*, а последний — меттаре. Эти три дня не включались ни в один месяц, были теми самыми добавочными. Раз в четыре года два средних дня эндери заменяли один лоэнде. Этого не делалось только в конце столетия — *хоранье*.

Нуменорское летоисчисление велось с первого года Второй эпохи. От того, что в каждом столетии не хватало одного дня, создавалась неточность, которую погашали в последнем году тысячелетия, после чего оставались еще недостающие 4 часа 46 минут 40 секунд на тысячу лет. В

Нуменоре делали соответствующие добавления в конце годов 1000, 2000, 3000. Нуменор пал в 3319 году Второй эпохи, изгнанники продолжали летоисчисление, но когда началась Третья эпоха (а ее считают с 3442 года Второй эпохи, ставшего первым годом Третьей), произошел сдвиг. Високосным стал не третий год Третьей эпохи (3444-й год Второй), а четвертый. В календаре, таким образом, оказался лишний короткий (невисокосный) год из 365 дней, и теперь недоставало уже 5 часов 48 минут 46 секунд. Добавления, которые делались раз в тысячелетие, были сделаны через 441 год; в год 1000 Третьей эпохи (5441 год Второй) и в год 2000 (если бы продолжалась Вторая эпоха, был бы год 6441).

Чтобы погасить накапливающуюся неточность, Мардил наместник Гондора ввел с 2060 года Третьей эпохи ИСПРАВЛЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ. Перед первым днем нового года после 2059-го (или 5500 Второй эпохи) добавились два особых дня. Это произошло через пять с половиной тысячелетий от начала нуменорского летоисчисления, и все же в счете не хватало около восьми часов. Впоследствии, в году 2360 Хадор вставил еще один день. Небольшая неточность осталась, но после этого нуменорский календарь

больше не менялся (в Третьей эпохе к 3000 году появилась угроза неизбежной войны, и стало не до календарей). Прошло еще 600 лет. Третья эпоха кончалась. Неточность оставалась, но она составляла меньше одного дня.

Исправленный календарь Мардила стали называть КАЛЕНДАРЕМ НАМЕСТНИКОВ, и постепенно он распространился у всех народов, говоривших на вестроне, кроме хоббитов. Во всех месяцах было по 30 дней, между месяцами было вставлено еще два дня: один между девятым и десятым (сентябрь — октябрь), один между третьим и четвертым (март — апрель). Все дни между месяцами были праздниками, и всего их было пять: *йестаре*, *туилере*, *лоэнде*, *йавиэре*, *меттаре*.

Хоббиты не были любителями новшеств и продолжали пользоваться КАЛЕНДАРЕМ КОРОЛЕЙ, приспособив его к своим обычаям. Месяцы у них были все одинаковые, по 30 дней; кроме того, между июнем и июлем было три свободных дня, не входящих в месяц, которые назывались, как уже говорилось, *литами* или днями Середины лета. Последний день года назывался *юл*, так же назывался первый день года. Юлы в месяцы тоже не входили, и получалось, что 1-е января на самом деле было вторым днем года. Раз в четыре года в

середине лета было четыре лита, за исключением последнего года в столетии. В Хоббитшире первый год летоисчисления соответствовал 1601 году Третьей эпохи, а в Бригорье — 1300 году той же эпохи и был первым годом в столетии. Все литы, равно как и все юлы, были главными праздниками в году, когда устраивались большие пиры. Лит, добавлявшийся в самой середине лета (а именно 184-й день високосного года), назывался *перелит* и был особым праздником. А переход из года в год, т. е. так называемый *перегод* или *большой юл*, праздновался шесть дней, в него включались три последних декабрьских дня уходящего года и три первых январских дня года наступающего.

Кое-какие изменения в Королевский календарь хоббиты все же внесли, и бригоряне их тоже приняли. Сами они назвали это Хоббитширской реформой. Сдвиг дней недели по отношению к числам, когда вставлялся дополнительный день, казался им неаккуратностью и неудобством. Поэтому при Исенгриме II они решили, что нечего включать дополнительный день в неделю, раз он все равно не входит в месяц. Речь шла об истинном дне Середины лета, перелите; он имел свое название, днем недели не был, и поэтому независимо от того, вставлялся он или нет, год

у хоббитов после реформы всегда начинался в первый день недели и кончался в последний. В любом году одни и те же числа приходились на одни и те же дни недели, так что их даже не надо было специально указывать в дневниках и письмах. Это было очень удобно для домашнего употребления, но не очень, когда приходилось ездить дальше Бригорья.

Если взглянуть на календарь Хоббитшира, то можно заметить что есть один день недели, в который ни один месяц не начинается. На этот день, пятницу, ни разу не выпадает первое число. Поэтому в Хоббитшире существует обычай шутить над этим днем. О нем говорят, что это день, которого может не быть, или в который может произойти что-нибудь невозможное, например, поросята начнут летать или деревья зашагают. Шутливое присловье звучит полностью так: *«В пятницу, первого летогряза...»*

* * *

В наших записях применены современные названия месяцев и дней недели, хотя у эльдар, дунаданов и хоббитов, разумеется, были свои. Перевод названий, имевшихся на вестроне, нужен, чтобы избежать путаницы, но некоторые

хоббитские названия похожи на наши, и деление на времена года почти совпадает.

Мы говорим «почти», потому что средний день года — лит — астрономически приходится почти точно на день летнего солнцестояния, так что числа хоббитширского календаря сдвигаются на декаду по сравнению с нашими. У нас середина лета — 22 июня, а новый год мы отмечаем, когда у хоббитов было бы уже 9 января.

Название месяцев перешли в вестрон с языка квенья с легкими изменениями, подобно тому, как в наши языки пришли многие латинские названия. Звучали они следующим образом: *нарвинье, нэнимэ, сулимэ, вирэссе, лотэссе, нарлие, кермие, уримэ, йаванние, нарквелие, хисимэ, рингаре*.

Синдарийские названия (употреблявшиеся только дунаданами) были: *нарваин, нинуи, гваэрон, гвирит, лотрон, норул, кервет, уруи, иваннет, нарбелет, хитуи, гиритрон*.

Хоббиты, как в Хоббитшире, так и в Бри, не выводили свои названия месяцев из вестронских, а сохранили собственные старинные слова, к которым привыкли и которые происходили из языков людей, живших в древности в долинах по берегам Андуина; похожие названия встречают-

ся в языке рохирримов и жителей долины Дейла (см. следующий раздел приложений). Значения этих слов языка людей хоббиты давно забыли, если когда-то и знали, а формы давно стерлись и лишь напоминают прежние: на пример, «*-мат*» в конце некоторых названий происходит от старинного «*манахт*», что означало «месяц».

В календаре, который приводится в начале этого раздела, даются хоббитские названия месяцев. Можно добавить, что название февраля — солмат — часто произносилось «сомат» и могло писаться без «л»; тримидж (старинная форма — тримич) превращалось в «тримиш», а блотмат звучал «бодмат» или «боммат».

В Бри некоторые названия отличались. Перечень месяцев у бригорян звучал так: *фрери, солмат, рет, читинг, фримидж, лит, летник, дни меде, ведмат, урожайник, зимовер, ботин, юлмат*.

В Восточной чверти Хоббитшира тоже называли январь — фрери, апрель — читинг, а декабрь — юлмат. В Бригорье посмеивались над хоббитами, у которых был месяц зимогряз, отпускали шуточки о «зимней грязи» в Хоббитшире, где часто шли дожди. А бригорское название октября — зимовер — по предположению хоббитов из Хоб-

битшира было сокращенным вариантом слова, обозначавшего конец года, завершение сезонных работ перед зимой, и происходило из тех времен, когда календарь королей еще не был принят и новый год начинался после сбора урожая.

* * *

Названия дней хоббиты взяли у дунаданов, они были переводами старых названий, взятых у эльдар и употреблявшихся в Северном королевстве. В шестидневной неделе эльдар были дни, названные в честь звезд, солнца, луны, Двух Деревьев, неба, валар. Валар, представители высшего духовного начала и светлых сил, были в этом перечне самыми достойными, и поэтому последний день был главным днем недели.

На квенья названия дней недели звучали так: *эленья, анарья, исилья, альдуя, менелья, валинья* или *тарион*.

На языке синдарин: *оргилион, оранор, оритиль, оргаладад, орменел, орбелаин* или *родин*.

Нуменорцы сохранили смысл названий дней недели и их порядок, но заменили название четвертого дня на *альдеа* или *оргалад*, в честь только одного Белого Древа, нимлот, которое росло в королевском дворе. Кроме того, добавился

седьмой день, а так как нуменорцы были великими мореходами, они назвали его «морским»: *эаренья* или *ораварон*, — и вставили после пятого, «небесного» дня.

Хобиты переняли у нуменорцев такую семидневную неделю, но быстро забыли значения названий дней, а произношение их в каждодневном употреблении стерлось и сильно изменилось. Первый перевод нуменорских названий был сделан, вероятно, за две тысячи лет до конца Третьей эпохи, когда люди, жившие на северных землях, переняли у дунаданов календарь. Хоббиты, в свою очередь, переняли его у людей и продолжают использовать, хотя во всех других странах, где был в ходу вестрон, сохраняются название из языка квенья, а у хоббитов давно в ходу свои.

В Хоббитшире сохранилось очень мало старинных документов. В конце Третьей эпохи самым известным из них был «Ежегодник Тукборо», переплетенный в желтую кожу и именуемый поэтому Желтой Книгой. В «Желтой Книге» записывались все рождения, браки и смерти в семьях Туков и их родственников, а также другие важные события в Хоббитшире, например, продажа земли.

Первые записи в ней были сделаны лет за де-

вятьсот до рождения Фродо; многие записи из «Желтой Книги» послужили основой для составления родословных и хронологий в «Красной Книге».

В старых записях названия дней недели имеют старинное написание. Вот самые старые из них: звездодень, солнцедень, лунодень, древодень, небодень, моредень, высокдень. Во времена Войны за Кольцо они уже превратились в: *звездень*, *солдень*, *лунень*, *древень*, *небень*, *морень* и *высень*.

Вместо этих названий я употребляю наши современные. Неделя начинается с воскресенья и понедельника, порядок дней — тот же, что и у нас. Только смысл дней у хоббитов от нашего отличался, и названия у них ассоциировались с другими понятиями. Главным днем была пятница, которую они называли высень, в этот день после полудня собирались на праздник, а вечером — на пир. Суббота напоминала наш понедельник, а четверг — нашу субботу (по этой причине в английском тексте песенки Бильбо в летописи Первой пришлось заменить четверг и пятницу на субботу и воскресенье).

Можно привести еще несколько названий, связанных со счетом времени, хотя и не из календарей. Это времена года. Весну обычно называли

туилэ, лето — лайрэ, осень (и урожай) — йавиэ, зиму — хривэ. Но понятия эти были условными и неточными, конец осени и начало зимы обозначали словом квелле или лассе-ланта.

Эльдар большое значение придавали сумеркам, особенно времени, когда зажигались или затухали звезды. Слов, обозначающих разные оттенки сумерек, было много, чаще всего употреблялись слова: *тиндомэ* — предрассветные сумерки, и *ундомэ* — сумерки вечерние. На синдарин этим словам соответствовали: *нэнуйял* и *адуйял*. В Хоббитшире были слова: *утрок* и *вечерник* или *эвендим*. Таким образом, название озера Эвендим было прямым переводом синдарийского слова *нэнуйял*.

Записи с датами по календарю Хоббитшира играют важную роль в восстановлении событий в Войне за Кольцо. Все даты, названия дней, месяцев и лет в «Красной Книге» приводятся по хоббитширскому летоисчислению, либо переводятся в него в сносках и примечаниях к тексту. В книге «Властелин Колец» они так и даются. Несколько моментов, где важно знать разницу между хоббитширским и нашим календарями, относятся ко времени решающих событий великой Войны, т. е. к концу гондорского 3018 года

— началу 3019 (в летоисчислении Хоббитшира — 1418–1419). Помнить надо следующее:

В октябре 1418 года было всего 30 дней; 1 января 1419 года было не первым днем года, а вторым; в феврале было 30 дней, так что 25 марта, день падения Барад Дура, соответствует нашему 27 марта, если считать, что по солнцу год у нас и у них совпадал. В календарях и хрониках королей и наместников этот день был записан как 25 марта.

В 3019 году Третьей эпохи в Воссоединенном королевстве начали НОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ. Это снова был календарь королей, в котором начало весны отмечалось, как в календаре эльдар, где с весны начинался лоа (хотя на самом деле йестаре в новом календаре был раньше, чем в календаре Имладриса, в котором его отмечали примерно с апреля по хоббитширскому летоисчислению).

Новый год начинался 25 марта по старому стилю: этот день был выбран в память о падении Саурона и подвигах Отнесших Кольцо. Месяцы сохранили старые имена, только год начинался с апреля (вирэссе), а каждый месяц — на пять дней раньше. Во всех месяцах было по 30 дней. Было три эндери, т. е. промежуточных дня, из которых второй назывался лоенде и стоял между

йаванние и нарквелие (сентябрем и октябрем); по старому стилю это было 23, 24 и 25 сентября. Но в честь Фродо 30-е йаванние сделали праздником: в этот день (по старому стилю 22 сентября) был его день рождения. Праздник был удвоен, получился високосный год, а добавочный праздничный день назвали *кормаре* — день Кольца.

Началом Четвертой эпохи стал считаться день, когда Элронд полуэльф покинул Среднеземье. Это произошло в сентябре 3021 года, но в целях соблюдения точности в календарных записях (чтобы не возникало путаницы) первым годом Четвертой эпохи в Воссоединенном королевстве был год, начавшийся 25 марта 3021 года по старому стилю.

При Короле Элессаре так было принято во всех подчиненных ему землях, за исключением Хоббитшира, где остался старый календарь и продолжалось традиционное хоббитширское летоисчисление: первый год Четвертой эпохи у хоббитов назывался 1422.

А если хоббиты говорили о новой эпохе, то у них она начиналась со 2-го юла (день перед 1 января) 1422 года, а вовсе не с предыдущего марта.

О том, праздновали ли вообще хоббиты 25 марта и отмечали ли они 22 сентября после 1421 года,

сведений не сохранилось, но в Западной чверти близ Хоббиттауна появился обычай устраивать праздники и танцы 5 апреля, если погода позволяла. На Холме танцы устраивались на Семейном лугу под мэллорном. Одни говорили, что это был день рождения Старого Сэма-Садовника, другие — что в этот день впервые зацвел золотыми цветами мэллорн в 1420 году (хоббиты стали звать мэллорн Золотым Деревом), а третьи — что это эльфийский Новый год. В Бакленде появился осенний праздник — 2 ноября там пировали, жгли костры, устраивали фейерверки и дули в Роханский Рог (в годовщины того дня, когда в 3019 году Третьей эпохи в Хоббитшире в него задули в первый раз).

Приложение Д
Алфавиты и письмо
1. Произношение имен и названий

Все, что в книге писалось на вестроне, переведено полностью, подобраны звуковые аналоги и эквиваленты нашей речи. Имена хоббитов и отдельные непереведенные слова должны произноситься по ее законам (например ДЖ в английском Bolger).

Я старался передать звучание древних слов как можно ближе к оригинальному (насколько по рукописям можно определить звучание), причем старался, чтобы в моей передаче слова эти не выглядели нелепо в написании современными знаками. Язык эльфов Высокого рода, квенья, на письме близок к латыни. Поэтому для передачи звука К часто использовано английское «С».

Для тех, кто интересуется деталями, привожу некоторые правила, которые следует соблюдать при чтении вслух английских букв и их сочетаний в эльфийских словах:

Согласные

С — всегда звук К, даже перед «i» и «e», напри-

мер CELEB — келеб, серебро; CIRDAN — Кирдан.

CH — жесткое КХ, а совсем не Ч. В гондорском произношении смягчается в Х, если не стоит в конце слова или перед Т. В отдельных именах собственных пишется «Н», например: ROHAN — Рохан, ROHIRNIM — рохиррим, IMRAHIL — Имрахил (Последнее имя нуменорское, в нем изначально было Н).

DH — звонкий, но мягкий межзубной звук, как в английском «that», но ближе к Д, например: GALADH — галад, дерево *(синд.)* и ANDA — анда, дерево *(кв.)*. Иногда этот звук является производным от слияния Н и Р: CARADHRAS — Карадрас, от КАРАН+РАС — Багровый рог.

F — обычный звук Ф, в конце слова становится похожим на В, как в английском «of»: HINDALF — Ниндальф, Ниндальв (аналогично — Гэндальв).

G — всегда звонкое твердое Г: GILDOR — Гилдор, OSGILIATH — Осгилиат.

H — само по себе звучит как Х, а в сочетании с Т (HT) напоминает мягкое немецкое в слове «ech»: TELUMECHTAR — Телумехтар, Телумехьтар.

I — в начале слова перед гласной на языке синдарин дает согласный звук Й: IORETH — Йорета.

K — применяется в именах не-эльфийского происхождения, а в сочетании КН произносится

жестко: ADUNAKHOR — Адунакор *(нум.)*, KHAZAD — Казад (гн.), GRISHNAKH — Грышнак *(ор.)*

L — несколько смягченный звук, после «e», «i» и перед согласным становится более небным. Если нужен твердый звук, обычно пишется «LH» (в древнем квенья — HL).

NG — слегка носовое, скользящее H в сочетании с твердым, но не полностью произнесенным Г, как в английском «finger». В Третьей эпохе писали просто «N» (звук Г в произношении постепенно исчезал: NOLDO — нольдо, от NGOLDO).

PH — почти обычное Ф: ALPH — алф, лебедь, PHARAZ — фараз, золото, PHERIANNATH — ферианнат, мн. ч. от «периан».

Q — КВ, в языке квенья встречалось часто, в синдарийском отсутствовало.

R — во всех позициях раскатистое Р. Орки и некоторые гномы произносили гортанно, что эльдар не нравилось.

RH — глухое Р, производное от старинного «CR», на квенья писалось «HR».

S — глухой звук С. Звонкого З эта буква не обозначала ни в языке квенья, ни в синдарийском.

SH — в гномьей и орчьей речи напоминал смягченное Ш.

TH — глухой межзубной звук, как в английском

«cloth». На квенья читался как С: ITHIL — исиль *(кв.)*, итиль *(синд.)*, луна.

TY — мягкое ТЬ, на вестроне вместо него произносили Ч.

V — обычное В, в конце слова в написании заменялся на букву «F», в произношении оставаясь В.

W — звонкий губно-губной звук, как в английском «well».

HW — глухой звук с придыханием, как в североанглийском «white». В квенья встречался в начале слова. Примеров в нашей книге нет.

Y — в языке квенья согласный, похожий на твердое Й, на синдар — гласный из ряда И.

HY — звукосочетание, похожее на ХЬЮ, а перед гласным — мягкое ХЬ: HYARMEN — хьярмен, юг. На синдарийском то же слово произносилось тверже: HARAD — харад.

Согласные, повторенные в написании, в произношении тоже удваивались.

Концы слов произносились не так четко, как в английском, и постепенно стирались. Например: ROCHAND — ROCHANN — ROHAN — Рохан.

В синдарийском языке различные изменения претерпели сочетания типа НД, НГ, МБ, которые любили древние эльдар. МБ превратилось в обычное несколько продленное ММ. (Слово

РЕММИРАТ к этому правилу не относится, в нем два корня: РЕМ — рем, сеть, и МИР — мир, драгоценный камень.) НГ в конце слова стало носовым Н. НД чаще всего заменялось на НН, например ENDORE — Эндорэ *(кв.)* — ENNOR — Эннор *(синд.)*, Среднеземье. Но в концевом положении осталось, как было: THOND — тонд, тхонд, крыша, и перед R тоже: ANDROS — андрос, длинный пенный вал. Это же НД сохранилось в именах собственных: NARGOTHROND — Нарготронд, GONDOLIN — Гондолин, BELERIAND — Белерианд. Однако тенденция к сокращению его в Н привела к формам типа ANORIEN — Анориэн, ROHAN — Рохан, ITHILIEN — Итилиэн.

Гласные

Для передачи гласных используются привычные нам знаки; оттенки произношения, безусловно, есть, но их передать трудно.

В синдарийском были долгие и краткие гласные. Долгие считались полными, краткие — производные от них. Долгие произносились более напряженно и правильно. На квенья они были более закрытыми. Долготу звука можно показать значком ударения.

В вестроне было распространено произношение долгого Е как ЭИ, и долгого 0 как ОУ. Так

говорили на квенья те, кто привык к вестрону, но это считалось неправильным и некультурным. Жители Хоббитшира Мерри и Пипин, и даже Бильбо произнесли бы сочетание YENI UNOTIME — долгие годы без числа, — как ЙЕЙНИ УНОАТИМЫ вместо ЙЕНИ УНОТИМЭ. Фродо, говорят, был искусен в произношении иностранных звуков.

Только в синдарийском языке был звук У, производный от ОУ. под влиянием более старых ЕУ и ИУ. На письме он обозначается английской буквой «у» как в староанглийском: LYG — луг, змея, EMYN — эмун, горы (множ. от AMON — амон, гора). В Гондоре этот звук произносился как И: Эмин Муйл.

В написании долгие звуки отмечали ударением (в Феанорском письме). В синдарийском над особо долгими гласными ставили значок: DÛN — дун, запад. Влияние этого корня заметно в словах: ANNUN — аннун, закат, ANDURIL — Андрил (в оригинале «Андурил»). А в слове AMRUN — амрун, восход — виден корень РУН — восток.

Звук Э, передаваемый знаком E в конце слова не опускался и не глушился, читался обязательно.

Сочетания «ER, IR, UR» (в русской передаче ЭР, ИР, УР) не отличались расплывчатостью в про-

изношении, как в английском. Звук Р в них был четким и раскатистым, а гласный стремился к удлинению или дифтонгизации: ЭЙР, ИЭР, УУР.

В языке квенья сочетания, переданные английскими «UI, OI, AI, IU, EU, AU» произносились слитно, дифтонгами: УЙ, ОЙ, АЙ, ЙУ, и т. д., а все остальные пары гласных произносились так, что слышалось два звука: ЭА, ЭО, ОЭ…

В синдарийском языке дифтонгами были «AE, AI, EI, OE, UI и AU» (произносились как АЭ, АЙ, ЭЙ, ОЭ, УИ и АУ). Остальные сочетания дифтонгами не являлись. Сочетание «AU» в конце слова писалось вместо «AW» и произносилось АУ.

Большинство дифтонгов были нисходящими, т. е. ударение падало на первый элемент, только в Третью эпоху в квенья дифтонг «IU» стал восходящим и стал читаться как Ю.

Ударение

Положение ударения определяется формой слова, оно обычно не ставилось на письме. В двусложных словах эльфийских языков ударения чаще попадало на первый слог, в длинных словах — на второй слог от конца, если в слове был долгий звук, дифтонг или два и больше согласных после гласного. Если же во втором слоге от конца звук был краткий и за ним следовал один

согласный, ударение переносилось на третий слог от конца. Таких слов было много, особенно на языке квенья.

В нижеследующих примерах ударение показано заглавной буквой: ИсИлдур, Оромэ, ЭрЕссеа, ФЕанор, АнкАлима, периАн, ЭлентАри, ДЭнетор, ЭктЕлион. ПелАргир, СилИврен.

Слова типа ЭлентАри — Звездная королева — в квенья редки, ударение чаще падает на гласные И и У, например: АндУнэ, а буквы А, Е, О чаще встречаются не отдельно, а в сочетаниях. Согласные «DH, TH, CH» в языке синдар изображают один звук и на письме передаются одной буквой: Д, Т, К.

Примечание

В именах, взятых из других языков, за исключением гномьего, используются обычные буквы и звуки языка эльдар, своеобразные гномьи гортанные К и Т передаются при помощи добавления к ним звука Х: «КН», «ТН». Звук З у гномов был. В черной речи тоже были гортанные звуки: GHASH — гхаш, огонь и AGH — агх, тень.

Собственным «открытым» именам гномов в книге приданы северные формы, при их произношении учитываются все упомянутые выше особенности. То же касается имен рохирримов

(тех, которые не претерпели модернизацию). Для роханских имен характерны дифтонги ЭО и ЭА с полным произношением обоих звуков (в древнеанглийском было слово ЕОН — эо(х), лошадь). Звук И в гномьих именах — производный от древнего Ю. Имена типа SHADOWFAX — Серосвет (англ. «тень» и лат. «факел») и WORMTONGUE — Причмок (англ. «червь» и «язык») являются переделками типа кальки. Модернизированные формы вроде DUNHARROW — Дунгара — легко узнаются и произносятся на английский манер.

Письмо

Алфавиты и письмо в Третью эпоху имеют эльфийские источники и уже тогда были древними. К описываемому времени алфавит полностью развился и оформился, но также продолжали употребляться письмена, в которых графическое изображение имели только согласные звуки.

Существовало два полноправных и независимых алфавита: ТЕНГВАР (или ТИВ), который в нашей книге называется буквенным письмом, и КЕРТАР (или КИРТ), т. е. РУНЫ. Тенгвар был разработан для письма кистью или пером, могли быть более острые формы от манеры писать. Кирт применялся исключительно для надписей вырубаемых, высекаемых или процарапываемых

по твердому материалу.

Тенгвар был старше. Его разработали нольдор, задолго до изгнания. Нольдор были наиболее искусными из всех эльдар в подобных делах. Самый старый алфавит эльдар, РУМИЛЬСКИЙ ТЕНГВАР, в Среднеземье не применялся. Более поздний, ФЕАНОРСКИЙ ТЕНГВАР, в чем-то сходный с Румильским, был привезен в Среднеземье изгнанниками-нольдор. (Первый алфавит изобрел Румил, мудрец из Тириона, автор «Айнулиндалэ», второй — Феанор, создатель трех Сильмарилов.) От нольдор тенгвар стал известен эдаин и нуменорцам. В Третью эпоху он распространился по всем территориям, где говорили на вестроне. Кирт был изобретен в Белерианде. Им делались памятные надписи на дереве и камне, отсюда — прямая угловатая форма знаков, весьма похожая на руны нашего времени, хотя при всем подобии они отличались в деталях и в расположении. Более древняя и более простая форма кирта распространилась на восток во Вторую эпоху и стала известна многим племенам, людям, гномам и даже оркам, которые меняли форму знаков в силу своего искусства (гномы) или неумения (орки). Упрощенная форма его даже в Третью эпоху еще применялась людьми в Дейле и похожая — в

Рохане. Но в Белерианде уже в конце Первой эпохи кирт был развит далее и реорганизован под влиянием нольдорского тенгвара.

Самая богатая и самая упорядоченная форма кирта получила название Алфавита Даэрона (или Рун Даэрона), ибо говорят, что ее разработал певец и летописец короля Тингола в Дориате по имени Даэрон. Среди эльдар руны Даэрона форму скорописи не приобрели, ибо эльфы для скорописи применяли феанорские руны.

Западные эльфы почти совсем перестали применять руны. Но в Эрегионе алфавит Даэрона использовался. Он был принесен в Морию и очень понравился гномам. Гномы принесли его и в свои северные владения. В позднейшее время его стали называть МОРИЙСКИЙ АНГЕРТАС или длинные руны Мории. В обычных контактах гномы пользовались общеупотребительным вестроном в устной речи и писали, причем, довольно искусно, феанорскими буквами. Но для записей на своем, гномьем языке они применяли кирт и произвели от него удобные формы для записи на бумаге. Кирт, которым писали в Мории, отличался от письма гномов Эребора.

Феанорское письмо

В таблице, приведенной ниже, показаны обыч-

ные книжные формы всех букв, применявшихся в западных землях в Третью эпоху. Порядок в таблице был понятен и удобен для заучивания букв. Буквы имели названия.

Это письмо в своей первичной форме алфавитом не было. Алфавитом обычно считается произвольно сложившийся порядок букв, каждая из которых имеет свое независимое значение, причем заучивается этот порядок в традиционном ряду безотносительно к форме или значению буквы. Единственную параллель, которую поняли бы эльдар в нашем алфавите, можно провести между буквами Б и П, но только в звучании, ибо различное написание П, Б, Ф, М, В им показалось бы нелепым, у них это были лишь варианты произношения.

Тенгвар представлял собой систему согласных звуков, изображенных типовыми знаками, которые позволяли делать записи на языках, известных эльдар или ими созданных. Знаки-буквы строго определенного значения не имели. Между ними, однако, соблюдались определенные отношения.

I
II
III
IV
1
2
3
4
5
6
1
2
3
4
25
26
5
6
7
8
27
28
9
10
11
12
29
30
13
14
15
16
31
32
17
18
19
20
33
34
21
22
23
24
35
36

В ТЕНГВАРЕ было 24 главных знака, расположенных в четыре ряда (темар — ряд, серия, группа), в каждом из которых имелось шесть степеней (тьеллер — степень, порядок). Были еще дополнительные буквы, которые здесь приведены под номерами 25–36. Из них только знаки 27 и 29 являются совершенно самостоятельными, остальные так или иначе представляют собой производные от других. Кроме того, был ряд значков (техтар), для различных целей. Часть их можно увидеть в иллюстрациях. Некоторые дополнительные знаки обозначали гласные, на квенья они считались дополнениями к стоящему рядом согласному; отдельные знаки обозначали звукосочетания и применялись, чтобы писать один знак вместо двух. В таблице эти знаки не приведены.

Первичные (или главные) буквы состояли из стебля (телько) и дуги (лува). Формы от 1-й до 4-й степени считались нормальными, основными. Далее стебель мог быть поднят вверх, как в знаках под номерами 9–16; мог быть сокращен до половины, как в знаках 17–24. Дуга могла быть справа от стебля, как в первых двух рядах, или слева, как в рядах III–IV, могла быть замкнутой, как в рядах II и IV, или открытой, как в рядах I и

III. Как закрытая, так и открытая дуга могла быть удвоена, как в степенях 2, 4, 5.

Теоретически можно было применять эти знаки очень свободно. В Третью эпоху появился обычай использовать первый ряд для обозначения дентальных согласных типа Т (тинкотема), а второй ряд — для лабиализованных разновидностей П (парматема). Применение этих двух рядов было одинаковым для всех языков, а ряды III–IV использовались в разных языках по-разному.

В таких языках, как вестрон, где было много согласных типа Ч, Х, Ш, третий ряд применялся для них, а четвертый — для согласных типа К (кальматема).

В языке квенья, в котором были звуки ряда К (кальматема), а также небные типа ТЬ (тъельпетема) и лабиализованные (квессетема), использовались феанорские надстрочные знаки. Например, две точки над знаком означали смягчение или йотацию. Ряд IV применялся для обозначения звуков типа КВ (квессетема).

В пределах вышеописанных областей применения повсеместно соблюдались следующие правила.

«Нормальные» буквы 1-й степени применялись для обозначения «глухих закрытых», как напри-

мер: 1 — Т, 2 — П, 3 — К, 4 — К, КВ. Удвоение дуги во 2-й степени обозначало озвончение: 5 — Д, 6 — Б, 7 — ГХ, 8 — Г, ГВ. Удлинение стебля вверх в 3-й степени означало добавление шипящего или свистящего элемента к звукам 1-й степени: 9 — звук, как в англ. TH, 10 — Ф, 11 — Ш, 12 — Ч (или ТС, Ф, КХ, КХВ/ХВ соответственно), а удлинение стебля вверх в сочетании с удвоением дуги в 4-й степени означало придыхание: 13 — ДХ, 14 — В, 15 — Ж, 16 — ГХ (или 15 — ГХ, 16 — ГХВ/В).

В исходной феанорской системе была также степень со стеблем, удлиненным в обе стороны, как вверх, так и вниз. Такие знаки обычно означали звуки с придыханием (ТХ, ПХ, КХ), но могли изображать и другие варианты. В тех языках, которые описываются в нашей книге, эти варианты согласных в Третью эпоху не применялись, но были широко распространены различные вариации использования степеней 3 и 4.

Знаки 5-й степени (номера 17–20) обычно обозначали носовые согласные: 17 — Н, 18 — М. В соответствии с вышеописанной системой, 6-я степень должна была бы представлять глухие носовые. Но поскольку такие звуки (примерами могут служить валлийское НХ и староанглийское ХН) очень редко встречались в описываемых

языках, то 6-я степень (номера 21–24) чаще всего использовалась для слабых полугласных, не включенных в остальные ряды. Такие звуки передавались простейшими основными элементами букв. Номер 21 чаше всего обозначал слабое (не раскатистое) Р, номер 22 — губной звук В, а номер 23 — Й. Надпись над воротами Мории является примером синдарийского письма, в котором 6-я степень представляет собой простые носовые, а 5-я — двойные и долгие носовые, которых в синдарийском было много: 17 — НН, а 21 — Н.

Поскольку отдельные согласные в 4-й степени в произношении имели тенденцию к ослаблению и приближались к звукам 6-й степени, иногда сливаясь с ними, многие буквы в языках эльдар оставались «свободными» и начинали обозначать гласные.

Примечание

Стандартное написание слов на квенья основано на применении вышеописанных букв. 2-я степень обозначала НД, МБ, НГ, НГВ (все эти сочетания были частыми, ибо звуки Б, Г, ГВ попадались только в них). Для РД, ЛД применялись особые буквы, номера 26 и 28. Для написания сочетания ЛВ (с обычным В) часто брались знаки ЛБ: номер 27 плюс 6, ибо сочетания ЛМБ не суще-

ствовало. Аналогично, 4-я степень применялась для исключительно часто встречавшихся сочетаний НТ, МП, НК, НГУ, ибо в квенья отсутствовали сочетания ГЛИ, ГХЬО, а звук В передавался знаком 22.

Из добавочных знаков номер 27 обычно обозначал звук Л, номер 25 (по происхождению это модификация номера 21) — полное раскатистое Р. Номера 26, 28 были производными от них. Часто их писали, чтобы обозначить глухие Р (РХ) и Л (ЛХ). Но в квенья они обозначали РД и ЛД. Номер 29 обозначал С, а номер 31 (с двойным завитком) звук З в тех языках, где он был.

Обратные формы, номера 30 и 32, хотя и могли использоваться для отдельных звуков, чаще всего изображали варианты номеров 29 и 31, в зависимости от письменных традиций. Они применялись чаще всего в сопровождении «перекрывающих» значков (техтар).

Номер 33 по происхождению был вариантом ослабленного номера 11. В Третьей эпохе он чаще всего соответствовал звуку Х. Номер 34 обозначал глухое губно-губное В (ХВ) (англ. W) или не употреблялся вовсе. Номера 35 и 36 были изображениями звуков Й и В.

Для обозначения гласных над согласными ста-

вился так называемый *техтар*. В таких языках, как квенья, где большинство слов кончалось гласным, техтар ставили над предшествующим согласным, а в тех, где большинство слов кончалось согласным, например, в синдарийском, техтар ставили над последующим согласным. Если в нужном положении согласного не оказывалось, под техтар вставляли краткий носитель, который в обычной форме писался, как «i» без точки над ним. В различных языках было много разных форм техтара для обозначения гласных. Самые обычные обозначения: вместо А чаше всего ставили три точки; в скорописи они сливались в «домик». Одной точкой и «острым» ударением часто обозначали И и Е (Э). Для обозначения О и У ставился техтар в форме вертикальной или наклонной дужки.

В надписи на Кольце Всевластья открытая вправо дужка обозначает У, а на титульном листе английского издания она же обозначает О, а для У выбрана дужка, открытая влево. Предпочтение оказывалось дужке, открытой вправо, а применение дужек, конечно, зависело от языка, в черной речи они почти всегда обозначали У. ибо звук О был редок. На языке квенья, где звук А встречается очень часто, его могли не обозначать. Например,

вместо КАЛМА — лампа, — писали три согласных без техтара: КЛМ. Читали только как КАЛМА, ибо сочетания КЛ в квенья не существовало, звуком М не кончалось ни одно слово. Можно было бы прочесть КАЛАМА, но такого слова не было в языке, потому ошибка исключалась.

Долгие гласные обозначались техтаром над долгим носителем (напоминавшим «j» без точки). Можно было показать долготу и удвоением техтара, однако дужки очень редко удваивались; иногда удваивалось ударение. И две точки чаще всего обозначали последующий гласный И.

Надвратная надпись у входа в Морию является образцом полного письма, в котором были отдельные знаки-буквы, обозначавшие гласные. В синдарийском языке знак номер 30 обозначал И. Если над гласным ставился техтар, обозначавший последующий звук И, то вместе они давали дифтонг. Для звукосочетании АУ, АВ существовал значок, обозначающий последующий губной В (W), он был похож на скорописное «и» или тильду. Но дифтонги часто писались полностью, обычными буквами, а долгота гласных при этом показывалась «острым ударением», которое в этом случае называлось *андаит* — знак долготы.

Кроме вышеописанного техтара, был еще ряд

других, применявшихся при сокращении слов. Часто употреблявшиеся сочетания согласных могли не писаться полностью. Была черточка (тильда) над буквой, обозначавшая, что перед буквой надо произносить носовой звук, получались сочетания типа НТ, МП, НК. Та же тильда под буквой означала удлинение (удвоение) согласного звука. Добавленный к дужке обращенный вниз крючок обозначал последующее С, особенно в сочетаниях ТС, КС, ПС, которые были частыми в языке квенья. В английском ничего похожего нет.

Названия букв

Во всех видах письма во всех алфавитах каждый знак имел название, но названия эти в разных системах отличались, хотя знак мог быть одинаков. Для удобства за основу брались названия букв на языке квенья, так называемые полные имена знаков. Каждое из этих имен было смысловым. Там, где была возможность, имя буквы начиналось с того звука, который буква передавала. Если со звука, изображаемого буквой, ни одно слово не начиналось, он стоял вторым после начальной гласной. Имена букв в таблице располагались по степеням следующим образом:

1. тинко — металл, *парма* — книга, *калма* —

лампа, *квессе* — перо;

2. андо — ворота, *умбар* — судьба, *анга* — железо, *унгвэ* — паутина;

3. туле (*суле*) — дух, *формен* — север, харма — сокровище (или *аха* — ярость), *хвеста* — ветерок;

4. анто — рот, *ампа* — крюк, *анка* — челюсти, *унквэ* — пустота;

5. нумен — запад, *мальта* — золото, *нольдо* — эльф Высокого рода (старая форма *нгольдо*), *нвальмэ* (старинная форма *ивальмэ*) — страдание, мучение;

далее шли:

орэ — сердце, внутренний разум, *вала* — сила высшего духа, *анна* — дар, *вилья* — воздух, небо, *ромэн* — восток, *арда* — место, область, *ламбэ* — язык, *альда* — дерево, *сильмэ* — звездный свет, *сильмэ нукверна* (обратный знак), *арэ* — солнечный свет, *аре нукверна* (обратный знак), или *эссе* — имя, *хьярмен* — юг, *хвеста синдаринва, йанта* — мост, *ур* — жара.

Изменения в произношении произошли позже, чем были даны названия знакам. Буквенный знак 11 назывался *харма*, когда везде обозначал сочетание КХ, а когда он стал обозначать звук Х, появилось название *аха*. Ранее звук Х, легкий, как придыхание, обозначался простым удлинением

стержня буквы вверх или палочкой без изгиба, называлось это *холла* — высокий, этот знак мог ставиться перед согласным, чтобы показать, что согласный произносится глухо и с придыханием (ХР, ХЛ). Позднее для независимого звука Х стал применяться знак 33, а если за ним шел гласный Й, то добавлялся техтар. Слово *аре* ранее произносилось *азэ*, но когда это З слилось со звуком, обозначавшимся знаком 21, то стало передавать часто встречавшееся в квенья сочетание СС, и знаку дали еще одно название: *эссе*. Название *хвеста синдаринва* (или ХВ серых эльфов) появилось, потому что на квенья под номером 12 был звук ХВ, а отдельных знаков для обозначения сочетаний КХВ и ХВ не требовалось. Шире всего были распространены и известны названия знаков 17 — *нумен*, запад; 33 — *хьярмен*, юг; 25 — *ромэн*, восток; 9 — *формен*, север (это на квенья). На синдарийском соответствующие названия звучали: *дун, аннун* — запад, *харад* — юг; *рун, амрун* — восток; *фород* — север.

Этими знаками обозначали направления стран света, причем, называли их в том же порядке, начиная с запада. *Хьярмен* и *формен* означало еще «левый» и «правый». Сейчас люди обычно перечисляют страны света в противоположном

порядке: С-В-Ю-З.

Кирт

КИРТ ДАЭРОНА вначале был изобретен для обозначения звуков только синдарийского языка. Самые старые знаки кирта были те, что обозначены в таблице номерами 1, 2, 5, 6; 8, 9, 12; 18, 19, 22; 29, 31; 35, 36; 39, 42, 46, 50; и переменные буквы с 13 по 15. Это не был систематизированный алфавит. Знаки 39, 42, 46 и 50 обозначали гласные звуки и позднее ими остались. Знаки 13, 15 обозначали Х или С в зависимости от того, какой звук обозначал знак 35 (С или Х). Такие колебания в произношении звуков 13, 15, 35 сохранялись долго. Если знак имел ответвления, то обычно ветви, идущие в одну сторону, рисовались вправо. Если их рисовали слева, что тоже бывало, то это никак не отражалось на произношении (знаки 1–31).

Усовершенствованный и дополненный кирт назван был АНГЕРТАС ДАЭРОНА, ибо дополнения и изменения в старый кирт внес Даэрон. Однако, вполне вероятно, что основное дополнение, а именно введение двух новых рядов, знаки 13–17 и 23–28, — было изобретением нольдор из Эрегиона, ибо они обозначали звуки, не существовавшие в синдарийском языке.

В усовершенствованном ангертасе (явно под

влиянием феанорского письма) наблюдаются следующие тенденции:

1. добавление черточки к ветви означало «голос», получался звонкий согласный;

2. перевернутый знак означал переход в придыхание;

3. ветви с двух сторон ствола обозначали звонкий носовой звук.

Это соблюдалось в произношении во всех случаях, кроме одного. В старинном синдарийском нужны были знаки для передачи М с придыханием и носового В, поэтому для такого М применялся обратный знак номер 6, а для ХВ — номер 5.

Знак номер 36 теоретически означал З; в синдарийском, как и на квенья, писали удвоенное СС; в феанорском начертании для этого служил знак номер 31.

Согласный Й в феанорском алфавите обозначался знаком 39, согласный С — знаками 34, 35 (безразлично, какой из них), звук НД обозначался знаком 38, хотя по форме этот знак к зубным звукам не подходил.

1		П	17		НХ-З	32	 ЛХ
2		Б		..		33	 НГ-НД,
3		Ф	18		К, КЬ		..
4		В	19		Г, ГЬ	34	С-Х
5		ХВ	20		КХ	35	С-'
6		М	21		ГХ	36	 З-НГ
7		МБ(МФ)	22		НГ-Н	37	 НГ*
	..			..		38	 НД-НЙ
8		Т, ТЬ	23		КВ		..
9		Д, ДЬ	24		ГВ	39	 И
10		ТХ	25		КХВ	40	 И*
11		ДХ	26		ГХВ, W	41	 ХЬИ
12		Н-Р	27		НГВ	42	У
	..		28		КВ	43	 ХЬЮ
13		Ч		..		44	 В, W
14		Й	29		Р-Й	45	Ю
15		Ш	30		РХ, Ж	46	Э
16		Ж	31		Л, ЛЬ	47	Е

48		А
49		А
50		О
51		О
52		Ё
	..	
53		Н*
54		Х-С
55		*
56		*
	..	
57		ПС*
58		Ц*
	..	
		ЗНАК ТВЕР-ДОСТИ
		СОЮЗ И, А ТАКЖЕ

В приведенной таблице ангертаса звучание некоторых букв написано дважды — через черточку. В этих случаях слева приводится звук древнего эльфийского ангертаса, а справа — звук морийского гномьего ангертаса. Значения в скобках соответствуют только звукам эльфийского языка, значения со звездочкой — только звукам языка гномьего.

Как можно заметить, гномы из Мории ввели в алфавит ряд изменений, не поддающихся систематизации. Кроме изменения звучания некоторых знаков, они также ввели ряд новых: это номера 37, 40, 41; 53, 55, 56. Сдвиг в произношении знаков произошел в основном по двум причинам: во-первых, добавление придыхания и приближение к Х звуков под номерами 34, 35, 54 (резкое или гортанное начало слов гномьего языка, например, KHUZDUL — кхуздул), либо приближение звука к С, а во-вторых, замена эльфийских знаков 14, 16 на гномьи 29, 30.

Следует отметить также использование знака 12 в значении Р, введение нового знака номер 53 в значении Н (его путали со знаком 22), обозначение звука З знаком номер 17 с сохранением значения С за знаком номер 54, применение знака 36 для Н носового, а также изобретение

нового знака для НГ — номер 37. Новые знаки под номерами 55 и 56 представляли собой половинки знака 46 и применялись для обозначения нечеткого безударного Э, который встречался как в гномьем языке, так и в вестроне. В скорописи мог писаться просто росчерком — ветка без ствола.

Морийским ангертасом сделана надпись на могиле Балина. Гномы из Эребора применяли еще более измененный ангертас, так называемый ЭРЕБОРСКИЙ, им написана часть «Книги Мазарбула». Самые характерные его детали были: применение знака 43 для звука З, знака 17 для звука КС, введение новых знаков 57 и 58 для обозначения сочетаний ПС и ТС. Были также введены заново знаки 14, 16 для обозначения звуков Й и Ж, а знаки 29, 30 применялись для обозначения звуков Г, ГХ, или служили вариантами знаков 19 и 21.

Эти особенности в таблице не показаны, там только приведены чисто эреборские знаки 57 и 58.

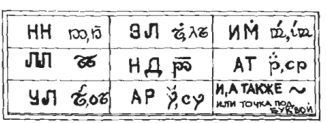
От переводчика

Обе системы знаков, рубленые руны и эльфийская вязь, как видите, применима для многих языков. Можно найти приблизительные эквиваленты русского (отдельный столбец отведен для

образцов написания звукосочетаний).

ТЕНГВАР

А	К	Ф
Б, МБ	Л	Х
В	М	Ц
Г, НГ	Н	Ч
Д	О	Ш
Е, Э	П	Щ
Ж	Р	Ю
З	С	Я
ИЫ	Т	КВ
Й	У	ГВ



НН	ЗЛ	ИЙ
ЛЛ	НД	АТ
УЛ	АР	И, А ТАКЖЕ ~ ИЛИ ТОЧКА ПОД БУКВОЙ

АНГЕРТАС

А	К	У
Б	Л	Ю
В	М	Ф
Г	Н	Х
Д	О	Ц
Е, Э	П	Ч
Ж	Р	Ш
З	С	Щ
И, Й	Т	Я

ГХ	НД	СОЮЗ И, ТАКЖЕ	
КХ	КВ	МЕЖДУ СЛОВАМИ	•
НГ	ГВ	ТОЧКА	:

Приложение Е
Языки и народы Третьей эпохи

Вся история, здесь переданная нашим современным языком, рассказывалась на *вестроне*, или *всеобщем языке* западного Среднеземья, на котором в ту эпоху говорили. Вестрон тогда стал родным языком почти всех существ, наделенных даром речи (кроме эльфов). Вестрон звучал в границах Арнора и Гондора, т. е. на побережье от южного порта Умбар до залива Форохел на севере и на землях вглубь материка до самых Мглистых гор и хребтов Эфел Дуат. Им пользовались народы, поселившиеся на берегах Андуина от устья до долины Ирисов, а по западному берегу — до самых истоков Великой реки.

Во время Войны за Кольцо огромные территории Эриадора были, правда, почти не заселены, и близ Андуина от долины Ирисов до водопада Раурос тоже почти никто не жил, но границы эти можно считать правильно названными.

Горстка диких людей, остатки прадавнего племени, еще пряталась в Друаданском лесу в Анориэне, а в горах и предгорьях Дунланда сохра-

нялись отдельные поселения, появившиеся там задолго до образования государства Гондор. Эти дикие и полудикие народы говорили на своих языках, и люди, пришедшие с севера на поля Рубежного Края и уже пять столетий жившие здесь и называвшиеся рохирримами, тоже еще употребляли свое наречие. Однако, все люди, имевшие отдельный язык, понимали вестрон и объяснялись на нем с иноземцами. Вестрон знали и употребляли эльфы, жившие вдоль Андуина и в Темнолесье.

На всеобщем языке можно было объясниться с дунландцами, хотя они его сильно искажали, так как сторонились чужеземцев и пользовались им очень редко.

Об эльфах

В незапамятные времена, или Давние дни, племя эльфов разделилось на две основные ветви: западные эльфы, или эльдар, и восточные эльфы. От восточной ветви происходят почти все эльфы, заселившие Темнолесье и Лориэн. Их язык не нашел отражения в этой повести, в которой почти все эльфийские названия, имена и выражения поданы на языке эльдар.

В нашей книге использованы отдельные слова из двух эльфийских языков: язык эльфов Высоко-

го рода *квенья*, и язык Серого племени, *синдарин*.

Квенья был прадавним языком эльдар, приплывших из Эльдамара, из-за Моря, языком Заокраинного Запада, языком первой письменности. Со временем он вышел из активного употребления в Средиземье и стал для эльфов тем же, чем для нас является латынь, т. е. языком церемониальным, на котором в конце Первой эпохи изъяснялись эльфы-изгнанники Высокого рода, когда надо было выразить важнейшие понятия науки и высокой поэзии.

Язык синдарин вначале был близок к языку квенья: это был язык тех эльфов, которые прибыли в нынешнее Средиземье не с Заокраинного Запада, а из приморского Белерианда. В стране их предков, Дориате, правил король Тингол Серый Плащ. За долгие годы закатной жизни на изменчивой земле смертных их язык претерпел большие изменения и стал сильно отличаться от языка эльдар, живших за Морем.

Для каждодневного применения эльфы-изгнанники, жившие среди превосходивших их числом эльфов Серого племени, взяли язык синдарин. Именно на нем говорят поэтому все эльфы и их вожди в нашей повести.

Эльфы, действующие в нашей книге, принадле-

жали к старинной эльдарской расе, хотя правили народами менее благородного происхождения. Самое высокое происхождение было у владычицы Галадриэли из Дома Финарфина из рода королей. Она была сестрой Финрода Фелагунда из Нарготронда.

А в Лориэне в то время говорили на языке синдарин с сильным местным акцентом, потому что большинство жителей долины Димрилла произошло от Лесных эльфов. Этот акцент, а также недостаточное знание языка синдарин часто вводили в заблуждение Фродо (как отмечает гондорский историк в комментариях к Книге Тана). Все цитаты, приведенные на языке эльфов в главах 6, 7, 8 летописи Первой на самом деле записаны на языке синдарин, так же как и большинство географических названий и собственных имен. Слова Лориэн, Карс Галадон, Амрот, Нимродэль, вероятно, происходят из языка Лесных эльфов и лишь претерпели некоторые изменения, попав в синдарин.

В сердцах эльфов-изгнанников не умирала тоска по Морю. В Серых эльфах она дремала, но если ее хоть раз пробуждали, то уже ничем нельзя было успокоить.

О людях

Вестрон был языком людей, но развивался и смягчился этот язык под влиянием эльфийских наречий. Вначале на вестроне говорили атани (или эдаин), «отцы людей» из трех древних родов Друзей эльфов. Они прибыли в Белерианд еще в Первую эпоху и помогли эльдар в Войне за Сильмарилы против северного Владыки Мрака.

После того, как Враг был повержен, значительная часть Белерианда оказалась в руинах, многие земли поглотило Море. В награду за заслуги Друзья эльфов получили особый дар — как и эльдар, они могли уплывать через Море на Запад. Но им было запрещено вступать на земли бессмертных. Они получили во владение большой остров на границе с Заокраинным Западом, последнюю землю смертных. Остров назывался Эленна или Нуменор (Закатный). Многие Друзья эльфов с тех пор жили в Нуменоре, так стало по имени острова называться могучее королевство, в котором было развито кораблестроение и мореплавание. Нуменорцы, отличавшиеся светлой кожей, гордой статью и красотой, жили втрое дольше обычных людей. Эльфы называли их дунаданами, в Среднеземье они были королями и властителями людских племен.

Только дунаданы из всех людей в совершен-

стве владели языком эльфов. Ибо их праотцы научились языку Серого племени и передавали его из поколения в поколение как часть тайных знаний, почти без изменений в течение многих веков. Ученые мужи из дунаданов знали также язык эльфов Высокого рода, квенья, и ценили его превыше всех наречий. Из этого языка они брали названия для прославившихся великими событиями мест, а также имена для королевских отпрысков и прозвания особо отличившихся. Из языка эльфов произошли почти все имена гондорских правителей, и люди часто брали имена в честь эльфов или своих предков.

Из языка квенья взяты следующие названия и имена: *Нуменор* (полное звучание НУМИЭНОРЕ), *Элендил, Исилдур, Анарион, Гондор, Элессар* (Камень Эльфов), почти все имена королей Гондора. Большинство имен дунаданов происходит из языка синдарин, например: *Арагорн, Дэнетор, Гилраэна.* Часто люди брали имена в честь эльфов или своих предков из старых песен и легенд Первой эпохи, например: *Берен, Хурин*. Встречаются смешанные формы, такие, как *Боромир*.

Родным языком большинства нуменорцев остался язык праотцев, *адунайский*. К адунайскому языку в позднейшие времена вернулись

короли и властители, забросив язык эльфов, который вспоминали лишь немногие дунаданы, связанные с эльдар тесными узами давней дружбы.

В годы расцвета Нуменора к нему было присоединено много крепостей и гаваней на западном берегу Среднеземья. Самым крупным портом, важным для обороны государства, стал Пеларгир недалеко от устья Андуина. Жители тех мест говорили на языке эдаин, в который вплелось множество слов и выражений из языков соседних племен и тех, кто приезжал из дальних стран. Так постепенно и образовался всеобщий язык, вестрон, и распространился потом вдоль побережья и во всех государствах, имеющих связи с великой западной державой.

После падения Нуменора Элендил с немногими Друзьями эльфов, которым удалось уцелеть, ушел на северо-западное побережье Среднеземья. Там уже жили люди чисто нуменорского происхождения и смешанной крови, но мало кто помнил эльфийскую речь. Дунаданов с самого начала было значительно меньше, чем представителей других племен, среди которых они жили и которыми правили в силу того, что были сильнее, мудрее и обладали даром долгожительства. В

сношениях с другими племенами, соседями и подданными своих обширных королевств дунаданы пользовались вестроном. Они развили и обогатили этот язык, ввели в него много слов и выражений из эльфийских языков.

В эпоху нуменорских королей облагороженный вестрон широко распространился даже среди врагов, а сами дунаданы настолько часто им пользовались, что в годы великой Войны за Кольцо лишь незначительная часть жителей Гондора понимала эльфийские наречия, и лишь немногие могли на них говорить. Таких людей можно было найти разве что в Минас Тирите, некоторых соседних с ним поселениях и в ленном княжестве Дол Амрот. Но имена собственные и названия в Гондоре часто имели эльфийское происхождение. Источники этих названий и имен со временем стерлись в памяти. Без сомнения, большинство их происходило из древних времен, когда нуменорские корабли еще не плавали за Море. К таким названиям относятся: *Умбар, Лосарнак, Эрк, Эйленах, Риммон*, а также имя *Форлонг*.

Большинство людей, заселивших северные и западные земли, происходило от эдаин из Первой эпохи или от родственных им племен. Языки их тоже были родственными, и в некоторых языках

имелось сходство с вестроном. Речь идет о людях, живших в долинах в верхнем течении Андуина, о племени Беорна, о лесных людях из западного Темнолесья, жителях Дейла и племени с берегов Долгого озера. Племя, которое в Гондоре известно под названием рохирримов-коневодов, прибыло из мест, расположенных примерно между долиной Ирисов и скалой Стоянкой. Сохранив язык своих предков, жители Рубежного Края в новой своей стране взяли из него новые названия всех местностей. Себя они назвали рохирримами или детьми Эорла. Их вожди прекрасно говорили на всеобщем языке, он ведь возник в Гондоре и остался там в наиболее чистом виде, с красивым звучанием, четким построением фраз и богатым запасом слов.

Совершенно отдельным, ни на что не похожим был язык диких людей из Друаданского леса. Странным и всем чужим был язык малочисленного племени дунландцев, живших некогда возле Белых гор и произошедших, как и Умершие из Дунгарского края, от древних горцев из ущелий и жителей близлежащих долин. На юге дунландцев осталось мало, потому что они разбрелись по свету. В Черные годы их предки уходили к Мглистым горам, затем двинулись еще

дальше, перешли реку Митейтель, добрались до Могильников и Старого леса. От них произошли бригоряне, которые еще в незапамятные времена пришли в Арнор, осели там и стали говорить на всеобщем языке. Древний язык и обычаи сохранили только дунландцы, оставшиеся в прежних местах обитания. Они жили обособленно, неприязненно относились к дунаданам и ненавидели рохирримов. Примеров их языка в нашей книге не найти, за исключением одного: рохирримов они презрительно называли *форгоилат* (что значило соломенные лбы, *форгоилы*). Название Дунланд происходит от слова *дунн* — темный. Рохирримы так называли своих темноволосых и смуглокожих соседей, это слово ничего общего не имеет с эльфийским словом *дун*, означавшим запад, — просто случайное сходство.

О хоббитах

В то время, когда происходили описываемые события, всеобщий язык применялся в Хоббитшире и в Бри, наверное, уже тысячу лет. Хоббиты и люди пользовались им свободно, но правила не очень-то соблюдали, хотя наиболее образованные из них умели говорить правильно и даже витиевато. Сейчас от прадавнего хоббичьего наречия даже следов не осталось. Похоже, что

хоббиты с древнейших времен быстро обучались языкам друзей и соседей и, осев в Эриадоре, овладели всеобщим языком настолько, что уже когда заселялось Бри, своего родного почти никто не помнил.

Хоббичий язык должен был напоминать язык жителей верховьев Андуина, быть родственным языку рохирримов. Возможно, южные сторы, перед тем как поселиться в Северной чверти, говорили на языке, близком к дунландскому. Сторы из Межречья, вернувшиеся потом в Дикие Земли, знали вестрон, но некоторые имена, например, *Смеагол* и *Деагол*, явно происходят из наречий племен, живших в долине Ирисов.

При жизни Фродо еще можно было найти отдельные следы хоббичьего языка в местных названиях, в общем, похожих на те, что встречаются в Дейле и в Рохане. Из них заслуживают внимания лишь названия отдельных дней, месяцев и времен года, а также отдельные слова, например, *мэтэм* или *смайел*, некоторые старые географические названия в Хоббитшире и Бригорье, некоторые исконно хоббичьи имена.

Само название *хоббиты* — местное. Люди называли их *полуростиками*, эльфы — *перианами*. Источник слова *хоббит* установить теперь невоз-

можно. Предполагается, что светлинги и сторы называли так мохноногов, и еще предполагается, что это измененная форма слова, которое было в старо-роханском и означало «строитель нор», а звучало — *холбыт, холбытла*.

О прочих племенах

Энты

Онодримы или *энид*ы были самым древним племенем, которое сумело дожить до Третьей эпохи. Энтами их назвали рохирримы на своем языке. В незапамятные времена энты встретились с эльдар, и вероятно, обязаны им если не языком, то, во всяком случае, желанием заговорить.

Язык они создали себе сами, не похожий на все остальные: медленный, гортанный, высокопарный, в нем много повторений и слитных словообразований; чтобы говорить на нем, надо медленно и глубоко дышать. Язык этот настолько странен и сложен, в нем столько разных смысловых интонаций, тонов, оттенков гласных и акцентов, что даже ученые эльдар не пытались его описывать. На своем языке энты разговаривали только между собой. Им не надо было окружать его тайной, ибо, кроме них, и так никто не смог бы его выучить.

Сами энты к языкам были очень способны, вы-

учивали новые слова очень быстро, а раз узнав, никогда ничего не забывали. Из известных им языков они больше всего любили язык эльдар, в особенности старинную форму речи эльфов Высокого рода. Так что многие непонятные слова, которые хоббиты слышали из уст Древесника и других энтов, на самом деле были выражениями или фрагментами фраз эльфийского языка, сплавленных между собой на манер энтийских речевых образований. Например: «*Таурелилломеа-тумбалеморна тумбалетаура Ломеанор*», что примерно означает «Многолесотенистый глубокочернодолинный глубокодолиннолесной мрачнокрай». Говоря так, Древесник давал понять, что Черная Тень пала на глубокие лесные долины. Были случаи, когда хоббиты записывали бормотание и возгласы энтов, принимая их за речь эльфов: «… а лалла-лалла румба каманда-линдор-бурумэ…» — это весьма неточная передача энтийских слов, перемежающихся эмоциональными восклицаниями.

Имена некоторых энтов взяты из языка синдарин, например, *Фангорн* (что буквально означает Древобород), *Фимбретиль*.

Орки и черная речь

Орками это подлое племя назвали другие на-

роды. Слово *орк* взято из языка рохирримов, в который оно попало из синдарийского (у эльфов оно звучало *орч, ирч*). Вероятно, родственно этому слову название *урук*, хотя в черной речи им обозначали только одно племя рослых боевых орков, специально выведенных в Мордоре и в Исенгарде. Сами себя они называли *урук-хай*, а менее крупных сородичей из других орчьих племен — *снаги.* В черной речи *снага* означало раб.

Орков в незапамятные времена вывел в горах севера Властелин Мрака. Своего древнего языка у них не было, они подхватывали слова и выражения из других наречий, употребляли и произносили их как умели, в результате получилась примитивная и грубая речь, которой едва хватало для насущных потребностей, зато в ней было много бранных слов и проклятий. Эти твари, ненавидевшие даже своих соплеменников, не понимали друг друга, если жили в разных областях. Сколько было разновидностей орков, столько и орчьих говоров. Между собой орки вынуждены были общаться, когда Враг начал готовиться к великой Войне за Кольцо. Пришлось использовать в общении все тот же вестрон.

Кстати, на вестроне давно говорили более старые орчьи группы, жившие на севере и в Мг-

листых горах. Они даже считали вестрон родным языком, хотя так его исковеркали, что он в их устах звучал не намного лучше, чем их собственный орчий жаргон.

Есть предположение, что черную речь в годы Великой Тени придумал Саурон, желая научить всех своих слуг одному языку, но последнее ему не удалось. В своем первичном звучании этот язык сохранился только среди назгулов, а орки спутали множество разноязычных слов и взяли из него лишь отдельные понятия, например, *гхаш* — огонь. Когда Саурон сумел возвыситься в последний раз, черная речь зазвучала в Барад Дуре и на советах военачальников мордорских войск.

Надпись на Кольце Всевластья сделана на черной речи в ее первозданном виде, но брань орков, приведенная в летописи Третьей, представляет собой уже изуродованные словесные формы. Иных не знали солдаты Черной Башни, которыми командовал Грышнак. Слово *шарку* в черной речи означало «старик».

Тролли

Название *тролль* является переводом синдарийского слова *торог*. Тролли появились в незапамятные времена; в эпоху Великой Тени

они были еще тупы и бестолковы, как животные, и подобно животным не умели разговаривать. Надеясь использовать их в своих злодейских целях, Саурон постарался обтесать этих силачей, насколько позволила их природная тупость. Ему удалось вбить в их убогие головы несколько превратных понятий и кое-какие общие сведения. Они научились орчьему языку — черной речи, но владели ею еще слабее, чем орки, а в западных землях вместо черной речи пользовались искаженным и обедненным вестроном.

Во Вторую эпоху в Среднеземье были только так называемые *каменные тролли*, а под конец Третьей эпохи в южной части Темнолесья и в горах на северо-восточной границе Мордора появились неведомые ранее тролли *олог-хай*. Без сомнения, это было одно из произведений Саурона. Какое племя послужило ему исходным материалом, никто не знает. Некоторые думали, что это вообще были не тролли, а орки-великаны, но олог-хай сильно отличались от орков по росту, силе, формам и умственным способностям. Вероятнее всего, Саурон все-таки преобразил самих троллей, вдохнув в них свою злую волю, и получилось племя подлое, сильное, дикое, хитрое и тупое одновременно, с толстой кожей и

крепкими, как камни, костями. В отличие от всех остальных троллей, эти твари хорошо выносили солнечный свет, во всяком случае, до тех пор, пока воля Саурона не сломалась. Говорили они очень мало и только на Барад-дурском варианте черной речи.

Гномы

Гномы — народ совершенно особый. Об их удивительном происхождении и о причинах, по которым они стали одновременно так похожи и не похожи на эльфов и людей, рассказывает книга «Сильмариллион». Последние эльфы Средиземья уже не знали их истории, а легенды людей содержат много ошибочных сведений и приписывают гномам многое из того, что происходило совсем с другими племенами.

Если говорить о гномах вообще, то можно сказать, что они выносливы, упрямы, скрытны, трудолюбивы, не забывают обид и причиненного им зла (добро тоже помнят); любят камни, драгоценности и ценят вещи, сделанные искусными руками, неизмеримо выше того, что само живет и растет. По натуре они не злы, и что бы там люди ни говорили, очень немногие гномы добровольно пошли на службу к силам Тьмы. Люди издавна завидовали сокровищам гномов и тому, как лов-

ко они умеют делать полезные и красивые вещи, поэтому между гномами и людьми давно нет доверия и приязни.

В Третью эпоху дружба людей с гномами еще встречалась довольно часто. Теряя старинные места обитания, многие гномы тогда вынуждены были скрываться и скитаться. Они работали и торговали в разных странах, стали говорить на языках тех племен, с которыми вместе жили. Свой странный язык они, однако, не забыли и втайне продолжали им пользоваться в общении между собой — в отличие от более откровенных эльфов, они никогда никому не доверяли своих тайн, даже ближайшим друзьям, поэтому никто из других племен никогда не слышал гномьей речи. Для самих гномов она стала скорее тайным знанием, чем языком для повседневных нужд. Охраняемый, как нечто сокровенное, родной язык гномов служил для выражения тайн и важных знаний. В нашей книге из языка гномов имеются лишь несколько географических названий, которые Гимли сообщил товарищам по Походу, и боевой клич, прозвучавший во время осады Рогатой Башни. Клич этот, во всяком случае, не был тайным и неоднократно раздавался на многих полях сражений. Еще на раннем утре

мира звучало: «*Барук казад! Казад аймену!*» — «За топоры, гномы! Гномы бьют!» (гномы себя называли казадами).

Имя Гимли, как и многие имена его братьев и соплеменников, происходит из языка одного из северных племен людей. Собственных гномьих имен, которые произносились гномами среди гномов и давались их детям при рождении, они никому не открывали. Их даже не писали на гробницах, чтобы не выдавать чужестранцам, а себя они называли вторыми, условными именами.

Для письма же гномы освоили один из древнейших алфавитов — кирт, и писали на нем довольно ловко, высекая буквы-руны на камне, а также нанося их на пергамент и другие материалы. Некоторые гномы, например, Ори, прекрасно овладели эльфийской вязью для скорописи.

О переводе

Для того, чтобы передать содержание «Красной Книги» сегодняшним читателям, все по мере возможности переведено на язык нашего времени. В оригинале оставлены лишь отдельные элементы, которые в рукописи были не на вестроне, а на других языках. В основном, это имена и географические названия.

Всеобщий язык (вестрон), язык хоббитов и

переписанных ими рукописей пришлось переводить на современный английский [а с него — на русский — прим. переводчика]. При этом стерлись оттенки вестрона, который звучал в разных местностях не совсем одинаково. Эти оттенки автор пробовал слегка обозначить, однако разница в произношении и идиоматике вестрона в устах, скажем, хоббитов и эльфов или благородных гондорцев была гораздо большей, чем можно заключить, прочитав наш труд. Хоббиты говорили на сельском диалекте, в то время как в Гондоре и Рохане почти повсеместно сохранились классические формы, стиль речи был более торжественным и выразительным, и одновременно более кратким и точным.

Например, в вестроне во втором и часто в третьем лице существовали формы официальные и фамильярные, как в единственном, так и во множественном числе. А хоббиты со всеми, независимо от чинов, разговаривали одинаково и ко всем одинаково обращались. Особая форма у них была в ходу только у поселян в Западной чверти, да и то между ровесниками, и имела значение ласково уменьшительное. В переводе оказалось невозможно передать эту разницу языковыми средствами, а ведь это в первую очередь объяс-

няет то, что гондорцам речь хоббита показалась странной. Например, Перегрин Тук с первого дня пребывания в Минас Тирите попросту обращался к лицам высокого ранга, включая повелителя, это могло позабавить умудренного годами наместника Дэнетора, но неприятно удивляло его подданных. Без сомнения, это же привело к возникновению слухов о княжеском происхождении Перегрина и о его высоком положении у себя на родине.

Пару раз я пытался намекнуть на эти различия, употребляя староанглийскую форму «thou» — ты. Сейчас это местоимение архаично, непривычно [нечто вроде русского «О Ты» — прим. переводчика] и применяется редко, только в церемониальной речи персонажей из прошлого. Употребление обычного «you» — ты, вы — вместо возвышенного «thou» некоторым образом напоминает эффект восприятия гондорцами хоббичьей речи.

Читатель, вероятно, заметил, что некоторые хоббиты, например, Фродо, а также такие лица, как Гэндальв и Арагорн, не всегда говорят одним и тем же стилем. Это не случайно. Способные и образованные хоббиты имели понятие о *книжном языке*, как называли в Хоббитшире высокий

стиль. Кроме того, они быстро схватывали и запоминали манеру речи тех, с кем приводилось иметь дело. Вполне естественно, что и путешественники перенимали особенности речи тех, в чьей среде находились, особенно если, как Арагорн, старались скрыть свое происхождение и свои намерения. Однако все враги Великого Врага гордились своим прошлым, ценили все прекрасное, и им доставляло удовольствие беречь родной язык и его красоту. Эльдар были особенно одарены способностями к языкам и овладели разнообразными стилями, употребляя их естественно и свободно. Из своего языка они брали некоторую утонченность, он ведь был старше гондорского. Гномы тоже легко перенимали любую речь и легко приспосабливались к любому окружению, хотя говорили несколько гортанно и хрипловато. Орки и тролли обращались со словами так же, как и со всем остальным, — без любви. Хорошо они умели только ломать, и в их устах любой язык звучал еще гнуснее, чем удалось выразить в этой книге. Вряд ли кто-нибудь станет жалеть, что автору не удалось в последнем случае показать всю омерзительную правду. Подобную речь, увы! — приходится иногда слышать и сейчас из уст людей, имеющих орчью

натуру, речь скучную, однообразную, мрачную, полную ненависти и спеси, настолько далекую от всего светлого, что в ней не осталось ни одного доброго слова, она предназначена для ушей тех, кто считает грубость единственным средством выражения.

Когда речь идет об истории давно прошедших времен, наш способ перевода, по-видимому, единственно возможен, во всяком случае, единственно приемлем. Редкий переводчик позволяет себе большее. Я пошел несколько дальше лишь в том, что перевел с вестрона все имена, значение которых позволило это сделать. Имена и титулы, встречающиеся в этой книге, являются не точным переводом, а приблизительным эквивалентом имен и титулов, звучавших повсеместно на вестроне в описываемую эпоху. Часто рядом с переведенными с вестрона приводятся имена и названия из других языков (в основном, эльфийских).

Названия на вестроне обычно уже были переводами или объяснением более старинных слов, например, *Райвендел* (Rivendell), река *Хмурая* (Hoarwell), *Враг* (Enemy), *Серебринка* (Silverlode), *Черная Башня* (Dark Tower). Некоторые названия приобрели при переводе новый смысл, напри-

мер, *Роковая гора* (Mount Doom) в оригинале называется *Огненная гора* (Orodruin — Burning Mountain); название *Темнолесье* (Mirkwood) взято вместо сочетания *Лес Великого Страха* (Forest of Great Fear — Тор-э-Ндэделос), и т. д.

Отдельные имена из староэльфийского упростились или претерпели фонетические изменения, например, *Брендидуин* из эльфийского *Берендуин*, река *Луна* из старинного *Лхун*. Попробуем оправдать свою самодеятельность. Мне казалось, что естественные в свое время для хоббитов (а именно их точку зрения я старался прежде всего передать), все эти названия в своем первозданном звучании для нас значительно сдвинули бы восприятие эпохи. Ведь для них перевод на вестрон звучал так, как для нас сейчас наш современный язык.

Передача же названий на вестроне в транскрипции оставляет их для современного читателя древними и непонятными, какими они звучали бы для хоббитов, скажем, по-эльфийски. Например, по-эльфийски *Имладрис* — на вестроне *Карнингул* (Karningul). Мы даем более понятное для современного восприятия название *Райвендел*. Название Имладрис в ушах хоббита звучало примерно так, как если бы мы современный

Винчестер называли *Камелотом*, с той только разницей, что в Третью эпоху оба названия (Райвендел и Имладрис) все-таки сосуществовали, пока там жил славный властитель, значительно старший, чем был бы король Артур, доживи он до современного Винчестера.

Название Хоббитшир (по-английски просто Шир — *Shire*, перевод старохоббитского Suza — Суза) тоже осовременено, как и многие названия местностей в стране хоббитов. Это особых трудностей не представило, потому что названия обычно составляются из различных вполне переводимых элементов. У хоббитов в названиях часто попадались составляющие типа английских — *хилл* (гора), — *тон* (от town, город, град). Не точно такие, конечно, а их подобия. Они переданы аналогичными элементами, например, — *ботл* (от *bottle*, жилище), *мичел* — (*michel-*, большой).

Что касается имен собственных, т. е. имен, фамилий и прозвищ действующих лиц, то в Хоббитшире и Бри они носили весьма своеобразный характер. Прежде всего, у хоббитов был обычай передавать в наследство прозвища, имена тоже часто повторялись. Большинство прозвищ превратилось со временем в фамилии. Чаще

всего это были шутливые прозвания, данные в честь местности, где обитал род, или (что особо характерно для Бри) производные от названий деревьев и других растений. Имена такого типа легко переводятся. Значения старых фамилий установить не удалось, и они оставлены почти в том виде, как были написаны. Фамилия *Тук* (в английском Took) получилась из старого Tuk, а *Боффин* — из Bophin.

Имена, как и фамилии, были тоже нескольких типов, и с ними я старался поступать соответственно. Девочек хоббиты обычно называли в честь цветов или самоцветов. Мальчикам чаще всего давали имена, не имеющие никакого определенного значения (и среди женских имен такие тоже попадались): *Бильбо, Бонго, Поло, Лотто, Танта* и т. п. Некоторые из имен случайно могли оказаться похожими на современные европейские: *Дора, Кора, Отто, Дрого*, — я их все сохранил, пришлось только сменить окончания, ибо в хоббичьих мужских именах характерным было окончание — а, а в женских — о и — е.

В некоторых старых семьях, особенно тех, которые вели происхождение от светлингов (к таким относились Туки и Болджеры) было принято давать детям имена громкие и звучные. Их за-

имствовали из древних легенд как хоббитских, так и людских, брали у других народов, так что в Третью эпоху, когда расширились связи племен, вполне можно было встретить хоббита, звавшегося, как какой-нибудь живой или легендарный житель долины Андуина, королевства Дейл или Рубежного Края. Такие имена я постарался заменить старинными франкскими и готскими, которые можно услышать и сейчас, либо прочитать в исторических повестях. Так передается забавный контраст между напыщенным именем и простецкой фамилией. Для хоббитов это было характерно, чувством юмора они обладали в избытке, так что сами над собой нередко посмеивались, но продолжали делать смешные вещи. Из эльфийских языков хоббиты имен обычно не брали. Язык синдар (не говоря уже о квенья, которого они совсем не знали) был для них тем, чем для нас сейчас является латынь или греческий. Им владели немногие и называли его языком королей.

Географические названия Бакленда отличаются от названий других областей Хоббитшира, ибо население Бакбурга и Топкого Дола тоже кое в чем отличалось от остальных хоббитов. Местность по берегам Берендуина сохранила много старых

названий из древнего языка южных сторов. Я их, в основном, оставлял без изменений, потому что хотя они звучат странно, они так же странно звучали и в Третью эпоху. Но у них есть свой характер, который явно чувствуется, примерно так же, как мы сейчас ощущаем чужеродность кельтских элементов в английском языке.

Поскольку сохранившиеся следы древнего наречия сторов и первых поселенцев Бри составляют некоторую аналогию с кельтскими элементами, сохранившимися в английских названиях, я иногда в переводе образовывал соответствующие слова по этой аналогии. Название *Бри, Бригорье* — Bree, *Долинка* — Combe, *Прилесье* — Chetwood переведены по значению, иногда с оттенком архаичности (Bree означало гора, холм, chet — лес). Из имен персонажей этим методом образовано только одно: *Мерриадок*. В Красной Книге этот знаменитый хоббит носил имя *Кали* — Kali, что означало «веселый, живой» (англ. Merry), хотя на самом деле это слово не из вестрона, а из сокращенного древнесторского *Калимак* (Kalimak). У сторов это было мужское имя, а что оно обозначало, неизвестно. Нам сейчас оно ничего не говорит.

При подобных переделках я не стал применять

имена древнееврейские, библейские, потому что у хоббитов нет ни одного аналога этим именам нашего языка. Односложные имена, такие как *Сэм, Том, Тим, Мэт*, были простонародными сокращениями хоббитских имен *Томба, Толма, Матта* и им подобных. Попадается одно исключение: *Сэм Садовник* и его отец *Хэм* в оригинале зовутся *Бан* и *Ран* (Ban, Ran), это сокращение из *Баназир* (Banazir — простак, недоумок) и *Ранугад* (Ranugad — домосед). Со временем полные формы вышли из употребления, их значение стерлось в памяти, и от них остались только традиционные имена в отдельных семьях, чаще в сокращениях. Желая сохранить все-таки их характер, я подобрал взамен имена *Сэммиус* и *Хэмфаст*, несколько осовременив староанглийские Samwis и Hamfoest с похожим на хоббитские имена значением.

Поскольку я пытался осовременить язык и имена хоббитов, пришлось пойти дальше. Языки огромин, родственные вестрону, как мне казалось, должны быть тоже переданы в сравнении, чтобы показать в переводе их отношение к английскому, похожее на то, как в подлиннике они относились к языку хоббитов. Поэтому язык Рохана я приблизил к староанглийскому. Он

был дальними связями связан с вестроном и более близко — с языком, на котором говорили когда-то северные хоббиты, а по сравнению с современным хоббитским языком и вестроном он был архаичен. В «Красной Книге» встречаются примечания, что многие слова на языке Рохана хоббиты понимали без перевода, и что речь рохирримов казалась полуростикам похожей на их собственную. Поэтому передавать роханские названия совершенно чуждыми иностранными словами смысла не было. В некоторых случаях я осовременил звучание и написание географических названий Рубежного Края, например, *Дунгарское Укрытие* (Dunharrow Hold), *Ледянка* (Snowbourne), но не был в этих изменениях слишком последовательным, как и сами хоббиты. Они тоже при записи своих впечатлений изменяли некоторые названия, если узнавали в них что-нибудь похожее на хоббитширские слова, но часть названий оставили без изменений, например, *Эдорас*, что означало Хоромы. Коренным образом я изменил только смысловые клички, например, *Серосвет* — Shadowfax (образовано из английского Shadow — Тень и латинского Fax — Факел. Имя *Причмок* — *Wormtongue* буквально означает Змеиный Язык (Worm — червь, Tongue — язык).

Такой чисто лингвистический прием совсем не должен наводить читателя на мысль о каком бы то ни было сходстве рохирримов с древними англичанами в культуре, искусстве, военном деле и т. п. Подобие может быть только в общих чертах. Рохирримы — народ простой и довольно примитивный, живущий в соседстве и контакте с более высокой и старинной культурой, занимая земли, на которых некогда жили более высокоразвитые племена.

Ассимиляция — удобный способ передачи местных словечек хоббитов северного происхождения. Я пытался придать им такие формы, какие могли бы иметь утраченные английские выражения, если бы они сохранились до нашего времени. Например, элемент в названии музея звучит по-английски Mathom и напоминает староанглийское Mathm — хижина. Я взял его вместо хоббитского *Каст* — Kast, которое напоминало старое роханское Kastu. [В нашем переводе обыграно слово «сдача» — прим. переводчика.] А форма *смайел* (smial или smile — яма), которую можно было бы образовать от старинного Смигель (smigel), является аналогией образования хоббитского *Тран* (Tran) от роханского *Траган* (Trahan).

Смеагол и *Деагол* — тоже имена, придуманные по аналогии со старохоббитскими *Траальд* (Trahald — копающий яму, вкапывающийся в землю) и *Наальд* (Nahald — скрытный).

Язык племен и народов, живших еще севернее, в государстве Дейл, в нашей книге практически не представлен. Здесь приводятся только имена гномов, пришедших с тех земель. Они взяли себе «явные» имена у тех людей, среди которых жили.

Как в книге «Хоббит», так и в этой книге я образовывал множественное число английского слова «гном» по формуле «dwarf — dwarves». Словари дают правильную форму множественного числа: dwarfs. А должна она была быть dwarrows или dwerrows, если бы на протяжении столетий это слово шло своим путем и развивалось подобно тому, как образовывалось множественное число существительных типа: man — men, goose — geese. Но «люди» и «гуси» — слова часто употреблявшиеся, а гномы — племя тайное и малоизвестное. Память человеческая не сохранила особой формы множественного числа названия легендарных существ, о которых теперь рассказывают сказки. Иногда в них имеется бледная тень правды, иногда они вообще переходят в

басни, где гномы превращены в комических персонажей. А ведь в Третью эпоху в рассказах людей о гномах еще просвечивался отблеск их давней славы, хотя уже начинал мутнеть. Гномы были потомками наугримов из Незапамятных времен, и в их сердцах еще горел огонь кузнеца Аули и тлела давняя неприязнь к эльфам. В обработке камня и металла они и тогда слыли непревзойденными мастерами.

Вот почему я позволил себе отступить от привычной грамматической формы. Мне казалось, что таким образом я отвлеку читателей от неверных представлений о гномах, которые у них могли сложиться на основании басен позднейших эпох. Лучше было бы dwarrows. Эту верную, на мой взгляд, форму я употребил только в словообразовании *Гномьи Копи* (Dwarrowdelf), названии Мории. На всеобщем языке это понятие обозначалось словом Фурунаргиан (Phurunargian) и означало то же самое. Уже тогда оно было архаичным. Название Мория дали копям эльфы, которые гномов недолюбливали. Эльдар в случаях необходимости, например, во время страшных и длительных войн с силами Зла, строили и использовали подземные крепости, но никогда не любили жить в подземельях. Они любили

живую зелень земли и огни морских причалов. На их языке слово *Мория* означало *Черная Бездна*. Название же, которое сами гномы дали Мории, сохранилось, ибо гномы почему-то его не таили: Казад Дум, в переводе Двор казадов, ибо гномы называли себя казадами. Это имя дал гномам кузнец Аули, когда выковал первых Отцов племени в Незапамятные времена.

Эльфы в оригинале носят имя квенди (quendi, говорящие). Так называли себя эльфы Высокого рода. Слово *эльдар* является названием трех родственных по крови эльфийских родов, которые искали страну Бессмертных и нашли ее на утре мира (эльфы синдар в эти три рода не входили). Я не располагал лучшим названием, чем это старое, известное слово, в своем первичном значении по-настоящему подходящее для существ, память о которых люди сохранили, и соответствующие представлениям, которые были о них у людей в те времена. Увы, с течением времени это слово исказилось и сейчас его многие, вероятно, свяжут с фантастическими созданиями, красивыми, но глуповатыми, настолько же непохожими на настоящих квенди, насколько мотыльки не напоминают соколов. Не надо только из моего сравнения делать вывод, что квенди когда-то

имели настоящие крылья. Крыльев не было ни у настоящих эльфов, ни у полуэльфов, как не было их и у людей. Квенди были красивой и благородной расой, самыми старшими детьми мира. Эльдар — Народ Звезды, племя Великого Странствия, были среди них королями.

Они были стройны, сероглазы и белокожи. Большинство их было темноволосыми. Золотые волосы были только в роду Финрода. Голоса их звучали так мелодично, как не могут сейчас звучать голоса смертных, так что это очень трудно представить. Племя было сильным и мужественным, но история тех эльфов, которые вернулись в Среднеземье и жили в изгнании, была грустной. Их дороги пересекались с дорогами наших праотцев, но судьбы их не были похожи на судьбы людей. Их время давно прошло, сейчас эльфы живут в Заокраинном мире и к нам не возвращаются.

Объяснение некоторых имен собственных

Хоббит. Это слово выдумано автором. На вестроне существо этого племени называли *банакил* (banakil, т. е. полуросток). Жители Хоббитшира и Бри вместо слова «полуросток» говорили *кудук* (kuduk), это по-хоббитски. Больше ни в одной стране это слово не произносилось. Правда,

Мерриадок записал как-то, что король Рохана употребил слово *кудукан* (kud-dukan), что означает «норный житель». Поскольку, как мы уже говорили, старохоббитский язык был родствен роханскому, вполне возможно, что кудук — это сокращенная форма странного словообразования куд-дукан. Я расшифровал это слово как *холбытла* (holbytla), — где первую половину составляет *хол* (hol — праздник, или hole — норка), а вторая — *бытла* (bytla) — производное, — от глагола быть (be). Это, по-моему, соответствует характеру племени, и от этого произведена новая, более короткая форма: *хоббит*.

Гэмджи. По семейному преданию, как записано в Красной Книге, от названия деревни *Галабас* (Galabas) произошло прозвище *Галбаси* (Galbasi), сократившееся затем в *Галпси* (Galpsi) Повсеместно считается, что это все происходит от старинного слова *галаб* (galab — зверек, дичь), а старинное окончание — *бас* примерно соответствует английскому — *вик* или — *вич*. Поэтому мне показалось удобным написание *Гэмвич* (Gamwich от *game*, что значит «дичь» плюс окончание) с произношением *Гэммидж*, затем слово еще сократилось до *Гэмджи* (Gamgee), что, впрочем, вполне соответствует значению *Галпси*. Я не

собирался намекать на связь Сэммиуса Гэмджи с семейством Норкинсов, хотя если бы провел тут лингвистическую параллель, получилась бы шутка совсем в духе хоббичьей.

Норкинс. Фамилия *Коттон* (так звучит английское Cotton) происходит от довольно распространенного в Хоббитшире названия Хлотран (Hlothran), так называли хутора на склонах холмов. *Хлот* (hlot) означает двухкомнатное жилище или двухкомнатную нору, а *ран* или *рану* (ran, ranu) — группа таких нор в склоне. От слова хлотран образовано хлотрама (hlothrama — хуторянин). Дед фермера Норкинса носил именно такое прозвище, ставшее фамилией. Я позволил себе изменить его на *Котман* (Cotman), затем получилось Коттон (англ. *кот* — cot, койка, или *коут* — cote, загон, хижина).

Брендидуин. Хоббитское название этой реки было искажением эльфийского названия *Берендуин* (правильно БарАндуин, с ударением на второй слог). *Баран* (baran) означало золотисто-коричневый, а *дуин* (duin) — большая река. Старая хоббитская форма названия звучала *Бранда-нин* (Brandanin — пограничная вода), но поскольку вода в реке была темная и коричневатая, реку в шутку стали называть *Бралда-хим* (Bralda-him),

что значило крепкое пиво.

Следует отметит, что когда *Старобэки* (Oldbucks), по-хоббитски *Зарагамба* (Zaragamba) сменили фамилию на *Брендибаков* (Brandybuck), по-хоббитски Брандагамба (Brandagamba), первая часть этой фамилии стала означать пограничье. Обозвать Брендибака *Пиводуем* (Бралда-гамба — Bralda Gamba) было бы чересчур нахально; хоббит, который бы на это осмелился, получил бы немедленно по заслугам.

Словарь

От переводчика:

Дорогие читатели!

Для тех, кто умеет слушать музыку странных имен, мы предлагаем СЛОВАРЬ собственных имен, названий, слов на разных языках.

Он больше, чем в оригинале, ибо мы ведь читаем произведение по-русски и, наверное, многим будет интересно не только узнать, например, эльфийское слово в авторском варианте, но и представить себе подлинное звучание и значение английских имен и названий, которые каждый переводчик передает по-своему.

Сюда включены имена из древней истории, а также все имена и прозвища хоббитов из приведенных родословных. Также по возможности полно охвачена география Среднеземья.

Сокращения в скобках обозначают принадлежность персонажа, предмета или местности к государствву, племени (гонд., умб., хоб. и т. п.) либо язык (кв., синд., ор. и т. д.)

1. Собственные имена, названия племен и разных живущих

Адальгрим Тук — Adalgrim Took *(хоб.)*

Адальрида Болджер — Adalrida Bolger *(хоб.)*

Адаманта Жуйл — Adamanta Chubb *(хоб.)*

адан — adan, человек (множ. ч. эдаин — edain) *(синд.)*

Аделярд Тук — Adelard Took *(хоб.)*

Адрахил — Adrahil *(гонд.)*

Адунакор — Adunakhor *(нум.)*

Азог — Azog, отец Больга, орк

Алдарион — Aldarion *(нум.)*

Алкарин — Alcarin *(нум.)*

Алмазка из Большого Клина — Diamond of Long Cleeve *(хоб.)*

Альдамир — Aldamir *(гонд.)*

Альдор — Aldor, брат Бальдора *(рох.)*

Амандил — Amandil *(нум.)*

Амаранта Брендибак — Amaranth Brandybuck *(хоб.)*

Амлаит — Amlaith *(арт.)*

Амрот — Amroth, эльф

Анардил — Anardil *(нум.)*

Анарион — Anarion, брат Исилдура *(нум.)*

Анборн — Anborn, воин Фарамира *(гонд.)*

Ангамаит — Angamaite *(умб.)*

Ангбор — Angbor, правитель Ламедона *(гонд.)*

Анжелика Торбинс — Angelica Baggins *(хоб.)*

Анкалагон Черный — Ancalagon the Black, дракон

Анкалима — Ancalime *(нум.)*

Анкалимон — Ancalimon *(нум.)*

Ар — Araw, великий вала-охотник (см. Оромэ)

Аравал — Araval *(арт.)*

Аравир — Aravir *(арт.)*

Араворн — Aravorn *(арт.)*

Араглас — Araglas *(арт.)*

Арагорн — Aragorn, сын Араторна, потомок Исилдура (см. Долгоброд, Камень Эльфов, Тельконтар, Торонгил, Элессар, Энвиатар, Дунадан)

Арагост — Aragost *(арт.)*

Арадор — Arador *(арт.)*

Аранарт — Aranart *(арт.)*

Арантар — Arantar *(арн.)*

Арануйр — Aranuir *(арт.)*

Арассуйл — Arassuil *(арт.)*

Араторн — Arathorn, отец Арагорна

Арафант — Araphant *(арт.)*

Арафор — Araphor *(арт.)*

Арахад — Arahad *(арт.)*

Арахел — Arahael *(арт.)*

Арвед — Arvedui, последний северный король

Арвегил — Arvegil *(арт.)*

Арвелег — Arveleg *(арт.)*

Арвен — Arwen, дочь Элронда и Келебрианы (см. Звезда Вечерняя, Ундомиэль)

Аргелеб — Argeleb *(арн.)*

Аргонуй — Argonui *(арт.)*

арские буйволы — wild kine of Araw

Артамир — Artamir *(гонд.)*

Асфалот — Asfaloth, конь Глорфиндэла

Асфодела Брендибак — Asfodel Brandybuck *(хоб.)*

Атанамир — Atanamir *(нум.)*

Атанатар — Atanatar *(гонд.)*

Аули — Aule, великий вала-кузнец, создатель гномов.

Балин — Balin, гном

балки — balcoth, дикое племя под Темнолесьем

Балрог — Balrog, слуга Моргота (см. Погибель Дарина)

Бальбо Торбинс — Balbo Baggins *(хоб.)*

Бальдор — Baldor *(рох.)*

банакил — banakil, полуросток (вестр.)

Бандобрас Тук — Bandobras Took (см. Бычеглас)

(хоб.)

Баранор — Baranor, отец Берегонда *(гонд.)*

Барахир — Barahir, имя отца Берена и внука Фарамира

Бард-Лучник — Bard the Bowman *(дейл.)*

Барсучинс — Brockhouse *(хоб.)*

Баттерс Медовар — Butterbur Barliman, трактирщик *(бриг.)*

Безотчий — Fatherless (см. Бомбадил)

Бейн — Bain, сын Барда *(дейл.)*

Белег — Beleg *(арт.)*

Белегорн — Belegorn *(гонд.)*

Белектор — Belecthor *(гонд.)*

Белла Деткинс — Bell Goodchild *(хоб.)*

Белладонна Тук — Belladonna Took, в замужестве Торбинс, мать Бильбо *(хоб.)*

Белое Копытце — White Socks, пони

Белоног, Вилли — Will Whitfoot, бургомистр *(хоб.)*

БельбаТорбинс — Belba Baggins *(хоб.)*

Белый Всадник — White Rider (см. Гэндальв)

Белый полк — White Company, гвардия Фарамира

Бема — Bema *(рох.)*, см. Оромэ

Беорн — Beorn, человек-медведь

Бергиль — Bergil, сын Берегонда *(гонд.)*

Берегонд — Beregond *(гонд.)*

Берен — Beren, сын Барахира, из легенды о Лютиэнь

Берилак Брендибак — Berilac Brandybuck *(хоб.)*

Берилла Боффин — Beryl Boffin *(хоб.)*

Берт — Bert, тролль

Берутиэль — Beruthiel, древняя королева *(гонд.)*

Билл — Bill, тролль (см. Вильям Граббинс)

Билл — Bill, пони Сэма

Билл Хвощ — Bill Ferny *(бриг.)*

Бильбо Торбинс — Bilbo Baggins *(хоб.)* (см. взломщик)

Бильбо Гэмджи — Bilbo Gamgee, сын Сэма *(хоб.)*

Бинго Торбинс — Bingo Baggins *(хоб.)*

Бифур — Bifur, гном

Бланко — Blanco, брат Марчо, один из основателей Хоббитшира

Боб — Bob, хоббит в Бригорье

Бод Мохнопят — Bodo Proudfoot *(хоб.)*

Бокко — Bukka *(хоб.)*

Болджер — Bolger *(хоб.)*

Больг — Bolg, орк

Бомбадил, Том — Bombadil, Tom (см. Безотчий, Иарвен бен Адар, Оральд, Старейший, Форн, Хозяин)

Бомбур — Bombur, гном

Бонго Торбинс — Bungo Baggins, отец Бильбо *(хоб.)*

Борин — Borin, гном

Боромир — Boromir, сын Дэнетора *(гонд.)*

Бофур — Bofur, гном

Боффин — Boffin, *(хоб.)*

Бранд — Brand, сын Бейна, внук Барда-Лучника *(дейл.)*

Брегалад — Bregalad, молодой энт (см. Скороствол)

Брего — Brego *(рох.)*

Брендибак — Brandybuck *(хоб.)*

бригоряне — Bree-folk

Бритт, Любимый — Brytta, Leof *(рох.)*

Буковик — Beechbone (энт)

бурарум — burarum, энтийское прозвание орков

бургомистр — mayor

Буркинс — Brownlock *(хоб.)*

Бычеглас — Bullroarer (см. Бандобрас Тук) *(хоб.)*

Бэкк — Bucca *(хоб.)*

Валакар — Valakar *(гонд.)*

Валандил — Valandil, предок Элендила, сын Сильмарины

Валандур — Valandur *(гонд.)*

валар — valar, высшие духи (ед. число вала

— vala)

Вальд — Walda *(рох.)*

Ванимельда — Vanimelde *(нум.)*

Варда — Varda, из валар (см. Элберет)

Вардамир — Vardamir *(нум.)*

варьяги — variags, племя из Кханда

Верескун — Heathertoes *(бриг.)*

верные — faithful *(нум.)*

Веточка — Wandlimb, Slender Beech, жена энта Древесника (см. Фимбретиль)

Ветрокрыл — Landroval, орел, брат Вихребора

взломщик — burglar (см. Бильбо Торбинс)

Видугавья — Vidugavia, князь нортов

Видумава — Vidumavi, дочь Видугавьи

Видфара — Widfara *(рох.)*

Вилибальд Болджер — Wilibald Bolger *(хоб.)*

Вилком (Вил) Норкинс — Wilcome (Will) Cotton *(хоб.)*

Вилком (Дрол) — Wilcome (Jolly) *(хоб.)*

Вилли Белоног — Will Whitfoot, бургомистр *(хоб.)*

Вилли Навальник — Willie Banks *(хоб.)*

Вильям (Билл) Граббинс — William (Bill) Huggins, тролль

Винитарья — Vinitharya (см. Эльдакар)

Виньярион — Vinyarion *(гонд.)*

Вихребор — Windlord, орел (см. Гвайр)

Вихрь — Windfola, конь Горедара

Владыки Лориэна — Lords (Lord and Lady) of Lorien

Властелин Колец — Lord of the Rings

Властелин Мрака, Черный Властелин — Dark Lord (см. Саурон)

властитель, вождь — chieftain

вожди Запада (Западные полководцы) — captains of the West

Волк — Wolf, пес Мотыля

Вонючка и Нытик — Stinker and Slinker, Голлум

ворги — wargs, волки из Дикого Края

Ворондил — Vorondil *(гонд.)*

востокане — easterlings

вохсы — woses, Дикие Лесные Люди

Враг — the Enemy (см. Саурон)

всадник, Черный — black rider (см. назгул)

всадники Рохана — riders of the Mark (см. рох-ирримы)

Вульф — Wulf, сын Фреки *(рох.)*

Гаденыш — Sneak

галадримы — galadrim, лориэнские эльфы (см. древесное племя)

Галадриэль — Galadriel, Владычица Лориэна

Галмод — Galmod, отец Гримы-Причмока

Гальдор — Galdor, эльф из Серой Гавани

Гама — Hama *(рох.)*

Гамлин — Gamling *(рох.)*

Ган-Бури-Ган — Ghan-bury-Ghan, вождь лесных людей, вохсов

Гарри Козолист — Harry Goatleaf, привратник в Бригорье

Гарульф — Garulf *(рох.)*

Гвайр — Gwaihir, орел (см. Вихребор)

Георгина Торбинс — Peony Baggins *(хоб.)*

Герион — Herion *(гонд.)*

Геронтиус Тук (Геронтук) — Gerontius Took *(хоб.)*

Гил-Гэлад — Gil-Galad, Звездное Сияние *(эльф.)*

Гилдор Инглорион — Gildor Inglorion *(эльф.)*

Гилраэна — Gilraena, мать Арагорна

Гильда — Hild, сестра Хельма *(рох.)*

Гимильзор — Gimilzor *(нум.)*

Гимли — Gimli, сын Глоина, гном

Гирион — Girion *(дейл.)*

Главный собиратель зелий — the herb-master *(гонд.)*

Глеовин — Gleowine, роханский певец

Глиноступ — Puddyfoot *(хоб.)*

Глоин — Gloin, гном

Глорфиндэл — Glorfindel, эльф

гном — dwarf (множ. dwarves)

гоблины — goblins

Голасгил — Golasgil *(гонд.)*

Голдвин — Goldwine *(рох.)*

Голлум — Gollum (см. Смеагол, Вонючка и Нытик, Гаденыш)

Гольфимбул — Golfimbul, орк

Горбаг — Gorbag, орк

Горбадок Брендибак (Неохватный) — Gorbadoc Brandybuck (Broadbelt) *(хоб.)*

Горбул Брендибак — Gorbulas Brandybuck *(хоб.)*

горгуны — gorgun, орки на языке вохсов

Горедар — Dernhelm (см. Эовина)

Гормадок Брендибак (Глубокорыл) — Gormadoc Brandybuck (Deepdelver)

Горхендад Старобэк — Gorhendad Oldbuck *(хоб.)*

Готмог — Gothmog *(морд.)*

Граббинс — Huggins (см. Билл Граббинс), тролль

градоправитель — master (of the city)

Грам — Gram *(рох.)*

Грима сын Галмода — Grima son of Galmod, *(рох.)* (см. Причмок, Слизняк)

Гримбеорн — Grimbeorn, сын Беорна

Гримбольд — Grimbold *(рох.)*

Гриффо Боффин — Griffo Boffin *(хоб.)*

Гроин — Groin, гном
Грор — Gror, гном
Грышнак — Grishnakh, орк
Гуг Тугобрюх — Hugo Bracegirdle *(хоб.)*
Гундабальд Болджер — Gundabald Bolger *(хоб.)*
Гутлаф — Guthlaf, знаменосец Теодена *(рох.)*
Гэлион — Galion, дворецкий Трандуила, эльф.
Гэмджи — Gamgee *(хоб.)*
Гэмидж — Gamwich *(хоб.)*
Гэндальв — Gandalf (Серый — the Gray; Белый — the White) (см. Инкануш, Мифрандир, Олорин, Провозвестник Бури, Серый Странник, Таркун)

Даин Железный Сапог — Dain Ironfoot, гном
Дамрод — Damrod *(рох.)*
Дарин Бессмертный — Durin the Deathless, Отец племени гномов Длиннобородых
Даэрон — Daeron, певец и летописец, эльф
Двалин — Dwalin, гном
Двупят — Twofoot *(хоб.)*
Деагол — Deagol, брат Смеагола-Голлума
девы энтов — entmaidens
Девятеро — the nine (см. назгулы)
Дед Гэмджи — Gaffer Gamgee, отец Сэма *(хоб.)*
Деор — Deor *(рох.)*
Деорвин — Deorwine *(рох.)*
Дерворин — Dervorin *(гонд.)*

Деруфин — Derufin *(рох.)*

дети Эорла — eorlingas, эорлинги (см. рохиррим**ы**)

Джилли Буркинс — Jilly Brownlock *(хоб.)*

дивный народ — fair folk (см. эльфы)

дикие люди — wild men (см. вохсы)

Динодас Брендибак — Dinodas Brandybuck *(хоб.)*

Диор — Dior, сын Лютиэнь и Берена

Дираэл — Dirhael

Дис — Dis, сестра Торина Дубощита

длиннобородые — Longbeards, гномы

Длиннонор — Longholes *(хоб.)*

Длинноух — Sharp Ears, пони

Добрый наместник — Good Steward (см. Мардил)

Додинас Брендибак — Dodinas Brandybuck *(хоб.)*

Додо Торбинс — Dudo Baggins *(хоб.)*

Додрик Брендибак — Doderic Brandybuck *(хоб.)*

Долгоброд — Strider (см. Арагорн)

Долгоброд — Strider, пони Сэма

Донамира Тук — Donnamira Took *(хоб.)*

Дора Торбинс — Dora Baggins *(хоб.)*

Дори — Dori, гном

дракон — dragon

дракон Скат — Scatha the worm
Древесник — Treebeard (см. энт, Фангорн)
древесное племя — tree-people (см. галадримы)
Дрого Торбинс — Drogo Baggins *(хоб.)*
Дрол Норкинс — Jolly Cotton *(хоб.)*
Друг эльфов — Elf-friend
Дубощит, Торин — Oakenshield, Thorin, гном
Дудлинг — Hornblower *(хоб.)*
Дуйлин — Duilin, сын Дунгира *(рох.)*
Дунадан — Dunadan, эльфийское прозвание Арагорна
дунаданы — dunedain (ед. ч. дунадан — dunadan), люди с запада
дунгарцы — dunherns
Дунгир — Duinhir *(рох.)*
дунландцы — dunlendings
Душица Тук — Pervinca Took *(хоб.)*
Дэнетор — Denethor, наместник Гондора

Единое (Кольцо) — The One (Ring)
Единый — The One (см. Илюватар)

жены энтов — entwives
Жуйлы — Chubbs *(хоб.)*
жуткие всадники — fell riders (см. назгулы)

Закопанс — Burrows *(хоб.)*
Западные полководцы, вожди Запада — captains

of the West

Звезда Вечерняя — Evenstar (см. Арвен)

Звездный Орел — Eagle of the Star (см. Торонгил)

Зимратон — Zimrathon *(нум.)*

Златовласка — Goldilocks, дочка Сэма Гэмджи

Золотая Ягодка, Золотинка, Икринка — Goldberry, жена Бомбадила

Золотород — Fairbairns *(хоб.)*

Иарвен Бен-Адар — Iarwain Ben-Adar (см. Бомбадил)

Ива, Старуха — Old Man Willow

Иворвена — Ivorwen *(нум.)*

Идрил Келебриндал — Idril Celebrindal *(эльф.)*

Илберик Брендибак — Ilberic Brandybuck *(хоб.)*

Илюватар — Iluvatar, создатель всего (см. Единый, Эру)

Имрахил — Imrahil, князь Дол Амрота *(гонд.)*

Ингольд — Ingold *(гонд.)*

Инзиладун — Inziladun *(нум.)*

Инкануш — Incanus (см. Гэндальв)

ирчи — yrch, орки по-эльфийски

Исембард Тук — Isembard Took *(хоб.)*

Исембольд Тук — Isembold Took *(хоб.)*

Исенгар Тук — Isengar Took *(хоб.)*

Исенгрим Тук — Isengrim Took *(хоб.)*

Исилдур — Isildur, сын Элендила, предок Арагорна

истари — istari, маги (см. Гэндальв, Саруман, Радагаст)

Исумбрас Тук — Isumbras Took *(хоб.)*

Йорета — Ioreth, целительница *(гонд.)*

казады — khazad, гномы (так их назвал Аули)

Календула Гэмджи — Marigold Gamgee *(хоб.)*

Календулсы — Marigolds *(хоб.)*

Калимехтар — Calimehtar *(гонд.)*

Калмакил — Calmacil *(гонд.)*

Камелия Сумкин-Торбинс — Camelia Sackville-Baggins *(хоб.)*

Камень Эльфов — Elfstone (см. Арагорн)

Канатчик Гэмджи — Roper Gamgee *(хоб.)*

Карк — Cark, ворон с Вороньей Скалы, отец Роука

каркалы — shriekers, презрительно о Назгулах

Карл (Ниб) Норкинс — Carl (Nib) Cotton *(хоб.)*

Карнемирия — Carnemirie, рябина Брегалада

Кастамир — Castamir *(умб.)*

квенди — quendi, говорящие, эльфы

Келеборн — Celeborn (см. Владыка Лориэна), эльф

Келебриана — Celebrian, дочь Галадриэли и Келеборна *(эльф.)*

Келебримбор — Celebrimbor, эльф-кузнец из Эрегиона

Келебриндор — Celebrindor *(арт.)*

Келефарн — Celepharn *(арт.)*

Кемендур — Cemendur *(гонд.)*

Кеорл — Ceorl *(рох.)*

Кили — Kili, гном

Кирдан-Корабел — Cirdan-Shipwright, эльф

Кириандил — Ciryandil *(гонд.)*

Кирион — Cirion *(гонд.)*

Кирьятан — Ciryatan *(нум.)*

Кирьяэр — Ciryaher *(гонд.)*, см. Хьярмендакил

Клык — Fang, пес Мотыля

князь — prince, Lord

князь Моргула — Morgul Lord, вождь назгулов (см. король мертвых, король Моргула, король-Чернокнижник)

князь полуростиков — prince of the halflings (см. эрнил-и-ферианнат)

Козолист — Goatleaf *(бриг.)*

Кольценосные призраки — Ringwreaths (см. назгулы)

Корешок — Stybba, пони Мерриадока

король Мертвых — king of the dead (см. князь Моргула)

король Моргула — Morgul king (см. князь Мор-

гула)

король Подгорный — king under the Mountain

король-Чернокнижник — witch-king (см. князь Моргула)

кочевники на колесницах — wainriders (см. востокане)

Красавица Эланор — Elanor the Fair *(хоб.)*

кребаны — crebain, птицы над Дунландом

крылатый посланец — winged messenger (см. назгул)

Крылоног — Wingfoot

кудук — kuduk, хоббит *(хоб.)*

Курунир — Curunir, мастер (см. Саруман)

Лагдуф — Lagduf, орк

Ларго Торбинс — Largo Baggins *(хоб.)*

Лассемиста — Lassemista, рябина Брегалада

Леголас Зеленолист — Legolas Greenleaf, сын Трандуила

Леод — Leod, отец Эорла *(рох.)*

Леоф — Leof *(рох.)*

лесные люди — woodmen

лесные эльфы — silvan elves, wood elves

Лилия Буркс — Lili Brown *(хоб.)*

Лилия Торбинс — Lily Baggins *(хоб.)*

Линда Торбинс — Linda Baggins *(хоб.)*

Линдир — Lindir, эльф

Листвяник — Leaflock, энт (см. Финглас)

Лобелия Сумкин-Торбинс — Lobelia Sackville-Baggins *(хоб.)*

Лонго Торбинс — Longo Baggins *(хоб.)*

Лони — Loni, гном

Лора Рылс — Laura Grubb *(хоб.)*

лосоты — lossoth, северное племя (см. Снежные люди)

Лотто Сумкин-Торбинс — Lotho Sackville-Baggins *(хоб.)*

Лофириель — Lothiriel, жена Эомера, дочь Имрахила

Лугдуш — Lugdush, орк

Лунарь — Man-in-the-Moon

Лучник (Ник) Норкинс — Bowman (Nick) Cotton *(хоб.)*

Лютиэнь Тинувьель — Luthien Tinuviel, дочь Тингола *(эльф.)*

Маблунг — Mablung *(гонд.)*

Мавхур — Mauhur, орк

маг — wizard (см. истари)

Маковка Торбинс — Poppy Baggins *(хоб.)*

Малбет — Malbeth, пророк

Маллор — Mallor *(арт.)*

Мальва Строптивинс — Malva Headstrong *(хоб.)*

Мальвегил — Malvegil *(арт.)*

мамун — mumak, (см. олифан), зверь с юга

Маргаритка Торбинс — Pansy Baggins *(хоб.)*

Мардил Воронвэ Степенный — Mardil Voronwe the Steadfast *(гонд.)* см. Добрый наместник

Мармадас — Marmadas *(хоб.)*

Мармадок Брендибак (Хозяин) — Marmadoc Brandybuck (Masterful)

Марчо — Marcho, один из братьев-основателей Хоббитшира

Медовар — Barliman (см. Баттерс)

Мелиана — Melian, мать Лютиэнь, майя

Мелилота Брендибак — Melilot Brandybuck *(хоб.)*

Мелкорой — Smallburrow *(хоб.)*

Менегильда Фунт — Menegilda Goold *(хоб.)*

Менельдил — Meneldil, сын Анариона *(гонд.)*

Менельдор — Meneldor *(гонд.)*

Менельдур — Meneldur *(нум.)*

Мента Брендибак — Mentha Brandybuck *(хоб.)*

Меримак Брендибак — Merimac Brandybuck *(хоб.)*

Меримас Брендибак — Merimas Brandybuck *(хоб.)*

Мерри Гэмджи — Merry Gamgee *(хоб.)*

Мерри (Мерриадок Великолепный) — Merry (Merriadoc the Magni-ficent) *(хоб.)*

Мил Закопанс — Milo Burrows *(хоб.)*

Мимоза Перепрыг — Mimosa Bounce *(хоб.)*

Миналкар — Minalcar *(гонд.)*

Минардил — Minardil *(гонд.)*

Минастан — Minastan *(гонд.)*

Минастир — Minastir *(нум.)*

Минто Торбинс — Minto Baggins *(хоб.)*

Миньятур — Minyatur *(нум.)*

Мирабелла Тук — Mirabella Took *(хоб.)*

мирасы — mearas, порода лошадей

Мириэль — Miriel *(нум.)*

Мирта Торбинс — Myrtle Baggins *(хоб.)*

Мифрандир — Mithrandir (см. Гэндальв)

Молчащие стражи — silent watchers *(морд.)*

Монго Торбинс — Mungo Baggins *(хоб.)*

Морвена Стальной Цветок — Morwene Steelsheen, мать Феодена

Моргот — Morgoth, дух Зла, бывший господин Саурона

Морро Торбинс — Moro Baggins *(хоб.)*

Моско Торбинс — Mosco Baggins *(хоб.)*

Мотыль — Maggot *(хоб.)*

Мохнолап, Мохнопят — Proudfoot, Proudfeet *(хоб.)*

мохноноги — harfoots, одно из племен хоббитов

Мудрые — the Wise
Музгаш — Muzgash, орк
Мэддок Брендибак, Упрямец — Madoc Brandybuck, Proudneck
Мэй Гэмджи — May Gamgee *(хоб.)*
Мэррок Брендибак — Marroc Brandybuck *(хоб.)*
Мэт Верескун — Mat Heathertoes *(бриг.)*
Мякуш — Fatty (см. Фредегар Болджер)

Навальник — Banks *(хоб.)*
назгулы — nazgul (см. жуткие всадники, Кольценосные призраки, Черные всадники)
Наин — Nain, гном
Нали — Nali, гном
наместник — steward
Нар — Nar, гном
Нарви — Narwi, гном
Нармакил — Narmacil *(гонд.)*
наугримы — naugrim, гномы по-эльфийски
Несущий (Несший, Отнесший) Кольцо, Носитель Кольца — Ring-bearer
неупокоившиеся умершие — sleepless dead
Ниб Норкинс — Nibs Cotton *(хоб.)*
Ник Норкинс — Nick Cotton *(хоб.)*
Нимродэль — Nimrodel *(эльф.)*
Ноб — Nob, хоббит в Бригорье
нольдор — noldor (ед. ч. нольдо — noldo) (см.

эльфы Высокого рода)

Нори — Nori, гном

Норкинс — Cotton *(хоб.)*

Норкман — Cotman *(хоб.)*

Норкс — Cottar *(хоб.)*

норты — northmen, северные союзники Гондора

Носатик — Wisenose, пони

Ноукс — Noakes *(хоб.)*

нуменорцы — numenoreans

Нытик — Slinker (см. Голлум)

Обновитель — Renewer (см. Энвиатар)

обходчик — bounder, военный хоббит

Огнескок — Firefoot, конь Эомера

огромины — big folk, люди

Одокар Болджер — Odovakar Boldger *(хоб.)*

Одо Мохнолап — Odo Proudfoot *(хоб.)*

Оин — Oin, гном

Ол Мохнопят — Olo Proudfoot *(хоб.)*

олифан — oliphaunt (см. мамун)

олог-хай — olog-hai, мордорские тролли Саурона

Олорин — Olorin (см. Гэндальв)

Ондоэр — Ondoher *(гонд.)*

онодримы — onodrim (см. энты)

Оральд — Orald (см. Бомбадил)

Оргул Брендибак — Orgulas Brandybuck *(хоб.)*
Ори — Ori, гном
орки — orcs
Ородрет — Orodreth
Оромэ — Orome (см. Ар, Бема)
Орофарна — Oropharne, рябина Брегалада
Орофин — Orophin, брат Халдира, эльф
Остоэр — Ostoher *(гонд.)*
Отнесший (Несущий) Кольцо — Ring-Bearer
отряд — company
отряд всадников Рохана — см. Эоред
Отряд Кольца — fellowship of the Ring
Отто Сумкин-Торбинс — Otho Sackville-Baggins *(хоб.)*
Охтар — Ohtar, оруженосец Исилдура
Очецвета Тук — Pimpernell Took *(хоб.)*

Паладин Тук — Paladin Took *(хоб.)*
папаша Двупят — daddy Twofoot *(хоб.)*
Первоцветка Тук — Primrose Took *(хоб.)*
Перегрин (Пипин) Тук — Peregrin (Pippin) Took *(хоб.)*
передил — peredhil, полуэльф
перианы — pheriannath (ед. ч. — perian), (см. хоббиты)
Перлина Тук — Pearl Took *(хоб.)*
Пескорылс — Sandheaver *(хоб.)*

Песокс — Sandyman *(хоб.)*

Пипин Гэмджи — Pipin Gamgee *(хоб.)*

пираты — corsairs

Подгорный король — king under the Mountain

Подхолмс — Underhill *(хоб.)*

Покровители мира — Guardians (см. валар)

Поло Торбинс — Polo Baggins *(хоб.)*

полуростики, полуростки — halflings (см. хоббиты)

полуэльф (передил) — half-elven (peredhil)

Полынник — Mugwort *(бриг.)*

Понто Торбинс — Ponto Baggins *(хоб.)*

Пончик — Fatty Lumpkin, пони Бомбадила

попечитель — warden

Порто Торбинс — Porto Baggins *(хоб.)*

Поско Торбинс — Posco Baggins *(хоб.)*

посыльные — messengers, хоббиты-почтальоны

почетный оруженосец Рубежного Края — Holdwine of the Mark, титул Мерриадока

призраки — wraiths

Примула Брендибак — Primula Brandybuck *(хоб.)*

Приска Торбинс — Prisca Baggins *(хоб.)*

Причмок — Wormtongue (см. Грима)

Провозвестник Бури — Stormcrow (см. Гэн-

дальв)
Прыщ — Pimple (см. Лотто)
Пышнинг — Goodbody *(хоб.)*

Радагаст Бурый — Radagast the Brown, маг
Радбуг — Radbug, орк
Реджинар Тук — Reginard Took *(хоб.)*
Репейникс — Thistlewool *(бриг.)*
Робин Гэмджи — Robin Gamgee *(хоб.)*
Робин Мелкорой — Robin Smallburrow *(хоб.)*
Роза Торбинс — Rosa Baggins *(хоб.)*
Роза Холман — Rosa Holman *(хоб.)*
Розамунда Тук — Rosamunda Took *(хоб.)*
Рози Норкинс — Rose Cotton *(хоб.)*
Ролли Яблочко — Rowlie Appledore *(хоб.)*
Ромашка Гэмджи — Daisy Gamgee *(хоб.)*
Ромашка Торбинс — Daisy Baggins *(хоб.)*
Ромендакил (Таростар) — Romendacil (Tarostar) *(гонд.)*
Рори Брендибак — Rory Brandybuck *(хоб.)*
Роримак Золотопап — Rorimac Goldfather *(хоб.)*
Роук — Roac, сын Карка, ворон
Рохерин — Roheryn, конь Арагорна
рохирримы — rohirrim (см. дети Эорла)
Руби Болджер — Ruby Bolger *(хоб.)*
Руби Гэмджи — Ruby Gamgee *(хоб.)*
Рудигар Болджер — Rudigar Bolger *(хоб.)*

Румил — Rumil, брат Халдира, эльф

рунийцы — men of Rhun

Руф Закопанс — Rufus Burrows *(хоб.)*

Рылс — Grubb *(хоб.)*

Рябинка Холман — Roman Holman *(хоб.)*

Садок Брендибак — Sadoc Brandybuck *(хоб.)*

Сакальтор — Sakalthor

Сангайянд — Sangahyando, правнук Кастамира *(умб.)*

Санчо Мохнопят — Sancho Proudfoot *(хоб.)*

Сарадас Брендибак — Saradas Brandybuck *(хоб.)*

Сарадок Брендибак, Расточитель — Saradoc Brandybuck, Scattergold *(хоб.)*

Саруман Белый — Saruman the White (см. Курунир)

Саурон — Sauron (см. Черный Властелин)

светлинги — fallowhides, одно из племен хоббитов

свободные народы — free peoples

Селадина Брендибак — Celandine Brandybuck *(хоб.)*

Сеногрыз — Hayward *(хоб.)*

Серая дружина — Grey company

Сердик Брендибак — Seredic Brandybuck *(хоб.)*

Серое племя, синдар — Grey elves, sindar

Серосвет — Shadowfax, конь Гэндальва

Серый странник — Grey Wanderer, Grayhame (см. Гэндальв)

Сигизмонд Тук — Sigismond Took *(хоб.)*

Сильвия Брендибак — Salvia Brandybuck *(хоб.)*

Сильмарина — Silmarien, дочь Элендила

Сириондил — Siriondil *(гонд.)*

Скат, дракон — Scatha the worm

скитальцы — rangers (см. стражи-скитальцы)

Скороствол — Quickbeam (см. Брегалад)

Слизняк — Worm (см. Грима)

Смеагол — Smeagol (см. Голлум)

Снага — Snaga, «раб», орк

Снежногривый — Snowmane, конь Феодена

снежные люди — snowmen (см. лосоты)

Содружество Кольца — Fellowship of the Ring

соломенные лбы — strawheads (см. форгоилы)

Старейший — The Oldest (см. Бомбадил)

Старобэк — Oldbuck *(хоб.)*

Старуха Ива — Old Man Willow

Старый Гэмидж канатчик — Old Gammidge, the Roper (см. Хобсон)

Старый Тук — Old Took

Сторож Вод — Watcher-in-the-water

сторы — stoors, одно из племен хоббитов

стражи-скитальцы — rangers, северные дунаданы без королевства

Сумкинсы, Сумкин-Торбинсы — Sackvilles, Sackville-Bagginses

Сурион — Surion *(нум.)*

Сэм (Сэммиус) Гэмджи — Sam (Samwise) Gamgee *(хоб.)*

Тан — Thain, правитель Хоббитшира

Танта Дудлинг — Tanta Hornblower *(хоб.)*

Тараннон Фаластур — Tarannon Falastur *(гонд.)*

Таргон — Targon *(гонд.)*

тарк — tark, орки так называли людей

Таркил — Tarcil *(арн.)*

Таркириан — Tarciryan *(гонд.)*

Таркун — Tarkun (см. Гэндальв)

Тарондор — Tarondor *(арн.)*

Таростар — Tarostar *(гонд.)*

Тед Песокс — Ted Sandyman *(хоб.)*

Телеммаит — Telemmaite *(нум.)*

Телемнар — Telemnar *(гонд.)*

Телкар — Telchar, эльф-кузнец, ковавший Нарсил

Телумехтар Умбардакил — Telumehtar Umbardacil *(гонд.)*

Тельконтар — Telcontar, Долгоброд (см. Арагорн)

Телпериен — Telperien *(нум.)*

Тенгл — Thengel, отец Феодена *(рох.)*

Тень Отчаяния — Shadow of Despair (см. князь Моргула)

Тень Рока — Shadow of Doom

Тингол Серый Плащ — Thingol Greycloak, отец Лютиэнь, эльф

Тинувьель — Tinuviel, «соловей», прозвание Лютиэнь

Тоби (Тобольд) Дудлинг — Toby (Tobold) Hornblower *(хоб.)*

Того Пышнинг — Togo Goodbody *(хоб.)*

Толман (Том) Норкинс — Tolman (Tom) Cotton *(хоб.)*

Том Бомбадил — Tom Bombadil (см. Бомбадил)

Тонкокор — Skinbark, энт (см. Фладриф)

Топотун — Bumpkin, пони

Торбинс — Baggins *(хоб.)*

Торин Дубощит — Thorin Oakenshield, гном

Торин Каменный Шлем — Thorin Stonehelm, гном

Торонгил — Thorongil (см. Звездный Орел, Арагорн)

Торондир — Thorondir, *(гонд.)*

Торондор — Thorondor, орел

Тот, кого не называют — Nameless

Трайн — Thrain, гном

Трандуил — Thranduil, король эльфов Темно-

лесья

тролль — troll

Трор — Thror, дед Торина, гном

Тростяник — Rushlight *(бриг.)*

Тугобрюх — Bracegirdle *(хоб.)*

Тук — Took *(хоб.)*

Туннельник — Tunnelly *(хоб.)*

Туор — Tuor, отец Эарендила

Турамбар — Turambar *(гонд.)*

Тургон — Turgon, эльф

Турин — Turin

Тяп — Grip, пес Мотыля

Уайзман Гэмидж — Wiseman Gamwich *(хоб.)*

Углук — Ugluk, орк

Уго Боффин — Hugo Boffin *(хоб.)*

умерлие — wight, barrow-wight

Унголианта — Ungoliant, древняя паучиха, мать Шелобы

Ундомиэль — Undomiel (см. Арвен)

урук — uruk, злобные мордорские орки

урук-хай — uruk-hai, боевые орки

Уста Саурона — Mouth of Sauron, посол

Уфтак — Ufthak, орк

Фалько Жуйл-Торбинс — Falco Chubb-Baggins *(хоб.)*

Фангорн — Fangorn (см. Древесник, энт)

Фаразон, Золотой — Pharazon, the Golden *(гонд.)*

Фарамир — Faramir *(гонд.)*

Фарамир Тук — Faramir Took, сын Перегрина

Фарин — Farin, гном

Фастольф Болджер — Fastolf Bolger *(хоб.)*

Фастред — Fastred *(рох.)*

Фастред Золотород — Fastred Fairbairns *(хоб.)*

Феанор — Feanor, великий мастер, эльф

Фелагунд — Felagund, прозвание Финрода *(эльф.)*

Фелар — Felarof, «Отец коней», предок Серосвета

Фенгл — Fengel *(рох.)*

Феодвина — Theodwyn, сестра Феодена *(рох.)*

Феоден Воскресший — Theoden Ednew, король Рохана

Феодред — Theodred, сын Феодена *(рох.)*

Фердибранд Тук — Ferdibrand Took *(хоб.)*

Фердинанд Тук — Ferdinand Took *(хоб.)*

Ферумбрас Тук — Ferumbras Took *(хоб.)*

Фили — Fili, гном

Филибер Болджер — Filibert Bolger *(хоб.)*

Фимбретиль — Fimbrethil (см. Веточка)

Финглас — Finglas, энт (см. Листвяник)

Финдегил — Findegil, гондорский писец

Финдуилас — Finduilas, мать Фарамира

Финрод Фелагунд — Finrod Felagund, эльф

Фириэль — Firiel *(гонд.)*

Фладриф — Fladrif, энт (см. Тонкокор)

Фламбард Тук — Flambard Took *(хоб.)*

Флои — Floi, гном

Фолквин — Folkwine *(рох.)*

Фолко Боффин — Folco Boffin *(хоб.)*

Фольк — Folca *(рох.)*

Фолькред — Folcred *(рох.)*

форгоилы — forgoilat, «белоголовые», (см. соломенные лбы)

Форлонг — Forlong *(гонд.)*

Форн — Forn (см. Бомбадил)

фородваит — Forodwaith, северное племя, см. лосоты

Фортинбрас Тук — Fortinbras Took *(хоб.)*

Фоско Торбинс — Fosco (and Posco) Baggins *(хоб.)*

Фрам сын Фрумгара — Fram son of Frumgar, победитель Ската

Фрар — Frar (гном.)

Фреавин — Freawine *(рох.)*

Фреалаф сын Гильды — Frealaf Hildeson *(рох.)*

Фредегар Болджер — Fredegar Bolger (см. Толстик)

Фрей — Frea *(рох.)*

Фрека — Freca *(рох.)*
Фрерин — Frerin, гном
Фродо Садовник — Frodo Gardner *(хоб.)*
Фродо Торбинс — Frodo Baggins *(хоб.)*
Фрор — Fror, гном
Фрумгар — Frumgar *(рох.)*
Фундин — Fundin, гном

Хадор Златовласый — Hador Goldenhead
Халбард Дунадан — Halbarad Dunedain, родич Арагорна
Халдир — Haldir, эльф
Халеф — Haleth, сын Хельма *(рох.)*
Халлас — Hallas *(гонд.)*
Халфрид Гэмджи — Halfred Gamgee *(хоб.)*
Халфрид Зеленые Пальцы — Halfred Greenhand *(хоб.)*
Ханна Злоткинс — Hanna Goldworthy *(хоб.)*
харадцы — haradrim
Хардиг — Harding *(рох.)*
Хардинг Гэмджи — Harding Gamgee *(хоб.)*
Хасуфел — Hasufel, конь
Хвостик — Swish-Tail, пони
Хвощ, Билл — Ferny, Bill *(бриг.)*
Хельм Железнорукий — Helm Hammerhand *(рох.)*
Хендинг Холман — Hending Holman *(хоб.)*

Херебранд — Herubrand *(рох.)*

Херфара — Herefara *(рох.)*

Хильда Тугобрюх — Hilda Bracegirdle *(хоб.)*

Хильдибранд Тук — Hildibrand Took *(хоб.)*

Хильдигард Тук — Hildigard Took *(хоб.)*

Хильдигрим Тук — Hildigrim Took *(хоб.)*

Хильдифонс Тук — Hildifons Took *(хоб.)*

Хиргон — Hirgon, гонец *(гонд.)*

Хирлаин Белокурый — Hirlain the Fair *(гонд.)*

Хоб Канатчик — Hob the Roper (см. Хобсон Гэмджи)

хоббиты — hobbits (см. перианы, полуростки)

Хоби (Хоб) Сеногрыз — Hobie Hayward *(хоб.)*

Хобсон Гэмджи — Hobson Gamgee (см. Старый Гэмидж, Канатчик)

Хозяин — the Master (см. Бомбадил)

Хозяин Брендихолла — Master of the Hall

хозяйка Райвендела — lady of Rivendell

холбыт — holbytla, хоббит *(устар.)*

Холман Зеленые Пальцы — Holman Greenhanded *(хоб.)*

Холман Норкинс (Длинный Хол) — Holman Cotton (Long Hom) *(хоб.)*

Хорлас — Jorlas, дядя Бергиля *(гонд.)*

Хорн — Horn

Хрумс, вдова — Widow Rumble *(хоб.)*

Хуор — Huor
Хурин Высокий — Hurin the Tall *(гонд.)*
хьорны — huorns, ходячие деревья
Хьярмендакил — Hyarmendacil *(гонд.)*
Хэл (Хэлфаст) Гэмджи — Hal (Halfast) Gamgee *(хоб.)*
Хэм (Хэмфаст) Гэмджи — Ham (Hamfast) Gamgee (см. Дед Гэмджи)
Хэмсон — Hamson *(хоб.)*
Хэмфаст из Гэмвича — Hamfast of Gamwich

целители — healers *(гонд.)*
Цыпа Жуйл — Chika Chubb *(хоб.)*

Чернокнижник — witch-lord, король-призрак из Ангмара (см. князь Моргула)
чернолюды — swertings
Черные всадники — black riders
черные нуменорцы — Black Numenoreans
Черный Властелин — Dark Lord (см. Саурон)
Черный Чародей — Necromancer (см. Саурон)

Шаграт — Shagrat, орк
Шарки — Sharkey, «акула» (см. Саруман)
шарку — sharku, старик (орчье)
Шелоба — Shelob, паучиха на границе Мордора
Шеф — Chief, Лотто Сумкин-Торбинс *(хоб.)*
Шиповинс, Том — Pikthorn, Tom *(бриг.)*

ширриф — shirrif, хоббит-полицейский

Щиторукая королевна — Lady of the Shield-arm (см. Эовина)

Эарендил — Earendil, отец Элронда, уплывший в небо звездой
Эарендур — Earendur *(арн.)*
Эарнил — Earnil *(гонд.)*
Эарнур — Earnur *(гонд.)*
Эверард Тук — Everard Took *(хоб.)*
Эгалмот — Egalmoth *(гонд.)*
Эглантина Навальник — Eglantine Banks *(хоб.)*
эдаин — edain, первые люди (см. адан)
Эктелион — Ecthelion, отец Дэнетора
Эланор Гэмджи (Красавица) — Elanor Gamgee (the Fair)
Элберет — Elbereth (см. Варда, элентари)
Элгильда — Elfhilda *(рох.)*
Элендил Высокий — Elendil the Tall
Элендур — Elendur *(арн.)*
элентари — elentari, королева звезд (см. Элберет)
Элессар — Elessar, Камень эльфов (см. Арагорн)
Элладан — Elladan, сын Элронда
Элронд Полуэльф — Elrond Halfelven
Элрос — Elros, брат Элронда

Элрохир — Elrohir, сын Элронда

Элфхельм — Elfhelm *(рох.)*

Эльвинга Белоснежная — Elwing Snow-white, дочь Диора

Эльдакар — Eldacar *(арн.)*

эльдар — eldar (мн. ч.), высокородные эльфы

Эльдарион — Eldarion, сын Арагорна

Эльфин Красивый — Elfwin the Fair, сын Эомера *(рох.)*

Эльфстан Золотород — Elfstan Fairbairns *(хоб.)*

эльфы — elves (ед. число elf), см. дивный народ

эльфы Высокого рода — High-elves (см. нольдор)

эльфы-кузнецы — elven-smiths

Энвиатар — Enviatar, Обновитель (см. Арагорн)

Энди — Andy *(хоб.)*

Эндиус Канатчик из Узкополья — Andwise the Roper of Tighfield

Энсон Гэмджи — Anson Gamgee *(хоб.)*

энты — ents (множ. энид — enyd) (см. онодримы)

энтята — entings

Эовина — Eowyn (см. Горедар, Щиторукая королевна), королевна Рохана

Эомер Эадиг — Eomer Eadig *(рох.)*

Эомунд — Eomund, отец Эомера

эоред — eored, отряд роханских всадников, примерно сотня

Эорл Юный — Eorl the Young *(рох.)*

Эорлинги — Eorlingas, Дети Эорла, рохирримы

Эофен — Eothain *(рох.)*

Эрадан — Eradan *(гонд.)*

Эрестор — Erestor, эльф

Эркенбранд — Erkenbrand *(рох.)*

Эрлинг Холман — Erling Holman *(хоб.)*

эрнил-и-ферианнат — ernil-i-pheriannath, князь перианов (см. князь полуростиков)

Эрод — Arod, конь

Эру — Eru (см. Единый, Илюватар)

Эсмеральда Тук — Esmeralda Took *(хоб.)*

Эстел — Estel, «Надежда», детское имя Арагорна

Эстелла Болджер — Estella Bolger *(хоб.)*

южане — southrons

Яблочко — Appledore (см. Ролли)

Ягодка-икринка — Goldberry (см. Золотая Ягодка)

2. Географические названия, постройки

Агларонд — Aglarond (см. Блистающие Пещеры) *(рох.)*

Адорн — Adorn, приток Исены

Азанулбизар — Azanulbizar (см. Долина Димрилла)

Алдаломэ — Aldalome

Амбарона — Ambarona

Амон Амарт — Amon Amarth, Роковая гора (см. Ородруин)

Амон Дин — Amon Din *(гонд.)*

Амон Лоух — Amon Lhaw (см. Гора-Ухо)

Амон Сул — Amon Sul (см. Всепогодная гора)

Амон Хен — Amon Hen (см. Гора-Глаз)

Ангбанд — Angband, Железный Ад, древняя крепость Моргота

Ангмар — Angmar, исчезнувшее королевство на севере

Ангреност — Angrenost (см. Исенгард)

Андуин — Anduin (см. Великая река)

Андуния — Andunie *(нум.)*

Анориэн — Anorien *(гонд.)*

Ануминас — Annuminas *(гонд.)*
Анфалас — Anfalas *(гонд.)*
Аргонаты — Argonath (см. Врата Королей)
Арлонд — Harlond, порт в Минас Тирите
Арнор — Arnor
Артедаин — Arthedain, часть Арнора

Багровые Ворота — Redhorn Gate
Багровый Рог — Redhorn (см. Карадрас)
Бакбург — Buckkbury *(хоб.)*
Бакленд — Buckland *(хоб.)*
Барад Дур — Barad Dur (см. Черный Замок)
Бараз, Баразинбар — Baraz, Barazinbar (см. Карадрас)
Барсучьи Норы — Brockenborings, деревня *(хоб.)*
Башенный Зал — Great Hall (см. Меретронд)
Башня Ветров — Weather Top, развалина на Всепогодной горе
Башня Дарина — Durin's Tower
Башня Эктелиона — Tower of Ecthelion (см. Белая Башня)
Безботл — Nobottle *(хоб.)*
Безумная гора — Haunted mountain (см. Двиморберг) *(рох.)*
Белая Башня — White Tower (см. Башня Эктелиона) *(гонд.)*

Белая Криничка — Whitwell, деревня *(хоб.)*

Белегост — Belegost, погибший гномий город

Белерианд — Beleriand

Белослед — Whitfurrows, деревня *(хоб.)*

Белфалас — Belfalas *(гонд.)*

Белые горы — White mountains (см. Эред Нимрас) *(гонд.)*

Белые Холмы — White Downs

Берендуин — Baranduin (см. Брендидуин)

Бесконечные Ступени — Endless Stair

Благословенный Край — Blessed Realm (см. Нуменор)

Блистающие Пещеры — Glittering Caves (см. Агларонд) *(рох.)*

Большие Смайелы — Great Smials *(хоб.)*

Большой Клин — Long Cleeve *(хоб.)*

Бочковый овраг — Pincup *(хоб.)*

Брендигорка — Buck Hill *(хоб.)*

Брендидуин — Brandywine (см. Берендуин)

Брендидуинский Мост — Brandywine Bridge (см. Мост Каменных Арок) *(хоб.)*

Брендихолл — Brandy Hall *(хоб.)*

Бри, Бригорье — Bree

брод через Бруинен — Fords of Bruinen

броды через Исену — Fords of Isen

брод у Скалы Стоянки — Ford of Carrock

Бруинен — Bruinen, река (см. Гремучая)
Бундушатхур — Bundushathur (см. Фануидхол)
Бурегоры — Weather Hills
Бурые Земли — Brown Lands

Валимар — Valimar
Валинор — Valinor
Вал Мертвецов — Deadmen's Dike (на месте Форноста)
Великая река — Great River (см. Андуин)
Великое Зеленолесье — Greenwood the Great (см. Темнолесье)
Вечернее озеро Эвендим — Evendim (см. Нэнуйял)
Вечновечерний Край — Evereve (см. Эрессея)
Внутреннее море — Inland sea (см. море Нурн)
водопад Раурос — falls of Rauros
водопад Эннет Аннун — falls of Henneth Annun *(гонд.)*
Воронья Скала — Ravenhill
Ворота Димрилла — Dimrill Gate
Ворота у Загороди — Hay Gate *(хоб.)*
Воссоединенное королевство — Reunited Kingdom
Восточная Лощина — Eastfold *(рох.)*
Восточная Стена Рохана — East Wall of Rohan
Восточная чверть — Eastfarthing *(хоб.)*

Восточные ворота — East gate
Восточный Эмнет — Eastemnet *(рох.)*
Врата Королей — Gate of Kings (см. Аргонаты)
Врата Мории — Gate of Moria
Врата Умерших — Gate of the Dead
Высокий Перевал — High Pass
Высохшее плато — Withered Heath
Вязаночный лес — Bindbale wood *(хоб.)*
Гарцующий пони — Prancing Pony, трактир *(бриг.)*
Гватло — Gwathlo, река (см. Серая)
Гилрана — Gilrain, река *(гонд.)*
Гландуин — Glanduin, приток р. Серой
Гномьи Копи — Dwarrowdelf (см. Мория, Фурунаргиан)
Голая гора — Starkhorn *(рох.)*
Гондолин — Gondolin, древнее эльфийское королевство
Гондор — Gondor
гора Ветров — Weather Hill (см. Амон Сул)
Гора-Глаз — Mountain of Seeing (см. Амон-Хен)
гора Грэм — Mount Gram *(хоб.)*
Гора-Клык — Mount Fang (см. Ортханк)
Гора-Ухо — Mountain of Hearing (см. Амон-Лоух)
гора Эрк — Hill of Erech *(гонд.)*
Горгорот — Gorgoroth *(морд.)*

Город Деревьев — city of the trees (см. Карс Галадон)

горы Гондора — mountains of Gondor

горы Тени — mountains of Shadow (см. Эфел Дуат)

горы Ужаса — mountains of Terror

Гремучая — Loudwater, река (см. Бруинен)

Гундабад — Gundabad

Дагорлад — Dagorlad (см. Поле Битвы)

Дальние Холмы — Far Downs *(хоб.)*

Дальний Харад — Far Harad

Дамба — Causeway *(гонд.)*

Двалинг — Dwaling *(хоб.)*

Двиморберг — Dwimorberg (см. Безумная гора)

Двиморден — Dwimordene (см. Лориэн)

Дейл — Dale

Дикие Земли, Дикий Край — Wilderlands (см. Рованион)

Димгол — Dimholt *(рох.)*

Длинные Подвалы — Lockholes *(хоб.)*

Дол Амрот — Dol Amroth *(гонд.)*

Дол Барн — Dol Baran, гора

Дол Гулдур — Dol Guldur, крепость Саурона в Темнолесье

Долгодон — Longbottom *(хоб.)*

Долгое озеро — Long Lake

долина Димрилла — Dimrill dale (см. Нандурион, Азанулбизар)

долина Живой Смерти — Valley of Living Death (см. Имлад Моргул)

долина Ирисов — Gladden Fields

долина Каменных Телег — Stonewain valley *(гонд.)*

долина Поющего Золота — Vale of the Singing Gold (см. Лориэн)

долина Призраков — Vale of the Wreaths

долина реки Мортонд — Morthond vale

долина реки Энтов — Entwash vale

долина Удун — Udun *(морд.)*

Долина Чародея — Wizard's Vale (см. Нэн Курунир)

долина Черного Корня — Blackroot vale (см. Мортонд)

Долинка — Combe *(бриг.)*

Дома Целения — Houses of Healing *(гонд.)*

Дом Сдачи — Mathom House *(хоб.)*, музей в Мичел Делвинге

Дом Ширрифов — Shirrif-house *(хоб.)*

Дом Элронда — House of Elrond

Дориат — Doriath

Дорвинион — Dorwinion

Дорфонион — Dorthonion

Друаданский лес — Druadan Forest *(гонд.)*
Дубки — Greenholm *(хоб.)*
Дунгара — Dunharrow *(рох.)*
Дунгарское Укрытие — Dunharrow Hold *(рох.)*
Дунланд — Dunland
Дуртханг — Durthang *(морд.)*

Жабс — Frogmorton *(хоб.)*, деревня
Железная Пасть — Isenmountn (см. Карах Ангрен)
Железные Врата — Iron Gate (см. Мораннон)
Железный Гребень — Irensaga, гора
Железный Кряж — Iron Hills

Загорный тракт — Forest Road
Загородь — Hedge, High hay *(хоб.)*
Закатный Край — Evereve (см. Вечновечерний Край)
Заколдованный овраг — Derndingle
Закрученная лестница — Winding stair
Закрытая дверь — Closed door (см. Фен Холлен)
Замостье — Bridgefields *(хоб.)*
Занорье — Overhill *(хоб.)*
Заозерные холмы — Hills of Evendim *(хоб.)*
Заокраинный Запад — Uttermost West, Westernesse (см. Эрессея)
Западная Лощина — Westfold, Westfold Vale

(рох.)

Западное Приграничье — Westmarch *(хоб.)*

Западные моря — Western seas

Западная чверть — Westfarthing *(хоб.)*

Западный Эмнет — Westemnet *(рох.)*

Затененные моря — Shadowed Seas

Затерянный Остров — Lost Isle (см. Эрессея)

Звездная Цитадель — Citadel of the Stars (см. Осгилиат)

Звездный Купол — Dome of the Stars

Зеленое нагорье — Green Hills

Зеленое перепутье — Green way Crossing

Зеленолистая Пуща — Wood of Greenleaves (см. Темнолесье)

Зеленый дракон — Green Dragon, харчевня в Хоббитшире

Зеленый тракт — Greenway

Зеленые поля — Greenfields *(хоб.)*

Зеленые холмы — Greenhill country *(хоб.)*

Зеркальное озеро — Mirrormere (см. Келед Зарам)

Зирак, Зирак-Зигил — Zirak, Zirak-Zigil (см. Келебдил, Серебряный)

Злая гора — Cruel Mountain (см. Карадрас)

Золотой Двор — Golden Hall (см. Медуселд)

Золотой лес — Golden Wood (см. Лориэн)

Золотой окунек — Golden Perch; трактир в Бакленде

Зубы Мордора — Teeth of Mordor (см. Кархост и Нархост)

Ивки — Willowbottom, деревня *(хоб.)*

Ивьюнка — Withywindle, река в Старом лесу *(хоб.)*

Игладил — Egladil

Иглоноры — Needlehole *(хоб.)*

Ильмарин — Ilmarin

Имлад Моргул — Imlad Morgul (см. Долина Живой Смерти)

Имладрис — Imladris (см. Райвендел)

Имлот Мелуй — Imloth Melui *(гонд.)*

Ирис, ручей — Gladden River

Исена — Isen, река

Исенгард — Isengard (см. Ангреност)

Итилиэн — Ithilien *(гонд.)*

Казад-Дум — Khazad-dum (см. Мория)

Кайр Андрос — Cair Andros *(гонд.)*

Калакирион — Calacirion

Калембел — Calembel *(гонд.)*

Каленардон — Calenardhon (см. Рохан)

Каленхед — Calenhad, гора

Каменный Трон Королей — High Seat

Каменные Кости — см. Сарн Гебир

Каменные Торосы — см. Фородваит

Каменный брод — Sarn Ford

Каменный город — Stone-city (см. Минас Тирит)

Каменный дол — Harrowdale

Каменоломни — Quarry *(хоб.)*

Камень горы Эрк — Stone of Erech (см. Черный Камень)

Каминный зал — Hall of Fire

Камнеботл — Hardbottle *(хоб.)*

Камыши — Rushy, деревня в Бакленде

Карадрас — Caradhras (см. Багровый Рог, Баразинбар, Злая гора)

Карах Ангрен — Carach Angren (см. Железная Пасть)

Кардолан — Kardolan, часть Арнора

Карн Дум — Carn Dum

Карнен — Carnen, Рыжая Вода, река

Карс Галадон — Caras Galadon (см. Город Деревьев)

Кархост — Carchost (см. Зубы Мордора)

Келебдил — Celebdil (см. Зирак-Зигил)

Келебрант — Celebrant (см. Кибиль-Нала, Серебринка)

Келед-Зарам — Kheled Zararn (см. Зеркальное озеро)

Кельдуна — Celduin (см. Текучая)

Керин Амрот — Cerin Amroth, Курган Амрота

Кибиль-Нала — Kibil Nala (см. Келебрант)

Кирил — Kiril, река в Гондоре

Кирит Горгор — Cirith Gorgor (см. Проклятое Ущелье)

Кирит Унгол — Cirith Ungol

Клин — Gore, Tongue (см. Наит)

Ковыльный Дол — Celebrant Fields

Конец Загороди — Haysend

Кормалленское Поле — Field of Cormallen

Кошары — Catbarion *(хоб.)*

Крепость Восходящей Луны — Tower of the Rising Moon (см. Минас Моргул)

Крепость Заходящего Солнца — Tower of the Setting Sun (см. Минас Тирит)

Крепость Последней Надежды — Tower of Last Hope (см. Минас Тирит)

Крепость Темных Чар — Tower of Sorcery (см. Минас Моргул)

Криволесье — Archet *(бриг.)*

Кричья Балка — Crickhollow *(хоб.)*

Круглый Остров — Girdley Island *(хоб.)*

Курган Амрота — Mound of Amroth, см. Керин Амрот

Курганы — Tombs *(рох.)*

Кханд — Khand

Ламедон — Lamedon *(гонд.)*

Лаурелиндоренан — Laurelindorenan (см. Лориэн)

Лебенин — Lebennin *(гонд.)*

Лебяжья — Swanfleet, река

Левобережье — см. Харлиндон

Ледовый Залив — Ice Bay (см. Форохел)

Ледянка — Snowbound River *(рох.)*

лес Фириэн — Firienwood

лес Энтов — Entwood (см. Фангорн)

Лесная река — Forest River

Лесной Предел — Woody End *(хоб.)*

Лесной Чертог — Woodhall (см. Шатры, Шатровая Поляна)

Летописный Зал — Chamber of Records (см. Мазарбул)

Лефна — Lefnui, река *(гонд.)*

Лингир — Linhir *(гонд.)*

Линдон — Lindon

Лифлад — Lithlad *(морд.)*

Логово Шелобы — Shelob's Lair (см. Торех Унгол)

Лориэн — Lorien (см. Двиморден, Долина Поющего Золота, Лаурелиндоренан, Лотлориэн)

Лосарнак — Lossarnach *(гонд.)*

Лотлориэн — Lothlorien (см. Лориэн)

Луг перед Торбой (Семейный луг) — Party Field

Лугбурз — Lugburz (см. Барад Дур)

луговина Парт Гален — lawn of Parth Galen

Луна — Lune, река

Лунная Башня — Moon Tower (см. Минас Моргул)

Лунные горы — mountains of Lune (см. Синие Горы)

Лунный залив — gulf of Lune

Мазарбул — Mazarbul (см. Летописный Зал)

Малый Делвинг — Little Delving *(хоб.)*

Мглистые горы — Misty mountains

Медуселд — Meduseld (см. Золотой Двор)

Межболотье — Rushock Bog *(хоб.)*

Межречье — Angle

Менельтарма — Meneltarma

Меретронд — Merethrond (см. Башенный Зал)

Меринг, ручей — Mering *(рох.)*

Мертвые Топи — Dead Marshes (см. Ниндальф)

Метедрас — Methedras, гора

Минас Анор — Minas Anor (см. Минас Тирит)

Минас Итиль — Minas Ithil (см. Минас Моргул)

Минас Моргул — Minas Morgul (см. Крепость Восходящей Луны, Крепость Темных Чар, Минас Итилъ)

Минас Тирит — Minas Tirith (см. Крепость Последней Надежды, Каменный Город,

Минас Анор, Мундбург, Сторожевая Крепость)

Мингириат — Minhiriath

Миндоллуин — Mindolluin, гора

Мин Риммон — Min Rimmon, гора

Митейтель — Mitheitel (см. Хмурая)

Мифлонд — Mithlond (см. Серая Гавань)

Мичел Делвинг — Michel Delving *(хоб.)*

Могильники — Barrowfield, Barrow Downs *(хоб.)*

Моранноn — Morannon, (см. Черные Врата)

Моргайя — Morgai, горная цепь в Мордоре

Моргул — Morgul

Моргулдуин — Morgulduin, Отравленный поток

Мордор — Mordor (см. Страна Тени)

море Нурн — sea of Nurnen (см. Внутреннее море)

Море Разлук — Sundering Sea

Мория — Moria (см. Гномьи Копи, Казад Дум, Черная Бездна, Фурунаргиан)

Мортонд — Morthond (см. долина Черного Корня)

Мост Дарина — Durin's Bridge

Мост Каменных Арок — Bridge of Stonebows (см.

Брендидуимский Мост)

Мошкариные Топи — Midgewater Marshes

Мундбург — Mundburg (см. Минас Тирит)

Нагорная Пустошь — Wold

Надречная — Upbourn, деревенька над Ледянкой

Наит — Naith, Naith of Lorien (см. Клин)

Намостье — Staddle *(бриг.)*

Нандурион — Nanduhirion (см. долина Димрилла)

Нантасарион — Nan-tasarion, vale of Willows

На плоту — Floating Log, харчевня в Хоббитшире

Нарготронд — Nargothrond

Нардол — Nardol

Нархост — Narchost (см. Зубы Мордора)

Нельдорет — Neldoreth

Нимбретиль — Nimbrethil

Нимродэль — Nimrodel, речка

Ниндальф — Nindalf (см. Хляби)

Новая улица — New Row *(хоб.)*

Ногрод — Nogrod, погибший гномий город

Норбур — Norbury (см. Форност)

Норланд — Norland

Нуменор — Numenor (см. Эленна)

Нурны — Nurnen

Ньюбург — Newbury *(хоб.)*

Нэн Итоэль — Nen Hithoel, озеро

Нэн Курунир — Nan Curunir (см. Чародейская Котловина)

Нэнуйял — Nenuial, (см. Эвендим)

Обуз — Obuz *(морд.)*

Овсяный Дол — Oatbarton *(хоб.)*

Огненная гора — Mountain of Fire (см. Ородруин)

Огненные Подвалы — Chambers of Fire (см. Шаммат Наур)

Одинокая гора — Lonely Mountain (см. Эребор)

Озерный Город — Lake City (см. Эсгарот)

Окно Заходящего Солнца — Window of the Sunset (см. Эннет Аннун)

Опоясывающие горы — Encircling mountains

Ород-на-Тон — Orod-na-Thon

Ородруин — Orodruin (см. Амон Амарт, Огненная гора, Роковая гора)

Ортханк — Orthanc (см. Гора-Клык)

Осгилиат — Osgiliath (см. Звездная Цитадель)

Оссир, Оссириланд — Ossiriand

Паленая Просека — Bonfire Glade *(хоб.)*

Парт Гален — Parth Galen

Пеларгир — Pelargir *(гонд.)*

Пеленнор — Pelennor *(гонд.)*

Пепельные горы — Ashen mountains (см. Эред Литтох)

Перепутье — Crossroads *(гонд.)*, Waymoot *(хоб.)*

Перетопь — Overbourn Marshes *(хоб.)*

Пиннат Гелин — Pinnath Gelin

Плато Троллей — см. Эттенмур

Площадь Фонтана — Court of the Fountain *(гонд.)*

Под Башнями — Undertowers *(хоб.)*

Подгорная — Underharrow, деревенька под Дунгарой

Подгорное королевство — Kingdom Under the Mountain

Покинутая корчма — Forsaken Inn

Поле Битвы — Battle Plain (см. Дагорлад)

Порос — Poros, река

Последнее Убежище, Последний Приют — Last Homely House (см. Дом Элронда)

Правобережье — см. Форлиндон

Приворотная — Gate Stream (см. Сиранона)

Прилесье — Chetwood *(бриг.)*

Приреченский Пруд — Bywater Pool *(хоб.)*

Приречье — Bywater *(хоб.)*

Проклятое Ущелье — Haunted Pass (см. Кирит Горгор)

Пронырная улица — Bagshot Row *(хоб.)*
Проход Тарланга — Tarlang's Neck *(гонд.)*
Прямые Ступени — Straight Stair

Райвендел — Rivendell (см. Имладрис)
Раммас Экор — Rammas Echor *(гонд.)*
рат Динен — rath Dinen (см. улица Молчания)
рат Келердайн — rath Celerdain (см. улица Фонарщиков)
Раурос — Rauros, водопад
Река — The Water *(хоб.)*
река Энтов — Entwash River
Репейный Ручей — Thistle Brook *(хоб.)*
Рингла — Ringlo *(гонд.)*
Рованион — Rhovanion (см. Дикие Земли, Дикий Край)
Рогатая Башня — Hornburg *(рох.)*
Рог-остров — Tindrock (см. Тол Брандир)
Родниковый грот — Wellinghall
Розгобель — Rhosgobel
Роковая гора — Mount Doom (см. Ородруин)
Роковые Расселины — Cracks of Doom
Рохан — Rohan (см. Рубежный Край)
Роханский Проход, Роханский Разлом — Gap of Rohan
Рубежный Край — Mark (см. Рохан)
Рудаур — Rudaur, часть Арнора

Рунийские земли — Rhun
Рунное море — sea of Rhun

Сад Ортханк — Treegarth of Orthanc
Сарн Гебир — Sarn Gebir (Каменные Кости)
Светлая — Limlight river
Северная чверть — Northfarthing *(хоб.)*
Северное королевство — North Kingdom
Северные Пустыни — Northern Waste
Северные Ступени — North Stair
Северные Холмы — North Downs
Северный Город Королей — King's Norbury (см. Форност)
Серая — Greyflood, река (см. Гватло)
Серая Гавань — Grey Havens (см. Мифлонд)
Серебряный — Silvertine (см. Зирак-Зигил)
Серебринка — Silverlode (см. Келебрант)
Серна — Serni *(гонд.)*, река
Серые горы — Grey mountains (см. Эред Мифрин)
Синие горы — Blue Mountains (см. Эред Луин)
Сиранона — Sirannon (см. Приворотная)
Сирит — Sirith, река в Гондоре
Скала Стоянка — Carrock
Слупки — Stock *(хоб.)*
Слупянка — Stock-Brook *(хоб.)*
Смертный Горб — Death Down *(рох.)*

Среднеземье — Middle Earth (см. Эндор, Эннор)
Стальные Врата — Steel Gate (см. Удун)
Старая корчма — Old Guesthouse
Староюжный тракт — Old South road
Старый лес — Old Forest *(хоб.)*
Стенки — Scary *(хоб.)*
Столбовое Нагорье — Tower Hills
Столп Дарина — Durin's Stone
Сторожевая гора — Hill of Guard, отрог Мин-доллуина
Сторожевая Крепость — Tower of Guard (см. Минас Тирит)
Сторожевой трон Королей — High Seat
Сторожевой Лес — Watchwood
Стоянка — см. Скала-Стоянка
Страна Бессмертных — Undying Land
Страна Заката — the Twilight
Страна Звезды — Land of the Star, Нуменор
Страна Тени, Страна Тьмы — Land of Shadow (см. Мордор)
Ступени Димрилла — Dimrill Stair
Ступенчатый водопад — Stair falls

Тангородрим — Tangorodrim
Тарбад — Tharbad
Тасаринан — Tasarinan
Тауреморна — Tauremorna

Тауреморналомэ — Tauremornalome
Таур-на-Нельдор — Taur-na-Neldor
Текучая — Running River (см. Кельдуна)
Темногоры, Темногорье — Mountains of Mirkwood
Темнолесье — Mirkwood (см. Великое Зеленолесье, Зеленолистая Пуща, Эрин Ласгален)
Теснина Хельма — см. Хельмская Теснина
Тирион — Tirion
Тол Брандир — Tol Brandir
Толстоброд — Budgeford *(хоб.)*
Тол Фалас — Tol Falas *(гонд.)*
Топкий Дол — Marish *(хоб.)*
Торба-в-Холме — Bag-End Under Hill
Торех Унгол — Torech Ungol (см. Логово Шелобы)
тракт — road
трактир у Моста — Bridge Inn
Трезубец — Thrihyrne
Трехчвертный камень — Three Farthing Stone, центр Хоббитшира
Тропа Умерших — Path of the Dead
Тукборо — Tuckborough *(хоб.)*
Туков Вал — Tookbank *(хоб.)*
Тумладен — Tumladen
Тупик Шарки — Sharkey's End

Тусклый — Cloudyhead (см. Фануидхол)
Тэрн Гортэд — Tyrn Gorthad

Удун — Udun *(морд.)*
Узкополье — Tighfield *(хоб.)*
Укромное местечко — Ivy Bush, трактир в Хоббитшире
улица Молчания — Silent street (см. рат Динен)
улица Фонарщиков — Lampwrights' street (см. рат Келердайн)
Умбар — Umbar
урочище Димгол — Dimholt
Устье Андуина — Mouth of Anduin (см. Этир Андуин)

Фангорн — Fangorn (см. лес Энтов)
Фануидхол — Fanuidhol (см. Бундушатхур, Тусклый, Шатхур)
Фен Холлен — Fen Hollen (см. Закрытая Дверь)
Фириеннат — Firiennath (см. лес Фириен)
Фириенфельд — Firienfeld
Фородваит — Forodwaith, Каменные Торосы
Форлиндон — Forlindon
Форност — Fornost (см. Норбур, Северный город Королей)
Форност Эраин — Fornost Erain
Форохел — Forochel (см. Ледовый Залив)

Фурунаргиан — Furunargian

Халифириен — Halifirien, гора
Харад — Harad
Харадваит — Haradwaith
Харлиндон — Harlindon
Харн — Harnen, река
Харондор — Harondor, Южный Гондор
Хауд-ин-Гванур — Haudh-in-Gwanur
Хельмская Теснина — Helm's Deep
Хельмские Ворота — Helm's Gate
Хельмский Вал — Helm's Dike
Хельмский Ручей — Deeping Stream
Хитрая голова — Cunning Mind (см. Ортханк)
Хляби — Wetwang, (см. Ниндальф)
Хмурая — Hoarwell (см. Митейтель)
Хоббитанка — Shirebourn, речка
Хоббиттаун — Hobbiton
Хоббитшир — Shire
Холлин — Hollin, Край Остролистов, см. Эрегион
Холм — the Hill *(хоб.)*
Холодные Холмы — Coldfells

Цитадель — Citadel

Чародейская Котловина — Wizard's Vale (см. Нэн Курунир, Долина Чародея)

чверть — Farthing *(хоб.)*, область Хоббитшира (всего их четыре)

Черная Башня, Черный Замок, Черная Крепость — Dark Tower (см. Барад Дур)

Черная Бездна — Black Pit (см. Мория)

Черные Врата — Black Gate (см. Стальные Врата и Моранноп)

Черный Камень — Black Stone (см. Камень горы Эрк)

Шаммат Наур — Sammath Naur (см. Огненные Подвалы)

Шатровые поляны — Woodhall (см. Лесной Чертог)

Шатры — Woodhall *(хоб.)*

Шатхур — см. Бундушатхур

Эвендим — Evendim (см. Нэнуйял)

Эдорас — Edoras *(рох.)*

Эдхолон — Edholon

Эйленах — Eilenach, гора

Эленна — Elenna

Эльдамар — Eldamar

Эльфов Кут — Standelf *(хоб.)*

Эмин Арнен — Emyn Arnen

Эмин Бэрэд — Emyn Beraid

Эмин Муйл — Emyn Muil, нагорье вдоль Ан-

дуина

Эндор, Эннор — Endore, Ennor (см. Среднеземье)

Энедвей — Enedwaith, равнины

Эннет Аннун — Hennet Annun (см. Окно Заходящего Солнца)

Эофеод — Eotheod, родина Эорла

Эребор — Erebor (см. Одинокая гора)

Эрегион — Eregion (см. Холлин)

Эред Литтох — Ered Lithui (см. Пепельные горы)

Эред Луин — Ered Luin (см. Синие горы)

Эред Мифрин — Ered Mithrin (см. Серые горы)

Эред Нимрас — Ered Nimras (см. Белые горы)

Эрелас — Erelas, гора

Эрессея — Eressea (см. Заокраинный Запад, Затерянный Остров, Вечновечерний Край)

Эри — Erui *(гонд.)*

Эриадор — Eriador

Эрин Ласгален — Eryn Lasgalen, Зеленолистая Пуща (см. Темнолесье)

Эрк — Erech *(гонд.)*

Эсгальдуна — Esgalduin

Эсгарот — Esgaroth (см. Озерный город)

Этир — Ethir

Этир Андуин — Ethir Anduin (см. Устье Андуина)

ина)

Эттенмур — Ettenmoors, плато Троллей
Эфел Дуат — Ephel Duath (см. горы Тени)

Южная чверть — Southfarthing *(хоб.)*
Южные Холмы — South Downs
Южный Проселок — South Lane *(хоб.)*

Ямки — Deephallow *(хоб.)*

3. Разные слова на разных языках

август — см. ведмат, уримэ, уруи

агх — agh, тень, тьма *(ор.)*

адуйял — aduial, вечерние сумерки *(синд.)*

Айглос — Aiglos, копье Гил-Гэлада, ледяное острие

Акаллабет — Akallabeth, книга о падении Нуменора

алкарин — alcarin, прославленный

алф — alph, лебедь

алфей — alfirin, трава в Лебенине

альда — alda, дерево *(кв.)*

альдуя — alduya, день Двух Деревьев, 4-й день недели *(кв.)*

амон — amon, гора (множ. эмин — emyn) *(синд.)*

ампа — ampa, крюк *(кв.)*

амрун — amrun, восход, восток *(синд.)*

анарья — anarya, день солнца, 2-й день недели *(кв.)*

анга — anga, железо *(кв.)*

ангертас — angerthas, усовершенствованный алфавит Даэрона

анда — anda, дерево *(кв.)*

андаит — andaith, знак долготы звука

андо — ando, ворота *(кв.)*

Андрил — Anduril, меч Арагорна (см. Пламя Запада, Нарсил)

андрос — andros, длинный пенный вал *(синд.)*

андунэ — andune, закат, запад *(кв.)*

анка — anca, челюсти *(кв.)*

анна — anna, дар *(кв.)*

анн-теннат — ann-tennath, вид эльфийской песни

аннун — annun, закат, запад *(синд.)*

анор — anor, солнце

анто — anto, рот *(кв.)*

апрель — см. астрон, вирэссе, гвирит, читинг

арда — arda, область, место *(кв.)*

Аркенстон — Arkenstone, Камень Камней

арэ — are, солнечный свет *(кв.)*

аста — asta, месяц *(кв.)*

астар — astar (ед. ч. asta), календарные месяцы у нуменорцев

астрон — astron, апрель *(хоб.)*

афелас, асеа араниON — athelas, asea aranion (см. королевские листья)

аха — aha, ярость *(кв.)*

аш — ash, один *(ор.)*

бал — bal, мощь, сила *(кв.)*

Багровая тьма — Udun's fire, огонь Удуна

Бакбургская побудка — Horn-call of Buckland

баназир — banazir, простак *(хоб.)*

барук — baruk, топор *(гн.)*

Белое Древо — White Tree (см. галатилион, нимлот, тельперион)

Белый Совет — White Council

битва у брода через Исену — Battle of the fords of Isen

битва Дагорладская — Battle of Dagorlad

битва за Обоз — Battle of Camp

битва на Вершине — Battle of the Peak

битва на Зеленых полях — Battle of GreenFields

битва на полях Гондора — Battle of the Fields of Gondor

битва на полях Пеленнора — Battle of the Pelennor fields

битва под Деревьями — Battle under the Trees in Mirkwood

битва при Келебранте — Battle of the Field of Celebrant

битва Приреченская — Battle of Bywater

битва Пяти воинств — Battle of Five armies

блотмат — blotmath — ноябрь (искажения: боммат, бодмат — bom-math, bodmath) *(хоб.)*

блутинг — blooting, ноябрь *(бриг.)*

Боргиль — Borgil, красная звезда

ботл — bottle, жилище *(хоб.)*
бурзум — burzum, темнота *(ор.)*

вала — Vala (множ. ч. валар — Valar), сила высшего духа, духовное начало
валинья — valinya, день валар *(кв.)* (см. Тарион)
валиэ — Valie, вала женского рода
ведмат — wedmath, август *(хоб. и бриг.)*
Великая Тьма, Великая Тень — Great Darkness, Great Shadow
Великий Мор — great Plague
весна — см. туилэ, этуиль
вестрон — westron (см. всеобщий язык)
вечерник — evendim, вечерние сумерки *(хоб.)*
вилья — vilya, воздух, небо *(кв.)*
Вилья — Vilya, Кольцо Воздуха с голубым камнем
вирэссе — viresse, апрель *(кв.)*
Война за Кольцо — War of the Ring
воскресенье — см. звездень, оргилион, эленья
всеобщий язык — common speech (см. вестрон)
Всехоббитский сбор — Shire-moot
вторник — см. исилья, лунень, оритиль
высень — highday (арх. высокдень — highdei), 7-й день недели *(хоб.)*

галаб — galab, зверек, дичь *(хоб.)*

галад — galadh, дерево *(синд.)*

галатилион — galatilion (см. Белое Древо)

галена — galenas (см. трубочное зелье)

гваэрон — gwaeron, март *(синд.)*

гвирит — gwirith, апрель *(синд.)*

Гибель Гил-Гэлада — Fall of Gil-Galad, баллада

гиритрон — girithron, декабрь *(синд.)*

Глаз, Красный Глаз, Неспящий Глаз — lidless red Eye

Гламдринг — Glamdring (см. Лупило, Молот сокрушающий врага), меч Гэндальва

Голодные годы — Days of Dearth

гон — расстояние перехода или переезда «одним духом», вместо league

гонд — gond, камень *(кв.)*

Гронд — Grond (см. Молот Преисподней)

гросс — one gross, число 144, двенадцать дюжин

Гутвин — Gutwine, меч Эомера

гхаш — ghash, огонь *(ор.)*

гымбат — gimbat, найти *(ор.)*

дакил — dacil, победитель

Давние дни — Younger Days

двадцатик — in his tweens *(хоб.)*, возраст перед совершеннолетием

декабрь — см. гиритрон, доюл, рингаре, юлмат

День Дарина — Durin’s Day, последнее осеннее полнолуние

день Середины лета — Midsummer day (см. лит)

Дни Странствий — Wandering Days

Долгая зима — Long winter (см. Злая зима)

Долгодонские листья — Longbottom leaves, сорт табака

долит — forelithe, июнь *(хоб.)*

дорожный хлеб — waybread (см. лембасы)

доюл — foreyule, декабрь *(хоб.)*

древень — trewsday (арх. древодень — trewesdai), 4-й день недели *(хоб.)*

дуин — duin, поток *(кв.)*

дум — dum, двор (гн.)

дун — dun, запад *(кв.)*

Дунаданская Звезда — the Sar of the Dunedain

дунн — dunn, темный *(рох.)*

дурбат — durbat, управлять *(ор.)*

Единое Кольцо — The One Ring (см. Кольцо Всевластья)

Ежегодник Тукборо — Year-Book or Tuckborough (см. Желтая Книга)

Жало — Sting, меч Бильбо

Жезл Ануминаса, серебряная ветвь — Sceptre of Annuminas, silver rod

жезл магический — magic wand
жезл наместника — white rod
Железная корона — Iron crown
Желтая Книга — Yellowskin Book
залит — afterlithe, июль *(хоб.)*
Западное войско — host of the West
Запрет валар — Ban of the valar
заюл — afteryule, январь *(хоб.)*
Звезда Феанора — Star of the house of Feanor
Звезда Элендила — Star of Elendil (см. Элендилмир)
Звезда Юга — Southern Star, сорт табака
звездень — sterday (арх. звездодень — sterrendei), 1-й день недели *(хоб.)*
Звездная Сеть — The Netted Stars (см. Реммират)
Звездный флакон — Star Phial, Elvenglass (см. Флакон Галадриэли)
Зеркало Галадриэли — Mirror of Galadriel
зима — см. рив, хривэ
зимовер — wintring, октябрь *(бриг.)*
зимогряз — winterfilth, октябрь *(хоб.)*
Злая зима — Fell winter (см. Долгая зима)
Золотое Древо — Golden Tree (см. лаурелин)
Золотце — Precious (см. Сокровище), из лексикона Голлума

Зрящие Камни — Seeng Stones, палантиры (см. Камни)

иваннет — Iyanneth, сентябрь *(синд.)*
игра в загадки — riddle game
исиль, итиль — Ithil, луна
исилья — isilya, лунный день, 3-й день недели *(кв.)*
истари — istari, знающие *(кв.)*, маги
истинное серебро — truesilver (см. мифрил)
итильдин — ithildin, лунное молчание, тайнопись
июль — см. кервет, кермие, летник, перелит
июнь — см. долит, лит, нарлие, норул

йаванние — iavannye, сентябрь *(синд.)*
йавас — iavas, осень *(синд.)*
йаве — yave, плод *(кв.)*
йавие — yavie, осень *(кв.)*
йавиэре — yaviere, осенний вставной день
йанта — yanta, мост *(кв.)*
йен — yen, большой год у эльдар
йеста — yesta, начало *(кв.)*
йестаре — yestare, первый добавочный день года
казад — khazad, гномы (гн.)
календарь — reckoning of years, счет годов

кали — kali, веселый *(хоб.)*
калма — calma, лампа *(кв.)*
Камень — Stone, (см. палантир)
Камень из Итилиэна — Ithilstone, лунный
Камень Минас-Тирита — Stone of Minas-Tirith
Камень Ортханка — Orthanc Stone
квелле — quelle, предзима, увядание *(кв.)*
квенья — quenya, язык эльфов Высокого рода
квессе — quesse, перо *(кв.)*
келеб — celeb, серебро *(кв.)*
кервет — cerweth, июль *(синд.)*
кермие — cermie, июнь *(кв.)*
кертар, кирт — certar, cirth, алфавит нольдор (см. руны Даэрона)
Книга Знаний — Book of Lore
Книга Тана — Thain's Book (см. Красная Книга)
койрэ — coire, предвесна, пробуждение *(кв.)*
кольцепрыга — springle-ring, хоббичий танец
Кольцо Власти — Ruling Ring
Кольцо Всевластья — Ring of Power (см. Единое Кольцо)
Кольцо Воды — см. Нэньа
Кольцо Воздуха — см. Вилья, главное из эльфийских
Кольцо Огня — см. Нарья
коранар — coranar, солнечный год эльдар (см.

лоа)

кормаре — cormare, день кольца, новый день в календаре Гондора

королевские листья — king'sfoil (см. афелас)

Красная Книга Западного Приграничья — Red Book of Westmarch (см. Книга Тана)

Красная Стрела — Red Arrow, весть беды *(гонд.)*

крымпат — krimpat, связать *(ор.)*

Кусачий — Biter (см. Оркрист)

ламбэ — lambe, язык *(кв.)*

лаирэ — laire, лето *(кв.)*

лас — las, лист *(кв.)*

лассе-ланта — lasse-lanta, предзима, опадание листьев *(кв.)*

лауре — laure, золотой *(кв.)*

лаурелин — laurelin, золотое дерево

лаэр — lear, лето *(синд.)*

лембас — lembas (см. дорожный хлеб)

леоф — любимый *(рох.)*

летник — the Summerdays, июль *(бриг.)*

лето — см. лаирэ, лаэр

летогряз — summerfilth, шуточное название несуществующего месяца *(хоб.)*

ливифрон — lebethron, ценная порода дерева *(гонд.)*

линнод — linnod, вид эльфийского стиха вроде

висы

лит — lithe, вставной день летом *(хоб.)*, а также июнь у бригорян (см. Середина лета)

лоа — loa, солнечный год эльдар (см. коранар, солнцеворот)

лотрон — lothron, май *(синд.)*

лотэссе — lotesse, май *(кв.)*

лоэнде — loende, средний день года между месяцами *(нум.)*

лува — luva, дуга, лук *(кв.)*

луг — lug, змея *(синд.)*

лунень — monday (арх. лунодень — monendei), 3-й день недели *(хоб.)*

Лупило — Beater (см. Гламдринг)

май — см. лотрон, лотэссе, тримидж, фримидж

маллос — mallos, трава в Лебенине

мальта — malta, золото *(кв.)*

манахт — manacht, месяц *(хоб.)*

март — см. гваэрон, рет, сулимэ

меде — mede, вставные летние дни у бригорян

Междоусобная война — Kin-strife

Менельвагор — Menelvagor, созвездие Орион (см. Небесный Меченосец)

менелья — menelya, небесный день, 5-й день недели *(кв.)*

месяц — см. аста, манахт

метта — metta, конец *(кв.)*

меттаре — mettare, последний добавочный день года у нуменорцев

меч из Могильников — Barrow blade

минас — minas, башня *(кв.)*

мир — mir, драгоценный камень *(кв.)*

мирувор — miruvor, эльфийский живительный напиток

мифрил — mithril, серый блеск, (см. истинное серебро)

мичел — michel, большой *(хоб.)*

Молот Преисподней — Hammer of the Underwold (см. Гронд)

Молот Сокрушающий Врага — Foe-Hammer (см. Гламдринг)

морень — mersday (арх. моредень — meresdei), 6-й день недели у хоббитов

мэллон — mellon, друг

мэллорн — mallorn (множ. мэллирн — mellyrn), эльфийский ясень

назг — nazg, кольцо (ор.)

намариэ — namarie, прощай *(кв.)*

нарбелет — narbeleth, октябрь, предзима, закат *(синд.)*

нарваин — narwain, январь *(синд.)*

нарвинье — narvinye, январь *(кв.)*

наркве́лье — narquelie, октябрь *(кв.)*

нарлие — narlie, июнь *(кв.)*

Нарсил — Narsil, краснобелое пламя, меч Элендила (см. Андрил)

Нарья — Narya, огненный, Кольцо Огня, с красным камнем

нвальмэ — nwalme, мучения *(кв.)*

небень — hensday (арх. небодень — hevensday), 6-й день недели *(хоб.)*

Небесный Меченосец — Swordsman of the Sky, созвездие Орион

(см. Менельвагор, Телумехтар)

неделя — см. энквие

никотиана — nicotiana (см. трубочное зелье)

нимлот — nimloth (см. Белое Древо)

нин — nin, вода *(хоб.)*

нинуи — ninui, февраль *(синд.)*

нифредилы — niphredil, мелкие белые цветы

нольдо — noldo, умный, старейший *(кв.)*

норул — norul, июнь *(синд.)*

ноябрь — см. блотмат, блутинг, хисимэ, хитуи

нумен — numen, запад *(кв.)*

нэнимэ — nenime, февраль *(кв.)*

нэнуйял — предрассветные сумерки *(синд.)*

Нэнья — Nenya, водяной, Кольцо Воды, с белым алмазом

Окраинное зелье — Southlinch, сорт табака

октябрь — см. зимовер, зимогряз, нарбелет, нарквелие

ораварон — oravaron, 6-й день недели *(синд.)*

оранор — oranor, 2-й день недели *(синд.)*

орбелайн — orbelain (см. родин), 6-й день недели у эльдар и 7-й у нуменорцев *(синд.)*

оргалад — orgalad, день древа, 4-й день недели *(синд.)* (см. альдеа)

оргаладад — orgaladhad, день Двух Деревьев, 4-й день недели *(синд.)*

оргилион — orgilion, 1-й день недели *(синд.)*

оритиль — orithil, 3-й день недели *(синд.)*

Оркрист — Orcrist, меч Торина (см. Кусачий, Разитель Орков)

орменел — ormenel, 5-й день недели *(синд.)*

орэ — ore, сердце, внутренний разум *(кв.)*

осень — см. йавас, йавиэ

Охотничья Луна — Hunter's Moon

палан — palan, широко и далеко *(кв.)*

палантир — palantir (см. Зрящий Камень)

памятки — evermind, цветы на курганах (см. симбельмины)

парма — parma, книга *(кв.)*

перегод — yuletide, Большой юл, праздничные вставные дни между декабрем и январем *(хоб.)*

перелит — overlithe, настоящая Середина лета *(хоб.)*, (см. лит, Середина лета)

Песни о Деяниях, Песни о Давних днях — Rhymes of Lore

питье энтов — Treebeard's draught

Пламя Запада — Flame of the West (см. Андрил)

Погибель Дарина — Durin's Bane

Погибель Исилдура — Isildur's Bane

понедельник — см. анарья, оранор, солдень

Последний Союз (людей и эльфов) — Last Alliance (of elves and men)

Правила, Правила порядка — The Rules, в Хоббитшире

Праздник — the Party, день рождения Бильбо

предвесна, пробуждение — см. койрэ, экуир

предзима, увядание — см. квелле, лассе-ланта, нарбелет, фирит

Призрачный мир — Wraith world

пукелы — pukel-men; идолы в лесах Белых гор

пятница — см. валинья, морень, тарион

Разитель Орков — Goblin Cleaver (см. Оркрист)

рана — rana, луна *(кв.)*

ранугад — ranugad, домосед *(хоб.)*

рассыпушки — stonecrop, желтые цветочки

ре — re, день *(кв.)*

рем — rem, сеть *(кв.)*

Реммират — Remmirath (см. Звездная Сеть)

рет — rethe, март (хоб. и бриг.)

рив — rhiw, зима *(синд.)*

рингаре — ringare, декабрь *(кв.)*

родин — rodyn (см. орбелаин)

ромэн — romen, восток *(кв.)*

Румильский тенгвар — tengwar of Rumil (см. Феанорское письмо)

рун — rhun, восток *(синд.)*, см. амрун

руны Даэрона — Daeron's runes (см. кертар, кирт, ангертас)

Свободная ярмарка — Free Fair, у хоббитов ежегодно

сдача — mathom, лишние вещи для подарков и музея *(хоб.)*

Семейное Дерево — Party Tree *(хоб.)*

Семь Камней — the Seven Stones (см. палантиры)

сентябрь — см. иваннет, йаванниэ, урожайник, халимат

Середина лета — Midsummer (см. лит, перелит)

серый корабль — grey ship (см. синдакирья)

Сильмарилы — Silmarili, великие камни, изготовленные Феанором

сильмэ — silme, звездный свет

симбельмины — simbelmyne (см. памятки)

синда — sinda, серый

синдарин — sindarin, язык Серых эльфов

смайел — smial, хоббичье жилище, разветвленная нора, яма *(хоб.)*

снага — snaga, раб *(ор.)*

Совет Дэнетора — Council of Denethor

Совет Мудрых — Council of the Wise

Совет у Элронда — Council of Elrond

Сокровище — Treasure (см. Золотце), из лексикона Голлума

солдень — sunday (арх. солнцедень — sunnendei), 2-й день недели *(хоб.)*

солмат — solmath, февраль (искаженное сомат — somath) *(хоб.)*

солнцеворот — sun-round (см. лоа)

среда — см. альдуя, древень, оргалад, оргаладад

Старый Тоби — Old Toby, сорт табака

суббота — см. высень, ораварон, эаренья

суле — sule, дух *(кв.)*, (см. Туле)

сулимэ — sulime, март *(кв.)*

сумерки — см. адуйял, вечерник, нэнуйял, тиндомэ, ундомэ, утрок, эвендим

сухарник — cram

Сход энтов — Entmoot

тарион — tarion, день тарков (валар), 6-й день

недели у эльдар

тасарэ — tasare, ива *(кв.)*

Телумехтар — Telumehtar (см. Небесный Меченосец)

телько — telco, стебель, ствол *(кв.)*

тельперион — telperion (см. Белое Древо)

темар — temar, ряд *(кв.)*

тенгва — tengwa, буква *(кв.)*

тенгвар — tengwar, буквенный алфавит нольдор

Тень — Shadow

техтар — tehtar, значок при букве

тиндомэ — tindome, предрассветные сумерки *(кв.)*

тинко — tinco, металл *(кв.)*

тир — tir, смотрящий *(кв.)*

тонд, тхонд — thond, крыша *(синд.)*

Топор Дарина — Darin's Axe

торог — torog, тролль *(синд.)*

тримидж — thrimidge, май (искаженное тримилч, тримич — thrimilch, trimich)

трубочное зелье — pipeweed (см. галена, никотиана)

туилэ — tuile, весна *(кв.)*

туилере — tuilere, весенний вставной день *(кв.)*

туле — thule, дух (см. суле)

тхракат — thrakat, приводить *(ор.)*
тьеллер — tyeller, степень *(кв.)*
Тьма — Darkness (см. Тень)
тэлан — talan, платформа на дереве (см. флет)

Удун — Udun, преисподняя
ук — uk, весь, все *(ор.)*
ул — ul, они, их *(ор.)*
умбар — umbar, судьба *(кв.)*
унгвэ — ungwe, паутина *(кв.)*
ундомэ — undome, вечерние сумерки *(кв.)*
унквэ — unque, пустота *(кв.)*
ур — ur, жара *(кв.)*
уримэ — urime, август *(кв.)*
урожайник — harvestmath, сентябрь *(бриг.)*
уруи — urui, август *(кв.)*
утрок — morrowdim, утренние сумерки *(хоб.)*

фараз — faraz, золото
Феанорское письмо — Feanorian letters, эльфийская вязь, усовершенствованный Румильский тенгвар
февраль — см. нинуи, нэнимэ, солмат
фирит — firith, предзима, увядание *(синд.)*
флакон Галадриэли — Phial of Galadriel (см. Звездный флакон)
флет — flet, платформа на дереве (см. тэлан)

формен — formen, север, правый *(кв.)*
фород — forod, север *(синд.)*
фрери — frery, январь *(бриг.)*
фримидж — thrimidge, май *(бриг.)*
халимат — halimath, сентябрь *(хоб.)*
харад — harad, юг *(синд.)*
харма — harma, сокровище *(кв.)*
хвеста — hwesta, ветерок *(кв.)*
Херугрим — Herugrim, меч Феодена
хисимэ — hisime, ноябрь *(синд.)*
хитуи — hithui, ноябрь *(синд.)*
хифлен — hithlain, лунное волокно
хлот — hlot, двухкомнатная нора *(хоб.)*
хлотрама — hlothrama, хуторянин *(хоб.)*
хлотран — hlothran, хутор, ряд норок *(хоб.)*
Хоббитские Хроники — Hobbitlore, Shire Records
холла — holla, высокий *(кв.)*
хоранье — horanye, столетие *(нум.)*
хривэ — hrive, зима *(кв.)*
хьярмен — hyarmen, юг, левый *(кв.)*

цветок мечты — Dreamflower (см. Эланор)

чары Моргула — Morgul-spell
четверг — см. менелья, небень, орменел
черная речь — black speech, орчий язык

Черная Рука — Black Hand
Черная Тень — Black Shadow
черное помрачение — black breath, black shadow
Черные Годы — Accursed Years
Черный Камень — Black Stone (см. Камень горы Эрк)
Черный мор — Dark Plgue
читинг — chithing, апрель у бригорян

шарку — sharku, старик *(ор.)*
Эарендил — Earendil, вечерняя звезда
эаренья — earenya, 6-й день недели нуменорцев, морской
эвендим — evendim, вечерние сумерки *(хоб.)*
эдорас — edoras, хоромы *(рох.)*
эдро — edro, откройся *(кв.)*
экуир — echuir, предвесна, пробуждение *(синд.)*
эл, элен — el, elen, звезда *(кв.)*
эланор — elanor, желтый цветок (см. цветок мечты)
Элендилмир — Elendilmir, Звезда Элендила, камень во лбу короля
эленья — elenya, 1-й день недели *(кв.)*
эльфийский — elven
эмин — emyn, горы *(гонд.)*
эмун — emun, горы *(синд.)*

эндери — ender, осенние добавочные дни *(кв.)*
энквие — enquie, неделя у эльдар
эо(х) — eo(h), лошадь (др. англ.)
эпоха — age
эссе — esse, имя *(кв.)*
эстел — estel, надежда *(кв.)*
этуиль — ethuil, весна *(синд.)*
эфел — ephel, наружная стена, ограда

юл — yule, вставной день перед началом года *(хоб.)*
юлмат — yulemath, декабрь *(бриг.)*

январь — см. заюл, нарваин, нарвинье, фрери.

ГОСУДАРСТВА
В НИЗОВЬЯХ АНДУИНА
В ТРЕТЬЮ ЭПОХУ
Лориэн
Ковыльный Дол
Великая река Андуин
в Темнолесье
БУРЫЕ ЗЕМЛИ
в Хитлум
ИСЕНГАРД
Нагорье Дистошь
р. Светлая
Ангорн
Восточный Эмнет
Западный Эмнет
в Дикие Земли
поле битвы Дагорлад
Камень мнил
Тесьма
Тельма
Эзорас
Река Лебяжья
Река Энтон
Амон Хен
Раурос
Мертвые топи
р. Исена
Зеленый тракт
Река Мертвая
Хлэби
РОУАН
ИТИЛИЗИН
Эред Нимрас
Белые горы
Ламедон
Анориэн
о. Кайр Андрос
Эред Литтох
Перевал Северный
БАРАДЗИЛЬР
СРЕДЗИЛЬ
плато Горгорот
Перевалы
Обза
Минас Моргул
Река Изен
Река Ринглет
Эдораз
Лебенин
Лоссарнах
Лоссарнахский пролив
Южный Итилиэн
МОРДОР
море Нурн
НУРНЫ
Эфел Дуат
Горы Тени
Ю
АНФАЛАС
ГОНДОР
Эйлэнор
Пеларгир
Этир Андуин
Дол Амрот
Тол Фалас
р. Андуин
переправа
в Умбар
в Харад

ЗДЕСЬ КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА ЗА
Кольцо
Дагорлад
Восточный Эмнет
Западный Эмнет
Эмин Муил
Амон Хен
Мёртвые топи
в Дикие Земли
Лес Фангорн
Теснина Хельма
Дунгарское Укрытие
Эдорас
Западный тракт
ручей Мериег
Рохан
Анориэн
Итилиэн
о. Кайр Андрос
Халифириен
Каяэнхед
Мин-Риммон
Эрейас
Эред Нимрас
Пеларгир
Проход Тарлангса
Калембел
Нардол
Дремучий лес
Амон Лин
Осгилиат
Белые горы
Лебенин
Гондор
Эдхолон
Лоссарнах
Минас Тирит
Поле битвы
Южный Итилиэн
Лингир
Этир Андуин
Дол Амрот
Тол Фалас
р. Андуин
Эфел Дуат (горы Тени)
Моргайа
Мордор
Нурны
море Нурн
Моранион
Дуртханг
Удун
Эред Литтох (Пепельные горы)
Эннет Ангун
Барад-дур
Кирит Унгол
Ородруин
плато Горгорот
Перевалы
Мифас Моргул
Обуз
переправа
в Умбар
в Харад